

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + Refrain from automated querying Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at http://books.google.com/

АЗІАТСКАЯ

POCCIA.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ

ГЕОГРАФИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ,

составленный преподавателями географіи

А. Круберомъ, С. Григорьевымъ, А. Барковымъ и С. Чефрановымъ.

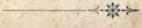
II изданів,

исправленное и дополненное,

Т-ва И. Н. Кушнеревъ и Ко.

1-е изданіе Уч. Ком. М. Н. П. допущено въ учен. бибд. средн. и старш. возр. гими., мужск. и женск., реальн. уч., учит. инст. и семин. и въ безпл. народн. библ. и чит.

Уч. Ком. М. Фин. рекомендовано какъ сборникъ, полезный для чтенія.

F2'

Дозволено цензурою. Москва, 23 іюля 1905 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

1. Степи съвернаго Кавказа—А. К				_
9. Кубанскіе казаки — Апостокова			•	. 1
3. Пятигорскъ.—По Васюкову				
4. Военно-Грузинская дорога. — По Дубянскому, Владыкину, Фылип				
5. Восхожденіе на Казбекъ.—А. Пастухова				. 37
6. У осетинъ.—Россиковой		•		. 47
7. За сернами и турами.—Динника		•		. 55
8. По Сванетін.—Каневскаго				. 59
9. Сванеты. — А. Краснова				. 73
10. Сочи.—Его же		•		. 78
11. По Чороху.—Е. Маркова и Ковалевскаго				. 90
12. По Закавказской жельзной дорогь.—Е. Маркова		•		. 96
13. Майданъ въ Тифлисв. — Филиппова				. 103
14. Сельская жизнь въ Грузін.—А. Лейста			•	. 112
15. Въ Нагорномъ Дагестанъ.—Россикова				. 123
16. Природа восточнаго Закавказья.—А. Краснова				. 134
17. Въ царствъ нефти. Е. Маркова				. 140
18. У персидской границы. — Динника				. 154
19. По средне-азіатской желёзной дорогё.—По А. Кауфману и Шев	зченк	o-K	ipa-	-
сногорскому				. 160
20. Туркмены. — Шевченко-Красногорского			•	. 173
21. Въ окрестностяхъ Чарджуя Э. Циммермана			'.	. 178
22. Бухарскій правдникъ.—Свирского				. 184
23. Сарты. — По И. Гейеру и Б. Тагвеву				. 190
24. Самаркандъ. — А. Краснова				. 202
25. Памятники Самарканда. — Е. Маркова				. 207
26. Природа Кизилъ-Кумовъ. — А. Никольского				. 216
27. Черевъ Алай.—А. Волконскаго				. 227
28. На "Крышт міра".—М. Воскобойникова				. 237
29. Ташкентъ.—А. Кауфмана				. 249
30. У подножья Ханъ-Тенгри.—А. Краснова				. 259
31. Додина Иссыкъ-Куля.—По А. Краснову				. 269
32. На южныхъ берегахъ Балхаша. — А. Краснова				. 274
33. Черезъ Кара-Кумы.—Сорокина				. 282
34. Въ низовьявъ Аму-Дарьи А. Никольскаго				. 294
35. На Аральскомъ морв. — Изъ А. Берга и А. Никольского				. 300
36. Усть-Уртъ.—А. Никольскаго				. 307
37. Въ киргизскихъ степяхъ. — М. Леваневскаго				. 316
38. Киргизы.—По Зеланду, А. Краснову и др				. 324
39. Киргизская байга.—А. Ивановскаго				. 333
40. Въ степномъ крав. П. Головачева				. 339
41. Въ Семипалатинской области К. Носилова	,	_		. 346
42. Въ глуши Алтая.—А. Краснова Digitize.	d by 🕻	9)(. 354

	Cmp.
	364
	370
11.	384
K2'	
Y	
\	ار از باز باز باز باز باز باز باز باز باز
1,0	419
29	- ін А. Коротневу, К. Носилову
1	425
	437
	• · · · · · · · · 443
	-грева 453
	530
	553
	sec
Дозволено в	
	Hipeniepa
	предария краф.—Его же
	урискато врам.—Его же
	500
: S (
, //88	₀ 15
۰ د وي	
:121	ТЕЛЬ РИСУНКОВЪ.
111011	
_	AAAA WI HIIVR MUDTOVA!
盐	отдільных влистахь:
	1
, ME	
. 200	140
· 13-	Digitized by C188
• •	208
	NPO115

		mp.
10.	Улица въ русской части Ташкента	250
11.	Гора Бълуха въ Алтав	362
12.	На Оби	382
13.	Иркутокъ	432
14.	Сибирскіе крестьяне	462
		474
	Шаманъ	554
	По Уссурійской жельзной дорогь	576
	and a copposition management working a contract of the contrac	•••
	Ministration and organizations of statements	
	Въ текстъ:	
	D 7	
	Видъ на Бештау взъ Желевноводска	15
	Дарьяльское укрыпленіе	26
	Въ Дарьяльскомъ ущельв	27
	Горскій аудъ близъ Военно-Грузинской дороги	31
	Млетскій спускъ	33
	Селеніе Анануръ	35
7.	Баксанскій ледникъ	3 9
8.	Казбекъ	45
9.	Горное ущелье въ Осетія	49
10.	Осетивке	53
11.	Каменный обваль въ ръкъ	63
	Гора Ушба въ Сванетіи	71
	Грузинки	91
	Гурійская изба	99
	Персіянивъ торговецъ въ Тифлисъ	106
	Тифлисъ	109
	Грузинки	119
	Видъ въ Дагестанъ	125
	Сланцевое ущелье въ Дагестанв	127
	Женщины изъ Дагестана	133
	Валаханы	136
	Пожарь въ Черномъ городъ	151
	Кизик-Арвать	165
	Закаспійская степь	170
		177
	Туркмены	
	Знатный таджикъ	191
	Богатый сарть	196
	Сартянка	197
29.	Дервишъ	201
	Мінялы въ Самаркандів	205
	Медрессе Шаръ-Даръ	211
	Гробница Тимура	215
	Каракиргизскія жонщины	233
	Киргизскія могилы на Памирѣ	237
	На Памиръ	239
	Перевозка терескена	241
	Стоянка на Памиръ	245
38.	. Памирскіе киргизы	247

	City.	
	Улица въ туземной части Ташкента	
40.	Каракиргизы на верблюдахъ	
	Видъ въ Семиръченской области	
	Станція въ Кара-Кумахъ	
	Киргизская дівушка	
	Киргизъ	
	Въ Алтайскихъ горахъ	
	Кочевье адтайцевъ	
	Алтаецъ	
48.	Видъ въ Алтай.,	
	Тобольскъ	
	Берегь Иртыша	
51.	Переселенческій лагерь блязь станцін желізной дороги 389	
52.	Самовды	
53.	Остячка	
54.	Инородки Тобольской губерній	
55.	Мость черевъ Енисей	
56 .	Видъ на Забайкальскую желевную дорогу	
57.	Жельная дорога въ доливь рыки Хилови	
5 8.	Переваль черезь Яблоновый хребеть	
59.	Промывка волота	
	Золотопромывальная машяна	
61.	Отвовъ руды	
62.	Лагерь прінскателей	
63.	Желевная дорога по берегу Ангары	
	По Кругобайкальскому тракту	
65.	Видъ въ Саянскихъ горахъ	
66 .	Паромъ-ледоколъ на Байкалъ	
67.	Бурятка	
6 8.	Буряты	
69.	Видъ въ Забайкальв	
70.	Бурятскій дацанъ	
71.	Бурятскіе мовахи	
72.	Городъ Верхне-ангарскъ въ Забайкальъ	
73.	Якуты	
	На Витимскихъ золотыхъ прівскахъ	
75.	На Витимъ	
76.	Тунгусы	
77.	Стойбище тунгусовъ	
	Юкагирскія женщины	
	Молодан чукчанка	
	Ведовыя собаки	
	На берегу Охотскаго моря	
	На Амуръ	
	Бухта Владивостока	
	Видъ Владивостока	
	Орокъ	
	Дъти геляковъ	_
	THIRKS HE OXOTE Distinct by CT 6225	ŀ

ПРЕДИСЛОВІЕ КО ІІ-му ИЗДАНІЮ.

Второе изданіе сборника «Азіатская Россія» является нісколько изміжненным и дополненным сравнительно съ первымь. Нікоторыя статьи выпущены и заміжнены другими, добавлены новыя статьи, относящіяся къ русским владініям въ Азіи и поміщенныя въ первомъ изданіи сборника «Азія». Описаніе полярных областей Азіи читатели найдуть въ печатающемся въ настоящее время П-мъ изданіи сборника «Австралія», гді будеть поміщень особый отділь, посвященный полярнымь странамъ.

Москва. 18 іюля 1905 г.

Digitized by Google

Съ съвера къ главному Кавказскому хребту и его предгоріямъ примыкаетъ общирное ровное степное пространство, на западъ сливающееся со степями черноморскими, а на востокъ со степями астраханскими. Все это степное пространство по своей природъ дълится общирнымъ и довольно высокимъ (до 700 метр. надъ уровнемъ моря) Ставропольскимъ плоскогорьемъ, составляющимъ водораздълъ между ръкою Кубанью и притоками Терека, на двъ части: на восточное—сухое, по преимуществу песчаное, мъстами безводное, и на западное — черноземное и обильно орошаемое многочисленными ръчками. На съверъ плоскогорье постепенно понижается уступами и тянется далеко въ степь по направленію къ Ергенямъ. Тъмъ не менъе ръзкой границы между степями приазовскими и прикаспійскими не существуетъ, да и быть не можетъ, такъ какъ и тъ и другія были не слишкомъ давно залиты двумя морями, здъсь соединявшимися.

Приазовская степь на съверъ отъ Кубани представляеть совершенно ровную поверхность, слабо покатую къ свверо-западу. Всв особенности степи, которыя такъ пленяють и очаровывають человека, проявляются здісь въ высшей степени. Безпредільная степь! Человінь чувствуєть себя затеряннымъ среди этого необъятнаго ровнаго пространства, мъстами ровнаго настолько, что глазъ видить на двадцать и болве версть вокругъ себя; съ многочисленныхъ же кургановъ, въ безпорядкъ разсъянныхъ по степи, кругозоръ увеличивается еще болве. Свободныхъ луговъ, покрытыхъ травою и цвътами, осталось здъсь однако мало. Огромныя запашки вытеснили дикорастущія травы, такъ что многіе виды ихъ по всей въроятности уже перестали существовать. Многіе жители еще помнять, какъ всюду разстилалась целинная почва, покрытая бархатистымъ ковромъ злаковъ съ массою самыхъ разнообразныхъ цвётовъ и всюду распространенной полевой клубникой. Теперь уже не то. Плугъ земледъльца даль степи новую и своеобразную красоту. Всюду, куда хватить глазъ, лътомъ видны золотистые колосья пшеницы; можно прожхать десятки версть, и картина не изм'внится.

Хороша также степь во время уборки хліба. Многочисленные скирды и копны хліба стоять тогда настолько часто, что положительно загораживають горизонть. Всюду видністся дымокъ паровыхъ молотиловъ и часто попадаются усовершенствованныя земледівльческія орудія.

Почва прикубанских степей состоить въ большинствъ случаевъ изъ наносовъ, прикрытыхъ тучнымъ черноземомъ, да и въ дождяхъ здъсь недостатокъ бываетъ ръдко. Словомъ, всъ условія, благопріятствующія развитію земледъльческаго труда и осъдлой жизни, здъсь налицо. Обширныя деревни, людныя станицы, богатыя пастбища и обширныя пашни, все это напоминаетъ наши степныя черноморскія губерніи. Только видиъющіяся издалека очертанія Кавказскаго хребта видоизмѣняютъ картину.

Въ хорошую погоду верстъ за 200 и даже больше глазъ начинаетъ замѣчать на горизонтъ голубоватую, подернутую дымкой зубчатую полоску, которую легко смъшать съ облаками; только эти облака всегда одни и тъ же и всегда находятся на одномъ мъстъ. И надъ этой видимой полоской, значительно превышая ее, возвышается исполинскій конусъ Эльбруса, чудно розоваго цвъта по утрамъ и бълый въ остальное время дня.

По мъръ приближенія въ горамъ все яснье и яснье вырисовывается бълоснъжный гребень Главнаго хребта, а вмъсть съ тъмъ глазъ начинаеть ясно различать ущелья, овраги и гребни передовыхъ кряжей, стоящихъ какъ бы на стражъ и закрывающихъ основаніе Главнаго хребта. Эти передовые кряжи, возвышаясь иногда ярусами одинъ надъ другимъ и покрытые въ большинствъ случаевъ лъсомъ, придаютъ неизъяснимую прелесть ландшафту.

Съ удаленіемъ отъ моря и приближеніемъ къ Ставрополю характеръ мъстности измъняется. Страна становится болье холмистою и пересъкается многочисленными оврагами и балками, которые составляютъ положительное бъдствіе для населенія. Тамъ, гдъ вчера были огороды, сады, сегодня послъ ливня появляется глубокій оврагь, берега котораго ползуть, разрушаются и влекуть за собой обвалы построекь, такъ что жителямъ приходится все болъе и болъе отодвигаться передъ наступающимъ оврагомъ. Мъстами здъсь сохранились еще клочки дъвственной, никогда не паханной степи. Такіе участки уже издали можно замітить по більющему на нихъ ковылю. Иногда степь кажется на большія пространства фіолетовой отъ многочисленныхъ покрывающихъ ее цвътовъ шалфея, или желтой отъ какого-нибудь крестоцвътнаго растенія, или съдой, волнующейся перистымъ ковылемъ. Ни одного дерева и тът въ открытой степи, развъ что изръдка попадется кустикъ боярышника и то коряваго, неразвитого. Только по балкамъ, надъ ръчками вырисовываются небольшія рощицы изъ ясеня, клена, дуба, вяза, да нісколькихъ видовъ то-Digitized by GOOGLE поля и ивы.

По сторонамъ дорогъ растетъ болъе бурьянъ, который съ каждымъ годомъ занимаетъ все большія и большія пространства, покрываеть выгоны и глушитъ кормовыя травы и даже хлѣбъ. Сърая полынь, молочай, чертополохъ съ крупными красными цвѣтами, шандра, лопухъ и въ особенности осотъ и овсюкъ—вотъ представители этой растительности. Характернымъ растеніемъ этихъ степей являются также различные виды перекати-поля, которые съ наступленіемъ осени носятся по степи съ одного конца на другой, куда только погонитъ ихъ вѣтеръ, надламывающій у самаго корня эти круглые, какъ шаръ, вѣтвистые, легкіе и сухіе кустики.

Вдали отъ селеній и станицъ, на дівственныхъ участкахъ степи удобнъе всего также изучать и степную фауну. Прежде всего поражаеть обиліе различныхъ норъ, такъ какъ не только мелкія степныя животныя, а иногда и крупныя, какъ волкъ, устраиваютъ себъ норы въ землъ. Чаще всего встръчаются норы землероевъ, слъщовъ, тушканчиковъ, сусливовъ и хомяковъ. Изъ этихъ норъ прежде всего останавливаютъ вниманіе значительныя кучи земли, до фута и болье высоты, обязанныя своимъ происхождениемъ слъщамъ. Слъпецъ-единственное совершенно сявное животное нашей фауны. Даже у сявного крота глаза хотя и закрыты кожей, но все же замътны и просвъчивають черезъ кожу. У слеща же снаружи неть никакого признака глаза. Вся организація сатвица приноровлена къ подземной жизни. Слъпецъ роетъ съ изумительной быстротой и часто успъваеть уходить въ землю, уже будучи замъченъ. Въ безпрестанныхъ поискахъ за пищей, которую составляютъ главнымъ образомъ различныя луковицы и сочные коренья степныхъ растеній, слічнець проводить подъ землей безконечные ходы, направленіе которыхъ обозначается выброшенными наружу кучами земли. Собственно же жилище, представляющее небольшую камеру, устроено въ землъ гораздо глубже.

Изъ другихъ степныхъ млекопитающихъ слѣдуетъ упомянуть еще о земляныхъ зайчикахъ, или тушканчикахъ. Это—звѣрки съ чрезвычайно развитыми задними ногами, благодаря которымъ они прекрасно прыгаютъ; въ этомъ имъ помогаетъ также ихъ длинный довольно упругій хвостъ. При спокойномъ положеніи тѣла тушканчика онъ нѣсколько подпираетъ туловище, при быстрыхъ же поворотахъ во время бѣга служитъ превосходнымъ рулемъ. Изъ другихъ обитателей степи всюду встрѣчаются́ ящерицы, шныряющія въ травѣ и грѣющіяся на солнцѣ, высоко поднявъ свои головы.

Изъ птицъ на каждомъ шагу попадается большой степной жаворонокъ—эта наиболъе извъстная птица южно-русскихъ степей. По образу жизни онъ представляетъ много сходнаго съ нашимъ обыкновеннымъ жаворонкомъ; пъніе его однако гораздо лучше и громче. Онъ то трепещется надъ травой, то съ пъніемъ поднимается, описывая спираль. высоко въ воздухъ. Нъсколько ръже встръчаются щурки и розовыескворцы, усердно охотящіеся за саранчой. На розовыхъ скворцовъ смотрять здёсь съ некоторымъ благоговеніемъ. И действительно, эта птица. является неоцънимымъ союзникомъ человъка въ борьбъ со злъйшимъ. врагомъ земледълія на югъ — саранчой. Розовый скворецъ не только поъдаетъ массу саранчи, но еще большее число ея просто убиваетъ, такъчто народное повъріе даже объясняеть красновато-розовую окраску егоперьевъ покрывающею ихъ кровью. Щурки также истребляютъ громадное количество преимущественно крупныхъ насъкомыхъ. Полетъ шурокъ. такъ же красивъ и изященъ, какъ и ихъ наружность. Легкимъ воднистымъ полетомъ несутся онъ надъ степью; по временамъ то одна, тодругая какъ бы ныряеть въ травв и, схвативъ насвкомое, снова взмываеть кверху и проглатываеть его на лету. Въ густой травъ степей находять себ'в пристанище дрофы, стрепета, цізлыя стаи перепеловь и другихъ степныхъ птицъ, за которыми зорко слъдять многочисленныя хищныя птицы, плавно паря на недосягаемой высотъ.

На съверо-востовъ ставропольская возвышенность непримътно для: глаза опускается къ прикаспійской низменности и къ Манычамъ, и м'єстность становится все безводные и безводные. Здысь вы изобили встрычаются глинисто-солончаковыя или песчаныя пространства. Маловодныя степныя ріки Егорлыкъ и Калаусъ, направляющіяся къ Манычамъ, и Кума, не достигающая Каспійскаго моря, протекають по этимъ унылымъ. степямъ. Бездождное, жаркое лъто заставляеть все осъдлое население края селиться вдоль верховьевъ ръкъ: тамъ расположены и станицы и деревни; да и кочующіе здісь ногайцы, туркмены и калмыки літомъ 🤻 тъснятся поближе къ верховьямъ ръкъ. Зато на зиму всъ эти кочевники собираются къ Манычу, покрытому уже снъгомъ. Снъгъ тогда замъняетъ воду и для скота и для людей, а камыши и высокія травы, сохранившеся подъ снъгомъ, составляютъ кормъ для скота. Съ наступленіемъ весны тающіе снівга наполняють Манычь и сухія русла его притоковъ водою, которая держится въ теченіе нъсколькихъ недъль и даеть возможность кочевникамъ оставаться на мъсть еще нъкоторое время. Затьмъ все живое удаляется отсюда въ глубь степей отыскивать мъста, гдъ вода долье держится съ весны и гдъ есть болье сочныя травы, а не одна полынь. Правда, здёсь разбросаны многочисленныя озера, сохраняющія воду нер'вдко въ продолженіе всего льта, но всь они горько-соленыя, потому приносять мало пользы.

Солончаковые участки степи поражають своею мертвенностью и безжизненностью. Гладкая, какъ скатерть, поверхность далеко не всюду покрыта растительностью. Мъстами почва совершенно обнажена и покрыта въ сухую погоду бъловатымъ налетомъ соли Большая же часть

степи поросла ръдкими пучками травы, надъ которыми поднимаются довольно больше—свыше фута высотою—синевато-лиловые крупные касатики. Тамъ и сямъ разбросаны группы съровато зеленыхъ кустиковъ тамариска съ блъдно-фіолетовыми кистями цвътовъ. Въ другихъ мъстахъ степь сплошь покрыта низкорослою полынью. Фауна такихъ степей чрезвычайно бъдна, такъ какъ пронизанная солью почва неудобна какъ для вывода насъкомыхъ, такъ и для устройства звъриныхъ норъ. Цълыми часами идешь, и передъ глазами все одна и та же унылая и безотрадная картина.

Климатъ степей Предкавказъя вообще континентальный, при чемъ континентальность климата возрастаетъ въ направленіи съ запада на востокъ. Чёмъ дальше мёсто лежитъ къ востоку, къ Каспійскому морю, тёмъ сурове делается зима, жарче лёто, тёмъ меньше выпадаетъ осадковъ.

Весна въ приазовскихъ степяхъ наступаетъ рано; въ концѣ марта распускаются деревья и жители пашуть поля. Въ первой половинѣ апрѣля цвѣтутъ абрикосы, потомъ вишни, а въ концѣ апрѣля сирень. Средина и конецъ апрѣля—лучшее время года; вѣтровъ обыкновенно не бываетъ, и природа красуется въ своемъ вешнемъ убранствѣ. Лѣтнія жары (средняя температура іюля 23,8°, а иногда температура поднимается выше 35°) весьма постоянны и продолжительны; иногда по цѣлымъ недѣлямъ солнце жжетъ съ безоблачнаго неба. Хлѣбъ созрѣваетъ уже въ іюнѣ мѣсяцѣ. Въ іюлѣ степь выгораетъ, дѣлается бурою и безжизненною, и только многочисленные копны сѣна и скирды хлѣба нѣсколько разнообразятъ эту картину. Иногда по степи проносятся жгучіе сѣверовосточные вѣтры, чрезвычайно опасные для посѣвовъ, такъ какъ они сушатъ и портятъ хлѣбъ на корню. Въ это время небо покрывается мглою, солнце проглядываетъ въ видѣ краснаго диска и раскаленная пыль носится въ воздухѣ цѣлыми тучами.

Удушливый зной, приносимый этими вѣтрами, не прекращается и ночью, и тогда наступаетъ томительно-тягостное время для всего живущаго. Населеніе съ замираніемъ сердца ждетъ грозы, которая бы освѣжила воздухъ и очистила его отъ пыли. Грозы здѣсь бываютъ часты, но обыкновенно быстро проходятъ и только въ рѣдкихъ случаяхъ захватываютъ большое пространство. Небо тогда заволакивается густыми, мрачными тучами, изъ которыхъ безпрестанно сверкаетъ молнія.

Въ противоположность постоянству лѣтнихъ жаровъ, температура зимой сильно колеблется. Средняя температура самаго холоднаго мѣсяца около —8°; хотя возможны морозы и до 30°. Иногда въ январѣ и февралѣ стоитъ настолько продолжительная ясная и теплая погода, что почки набухаютъ на деревьяхъ; но тепло можетъ сразу смѣниться сильными морозами, и наоборотъ—послѣ морозовъ сразу наступаетъ оттепель,

разводя повсюду страшную грязь. Зимой такіе переходы не такъ опасны, какъ весной, когда морозы могуть истребить завязь на деревьяхъ и огородныхъ овощахъ.

На востовъ въ прикаспійскихъ степяхъ континентальность климата выражена еще ръзче. Кромъ того, прикаспійскія степи страдають отъ недостатка влаги, а потому осъдлая жизнь и культура возможны только вдоль ръкъ, которыя съ главнаго хребта и его отроговъ приносять влагу въ эти безводныя степи.

Самыми важными артеріями Предкавказья являются на запад'в р'вка-Кубань, впадающая въ Азовское и Черное море, а на восток'в Терекъ.

Начинаясь въ заоблачныхъ ледяныхъ пустыняхъ Эльборуса, на высотв 8.720 футовъ, Кубань бъшено вырывается изъ-подъ ледника Улукама, протекаетъ 680 верстъ и устьями своими соединяетъ два моря, Азовское и Черное, какъ бы не ръшаясь сдълать между ними окончательнаго выбора. Посрединъ теченія Кубань ръзко измъняетъ свое первоначальное съверо-занадное направленіе на юго-западное, а затъмъ западное. Удалившись далеко въ степь, Кубань, какъ бы испугавшись участи своей сосъдки Кумы, снова приближается къ горамъ, прижимаясь кънимъ своимъ нижнимъ теченіемъ.

Всё свои наибоже значительные притоки Кубань получаеть съ жевой стороны: таковы Большой и Малый Зеленчукъ, Урупъ, Лаба, Белая и другіе, тогда какъ съ правой стороны въ нее впадають только небольшія рёчки. Притоки жевой стороны въ своемъ теченіи бешено несутся между отвесными скалами, падая съ уступа на уступъ; они ревуть и мечутся въ своемъ каменистомъ ложе, сплошь усёянномъ валунами и камнями. Берега обыкновенно бывають настолько высоки и отвесны, что часто доступъ къ рёке совершенно невозможенъ, а иногдарёку даже трудно заметить среди стесняющихъ ее утесовъ.

Прорвавшись черезъ поясъ предгорій, рівки замітно становятся тише; ихъ вристальныя воды мутятся отъ приміси чернозема, но дно ихъ все еще усыпано мелкими, округленными камнями. Кромів камней, на рівків всюду встрівчаются карчи, т.-е. деревья, вырванныя съ корнемъ гдівнибудь выше и застрявшія въ мелкомів містів; около такихъ карчей тотчась же образуется нанось изъ песка и ила, превращающійся постепенно въ островъ. Но не долго существують такіе острова: достаточно новаго бурнаго наводненія, чтобы разрушить его и снести "карчу" внизъ по теченію, гді она снова останавливается, образуя новый островъ, пока, наконецъ, сломавъ нісколько мельницъ и мостовъ, она благополучно не добредеть до Кубани, гдів карчи составляють серьезное препятствіе судоходству. Такимъ же непостоянствомъ, какъ острова, отличаются и берега рівкъ. Часто бываеть достаточно незначительнаго загражденія близъ одного берега, чтобы вода устремилась къ другому и

быстро видоизмѣнила его. Въ нижнемъ теченіи характеръ рѣки измѣняется. Камни, устилавшіе дно, становятся все меньше и меньше и, наконецъ, исчезають. Вода въ рѣкѣ дѣлается очень мутной, желтовато-бурой, а при половодьѣ настолько грязной, что при питъѣ илъ хрустить на зубахъ. Берега становятся илистыми; они точно топоромъ обрублены, грязны и постоянно обваливаются, давая матеріалъ для образованія множества острововъ и мелей. Полоса земли вдоль берега изрѣзана многочисленными старыми и новыми рукавами, среди которыхъ образуется множество острововъ, озеръ и болоть, поросшихъ камышомъ и низкорослымъ лѣсомъ.

Верстахъ въ 60 ниже Екатеринодара р. Кубань раздвияется на двъ почти равныя части: собственно Кубань, сохраняющую свое направление къ западу, и р. Протоку, направляющуюся въ съверу и впадающую въ Азовское море.

Отдъливъ отъ себя Протоку и не доходя 8 верстъ до Актанизовскаго лимана Азовскаго моря, Кубань снова раздъляется на р. Переволоку, направляющуюся къ Актанизовскому лиману и Старую Кубань, направляющуюся на юго-западъ по Кубанскому лиману. Переволока до 1819 г. не существовала. Въ этомъ году жители прилежащихъ станицъ, желая опръснить соленые лиманы, прорыли изъ ръки Кубани къ Ахтанизовскому лиману каналъ, который быстро обратился въ главное русло р. Кубани, куда она сбываетъ теперь 3/4 своихъ водъ, удъляя Черноморскому руслу только 1/4 ихъ.

Въ своихъ низовьяхъ ръки Кубань и Протока текутъ по лабиринту лимановъ, озеръ и болотъ; берега ихъ изрыты многочисленными ериками т.-е. углубленіями наподобіе покинутыхъ руслъ рівкъ. Въ обывновенное время они сухи или же наполнены стоячей водой, но въ половодье кажутся настоящими руслами ръкъ. Послъ разлива вода въ ръкахъ застаивается, портится, зарастаеть и порождаеть массу бользней. Такое же вредное вліяніе оказывають и многочисленныя соленыя и прівсныя озера, лиманы и плавни въ дельтв рвки Кубани и къ свверу отъ нея до самаго устья Ен. Плавнями называются лиманы, поросшіе камышомъ. Они представляють такую глушь, о которой даже трудно составить себъ понятіе. На необозримое пространство тянутся дремучія заросли камыша и осокъ. Между камышомъ разрастаются другія болотныя растенія: водяныя лиліи, касатики съ большими желтыми цвітами, морской щавель, куга и водоросли. Однообразный шумъ камыша, достигающаго и сколькихъ саженъ высоты, полное безлюдіе кругомъ, милліарды комаровъ въ воздухъ-все это удручающе дъйствуеть на душу и заставляеть скоръе покинуть эти негостепріимныя м'аста. Зато цалая масса животныхъ находить здёсь пріють: въ особенности многочисленны водяныя и болотныя птицы; изръдка можно встрътить здъсь даже кабановъ. Но наибо лъе постоянные обитатели плавней-это лягушки и саранча.

Саранча находить здёсь всё благопріятныя условія для своего развитія: многочисленные островки теплой, влажной земли, куда она можетъ складывать свои яички, и обильный кормъ весною и лётомъ. Въ обыкновенные годы саранча довольствуется плавнями и вылетаетъ лишь незначительными партіями, но въ годы, благопріятные для нея, когда бываетъ теплая зима и сухое, жаркое лёто, саранча размножается въ такомъ количестве, что необъятными тучами, затмевающими солнце, разсвивается далеко отъ мёста своего происхожденія, поражая иногда даже такія отдаленныя губерніи, какъ Воронежская, Рязанская, Черниговская и другія.

Чтобы избавиться отъ саранчи или расчистить місто для молодыхъ побітовъ, а иногда и просто для потітхи, жители поджигають раннею весною или позднею осенью эти камышевыя заросли. Огненное зарево по ночамъ и густой дымъ днемъ застилають весь горизонть и придають какой-то величественный и страшный колорить всему окружающему.

Кром'в Кубани и ея притоковъ, приазовская степь орошается еще степными ръками, которыя получають свои воды изъ ключей на незначительной высотъ надъ уровнемъ моря и медленно пробираются среди низкихъ иловатыхъ береговъ; таковы: Егорлыкъ, впадающій въ Манычъ, Ея, Челбасъ, Бейеучъ, Кирпили и другія. Въ нижнемъ теченіи онъ расширяются въ лиманы, которые тянутся на цълые десятки верстъ. Весною, въ особенности послъ снъжныхъ зимъ, воды степныхъ ръкъ бываютъ болье обильны и свъжи, лътомъ же, благодаря многочисленнымъ запрудамъ, устраиваемымъ казаками для приведенія въ движеніе мельничныхъ колесъ, ръки эти распадаются на рядъ стоячихъ озеръ, вода которыхъ загниваетъ и покрывается зеленью, а берега зарастаютъ камышомъ и другими болотными растеніями.

Восточная часть степей ствернаго Кавказа орошается ртвой Терекомъ. Выйдя на равнину около города Владикавказа, Терекъ принимаетъ цтлый рядъ притоковъ съ наиболте высокой центральной части Кавказа, каковы, напримтръ: Ардонъ, Урухъ, Баксанъ и Малка, и затти круто поворачиваетъ на востокъ, направляясь къ Касшійскому морю. Степямъ принадлежитъ только среднее и нижнее теченіе этой ртви. Берега Терека въ среднемъ теченіи и его притоковъ обрамлены непрерывной каймой лтва, имтющаго однако скорте характеръ высокаго кустарника, такъ какъ крупныхъ деревьевъ встртвается очень мало. Зато эти заросли, состоящія изъ самыхъ разнообразныхъ породъ, преимущественно изъ дуба, клена, липы, терна, лещины, дикой груши, различныхъ ивъ и лоховника, настолько густы, что пробраться черезъ нихъ почти невозможно. Опушку этого лтва составляютъ непролазныя заросли сжевики, мтетами сплошь увитыя дикимъ хмелемъ.

Длинный рядъ казачьихъ станицъ протянулся по левому берегу

средняго Терека—этой естественной границы между Русью и горцами еще и до настоящаго времени, тогда какъ по скатамъ горъ, спускающихся къ правому берегу, лъпятся убогія сакли горцевъ.

Терекъ въ среднемъ теченіи является уже довольно широкой рівкой, а съ пріемомъ сунжанскихъ водъ, отличающихся уже на глазъ по своему желтому цвіту отъ біловатыхъ водъ Терека, ширина его увеличивается и колеблется отъ 150—200 саж.

Тамъ, гдѣ рѣка пробъгаетъ въ мягкихъ наносныхъ берегахъ, она почти ежегодно мѣняетъ свое русло, какъ бы гудяя по сравнительно широкой рѣчной долинѣ, смывая одни острова и наметывая новые. Терекъ выноситъ изъ горъ громадное количество валуновъ, но большая часть ихъ осаждается уже въ началѣ средняго теченія рѣки и только немногіе перекаты мелкой гальки встрѣчаются ниже устья Сунжи. Въ нижнемъ теченіи Терекъ несетъ только мелкую муть, количество которой настолько велико, въ особенности послѣ дождей и во время половодья, что вода получаеть грязно-желтый цвѣтъ.

Изъ этихъ же наносовъ образована вся дельта Терека—низкое болотистое мѣсто, по которому пробѣгаетъ цѣлый рядъ рукавовъ рѣки. Три сѣверныхъ рукава бѣгутъ на сѣверъ, чтобы впасть въ Брянскій култукъ Каспійскаго моря, два южныхъ идуть на востокъ— въ Агра-ханскій заливъ. Вся дельта Терека, а также прилежащія части побережья Каспія, за исключеніемъ воздѣланныхъ пространствъ, представляетъ непроходимыя чащи изъ тростника, ситника, различныхъ осокъ и кустарниковъ, представляющихъ раздолье для животнаго міра. Многочисленныя черепахи грѣются на солнцѣ, сидя на берегу или на выдающихся изъ воды древесныхъ стволахъ и корягахъ. Безчисленное количество различныхъ мелкихъ пташекъ оживляютъ заросли. Здѣсь еще водятся фазаны, а олени встрѣчаются стадами головъ въ тридцатъ. Кабаны находятъ себѣ обильный кормъ въ необъятныхъ заросляхъ камыша и куги, а обиліе различной дичи и птицъ привлекаетъ сюда и ихъ злѣйшихъ враговъ: камышеваго кота (Felis chaus) и шакала.

Оригинальною особенностью рукавовъ является то, что близъ поселеній и воздівланныхъ пространствъ берега ихъ ограждены высокими валами, или гатями, такъ что средній уровень водъ находится выше окружающей низины. По этимъ гатямъ, усаженнымъ съ объихъ сторонъ громадными деревьями, преимущественно ветлами и чернымъ тополемъ, а также шелковицей, проходятъ дороги. Во время разливовъ сообщеніе только и возможно по насыпямъ, такъ какъ все остальное пространство превращается въ необозримое море. Случается, что літомъ, когда идетъ снітовая вода съ горъ, насыпи не выдерживаютъ напора водъ, которыя прорываются и топятъ всі окрестности. Гибнутъ поля, луга и селенья, гибнуть цінные виноградники. Во время прорывовъ валовъ все населеніе

поголовно бросается на зад'ялку прорвы—наравить съ мужчинами работаютъ женщины и подростки, работаютъ упорно, спасая себя отъ грозящихъ имъ б'ядствій.

Какъ ни замедлено теченіе въ рукавахъ дельты Терека, воды бѣгутъ здѣсь все еще съ довольно большой быстротой, и та муть, которуюнесеть рѣка, далеко не вся осаждается въ предѣлахъ русла рѣчныхъ
протоковъ; часть наносовъ отлагается дальше, на днѣ заливовъ моря, и
образуеть подводныя косы и мели. Съ теченіемъ времени изъ этихъмелей образуются острова—"колки", которые затѣмъ и сливаются съ
выдвигающимся все дальше и дальше въ море "мягкимъ берегомъ" Каспія. Здѣсь, въ дельтѣ Терека, можно ясно прослѣдить побѣдоноснуюборьбу суши съ водами.

Какъ ни обильны водами ръки Кубань и Терекъ, онъ не приносятъ населенію той пользы, которую могли бы приносить при болье тщательномъ за ними уходъ. По Тереку, можно сказать, не существуетъ судоходства, а по Кубани хотя и ходять пароходы до города Екатеринодара, но рейсы ихъ имъютъ совершенно случайный характеръ. Терекъ важенъ еще по своему рыболовству, отданному въ исключительное пользованіе терскому казачьему войску. Рыбные же промыслы по Кубани не имъютъ большого значенія. Главная роль этихъ ръкъ однако заключается въ томъ, что по нимъ и ихъ притокамъ издавна расположились первыя русскія поселенія — казачьи станицы, еще сравнительно недавно служившія опорнымъ пунктомъ для движенія русскихъ въ глубь Кавказа.

Въ восточныхъ прикаспійскихъ степяхъ, страдающихъ недостаткомъ атмосферныхъ осадковъ, все населеніе естественно стремится селиться вдоль рѣкъ, такъ какъ здѣсь только и возможно земледѣліе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и осѣдлая жизнь.

Кубанскіе казаки.

(Апостолова.)

Главную массу населенія Кубанской области составляють казаки. Въ 1792 году императрица Екатерина II даровала послѣ войны съ Турцей остаткамъ прежняго запорожскаго войска добрую треть нынѣшней Кубанской области со всяваго рода угодьями и рыбными ловлями. Впослѣдствіи къ этому первоначальному ядру населенія присоединились еще донскіе казаки и выходцы изъ Украйны, а также изъ великорусскихъ деревень. Первоначально эти поселенцы получали такое же устройство, какъ и казаки, и основывали новыя казачьи станицы, — полувоенныя, полуземледѣльческія общины, растянувшіяся вдоль Кубани и Лабы и

служившія главнымъ средствомъ къ оборонів и опорнымъ пунктомъ для военныхъ дійствій противъ горцевъ.

Послѣ покоренія и умиротворенія Кавказскаго края было разрѣшено всѣмъ лицамъ не-казачьяго званія пріобрѣтать недвижимую собственность во владѣніяхъ казачьихъ войскъ. Съ этихъ поръ потекла мирная колонизація края, продолжающаяся и до сихъ поръ. Потянулись отовсюду таборы переселенцевъ: тутъ были и земледѣльцы, и искатели приключеній, и гонимые судьбой на родинѣ, и торговцы, и промышленники, и чиновники. Какихъ только народностей не встрѣчается въ этомъ массовомъ потокѣ! Тутъ можно встрѣтить и меланхолическаго полтавца, и бойкаго ярославца, и смышленаго рязанца, и неуклюжаго тавричанина, и латыша, и поляка, и грека, и армянина, и другихъ, явившихся сюда съ своним нарѣчіями и привычками.

Кром'в станицъ, возникли поселенія новаго типа, въ отличіе отъ первыхъ, называемыхъ просто селеніями. Но громадное большинство пришлаго народа разм'встилось по казачьимъ станицамъ и по численности своей почти уже сравнялось съ кореннымъ казачьимъ населеніемъ.

Положеніе этихъ переселенцевъ однако довольно неопредъленное. Съ одной стороны, они необходимы казакамъ: они оживляють промыш-ленность и торговлю края; безъ нихъ казаки, отвлекаемые военной службой, не въ состояни были бы обработать свои земли. Съ другой стороны, казаки чувствують себя стесненными громадной массой "иногороднихъ", какъ здёсь зовутъ новыхъ пришельцевъ, которые, не имъя ни пяди собственной земли; живуть все-таки недурно. Отсюда вражда между казаками и иногородними, на которыхъ казаки смогрятъ свысока. Принимались иногда стеснительныя мъры противъ последнихъ, безсильныя однако остановить потоки переселенцевъ.

Несмотря на весьма разнородные элементы, вошедше въ составъ кубанскаго казачества, нельзя не замътить, что вся область представляетъ нъчто цъльное въ характеръ, образъ жизни, нравахъ, обычаяхъ и міровоззръніи. Малоруссы и великоруссы отлично уживаются здъсь рядомъ и нигдъ нельзя замътить такого интереснаго сліянія этихъ народностей, какъ именно въ Кубанской области. Въ особенности это замътно въ станицахъ со смъщаннымъ населеніемъ. Во многихъ случаяхъ положительно трудно отличить малоросса отъ великорусса. Даже типъ населенія однородный.

Кубанцы—средняго роста, худощавы, со смуглымъ цвътомъ лица; волосы на головъ стригутъ очень коротко, но запорожскіе чубы прекратили свое существованіе еще въ началь прошлаго стольтія; теперь большинство носитъ бороду, и даже на крайнемъ западъ малороссійскіе усы встръчаются все ръже и ръже. Женщины пользуются значительной свотодой. Казаки вообще женятся рано (18—19 лътъ) и вскоръ уходятъ

на военную службу, такъ что все хозяйство ведется женою, которая и является полною хозяйкой, что, конечно, способствуетъ выработкъ физической силы и смълости характера. Въ прежнее тревожное время женщинамъ очень часто приходилось съ ружьемъ въ рукахъ защищать свою станицу и свое жилище. При первыхъ звукахъ набата и пушки всъхъ малолътнихъ дътей отводили за церковную ограду, а подростки и женщины становились въ ряды защитниковъ, такъ что и теперь еще встръчаются женщины, которыя могутъ хорошо ъздить верхомъ и стрълять изъ ружья.

Языкъ кубанцевъ довольно своеобразный. Малорусское нарѣчіе даже въ наиболѣе однородныхъ станицахъ подверглось значительному вліянію великорусскаго, заимствовавъ у послѣдняго много оборотовъ и словъ. Въ свою очередь измѣнилась и великорусская рѣчь. Часто даже трудно бываетъ различить, на какомъ нарѣчіи говорятъ, —до того великорусская рѣчь пестритъ малорусскими словами и оборотами, какъ, напримѣръ: "сѣять жито (рожь), ѣхать по воду, выпить горѣлки (водки), красна дѣвчина, построить хату" и т. д.

Одежда мужчинъ по всей области одинаковая, заимствованная у горцевъ. Она состоить изъ черкески, одъваемой поверхъ бешмета. На поясъ носять кинжаль, а на груди газыри (въ родъ патронташа). На голову одъвають невысокую барашковую шапку (папаху), а обувью служать сапоги. Эту одежду носять всъ, даже подростки и старики, но мальчики обыкновенно ходять въ одномъ бешметъ безъ кинжала. Одежда женщинъ состоитъ изъ обыкновенной юбки, кофточки великорусскаго покроя и платка на головъ, и все это яркихъ цвътовъ.

Что же касается характера, образа жизни, нравовъ и обычаевъ жителей, то въ этомъ отношении вся Кубанская область представляеть настоящую Малороссію.

Казачье населеніе живеть въ станицахь и хуторахъ, а въ городахъ коренныхъ казаковъ нѣтъ. Типъ станицъ почти одинаковъ. По большей части онѣ поражають своею общирностью. Есть станицы, имѣющія больше 10.000 населенія. Въ центрѣ селенія среди площади обыкновенно красуется бѣлая церковь, часто очень красивой архитектуры; здѣсь же находятся станичное правленіе и школа. Одна изъ улицъ, пересѣкающихъ площадь, съ лучшими постройками, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, называется "Красной".

Дома казаковъ средняго достатка устраиваются обыкновенно въ двѣ комнаты съ балкончикомъ; крыши дѣлаются изъ камыша, соломы, а иногда и желѣза. Каковъ бы ни былъ домъ: деревянный, турлучный или камышевый, маленькій или большой, онъ обязательно обмазывается глиною и бѣлится мѣломъ, а ставни и косяки дверей раскрашиваются охрой и синькой. Если домъ принадлежитъ малороссу, то при домъ

непремънно есть садикъ, у великоросса же его часто не бываеть. Это явленіе можеть даже до нъкоторой степени служить показателемъ на-родности. Если станица вся въ садахъ, такъ что издали представляется лъсомъ, то это върный признакъ, что туть въ значительномъ числъживуть малороссы; если же станица почти лишена растительности, значить населеніе ея исключительно великорусское.

Любимою пищей кубанскихъ казаковъ является сало, борщъ, вареники и галушки, а во время постовъ—тарань, небольшая сушеная рыба, милліонами расходящаяся въ области. Изъ напитковъ употребляются водка, пиво, кислыя щи, которыя вмъстъ съ хлъбомъ составляють иногда единственное блюдо населенія, а въ послъднее время стало распространяться и мъстное вино, весьма низкаго качества.

Народные малорусскіе обычаи: колядки, щедрованіе и др., распространены здісь повсюду. Но въ особенности интересно прослідить, какъ уживается вмісті великорусскій общинный строй со стремленіемъ малороссовъ къ обособленію. Здісь обі стороны взаимно уступили другь другу. Съ одной стороны, у казаковъ въ области господствуеть общинное землевладініе, а съ другой — каждый молодой казакъ, только что оженившійся, старается сейчась же отділиться отъ родителей и обзавестись отдільнымъ хозяйствомъ.

Стремленіе къ обособленности проявляется также въ томъ, что казакъ и на своемъ временномъ владѣніи стремится обзавестись въ степи шалашомъ, сараемъ, а иногда и хатой, куда перевозить все свое семейство и достояніе и часто даже разводитъ садикъ. Общиные же порядки не ограничиваются только землевладѣніемъ, но играютъ большую роль во всей жизни казака. Станичное самоуправленіе шире крестьянскаго, такъ какъ оно въдаетъ дѣла не только гражданскія, но и военныя, какъ-то: о нарядѣ казаковъ на службу, распредѣленіи ихъ въ конницу или пѣхоту, о постройкѣ палатокъ для лагерей, о доставленіи имъ топлива во время лагерныхъ сборовъ; ходатайствуетъ объ отпускѣ казаковъ со службы по причинѣ болѣзни домочадцевъ или по случаю пожара и т. д.

Главнымъ источникомъ благосостоянія казачьяго населенія служить земледівліе. Такъ какъ поля находятся вообще далеко отъ станицъ, то жители обыкновенно съ самой ранней весны, какъ только сойдетъ снівть, отправляются въ степь, гдів выстраивають себів балаганъ (кошъ) и живуть тамъ все время до выпаденія снівга, такъ что въ станицахъ лівтомъ остается очень мало народу. На западів всюду стога сіна и скирды хлівба складываются и оставляются въ полів, домой же везуть только обмолоченный хлівбъ въ видів зеренъ.

Казаки обыкновенно засъвають такъ много хлъба, что убрать его собственными средствами не въ состояни, а потому они всегда нужда-

ются въ рабочихъ рукахъ. Для удовлетворенія этого громаднаго спроса изъ внутренней Россіи идуть на Кубань массы рабочихъ. Впрочемъ, въ нъкоторые годы урожай бываеть такъ великъ, что пришлые рабочіе не въ состояніи убрать полей и часть хліба остается на корню. Вслідствіе этого въ посліднее время жители стали обзаводиться усовершенствованными земледівльческими орудіями, число которыхъ съ каждымъ годомъ возрастаеть.

Молотьба теперь почти повсюду производится молотилками, и только въ более бедныхъ станицахъ молотять хлебъ довольно оригинальнымъ способомъ, который прежде былъ распространенъ повсеместно: среди поля на ровномъ месте вытаптывается токъ (гладкая площадка, лишенная растительности) и обильно поливается водой, чтобы все трещины въ земле исчезли. На приготовленной такимъ образомъ площадке разстилается несколько копенъ хлеба, по которымъ и ездятъ кругомъ въ повозкахъ, запряженныхъ лошадьми и быками. Передъ обработкой земля не удобряется; навозъ обыкновенно складывается въ кучу около станицъ и сжигается. Сжигается также и солома, оставшаяся после молотьбы хлеба. Интересную картину представляеть степь въ конце поля и въ начале августа, когда она покрывается тысячами огней отъ множества зажженныхъ скирдъ соломы.

Хлѣбопашество помѣшало развитію другихъ видовъ промышленности. Только въ послѣднее время жители стали обращать вниманіе на разведеніе виноградниковъ и фруктовыхъ садовъ.

Главивійшею отраслью хозяйства послів земледілія остается скотоводство, однако сильно измінившееся по сравненію съ прошлымъ. Прежде оно было любимымъ занятіемъ казаковъ, и громадные табуны лошадей и стада рогатаго скота бродили по необозримымъ кубанскимъ стенямъ. Черноморскій скотъ и въ особенности лошади, гитадыя съ золотистымъ отливомъ, на кріпкихъ стальныхъ ногахъ, съ могучей шеей и спиной, были извістны далеко за преділами области. Теперь табунное скотоводство пало. Правда, количество скота увеличилось, но онъ распреділенъ равномірніте среди населенія и служитъ какъ необходимое подспорье для хлібопашества.

Всѣ другія занятія играють уже второстепенную роль въ жизни казачьяго населенія.

Пятигорскъ.

(По Васюкову и др.)

Душно въ вагонъ. Душно и многолюдно, особенно въ III классъ. Начало іюня, Курьерскій поъздъ прямого сообщенія Москвы со станціей "Минеральныя Воды" останавливается на каждой маленькой станціи и принимаетъ всъхъ мъстныхъ пассажировъ въ наполненные и переполненные больными вагоны. Влъзаютъ и слъзаютъ люди на станціяхъ, ночью и днемъ безпокоя усталыхъ и невыспавшихся путешественниковъ. Поъздъ мчится по необозримымъ богатымъ степямъ съвернаго Кавказа. Какая ширь! Степь сливается съ горизонтомъ. Ръдко попадаются селенія, но какъ просторно они раскинулись по ръчкъ; бълыя хаты далеко угопаютъ въ зелени своихъ садиковъ. По объимъ сторонамъ дороги едва колеблется отъ вътра плотная сильная пшеница. Кое-гдъ ее смъняетъ ячмень. Необозримы хлъбныя поля, глазъ устаетъ глядъть на цълое море хлъба. Пестры и могучи степныя травы!.. Сколько цвътовъ среди высокой сочной зелени,—ярко-пунцовые высоко подняли свои головки и граціозно покачиваютъ ихъ надъ голубыми и лиловыми своими товарищами, которые притаились и заплелись среди зеленыхъ и сочныхъ стеблей травы.

Хороша и необозрима могучая степь. Чисть, ароматень воздухь, жизнь всюду сквозить и рвется наружу... Вьются и поють въ воздухъ жаворонки, высоко плавають хищники; то здѣсь, то тамъ перелетають съ мѣста на мѣсто легкія красивыя птички въ цвѣтныхъ нарядахъ... Цѣлые милліоны кузнечиковъ стрекочуть въ травъ. Вся степь, весь ея воздухъ наполнены радостнымъ ликованіемъ.

Тянется, разстилается степь, и мчится по ней повздъ, все ближе и ближе подвигаясь къ югу, къ началу кавказскаго горнаго хребта... Нетерпъне охватываетъ пассажировъ. Станція смъняетъ станцію. Стали попадаться характерные типы горцевъ. Вотъ букеты душистыхъ розъ...

- Мама, смотри, я тебѣ букетъ купилъ, вбѣгаетъ съ пучкомъ бѣлыхъ и розовыхъ розъ радостный гимназистъ. Мать съ наслажденіемъ смотритъ и вдыхаетъ аромать юга.
 - Мама, пять копеекъ стоитъ! добавляетъ мальчикъ.

Вотъ вдали, справа дороги, что-то показалось и скрылось снова за горизонтомъ. Вагоны спускались ниже, мы перевзжали черезъ мостъ небольшой ръчки. Въ вагонъ прекратились разговоры. Пассажиры, видимо, находятся всъ подъ вліяніемъ чудной природы: одни высунулись изъ оконъ, другіе стоятъ на площадкахъ вагоновъ. Ждутъ, когда покажутся горы...

Потадъ завернулъ вправо, объткалъ отлогій холмъ и сталъ медленно подниматься въ гору.

- Воть гора!.. Смотрите, какъ чудная и острая!—увидёль первый гимназисть.
- Кинжалъ-гора! проговорилъ вхавшій въ вагонь армянинъ. Дъйствительно, справа пути показалась одинокая, скалистая, какъ бы съ острымъ шпицемъ, сравнительно небольшая гора. Она стояла сиротливо, въ степи, у ея подножія пріютилось селеніе.
 - Смотрите, еще горы... много, большія горы!—радостно кричаль

гимназистъ, и вся его тщедушная фигурка выражала искренній восторгъ.

Впереди показалась Верблюдъ-гора, за ней Зменая, дальше Железная и, наконецъ, красавецъ Бештау...

Удачны и характерны названія горъ. Д'вйствительно, словно гигантскій верблюдъ б'вжить или хочеть б'вжать на с'вверъ по далекой степи. Зм'виная гора тянется по вершин'в снизу вверхъ причудливыми перевалами, напоминающими зм'вю въ ея движеніи. Жел'взная гора меньше прочихъ, она вся сплошь покрыта л'всомъ. За ней гордо возвышается

Видъ на Бештау изъ Желѣзноводска.

Бештау; на вершинъ его застыло красивое облако и будто шапкой покрыло голову гиганта; будто дъти-подростки, стоятъ около него другія, меньшія вершины. Въ теченіе цълаго часа или болъе мы любуємся этой живописной группой горъ.

— Станція "Минеральныя Воды"!—восклицаетъ кондукторъ. Пассажиры спъшатъ покинуть ненавистные вагоны.

Черезъ часъ подается другой поъздъ, мъстный, имъющій сообщеніетолько со станціями минеральныхъ водъ, до Кисловодска включительно. Вагоны легкіе, внутри устроены по-дачному, площадки вагоновъ повсюду обтянуты для безопасности кожей. Повздъ тронулся, пассажиры съ жадностью смотрять на окрестности. Мы медленно приближаемся къ ст. Бештау, которая отстоить отъ Жельзноводска въ пяти верстахъ. Приближаемся медленно, потому что кругомъ идутъ работы. Насыпи то и дъло сползають отъ дождей, то тутъ, то тамъ портятся пути. Повздъ идетъ среди густого дубняка. Чудный горный воздухъ волной врывается въ больныя усталыя легкія. Бештау во всей своей красъ развернулся передъ нами; по другую сторону зеленъетъ миловидный и граціозный Машукъ.

Мы спускаемся въ ст. Пятигорскъ. Повздъ огибаетъ Машувъ. Высоко на крутомъ склонъ горы, среди темной зелени лъсовъ бълъетъ памятникъ, поставленный на предполагаемомъ мъстъ дуэли Лермонтова.

Пятигорскъ расположенъ по берегу ръки Подкумка съ одной стороны и по подошев горы Машука съ другой, свверной, стороны. Гора Машукъ, возвышающаяся надъ городомъ на 1.696 фут., предохраняетъ его отъ холодныхъ съверныхъ вътровъ. Восточная часть города упирается въ одинъ изъ ея отроговъ, Горячую гору, откуда происходятъ всв сврные источники. Собственно городъ Пятигорскъ основанъ въ 1830 г., а до тъхъ поръ это мъсто называлось Горячеводскимъ поселеніемъ. Съ тъхъ поръ Пятигорскъ начинаеть развиваться, населеміе увеличиваться, увеличивается также и събздъ больныхъ... Администрація наряжаеть ученыя комиссіи для изслідованія горячих источниковъ, мало-по-малу приступають къ постройкъ зданій для минеральныхъ водъ, вообще къ организаціи лечебнаго пункта. Первымъ было заложено и окончено въ 1832 г. зданіе Николаевскихъ ваннъ, по сіе время одно изъ лучшихъ и удобныхъ для купанья. Но особенное развитіе города и пятигорскихъ водъ относится ко времени нам'встничества князя Воронцова, къ концу сороковыхъ и началу пятидесятыхъ (годовъ. Открыты были новые источники, построена Елизаветинская галлерея, заложенъ и выстроенъ каоедральный соборъ, разбить паркъ, проведена съ горы Бештау пръсная вода и сдълано многое другое. Такимъ образомъ существованіе Пятигорска, какъ лічебнаго пункта, было вполив обезпечено. Открытіе Владикавказской желівзной дороги значительно повліяло на количество прітьзжающихъ для літченія. Въ на гоящее время въ Пятигорскъ насчитывается до 20.000 душъ обоего пола. Населеніе города разнообразно: русскіе, армяне, нъмцы, азіаты и небольшое количество евреевъ. Большинство жителей составляють мъщане и военные.

Пятигорскъ хотя и лежитъ на одной широтъ съ Генуей и юживе Ялты, тъмъ не менъе далеко не обладаетъ теплотой климата упомянутыхъ городовъ. Происходитъ это отъ того, во-первыхъ, что Пятигорскъ лежитъ выше уровня моря на 1.500 футовъ, во-вторыхъ, отъ удаленъ отъ моря и, въ-третьихъ, близовъ къ снъговой Кавказской пъпи горъ,

которая находится къ югу отъ города. Климатъ Пятигорска умфренный и довольно постоянный, притомъ вполнъ здоровый. Средняя годичная температура Пятигорска + 9 R. Юго-восточные вътры обыкновенно влажны и приносятъ обильные дожди. Пятигорскіе жители не по одному только направленію вътра могутъ предполагать или угадывать погоду, у нихъ есть върный показатель дождя: если вершина Бештау покрыта облаками, то дождь несомнънный. И дъйствительно, часто кругомъ ходятъ подозрительныя тучи, но если вершина Бештау чиста, то дождя не будетъ и вы можете смъло совершать прогулки. Но если при совершенно безоблачномъ небъ Бештау "надълъ шапку", ждите дождя, и дождь будетъ непремънно.

Во время западныхъ вътровъ въ Пятигорскъ бываетъ сухо и знойно. Отъ продолжительнаго зноя въ воздухъ появляется мгла, или "юга", какъ говорятъ мъстные жители. Тогда, несмотря на безоблачное небо, изъ Пятигорска не видно ни двуглаваго Эльбруса, ни снъжной цъпи Кавказа. Горы отсюда вообще видны прекрасно, но лучше утромъ, при восходъ солнца, и въ особенности, если наканунъ былъ дождъ: тогда очертанія горъ такъ ясны и онъ кажутся такъ близко, что невольно думается, что величавый и огромный Эльбрусъ не далье 8—10-ти верстъ, между тъмъ какъ по прямой линіи до него отъ Пятигорска считаютъ 100 верстъ, а изъ-за Эльбруса выдвигается зубчатая снъговая стъна-главнаго хребта съ остроконечнымъ Казбекомъ и другими великанами.

Растительность въ Пятигорскъ небогатая, котя ръдкій домикъ не имъеть нъсколькихъ деревьевъ. Въ горахъ преобладаетъ дубъ, потомъ слъдуютъ: ясень, кленъ, кизиль. Вслъдствіе известковой почвы всъ эти виды деревьевъ развиваются плохо. Высокихъ, прямыхъ дубовъ вы не найдете вовсе; въ большинствъ случаевъ это корявые, низкорослые экземпляры. Въ городъ же преобладающимъ деревомъ является бълая акація, которою засажены пятигорскіе бульвары и маленькіе садики домовладъльцевъ. Акація и каштанъ, да кусты сирени составляють главную растительность Пятигорска. Впрочемъ, въ верхнихъ, старыхъ бульварахъ преобладаютъ липы. Лътомъ масса розъ, и розы красивыя и пахучія.

Сърные источники Пятигорска съ давнихъ временъ пользовались извъстностью за свои цълебныя свойства. Лъченіе производится купаньемъ въ сърныхъ ваннахъ и пріемомъ сърной воды внутрь. Дъйствіе сърной воды, принятой внутрь организма, выражается въ возбужденіи дъятельности отдъльныхъ органовъ — желудка, сердца, легкихъ, что несомивно способствуетъ усиленному обмъну веществъ въ организмъ. Все это вмъстъ съ правильнымъ образомъ жизни, хорошимъ климатомъ Пятигорска и дъйствительно прекраснымъ питаніемъ дълаютъ почти чудеса съ больными. Мышечный хроническій ревматизмъ совершенно поддается пятигорскому лъченію. Въ началъ сезона нъкоторыхъ больныхъ,

скорченныхъ отъ ревматизма, возятъ въ креслахъ, а въ концъ сезона, послъ лъченія, они ходятъ безъ посторонней помощи.

Сабанъевскія ванны, самыя сильныя, находятся высоко за городомъ, надъ р. Подкумкомъ. Здѣсь во дворѣ можно видѣть источникъ, изъ котораго сѣрная вода, чистая и прозрачная, какъ янтарь, течетъ по деревянному жёлобу, оставляя на стѣнкахъ послѣдняго густой бѣлый пластъ сѣры. Источникъ этотъ имѣетъ 37½° R. и охлаждается здѣсь на дворѣ въ огромныхъ чанахъ, куда онъ стекаетъ по жёлобу. Сторожъ при этомъ источникѣ показываетъ посѣтителямъ покрытыя сѣрнымъ пластомъ вещи, напримѣръ, красный ракъ (шкура) становится совершенно бѣлымъ, прозрачный стаканъ—молочно-бѣлымъ, матовымъ и проч.

Всё металлическія вещи близъ источниковъ быстро окисляются и покрываются чернымъ налетомъ. При принятіи ваннъ поэтому ни подъкакимъ видомъ не следуетъ брать съ собою серебряныхъ и другихъ металлическихъ вещей, а лучше оставлять ихъ дома. Разлагающее вліяніе серныхъ водъ на металлы заставляетъ при проведеніи водъ изъ источниковъ въ зданія прибёгать исключительно къ дереву, почему всё трубы, проводящія серную воду, деревянныя дубовыя. Такія трубы очень дорого стоятъ по трудности ихъ отдёлки и вслёдствіе скорой ихъ порчи и частой перемёны.

Надъ большинствомъ сърныхъ источниковъ Пятигорска выстроены изящныя каменныя галлереи. Особенно красива Елизаветинская галлерея, находящаяся высоко на горъ, въ углу, гдъ Горячая гора сходится съ Машукомъ. Отъ Елизаветинской галлереи начинается длинная линія бульваровъ, вдоль которыхъ бъгаютъ вагончики электрическаго трамвая.

Рядомъ съ Елизаветинской галлереей на склонъ Машука находится "гротъ Лермонтова", — небольшая пещерка, загороженная отъ публики всегда запертой жельзной рышетчатой дверью. Сквозь рышетку можно видыть внутренность пещерки: въ стыку вдылана почтенныхъ размыровь металлическая доска, на которой выгравировано довольно-таки безграмотное стихотвореніе, посвященное памяти Лермонтова однимъ прівзжимъ помыщикомъ "во время пользованія его пятигорскими минеральными водами". Весь интересъ грота состоить въ томъ, что онъ служилъ любимымъ мыстомъ отдохновенія поэта и что отсюда открывается прекрасный видъ на городъ и Эльбрусъ.

Всякій прівзжій, навіврное, первое знакомство съ Пятигорскомъ начнеть съ памятника М. Ю. Лермонтову. Это знакомство—сразу въ пользу города. И памятникъ хорошъ, и видъ отъ памятника недуренъ. Памятникъ работы Опекушина, стоимостью 50.000 рублей. Поэтъ сидить на скаль въ военномъ мундиръ, шинель живописно спустилась съ плеча. Въ полуоборотъ онъ устремилъ свои взоры на Эльбрусъ, Фигура Лерумонтова съ обнаженной головой. У ногъ его лежитъ книга. Вокругт

памятника — скверъ, сторожка, въ которой живетъ сторожъ, дъти, голуби...

Центръ города—это соборъ и соборная площадь. Бульваръ тянется отъ Елизаветинской галлереи до вновь выстроеннаго зданія мужской гимназіи. Плохой бульваръ становится еще хуже по мъръ его пониженія; тъмъ не менъе онъ является средоточіемъ жизни прівзжихъ и мъстныхъ обывателей, особенно по вечерамъ; гремитъ музыка, военныхъ цълая масса: гусары, уланы, артиллеристы и пъхотинцы въ обыкновенныхъ форменныхъ сюртукахъ и въ черкескахъ гуляютъ, опираясь на кизиловыя палочки. Нигдъ, кромъ Петербурга, не видно столько военныхъ... По бульвару тянется множество кіосковъ, начиная съ кіоска книжнаго, фирмы Суворина, кончая кіосками съ продажей огурцовъ и ягодъ. Продаютъ также вещи мъстнаго издълія—бурки, кинжалы, пояса и проч.

Минуя бульваръ, налъво отъ него, на берегу Подкумка, расположился тънистый, густой "Казенный садъ". Этотъ садъ принадлежитъ къ самымъ живописнымъ мъстамъ города. Въковые тополя, чудныя липы чередуются съ ръдкими сортами деревьевъ, вывезенныхъ изъ Америки и Африки. Породы эти прекрасно принялись на Кавказъ: мимоза, ръдкіе сорта акацій склонили свои вътви около прекраснаго, говорливаго фонтана. Чудные бананы выдъляются среди разнообразныхъ газоновъ и пвътниковъ.

Магазины всевозможные: европейскіе, азіатскіе, но ціны на товары невозможныя, дороже московскихъ, или въ крайнемъ случат не ниже, чінть въ Москвіть. Мало того, что торгуютъ въ лавкахъ, но персы, грузины и армяне ходятъ по квартирамъ съ платками, мітами и вышив-ками... Итальянцы продаютъ кораллы, брелоки и проч. Въ городіть множество винныхъ погребковъ съ продажей кахетинскихъ винъ и приготовленіемъ шашлыка.

Надо сказать еще нъсколько словъ о базаръ, который въ Пятигорскъ бываетъ еженедъльно по понедъльникамъ. Для продажи хлъба и муки въ городъ на этотъ день съъзжаются крестьяне изъ степи верстъ за 100 и болъе; иногда можно видъть крестьянъ, пріъхавшихъ на верблюдахъ, — это жители Астраханской губерніи. Мъстные степные крестьяне — здоровые, страшно загорълые люди, одъты въ обыкновенные русскіе костюмы; сапогь не носятъ (льтомъ), на ноги надъваютъ теплые чулки и грубый родъ туфель. — "Мы и городъ и всю округу здъшнюю хлъбомъ кормимъ... Еще дъды на базаръ хлъбъ отвозили... Журавскіе мы, значитъ, Журавскіе", охотно сообщилъ мнъ крестьянинъ.

Ярмарка многолюдная. Кром'т многочисленных подводъ съ хлѣбомъ и дровами, много прівзжають нізмцевъ съ овощами, ягодами, живностью. Все это прівхавшее, въ стройномъ порядків, занимаєть огромную пло-

щадь. Чего только на базарѣ нѣть!.. Все достанете... Мясной рядъ, параллельно ему молочный рядъ, дальше мануфактурный товаръ, скобяной, молочный, книжный и даже торговля старыми вещами... Среди поношенныхъ пиджаковъ, женскихъ кофтъ, старыхъ штиблетъ, —книжка, заржавленная бритва вмъстъ съ офицерскими шпорами... Вотъ готовое платье, обувь, шапки и букеты цвътовъ; сало, чеснокъ, медъ и деготь; орѣхи, сушеные фрукты и пряники, конфеты.

Кучками стоятъ загорълые, съ сильными руками, широкогрудые косцы... Недалеко отъ нихъ въ крытомъ рыдванъ сидитъ человъкъ и позваниваетъ косой—это торговецъ косами... Ходятъ по базару разные люди съ разными корзинками, мъшками и наполняютъ ихъ продуктами... Начинаютъ понемногу, часу въ восьмомъ, дъйствовать духаны, окружающе веселымъ кольцомъ площадъ... Шумнъе, оживленнъе становится базаръ... Многіе подвыпили и весело уъзжаютъ во-свояси; другіе идутъ въ духанъ. До полудня стоятъ еще возы, а нъкоторые гуляютъ и пьютъ до самаго заката...

Но самыми интересными мъстами въ городъ являются безусловно трещина въ Горячей горъ и знаменитый "Провалъ". За послъдніе 3—4 года вся Горячая гора раздълана: по всему хребту и бокамъ проведены дорожки, уставленныя скамьями и обсаженныя деревьями, устроены бесъдки, фонтанъ, а на самомъ высокомъ мъстъ сооруженъ павильонъ съ разноцвътными стеклами. Черезъ всю гору идетъ трещина, шириной отъ 1 вершка до 1/3 аршина; земля около нея значительно теплъе остальныхъ частей горы; мъстами изъ трещины выдъляется легкій паръ и слышенъ довольно сильный запахъ съроводорода.

Провалъ лежитъ уже въ самомъ Машукъ, довольно высоко надъ городомъ, недалеко отъ Сабанъевскаго источника. Къ Провалу проведенъ электрическій трамвай, который довозить вась до небольшой площадки на склонъ Машука. Направо, какъ почти повсюду въ Пятигорскъ, стоитъ ресторанчикъ, а прямо въ скалъ зіяеть отверстіе туннеля. Этотъ туннель, довольно длинный (20 саженъ), приводить васъ въ оригинальнъйшій гроть. Представьте себъ огромную каменную воронку 13 саженъ въ поперечникъ и почти столько же въ высоту, опрокинутую узкимъ отверстіемъ вверхъ. Въ отверстіе наверху видивется синее небо, облака, освъщенныя яркимъ солнечнымъ свътомъ. Въ гротъ-легкій полумракъ и слышень сильный запахъ съроводорода. Въ лъвомъ углу грота — небольшой естественный бассейнъ сажени 3 въ ширину и саженъ 5 въ длину, съ мутной водой чуднаго голубого цвъта; голубой отсетть оть воды ложится и на нависшую надъ ней стъну Провала. Вода въ бассейнъ на ощупь очень теплая (29°-32° Реомюра) и отвратительная на вкусъ; сфроводорода изъ нея выголяется такъ много, что серебряныя вещи (напр., ложки), принесенныя въ Провалъ,

быстро черніють. О томъ, какой глубины бассейнь, существують самыя противоположныя свідінія: по однимъ даннымъ глубина его достигаеть 5½, а по другимъ 10 сажень; несомнінно только то, что онъ значительной глубины и что изъ него есть стокъ. Остальная часть Провала имбеть твердый убитый грунть. Среди народа, пришедшаго посмотріть Проваль, слышишь рядъ разсказовъ и легендъ самаго нелічнаго свойства: одинъ, напр., разсказываеть, что если окунуться въ бассейнь, то можно свариться, что подобный случай быль здісь нісколько літь назадъ; другой увіряеть, что у бассейна дна ніть, и т. д. Водой "Провала" съ лічебными цілями не пользуются, хотя містные жители и увіряють, что она полезна противъ глазныхъ болізней. Въ правомъ углу въ стінів сділана небольшая ниша со стоящей въ глубинів ея иконой.

Одна изъ лучшихъ прогулокъ — это на вершину Машука. Дорога превосходная и разнообразная, подъемъ—два часа. На вершинъ горы находится небольшая лътняя гостинница, гдъ можно переночевать и достать холодныя закуски, чай, молоко, пиво и т. д. Здъсь же находится могила извъстнаго русскаго альпиниста, Пастухова; онъ завъщалъ похоронить себя на вершинъ Машука, "чтобы видъть Эльбрусъ и Казбекъ" — вершины, на которыя онъ взошелъ первый изърусскихъ.

Хорошо, чудно хорошо на вершинъ! Душистый горный воздухъ волной врывается въ грудь, горные цвъты пестрымъ ковромъ усъяли вершину, поросшую густой травой. Тихо, спокойно вверху. Огромные орлы ръють въ. воздухъ. Вершины другихъ горъ, покрытыя синею дымкою, ръзко выдъляются въ прозрачномъ воздухъ. Бештау съ Машука кажется настоящимъ великаномъ. А внизу какъ красивъ городъ съ его бъленькими домиками и крохотными садиками! За ними лентой вьется быстрый Подкумовъ. Далеко, синъя, раскинулась степь. Соляныя озера и нъмецкія колоніи нарушають однообразіе степи. Отъ Карраса зеленымъ ковромъ поднимается къ западу лъсъ все выше и выше, почти до вершины Бештау. А Жельзная гора сплошь покрыта льсомъ, который издали кажется густою травой или мелкимъ кустарникомъ. Вьется дымокъ. Показался паровозъ съ вагонами и скрылся въ лъсу подъ Машукомъ, только тонкая струйка дыма тянется полоской надълесомъ. Воть снова показался потздъ. Медленно, словно муравьи, другъ за другомъ ползуть по дорожкъ вагоны. Какъ малы, малы до смъшного и вагоны и паровозъ. Къ югу виднъются Кисловодскія горы, передъ которыми внизу, словно въ ямъ, притаились Ессентуки. На съверъ далеко раскинулась степь. Вонъ пестръетъ станція "Минеральныя Воды". Дальше и дальше, не знаешь на что смотръть, на чемъ остановиться. Хорощо и направо и налъво, хорошо и здъсь на вершинъ. Не хочется уходить

туда, къ людямъ, фъ говору и пыли, къ грохоту и къ глупой суматохъ. Тихо на вершинъ, хорошо, отдыхаетъ сердце, замолкнулъ озлобленный умъ. Дышится ровно, свободно.

Военно-Грузинская дорога.

(По Дубянскому, Владыкину, Филиппову и друг.)

Военно-Грузинская дорога—это тоть путь, по которому еще въ самой глубокой древности двигались народы изъ Азіи въ Европу. Путь этотъ пролегаеть по долинамъ и ущельямъ Терека, текущаго въ свверъ, и Арагвы, текущей на югъ. Перевалъ черезъ главный хребетъ (черезъ Гудъ-гору и Крестовую), раздъляющій истоки этихъ ръкъ, составляеть всего 15 верстъ.

Въ настоящее время Военно-Грузинская дорога — одна изъ безопаснъйшихъ, интереснъйшихъ и живописнъйшихъ дорогъ въ свътъ. Переъхавъ во Владикавказъ Терекъ, ъдешь сначала его лъвымъ берегомъ. Дорога идетъ довольно близко отъ берега, и передъ глазами открывается вся низовая долина Терека, то разбивающагося въ своемъ извилистомъ теченіи на нъсколько рукавовъ, то вновь сливающагося въ одно русло и съ сдержаннымъ рокотомъ катящаго по каменистому ложу свои мутныя воды. Скоро позади остаются "Черныя горы", сложенныя изъ глинистыхъ сланцовъ и покрытыя сплошь лъсомъ, а также укръпленіе Редантъ—излюбленное мъсто прогулокъ владикавказской публики.

Дорога зам'втно подымается въ гору, но съ половины одиннадцатой версты идетъ подъ уклонъ до самой станціи Балты. Горы зд'всь съ двухъ сторонъ подходять къ самому Тереку, довольно круто спускаясь къ его берегамъ и уб'вгая по прямому направленію съ с'вверо-запада на юго-востокъ длинною ц'впью, изв'встной подъ названіемъ "Пестрыхъ горъ". Это четвертая по порядку изъ параллельныхъ горныхъ ц'впей, отд'вляющихъ Главный хребетъ отъ равнинъ с'ввернаго Кавказа.

За Балтинской станціей, расположенной на высоть 2.754 фут. надъ уровнемъ моря, дорога все время идетъ въ гору, лишь изръдка прерываясь небольшими спусками. Долина Терека то значительно расширяется, то суживается надвигающимися съ объихъ сторонъ горами. Склоны горъ то отлоги и покрыты великолъпными пастбищами, оглашаемыми изръдка окриками пастуховъ, то представляютъ голыя скалы, за которыя тамъ и сямъ цъпляется тощая растительность. Порой бурный ручей попадается вамъ на пути, и только массы гальки и слъды разрушенія на его берегахъ позволяютъ догадываться о его истинныхъ размърахъ и силъ воды во время таянія снъговъ, когда подобные горные потоки со-

крушають все на своемъ пути и во многихъ мъстахъ прорывають самое полотно дороги. Надъ вашей головой вдоль пути часто нависаютъ громадныя глыбы известняковъ, въ то время какъ внизу, у ногъ бурлитъръка—такова, напримъръ, извъстная скала "Пронеси Господи", на шестой, приблизительно, верстъ отъ станціи Балты. На девятой верстъ, за Терекомъ, разбросаны сакли ингушскаго селенія, отъ котораго вьется по склону горы надъ самой водой узкая дорожка, прорубленная въ скалахъ. Порой нъсколько арбъ тянутся по ней, издавая своими колесами монотонный скрипъ, доносящійся до васъ, несмотря на шумъ Терека, или горецъ въ черной папахъ и буркъ горячитъ своего коня, осторожно ступающаго въ холодныя волны ръки. Недалеко отъ станціи Ларсъ, на скалахъ, виденъ могильникъ, — длинное полуразвалившееся каменное сооруженіе, и развалины сакли съ бойницами, въ которой, въроятно, въ былыя времена устраивали засады удалые джигиты на проходившіе у подножія скалы караваны.

Въ этомъ мъстъ дорога круто поворачиваеть къ юго-западу и входить въ селеніе Ларсъ, на окраинъ котораго прислонилась къ скаламъ убогая церковка, напоминающая собою скоръе бъдный домикъ, съ простымъ крестомъ на крышъ и небольшой деревянной звонницей. По объимъ сторонамъ дороги разбросано нъсколько саклей съ земляными плоскими крышами. Часть зданій приспособлена для постоялыхъ дворовъ. Коегдъ мелькаетъ аляповатая вывъска на стънъ такъ называемыхъ духановъ, напоминающихъ собой наши деревенскія бакалейныя лавчонки, съ присосдинениемъ сюда продажи водки, пива и дешеваго кахетинскаго вина. Тутъ всегда можно встрътить сидящихъ на бревнахъ или на камняхъ туземцевъ, гръющихся на солнышкъ, тихо напъвающихъ свои заунывныя пъсни и передающихъ другь другу новости дня, а то просто молча строгающихъ кинжалами деревянныя палочки. Подобные духаны можно часто встрътить по Военно-Грузинской дорогъ, при чемъ неръдко ихъ входы украшены игривыми надписями съ оригинальной ореографіей, въ родъ, напримъръ, красующейся надъ дверями одного духана близъ станціи Балты: "Не убзжай голубчикъ мой, а добзжай повеселится въ салыкъ мой".

За селеніемъ Ларсь, или, иначе говоря, за Старымъ Ларсомъ, природа становится все суровъе и суровъе; пологіе склоны замѣтно исчевають, дълаясь все круче и круче, и постепенно суживають ложбину. Терекъ сильнъе даетъ знать о своемъ присутствіи; чаще попадаются на глаза валуны: въ одномъ мѣстъ, влъво отъ шоссе, они покрыли довольно большую площадь, представляющую какое-то хаотическое море камней. Немного поодаль, на маленькомъ островкъ среди Терека, возшается громадный гранитный валунъ, достигающій 95 футовъ длины тутовъ ширины. Онъ носить названіе "Ермоловскаго камня", такъ

какъ, по преданію, подъ нимъ нѣкогда, во время первобытнаго еще состоянія Военно-Грузинской дороги, отдыхалъ А. И. Ермоловъ, извѣстный герой Кавказа. За этимъ камнемъ, въ 15—20 саженяхъ отъ него бѣлѣетъ двухъэтажное зданіе станціи Ларсъ (3.682 фут. надъ уровнемъ моря).

Всѣ здѣшнія станціи — очень большіе, въ два-три этажа, дома. Въ каждой имѣется общая комната для путешественниковъ, съ широкими, мягкими диванами, и, въ большинствѣ случаевъ, отдѣльныя комнаты, или нумера, со всѣмъ необходимымъ,—понятно за отдѣльную плату.

Когда подъвзжаете къ Ларсу, вамъ кажется, что вы попали въ глухой переулокъ. изъ котораго нътъ другого пути, кромъ обратнаго. Вамъ дълается жутко отъ этой тъсноты, но вы еще только у входа въ Дарьяльское ущелье, которое чернъетъ въ нъсколькихъ саженяхъ отъ крыльца станціи. Кто хотя одинъ разъ видълъ знаменитый Дарьялъ, тотъ навърное его никогда не забудетъ. Тъснина, въ которой иногда вверху видна только одна узкая полоса неба, кажется, сдавливаетъ путника стоящими по объ стороны отвъсными громадами.

Въ самой узкой и дикой части ущелья перекинуть желъзный "Чортовъ мостъ", однимъ концомъ примыкающій къ обрывистой скаль, а другимъ упирающійся въ правый берегъ, гдъ подъ горой нашлась узенькая полоска, по которой и вьется шоссе. Немного въ сторонъ, налъво отъ моста, виднъется внизу полуразвалившаяся дорожная сторожка. Съ той и другой стороны угрюмыя, дикія скалы, полныя какой-то таинственной дремоты, тъсной толпой склоняются надъ бурной ръкой. Ихъ раздъляетъ столь узкое пространство, что чудится невольно, будто и въ самомъ дълъ онъ жаждуть встръчи каждый мигъ и простираютъ свои каменныя объятія; но "дни бъгутъ, бъгутъ года, — имъ не сойтися никогда". А внизу тоскливо реветъ сильно сдавленный ими Терекъ, ворочая каменья, и, весь покрытый грязной пъной, тщетно старается выбраться на волю изъ сдерживающихъ его бъгъ тисковъ.

Этотъ мрачный уголокъ Кавказа съ древивишихъ временъ игралъ роль важнаго стратегическаго пункта, представляя какъ бы природныя ворота на пути изъ съверныхъ предгорій въ самое сердце Кавказа. Такой взглядъ на Дарьялъ подтверждаютъ самыя названія, которыя давали ему различныя племена, въ разныя времена населявшія эту часть Кавказа: "Caucasicae piloe", "Porta cumana", "Хевисъ-хари" ("ворота долины" по-грузински), "Даріалъ" ("ворота" по-персидски), откуда, наконецъ, и нашъ "Дарьялъ".

За "Чортовымъ мостомъ" дорога идетъ по правому берегу Терека и вскоръ минуетъ небольшое Дарьяльское укръпленіе, имъющее форму прямоугольника, съ красивыми круглыми, зубчатыми сверху, башенками по угламъ. Такихъ укръпленій по Военно-Грузинской дорогь нъсколько,

но, представлян собою полузаброшенныя старыя крѣпостцы, напримѣръ, близъ самой станціи Балты, они далеко уступаютъ по красотѣ Дарьяльскому; гарнизонъ ихъ обыкновенно состоитъ изъ двухъ-трехъ десятковъ казаковъ, на обязанности которыхъ лежитъ, между прочимъ, сопровожденіе почты, слѣдующей изъ Владикавказа въ Тифлисъ и обратно.

На правомъ берегу склоны горъ становятся болъе пологими, и на

Дарьяльское укрѣпленіе.

нихъ во многихъ мъстахъ лежатъ довольно внушительныя глыбы гранитовъ и другихъ массивныхъ породъ, упавшія съ вершины сосъднихъ гребней и угрожающія вотъ-вотъ скатиться на дорогу или прямо въ Терекъ, что неръдко и случается, особенно во время весенняго таянія снъговъ. Еще съ полверсты, и передъ вами открывается видъ на Кистинское ущелье, уходящее въ глубъ горъ. По его каменистому дну стремительно несется горная ръчка Кистинка, тутъ же близъ шоссе впадающая широкимъ устьемъ въ Терекъ. Шумъ отъ нея далеко разносится вверхъ по ущелью, она вся покрыта бълоснъжной пъной, а самыя воды ея имъютъ какой-то мутновато-зеленый отливъ, что придаетъ ея волнамъ неизъяснимую прелесть.

За Кистинскимъ мостомъ, нъсколько наискось отъ него, у лъваго берега Терека возвышается угрюмый утесъ, словно приросшій къ ближайшимъ скаламъ. На его плоской вершинъ, по свидътельству грузинскихъ лътописей, еще во ІІ въкъ по Р. Хр., при царъ Мирванъ, гру-

зинами были возведены въ защиту отъ нападенія аланъ, или осовъ (прямыхъ предковъ нынёшнихъ осетинъ), особыя укрепленія и ворота, получившія впоследствіи поэтическое названіе "замка царицы Тамары", и воспетыя М. Ю. Лермонтовымъ въ стихотвореніи:

> Въ глубокой тъснинъ Дарьяла, Гдъ роется Терекъ во мглъ, Старинная башня стояла, Чернъя на черной скалъ.

На восточномъ откосъ скалы зіяетъ отверстіе, заканчивающее собой крытый подземный ходъ, который велъ на случай осады изъ внутренняго двора кръпости внизъ до самой ръки. Уцълъла и та дорога, по которой ходили въ укръпленіе грузинскіе воины. Теперь это просто тропинка, по которой бродять одни горскіе пастухи со своими стадами, спъша укрыться отъ непогоды въ развалинахъ стариннаго замка.

Въ Дарьяльскомъ ущельъ.

Въ верстахъ двухъ отъ Кистинскаго ущелья слъва впадатъ въ Терекъ Девдоракское ущелье. Внизу изъ темной лощины съ страшнымъ шумомъ вырывается мутная ръчка Кабахи, бъшено мчась по крутому ложу, грохоча камнями, падая каскадами съ уступовъ и окутанная какъ бы прозрачнымъ облакомъ водяной пыли.

. Эта лощина и есть тотъ путь, по которому устремляются внизъ гроз-

ные обвалы изъ сныга, льда и каменьевъ, перемышанныхъ съ грязью, причиняющие большой вредъ Военно-Грузинской дорогь. О подобныхъ обвалахъ до насъ дошли достовърныя свъдънія еще отъ конца XVIII стольтія и въ длинномъ спискъ годовъ, ознаменованныхъ такими обвалами, мы находимъ 1776, 1778, 1785, 1808, 1810, 1832, 1842, 1855 и 1891 годы.

Судить о предстоящемъ обвалѣ можно по нѣкоторымъ внѣшнимъ признакамъ, подмѣченнымъ туземцами: трескъ на ледникѣ, неравномѣрное теченіе Кабахи, грязный, мутный цвѣтъ воды, куски снѣга и льда, несущіеся по волнамъ. При появленіи этихъ признаковъ мѣстные жители торопятся угнатъ свои стада въ безопасное мѣсто и, какъ показали факты, безошибочно за нѣсколько дней предсказываютъ паденіе обваловъ—такъ было, напримѣръ, и въ памятномъ 1832 году.

13-го августа этого года, около пяти часовъ утра, изъ Девдоракскаго ущелья ринулись массы льда, снъга и камней, почти моментально завалившія сосъдній Дарьялъ на протяженіи двухъ верстъ и засъвшія между отвъсными скалами. Неугомонный Терекъ долженъ былъ остановить и образовалъ выше завала огромное озеро; ниже можно было переходить по сухому руслу. Но вода все напирала и напирала и черезъ восемь часовъ ей удалось-таки найти небольшой выходъ внизу подъ снъгомъ. Она прорвалась, при чемъ массы воды, смъшанная со снъгомъ и льдомъ, неслись съ такой быстротой, что сдавленный этимъ впереди воздухъ поднималъ и вертълъ въ вихръ громадные обломки скалъ. Къ этому событію относятся извъстные стихи Пушкина:

Оттоль сорвался разъ обвалъ

И съ тяжкимъ грохотомъ упалъ,
И всю тёснину между скалъ
Загородилъ,
И Терека могучій валъ
Остановилъ.
Вдругъ, истощась и присмирѣвъ,
О Терекъ, ты прервалъ свой ревъ;
Но заднихъ волнъ упорный гнѣвъ
Прошибъ снѣга...
Ты затопилъ освирѣпѣвъ
Свои брега.

Обваль имъль очень важныя послъдствія. Дороги, съ такими невъроятными усиліями продъланныя въ скалахъ, были разрушены до основанія; приходилось все начинать сначала, да вдобавокъ еще ожидать, пока растають ледъ и снъгъ, завалившіе ущелъе. Въ это время сообщеніе велось по узкой тропъ, проложенной частью по скаламъ, частью по залежамъ снъга на 30—40 саж. выше уровня Терека. Иногда въ обвалъ появлялись трещины, и черезъ одну изъ нихъ, наиболье щирокую, пассажировъ переправляли въ особыхъ лебедкахъ, укръпленныхъ на тол-

стомъ канатъ. Только въ 1834 году явилась возможность возобновить движеніе по твердому грунту, а на высотъ 80—100 футовъ, на скалъ у Военно-Грузинской дороги, противъ устья р. Кабахи, и понынъ еще красуется надпись: "Девдоракское ущелье. Тропа въ обходъ Казбекскаго завала 1832 года".

Чёмъ дальше отъ Девдоракскаго ущелья подвигается путникъ, тёмъ долина дёлается все шире, и наконецъ въ разстояніи приблизительно трехъ версть отъ станціи Казбекъ появляется вправо бёлая снёговая шапка кавказскаго великана. Свётлёе становится на душё путника при взглядё на долину, кажущуюся очень широкой послё только что покинутаго ущелья. Не доёзжая версты до станціи, переёзжають по висячему мосту черезъ Бёшеную балку. Самое названіе достаточно характеризуеть этотъ потокъ, мгновенно превращающійся послё дождя и во время таянія снёга на горахъ изъ мелкаго ручейка въ бурную рёку и выносящій цёлую массу камней.

Станція Казбекъ расположена на высотѣ 5.681 футовъ надъ уровнемъ моря, по правую сторону дороги. Въ общей залѣ станціи на окнахъ разложены куски горнаго хрусталя, мѣдная руда и другія горныя породы, которыя находять около Казбека. Все это назначено для продажи туристамъ, при чемъ цѣны объявляются самыя несуразныя: за кусокъ кристалла вершка въ три-четыре съ васъ просятъ отъ 5 до 10 рублей, но зато турьи рога, которые также здѣсь продаются, сравнительно недороги. Туровъ здѣсь очень большое количество, охота на нихъ составляетъ любимѣйшее занятіе туземцевъ, хотя и опасна, потому что требуетъ большой привычки и сноровки въ хожденіи по горамъ.

Вблизи станціи находится много жилыхъ построекъ, а нѣсколько поодаль, на противоположной сторонѣ дороги, передъ вами подымается большой оригинальной архитектуры двухъэтажный домъ князей Казбековъ, по фамиліи которыхъ и названа самая гора. За домомъ разбросаны низенькія, грязныя сакли аула Казбекъ, составлявшаго до освобожденія крѣпостныхъ собственность князей Казбековъ.

Отъ станціи до горы Казбекъ версть двівнадцать. Его величественная вершина, испещренная блистающими сніжными полосами, поднимается изъ-за другихъ ближайшихъ къ станціи горъ, на одной изъ которыхъ (гора Квенемъ-Мты) высоко-высоко надъ вами пріютилась церковь Цминда-Самёба (св. Троицы) а еще ниже — аулъ Гергеты, выстроенный вдоль ручья, сбігающаго въ Терекъ.

Подъемъ на гору Квенемъ-Мты не представляеть затрудненія и туда стоить предпринять экскурсію верхомъ, если позволяеть свободное время. Нетрудность подъема доказывается уже тымъ, что сюда взбираются въ положенные праздники массы богомольцевъ, среди которыхъ есть конечно, и старые, и малые.

Первое, что попадается, когда взберешься на гору — это остатки какихъ-то развалинъ и могильныхъ плитъ, подъ которыми, по преданію, погребены работники, строившіе церковь. Когда вы подойдете къ церковной оградѣ, то совершенно неожиданно передъ вами откроется огромная долина между Квенемъ-Мты и Казбекомъ, царственно возвышающимся надъ окрестностью. Здѣсь, на вершинѣ Квенемъ-Мты, на высотѣ болѣе $7^{1}/_{2}$ тысячъ надъ моремъ, спитъ эта церковка съ узкими и высокими окнами, съ коническими куполами, съ разрушенной фресковой живописью по стѣнамъ и глядитъ съ вершины своего каменнаго подножія въ обѣ долины. Одна долина съ Терекомъ, ауломъ Гергеты, станціей Казбекъ уныло улеглась у подножія Квенемъ-Мты, другая, уже упомянутая выше, отдѣлила ее отъ Казбека. Сколько молчанія, унынія, покоя въ этихъ снѣговыхъ поляхъ, черныхъ утесахъ, глыбахъ камней!

На возвратномъ пути, проходя черезъ Гергеты, стоитъ заглянуть изъ любопытства въ одну изъ саклей. Здешнія сакли обыкновенно съ плоскими землебитными крышами и выстроены въ два этажа: въ нижнемъ помъщается скотъ, въ верхнемъ-люди. Въ людскомъ помъщени двъ дощатыя перегородки образують закромъ, въ которомъ хранится весь скудный запась зерна; закромь этоть раздёляеть саклю на двё части: въ одной, подъ отверстіемъ, продъланнымъ въ потолкъ для выхода дыма, висить крючокъ, на которомъ въшается котелокъ для приготовленія пищи. Топливомъ за отсутствіемъ дровъ служить кизякъ, и огонь разводится прямо на земляномъ полу. Свътъ проходить только черезъ двери и дымовое отверстіе. Нары да небольшіе треногіе столики для ъды составляють всю мебель. На стънахъ полки для посуды; на нихъ же виситъ и оружіе хозяина. Когда вы войдете въ это жалкое обиталище, то глаза ваши не скоро будуть въ состояніи различить что-нибудь въ темнотъ. Воздухъ наполненъ запахомъ кизячьяго дыма, которымъ прокопчена насквозь вся сакля.

Отъ станціи Казбекъ до слѣдующей станціи Коби (15½ версть) дорога продолжаеть идти долиною Терека и подымается все выше и выше частыми и многочисленными зигзагами. Кругомъ скалы и горы, почти лишенныя растительности, но самая долина шире, свѣта въ ней больше и мѣстность не такъ угрюма. На выступахъ кое-гдѣ очень высоко виднѣются осетинскіе аулы; словно орлиныя гнѣзда, смотрятъ они съ неприступныхъ скалъ своими сторожевыми четырехугольными башнями на мертвую окрестность и на нагроможденные повсюду камни. Грозныя, сърыя, съ поломанными зубьями, сложенныя изъ валуновъ и камней, иногда въ шесть этажей вышины, стоять эти башни, свидѣтельницы прошлыхъ войнъ. Каждый такой аулъ былъ крѣпостью, каждая такая башня хранила хлѣбъ и добро жителей и зорко глядѣла, не приближается ли врагъ.

Изр'єдка вамъ бросится въ глаза гора, окрашенная ярко-красными полосами; это — жел'єзистый источникъ, таящійся въ какой-нибудь разсівлинъ. Или длинная кружевная лента ниспадаетъ внизъ и терястся между камнями: это — горный ручей, текущій на страшной высотъ.

Ъхать приходится по узенькому шоссе, въ иныхъ мѣстахъ котораго едва могутъ разъѣхаться два экипажа. Дорога выдолблена въ скалахъ, и лишь низенькій, едва аршинной высоты барьерчикъ отдѣляеть ее отъ страшной пропасти, на днѣ которой вьется Терекъ. Въ такихъ мѣстахъ жутко дѣлается, особенно если видишь, что навстрѣчу тянется какойнибудь обозъ.

Горскій ауль близь Военно-Грузинской дороги.

Между станціей Коби и Гудауромъ и находится собственно перевалъ черезъ главный хребетъ Кавказа. Въ Коби Терекъ повертываетъ вправо, и вы съ нимъ разстаетесь навсегда.

Путь этоть многими описывается, какъ очень опасный оть снъжныхъ заваловъ, скатывающихся съ горъ. "Но не такъ страшенъ чортъ, какъ его малюютъ". Завалы между Коби и Гудауромъ дъйствительно бываютъ поздней весной, т.-е. въ первой половинъ апръля, когда снъгъ на горахъ начинаетъ таять и дълается рыхлымъ, и осенью, когда онъ еще не совсъмъ улегся и окръпъ отъ морозовъ; лътомъ же дороги совершенно безопасны. Къ тому же зимніе заносы, такъ же, какъ весеч-

ніе и осенніе завалы, постоянно расчищаются командами солдать, для которыхъ и выстроено здѣсь нѣсколько казармъ. Вообще приняты всѣ мѣры предосторожности, и движеніе дилижансовъ происходитъ круглый годъ почти безостановочно. Около наиболѣе опасныхъ мѣстъ выстроены для защиты отъ заваловъ массивныя каменныя галлереи-туннели, прислоненныя вплотную къ стѣнѣ, съ односкатными крышами: падая на эти крыши, глыбы снѣга скатываются съ нихъ прямо въ пропасть, по краю которой проведено шоссе.

Дорога отъ Коби все время поднимается вверхъ. Холодъ здѣсь уже очень ошутителенъ, и вездѣ вокругъ васъ, въ ущельяхъ и по склонамъ горъ, лежатъ снѣга, которые не таютъ даже лѣтомъ.

Изъ горныхъ расщелинъ вырываются и съ шумомъ бѣгутъ потоки, черезъ нѣкоторые изъ которыхъ приходится переѣзжать, такъ какъ они пересѣкаютъ дорогу. Еще нѣсколько сотъ саженъ извивающейся зигзагами дороги, и вы подъѣзжаете къ дому, выстроенному на самой высокой точкѣ Военно-Грузинской дороги на высотѣ 8.732 футовъ, какъ гласитъ прибитая на домѣ доска.

Въ этомъ дом'в живутъ осетины, получающіе отъ управленія дороги опредъленное ежегодное жалованье. Обязанность ихъ состоить въ томъ, чтобы во время метелей звонить въ колоколъ и оказывать гостепріимство и помощь нуждающимся въ ней путешественникамъ.

Нъсколько далъе отъ дома находится знаменитая Крестовая гора; на ней влъво отъ дороги, стоитъ крестъ, поставленный Ермоловымъ въ 1824 г.

До сихъ поръ приходилось все подниматься, отъ Крестовой начинается спускъ внизъ въ началъ сравнительно отлогій и малозамътный до станціи Гудауръ.

Величественная, дикая и мрачная панорама, которая окружала васъ до сихъ поръ, отодвигается назадъ, и едва вы подъёдете къ краю горы, какъ подъ вами, далеко внизу, откроется совершенно другая картина. Здёсь, позади, все голо, дико, сумрачно, величаво, страшно; здёсь туманъ, низко нависшія облака, снёга, холодное вёяніе зимы. Тамъ, впереди, все мягко, привётливо, тамъ все зеленёетъ, все покрыто разнообразной роскошной листвой, тамъ все смёстся и нёжится подъ горячими солнечными лучами; тамъ царствуетъ лёто, горячее южное лёто.

Отъ станціи Гудауръ до слѣдующей станціи Млеты считается пятнадцать версть, и все это разстояніе вы только съѣзжаете внизъ, не подвигаясь ни на шагъ впередъ. Это нѣчто въ родѣ вертикальной линіи, одинъ конецъ которой будетъ Гудауръ, другой — Млеты. Спускъ совершается сразу на три съ половиною тысячи футовъ. Дорога эта красива и своеобразна. Среди массы каменныхъ обломковъ извивается крутыми многочисленными зигзагами знаменитый Гудаурскій спускъ къ

Млетамъ. Едва вы проедете одинъ зигзагъ, какъ бричка быстро повертываетъ на другой, третій и т. д. безъ конца. Спускъ этотъ, особенно въ своей верхней части — одно изъ красивейшихъ мёстъ всей Военно-Грузинской дороги: по крутому склону направо и налево разстилаются альшйскіе луга, — пышный цветочный коверъ, по которому въ изобиліи разбросаны кусты радодендрона съ темно-зеленой листвой и букетами крупныхъ, душистыхъ желтыхъ цветовъ. Прямо противъ васъ поднимается вертикальная, какъ кажется, стена, по которой разбросаны аулы и небольшіе поля горцевъ, своей пестротой напоминающіе шахматную доску. Направо, замыкая долину, возвышается ведичественная

Млетскій спускъ.

Гудъ-гора въ ряду другихъ снѣговыхъ великановъ, а внизу, прямо подъ ногами — станція Млеты, такая маленькая-маленькая на берегу Арагвы, серебристой лентой извивающейся по долинъ.

За Млетами дорога идеть берегомъ Арагвы; кругомъ возвышаются зеленьющія горы, увънчанныя льсами, по склонамъ распаханныя подъполя пространства, пестръющія разноцвътными квадратами засъяннаго хльба, журчать ручьи и открываются ярко-зеленыя свътлыя долины, то тамъ, то сямъ на неприступныхъ выступахъ горъ мелькають грузинскіе аулы со своими квадратными въ формъ высокаго столба стороже выми башнями.

Слъдующая станція Пасанауръ — очень хорошенькое мъстечко, ра

положенное среди горъ, густо поросшихъ лѣсомъ. Дикій плющъ заплелъ стволы деревьевъ и скалы. Станція вся тонетъ въ окружающей ее зелени. Вишни, дикія груши, кизиль, боярышникъ раскинули во всѣ стороны свои вѣтви и окружили красивую церковь въ русскомъ стилѣ.

Чъмъ дальше подвигаешься къ Анануру (слъдующей станціи послъ Пасанаура), тъмъ болье мъстность принимаеть земледъльческій характеръ. Встръчаются постройки уже совершенно русской деревенской архитектуры, выстроенныя изъ дерева, а не изъ камня и обнесенныя илетнями. На поляхъ устроено искусственное орошеніе и вообще все указываеть на иной строй жизни. Въ одной изъ тъснинъ поднимаются двъ сърыя башни: Черчали и Ванселобъ — два стража, защищавшіе входъ въ ущелье, въ которомъ въ 10 верстахъ отъ нихъ лежитъ селеніе и станція Анануръ. Анануръ—это ключъ и ворота къ центру Грузіи, это прежняя грузинская кръпость, гдъ хозяйничали арагвскіе христовы, или намъстники, и гдъ они запирались во время кровавыхъ усобицъ.

Развалины старинной крвпости виднвются на холмв, направляясь отъ дороги. Среди нихъ возвышаются двв церкви: одна, развалившаяся и заброшенная, воздвигнута, по преданію, въ первыя времена христіанства, введеннаго въ Грузіи въ IV въкв; постройку другой, въ которой совершается нынв богослуженіе, относять къ XV въку. Эта послъдняя, представляющая какъ бы копію, только болье величественную, старой руины, является замвчательнымъ памятникомъ грузинской архитектуры. Вся изъ желтаго камня, стройная, она подняла высоко надъ кръпостной ствной свой цилиндрическій барабанъ, увънчанный коническимъ куполомъ изъ зеленой черепицы. На наружныхъ ствнахъ высвчены замъчательные барельефы и между ними гигантское изображеніе креста св. Нины, просвътительницы Грузіи. Тутъ же высвчены два льва, херувимы и какіе то невъдомые звъри. Эта барельефная ствна видна и съ шоссе и изъ селенія Анануръ. Внутри церковь вся замазана бълой штукатуркой, подъ которой исчезла вся старинная живопись.

За Анануромъ Арагва и ея долина остаются влъво. Дальше дорога начинаетъ опять подниматься въ горы; только горы это уже не тъ, что мы видъли въ главномъ хребтъ; здъсь ихъ очертанія гораздо мячтче, всть они покрыты зеленью, голаго камня и торчащихъ скалъ совствиъ не видно. Не дотажая станціи Душетъ находится перевалъ черезъ южныя предгорья главнаго хребта, —послъдній перевалъ на пути отъ Владикавказа къ Тифлису (2915 ф.). Съ перевала открывается чудный на широкую зеленую долину, среди которой пріютился хорошенькій городокъ Душетъ, и обломкомъ синяго зеркала сверкаетъ небольшое горное озеро. За переваломъ дорога утрачиваетъ прежнія красоты. Мъстность становится болье открытой, лъса меньше, зато почти повсюду обра-

ботанныя поля, сады съ шелковицей и фигами. Такой характеръ дороги сохраняется въ общемъ до самаго Михета только за Душетомъ еще чаще попадаются виноградники и фруктовые сады, которые тянутся на громадномъ пространствъ. Весной, когда всъ деревья въ цвъту, когда миндаль стоитъ совсъмъ розовый, когда груши и черешни словно покрыты хлопьями снъга, а персикъ одътъ словно въ ярко-розовое кружевное платье,—эти фруктовые сады очаровательны.

На половинъ пути между Душетомъ и Цилканами дорога снова выходитъ въ долину Арагвы. Сама станція Цилканы потонула въ тъни чинаръ и оръховъ. Заборы и стъны садовъ завиты выонками и ро-

Селеніе Анануръ.

зами. Розъ здъсь всюду масса. Онъ заползають виъстъ съ плющомъ и на пирамидальный тополь и на чинары.

Михетъ — послъдняя станція Военно-Грузинской дороги — считается святымъ городомъ Грузіи. Здъсь короновались цари Грузіи на царство, здъсь жила просвътительница Грузіи, св. Нина, и отсюда проповъдывала христіанство, здъсь водрузила она свой крестъ, величайшую святыню для всего народа, здъсь жили всѣ грузинскіе патріархи, именовавшіеся католикосами Грузіи, и теперь здъсь спять подъ сводами собора многіе пари и знаменитые люди грузинскаго царства.

Но слава, величіе и блескъ давно прошли для Михета. Теперь это пебольшое селеніе, нагроможденіе землянокъ и домишекъ съ плоскими

THE PART OF THE PROPERTY PROPERTY IN THE PARTY OF THE PAR THE REAL REAL PROPERTY AND PARTY AND COMMUNICATIONS IN учей не вы не пругую сторокт Куры поличенти то-" " TO BE WRIGHTLE PATITE TORSES THERE THERE IS THE ! . Lav. 1.5 m. Whyman wife course dangers distances distances 1.5 TO THE ROBERT NO CHOICE ESSENCE TO THE THE PARTY OF THE P эт учатилиями, вихлянка Михета. Собсов и перава . Нем. Услужи поднамальная на фонт отить граниять, привыт-... У У колдой и плетней. Вся долгав, велиотря на бед и в портигать, поражлеть своем стровая враита или высоту в выпроможнившаяся на страшить высоту в вы The second secon

по в блим, грози разрушила капище в выперста вы-..... попрыму парь Маріанъ съ большою торжение

от проделя смоими строгими линіями, своить войнау подреждения в поределиць, своими рельерными изображ от с Уголовия грузинской архитектуры. Нескотря на вто-, до может в у визметійской архитектуры, грузинскій сталь от г в вененительной степени свою своеобразвость. Ва-образования покрыты фресками и характерными образов или громодими фигуры грузинскихъ парей въ гл у достимнять, постиомнять, сть коронами на головать, при поменян, съ ихъ большими блёдными зилач , / у с гул прим визина своеобразное внечатавніе, а гробнацы 🚎 домого водей домогов прима, особенно чтимымъ. Здесь сиять ска. уга, да сед одолого пори и парицы Грузі**и, и славные в сильные**, з в повет и во стожниме, при веторых в страна процветала, и при которых. резельнов, бе передурням и от в иншестий и отъ внутренней усобицы.

Годах, окружаваная Михетекую долину, безплодны и не покрыти ристительностью. Выше развились церкви Св. Креста, о которой из ужа упоминили, за горой, находится пещера св. Illio, одного изъ серівских в отновев, и тысячи другихъ пещеръ. Вообще пещеры, вырублевныя нь трудно или совсьмъ подоступныхъ высокихъ скалахъ, встръчаются почти поисем вство на Канказв и напретны подъ общимъ назвапіомъ жилищъ троглодитовъ.

Дальнъйшій путь отъ Михета до Тифлиса въ настоящее время довзжають обыкновенно по жельзной дорогь, которал близь деревни Ди-····ми переходить съ праваго берега Куры на ліный. Долина Куры между томъ и Тифлисомъ безплодия и мило воздилия; только вдоль в и ръчекъ, впадающихъ въ Куру, види Бютея поселенія съ воз-

Anthu

ланными полями и орошаемыми садами и виноградниками. При прииженіи къ Тифлису сначала показывается городской садъ Муштандъ, за нимъ и весь городъ, раскинувшійся по объ стороны Куры.

Восхожденіе на Казбекъ.

(А. Пастухова.) 🗸

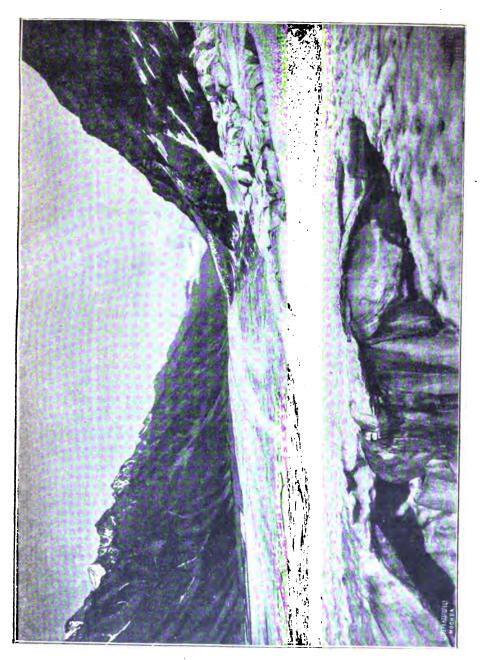
Давно я уже имълъ намъреніе побывать на вершинъ Казбека. 6 іюля я отправился съ пятью казаками къ горячимъ источникамъ Тмениау-карма-донъ, находящимся у ледника Майли, спускающагося съ занадныхъ склоновъ Казбека. Отправились мы изъ селенія Тмёни-кау въ 3 час. утра и прибыли на мъсто въ 8¹/₂ часовъ. Дорога отъ селенія до асточниковъ идетъ по лъвой сторонъ горной ръки Геналъ-дона; сначала она проходить на значительной высоть надържною, затымъ переходить на русло ръки и далъе опять поднимается вверкъ. Тропы на руслъ нъть, а приходится ъхать по самому руслу среди цълой массы нагроможденныхъ камней. Въ общемъ дорога весьма плохая. Чъмъ ближе подържаешь ьъ источникамъ, тъмъ растительность становится бъднъе, но вдали, на нъкоторой высотъ отъ источниковъ, на склонахъ горъ имъются довольно хорошія пастбищныя міста, на которых в пасутся водящіеся здісь въ значительномъ количествъ туры. Одинъ изъ людей, бывшихъ со мной при восхожденіи, житель с. Тмени-кау, осетинъ Цараховъ, разсказываль, что онъ однажды накосиль на этихъ пастбищахъ пять копенъ съна и оставиль его въ полъ. Туры въ нъсколько ночей все это съно поъли. Зниой, во время глубокаго снъга, они, отыскивая себъ кормъ, доходять неръдко до самыхъ селеній.

Въ 15-ти саженяхъ отъ этихъ источниковъ начинается одинъ изъ величайшихъ ледниковъ на Кавказѣ—Майли. Лѣтъ 60 тому назадъ ледникъ этотъ простирался на 2 версты ниже теперешняго его конца. Затъмъ въ теченіе пяти лѣтъ онъ настолько стаялъ, что конецъ его очутился почти около горячихъ источниковъ. Въ августѣ мѣсяцѣ 1834 г. онъ двинулся внизъ и съ страшнымъ шумомъ и трескомъ продолжалъ свое движеніе до марта мѣсяца слѣдующаго года. За это время онъ опустился болѣе чѣмъ на 1½ версты внизъ. Ранѣе на поверхности этого ледника находился огромный камень, около котораго охотники наблюдали туровъ, но во время движенія ледника камень этотъ подпрыгнулъ съ такой силой, что потомъ отлетѣлъ на 20 саженъ отъ прежняго своего мѣста. Затѣмъ онъ былъ отнесенъ ледникомъ внизъ и втиснутъ въ наносный грунтъ ущелья Геналъ-дона, гдѣ онъ находится и теперь у высотѣ отъ уровня рѣки приблизительно 70—80 саж.; послѣ этс

черезъ разные промежутки времени ледникъ двигался еще пять разъ и каждый разъ проходилъ все меньшій и меньшій путь. Наконецъ, въ послідній разъ, 9 літъ тому назадъ, онъ прошелъ только 50 саженъ.

27-го іюля, въ три часа пополудни, я, въ сопровожденіи двухъ казаковъ и осетина Царахова, подвязавъ къ ногамъ стальныя кошки и вооружившись палками со стальными наконечниками, отправился въ путь. Провизіи мы имъли съ собой на 2 дня, такъ какъ я быль увъренъ, что путешествіе наше продолжится не болье этого времени. Погода въ этотъ день была тихая и ясная. Сначала путь нашъ лежаль чрезъ ледникъ. Вслъдствіе теплой и ясной погоды ледникъ въ этотъ день особенно таяль. По леднику мы прошли съ сввера на югь полторы версты. На этомъ разстояніи намъ пришлось встрітить на ледникі очень много глубокихъ трещинъ, которыя мы перепрыгивали, нъкоторыя, болье широкія, обходили. Въ иныя трещины приходилось спускаться, идти нівкоторое разстояніе по ихъ дну и снова карабкаться наверхъ. Пройдя 11/2 в., мы повернули на востокъ и начали подниматься по недавно упавшему снъговому обвалу. Дойдя до его средины, я провалился въ трещину и, благодаря только тому, что несь съ собой въ горизонтальномъ положеніи длиный шесть для флага, мнів не пришлось полетіть на дно этой трещины. Шедшій за мною осетинъ взяль немного вліво и тоже провалился. Тогда я, испробовавъ кръпость краевъ этой трещины, велълъ казакамъ прыгать черезъ нее, что они и совершили благополучно. Чтобы не подвергать себя новой опасности провалиться въ трещину, мы вышли на скалы и по нимъ продолжали свой путь. Тутъ приходилось натыкаться на совершенно отвъсные обрывы, которые мы обходили, и, наконецъ, въ 6 часовъ пополудни достигли одной скалы, которая представила собой всё удобства для ночлега. Здёсь я и решиль переночевать.

Не успъли мы устроиться, какъ снизу, изъ ущелья, подулъ вътеръ, пахнуло сыростью и хлынулъ неудержимыми волнами туманъ. Въ одну минуту онъ закрылъ всю величественную картину снъговыхъ горъ, и я видълъ теперь передъ собой только пріютившую насъ скалу и угрюмыя лица моихъ спутниковъ. Не дожидаясь сумерекъ, мы улеглись спать. Въ 6 ч. вечера термометръ показывалъ + 3,5 Р. Проснувшись ночью, я замътилъ, что туманъ спустился внизъ и сгустился на днъ ущелья. Это мнъ подало надежду, что на другой день погода будетъ ясная; предположенія мои оправдались. Утромъ, въ $5^{1}/_{2}$ часовъ, термометръ показывалъ — 0,5 Р. и камни всъ были покрыты инеемъ. Оставивъ здъсь бурки и немного провизіи, мы отправились въ дальнъйшій путь. По обледенълому щебню путь былъ весьма тяжелъ. Пройдя нъкоторое разстояніе, мы наткнулись на полосу кръпчайшаго льда при покатости болье 60°. Чтобы пересъчь ее, намъ пришлось вырубить болье 200 сту-

пеней. Затымъ мы снова выбрались на скалы, въ концъ которыхъ опять должны были пройти такую же полосу льда, гдъ вырубили 116 ступеней. Далъе путь пошелъ по скаламъ. Въ 10 ч. утра мы позавтракали и снова тронулись въ путь.

Пройдя саженъ сто, одинъ изъ моихъ спутниковъ, казакъ, почувствовалъ тошноту и сильное головокруженіе, что и заставило меня оставить его на этомъ мѣстѣ; тутъ же мы оставили провизію и лишнюю одежду и налегкѣ продолжали свой путь. Въ двѣнадцать часовъ мы достигли фирноваго поля, начинающагося на высотѣ 13.664 футовъ и занимающаго пространство около 6-ти квадр. верстъ. Увидѣвъ передъ собою такую равнину, находившійся при мнѣ казакъ не могъ воздержаться отъ восклицанія и сказалъ:

— Вотъ если бы здёсь построить станицу и кататься на саняхъ!

По фирновому полю мы пошли довольно быстро, несмотря на то, что оттаявшій фирнъ представляль собою сыпучую массу, въ которую погружались наши ноги по самое кольно, и мы брели по немъ, какъ по водъ. Здъсь начала томить насъ жажда, которая по мъръ движенія впередъ все усиливалась и усиливалась и, наконецъ, нестерпимо стала мучить насъ. Воды кругомъ нигдъ не было, и мы, чтобы утолить хоть сколько-нибудь томившую насъ жажду, стали глотать ледъ, но отъ этого жажда нисколько не уменьшалась, а какъ будто даже увеличивалась. Остановившись немного отдохнуть и прислушиваясь, не шумить ли гдънибудь вода, я вдругь, къ общей нашей радости, услыхаль вправо отъ себя тихое журчаніе. Я сейчась же пошель по направленію доносившагося до меня шума, но не успълъ я сдълать и десяти шаговъ, какъ вдругъ, будто бы ступивъ съ высоты на воздухъ, провалился въ замаскированную трещину, и опять быль обязань своимь спасеніемь находившемуся у меня въ рукахъ шесту. Употребивъ страшное усиліе, я выскочиль изъ трещины, сдълаль нъсколько шаговъ, остановился и посмотрълъ назадъ; въ это время фирнъ сыпался массой съ объихъ сторонъ, края трещины обваливались и она дълалась все шире и шире, и черезъ какихъ-нибудь двъ минуты на ея мъсть зіяла бездонная пропасть, которою я невольно залюбовался. Но это продолжалось недолго томившая меня жажда напомнила мнь о водь, и я снова сталь прислушиваться и осматриваться кругомъ, и опять услышалъ то же журчаніе, на этотъ разъ довольно близко. Присмотръвшись по направленію, откуда доносился до меня шумъ, я замътилъ, что онъ былъ вовсе не отъ воды это катились потревоженныя вътромъ мелкія льдинки по обледенълому же сиъгу.

Убъдившись, что воды нигдъ нътъ, я объявилъ это и моимъ спутникамъ, и мы снова, глотая ледъ, продолжали свой путь. Черезъ полчаса послъ этого я сталъ чувствовать тошноту; когда я сообщилъ объ

этомъ моимъ спутникамъ, то услышалъ, что и они испытываютъ то же самое; ко всему этому прибавилось еще новое несчастіе: я зам'втилъ надвигающійся съ юга туманъ, который то всплываль надъ хребтомъ, то снова прятался, какъ бы силясь перевалить черезъ него. Вдругъ онъ заколыхался, поднялся надъ хребтомъ и неудержимо повалилъ на окружавшую насъ снъговую равнину. Туманъ былъ настолько густой, что вь десяти шагахъ ничего не было видно, и такой холодный, что одежда наша стала покрываться инеемъ. Въ это время мы поднимались на небольшой хребеть, проходящій по фирновому полю съ юга на сіверь; переваливъ черезъ него, мы снова очутились среди равнины, гдв не было нечего, чвить можно было бы оріентироваться, и мы шли наугадъ. Тошнота между твмъ все усиливалась и, наконецъ, дошла у меня до того, что я принужденъ былъ остановиться; я легь на снъть и вскоръ заснулъ. Но когда черезъ полчаса отъ холода проснулся, то замінтиль, что тошнота еще увеличилась; дълая надъ собой страшное усилю, я снова двинулся въ путь. Но чёмъ дальше мы шли, тёмъ тошнота у встхъ насъ усиливалась, и, наконецъ, я не выдержалъ. Посмотръвъ на часы, я увид \dot{b} лъ, что идти дальше уже поздно, такъ какъ было $3^{1}/_{3}$ ч. пополудни; я різшиль вернуться назадь, отыскать удобное мізсто для ночлега и тамъ переночевать. Въ съверо-западномъ углу фирноваго поля, на высотъ 13.664 футовъ, мы встрътили небольшую площадку, покрытую мелкимъ щебнемъ глинистаго сланца; это было единственное мъсто свободное отъ снъга, тутъ я и остался ночевать. Пославъ казака внизъ за оставшимся тамъ его товарищемъ и за вещами, я съ осетиномъ расчистиль щебень, собраль болье крупные камни и сложиль изъ нихъ ограду фута въ 2 высоты, чтобы хоть сколько-нибудь защитить себя оть подувшаго довольно холоднаго вътра.

По окончаніи работы я подошель къ краю площадки, откуда мив было видно то місто, гдів мы оставили своего спутника. Какъ разъ въ это время посланный казакъ дошель туда. Встрітившись со своимъ товарищемъ и поговоривъ немного, онъ спрятался съ нимъ за скалу; минуть черезъ десять они снова вышли изъ-за скалы, и одинъ изъ нихъ началъ кричать; я откликнулся; тогда онъ объявилъ мив, что "хліба осталось только на два раза укусить", и спросилъ, идти ли наверхъ; получивъ отъ меня утвердительный отвітъ, онъ сталъ подниматься. Когда онъ дошелъ до насъ, то объявилъ мив, что другой казакъ подняться не можеть, такъ какъ чувствуетъ головокруженіе и тошноту, и проситъ позволенія вернуться назадъ; при этомъ онъ показалъ остатокъ провизіи, который состоялъ изъ половины пятикопеечной булки. Я разрішилъ ему вернуться назадъ, затімъ, не дожидаясь сумерекъ, мы легли спать и вслідствіе сильной усталости скоро заснули. Но недолго намъ пришлось спать, — наступившая ночь принесла съ собою холодът.

Когда я проснулся, то замътиль, что укутавшій вершину Казбека и ползавшій кое-гав по фирновому полю туманъ совершенно ре твялся. Надъ нами было темно-синее, почти черное небо, устянное звъздами. Изъ-за вершины Казбека тихо всплывала луна, обливая своимъ свътомъ серебряную поверхность снъговъ. Тишина была невозмутимая; но иногда среди этой тишины раздавался страшный трескъ льда и, повторившись стоголосымъ эхо, тихо замираль гдь-нибудь въ отдаленномъ ущельи. Побъгавъ немного по площадкъ и нъсколько согръвшись, мы ръшили опять лечь; при этомъ я объявилъ моимъ спутникамъ, что будемъ ложиться въ средину по очереди. Ложившійся въ средину засыпаль моментально, такъ какъ ему было тепло, но зато крайніе не могли долго выдерживать холода и вскоръ принуждены были вставать, а вслъдъ за ними вставслъ и средній; и опять начиналась бъготня по площадкъ до тъхъ поръ, пока не согръвались, потомъ опять ложились, и снова холодъ заставлялъ вставать. Такъ продолжалось всю ночь, во время которой морозъ кръпчалъ и кръпчалъ, и, наконецъ, когда на разсвъть я посмотрълъ на термометръ, то онъ показывалъ—9¹/₂ Р. Одежда на насъ была покрыта инеемъ. Мы такъ окоченъли отъ холода, что не могли двинуться въ путь; но употребивъ крайнія усилія, кое-какъ выбрались на вершину, закрывавшую отъ насъ солнце; тутъ мы просидъли около двухъ часовъ, отограваясь, и только посла этого двинулись въ путь. Вскора насъ опять начала томить жажда, и мы снова стали глотать ледъ, но на этотъ разъ тошноты никто уже не чувствовалъ.

Оставленный нами наканунь сльдъ показаль, что мы, благодаря туману, сильно повернули на югь и подошли къ основанію западной вершины Казбека. На этотъ разъ мы держались юго-восточнаго напривленія, но, дойдя до соединенія основаній объихъ вершинъ, повернули на востокъ и стали подниматься къ перевалу между вершинами Казбека. Своро покатость сдълалась настолько круга, что намъ пришлось рубить ступени, и мы не переставали делать ихъ до самой вершины, а встречавшіяся сніговыя террасы заставляли нась дізлать большіе зигзаги и уклоняться все болве и болве къ западу. Жажда между твиъ все усиливалась; другой казакъ, кром'в того, сталъ чувствовать сильное головокруженіе, а черезъ нівкоторое время у осетина Царахова полилась изъ носа кровь, которую едва удалось остановить снігомь; послі этого онъ не хотвль идти далье; я посовытоваль ему вернуться къ мысту нашего ночлега, а самъ съ казакомъ пошелъ въ дальнъйшій путь, но, сдълавъ саженъ 30, я оглянулся на моего осетина, въ полной увъренности, что увижу его идущимъ внизъ; къ моему удивленію я замітилъ, что онъ лъзетъ вслъдъ за нами; я ръшилъ обождать его, и потомъ мы опять втроемъ продолжали путь. Покатость становилась все круче, и я съ безпокойствомъ сталъ оглядываться на казака, по лицу котораго было видно,

Digitized by Google

что ему дълается все хуже и хуже-къ головокруженію прибавилась лихорадка, которая трясла его немилосердно, заставляя сильно стучать зубами. Наконецъ, онъ остановился и объявилъ миъ, что дальше идти не можеть, потому что въ глазахъ темнъеть и ноги не повинуются. Отпустивъ его назадъ, я сталъ слъдить за нимъ, пока онъ не выбрался на равнину, по которой и побъжаль, а я съ осетиномъ пошелъ дальше и, послѣ разныхъ препятствій, въ 121/, час. дня достигь средины хребта. идущаго отъ западной вершины къ перевалу; при спускъ по этому хребту я нашель флагь, поставленный Бимь-Булатомь Тулатовымь. На переваль я рышиль отдохнуть. Переваль этоть представляль площадку длиною по направленію хребта саженъ 30 и поперекъ хребта саженъ 50. Здъсь опять у осетина пошла кровь, которую на этотъ разъ было трудиве остановить. Послв этого я сталь любоваться открывавшимся отсюда видомъ; было совершенно ясно и такая тишина, которая выражалась не отсутствиемъ шума, а какъ бы существовала сама по себъ; ничто здъсь не напоминало о жизни, и вся земля, насколько было ее видно, казалась какъ бы вымершей; но вдругъ я замътилъ летящую надъ нами красную бабочку. Это такъ насъ поразило, что мы не върили своимъ глазамъ; бабочка между тъмъ летъла и, какъ бы играя въ воздухѣ, то поднималась, то опускалась; мы слѣдили за ней, пока она не скрылась изъ виду. Черезъ пять минутъ въ томъ же направленіи пролетьла и другая бабочка, а черезъ десять еще одна, съ съвера на югъ. Въ половинъ второго мы подошли къ основанію восточной вершины, которая возвышалась передъ нами почти отвъсной стъной. Осетинъ опять сталь отказываться идти, говоря, что на такую стъну взобраться нельзя; я посовътоваль ему ждать меня на переваль, а самъ началь рубить ступени и подниматься понемногу вверхъ; но не успълъ я вырубить и десяти спупеней, какъ осетинъ пошелъ за мной, и мы опять вмъстъ стали продолжать путь, который на этотъ разъ шелъ по обледенълому снъгу. Потомъ перешли мы на скалы, среди которыхъ также попадался ледъ; выбравшись изъ скалъ, мы очутились опять на сиъгу, и тутъ, немного отдохнувъ, двинулись въ путь и, наконецъ, ровно въ 4 часа пополудни мы достигли самой высшей точки Казбека. Это было 29-го іюля.

Высота Казбека 16.546 ф. Величественный видъ, открывающійся отсюда, не поддается описанію. Меня поразила фигура вершины, которая всегда казалась мнѣ шапкой; теперь же я видѣлъ передъ собой дугу, острую во всей своей длинѣ и на протяженіи 35-ти шаговъ не имѣющую никакого паденія; очевидно, что тутъ былъ когда-то кратеръ, сторона котораго, обращенная на югъ, провалилась. Ниже дуги по направленію къ востоку есть плечо, образующее довольно большую площадку, которая закрывала отъ меня теперь станцію Казбекъ и которую оттуда принимаютъ за вершину.

Такъ какъ я слышаль, что въ концѣ іюня на этой же вершинѣ былъ англичанинъ Волей, то, осмотрѣвъ поверхность снъга и не найдя ника-кихъ знаковъ, которые въ подобныхъ случаяхъ всегда оставляются, я взялъ лопатку и началъ рыть снъгъ, а осетина заставилъ дѣлать то же самое штыкомъ; но взрывъ и прощупавъ на значительной глубинѣ снъгъ по всей длинѣ вершины, мы все-таки ничего не нашли, что заставило меня усомниться въ справедливости упомянутаго слуха.

Сдълавъ наблюдение надъ термометромъ, который показывалъ въ это время $(4^{1}/_{4}$ ч.) $-3^{8}/_{4}$ Р., я сталь приготовлять флагь, который состояль изъ краснаго кумача, длиною 4 аршина и шириною 3 аршина, и изъ древка, длиною, считая и желъзный наконечникъ, въ 17 фут., который я и водрузилъ посрединъ дугообразной вершины, воткнувъ рядомъ съ нимъ колышевъ длиною около 2 фут. Флагъ мой виденъ былъ въ бинокль изъ Владикавказа, а изъ ближайшихъ къ Казбеку селеній его видъли простымъ глазомъ. Полюбовавшись въ послъдній разъ чудной картиной, мы ровно въ 41/, час. пошли обратно. Теперь мы подвигались впередъ по готовымъ ступенямъ очень быстро, а въ нъкоторыхъ мъстахъ приходилось просто скатываться, притомъ съ такою быстротой, духъ захватывало; но выбравшись на фирновое поле, мы снова пошли медленно, такъ какъ голодъ, проведенная безъ сна ночь и неимовърные труды давали себя чувствовать. Въ 71/2 часовъ вечера мы были на мъстъ второго нашего ночлега, гнъ насъ ожидалъ второй изъ отставшихъ казаковъ. Забравъ остальныя вещи, я еще разъ оглянулся на Казбекъ, который въ это время весь былъ залить лучами заходящаго солнца, а на вершинъ его гордо развъвался мой красный флагъ. Глядя на эту картину, я невольно вспомнилъ стихотвореніе Лермонтова "Казбеку", гдъ между прочимъ говорится:

> Чалмою бѣлою отъ вѣка Твой лобъ наморщенный увить, И гордый ропотъ человѣка Твой гордый миръ не возмутить.

Теперь же не только быль возмущенъ его гордый миръ, но и чалма была украшена султаномъ въ видъ краснаго флага. Спустившись къ тому мъсту, гдъ оставался первый казакъ, мы въ первый разъ послъ двухъ ночей встрътили воду, которой и стали утолять неперестававшую ни на минуту мучить насъ жажду; но чъмъ болъе мы цили, тъмъ болъе хотълось пить; однако вода придала намъ нъсколько силы, и мы, выбравшись на скалы, быстро пошли впередъ. Солнце въ это время закатилось, и наступившая вслъдъ за этимъ темнота заставила насъ остановиться и подумать о ночлегъ. Мы стали осматриваться кругомъ, ища мъста, гдъ можно было бы прилечь, но, кромъ льда и острыхъ скалъ, ничего не было видно. Тогда, снявъ съ себя совершенно размокшую

обувь и поджавъ подъ себя ноги, мы въ сидячемъ положени провели всю ночь, котя здѣсь морозъ былъ меньше, но зато негдѣ было походить, чтобы согрѣться. На разсвѣтѣ термометръ показывалъ — 2° Р. Обувь наша замерзла и мы едва натянули се на ноги. Скалы, по которымъ намъ теперь пришлось идти, совершенно обледенѣли, и мы почти на каждомъ шагу скользили и падали. Въ 10 часовъ утра мы достигли иѣста перваго нашего ночлега, гдѣ и нашли наши бурки и около фунта хлѣба изъ оставленной нами здѣсь провизи, которую съѣлъ вернувшійся раньше казакъ; лослѣдній объяснилъ намъ потомъ, что онъ съѣлъ все,

Казбекъ.

лотому что, во-первыхъ, хотълъ кушать, а во-вторыхъ, что не надъялся, чтобы мы могли вернуться, а слъдовательно не для кого было и оставлять провизію. Несмотря на то, что мы уже двое сутокъ ничего не ъли, у насъ не было никакого аппетита и мы кое-какъ съ водою съъли этотъ кусокъ хлъба. Забравъ бурки, мы снова отправились въ путь и въ 11½ час. спустились на ледникъ Майли. Тутъ мы опять, какъ и прежде, встрътили безчисленное множество журчавшихъ на разные лады ручьевъ, шумъ которыхъ, сливаясь въ общій гулъ, производилъ волшебную гармонію. Въ разстояніи одной версты отъ горячихъ источниковъ насъ окуталь туманъ. Въ это время мы находились средиледяныхъ холмовъ, вдали былъ слышенъ шумъ водопада, напоминавшій

собою отдаленный шумъ моря, и эта картина живо напомнила мив полярныя страны, съ которыми я, впрочемъ, знакомъ только по описанію. Вдругь подуль легкій вітерокь; тумань быстро поднялся, и началь накрапывать дождикъ; въ это время мы увидъли горячіе источники и толпу людей, которые, очевидно, уже насъ замътили. До мъръ нашего приближенія къ источникамъ толпа все увеличивалась, и когда мы, наконецъ, спустились къ горячимъ водамъ, то всв лечившеся здесь собрались у крайней землянки и ожидали насъ: они, какъ потомъ оказалось, узнавши отъ вернувшагося казака о нашемъ положеніи, считали насъ погибшими и теперь встречали, какъ выходцевъ съ того света. Ровно въ 2 часа мы достигли горячихъ источниковъ. Тутъ же я встрътиль случайно прівхавшаго сюда знакомаго доктора, который, оказывается, собирался уже уважать и извъстить кого следуеть о нашей ¥ибели. Доктора поразили наши лица, которыя онъ нашелъ совершенно черными, какъ бы обожженными, что онъ и объяснилъ сильнымъ преливомъ крови, вследствіе разреженнаго воздуха, къ наружнымъ покровамъ тъла. Черезъ полчаса докторъ уъхалъ, а я остался на горячихъ источникахъ. Дождь между тъмъ все усиливался и, наконецъ, превратился въ настоящій ливень, который съ страшною грозою продолжался болъе двухъ часовъ. Когда же на другой день миъ пришлось проъзжать черезъ селеніе Тмени-кау, то я зам'тиль сліды страшнаго разрушенія, произведеннаго ливнемъ: хлібъ, созрівавшій уже, быль снесень вмъсть съ почвой, нъсколько саклей размыто, мосты снесены и всъ мельницы разрушены. Проъзжая черезъ селеніе Саниба, я встрътиль на площади толиу осетинъ, одинъ изъ которыхъ, указывая мив на картину разрушенія, сказаль: "Воть во всемь этомь виновать ты; ты поднялся на Казбекъ, а насъ Богъ наказалъ за это". Видно было по всему, что и вся толпа согласна съ ораторомъ. Я хотвлъ было разувврить ихъ въ этомъ, но, зная изъ опыта, что это ни къ чему не приведетъ, я только могь въ утешение имъ сказать, что если бы зналъ, что мое восхожденіе будеть имъть такія печальныя послъдствія, то я бы не пошель ла Казбекъ. Въ заключение я долженъ разсказать осетинскую легенду, которая разъяснить, почему осетины считають меня виновникомъ своего несчастія.

Вотъ содержаніе ея. "Когда Господь рѣшилъ послать на землю Інсуса Христа, то Онъ не могъ найти мѣста на всей землѣ, которое не было бы осквернено грѣшной ногой человѣка, кромѣ вершины Казбека; здѣсь Онъ и помѣстилъ младенца Христа, положивъ Его въ золотую колыбель; тутъ же Онъ помѣстилъ голубя и золоторогаго барана; голубь долженъ былъ качать колыбель и ворковать надъ младенцемъ, а баранъ своимъ блеяніемъ забавлять Его; а чтобы голубь и баранъ не умерли отъ голода, Онъ насыпалъ тамъ большую кучу пшеницы. За-

тъмъ Іисусъ Христосъ выросъ, сошелъ на землю, совершилъ извъстныя намъ дъянія и вознесся на небо; но въ воспоминаніе пребыванія Его на Казбекъ Господь навсегда оставилъ тамъ колыбель, голубя и барана; попрежнему голубь качаетъ колыбель и воркуетъ надъ ней, а по вечерамъ слышится блеяніе барана, и попрежнему они питаются тою же пшеницею, которая никогда не уменьшается". Вотъ потому-то осетины говорили мнъ, что Богъ никого не допускаетъ на вершину Казбека многіе пытались взойти туда—между ними были англичане, французь въщы и осетины,—но никому это не удавалось Однихъ Богъ оставаль, другихъ вихремъ сносило въ пропасть, а третьихъ погребалъ подъ снъгомъ. Теперь они говорять: "одному русскому удалось взойти на вершину Казбека, откуда онъ взялъ съ собою золотую колыбель, за что Богъ и наказалъ ближайшихъ жителей тъмъ, что послалъ имъ ливень".

У осетинъ.

57

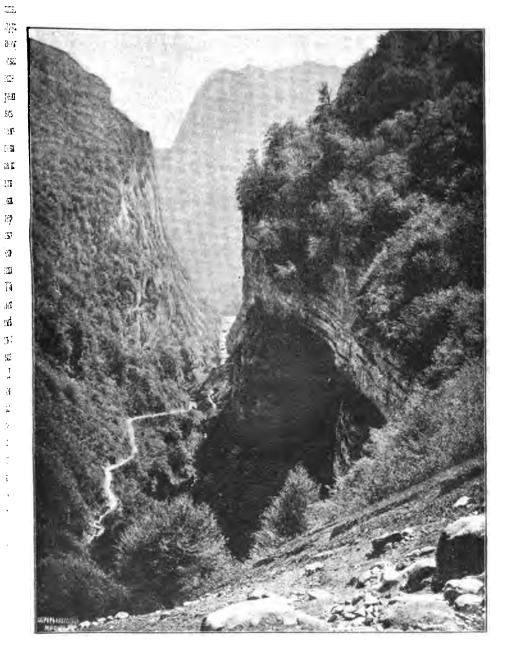
(Россиковой.)

Едва занялась заря, мы были уже на ногахъ. У моста на противоположномъ берегу стояла одноконная осетинская арба и дожидался насъ проводникъ, молодой парень лътъ восемнадцати, осетинъ, довольно хорошо говорящій по-русски, даже грамотный — явленіе весьма рідкое въ горахъ, съ двумя своими сотоварищами, которые явились просто изъ любопытства. Утро было ясное. На синемъ небъ ни облачка. Въ воздухъ свъжо, даже холодно. Мы посившили нагрузить вещи на арбу и двинулись въ путь. Намъ предстояло пройти одно изъ интересныхъ мъсть, тъсное ущить, извъстное подъ именемъ Зивгисскаго. Два громадныхъ хребта замыкали ущелье съ обоихъ боковъ. Дорога жалась къ подошвъ праваго склона, по дну теснины, загроможденному обломками скаль, засыпайному щебнемъ, и мъстами исчезала подъ сводами громадныхъ скалъ. Тъ же уступы, террасы, скалы, громоздясь одна надъ другой, бороздили отвъс-, ные склоны, но уступы твснины были острве, террасы положе, скалы выше, глаже, громаднъе и нависали съ такой удручающей силой, точно собинались сорваться и похоронить подъ своею тяжестью узкій проходъ. Казалось, въ природъ не было силы, которая могла бы соперничать съ гигантскою мощью сумрачныхъ великановъ, а между твиъ сила эта была здёсь же, сила эта-вода, та самая река, которая, зарывшись на дне, лизала подошвы великановъ и разбивала о нихъ свои мутныя волны. Ничто не можеть сравниться съ дъятельной силой воды, ничто не можетъ остановить ея неустанной энергіи. Бъгутъ ручьи, собираются въд потоки, ръки и опять бъгутъ. Проходять въка, и самые громадные горные великаны не могуть устоять подь этимь ежечаснымь, неустанным натискомь воды. Она размываеть ихъ бока, распиливаеть трещины шагь за шагомь, пролагая себё ложе, кладеть начало тому разрупи нію, результатомь котораго явилась и Зивгисская тёснина. Зивгисску тёснину прорыль Фіагь-донь; онъ распилиль поперекъ хребеть скали стыхь горь и, углубляясь все ниже и ниже, до нашихъ дней еще н закончиль своей разрушительной дёятельности. Чахлый кустарникъ вперемежку съ стройными тонкими соснами, которыя, едва цёпляясь за скалы, одиноко торчали среди сёрыхъ безжизненныхъ массъ, тамъ и сямъ оживляль суровые склоны. Всюду ручьями и бёшеными потока ма струилась, скатывалась и падала съ громадныхъ высотъ вода. Рѣка плескалась на берегь и заливала дорогу. Приходилось буквально идти по водѣ, а мѣстами переѣзжать на арбъ струившіеся по дорогь потоки.

Со дна твенины дорога круто полвзла въ гору по склону поперечнаго отрога, которымъ, точно громаднымъ порогомъ, замыкалось Зивгисское ущелье. Горизонть, чемъ дальше, становился все шире. Теперы горы выступали передъ нами цълой вереницей гребней, съ царящими надъ ними скалистыми вершинами: Каріу-хоха—на юго-западѣ и Тбатхоха-на съверъ. Фіагь-донъ отклонился влъво и скрылся въ расшелинь, настолько узкой, что, казалось, горы въ этомъ мьсть не имьли прохода. Это — самая интересная часть Зивгисскаго ущелья. Видъ 📧 расщелину сверху поражаетъ своею оригинальностью. Сглаженныя п обточенныя водой скалы, ощетинившись, торчать надъ трещиной. Двь глыбы громадной величины, сорвавшіяся съ сосёдняго скалистаго склона. прикрывають трещину въ двухъ мъстахъ, образуя два естественных 🖈 моста. Мы взобрались на одинъ изъ нихъ. Внизу, на протяжени трехсотъ-четырехсотъ саженъ, разверзалась, въ буквальномъ смыслъ, щель, шириною не больше двухъ аршинъ. На дне ея, на глубине тридцатисорока саженъ, между двухъ известняковыхъ стънъ, едва замътный, мирнымъ желтоватымъ потокомъ безшумно катилъ свои мутныя воды Фіагьдонъ. Обломки скалъ, нъкогда преграждавшіе путь водъ, съ просверленными сквозными отверстіями, наподобіе арокъ, перекинутыхъ черезъръку, тамъ и сямъ видиълись по руслу, дополняя картину грандіозной работы ръки.

Едва мы переступили порогъ Зивгисскаго ущелья, характеръ выстности совершенно измѣнился. Горы больше не наступали тѣсной толиой, не подавляли своею грандіозностью. Онѣ точно разбѣжались въ разныя стороны, образуя широкую котловину, извѣстную подъ именемъ Куртатинскаго ущелья. Пологіе склоны, широкое каменное русло, гдѣ въ раздробленной на множество рукавовъ рѣкѣ едва можно было признать недавно бурный Фіагъ-донъ, и полное отсутствіе древесной растительности придавали котловинѣ видъ безплодной пустыни.

åЕ.

Горное ущелье въ Осетіи.

 $\mathsf{Digitized}\,\mathsf{by}\,Google$

Впереди темивло селеніе Зивгисы, такое же сврое и непривытливое, какъ окружующія горы. Оно пріютилось недалеко отъ входа въ котловину, у скалистаго подножья горы Каріу-хохъ, на небольшой террасъ, и скорве напоминало груду сложенныхъ камней, нежели человвческія жилища. Перескакивая съ камня на камень черезъ множество ручьевъ, на которые распадается протекающій черезь селеніе потокъ, мы, наконецъ, вступили въ аулъ. Зивінсы — селеніе небольшое: состоить всего изъ 25 дворовъ съ населеніемъ около 362 душъ обоего пола. По сравненію съ другими селеніями горной Осетіи оно не представляеть ничего оригинальнаго. Тъ же сложенныя изъ съраго камия безъ цемента курныя сакли, четырехугольной формы, тесно гивадятся одна надъ другой, хмуро и дико глядя изъ-подъ нависшихъ плоскихъ крышъ своими отверстіями, заміняющими окна и двери; та же тіснота и скученность (въ Зивгисахъ всего одна улица и дворы замъняются плоскими крышами хлъвовъ и другихъ надворныхъ построекъ), та же грязь. Полное отсутствіе какой бы то ни было культурной растительности еще больше увеличиваетъ печальный видъ горнаго осетинскаго селенія. Встретить подлів сакли дерево или, тъмъ болъе, садъ въ аулъ-чрезвычайная ръдкость. Да оно и понятно, если принять во вниманіе, что за недостаткомъ земли обитатель горнаго аула вынуждень обходиться не только безъ сада, но даже безъ двора, иногда безъ улицы. Въ силу ли неблагопріятныхъ климатическихъ условій или вслідствіе какихъ-либо другихъ причинъ, изъ всъхъ отраслей земледъльческого труда осетины-горцы занимаются только хатьбопашествомъ. Въ самое последнее время кое-где въ горахъ стали появляться огороды, гдб выращиваются лукъ, редька, изредка картофель для собственнаго употребленія. По карнизу горы, нависшей надъ селеніемъ, мъстахъ въ двухъ-трехъ льпятся каменныя сооруженія въ видъ полуразрушенныхъ стыть со множествомъ отверстійбойницъ. Это остатки древней кръпости, единственные свидътели историческаго прошлаго зивгисцевъ.

Все наличное населеніе аула высыпало изъ своихъ темныхъ и тѣсныхъ конуръ на улицу. Переднюю позицію, конечно, заняли ребятишки, грязные, полунагіе, съ громадными животами, за немногими исключеніями съ чесоточными струпьями на головахъ и лицахъ. Не менѣе печальный видъ имѣли и женщины въ своихъ грязныхъ рубищахъ съ истощенными, болѣзненными лицами. По вѣроисповѣданію здѣшніе осетины православные. Въ аулѣ имѣется старинная грузинская церковь, обнесенная каменной стѣной. Черезъ новыя тесовыя ворота мы вошли во дворъ. Прямо противъ вороть — просторный навѣсъ съ нарами, предназначенный для богомольцевъ, которые въ дни церковнаго праздника стекаются сюда со всѣхъ концовъ Осетіи. Между безчисленнымъ множествомъ турьихъ, козьихъ и оленьихъ роговъ, которые, какъ свидѣтели наивысшей добле-

сти современнаго осетина, по обычаю хранятся въ каждомъ священномъ мъстъ, намъ попалась любопытная вещь: на столоъ, которымъ подпирается навъсъ, на ржавомъ гвоздъ висъли такіе же ржавые кандалы. Какъ попали эти далеко не доблестные предметы за церковную ограду, кому они нъкогда принадлежали и съ какою цълью предназначались для храненія при церкви, никто изъ сопровождающихъ насъ осетинъ не могъ или не хотълъ намъ объяснить.

Сама по себъ перковь не поражаетъ изяществомъ архитектуры, но по характеру постройки несомнънно принадлежитъ къ съдой древности и имъетъ большое сходство съ типомъ древнихъ могильниковъ, которые въ безчисленномъ множествъ разсъяны по всей горной Осетіи.

Иногда они находятся въ самомъ центръ селенія, иногда близъ него, наподобіе второго мертваго селенія. Всъ могильники построены по одному типу: конусообразной формы зданіе въ три-четыре сажени высотою сложено изъ каменныхъ плитъ, скръпленныхъ очень прочнымъ цементомъ. На днъ могильника — глубокая яма, вверху же онъ перегораживался досками, настланными на балки. Трупы умершихъ втаскивались черезъ единственное небольшое отверстіе наверху и располагались въ рядъ на доскахъ. Когда рядъ наполнялся, доски приподнимались и трупы сваливались въ яму, очищая мъсто для новыхъ мертвецовъ.

Внутри церковь имъетъ такой же печальный видъ, какъ и снаружи. На голыхъ смазанныхъ глиной стънахъ ни одной иконы, никакихъ признаковъ украшеній. Въ серединъ восточной стъны небольшая дверь, сердцевидной формы, ведущая въ алтарь; сбоку, около лѣвой стъны, какая-то полка съ битой посудой,—вотъ и все, что мы видъли въ церкви.

Сейчасъ за ауломъ тянулись зивгисскія пашни. По склонамъ горъ, по берегу ръки, всюду, гдъ только есть клочокъ удобной земли, засъянъ хлъбъ. У горныхъ осетинъ вообще земли мало. Зивгисцы, напримъръ, имъютъ всего 64 десятины удобной земли на 362 души. Понятно, имъ приходится не щадить ни труда, ни времени для расчистки и защиты своихъ полей. Встрътить каменную ограду вокругъ пашни въ горахъ не ръдкость. Изъ года въ годъ съ вершинъ осыпаются камни и изъ года въ годъ, прежде чѣмъ начать пахоту, нужно расчистить пашню отъ камней. Если вообще трудъ земледъльца зависить отъ случайностей, то въ горахъ этихъ случайностей гораздо больше, чъмъ на равнинъ. Проливной дождь, буря, случайный обвалъ-здъсь все угрожаетъ земледельцу, его полямъ и даже жилищамъ. Иногда целые аулы вместъ съ грунтомъ, на которомъ они стоятъ, срываются съ горъ на дно ущелья. Мы видъли такія пашни, съ которыхъ дождемъ былъ смыть не только посъвъ, но и самая почва. Нужно прибавить при этомъ, что земля въ горахъ давно не родить безъ удобренія. Сколько нужно труда и энергія 🤇 чтобы при такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ заниматься земледеліемъ.

Мы снова шли по дну широкой котловины. На горизонтъ, увънчанные снъгами и льдами, сверкали гребни Большого хребта, расчлененные балками, сумрачными ущельями, какъ бы оттъняя сверху желтыя обнаженія обрамляющихъ котловину близкихъ горъ. При яркомъ заревъ солнца послъдняя казалась еще печальнъе, она какъ бы замерла: ни единаго живого штриха, ни одной отрадной картины! По склонамъ горъ, по дну котловины тамъ и сямъ темнъли селенія.

Теперь ближайшимъ селеніемъ на нашемъ пути было Дала-Кау. Оно раскинулось по об'в стороны Фіагъ-дона, но главнымъ образомъ по л'в-вому его берегу, и принадлежитъ къ числу крупныхъ (54 двора) и населенныхъ (536 душъ обоего пола) пунктовъ горной Осетіи; въ немъ есть даже н'вкоторые намеки на разведеніе фруктовыхъ садовъ. Въ Дала-Кау дв'в церкви: одна православная, другая деревянная грузинская; есть школа, въ которой обучаются грамот'в до сорока челов'вкъ учениковъ; сельское правленіе; постоянно живетъ священникъ, старшина, и даже им'вются дв'в лавки съ краснымъ товаромъ—явленіе весьма р'вдкое въ горахъ.

По внёшнему виду оно производить лучшее впечатлёніе, не такъ скучено и даже разбросано, что всего оригинальнёе, среди цёлой массы могильниковъ. Дорога прямо вела насъ въ селеніе. Съ вершины холма, или вёрнёе выступа надъ самой рёкой, гдё подъ тёнью могильника мы присёли отдохнуть, открывался замёчательный видъ. Селеніе Дала Кау и вся Куртатинская котловина, тщательно расчищенная отъ камней и распаханная подъ хлёба, разстилалась передъ нами какъ на ладони.

Потребности современнаго осетина до сихъ поръ уживаются съ курной саклей, гдъ мракъ невъжества и полное отсутствіе экономическаго благосостоянія идуть рука объ руку. Подобное состояніе не есть результать нашихь дней, —оно коренится въ историческихъ условіяхь: съ одной стороны, во внутреннемъ духовномъ упадкъ самихъ осетинъ, съ другой въ недостаткъ годной для обработки земли, что непосредственно вытекаеть изъ неблагопріятныхъ условій містности, самой котловины, которую ни измѣнить, ни обработать у населенія не хватаетъ ни силъ, ни умънія, ни энергіи. Несмотря на существованіе множества христіанскихъ церквей, осетины до сихъ поръ не имъютъ религіи. Сумбуръ заимствованій изъ христіанской, магометанской и языческой религій, которыми ограничивается религіозное міровозэр'вніе осетинь, нельзя назвать религіей. У осетинъ-магометанъ, напримъръ, въ праздникъ, совпадающій съ нашей Троицей, пекутся хлібы непремінно треугольной формы; въ кунацкой же христіанина не р'адкость встр'атить икону Божіей Матери или Іисуса Христа рядомъ съ портретомъ хозяина или съ картинкой, выразанной изъ какого-нибудь моднаго иллюстрированнаго журнала. Объ умственномъ развити нечего и говорить. Существующая въ ДалаКау школа—формально-офиціальная; въ ней, по словамъ нашего проводника, ученики не выучиваются даже грамотъ. Къ величайшему нашему сожальнію ни школы, ни церкви мы посытить не могли, такъ какъ, благодаря начавшимся полевымъ работамъ, большая часть населенія, священникъ, учитель и даже старшина отсутствовали изъ селенія. По дорогь мы зашли въ лавку. Судя по наличности товара, торговля въ ауль идетъ не бойко. Два-три куска кумачу, нъсколько штукъ ситпу, спички,

Осетинки.

разноцвътное мыло и что-то скрытое отъ глазъ въ коробкахъ составляли все достояніе лавки. Вообще торговыя учрежденія плохо уживаются съ патріархальными нравами осетинъ-горцевъ. Они привыкли сами удовлетворять всё свои потребности. Начиная отъ араки (водки) и кончая чувяками (обувью), въ аулѣ приготовляется все дома, своими средствами. Насколько патріархаленъ бытъ осетинъ, можно судить по тому, что въ горныхъ аулахъ не рѣдкость семья въ тридцать по сорокъ чело-

въкъ. На вопросъ нашъ, какъ они уживаются въ такомъ огромномъ количествъ, осетины отвъчали: "Что же намъ дълать? Земли у насътакъ мало (135 дес. на 536 душъ населенія), что вмъстъ мы еще можемъ какъ-нибудь жить, а врозь каждому не достанется и по полдесятинъ".

Интересна женская половина такой семьи, главныя представительницы которой, несомивнио, чужды другь другу, въ большинстве случаевъ собранныя изъ разныхъ концовъ Осетіи, если не подъ одну крышу, то къ одному очагу; но заглянуть въ этотъ своеобразный мірокъ до крайности трудно. Мужчины очень мало вникають въ отношенія женщинъ между собою. Для него она раба, и какъ раба заслуживаетъ вниманія настолько, насколько она ему нужна, полезна; отъ женщины же трудно добиться толковаго слова, такъ какъ по-русски никто изъ нихъ не говорить, бесъду же черезъ переводчика стъсняетъ обычай, налагающій на женщину об'эть молчаливой скромности въ присутствіи посторонняго мужчины. Всь домашнія работы обыкновенно распредъляются между женщинами такимъ образомъ, что каждая дълаетъ то, въ чемъ она наиболъе искусна. Одна шьетъ черкески, другая приготовляеть обувь, третья ткеть сукно, четвертая печеть хльбы и т. д., но при необходимости каждая дізлаеть то, что потребуется въ семьі. Вся черная работа: уходъ за скотомъ, очистка хлівовъ отъ навоза, тасканіе изъ лісу дровь, съ мельницы муки, даже полевыя работы лежать исключительно на женщинахъ. Робкая, застенчивая въ обществъ мужчинъ, осетинка совершенно измъняется, едва переступаетъ порогъ въ женскую половину. Здъсь обычай не предъявляетъ къ ней никакихъ требованій, здісь изъ манекена она превращается въ живого человіка. подвижного, веселаго, со всъми слабостями, свойственными вообще женщинъ. Шумныя бесъды, смъхъ почти не умолкаютъ въ женской половинъ въ отсутствие мужчинъ, но достаточно одному изъ нихъ промелькнуть мимо двери, чтобы улыбка застыла на устахъ осетинки, а голова скромно опустилась внизъ. Только старость освобождаетъ осетинку отъ необходимости въчно прятаться отъ мужского взгляда, но зато въ старости она окончательно переходить на степень домашняго животнаго въ глазахъ осетина. Мы встрътили одну женщину, уже не молодую, по крайней мірь съ виду (благодаря непосильному труду осетинки старятся рано), которая тащила на спинъ съ мельницы въ гору мъшокъ муки. Впереди, заложивъ руку за спину, щелъ ея мужъ. На наше замъчание осетинъ разсмъялся и равнодушно отвътилъ: "Помретъ-другую куплю. Развъ мало дъвокъ въ аулъ".

За сернами и турами.

(Динника.)

Нашъ проводникъ Дочхай замътиль вдали сернъ. Горцы много разъ удивляли меня своимъ острымъ зрънемъ, но Дочхай въ этомъ отношени, кажется, превзошелъ ихъ всъхъ. Серны ходили на выдающемся остромъ гребнъ и въ такомъ разстояніи, что я въ большой хорошій бинокль не сразу замътилъ ихъ даже тогда, когда мнъ точно было указано мъсто, гдъ нужно было ихъ искатъ. О солидности разстоянія, отдълявшаго насъ, свидътельствовало ужъ одно то, что первый моментъ, когда я замътилъ ихъ, онъ поразили меня своею миніатюрностью: я ожидалъ увидъть животныхъ среднихъ размъровъ, но вмъсто нихъ передъ монми глазами какъ будто бы явились гипсовыя фигурки, величиною не больше кролика. Замъчательно между прочимъ и то, что, вслъдствіе чистоты и прозрачности воздуха, въ бинокль серны были видны столь отчетливо, что можно было хорошо разсмотръть всъ части ихъ тъла и наблюдать всъ ихъ движенія.

Хотя до захода солнца оставалось не болъе трехъ часовъ, а разстояние до сернъ было довольно порядочное, но тъмъ не менъе мы не прочь были отправиться за ними.

Долго пришлось намъ пробираться по дну пологой лощины, засыпанной снъгомъ, и каждыя минутъ пять влъзать на невысокій гребень,
идущій параллельно лощинъ, съ цълью посмотръть, что дълаютъ серны
и не ушли ли онъ куда-нибудь. Выглядывалъ обыкновенно Дочхай,
мы же старались какъ можно скоръе пробираться вверхъ подъ прикрытіемъ гребня, чтобы потомъ подкрадываться къ сернамъ не снизу,
а сверху или сбоку. Подъемъ былъ крутой, но такъ какъ снътъ не
проваливался, то идти было еще не особенно плохо; но опасаясь, что
серны могутъ уйти, мы должны были торопиться до послъдней возможности. Это, конечно, вызывало сильное утомленіе и заставляло насъ
обливаться потомъ.

Когда мы пробирались такимъ образомъ, то вдругъ на снѣжное поле, черезъ которое пролегалъ нашъ путь, выскочила серна. Сдѣлавъ нѣсколько прыжковъ и выбравшись на самую середину поля, она остановилась шагахъ въ 600 выше того мѣста, гдѣ мы находились. Минуты двѣ серна стояла неподвижно и, какъ кажется, внимательно смотрѣла въ нашу сторону. Мы въ это время присѣли, но, находясь на чистомъ снѣгу, не могли, конечно, укрыться отъ взоровъ такого бдительнаго и осторожнаго животнаго. Имѣя въ виду цѣлое стадо сернъ и боясь испугать ихъ выстрѣломъ, мы рѣшили оставить эту въ покоѣ, тѣмъ болѣе, что и разстояніе до нея было настолько значительно, что не позволяло

вполив разсчитывать на удачный выстрель. Постоявъ несколько времени, серна быстрыми и красивыми прыжками направилась въ ту сторону, где находилось стадо, замеченное нами раньше.

Спустя еще нъсколько времени Дочхай снова взобрался на гребень съ цёлью посмотрёть, что дёлають серны, но едва успёль выглянуть, какъ снова спрятался за камень и сталъ звать насъ къ себъ. Минуты черезъ двв мы уже были около него и черезъ верхнія точки гребня могли любоваться зам'вчательной картиной: на небольшомъ сніжномъ поль, шагахь въ 500 оть нась, пять штукь туровь (Aegoceros Pallasii Rouil), гоняясь и играя другь съ другомъ, выдълывали самые курьезные прыжки и вольты. Они то набъгали другь на друга и чуть не сталкивали одинъ другого съ ногъ, то разбъгались въ разныя стороны, то присъдали и какъ будто бы хотъли перепрыгнуть одинъ черезъ другого. Особенно курьезно было смореть, когда подъ ихъ копытами снегъ проваливался, туры вязли въ немъ по самое туловище и потомъ съ трудомъ освобождали свои ноги. Хотя разстояніе до нихъ было довольно порядочное, но вслъдстіе прозрачности горнаго воздуха они были видны такъ отчетливо, какъ будто бы насъ раздъляла какая-нибудь сотня шаговъ. Безъ сомнънія, туры увлеклись своей игрой и совершенно не думали о томъ, что и въ заоблачномъ царствъ, гдъ они обитаютъ, человъкъ, ихъ злъйшій врагь, уже готовить посягательство на ихъ жизнь.

Несмотря на страсть къ охотъ, я довольно долго съ наслажденіемъ смотрълъ на веселую и беззаботную игру этихъ животныхъ, и въ первое время мив не приходило на умъ лишить которое-нибудь изъ нихъ жизни. Я продолжалъ любоваться ими и послъ того, когда Дочхай уже звалъ меня какъ можно поспъшнъе подкрасться къ нимъ; но, конечно, особенно долго заниматься наблюденіемъ ихъ мы не могли: туръ такая цінная и рідкая дичь, что упустить случай поохотиться за нимъ н обыть его шкуру или черепъ-невозможно; потому нами было рашено даже оставить безъ вниманія сернъ и скорбе отправиться за турами. Мы предполагали частью пройти, частью пролізть еще шаговъ 300 и изъ-за скалъ, находящихся недалеко отъ упомянутаго сибжнаго поля, стрълять по турамъ. Здъсь намъ пришлось съ крайнею поспъшностью карабкаться на очень крутой склонъ, чтобы туры не ушли куда-нибудь дальше. Дочхай все время шелъ впереди, шагахъ въ 60 отъ насъ, и нъсколько разъ съ большею осторожностью, снявши шапку, выглядывалъ изъ-за гребня по тому направленію, гдв были туры. Поспъвать за нимъ очень было трудно, потому что онъ обладалъ способностью прыгать съ камня на камень и бъгать на гору съ легкостью и быстротою серны. Наконецъ, онъ взобрался на тв скалы, съ которыхъ мы предполагали стрълять, и, выглянувъ изъ-за нихъ, сталъ энергично махать

руками и шанкой, давая этимъ знать, чтобы мы какъ можно скоръе пробирались къ нему. Догадываясь, въ чемъ дело, я употребляль отчаянныя усилія, работаль руками и ногами, но круча была страшная, ноги тонули въ щебић, а камни кателись изъ-подъ нихъ на каждомъ шагу; кромъ того, я былъ сильно утомленъ еще раньше, когда въ теченіе слишкомъ получаса чуть не б'ігомъ взбирался на гору; все мое бълье и все тъло были мокры, по лицу текли цълые ручьи пота, самъ я задыхался, ноги дрожали, а сердце стучало, какъ молотокъ. Не имъя силъ идти, я ръшилъ послъдніе шаговъ 15 прополэти хоть на кольняхъ, но этому страшно мъшала моя винтовка, пъплявшаяся за камни. Наконецъ, остается какихъ нибудь 7-8 шаговъ, а я ръшительно не могу сделать ихъ, не остановившись на минуту или на две, хотя и понимаю, что, пропустивъ лишнія 5—10 секундъ, могу испортить все діло. Черезъ двъ или три минуты я былъ почти у самаго Дочхая и подалъ ему свою винтовку, чтобы самому, работая руками и ногами, какъ можно скоръе взобраться на гребень, но ни на снъжномъ полъ, ни вблизи его ни одного тура не оказалось. Дочхай потомъ объяснилъ миъ, что въ то время, когда онъ махалъ намъ руками, туры шли тихимъ шагомъ на выстрълъ оть него, при чемъ онъ не котълъ стрълять по нимъ, желая это удовольствіе предоставить мнъ; но пока я взбирался на гребень, туры дошли до выступа скалы и скрылись за нимъ.

Оставить туровъ намъ не хотвлось, а поэтому едва только мы успъли перевести духъ, какъ снова полъзли за ними по скаламъ и осыпямъ. Я не стану описывать здъсь подробности нашихъ похожденій за этими животными, но скажу только, что туры все время были выше насъ; мы нъсколько разъ пытались подкрасться къ нимъ изъ-за скалъ, но они, въроятно, чуяли насъ и поэтому не останавливаясь шли впередъ. Наконецъ, завернувъ за одинъ скалистый выступъ, они совершенно скрылись оть нашихъ взоровъ. Тогда Дочхай предложилъ мнъ попытать свое счастіе на охоть за сернами. Онъ увъряль, что серны будуть пастись на одномъ мъстъ, и потому мы навърно застанемъ ихъ тамъ, гдъ онъ были раньше. Я не зналъ, на что ръшиться, болье всего меня приводило въ раздумье то, что, отправившись за сернами, мы должны будемъ возвращаться ночью, въ потемкахъ лазить по кручамъ и перебираться черезъ ръчки, скалы, снъга и вообще такія мъста, хожденіе по которымъ даже днемъ нельзя считать вполнъ безопаснымъ. Правда, ночь ожидалась лунная, но извъстно, что при свъть луны предметы представляются иногда совсемъ не въ томъ виде и не въ томъ положени, какое занимають на самомъ дълъ, а это, конечно, можетъ быть причиною ошибки, влекущей за собой очень серьезныя послъдствія. Особенно опасно ходить въ это время по бълому снъжному покрову, кручи, ямы и трещины котораго представляются часто въ совершенно ложномъ свътъ. Однако пріятня

перспектива добыть серну, которая такъ рѣдко достается въ руки охотника европейца, заставила забыть объ опасностяхъ ночного путешествія по скаламъ, осыпямъ и снѣгамъ, и я съ Дочхаемъ направился къ тому мѣсту, на которомъ мы предполагали застать сернъ. Болѣе чѣмъ половина нашего пути пролегала по осыпямъ, гдѣ то камни сыпались изъподъ ногъ, то ноги глубоко тонули въ мелкомъ щебнѣ; но великимъ облегченіемъ для меня было то, что приходилось идти вдоль склона, а не взбираться вверхъ. Вслѣдствіе этого мы шли довольно быстро, почти не останавливаясь и не задыхаясь, какъ прежде. Правда, встрѣчались кое-гдѣ небольшіе впадины и подъемы, но это была капля въ морѣ по сравненію съ тѣмъ, что пришлось намъ испытать раньше.

Немного уже оставалось до того, сравнительно невысокаго гребня, усъяннаго крупными обломками скаль, съ котораго мы должны были увидъть сернъ. Съ замираніемъ сердца мы приблизились къ нему и выглянули изъ-за него вдаль. Ни одной серны не было видно. Мы пробрались еще дальше къ следующей большой куче камней, но за нею также не увидъли ничего. Дочхай однако продолжалъ увърять меня, что серны гдъ-нибудь очень близко, и звалъ еще впередъ, но, къ моему удовольствію, не только не вверхъ, но даже слегка внизъ. Такимъ образомъ, мы еще нъсколько разъ перебъгали отъ одной группы камней къ другой, осторожно высматривая сернъ. Мъстность была здъсь замъчательно привлекательная, объщавшая удачу. Она представляла довольно кругой склонъ, усъянный множествомъ свалившихся сверху громадныхъ каменныхъ глыбъ, достигавшихъ нъсколькихъ тысячъ пудовъ въса, но между ними оставалось много чистыхъ мъсть, покрытыхъ свъжей бархатистой травкой. Очевидно, такая мъстность должна была придтись очень по вкусу сернамъ.

Выглядывая то изъ-за того, то изъ-за другого камия, Дочхай, наконець, замѣтиль ихъ и рукой указаль мив направленіе, гдѣ онѣ находились. Дѣйствительно, выглянувъ изъ-за каменной глыбы, я увидѣль штукъ 8 этихъ стройныхъ животныхъ, быстро бѣжавшихъ отъ насъ. Моментально въ моей головѣ явилась мысль, что онѣ почуяли запахъ человѣка и стараются спастись бѣгствомъ. Разстояніе до нихъ было не менѣе 300 шаговъ. Когда я смотрѣлъ на нихъ, не зная, что дѣлать, онѣ вдругъ остановились и, какъ миѣ казалось, съ еще большею быстротой бросились назадъ, т.-е. въ нашу сторону. Я сначала не понялъ, что все это означаетъ, и подумалъ, что, быть можетъ, онѣ, чего-нибудь испугавшись, набѣгутъ на насъ и, такимъ образомъ, сами представятъ случай стрѣлять на близкомъ разстояніи; но въ это время Дочхай шепнулъ миѣ на ухо: "ему играетъ" (т.-е. онѣ играютъ), и тотчасъ же, сдѣлавъ еще шаговъ 10, сталъ наблюдать за ними изъ-за слѣдующаго камия. Я, также пробѣжавъ немного впередъ и выглянувъ изъ-за другой глыбы,

увидълъ замъчательную картину: нъсколько сернъ ходили между камнями и по кучамъ щебня шагахъ въ 150 отъ меня, а одна, взобравшись на острый гребень огромнаго камня, стояла неподвижно какъ извание и смотръла внизъ; правый бокъ ея былъ обращенъ ко мнъ, а разстояніе до нея равнялось шагамъ ста. Ея красивые рожки и темная полоска на щекахъ были видны прекрасно. Бъдныя животныя и не подозръвали, что ихъ злъйшій врагъ у нихъ подъ бокомъ и уже намътилъ себъ жертву.

Болъе удобнаго момента для выстръла невозможно было и ожидать, а поэтому нельзя было терять ни одной секунды. Въ одинъ мигъ я поднялъ винтовку, положилъ ее на камень, почти такъ же быстро прицълился и выстрълилъ. Въ тотъ же моментъ серна, опрокинувшись черезъ голову, упала къ подножію камня, а всъ прочія, бывшія недалеко отъ нея, бросились бъжать. Оказалось, что сернъ было штукъ 25, но большую часть ихъ мы не могли видъть по причинъ пересъченной мъстности.

Вскорѣ послѣ моего выстрѣла раздался другой изъ кремневой винтовки Дочхая. Онъ также стрѣлялъ по одной изъ сернъ и сдѣлалъ промахъ. Черезъ нѣсколько минутъ мы подошли къ убитому животному. Оно лежало безъ всякихъ признаковъ жизни. Пуля ударила его въ верхнюю часть груди и, встрѣтивъ позвоночный столбъ, совершенно раздробила его. Серна оказалась самкой довольно порядочнаго роста съ красивыми, черными, загнутыми назадъ рожками. Такимъ образомъ наша охота закончилась удачно; отъ радости усталость прошла совершенно и были забыты всѣ труды, перенесенные нами въ этотъ день. Что касается меня лично, то я на этотъ разъ долженъ былъ считать себя счастливымъ охотникомъ, такъ какъ зналъ, что убить серну удается далеко не каждому, и что швейцарцы и тирольцы изъ-за этого удовольствія лазятъ по горамъ нерѣдко цѣлыя недѣли.

По Сванетіи.

(Каневскаго).

Сталкиваясь на каждомъ шагу въ узкихъ улицахъ съ неповоротливыми арбами и буйволами, тихо вывхали мы изъ Кутаиса. Путь нашъ шелъ зеленою долиною вверхъ по правому берегу ръки Ріона, по довольно порядочному шоссе, съ легкими подъемами и спусками. Утро было отличное, солнце не успъло накалить земли и съ каждымъ поворотомъ дороги открывалась панорама за панорамой зеленыхъ горныхъ хребтовъ, толпившихся предъ глазами, поросшихъ лъсомъ и окаймляющихъ ложе Ріона, по очереди заслонявшихъ и вновъ выраставшихъ

другь изъ-за друга пока еще вь мягкихъ, ласкающихъ глазъ очертаніяхъ. Только вдали, на самомъ заднемъ планъ этой панорамы, смутно обрисовывался голый скалистый хребеть Хвамли, мелькавшій какъ сърый маякъ изъ-за огромныхъ зеленыхъ волнъ; къ нему и вела насъ дорога. Мъстность дълалась все живописнъе, горы, обступавшія долину Ріона, поднимались выше, надвигались на ріжу и тісно прижимали къ ней дорогу, порой обрываясь прямо на тоссе своими отвъсными скалистыми боками и крутыми осыпями. Со свалъ, прорывая груды зелени, падали прямо на край дороги подъ мостикъ красивые небольшіе водопады; въ особенности быль хорошъ одинъ изъ нихъ; скатываясь нъсколькими пітнистыми бітлыми уступами съ полуотвітсной скалы, между двухъ стънъ яркой зелени, онъ падалъ въ большой природный резервуаръ, выдолбленный водою въ скалъ. Эта каменная чаша съ прозрачною холодною водой, въ которой дрожали отраженія тесно обступившихъ ее молодыхъ деревьевъ и кустовъ, такъ и звала окунуться и освежиться въ ней, темъ болье, что солнце начинало жечь сильные, но терять время нельзя было, и мы миновали искушеніе. Дорога, хотя попрежнему широкая и безопасная, становилась для животныхъ все трудиве; избъгая обрывистыхъ ствиъ ущелья, она чаще и выше взбъгала на лъсистые хребты, то пролегая по ихъ боковымъ силонамъ, то переръзывая небольшіе поперечные ихъ отроги; порою она поднималась очень высоко, и открывался видъ на Ріонъ, извивавшійся на днъ глубокой долины сизосърой лентой. Съ объихъ сторонъ дорогу обступали большіе кусты краснаго рододенарона; мъсяца полтора назадъ каждая вътка этого красиваго кустарника украшалась на концъ пышною кистью крупныхъ цвътовъ отъ красно-розоваго до бълаго оттънка; теперь только изръдка среди блестящихъ темныхъ листьевъ висъли неусиввшіе свалиться увядшіе візнчики. Кроміз рододендроновъ, подлівсокъ составляли лавровишневые кусты съ яркими какъ бы лакированными большими листьями, между которыми темными пятнами вырезывались кустарники остролистника или падуба (Ilex aquifolium) съ колючими черно-зелеными, точно гофрированными листьями.

Надъ дорогой, цвплясь корнями за каменные пласты, попадались стройныя деревца самшита или такъ называемой кавказской пальмы (Buxus sempervivens). Это превосходное дерево, съ твердою, какъ кость, бвло-желтою древесиной и мелкими, какъ у мирты, блестящими листочками, состоящими изъ двухъ пластинокъ, срастающихся по краямъ и образующихъ какъ будто маленькій овальный конвертикъ, въ огромномъ количествъ вывозится за границу, главнымъ образомъ на машинныя веретена; намъ попадались деревца въ полторы-двъ сажени вышиной в толщиной въ руку; но нъсколько выше въ здъщнихъ горахъ попадаются деревья самшита толщиной въ человъческую ногу. По краямъ дороги

попадалось много каштановыхъ деревьевъ, или върнъе пней отъ нихъ, обросшихъ круглыми шапками молодыхъ побъговъ и листьевъ; кое-гдъ на длинныхъ прутьяхъ сидъли плотные, круглые колючіе шарики несозръвшихъ плодовъ.

За подлъскомъ стройными рядами всходилъ по склонамъ и бокамъ до самыхъ вершинъ хребтовъ черный лъсъ, преимущественно изъ дуба и ясеня; но лъсъ этотъ былъ тихъ и мертвъ, какъ большинство лъсовъ на Кавказъ; щебетанье птицъ не оживляло его, и единственными представителями, заявлявшими объ обитаемости этихъ тихихъ убъжищъ, были черные дрозды, изръдка перелетавшіе съ трескучимъ крикомъ дорогу и исчезавшіе въ дали лъсного зеленаго сумрака; еще ръже слышался крикъ сойки и мелькали между вътками ея голубыя крылья, затъмъ—ни звука, ни движенія.

Другой недостатокъ, отнимавшій много прелести у этихъ красивыхъ издали лъсовъ, было почти полное отсутствіе травы на землъ. Не только въ чащъ, у подножія стволовъ каменистая почва была полуприкрыта только сухими и гніющими листьями, но и тамъ, гдф лфсъ отступалъ предъ полянками, земля была или засыпана мелкими острыми камешками, остатками вывътривающихся и разсыпающихся пластовъ, поросшими ръдкою щетиною короткой травы, или поляны покрывались сплошнымъ свътло-зеленымъ кружевомъ папоротника. Этотъ недостатокъ мы особенно близко приняли къ сердцу, когда остановились отдохнуть и покормить животныхъ на 34 верстъ оть Кутаиса. Бъдныя животныя, слоняясь между кустами, натыкались или на сухія сорныя травы или на негодный папоротникъ и едва ли въ теченіе трехчасовыхъ поисковъ наълись досыта. Тъмъ же шоссе, все по склонамъ лъсистыхъ горъ, поздно вечеромъ доъхали мы до Альпано. Подъъхавъ къ канцеляріи, т.-е. въ сущности къ волостному правленію, мы расположились ночевать на дворъ на буркахъ, сквозь которыя утомленное тъло очень чувствительно кололи мелкіе камешки; но все же мы предпочли эти камешки широкимъ лавкамъ канцеляріи, гдъ несомньно въ каждой щелочкъ и дырочкъ милліоны голодныхъ клоповъ томительно поджидали ръдкихъ здъсь путешественниковъ, чтобы слъдомъ за духанщиками взять съ нихъ свою долю добычи.

Ранній прохладный вітерокъ, шелестившій высокими стеблями кукурузы, поля которой окружали канцелярію, разбудиль насъ. Солнце еще не выходило изъ-за горъ, дворъ канцеляріи тонулъ въ густой холодной тіни ближайшихъ хребтовъ и посліднія звіздочки гасли на біловатомъ небі, когда подъ нашимъ чайникомъ трещалъ уже костеръ. Вода закипіла быстро, и чай, положительно драгоціннійшій напитокъ въ путешествіяхъ подобнаго рода, живо прогналъ непріятную дрожь, вызванную въ тілі свіжимъ утромъ. Я приказалъ Николаю сіздлать жи-

вотныхъ и самъ неотступно слѣдилъ за нимъ, наблюдая за каждою пряжкой, каждымъ ремешкомъ. При дальнихъ верховыхъ поѣздкахъ правильная сѣдловка — обстоятельство крайне важное. Приведя всѣ пряжки и ремешки въ порядокъ, мы тронулись дальше. Дорога все еще шла по хорошо воздѣланному шоссе и, обогнувъ Альпанскую канцелярію, повернула въ ущелье рѣки Ладжіануры, перерѣзавъ ее прочнымъ деревяннымъ мостомъ. Сейчасъ же за мостомъ она втянулась въ гигантскія каменныя ворота, выпускавшія изъ ущелья Ладжіануру. Чрезъ нѣсколько верстъ шоссе вывело насъ изъ ущелья и повернуло вправо; здѣсь мы должны были разстаться съ нимъ: оно вело въ селеніе Лайлаши, административный центръ, наша же дорога лежала влѣво, къ ущелью рѣки Цхенисъ-Цхале.

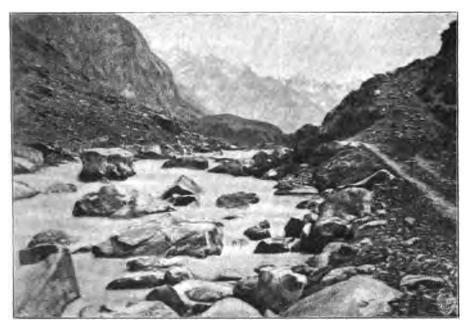
До сихъ поръ мы не нуждались въ проводникъ, — имъ служила бълая лента шоссе, но тутъ дорога стала разбиваться на множество тропинокъ, влъво, вправо, вверхъ, внизъ, слъдуя вдоль той же ръчки, протекавшей здъсь въ отлогой котловинъ, обрамленной горами, на которыхъ вездъ виднълись разбросанныя селенія и отдъльныя усадьбы. Потому, чтобы не заблудиться, мы, подъъхавъ къ канцеляріи деревни Орбели, попросили себъ проводника. Намъ дали мальчугана имеретина лътъ десяти, къ которому скоро присоединились еще два товарища, и они повели насъ небольшимъ переваломъ чрезъ глинистую гору въ деревню Мури.

Тропинка, подымаясь и опускаясь, вилась среди усадьбъ и садовъ, огороженныхъ частоколомъ, полузакрытымъ перевъсившимися вътками грушъ, яблонь и длинными усатыми побъгами виноградныхъ лозъ. Культура винограда здъсь такъ же, какъ и во всей почти Гуріи, Мингреліи и Имеретіи, довольно своеобразна: у большихъ деревьевъ обрубаютъ вътки до самой вершины, оставляя отъ нихъ только короткіе сучья и у подножія дерева сажаютъ лозу, которую и не обръзываютъ. Такимъ образомъ деревья служатъ подпорой лозамъ и эти послъднія, достигая громадныхъ размъровъ, вьются кругомъ дерева толстыми черными змъями, добираясь до самыхъ верхушекъ и бросая оттуда внизъ красивые зеленые каскады молодыхъ побъговъ. Въ третьемъ часу дня мы въъхали въ ущелье ръки Цхенисъ-Цхале, поражающее дикою красотой своего преддверія.

Гигантская сврая скала разсвиалась на-двое, едва давая проходъ бъщеной ръкъ, съ глухимъ ревомъ и рокотомъ бросающейся на каменныя стъны. Узкая дорога, вырубленная въ одной изъ стънъ, идетъ круто, подымаясь по карнизу, открывая справа ничъмъ неогороженную пропасть саженъ въ пятнадцать. Животныя наши, сами сторонясь отъ пропасти, жались къ отвъсу съ лъвой стороны дороги, и мы невольно примолкли, поглядывая съ затаеннымъ дыханіемъ въ черную

холодную глубину. Въ сущности опасности не было никакой; даже если бы лошадь споткнулась и упала, ширина дороги позволила бы ей удержаться и не упасть въ пропасть, но при видъ послъдней, и такъ близко, невольно рисовалась въ воображеніи возможность такого паденія, и отъ этой воображаемой картины кровь стыла въ жилахъ.

Скоро угрюмыя ворота, ведущія въ ущелье Цхенисъ-Цхале остались назади, и дорога спустилась въ самой рѣкѣ. Съ громомъ и грохотомъ, высоко взметывая брызги и пѣну, она перескакиваеть черезъ обточенные ею же валуны, перегораживающіе ей дорогу, или съ глухимъ клокотаньемъ, сжатая въ узкую струю, проходитъ между ними, точно ста-

Каменный обваль въ ръкъ.

раясь раздвинуть эти мертвыя неподвижныя массы. Порою сквозь ревъ и шумъ воды прорывается скрежеть другь о друга огромныхъ камней; ръка ворочаеть ихъ и тащить по дну, нагромождая на своемъ пути и загораживая такимъ образомъ иногда сама себъ дорогу.

Съ трудомъ обмѣниваясь замѣчаніями за шумомъ воды, подвигались мы впередъ; узкая рамка, въ которой была заперта бѣснующаяся рѣкаводопадъ, совершенно гармонировала съ послѣднею своимъ грознымъ и дикимъ характеромъ. Веселые зеленые виды Ріонской долины не повторялись; сквозь лѣсъ чаще и чаще обнажались скалистыя ребра хребтовъ, они то врѣзывались въ рѣчку зубчатыми, разорванными уступами, свѣшивались надъ нею сплошными отвѣсными стѣнами.

Черный или темно-сёрый цвёть ихъ пластовъ еще болёе увеличиваль суровый и мрачный колорить общей картины; на карзинахъ и уступахъ скалъ сквозь свётлую листву чернолёсья вырёзывались въ одиночку и группами темныя стрёлы елей. Какъ и въ Ріонской долинѣ, никакихъ признаковъ животной жизни кругомъ замётно не было; изрёдка только бёлогрудая оляпка срывалась съ прибрежныхъ камней н, мелькая въ брызгахъ и пёнё волнъ надъ самою водой, переносилась на противоположный берегъ. Эта замёчательная птичка, величиною съ небольшого дрозда, обыкновенно придерживается горныхъ рёчекъ и тамъ, гдё вода, заходя въ впадины и котловины, идетъ тихо, она, какъ водолазъ, спускается на дно, и, расхаживая между камнями, отыскиваетъ себё пищу: во время подводныхъ экскурсій птичка закрываетъ ноздри особыми клапанами, не допускающими воды въ легкія.

Приблизительно чрезъ полтора часа пути нашъ проводникъ остановился и сталъ говорить съ Николаемъ; онъ говорилъ долго и убъдительно, временами посматривая на меня и показывая на ръчку.

- Что онъ говорить, Николай?-спросиль я.
- Онъ говоритъ, что его надо отпустить домой, что съ дороги мы не собъемся: она идетъ все время по ръкъ, никуда не сворачивая, а что онъ человъкъ бъдный и ему надо работать.
- А какъ вы думаете, не вретъ ли онъ, не заблудимся мы, если отпустимъ его?
 - Кто его знаетъ, можетъ и вретъ, они всъ врутъ.
 - Какъ же быть?
- Ничего, отпустите, какъ-нибудь довдемъ, до Лентехъ осталось верстъ пятнадцать.

Признаюсь, съ самаго начала дороги босыя ноги проводника, попиравшія острые каменья и колючки, возбуждали во мит такое сожалтніе, что я самъ порывался предложить ему вернуться. Весьма втроятно, что этимъ привычнымъ ногамъ было не такъ больно, какъ моему сердцу за нихъ, но тты не менте именно ради нихъ я сдталъ первую и послъднюю глупость въ этой потздкт: вручивъ проводнику два абаза, (а по-русски два двугривенныхъ), отпустилъ его съ миромъ, и мы потъхали дальше одни.

Не провхали мы и двухъ веретъ, какъ судьба послала первое предостережение нашей неопытности, напоминая, что въ такихъ дикихъ мъстахъ наобумъ путешествовать нельзя.

Тропа, обогнувъ надъ самымъ Цхенисъ-Цхале скалу, привела къ мосту, перекинутому черезъ горный потокъ, вырывавшійся изъ бокового ущелья, хотя этотъ потокъ былъ вдвое уже Цхенисъ-Цхале, но паденіе его было вдвое круче; онъ такими бъщеными каскадами прыгалъ среди огромныхъ камней, что низко висящій надъ нимъ мостикъ дрожалт какъ

въ лихорадкъ. Да и какъ было не дрожать ему. Представьте себъ двъ свъже-срубленныя ели, корни которыхъ укръплены наваленными каменьями съ одной стороны на берегу, а тонкія вершины переброшены на другой берегъ; на эти ели, лежащія параллельно на аршинъ другь отъ друга, въ видъ настилки уложены поперекъ круглыя палки толщиной въ руку, на концы палокъ съ объихъ сторонъ также навалены камни, чтобы палки не сдвигались съ мъста: вотъ и вся конструкція и все скръпленіе этого первобытнаго моста.

Мой опытный катеръ*) въроятно хорошо понималъ всю ненадежность представшаго предъ нимъ сооруженія и шага за три до мостика остановился; я также понялъ, что гораздо безопаснъе будетъ переъхать потокъ въ бродъ, и двинулъ лошадь выше мостика въ воду. Конь мой сразу погрузился въ хаосъ камней и бълой пъны по лопатки, и, спотыкаясь, скользя, придерживаясь грудью противъ теченія, вывезъ меня на другой берегъ.

Едва я обернулся назадъ, чтобы предупредить вхавшихъ сзади меня относительно ненадежности моста, какъ увидълъ на противоположномъ концъ послъдняго силуэтъ всадника, а черезъ мгновеніе силуэтъ этотъ превратился въ какую-то черную массу, безпомощно бьющуюся на срединъ дрожащаго моста.

Если на этотъ разъ не случилось катастрофы, если моего спутника не измололь о камни и не унесъ въ бъщеную Цхенисъ-Цхале потокъ, то единственно благодаря замізчательному благоразумію или инстинкту его катера: провалившись передними ногами сквозь раздвинувшуюся настилку моста, катеръ сдёлалъ два-три усилія вытащить свои ноги; но вслідь затімь, понявь, что оть его усилій мость разрушается боліве и бол'ве, стихъ, пересталъ биться, вытянулъ вдоль уц'вл'ввшей настилки шею и замеръ. Такое драгоценное поведение въ критическую минуту дало возможность моему товарищу освободить ноги изъ стремянъ и осторожно перейти черезъ мость. Затъмъ всъ мы сдвинули настилку, укръпили ее, какъ могли, и тихонько вытащили катера, который во все время нашихъ хлопотъ около него вель себя, какъ куль съ мукой. Однако, когда мы оправились отъ страха и собрались тронуться дальше, провалившійся катеръ отказался идти; осмотръвъ его, мы увидъли, что онъ сильно ободралъ себъ переднія ноги. Пришлось одному изъ насъ поочередно идти пъшкомъ и усиленно тащить за поводъ бъдное животное, и безъ съдока едва передвигавшее ноги. Какъ на гръхъ, небо заволокло густыми тучами, пошелъ сильный дождь и свъть дневной померкъ въ угрюмомъ н мрачномъ ущельъ. Справа и слъва едва вырисовывались на сумрачномъ фонъ черныя тъни скалъ, по которымъ тихо ползли сърыя полосы Digitized by GOOGLE

) HOMBOD MOMMAN N OCA

^{•)} Помъсь лошади и осла.

тумана, то скрывая, то открывая ихъ зубцы и ребра. Только бѣлая дрожащая, вся состоящая изъ пѣны и брызговъ лента Цхенисъ-Цхале рѣзко извивалась на днѣ, въ черной мглѣ ущелья.

Едва замітная тропа ділалась также трудніве и трудніве, всімъ намъ пришлось слізть и идти пішкомъ; чаще и чаще она отходила отъ ріки, чтобы обойти отвівсную стіну или обрывистый мысъ, вдвинувшійся въ воду. Въ такихъ случаяхъ она круто поднималась и затімъ опять падала внизъ; містами, гді боліве слабыя прослойки между вывороченными и стоящими вертикально пластами скалы разрушились и вывітрились, тропа представляла собою не то изуродованную лістницу, не то огромную каменную пилу, по острымъ зубцамъ которой мы едва караб-кались, спотыкаясь и падая на каждомъ шагу.

Дождь не переставаль ни на минуту, въ темнотъ едва можно было разбирать тропинку, а желаемые Лентехи все не показывались. При вспышкахъ съ трудомъ зажигаемыхъ спичекъ я разсмотрълъ, что стрълки близятся къ девяти часамъ вечера; по расчету намъ давно слъдовало бы быть въ селеніи, и въ голову стало закрадываться сомнъніе, не сбились ли мы съ дороги. Прошли мы версту, другую и остановились въ полномъ недоумъніи; ущелье, а съ нимъ и тропинка раздвоялись и расходились направо и налъво; вопросъ, куда идти, гдъ Лентехи, былъ для насъ такъ же теменъ, какъ и ночь, окружавшая насъ; справа и слъва, сквозь мракъ и шумъ дождя доносился до насъ только ревъ воды и больше ничего.

Прижавшись къ кустамъ, мокрые до послѣдней нитки, стояли мы подъ ливнемъ, стараясь сквозь ревъ и грохотъ воды уловить какой-нибудь утѣшительный звукъ. Прошло полчаса, прошелъ часъ, вдругъ въ двухъ шагахъ отъ меня скользнула тѣнь человѣка. Я бросился къ нему, но едва онъ замѣтилъ мое движеніе, какъ отпрянулъ назадъ и исчезъ въ кустахъ. Черезъ минуту послышались голоса, и предъ нами выросли четыре фигуры съ длинными палками на плечахъ; они остановились въ трехъ шагахъ отъ насъ и, молча, на насъ смотрѣли.

— Лентехи, Лентехи!—закричалъ я имъ, тоже не двигаясь съ мъста изъ боязни, чтобы они не ушли отъ насъ.

Тогда они подошли ближе къ намъ, и Николай объяснилъ имъ, въ чемъ дъло; они молча взяли нашихъ лошадей за поводья и повели ихъ направо. Черезъ десять минутъ мы были у дверей спасительной лентехской канцеляріи.

Избавителями нашими оказались сванеты, возвращавшіеся въ Лентехи съ покоса; Лентехи—первое селеніе Дадіановской Сванетіи, лежащей вдоль южнаго склона Сванетскихъ горъ.

Когда въ каминъ канцеляріи запылалъ привътливый огонекъ, онъ освътилъ нашихъ проводниковъ; они стояли передъ нами, опершись на

палки, и ожидали отъ насъ абазовъ за свои труды; они были босы до колънъ, въ колщевыхъ штанахъ и рубахахъ, а поверхъ рубахъ на никъ были надъты какія-то странныя безрукавки изъ шкуръ шерстью вверхъ, на трехъ—козьи, а на одномъ медвъжья, спускавшіяся до колънъ; головы ихъ были закутаны башлыками.

При красноватомъ освъщени огня эти дикія, странныя фигуры со сверкающими глазами казались картиной изъ далекаго прошлаго, когда человъчество одъвалось только въ звъриныя шкуры и не знало другого оружія, какъ палки и камни. Получивъ по свътленькому абазу, сванеты удалились съ низкими поклонами, а мы принялись сушиться и пить чай.

Надежды мои сбылись: къ десяти часамъ слѣдующаго дня дождь утихъ. Тучи стали расползаться и, разрываясь, открывали снѣжные пики и вершины Сванетскихъ горъ, мѣстами торчавшіе изъ-за ближайшихъ лѣсистыхъ хребтовъ. Мы двинулись въ дальнѣйшій путь и къ вечеру были въ Чолури, гдѣ и переночевали.

Утро оказалось тихое и ясное, вполить благопріятное для восхожденія на переваль въ 9.000 слишкомъ футовъ высоты. Солнце еще не всходило, когда мы проснулись; гдть-то высоко и далеко изъ-за темныхъ деревьевъ мерцали тусклыми бтыми пятнами ситьжныя вершины; несмотря на іюль мтвсяцъ, отъ нихъ втяло холодкомъ, пробиравшимъ до костей. Согласно уговору, сванетъ еще ночью привелъ маленькую гитьдую лошадку, взамть нашей пострадавшей, и насъ ничто не задерживало.

Провхавъ мость, мы потянулись берегомъ вверхъ по рвив, провхали селеніе съ каменною башней и углубились въ густой, черный льсъ, въ которомъ, благодаря раннему часу, царили глубокія сумерки. Льсъ и подльсокъ составляли пока тв же древесныя породы, какія мы встрьчали и до сихъ поръ; хотя, двигаясь противъ теченія Цхенисъ-Цхале, мы поднялись довольно высоко, но благодаря тому, что склонъ хребта былъ обращенъ къ югу, на немъ еще находили себъ пріютъ розовые рододендроны, лавровишневые кусты, желтыя азаліи и колючіе падубы, только самшиты перестали уже попадаться.

Пока мы ѣхали верхомъ, но вотъ дорожка опустилась въ глубокую балку и подошла къ широкому ручью. Проводникъ нашъ, сванетъ, перешелъ впередъ насъ воду по перекинутому бревну и, когда мы переъхали ручей слъдомъ за нимъ, предложилъ намъ слъзтъ.

- Спросите его, Николай, зачемъ слезать.

Онъ говоритъ, что начинается подъемъ, и надо пъшкомъ итти, а то лошади будутъ падать: очень мокро и скользко. Подъемъ начинался отъ самаго ручья; по лъсистому боку горы, извиваясь, ползла вверхъ глубокая узкая рытвина, промытая дождевыми водами, дно ея, не шире аршина, сплошь было завалено огромными булыжниками, величиной съ голову, дъйствительно мокрыми и скользкими. Крутизна этой ужасной

водомонны, съ обрывистыми боками выше сажени, была около 40 градусовъ.

Съ первой минуты мы поняли, какое испытаніе намъ предстоитъ, какое неимовърное напряженіе ногъ и легкихъ потребуется отъ насъ, пока мы одолъемъ открывшійся подъемъ. На каждомъ шагу ноги скользили и подворачивались, камни подъ ногами разъвзжались и опрокидывались, заставляя спотыкаться и падать, падали мы, падали даже наши лошади, теряя равновъсіе на этомъ головоломномъ подъемъ. Нечего и говорить, что каждые сто-двъсти шаговъ мы, задыхаясь и изнемогая, останавливались и падали спиной на мокрыя глинистыя стъны рытвины, потому что състь и отдохнуть, какъ слъдуетъ, въ узкой канавъ не было возможности.

Пытка наша тянулась версты двѣ и продолжалась болѣе часу, ужасная канава вывела прямо на отлогій хребетъ и смѣнилась битою, хорошею тропинкой.

Мы поднялись разомъ довольно высоко, потому что лѣсъ началъ рѣзко мѣнять свой характеръ, рододендроны и лавровишневые кусты исчезли, тропинку густо окаймляли кусты лещины, калины, бересклета и деревца ясени и рябины, за ними высились большіе темные дубы. Стали попадаться очаровательныя полянки, поросшія свѣжей зеленой травой, на окраинахъ ихъ густо толпился стройный сѣрый осинникъ и мелькали молодыя кудрявыя березки.

Еще двъ-три версты сравнительно легкаго подъема, и изъ пояса дуба мы въъхали въ веселое царство однъхъ березъ; изръдка бълая колоннада ихъ стволовъ красиво разсыпалась по зеленому склону горы, давая просторъ и свътъ молодой березовой поросли и травяному ковру, роскошно покрывавшему землю.

Мы слъзли съ лошадей и пошли пъшкомъ; мои спутники, уроженцы восточной Россіи, не могли надышаться роднымъ воздухомъ, наглядъться на милую картину березоваго ръдколъсья.

- Чисто Вятская губернія, да и шабашъ!
- А земляны, земляны-то сколько!—раздавались ихъ веселыя восклицанія, при вид'в роскошной, сп'влой земляники, рд'ввшей алыми пятнами въ волнахъ зелени.

Кончился и березовый лѣсъ, только отдѣльныя группы молодого березняка и одиночные кусты его, все болѣе рѣдкіе и мельчавшіе, ползли вверхъ по травянистому склону горы. Тропинка вилась зигзагами и привела насъ къ послѣднему ручью на этой сторонѣ подъема; здѣсь мы рѣшили пообѣдать и покормить лошадей; до вершины перевала оставалось версты три, и мы надѣялись засвѣтло спуститься къ мѣсту ночлега.

При помощи собранной дорогою бересты живо загорълся костеръ, закипъла вода и поспъла гречневая каша съ саломъ; только у дътей

да у землекоповъ можетъ быть такой аппетитъ, съ какимъ мы накинулись на это нехитрое кушанье.

Я двинулся по склону горы по кольно въ густой зеленой травъ; попадавшіяся дорогой небольшія котловины поросли мелкимъ березнякомъ, а изъ опушекъ этихъ березовыхъ островковъ тянулись къ солнцу очаровательныя желтыя лиліи. Зеленые стебли ихъ высотой въ два и въ два съ половиною аршина, прямые какъ стрѣлы, развѣтвляются наверху 10—12 вѣтками, а каждая вѣтка оканчивается огромнымъ блестящимъ цвѣткомъ отъ блѣдно-палеваго до густо-лимоннаго оттѣнка. Внутри вѣнчики осыпаны мелкими коричневыми крапинками. Все растеніе изображаетъ собою какой-то волшебный канделябръ, на изумрудныхъ вѣтвяхъ котораго висятъ большіе янтарные колокольчиви.

Выше по склону, куда березнякъ не рѣшался уже подниматься, небольшія котловины и впадины представляди собою буквально чаши, полныя пвѣтовъ.

Вотъ, напримъръ, одна такая клумба, шириной не болые шести шаговъ; изъ самаго центра ея узкой пирамидой поднимаются саженные прутья голубого прикрыта (Aconitum variegatum), тесно усаженные въ верхней трети оригинальными шлемовидными цвътами. Ихъ обступають свътло-розовою узорною стънкой прелестные дельфиніумы; они нъсколько ниже и представляють второй поясь прекраснаго букета. Еще ниже ихъ жмутся кругомъ широкіе кусты водосбора (Aquilegia) съ крупными бліздно-голубыми снаружи и бълыми внутри цвътками, висящими по концамъ вътокъ. Дальше пестрою лентою окружаютъ клумбу розовыя и лиловыя астры, положительно не уступающія красотой лучшимь садовымь разновидностямъ; желтые піоны съ вершковыми плоскими венчиками, сверкающими на солнцъ, какъ новенькіе червонцы; крайне оригинальныя соцвътія астранціи (Astrancia) въ вид'в розовыхъ плоскихъ геометрически правильныхъ звездъ съ розовою щетиною цветочковъ въ центре, и еще многое, многое множество веселыхъ детей альпійской флоры, нарядно сверкающихъ всеми красками и оттенками, жадно пьющихъ яркій светъ южнаго солнца, спешащихъ насладиться короткимъ горнымъ летомъ.

Чѣмъ выше я поднимался, тѣмъ трава дѣлалась ниже, но была такъ густа и свѣжа, какъ тщательно выхоленный искусственный газонъ. Высоко-растущіе цвѣты и растенія попадались рѣже; дальше и выше всѣхъ забрала горная ромашка (Pyrethrum); ея свѣтлорозовыя головки съ желтою серединкою толпились большими обществами и казались издали сплошными розовыми пятнами.

Воть и последнее такое пятно осталось назади, въ траве замелькали небесно-синія горечавки (Genciana), точно сапфировыя звездочки, разсыпанныя по зеленому бархату.

Выше надъ головой, уже недалеко отъ бълъвшей полосы снъга, не

свътлой зелени травы выступали какія-то пятна; я добрался до одного изъ нихъ; и—да простить мнѣ читатель слишкомъ продолжительное восхожденіе и частыя остановки—еще разъ остановился съ наслажденіемъ: предо мною была послѣдняя кайма дивно расшитой ризы, одъвающей южный склонъ Латпарскаго перевала,—на меня глядѣли роскошные букеты бѣлаго рододендрона, бывшаго въ полномъ цвѣту.

Этотъ предестный кустарникъ (Rhododendron caucasicum), въ 6—8 вершковъ высотой, растетъ сплошными густыми оазисами, разсыпанными вблизи снъговой линіи. Каждая вътка каждаго куста несетъ на концъ пирамидальный букетъ тъсно сидящихъ крупныхъ цвътовъ нъжнаго жемчужно-съраго цвъта, испещренныхъ внутри свътло-зелеными крапинками. Каждый такой букетъ сидитъ въ вънкъ изъ блестящихъ темно-зеленыхъ листьевъ. Красоту этихъ жемчужныхъ цвътовъ, ихъ особенно нъжный оттънокъ, какъ будто прозрачно восковыхъ вънчиковъ, могли бы передать развъ только масляныя краски.

Въ этомъ высокомъ поясѣ, навѣрное превышавшемъ 8.000 футовъ, я замѣтилъ много прекрасныхъ большихъ бабочекъ Аполлоновъ (Parnassius Apollo), съ красными глазками на полупрозрачныхъ блѣдно-палевыхъ крыльяхъ; быстро носились онѣ отъ оазиса къ оазису, отъ букета къ букету рододендроновъ, точно считая только эти царственные цвѣты достойными себя; несмотря на всѣ попытки, я не могъ поймать ни одной изъ нихъ, вслѣдствіе быстраго, порывистаго ихъ полета.

Кончился и поясъ рододендроновъ; трава стала рѣдѣть, обнажая вертикально стоящіе, разрушающіеся тонкіе пласты сѣраго сланца; мелкіе, острые камешки, продуктъ этого разрушенія, мѣстами сплошь засыпали землю. Вотъ, наконецъ, и вѣчный снѣгъ, лежащій громадными сплошными полями въ пологихъ впадинахъ и изгибахъ хребта почти на самой вершинъ перевала. Поджидая моихъ спутниковъ, я остановился на краю снѣжнаго поля: снѣгъ былъ рыхлый, какой иногда можно найти и въ низменныхъ мѣстахъ, позднею весной въ глубокихъ лѣсныхъ оврагахъ; края поля еще таяли, но вся масса этой снѣговой залежи уже не растаетъ: іюль въ концъ, а съ августа начнутъ сыпаться на перевалъ новые снѣжные запасы.

Но и туть у самой границы вычнаго сныта, жизнь еще не замерла: въ 2—3 аршинахъ отъ края поля, откуда сныть отступилъ, быть можетъ всего три дня назадъ, тянутся къ солнцу хорошенькія аврикулы Primula auricula) съ бархатно - фіолетовыми вынчиками, украшенными середины свытлою звыздочкой; еще ближе, у самаго края поля, гды снытъ стаялъ, выроятно, только сегодня, сквозь мокрую, покрытую тончайшею сытью какихъ-то волоконъ землю прорызываются блыдные морщинистые листья тыхъ же аврикуль; завтра, послызавтра они зацвытуть, а еще черезъ день, подъ дыханіемъ морозной ночи, свернуть свои ныжныя головки и окончать свое мимолетное существованіе.

Digitized by Google

На мокрую землю въ двухъ-трехъ шагахъ отъ меня садились дурачки (Emberiza eia), сдинственная птичка, замъченная мною на переваль; онъ копались въ земль, съ удивленить повертывали на меня свои пепельно-сърыя головки и оглашали нъмую тишину перевала печальнымъ, отрывистымъ пискомъ.

Спутники мои подъбхали, я сблъ на лошадь, и мы потянулись черезъ снѣжное поле глубокою саженною траншеей, протоптанною въ снѣгу; дно траншеи мъстами было рыхло, лошади проваливались по брюхо и съ трудомъ выбирались на болѣе плотный снѣгъ. Впереди за полемъ виднѣлась большая черная куча камней, она сложена на высшей точкъ перевала опредѣленной въ 9.273 фута; изъ-за неровной линіи гребня перевала выглядывали отдѣльныя бѣлыя вершины, которыя росли и росли по мърѣ нашего подъема.

Вотъ, наконецъ, мы поровнялись съ кучей камней и остановились нѣмою, неподвижною группою.

Предъ нами, заслоняя небо, высился бѣлою стѣною сплошной кряжъ Главнаго Кавказскаго хребта.

Сотни пиковъ, зубцовъ и вершинъ сіяли на солицѣ матовымъ свѣтомъ; сквозь ровную бѣлую пелену скатовъ, громоздясь другъ на друга, черными ребрами высовывались скалы, на отвѣсныхъ граняхъ которыхъ снѣгъ не могъ задержаться. Неимовѣрные размѣры этой стѣны, этой дивной панорамы, подавлявшей душу своимъ величіемъ, обманывали непривычный глазъ и скрадывали разстояніе; казалось, до этихъ сіяющихъ вершинъ всего твѣ-три версты, но довольно было взглянуть себѣ подъ ноги, чтобы положить между собою и ими цѣлые десятки версть. Направо отъ насъ склонъ горы обрывался страшною стремниной куда-то безконечно далеко внизъ; впереди и налѣво уступъ за уступомъ, пропасть за пропастью, смѣняя другъ друга, казалось, опускались прямо къ подножію великой стѣны, но и за послѣднею пропастью, съ рѣчкой на днѣ, казавшеюся сверху бѣлымъ волоскомъ, шли опять хребты и ущелья, поросшіе щетиной хвойнаго лѣса и тянувшіеся къ главному кряжу.

Я жадно смотрълъ налъво, на западъ, стараясь разсмотръть тамъ Эльбрусъ, который хотя стоитъ и въ сторонъ отъ главнаго кряжа, но, говорятъ, виденъ изъ-за него съ Латпарскаго перевала. Къ сожалънію, на западъ толпились облака, закрывавшія всю западную часть хребта.

Слѣва потянулъ вѣтерокъ, недалеко отъ насъ въ сѣдловинѣ Латпарскаго хребта стояло огромное сѣрое облако, оно дрогнуло, зашевелилось и, какъ гигантскій корабль, снявшійся съ якоря, тихо потянулось
мимо насъ; пикъ за пикомъ, вершина за вершиной Главнаго хребта исчезали предъ нашими глазами за облакомъ, точно духъ этихъ таинственныхъ
странъ задергивалъ предъ нами занавѣсъ, закрывая волшебную панораму
своего царства.

Туманное облако шло мимо, росло и вздувалось, за нимъ потянулись изъ ущелій и складокъ Латпарскихъ горъ еще клочья и обрывки тумана и скоро все это слилось втой по густую мглу, плотно окутавшую насъ и мѣшавшую разбирать каменистую тропинку труднаго спуска; сквозь туманъ полилъ дождь вперемежку съ мелкимъ частымъ градомъ и провожалъ насъ на протяженіи трехъ или четырехъ верстъ спуска; за дождемъ и туманомъ мой конь не замѣтилъ пересѣкавшаго тропу полуаршиннаго уступа и полетѣлъ, перевернувшись черезъ голову; я очень счастливо свалился во время этого паденія въ сторону, иначе лошадь раздавила бы меня своимъ тѣломъ: но все же, упавъ на груду камней, я жестоко разбилъ себѣ лицо и зубы, изъ нихъ хлынула кровь, которую едва удалось остановить собраннымъ въ ближайшей трещинъ снъгомъ. Нижняя челюсть и голова такъ заболѣли, что я не въ силахъ былъ ѣхать и продолжалъ спускаться пѣшкомъ.

Тропа, пройдя нѣсколько версть по голымъ изгибамъ склона сѣверной стороны хребта, пошла кустарникомъ и затѣмъ лѣсомъ, дождь пересталъ, туманъ сталъ разрываться и открывать торчащія изъ сѣрыхъ волнъ его надъ головой острые скалы и уступы, а внизу глубокую долину, со дна которой ползли низкіе хребты и отроги, покрытые хвойнымъ лѣсомъ. На одномъ изъ поворотовъ, далеко, въ открывшемся боковомъ ущельѣ направо, показалось что-то непонятное: не то кладбище со стоящими группой гигантскими памятниками, не то каменная колоннада, уцѣлѣвшая отъ развалившагося огромнаго зданія; это торчали сванетскія башни селеній Уткульскаго общества.

Проводникъ, шедшій впереди, показалъ рукой на черную точку, лежавшую глубоко у насъ подъ ногами и казавшуюся большимъ камнемъ на берегу чуть бълъвшейся ръчки.

— Это канцелярія Кальскаго общества,—перевель Николай,—гдѣ мы будемъ ночевать.

И пора, пора намъ было ночевать, успокоить измученное подъемомъ и спускомъ тѣло и утомленную сильными впечатлѣніями дня душу; совсѣмъ стемнѣло и на темно-синемъ небѣ надъ узкимъ ущельемъ горѣли звѣзды, когда мы подъѣхали къ этой канцеляріи, стоявшей подъ огромною плакучею березой.

Сванеты.

(А. Краснова.)

Издали сванетскій поселокъ напоминаеть скопище печей съ громадными толстыми трубами бълаго цвъта. Роль печей играють двухъэтажные и четырехъэтажные дома, сложенные изъ осколковъ камней. Какъ у боль-

пинства саклей, ствыы такихъ домовъ толстыя и состоятъ просто изъ кусковъ, ноложенныхъ другъ на друга ничемъ не цементированныхъ, а только побеленныхъ снаружи. Око наймемъ смысле въ этихъ зданіяхъ нётъ, существуютъ только узеньти щелки, настолько широкія, чтобы въ нихъ можно было всунуть ружейное дуло. Такими же отдушинами снабжены похожія на исполинскія печныя трубы башни, также выбеленныя. Такой поселокъ выглядитъ крайне своеобразно, хотя нельзя сказать, чтобы красиво. Внизу зданій помещаются широкія, какъ ворота, входныя двери, чрезъ которыя вы попадаете въ нижнюю комнату, служащую одновременно и кухнею, и столовою, и конюшнею. Въ верхній этажъ входять по наклонно положенной досків съ зарубками, заміняющей лістницу.

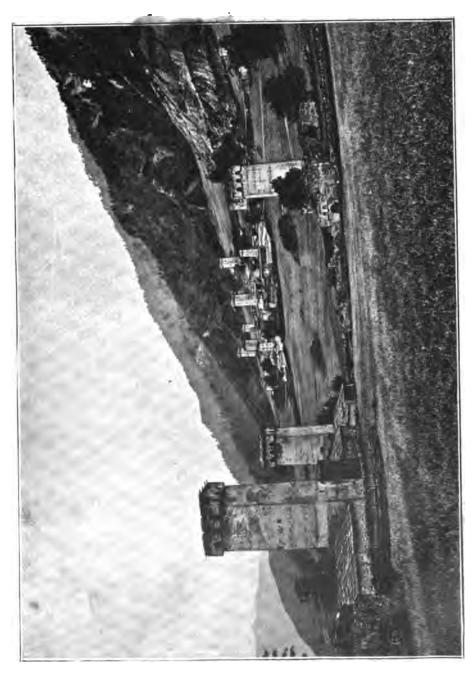
Улицы поселковъ узки и извилисты; то и дѣло попадаются ограды, за которыми хранится навозъ, конечно не содъйствующій чистотъ воздуха. Что дѣлать! Это одно изъ сокровищъ домохозяина; поневолѣ станешь его хранить, когда, по сванетскому обычаю, онъ составляетъ одну изъ важныхъ статей приданаго сванетской невъсты.

Вообще, попавши въ эту страну, на каждомъ шагу начинаешь встръчаться съ обычаями и порядками или очень древними, теперь въ другихъ странахъ совершенно исчезнувшими, или присущими лишь одной Сванетіи. Картины первобытной культуры являются на каждомъ шагу. Здѣсь еще не имѣютъ понятія о колесныхъ экипажахъ и ѣздятъ исключительно на саняхъ. Странно было намъ въ іюлѣ, въ разгаръ лѣта, услышать отъ проъзжаго изъ сосъдней Уткульской общины фразы въ родъ слъдующей: "О, къ намъ въ Уткуль вы легко доберетесь, туда прекрасная санная дорога". И этотъ санный путь лежитъ не по снъгу, а по той же пыли, камнямъ и ухабамъ, словомъ, по тому же самому проселку, по которому ѣздить на саняхъ и въ голову не придетъ не бывавшему въ Сванетіи человъку.

Каждый сванеть обязательно носить за поясомъ огниво и въ карманъ труть и кремень для добыванія огня. Употребленіе спичекъ, которыя давно уже нашли себъ доступъ и въ юрть киргиза, живущаго въ дебряхъ Тянь-Шаня, и быстро распространяются далье въ глубъ Кашгаріи, мало извъстны здъсь. Шведская спичка здъсь еще повергаеть въполное недоумъніе простодушнаго туземца.

Пища сванетовъ крайне первобытнаго приготовленія. Мясо они вдять обыкновенно лишь тогда, когда удается убить какую-либо дичь на охотв; рѣже колють барановъ или козъ. Мясо вдять вареное или жареное на вертелѣ безъ всякихъ приправъ. Молоко и сыръ фигурирусть иногда за столомъ, обыкновенно же бобы и хлѣбныя лепешки составляютъ главнуюпищу сванетовъ.

Условія климата не благопріятствують здівсь разведенію кукурузы.

Digitized by Google

Вотъ почему на крутыхъ склонахъ, мъстами на откосахъ, куда едва отважится взлізть человінь, до высоты 7.000 ф., встрічаете вы поля хльбныхъ растеній, пшениць, овса и ячменя, посьянныхъ обыкновенно между дресвою и щебнемъ, удобренныя навозомъ, столь тщательно, какъ мы видъли, сохраняемымъ во дворахъ деревень. Изъ хлъба, вымолоченнаго ногами лошадей, обыкновенно приготовляють богатую мякиною муку на крайне первобытныхъ мельницахъ. Отводятъ отъ быстраго горнаго потока въ канаву или просто въ жолобъ бущующія воды и на пути ихъ ставять горизонтально вертящееся маленькое деревянное колесо о четырехъ крылышкахъ. Ось этого колеса служитъ вмъстъ съ тымъ и осью для жернова, помыщающагося въ небольшомъ зданіи, въ которомъ незнакомый съ краемъ ни за что не признаетъ водяной мельницы. Изъ грубой, едва перемолотой муки сванеть печеть свой клъбъ еще болье первобытнымъ способомъ. Гдъ ньть домашняго очага, онъ разводить громадный костерь и, накидавь туда плоских камней, даеть имъ раскалиться докрасна; тогда, вынувши ихъ, онъ кладеть на нихъ свалянныя изъ этой смоченной водою муки лепешки. Давши имъ слегка поджариться съ одной стороны, онъ переворачиваетъ ихъ на другую. Такимъ образомъ получается твердая хлёбная лепешка, около полуфута въ діаметръ и съ палецъ толщиною, изъ вязкаго вещества, для непривычнаго желудка совершенно неудобоваримаго.

Та же самая первобытная простота господствуеть и въ одъяніи сванета. Правда, въ глаза путешественнику повсюду кидается та же черкеска, что и въ другихъ частяхъ Кавказа, и обычныя бурки. Однако нигдъ, кажется, эти принадлежности кавказскаго костюма не кажутся такими жалкими и истрепанными, какъ здёсь. Бурка болёе напоминаетъ кусокъ войлока, привязанный къ шев, а черкеска лохмотья. Я глубоко убъжденъ, что значительная часть сванетскихъ костюмовъ (я разумъю здъсь вольную Сванетію) не мъстнаго происхожденія, а что они куплены, вымънены или украдены изъ другихъ мъстъ, или изъ княжеской Сванетіи. У насъ не разъ выпрашивали рубашки наши проводники. У многихъ сванетовъ эти части костюма совершенно отсутствують, и черкески ихъ надъты прямо на голое тъло, оставляя открытою голову и обыкновенно до безобразія мохнатую грудь. Вообще волосы у сванетовъ растуть очень сильно, и можно видъть стариковъ, совершенно какъ будто одътыхъ сврою шерстью. Настоящій, коренной сванетскій костюмъ встръчается лишь въ болъе глухихъ общинахъ. Онъ крайне простъ. Это панталоны и звъриная или баранья шкура, въ которой продъланы два отверстія для рукъ. Такая шкура надъвается на спину; грудь и верхняя часть живота остаются совершенно голыми. Голова также не покрывается ничъмъ, и при всклоченныхъ волосахъ сванетъ весьма напоминаетъ тъхъ варваровъ, которые наводили нъкогда ужасъ на Римскую имперію.

- 10 --

Голосъ туземцевъ очень грубъ и необыкновенно громокъ. Разговоръ двухъ-трехъ человъкъ можно легко принять за ссору.

Въ противоположность мужчинамъ, жищины одъваются красиво и опрятно. Городской м'вщанскій костюмъ, вытіснившій изъ нашихъ русскихъ селъ отходящіе уже въ исторію сарафаны, завоеваль себъ гражданство и здёсь. Меня увёряли, что костюмъ, носимый здёсь женщинами, — національный. Однако юбки и кофты, входящія въ его составъ, ничъмъ не отличаются отъ городскихъ, и если принять во вниманіе, что на нъкоторыхъ я видълъ костюми, напоминающіе малороссійскіе, трудно думать, чтобы женское одъяніе было здъсь туземнаго происхожденія. Да вообще говоря, и сами сванеты несомнънно представляють изъ себя смъсь разнообразнъйшихъ народностей, которыя судьба загнала, въ силу различныхъ случайностей, на Кавказъ, въ ущелье Ингура. Рядомъ съ дикими и звърскими лицами, обросщими всклоченными волосами, здъсь встръчаются, какъ между мужчинами, такъ и между женщинами, особи бълокурыя, голубо или съроглазыя, до такой степени похожія на бълокурыхъ малороссовъ, что, глядя на женщинъ въ платочкахъ или на какого-нибудь Грицько въ чемаркъ, забываешь, что находишься въ Сванетін. Попадаются лица чисто русскія, татарскія или грузинскія. Единственно, что своеобразно у сванетовъ-то ихъ оригинальный языкъ и постройки. Быть можеть, здёсь и были какіе-нибудь аборигены, говорившіе на коренномъ сванетскомъ языкъ, но они давно растаяли въ волнахъ пришлаго люда, всюду оставившаго следы своего вліянія. Между собственными именами здъсь неръдки такія, какъ Кай, Кней или Гела—чисто римскія; рядомъ съ ними вы услышите Османа и другія татарскія имена. Татарскія же слова неръдки и въ самомъ языкъ. Въ домашней утвари древноримская, малороссійская и татарская имфють своихъ представителей.

Такъ или иначе, вся эта масса сванетскаго разношерстнаго народа, признавшаго добровольно русское владычество, до сихъ поръ не знаетъ ни слова по-русски. За исключенемъ двухъ-трехъ человъкъ, случайно вырванныхъ изъ Сванетіи, жившихъ внъ ея и теперь опять попавшихъ туда въ качествъ переводчиковъ, тутъ никто не знакомъ ни съ русскимъ языкомъ, ни съ русскими обычаями. Во всей Сванетіи нътъ ни одной школы, гдъ бы можно было выучиться русскому языку, и развъ только священники, изъ которыхъ немногіе владъютъ ломанымъ русскимъ языкомъ, могли бы пособить этому горю. Когда мнъ приходилось попадать одному въ глухія сванетскія селенія, мой провожатый объяснилъ, что я русскій, что русскіе такіе же христіане, какъ и сванеты, и слъдовательно ихъ друзья по религіи. Это производило хорошее впеттлъніе, и я встръчалъ радушный пріемъ. Такъ мало сдълано до сихъ

ъ русскими, чтобы укръпить свое культурное вліяніе въ крат, котоь мы давно владъемъ.

Религія туземцевъ, судя по извъстнымъ миъ описаніямъ и личнымъ впечатленіямь, вынесеннымь изъ Сванетіи, есть такая же смесь религій, какъ они сами — смъсь народностей. Они считаютъ себя христіанами; теперь у нихъ есть священники, и, быть можетъ, со временемъ здъсь и водворится что-либо въ родъ христіанства. Пока же ихъ религія далека отъ ученія Христа. Сванетскій храмъ есть маленькая четырехугольная сакля, столь же невзрачная, какъ и прочіе дома деревень. Онъ строится поодаль отъ селенія, нер'вдко на гор'в, въ л'всу; онъ такъ малъ, что въ немъ едва помъстится съ десятокъ человъкъ. Гигантскими крестами, между которыми висять древніе, потерявшіе видь образа, безь боковыхь дверей, съ отверстіемъ, завъщаннымъ грязною тряпицею, вмъсто царскихъ вратъ, раздълена обыкновенно такая церковь на двъ частиалтарь и собственно церковь. Мрачна ея внутренняя обстановка: потерявшіе челов'яческое подобіе лики иконъ, закопт'ялые, исполинскіе, во всю церковь, четырехконечные кресты, между которыми навалены кучи турьихъ роговъ и другіе охотничьи трофеи. Сванеты не любятъ и боятся ходить въ свой храмъ. Еще недавно въ нихъ не производилось и службъ. Досель еще женщина не осмъливается входить въ храмъ или присутствовать при важномъ служеніи. И теперь еще въ особенно торжественные дни посл'в служенія закалывается барань или теленокъ. Каждая семья приносить треножникь съ хлебомъ, и надъ всеми этими яствами совершается нъчто въ родъ литіи. Свидътелемъ приготовленій къ одной изъ такихъ службъ я былъ въ Уткульской общинъ. Оригинальную и далеко не христіанскую картину представляла тамъ церковная стіна; на вбитыхъ въ ствну кольяхъ висвли заръзанные телята, бараны и ихъ головы и внутренности; здъсь же лежали цълыя груды хлъбовъ и яствъ, и среди нихъ, передъ толпою благоговъйно стоявшаго народа, священникъ въ церковномъ облачении. Признавая Бога христіанинъ, сванетъ боится Его одновременно, какъ Бога магометанъ и евреевъ. Знакомый лишь съ обрядовой стороной этихъ религій, онъ, какъ и крестьяне наши, въ соблюденіи обрядовъ думаєть главнійшимь образомь исполнить Божью волю. И между немногими извъстными сванету обрядами соблюдение праздниковъ пришлось ему наиболъе по вкусу. Онъ чтитъ пятницу, чтобы не обидъть Бога магометанъ, субботу, чтобы не разгиъвался Богь евреевъ, в воскресснье, какъ истый христіанинъ. И какъ христіанинъ, празднуя воскресенье, онъ чтитъ и понедъльникъ для отданія праздника. Свято и строго чтутся эти дни, и за вычетомъ другихъ праздниковъ православной церкви, имъ чтимыхъ, лишь остающіеся отъ праздниковъ будничные дни-вторники, среды и четверги-онъ осмѣливается посвящать работь. И несмотря на это, онъ успъваеть управиться со своими полями. Низведя свои потребности въ пищъ и питьъ до минимума, онъ не заботится объ увеличении комфорта и улучшении своей обстановки. Умѣренно-холодный климатъ Сванетіи щедро вознаграждаетъ его за труды, и вольный сванетъ, добросовъстно трудясь три дня въ недълю, можетъ безъ ущерба для себя гулять четыре остальные, считая за гръхъ работать въ теченіе этихъ дней. Бесъда о событіяхъ дня въ теченіе свътлыхъ часовъ, пъсни и хороводы въ сумерки—вотъ чъмъ наполнено его беззаботное существованіе.

Никогда не признавая надъ собой ничьей власти, населеніе это хівлилось и дівлится на нівсколько вольных вобществъ, и доселів исполняющих приказанія нашей администраціи скоріве по собственному желанію, нежели изъ страха. Но пока населеніе это не иміветь причины быть недовольнымъ нами, а потому посівщеніе самыхъ отдаленныхъ угловъ страны не представляеть опасности.

Сочи.

(А. Краснова.)

Сочинскій районъ представляеть узкую, около 40 версть шириною, береговую полосу между Главнымъ Кавказскимъ хребтомъ и Чернымъ моремъ, лежащую между р. Шахи и границею Кутаисской губерніи. Кромѣ Главнаго хребта, параллельно ему пробъгаютъ два второстепенныхъ, дѣлая, за исключеніемъ широкой равнины у Адлера, мѣстность очень гористою. Ни одинъ изъ хребтовъ не покрытъ однако вѣчными снѣгами. Если отдѣльныя скалистыя вершины и кажутся голыми живописными пиками, украшающими наиболѣе возвышенныя части хребтовъ, то остальныя горы здѣсь покрыты густыми лѣсами. Малая разница въ высотѣ параллельныхъ хребтовъ служитъ причиною того, что Главный хребетъ Кавказа бываетъ большею частью скрытъ отъ глазъ параллельными ему, болѣе близкими къ морю, и общая картина берегового ландшафта здѣсь можетъ скорѣе разочаровать, чѣмъ восхитить вновь прибывшаго.

Вообще говоря, первыя ощущенія по прівздв здієсь непріятны. Хотя три пароходных общества, конкурируя другь съ другомъ, заходять въ Сочи и Адлеръ, но ни одно изъ нихъ не позаботилось объ удебствахъ своихъ пассажировъ. Пароходъ приходить или глухою ночью, или тогда, когда уже совершенно стемніветь. Такъ какъ ни Сочи, ни Адлеръ не суть гавани, а просто селенія на открытомъ, подверженномъ прибою, морскомъ берегу, то условія высадки здісь необыкновенно затруднительны. Зачастую пароходъ выходить изъ Новороссійска при превосходной погодів, качки пассажиры не испытывають почти никакой. Но изъ Сочи пароходу показывають красный огонь, означающій, что у берега

сильный прибой, и пассажировъ провозятъ мимо; ихъ везутъ въ Сухумъ-Кале, гдѣ они принуждены дожидаться обратнаго парохода, который зимою далеко не всегда объщается ихъ высадить въ Сочи. Такъ нерѣдко недѣлями гуляютъ въ зимнее время пароходы вдоль Черноморскаго побережья между Новороссійскомъ и Сухумомъ или Туапсе, а жители, ходя по берегу, не только бываютъ лишены возможности вернуться въ Россію, но нерѣдко чувствуютъ существенный недостатокъ въ мукѣ для хлѣба и другихъ предметахъ насущной необходимости.

Но даже и тогда, когда, къ радости пассажира, съ берега засвътится спасительный бълый огонь, далеко не всегда его ожидаеть спокойная и пріятная высадка. Въ летнія ночи, когда море иногда бываеть тихо и спокойно, какъ масло, вы высаживаетесь еще сравнительно удобно. Удобства эти, конечно, совершенно относительныя и чисто азіатскія, такъ какъ даже снисходительныя требованія путешественника, привыкшаго спускаться съ высокихъ океанскихъ пароходовъ по узкому трапу въ прыгающія на волнахъ лодочки, здісь далеко не всегда могутъ быть удовлетворены. Для русскаго же путешественника, обыкновенно знакомаго лишь съ удобствами нашихъ ръчныхъ пароходовъ, спускъ по шаткой, висящей надъ моремъ лъстницъ, когда по ней, никъмъ не сдерживаемые, стремятся снизу или толкають васъ сзади пассажиры 3-го класса-туземцы, со своими мъшками, тюками и чемоданами, а туркилодочники не только не помогають вамъ, но делають еще большую толкотню и суматоху, - прямо не безопасенъ. До сихъ поръ доставка пассажировъ на берегъ здёсь находится въ рукахъ турокъ, турецкихъ подданныхъ, не знающихъ и, повидимому, не желающихъ знать ни слова по-русски. Кромъ словъ "дэнги давай", необходимыхъ для полученія платы за провозъ, они ничего не понимають, и пассажиру предоставляется или изучить турецкій языкь, или приб'єгать къ пантомим'ь. Последнее предпочитается. Съ ея помощью вамъ кое-какъ удается достигнуть того, чтобы вашъ ручной багажъ и чемоданы очутились въ безпорядочной грудъ мъшковъ, ящиковъ, сундуковъ и другого скарба, безпорядочно бросаемаго на дно такъ называемой фелюги, рыбачьей или грузовой турецкой лодки, совершенно не приспособленной для перевозки пассажировъ. Последніе гурьбою лезуть въ такую лодку, лишенную достаточнаго количества скамей, такъ какъ, кромв твхъ, которыя предназначены для гребцовъ, здесь обыкновенно неть сидений. Ихъ замъняють ваши вещи, или приходится стоять, теснясь въ толиъ турокъ и грузинъ. Во мракъ ночи вы подплываете къ берегу. Тамъ нътъ ни фонаря, ни пристани. Кое-какъ, по доскъ, вы перескакиваете на берегь. Туда же грудою бросають вещи пассажировь, предоставляя въ темнотв отыскивать всякому свое, такъ какъ турокъ не помнить да и не понимаеть, что кому принадлежало. И надо только удивляться,

__ 00 __

какъ еще не пропадають, или, върнъе, не особенно часто пропадають, вещи злосчастнаго пассажира. Описаннаго характера высадка можеть быть названа, по сочинскимъ понятіямъ, благополучною и удобною. Гораздо чаще при высадкъ море волнуется, фелюга прыгаетъ подъ траномъ парохода, и только путемъ ловкаго сальтомортале попадаетъ въ нее во мракъ ночи пассажиръ. Еще хуже бываетъ ему, когда онъ достигнетъ берега. Тутъ одинъ бурунъ за другимъ налетаетъ на лодку, обдавая морскими брызгами, какъ душемъ; лодку шатаетъ изъ стороны въ сторону, сойти съ нея по доскъ невозможно, и нътъ другого исхода, какъ быть снесеннымъ на берегъ въ объятіяхъ того же мокраго турка, подъ душемъ изъ брызговъ налетъвшаго буруна. Высадки этого рода на нервныхъ особъ производятъ глубокое впечатлъніе и у многихъ отбивали навсегда охоту высаживаться у черноморскихъ береговъ Кавказа.

Въ темную осеннюю ночь, если вы не предупредите телеграммою одного изъ владъльцевъ здъшнихъ гостиницъ, вы рискуете остаться одни на пустынномъ берегу. Лътомъ сюда къ пароходу высылаются или иногда линейки, а какъ ръдкость иногда и самостоятельно выъдетъ какой-нибудь дрогарь съ первобытными дрогами въ одну лошадь, на которыхъ возможно положить вещи, но, конечно, не ъхать самому.

Общій обликъ кавказскаго берега близъ Сочи также далеко не соотвътствуетъ ожиданіямъ. Ялта съ моря неизмъримо красивъе. Тамъконтрасты скаль, то одътыхъ зеленымъ лъсомъ сосенъ, то обнаженныхъ, то имъющихъ на себъ бъленькіе домики, господствующіе надъ пріютившимся въ глуби залива городкомъ, контрасты глубого моря и горъ, безбрежной стихіи и мирной жизни. Здёсь-монотонная блёдная зелень однообразно гористаго берега; изъ нея выглядываютъ нъсколько жалкихъ домиковъ да маякъ. Нътъ красоты, нътъ выдающихся контуровъ. Берегъ не изръзанъ, нътъ манящихъ бухтъ: немногіе выступающіе мысы не вносять ничего новаго, и полоса зеленой суши, отороченной бълой каймой прибоя, граничить съ блёдно-голубымъ моремъ. Пейзажъ наводить скуку и уныніе. Это — пейзажь скорфе сфвера, чфмъ юга; глазъ тщетно ищетъ въ немъ чего-нибудь, на чемъ бы остановиться. И это въ хорошую погоду. Когда же откроются хляби небесныя и свинцовыя тучн обложать горизонть, вы очутитесь въ обстановкъ съренькаго дня на Балтійскомъ побережью, вы можете забыть, что вы гораздо юживе Ялты, и перенестись въ окрестности Выборга. Ни въ природъ, ни въ горахъ нътъ ничего мощнаго, южнаго, кавказскаго, напоминающаго то, что видить взоръ у горъ новаго Аоона, или съ парохода, идущаго отъ Сухума въ Батумъ, когда величественная цъпь Кавказскаго хребта высится надъ голубымъ моремъ. Сочи такъ же бледно и монотонно по эрвому впечатленію, какъ и то побережье, среди котораго оно распо-Digitized by GOOGIC жено.

Если, какъ рѣдкое исключеніе, пароходъ привезъ васъ сюда днемъ и вы отъ берега поѣдете въ городъ, то первое, что откроется вашимъ взорамъ,—это большая зеленая поляна, вдоль которой идетъ дорога, обсаженная исполинской величины пирамидальными тополями. На этой полянѣ живописными группами располагаются переселенцы и рабочіе, очевидно ожидающіе найма или рѣшенія своей участи. Подъ прямымъ угломъ съ этой тополевой аллеей идетъ базарная улица, на которой столпились всѣ лавки, лавочки и духаны города, такъ какъ за ними лежитъ и базарная площадь.

Главная торговля въ рукахъ армянъ, большая часть кабаковъ въ рукахъ имеретинъ; одиноко возвышается весьма подозрительнаго характера трактиръ на русскихъ основаніяхъ, расположившійся въ концъ улицы, тогда какъ въ началв ея-нъсколько турецкихъ или греческихъ кофеенъ. Элементы турецкаго, имеретинскаго городка и русской станицы въ самыхъ зародыщевыхъ формахъ встръчаются здъсь въ пестрой смъси, не сумъвъ слиться во что-то среднее и существуя каждый порознь. Туть, какъ гдф-нибудь въ Трапезундф, въ кофейнф съ такими же какъ тамъ дверями и окнами, за такими же столами, изъ такихъ же маленькихъ чашечекъ попивають горячій турецкій кофе раскуривающіе трубки и кальяны отбросы греческихъ и турецкихъ селеній Малой Азін; рядомъ, въ тесномъ и вонючемъ духане, за грязными столами, подъ целой горой винныхъ бочекъ, галдятъ обтрепанные имеретины и мингрельцы, -- и этотъ шумъ издалека покрываетъ громъ органа трактирнаго заведенія, изъ котораго вырываются звуки родной приволжской пъсни и звонкія ругательства пьяныхъ новороссійскихъ босяковъ. Эти последніе въ праздничные дни составляють на улицахъ преобладающій элементь. Въ противоположность оживленію, господствующему на этой главной улицъ, остальныя части Сочи отличаются тишиною и скукою.

Городокъ довольно ясно дълится по характеру населенія на двъ части: верхнюю и нижнюю.

Нижняя, прилегающая къ рѣкѣ Сочи, часть селенія, лежащая между базарною площадью и рѣкою, застроена мелкими домиками собственно обывателей города: имеретинъ, армянъ, грековъ и русскихъ, самыхъ различныхъ выходцевъ, привлекаемыхъ сюда торговлею или работами. Эта часть Сочи носитъ характеръ не то станицы, не то грузинскаго селенія и съ противоположнаго берега рѣки имѣетъ довольно живописный видъ.

Верхняя, аристократическая часть города—будущая "русская Ницца"—пока имъетъ болъе чъмъ скромную внъшность. Старая церковь, обсаженная кривыми и косыми, не удающимися на здъшней почвъ кипарисами, еще носитъ черты архитектуры обыкновенной станичной церкви—бълаго, казеннаго типа, съ зеленою крышею и высокою колокольней, зданія, какихъ не мало въ Малороссіи; отъ нея идетъ широкая улица, которую соединяють несколько столь же широкихъ поперечныхъ съ 2-3-ей параллельными, дъля будущую Ниццу на нъсколько кварталовъ. Кварталы эти еще не застроены и отдъльные небольшіе, большею частью наскоро застроенные домики чередуются съ обширными пустырями. Напрасно будете вы искать около этихъ домиковъ чего-нибудь, что бы напомнило вамъ о югь или субтропическихъ странахъ. Гдф улица обсажена деревьями, вы увидите тотъ же пестролистный кленъ и бълую акацію, которые надоъли вамъ въ степной полосъ Россін; около домовъ какой-нибудь пучокъ серебристаго гинерія, двъ-три, по старой памяти съверянъ, родныя березки, на диво уживающіяся въ этомъ субтропическомъ климать, или сосенки-жалкая пародія палисадника петербургскаго дачника, -- воть и все, что останавливаетъ взоръ прівзжаго. Только бізлыя, желтыя и алыя розы, здівсь и тамъ безъ умѣнія ткнутыя и, несмотря на то, обильно цвѣтущія, свидетельствують о более благопріятномь, чемь въ Петербурге, климать. Не верится, что находишься въ Колхиде, въ климате лавровъ в апельсиновъ.

Большинство сочинскихъ построекъ—легонькія дачки, очень простенькаго стиля. До сихъ поръ мѣстные жители видимо не остановились на типѣ построекъ, наиболѣе отвѣчающемъ мѣстному климату, а потому большинство ихъ разнокалиберно и далеко не цѣлесообразно. Естественнѣе всего казалось бы встрѣтить въ этой странѣ лѣса постройки деревянныя, соотвѣтствующія здѣщнему климату. Однако деревянныхъ домиковъ вы въ Сочи насчитаете очень немного. Мѣстные жители находять, что въ нихъ холодно зимою и что они обходятся дорого, такъ какъ лѣсъ приходится сюда выписывать изъ Пермской губерніи. Я сначала думалъ, что со мной шутятъ, говоря, что для постройки дома нужно выписывать доски съ Волги черезъ новороссійскія конторы, но вскорѣ убѣдился, что дѣйствительно возводить деревянныя постройки изъ мѣстнаго лѣса невыгодно и неблагоразумно.

Господствующій въ здішнихъ лісахъ букъ и грабъ вовсе непригодны для діла. Вполні надежнымъ матеріаломъ считается уже різдкій и дорогой каштанъ, что же касается до містнаго дуба и граба, то, хотя для столовъ и стропилъ они и пригодны, но на доски и прочія поділки они не рекомендуются: не говоря о малой прочности матеріала, легко загнивающаго, въ большей части деревьевъ містнаго ліса насівкомыя положили свои яички въ такомъ множестві, что поділки изъ него черезъ нісколько лість покрываются дырами и расползаются во всів стороны. Вслідствіе этого многіе жители какъ въ самомъ Сочи, такъ и его окрестностяхъ уже и начали возводить каменныя, хотя нісколько боліве дорогія, но несравненно боліве прочныя постройки.

Насколько оживлена базарная часть города, настолько монотонна и

скучна жизнь въ самомъ Сочи. Нъкоторое оживленіе наблюдается только около гостиницъ. Здѣсь преобладаеть временно пріѣхавшій народъ, люди, пріѣхавшіе сюда искать участковъ для постройки дачъ, или, чаще, для спекуляціи, въ виду съ ненормальною быстротою растущихъ цѣнъ на здѣшнія земли. Немногіе только поселяются здѣсь надолго, пользуясь Сочи какъ курортомъ. Но хотя число этихъ немногихъ очень невелико, они уже теперь начинаютъ испытывать тѣ же невзгоды, на которыя жалуются обыватели Ялты и другихъ переполняемыхъ пріѣзжимъ людомъ курортовъ Крыма.

Чтобы оцънить достоинства сочинскаго района Черноморской губерніи, надобно видъть или дикую его природу, или имъть ясное представленіе о томъ, что можеть изъ нея сдълать человъкъ въ будущемъ.

Удалимся для этого на нъсколько верстъ къ югу отъ города, въ тъ пункты, которыхъ еще не тронула рука человъка, и посмотримъ, что представляеть здісь кавказская природа. Экскурсія въ эту сторону района не представляеть трудности, такъ какъ отъ Сочи и вплоть до Адлера вдоль берега вьется бълой лентой прекрасное шоссе, содержимое въ образцовомъ порядкъ, снабженное желъзными мостиками и могущее соперничать съ лучшими дорогами Крымскаго полуострова. Какъ въ Крыму, оно вьется на болъе или менъе значительной высотъ отъ берега, давая возможность ъдущему то погружаться подъ сънь чудныхъ субтропическихъ лёсовъ, то въёзжать на крутые обрывы, откуда открываются виды на море съ прилегающими бухтами. Ландшафты пути отъ Сочи до Адлера довольно разнообразны и могутъ представить въ хорошую погоду много пріятнаго для того, кто верхомъ или въ экипажъ пожелаль бы прокатиться до Адлера. При попутномъ вътръ ту же прогулку можно сделать подъ парусомъ, взявъ одну изъ турецкихъ фелюгь, которая, лавируя вдоль берега, позволить обозрѣвать его особенности съ моря.

Первыя версты такого морского пути нѣсколько монотонны. Обрывы берега, поросшіе лѣсомъ, напомнятъ вамъ скорѣе побережье большой русской рѣки, въ родѣ Волги, чѣмъ приморскіе ландшафты. Но отъѣхавъ на нѣкоторое разстояніе, если небо ясно, вы будете вознаграждены роскошною панорамою большую частъ года одѣтаго снѣгомъ Гагринскаго хребта, бѣлыя вершины котораго, обрамленныя свитою зеленыхъ холмовъ, эффектно выдѣляются на голубыхъ водахъ моря, придавая виду красоту, подобно которой можно найти развѣ гдѣ-нибудь на итальянскихъ озерахъ Швейцаріи.

Въковые дубы, громадные ясени, грабы и липы, подобныхъ которымъ не встрътишь въ нашихъ лъсахъ, скрываютъ уступы горъ, обрывающихся по направленію къ морю. Эти горы сложены здъсь изъ песчаниковъ и сланцевъ, необыкновенно легко пропитывающихся водами дож-

жей и выветривающихся. Свойство грунта здёсь таково, что онъ стремится давать многочисленые оползни. Обширные участки вёкового лёса сползають нерёдко къ морю. Деревья вырываются съ корнями и падають, но падая не погибають, какъ они погибали бы въ другомъ край: ихъ вётви, вонзившись въ землю, даютъ начало новымъ деревьямъ, упавшее дерево поднимаетъ свою вершину, продолжающую свой ростъ, и сваленное оползнемъ дерево нерёдко даетъ начало пяти или шести новымъ. Быть можетъ, стволы этихъ несчастливцевъ бываютъ иногда и кривы, но число сползающихъ деревьевъ ничтожно мало въ сравненіи съ тысячами прекрасныхъ исполиновъ, которыми одинаково любуется глазъ ёдущаго по шоссе и вдоль берега.

Волны моря не хлещуть здёсь о береговыя скалы, какъ въ Крыму. Обширное лукоморье отдъляетъ границу моря отъ настоящихъ береговыхъ обрывовъ. Этотъ естественный пляжъ, столь высоко ценимый купальщиками, усыпанъ здёсь то пескомъ, то крупнымъ плоскимъ морскимъ галечникомъ и достигаетъ 25 и более саженъ въ ширину, суживаясь тамъ, гдъ короткіе мыски выдаются въ море. Черное море не имъетъ приливовъ, и при обыкновенныхъ условіяхъ эта полоса сохраняеть во всв часы дня ту же ширину. Но зато во время сильныхъ бурь громадные морскіе буруны несутся на берегь, захлестывають большую часть лукоморья, и тогда тамъ, гдв оно болье узко, море продолжаеть свою работу подмыва и разрушенія береговыхъ скаль. Надъ лукоморьемъ непосредственно возвышаются крутыя горы, сверху до низу одътыя густыми дъвственными лъсами. Немногіе кустарники, какъ облъпиха-та самая, изъ ягодъ которой сибиряки приготовляють вкусную наливку, и витека, — средиземноморское растеніе, встръчающееся на югъ оть Ривьеры до западныхъ Гималаевъ (Vitex agnus castus) вмъсть съ ежевикою, средиземноморскимъ тростникомъ и держи-деревомъ дерзають спуститься даже на несокъ и галечникъ лукоморья, представляя въ укромныхъ мъстахъ ръдкое сообщество представителей холоднаго сибирскаго съвера и жаркаго индійскаго юга. Но обыкновенно на дряблокаменистой почвъ вывътрълыхъ песчаниковъ и сланцевъ ютятся здъсь древесныя породы, коренясь въ вязкой глинѣ, въ которую превратились ихъ верхніе слои.

Этотъ прибрежный лѣсъ представляетъ дикую мощь субтропической растительности.

На болье крутыхъ и сухихъ холмахъ господствуетъ дубъ—не жалкій дубъ горъ южнаго берега Крыма, но исполинскаго роста и поразительной толщины колоссы. Такихъ дубовъ вы насчитываете цълыя сотни на протяженіи немногихъ верстъ. Дубъ однако ръдко является одинъ. Не менъе громадная широколистая липа, ясень, береза, крупный и мелкій трабъ такъ же обыкновенны въ здъшнихъ лъсахъ; въ болье влажныхъ лъсахъ къ нимъ присоединяется каштанъ и букъ, тогда какъ въ наиболъе сухихъ лъскахъ, на обращенныхъ на югъ откосахъ, господствуетъ сосна—не наша съверная сосна, но сосна побережья Средиземнаго моря съ тонкою нъжною хвоей и неправильными, причудливыми кронами.

Подъ свиью этихъ деревъ, въ твхъ мъстахъ берега, гдв онъ наилучше защищенъ отъ холодныхъ вътровъ, мы видимъ густыя заросли благороднаго лавра. Если бы не варварскій обычай имеретинъ, иміющихъ обыкновеніе подрубать деревья лавра для сбора съ него листьевъ, стволы здішних деревьевь достигали бы толщины человіческой ноги и многосаженной высоты. Но обыкновенно ихъ вырубають и, идя вновь отъ корня, они образують густой, благовонный, въчнозеленый кустарникъподлівсою, стівною заслоняющій входъ въ таинственныя дебри берегового льса. Дебри эти недоступны для обыкновеннаго смертнаго. Крутой подъемъ по заросшему деревьями береговому обрыву затрудняется тысячами цъпкихъ ліанъ, перевивающихъ деревья и спутывающихся на земль. Первое мьсто между ними занимають саженной длины гибкія и необыкновенно цепко колючія плети ежевики. Это растеніе, которое въ средней полосъ Россіи мы даже охотно садимъ въ своихъ огородахъ и такъ любимъ встрвчать среди поросли пойменныхъ лесовъ, здесь, на Кавказъ, несмотря на прекрасныя качества вкусныхъ, громадными гроздьями вырастающихъ на концахъ вътвей ягодъ, считается бичомъ садовода и отъ души ненавидимо всеми. Переплетая длинными, до крови раздирающими тело и въ клочки рвущими одежду плетями все опушки льсовъ, оно дълаетъ мъстности некультурныя непроходимыми безъ помощи топора, и здішній піонерь, какъ житель дівственныхъ лісовъ Америки, не можеть пробираться по странв безъ помощи ножа. Не лучше ему придется, если, пробравшись черезъ колючія заросли ежевики, онъ попадеть въ самую глубь леса. Туть ежевику сменять крвпкія и тонкія какъ проволока заросли смилакса или сарсапарили. Онв усажены колючками не менве острыми и крвпкими; какъ тысячи капкановъ, зацъпляютъ онъ на каждомъ шагу ваши ноги, и горе вамъ, если вы, оступившись и потерявъ равновъсіе, падая, попробуете ухватиться за съть ея проволочныхъ вътвей, которою перепутаны всъ пространства между деревъ. Глубокіе шрамы на лицв и на рукахъ на многія недъли оставять вамь воспоминание о вашемь падении.

Необыкновенно нѣжными воздушными гирляндами и фестонами, перебрасываясь съ дерева на дерево, заполняютъ между ними пространства сѣтки нѣжной листвы смилакса. Въ однихъ мѣстахъ его сплетенія образуютъ на опушкахъ родъ естественныхъ гротовъ, въ другихъ все дерево кажется покрытымъ сѣткою, украшенною нѣжными зелеными листиками. Смилаксъ не одинъ покрываетъ дерева. Стебли дикой жимолости, какъ настоящія ліаны тропиковъ, свѣшиваются съ недосягаемой высоты, гдѣ

весною они усъивають кроны поддерживающихъ ее деревъ тысячами благовонныхъ розовыхъ цвътовъ. Но болъе эффектною ліаною является здъсь виноградъ. Здъсь, на своей родинъ, эта могучая ліана, иногда съ ногу толщиною, какъ корабельный канатъ свъшивается съ деревъ, крона которыхъ отягощена ея развътвленіями, ея крупными красивыми листьями, а подъ осень и гроздьями рдъющихъ ягодъ.

Но главнымъ и лучшимъ украшеніемъ прибрежнаго ліса является безспорно плющъ. Съ руку толщиною при основаніи, онъ снизу доверху одъваеть стволы деревь, превращая ихъ въ колонны, увитыя въчно темною зеленью, пучками свъшивающеюся сверху и придающею льсамь какую-то своебразную таинственность. Здёсь и тамъ по опушкъ увидите вы весною группу усыпанныхъ цвътами ярко-желтыхъ благовонныхъ кавказскихъ азалій или усыпанныхъ бѣлыми цвѣтами кустовъ калины, мушмалы. Лътомъ шиповникъ, подобно ліанамъ, взбирается своими вьющимися стеблями высоко на вершины сосенъ, чтобы одъть ихъ своими нъжными цвътами; или кусты кизиля, усыпанные яркими, какъ изъ сургуча сдъланными, плодами, привлекають взоръ. Вообще же здъсь мало цвътовъ. Какъ во всякой субтропической странъ, листва господствуетъ всюду, но, въ противоположность нашимъ лесамъ, флора обращаеть вниманіе не на землів, не подъ ногами, но между стволовъ въ воздухъ. На стволахъ деревьевъ ютятся даже эпифитыправда, только въ лицъ красиваго папоротника, изящными группами одъвающаго стволы старыхъ деревъ.

Болве сырыя мъста одъты, впрочемъ, папоротниками и на землъ. Какъ вездъ въ Колхидъ, порубки зарастаютъ орлякомъ (Pteris aquilina), иногда исполинскихъ размъровъ. Подъ сънью деревъ ютятся болъе нъжные папоротники, а на болотахъ хвощи выше человъческаго роста заставляютъ вспомнить о древнихъ геологическихъ эпохахъ.

Такой характеръ имъетъ этотъ первобытный прибрежный лъсъ. При всей своей красотъ онъ представляетъ большія неудобства для культурнаго человъка, и неудивительно, что владъльцы участковъ обыкновенно начинаютъ съ того, что нанимаютъ рабочихъ для такъ называемой чистки лъса.

Описаннаго характера увитые ліанами ліса благодаря этому исчезли на большей части протяженія шоссе. Ихъ все боліве и боліве смівняють эти чищенные ліса, которые очень мало похожи на настоящіе кавказскіє. Теперешніе чищенные ліса напоминають видь ліса поміщичьяго имінія средней Россіи, съ тою только разницею, что лишены поэзіи этихъ посліднихъ: обилія півнихъ птиць и весеннихъ цвітовъ. Здісь півть ни ландышей, ни дроковъ, ни пролісковъ нашего чернолівсья. Почва долгое время остается голою или покрытою колючимъ рускусомъ. Но мало-по-малу землю, особенно раннею весною, начинаєть затягивать веленый

газонъ изъ различныхъ, большею частью однолѣтнихъ, травокъ южныхъ средиземноморскихъ странъ.

Если не считать немногихъ строящихся дачъ, участки, одътые лъсами, совершенно пустынны. Шакалъ еще гивадится въ ихъ дебряхъ, чтобы задавать концерты подъ окнами одиноко стоящихъ домовъ. Дикіе кабаны ходять стадами въ осеннее время въ болбе теплыхъ долинахъ ръкъ, и красивыя дикія козы—далеко не ръдкая добыча для сочинскаго охотника. Крупныя, почти въ руку толщиною, змен и черепахи ютятся въ заросляхъ колючки. Зайцы и особая порода мелкихъ сърыхъ бълокъ попадается въ сосновыхъ рощахъ, но особымъ разнообразіемъ и богатствомъ поражаетъ міръ насткомыхъ. Какъ въ Крыму, по вечерамъ цикады наполняють воздухь своимь стрекотаніемь. Замізчательны отсутствіе столь тягостныхъ для крымскихъ обывателей москитовъ и рѣдкость комаровъ. Зато въ теплыхъ каменистыхъ мъстахъ начинаютъ попадаться маленькіе черные скорпіоны; съ ними, впрочемъ, обывателю приходится нивть двло гораздо реже, чемъ съ блохами, истиннымъ бичомъ здешняго края, къ счастію, появляющимися и исчезающими какъ-то періодически. Свиръпствуя въ началъ лъта, эти насъкомыя исчезають подъ осень. Осы здёсь такъ же многочисленны, какъ мухи подъ осень въ Малороссіи. Сладкія блюда, оставленныя на воздухъ, дълаются черными отъ осъ. Онв вывдають мякоть нажныхъ фруктовъ и совершають опустошенія въ незакрытыхъ запасахъ, гді имъ на помощь приходять муравьи, здёсь необыкновенно разнообразные и многочисленные. Человёка не видно въ лъсныхъ дебряхъ, -- только тамъ, гдъ совершается расчистка лъса, подымаются столбы дыма или гуляеть пламень по кучамъ сжигаемыхъ вътвей. Особенно эффектны эти очистки позднимъ вечеромъ, когда, фдучи по шоссе, которое вьется среди темнаго дремучаго лъса, вы вдругь наталкиваетесь на группу людей, ютящуюся у костра, краснымъ заревомъ освъщающаго высокіе своды лъса и окрестные стволы.

Эти люди, въ разодранныхъ лъсными колючками рубахахъ, съ изнуреннымъ въ работъ тъломъ и съ покрытыми синяками лицами, производятъ впечатлъніе бандитовъ, дълящихъ добычу, награбленную на большой дорогъ. На дълъ это — совершенно безобидные бъдняки, которыхъ собрала на эту тяжелую работу роковымъ образомъ сложившаяся судьба. Немногіе изъ нихъ отложатъ на черный день заработанную конейку; большинство снесетъ ее въ кабакъ, чтобы опять и опять продолжать тяжелый трудъ дровосъка. П откуда только ни собрался этотъ народъ! Здъсь есть и жители Ковенской губерніи, и пермяки, угрюмый финнъ и гонимый голодомъ казанскій татаринъ, нъмцы, обрусьвшіе горцы, малороссы всъхъ типовъ и губерній и отбившіеся отъ соотечественниковъ персіяне. Особнякомъ держатся рабочіє имеретины. Они работаютъ артелями, чтобы собрать денегъ побольше и отвезти ихъ

въ деревню, на родину. Несмотря на эти добродътельныя задачи, по добросовъстности отношенія къ дълу они стоятъ много ниже русскихъ, въ чемъ легко убъдится всякій, испробовавъ тъхъ и другихъ, хотя на первый взглядъ имеретинъ подкупаетъ кажущеюся культурностью и лестью. Таковы эти дъятели-піонеры въ дъвственныхъ лъсахъ Сочинскаго побережья.

Здівсь можно іздить и верхомъ, такъ какъ въ здішнемъ крать дорогою только и принято называть то, куда можеть ступить не оборвавшись лошадь. Въ самое послъднее время, впрочемъ, начинають проводиться и настоящія дороги, но ихъ очень мало, большинство не окончено, и потому единственною "дорогою" въ крат можно назвать береговое шоссе, которое западнъе Сочи отходить довольно далеко отъ берега, давая ъдущему нъкоторое представлене и о пунктахъ удаленной отъ моря полосы. Здівсь, подымаясь на значительную высоту, індущій получаеть возможность любоваться чуть ли не самыми красивыми ландшафтами края. Пріятна прежде всего ширь открывающейся панорамы. Далеко передъ вами, подъ ногами вашими, лежить въ мягкихъ холмистыхъ берегахъ зеленъющая долина ръки, по которой течетъ живописными извивами эта послъдняя. На лъвомъ высокомъ зелено-холмистомъ берегу ея раскинулось селеніе Сочи, съ его б'элыми хатками, красиво видн'яющеюся церковью, рядами пирамидальныхъ тополей и группами садовъ съ цвътущими деревьями. Мягкій, красивый, родной, знакомый ландшафтъ. Но эта красивая, родная, зеленая панорама, соединяющая въ себъ нъжность красокъ средней Россіи съ красотами, характерными для Малороссін, вставлена въ рамку совершенно иного характера. Справа вы видите берегь голубого моря съ бълыми пънящимися бурунами, обрамляющими причудливые фестоны зеленаго съ сърою галечниковою каймою гористаго берега. Прямо же передъ вами селеніе съ его холмами на болъе темномъ, зеленомъ же, фонф болфе высокихъ, причудливаго очертанія горъ, тянущихся то грядою, то возвышающихся отдёльнымъ конусомъ, точно Везувій надъ берегами Неаполитанскаго залива. Это Большой Охунъ, нанбольшая прибережная возвышенность между Сочи и Адлеромъ. За нимъ видиъются одътыя добрыя три четверти года сиъгами Гагринскія горы, и эти горы, играя роль Альпъ въ швейцарскомъ ландшафть, не имъя грубаго величія Кавказа, придають пейзажу необыкновенную красоту, давая между голубымъ небомъ и зеленою землею еще эту бълую изящную зубчатую линію. Имъй Сочи такіе виды отовсюду, это быль бы одинъ изъ красивъйшихъ уголковъ земли, но, къ сожальнію, надо вы вхать изъ селенія, чтобы имъ любоваться, при чемъ девять-десять мъстъ съ этой чудной панорамой занято виноградниками частнаго лица.

Несмотря на красоты природы, береговое шоссе не даеть правильнаго представленія о природъ внутреннихъ частей сочинскаго района.

Полное понятіе о природ'в этой не дадуть и "проселочныя" дороги, ведущія къ большинству селеній и проложенныя большею частью по долинамъ р'вкъ. Даже значительное удаленіе отъ берега мало м'вняетъ растительность; только преобладаніе высокихъ ольхъ да дикихъ яблонь и грушъ свид'ьтельствуеть о томъ, что зд'всь когда-то было черкесское хозяйство, сл'яды котораго стерла могучая растительность.

Иная совершенно картина представится вамъ, если вы попадете въ узкое боковое ущелье, — въ ущелье, гдѣ не свищутъ бризы, гдѣ воздухъ большею частью недвижимъ, застаивается, гдѣ днями, а когда и недѣлями виснутъ облака и туманы, а почва, не просыхая никогда, постоянно напитана влагою. Съ удаленіемъ отъ берега песчаники и глинистые сланцы третичной эпохи смѣняются обыкновенно известияками мѣловой системы. Въ нихъ ущелья особенно узки и склоны круты, и на нихъ-то, въ этой затхлой обстановкѣ, и развивается совершенно особый типъ флоры, отличной отъ прибережной, создающій совершенно особыя панорамы.

Это та флора, которую открыто по берегу мы встрътимъ только значительно юживе въ Батумской области.

Тамъ она господствуеть, здѣсь она прячется въ болѣе сырые, затхлые, къ сѣверу смотрящіе уголки. Нѣкогда господствующимъ деревомъ этой формаціи былъ, повидимому, тиссъ, это драгоцѣнное красное дерево, играющее столь важную роль въ разныхъ подѣлкахъ. Тиссъ (Тахиз baccata) однако истреблялся здѣсь промышленниками съ давнихъ поръ, и теперь, когда казна положила конецъ хищенію, въ лѣсахъ остались одни подгвивающіе ветераны да крайне немногочисленные молоденькіе экземплярчики этого очевидно вымирающаго дерева. Старые, изуродованные временемъ и молніями экземпляры даютъ мало понятія о необыкновенной красотѣ этого исполинскаго дерева, когда оно, стоя въ полной силѣ, соединяетъ въ себѣ изящество хвои пихты съ могучимъ обликомъ дуба.

Теперь въ своеобразныхъ въчнозеленыхъ лъсахъ этихъ тънистыхъ, мало провътриваемыхъ известковыхъ ущелій главную роль играетъ самшитъ. Незнакомый съ этимъ растеніемъ человъкъ назоветъ его миртою, хотя овальный, похожій на брусничный листъ его мало похожъ на миртовый.

Здѣсь это—высокое дерево, высотою превосходящее наши бульварныя липы. Его черно-зеленая мелкая листва сидить на тяжелыхъ желто-зелено-бѣлыхъ вѣтвяхъ, изящно украшенныхъ лишайниками и мхомъ. Этотъ мохъ какъ длиная борода свѣшивается со ствола и со всѣхъ вѣтвей самшита, достигая невиданной въ нашихъ лѣсахъ длины и придавая всему лѣсу фантастическій видъ зеленаго мховаго царства. Зеленый пушистый мохъ надъ головами, зеленый пущистый мохъ воскругъ васъ, среди черной мрачной зелени неподвижныхъ вѣтвей въ

- 30

стромъ туманномъ полумракъ. Все блеститъ, какъ наведенное лакомъ, все черно-зеленое въ этомъ самшитовомъ лъсу, помимо этого нъжнаго бархата свътлаго пушистаго мха.

Мертвая тишина царствуеть въ самшитовыхъ лѣсахъ. Ни птицы, ни стрекотанья насѣкомаго. Ни дать, ни взять какъ въ царствѣ облаковъ тропическихъ горъ, — и весь обликъ растительности содѣйствуетъ иллюзін: все вѣчнозеленыя, не хотящія знать зимы растенія. Громадныя синія жужелицы однѣ попадались мнѣ здѣсь, охотясь на беззащитныхъ слизняковъ, изобилующихъ въ этихъ лѣсахъ.

Самшить—одно изъ самыхъ цѣнныхъ для токарныхъ работь дерево. Для экспорта пальмоваго дерева были уничтожены массы такихъ лѣсовъ, но кое-что еще сохранилось въ назиданіе потомству.

По Чороху.

(Е. Маркова и Ковалевскаго.)

"Артвинъ, Артвинъ!" повторяли мы, вперивъ наши восхищенные взоры въ развернувшуюся внезапно передъ нами чудную картину. Живописно раскинулся городъ Артвинъ на склонѣ высокой, образующей полукругъ, каменистой горы, спускающейся въ видѣ амфитеатра въ ущелье. Его бѣлые, изящные домики, широко лѣпящеся по всему склону, почти отъ самой вершины и до подножія горы, утопающіе въ яркой зелени многочисленныхъ садовъ, представляли рѣзкій контрастъ съ окружающими городъ мрачными, сѣрыми, оголенными скалами. Справа, у края города, на высокой, совершенно отвѣсной скалѣ одиноко возвышается полуразвалившаяся крѣпость, считавшаяся, благодаря своему господствующему положенію надъ окружающею мѣстностью, когда-то неприступною.

А внизу, на днъ ущелья, ворочая на своемъ пути огромные камни, ударяясь о прибрежныя скалы и отскакивая отъ нихъ назадъ, съ шумомъ и грохотомъ несетъ свои мутныя воды знаменитый Чорохъ, теряющійся своими верховьями гдъто въ турецкихъ горахъ и сливающійся немного ниже съ синими волнами Чернаго моря.

Расположенъ Артвинъ весьма оригинально. Высоко забралась верхняя часть города, рано наступаетъ тамъ суровая холодная зима, коротко тамъ лѣто. Чѣмъ ниже сползаетъ по горѣ городъ, тѣмъ ярче, тѣмъ роскошнѣе становится окружающая зелень; стройныя сосны замѣняются тѣнистыми орѣхами и кисти чуднаго винограда вызрѣваютъ въ многочисленныхъ садахъ. Тепло внизу подъ горой, тепло и во время безснѣжной зимы, тепло и въ жаркіе мѣсяцы года. Тутъ есть и персики, и гранаты, и цѣлыя рощи ярко оттѣняющихся оливокъ, купающихъ свои корни въ мутныхъ волнахъ Чороха.

Благодаря такому расположенію города, артвинскіе жители пользуются большую часть года всевозможными огородными и садовыми продуктами. Въ то время, какъ наверху вершины окружающихъ горъ изнемогають подъ тяжестью покрывающаго ихъ снъга, на берегу Чороха уже поспъвають овощи, ягоды и фрукты. Не успъли они кончиться, какъ созръвають плоды на срединъ горы, и такъ далъс до самого верха, гдъ уже позднею осенью жители собирають огородные продукты.

Главное достоинство Артвина составляеть многоводный Чорохъ, соединяющій широкою, относительно удобною, естественною дорогою Артвинъ съ Батумомъ, а черезъ него и со всёмъ цивилизованнымъ міромъ. Городъ Артвинъ, второй по населенности пунктъ въ округѣ послѣ Батума, имѣетъ около 1.330 дворовъ, при чемъ количество населяющихъ его душъ обоего пола достигаетъ 8.000 человѣкъ слишкомъ.

Населеніе Артвина довольно смітанное — заключаєть въ себі три національности: армянъ-католиковъ, турокъ и грузинъ. Сообразно съ величиною населенія число церквей въ городі довольно значительно: одна православная, одна армяно-грегоріанская, четыре католическихъ костела и три мечети. Главное занятіе жителей — садоводство. Благодаря продолжительному жаркому літу жители успівають собрать въ теченіе года дві жатвы и послі кукурузы сіють обыкновенно ячмень. Въ многочисленныхъ садахъ, разбросанныхъ по всему округу и расположенныхъ на крутыхъ склонахъ, въ виді террасъ, вызрівають разнообразные сорта яблокъ, групъ, персиковъ, сливъ, винограда, грецкіе оріжи, тута и оливка.

Разведеніе оливовъ довольно развито, такъ что ежегодно вывозится изъ Артвинскаго округа въ Батумъ и за границу до 100.000 пудовъ оливовъ двухъ сортовъ, —для выдълки масла и для ъды. Кромъ того, въ Артвинъ существуютъ особыя заведенія, выдълывающія "каурму", вареную баранину, залитую своимъ саломъ, которая вывозится въ глиняныхъ кувшинахъ въ Турцію, а также кожевенные заводы, снабжающіе заграницу тысячами козлиныхъ шкуръ для выдълки перчатокъ, изъ которыхъ многія отправляются обратно въ Россію и расходятся тамъ, конечно, по утроенной цънъ.

Солнце уже высоко поднялось надъ окружающими горами, когда мы поднялись послъ покойно проведенной ночи. Весь день мы ръшились посвятить на осмотръ достопримъчательностей города, въ которомъ каждый предметъ вызываетъ въ васъ удивленіе. Выходите вы изъ дому и останавливаетесь пораженные видомъ улицы, по которой вы идете. Узенькія, кривыя, онъ всъ или поднимаются въ гору, или спускаются подъгору и до того круты, что лошадь еле карабкается наверхъ, благодаря чему во всемъ городъ нътъ ни одного экипажа. Иногда же встръчаются настоящія лъстницы, на которыя приходится въъзжать верхомъ. Пдете

вы дальше и приходите въ восхищение отъ архитектуры и красоты возвышающагося передъ вами небольшого домика... Попадающиеся вамъ по дорогъ туземцы поражаютъ васъ красотою и мужественностью своей фигуры. Вотъ на камняхъ, у дороги, вамъ бросается въ глаза живописная группа мальчиковъ, которая такъ и просится на полотно художника.

Около 4-хъ часовъ дня мы посътили самый большой изъ католическихъ костеловъ. При нашемъ входъ обширная внутренняя зала церкви, не отличающаяся особымъ богатствомъ отдълки, была совершенно пуста. На хорахъ мы застали нъсколькихъ молоденькихъ колънопреклоненныхъ монахинь - армянокъ съ длинными, откинутыми немного назадъ бълыми покрывалами на головахъ, красивыми складками ниспадавшими до самаго пола. При костелъ существуетъ школа для дъвочекъ, въ которой обучаютъ видънныя нами монахини.

Я сижу у открытаго окна. Внизу у моихъ ногъ, среди тънистыхъ смоковницъ, шелковичныхъ и оръховыхъ деревьевъ, раскинулись высокіе бълые артвинскіе домики, на окнахъ которыхъ играютъ лучи заходящаго солнца. Вотъ виднъется большое бълое зданіе единственной гостиницы Артвина съ безчисленнымъ количествомъ балкончиковъ у оконъ. Предъ окнами, прямо передо мной высится къ небу стройный минаретъ. Кругомъ глядятъ на меня высокія мрачныя скалы, представляя ръзкій контрастъ съ раскинувшимися у ихъ ногъ садами и зелеными рощами. Снизу изръдка доносится вътромъ ворчаніе бъщенаго Чороха. Вотъ на балкончикъ минарета показалась какая-то фигура въ пестрой одеждъ и зеленой чалмъ, послышался чей-то заунывный, хватающій за душу голосъ. Это мулла призываетъ правовърныхъ къ молитвъ... На голосъ муллы откликнулся протяжный звонъ колокольчиковъ — начинается вечерняя служба въ католическихъ костелахъ.

Всѣ добываемые въ Артвинскомъ округѣ продукты сплавляются внизъ по теченію рѣки, въ Батумъ; благодаря этому образовался въ Артвинѣ классъ людей, спеціально посвятившихъ себя судоходству, которое поражаетъ своей оригинальностью. Тутъ нѣтъ громадныхъ рѣчныхъ пароходовъ, которые плаваютъ по Волгѣ, нѣтъ и легкихъ, мелкосидящихъ пароходиковъ, въ родѣ тѣхъ, которые бѣгаютъ по Екатеринискому каналу въ С.-Петербургѣ. Здѣсь, на Чорохѣ, всѣ эти суда моментально разбились бы въ куски о прибрежные утесы. Сама природа указала на пригодный для плаванія по Чороху типъ судовъ, называемыхъ "каюкъ". Это заостренная съ обоихъ концовъ, аршинъ 15 длиною, лодка изъ буковаго дерева, имѣющая дно плоское, нѣсколько выгнутое. Она и легка, и прочна, и удобна. Не сила вѣтра, надувающаго парусъ, не усилія гребцовъ, напирающихъ на весла, двигаютъ каюкъ, — нѣтъ, онъ несется самъ, увлекаемый теченіемъ, несется въ полую воду быстрѣе поѣзда. Сидящіе въ каюкъ два гребца работаютъ веслами лишь

для того, чтобы парализовать силу теченія, чтобы каюкъ, увлекаемый водоворотомъ, не наткнулся на скалы. Сзади на кормѣ стоитъ капитанъ, такъ называемый "рейсъ", и при посредствѣ двухъ веселъ даетъ каюку нужное направленіе. Кромѣ гребцовъ, въ каюкѣ на носу сидитъ еще матросъ, главная обязанность котораго состоитъ въ отталкиваніи багромъ отъ скалъ, если каюкъ слишкомъ приблизится къ берегу... Въ обыкновенное время разстояніе въ 90 слишкомъ верстъ, отдѣляющее Артвинъ отъ Батума, каюкъ пробѣгаетъ въ 5-6 часовъ, со скоростью 15-20 верстъ въ часъ; въ полую же воду, ранней весной, каюкъ долетаетъ, говорятъ, до Батума въ $1^{1}/_{2}-2$ часа, достигая скорости почти 60 верстъ, превышающей быстроту нашихъ курьерскихъ поѣздовъ.

Какъ разъ напротивъ подножья скалы, на которой высятся развалины крѣпости, правый берегъ Чороха отходитъ нѣсколько въ сторону, образуя довольно широкую низменную полосу земли, усѣянную мелкими гальками; это — старое ложе Чороха, который пробилъ себѣ новый путь тутъ же рядомъ въ скалахъ. Съ этого самаго мѣста, носящаго громкое названіе пристани, отправляются въ путь каюки съ пассажирами и товарами; здѣсь же ожидалъ и тотъ каюкъ, который долженъ былъ доставить насъ въ Батумъ. Мы удобно размѣстились въ широкой, просторной ладъѣ; Мамедъ-Катанъ-Оглы, одинъ изъ лучшихъ рейсовъ во всемъ округѣ, въ рукахъ котораго съ этого момента находилась наша судьба, сталъ на своемъ мѣстѣ, матросы оттолкнулись отъ берега длинными шестами; сдвинутый съ мѣста каюкъ какъ-то тихо выплылъ на середину рѣки, остался одно мгновеніе неподвиженъ, какъ бы въ раздумьѣ—бѣжать ему дальше или вернуться назадъ, и потомъ, вздрогнувъ, съ страшной быстротой рванулся впередъ.

Прошло мгновеніе; пристань далеко осталась позади, и мы, подхваченные бурнымъ потокомъ, быстро несемся впередъ мимо нависшихъ надъ нами мрачныхъ, грозныхъ скалъ. Шипитъ и пънится кругомъ насъ вода, и сердитыя волны то и дело ударяются о бока лодки, обдавая насъ брызгами. Трр...трр... слышится треніе каюка о каменистое дно ръки. Мы проъзжаемъ по мелкому мъсту-это продолжается недолго, и лодка, пролетьвъ черезъ мель, несется далье. Вотъ прибрежныя скалы разступаются въ стороны, русло расширяется и теченіе ръки, выйдя на просторъ, замедляетъ свой бъщеный бъгъ. Уже не такъ быстро мчится каюкъ, все медленнъе и медленнъе становится его движеніе; онъ почти останавливается. Избалованные быстротой, мы невольно начинаемъ роптать въ душт на эту остановку и какъ бы погоняемъ лодку. Но это замедленіе не надолго, это какъ бы затишье передъ бурею. Русло сразу суживается, и ръка дълаетъ кругой поворотъ. Передъ нами опять прежній могучій и быстрый Чорокъ; нашъ каюкъ дівлаетъ бівшеный прыжокъ и устремляется въ узкій проходъ. Опять замелькали мимо насъ сърыя,

угрюмыя скалы, опять мы несемся съ ужасною быстротой. Сердце усиленно бьется въ груди, и жутко, и хорошо въ одно время. Передъ нами въ нѣсколькихъ шагахъ высится огромная скала,—каюкъ несется прямо на нее, вотъ она становится все ближе и ближе. Уже меньше сажени отдъляетъ насъ отъ страшной громады. Гребцы налегаютъ на весла, капитанъ, упершись ногами въ бортъ каюка, всею тяжестью своего тъла

Ущелье ръки Чороха въ верхнемъ теченіи.

папираетъ на весло, передній рулевой держить наготовъ свой багорь. Отъ скорости движенія захватываетъ духъ. Еще секунда — и мы разобъемся въ куски объ эти твердые камни и волны ръки понесутъ дальше лишь обезображенные трупы и обломки разбитой лодки... На лодкъ раздается веселое гиканье пассажировъ (среди туземцевъ принято кричать на опасныхъ мъстахъ; они этимъ какъ бы ободряютъ рулевыхъ). Одно движеніе капитана, одно усиліе гребцовъ — каюкъ круто поворачиваетъ

въ сторону и выносится на средину рѣки. Я оборачиваюсь назадъ; ро-ковая скала чернъется вдали, и мы продолжаемъ нашъ бѣшеный бѣгъ.

— Это самое опасное мѣсто, которое мы сейчасъ проѣхали, — обратился ко миѣ нашъ попутчикъ. — Послѣ дождей, во время сильной воды здѣсь приходится на веревкѣ съ противоположнаго берега удерживать каюкъ, а то какъ налетитъ, моментально въ куски, и тутъ никакой рудевой не поможетъ. Вы и представить себѣ не можете, какіе ужасы здѣсь творятся.

Кромъ насъ, на каюкъ находилось человъкъ 15 пассажировъ, по большей части армяне и турки. Какой-то бродячій музыканть, случайно находившійся на нашемъ каюків, заиграль на своей дудків; его сосівдь, молодой армянинъ, развеселившійся отъ частаго прикладыванія во время пути къ бутылкъ съ свътлою жидкостью, сталъ неистово колотить въ барабанъ, издавая отъ времени до времени пронзительные крики, остальные затянули какую-то веселую пъсню; вышель такой концерть, что можно было вообразить себя въ какомъ-нибудь неважномъ провинціальномъ театръ. То и дело намъ попадались навстречу обратные каюки, спешившие въ Артвинъ за новыми пассажирами и товарами. Своеобразную картину представляють эти встречные каюки. Несколько человекь съ оголенными ногами, по колъна въ водъ, ступая по острымъ камнямъ, усыпающимъ дно ръки, изнемогая отъ усталости и жары, тянуть на канатъ каюкъ, нагруженный припасами для расположенных въ Артвинъ войскъ, между тъмъ какъ одинъ изъ нихъ все время отпихивается при помощи длиннаго песта. отъ берега. Отвъсные берега то надвигались почти совершенно, такъ что оставляли виднымъ лишь клочокъ синяго неба надъ нами, то расходились въ стороны, раскрывая передъ нашими восхищенными взорами красивыя лужайки, кое-гдъ поросшія соснами и "горными пальмами" особымъ видомъ растеній, нисколько непохожихъ на ихъ стройныхъ африканскихъ собратьевъ, въ такомъ изобиліи наполняющихъ все побережье Средиземнаго моря. Эта горная пальма очень распространена въ Артвинскомъ округъ и до 1878 г. ее вывозили въ большомъ количествъ въ Малую Азію, посль же войны на вывозъ пальмы было положено запрещеніе. Благодаря необыкновенной крізпости этого дерева, оно служить для выдёлки различныхь предметовь для домашняго обихода ложекъ, ножей, чашекъ, тросточекъ и т. д. Вотъ и турецкое селенье Борчка, наполовину покинутое жителями. Получасовая остановка доставила намъ возможность плотно позавтракать имъвшимися при насъ припасами въ небольшомъ садикъ, на берегу ръки.

Опять вокругъ насъ пънится вода и бъснуются разъяренныя волны, какъ бы собираясь поглотить насъ вмъстъ съ нашей утлой ладьей, опять шумящій Чорохъ несеть насъ своимъ быстрымъ теченіемъ. Берега потеряли прежній дикій и суровый характеръ, яркая зедень сплошнымъ ковромъ покрываетъ прибрежныя скалы, красиво оттъняясь на темной

синев'в южнаго неба. Все ниже и шире разступается передъ нами долина, все шире и шире разливается Чорохъ, безпощадно поглощая своими мутными волнами чистыя воды вливающихся въ него горныхъ потоковъ. Тише, тише подвигается каюкъ. Чорохъ выходитъ на равнину — немного дальше разстилается безбрежная даль Чернаго моря. Вотъ показались на берегу какіе-то домики. Рейсъ налегаетъ на весла, и каюкъ тихо подходитъ къ берегу.

Окончилось наше путешествіе по водѣ. Рессорный фаэтонъ ждетъ насъ у берега; быстро пролетять сытые кони небольшое разстояніе въ нъсколько версть, отдѣляющее насъ отъ Батума.

По Закавказской жельзной дорогь.

(Е. Маркова.)

Жельзная дорога изъ Батума въ Тифлисъ идетъ по самому берегу моря, мимо нефтяного городка. Побережье отъ Батума до Цихидзира—рядъ прелестныхъ картинъ. Курчавые, густолиственные лъса одъваютъ ближнія гряды горъ. Вездъ яркая, молодая зелень, сверкающіе весеннимъ лакомъ листья лавровишней и фотиній, малиновые гроздья цвътущихъ рододендроновъ, терновники и груши въ бълоснъжномъ пуху, кизильникъ, осыпанный золотомъ своихъ цвътовъ, копны перепутанныхъ ліанъ на каждомъ деревъ.

За этимъ ярко-зеленымъ, радостно сіяющимъ первымъ планомъ высятся пирамиды болѣе далекихъ темно-зеленыхъ горъ, еще посыпанныхъ—будто волосы первою сѣдиной—снъгами зимы, и еще дальше за ними, еще выше, еще туманнѣе, сплошная цѣпь вѣчныхъ снъговъ:

Потадъ несется сначала вровень съ гладъю моря, по голышамъ береговой отмеди, но уже скоро начинаетъ вртаться въ скалы берега; свтыкія обнаженія утесовъ, осыпи камней, обвалившихся въ море, среди которыхъ стро-зеленый трахитъ эффектно отдъляется отъ ярко-красныхъ глинъ, чуть даютъ тъсный проходъ чернымъ ниточкамъ рельсовъ, дерако ворвавшимся въ ихъ каменное царство.

Непремънно оглянитесь назадъ, проъхавъ первый туннель. Красножелтая скала съ уцъпившимися за нее изогнутыми деревьями, съ черною дырою туннеля внизу, живописнымъ мысомъ закрываетъ отъ васъ, какъ декорація театра, повороты жельзной дороги, а за нею далеко и высоко, будто нарисованные нъжною акварелью, выръзываются на мягкомъ голубомъ фонъ морской дали бълые башни и домики Батумскаго порта, съ чуть видными дымками пароходовъ и мачтами кораблей.

Чаква—первая станція въ семнадцати верстахъ отъ Батума. Растительность тутъ тропической роскоши. Это природная оранжерея, сочащаяся обильною водой, всегда залитая солицемъ, поэтому постоянно

жаркая и влажная. Туть можно разводить самыя нъжныя растенія дальняго юга. Но сила растительности такова, что необходимо сначала бороться съ нею и побъдить ее, иначе она задавить всъ дъла рукъ человъческихъ. Туть вездъ приходится сначала выжигать всъ лъсныя поросли, а уже потомъ обрабатывать землю. А запустите какіе-нибудь два-три года, и опять все зарастеть, заглушится, опять нужно начинать сызнова. Уже много земель этого берега разделано и обработано, много видивется садовь и плантацій всякаго рода. Почва здівшняя—латерить, ярко-красная глина, изумительно плодородная при обили воды. Вообще вся эта мъстность удивительно удобна для самыхъ ценныхъ культуръ. На каждомъ шагу ручьи, водопады, болота, озерки. Скалистыя стыны жел взнодорожнаго туннеля сочатся сплошною скатертью воды; черезъ каждый аршинъ въ нихъ продъланы сточныя трубы. Кукурузы тутъ видимо-невидимо, шелковица захватываеть все больше мъста. Можно смъло сказать, что эта страна блестящей будущности, плодороднъе и роскошнъе южнаго берега Крыма. Уже теперь земли на равнинахъ стоятъ здесь огромныхъ ценъ.

Передъ Кобулетами на высокой скалѣ, царящей надъ берегомъ, очень картинно нарисовались вдругъ развалины большой крѣпости. Зубчатыя стѣны, башни съ разбитыми амбразурами, почернѣвшія отъ копоти вѣковъ, живописно задрапированныя колыхающимися шпалерами плюща.

Сами Кобулеты мало интересны. Они лежать на низкомъ поморыв, куда обыкновенно прівзжають для морскихь купаній. За Кобулетами мъстность ръзко измъняется и теряеть свой декоративный характеръ. Море уходить нал'тью, горы уходять направо, и васъ окружаеть однообразная широкая равнина, заросшая чуть не дівственными лісами, покрытая плантаціями кукурузы. Собственно говоря, это сплошное болото, но болото при здъщней тропической жаръ очень плодородное, вездъ, гдв его сколько-нибудь приспособять къ посввамъ. Колоссальные, прямые, какъ мачты, стволы деревьевъ, дубы, грабы, карагачи, чинары, до макушки увитые цвътущими ліанами, поднимаются прямо изъ трясинъ, залитыхъ водою, и большею частью гніють туть же на корню. Лихорадки здёсь вёкують, какъ въ своемъ родимомъ гнёздё. На расчищенныхъ, нъсколько болъе сухихъ полянахъ почти сплошная кукуруза. Эти кукурузныя поля имъють оригинальный видъ: они всъ усъяны своего рода избушками на курьихъ ножкахъ, камышевыми и плетневыми кукурузницами, высоко поднятыми на столбахъ, какъ двъ капли воды похожія на тв хижины островитянь-дикарей, которыя изображаются у старыхъ путешественниковъ по океанамъ. Съно тутъ тоже намотано, какъ клубки шерсти на веретена, на высокіе шесты или уложено стожками между вътвей деревьевъ. Съ непривычки кажется издали, будто какіе-то гигантскіе грибы вытянулись высоко въ воздухъ изъ этой сказочно-плодородной почвы. Все туть нужно спасать отъ прикосновенія губительной болотной влаги.

Народъ здѣсь—красавецъ на красавцѣ, статный, рослый, со смѣлымъ взглядомъ глазъ, съ тонкими чертами сухого лица, напоминающими породистаго арабскаго коня. Аджарцы и гурійцы мало разнятся другъ отъ друга и лицомъ, и нарядомъ, и языкомъ.

По дорогамъ не только видны всадники и пѣшеходы, но и арбы. Здѣшнія арбы — двухколесныя. Колеса ихъ — это тяжелые сплошные круги изъ толстѣйшихъ буковыхъ досокъ, безъ спицъ и ободьевъ; конечно, и горныя дороги здѣсь тоже напоминаютъ времена Ноя, и по нимъ дѣйствительно не поѣдешь на рессорахъ; но все-таки эта тяжесть огромныхъ и неуклюжихъ жернововъ, скрипящихъ на немазанной оси, не подъ силу даже и выносливымъ буйволамъ, обычнымъ перевозочнымъ животнымъ этого края.

На станціяхъ большое стеченіе народа, настоящій базаръ. Хорошенькія гурійки въ разноцвітныхъ шелковыхъ сіткахъ на головахъ, щеголевато одітыя, продають шелковыя матерія, платки и шарфики своей работы. Хотя особеннаго достоинства эти легкія ткани и не иміноть, но зато оні удивительно дешевы: містную чесучу, или, візрийе, шелковое полотно, можно купить здісь по 70, по 80 коп. за аршинъ.

Красавцы-гурійцы съ воинственною осанкой толиятся здёсь во множестві, въ черныхъ буркахъ, въ черныхъ вокетливо завязанныхъ башлыкахъ; мальчишки ихъ, глазастые, румяные брюнеты, смотрять совсівмъ итальянцами. Меня и здісь, какъ въ Палестині, какъ въ Египті, какъ на островахъ Греческаго Архипелага, удивляла эта потребность южнаго человівка, жителя горячихъ странъ, кутаться даже лістомъ въ теплое и черное, въ то время, какъ мы, сіверяне, въ своемъ сыромъ и холодномъ климаті, щеголяемъ съ мая до сентября въ білой парусиніъ.

Мы накупили у женщинъ кое-какихъ шелковыхъ мелочей, захватили у черномазаго мальчугана, осчастливленнаго полученіемъ пятиалтыннаго, кружокъ мѣстнаго мягкаго сыра и съ этою добычею поспѣшили возвратиться въ вагонъ. Проѣхали Нотанеби, проѣхали Сужу. За Сужей равнина Гуріи дѣлается еще привольнѣе; горы видны направо и налѣво, вездѣ журчатъ ручьи, борозды полей залиты водою, поля раздѣлены плетнями на участви, кукуруза и кукурузницы на курьихъ ножкахъ вездѣ, куда ни оглянешься. А селеній между тѣмъ почти не видно. Тѣ хижины безъ оконъ, что ютятся въ тѣни маленькихъ садиковъ, —скорѣе лѣтніе хутора и хозяйственные склады, чѣмъ постоянныя жилища гурійца. Селенья его, должно быть, въ предгорьяхъ, подальше отъ этой болотистой низины. Въ многочисленныхъ канавахъ, откуда до одури кричатъ лягушки, то и дѣло видишь валяющихся свиней и буѣволовъ.

Мы уже приближаемся къ Ріону и то и дѣло касаемся его береговъ. Намъ уже видна на той сторонѣ Имеретія съ мерцающими за нею стѣнами Большого Кавказа. Поля перемѣняютъ свой характеръ. Почва тутъ вся изъ мелкихъ голышей, смѣшанныхъ съ иломъ, особенно подходящая для винограда.

Отъ станціи Негоити и Саджевахо везд'в тутъ р'вдко раскинуты по полямъ старыя рогатыя деревья, кругомъ которыхъ обвиваются могучіе многол'втніе канаты виноградной лозы, толщиною въ добрую руку. Въ прежнее время вс'в поля были въ такихъ деревьяхъ, и всякое дерево въ обильно осыпанныхъ гроздями лозахъ винограда. Но сбытъ кукурузы оказался проще и выгодн'ве виноградарства, и народъ бросился на

Гурійская изба.

новую наживу, сталъ подсъкать подъ корень старыя свои деревья, а вмъсть съ ними и старыя лозы, дававшія виноградъ, какъ увъряють здъшніе люди, несравненно болье душистый и сочный, чъмъ болье цивилизованный способъ культуры кустами. За Самтреди уже начинается Имеретія. Горы отступаютъ еще дальше въ знойную синеву, откуда выръзаются на сине-зеленомъ фонъ предгорій бъленькіе домики многочисленныхъ имеретинскихъ деревень.

Мы перевхали по низенькому мосту быстрый и мутный Ріонъ, текущій здісь совсівмь въ плоскихъ берегахъ. Имеретія уже замізтно культурніве полудикой Гуріи. Правильные виноградники, хорошіе фруктовые сады, полевые участки, обсаженные рядами тутовыхъ деревьевъ, больше и красивые сельскіе дома. Оттого и цѣна земли здѣсь гораздо выпие, чѣмъ въ Гуріи. Десятина земли съ какимъ-нибудь маленькимъ садикомъ стоитъ 500, 600, 1.000 руб. Земля здѣсь воздѣлывается гораздо тщательнѣе, хотя и тутъ, какъ въ Гуріи, гуляетъ по полямъ первобытная соха, это—простой деревянный крюкъ, выпиленный изъ доски, съ надѣтымъ вмѣсто сошника деревяннымъ клиномъ. У рѣдкаго хозяина кончикъ этого клина немножко окованъ желѣзомъ. И однако благодарная мягкал почва Колхидскаго бассейна довольствуется и этимъ проскребываньемъ ея деревяннымъ зубомъ и даетъ огромные урожаи.

Имеретины уже далеко не такого благороднаго типа, какъ гурійцы. Всё они какіе-то носатые и черные: черныя бороды, черные глаза, черныя лица, одётые всё въ черномъ, въ черныхъ буркахъ, въ черныхъ курткахъ, въ черныхъ башлыкахъ. Въ типе имеретина есть что-то резкое, жесткое и недоброе. По характеру своему они такъ же, какъ и мингрельцы, далеко не то, что наивные и честные храбрецы гурійцы.

Равнина Ріона и его притока Квириллы, по которой мы теперь ъхали, само плодородіе. Почва туть—жирный глинистый лёссь. Безъ сомнінія, обиліе въ ней плодоноснаго ила, какъ и въ Нильской долинь, зависить оть разлива рікъ, если не теперешнихъ, то старыхъ временъ, боліве богатыхъ водами.

Въ апрълъ яровая пшеница уже ростомъ четверть аршина, и очень густа. Круглый годъ тутъ подножный кормъ для скота. Имеретины съютъ много такъ называемой "енжи", особаго рода люцерны, которая даетъ нъсколько укосовъ въ лъто. Эта райская равнина къ тому же пользуется и очень здоровымъ климатомъ, въ отличіе отъ гурійскихъ лихорадочныхъ топей.

За Свиро и сама Квирилла. Это уже настоящій городокъ, довольно большой и живописный. Старинные имеретинскіе дома въ два яруса, съ галлереями, съ колоннами, съ множествомъ лавченокъ въ нижнемъ ярусъ, очень характерныхъ, указываютъ на зажиточность народа. Красивыя темныя горы надвинулись кругомъ, и въ этой немного суровой рамъ долина, сверкавшая яркою зеленью, глядъла очаровательно. Мостъ изъ чугунныхъ рельсовъ перекинутъ здъсь черезъ Квириллу. И около него, и около вокзала, и на улицахъ только и увидишь, что цълые караваны маленькихъ ушатыхъ осликовъ, совсъмъ, кажется, раздавленныхъ нацъпленными на нихъ громоздкими корзинами съ марганцомъ, добываемымъ недалеко отсюда, въ Чіатурахъ.

Теперь мы уже совсвиъ попали въ царство горъ. Мы двигаемся узкимъ и глубокимъ ущельемъ Квириллы все вверхъ и вверхъ. Десятки разъ желъзная дорога переъзжаетъ поперекъ эту бурную ръчку, капризно кидающуюся изъ стороны въ сторону. Темный коридоръ, пробитый дерзостью человыка, съ трудомъ отвоевываеть для своей пары рельсовъ узкую пядь земли отъ этого неистоваго звтря, втвовъчнаго хозяина недоступной горной теснины, и даеть намъ заглянуть въ ея долго сокрытыя тайны. Вокругь насъ настоящіе альпійскіе виды. Тъснина наша, иногда похожая болье на каменоломню, чъмъ на долину, сверкаеть изломами своихъ трахитовъ, сланцевъ, алебастровъ, свъжими, какъ колотый сахаръ, и, облитая прямо сверху солицемъ, кишитъ цвътущими травами и кустами, бархатомъ барвинковъ, золотомъ цитизуса, пестрыми орхидеями. А надъ нами, на подоблачной высоть зеленыя пастбища на гигантскихъ косогорахъ, домовитые хуторки имеретинъ, курчавые виноградники, мирно пашущіе плуги! Совсъмъ Швейцарія. Воть повздъ нашъ прогремвлъ въ темномъ туннелв и передъ нашими глазами открылась величественная картина. Стъны всъхъ цвътовъ, бълосврыя, бело - желтыя, малиновыя, какъ кровь, встають отвесно со дна глубокаго ущелья; они угрожающе нависли надъ полотномъ дороги, по которой мы несемся. Плющъ устилаетъ некоторыя изъ этихъ стенъ отъ основанія своими блестящими, словно полированными листьями, расписываеть ихъ затьйливыми арабесками своихъ капризныхъ побъговъ. Цьдыя деревья лепятся на другихъ стенахъ, вися надъ пропастью, будто приклеенныя, вцізпившись своими терпкими корнями въ малізійшій выступъ гладкой отвъсной скалы. Но вдугъ я вздрогнулъ и отшатнулся невольно назадъ. Надъ нами на огромной высоть, тоже на чуть замътныхъ карнизикахъ утесистой ствны стояли въ живописныхъ позахъ, спокойно опершись на свои кирки и глядя внизъ на нашъ повздъ, несколькими ярусами другъ надъ другомъ, ряды рабочихъ имеретинъ. Они проводили новую дорогу на Бежатубанъ, значительно выше, но и короче теперешней.

А въ поворотахъ въ ущелья, при впаденіи въ нихъ другихъ, еще болье тысныхъ и дикихъ трещинъ, откуда прыгаютъ навстрычу Квириллы неистовые потоки, вырызаются въ горячей синевы неба, на высокихъ скалахъ и холмахъ развалины древнихъ замковъ, когда-то зорко сторожившихъ эти ущелья и сурово царившихъ надъ ними. Кое-гды однако видныются изрыдка наверху и хорошенькіе помыщичьи домики, и зажиточныя крестьянскія избы. Вонъ даже на одномъ обрывистомъ и высокомъ выступы забыльлся старинный христіанскій храмъ... Колокольня его живописно обвита, будто стволь выкового дуба, густыми темво-зелеными плетями плюща... Внизу хотя дикая пустыня, зато вверху, на облегающихъ насъ кругомъ поляхъ, все людно, полно жизни и дъятельнаго хозяйства.

Въ воздухъ замътно свъжъетъ по мъръ подъема. Мы, должно быть, забрались уже очень высоко. Какой часъ ъдемъ и все карабкаемся вверхъ. А съ нами вмъстъ, черезъ всъ изгибы дикихъ ущелій, по кор горымъ мы несемся, ползеть вверхъ рядомъ съ нашими рельсами черн

труба чугуннаго нефтепровода, которымъ керосинъ перекачивается изъ Михайловской станціи въ батумскія цистерны, чтобы избъжать труднаго перевала керосиновыхъ вагоновъ черезъ Сурамскія горы. Нашть поъздъ, сдерживая легонько ходъ, тихо въъзжаетъ въ старинное грузинское селеніе "Старую Ципу", мимо старинной церкви первобытнаго грузинскаго типа, въ видъ дома съ узкими бойницами вмъсто оконъ и съ крошечной башенкой на краю высокой крыши. Незамътно изъ улицы села мы выъзжаемъ и подъ темные своды Сурамскаго туннеля. Туннелемъ поъздъ идетъ двънадцать минутъ въ абсолютномъ могильномъ мракъ. Удушливый запахъ нефтяныхъ остатковъ, которыми здъсь топятъ паровозы, стоитъ неподвижно въ туннелъ. Протяженіе туннеля безъ малаго четыре версты, и постройка его стоила четыре милліона, болъе чъмъ по милліону верста.

Выты изъ Сурамскаго туннеля, не представляетъ ничего эффектнаго. Напротивъ того, пейзажъ дълается скуднымъ и прозаическимъ сравнительно съ тъмъ, который мы только что покинули, словно мы вътали совставъ въ другое царство.

Вм'єсто ущелья—широкая равнина, только вдали окаймленная справа и слева горами. Подъ гребнемъ правыхъ, более къ намъ близкихъ горъ, сверкаеть широкою лентою величественная Кура, только что вырвавшаяся здёсь изъ суроваго Боржомскаго ущелья. Мы теперь въ бассейнъ Каспія, -- въ царствъ дряжлой Азіи. Долина или, върнъе, равнина Куры густо населена и хорошо обработана. Въ несколькихъ саженяхъ отъ полотна желъзной дороги, не доъзжая станціи Михайловки, на продолговатомъ словно насыпанномъ холм' виднъется въ тъни такихъ же многовъковыхъ старцевъ-деревьевъ очень древияя, очевидно давно запустъвшая, церковь, вся поросшая сверху кустами и бурьяномъ. Станція Михайловка — теперь большое мъстечко и центръ торговли лъсомъ, который въ огромномъ количествъ вывозится изъ Боржомскаго ущелья и составляеть между прочимъ главный доходъ великокняжескаго имънія. Кромъ того, въ Михайловкъ главная мастерская Батумо-Бакинской, прежней Поти - Тифлисской жельзной дороги. Поэтому Михайловка незамьтно перерождается въ маленькій и дъятельный городокъ. Здъсь насъ встрътила сцена еще болъе во вкусъ мъстныхъ нравовъ, вполнъ уже кавказская. Сейчась, чуть не на нашихъ глазахъ, рослый молодой чеченецъ изрубилъ въ какомъ-то неясномъ для публики споръ богатаго мъстнаго помъщика князя Абашидзе. Судебный слъдователь болье чъмъ мирнаго вида снималъ въ эту минуту опросъ съ задержаннаго горскаго богатыря, предлагая ему своимъ въждивымъ голосомъ обычные вопросы: "какъ васъ зовутъ? какого вероисповеданія?". А посреди залы кучка такихъ же, какъ чеченецъ, огромныхъ и могучихъ фигуръ въ черкескахъ, съ свиръпыми черными и сърыми усами, съ свиръпымъ взглядомъ огненныхъ глазъ, такъ же, какъ онъ, сверкавшихъ бѣлыми зубами, бѣлыми бѣлками, серебряными патронами, серебряными поясами и ручками кинжаловъ, горячо и громко толковали другъ съ другомъ, взмахивая руками, сжимая кулаки, на гортанномъ, какъ клекотъ ворона, непонятномъ для насъ языкѣ... Очевидно это были родственники или друзъя заинтересованныхъ сторонъ, чѣмъ-то возмущенные въ этомъ дѣлѣ и, безъ сомнѣнія, кипѣвшіе внутри страстною потребностью вспомнить доброе старое время и разрѣшить спорный вопросъ тутъ же на мѣстѣ, безъ участія судебнаго слѣдователя, тѣми простыми и вразумительными средствами, которыя у каждаго изъ нихъ были въ изобиліи натыканы за чеканненые пояса.

Майданъ въ Тифлисъ.

(Филиппова.)

Отъ Михета до Тифлиса двадцать верстъ и почти все это пространство приходится пробъжать голыми, безжизненными пустынями. Послъ Михетскихъ горъ эти желтовато - сърыя равнины способны довести до отчаянія, до тоски. Двадцать верстъ кажутся необыкновенно длиннымъ пространствомъ; не чаешь и конца имъ.

- Гдъ же Тифлисъ?-въ десятый разъ спрашиваю я ямщика.
- A вогъ онъ, видивется, указываетъ онъ на рядъ возвышающихся ходмовъ на горизонтв.

ъдемъ далъе. Холмы все увеличиваются, переходять въ цълыя горы, очень невысокія, впрочемъ, а города все нътъ, какъ вътъ. Его и не увидишь, впрочемъ, съ дороги, пока не вътдешь въ самый городъ.

Тифлисъ окруженъ со всѣхъ сторонъ горами и находится въ котловинъ. Первое, что бросается въ глаза при въѣздѣ въ него,—это садъ Муштаидъ, огромный, тѣнистый садъ, расположенный на берегу Куры, а затѣмъ и весь Тифлисъ, разбросавшійся по обоимъ берегамъ Куры, открывается взору.

Уже смеркалось, когда мы въёхали въ Тифлисъ. Въ вечернемъ сумракѣ ничего невозможно было разглядѣть ясно. Кое - гдѣ мелькали огоньки, двигались какія-то темныя фигуры, откуда-то доносились звуки зурны и бубна, слышалась гнусливая восточная пѣсня...

- На почтовую станцію или въ гостиницу прикажете везти?—спрашиваетъ ямщикъ.
 - Вези въ гостиницу.

Проколеснвъ кривыми переулками, мы въвхали на широкую освъщенную улицу и остановились у подъвзда высокаго трехъэтажнаго дома. Это гостиница "Россія", одна изъ лучшихъ и недорогихъ на Головинскомъ проспектъ.

— Номеръ есть?

Навстръчу выбъжалъ красивый грузинъ въ ливреъ и съ ловкостью придворнаго камеръ-лакея помогъ намъ выбраться изъ брички.

— Есть, мсье, номеръ... Прошу, мсье, наверхъ.

И указалъ на широкую лъстницу, ведущую въ коридоры гостиницы. Тамъ уже другой грузинъ, во фракъ, съ изысканною въжливостью и съ тъмъ же неизбъжнымъ прибавленіемъ "мсье", приглашаетъ слъдовать за нимъ. Намъ отвели небольшія, но очень чистыя комнаты.

Гостиница оказалась дъйствительно хорошей, а главное чрезвычайно оригинальной. Она выстроена въ восточномъ вкусъ, т.-е. съ внутреннимъ дворомъ, а каждый этажъ имъетъ отдъльную галлерею, на которую выходятъ всъ находящіяся въ немъ номерныя двери, такъ что каждый изъ живущихъ имъетъ какъ бы собственный балконъ. Одна сторона остается открытой, и тутъ перекинутъ мостикъ, соединяющій оба конца галлереи. Когда вы встанете на этотъ мостикъ, большая часть Тифлиса у вашихъ ногъ. Особенно эффектная картина получается вечеромъ, когда жгутъ огни.

Такъ какъ Тифлисъ расположенъ и на горахъ, и подъ горами, то свътящіяся точки огоньковъ блестять и наверху, и внизу, и съ боковъ кажутся отраженіями въ водів, словно вы стоите на берегу, а передъ вами разлилось широкое безбрежное море... Вообще Тифлисъ красивъе и эффективе вечеромъ. Тогда въ немъ просыпается жизнь: улицы и сады наполняются гулящими, слышится говоръ и смъхъ: чувствуется жизнь и движеніе, вялое и мало зам'ятное днемъ, благодаря раскаленной безвътреной атмосферъ и жгучимъ солнечнымъ лучамъ, которые немилосердно палять городъ вплоть до сумерекъ. На всякаго прівзжающаго въ Тифлисъ этотъ городъ, гдв происходить самое странпое сплетеніе Запада и Востока, азіатской жизни и жизни европейской— Тифлисъ производить двоякое впечатленіе: сейчась вы находитесь въ европейскомъ кварталь, но поверните въ переулокъ, пройдите и сколько шаговъ и передъ вами Востокъ, самая глубокая Азія, во всей ся општинальности и пестротъ. Весь интересъ для туриста Тифлисъ представляеть не въ европейской своей части, а въ техъ, которыя зовуть Майданомъ и Армянскимъ базаромъ. Тамъ только вы узнаете, что такое кастоящій, коренной Тифлисъ.

Чтобы попасть туда, слёдуеть миновать Эриванскую площадь и углубиться нёсколько влёво. Очутившись въ этихъ мёстахъ, вы сразу даже и не поймете, что такое происходить вокругъ васъ, надъ вами и поль вами. Это какая то каша изъ людей и животныхъ, бараньихъ шановъ и бритыхъ головъ, фесокъ и картузовъ, женщинъ и мужчинъ, лошитей и ословъ, верблюдовъ и собакъ, стариковъ и молодыхъ и т. д.,

д. И все это кричить, стучить, смъется, бранится, солкается,

поеть, работаеть и потрясаеть на разные тона и голоса знойный недвижный воздухъ.

Это какое-то Вальпургіево сборище, адскій шабашъ Лысой горы, который и оглушаеть, и поражаеть, и сбиваеть съ толку каждаго, кто попадаеть сюда въ первый разъ. Кривыя улицы, въ которыхъ трудно разъвхаться двумъ экипажамъ, идуть въ гору и подъ гору, ежеминутно пересъкаются темными переулками, гдъ, протянувъ руки, можно упереться ладонями о ствны домовъ, стоящихъ по объ стороны. Нельзя ступить шагу, чтобы не наткнуться на что-нибудь живое, сидящее туть же на землъ. Нътъ возможности повернуть, чтобы не задъть кого-либо или что-либо. Постройки расположены и на верху, и въ уровень съ вами, и подъ вашими ногами. Идешь и едва не проваливаешься въ какую-то яму, которая оказывается караванъ-сараемъ, а черезъ нъсколько шаговъ надъ головою уже висить длинная ветхая галлерея съ сгнившими подпорками и туть же спускъ къ Курѣ, грязно-желтыя воды которой плещутъ между берегами, и на отмеляхъ движутся стаи большихъ рыжихъ крысъ. Ступеньки крылечекъ купаются въ водъ и ведуть въ узкіе дома, многоэтажные фасады которыхъ какъ кружевомъ опутаны целою сетью сквозныхъ балкончиковъ.

Вся Азія, кажется, выслала сюда своихъ представителей.

Вотъ татаринъ осторожно пробирается между тюками товаровъ, и узкіе глазки его быстро б'ьгають по сторонамъ изъ-подъ надвинутой на брови войлочной шапки. Рядомъ съ нимъ виднъется нахмуренная воинственная фигура лезгина. Важною поступью проходить задумчивый персіянинъ въ своей островерхой бараньей шапкъ, въ толстыхъ цвътныхъ чулкахъ и башмакахъ, едва прикрывающихъ пальцы ногъ. Длинная борода его и ногти выкрашены въ ярко-красную краску. Тутъ же два армянина въ чухахъ и московскихъ картузахъ на затылкахъ, съ длинными красными носами, хлопають другь друга по животу и радостно гогочуть на всю улицу. Красивый профиль грузина съ изящными тонкими усиками показывается за ними и самъ его обладатель ловко протискивается въ толив, слегка наклонивъ свою стройную высокую талію. Медленно подвигается маленькій мулла съ огромной сърой бородой и въ бълой чалмъ. Статная фигура гурійца въ коротенькой курткъ и шароварахъ въ обтяжку, расталкивая встръчныхъ прохожихъ, перебирается на другую сторону улицы. Изъ-подъ коричневаго башлыка, которымъ закутана голова гурійца, выглядываеть мужественное загорівлое лицо съ щетинистыми усами и давно небритымъ подбородкомъ. Изръдка поспъшно пробъгаетъ покрытая длинною чадрой женщина и скрывается въ какомъ-нибудь переулкъ. Размъреннымъ шагомъ идетъ ищакъ, навьюченный корзинами съ углями, а сзади его въ нъсколькихъ шагахъ бредеть проводникь-полуголая фигура съ заложенными назадъ руками_ 100

и во все горло ореть какую-то пъсню. Немного дальше слышится скрипъ арбы, доверху нагруженной какимъ-то товаромъ, который везетъ пара черныхъ огромныхъ буйволовъ. Едва отведешь отъ нихъ глаза, какъ надъ ухомъ раздается сапъ цълой вереницы верблюдовъ, въ ноздри которыхъ продъты веревки. Сильный толчокъ заставляетъ оглянуться въ другую сторону--это носильщикъ тяжестей, "муша", у котораго на спинъ

Персіянинъ торговецъ въ Тифлисъ.

саженный сундукъ, неизвъстно чъмъ набитый, но муша даже и вниманія не обращаеть и продолжаеть себъ двигаться, согнувшись въ три погибели. А вотъ коренастая фигура верхового казака показывается въ этой сутолокъ и, не церемонясь, опускаеть свою нагайку на спину зъваки, который только почешется и пустить въ отвътъ какое-то высокогортанное слово. А вотъ осель вырвался отъ своего проводника, который бъжить за нимъ съ поднятой палкой, свистя и крича вперемежку, чтобы остановить убъгающее животное. Въ одномъ мъстъ онъ наткнулся на лежащую поперекъ дороги человъческую фигуру и полетъль черезъ го-

лову, но тотчасъ же вскочилъ и, выругавшись на ходу, продолжаетъ свое преследованіе. Воть целая куча совершенно голыхъ ребятишекъ, грязныхъ и загорелыхъ, дерется на кулачки и кричитъ высокими пронзительными голосами, а на нихъ съ тупымъ вниманіемъ уставилась неподвижная фигура краснобородаго персіянина. Да и не перечтешь все эти типы, группы и сцены, которыя здесь на каждомъ шагу! И все это загорелое, пестрое, яркое, горячее, ленивое, апатичное или стремительное — шумитъ, жестикулируетъ, двигается, толкается, оретъ во все горло, словно стараясь перекричать другъ друга.

Вся жизнь совершается на улиць родь открытымъ небомъ. Воть цьлый рядъ башмачниковъ, туть же изготовляющихъ чувяки и прочую обувь. Рядомъ помъстился хлъбопекъ и вывъсилъ огромный левашъ, сквозь который просвъчиваеть сальный огарокъ. Немного далъе цырюльники бреютъ персіянъ, самымъ оригинальнымъ образомъ совершая эту операцію: плюнеть въ щеку или макушку своего кліента и какимъ-то узенькимъ, наподобіе бритвы, ножомъ соскоблить съ нихъ волосы. Около цырюльниковъ возсъдаютъ портные и мъховщики. Тамъ молотъ выковываеть кинжалъ, и палатка оружейника завъщана самымъ разнообразнымъ оружіемъ. Здъсь прямо на полу навалены персики, изюмъ и груши, а на другой сторонъ на вертелъ жарятъ шашлыкъ и въ огромныхъ кастрюляхъ варится какая-то жидкость. И тутъ же насытившійся армянинъ растянулся на порогъ и храшитъ во всъ завертки, нисколько не безпокоясь о томъ, что кто-нибудь можетъ наступить на его длинный носъ или руки, раскинутыя по сторонамъ.

Туть же невдалекъ приходится проходить мимо открытыхъ лавокъ, передъ которыми устроены навъсы, ужасно напоминающіе наши великорусскіе лабазы. Чемъ-то русскимъ, хорошо знакомымъ, много разъ видъннымъ сразу повъетъ на васъ отъ этого полу-сарая, стоящаго почти бокъ о бокъ съ окружающей его азіатчиной. Да, да! это русское, въ этомъ не можетъ быть сомнъній, въ этомъ убъждаетъ прибитая къ лабазу вывъска съ изображеніемъ пузатаго самовара съ чайникомъ и чашками на подносъ. Оказывается, что находишься около молоканской харчевни, гдф, кромф чаю, достать ничего нельзя. Я нарочно зашель въ эту харчевню и сразу почувствоваль себя среди земляковъ; коротенькіе кафтаны, картузы, русскія окладистыя бороды и круглыя, чисто русскія лица. Молокане стали селиться на Кавказ'в съ тридцатыхъ годовъ настоящаго стольтія. Они крыпко держатся своей выры, а еще крыпче-обычаевь далекой родины. Это небольшая кучка трудолюбивыхъ и абсолютнотрезвыхъ людей, ничего общаго не имъющихъ съ мъстнымъ населеніемъ; благодаря своей трезвости и трудолюбію, молокане живуть безбідно. Кромъ землепашества, они занимаются извозомъ; подрядная часть въ Закавказыи у нихъ всецвло въ рукахъ.

Здёсь они торгують желёзомь. Эта торговля вся за ними. Лавке туть же около харчевни, и, стоя около нихь, вамь кажется, что вы находитесь у себя дома, но не здёсь въ Тифлисѣ, на этомъ Майданъ, который кружить вамъ голову и одуряеть своею азіатскою пестротой.

Ступите нъсколько шаговъ, и васъ снова охватитъ этотъ гнусливый выкрикъ многотысячной азіатской толпы. Вы снова на Майданъ и вновь затерялись въ его толпъ, которая стискиваетъ васъ, толкаетъ и увлекаетъ, какъ бурный потокъ... На каждомъ шагу новыя сцены, новые типы: богатъйшій матеріалъ для художника!..

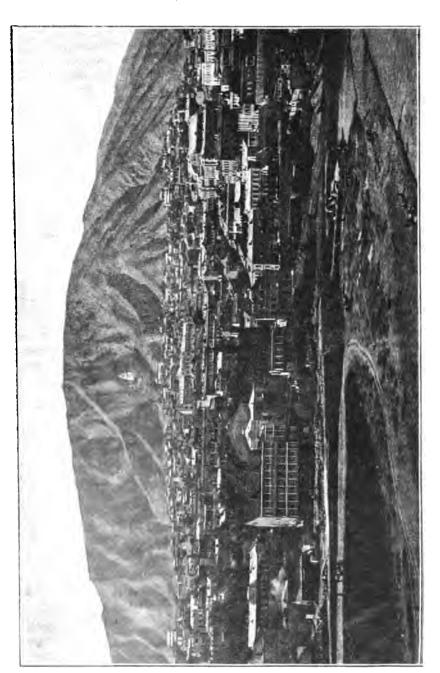
И, двигалсь съ этою толпою, мъстами приходится наталкиваться на сонныя фигуры полицейскихъ, апатично поглядывающихъ на все происходящее вокругъ нихъ...

Таковъ татарскій Майданъ.

Армянскій базаръ туть же и весь состоить изъ каравань-сараевъ и лавокъ. Товары навалены всюду: и на площади, и на улицахъ, и внутри лавокъ, и въ переулкахъ. Гамъ и толкотня такая же, какъ и на Майданъ,—различія нъть никакого.

Чтобы попасть въ какой-нибудь изъ караванъ-сараевъ, нужно спуститься внизъ, подняться вверхъ, попасть на какую-нибудь галлерею, сойти съ нея опять внизъ и послъ многочисленныхъ переходовъ снизу вверхъ и сверху внизъ вы, наконепъ, попадаете въ лабиринтъ какихъто коридоровъ, изъ которыхъ, кажется, нельзя выбраться безъ Аріаднина клубка. Здъсь кругомъ васъ безпорядочно навалены кучи ковровъ, шелковыхъ тканей и всевозможныхъ персидскихъ матерій. Цізны на все ужасныя — запрашивають не вдвое, а въ десять разъ: вещь, за которую по первому слову назначають рубль, можно купить чуть ли не за гривенникъ... Въ караванъ-сараяхъ не только торгуютъ, но и живутъ. Я зашель въ комнату къ одному изъ купцовъ. Признаюсь, такой обстановкъ позавидоваль бы каждый; и поль, и стъны, и потоловь обтянуты персидскими коврами, кругомъ ствиъ установлены тахты съ мягкими мушаками. Постель прямо на полу, на грудъ пуховыхъ тюфяковъ; вибсто одбила мигкаи шелковаи перинка. Такой же мущакъ замбияетъ подушки. Находясь въ такомъ помъщеніи, отлично понимаешь, что такое восточная нъга. Но грязно здъсь, начиная съ ковра до послъдняго мушака, и все пропитано какимъ-то страннымъ, сладковато-тяжелымъ, непривычнымъ запахомъ.

Хозяннъ, какъ истое дитя Востока, принялъ меня съ большимъ радушіемъ и угощалъ табакомъ, довольно слабымъ, сладковатымъ, чрезвычайно душистымъ персидскимъ табакомъ. Вѣроятно, его запахъ и чувствуется въ комнатъ. Наша бесѣда имѣла самый оригинальный характеръ. Персіянинъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи десятокъ русскихъ словъ, а его гость не зналъ ни одного персидскаго, но интернаціональ-

Тифлисъ.

Digitized by Google

ная мимика заміняла незнаніе языка. Мы поняли другь друга и даже обнялись на прощанье...

Ночью Майданъ еще своеобразнѣе и характернѣе. Все, что толчется здѣсь днемъ, здѣсь и спитъ, развалившись на чемъ попало. Товары остаются на своихъ мѣстахъ и никогда не убираются. Тусклые фонари, поставленные въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, слабо освѣщаютъ всю эту картину спящихъ людей, которые вскочатъ спозаранку и тотчасъ же начнутъ свое галдѣнье и суету...

По ночамъ сюда приходить цълый полицейскій взводъ и полсотни казаковъ, въ разныхъ мъстахъ устанавливаются пикеты, совершается постоянный обходъ.

Туть же на Армянскомъ базарѣ находится Сіонскій соборъ. Это древнѣйшая святыня грузинъ и по своему внѣшнему виду ничѣмъ рѣшительно не отличается отъ другихъ грузинскихъ храмовъ. Внутри тоже онъ ничего интереснаго не представляетъ.

Если вы пошлете за ключаремъ, то онъ вамъ покажетъ крестъ святой Нины, съ которымъ она проповъдывала христіанство въ Грузіи. По преданію, крестъ былъ врученъ св. Нинъ Божіей Матерью, явившейся ей во снъ и приказавшей благовъствовать Евангеліе въ Иверской землъ.

Крестъ сдъланъ изъ виноградныхъ лозъ и перевитъ волосами. Ключарь увъряетъ, что это волосы самой св. Нины... Тутъ же погребенъ князъ Ципіановъ, извъстный дъятель временъ нашей кавказской войны.

- У васъ туть на грузинскомъ языкъ служать, батюшка?
- Да! и на урусскомъ также: по очереди, на урусскомъ и грузинскомъ.
 - Значитъ священники есть и изъ русскихъ?
 - Нэтъ! нэтъ! усо грузины. Но мы хорошо знаемъ русскій языкъ.
 - Да, это замътно по вашему выговору...

Заговоривъ о Сіонскомъ соборѣ, нельзя умолчать о другой не менѣе важной религіозной достопримѣчательности Тифлиса, имѣющей для насъ, русскихъ, немаловажное значеніе—это церковь св. Давида, находящаяся внѣ города, на высокой горѣ Мта-Цминда.

Церковь св. Давида стоить на высотв 1.900 футовь надъ уровнемь моря—сажень на сто выше, чъмъ самый городъ. Поэтому съ нея открывается панорама всего Тифлиса. Къ сожальню, скала, на которой она воздвигнута, и примыкающія къ ней другія высоты совершенно безлысны и вообще лишены всякой растительности. Черезъ это она много теряеть въ красоть.

Подъ сводомъ церкви покоится прахъ нашего знаменитаго писателя Грибоъдова. Надъ могилою его стоитъ четырехугольный пьедесталъ изъ чернаго мрамора, на которомъ водруженъ бронзовый крестъ съ Распятіемъ. Къ подножію креста, символу скорби и утъшенія, обнявъ его руками,

припала, также изълитой бронзы, фигура кольнопреклоненной женщины. Тутъ же, наверху пьедестала, изображены двъ книги, лежащія одна на другой. На верхней надпись: "Горе отъ ума". Надъ книгами—лира, увитая лаврами. На передней сторонъ пьедестала портретъ поэта и надпись золотыми буквами: "Александръ Сергъевичъ Грибоъдовъ родился 1795, января 4 дня, убитъ въ Тегеранъ 1829, января 30 дня". На другой сторонъ написано: "Незабвенному—его Нина", а на третьей: "Умъ и дъла твои безсмертны въ памяти русской, но для чего пережила тебя любовь моя!"

Благодаря своему каменистому грунту и постоянному нахожденію на припекъ солнца, Тифлисъ не можетъ похвастаться особенно роскошною растительностью. Собственно садовъ, т.-е. того, что принято у насъ понимать подъ этимъ названіемъ, въ немъ только три: Городской, Ботаническій и Муштандъ. Но даже сохраненіе и этого незначительнаго количества садовъ, благодаря здъшнимъ климатическимъ условіямъ, сопряжено для города съ большими хлопотами и издержками: требуется искусственное орошеніе, постоянный уходъ и присмотръ и пр. Ботаническій садъ находится недалеко отъ Мта-Цминда. Онъ видивется вполив отчетливо, если смотръть на него съ вершины этой горы. Попасть въ этотъ садъ можно прямо изъ Майдана. Повернувъ однимъ изъ переулковъ последняго и выбравшись изъ другихъ опутывающихъ какъ бы сътью весь Майданъ, подходишь къ ступенямъ въ горъ. Это и есть подъемъ къ Ботаническому саду. Лъстница устроена въ горъ, и сначала приходится взбираться по настоящимъ ступенямъ, которыя вскоръ пе- . реходять въ простыя ямы, вырытыя одна выше другой и долженствующія изображать ступени лістницы. Подъемъ очень круть и очень высокъ и взбираться приходится какъ разъ на солнечномъ припекъ. Это цізлое паломничество, за которое каждый въ правіз ожидать себіз награды. Но тифлисская Мекка на дълъ оказывается, пожалуй, и не стоящей трудовъ, положенныхъ для ея достиженія.

Садъ расположенъ на гребнъ горы и растительность его довольно жидка, въроятно благодаря плохо устроенной системъ орошенія. Есть, впрочемъ, большой цвътникъ и собраны разнообразныя породы кавказской флоры.

Но если самый садъ ничего собою не представляетъ, то панорама, которая открывается изъ него, очаровательна: весь Тифлисъ какъ на ладони. Большой городъ разбросался по объ сторонъ Куры въ самомъ живописномъ, картинномъ безпорядкъ: ръку въ нъсколькихъ мъстахъ пересъкаютъ мосты; мъстами поднимаются тонкія башни минаретовъ, коническіе куполы грузинскихъ церквей; длиннымъ темнымъ пятномъ вытянулся садъ Муштаидъ; кишмя кишитъ какой-то муравейникъ на томъ мъстъ, гдъ долженъ быть Майданъ; дома разръзываются площа-

дями; улицы и переулки открываются цёлою сётью прихотливыхъ узоровъ и, словно змёйки, ползаютъ во всё стороны. А кругомъ города желтовато-сёрыя каменистыя горы, на одной изъ которыхъ возвышается церковь, а другая увёнчана руинами старинной крёпости. А еще далёе желтёетъ ровное низменное пространство и сливается вдали съ горизонтомъ.

И надъ всѣмъ этимъ сѣровато-голубое небо раскинулось безпредѣльнымъ шатромъ и горячее южное солнце заливаетъ всю землю цѣлымъ потокомъ золотого свѣта. И все блеститъ и искрится подъ его лучами.

Сельская жизнь въ Грузіи.

(А. Лейста.)

Городовъ въ Грузіи немного, и потому деревня и до настоящаго времени сохранила преобладающее значеніе. Деревни по большей части имѣютъ многочисленное населеніе, состоящее не только изъ врестьянъ, но изъ помѣщиковъ-дворянъ и мелкихъ торговцевъ, такъ что всв три сословія одинаково представлены въ деревнѣ. Такъ какъ дворянскія семейства не имѣютъ большихъ имѣній, то они живутъ разсѣянно по всей странѣ, по большей части въ своихъ старинныхъ усадьбахъ. Большая часть дворянскихъ семей обитаютъ въ той или другой мѣстности цѣлыми родами, и поэтому часто случается, что всѣ помѣщики въ деревнѣ носятъ одну и ту же фамилію и часто находятся въ родствѣ другь съ другомъ.

CARLET SAID OF THE WAY ON HELE SEE

Даже состоятельные поміщиви рідко иміють большія обособленныя помістья. По большей части старинная усадьба состоить только изъ дома поміщика, отдільной кухни, кладовой и погреба, тогда какъ хлібвь и конюшня находятся гдів-нибудь въ другомъ містів, а овины совсімъ отсутствують. Ради безопасности въ прежнія времена всякій стремился селиться поближе къ своимъ сосідямъ, и только съ недавней поры нівкоторые стали покидать тісную деревню и строитъ усадьбы внів ея преділовъ.

Дома помъщиковъ по большей части двухъэтажные съ большими комнатами; особенно помъстительны гостиная и столовая. Вдоль объихъ
продольныхъ стънъ, а иногда и вокругъ всего дома тянется крытая
галлерея, или веранда, перила и столбы которой украшены ръзьбой въ
грузинскомъ стилъ. Почти всегда дома очень просты, но выглядятъ довольно уютно, благодаря своимъ ослъпительно бълымъ стънамъ и такимъ же галлереямъ съ поддерживающими ихъ колоннами. Веранды обыкновенно бываютъ открыты и только на сырыхъ низменностяхъ вдоль
Чернаго моря въ нихъ вставляютъ стекла для защиты отъ вътра и

дождя. Въ домашней жизни грузинъ эти веранды имъютъ большое значеніе: здівсь обитатели дома лівтомъ проводять большую часть времени, въ особенности въ утренніе и вечерніе часы, когда на балконъ царить пріятная прохлада. Такъ какъ дома пом'вщиковъ расположены, гд возможно, на возвышенномъ мъсть, то съ балкона открывается широкій кругозоръ на живописныя окрестности, и грузинъ охотно проводитъ здѣсь цѣлые часы, погруженный въ созерцаніе или въ лѣнивую мечтательность. Веранды помъщичьих домовъ ръдко бывають обвиты вьющимися растеніями: грузинъ не терпить никажой зелени на ствнахъ своего дома.

Въ выборъ мъста для своихъ жилищъ грузины обнаруживають немало вкуса, и въ Грузіи часто встрічаются усадьбы, расположенныя очень живописно.

Подобно наружному виду и внутреннее убранство помъщичьяго дома отличается простотой. Устройство комнать въ настоящее время носить почти всюду европейскій характерь, и только многочисленные ковры какъ на полу, такъ и на стенахъ напоминають посетителю, что онъ нажодится на востокъ. Неотъемлемую принадлежность обстановки грузинской комнаты составляеть тахта — широкій дивань безь спинки, состоящій изъ деревянной рамы, покрытой матрацомъ и коврами. По объимъ сторонамъ тахты лежать длинныя цилиндрическія подушки- "мушаки", на которыя опираются локтемъ, чтобы удобнье състь. Къ стыть прислонены большія четырехугольныя подушки, наружная сторона которыхъ украшена пестрыми шнурами и вышивками. Изготовленіе этихъ вышивокъ составляеть для многихъ женщинъ важный промысель и требуеть не только большого искусства, но и знакомства съ характеромъ арабесокъ, при всемъ ихъ разнообразіи слідующихъ извівстнымъ правиламъ.

Тахта прежде всего диванъ, но для многихъ богатыхъ людей она замъняетъ постель. Въ прежнее время, когда меблировка въ грузинскихъ домахъ была еще очень скудная, все убранство даже гостиной состояло изъ несколькихъ очень длиныхъ тахтъ, разставленныхъ вдоль стыть, что, впрочемь, изредка наблюдается еще и теперь. Гости сидели на нихъ по восточному обычаю, поджавъ подъ себя ноги.

Грузинъ человъкъ общества; онъ, если только позволяютъ ему средства, любить проводить время весело и оживленно, любить принимать гостей, иногда даже затрачивая на это все свое состояніе; онъ цізнить очень высоко пріятное общество. Л'єть пятьдесять, шестьдесять тому назадъ, когда помъщики въ общемъ были еще довольно зажиточны, даже несостоятельные изъ нихъ могли, благодаря широко развитому гостепріимству, вести беззаботную жизнь. Гостиницъ тогда не было во всей странь; любой домъ быль открыть для каждаго, даже для незна-д комаго. Поститель быль всегда желаннымъ гостемъ и за то развле-8 .

Авіат. Россія.

Многочисленные объднъвшіе дворяне проводили свою жизнь, посъщая по очереди родственниковъ и друзей или даже подолгу гостили въодномъ мъстъ. Каждый состоятельный помъщикъ, стремившейся сохранить свою популярность, считалъ долгомъ при всякомъ торжественномъ случать угощать у себя всъхъ бъдняковъ округи и обижался, если послъдніе отсутствовали. Они приходили незваными къ каждому семейному празднику, на каждое пиршество, то за однимъ и тъмъ же столомъ и еще получали подарки для своихъ женъ и дътей.

Это неограниченное гостепріимство породило значительную склоиность къ праздности, выработало особый типъ приживальщика, но при тогдашнихъ условіяхъ это мало отражалось на общемъ благосостояніи, основанномъ въ значительной степени на крѣпостномъ трудѣ; съ отмѣной крѣпостного права дѣло значительно измѣнилось.

При нынѣшнихъ условіяхъ гостепріимство у грузинъ уже не отличается такой широтой, но тѣмъ не менѣе оно сохранилось. Угощеніе во время празднествъ, какъ и обычный обѣденный столъ грузина, довольно просто и отличается больше количествомъ блюдъ, чѣмъ ихъ разнообразіемъ и приготовленіемъ. Обѣдъ даже въ торжественныхъ случаяхъ состоитъ рѣдко болѣе чѣмъ изъ четырехъ-пяти блюдъ, обыкновенно изъ супа, рыбы, жаркого и плодовъ. Мучныя блюдъ и зелень были въ старину, повидимому, незнакомы грузинамъ и введены только русскими. Среди наиболѣе любимыхъ кушаній можно указать на "чичеруму", кисловатый супъ изъ баранины съ шафраномъ, "босбаши", который также приготовляется изъ баранины съ лукомъ, рисомъ и перцемъ, и на супъ изъ лососей. Лососи и форели водятся въ такомъ большомъ количествѣ во многихъ рѣкахъ края, что ихъ подаютъ къ столу даже у несостоятельныхъ людей.

Какъ и всюду на Кавказъ, въ Грузіи употребляють въ большомъ количествъ баранину, которая, будучи поджарена на вертелъ, составляетъ любимое національное блюдо—шашлыкъ. Къ числу наиболье распространенныхъ національныхъ блюдъ относится пилавъ, приготовляемый различнымъ образомъ изъ риса съ куринымъ мясомъ, или бараниной и сущеными плодами. Пищу подаютъ къ столу въ большомъ количествъ.

Вообще говоря, грузина нельзя назвать любителемъ поъсть, но онь имъетъ большую склонность къ общественнымъ пиршествамъ и охотно пользуется всякимъ удобнымъ случаемъ для этого. Если у помъщика соберется нъсколько гостей къ объду, то хозяинъ изъ всъхъ силъ старается придать этому случаю торжественный характеръ и веселостью и богатымъ угощеніемъ прогнать изъ дому обыденное настроеніе. Во время такого объда главную роль играетъ, конечно, вино, и

надо быть привычнымъ человъкомъ, чтобы остаться на ногахъ. Питье и пъніе—главная утъха собравшихся, и чтобы и то и другое шло по порядку, передъ объдомъ избирается "толумбаши" или "тамада", на обязанности котораго лежитъ провозглашеніе тостовъ. Если общество состоитъ изъ остроумныхъ людей, то обязанность толумбаши далеко не изъ легкихъ, такъ какъ въ этомъ случать ему приходится каждому изъгостей экспромтомъ держатъ ртчь, которая должна отличаться остроуміемъ и юморомъ. Признаннымъ толумбаши можетъ быть только такой человъкъ, котораго не приведешь въ смущеніе никакой остротой, онъ долженъ быть силенъ на голову и кртнокъ на ноги, долженъ быть хорошимъ пъвцомъ и вообще веселымъ собестрикомъ. Только если онъ обладаеть всты этими качествами, онъ можетъ разсчитывать на всеобщее признаніе, но тогда онъ уже приглащается какъ незамтьнимый почетный гость на каждое торжественное празднество.

Первый тость провозглашается всегда за здоровье старъйшаго или наиболъе виднаго гостя (все равно изъ мужчинъ или изъ женщинъ), тогда какъ за здоровье хозяевъ пьють въ концъ пира. Послъ каждаго тоста всв присутствующіе поють "Мраваль джаміерь" (Долго жить!). Послъ этого пъвцы повторяють другими словами то же пожеланіе и въ заключение благодарять оть лица гостя словами "Вамидлобели воръ" (Благодарю!). Напъвъ застольныхъ пъсенъ различенъ, но всъ онъ отличаются мелодичнымъ темпомъ и звучатъ заунывно, какъ вообще всв грузинскія народныя пъсни. По большей части поють хоромъ. Всегда пъніе занимаеть значительную часть пира; если онъ продолжается нъсколько часовъ, то за краткими застольными песнями следують песни другого характера, которыя поются или хоромъ подъ аккомпанименть "тари" (радъ гитары) или отдъльными пъвцами. Многія изъ этихъ пъсенъ относятся къ современной литературъ, другія заимствованы изъ богатой народной поэзіи и по большей части воспівають любовь или тоску по милой.

Послѣ обѣда звуки тари и пѣсни не умолкають, звенять бокалы или серебряныя чаши, гости смѣются и шутять, молодые люди переглядываются съ красивыми дѣвушками, и никто не думаетъ положить конецъ этому веселью. Часто подають еще бокаль изъ турьяго рога, и наиболѣе сильные въ винѣ осущають его до дна за какую-нибудь изъ присутствующихъ красавицъ. Веселье съ каждымъ часомъ растетъ и продолжается иногда до поздней ночи. Звучатъ бокалы, произносятся тосты, и звонко разносится пѣніе сотенъ голосовъ, нарушая тишину сосѣднихъ деревень. Грузинъ не любитъ тихой радости, онъ веселится шумно и безъ удержа обнаруживаетъ свою жизнерадостность.

Большія пиршества происходять теперь только во время свадебь, именинь и крестинь у зажиточныхъ людей.

Свадьба для грузина всегда праздникъ, справляемый шумно и съ большимъ великолъніемъ. Только въ Тифлисъ теперь свадьбы иногда справляются просто, но въ деревнъ онъ сохранили прежній характеръ. Издержки при этомъ часто превосходять средства устроителя праздника и въ значительной степени обусловливаются не гостепріимствомъ, а легкомысленнымъ желаніемъ пустить пыль въ глаза, весьма свойственнымъ дворянству Грузіи.

Свадьба происходить обыкновенно черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, а иногда спустя годъ или два послѣ обрученія. Въ утро торжественнаго дня женихъ въ сопровожденіи многочисленной свиты отправляется въ домъ невѣсты, гдѣ уже собрались гости. Свита жениха состоитъ изъ родственниковъ и друзей и нерѣдко бываетъ больше ста человѣкъ, въ особенности если женихъ богатъ и происходитъ изъ знатной семьи. Если позволяютъ средства, спутники жениха являются въ древней національной грузинской одеждѣ: въ длинныхъ, до колѣнъ, бархатныхъ казакинахъ, опушенныхъ мѣхомъ, бѣлыхъ узкихъ шароварахъ, съ низкими барашковыми шапками на головѣ и всегда вооруженными саблей и кинжаломъ въ серебряныхъ или позолоченныхъ ножнахъ. Остальные одѣты въ длинныя черкески, но непремѣнно имѣютъ при себѣ оружіе. Подъ верхней одеждой у каждаго узкая, застегивающаяся на крючки, куртка, по большей части изъ шелка или изъ другой тонкой матеріи бѣлаго цвѣта.

По древнему грузинскому обычаю всё спутники жениха должны вхать верхами, но современная городская жизнь отучила уже нёкоторыхъ помёщиковъ отъ такого способа передвиженія; въ Грузіи теперь существують люди, которые никогда не садились на лошадь, а потому естественно предпочитають ёхать въ экипажё. Такіе горожане въ черныхъ сюртукахъ или фракахъ нарушають, конечно, пеструю и живописную картину свадебнаго шествія, съ пёніемъ и музыкой проходящаго черезъ деревни.

Впереди кортежа скачеть посоль, чтобы извъстить собравшихся въдомъ невъсты о прибыти жениха; затъмъ дълаются всъ приготовленія къ вънчанію. Невъсту одъваеть какая-нибудь родственница изъ ся семьи, часто ея бывшая кормилица, которая остается на всю жизнь ея подругой и пользуется въ домъ большимъ вліяніемъ. Впереди свадебнаго шествія ъдетъ почетный гость, который во время вънчанія держитъ вънецъ надъ головой жениха и невъсты. По окончаніи церемоніи поздравляютъ еще въ церкви молодыхъ, а затъмъ всъ возвращаются домой съ радостными пъснями и выстрълами, при чемъ молодые на порогъ церкви проходять подъ двумя скрещенными надъ ними саблями.

Въ дом'в происходитъ сначала передача приданаго, которое по большей части состоитъ изъ различнаго рода нарядной одежды; затвиъ

слъдуеть вторичное поздравленіе, и начинается свадебный пиръ, приготовленія къ которому тянулись нъсколько дней. Въ лѣтнюю пору пиръ происходить въ саду или на дворѣ въ нарочно устроенныхъ съ этою цѣлью бесѣдкахъ изъ зеленыхъ вѣтвей. Нерѣдко въ немъ принимаютъ участіе двѣ-три сотни персонъ, такъ какъ, кромѣ родственниковъ и друзей новобрачныхъ, приглашаютъ также сосѣдей, да и не приглашенныхъ принимаютъ радушно. Заколото нѣсколько дюжинъ барановъ, двѣ-три коровы, нѣсколько сотенъ различной птицы, изъ сада принесено нѣсколько корзинъ съ плодами, а изъ погреба много бочекъ вина, которое льется рѣкой. Десятокъ слугъ неслышно убираютъ пустыя бутылки и приносятъ полныя.

Болье пожилые гости еще продолжають сидыть, пьють и поють, а молодежь уже принялась за танцы, при чемъ обыкновенно танцуютъ сначала національный "лекури". Два зурнача и барабанщикъ внезапно начинають заунывную, страстную мелодію, которая даже усталыхъ и лънивыхъ подымаетъ на ноги. Лекури обыкновенно танцуетъ одна пара, мужчина и женщина, при чемъ тандоры не подають другь другу руки, а каждый изъ нихъ выділываеть различныя па самостоятельно. Главное искусство состоить въ быстромъ движеніи ногъ, тогда какъ верхняя часть твла-туловище должно оставаться въ спокойномъ и граціозномъ положени. Танцоръ приближается къ своей дамъ, и, когда находится противъ нея, она легкимъ движеніемъ ускользаеть отъ него, а онъ преследуетъ ее, пока опять не настигнетъ. Танепъ по мере своего развитія дізлается все быстріве и быстріве и сопровождается сочувственными возгласами зрителей, хлопаньемъ въ ладоши, а также страстными звуками зурны и бубна. Уже давно въ Грузіи распространились всъ европейскіе танцы, и не только въ городахъ, но и въ деревив, гдв ижь танцують подъ рояль. Свадебный баль замираеть только подъ утро, но эгимъ далеко не заканчивается торжество, продолжающееся еще дватри дня, а затымъ снова возобновляется уже въ домъ молодого.

Приданое состоятельной грузинки въ настоящее время далеко не такъ роскошно, какъ въ прежнія времена, когда еще большая часть пом'вщиковъ обладала значительными средствами и изъ года въ годъ накопляла его. Нев'вста получала не только значительный запасъ платьевъ, б'влья, различныхъ украшеній, но также ковры, подушки, меблировку ц'влыхъ комнатъ, запасъ матерій, хватавшій на много л'втъ. Перечисленіе вс'вхъ предметовъ, включенныхъ въ приданое, заблаговременно составляется съ большою тщательностью, при чемъ не забывается даже мельчайшей вещицы. Эта запись часто на н'всколькихъ страницахъ служила какъ бы рекомендаціей для нев'всты, въ особенности въ т'вхъ случаяхъ, когда бракъ заключался черезъ посредниковъ.

Кромъ свадебъ, большое количество гостей собирается также на

крестинахъ, при чемъ, согласно существующему обычаю, каждый изъ гостей привозить какой-нибудь подарокъ. Обыкновенно крестины происходятъ спустя нъсколько мъсяцевъ, а иногда и цълый годъ послъ рожденія ребенка. Въ крестные отцы приглашаютъ всегда людей съ положеніемъ, а кормилицу для ребенка избираютъ изъ женщинъ честныхъ и пользующихся извъстнымъ уваженіемъ; на нее смотрятъ какъ на родственницу и она по большей части остается навсегда въ семьъ и часто обнаруживаетъ большую привязанность къ дому. Во многихъ домахъ кормилицъ поручаютъ веденіе хозяйства и надзоръ за прислугой.

Послѣдняя теперь менѣе многочисленна, чѣмъ прежде, но все же въ домѣ помѣщика и теперь прислугн больше, чѣмъ членовъ семьи: количествомъ прислуги по древнему грузинскому обычаю измѣряется важность хозяевъ. Первое мѣсто занимаетъ поваръ, по большей части имеретинъ, который, кромѣ проворства въ своемъ искусствѣ, обладаетъ также недюжинными способностями копить деньгу и часто послѣ болѣе или менѣе продолжительной службы открываетъ собственный ресторанъ или гостиницу.

Лакей часто бываеть другомъ всёхъ членовъ семьи, въ особенности если онъ долго служилъ вёрой и правдой и, такъ сказать, сросся съ интересами дома. Кромѣ лакея и повара, въ богатомъ домѣ находятся по большей части еще нёсколько мальчиковъ, отъ пятнадцати до двадцати лётъ, нёсколько горничныхъ, а иногда также особый управляющій виннымъ погребомъ. Обыкновенную службу исполняетъ только мужская прислуга, тогда какъ женская исключительно обслуживаетъ женскую половину семьи или смотритъ за дётьми.

Особенно своеобразный типъ въ грузинскомъ помъсть представляетъ управляющій "мурави". Обыкновенно это объднъвшій дворянинъ съ скуднымъ образованіемъ и лишь практическими свъдъніями по сельскому хозяйству, которое онъ ведетъ съ гръхомъ пополамъ, по старинъ, не думая объ улучшеніяхъ. Соотвътственно этому онъ получаетъ небольшое жалованье, но такъ какъ самъ помъщикъ обыкновенно по своему легкомыслію не слъдитъ за хозяйствомъ, то управляющій успъшно хозяйничаетъ себъ въ карманъ и въ концъ-концовъ скопляетъ порядочное состояніе. Настоящій типичный мурави почти всегда человъкъ упитанный и не дуракъ выпить, такъ какъ онъ завъдуетъ виннымъ погребомъ и, естественно, привыкаетъ къ виноградному соку. Передъ своимъ господиномъ онъ рабольпенъ, льститъ его тщеславію и всячески старается вкрасться въ его расположеніе, которымъ часто пользуется во зло.

Помѣщеніе, отводимое мурави, почти всегда очень скромное и соотвѣтствуетъ его скромнымъ потребностямъ. Двѣ перемѣны платья, немного бѣлья, кинжалъ, ружье и нѣсколько книгъ составляютъ, еслв онъ не женатъ, все его движимое имущество. Какъ уже было сказано, мелкіе помѣщики живуть обыкновенно тѣсно другь около друга, такъ что между ихъ усадьбами не остается мѣста для большого сада. Чаще всего передъ домомъ находится небольшая, покрытая травой площадка, на которой возвышается нѣсколько дубовъ и орѣшинъ, рѣже липъ и плодовыхъ деревьевъ, подъ тѣнью которыхъ обѣдаютъ и отдыхаютъ. Клумбы съ цвѣтами встрѣчаются рѣдко, чаще всего разводятъ розы. Стройные кипарисы рѣдко поднимаются среди зелени сада, при устройствъ котораго обращаютъ мало

вниманія на декоративную сторону. Въ иінешонто смоте грузины уступають другимъ восточнымъ народамъ, въ особенности персамъ и туркамъ. Если онъ сажаеть дерево, не приносящее плодовъ, то при этомъ думаеть только о прохладъ, которое оно доставить ему лътомъ, но не принимаеть въ расчеть красоту самаго растенія.

Виноградники лежать почти всегда за деревней или по крайней мфрф по окраинамъ ел и очень многочислен-

Грузинки.

ны въ Кахетіи. Снаружи они обносятся частоколомъ, а чаще заборомъ изъ хвороста, около котораго растутъ тутовыя деревья, тополи и ветлы. Кусты винограда разсаживаются не рядами, а въ безпорядкъ. Въ Имеретіи и Мингреліи виноградъ растеть часто въ обыкновенныхъ садахъ между деревнями и оплетаетъ ихъ стволы и вътви до самой вершины. Культура винограда еще повсюду примитивна, богатые сады кажутся одичавшими, но, именно благодаря этому, они отличаются большою прелестью. Тамъ, гдъ бывають сухія льта, приходится обращать особое вниманіе на искусственное орошеніе не столько гального градниковъ, сколько ради плодовыхъ деревьевъ и посъвовъ; а такъ

какъ въ восточной Грузіи воды мало, то распредъленіе ся вызываеть часто ссоры.

Грузинское винодъліе стоить въ общемъ на низкой степени развитія, и вино приготовляется примитивнымъ способомъ. Сборъ начинается въ серединъ сентября и заканчивается въ послъднихъ числахъ октября. Крестьяне собирають виноградъ всегда раньше, чемъ врупные помъщики, такъ какъ обращають болъе вниманія на количество, чьмъ на качество вина. Виноградъ выдавливается ногами, и выжимки остаются лежать въ соку во время броженія, отчего большая часть винъ, въ особенности красныя, получають терпкій вяжущій вкусь. По окончанін броженія вино сливается въ деревянныя бочки или глиняные кувшины и идеть въ дело уже черезъ четыре, шесть недель. Грузины любять молодое вино, и ихъ запасы редко хватають более, чемъ до следующаго года. Для сохраненія вина еще и теперь предпочитають глиняные кувшины, въ которыхъ вино будто бы сохраняется дольше и лучше. Они достигають часто громадныхь размеровь и вмещають въ себя тысячи бутылокъ. Ихъ зарывають до самаго горла въ землю, такъ что вино мало подвергается измъненіямъ температуры.

Разведеніемъ плодовъ занимаются, какъ и винодъліемъ, повсемъстно, но не вездъ съ одинаковымъ успъхомъ. На ряду съ обыкновенными сортами плодовыхъ деревьевъ, какъ яблоня, груша, слива, вишня, растуть повсюду персики, абрикосы, фиги, грецкіе оръхи, благородный каштанъ, миндаль, тутовое дерево. Благодаря теплому лъту плоды получаются сладкіе и нъжные, но обыкновенно простыхъ сортовъ, такъ какъ еще недавно не обращалось никакого вниманія на облагораживаніе ихъ. Исключеніе представляють только персики, которые превосходны. Во многихъ деревняхъ насажденія персиковыхъ деревьевъ занимають значительныя пространства и во время цвътенія представляютъ прелестную картину. Весьма распространены въ Грузіи консервированные фрукты (мураба), въ особенности вишни и персики; ихъ можно найти почти во всякомъ хозяйствъ.

Во многихъ мъстностяхъ винодъле и разведене плодовъ и овощей даетъ главный доходъ помъщикамъ, которые вслъдстве недостатка въ землъ и въ пастбищахъ не могутъ на широкую ногу заниматься земледълемъ и скотоводствомъ. Только тамъ, гдъ виноградъ растетъ плохо, преобладающее значене получило хлъбопашество. Грузинъ больше всего съетъ пшеницы, ячменя и кукурузы и только въ болъе высокихъ мъстностяхъ—овесъ и рожь. Пшеница составляетъ основу хлъбопашества, такъ какъ она даетъ грузину его хлъбъ. Ржаной хлъбъ употребляется очень мало, а изъ маисовой или гороховой муки хлъбъ выпекаютъ только по низменному побережью Чернаго моря и въ Имеретіи, ячмень же идетъ почти исключительно па кормъ лошадямъте организация статъ почти исключительно па кормъ лошадямъте организация статъ почти исключительно па кормъ лошадямъте организация простатива и предостативности по предостати

Вследствіе сухости климата и тяжелой для обработки земли хдебопашество сопряжено съ большими затрудненіями, которыя не всегда вознаграждаются хорошимъ урожаемъ. Почва по большей части глинистая, а во многихъ мъстахъ известковая или каменистая, и даже при обильномъ орошеніи пашется настолько трудно, что въ плугь приходится впрягать по меньшей мерь четыре пары буйволовъ или быковъ. Такъ какъ и помъщики и крестьяне употребляють при распашкъ старинный, громоздкій грузинскій плугь, то въ него приходится впрягать даже до восьми паръ быковъ. Пахота при такихъ условіяхътяжелая работа, которую мелкіе пом'вщики могуть выполнить только соединенными силами. Кромъ работниковъ, ведущихъ плугъ, при распашкъ необходимо имъть еще нъсколько погонщиковъ (обыкновенно мальчиковъ), которые криками и ударами понуждають животныхъ идти ровнымъ шагомъ. Дальнъйшая обработка поля при помощи бороны не производится, да и вообще грузинская борона не имветь своею цвлью разрыхленіе почвы, а предназначена лишь для того, чтобы прикрыть свмена возможно толстымъ слоемъ земли. Она состоитъ изъ шеста, къ которому прикраплено насколько длинныхъ, толстыхъ ватвей, и напоминаетъ собой метлу. Такого рода боронение обусловливается, по словамъ грузинскихъ помъщиковъ, тъмъ обстоятельствомъ, что осенью большею частью стоить сухая погода и часто дують сильные вітры, такъ что необходимо позаботиться, чтобы вътеръ не выдуваль съмена. Въ самомъ дълъ, даже нъмецкіе колонисты и русскіе переселенцы усвоили отъ грузинъ нъкоторыя особенности обработки земли, соотвътствующім мъстнымъ климатическимъ условіямъ. Недостатокъ влаги сильно вредить мъстному клюбопашеству, но, съ другой стороны, ръдкость дождя облегчаеть нівкоторыя земледівльческія работы, какь, напримітрь, покось, жатву и молотьбу.

Послѣдняя производится очень оригинальнымъ способомъ. Токъ, большая круглая площадка, находится подъ открытымъ небомъ гдѣнибудь поблизости отъ стоговъ хлѣба. Поутру развязанные стога раскладываются на току и затѣмъ цѣлый день по нимъ ѣздятъ на молотилкъ, покамістъ вся солома не разотрется на мелкія части. Молотилка состоитъ изъ тяжелой доски, утыканной снизу острыми камнями, предназначенными для размельченія соломы. Молотилку тащитъ по большей части волъ или буйволъ, а погонщикъ для большей тяжести стоитъ на доскъ. Такая молотьба—очень скучная работа; молотилка должна нѣсколько сотенъ разъ проѣхать по току, прежде чѣмъ солома превратится въ мелкій мягкій "саманъ"; но, несмотря на это, такую молотьбу считаютъ здѣсь единственно цѣлесообразной, такъ какъ кавказскій скотъ ѣстъ только мягкую солому.

Для работь грузинь пользуется исключительно буйволами и бы-

ками, тогда какъ лошадь ходить только подъ верхомъ или въ упряжкъ. Предпочтеніе онъ отдаетъ буйволамъ, которые являются прекраснымъ рабочимъ скотомъ и незамънимы въ горахъ для перевозки тяжестей, такъ какъ они легко идутъ даже по крутымъ дорогамъ съ тяжелой ношей. Кавказскій буйволь-добродушное терпізливое животное, и грузинъ относится въ нему съ большею заботливостью и больше его жальеть, чьмь быковь. Универсальнымь экипажемь служить "уреми" (по-татарски арба) -- это первобытная двухколесная повозка съ неподвижнымъ дышломъ, къ переднему концу котораго прикръплено двойное ярмо, которое толкають грудью и затылкомъ буйволы или быки. Повозка неособенно тяжела и болъе пригодна на крутыхъ дорогахъ, чъмъ четырехколесный экипажъ. На "уреми" грузинскій крестьянинъ свозить домой хлібов, доставляеть дрова, вино и хлібов въ городъ на базаръ и даже возитъ жену и дътей въ гости. Въ последнемъ случаъ дно экипажа устилають вовромъ и подушками, а для защиты отъ дождя и солица покрывають его верхомъ изъ натянутой на обручи матеріи. Передвиженіе совершается нев'троятно медленно, но таущіе уже привыкли къ этому и коротають время болтовней и пъніемъ. Лошадь, какъ уже упомянуто, ръдко употребляють для тяжелых работь, а въ прежнее время ею пользовались исключительно для верховой ізды. Такъ какъ въ старину въ Грузіи не было извъстно никакихъ экипажей, кромъ уреми, а верблюды были ръдки, то даже дальнія поъздки совершались и мужчинами и женщинами верхомъ. Грузинъ-ловкій и смелый всадникъ. Онъ безстрашно ъдеть черезъ бурный потокъ или по тесной тропинкъ надъ пропастью, не боясь головокруженія. Уже маленькимъ мальчикомъ онъ охотно гарцуеть на конъ, такъ что съ возрастомъ изъ него выходить настоящій, неутомимый и неустрашимый вздокь, какимь были и его предви въ неисчислимыхъ поколъніяхъ. Онъ не считаетъ для себя затруднительнымъ провхать целый день верхомъ и даже предпочитаетъ этотъ способъ передвиженія всякому другому. Съ кинжаломъ за поясомъ, въ черной буркъ, сидить онъ свободно и легко на съдлъ, наслаждаясь окружающей природой или напъвая пъсню. Впереди съдла висять мышки съ провизіей: виномъ, сыромъ, хлюбомъ, свыжими огурцами и мясомъ, изъ котораго онъ въ лесу или въ поле зажаритъ себе на деревянномъ вертелъ жаркое. Даже люди, привыкшіе, благодаря своимъ средствамъ и воспитанію, къ изв'ястнаго рода удобствамъ, предпринимаютъ охотно продолжительныя поъздки верхомъ, чтобы одинъ-два дня пожить такою жизнью, какую изъ года въ годъ вели ихъ предки. Скотоводствомъ грузинскіе пом'вщики занимаются вообще мало за недостаткомъ хорошихъ пастбищъ, которыя находятся только въ горахъ, обыкновенно далеко отъ усадьбы. Поэтому надзоръ за скотомъ затруднителенъ и оказывается болье выгоднымъ отдавать пастбища въ аренду. За исключеніемъ двухъ или трехъ мѣсяцевъ, скотъ круглый годъ и при всякой погодѣ пасется на подножномъ корму, по большей части на выгонахъ или въ лѣсу. Кормовыхъ травъ здѣсь не сѣють, хотя въ Мингреліи и въ нижней Имеретіи онѣ могли бы расти превосходно. Зимой кормъ состоитъ исключительно изъ кукурузной соломы, самана и сѣна. При такихъ условіяхъ молочное хозяйство мало доходно и имъ занимаются только въ горахъ, да русскіе и нѣмецкіе колонисты поблизости отъ Тифлиса.

Овецъ и свиней разводить почти каждый помъщикъ. Впрочемъ, въ широкомъ размъръ овцеводство ведется только въ горахъ, гдъ оно, благодаря тучнымъ пастбищамъ, составляетъ для крестьянъ единственную доходную статью. На горныя пастбища пригоняютъ на все лъто также овечьи отары изъ низменныхъ мъстъ, при чемъ за надзоръ за стадами пастухи не получаютъ платы деньгами, а берутъ въ свою пользу часть приготовленнаго сыра и нъсколько ягнятъ изъ приплода.

Грузинскій овечій сыръ вкусенъ и легко переваривается, почему его въ большомъ количествъ употребляютъ какъ богатые, такъ и бъдные. Къ числу домашнихъ животныхъ принадлежатъ еще ослы и мулы, которые весьма многочисленны и употребляются для перевозки тяжестей. Много разводятъ также козъ. Почти каждый помъщикъ и крестьянинъ держитъ куръ, гусей, утокъ и индюшекъ, хотя ухода за ними никакого не бываетъ.

Въ Нагорномъ Дагестанъ.

(Россикова.)

Съ перевала передъ нами открылась во всемъ подавляющемъ величіп часть Нагорнаго Дагестана, Андія. На смѣну богатѣйшей зелени смежной Чечни предстали дикія пустыни Дагестана; огромные хребты и ихъ отроги, скалистые кряжи и безчисленныя возвышенности, изрѣзанные долинами, ущельями и котловинами, надвигались со всѣхъ сторонъ, а известковыя скалы, вывѣтрившіяся мергелистыя осыпи безъ мальйшихъ признаковъ жизни производили гнетущее впечатлѣніе. Не веселили взоръ и виднѣвшіеся аулы. Ихъ каменныя первобытныя постройки жались и лѣпились по уступамъ горъ, почти сливаясь съ окружающими горами. Въ поляхъ, засѣянныхъ озимою пшеницею, раздавались крики перепеловъ.

Хлѣбныя поля здѣсь чрезвычайно оригинальны. По всему южному склону горъ въ горизонтальномъ направленіи тянутся участки; послѣдніе обнесены стѣнами, выложенными изъ камней, для предохраненія отъ заносовъ и разрушительнаго дѣйствія ливней. Стѣны невысоки, на разрушительны, что приводятъ въ изумленіе жителя равнины. Вели-

чина участковъ также поразительна. Порою они до того незначительны, что даже не хочется върить, чтобы на него стоило затрачивать тоть громадный трудъ, который необходимъ для его разработки. До чего, впрочемъ, незначительны клочки земли, воздълываемые горцами, лучше всего видно изъ анекдота, пользующагося громадною популярностью въ мъстномъ населеніи. Однажды лезгинъ обрабатывалъ свой участокъ. Палящіе лучи солнца и сильное изнеможеніе заставили его разостлать бурку и прилечь отдохнуть. Послъ отдыха первымъ желаніемъ его было поглядъть на участокъ. Каково же было удивленіе, когда, осмотръвшись кругомъ, онъ не нашелъ своего участка! Лезгинъ потерялся въ догадкахъ и, послъ долгихъ размышленій, въ отчаяніи ръшился идти въ аулъ. Съ этимъ намъреніемъ поднялъ онъ бурку и несказанно обрадовался своей находкъ: обработанный имъ участокъ былъ покрыть буркой, на которой онъ отдыхалъ.

Созрѣвшую пшеницу на нѣкоторыхъ участкахъ жали. Ближе къ аулу жатва шла въ полномъ разгаръ. Почти все женское населеніе аула, отъ мала до велика, въ своихъ типичныхъ головныхъ уборахъ занято было работами. Громкія, хотя и нестройныя, пѣсни оглашали воздухъ и далеко разносились по сосѣднимъ вершинамъ. Способъ жатвы привлекъ мое вниманіе. Жницы по большей части сидѣли на корточкахъ, попадались и стоявшія на колѣняхъ. Приглядываясь къ нимъ, я убѣдился, что онѣ не жали пшеницу серпами, а просто выдергивали съ корнями. На разспросы мон въ аулѣ о способѣ жатвы мнѣ объяснили, что въ неурожайные годы, какъ настоящій, у нихъ не жнутъ, въ хорошій же урожай пшеница снимается серпами.

Аулъ Анди показывается за последнимъ крутымъ зигзагомъ и своими бельми минаретами стушевываетъ непривлекательный видъ нагроможденныхъ другъ на друга каменныхъ построекъ съ безчисленнымъ множествомъ бойницъ. Расположенъ аулъ въ глубинѣ дикаго, лишеннаго мальйшей растительности ущелья на крутомъ, но невысокомъ песчаномъ обрывѣ потока Годаръ. Онъ занимаетъ первое мѣсто по числу дворовъ и количеству душъ въ Андійскомъ округѣ. По своей зажиточности онъ также выдъляется изъ ряда другихъ ауловъ округа. Послъднему обстоятельству способстуетъ производство жителями бурокъ и войлоковъ и хорошій сбытъ ихъ въ Дагестанѣ и Персіи, а въ послъдне время—и на Нижегородской ярмаркѣ. Андійцы, кромѣ того, занимаются въ значительныхъ размѣрахъ овцеводствомъ. Что же касается земледѣлія, то развитію его здѣсь чрезвычайно неблагопріятствуютъ, во-первыхъ, недостатокъ горной земли и, во-вторыхъ, баснословная дороговизна этой послѣдней.

Мив пришлось остановиться часа на полтора въ ауль для корма мошалей у кунака моего переводчика, обывателя средней зажиточности. Не безъ затрудненій по узенькимъ, заваленнымъ глімбами и камнями проходамъ между постройками добрались мы до его сакли. Насъ встрѣтилъ хозяинъ Ибрагимъ, статный, съ открытымъ типичнымъ лицомъ мужчина лѣтъ подъ 30. Взявъ подъ уздцы коня, онъ привѣтствовалъ насъ съ благополучнымъ пріѣздомъ. Передавъ лошадей стоявшему подростку, Ибрагимъ ввелъ насъ въ саклю. Она состояла изъ одной комнаты "кунацкой", въ которой насъ встрѣтила сестра Ибрагима, стройная и довольно красивая дѣвушка. Ея красотъ какъ нельзя болѣе соотвѣтствовалъ щегольской костюмъ, въ которомъ главное вниманіе обращалъ на себя тщательно отдѣланный головной уборъ, называемый

Видъ въ Дагестанъ.

по-аварски "чохто". Это длинное, нисподающее почти до земли, узкое, вершковъ 6—8, полотнище изъ красной, цвътной матеріи; верхній конецъ его, сложенный серпообразно и подбитый изнутри ватой, надъвается на темя. Поверхъ синей рубашки былъ надътъ на ней дорогой шелковый бешметъ, съ длинными выръзными рукавами, ловко обхватывавшій станъ и перетянутый въ таліи серебрянымъ вызолоченнымъ поясомъ. Изъ-подъ полъ бешмета виднълись шелковые голубые шальвары, опущенные въ желтые чувяки, поверхъ которыхъ надъты были сафьяновые сапожки.

Насъ любезно угощали калмыцкимъ чаемъ и жареной бараниной. О В Ва ауломъ Анди тропа минуетъ потрясающую картиг

разрушенія. Справа высоко вздымаєтся полуразвалившаяся, конусообразная вершина съ глубокими трещинами, нависшими скалами и массивными глыбами, разбитыми на безконечное число безобразно торчащихъ оскольковъ и камней, угрожающихъ паденіемъ; слъва опять пропасти и балки, ногребенныя подъ обломками горныхъ породъ. Переъздъ по глыбамъ и камнямъ для лошадей невыносимъ, пъшимъ же пройти все это пространство нътъ никакой возможности.

— Гора Шайтанъ, — замътилъ переводчикъ, указывая по направленію къ вершинъ. — Много людей она схоронила, — произнесъ онъ послъ короткой паузы.

Провзжая обвать, я впервые на своемъ пути замътилъ сидъвшаго на самой вершинъ скалы бълоголоваго грифа, одиноко созерцавшаго съ недоступной высоты страшную картину разрушенія; тутъ же увидълъ я и ягнятника, въроятно молодого, судя по его сплошному темно-каштановому оперенію. Онъ плавно и тихо пролетълъ надъ обрывами и пропастями и опустился на край скалы. Долго я любовался ими въ подзорную трубу, но они, должно быть, замътивъ наше присутствіе, одновременно поднялись и скрылись за утесами.

Подъемъ на Ботлихскія высоты отличается своею трудностью: приходится подниматься по такимъ узенькимъ и крутымъ зигзагамъ дороги, что малъйшая невнимательность влечетъ за собою непремънное паденіе.

Съ вершины открывается видъ на Ботлихскую котловину, изръзанную незначительными скалистыми и песчаными отрогами, постепенно понижающимися въ южномъ направленіи къ ріжь Андійскому-Койсу. Изъ балокъ, овраговъ и разселинъ, прилежащихъ къ Койсу, отовсюду выглядывали сады; въ юго-восточномъ же углу котловины, изъ-за зелени твиъ же садовъ, мелькали часть укрвпленія Ботлиха и самый аулъ. Надъ котловиной парили хищныя птицы, изъ которыхъ я могъ отличить только двухъ стервятниковъ. На спускъ съ высотъ насъ застигла страшная буря. Изъ ущелья налетьль шкваль. Тысячи альпійскихъ галокъ, черныхъ воронъ и клушицъ съ оглушительнымъ крикомъ кружась пронеслись надъ вершинами. Затъмъ все смолкло... Полилъ страшный ливень. Мгновенно цълыя массы воды устремились съ вершинъ: шумъ и стукъ увлекаемыхъ обломковъ мъщался съ грохотомъ и гамомъ, доносившимися изъ ущелья. Черезъ четверть часа ураганъ и ливень прошли, выглянуло изъ-за облаковъ солнышко и заходящими лучами освътило высоты, и только гулъ и грохоть изъ сосъдняго ущелья все такъ же шумно разносился среди воцарившейся тишины.

Вечеръло, когда мы спустились въ узкую лощину ущелья. Здъсь я воочію увидълъ причину того демоническаго гула, который стояль надъвсею мъстностью. Съ страшной, невообразимой силой бурлилъ и клоко-

таль въ узкомъ ложѣ черный бушующій потокъ. Камни, глыбы, щебень и песокъ—все мѣшалось въ этой грязной массѣ, стучало, гудѣло, сливаясь въ одинъ оглушительный ревъ.

Подъвхавъ къ потоку, переводчикъ не разъ озабочено повторилъ "яманъ". Послъ долгихъ поисковъ ему удалось, наконецъ, найти бродъ, и мы уже въ глубокихъ сумеркахъ по плитняковому дну, загражденному пескомъ, щебнемъ и гальками, переправились на противоположный берегъ, гдъ расположенъ аулъ и укръпленный пунктъ Ботлихъ.

Ботлихская котловина лежитъ слишкомъ на 3.000 ф. надъ уровнемъ моря. Въ юго-восточномъ углу котловины, на площадиъ, обрывистой съ

Сланцевое ущелье въ Дагестанъ.

юга и покатой съ съверо-запада, построено укръпленіе подлѣ аула Ботлихъ, лежащаго съвернѣе. Укръпленіе на выдерживаетъ ни малѣйшей критики съ стратегической точки зрѣнія, но оно имѣетъ другія достоинства: окруженное со всѣхъ сторонъ садами, оно тонетъ въ ихъ зелени и съ окружающихъ котловину высотъ кажется раемъ въ безжизненной пустынѣ съ песчаными и мергелистыми осыпями, дикими каменистыми склонами и известняковыми скалами.

Упорный трудъ ботлихцевъ превратилъ этотъ уголовъ въ одинъ сплошной садъ, поражающій жителя плоскости тымъ изумительнымъ умыніемъ, съ которымъ использованъ каждый клочовъ безплодной земли. На известняковыхъ и песчаныхъ склонахъ и обрывахъ, по балкамъ, оврагамъ

и лощинамъ, спускающимся къ р. Андійскому-Койсу, въ горизонтальномъ направленіи идуть безчисленные ряды террасъ, то длинныхъ и пирокихъ, то узкихъ и короткихъ, не превышающихъ одной-двухъ саженъ. Попадаются террасы, сложенныя изъ камня и достигающія нѣсколькихъ саженъ высоты, по большей части подлѣ утесовъ и скалъ, при чемъ промежутки между скалами и выложенными изъ камня стѣнами засыпаны землею. Удобренныя, онѣ представляютъ или роскошные сады, въ которыхъ нерѣдко можно видѣть гигантскіе орѣшники, или участки съ посъвами кукурузы.

При видъ этихъ сооруженій приходится невольно удивляться упорному и тяжелому труду жителей. Помощницей ихъ является такая стихія, какъ вода. И дъйствительно, здъсь что ни шагъ, то приходится изумляться системъ орошенія, какая вообще господствуеть въ Дагестанъ и въ частности у ботлихцевъ. Маленькій источникъ или ручей, едва примътный, пробивающійся на свътъ Божій, окопанъ заботливой рукой, выложенъ камнями и спущенъ для орошенія такой же почти крохотной террасы, ютящейся гдъ - нибудь подъ обрывомъ или скалой. Больнія травянистыя поля орошаются еще мудренъе дождевою водой, которая по особо устроеннымъ канавкамъ стекаетъ съ возвышенностей и пологихъ склоновъ въ особыя водохранилища, откуда уже проходитъ по участкамъ, при чемъ порядокъ орошенія строго оберегается и всякое нарушеніе со стороны кого-либо карается денежными пенями.

Ботлихскіе сады отличаются не только устройствомъ, но и своей физіономіей отъ садовъ плоскости. Встрітить сплошной садъ здівсь різкость; обыкновенное же місто подъ садомъ обсажено по краямъ фруктовыми деревьями въ одинъ, много въ два ряда, смотря по величині участка; все же остальное пространство засівается маисомъ, пшеницей или просомъ. Изъ фруктовыхъ деревьевъ разводятся: грецкій оріхъ, груши, абрикосы, персики, яблоки, сливы, курага, алыча, миндаль, черешня, виноградъ въ изобиліи.

Остальная часть котловины, за небольшими исключеніями, носить характеръ окружающихъ горныхъ хребтовъ и ихъ отроговъ. Они безлівсны, мізстами скалисты и дики. Оттого-то во всей котловинів такъ рельефно выступають повсюду осыши и обломки горныхъ породъ; зелень пробивается только маленькими клочками по глинистымъ оползнямъ и глубокимъ ложбинамъ горныхъ потоковъ.

Кром'в укрыпленія и аула Ботлихъ, въ котловин'в пріютились: въ юго-западномъ углу—маленькій, въ 68 дворовъ, аулъ Міарсу, с'вверн'ве котораго на глинистомъ вертикальномъ обрыв'в, господствующемъ надъ котловиной, грозно выдвигаются массивныя каменныя постройки аула Тандо въ 138 домовъ.

И Міарсу и Тандо населены различными народностями лезгинскаго

племени: жители перваго говорять на ботлихскомъ нарѣчіи, а второго на аварскомъ. Впрочемъ, общеупотребительный языкъ почти всего населенія Андійскаго округа—аварскій.

Постройки ауловъ разнообразной архитектуры. Назначеніе ихъ было, служа жилищемъ, представлять въ то же время оплотъ въ случав нападенія врага. Въ Ботлихв аульныя постройки выложены изъ камня и цементированы. Онъ различной величины: высота ихъ отъ двухъ аршинъ до 3-4 саженъ; савли имъютъ плоскія крыши, утрамбованныя и смазанныя глиною. Постройки громоздятся безъ всякаго порядка, больше у отвесных скаль, по уступамь, надь узкой лощимой, въ которой течеть шумный горный потокъ, впадающій въ Андійское-Койсу. Между постройками не существуеть правильных улиць въ томъ смыслв, въ какомъ мы привыкли ихъ понимать. Узенькіе, кривые проходы, часто упирающіеся въ глухія каменныя стіны, всі почти извиваются среди навороченных в каменных глыбь и глубоких выбоинь, а иногда проходять по низкимъ и темнымъ коридорамъ, напоминающимъ отчасти ходы въ каменоломняхъ. Въ такіе проходы, изрідка превышающіе ширину. удобную для провзда всадника, выходять обыкновенно двери или полукруглыя калитки, редко въ рость человека, а то и просто темныя отверстія изъ нижнихъ этажей построекъ, служащихъ и хліввами, и конюшнями, и овчарнями. Въ нихъ содержатся по большей части ишаки, козы и бараны; коровы и телята встръчаются въ ограниченномъ количествъ, дошади находятся только у зажиточныхъ домохозяевъ, такъ называемыхъ нукеровъ, несущихъ обязанности: полицейскую, почтовую и чапарскую (конвойную).

Въ гигіеническомъ отношеніи пом'вщенія чрезвычайно грязны и лишены доступа воздуха и св'єта. Изъ нижнихъ отд'єленій ведуть л'єстницы, или пологіе подъемы, или же глыбы и насыпи камней на площадки крышъ нижнихъ этажей, надъ которыми возвышаются сакли; посл'єднія всегда почти съ маленькими нав'єсами въ род'є крытыхъ террасъ или балконовъ; туда выходять двери и, если есть, окна.

Сакли чаще состоять изъ одной, ръже изъ двухъ смежныхъ или раздъленныхъ комнать, оштукатуренныхъ и выбъленныхъ, но быстро уграчивающихъ первоначальный цветь отъ копоти, которая распространяется отъ топки дурно устроенныхъ каминовъ. Жилыя комнаты освъщаются маленькими отверстіями, бойницами, а кунацкія очень часто—только входною дверью.

Сакля богатаго ботлихца лучше устроена. Она ничвиъ не отличается по наружному виду отъ другихъ построекъ, состоитъ изъ трехъ отдъленій жилыхъ, не включая сюда помъщенія для скота. Одна комната, совершенно отдъльная, называется кунацкой; въ другой— семейной помъщается хозяинъ съ семьей, а третья занимается взрослымт

Азіат. Россія.

кухней. Кунацкая комната — небольшая, уютная, чистенькая и не закопченная благодаря отсутствію камина. На обстановкъ ея, пестрой, горской, замътны уже слъды новшества современной цивилизаціи, проникающей мало-по-малу и въ замкнутый міръ горца. По ствнамъ кунацкой устроены въ одну доску скамын, на которыхъ стоять ближе къ такъ называемому почетному м'всту кованые сундуки и сундучки различныхъ размъровъ и величинъ съ дорогимъ имуществомъ всего семейства. Рядомъ съ сундуками лежать войлови, ковры, ситцевыя, шелковыя одъялаи маленькія подушки. Войлоки и ковры постилаются на полу, смазанномъ глиной, на почетномъ мъстъ сейчасъ же при посъщении кунацкой гостемъ, при чемъ на ковры кладутся, по числу гостей, подушечки, замъняющія мебель. На видномъ мъсть противъ сундуковъ лежить коранъ, а у западной стъны красуется довольно опрятная, европейскаго издълія, кровать, надъ которой возвышается альковъ, наглядно представляющій смъсь восточнаго вкуса съ плохо воспринятымъ европейскимъ. У двери стоять громадные металлическіе луженые кувшины съ водою. Всего же оригинальнъе среди всей обстановки выглядить стъна противъ входной двери. Она сверху донизу увъщана домашнею утварью. Самый верхній рядъ состоить изъ глубокихъ и мелкихъ фаянсовыхъ тарелокъ, мисокъ, блюденъ и чашекъ, подвъшенныхъ на тонкихъ бечевкахъ, продътыхъ сквозь нарочно провернутыя дырочки въ див посуды. Во второмъряду видифются металлическіе казаны, чайники съ длинными горлышками и такими же изогнутыми носками, котелки и тазы. Въ третьемъ рядуодни громадивний металлическія блюда, отъ 1 до 2 аршинъ въ діаметріви отъ 2 до 5 вершковъ глубины.

Утварь составляеть исключительное достояніе женщинь и употребляется только во время праздниковь и обрядовь, служа до некоторой степени мериломы зажиточности. Кроме всего описаннаго, въ углахъкунацкой на громадныхъ крючьяхъ висить копченая и сушеная баранина, говорящая тоже въ пользу зажиточности семьи.

Семейная, доступная для посторонняго глаза только по особому расположенію къ кунаку (пріятелю), — это небольшая комната, хорошо устланная войлоками и коврами, съ широкой, но низкой, восточнаго происхожденія, кроватью посрединъ. Три-четыре подушки на коврахъ подлѣ кровати и нъсколько маленькихъ сундуковъ дополняють незатъйливую обстановку. Третья комната, служа помъщеніемъ для взрослыхъ сыновей и работниковъ, отличается меньшими удобствами; въ ней сдъланы всъ необходимыя приспособленія для незатъйливой горской кухни.

Въ иномъ видъ представляется сакля бъдняка, по большей части маленькая и тъсная; если она и просторна, то темна, съра и закопчена, ръдко когда оштукатурена, съ бойницами или безъ нихъ. Камины, плохо

устраиваемые, здёсь положительно отсутствують и замёняются небольшими углубленіями въ стінахъ и малыми отверстіями въ крышт для выхода дыма, который, впрочемъ, обыкновенно стелется по саклъ. Объ обстановив нечего и говорить, - такъ она жалка и убога. Если попадаются кровати, то онъ самаго первобытнаго устройства: сложены или изъ камней, или изъ дровъ, прикрываются соломой и ворохами разнаго грязнаго хлама, а иногда одною подстилкой изъ стеблей кукурузы. Какъ бы ни была убога сакля бъдняка, но и въ ней ствна противъ входа непремънно украшена домашнею утварью. Правда, эта утварь жалка: черепви битой посуды преобладають надъ металлической; последняя же, можно свазать, совершенно отсутствуеть, за исключениемъ однако одногодвухъ маленькихъ котловъ и казановъ. Дорогихъ сосудовъ и въ поминъ нътъ, --ихъ замъняють глиняные кувшины. Часто въ такой саклъ скучены вмість и животныя, и весь скромный запась провизіи: два-три чувала кукурузы и мъшокъ одинъ-другой кукурузной же муки. Будь горецъ богать, будь бъднякъ, у него всегда найдется кинжалъ, шашка, пистолеть, ръже ружье; оружію отведено самое видное мъсто: оно висить на столбъ, поддерживающемъ потолокъ.

Въ Ботлихъ всъхъ дворовъ насчитывается до 280, а жителей — около тысячи. По своему благосостоянію ауль стоить въ ряду лучшихъ ауловъ въ округъ. Этимъ Ботлихъ обязанъ главнымъ образомъ своему мъстоположению. Между тъмъ какъ три четверти ауловъ округа расположены на малодоступныхъ скалахъ, по высокимъ горнымъ хребтамъ, всл'ядствіе чего лишены удобной земли и воды, ботлихцы сравнительно находятся въ лучшихъ условіяхъ: у нихъ есть возможность упорнымъ трудомъ и энергіей расширять свои участки и не подвергаться страшнымъ опустошеніямъ, какимъ подвергаются обитатели горныхъ ауловъ. Случается, что целый ауль лишается всехъ своихъ полей, расположенныхъ по склонамъ горъ. Продолжительные ливни, часто повторяющіеся въ Дагестанъ, производять разрушительное дъйствіе: они размывають сакли, а иногда и сносять ихъ совершенно, оставляя однъ голыя скалы. Почти одна треть населенія аула занимается исключительно садоводствомъ, остальное же населеніе — садоводствомъ и посъвами кукурузы, пшеницы и проса. Избытокъ фруктовъ и винограда, а всего болье грецкихъ оръховъ находить хорошій сбыть въ сосъдней Чечив, гдв въ обменъ на эти продукты ботлихцы получають кукурузу, главный источникъ пропитанія горца.

Владъніе землей у ботлихцевъ частное — участковое. Предметомъ общаго нераздъльнаго владънія являются лишь выгоны и берега ръки; тъ же аулы округа, которые занимають горное положеніе, пользуются, на основаніи общиннаго землевладънія, горными лугами, представляющими прекрасныя пастбища и богатые покосы.

Всматриваясь во внутреннюю жизнь ботлихцевъ, въ ихъ семейныя отношенія, нельзя не сознаться, что отпечатокъ ислама-деспотизмъ въ семейномъ быту — сквозить на каждомъ шагу и всею тяжестью падаеть на женщину, которая, какъ извъстно, во всемъ магометанскомъ міръ занимаеть далеко не такое положеніе, какое ей отведено у народовъ западныхъ. Даже тамъ, гдъ женщина пользуется извъстною долею свободы, участь ея положительно невыносима. Съ утра до поздней нечи, будь это мать семьи, дввушка, подростовъ или дышащая на ладанъ старуха, она обречена на трудъ, обезсиливающій и доводящій ее до отупівнія. Вся семья на плечахъ ея; мало того, всъ попеченія о хозяйствъ, не исключая обработки земли, ложатся на нее и, разумъется, неблагопріятно отражаются на ея физической и нравственной физіономіи, особенно если еще принять въ соображение то обстоятельство, что мать семейства ничемъ не гарантирована отъ случайности очутиться завтра внѣ семейнаго очага. Въ такое печальное положение ставить женщину освященный временемъ и религіей обычай покупать себъ жену за извъстный калымъ, при чемъ самый актъ покупки не обусловленъ какими-либо обязательствами со стороны покупателя. Мужчина, внесшій установленный калымъ, считается обладателемъ дъвушки или женщины, ея повелителемъ и владыкой съ неограниченнымъ правомъ располагать ею по своему усмотрънію. Отсюда и та зависимость и приниженность, какими отличаются зд'ясь женщины, и тоть характерный факть, что въ Ботлих'я, напримъръ, изъ десяти замужнихъ женщинъ непремънно одна вдова, т.-е. жена, брошенная мужемъ, мыкающая горе, и двъ-три, промънявшія вдовью долю на вторичное замужество.

Говоря о женщинахъ, нельзя не упомянуть о дътяхъ. Отецъ относится съ полнымъ равнодушіемъ къ дъвочкамъ, такъ же относится и къ мальчикамъ, но только до извъстнаго возраста. Обыкновенно въ семь или восемь лътъ отцовское равнодушіе постепенно замъняется нъкоторыми, хотя и слабыми, попеченіями о подростающихъ мальчикахъ. Я часто обращался къ своимъ кунакамъ, сидя съ ними въ кунацкихъ за стаканами вина, съ вопросами, касающимися системы ихъ воспитанія, но всегда получаль уклончивые отвъты. Вотъ, впрочемъ, что я слыхаль отъ одного изъ нихъ: "Я люблю своихъ сыновей, ласкаю ихъ, говорю имъ, чтобы они не дичились русскихъ. Черезъ годъ они начнуть учиться, и тогда изъ нихъ выйдуть хорошіе горцы". Слова кунака были искренни. Опъ, какъ и другіе отцы, твердо увъренъ, что воспитаніе и образованіе дътей—за предълами семейнаго очага: "Мулла—учитель", "Коранъ—та книга, которая создаєть изъ ребенка мужчину-горца".

Послъднее справедливо, если обратить вниманіе на тоть факть, что въ западномъ Дагестанъ не существуеть ни общественныхъ, ни учрежденныхъ правительствомъ школъ; дъти болье или менье зажиточныхъ

семействъ отдаются для обученія муллів. Мальчики ходять въ мечеть и тамъ изучають, подъ руководствомъ мулль и ихъ помощниковъ, коранъ и арабскій языкъ. Насколько такое обученіе богато результатами въ смыслів развитія грамотности — это другой вопросъ. Главное же, — такой способъ обученія дітей въ теченіе нісколькихъ літь подъ исключительнымъ вліяніемъ духовныхъ наставниковъ несомнітно вырабатываетъ

будущихъ фанатиковъ-горцевъ. Миъ пришлось убъдиться и въ томъ, что горцы не чужды желанія учить дітей по-русски: такъ, въ Ботлихъ я зналъ двухъ ссыльныхъ, возвращенныхъ послв 17 - тильтняго пребыванія въ Костромской губерніи; выучившись ссылкъ грамотъ, они теперь на родинъ распространяють ее въ средъ СВОИХЪ родственниковъ.

Въ общественной жизни ботлихцевъ интересенъ налогъ въ пользу неимущихъ; онъ установленъ для поднятія благосостоянія бѣдныхъ сочленовъ общества, число ко-

Женщины изъ Дагестана.

торыхъ въ аулѣ достаточно. Налогъ распредъленъ такимъ образомъ, что всею тяжестью падаетъ исключительно на лицъ болѣе зажиточныхъ, при чемъ обусловленъ доходомъ дворъ. Дворъ, имѣющій дохода десять рублей, уплачиваетъ съ нихъ 25 копеекъ, другими словами, по $2^{1}/_{2}$ к. съ рубля. Дворъ, не располагающій деньгами, уплачиваетъ съ 60 сабъ кукурузы, пшеницы, проса, безразлично и всего вмѣстѣ, одну са дворъ же, имѣющій доходъ выше 60 сабъ, даетъ съ каждытъ о се нихъ десяти сабъ по одной сабѣ.

Бъдность развита въ аулахъ округа неравномърно: большій процентъ падаетъ на аулы промышленные и близкіе къ нимъ, гдѣ гнетъ слабыхъ въ послъднее время становится ощутительнымъ. Въ глухихъ уголкахъ округа это явленіе еще неизвъстно, а потому, какъ передавали мнъ, тамъ очень часто встръчаются аулы, въ которыхъ сохраняется полное равенство какъ во владъніи землею, такъ и въ несеніи платежей и повинностей.

Невыгодныя климатическія условія для населенія аула становятся очевидными даже при самомъ бъгломъ взглядъ на котловину. Охваченная кольцомъ высокихъ горъ, съ однимъ лишь узкимъ ущельемъ, по которому течеть р. Андійское-Койсу, она представляеть богатый резервуаръ скопленія міазмъ, им'ьющихъ сильное вліяніе на общее состояніе здоровья населенія котловины. Сады, посівы и луга ботлихцевь служать однимъ изъ источниковъ зарожденія и распространенія міазмъ. Обыкновенно посъвы и сады при поливкъ заливаются водою. Послъдняя, не имъя стока, стоитъ сплошнымъ болотомъ на всей орошаемой площади. При часто повторяемыхъ поливкахъ, отъ 3 до 4 разъ въ недёлю, въ сильныйшие жары, когда термометрь держится на 35-40 Р. (въ теченіе всей второй половины літа), происходить почти повальная заболівваемость лихорадкою. Особенно зловредными оказываются нижніе посівы кукурузы, заливные луга, густыя заросли тальника по берегу Андійскаго-Койсу; они очень напоминають трясины: ступая по нимъ, тонешь по кольно въ какой-то черной иловатой смъси, густо прикрытой осокою, ряскою и камышомъ; зараженный воздухъ, пропитанный влажностью, наполняющей эти міста, дізлаеть невозможнымь пребываніе въ нихъ послів заката солнца.

Природа восточнаго Закавказья.

(А. Краснова.)

Берега Каспійскаго моря им'вютъ природу въ высшей степени характерную и своеобразную. Это уже Средняя Азія со всіми чертами, ей присущими.

Покидая Тифлисъ подъ вечеръ, вы засыпаете въ вагонъ жельзной дороги, проносись среди ландшафтовъ, хорошо знакомыхъ по видамъ окрестностей названнаго города. Вы мало потеряете, проъзжая ихъ ночью. Зато на утро, когда вы проснетесь, совершенно новая, чуждая вамъ природа Муганской степи будетъ окружать васъ со всъхъ сторонъ. Природа эта уныла и печальна, но крайне своеобразна.

Ровная какъ столъ Муганская степь скатертью разстилается по пути локомотива. Слъва, задернутыя въ туманную, присущую средневзіатчой атмосферъ, дымку, почти невидимы массы горъ главнаго хребта,

и только, прорываясь среди этой мглы, высоко въ голубомъ небѣ блестятъ бѣлыя снѣговыя вершины отдѣльныхъ пиковъ. Горы не играютъ видной роли въ пейзажѣ. Онѣ лишь этими плавающими въ воздухѣ, какъ бѣлые призраки, вершинами напоминаютъ вамъ, что васъ отдѣляетъ отъ Россіи громадный хребеть, всю грандіозность котораго вы созерцаете съ сѣвера.

Вашъ глазъ невольно поэтому останавливается на степи, разстилающейся со всёхъ сторонъ на необъятныя пространства. Степь эта совершенно особенная. Она не похожа на травяныя степи черноземной полосы Россіи, нынѣ повсюду уже превращенныя въ пашни, но которыя еще помнятъ наши отцы и напоминаніемъ о которыхъ являются обрывки цёлинъ на склонахъ балокъ, съ ихъ волнующимися ковылями и ковромъ душистыхъ цвѣтущихъ травъ. Не напоминаетъ Муганская степь въ мѣстахъ, пересѣкаемыхъ желѣзною дорогою, и солонцеватой степи калмыцкой, покрытой рѣдко другъ отъ друга стоящими кустиками сѣдосѣрой полыни или похожими на нее, такими же низенькими, такими же мелколистными и сѣдо-сѣрыми многолѣтними травами. Если такія полынныя заросли здѣсь кое-гдѣ и попадаются, то лишь изрѣдка, отнюдь не составляя характерной черты пейзажа.

Голая, солонцеватая, желто-бурая почва здёсь не одёта дерномъ травъ. Она суха и, повидимому, безплодна. На далекихъ другъ отъ друга разстояніяхъ, какъ на настоящемъ солонцъ, торчать здъсь жирныя солончаковыя травы, эти кустики, не превышающіе фута вышины, съ жирными, сочными зелеными листьями и уродливо искривленными вътвями. Имъя темно-зеленую окраску, они какъ темныя пятна пестрять поверхность степи, придавая ей мрачный колорить. Эти два-три вида соляновъ одни господствують въ степи, покрывая ее на далекія пространства, не оживляемыя ни домомъ, ни деревнею, ни даже лъсомъ. Изръдка лишь въ ръчной долинъ увидишь группу деревьевъ, —ни дать, ни взять пейзажь свверной тихо-океанской дороги по ту сторону Скалистыхь горь, на плоскогоры Ута, гдъ-нибудь въ штате Монтана. Но вместо приземистыхъ кактусовъ Америки, наша Закавказская пустыня оживляется образующимъ цълыя клумбы на голой земль растеніемъ, всей цыности вотораго, повидимому, еще не знають туземцы: это-каперсы, которые развиваются здёсь гораздо роскошнее, чёмъ на берегахъ Средиземнаго моря, откуда нашимъ колоніальнымъ лавкамъ поставляется эта всемъ извъстная приправа. Эти клумбы изъ темныхъ, круглыхъ, глянцевитыхъ листьевъ и распростертыхъ по землъ рыжихъ вътвей бываютъ очаровательны подъ вечеръ, когда распускаются ихъ крупные, нъжные, невыносящіе сильнаго летняго зноя цветы. Цветы эти о 4-хъ лепесткахъ, съ массою тычинокъ посрединъ, напоминаютъ издали цвъты мирты, но, достигая величины съ пятакъ и болве и усыпая весь кустъ, издали привлекають внимание и укращають степи.

Другое растеніе, не мен'те интересное, также характеризующее средиземно-морскія страны и столь же часто попадающееся здісь на глазаобщеный огурецъ (Momordica elateria). Дъйствительно, оно всего болъе напоминаеть огуречные побъги своими съдо-сърыми листьями, такими же, какъ огуречные, цвътами и чрезвычайно похожими на маленькіе огурчики плодами. Но бъда тому, кто вздумаеть неосторожно сорвать его плодъ! Прежде чемъ вы прикоснетесь къ такому огурчику, онъ самъ, оторвавшись отъ сотрясенія, причиненнаго растенію, отскочить и брызнеть вамь въ лицо цізлой струей липкой жидкости и мелкихъ, мокрыхъ, похожихъ на огуречныя съмянъ. Виъстъ съ поименованными растеніями въ стени понадается и такъ называемая верблюжья колючка (Alhaga camelorum) — въ футь высотою кустикъ, одътый листьями и розовыми цвътами лишь раннею весной; нъсколько позже вся листва его обваливается, — остаются однъ голыя колючки, длинныя и острыя, изъ которыхъ состоитъ все растеніе. Несмотря на такой его неказистый видъ, верблюды съ жадностью истребляють это растеніе. Ихъ стада, тамъ и сямъ попадаясь въ степи, один только разнообразять ея монотонность.

Днемъ здѣсь жара дѣлается нестерпимою. Далеко не на всѣхъ станціяхъ возможно здѣсь достать свѣжую воду, да и самыя станціи не представляють изъ себя оазнсовъ въ пустынѣ. Удаленныя отъ деревень, онѣ обыкновенно являются уединенными группами домиковъ, разбросанныхъ въ сухой и пустынной степи. Незавидно должно быть житье тѣхъ, кому приходится служить по этой линіи. Жара и вредныя насѣкомыя не позволяють здѣсь въ лѣтнее время даже жить въ постройкахъ и—характерный для закавказскихъ станцій аттрибутъ—вездѣ вы видите высокую желѣзную постройку, à la Эйфелева башня, о нѣсколькихъ платформахъ, куда на лѣто выносятся постели и гдѣ на высотѣ нѣсколькихъ саженъ надъ раскаленною почвою, продуваемые вѣтеркомъ, спятъ несчастные жители этихъ станцій, буквально проводя большую часть жизни своей между небомъ и землею и слѣзая по узкой витой лѣстницѣ съ этихъ построекъ лишь на время прихода поѣзда.

Несмотря на пустынность м'встности, зд'вшняя почва далеко не безплодна: посаженныя около станцій деревья развиваются весьма усп'вшно. При большей заботливости эти убогія станціи могли бы выгляд'єть гораздо веселье и прив'єтлив'єв.

Воть и все, что вы, томясь оть жару, можете видъть, проважая по Муганскимъ степямъ. Не болъе увидить мало наблюдательный взоръ и тогда, когда повздъ повернеть на Апшеронскій полуостровъ и справа откроется просторъ сердитыхъ зеленоватыхъ водъ Каспійскаго моря. Но натуралисть здъсь на каждомъ шагу найдеть интересный объекть для изслъдованія. Хотя море здъсь и близко, но ничто не свидътельствуеть, обы оно благотворно дъйствовало на природу своихъ береговъ. Какъ

только вы покинете полосу, гдв волны гложуть берегь, пустыня вступаеть въ свои права и та же бъдная муганская природа сопровождаеть вась здесь, на самомъ побережьи Каспія. Скажу более, открытая сильнымъ восточнымъ вътрамъ почва здъсь уже даетъ возможность наблюдать явленія, общія съ низиною Туркестанскаго края. Для русскаго человъка, привыкшаго на родинъ своей всюду видъть, что всъ неровности почвы произведены, главнымъ образомъ, размывающею дъятельностью воды, странно бываеть здёсь видёть совершенно обратное: не вода, а вътеръ теперь, главнымъ образомъ, видоизмъняетъ поверхность здъщней почвы, придавая ей мъстами весьма курьезныя очертанія. Только наблюдая здёшнюю растительность, можно судить о томъ, какая масса почвы вздымается и уносится отсюда вътрами. Мъстами солонцеватая степь кажется совершеннымъ подобіемъ кочковатаго болота, такъ какъ вътромъ снесенъ уже болье чымъ полуфутовой слой почвы и развыянь въ видь пыли, а у корней растеній онъ остался сдерживаемый ими и кажется, что каждый кустикъ выросъ на особой кочкъ; на дълъ же эти кочки показывають уровень прежней почвы.

Рядомъ же можно наблюдать, какъ такіе кустики, задерживая на пути болѣе тяжелыя, неспособныя подыматься на воздухъ песчинки, способствуютъ накопленію ихъ въ барханы, или песчаныя горки. Впрочемъ, на Апшеронскомъ полуостровѣ рѣдко гдѣ наблюдаются настоящіе сыпучіе пески.

Несравненно интереснъе и оригинальнъе здъсь другія явленія природы, которыя плохо поддаются наблюденію изъ окна вагона. Чтобы ихъ видъть, необходимо сойти на одной изъ ближайшихъ къ городу Баку станціи, напримъръ, на станціи Пута, и сдълать прогулку по самой степи. Мы разумъемъ явленія, связанныя съ присутствіемъ нефти на Апшеронскомъ полуостровъ.

Первое мъсто между этими явленіями занимають грязевые вулканы, которые здъсь, въ окрестностяхъ Баку, гораздо болье эффектны и поучительны, чъмъ знаменитые вулканы Таманьскаго полуострова.

Какъ только повздъ вступитъ въ предвлы Апшеронскаго полуострова и на горизонтв засверкаетъ море, легко замвтить, что на вершинахъ многихъ гребней прибрежныхъ холмовъ возвышаются различной величины конусы, по цввту своему отличающеся отъ окружающей ихъ почвы. Въ то время, какъ вся мвстность имветъ унылый желто-бурый колоритъ, прекрасно гармонирующій съ мутнымъ азіатскимъ небомъ, эти конусы, съ весьма правильно падающими во всв стороны склонами, окрашены въ синевато-сърый цввтъ. Величина этихъ вулкановъ весьма различна, но многіе, какъ грязевой вулканъ Локъ-Батанъ, около станціи Пута, имвютъ довольно большіе размвры. Этотъ вулканъ стоитъ на бугристой возвышенности и имветъ правильную форму усвченнаго ко-

нуса, замыкающаго обширный кратеръ. Высота стѣнокъ этого кратера не менъе, чъмъ высота трехъэтажнаго дома. Съ съверо-востока и югозапада ствики кратера провалились, давъ съ юго-западной стороны выходъ громадному грязевому потоку до полуверсты длиною, покрытому складками и глубокими, зіяющими, трудно переходимыми трещинами, какъ у настоящаго вулкана. Вообще вся вившность Локъ-Батана необыкновенно напоминаеть видъ небольшого потухшаго вулкана, какихъ много въ Оверни и другихъ странахъ утихающей или утихшей вулканической дъятельности. Но Локъ-Батанъ не есть окончательно потухшій вулканъ. Правда, теперь его д'аятельность прекратилась; вы безнаказанно можете проникнуть въ брешь, сдъланную его грязевою лавою, войти въ его полуразрушенный кратеръ, чтобы собрать тамъ красные какъ кирпичъ, обожженные дъятельностью когда-то пылавшаго пламени комья глины. Но, подобно всемъ здешнимъ грязевымъ вулканамъ, Локъ-Батанъ дъйствуеть періодически. Гуляя у его подножія, вы легво замітите, что бурая почва, вами попираемая, не есть глинистый наносъ настоящей степи. Это есть также изверженная грязь—старый грязевой потокъ. Но эта древняя грязь, подобная древней лавъ Везувія, уже вывътрилась, потеряла характерныя трещины и морщины и покрылась растительностью. Ствики древняго кратера размыты и стерты съ лица земли. Мив говорили, что существовало по крайней мъръ три изверженія Локъ-Батана, прежде чымъ произошло то, которое насыцало современный конусъ. Это послъднее имьло мъсто всего лишь иъсколько лътъ тому назадъ и надълало много шуму. Начальникъ желъзнодорожной станціи Пута еще раньше замъчаль гулъ какъ бы въ подземной пустотъ, находившейся подъ станціей, и соброганіе почвы. Наконець, въ одну прекрасную ночь послышался сильный шумъ и свисть, и изъ холма, господствующаго надъ станціей и расподоженнаго къ востоку отъ полотна желвзной дороги, вдругь стали выбрасываться на большую высоту камни, куски глины и комья жидкой грязи; черезъ нъсколько времени появился громадный столбъ яркаго пламени, взлетавшаго на много саженъ вверхъ, окруженнаго чернымъ дымомъ и целымъ градомъ комьевъ грязи, которые, падая вокругъ кратера, мало-по-малу нагромоздили цълую гору Локъ-Батана. Свъть отъ пламени былъ настолько силенъ, что зарево видно было и въ Баку. Затъмъ, какъ у настоящаго вулкана, изверженіе закончилось мощнымъ потокомъ грязи, направившимся къ полотну железной дороги, но далеко не дошедшимъ до него. Извержение Локъ-Батана было столь величественно, настолько напоминало настоящее вулканическое извержение, что напуганный начальникъ станціи просился о переводь, опасаясь, что дрожашая, дающая и теперь чувствовать существованіе подземныхъ пустоть, почва подъ станціей провалится и онъ сдівлается жертвою подземнаго огня. Но вулканическая дъятельность прекратилась, и вновь тишина в

покой водворились въ окрестностяхъ надѣлавшей переполохъ огнедышащей горы. Грязь Локъ-Батана въ сущности неправильно называть грязью: это синяя глина съ характернымъ запахомъ лѣпной скульптурной глины. Она однородна, чиста, и изрѣдка въ ней попадаются кристаллики блестящаго какъ золото сѣрнаго колчедана.

Большая часть вулкановъ Апшеронскаго полуострова, подобно Локъ-Батану, находится въ состояніи покоя. Въ немногихъ изъ нихъ кратеръ еще и досель наполненъ жидкою грязью, изъ которой, какъ изъ котла, съ клокотаніемъ поднимаются и лопаются пузыри, распространяя вонючіе, удушливые газы.

Гораздо интереснве для наблюденій попадающієся по сосвдству вулканы песчаные. Занимая обыкновенно ровныя, лишенныя растительности солонцеватыя низинки, вулканы эти расположены длинными рядами, наподобіе Андъ или другихъ ціпей тихоокеанскихъ вулкановъ. Названіе вулкановъ къ нимъ примінимо лишь условно. Они не извергають пламени: продукты ихъ изверженія—лишь вода и песокъ. Они не возвышаются надъ почвою болье 3—4 саженъ, обыкновенно же значительно ниже. Но ихъ правильно коническая форма, кратеры, увінчивающіе вершины или расположенные сбоку склона, какъ у настоящихъ вулкановъ, высоко бросаемый во время изверженія песокъ или тихо сгруящаяся въ періодъ покоя горько-соленая вода,—все это дівлаеть ихъ хорошенькими, чисто игрушечными моделями вулкановъ.

Причина происхожденія какъ песчаныхъ, такъ и настоящихъ грязевыхъ вулкановъ однако вовсе не та, что у огнедышащихъ горъ. Скопленіе нефтяныхъ газовъ—легкихъ углеводородовъ—вызываетъ наконецъ прорывъ ихъ вдоль трещинъ горныхъ породъ, чаще всего идущихъ по гребнямъ холмовъ. Прорываясь тамъ и сямъ вдоль такихъ трещинъ, газы эти увлекаютъ за собою со страшною силою обломки камней и жидкую, подъ землею въ нефти находящуюся грязь; вылетая изъ узкихъ щелей и воспламеняясь отъ тренія, газы эти даютъ высокіе столбы пламени и производятъ ту эффектную картину изверженія, которую можно было наблюдать при изверженіи Локъ-Батана и которая повторялась и у другихъ грязевыхъ вулкановъ края.

Чудная картина развернется передъ глазами того, кто, пренебрегая лътнею жарою, рискнетъ взобраться на стънки кратера Локъ-Батана и станетъ съ ихъ вершины любоваться окрестнымъ пейзажемъ. Голая, чисто азіатская пустыня раскинулась со всъхъ сторонъ. Невысокія, бураго цвъта скалы, послъдніе отроги Кавказскаго хребта, со всъхъ сторонъ выступаютъ передъ вами. А между ними участки гладкой, ровной, какъ столъ, такой же мертвенной, обнаженной степи—покинутое дно Каспійскаго моря, отступившаго далеко къ востоку. Такія же степи и такія же скалы обрамляютъ берега этого моря и съ востока, гдъ передъ

вами развертываются контрасты яснаго голубого неба, зеленаго пънящагося моря и желто-бурыхъ, то высокихъ и скалистыхъ, то ровныхъ, только что покинутыхъ моремъ береговъ съ пънящимися бурунами... Картина уныла, мертвенна, не оживлена ни постройкой, ни зеленью, но она величественна, по своему красива и наводитъ на глубокія размышленія.

Въ царствъ нефти.

(Е. Маркова.)

Баку—городъ не только настоящаго, но и широкаго будущаго, городъ какой-то американскій, а не русскій; онъ растеть, какъ въ сказкъ, не по днямъ, а по часамъ. Возникаютъ на глазахъ новые кварталы, цълыя новыя улицы, всякіе склады товаровъ, агентства, товарищества, являются конки, газъ, водопроводъ; иностранцы-предприниматели, купцы, промышленники, техники стремятся въ него вмъстъ съ русскими и армянскими капиталистами. Словомъ, Баку дълается центральнымъ торговымъ портомъ всего восточнаго кавказскаго побережья, царящимъ вмъстъ съ тъмъ и надъ персидскимъ и надъ туркменскимъ берегами Каспія.

Съ одной стороны, это главный очагъ керосина и нефти, разливающій ихъ по всімъ странамъ Европы, Азіи, Африки, по всімъ областямъ и городамъ необъятнаго русскаго царства; съ другой стороны, это вывозной портъ въ Азію, въ русскія закаспійскія и туркестанскія владінія для товаровъ Кавказа и Россіи, и ввозный портъ для персидскихъ, индійскихъ и центрально-азіатскихъ товаровъ.

Всл'єдствіе такого выгоднаго положенія своего на перекрестк'я большихъ путей сообщенія Баку невольно является и чрезвычайно важнымъ военнымъ пунктомъ. Кавказъ и Россія черезъ него поддерживаютъ военныя сношенія съ нашими среднеазіатскими владініями.

Въ персидское владычество и при своихъ татарскихъ ханахъ Баку дъйствительно былъ всегда важною кръпостью. Высокія стъны и башни ея до сихъ поръ уцълъли на большомъ пространствъ въ самой центральной части города, окружая собою высокій холмъ, увънчанный укръпленнымъ замкомъ старыхъ хановъ.

Внутри кремля гауптвахта, русскій соборъ и множество переулочковъ съ магазинами и восточными лавочками, ведущихъ въ характерные крытые базары внизу холма. Тутъ можно найти филигранныя издѣлія изъ серебра и бирюзы очень оригинальнаго персидскаго вкуса и золотыя женскія украшенія съ разноцвѣтною финифтью замѣчательной красоты; особенно отличаются своеобразнымъ изяществомъ своей эмали и золотого чекана большія многоярусныя татарскія серыги тюльпанами и

колокольчиками. Мастера-персы торгують и работають заодно туть же въ своихъ крохотныхъ шкапчикахъ-лавчонкахъ; они постукивають молоточками на своихъ ручныхъ наковаленкахъ, раздувають свои маленькіе горны, спаивають и куютъ, на глазахъ публики, постоянно снующей мимо нихъ, постоянно зъвающей и на ихъ заманчивый товаръ, и на ихъ удивительно ловкую и терпъливую работу.

Самая нижняя башня крыпости, такъ называемая "Дывичья башня", колоссальной величины, стоить близко къ морю и обращена теперь въмаякъ.

Съ башенъ замка видны всё его кварталы и переулки, и примыкающій къ нему своими вёчно дымящими трубами "Черный городокъ", и уходящій за нимъ вдаль "Бёлый городокъ", и еще далёе далекіе Балаханы и весь широкій просторъ моря.

Ближе, у самыхъ ногъ, старинные купола соборной мечети Джума-Джаміе съ ея двумя минаретами, глиняные многочисленные купольчики общественныхъ бань и весь переплетающійся паутиною своихъ переулковъ и проходовъ татарскій базаръ... Городской бульваръ съ новенькими раскращенными бесёдками и чахлыми деревцами тянется блёднозелеными лужайками и желто-красными дорожками сейчасъ же за стёною, съ трудомъ защищая свое жалкое существованіе отъ изсушающаго дыханія бакинскаго солнца и бакинскихъ глинистыхъ горъ. Дальше видны большія красивыя зданія губернаторскаго дома, женской гимназіи и цёлые сплошные кварталы новыхъ многоэтажныхъ домовъ, гостиницъ, магазиновъ, направляющіеся къ "Черному городку".

А на другой сторонъ—на голубой скатерти совсъмъ затихшаго моря многочисленныя мачты кораблей, трубы двигающихся и стоящихъ паротодовъ, ръющіе во всъхъ направленіяхъ бълые паруса, вся оживленная сутолока лихорадочно дъятельнаго торговаго порта...

Справа портъ замыкается высокимъ Баиловымъ мысомъ, около котораго раскинулся русскій военный поселокъ съ величественнымъ бѣлокаменнымъ пятиглавымъ соборомъ и съ огромными зданіями мастерскихъ, казармъ и складовъ.

Тутъ же покачиваются на своихъ якоряхъ и внушительные военные пароходы каспійской флотиліи, съ помощью которой Каспійское море, еще недавно кишъвшее туркменскими пиратами, сдълалось теперь безопасно вполнъ. Каменный молъ длинною дугою защищаеть отъ прибоевъ открытаго моря казенный портъ, гдъ стоять эти корабли...

Оригиналенъ видъ Баку съ моря; чтобы видъть его весь, приходится отплыть довольно далеко въ открытое море.

Мы отправились. Дулъ вътеръ отъ берега, качало изрядно, и нашу большую неуклюжую лодку подбрасывало волной, какъ оръховую скорлупу. Но лодочникъ-персъ ловко справдялся въ одиночку и " ъ, который онъ поочередно перекидываль то на ту, то на другую сторону, и съ веслами, которыми постоянно приходилось помогать вътру.

Персъ говорилъ немного по-русски, и мы разговорились.

— Прежде какой Баку?.. Все равно деревня, ничего нѣть! — говориль онъ съ очевидною искренностью. — Теперь что Тифлисъ есть, то Баку есть... Каждый день базаръ, каждый день пароходъ. Купецъ много, деньга много... Человѣкъ богатый у Баку... Персъ богатый, армянъ богатый, татаръ богатый, русскій богатый... А все керосинъ, нефть, — керосинъ, нефть! Вода только нѣтъ. Вода нѣтъ, садъ нѣтъ. Садъ много есть, да далеко. Этотъ мѣсяцъ прошелъ, весь человѣкъ изъ Баку садъ ѣхалъ. Вода и тутъ есть, да глубоко... 20 сажень, 30 сажень, 40 сажень... У гора много вода, провести можно, только надо деньга...

Наконецъ мы отплыли довольно далеко въ море, и можно было окинуть теперь весь Баку однимъ взглядомъ.

Сухимъ, голымъ, безотраднымъ смотрѣлъ онъ со ступеней своего горнаго амфитеатра, такого же сухого, голаго и безотраднаго. Каменисто-глиняныя горы охватываютъ полукругомъ вдавшійся въ нихъ заливъ моря, и на скатахъ ихъ, у ихъ подножія насыпаны цѣлые ярусы, цѣлыя чередующіяся террасы плоскокрышихъ домовъ того же цвѣта, того же камня, какъ окружающія ихъ скалы. Ни одного зеленаго деревца, ни одной веселой лужайки не видно издали среди этого желтосъраго пейзажа; зато откуда-то сзади, словно изъ-подъ земли, подымаются, чуть погибаясь оть вѣтра, черные дымы безчисленныхъ трубъ.

Голыя горы, обступающія кругомъ Баку, выглядять вдвое печальнѣе отъ множества кладбищъ, ихъ покрывающихъ: персидское, татарское, армянское, еврейское и наконецъ русское кладбище—одно за однимъ, одно надъ другимъ.

Издали Баку уже не производить впечатлівнія мусульманскаго города. Ветхіе купола Джумы-Джаміе, да высоко забравшійся минареть ханской мечети незамітно тонуть среди европейских домовъ и христіанских церквей.

Хотя персовъ и татаръ живетъ еще много въ Баку, особенно внутри старой кръпости, но и они уже строятъ себъ двухъэтажные дома и магазины съ цълыми стеклами, гоняютъ пароходы съ керосиномъ и посылаютъ своихъ дътей въ русскія школы и гимназіи.

Въ новыхъ улицахъ города нѣтъ ужъ ничего похожаго на выющіеся переулочки старой крѣпости. Вездѣ массы строющихся и только что отстроенныхъ домовъ, и все большихъ, многоэтажныхъ, приспособленныхъ ко всякимъ торговымъ предпріятіямъ, вездѣ склады, магазины, гостиницы, конторы...

Дома однако не русскаго типа, а того плоскокрышаго, богатаго галлереями и окнами, который господствуетъ вездѣ въ населенныхъ европейцами восточныхъ портахъ Средиземнаго моря. Хорошія мостовыя вездѣ; вездѣ бѣгаютъ переполненныя конки, лошадныя и паровыя, движеніе народа огромное. При выѣздѣ изъ города большой красивый вокзаль паровыхъ конокъ, въ родѣ обычныхъ вокзаловъ желѣзныхъ дорогъ. Въ городѣ есть прекрасный оперный театръ, концерты всякихъ знаменитостей, всякія удовольствія. Присутствіе большихъ денегъ, дѣятельной наживы ощущается на каждомъ шагу. Ощущается это и на цѣнѣ всего. Гостиницы берутъ по-столичному: за номеръ 4, 5, 6 рублей, за самоваръ—25 коп., за свѣчу—20 коп., извозчикъ въ часъ—два рубля!

Народная толпа здёсь не только шумна и многочисленна, но и интересна. Татарки, закутанныя съ головой въ свои розовыя ситцевыя простыни, бёгають здёсь совершенно свободно по улицамъ, попадаясь толпами на каждомъ шагу, громко шлепая по камнямъ своими оригинальными желтыми калошами, надётыми на одинъ только носокъ ноги... И на многихъ мужчинахъ такія же потёшныя калоши до половнны ступни, крайне неудобныя при ходьбё и достигающія невёдомо какой цёли.

Персіяне дають свой характерь физіономіи города. Ихъ важныя ветхозав'єтныя фигуры въ широкихъ коричневыхъ мантіяхъ, въ огромныхъ
синихъ тюрбанахъ, а еще чаще въ опрокинутыхъ на затылокъ высокихъ
черныхъ смушковыхъ шапкахъ, расширенныхъ кверху врод'є камилавокъ,
видны у дверей каждаго магазина, каждой кофейни... Подъ мантію над'євается б'єлый или желтый ситцевый бешметъ, а изъ-подъ разр'єза
бешмета видн'єется цв'єтная рубаха. Такова л'єтняя одежда этихъ д'єтей юга. Р'єзко очерченныя лица ихъ, черномазыя, обрамленныя красною
бородою и красными усами, словно проклеенными смазывающей ихъ
краской, сообщаютъ еще больше парадности ихъ наружному виду.

Чтобы вид'ьть добываніе нефти, надо отправиться въ одну изъ богатыхъ нефтью оврестностей Баку, наприм'ъръ Балаханы. Хотя туда съъздить можно и по жел'ьзной дорог'ь, но мы наняли покойный фазтонъ парою туда и обратно.

Дорога въ Балаханы идетъ сначала мимо "Чернаго городка", который остается вправо, къ сторонъ моря. За "городкомъ" моря уже больше не видишь, потому что его загораживаютъ холмистые берега.

Ослики, или, по-мъстному, ишаки, съ навъшанными на нихъ по объ стороны огромными глиняными кувшинами въ деревянныхъ рамахъ, тол-пами встръчаются на пути. На иныхъ сидятъ, свъсивъ вбокъ ноги, иногда на самомъ хвостъ, татары-хозяева, нагрузившіе съдло разнымъ товаромъ.

Длиннъйшія дроги со всякими тяжестями и огромныя раскращенныя мажары или тельги, и ть и другія запряженныя четверкою здоровыхъ

коней, съ трудомъ выволакиваются изъ трясинъ, перебивающихъ дорогу въ каждой лощинкъ. Но самый распространенный мъстный экипажъ— это легкая ръшетчатая арба на двухъ громаднъйшихъ колесахъ, иногда снабженная холщевымъ верхомъ и даже раскрашенная очень ярко красными, золотыми и зелеными узорами... Впереди у нея всегда высокая скамеечка вмъсто козелъ, порою на точеныхъ столбикахъ и тоже раскрашенная. Колеса ихъ такъ велики (до трехъ съ половиною аршинъ), что подъ дрогами арбы почти всегда свободно виситъ на цъпи, не задъвая земли, большая сороковая бочка съ нефтяными остатками. Вся тяжесть арбы и бочки, людей и товаровъ, находящихся въ арбъ, лежитъ прямо на хребтъ лошади, для которой выбоины и трясины дороги чистое убійство. Верблюдовъ тутъ тоже много.

Въ разныхъ мъстахъ пришлось перевзжать множество чугунныхъ трубъ въ 2 и 3 вершка толщины, которыя безконечно длинными черными змъями ползутъ по пескамъ, сгибаясь и перепалзывая другъ черезъ друга, карабкаясь на пригорки, пересъкая дороги, направляясь отъ нефтяныхъ колодцевъ Балаханъ къ керосиновымъ заводамъ "Чернаго городка".

Ничего не можетъ быть своеобразнъе вида Балаханъ. Издали вамъ мерещится впереди частый лъсъ черныхъ пирамидальныхъ кипарисовъ, тающій въ какой-то синеватой дымкъ. Но подъъзжая ближе, вы убъждаетесь, что это вовсе не лъсъ, а цълый городъ изъ множества дымящихся трубъ, изъ многихъ сотенъ нефтяныхъ вышекъ, усъченныхъ вверху деревянныхъ пирамидъ, которыя и казались намъ издали гигантскими траурными кипарисами. Среди этого лъса пирамидъ разбросано множество прудковъ и озерокъ съ коричневою, бурою, желтою водою, насквозь пропитанною нефтяною грязью, среди плотинъ и перешейковъ, залитыхъ тою же табачнаго цвъта жидкостью.

Фантастическій, донельзя странный видъ для непривычнаго глаза представляеть эта площадь тъсно набитыхъ другъ на друга черныхъ вышекъ, черныхъ трубъ, черныхъ строеній. Все здъсь пропитано нефтью, прокопчено дымомъ: вода, деревья, дома, люди, одежды, все тутъ черно или буро.

Мы медленно двигались среди прудковъ и ручьевъ, полныхъ, какъ лампа масломъ, густой и жирной буро-зеленой жидкостью, среди безпорядка наскоро сооруженныхъ построекъ.

Прежде всего мы посътили бакинскій нефтепроводъ, принадлежащій товариществу четырехъ капиталистовъ, устроенный со всьми новъйшими приспособленіями. Въ огромныхъ каменныхъ корпусахъ отчаянно работаютъ, тяжко дыша и торопливо ворочая свои стальные поршни, громадные паровые насосы. Проходя къ нимъ, вы неминуемо должны пройти черезъ широкіе коридоры кочегарни, гдъ съ двухъ сторонъ сверкаютъ на васъ,

опаляя вамъ лицо, докрасна раскаленныя, круглыя заслонки, прикрывающія жерла печей. Ихъ темный чугунъ сквозить теперь огнемъ и кажется прозрачнымъ какъ стекло.

Паровыхъ насосовъ такой силы, кажется, нётъ на другихъ нефтепроводахъ. Они гонятъ по трубамъ по 6.000 пуд. нефти въ одинъ часъ на разстояніи 12-ти версть, до заводовъ "Чернаго городка". Нефть поступаетъ подъ насосы изъ громадныхъ герметически закупоренныхъ желёзныхъ круглыхъ башенъ. Каждая изъ нихъ можетъ вмёстить до 175 и 200 тысячъ пудовъ. Въ башни эти нефть гонится изъ источниковъ небольшими насосами, а изъ башенъ уже поступаетъ подъ большіе насосы пріемной станціи и перекачивается отгуда въ "Черный городокъ", на особую "раздаточную станцію" товарищества. Гонится туда не только собственная нефть товарищества, но и изъ многихъ чужихъ источниковъ, не имъющихъ собственныхъ нефтепроводныхъ станцій.

Добываніе нефти производится въ вышкахъ.

Неприглядное эрвлище представляють вблизи эти вышки: все кругомъ нихъ завалено горами песку, изрыто канавами, въ которыхъ течеть буро-зеленая жидкость, покрытая желтою прною. Она быстро струнтся въ ямы, назначенныя для ея храненія. Только очень небольшая часть этихъ ямъ выложена камиемъ и способна хотя несколько сберечь оть напрасной потери драгоценную горючую влагу. Въ огромномъ же большинстве случаевъ нефть стекаетъ въ простыя глиняныя ямы, вырытыя среди валовъ песка. Эти горы песку навалены нефтяными фонтанами, фонтанами налиты эти озера нефтью. Они неузнаваемо изменяютъ поверхность почвы, среди которой начинають действовать.

Когда мы вошли внутрь такой вышки, гдв биль фонтань, мы увидвли столов коричневых струй и брызгь, поднимавшійся изъ торчавшей въ землів желівной трубы. Онъ сразу обдаль насъ своимъ маслянистымъ теплымъ дождемъ и хватиль еще далеко позади насъ, подхваченный налетівшимъ вітромъ. Этотъ горячій дождь собирается на днів вышки и по канавкамъ стекаеть въ сажалки, рвы и всевозможныя углубленія почвы. Нефть выбрасываеть съ собою изъ глубинъ земныхъ много песку, воды. Внутри вышки все каплеть и сочится нефтью, все прокопчено ея цвітомъ, ея запахомъ.

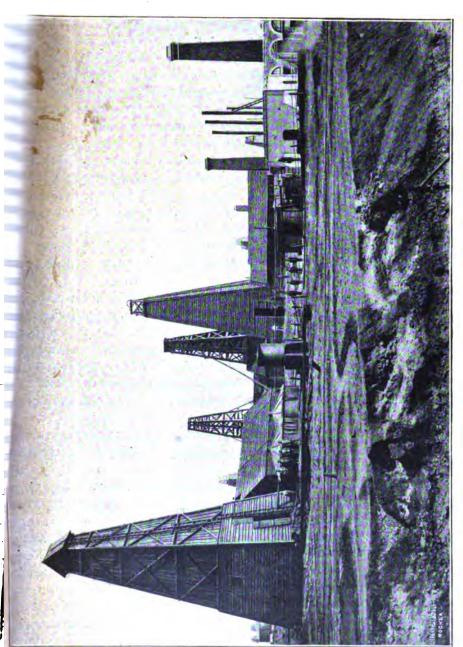
Фонтаны быють изъ большой глубины и потому поднимаются иногда очень высоко, постоянно обдавая своими брызгами бревенчатый скелеть вышки и ея дощатую общивку. Фонтанъ, который намъ показывали, инветъ 103 сажени глубины. Оставалось докопаться до него еще 45 саженъ, когда онъ самъ вдругъ вырвался наружу, подбросивъ будто горсть песку эту сорокапятисаженную пробку, разбивъ ею въ прахъ все, что было крутомъ, и засыпавъ землянымъ обваломъ работавшія надъ нимъ лебедки и парозвую машину, которыя и теперь еще торчатъ наполовну изъ-подъ земли.

Въ другой вышкъ мы смотръли, какъ производится такъ называемое "тартаніе". Фонтанъ, прежде бившій здісь, уже замеръ (давъ, впрочемъ, за время своего дъйствія ни болье, ни менье какъ 17 милліоновъ пудовъ нефти), и нефть нужно теперь искусственно вытягивать изъ трубы. Дълается это очень просто. Наверху вышки устроенъ колесо-блокъ. Съ помощью его одинъ рабочій на лебедкъ, управляемой паровою машиною, опускаеть въ трубу такъ называемую "желонку", — длинный мъдный цилиндръ съ клананомъ вмъсто дна; клананъ открывается вверхъ, поэтому нефть, наполняющая трубу, свободно входить черезь него въ 🕽 цилиндръ, когда тотъ опускается внизъ; когда же цилиндръ поднимается, то тяжесть набравшейся въ него нефти сама собою запираетъ сейчасъ же клапанъ, и нефть остается въ цилиндръ. Вытащивъ желонку, рабочій стукаеть ее дномъ о землю, клапанъ опять поднимается, и нефть быстро вытекаеть изъ цилиндра. Она собирается или въ канавы, или въ особый бассейнъ, по обыкновенію окружающій трубу. Нефть никогда не получается чистою, а всегда съ водою, пескомъ и разными примъсями, почему она и кажется бурою.

Очень интересно первоначальное буреніе скважины, на которомъ намътоже удалось побывать. Вышка собственно и устраивается для буренія. Надъ предположеннымъ мъстомъ будущаго колодца строять изъ толстыхъ бревенъ высокую сквозную башню, суживающуюся кверху; къ ней пристранвають сарай для паровой машины, лебедки и разныхъ другихъ орудій. Подъ срединою вышки выкапывають узкую яму и вставляють туда жельзную трубу вершковъ 8 въ поперечникъ. Надъ трубой вышають тяжелое стальное долото на цени, перекинутой черезъ верхній блокъ и намотанной другимъ концомъ на лебедку. Долото это опускается внутрь трубы и начинаетъ ворочаться и долбить твердую почву. Когда труба вся уйдеть въ землю, то къ ней приклепывають сверху другую такую же, для чего во всехъ коленахъ трубы заранее приготовлены необходимыя отверстія для заклепокъ. Другая труба постепенно опускается вследъ за первою, по мере работы долота, третье колено прикладывается ко второму, и такъ идеть дальше и дальше, на сто, на помтораста, на двъсти саженъ въ глубь, пока не достигнется нефтяной пласть. А чтобы и само долото могло опускаться на ту же глубину, какъ и трубы, внутри которыхъ оно должно работать, къ нему сверху постоянно навинчиваются длинныя жельзныя штанги, сначала потолще, потомъ все тоньше и тоньше; особый работникъ все время стоить надъямою, на внутреннихъ балкончикахъ вышки, перемъщаясь то ниже, то выше, по мере углубленія трубы, чтобы безостановочно навинчивать другь на друга эти штанги, выбирая ихъ изъ запаснаго гитэда туть же у него подъ рукою. Digitized by GOOGLE

Во время внезапныхъ взрывовъ фонтановъ всв трубы, штанги, цепи,

Digitized by Google

блоки нерѣдко выбрасываются Богь знаеть на какую высоту и въ какую даль вмѣстѣ съ огромными камиями, вылетающими изъ глубни земной. Нефтяные колодцы — это уже совсѣмъ обезсилѣвшіе прежи фонтаны. Изъ нихъ однако продолжаютъ доставать нефть иногда очень долго, по многу лѣть сряду. Прежде глубина ихъ была меньше, но съ вкаждымъ годомъ она увеличивается и теперь доходитъ большею часты до 150, вногда же и до 200 саженъ и болѣе, но это очень рѣдко. Тоз в щину самаго слоя нефти въ колодцахъ опредѣлить трудно. Столбъ ея бы ваеть иногда до десяти саженъ высоты, иногда до нѣсколькихъ вершковъ

Воздухъ вышевъ и сараевъ, стоящихъ надъ колодцами и фонтанами весь насквозь пропитанъ испареніями нефти. Одна искорка огня, и всі можетъ взлетъть на воздухъ—люди, строенія и машины. Поэтому здъсі строго запрещается курить, и все освъщеніе — электрическими лампы ми. Несмотря на ежеминутно грозящую опасность, рабочіе на скважю нахъ получаютъ довольно умъренное вознагражденіе. Цъну на ниху больше всего сбили персы, довольствующіеся всякимъ грошомъ. Они—самые дешевые и самые распространенные рабочіе Закавказья. Здъсь они получаютъ 15 руб. въ мъсяцъ на своихъ харчахъ, имъя отъ владъльца скважины только казарму для жилья.

Русскихъ рабочихъ пока очень мало въ Баку, да и какіе есть, появились только недавно. Они и за поденную работу получають здъсц
на скважинахъ двойную плату противъ персовъ. Татары тоже много понятливъе персіянъ. Оттого всъ болье важныя должности рабочихъ заняты теперь въ Балаханахъ татарами. Рабочихъ здъсь требуется громадное количество, потому что скважины растутъ ежедневно, какъ грибы, а добыча нефти происходитъ безостановочно днемъ и ночью, перемънными артелями рабочихъ.

Балаханы—теперь многолюдный городокъ, снабженный всёмъ, что требуется. Туть и желёзная дорога, и телеграфъ, и телефонъ, и клубъ, и всякія лавки, и даже извозчики.

Следующій день мы всецело посвятили осмотру нефтяных заводовъ. Мы выехали рано и очень скоро добрались до Чернаго городка. Онъ тянется версты на 3 или 4 вдоль берега моря, съ северной стороны Баку, и уже успель почти совсемъ слиться съ нимъ. Странное впечатление производить этотъ сплошной городокъ заводовъ. Обыкновенных домовъ вы въ немъ почти не видите. Кругомъ васъ со всёхъ сторонъ толпятся многочисленныя черныя и серыя круглыя башни, съ железными стенами, железными крышами, железными стредами гро моотводовъ. Иныя изъ этихъ башенъ— узкія и высокія, съ железными лесенками снаружи, словно дозорныя башни, охраняющія входъ въ кре пость. И действительно, вся эта тесная кучка железныхъ башенъ вмёсте со стоящими рядомъ плоскокрышими каменными блокгаузами без;

рконъ, закопченными дымомъ, съ высокими черными трубами,—все это обнесено кругомъ каменными ствнами и смотритъ настоящимъ укрвплети ніемъ. Несколько сотъ такихъ укрвпленій стеснились здесь на берегу моря. Въ дополненіе картины запасныя разветвленія железнодорожныхъ рельсовъ, въ 10 и 12 параллельныхъ рядовъ, загромождены множествомъ вагоновъ-цистернъ.

Ближе къ Балаханамъ, на самомъ дальнемъ краю Чернаго городка, находятся заводы Нобеля. Желёзныя круглыя башни ихъ нефтяного депо эффектно возвышаются на вершинъ прибрежнаго холма тъсною группою огромныхъ бълыхъ шатровъ, по которымъ издали всякій узначетъ "Нобелевъ городокъ". За нимъ виднъются дальше по берегу моря заводы Шибаева, Каспійско-Черноморскаго товарищества (или, върнъе, Ротшильда) и другіе. Это уже "Бълый городокъ" въ отличіе отъ дернаго. Городокъ заводовъ не даромъ названъ былъ Чернымъ. Въ недавнее еще время все, что жило въ этомъ гнъздъ дыма и копоти, дъвалось неминуемо чернымъ, какъ сажа: люди и вещи, звъри и птицы. Но послъ были придуманы высокія трубы, отводившія дымъ въ верхніе слои воздуха. Новъйшая группа заводовъ уже по праву заслужила свое бълое имя.

Мы остановились у большого каменнаго дома конторы завода Нобеда; отыскавъ главнаго представителя конторы, я вручилъ ему свою карточку и просилъ позволенія осмотръть заводы подъ чьимъ-нибудь руководствомъ. Толпа дълового народа наполняла обширныя комнаты конторы, гдъ производились всякіе справки и расчеты. Черезъ нъсколько
винутъ явился управляющій заводомъ. Онъ вызвался самъ показать и
объяснить намъ въ послъдовательности весь ходъ заводскихъ работъ.

Прежде всего посттителя поражають удивительная чистота, порядокъ 짜 и отсутствіе суеты во всіжь этихь громадныхь и многочисленныхь заве-🗚 деніяхъ, составляющихъ изъ себя цёлый отдёльный городокъ. Тутъ однихъ рабочихъ 800 человъкъ, а вы ихъ почти не видите и не слышите. Ка-🖚 ждый знаетъ свое дізло, каждый у своего мізста. Всякая подробность за-📭 водскихъ процессовъ такъ обдумана и прилажена, что дѣло двигается го словно само собою, безостановочно, дружно, безшумно, какъ колеса хорошо устроенныхъ часовъ. Вездъ, гдъ было возможно, механическое ириспособление замънило тяжелый трудъ человъка, и вездъ, гдъ возв можно было упростить и улучшить, улучшено и упрощено. И почти всъ эти упрощенія и улучшенія, всв остроумные способы замвиять живого 🖟 теловъка машиною были изобрътены самимъ Нобелемъ. Нобель первый і вель у насъ перекачиваніе нефти по трубамъ нефтепровода изъколодјевъ въ заводы, такъ же какъ железныя хранилища нефти и керосина. чобель первый изобръль и завель у себя наливные пароходы и баржи, врвый выстроиль цвлую армію вагоновъ-цистернъ для перевозки нефтяныхъ продуктовъ по желъзнымъ дорогамъ, въ то время, когда еще сама Америка не знала другихъ способовъ перевозки нефти по морямъ и сушъ, какъ простыя бочки.

Каждый служащій на заводъ является въ извъстной мъръ его найщикомъ, то-есть получаетъ, кромъ жалованья, назначенный ему процентъ съ дохода; чрезъ это всякій рабочій дізлается нізкоторымъ образомъ заинтересованнымъ въ успъшномъ ходъ завода и мало-по-малу привыкаетъ считать его действительно "своимъ" заводомъ. На заводе устроены и общая столовая для холостыхъ служащихъ, и бильярдъ, и кегли, и библіотека, и школы для детей, и аптека, и пріемный покой, и 24 кровати въ больницъ, и сберегательная касса, и линейки для даровыхъ разъъздовъ но заводамъ, и пароходъ для даровыхъ поездовъ въ городъ, и даровой ежедневный привозъ изъ Астрахани всехъ необходимыхъ продуктовъ по оптовой центь. Рабочіе, постигнутые какими-нибудь несчастіями, и ихъ семьи получають денежныя пособія и пожизненныя пенсін; въ настоящее время у него до 30 такихъ пенсіонеровъ. На однъ награды служащимъ своего завода онъ ежегодно расходуетъ, словно любое министерство, до 180.000 руб. А сколько служащихъ на заводъ, можно судить по тому, что однихъ только получающихъ жалованья болъе 1.500 руб. въ годъ считается на заводъ 120 человъкъ!

Собственно говоря, смъщно называть заводомъ этотъ цълый Нобелевскій городовъ, въ которомъ сосредоточены многіе разнообразные заводы и который занимаетъ собою пространство въ 35 десятинъ, не считая 23 десятинъ, занятыхъ нефтяными колодцами Балаханъ.

Нобель все стремился къ такому усовершенствованію заводскихъ процессовъ, при которомъ ничто бы не терялось даромъ, а все служило источникомъ дохода. Черезъ это онъ попутно основалъ при своемъ керосинномъ заводъ пълый рядъ побочныхъ самостоятельныхъ производствъ, необходимыхъ для его главной пъли.

Нефть, прибывающая по нефтепроводу изъ Балаханъ въ пріемную станцію, особыми насосами толкается оттуда въ первый очистительный заводъ. Но чтобы не тратить на ея согрѣваніе слишкомъ много топлива, а съ другой стороны, чтобы охладить дешевымъ способомъ такъ называемый "мазутъ", или нефтяной деготь, стекающій по трубамъ совсѣмъ горячимъ, какъ ненужный остатокъ при выработкъ керосина, заставляютъ сначала притекающую нефть соприкасаться съ горячими трубами мазута, чѣмъ въ одно и то же время достигаютъ двухъ цѣлей—нагрѣванія нефти и охлажденія мазута.

Въ первомъ очистительномъ заводъ происходитъ только умъренное нагръваніе нефти посредствомъ девяти паровыхъ цилиндровъ; наиболъе легкіе газы, какъ газолинъ и др., выдъляются здысь изъ нея и по верхнимъ трубамъ уходятъ въ заводъ, гдъ приготовляется бензинъ, самое

легкое и самое легковосиламеняющееся вещество изъ всъхъ горючихъ продуктовъ нефти. Болъе же тяжелыя составныя части нефти, изъ которыхъ долженъ получиться керосинъ, переливаются по нижнимъ трубамъ изъ этого перваго завода во второй. Тамъ уже не 9, а 42 паровыхъ цилиндра и нагръваніе болъе сильное. Чтобы не производить взрыва, паръ пускается въ паровики предварительно нагрътый до 200°. Страшно двигаться съ непривычки мимо этихъ многочисленныхъ огнедышащихъ жерлъ, гдъ толстые чугунные котлы, раскаленные пламенемъ, кажутся какими-то сквозными хрустальными кружками нъжнаго огненно-краснаго цвъта. Топка производится "салоровымъ" масломъ, получаемымъ тутъ же

Пожаръ въ Черномъ городъ.

на заводѣ въ числѣ нефтяныхъ отбросовъ; оно льется постепенно само собою въ горячія печи изъ невидимаго намъ хранилища, и рука человѣка нигдѣ не прикасается ни къ печи, ни къ топливу. Длинные коридоры, гдѣ раскаляется столько котловъ и бушуетъ столько пламени, остаются безмолвными и безлюдными, сверкая въ полутъмѣ рядами сво-ихъ огромныхъ кроваво-огненныхъ глазъ... При этой разумной механической системѣ на 14 паровиковъ полагается всего одинъ истопникъ, чѣмъ достигается точно такъ же, какъ и собственнымъ топливомъ, значительное удешевленіе производства.

Газы, получаемые здъсь, уже тяжелье первыхъ; они перегоняются с по трубамъ въ третье отдъление завода, гдъ имъ предстоить обратиться

въ жидкость. Для этой цвли устроено цвлое громадное грандіозное сооруженіе. Морская вода особыми насосами накачивается въ громадный резервуаръ, или скоръе въ искусственный прудъ, насосами же подинмается оттуда высоко наверхъ и оттуда льется потоками на частую систему трубъ, по которымъ проходять награтые газы... Ежедневно расходуется на эту процедуру до 2 милліоновъ ведеръ воды. Газы охлаждаются и въ третьемъ отдъленіи завода выливаются въ видь жидкостей разнаго цвъта и плотности изъ своихъ трубъ въ особые желъзные закрома, разделенные продольными перегородками на несколько отделеній. Опытные рабочіе стоять около этихь закромовь и направляють краны трубъ то въ одно отделеніе, то въ другое, смотря по плотности и цвету жидкости, которую они ежеминутно черпають и испытывають ареометромъ въ особыхъ черпакахъ на длинныхъ рукояткахъ. Тутъ получаются въ одно и то же время самые разнообразные горючіе продукты: разные сорта керосина, салоровое и другія масла. Вещества эти всв однако смъшаны здёсь съ водою, такъ что въ отделеніяхъ закромовъ вода собирается внизу, а болъе легкій керосинъ и масла наверху ея. Отворяя верхнія отверстія, дають керосину стекать въ особыя трубы, а водаудаляется послів чрезъ нижнія отверстія. Отсюда керосинъ поступаетъ уже въ очистку отъ цвътныхъ и всякихъ другихъ примъсей. Съ этою цёлью устроенъ большой особый заводъ для добыванія сёрной кислоты.

Сърная кислота, примъшиваясь къ керосину, очищаеть его отъ цвътныхъ примъсей, но ее самое необходимо удалить изъ веросина. Для этого подсыпають въ керосинъ натръ, съ которымъ кислота неудержимо соединяется въ сърновислую соль натра, осаждающуюся въ видъ твердаго порошка. Цізлый рядъ башенъ-мізшалокъ устроенъ съ этою цізлью сейчасъ же за сърнымъ заводомъ. Мы входили по желъзнымъ лъсенкамъ наверхъ этихъ башенъ и сквозь отверстія крыши любовались водоворотами и брызгами керосина, клокочущаго, какъ пучина ада. Способъ мъщать натръ съ керосиномъ посредствомъ сильнаго притока воздуха изобрѣтенъ также самимъ Нобелемъ. Могучіе насосы гонятъ чрезъ особыя трубы воздухъ въ башни-мъщалки, и этотъ воздухъ заставляеть півниться, волноваться и клокотать налитыя въ башни массы керосина. Освобожденный оть стрной кислоты, а вытесть съ тымъ обездвъченный, керосинъ стекаеть по трубамъ въ особое помъщение, гдъ онъ отстаивается и перекачивается затымь въ резервуары, откуда уже прямо поступаеть для продажи на желёзную дорогу и пароходы, а остающійся на дніз мізшалокъ сізрнокислый натръ поступаеть въ свою очередь на содовый заводъ, гдъ съ помощью хлористаго кальція его обработывають въ углекислый натръ, т.-е. обыкновенную соду.

Мы осмотръли и способъ наливки керосина въ вагоны-цистерны. Мно-

жество трубъ вспалзываютъ на высокую сквозную платформу и свъщиваются съ нея внизъ своими кольнчатыми концами. Съ помощью ихъ подвигаемые снизу по рельсамъ вагоны-цистерны наливаются чрезъ верхнія свои устья; въ 12 минутъ наполняется цілый вагонъ.

Заводъ имъетъ свою собственную жельзную дорогу, идущую съ одной стороны до морской пристани, съ другой—до Бакинско Батумской жельзной дороги, на которую прямо въъзжаютъ ея готовые поъзда вагоновъцистернъ, полныхъ керосиномъ.

Кром'в керосиновыхъ, есть заводы различныхъ маслъ, более тяжелыхъ, чемъ керосинъ.

Бензиновый заводъ, хотя въ общемъ устроенъ такъ же, какъ керосиновый, имъетъ нъкоторыя свои особенности. Прежде всего доступъ въ него строго воспрещенъ. Онъ обнесенъ особенною каменною стъною, и тамъ зорко слъдятъ, чтобы никто изъ входящихъ не курилъ и не зажигалъ огня ни подъ какимъ предлогомъ. Освъщеніе здъсь только электрическое, да и то устроено не внутри завода, а снаружи, за стеклами оконъ. Такъ боятся взрывовъ въ этомъ воздухъ, наполненномъ однимъ изъ самыхъ летучихъ и самыхъ быстро-воспламеняющихся газовъ. Какъ ни разумно устроено все на этомъ заводъ, какъ ни внимательно слъдитъ за порядкомъ здъшняя администрація, но въ этомъ громадномъ очагъ всякихъ горючихъ веществъ, разумъется, невозможно уберечься отъ неожиданныхъ несчастій, и случаи взрывовъ и увъчья здъсь, конечно, бываютъ. Какъ-то лопнула, напримъръ, труба и убила взрывомъ газа до пятнадцати человъкъ рабочихъ и любопытныхъ зрителей.

Послъ осмотра бензиноваго завода мы попросили показать намъ жилища рабочихъ. Они помъщались въ особомъ дворъ, съ особыми воротами, которыя мы нашли запертыми на ключь, въроятно потому, что хозяева квартиръ были всв на работв. Чистота и порядокъ въ дворв и жилищахъ были образцовые. Крытыя галлереи выходять на вымощенный дворь, служа очень удобнымъ лътнимъ помъщеніемъ для своихъ хозяевъ, особенно для дътей. На дворъ фонтанъ съ водою и резервуаръ для салороваго масла, которое служить топливомъ. Хозяйкъ не нужно никуда ходить: ни за водою, ни за дровами-все у нея подъ рукою. Каждый семейный рабочій имъеть особую комнату, достаточно просторную, свътлую и убранную очень опрятно. Сейчась у входа врошечная экономическая печь для кухни, въ которой все приспособлено къ быстрому и удобному приготовленію. Салоровое масло само течеть въ печь изъ особаго резервуара на ствикв. Въ глубинв комнаты спальня хозяевъ, почти у всъхъ разукрашенная занавъсками, пологами, картинками. У старшихъ рабочихъ по двъ комнаты-жилая и кухня, и убранство еще бол приличное и красивое. Харчи всв рабочіе имъють отъ себя. Желове они получають отъ 18 до 12 руб. въ мъсяцъ. Очень многіе получе

отъ 18 до 60 руб. въ мѣсяцъ, но есть и такіе, особенно на механическомъ заводѣ, которые вырабатываютъ по 4 руб. въ день, работая издѣльно. Работы на заводахъ продолжаются непрерывно день и ночь. Одить артели смѣняютъ другія. Рабочій день для всѣхъ—10 часовъ. Даже въ первый день Свѣтлаго праздника работы не останавливаются; но тогда христіанъ замѣняютъ персами и татарами.

У персидской границы.

(Динника.)

Черезъ двое сутокъ послѣ отъѣзда изъ Петровска мы увидѣли съ западной стороны, вдали на горизонтѣ, узкую свѣтло-синюю или свѣтло-фіолетовую зубчатую полоску. Это было давно ожидаемое мною Ленкоранское побережье и находящійся верстахъ въ 35-ти отъ него гребень Талышскаго хребта. Нашъ пароходъ довольно быстро подвигался, мощно разсѣкая пѣнящіяся волны, которыя чудно блестѣли и искрились вълучахъ полутропическаго солнца.

Съ дальнъйшимъ приближеніемъ парохода въ Ленкорани видъ на ея окрестности становился все болье и болье живописнымъ и интереснымъ, тавъ какъ съ каждой проходимой пароходомъ верстой горы, а частью и берегъ обрисовывались ясные и ясные и на нихъ выступали все новыя и новыя подробности. Наконецъ, когда до берега оставалось верстъ 7—8, то уже ясно обрисовались прибрежная полоса и подножье горъ, покрытое сплошными лысами. На вершинахъ можно было уже отличать группы скалъ и горные луга. Между зелеными кронами деревьевъ, растущихъ на берегу, начали показываться крыши ленкоранскихъ домиковъ.

Въ первомъ часу дня нашъ пароходъ бросилъ якорь въ полуверстъ отъ ленкоранскаго берега. Черезъ нъсколько минутъ онъ былъ окруженъ множествомъ баркасовъ и лодокъ, хозяева которыхъ, черные, загорълые персіяне и татары, торопились изо всъхъ силъ захватить себъ пассажировъ, отправлявшихся въ городъ, и ихъ багажъ. Конечно, здъсь, какъ и вездъ на востокъ, это никакъ не могло обойтись безъ такого страшнаго крика и брани, что легко было принять этихъ людей за пиратовъ, напавшихъ на пароходъ и ръшившихся ограбить его.

При ближайшемъ знакомствъ Ленкорань оказалась еще болъе привлекательной, чъмъ издали. На всъхъ ея дворахъ и улицахъ красовались въковыя деревья различныхъ сортовъ. Необыкновенно красиво растетъ здъсь особый видъ клена съ пестрыми листьями, имъющими пластинку часто не менъе фута въ діаметръ и черешокъ въ ¹/₂ аршина длиною. Неръдко деревья противоположныхъ сторонъ улицы или проти-

воположныхъ дворовъ и садовъ сходятся своими вершинами и образуютъ сплошной зеленый сводъ, покрывающій всю улицу. Гранаты, инжиръ или смоковницу, мушмулу и виноградъ здёсь можно найти почти въ любомъ дворъ, при чемъ виноградъ обвиваетъ многіе дома и заборы снизу доверху. Здёсь же растеть въ дикомъ состоянии много гледичий съ огромными вътвестыми колючками, каштанолиственный дубъ съ крупными листьями, липы, пирамидальные тополи и т. д., не говоря уже о множествъ фруктовыхъ деревьевъ, каковы: яблони, груши, сливы и черешни. Почти всё эти деревья растуть и въ ближайшихъ окрестностяхъ Ленкорани. Больше всъхъ этихъ растеній обращають на себя вниманіе гранаты, которые образують містами сплошныя заросли и усівяны въ теченіе значительной части літа такимъ множествомъ крупныхъ огненно-красныхъ цветовъ, что издали сами кажутся красными. Плоды гранать употребляются адъсь въ пищу въ свъжемъ видъ, на щи; изъ нихъ же приготовляють и квасъ. Только узкая полоска ленкоранскаго побережья, граничащая непосредственно съ моремъ, имъетъ болье или менье пустынный характерь и представляеть рядъ валовь изъ крупнаго чернаго песка. Въ полуденные часы онъ нагръвается солнцемъ такъ сильно, что ступить на него босой ногой невозможно, а ходить и въ сапогахъ очень непріятно.

Ленкорань находится въ 30-ти верстахъ отъ персидской границы, почти подъ одной широтой съ берегами Алжира и, за исключеніемъ Мерва, юживе всвув городовъ Россіи. Кромв того, она расположена на 30 метровъ ниже уровня моря. Изъ всего этого нельзя не заключить, что Ленкорань должна имъть климать довольно жаркій. Средняя годовая температура ея равняется + 14,8° С., т.-е. выше, чёмъ въ любомъ русскомъ городъ. Средняя температура іюля $+25,9^{\circ}$, а января +3,6°. Климать Ленкорани быль бы еще жарче, если бы не умърялся вътрами, дующими съ одной стороны съ моря, а съ другой-съ Талышскаго хребта. Благодаря последнимъ, въ Ленкорани по вечерамъ даже въ іюнъ бываеть настолько прохладно, что приходится надъвать легкое суконное платье, въ полуденные же часы, особенно отъ часа до трехъ или четырехъ, лътомъ солнце жжетъ очень сильно. Въ лътнее время дожди въ Ленкорани крайне ръдки, наоборотъ зимою, напримъръ въ декабръ, количество выпадающаго дождя бываеть очень велико. Всъ осенніе місяцы также отличаются очень частыми и обильными дождями.

Дичи, особенно водной птицы, здёсь масса.

Въ устьяхъ Ленкоранки бакланы сидятъ по цёлымъ днямъ стаями штукъ въ 200—300, выстраиваясь въ довольно правильные ряды вдоль берега моря или ръчки, которая въ этомъ мъстъ течетъ очень медленно, имъетъ небольшую глубину и ширину шаговъ въ 10—20. Каждый изъ баклановъ отдыхаетъ здъсь, сидя на берегу, часъ-другой, потомъ уле-

таетъ саженъ за 100—200 въ море, опускается тамъ, наполняетъ рыбой свой желудокъ и снова возвращается на берегъ. Множество часкъснуютъ взадъ и впередъ по воздуху. Чайка-хохотунья, повидимому, любитъ общество баклановъ и часто подолгу сидитъ въ одномъ ряду съ ними на берегахъ ръчки или моря.

Въ дътнее время окрестности Ленкорани настолько же бъдны болотной итицей, насколько богаты ею зимой. Зимою масса итицъ живетъ здась по всамъ лужамъ, болотцамъ, камышевымъ зарослямъ, кустариикамъ и т. д. Море въ тихую погоду кажется иногда темнымъ на пространстве въ полверсты отъ берега вследстве огромнаго количества птицъ, сидящихъ на его поверхности. Такое скопленіе пернатой дичи вполив понятно, такъ какъ ленкоранскій берегь представляеть въ высшей степени удобную для птицъ зимнюю стоянку, на которую онъ слетаются съ съверо-востока Европы, съвера Азін, а также со многихъ озеръ-Средней Азіи, какъ, наприм'връ, Балхаша, Зайсана и т. д. Съ ленкоранскимъ побережьемъ въ этомъ отношеніи конкурируетъ Кизиль-агачскій заливь, находящійся вблизи устьевь Куры. Здівсь, какъ въ дельтахъ вськъ большихъ рекъ, находится множество острововъ, косъ, болотъ, небольшихъ озеръ и изобиліе самаго разнообразнаго пищевого матеріала. Все это въ связи съ очень теплой зимой должно также привлекать очень большое количество птицъ. Заливъ получилъ свое названіе "Кизильагачъ", означающее красное дерево или красная палка, отъ множества краснокрылыхъ фламинго, прилетающихъ сюда на зиму съ соленыхъ озеръ Азіи. Когда эти птицы стоять длинными вереницами вдоль береговъ залива, то ихъ ярко-красныя высокія ноги и длинныя розовыя шеи издали напоминають ограду или решетку изъ вертикально стоящихъ палокъ, окрашенныхъ въ красный цвътъ. Лътомъ ни въ окрестностяхъ Ленкорани, ни на Кизиль-агачскомъ заливъ нельзя увидъть ни одного краснокрыла.

Огромное воличество водяной птицы, а въ особенности утокъ разныхъ видовъ, ловятъ здёсь сётями исключительно ради перьевъ и пуха, отправляемыхъ за границу. Поэтому зимою въ Ленкорани можно вупить сколько угодно ощипанныхъ утокъ по 5—6 коп. за штуку, тогда какъ въ перьяхъ ихъ почти не продаютъ. Вообще на ленкоранскомъ побережь взимою истребляется людьми безчисленное множество птицъ, почему количество ихъ въ последние годы стало сильно уменьшаться. Вмъстъ съ болотной и водяной птицей сюда слетаются на зиму цёлыя стада хищниковъ. Кромъ хищниковъ, множество водяныхъ и болотныхъ птицъ, здёсь же зимуютъ безчисленныя стада скворцовъ, дроздовъ, щурокъ и различныхъ мелкихъ птичекъ.

Устье Ленкорани кишитъ черепахами. Въ нъкоторыхъ мъстахъ по берегамъ лужъ и ръчныхъ протоковъ черепахи сидятъ пратыми десят-

ками, если не сотнями, при чемъ однѣ изъ нихъ располагаются на сумъ, другія же погружены въ воду и выставляють изъ нея только свою голову. Очень часто онѣ держатся въ лужахъ съ самой скверной, вонючей водой, и потому тѣло ихъ пріобрѣтаетъ отвратительный болотный запахъ. Въ этихъ же мѣстахъ попадается очень много молодыхъ черенахъ длиною отъ $1^{1}/_{2}$ до 2 дюймовъ. Такъ какъ ихъ часто преслѣдуютъ птицы, то онѣ рѣдко выходятъ на открытыя мѣста, а живутъ по преямуществу въ лужахъ и болотахъ, сильно заросшихъ.

Послів осмотра ближайшихъ окрестностей Ленкорани я отправился на Талышскій хребеть, который составляеть, какъ извістно, границу Россіи съ Персіей. Часовъ въ 8 утра мы выбхали изъ Ленкорани. Дорога наша на протяжени версть 15-ти тянулась по равнинъ, вдоль берега Ленкоранки, и безпрерывно переходила съ одной стороны ея на другую. По бокамъ дороги всюду видивлись лівса, рощи и заросли кустарниковъ, раздъленные болье или менье значительными полянами; что касается самыхъ береговъ ръчки, то они были завалены грудами голышей, принесенныхъ ею съ Талышскаго хребта и состоящихъ изъ вулианическихъ породъ, а также сланцевъ и песчаниковъ. По мъръ приближенія къ горамъ все чаще и чаще попадались вблизи дороги рисовыя поля, имінощія видь очень правильных ввадратных площадокъ, окаймленныхъ невысокими валиками и расположенныхъ для удобства орошенія одна немного выше другой. Чівмъ дальше удалялись мы отъ берега моря, тамъ большія и большія пространства захватывали густые лъса. По берегамъ ръчки въ сторонъ отъ нея росло много ольки, которая достигаеть здёсь часто огромныхъ размёровь, а также вербы; по полянамъ и опущкамъ лісовъ всюду видивются гранаты, боярышникъ, виноградъ, ожина и очень много гледичій, которыя нер'ядко сплошь поврывають довольно значительныя пространства какъ внизу, у подножья горъ, такъ и на склонахъ ихъ. Очень часто встречается здесь такъ называемое жельзное дерево, жемчугь-агачь по-туземному, замъчательное во многихъ отношеніяхъ. Это дерево растеть крайне медленно, достигая льть въ 150 одного фута въ діаметръ, имъеть поэтому крайне мелкія, видимыя только въ лупу, годичныя кольца и въ высшей степени твердую, тяжелую, красноватую древесину. Кора на немъ гладкая, свътло-сърая, а листья овальной формы и средней величины. Растеть она вмёстё съ дубомъ, грабомъ, кленомъ у подножья горъ и только изръдка попадается въ горахъ, не подымаясь выше 600-700 фут. надъ уровнемъ моря. Къ замъчательнымъ особенностямъ этого дерева относится частое срастаніе двухъ или несколькихъ деревьевь, а также ихъ ветвей. Замътимъ, что срастаются они въ большинствъ случаевъ такъ сильно, что ихъ невозможно раздълить. Древесина жельзнаго дерева даетъ прекру ный, съ металлическимъ звономъ, уголь и хорошій матеріалъ для

карныхъ и столярныхъ работъ. Ясень встръчается сравнительно ръдко, а гораздо чаще дубъ, грабъ и кленъ. Кленъ встръчается въ числъ нъскольких видовъ. Онъ растеть очень красивыми деревьями и достигаеть часто громадныхъ размъровъ. Въ дупло одного дерева я поставиль трехъ человъкъ съ тремя осъдланными и навыоченными лошадьми и съ нихъ сдъдалъ фотографическій снимокъ. Грецкій ор'яхъ встр'ячается какъ внизу, въ нриморской части, такъ и на склонахъ горъ, при чемъ поднимается по нимъ довольно высоко. Букъ тоже встрвчается очень часто и нередко довольно общирными сплошными лесами. Къ очень распространеннымъ здёсь деревьямъ принадлежитъ лапина, обращающая на себя вниманіе своими большими перисто-сложными листьями и очень длинными висячими колосьями цветовъ. Плющъ принадлежить къ самымъ обывновеннымъ растеніямъ Ленкоранскаго увада и не редко такъ сильно заплетаетъ деревья, что они представляются зелеными колоннами, сплошь покрытыми гирляндами листьевъ плюща. Изъ хвойныхъ встръчается только можжевельникъ; сосны же или пихты нътъ вовсе ни на Талыпскомъ хребть, ни на прилежащихъ къ нему мъстахъ.

Верстахъ въ 12-ти отъ Ленкорани мы вступили уже въ болъе сплошной льсь и, провхавь по нему еще версть 10, увидьли маленькій татарскій ауль, также окруженный со всіхь сторонь густымь лівсомь. Въ немъ мой спутникъ и сопровождавшій его чапаръ должны были перемінить лошадей, въ ожиданіи чего и мні пришлось сділать здісь приваль на часъ или полтора. Старшина аула, во дворъ котораго мы вътхали, отвелъ намъ помъщение въ своемъ домъ, въ верхнемъ этажъ, который имълъ соломенную крышу, поддерживаемую деревянными столбами и быль совершенно открыть съ боковъ. Онъ напоминаль такимъ образомъ простую вышку и отличался отъ нея только большею помъстительностью. Со двора шла къ нему крутая деревянная лъстивца, а полъ его быль выстланъ коврами и цыновками. Болъе или менъе прохладный горный вътерокъ, безпрепятственно проникавшій сюда со всъхъ сторонъ, а также отсутствіе мухъ и другихъ насіжомыхъ дівлали отдыхъ въ немъ очень пріятнымъ; поэтому мы нисколько не жальли, что принуждены были пробыть здесь до техъ поръ, пока привели лошадей.

Утромъ на слѣдующій день мы отправились дальше по направленію къ персидской границѣ и, проѣхавъ въ гору нѣсколько верстъ, попали на высокій безлѣсный кряжъ, съ котораго открывался чудный видъ высоты птичьяго полета на огромное разстояніе. Вдали, на востокъ, стахъ въ 30-ти отъ насъ, разстилалась необъятная, блестѣвшая въ ахъ утренняго солнца, свѣтло-сѣрая равнина — Каспійское море. бенно поражало глаза то обстоятельство, что море казалось много ше окружающихъ его береговъ. Далеко въ сторонѣ замѣтно было нѣколько островковъ, казавшихся темными точками, разбросанными потлад-

кой блестящей поверхности моря. Морской берегь, заросшія камышомъ "морцы", какъ называють здісь длинныя и узкія озера, расположенныя вдоль берега, и находящієся недалеко оть берега ліса также можно было различить довольно хорошо. Необыкновенно красивый видъ открывается и на склоны Талышскихъ горъ, почти сплощь покрытыхъ густыми лісами и представляющихъ безконечную цізпь ущелій, глубокихъ долинъ и балокъ, отділенныхъ другь оть друга то крутыми, то сравнительно пологими хребтами.

Южный склонъ хребта, по которому я поъхалъ дальше, имъетъ печальный видъ. Онъ совершенно лишенъ той богатой и разнообразной растительности, которая встречается обыкновенно на соответствующихъ высотахъ западной и центральной части Главнаго Кавказскаго хребта и его отроговъ. Трава здъсь ръдкая, тощая и, какъ замътно было, успъла уже очень сильно пострадать отъ жгучихъ лучей солнца. Нельзя было не обратить вниманія на то, что всі растенія этой містности отличаются сухими, мелкими и жесткими листьями, приспособленными къ борьбъ съ засухой. Здъсь растеть, наприм., въ изобили колючій астрагаль, часть листьевъ котораго превращается въ тонкія, острыя колючки; очень много молочайниковъ, васильковъ, полыни, несколько видовъ роговика и т. д. На нъкоторыхъ мъстахъ этой долины почва совершенно была лишена какой бы то ни было растительности. На Талышскомъ хребтъ вовсе не водятся ни серны, ни горные козлы, ни туры. Кром'в недостатка въ травъ, есть еще и другія причины, которыя мѣшають этимъ животнымъ водиться здёсь. Всё сколько-нибудь удобныя для пастьбы мъста Талышскаго хребта въ лътнее время бывають сплошь покрыты стадами врупнаго и медкаго рогатаго скота, близвое сосъдство котораго не можетъ нравиться дикимъ животнымъ.

Что касается косули или дикой козы, также дикихъ свиней, то онъ живутъ почти во всъхъ льсахъ, а свинья, кромъ того, въ камышевыхъ заросляхъ вблизи моря, а медвъди во всъхъ горныхъ льсахъ. Къ самымъ замъчательнымъ изъ здъшнихъ хищниковъ принадлежатъ тигръ и пантера. Хотя тигровъ здъсь и немного, тъмъ не менъе ихъ видятъ и убиваютъ ежегодно.

Пантера, или леопардъ, попадается гораздо чаще, чѣмъ тигръ, но ее совершенно неосновательно считаютъ здѣсь барсомъ, который къ западу отъ Каспійскаго моря не встрѣчается. Здѣшнія пантеры достигають иногда огромной величины. Такъ, одна изъ видѣнныхъ мною шкуръ имѣла въ длину 2 арш. 2 верш., да сверхъ того на долю хвоста приходилось 1 арш. 10 верш. Лѣтомъ тигры и пантеры рѣдко нападаютъ на людей и домашній скотъ, зимой же это случается здѣсь гораздо чаще. Мѣсяца за полтора до моего пріѣзда въ Ленкорань пантера бросилась изъ камышей на нѣсколькихъ мальчиковъ-пастуховъ и

одного 15-лътняго мальчика загрызла. Къ замъчательнымъ животнымъ этой мъстности принадлежить дикобразъ. Около самой Ленкорани онъ не живетъ, но встръчается не особенно далеко, верстахъ въ 20-ти къюгу отъ нея, вблизи поста.

Прозхавъ верстъ 12 по этой унылой и однообразной мъстности, мы добрались до поста Османкеты. Онъ расположенъ на высотв оволо 6.000 ф. надъ уровнемъ моря и верстахъ въ 3-хъ отъ персидской границы. Къ югу отъ поста разстилалась неглубокая, но довольно илирокая впадина, за которой тянулся длинный пологій гребень, а на съверъ и западъ громоздились высокія, скалистыя горы. Все это выглядъло въ высшей степени пустынно и мертво: на скалахъ не было ни зелени, ни сивговъ, не замътно было ни одной ръчки или ручья, а на глинистой почвъ, усъянной множествомъ крупныхъ и мелкихъ обломковъ различныхъ вулканическихъ породъ, не росло почти никакой травы. Вдали глазъ также не находилъ ничего такого, на чемъ могъ бы остановиться. Вершины Талышскихъ горъ состоятъ по преимуществу изъ вулканическихъ породъ, сърые, зеленоватые и темно-бурые обломки которыхъ всюду валяются на склонахъ и въ руслахъвытекающихъ изъ нихъ ръчекъ. Нагромождаясь большими массами, они придають мъстности еще болъе унылый и печальный видъ.

По средне-азіатской жельзной дорогь.

(По А. Кауфману и Шевченко-Красногорскому.)

У хорошенькаго, ослѣпительно бѣлѣющаго на яркомъ южномъ солнцѣ красноводскаго вокзала, съ его вычурными восточными узорами и граціозными полуарками, стоитъ готовый къ отправкѣ пассажирскій поѣздъ, съ бѣлыми или блѣдно-желтыми вагонами, чтобы не такъ поглощать солнечные лучи. Съ высоко приподнятаго перрона—чудный видъ на изумрудно-зеленую красноводскую бухту съ ея пристанями и съ нагружающимися и разгружающимися пароходами. По другую сторону вокзала городской садъ—довольно большая, чѣмъ-то огороженная площадь, засаженная чахлыми, выжженными солнцемъ, едва достигающими человѣческаго роста деревцами какихъ-то неизвѣстныхъ мнѣ породъ, а кругомъ въ видѣ амфитеатра расположился весь городъ, — одноэтажные яркобѣлые или блѣдно-голубые домики съ плоскими азіатскими крышами, — окруженный амфитеатромъ невысокихъ, лишенныхъ всякой растительности горъ.

Первый звонокъ. Публика стремглавъ бросается въ вагоны, второклассные и первоклассные пассажиры осаждаютъ начальника станціи разными основательными и неосновательными претензіями: второклассный пассажирь не желаеть сидьть въ купэ, куда "затесались" сарты, и требуеть на этомъ основаніи, чтобы его перевели въ первый классъ; первоклассные пассажиры прибъгають къ разнымъ ухищреніямъ, чтобы остаться по-двое (а хорошо бы и одному) въ четырехмъстномъ купэ; начальникъ станціи мечется, чтобы поудобнье устроить въ первомъ классъ многочисленную семью какого-то средней руки желъзнодорожнаго служащаго, съ безконечными кульками, корзиночками и самоваромъ, и, не успъвъ въ этомъ, приказываетъ прицъпить лишній вагонъ.

Наконецъ суматоха затихаетъ. Третій звонокъ, поъздъ трогается. Публика начинаетъ облегчать свою одежду: дамы облекаются въ тончайшіе капоты, дъти остаются въ однихъ рубашкахъ и передникахъ. Поть со всъхъ катится градомъ.

- Помилуйте, тридцать три градуса въ вагонъ это что жъ такое! жалуется пассажиръ, первый разъ попавшій въ Среднюю Азію.
- Это, батенька, что, утвшаеть его другой, мъстный: въдь ужъ августь мъсяцъ, какія теперь жары! Воть въ іюнъ мъсяцъ въ вагонахъ чуть не до сорока доходило воть это плохо было. Въ то время въдь и ночью градусовъ тридцать стояло, а теперь ночью, воть увидите, совсъмъ прохладно.

Повздъ между твиъ отошель отъ Красноводска и идеть сначала нъсколько станцій кряду, вдоль самаго берега Каспійскаго моря. Голая съровато-бурая пустыня, съ изріздка сидящими, то бурыми, то сірыми то ярко-зелеными шапками "колючки" — двухъ-трехъ видовъ не то бурьяна, не то кустарника, которые только одни и могутъ выносить нестерпимый зной и літнее безводье этой пустыни. Станціи — маленькіе бізленькіе домики; около нихъ—ни травинки, не говоря уже о традиціонныхъ станціонныхъ садикахъ и огородахъ. Во всіз стороны, отъ станціи все та же бурая, унылая пустыня. На станціяхъ ни души, кроміз очередныхъ станціонныхъ служащихъ. На одной станціи пробую напиться чаю, — ніть возможности пить мутную, солоновато - горькую бурду...

Воды Каспійскаго моря скрылись изъ виду. Направо отъ желізной дороги широко раскинулись пески вперемежку съ солончаками; налівю поднимаются въ отдаленіи сопутствующія намъ горы Большіє Балханы. Каменистыя, съ обнаженными крутыми скатами, горы эти въ полумраків выглядять очень грандіозными; въ дійствительности онів не такъ велики, лишь наивысшая изъ нихъ достигаетъ 800 саженъ. Потомъ опять съ обінкъ сторонъ стелются пески. Дальше, съ юга, выдвигается другой, столь же дикій, какъ и первый, только вдвое ниже, известково-песчанистый хребеть — Малые Балханы. Мы переваливаемъ черезъ его съверные отроги, но въ сгустившейся тьмів на этотъ разъ не различаемъ ни суровыхъ контуровъ его, ни ровной песчаной степи, скудно ответь.

жесткими травами и тощими кустарниками, способными расти даже на этой, повидимому совершенно безплодной почвъ.

На первой же станціи, потомъ на другихъ нашъ повідъ скрещивается съ "водянкой"; это—повідъ изъ платформъ съ громадными водяными баками или изъ употребляемыхъ подъ перевозку воды нефтяныхъ резервуаровъ. И красноводская и всв ближайшія къ ней станціи не имъютъ своей воды и получають воду со станціи Джебелъ, въ 125 верстахъ отъ Красноводска.

Джебель проважаемъ уже поздно вечеромъ. Я успъваю однако замътить, что станція окружена довольно большимъ садомъ, что по платформъ движутся какія-то высокія фигуры въ черныхъ мохнатыхъ бараньихъ шапкахъ, что третьеклассная публика несеть къ себъ въ вагоны кто бутылку молока, кто каравай хлъба, кто арбузъ или дыню.

Еще двъ станціи, и во второмъ часу ночи поъздъ на нъсколько минуть останавливается въ Казанджикъ, лежащемъ у подножія хребта Кюрень-Дага, который небольшимъ промежуткомъ отдъляется отъ Малыхъ Балхановъ. Это первая станція, гдъ, благодаря горнымъ родникамъ, не только не нуждаются въ водъ, но еще снабжаютъ ею всъхъживущихъ на промежуточныхъ станціяхъ. Присутствіе пръсной воды дало возможность устроить здъсь хлопковую плантацію и даже развести питомникъ.

Гдѣ вода, тамъ и жизнь!.. Мало воды, мало и жизни до самаго Асхабада, а пожалуй и дальше, до Чарджуя и бухарской границы. Мѣстность до послѣдней степени однообразна: ровная, плоская степь или пустыня, только не бурая, какъ около Красноводска, а сѣровато-желтая, то усѣянная тоже рѣдкими шапками разнообразной "колючки", съ ея удивительными влагосберегающими и замѣняющими приспособленіями, то покрытая блѣдно-желтымъ ковромъ какой-то мелкой и тощей, совершенно высохшей травки. Параллельно желѣзной дорогѣ тянется невысокая, также совершенно голая, покрытая безконечными складками, горная цѣпь Копетъ-Дага.

На этой пустынъ не видно никакихъ признаковъ жизни и культуры, и только изръдка въ окнъ вагона мелькаетъ одинокій тощій верблюдъ, уныло подбирающій бурую колючку, или показывается всадникъ въ мохнатой бараньей шапкъ, потихоньку пробирающійся невъдомо куда. Однако кое-гдъ начинаютъ попадаться какія-то развалины, мъстами еще сохранившія очертанія саклей или оградъ, мъстами превратившіяся въ пустыя кучи глины; вокругъ каждой такой развалины степь изръзана слъдами дъйствовавшихъ когда-то оросительныхъ канавокъ и гдъ-нибудь поблизости непремънно вьется высохшее ложе горнаго ручья. Что это? слъды былыхъ войнъ и междоусобій или просто высохла вода въ

ручьъ, а съ нею изсякла и жизнь?! Воть однако начинаеть попадаться и живая жизнь: здесь несколько рослых в человеческих фигурь, точно вылитыхъ изъ темной бронзы, въ однихъ широкихъ штанахъ и огромныхъ бараньихъ шанкахъ, углубляють и расчищають сухое ложе оросительной канавки. Тамъ, около самаго полотна дороги, разбросано нѣсколько квадратиковъ темно-зеленой люцерны или рослой джугары *). Туть подъ жельзнодорожнымъ мостикомъ протекаеть небольшая канавка съ оросительной водой, и гдв-нибудь поодаль видивется питаемый этой канавкой туркменскій кишлачекъ—св'этло-с'эрыя глинобитныя стъны, свътло-сърые глинобитные домики съ плоскими или куполообразными крышами, окруженные темною зеленью садовь и бледно-зелеными или желтыми мелко разбитыми квадратиками полей. На поляхъ копошатся рослыя фигуры туркмень, всё въ тёхъ же огромныхъ бараньихъ шапкахъ, кто полуголый, кто въ короткой темной неподпоясанной рубахв съ пестрыми разводами; незанятые работой - въ буровато-красныхъ, съ черными полосками халатахъ бухарскаго фасона.

Это начинается такъ недавно покоренный Ахалъ-Текинскій оазисъ. Съро-желтая почва той безплодной равнины, которую дорога проръзываетъ почти отъ самаго Красноводска,—знаменитый средне-азіатскій лёссъ, ожидающій только орошенія, чтобы изъ безоградной пустыни превратиться въ хлопковое поле или роскошный фруктовый садъ. Когданибудь человъкъ достанетъ эту воду, и тогда закаспійскія пустыни, съ ихъ плодороднымъ лёссомъ и горячимъ солнцемъ, будуть кормить сотни тысячъ, если не милліоны новаго населенія. Но пока въ распоряженіи туземцевъ только немногіе мелкіе ручьи, стекающіе съ Копеть-Дага и потому небольшіе аулы и незначительныя площади посъвовъ почти до самаго Асхабада теряются среди необъятной пустыни.

Казанджикъ считается начальнымъ пунктомъ Ахалъ-текинскаго оазиса, длинной и узкой, не шире 30 версть, плодородной полосы между горами съ одной и Каракумомъ съ другой стороны. Каракумомъ зовется громадная, равная почти половинъ Закаспійской области, площадь песковъ вперемежку съ солончаками и глинистыми пространствами. Пески эти частью блъдно-, частью красновато-желтаго цвъта; названіе же "черный" дано имъ лишь въ томъ смысль, въ какомъ и у насъ говорится, напримъръ, о "черныхъ дняхъ", и т. д. Въ общемъ Каракумъ—пустыня, орошаемая только ръдко выпадающими дождями.

Мъстами Каракумъ врывается въ оазисъ и такимъ образомъ превращаетъ его въ 300-верстную вереницу обособленныхъ плодородныхъ участковъ. По нимъ и проходитъ желъзная дорога параллельно Кюрень-Дагу, отдъляющему русскія владънія отъ Персіи.

Digitized by Google

^{*)} Мъстное название сорго.

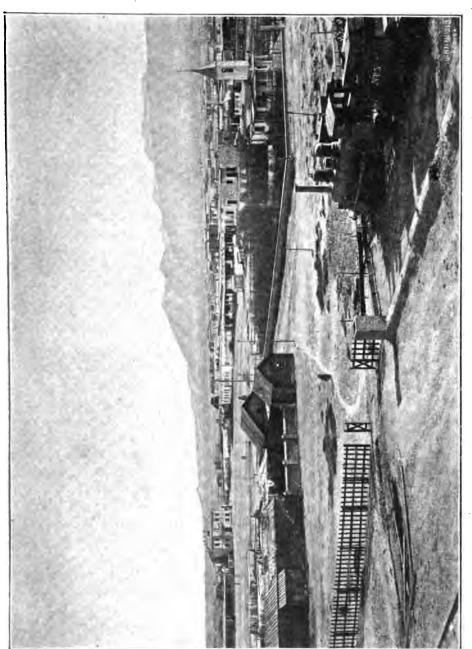
Насколько Каракумъ можеть назваться злымъ недругомъ, настолько же горы эти, по справедливости, нужно признать добрымъ другомъ оазиса. Какъ ни благодатна почва оазиса, великольный желтоземъ или лессъ, но безъ воды и она обречена на совершенное безплодіе. Между тымъ здысь ныть ни рыкъ, ни прысныхъ озеръ а дожди бываютъ лишь позднею осенью да зимою. Понятно поэтому, какое важное значеніе имыють воды, сбыгающія по сывернымъ склонамъ хребтовъ Кюрень- и Копеть-Даговъ, когда сныгъ на нихъ начинаетъ таять. Безъ горныхъ водъ не только земледыліе, но и никакая осыдлость не были бы возможны въ оазись.

Много этой драгоцівнной влаги пропадаеть однако даромъ, просачиваясь черезъ различные сланцы, изъ которыхъ по преимуществу состоять горные склоны. Потоковъ же, которые сравнительно далеко проникають въ оазисъ, крайне мало и они отстоять другъ отъ друга на десятки версть. Воть почему мъстное население всегда старалось ютиться къ горамъ. Вместе съ темъ оно вынуждено было заботиться и о томъ, чтобы какъ можно лучше использовать горныя воды. Съ этою цълью издавна устраивались водохранилища, проводились оросительныя канавы-арыки, сооружались своеобразные подземные водопроводы-кяризы и проч. Особенно интересно устройство кяризовъ. Отъ подошвы горы по направленію къ данному участку выкапывается, на разстояніи 10-15 саженъ одинъ отъ другого, рядъ колодцевъ, соединенныхъ подъ землею между собою узкою галлереей; задача заключается въ томъ, чтобы вода, этимъ способомъ защищенная отъ лътнихъ жгучихъ солнечныхъ лучей, не направлялась напрасно по длинному пути къ мѣсту назначенія и, стекая по наклонной галлерев, могла въ концъ-концовъ выходить на поверхность, чтобы наполнять арыки.

Тъмъ не менъе до полнаго орошенія оазиса еще далеко. Да пока и нельзя навърное сказать, хватить ли горныхъ водъ на орошеніе всъхъ плодородныхъ участковъ, оставшихся внъ обработки. Во всякомъ случать возможность этого въ значительной степени будеть зависъть отъ прекращенія истребленія лъсовъ на Копетъ-Дагъ. Съверные склоны его и безъ того уже не богаты растительностью, но и ей не даютъ пощады, вырубая деревья главнымъ образомъ на топливо. Между тъмъ въ здъшнемъ крать больше, чтмъ гдъ-либо, растительность и орошеніе неразрывно связаны между собой; одно безъ другого совершенно немыслимо.

На протяженіи первыхъ 70 версть отъ Казанджика, т.-е. до Кизиль-Арвата, плодородные участки сравнительно попадаются рѣдко, притомъ всѣ они небольшихъ размѣровъ. Лишь немногіе изъ нихъ обрабатываются; остальные, орошаемые исключительно дождями, служатъ пастбищемъ для туркменскихъ стадъ, пока палящее солнце не выжжетъ травы и не заставитъ скотоводовъ перекочевать поближе къ горамъ и въ самыя

Digitized by Google

горы; тамъ, при болѣе низкой температурѣ воздуха и большей влажности почвы, подножный кормъ сохраняется дольше и лучше. Теперь, въ послѣднихъ числахъ мая, когда эта перекочевка уже совершилась, повинутыя пастбища представляютъ собой чрезвычайно унылое зрѣлище. На мутномъ желтомъ фонѣ ихъ не видно ничего, кромѣ темно-бурыхъ пучковъ сгорѣвшихъ травъ, только горькая полынь, попрежнему сѣрозеленая, еще не поддается жгучему зною.

Кизилъ-Арватъ — конечный пунктъ перваго по времени постройки участка Закаспійской желізной дороги.

Онъ расположенъ на правой сторонъ дороги, среди зеленыхъ садовъ. Станція уже лежитъ на противоположной сторонъ, поодаль отъ того мъста, гдъ на небольшомъ возвышеніи находится укръпленный текинскій ауль, взятый русскими войсками въ 1877 году. Еще хорошо сохранились слъды разрушенной ими кръпости-вала, въ глинобитныхъ стънахъ своихъ вмъщавшей глинобитныя же сакли и войлочныя кибитки текинцевъ. Вблизи довольно красиваго каменнаго вокзала разведенъ древесный питомникъ, снабжающій саженцами какъ мъстечко, такъ и ближайшія станціи. Невдалекъ сгруппировались центральныя жельзнодорожныя мастерскія и домики для служащихъ. Эти служащіе составляють большую часть кизилъ-арватскаго населенія.

Дорога идеть все къ юго-востоку почти совершенно прямою линіей. Воздухъ мглистъ отъ мельчайшей лессовой пыли. Придавая пейзажу оригинальный желтый колорить, она не мъшаетъ солнцу свътить ослъпительно ярко и страшно накаливать вагонъ. Въ настежь раскрытыя окна и двери его такъ и пышетъ сухимъ зноемъ. Съ непривычки особенно тяжело. Ни разговаривать, ни думать ни о чемъ не хочется. Сидишь въ изнеможеніи, словно разваренный; лежать еще хуже. Въ горлъпересыхаетъ; пробуешь пить, но холодное питье моментально вызываетъ обильную испарину, послъ которой становится еще тягоститье.

Зато съ какимъ наслажденіемъ подъёзжаешь къ станціи, гдё можно хоть немного освёжиться въ тёни таловъ, бёлыхъ акацій и серебристыхъ тополей. Садики разведены при каждой станціи и—съ чёмъ особенно пріятно встрётиться здёсь лётомъ—въ каждомъ изъ нихъ устроенъ фонтанъ въ срединѣ круглаго каменнаго бассейна. Подъ собственною тяжестью вода сбёгаетъ съ горъ и высоко бьетъ студеною струей. Какихъ усилій стоило однако сооруженіе этихъ водометовъ и всей желёзной дороги, когда нужно было работать въ такомъ пеклё?!.

Въ внойный день, глядя на станціонные фонтаны, самъ начинаешь чаться какимъ-то особымъ уваженіемъ къ водѣ и живѣе понимаешь, чуркмены такъ благоговѣйно чтуть память всякаго, вырывшаго колодецъ въ пустынъ. Надо прибавить, что подобные колодцы тъмъ дороже, что среди монотонныхъ песковъ они служать неръдко единственными путеводными пунктами.

Самыя станціи не интересны. Это, обыкновенно, маленькія одноэтажныя зданія изъ сырцоваго кирпича, съ плоскими крышами, залитыми киромъ—пропитаннымъ нефтью песчаникомъ, нъчто въ родъ асфальта.

Отъбхавъ 160 верстъ отъ Кизилъ-Арвата, мы приближаемся теперь къ Геокъ-Тепе. У подножья невысокаго холма, среди совершенно открытой мъстности, видны въ сторонъ отъ дороги изжелта-сърыя развалины этого послъдняго оплота текинской независимости. Ничего поразительнаго въ нихъ нътъ, по крайней мъръ издали. Кажется даже непонятнымъ, какъ могла эта глинобитная кръпость, хотя и съ двойнымъ рядомъ высокихъ и толстыхъ стънъ, такъ долго держаться противъ европейскихъ вооруженныхъ силъ.

Внутри кръпости—братская могила безвъстныхъ героевъ-солдатъ, павшихъ при штурмъ, а у входа въ кръпость въ полусотнъ шаговъ отъ станціи, небольшое хорошенькое зданіе "военно-историческаго музея", съ разными воспоминаніями текинскаго похода. Чуть не весь поъздъ—офицеры, текинцы, дамы, персіяне, гимназисты—устремляется въ музей; я иду вслъдъ за другими.

Музей—какъ всѣ военно-патріотическіе музеи; самый интересный экспонать—карты, принадлежавшія Скобелеву и, повидимому, бывшія съ нимъ во время текинскаго похода; нѣсколько карть знаменитыхъ осадъ, съ пространными критическими примѣчаніями русскаго полководца, и небольшая, тоже съ его помѣтками, карта театра войны. Карта эта—англійскаго изданія.

Отъ Геокъ-Тепе къ Асхабаду уже сплошной оазисъ: непрерывная цъпь кишлаковъ или ауловъ, потонувшихъ въ зелени пирамидальныхъ тополей или развъсистыхъ карагачей; около глинобитныхъ саклей разбросаны камышевыя юрты, въ которыхъ проводять лъто туркмены, котя и осъвшіе, но не забывшіе еще кочевыхъ традицій. Вокругь обширныя поля, изръзанныя арыками и, какъ и вездъ, разбитыя на маленькія клътки; однъ изъ этихъ клътокъ только что политы подъ какой-то посъвъ, на другихъ лъсомъ стоитъ джугара или стелется арбузная ботва, на третьихъ стоятъ высокія кучи уже обмолоченной и измельченной соломы—самана, а около этихъ кучъ текинцы, въ бараньихъ шапкахъ, молотятъ хлъбъ, гоняя по нъскольку запряженныхъ въ рядъ быковъ или лошадей.

— Славный народъ, — говоритъ попутчикъ, старый туркестанскій офицеръ, выглядывая изъ окна столоваго вагона: — посмотрите, какіе здоровенные, молодецъ къ молодцу; и настоящіе труженики, не то. что персюки или сартишки.

Страна какъ будто на военномъ положени. На станціяхъ кишмя кишать солдаты всёхъ родовь оружія, въ бёлыхъ рубахахъ и характерныхъ красныхъ шароварахъ изъ туземной замши. На каждой станціи въ нашъ поёздной клубъ заходятъ пёхотные, казачыи, желёзнодорожные, пограничные офицеры, требуютъ водки или пива и разговариваютъ объ окладахъ, лагерныхъ сборахъ и производствахъ.

Мы добрались до Асхабада въ 3 часа дня.

Подобно Кизилъ-Арвату, Асхабадъ возникъ на мъстъ укръпленнаго аула. Отъ большого красиваго вокзала, задней стороной выходящаго на площадь, съ фонтаномъ посрединъ, въ городъ тянется почти двухверстное шоссе—Анненковская улица, по объимъ сторонамъ обсаженная деревьями. Впрочемъ, трудно сказать, гдъ собственно начинается городъ. Расширяясь, онъ все ближе подвигается къ станціи, такъ что, въроятно, въблизкомъ будущемъ подойдеть къ ней вплотную. Анненковская улица, названная такъ въ честь генерала Анненкова, подъ руководствомъ котораго строилась большая часть желъзной дороги, пролегаетъ мимо хорошо разросшагося городского сада, съ горкою и тоже съ фонтаномъ, и ведеть въ шумный торговый кварталъ, населенный главнымъ образомъ персами и армянами. Къ нему уже примыкаетъ остальная часть города.

По внішности Асхабадъ похожъ на всі наши средне-азіатскіе города. Въ большинстві прямыя, довольно широкія и, за немногими исключеніями, замощенныя улицы окаймлены справа и сліва вереницей тополей, акацій и другихъ деревьевъ, посаженныхъ вдоль неглубокихъ канавокъ съ проточною водой. Въ городів много растительности. Чуть не при каждомъ домикъ имітется отдільный садикъ, что придаетъ Асхабаду привітливый дачный характеръ.

Городскія постройки въ Асхабадъ или изъ туземнаго съроватаго камня, легко поддающагося ножу, или изъ обожженнаго, обыкновенно же просто изъ сырцоваго кирпича-глиняныхъ брусковъ, просушенныхъ на солнцъ. Жилыя помъщенія большею частью въ одинъ этажъ, что не только дешевле, но и безопаснъе для квартирующихъ. Дъло въ томъ, что дізятельность подземных силь въздішнемь районі обнаруживается еще очень энергично, и сильныя колебанія почвы бывають довольно часто. Такъ, наприм., въ ноябръ 1893 г. персидскій городокъ Куганъ, лежащій всего въ 140 верстахъ отъ Асхабада, на южномъ склонъ Копеть-Дага, быль совершенно разрушень землетрясеніемь, которое отозвалось и въ Асхабадъ. Послъ этого землетрясеніе повторилось въ январъ 1895 года. Для Асхабада оно не сопровождалось серьезными последствіями, но возродившійся изъ праха Куганъ снова быль превращенъ въ груду развалинъ, при чемъ погибло около 3.000 человъкъ и масса животныхъ. Затъмъ черезъ полгода произощло новое землетрясеніе, распространившееся къ съверо-западу. Асхабадъ опять счастливо

отдълался; лишь нъсколько зданій въ немъ дали глубокія трещины. О силъ землетрясенія можно судить уже по тому, что, по разсказамъ очевидцевъ, вода выплескивалась изъ арыковъ, деревья качались какъ пьяные, и листья на нихъ шумъли, точно въ бурю, хотя не было ни мальйшаго вътра. Въ архитектурномъ отношении здъшния постройки не интересны; чаще всего видишь передъ собою удлиненные ящики съ гладкими, безъ всякихъ украшеній, бълыми стінами и плоскими крышами изъ полужидкой, быстро высыхающей на солнцъ смъси глины, песку и самана, иногда съ прибавленіемъ еще кира. Важное преимущество такихъ крышъ-ихъ дешевизна, благодаря которой онъ могутъ быть ежегодно возобновляемы. Ръдко выпадающіе дожди не размывають ихъ, продолжительныхъ же ливней здесь не бываетъ; между темъ для защиты комнать оть солнечной жары эти крыши чрезвычайно пригодны, такъ какъ не накаливаются, подобно деревяннымъ, а темъ более желізнымъ. Поэтому онів и распространены повсюду въ нашей среднеазіатской окраинъ. Сами азіаты предпочитають плоскія крыши еще и потому, что онъ замъняють собой террасу, на которой по вечерамъ можно отдыхать на чистомъ воздухв въ кругу родныхъ и знакомыхъ.

Мъстоположеніе Асхабада незавидное. Онъ находится у подножья горъ, почти голыя кручи которыхъ закрывають его отъ теплыхъ южныхъ вътровъ. Открытый со всёхъ остальныхъ сторонъ, онъ доступенъ надвигающимся на него пескамъ съ сосъдняго съ нимъ Каракума. Близость пустыни сказывается уже въ томъ, что при малъйшемъ вътръ съ съвера иногда въ городъ появляются тучи солоноватой, мелкой какъ пудра, пыли, несмотря на регулярную и щедрую поливку улицъ и площадей. Эта пыль, крайне сухой воздухъ и адская духота дълаютъ лътнее пребываніе въ Асхабадъ тягостнымъ даже для тъхъ, кто уже успъль свыкнуться съ здъшними климатическими условіями.

Собственной воды въ Асхабадъ нътъ. Она очень мягка и пріятна на вкусъ, проведена съ горъ, верстъ за десять.

Съ точки зрвнія житейскихъ удобствъ юный Асхабадъ лучше многихъ старыхъ городовъ европейской Россіи. Прівзжіе прежде всего чувствуютъ это, находя сносныя гостиницы, удовлетворительныя бани и хорошихъ извозчиковъ—пароконныя коляски, почему-то величаемыя фазтонами. Помимо военнаго клуба—военный элементъ преобладаетъ въ Асхабадъ, какъ и въ прочихъ нашихъ средне-азіатскихъ городахъ существуетъ общественное собраніе съ читальнею и даже кружкомъ велосипедистовъ.

Всѣ пищевые продукты, какъ хлѣбъ, овощи, мясо и т. п., доставляются въ городъ преимущественно изъ Персіи и лишь въ незначительномъ количествъ изъ ближайшихъ ауловъ и русскихъ поселковъ. Отличныя душистыя дыни копейки три за штуку, сочные сладкіе арбузы,

огурцы, капуста, свекла, морковь, картофель и прочіе овощи,—все это, обыкновенно, персидскаго происхожденія. Молоко, творогь, сметана, яйца и т. д. поступають на асхабадскіе базары главнымъ образомъ изъхохлацкаго поселка Козельный, находящагося въ 25 верстахъ отъ Асхабада.

За Асхабадомъ оазисъ скоро смѣняется опять безводною степью: тотъ же желтоватый лёссъ, покрытый большею частью блѣдно-желтой рѣденькой травкой. Раннею весной эта степь покрыта сплошь зеленою травою, густо усѣянною всевозможными цвѣтами; но въ какой-нибудь

Закаспійская степь.

мъсяцъ все это выгораетъ дотла, и на степи не остается ничего, кромъ приспособившейся къ засухъ "колючки" и пожелтъвшихъ метелочекъ высохшей травы. Мъстами лёссовая степь прерывается неширокими полосками песковъ. Эти песчаныя полоски не только не выдъляются особеннымъ безплодіемъ, напротивъ, онъ покрыты лучшею растительностью и болье цънны для населенія, нежели неорошенный лёссъ: на пескахъ растутъ высокіе, кудрявые кусты саксаула, дающаго столь драгоцънное здъсь топливо и матеріалъ для обжига на уголь; на нихъ даже косятъ мелкую травку; въ пескахъ всегда близко подпочвенная вода и зимою пески—излюбленныя мъста для стоянокъ кочевниковъпленно пески въ

этомъ видѣ—это спящій звіврь, который никого не трогаеть, пока его не раздразнили...

А отъ Мерва до Чарджуя, на протяжении нъсколькихъ сотъ версть, вы видите проснувшагося, разнузданнаго звъря: дорога сплошь идетъ сыпучими песками, которые за ночь покрываютъ васъ черезъ открытое окно вагона густымъ слоемъ тончайшей пыли. И эти пески не вездъ голы: и здъсь попадаются то единичные экземпляры, то негустыя заросли саксаула или джиды. Но гдъ человъкъ уничтожилъ эти заросли, когда-то скръплявшія песокъ своими вътвистыми корнями, тамъ на версты и десятки верстъ тянутся зловъщіе темно-желтые барханы: пустыня сплошь какъ бы покрыта длинными темно-желтыми песчаными волнами, круто обрывающимися къ югу и отлого спускающимися къ съверу, откуда дують господствующіе вътры. И чуть легкій вътерокъ—все это море песку начинаетъ точно дымиться; песокъ потихоньку пересыпается съ мъста на мъсто, барханы медленно плывуть одинъ за другимъ, въ направленіи господствующаго вътра, занося и полотно жельзной дороги, и культурныя земли прилегающихъ къ пескамъ оазисовъ.

За громаднымъ двухверстнымъ Чарджуйскимъ мостомъ, подъ которымъ протекаютъ свътло-шоколадныя, отъ массы увлекаемыхъ теченіемъ частицъ взвъшеннаго лёсса, воды Аму-Дарьи, дорога идетъ бухарскими владъніями.

- За границу вывхали! острить кто-то изъ пассажировь въ повздной столовой.
- Какъ не за границу!—отзывается другой, только-что покупавшій фрукты:—посмотрите, и деньги не наши.

И всв начинають разсматривать грубо отчеканенныя серебряныя "теньги", величиною приблизительно съ нашъ пятиалтынный.

- Бываль я на монетномъ дворъ у нихъ, разсказываеть третій пассажиръ: курьезно! обнесенъ цъпями, и кто туда попаль въ рабочіе, тоть ужъ до самой смерти за эту цъпь не можеть выйти. По тридцати лътъ иные безвыходно сидятъ.
 - Это ужъ по-восточному, -- восклицаетъ кто-то изъ пассажировъ.
- Ну, у нихъ еще много по-восточному!.. Въдь бухарецъ богатый денегь ни за что въ Бухаръ держать не станеть, —все равно какъ въ Персіи, а все у насъ въ банкахъ держатъ. Изъ-за этого у насъ и сторонниковъ такъ много въ ханствахъ: хоть и гяуры мы, хоть и не въсть какой у насъ "правовой порядокъ", а все-таки за нами жить спо-койнъе...

Отъ Бухары до ближайшаго русскаго увзднаго города Каттыкургана, а затвмъ и до самаго Самарканда, дорога идетъ по окранив прославившейся своимъ плодородіемъ Зеравшанской долины. Нашъ побздъ то връзывается въ оазисъ, то идеть по его окраинъ, то выходить на голую, неорошаемую степь, и только издали видивются сплошною темно-зеленою полосою высокіе пирамидальные тополя, кудрявыя ивы и карагачи разведенныхъ вокругъ усадебъ и по арыкамъ насажденій. Воды, очевидно, много больше, чёмъ въ асхабадскомъ районѣ. Кишлаки поэтому сидятъ вплотную одинъ къ другому, усадьбы съ ихъ глинобитными стѣнами и куполообразными крышами располагаются гораздо гуще, а культурныя земли, разбитыя для орошенія на мелкіе правильные квадратики, тянутся сплошною широкою полосою. И вся эта жизнь, и въ бухарскихъ, и въ нашихъ предѣлахъ, питается водой большого арыка, выведеннаго изъ Зеравшана, неподалеку отъ Самарканда.

На поляхъ Зеравшанскаго района уже почти не видно ни кучъ обмолоченнаго самана, ни пшеничныхъ жнивьевъ, которыхъ такъ много въ Асхабадскомъ оазисъ. Чаще всего, вперемежку съ рослою джугарой, мъстами вдвое превышающей человъческій ростъ, съ темною зеленью и фіолетовыми цвъточками люцерны и съ полузатопленными полями риса, попадаются поля, не слишкомъ густо засаженныя низенькими, раскидистыми кустиками хлопка, съ его желтовато-бълыми или розоватыми цвъточками. Зеравшанская долина—теперь одинъ изъ главныхъ хлопковыхъ и рисовыхъ районовъ края; подъ интенсивныя культуры занята почти вся площадь поливныхъ земель, а пшеница оттъснена нанеорошаемыя предгорья.

Потадъ проносится мимо небольшого прудика—"кауса", съ мутною свътло-строю арычною водой; у кауса сидитъ сартъ на корточкахъ и пьетъ изъ пригоршни мутную воду.

— Вотъ она малярія-то!—восклицаєть попутчикъ.—И какъ они, подлецы, всѣ не передохнуть!.. Вѣдь у нихъ какое повѣрье: если вода три сажени протекла—значить чистая; въ арыкѣ грязное бѣлье стирають или промывають бараньи кишки, а тутъ же, десять шаговъ ниже по арыку, сырую воду пьютъ!..

Вотъ около самой станціи маленькій караванъ-сарай. Передъ чайханою на цыновкахъ сидять на корточкахъ фигуры въ бълыхъ чалмахъ и необыкновенно яркихъ и пестрыхъ, видимо шелковыхъ, халатахъ.

Возять стоять въсы и валяется въ безпорядкъ нъсколько кипъ сырого хлопка.

Я вопросительно смотрю на моего попутчика.

— Скупщики хлопокъ-сырецъ скупаютъ. Сарту гдѣ же везти въ городъ! Ну, эти вотъ господа авансовъ отъ фирмъ возьмутъ—кто три, кто пять тысячъ, ѣздятъ по кишлакамъ и покупаютъ. Наживаютъ ловко.

Воть, наконець, и Ташкентскій оязись. На первый взглядь все то же, что и въ Зеравшанскомъ. Но, присматриваясь внимательные, замы-

чаете и нъкоторыя особенности: гораздо больше древесныхъ насажденій, то въ видъ ивовыхъ или тополевыхъ аллей, вдоль арыковъ и дорогъ, то въ видъ небольшихъ, невъроятно густыхъ рощицъ на усадьбахъ. На поляхъ особенно много хлопка и риса. Множество полей, занятыхъ подъ огородную культуру, при чемъ растенія, чтобы лучше использовать поливную воду, посажены у самыхъ краевъ и по откосамъ грядъ. Много полевыхъ квадратиковъ, сплошь заросшихъ густымъ, въ два человъческихъ роста камышомъ; попадаются и совершенно заболоченныя площади.

Нъсколько измъняется подъ Ташкентомъ и типъ населенія: преобладають, правда, еще и здъсь сарты, почему-то однако не въ чалмахъ, а въ однъхъ только красиво-расшитыхъ тюбетейкахъ. Но чъмъ ближе къ Ташкенту, тъмъ больше виднъется своеобразныхъ сърыхъ войлочныхъ треуховъ. Это киргизы, которые на съверъ и на съверо-востокъ отъ Ташкента составляютъ главную массу населенія. Въ окрестностяхъ Ташкента они уже совершенно осъдлы и ведутъ поливное хозяйство, почти не отличающееся отъ хозяйства сартовъ и другихъ осъдлыхъ туземцевъ края.

Туркмены.

(Шевченко-Красногорскаго.)

Въ Кизилъ-Арватъ я въ первый разъ близко увидълъ текинцевъ. Ихъ было человъкъ десять, все молодежь, едва ли старше 20 лътъ. Босоногіе, въ засаленныхъ полосатыхъ халатахъ, перетянутыхъ матерчатыми кушаками, въ громадныхъ темно-рыжихъ бараньихъ шапкахъ, сильно скрадывавшихъ густо загорълыя физіономіи, они столиились въ концъ длинной станціонной платформы и молча поглядывали на вылъзавшую изъ вагоновъ публику. Вчера вечеромъ они кончили какую-то работу на дорогъ и сегодня ожидали расчета.

Лица ихъ худощавыя, безбородыя, съ чуть пробивающимися усами, были у всёхъ, какъ на подборъ, очень некрасивы. Ихъ безобразили длинные плосковатые носы, низкіе широкіе рты и въ особенности замётно выдающіяся скулы. Хороши были только черные глаза, живые и выразительные. Позднёе, въ Асхабадё и Мервё, встрёчая текинцевъ на каждомъ шагу, я нерёдко наталкивался среди нихъ на красавцевъ въ полномъ смыслё слова. Въ массё однако ни текинцы, ни текинки не удовлетворяютъ нашимъ на этотъ счетъ требованіямъ. Принадлежа, какъ и всё туркмены, къ тюркскому племени, они путемъ браковъ съ другими племенами той же монгольской расы утратили первоначальную чистоту типа.

Всматриваясь теперь въ этихъ юныхъ полудикарей, я не приметилъ

въ нихъ ръшительно ничего, что оправдывало бы ходячее миъне о текинцахъ, какъ о "прирожденныхъ разбойникахъ", отчаянныхъ головоръзахъ, по разсказамъ, готовыхъ лить кровь, какъ воду. Миъ, по крайней мъръ, всъ они показались совсъмъ безобидными существами.

Дъйствительно, нынъшніе текинцы уже не тъ, какими были они до присоединенія оазиса къ Россіи.

Будучи единственными обладателями края, туркмены прежде вели пастушескій образъ жизни, съ мъста на мъсто перекочевывая со своими стадами. Позднъе часть этихъ кочевниковъ перешла къ осъдлости, обратившись къ земледълію, но продолжала однако заниматься и скотоводствомъ, какъ подсобнымъ занятіемъ. Въ политическомъ отношеніи туркмены были совершенно свободны, не зная надъ собой никакого начальства. Ни аристократіи, ни наслъдственныхъ повелителей у нихъ не существовало. Каждый родъ самъ для себя выбиралъ хана, который игралъ роль не столько предводителя, сколько совътника, обязаннаго неуклонно слъдовать установившимся обычаниъ; лишь при военныхъ дъйствіяхъ практиковалось безпрекословное подчиненіе распоряженію хана.

Для сосъднихъ народовъ кочевые туркмены, особенно текинцы, были поистинъ грозою. Хуже всего доставалось персіянамъ. Не избъгали нападеній ни бухарцы, ни хивинцы, ни даже туркмены-земледъльцы. По всему оазису доселъ торчать на поляхъ глиняныя башенки, аршина два въ поперечникъ и сажени полторы вышиною. Это сторожевые столбы, на которыхъ помъщались дежурные, обязанные предупреждать своихъ односельчанъ о приближеніи разбойниковъ.

Полевыя работы, требующія отлучки текинцевъ за предёлы аула, исполняются только мужчинами. Они же занимаются и въ огородахъ, но уже при дъятельномъ сотрудничествъ женщинъ, на которыхъ лежатъ и всъ домашніе труды: приготовленіе пищи, тканье и шитье одежды, уходъ — правда, ничтожный — за скотиною и тому подобныя занятія. Сборъ кибитокъ, похожихъ на слегка приплюснутые стоги свна, также входять въ кругь обязанностей текинокъ. Устраиваются кибитки изъ длинныхъ, несколько согнутыхъ жердей, соединенныхъ другъ съ другомъ ръшетчатыми перекладинами такимъ образомъ, что въ случаъ надобности кибиточный остовъ легко можеть быть сложенъ и перевезенъ на верблюдъ въ другое мъсто. На жерди, упирающіяся верхними концами въ широкій обручь, накладываются войлоки-кошмы и паласы — простые, неворсованные ковры. На зиму, для защиты оть пронизывающихъ вътровъ, нъкоторые хозяева вплотную окружають свои кибитки длинными камышевыми стеблями, связанными между собою и затъмъ обмазанными глиною.

Внутренность кибитки убирается тоже кошмами и паласами, а у богатыхъ ценными местными и персидскими коврами; чемъ зажиточне

хозяинъ, тъмъ общирнъе его кибитка и тъмъ роскошите ея убранство, видную роль въ которомъ играетъ развъшиваемое по стънамъ разное оружіе въ болъе или менъе дорогой оправъ. Впрочемъ, большинство текинцевъ не имъетъ не только такого декоративнаго, но и никакого оружія, хотя ношеніе и не возбраняется русскимъ начальствомъ, нъсколько ограничившимъ лишь свободу пріобрътенія ружей и револьверовъ.

Положеніе женщины у текинцевъ несравненно лучше, чемъ у давно осъдлыхъ мусульманъ. По условіямъ кочевого быта текинка должна была пользоваться извъстною долей независимости. Та рабская подчиненность, въ какой находятся сосъднія женщины: персіянки, бухарии и хивинки, была просто немыслима при постоянно бродячей жизни въ степи. Дочь и жена кочевника силою обстоятельствъ были деятельными членами семьи, совътницами и помощницами отца и мужа. Переходъ въ осъдлости не изміниль характера этихь отношеній, не только не сокративь, но скорье даже увеличивъ труды текинки; чемъ бедиве семья, темъ въ дъйствительности свободите текинка. Она не знаетъ гаремнаго затворничества; ходить съ открытымъ лицомъ, закрывая, и то не всегда, только роть и подбородокъ; при встръчъ съ посторонними не спъшитъ скрыться и спокойно, безъ всякаго смущенія, глядить прямо въ глаза. Мив котвлось посмотреть выделку прославленных текинских ковровъ и я какъ-то зашелъ подъ навъсъ, гдъ нъсколько старыхъ и молодыхъ текинокъ, сидя на землъ, плели широкій узорчатый коверъ. Только одна изъ нихъ, какъ оказалось, невъста, торопливо встала и ушла въ мазанку; остальныя безъ малейшаго замешательства продолжали работу.

У текинцевъ существуетъ многоженство; но оно мало примъняется на практикъ, уже потому, что маложенство обходится дешевле. За всякую жену нужно заплатить калымъ (выкупъ) ея родителямъ, иной разъвъ нъсколько сотъ рублей; содержаніе же въ домъ лишней женщины требуетъ лишнихъ расходовъ и прежде всего добавочной кибитки. Браки заключаются обыкновенно по взаимной склонности; въ случаъ отказа родителей выдать ее замужъ за того, кто ей нравится, она попросту похищается у нихъ. Это, впрочемъ, не избавляетъ похитителя отъ необходимости заплатить за нее калымъ.

У туркменовъ кочевничество и скотоводство нераздѣльно связаны между собою. Нужна постоянная, сообразно времени года, перекочевка съ мѣста на мѣсто, чтобы найти пригодныя пастбища, гдѣ не было бы недостатка ни въ травахъ, ни въ водопоѣ и гдѣ стада не страдали бы отъ комаровъ и оводовъ. Нельзя сказать, что не хватаетъ пастбищъ. Ихъ столько еще, что они смѣло могли бы прокормить въ нѣсколько разъ большее количество скота, чѣмъ имѣется у всѣхъ туркменъ, вмъстѣ взятыхъ. Мѣста для пастбища находятся даже для чужеземныхъ ското-

водовъ: персовъ, афганцевъ и бухарцевъ, пригоняющихъ сюда на зиму свои стада. Кочевничество, а вмѣстѣ съ нимъ и скотоводство, какъ самостоятельное занятіе, сокращаются съ каждымъ годомъ.

Неприхотливость—общее свойство туркменскаго скота. За нимъ нѣтъ почти никакого ухода. Круглый годъ пребываетъ онъ подъ открытымъ небомъ на подножномъ корму. Только для лошадей и коровъ заготовляютъ на зиму жесткое сѣно и мелко изрубленную солому— саманъ. Даже домашнюю скотину лишь немногіе хозяева держатъ зимою въ глинобитныхъ загонахъ. Немудрено поэтому, что здѣшній скотъ, какъ ни выносливъ онъ и какъ ни приспособленъ къ рѣзкимъ смѣнамъ дневной жары ночнымъ холодомъ, не выдерживаетъ иногда жестокихъ, съ сильными буранами, морозовъ, какіе по временамъ посѣщаютъ Закаспійскую область.

Здѣсь разводятся длинноухія темно-рыжія овцы, большею частью мелкія и тощія, съ плохо развитыми курдюками и грубою шерстью. Жирными баранами могутъ похвалиться только мервскіе текинцы. Туркменскіе верблюды двухъ сортовъ—одногорбые и двугорбые. Первые еще довольно сильны, такъ что ходятъ подъ 18-пудовымъ вьюкомъ; вторые же гораздо слабѣе и не въ состояніи поднять свыше 13—15 пудовъ, не то что бухарскіе, хотя бухарцы, какъ всѣ сарты, обращаются со скотомъ гораздо хуже, чѣмъ туркмены.

Изъ продуктовъ скотоводства важнъйшее значеніе въ торговомъ отношеніи имъетъ шерсть овечья и верблюжья. Овецъ стригутъ два раза въ годъ, при чемъ осенняя стрижка даетъ болье выгодные результаты, чъмъ весенняя, такъ какъ лътняя шерсть по своему достоинству лучше зимней. Затъмъ идутъ издълія изъ шерсти: кошмы, паласы, ковры и матеріи, далье—овчины, изъ которыхъ текинцы дълаютъ себъ папахи, въ ахалъ-текинскомъ же оазисъ и тулупы; потомъ кожи и наконецъ бараньи кишки въ соленомъ видъ, отправляемыя отсюда въ Европейскую Россію для колбасъ и сосисекъ и за границу для выдълки струнъ.

Землевладвніе у туркменъ неразрывно связано съ водовладвніемъ. При крайнемъ недостаткі въ области воды населеніе должно прибігать къ искусственному орошенію. За каждымъ семейнымъ туркменомъ закріпляется пай воды, потребный для орошенія отведеннаго ему участка. Продавшіе свой пай тімъ самымъ становятся безземельными. Земля очень поверхностно обрабатывается въ теченіе нісколькихъ літть подъ рядъ, а затімъ, по истощеніи, отдыхаетъ два-три года, какъ говорять "запускается въ перелогъ", и только послів этого снова поступаетъ въ обработку; пашня производится очень небрежно, допотопнымъ плугомъ, который, несмотря на мягкій лессовый грунтъ, не можетъ поднять почву больше, чіть на два или на три вершка, при чемъ на поляхъ остается много сорныхъ травъ. Къ удобренію не прибіть

гаютъ; въ этомъ пока нѣтъ надобности, да къ тому же здѣсь почти нѣтъ навоза: онъ дочиста пожирается жуками-навозниками. Жнутъ серпами безъ зазубринъ, высоко срѣзая стебель, чтобы потомъ пустить въ поле на скудную кормежку домашній скотъ, чаще всего не имѣющій отдѣльныхъ пастбищъ. Молотятъ на токахъ лошадьми и ишаками, некрупными, но настолько крѣпкими ослами, что они свободно могутъ идти подъ тяжестью даже двухъ взрослыхъ людей, ноги которыхъ при этомъ почти волочатся по землѣ.

Каждый текинецъ обыкновенно собственными силами, лишь при помощи семьи, обрабатываетъ свой участокъ. "Безводные" текинцы либо

Текинцы.

обращаются къ другимъ занятіямъ, либо арендуютъ землю изъ половины, трети, а не то и четверти урожая.

Главнымъ продуктомъ сельскохозяйственной дѣятельности туркменъ являются злаки: пшеница, ячмень, рисъ и джугара, или хивинское просо, — растеніе, своими длинными и узкими листьями на прямомъ высокомъ стеблѣ, иногда въ ростъ человѣка, очень похожее на кукурузу. Крупными кистями ниспадающія зерна джугары употребляются на кормъ скота и на плохого качества лепешки для самихъ пахарей. Случается, что джугара даеть урожай самъ-двѣсти.

Туркмены воздълывають и хлопокъ, но въ очень ограниченномъ количествъ и лишь для собственной потребы. Воздълывають туркмены еще масличное травянистое растеніе—кунжутъ. Почва для него совствиь не вспахивается и съмена его просто бросають въ мокрую землю: оно такъ неприхотливо, что всходить даже между верблюжьей колючкой и бурьяномъ. Кунжуть идеть на молочнаго цвъта масло, выжимаемое ручными прессами изъ съмянъ, которыя туркмены предварительно толкуть въдеревянныхъ ступахъ.

Все туземное населеніе раздівляется на волости, а эти посліднія—на аулы. Во главі каждой волости поставлень волостной управитель, во главі аула—аульный старшина, назначаемые администраціей области изъ среды туземцевь, наиболіве вліятельныхъ. Волостной управитель должень наблюдать за полицейскимъ порядкомъ въ волости, вести счетъ кибиткамъ, семьямъ, собирать подати, слідить за исполненіемъ натуральныхъ повинностей, короче говоря, нести такую же службу, какую у насъ въ деревняхъ несуть волостные старшины. При этомъ ему предоставлено право подвергать своихъ односельчанъ, виновныхъ въ неисполненіи его распоряженій, аресту до трехъ дней или штрафу до трехъ рублей. Что особено пріятно отмітить здісь—это отсутствіе порки: по закону текинцы не подвергаются тілесному наказанію.

Какъ самъ волостной управитель, такъ и находящіеся при немъ письмоводитель и разсыльные получають жалованье.

Въ окрестностяхъ Чарджуя.

(Э. Циммермана.)

Миновавъ станцію Барханы, мы вътхали въ область садовъ и полей Чарджуйского оазиса и вмъсть съ тъмъ въ предълы Бухарского ханства, такъ какъ, по последнему договору, вытянутыя широкою полосой плодоносныя земли вдоль по ліввому берегу Аму-Дарьи остались во власти эмира. Съ согласія послідняго, желізная дорога направилась къ Самарканду, проръзая отсюда его владенія до северныхъ бухарскихъ границъ. Туземный городъ Чарджуй остался верстахъ въ пяти вправо отъ рельсовъ. Опасаясь, какъ надо полагать, разливовъ Аму-Дарьи, туземные жители построили свой городъ подальше, а именно верстахъ въ десяти отъ береговъ ея. Здішнія постройки нельзя назвать даже домами. Пыльно-серыя стены глинобитныхъ жилищъ, слепленныхъ изъ той же земли, что у насъ подъ ногами, по объ стороны такой же пыльной улицы способны навести тоску на непривычнаго постителя; все смотрить съро, даже при столь яркомъ сіяніи здішняго яснаго дня. По объ стороны неширокой улицы, защищаемой отъ солнечныхъ лучей раскинутыми надъ ней цыновками, безпрерывными рядами тянулись невысокія открытыя лавки. Въ нихъ пестръли всякаго грода туземные привозные товары. Въ иныхъ мъстахъ предлагались въ продажу сиъди

въ родъ жареной баранины, пилава. Въ другихъ бухарцы, сидя на кошмахъ, распивали чай. По тъснымъ проходамъ проъзжали всадники и толкались толпы пъшихъ. Между ними встръчались также женщины; закутавшись съ головой до ногъ въ блъдно-синіе халаты и закрывъ лицо черными волосяными сътками, онъ, словно живыя муміи, робко пробирались въ толкотнъ. Своеобразное зрълище представляетъ эта суетливая базарная толпа. Дойдя до конца базара, я на подъемъ холма увидълъ ворота Чарджуйской кръпости, въ которой живетъ здъшній бекъ, какъ называется начальникъ округа.

Въ верств разстоянія отъ станціи, внизъ по теченію ръки, у самаго берега находится рощица, состоящая изъ не густо разросшагося тала. Въ просторныхъ промежуткахъ между деревьями возвышаются надъ землей продолговатыя, почти призматической формы гробницы туземцевъ; а тутъ же рядомъ торчатъ кресты надъ могилами русскихъ покойниковъ, ночившихъ вдали отъ родины о бокъ съ мусульманами, какъ бы знаменуя тъмъ, что какъ въ жизни, такъ и по смерти они могутъ мирно занимать мъсто другъ возлъ друга. Желая ознакомиться съ окрестными селеніями, или по-туземному съ кишлаками, я часто проходиль черезъ эту рощу, направляясь далье по дорогъ, проторенной колесами. При этомъ не разъ случалось переходить по мостамъ, перекинутымъ черезъ арыки. Эти мосты строятся очень просто: перекидываютъ поверхъ воды съ одного берега канавы до другого на разстояніи около двухъ саженъ нісколько бревенъ, застилають ихъ хворостомъ и покрывають все это толстымъ слоемъ земли. По сторонамъ дороги показывались обычные курганчики и прилегающія къ нимъ поля, засівянныя пшеницей, кукурузой или люцерной, которая здішними русскими жителями неправильно называется клеверомъ. Последняго я нигде не встречаль во всемъ крав. Некоторыя поля были залиты водою, проведенною туда изъ арыковъ. Въ случать, если канава такъ глубока, что вода изъ нея не можеть быть направлена непосредственно на поле, то поселяне употребляють въ дело водоподъемныя колеса, приводимыя въ движение простымъ коннымъ приводомъ. Глиняными кувшинами, придъланными къ окружности колеса, вода черпается изъ арыка и при посредствъ желобовъ разливается по полю. Это напомнило мив точь въ точь такія же первобытнаго свойства водоподъемныя машины въ Египтъ на берегахъ Нила. Да и самыя сакли эдъшнихъ жителей совершенно схожи съ такими же глинобитными жилищами феллаховъ въ Египтъ, развъ съ той разницей, что послъдніе не обводять своихъ жилищь высокими стънами, такъ какъ имъ нечего опасаться нападенія хищныхъ враговъ.

Надъ разлитой по пашнъ водой съ крикомъ носились бълогрудыя с чайки, а по окраинамъ разлива весело перебъгали кулики. Когда про-

100 --

питанная водою почва просыхаеть немного, то ее подвергають тщательной обработкъ плугомъ, бороной в мотыкой. Несмотря на первобытныя орудія, воздільнаміе здісь доводится до высшей степени совершенства, съ какимъ у насъ можетъ сравниться развъ огородная разработка. Подъему мъстной культуры болъе всего способствуеть сознаніе земледъльца что весь успажь его хозяйства зависить оть его личнаго труда. Посъявъ хлъбъ, онъ не предается беззаботной надеждъ на погоду, на писпаденіе съ неба дождя, а, напротивъ, самъ распоряжается надлежащимъ орошениемъ своихъ полей: онъ, можно сказать, самъ творецъ той жатвы, что сторицею вознаграждаеть его трудъ. При видъ множества арыковъ, при посредствъ которыхъ вода изъ ръки проводится по всъмъ полямъ въ надлежащее время, нельзя не изумляться, тъмъ болъе, что вся эта сложная система орошенія выполнена самыми первобытными средствами, безъ помощи какихъ-либо нивеллирныхъ или другихъ инструментовъ. Земля здесь даеть обильные урожан, такъ что, по словамъ здъшнихъ хлъбопашцевъ, сорго или джугара, какъ они называють его, на ихъ поляхъ родится самъ - сто или даже самъ - полтораста. Мало того, съ одного и того же поля они снимають въ годъ по двъ обильныя жатвы. Понятно, что, въ виду такихъ урожаевъ, земледъльцы издревле не щадили труда для проложенія арыковъ, тымъ еще болье, что безъ орошенія, подъ вліяніемъ тіхъ же жгучихъ солнечныхъ дучей, растительность высыхаеть и поле обращается въ мертвую пустыню, среди которой человъку грозить голодная смерть. А потому поселенцы и заботятся такъ ревностно о проведеніи воды на свои поля. Орошеніе соединяетъ здъсь земледъльцевъ въ общинныя группы, но только въ отношеніи пользованія водою, а отнюдь не землею. Однаво земля всетаки составляеть принадлежность государства, а потому, кто бы ни оживиль ее общество поселянь или частное лицо, во всякомъ случаъ, за пользованіе участками каждый изъ хозяевъ обязанъ вносить въ казну извъстный налогъ.

Наблюдая за здішними хозяйствами въ кишлакахъ, можно убідиться на самомъ ділі, что орошаемыя земли при нихъ разбиты обыкновенно на мелкіе участки, принадлежащіе разнымъ хозяевамъ, какъ ихъ собственность, но подъ условіемъ непрерывной обработки.

Проходя по дорогѣ далѣе, и увидѣлъ въ сторонѣ на полѣ люцерны туземца, сидѣвшаго на корточкахъ и срѣзавшаго серпомъ пучки сочной травы. Такимъ-то копотнымъ образомъ убирается здѣсь люцерна, служащая главнымъ кормомъ для лошадей. Нашей косы въ здѣшнихъ мѣстахъ мнѣ не случалось видѣть. А между тѣмъ они люцерну жнутъ по четыре и по пяти разъ въ годъ съ одного и того же поля.

По краямъ дороги стали чаще появляться тутовыя деревья, по которымъ суетливо перелетали длиннохвостыя сороки. Мъстами показы-

валась дикая маслина съ ея тусклою, серебристою листвой. Вскоръ меня нагнала арба, на которой подъ навъсомъ сидъло 5 человъкъ туземныхъ горожанъ. Арба служила для нихъ какъ бы омнибусомъ. Она остановилась у ограды, за которой показался прудъ, полный воды. Веселая компанія, праздновавшая какое-то торжество, размъстилась на площадкъ возлъ пруда, поставила тутъ же самоваръ и въ ожиданіи кипятка занялась музыкой. Одинъ изъ туземцевъ игралъ на гармоникъ, проникшей сюда, какъ надо полагать, изъ Москвы, а другой вторилъ ему на мъстномъ тамбуринъ. Когда я мимоходомъ заглянулъ къ нимъ за ограду, то они привътливымъ жестомъ пригласили меня къ чаю. Поблагодаривъ, я пошелъ далъе.

На пятой верств дорога перешла уже въ тропинку, проторенную между полями. Далве этого, повидимому, не ходять арбы, и незнакомому со всъми переплетающимися по полямъ тропами трудно бываеть пробраться по этимъ селеніямъ или кишлакамъ. Не желая возвращаться назадъ прежнимъ путемъ, я пустился наудачу впередъ по извивавшейся то вправо, то вліво тропів, и туть-то испыталъ на ділів, какъ легко въ этихъ містахъ запутаться въ лабиринтів полей, тімъ еще боліве, что путь то и діло пересівкался наполненными водою арыками. Въ какую бы сторону я ни направился, вездів натыкался на широкую канаву. Подойдя наконець къ жилищу поселенца сарта, я крикомъ вызвалъ хозяина. На вопросъ мой о Чарджуї онъ указалъ мнів на перекинутое черезъ арыкъ бревно, по которому я и перебрался на другую сторону. Потомъ сартъ услужливо вывелъ меня на тропу, по которой я и вышелъ, наконецъ, къ знакомой мнів рощів съ кладбищемъ.

Съ наступленіемъ жаркихъ дней, когда температура доходила до 35° въ твин, часто раннимъ утромъ я пускался на прогулки по окрестностямъ Чарджуя. Вставалъ на разсвътъ и выходилъ на берегъ ръки. Все еще тихо вокругъ. Вотъ на горизонтъ показалось солнце и освътило все яркимъ блескомъ. Рабочій людъ сталъ пробуждаться. На плоскихъ крышахъ домовъ здёсь и тамъ поднимаются съ ложа спавшіе наверху люди, расположившіеся на возвышеніи ради болье свъжаго ночного воздуха. Обратившись лицомъ къ востоку, мусульмане творять свою обычную молитву. Раздался свистокъ локомотива на желъзной дорогъ, куда собрадись уже толпы поденщиковъ. Заработалъ коперъ и раздался громкій стукъ тяжеловъсной бабы, вбивающей сваи близъ берега для огражденія его отъ напора водъ быстрой ріжи. Къ берегу стали приставать туземные каюки съ тюками хлопка изъ Бухары или съ грузомъ ячменя, замъняющаго здъсь нашъ овесъ для лошадей. Зерно туть же у берега ссыпается большими грудами. Вокругъ тюковъ хлопка прилегли на землъ верблюды. Совершивъ нагрузку, вожаки отводять ихъ вереницей къ станціи для перегрузки хлопка на платформы. По

всему берегу поднялась шумная суета и раздались гортанные звуки восточнаго люда.

А ръка неудержимо-стремительнымъ потокомъ несетъ свои красновато-глинистыя воды. Въ этомъ отношени Аму-Дарья напомнила мнъ другую такую же бурную ръку въ Съверной Америкъ—Миссури; но только въ немъ вода болъе темно-бураго цвъта. Размывая берега, Аму густо пропитывается глиной, такъ что зачерпиутая въ стаканъ вода въ скоромъ времени образуетъ на днъ значительный желтоватый осадокъ. Жители для питья употребляють ее не вначе, какъ давъ ей отстояться въ посудъ. Окончательно вода очищается только при помощи фильтра. Съ перваго раза мнъ казалось, что и купаться въ этой густой жижъ нельзя безъ того, чтобы на тълъ не осъла глинистая муть, но на самомъ дълъ оказалось, что въ этомъ отношени опасаться нечего: при такой быстротъ теченія ничего не успъваетъ осъсть на тълъ, и, купаясь въ ръкъ, я выходилъ изъ воды совершенно чистымъ.

Благодаря этой глинистой мути, вода Аму-Дарьи, проводимая арыками на поля, не только орошаеть ихъ, но служить также отличнымъ удобреніемъ; чёмъ долёе эта густая влага стоить на поль, тёмъ свётлёе становится она, по мёрё того какъ глинистая муть осёдаеть на почву, оставляя на ней тонкую слойку самаго плодоноснаго назёма. И дъйствительно, этотъ суглинистый мергель, этотъ желтоземъ, или такъ называемый лёссъ, по содержащимся въ немъ составнымъ частямъ и порошкообразному состоянію смёси представляеть какъ бы нарочно приготовленную для питанія растеній почву. Однако желтоземъ распространяется не однимъ только путемъ орошенія, иначе нельзя бы объяснить себъ, какъ образовался лёссъ въ тёхъ мёстахъ, куда искони не попадало ни капли рёчной влаги.

Порошкообразный лёссъ обязанъ своимъ распространеніемъ вѣтру. И въ самомъ дѣлѣ, въ знойные лѣтніе дни бурные вихри поднимаютъ въ песчаныхъ пустыняхъ громадныя массы пыли. Намъ не разъ приходилось видѣть, какъ эта степная пыль, поднятая вѣтромъ по ту сторону рѣки, разносится по обширной равнинѣ громадными клубами. Самый песокъ, задерживаемый встрѣчными неровностями почвы, скопляется мѣстами въ большіе барханы. Но болѣе легкая пыль уносится высоко вверхъ восходящими потоками сильно нагрѣтаго воздуха. Тогда безоблачное съ утра небо застилается этою пылью, словно мутною пеленой. Па солнце можно смотрѣть невооруженными глазами; блѣдное, оно не даетъ своихъ лучей и походитъ на потускнѣвшій оловянный кружовъ. По охлажденіи атмосферы съ закатомъ солнца восходящіе потоки воздуха прекращаются, и вся масса поднятой вмъ пыли, опустившись, покрываетъ собою необъятное пространство. Небо вновь выясняется в четупаетъ чудная, прохладная ночь съ ярко сверкающими ввѣздами

въ вышинъ. Изъ этой-то осъвшей атмосферной пыли и образуются лёссовыя отложенія, составляющія плодородную желтоземную почву, богатый даръ природы, дорого цънимый туземнымъ населеніемъ.

И действительно, лёссь дорогь жителямь не только своимъ плодородіемъ, но и темъ еще, что входить, можно сказать, во всё отрасли житейского быта туземцевъ. Изъ него, какъ мы уже знаемъ, они строятъ свои жилища, возводять крепостныя стены и, пережигая въ кирпичъ. воздвигаютъ свои мечети; изъ того же лёсса готовятъ узкогорлые кувшины, большіе и малые тазы, чаши, плошки, лампочки, подсвічники, даже своеобразнаго вида чернильницы. Не употребляя почти никакой мебели, они однако слагають изъ глины нечто въ роде кроватей, а по дворамъ стоятъ кормушки, замъняющія ясли для лошадей, сдъланныя также изъ лёссовой земли. Такъ широко пользуются они ею, благодаря тому, что она у нихъ всегда тутъ же подъ руками. Въ отношени плодородія слідуеть замітить, что лёссовая почва превосходить даже черноземную, такъ какъ она оказывается неистощимою; она достигаетъ нъсколько сотъ футовъ толщины и на одномъ и томъ же мъстъ въ теченіе нізокольких візковь дасть все тіз же богатые урожан, лишь бы человъкъ орошалъ благодарную почву.

Проходя вверхъ по ръкъ, я часто заставалъ тамъ съ полдюжины приставшихъ къ берегу каюковъ, въ которыхъ туземцы подвозили провзеденія своихъ полей, снабжая жителей и стоящія здѣсь войска провіантомъ. Сарты доставляють также топливо для стоящаго тутъ близъ берега кирпичнаго завода. Но такое топливо можетъ годиться развѣ только въ здѣшнемъ знойномъ климатъ, благодаря которому для обжиганія кирпичей не требуется сильнаго жара. И въ самомъ дѣлѣ, обыкновенныя дрова здѣсь рѣдки за недостаткомъ лѣсовъ; саксаулъ также сильно вырубленъ, а потому они замѣняются связками гребенщика, вообще всякаго бурьяна, въ большихъ грудахъ наваленнаго на берегу. Навѣсовъ для просушки сырого кирпича при заводѣ вовсе нѣтъ, такъ какъ при постоянномъ ясномъ лѣтнемъ небѣ кирпичъ гораздо лучше просыхаетъ на солнечномъ припекѣ. Его зачастую употребляютъ даже на постройку домовъ въ видѣ сырца. Обжиганію сырецъ подвергается только для болѣе прочныхъ построекъ.

Миновавъ кирпичный заводъ, я вышелъ на общирную равнину, гдъ передъ мною разстилалось травяное поле. Его нельзя назвать лугомъ, съ понятіемъ о которомъ у насъ связана ласкающая взоры зелень нашего дерна; здъсь мы напрасно стали бы искать знакомой намъ бархатистой муравы; подъ вліяніемъ жгучаго соянца трава либо вырастаєть въ видъ высокой осоки, если въ почвъ достаточно влаги, либо она высыхаетъ, не образуя дерна. Впереди по тропъ весело перебъгали подорожки съ кохолками, а надъ ръкой носились чайки, по берегу посвистывали ку-

лики. Издали навстрічу тянулся каравань, состоящій изь дюжины верблюдовь, съ кладью для желізной дороги. А тамъ проскакали двабухарца, сидя на одной лошади. Часто даже и на маленькомъ ишаків поміщаются два сіздока, и подъ этою тяжестью выносливое животное бодро сіменить ногами.

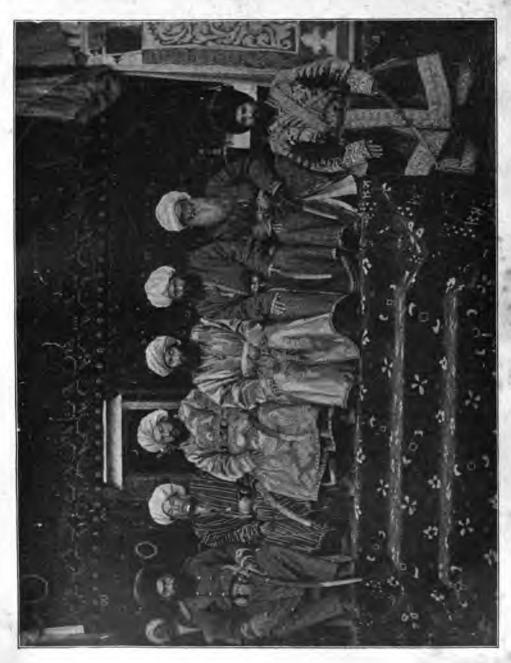
Бухарскій праздникъ.

(Свирскаго.)

Выль май місяць. Жара стояла невыносимая. Бухара буквально задыхалась оть жару и пыли. Единственная дверь моей каморки выходила на плоскую глиняную крышу сосідняго каравань-сарая. Только къвечеру, когда спала жара, стало легче. Придвинувъ къраскрытой дверы свою узенькую "тахту" (кровать), я легь и отъ нечего ділать сталъразсматривать небо. Наступили сумерки. Кругомъ было тихо и безлюдно. Далеко передо мною, словно гигангская колонна, темніла въ предвечернемъ воздухів круглая башня мечети. На вершинів этой башни, точно вылитый изъ гипса, неподвижно стояль на одной ногів білый ансть. Сумерки сгущались и темніло небо. На горизонтів кое-гдів загорались звізды.

- Вы чего развалились? Пойдемте на базаръ лучше, —вдругъ услыхалъ я возлъ себя звонкій молодой голосъ. Отъ неожиданности я вздрогнулъ и быстро поднялъ голову. Въ двухъ шагахъ отъ меня стоялъ мой сослуживецъ и сосъдъ по саклъ, Калмыковъ. Онъ одинъ изъ первыхъ прибылъ въ Бухару и уже успълъ освоиться съ мъстною жизнью и обычаями и прекрасно изучилъ туземный языкъ.
 - Куда идти?
 - Говорю же я вамъ на базаръ.
 - На ночь-то глядя?
- Эхъ вы, европеецъ, ничего-то вы не знаете... Въдь сегодня послъдній день "уразы" (поста), и бухарцы всю ночь будуть бодрствовать. Вотъ увидите, какая интересная картина получится. Вставайте же!

Черезъ нѣсколько минутъ мы уже были на улицѣ. Внизу у воротъ "сарайманы" (дворники) варили "шурпу" (супъ). Это они готовили себѣ завтракъ. Мусульмане постятся не такъ, какъ христіане: они весь день ничего не ѣдятъ, не пьютъ и даже не курятъ, но съ наступленіемъ вечера, когда на небѣ покажутся первыя звѣзды, они принимаютъ пищу, при чемъ въ продолженіе ночи ѣдятъ три раза, т.-е. завтракаютъ, объдаютъ и ужинаютъ. Лѣтній постъ, заканчивающійся "Коранъ-Байрамомъ" (праздникъ корана), длится три недѣли. Во время поста сарты бываютъ очень злы, угрюмы и молчаливы. Весь день они ходятъ полусонные, едва передвигая ноги. Голодъ, жажда и желаніе курить причи-

Digitized by Google

няють имъ огромныя страданія, но они стоически переносять всів мученія въ ожиданів вечера. Помню, мив однажды довелось быть свидетелемъ следующей сцены. Первый день поста прошель и наступиль вечеръ. Наши дворники, собравшись вмъсть, усълись вокругъ котла, въ воторомъ кипълъ супъ изъ баранины. Горячій паръ густыми клубами вырывался изъ котла, распространяя запахъ вареной говядины. Сарты хранили глубовое молчаніе. Они сиділи въ пестрыхъ халатахъ, поджавъ подъ себя ноги, и по ихъ смуглымъ изнеможеннымъ лицамъ ясно было видно, какъ страшно имъ хотвлось всть и какъ мучительно раздражалъ ихъ запахъ кушанья. Но воть съ высокаго ближайшаго минарета раздался різкій крикливый голось муллы, который возвіщаль, что наступила пора принятія пищи. Наши дворники (ихъ было пять челов'явъ), услыхавъ голосъ муллы, встрепенулись и сразу ожили. Двое изъ нихъ кинулись къ котлу и съ лихорадочной быстротой стали наливать въ миску горячую "шурпу". Остальные тымъ временемъ ухватились за "чилимъ" (кальянъ) и съ жадностью затянулись нъсколько разъ табачнымъ дымомъ. Въ это время я замътилъ, что съ курильщиками происходить нъчто весьма странное. Ихъ лица побледнели, глаза закатились подъ лобъ, изъ рукъ выпали длинные чубуки, а вследъ затемъ и сами они упали навзничь и такъ остались лежать безъ движенія, безъ всякихъ признаковъ жизни. Но не прошло и минуты, какъ курильщики, все еще бліздные и слабые, стали постепенно приходить въ себя; а спустя еще немного, я видълъ, какъ они съ чисто волчьей жадностью вылавливали руками изъ миски куски баранины, быстро глотая и ежеминутно обжигаясь.

Точно такую же сцену я увидаль и теперь, когда мы съ Калмыковымъ выходили изъ караванъ-сарая. Мы стали подходить къ центральному бухарскому базару. Несмотря на поздній часъ, улицы кишмя киштали народомъ. Въ другое время въ такой часъ Бухара уже спить, и на улицахъ не видно ни одной души. По мъстнымъ законамъ, ни одинъ бухарецъ не смъетъ послъ захода солнца выйти изъ дому безъ особаго разрѣшенія начальства. Лѣтомъ, въ седьмомъ часу вечера, когда на дворъ еще довольно свътло, лавки запираются, и все многочисленное населеніе Бухары мгновенно исчезаеть, спрятавшись въ свои глиняныя гивзда. Пройдитесь въ такое время по бухарскимъ улицамъ, и вамъ покажется, что вы разгуливаете по вымершему городу. Подъ каменными и камышевыми сводами узенькихъ улицъ вы не встретите ни одной души. Только изръдка до вашего слуха донесется неуклюжій барабанный бой "миршана" (полицейскаго) или тягучая заунывная пъсня индуса, судьбой заброшеннаго сюда изъ далекой Индіи. И невольно въ душу закрадется тоска, и вы поспъшите скоръй домой, чтобы въ бесъдъ съ товарищами скоротать время.

Вотъ почему меня такъ удивило это необычное движение въ недозво-

- Что это значить? Откуда эта толпа?—спросиль я у Калмыкова, съ любопытствомъ слъдя за толпою, которая такъ же, какъ и мы, двигалась по направленію къ центральному базару.
- Это послъдній ночной концерть, отвъчаль мить Калмыковъ. Вотъ уже три недъли, какъ мы витемъ удовольствіе ежедневно бывать на даровыхъ представленіяхъ. Сегодня въ полночь закончится у нихъ постъ и наступитъ праздникъ.

Мы вышли на площадь и передъ нами неожиданно развернулась поразительная картина. Обширная площадь, посреднить которой возвышался бащенный дворецъ эмира съ двумя заржавленными пушками на подътажь, была вся запружена народомъ. Бритоголовые граждане Бухарскаго ханства оглашали ночной воздухъ дикими криками, топтались какъ бараны на одномъ мъстъ и никому не давали проходу. Время отъ времени толпа мальчишекъ съ зажженными факелами бъгала взадъ и впередъ по площади, выкрикивая непонятныя слова. У каждаго бухарца имълся фонарь. Множество огоньковъ, сливаясь витетъ, волшебными красками освъщали площадь и толиу. Въ общемъ получалась картина грандіозная и таниственная. Эта тихая майская ночь, эта блуждающая съ бумажными фонарями азіатская толпа, эти пестрые халаты, чалмы, смуглыя лица, этотъ шумный говоръ тысячи голосовъ и эти ръзкія, безумныя взвизгиванія мальчишекъ дъйствовали на свъжаго человъка ошеломляющимъ образомъ.

- Что здёсь происходить? -- спросиль я у Калмыкова.
- Развѣ вы не видите? Постъ провожають, а въ полночь они будутъ празднивъ встрѣчать. Вонъ и луна показалась. Сейчасъ начнется преинтересное зрѣлище.

Луна дъйствительно показалась. Медленно поднималась она изъ-за стъны городской кръпости, и блъднымъ свътомъ озарила площадь, дворецъ и толпу. Появленіе луны было встръчено бухарцами произительными воплями. Они съ мольбой протягивали къ мъсяцу руки, точно прося его сойти на землю, и безчисленное множество разъ повторяли имя Бога. По луна и не думала спускаться на землю; напротивъ, она все дальше и дальше уходила въ глубь темно-синихъ небесъ.

— Смотрите, смотрите сюда!—вдругъ ухватилъ меня за рукавъ Калмыковъ, указывая на громадную голпу, съ пъснями и барабаннымъ боемъ двигавшуюся по направленію къ Шарабудинскимъ воротамъ. Толпа вела

но кого-нельзя было разглядьть.

это?-обратился я къ своему спутнику.

енитересная штука: толпа ведеть въ Шарабудинъ осужденто казнь преступника.

- Для чего же его ведуть въ Шарабудинъ?
- Для помилованія. Завтра эмиръ въ честь праздника всенародно объявить свое помилованіе. Впрочемъ, вы же будете съ нами на праздникѣ; тогда увидите, какой процедурой будеть сопровождаться помилованіе.
- Такъ что осужденный, котораго ведуть, знаеть уже сейчась, что его ждеть завтра?
 - Конечно, знаетъ.
 - А для чего это въ барабаны быють и пъсни распъвають?
- Это родственники и друзья осужденнаго восхваляють милосердіе своего эмира.

Я еще хотель что-то спросить, но въ это время мое внимание было отвлечено следующимъ зредищемъ. Недалеко отъ насъ человекъ двести, собравшись въ тесный кружокъ, выделывали какія-то невозможно дикія вещи. Они срывали съ себя чалмы, кулаками били себя въ грудь, падали на землю, царапали себъ лица и такъ кричали, что ихъ вопль заглушаль барабанный бой и шумъ многотысячной толпы. Сначала я было подумаль, что бухарцы деругся между собой, но, вглялъвшись повнимательный, я поняль, что здысь происходить инчто другое. Никогда еще мив не приходилось наблюдать ничего подобнаго. Передо мною бъсновалась озвъръвщая толпа. Вокругъ этой толпы горъли, жестянки съ кунжутнымъ масломъ. Пламя горящаго масла поднемалось вверхъ. точно огненныя змін, извивалось въ ночномъ воздухів и ярко озаряло толиу бичевавшихъ себя людей. Жутко было смотреть на все происходившее и страшно становилось за людей. Охваченные безумнымъ фанатизмомъ, эти несчастные сами не въдали, что творили. Тамъ были старики и юноши. У многихъ лица были въ крови. Полуобнаженные, они вертылись, пищали, рвали на себъ одежду и не переставали вричать ни на минуту.

- Уйдемте, пока насъ еще не замътили, —услыхалъ я тревожный шопотъ Калмыкова. — Мы наткнулись на гусейнистовъ. Это фанатики, поклонники святого Гусейна.
- Что же они дълають?— невольно понизивъ голосъ до шопота, спросилъ я.
- Они бичують себя и этимъ какъ бы выгоняють свои грахи. Уйденте. Не дай Богь, если они насъ увидять, убьють...

Нечего и говорить, что я не заставиль себя долго просить и послы-доваль за пріятелемь.

Черезъ полчаса мы уже были дома.

На другой день, чуть только стало свътать, мы съ Калмыковымъ съли на лошадей и отправились въ Шарабудинъ. Все населеніе Бухары было уже на ногахъ. Городъ имълъ праздничный видъ. Всъ лавки были закрыты, а улицы чисто выметены. Бухарцы въ щелковыхъ халатахъ и бълоснъжныхъ чалмахъ сплошной массой двигались по улицамъ, направлялсь, какъ и мы, въ Шарабудинъ. Всъ они сидъли верхомъ ито на лошадяхъ, кто на ослахъ; пъшихъ совсъмъ не видно было. За городомъ оживленіе было еще болъе сильное. Со всъхъ сторонъ стекались всадники, разодътые по-праздничному. Даже лошади и ослы были разукрашены стеклярусомъ и другими блестящими бездълушками.

. Когда мы вывхали изъ городскихъ воротъ, солице только что взошло. Въ прозрачномъ утреннемъ воздуже чувствовалась прохлада. Косые лучи взошедшаго солнца золотыми полосами упали на общирныя бухарскія поля. Миновавъ некрасивыя мусульманскія кладбища, окруженныя безчисленными скелетообразными карагачами, мы вътхали въ широкую тутовую аллею и невольно залюбовались чудной картиной среднеазіатской природы. На блёдно-зеленыхъ зубчатыхъ листьяхъ гигантскихъ деревъ сверкали крупныя капли росы. Колоссальныя шапки тутовиковъ были густо унизаны кремовыми ягодами, похожими на малину, но посуще и безъ аромата. Издали можно было подумать, что деревья унизаны крупнымъ, дорогимъ жемчугомъ. По объимъ сторонамъ дороги видивлись гранатныя рощи. Оттуда утрениній вітерокъ приносиль тонкій легкій аромать. Мы ъхали молча и съ любопытствомъ оглядывали общирную окрестность Бухары, которая теперь была подна жизни и движенія. Всв дороги и всв тропинки были запружены всадниками въ пестрыхъ халатахъ. Изъ Чарджуя, изъ далекой Керки, изъ Термесса, изъ всъхъ дальнихъ и близкихъ угловъ Бухарскаго ханства стекался народъ на великій праздникъ, въ надеждъ узръть своего эмира.

Какъ рано мы ни выбхали изъ дому, однако къ въбзду эмира въ Шарабудинъ мы опоздали: онъ уже былъ въ лѣтнемъ дворцѣ и совершалъ свой утренній намазъ. Наскоро привязавъ своихъ лошадей къ дереву, мы пѣшкомъ черезъ паркъ отправились къ дворцу, который кокетливо выглядывалъ изъ-за густой зелени деревъ. Зубчатыя башни, выкрашенныя въ зеленую краску, золотые карнизы и разноцвѣтныя ступени широкой лѣстницы придавали дворцу красивый видъ.

Намъ удалось захватить мѣсто почти у самаго входа дворца; тамъ мы утвердились, рѣшивъ не уходить отсюда, пока не увидимъ эмира. Толиа между тѣмъ все росла и множилась. Обширная поляна передъ дворцомъ была переполнена народомъ. Настроеніе было праздничное. Слышался веселый говоръ, смѣчта и шутки. Мальчишки, точно бѣлки, забрались на деревья и от плаза смотрѣли на то, что происходило внизу.

Вдругъ среди общаго трубный звукъ, и толпа : — Сейчасъ начнется п

ны парка рѣзкій різітілення рѣзкій рѣзкій різітілення рѣзкій рѣзкій різітілення рѣзкій рѣзкій

- Какое представленіе?
- Помилованіе осужденнаго. Въ прошломъ году то же самое происходило.

Не успѣлъ еще Калмыковъ кончить, какъ изъ парка показался сѣдобородый старикъ въ бѣломъ халатъ. Толпа моментально раздвинулась на двъ части и дала старику дорогу. То былъ придворный скороходъ. Положивъ сжатые кулаки на грудь и согнувшись въ дугу, старикъ съ необычайной быстротой забѣгалъ по полянъ.

— Кэтъ, кэтъ (сторонитесь)!—задыхающимся голосомъ выкрикивалъ скороходъ, и толпа покорно сторонилась. Черные глаза старика горъли, какъ раскаленные угли; борода чуть ли не до пояса пышнымъ въеромъ покрывала обнаженную грудь. Но воть старикъ сстановился, и въ ту же минуту изъ-за деревъ парка показалась процессія. Толпа таджиковъ, одетыхъ въ белые халаты, съ громкимъ воемъ и плачемъ медленно подвигалась впередъ. Въ серединъ этихъ плакальщиковъ, еле передвиган ноги, шель осужденный преступникъ, молодой рослый таджикъ съ круглой черной бородкой. На немъ вмъсто халата была надъта длинная бълая рубаха. Онъ шелъ босикомъ, съ обнаженной бритой головой. Преступникъ шелъ не одинъ: его вели подъ руки два палача въ красныхъ чалмахъ. На широкихъ красныхъ поясахъ палачей висъли длинные ножи. Осужденнаго подвели къ самому дворцу и поставили на колъни. Онъ сталъ молиться и плакать. Палачи тъмъ временемъ точили о голенища своихъ сапогъ широкія стальныя лезвія ножей; становилось не на шутку страшно. Толпа притихла. Съ замираніемъ сердца сліднять я за всімъ происходившимъ, не понимая, въ чемъ дело. Но вотъ наступила грозная минута. Одинъ изъ палачей подошелъ къ осужденному, закинулъ ему голову назадъ, кръпко захватилъ ее обоими колънями и подобралъ бороду преступника такъ, что шея совершенно обнаружилась. Тогда съ ножомъ въ рукахъ подощелъ другой палачъ и прокричалъ надъ головой осужденнаго: "Сечка чельда" (Смерть идеть)! Едва онъ это сказалъ, какъ воздухъ огласился барабаннымъ боемъ, трубными звуками и громкимъ плачемъ таджиковъ въ бълыхъ халатахъ. Палачъ, не обращая вниманія на поднявшійся шумъ и вой, протянуль ножь впередъ и предварительно провель имъ черту надъ самой шеей преступника. Казалось, еще міновеніе-и голова несчастнаго отлетить прочь отъ туловища. Но въ это время широкія двери дворца невидимой рукой раскрылись, на каменную площадку упаль большой персидскій коверь и показался эмиръ, окруженный пышной, богатой свитой. Появление эмира вышло въ высшей степени эффектнымъ. Золотая чалма эмира горъла драгоцънными камнями. Изъ-подъ этой чалмы рельефно вырисовывалось красивое, смуглое лицо хана съ черными жгучими глазами. Наступила мерто о вая тишина. Толпа замерла въ нъмомъ благоговъніи.

Эмиръ сдълалъ плавный жесть рукой и мягкимъ груднымъ голосомъ сказалъ:

— Во имя Магомета, дарую жизнь рабу своему.

Проговоривъ это, эмиръ скрылся. Освобожденный преступникъ доползъ на колъняхъ до площадки и нъсколько разъ поцъловалъ то мъсто ковра, на которомъ стоялъ эмиръ. Затъмъ онъ всталъ на ноги, низко и многократно поклонился народу и тихо заплакалъ слезами радости. Богатые таджики сейчасъ же окружили его со всъхъ сторонъ и наперерывъ стали приглашать его къ себъ въ гости.

Ночь совствить уже спустилась на землю, когда мы вытали изъ Шарабудина. На темномъ небть ярко гортали звтады. На обширной равнинть вырисовывались силуэты всадниковъ, возвращавшихся домой, въ свои кишлаки. Было тихо, только временами втеръ шелестилъ листвой да иногда слышно было, какъ сочилась вода изъ арыковъ.

Сарты.

(Изъ И. Гейера и Б. Тагвева.)

Сарты составляють преобладающее населеніе осёдлыхъ пунктовъ Туркестана, за исключеніемъ, впрочемъ, Хивинскаго ханства. Въ наукъ еще не рёшенъ вопросъ о происхожденіи сартовъ, и изъ всёхъ объясненій наиболе вероятнымъ надо считать догадку, что племя это произошло отъ смешенія таджиковъ съ завоевателями-узбеками. Сартъ очень строенъ, имъетъ несколько смуглый цветъ кожи, больше выразительные глаза; овальное лицо сарта покрыто густой растительностью, ростъ средній, зубы ровные и бёлые. Тёмъ не менъе фигура таджика изящиве сарта и въ то время, какъ характерной особенностью перваго является большее различіе между отдёльными личностями, вторые утратили эту разницу и очень часто походять другъ на друга.

Сарта нельзя упрекнуть въ особенной приверженности къ постоянному и настойчивому труду. Онъ не раздъляетъ мивнія, что хлюбъ человівка долженъ добываться въ потів лица, и весьма склоненъ при первой, даже ничтожной возможности мінять атрибуты земледъльца на аршинъ и безмінь. Благопріятныя климатическія условія облегчають ему жизнь, а наслідственное легкомысліе родителя-кочевника мирить его съ примитивными удобствами жизни, поэтому и работаеть онъ столько, сколько это необходимо для того, чтобы вести кая основная черта характера въ значествахъ рабочаго. Тамъ предлагают время лишь тів, кто вынужденъ на это край

за заработкомъ перваго рубля, удаля.

шую "чайхану", гдъ покупаютъ себъ копеечный комфортъ и разстаются съ нимъ не раньше, какъ опустошивъ свой карманъ. Вслъдствіе этого серьезныя сооруженія, какъ, напримъръ, жельзная дорога, должны запасаться рабочими либо въ Персіи, либо въ предълахъ Европейской Россіи. Почти каждый житель имъетъ клочокъ земли, который при удивительномъ плодородіи почвы и системъ искусственнаго орошенія съ избыткомъ покрываетъ нехитрыя потребности сарта—отъ уплаты податей до куска пестрой матеріи на халатъ и чайника чаю, до котораго они

большіе охотники. Но если сартъ не обладаетъ склонностью напряженно проявлять силу своихъ мышцъ въ ручномъ трудѣ, то онъ зато очень энергиченъ на поприщъ торговомъ. Для каждаго сарта идеаломъ жизненнаго благополучія является торговля, и къ ней обращается онъ при первой возможности. Скопивъ пару рублей, онъ тотчасъ же пускаетъ ихъ въ оборотъ, превращаясь либо въ торговца фруктами, либо въ старьевщика, продаетъ такую дрянь, которая, по понятіямъ европейца, никогда не могла бы стать предметомъ торга. Такъ какъ при этомъ онъ мирится съ

Знатный таджикъ.

самою мизерною прибылью, то въ этой сферѣ онъ завоеваль себѣ первенствующее положеніе и держить въ своихъ рукахъ всю мелкую торговлю, тѣсня конкурентовъ всѣхъ націй, за исключеніемъ армянъ. Несмотря, однако, на коммерческія способности, къ сложнымъ торговымъ операціямъ сартъ еще не подготовленъ, и здѣсь онъ сталкивается съ бухарскимъ евреемъ—королемъ мануфактурнаго, а отчасти и хлопковаго рынковъ.

Ремесла, какъ занятія, не требующія особаго напряженія мышць и производящіяся не подъ жгучими лучами солнца, также привлекають къ

себъ значительное число сартовъ. Эти промыслы имъють цеховую организацію, которая напоминаеть таковую же среднихь въковъ Европы.

Ремесленники располагаются по улицамъ, отдъльно по цехамъ: мъдники, кузнецы, ножевщики, токари, съдельники, портные, сапожники и т. д. Каждый цехъ имбетъ своего старосту и свои особые обычаи, свято соблюдаемые. Членъ цеха подчиняется товариществу, которое для исправленія уклонившихся отъ правильнаго пути прибъгаеть къ офиціальнымъ исправительнымъ мфрамъ въ видф наложенія запрещенія на заработокъ провинившагося. Мастеръ каждаго ремесла называется "уста" и при работъ всегда окруженъ подмастерьями, до минимума облегчающими его трудъ. Такъ, напримъръ, каменьщикъ ждетъ, пока его подручный не положить глину на мъсто будущаго кирпича, и т. п. Обладая достаточно развитой сметкой, ремесленникъ-сарть скоро перенимаеть чужіе пріемы работы, и въ настоящее время есть много мастеровъ, особенно слесарей, столяровъ и жестяниковъ, удовлетворяющихъ спросу европейцевъ и изготовляющихъ вещи, совершенно неизвъстныя въ обиходъ туземцевъ. Работа ихъ, правда, не отличается чистотою отделки и очень груба, но за последнее время стала улучшаться.

Въ обработкъ земли сартъ очень искусенъ, котя и уступаетъ во многомъ таджику. Поля его тщательно разбиты и обработаны и напоминаютъ собою огородъ русскаго крестьянина. Они не отличаются значительной величиной, но содержатся въ образцовомъ порядкъ, что не такъ-то легко, если принять во вниманіе зависимость воздълки отъ искусственнаго орошенія, при которомъ мало вспахать поле и держать его въ чистотъ отъ сорныхъ травъ, но и надо такъ выровнять поверхность, чтобы каждая точка его была доступна для воды, съ экономіей отпускаемой изъ общаго оросительнаго канала.

Предпочитая покой труду, сарть старается возможно удобне обставить место отдыха. Поэтому на поле его всегда есть группа деревьевь, въ тени которыхъ расчищается небольшая площадка, непременно на берегу оросительнаго канала или канальца (арыка), нередко обсаженная цветами, любимые изъ нихъ бальзамины, васильки, и покрытая у бедняка камышевыми плетенками, а у боле или мене зажиточныхъ войлокомъ. Невдалеке устраивается очагъ для варки пищи и чая, который пьють все безъ исключенія и въ большомъ количестве; на протекающемъ арыке нередко ставится водяное игрушечное колесо, приводящее въ движеніе игрушечную толчею, подъ монотонные звуки которой дремлеть первобытный сибарить. "уть же прилаженъ и веръ, обвевающій въ полуденный у стливаго хозяина.

Не менъе искусны сарты и въ са лючая виноградъ и персики, не гъе качествомъ фруктовъ. Яблоки

деревья,
Digitized by Советить
\ пред-

ставляють собой товарь самаго низкаго вачества. Однако, благодаря переимчивости, сарты скоро признали превосходство европейскихъ сортовъ фруктовыхъ деревьевъ и не замедлили перенести культуру въ ихъ собственные сады.

Жилище сартовъ, какъ и остальныхъ осъдлыхъ туземцевъ, отличается примитивною простотою устройства. На фундаменть изъ булыжника, часто едва углубленномъ въ землю, или изъ кирпичной кладки, устанавливается деревяниая рама, по угламъ которой вдалбливаютъ стойки. Пространство между краеугольными стойками, съ промежутками до */, аршина, забирается наискось поставленными болье или менье толстыми жердями, концы которыхъ также вдалбливаются въ нижнюю и верхнюю рамы. Поперечными перемычками ограничиваются проемы для дверей и для оконъ. Такая основа жилья называется каркасомъ, и, чтобы обратить ее въ сплошныя ствны, всв промежутки между жердями, стойками и рамами закладываются комьями высушеннаго на солнц'в лёсса, который предварительно вымешивають, пользуясь землею двора и водою протекающаго черезъ дворъ арыка. Закладка каркаса ведется на густомъ растворъ того же лёсса. При такомъ способъ кладки стъны имъють очень неровную поверхность, которая сглаживается штукатуркою стыть тымь же густымъ растворомъ лёсса, но замъшаннаго на пшеничной мякинъ, и продолжительное время перебродившаго въ ямъ. Стъны штукатурятся съ объихъ сторонъ, при чемъ внутренняя сторона ихъ у болъе богатыхъ домовладъльцевъ поверхъ глиняной штукатурки покрывается еще и алебастровой. Потолокъ и крыша устраиваются также просто. На верхнюю раму довольно густо укладывають нетолстыя балки, а въ пролеты между ними плотно укладываются строганыя палочки. Поверхъ палочекъ разстилаются камышевыя плетенки, а на нихъ кладется слой камыша, до 4/, аршина; камышъ засыпается землею, которая смазывается тымъ же перебродившимъ растворомъ лёсса съ мякиной. Благодаря химическимъ процессамъ, сопровождающимъ броженіе, смазка пріобрізтаеть особенныя качества водонепроницаемости, и крыши, подобнымъ образомъ устроенныя, не протекають даже и во время осеннихь и весеннихь дождей, если, конечно, смазка сдълана добросовъстно и ежегодно ремонтируется. Двери выходять во дворъ. Комнаты располагаются въ одинъ рядъ и не болье двухъ-трехъ изъ нихъ связаны внутренними дверями. Большею же частью каждая комната имветь свою дверь, выходящую на общую крытую террасу. Какъ бы ни былъ бъденъ хозяинъ, жилье его устроено такъ, что мужская половина тщательно отдълена отъ женской; тамъ имъются такія же, въ одинъ рядъ расположенныя комнаты, выходящія на террасу. Внутреннее убранство комнать не блещеть особою роскошью. Гленяный поль устлань циновками, поверхъ которыхъ у бъдняка лежить С **жо**шма, а у богача-коверъ. Въ срединъ комнаты устроено квадратное

углубленіе, глубина котораго ¹/₄ аршина. Все оно выложено жженымъ кирпичомъ квадратной формы и замѣняетъ собою печь. Въ него кладутъ горячіе древесные угли, а сверху устанавливаютъ низкій табуретъ, который покрываютъ большимъ ватнымъ одѣяломъ. Всѣ желающіе погрѣться усаживаются вокругъ табурета, просовывая ноги подъ одѣяло. На табуретъ ставится чайникъ или тарелки съ пищею; тогда онъ замѣняетъ обѣденный столъ. Ночью обитатели такихъ домовъ спять вокругъ такой печи, располагаясь по радіусамъ и держа все туловище подъ покрывающимъ табуретъ одѣяломъ. При такой системѣ отопленія выходить очень мало топлива, но, съ другой стороны, въ подобномъ жилъѣ парализуется свобода движеній, такъ какъ холодъ всѣхъ приковываетъ въ печи; во-вторыхъ, живущіе въ немъ страдаютъ ревматизмомъ и, вътретьихъ, не рѣдки случаи угара.

Кромъ табурета, покрывающаго печь, и одного-двухъ сундуковъ съдомашнимъ скарбомъ, въ комнатъ нътъ другой мебели, но зато по стънамъ лежатъ сложенныя одъяла, число которыхъ прямо пропорціональнозажиточности хозяина. Въ нишахъ, несмотря на тонкость стънъ, дълаемыхъ въ каждомъ простънкъ, стоятъ посуда, мъдные чеканные кувшины (кунганы), такія же блюда, лежатъ книги и т. п.

Во дворѣ располагаются такой же постройки конюшни и чуланы для склада разныхъ хозяйственныхъ запасовъ. Иногда дома строятся въ два этажа, при чемъ система построекъ остается все та же. Какъ раньшесказано, на улицу окна дѣлаютъ очень рѣдко. Здѣсь оставляется только дверь во дворикъ, черезъ которую ходятъ люди и проводятъ домашнихъживотныхъ; экипажъ же (арба) большею частью оставляется на улицѣ. При описанной архитектурѣ улицы сартовскихъ городовъ и кишлаковъпроизводятъ впечатлѣніе нескончаемо длинныхъ и узкихъ глиняныхъкоридоровъ, черезъ стѣны которыхъ то тамъ, то здѣсь простираютъкъ свѣту свои вѣтви раскидистыя деревья.

По объимъ сторонамъ улицы бъгутъ ручьи оросительной воды, давая или принимая рукава въ каждый отдъльный дворъ. Въ центръ города или кишлака находится базаръ. Это — сравнительно небольшая площадь, съ четырехъ сторонъ обставленная такими же домами, съ тою толькоразницею, что въ каждомъ изъ нихъ помѣщается лавка. По конструвціи своей лавки эти скорѣе напоминаютъ раздѣленные на клѣтки навѣсы, такъ какъ передняя стѣна ихъ состоитъ изъ вертикально поставленныхъ досокъ, на день вынимающихся изъ своихъ пазовъ. Вся лавка наполнена товаромъ, и въ ней можетъ повернуться лишь самъ хозяинъ. Покупатель обыкновенно сидитъ на порогѣ и разсматриваетъ товаръ, который раскидываетъ передъ нимъ торговецъ на войлокѣ, выстилающемъ полъ. Передъ лавками обыкновенно тянется общій навѣсъ (айванъ), с если базаръ располагается не на площади, а на улицъ, то надъ нею-

устраивается общая крыша и получается нѣчто вродѣ пассажа. Также устраиваются и мастерскія туземныхъ кустарей. Такимъ образомъ, каждый изъ нихъ работаеть на виду у всѣхъ. Конечно, кромѣ базарной площади или улицы, лавки бываютъ и въ другихъ частяхъ кишлака или города.

Необходимою принадлежностью каждаго населеннаго пункта сартской осъдлости является чайная, "чай-хане". Чайная устраивается такъ же, какъ и лавки, т.-е. въ видъ навъсовъ, открытыхъ на улицу. Полъ ихъ устланъ войлокомъ и, смотря по общирности заведенія, въ немъ устроена одна, двѣ, три и даже четыре печи. Отъ улицы чайную отдѣляетъ узкая терраска. Небольшой уголь занять особою печкою, въ которой имъются угли и стоять чайники съ завареннымъ чаемъ. Кипятокъ получается изъ большого самовара, стоящаго рядомъ съ печкою. Около же печи часто врывается въ землю огромныхъ размъровъ глиняный сосудъ, куда наливается арычная вода, гдв она и отстаивается. Если позволяеть место, передъ чай-ханою ставится две-три огромныхъ квадратныхъ кровати, также устланныхъ войлокомъ, на которыхъ посътители располагаются лътомъ. Чайникъ чая, вмъстимостью въ три стакана, стоить 2 коп. Чай-зеленый (кокъ-чай). Обыкновенно посътителю подается чайникъ, чашка—въ родъ маленькой полоскательницы на ножкъ, подносъ съ горстью изюма и одна пшеничная лепешка. За изюмъ и лепешку плата особая. По желанію въ чай-хане можно заказать и любое туземное мясное кушанье. Въ обыкновенные дни посътителями чай-хане являются провзжіе. По вечерамъ же каждая чайная обращается въ клубъ, гдв собираются компаніи и весело проводять время, занимаясь разсказами, пъніемъ и пляскою.

Въ большихъ кишлакахъ и въ городахъ, кромъ чайныхъ, существуютъ и харчевни, гдъ можно получить порцію плова, пельменей, пирожьовъ, шашлыка и т. п. Къ услугамъ обоихъ заведеній прибъгаютъ неръдко и европейцы.

Одежда сарта отличается простотою покроя и относительною дешевизною. Она состоить изъ длинной, ниже кольнь рубахи, сшитой большею частью изъ мыстной бумажной ткани, такихъ же штановъ, болье или менье широкихъ и заправленныхъ въ чулки (ичиги) изъ козьей или бараньей кожи, хорошо выдъланной, имьющей видъ средняго качества шагрени; поверхъ ичиговъ надъваются кожаныя калоши, которыя оставляются на террасъ при входъ въ комнату, мечеть, лавку, чай-хану и т. п. Въ таліи рубаха опоясана поясомъ изъ яркаго ситца, въ нысколько аршинъ длиною. Эта принадлежность костюма служитъ въ одно и то же время поясомъ и набрюшникомъ—весьма полезною защитою отъ той сырости, которая развивается отъ частой поливки земли. Поверхъ рубахи надъвается одинъ, два и болье халатовъ, сообразно средствамъ ихъ

обладателя; халаты изготовляются изъ московскихъ ситцевъ съ яркою краскою; у болъе богатыхъ—изъ полушелковой ткани, а у вкусившихъ европейской цивилизаціи—изъ тонкаго сукна или трико скромныхъ темныхъ цвътовъ. Бритую голову покрываетъ тебетейка, либо вязаная изъ бумажной пряжи, либо сшитая изъ цвътной шелковой или полушелковой ткани, расшитой красивымъ узоромъ разноцвътными шелками или бумагой. Сверху еще накладывается чалма изъ кисеи, большею частью бълая.

Костюмъ женщины также простъ. Длинная до щиколотокъ рубаха, смотря по достатку, изъ маты, ситца или полушелка, такіе же штаны,

Богатый сарть.

заправленные въ тв же вожаные чулки, сверху рубахи цвътной бешметъ. Волосы нъсколько заплетены ВЪ косъ, къ которымъ привъукрашенія изъ шиваются шелковыхъ кистей и серебряныхъ привъсокъ. Волосы всегда должны быть покрыты платкомъ; отсутствіе его считается неприличіемъ даже гръхомъ, особенно въ томъ случањ, если непокрытая платкомъ женщина находится въ комнать, гдъ лежить коранъ. При выходъ на улицу, по мусульманскому этикету, всю эту пестроту •женщина прячеть подъ особымъ, длиннымъ, почти по землв волочащимся сврымъ халатомъ (фараджа), надътымъ въ накидку поверхъ

головы, съ которой на лицо спускается густая сѣтка изъ конскаго волоса; рукава халата заброшены на спину, очень длинны и сшиты вмѣстѣ у нижняго края халата. Такое одѣяніе скрываетъ отъ прохожаго не только лицо женщины, но и складъ ея фигуры, и она производитъ впечиніе неуклюжей муміи, безмолвно скользящей по улицъ. У незаму женщинъ лицо закрывается густой кисеей. Въ дѣтскомъ возрас вочки ходятъ не закрытыми, и ребятишки обоего пола цѣлый л водятъ на улицахъ, что очень оживляетъ послѣднія

Домашняя жизнь сартовъ сосредоточивается вт Digitized by СОЗС граниченныхъ половинахъ: мужской и женской, ве

щихся другь отъ друга. Мужчины ведутъ полеводство, если они земледъльцы, торгуютъ, работаютъ въ мастерскихъ, т.-е. проводять большую часть дня внё дома и получаютъ массу разнообразныхъ впечатлёній отъ широкаго общенія другъ съ другомъ. Женщины же, наоборотъ, весь день сидятъ на своей половинв и занимаются рукодёльемъ, изготовленіемъ пищи, сушкою фруктовъ. На полевыя работы онв допускаются только для сбора хлопка. Все нужное имъ приноситъ мужская прислуга, и только для покупокъ мануфактурныхъ и галантерейныхъ товаровъ онв ходятъ сами. Гостей своихъ мужей онв не видятъ и развлекаются только посвщеніемъ такихъ же затворницъ. Такой образъ жизни, при существо-

ваніи многоженства, создаль страсть къ сплетнямъ и развилъ любопытство до крайнихъ предвловъ. Онъ же является причиною частыхъ ссоръ между скучающими женами правовърнаго. Авторитетъ старшей жены и всколько дисциплинируеть ся младшихъ подругъ, но онъ очень часто выходять изъ повиновенія, и медкая интрига почти всегда чувствуется въ женской половинь. Замкнутая жизнь женщины большая преграда для проникновенія пивилизаціи въ сартовъ, и она же является причиною того, что въ мъстной литературъ нъть до сихъ поръ беллетристическихъ произведеній, изображающихъ семейный бытъ.

Чистоплотность у сартовъ условная. Они дѣлаютъ нѣсколько разъ въ день омовенія, передъ ѣдой и приготовленіемъ пищи моютъ руки;

Сартянка.

женщины разъ въ недълю моютъ волосы, ходятъ въ баню, бълье же моютъ очень ръдко, и не стъсняясь, обтираютъ объ него руки во время ъды и работы. Бъдныя женщины совсъмъ не моютъ бълья и носятъ его до тъхъ поръ, пока оно истлъетъ на тълъ. Возобновление одежды про-изводится два раза въ годъ: передъ праздниками Рамазанъ и Курбань, въ это время даже и бъдняки дълаютъ себъ обновки. Въ случаяхъ крайней бъдности, не позволяющей сшить новую рубаху, къ рукавамъ старой пришиваются надставки изъ новаго ситца. При всемъ этомъ сартянки не чужды кокетства и часто прибъгаютъ къ косметикамъ, —конечно не парикъмахерскимъ, а домашнимъ. Такъ, напримъръ, красятъ брови, ногти и т. п.

Сарты испов'вдують мусульманскую религію суннитскаго толка. Въ основаніи ся лежить коранъ, который провозглашаєть сл'вдующіе основные догматы:

1) Единобожіе; 2) Магометь высшій и послідній пророкь; 3) корань высшее и посліднее откровеніе Бога людямь; 4) Богь управляєть міромъ и судьбою человівка; 5) воскресеніе изъ мертвыхъ и страшный судь; 6) спасеніе есть уділь однихъ правовірныхъ, и 7) рай есть уділь праведниковъ, а адъ—грішниковъ. Кромі догматовъ религіи, коранъ заключаєть въ себі и юридическій кодексь, приміненія къ которому собраны въ особыхъ книгахъ шаріата, опреділяющаго поступки мусульманина въразныхъ случаяхъ жизни.

Хранителемъ религіи у сартовъ является духовенство. Каждый грамотный имъетъ право на избраніе и носитъ названіе муллы, т.-е. учителя, а будучи выбранъ на духовную должность, называется имамомъ. При каждой мечети состоятъ: имамъ и азанчи (призывающій на молитву); изъ нихъ состоитъ причтъ.

Приготовленіе къ званію муллы начинается съ ранняго возраста. Літь десяти мальчикъ сарть поступаеть въ школу, гдв учится сначала чтенію и письму, а затімь постепенно переходить къ изученію молитвъ. Обыкновенно при каждой мечети имъется школа, въ которой собираются мальчики. Мирза или мулла, обучающій ихъ, не щадить ни ушей, ни рукъ мальчиковъ, немилосердно дергая или ударяя по нимъ длинной палкой. Необыкновенно терпъливо переносять ученики побои своего учителя и въ теченіе несколькихъ леть аккуратно посещають школу. Но вотъ уже мальчикъ достигь шестнадцатильтняго возраста и ему предоставляется право поступить въ медрессе. Здёсь его ожидаеть уже болве широкая работа. Онъ изучаеть ариеметику, богословіе и философію. Его знакомять даже съ астрономіей и древней мудростью. Въ теченіе нъсколькихъ льтъ занимается такой студенть въ своемъ медрессе, подъ руководствомъ опытныхъ и мудрейшихъ изъ муллъ. Если во время лекцій войти въ большое обыкновенно двухъ-этажное зданіе медрессе, можно видеть следующую картину: въ одномъ изъ обширныхъ помъщеній, въ кружокъ на полу, поджавъ подъ себя ноги, сидятъ до сорока чисто одътыхъ юношей студентовъ. У каждаго въ рукахъ открытая книга богословія; обыкновенно полный, съ окладистою сёдой бородой, сартъ-мулла читаетъ священное писаніе и толкуетъ слушателямъ ученіе пророка. Посл'є окончанія лекціи всіє ученики, проговоривъ: "Алла-Акбаръ!" встають и расходятся, за исключеніемъ тъхъ, которые не могли ответить на вопросы учителя. Они остаются для новой бесъды.

Жизнь муллы такъ же своеобразна, какъ и его наружность. Не редкость встретить муллу молодого съ густою, черною, тщательно расчесанною

бородою, и съдого старика, одътаго лътомъ въ бълосиъжную рубашку и халать (зимою халать пестрый шелковый); на головъ у него красиво навернута бълая чалма. Утромъ, лишь только первый лучъ восходящаго солнца окрасить пурпуровымъ светомъ бегущія облака, дежурный мулла идеть на возвышение и призываеть на молитву жителей. Вдали ему вторить другой крикъ, и муллы, перекликаясь такимъ образомъ, начинають свой день. Въ промежутокъ между молитвенными часами они или сидять у вороть мечети, или идуть навъстить своихъ коллегь въ друтихъ мечетяхъ. Въ еженедъльный праздникъ Джумма, совпадающій съ нашей пятницею, мулла, какъ каждый мусульманинъ, стрижеть свои ногти и брестся, при чемъ ногти тщательно завертываеть въ бумажку и сустъ куда-нибудь въ щель дома, — этотъ обычай соблюдается среди всего туземнаго населенія. Во время місячнаго поста — уразы-у него особенно много дъла. Тогда вся жизнь туземца — ночью. Днемъ онъ не можеть не только всть, но и пить воду; съ заходомъ же солица всв собираются въ мечети и после долгой службы едять особое кушанье изъ взбитыхъ бълковъ, пьютъ чай и ъдять пловъ. Мулла же въ продолженіе всего поста не вкушаеть совершенно мяса.

Погребеніе, отчитыванья больныхъ и разныя ліченія также производятся духовными, и туземцы безгранично візрять въ цілительную силу отчитыванія муллы. Проживъ въ благочестіи много літъ и умеревъ въ глубокой старости, мулла причисляется къ лику святыхъ и надъ могилой его ставится памятникъ, около котораго высится огромный шестъ, на верхнемъ конців котораго болтается конскій хвостъ.

Нъкоторые муллы еще при жизни своей за благочестивые подвиги признаются святыми и носять название хазретовъ.

Населеніе Туркестанскаго края особенно заботится о благосостоянів своихъ мечетей. Въ каждомъ, самомъ даже незначительномъ кишлакъ, всегда встретите вы чистенькую мечеть, резко выделяющуюся среди убогихъ туземныхъ построекъ; при мечети всегда фруктовый садъ и кучальня. Около калитки въ немолитвенное время вамъ бросается въ глаза сидящій туземець, въ чистомъ халать и былосныжной, красиво намотанной чалмъ, и вы безъ ошибки узнаете въ немъ муллу. Въ болъе крупныхъ кишлакахъ и туземныхъ городахъ почти въ каждомъ кварталъ встрачаются мечети, которыя поражають вась своею красотою, чистотою и оригинальностью архитектуры. Миновавь ворота, вы вступаете на довольно большой чистый дворъ, и вашимъ глазамъ представляется твнистый садъ, среди котораго возвышаются стольтніе карагачи (дерево, считающееся у туземцевъ святымъ), манящіе утомленнаго путника въ свою прохладную тынь. Обыкновенно среди такого сада поставлена мечеть. Устройство мечети довольно просто. Это большое четырехъуголь-С ное зданіе, покрытое плоской крышей. Половина его занята жилымъ

помъщениемъ для служащихъ, а другая часть представляеть собою мъсто для молитвы "правовърныхъ". Это какъ бы кругая галлерея или терраса, поддерживаемая нъсколькими карагачевыми столбами и огороженная деревянной рышеткой ажурной работы. Поль весь застлань коврами, а потолокъ и стъны разукрашены фантастическими узорами всевозможныхъ цвътовъ и искусно сдъланными лъпными украшеніями. На стънахъ, среди такихъ же узоровъ, красуются надписи, представляющія собою разныя изреченія изъ корана. Туть же сділана небольшая комнатка, гдЪ мулла молится за народъ и гдЪ хранятся святыни мечети и коранъ. Недалеко отъ мечети возвышаются башни, откуда мурдзинъ четыре раза въ день призываеть народъ къ молитвъ. Оборотившись къ востоку лицомъ и приставя растопыренные пальцы къ ушамъ своимъ, онъ громко поеть свою молитву: "Алла-Акбаръ, Алла"... Одинъ задругимъ тянутся богомольные туземцы и собираются около мечети. Ни болтовни, ни смъха не слышно въ это время, всъ чинно ожидають начала молитвы. Но вотъ мулла входить въ мечеть, и всв, снявъ туфли, следують за нимъ. Мулла зажигаеть свечу, какъ по команде все молящіеся становятся на колівни, падають ниць и снова встають, внимая чтенію корана. Но вотъ молитва окончена, и всіз снова безъ болтовни, соблюдая полную тишину, расходятся по домамъ, оставивъ въ мечети свою лепту.

Множество туземцевъ, умирая, завъщали въ пользу разныхъ мечетей свое имущество или деньги; это вызвало необходимость учредить при мечетяхъ особую администрацію. Еще въ очень древнія времена при каждой мечети одинъ изъ муллъ избирался какъ бы завъдующимъ хозяйствомъ мечети и назывался мутеваліемъ; кромъ того, онъ обязанъ поддерживать всъ святыни и платить въ казну налоги.

Многія изъ мечетей и принадлежащія имъ земли были освобождены канами отъ податей совершенно, и такія земли назывались вакуфами. Нѣкоторые вакуфы имѣють по нѣскольку тысячь тамановъ земли (5 тамановъ—десятина) и занимають собою иногда цѣлыя волости. Конечно, мутеваліи отъ такихъ вакуфовъ сильно наживались, и русское правительство установило надъ ними контроль; теперь они утверждаются въдолжность съ вѣдома начальника уѣзда. Чудную картину представляють собою нѣкоторые вакуфы: громадные сады, поля и великольпный скоть невольно останавливають взглядъ проѣзжающаго, и на вопросъ: чья это земля? всегда получается отвѣть—вакуфа.

Нередко на базарахъ, особенно въ базарные дни, попадаются це вереницы туземцевъ, одетыхъ въ пестрые, сшитые изъ разноцвът тоскутковъ халаты, въ высокихъ пестрыхъ коническихъ шапкахт енныхъ снизу бараньимъ мёхомъ, съ длиннымъ шкомъ за спиною. Это дуваны, т.-е. дервии

монастыря. Они, преимущественно въ большіе праздники, ходять по базарамъ, и старшій изъ нихъ поетъ молитвы, а другіе послѣ каждаго перерыва подпѣваютъ хоромъ: "Алла-Иль-Алла". Каждый, даже самый бѣдный мусульманинъ, подаетъ странствующей братіи, такимъ образомъ собирающей въ пользу своей обители большія суммы, на которыя воз-

никаютъ новыя мечети или поддерживаются и украшаются уже существующія.

Между последователями ислама фанатиковъ немного; они встръчаются въ болве отдаленныхъ пунктахъ, изолированныхъ отъ русскаго населенія. Н'вкоторые изъ нихъ или удалились куда-нибудь въ горы, гдъ нашли себъ пріють въ одной изъ многочисленныхъ пещеръ, которыми изобилуютъ горы Туркестанскаго края, или поселились гдв-нибудь въ необитаемой степи, гдъ изъ глины и камня сложили себъ убогое жилище. Эти отщельники проводять свои дни въ молитвъ, питаясь однимъ хльбомъ и фруктами, которые приносять имъ благочестивые мусульмане, приходящіе за благословеніемъ. Въ руби-

Дервишъ.

щѣ, босой, съ непокрытою головою, иногда въ веригахъ, съ изможденпымъ лицомъ, попадается гдѣ-нибудь въ степи такой отшельникъ и производить впечатлъпіе сумъсшелнаго. Встрѣтя путника, онъ обыкновенно
начинаеть махать руками провождая жесты какими-то громкими восклицаніями. Туземим противоположное происходить при
пакого противоположное происходить при
такого противоположное происходить при
такого противоположное происходить при
такого противоположное происходить при

его загорается какимъ-то зловъщимъ огнемъ, и въ бъщеномъ порывъ самаго дикаго фанатизма онъ съ пъною у рта произноситъ, хрипя и задыхаясь, свои проклятія. Но такіе фанатики ръдки и число ихъ съ каждымъ годомъ становится все незначительнъе.

Самаркандъ.

(А. Краснова.)

Изъ всъхъ городовъ Средней Азіи Самаркандъ производить самое сильное впечатавніе: нигдв русская культура не сдвлала столько успвховъ, нигдъ не чувствуется она такъ сильно, какъ въ Самаркандъ, и, вивств съ твиъ, нигдв жизнь освялыхъ народностей Средней Азіи не выступаеть съ такою рельефностью и полнотою, какъ опять-таки въ Самаркандъ, гдъ она не стъснена новыми порядками, гдъ она не подлаживается подъ русскій образець, но быеть въ глаза своею оригинальностью. Два города — старый азіатскій и новый русскій, — слившись въ одно цълое, образовали нъчто до крайности своеобразное. Соединившись другъ съ другомъ, они, однако, не изменили своихъ основныхъ чертъ и индивидуальных отличій; соединеніе это не только ихъ не обезличило, но, напротивъ, послуживъ для взаимнаго развитія, дало возможность еще ръзче выразиться тъмъ контрастамъ и противоположностямъ между западомъ и востокомъ, которые здёсь мирно уживаются другь съ другомъ. Въ древнемъ городъ все еще дышить азіатской самобытностью. Куда не повернете голову, всюду вы видите колонны и синіе купола многочисленныхъ мечетей и медрессе; съ каждой изъ этихъ мечетей и медрессе связаны свои преданія, и видомъ своимъ онъ свидьтельствують о глубовой древности. Если въ ясный день смотръть на городъ съ возвышенія, то вездѣ, куда только хватить глазъ, среди незенькихъ четырехугольныхъ земляныхъ построекъ современнаго города видны колоссальныя мозаично-изразцовыя колонны, развалины сводовъ, арокъ, куполы мечетей или полуобсыпавшіяся стіны громадныхъ построекъ медрессе. Вотъ въ зелени деревьевъ недавно разведеннаго русскими сада тонеть небольшая постройка желто-бураго цвъта, украшенная пестрыми изразцами: это святыня города — гробница Тимура, или Темура, какъ произносять это имя здешніе магометане.

Откуда бы вы ни смотръли на городъ, три медрессе, Ширдаръ, Итиликаръ и Хаи, будутъ всегда играть главную роль въ пейзажъ. Обращенныя фасадами другъ къ другу, эти колоссальныя строенія образуютъ большую четырехугольную площадь. Высотою превосходя наши шестиэтажныя зданія, съ громадными мозаичными колоннами по бокать, выпоженныя бълыми, синими и желтыми изразцами, колоссальныя арки

этихъ строеній производять необыкновенный эффекть своею грандіозностью и пестротою, такъ хорошо гармонирующими съ голубымъ небомъ и пестрою толпою, съ утра до ночи толкущеюся на площадяхъ. Невольно пожалъешь, что никто до сихъ поръ не реставрируетъ обсыпающіеся карнизы, не пополнить испорченные рисунки мозаикъ.

Только здёсь, подъ этимъ вёчно голубымъ небомъ, среди этого сухого и теплаго воздуха, можеть такъ кипъть жизнь, какъ мы это видимъ на площадяхъ Самарканда. Вездъ на съверъ, въ съверномъ Туркестанъ, даже отчасти и въ Ташкентъ, вы видите въ костюмахъ тъ неопределенные унылые цвета, къ которымъ такъ привыкаеть глазъ въ городахъ Европы. Между темъ въ Самарканде, этомъ центре шелководства, шелковыя матеріи всевозможныхъ цевтовъ и рисунковъ, но всв яркія и эффектныя, являются преобладающей частью костюма. Сарть. этотъ прирожденный хвастунъ и франтъ, въ Самаркандъ довель свое искусство одъваться до послъдней степени совершенства. Самаркандъ въ отношеніи костюмовъ можно назвать среднеазіатскимъ Парижемъ, а его улицы и площади-живыми модными картинками. Способъ завязыванія чалмы, безъ которой не выходить на улицу ни одинъ порядочный человъкъ, самый рисунокъ этой чалмы, фасонъ сапоговъ и халата, даже цвътъ халата --- все здъсь измънчиво, и за всъмъ зорко слъдятъ глаза тысячи праздныхъ торговцевъ, которые сидять въ лавченкахъ или за уличными прилавками, не столько для того, чтобы продать на нъсколько грошей своего немногочисленнаго товара, сколько ради того, чтобы посмотръть на костюмы гуляющихъ и вдвоемъ съ товарищемъ или съ покупателемъ, за чашкой зеленаго чаю, поболтать, покретивовать костюмы или жесты проходящихъ.

Площадь—это мъсто времяпрепровожденія большинства обезпеченныхъ жителей города. Чего-чего только не насмотришься на такой площади! Воть кучка народа, съ напряженнымъ вниманіемъ глядя въ одно м'ясто, сидить на корточкахъ. Здёсь происходить бой перепеловъ, любимая азартная игра сартовъ. Двухъ птицъ ставятъ другь противъ друга, заставляя смотреть другь другу въ глаза. Когда птицы достаточно разгорячатся, ихъ пускають другь на друга и держать пари, кто останется побъдителемъ. Тутъ же, черезъ ивсколько шаговъ, отчаянно размахивая руками, говорить энергичную проповёдь противъ азартныхъ Его слушають внимательно и даже благоговъйно, MID'P L въ патетическихъ мъстахъ ръчи или умиляясь xopc npe чи Алали". Но стоить ему кончить ръчь, -- и слуma емедленно же участіе въ игръ.

> венной площади, халаты зеленые, врасные, эсатыя до того пестрять, что рябить въ

вить, что должно быть на настоящей базарной! Туть уже совершенная каша. Въ самую многолюдную ярмарку врядъ ли можно увидъть то, что совершается здісь каждый день. Люди здісь перемізшаны съ ослами и набиты такъ тесно, что совершенно недоумеваешь, какъ можно протискаться, не рискуя получить ударъ ногою отъ какого-нибудь ослика или лошадки. Говоръ безчисленнаго множества людей покрывается концертомъ ишаковъ, а глаза разбъгаются на пестрыхъ товарахъ, поражающихъ своимъ разнообразіемъ. Вотъ круглое зданіе съ крестообразно раздъляющими его проходами, это бывшій невольничій рынокъ. Теперь здівсь торгують всевозможными мізхами, тюбетейками, бирюзою, настоящей и поддельной, и разною мелочью. Неподалеку отсюда помещается лавка съ халатами. Какъ у французскихъ модистокъ, вы найдете здъсь халаты самыхъ модныхъ фасоновъ подъ вычурными названіями. Вотъ халать "мулла" — сърый, полосатый, шелковый съ серебристымъ отливомъ; его принято носить только солиднымъ пожилымъ особамъ; воть черно-желтый или зеленый халать съ тонкими черными полосками и короткими рукавами. Его носить теперь вся самаркандская молодежь---это костюмъ фатовъ и франтоватыхъ юношей. Вотъ хадаты вродъ ризы священника-образцовый халать бухарского покроя. Въ Самаркандъ такихъ уже не носять; это мода бухарская, и по ней вы всегда узнаете человъка, прибывшаго изъ Бухары или вернувшагося оттуда изъ гостей. Халаты знатныхъ бековъ, на мѣху и опущенные бобромъ, цънятся дорого и не носятся простолюдинами. При этихъ калатахъ всегда надъвается шапочка съ мъховой опушкой.

Рядомъ съ матеріями въ москательныхъ лавкахъ вы найдете цівлый рядъ сартовскихъ спецій и ліжарствъ и возбуждающихъ приправъ къ чаю. Съ ихъ помощью можно усилить кровообращеніе, поднять температуру тівла, сдівлаться оживленнымъ и интереснымъ и т. п. До нихъ сарты большіе охотники. Еще большіе охотники они до гашиша. Этотъ послідній здівсь не только курится, но также входить въ составъ разнообразныхъ вареній и леденцовъ, угостившись которыми можно довести себя до различныхъ степеней одурманенія, начиная отъ веселости и истерическаго хохота до чудовищныхъ видівній.

Желающій покупать въ сартовскихъ лавкахъ долженъ запастись значительною долею терпівнія. Сарть страшно любить торговаться и запрашивать невозможныя цівны за товары. Не столько надеч реговать лишнюю копейку, сколько самый процессъ торго для него привлекательнымъ, и вы не можете доставить наслажденія, какъ просидівть въ его давків за чаемъ ні нихъ минуть.

Ходя по лавкамъ Самарканда, я много раз Digitized by COS С случающійся со всякимъ нашимъ путешественн всемъ прівхавшимъ изъ Россіи, тяготится вначале этимъ длиннымъ процессомъ торговли и немедленно уходитъ изъ лавки, какъ только запросятъ несообразную цену. "Постой, тюря, кричитъ ему вследъ торговецъ: спрошу сорокъ, а возьму двадцать, только не сейчасъ, а прежде поговоримъ"; и действительно черезъ четвергь часа отдаетъ товаръ за сходную цену.

Сартовскія лавки им'єють большое сходство по внішнему виду съ нашими лавками толкучаго рынка, только онів гораздо меньше по объему и разнообразности содержанія. Мелочной товарь и галантерейныя

Мѣнялы въ Самаркандѣ.

вещи: свъчи, урюкъ, кишмишъ и др. сушеные плоды значительно преобладаютъ надъ остальнымъ.

Большую роль играетъ въ городъ улица, сплошь состоящая изъ кузницъ, въ которыхъ полунагіе рабочіе съ шумомъ и грохотомъ съ утра до вечера куютъ различныя вещи, особенно же много такъ называемыхъ сартовскихъ полковъ. легкихъ подковообразныхъ пластиновъ, которыя, будучи нашихъ, при мягкомъ лессовомъ грунтъ гораздо

удоби

тымъ русскія. ышится по улицъ? Это идетъ цълая вереница жизочнуть голосомъ просятъ подаянія. Эти обходы

P. Union

е чаще вы видите мальчиковъ, кото с

такть, поють стихи духовнаго содержанія, собирая вокругь себя толим народа.

Унылый, протяжный звукъ, вродъ звука нашего петербургского фабричнаго гудка, изв'ящаеть народь, что хамашь, т.-е. публичныя бани, уже натоплены. За исключеніемъ особыхъ дней, когла моются женщины, онъ всегда доступны для публики. Самаркандскія бани однъ изъ самыхъ чистыхъ и дучшихъ въ крать, если не считать ташкентскихъ. Это рядъ полутемныхъ комнатъ со сводообразными потолками. Изъ просторной раздъвальной, завернувшись обязательно простынею и надъвъ особый халать, вы идете въ полупрохладную пріемную съ сиденьями, где можно дълать холодныя омовенія или совершать мытье ногь. Следующая часть бань, это рядъ звъздообразно расположенныхъ комнать, также со сводообразными потолками, обладающихъ температурою более высокою. Зател васъ встречають баньщики, которые путемъ массажа умеють такъ укръпить усталые члены, что изъ бани выходишь освъженнымъ, совершенно новымъ человъкомъ, несмотря на то, что васъ мяли и колотили самымъ безперемоннымъ образомъ. По выходъ изъ бани, вамъ немедленно предлагають чай, виноградь, если это осень, различные плоды и неизмънные въ Средней Азін изюмъ, фисташки и урюкъ. Если вы охотимъ поболгать и знаете туземный языкь, то можете здёсь прохимдаться сколько угодно, что и дълають многіе изъ гражданъ Самарканда, пока крикъ мурдзина не призоветь ихъ къ молитивъ.

Таковъ древній туземный городъ, такова жизнь въ его узкихъ п тесных улицахъ, набитыхъ народомъ, столь узимъ, что если телетъ русскій экинажъ, то туземныя двухколесныя арбы, съ колесами болье сажени вы діаметрі, не будучи вы состоянім дать дороги, примуждены сворачивать въ первый понавшійся переулокъ. Улицы эти, состоящія изь одивкь поликь, желто-бурыхь невысокихь ствиь и заборовь, мало интересны, такъ какъ вся жизнь перенесена на базаръ, на площаль, птр и живеть сарговскій людь, приходя домой голько ночевать или навъстить жень, которыя то и дъдо посадаются на удидать съ лицами. залянутыми темною матеріей. Стыдино отворачивальсь, онв жиутся къ забору, есля случайно ихъ застигнуть съ открытыра въпустынвой ули: в. Онв выдыляются своем быстрой поеврен, въ большемъ поличества помытающие та Еврен одъты здъсь въ хадаты, какъ и сарты. ROBN LINTE COMST BOOM NESSONS OFFICERS BLOCO правонарнаю, бритая голова коммана окрывае чалмой.

Plant contracts of eyeth is General Electron where it is the contract in the c

старины, представляеть русская часть Самарканда. Это чинный богатый европеецъ, важный тюря, сознающій свое положеніе среди азіатовъ. Дъйствительно, русскій Самаркандъ не имъетъ въ себъ ръщительно ничего изъ того, что связано обыкновенно съ понятіемъ о русскомъ губерискомъ городъ. Дома чистенькіе, бъленькіе, какъ игрушечки, едва видны изъ-подъ густой съни деревьевъ, самыхъ колоссальныхъ, самыхъ разнообразныхъ. Вязы обыкновенные и пробковые, айлантусы и уксусныя деревья, ясени и всевозможные тополи, начиная отъ длинныхъ, какъ башня минарета, и кончая развъсистыми серебристыми тополями, перемъщиваются съ бигноніями и другими деревьями юга, которыя всъми силами и не безъ успъха стараются здъсь аквлиматизировать.

Но вся прелесть этихъ улицъ, усаженныхъ деревьями, блѣднѣетъ, когда въѣдешь на новый, усыпанный пескомъ, городской бульваръ, со-держимый въ удивительномъ порядкъ и чистотъ. Это—длиною ровно въ версту, прямая какъ струнка аллея изъ колоссальныхъ, одна къ одной подобранныхъ круглыхъ какъ шаръ бълыхъ акацій, прелестная зелень которыхъ необыкновенно гармонируетъ съ темной и густой зеленью посаженныхъ справа и слъва аллей изъ массивныхъ пробковыхъ вязовъ.

Просто не върится, что эти колоссальныя деревья аллей, что постоянно попадающеся скверы и сады съ разнообразившими породами деревь и кустарниковъ, съ чисто содержимыми дорожками, мраморными спусками и вазами, сады, занимающе въ городъ по многу десятинъ, были созданы въ короткое время нашего владычества. Диву даешься, наблюдая эту чистоту и порядокъ, эту поражающую массу зелени, эти привътливые домики, этихъ полисменовъ изъ туземцевъ въ оригинальной туземной формъ и при шашкъ, любезно отвъчающихъ на ваши разспросы.

Памятники Самарканда.

(Е. Маркова.)

Улицы, лавки, базарная толпа туземнаго Самарканда не представляють собою ничего новаго для того, кто быль въ Бухарѣ, Ташкентѣ, Коканѣ, Маргеланѣ. Куда ни глянешь, вездѣ слишкомъ знакомые типы, картины и сцены. Въ Самаркандѣ къ тому же нѣтъ тѣхъ громадныхъ крытыхъ базаровъ, которыми славятся другіе большіе города Туркестана и въ которыхъ обыкновенно сосредоточиваются самыя характерныя черты кизни среднеазіатскаго города. Но когда вы всползете въ своей извозей колясочкѣ изъ зеленыхъ садовъ русскаго города, черезъ узкую тыркугольной площади, кишащей чалмами и халатами.

почему городъ Тимура пользуется такою давнею и

повсемъстной славой. Вы въ Ригистанъ—сердцъ Самарканда. Тутъ кругомъ главныя святыни его, его слава, его ученость, его богатство; на этой царственной площади объявлялись народу милость и кара жестокаго властителя; производились всенародныя казни, провозглашалась война, сообщались въсти о побъдахъ и пораженіяхъ, шумными пирнествами и ликованіями праздновались счастливыя событія ханства. И до сихъ поръ Ригистанъ сохранилъ въ нъкоторой степени это значеніе широкой народной трибуны, гдъ самодъльные ораторы, богословы и политики не перестаютъ по-своему поучать народъ, жаждущій новостей всяжаго рода, и гдъ въсти изъ самыхъ далекихъ угловъ Азіи распространяются бродячими дервишами и смълыми торгашами быстръе всякихъ телеграфовъ и телефоновъ.

Посреднив площади—могильный камень какого-то хазрета (святого), увънчанный знаменами и, очевидно, глубоко чтимый. Вокругъ него суевърные навъздники степей, туркмены, узбеки, киргизы, обводять по три раза своихъ больныхъ лошадей, чтобы получить испъленіе ихъ молитвами святого, въроятно, тоже одного изъ древнихъ на вздниковъ степей, положившаго душу свою на защиту ислама.

Съ трехъ сторонъ Ригистана поднимаются чудные колоссы древнихъ медрессе. Въ срединъ "Золотая мечеть"— "Тилла Кари" "налъво отъ нея— "Ширъ-Даръ" и направо — мечеть "Улугъ-Бегъ". Всъ онъ какъ будто одинаковы и размърами, и архитектурнымъ стилемъ своимъ, и отдълкой подробностей. Но всмотритесь ближе, и вы поразитесь изумительнымъ разнообразіемъ частностей, своеобразностью художественнаго замысла каждой изъ нихъ.

Тилла-Кари сохранилась лучше всёхъ изъ нихъ и, кажется, всегда была самая богатая, самая красивая. Колоссальная стёна, словно цёликомъ вылитая изъ пестраго голубого фарфора, поднимается надъ вашей головой, образуя въ своей серединъ такой же громадный альковъ чудной формы — гигантскія сомкнутыя ворота. Это такъ называемый "пикъташъ", характерная и вездъ здъсь господствующая форма арабо-персидской архитектуры.

Этотъ сверкающій альковъ въ свою очередь весь въ маленькихъ альковчикахъ и нишахъ. Изящныя колонки, легко, будто затъйливо сплетенные шнурки, взобгаютъ по угламъ стъны, по очертаніямъ алькововъ, до граненыхъ карнизовъ, опоясывающихъ вершину стъны. А съ объихъ сторонъ ея поднимаются высоко въ синее небо такіе же пестро-голубые, такіе же ослѣпительно сверкающіе своими фаянсовыми изразцами,—острые круглые минареты. Минареты эти выложены вплоть до самыхъ фарфоровыхъ куполовъ голубыми, синими, желтоватыми и зеленоватыми фарфоровыми изразцами, а круглыя шейки ихъ обмотаны тройною строкою корана, такъ же писанною темно-синимъ фарфоромъ.

Входъ въ мечеть.

Digitized by Google

И медрессе Тилла-Кари, и Ширъ-Даръ, и Улугъ-Бегъ, всѣ кажутся фарфоровыми. Каждая башенка минарета, каждый поясъ стѣны имъютъ свой особый замысловатый узоръ, безпрестанно мъняющійся, которымъ не налюбуется очарованный глазъ.

Сверкающіе изразцы, которыми одіты знаменитыя самаркандскія медрессе, приготовлялись въ Персіи персидскими мастерами, которые во множествъ выписывались сюда Тимуромъ и его преемниками, строителями этихъ медрессе. Какъ-то несмъло входить непривычный человыкъ подъ величественную арку этихъ колоссальныхъ вороть алькова. Маленькія дверочки, которыхъ сначала даже не замізчаешь среди пестраго убранства "пикъ-тиша", ведутъ васъ внутрь двора, просторнаго какъ пустыня. Тамъ тишина монастыря. Да это и есть мусульманскій монастырь. Четыре великольные пикъ-таша, стыны-альковы, безмольными громадами поднимаются со всвхъ четырехъ сторонъ света, одетые въ тв же сплошныя сверкающія брони изъ голубой и синей фаянсовой глазури, какъ и наружный фасадъ медрессе, и увънчанныя вздутыми, какъ дыни, и какъ дыни рубчатыми куполами голубой эмали. Только альковы ихъ много глубже наружнаго. Внутри леваго алькова-мечеть. Мечеть всегда подна тишины и благоговенія. Молящіеся стоять неподвижно на своихъ мъстахъ, какъ бы передъ лицомъ незримаго Бога, -безшумно вздымая руки горъ, безшумно простираясь ницъ по направленію священной для нихъ Каабы. Никто не позволяеть себ'в оглядываться на сосъдей, никто не смъеть произнести слова, помимо словъ молитвы. Ковры и войлоки, покрывающіе обыкновенно полъ мечети, и трогательный обычай мусульмань снимать съ ногъ грязную обувь передъ входомъ въ мечеть еще болве усиливають впечатлвніе благоговъйной тишины.

Въ Самаркандскомъ медрессе обучаются софты — будуще муллы, которые и живутъ при медрессе. На каждыхъ двухъ софтъ полагается отдъльная комната съ кухонькой. Такихъ комнатъ въ Улугъ-Бегъ 24. Эти келіи мусульманскихъ богослововъ расположены въ два этажа, занимая собою всю окружность двора отъ одной мечети портала до другой. Ихъ дверочки и окошечки съ оригинальными ставенками, разукрашенныя восточною ръзьбою, всъ выходятъ внутрь двора, образуя собою какъ бы двухъярусную круговую галлерею, а со стороны улицъ высятся только сплошныя фаянсомъ одътыя стъны, недоступныя, какъ кръпость. На уютныхъ балкончикахъ въ амбразуръ окошекъ мирно сидятъ, поджавъ ноги, отдыхающе софты въ красныхъ и бълыхъ чалмахъ, многіе уже съ длинными и даже съдыми бородами, какъ подобаетъ истому муллъ.

Ширъ-Даръ и Улугъ-Бегъ устроены внутри приблизительно такъ же, какъ и Тилла-Кари. "Ширъ-Даръ" значитъ "носящая льва". Дъйстви-

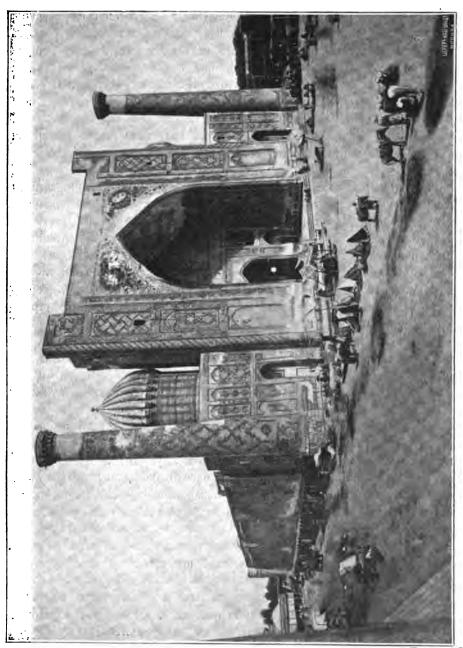
тельно, надъ аркою главнаго портала въ верхнихъ углахъ его можатами тельно, надъ аркою главнаго портала въ верхнихъ углахъ его можатами персидскаго льва и солнца. Ширъ-Даръ, пожалуй, еще красивъе Тилла-Кари, потому что главный фасадъ его, кромъ двухъ чудныхъ словно выточенныхъ изъ фарфора минаретовъ, увънчанъ еще двумя голубыми эмалевыми куполами самаго типическаго восточнаго рисунка. Медрессе Улугъ-Бегъ—самое древнее изъ трехъ.

Минареты Улугъ-Бега какъ будто покривились на сторону. Но жители увъряють, что это обманъ глазъ, вызываемый тъмъ, что одна стъна сдълана прямо, а другая наклонной.

Всё три великія медрессе Ригистана, и болье всёхъ медрессе Улугь-Бегь, въ большомъ запуствніи и даже отчасти въ разрушеніи. Мечети обнажены отъ всякихъ украшеній, глазуревые изразцы осыпались во множествъ, внутри двора даже цълыми сплошными стънами; нъкоторые минареты наполовину обрушились. Но все-таки въ общемъ эти историческія зданія до сихъ поръ вполнъ сохраняють и свой архитектурный стиль, и свою оригинальную прелесть. Гораздо сильнье ихъ пострадали постройки временъ Тимура, очутившіяся теперь на окраинахъ города. Вънцомъ мусульманскихъ храмовъ Средней Азіи нужно признать полуразвалившееся теперь медрессе Биби-Ханымъ на большой базарной площади, черезъ которую въъзжають въ Самаркандъ изъ такъ называемыхъ Бухарскихъ вороть.

Биби-Ханымъ было много пространнѣе, выше и красивѣе, чѣмъ всѣ медрессе Ригистана. Это видно даже по развалинамъ ел. Землетрясеніе раскололо громадное зданіе на нѣсколько кусковъ, и теперь громоздятся среди праха, будто отдѣльныя самостоятельныя постройки, совершенно разобщенные другъ съ другомъ четыре гигантскихъ остова. Устояли на ногахъ только самыя массивныя части зданія. Промежуточныя части и остальные минареты обратились теперь въ прахъ. Впрочемъ, и то, что еще стоитъ, грозитъ неминуемымъ паденіемъ. Чудные купола голубой эмали въ видѣ дыни, съ такими же выпуклыми округленными ребрами, теперь наполовину раскрыты. Минареты оборваны и обглоданы со всѣхъ сторонъ, и изъ-подъ спавшей съ нихъ драгоцѣнной мозаики краснѣетъ обнаженная кирпичная кладка, тонкая и искусная. Изъ кирпичной кладки торчатъ задѣланныя въ ней бревна, поддерживавшія прежде тяжелую броню глазури.

Уцълъвшія стъны зданія уже взялись глубокими трещинами, пронизывающими ихъ съ макушки до пятокъ, и настолько вст разстансь, что страшно приблизиться къ нимъ. Вскинешь глаза кверху, и инстинктивно отскочишь въ сторону, потому что какъ разъ надъ головою вашею висить прямо въ воздухт ничъмъ уже болъе не подпертый обломокъ верхней стъны, пока еще скръпляемый съ остальною постройкой

Digitized by Google

закаменъвшимъ цементомъ, но ожидающій перваго хорошаго толчка, чтобы сорваться внизъ...

Въ иныхъ мѣстахъ вмѣсто этой кирпичной кладки повисла косякомъ въ воздухѣ цѣлая роскошная панель изъ голубыхъ и зеленыхъ мозаикъ. Придите сюда черезъ мѣсяцъ, черезъ недѣлю, и уже, пожалуй, не увидите ея больше. Эта фаянсовая мозаика отстаетъ отъ расшатанныхъ кирпичныхъ стѣнъ, какъ обои отъ отсырѣвшей штукатурки. Особенно тонка и изящна художественная плетеница этихъ зелено-голубыхъ арабесковъ на стѣнахъ минаретовъ. Среди сплошной пестроты стѣнъ вставлены другъ надъ другомъ скрижали съ знаменательными надписями, изящныя рамки, окаймляющія собою мозаиковый узоръ другого стиля и колера.

Недалеко отъ главнаго входа въ медрессе, среди пустыря, заваленнаго обломками, стоитъ огромный массивный стояъ изъ бѣлаго мрамора, верхняя доска котораго образуетъ какъ бы двѣ страницы громадной раскрытой книги. Это такъ называемый "рааль"—стояъ для чтенія корана, неизбѣжная принадлежность всякой мечети. Подъ этотъ низенькій стояъ, утвержденный на десяти короткихъ и тоястыхъ мраморныхъ ножкахъ, вѣрующіе мусульмане прояѣзають по нѣскольку разъ, съ твердою надеждою излѣчить этимъ благочестивымъ упражненіемъ свою страдающую спину или поясницу.

Совствить близко отъ Биби-Ханымъ, на ствиахъ желто-стрыхъ, песчано-глинистыхъ холмовъ, сплошь покрытыхъ и сплошь изрытыхъ старыми могилами, въ уединенномъ заворотт уже загородной дороги виднтестся цтвою семьей своихъ живописныхъ и характерныхъ купольчиковъ древній мусульманскій монастырекъ Шахъ-Зинде.

Ръдво можно встрътить даже въ глуби Азін такой глубоко восточный, такой глубоко азіатскій характеръ постройки. Это полная противоположность великимъ медрессе Тимура и Улугь-Бега.

Туть нъть ни фарфоровых стънъ, охватывающих цълые кварталы, ни колоссальных "пикъ-ташей" съ минаретами-исполинами, подавляющих собою весь городъ, горделиво выставляющих себя напоказъ за десятки версть. Туть все удивительно скромно, въ крошечныхъ размърахъ, въ тъсномъ пространствъ, все будто прячется отъ празднаго взора.

Весь Шахъ-Зинде, можно сказать, представляеть изъ себя одну узкую лъстницу, съ многочисленными площадками, взбирающуюся сорока довольно крутыми ступенями на верхъ горы и обставленную по сторонамъ сплошными рядами крошечныхъ мечетей, мавзолеевъ, коридорчивовъ и разныхъ уютныхъ таинственныхъ каморокъ... Это не столько монастырь, сколько усыпальница, одна изъ величайщихъ святынь для всей Средней Азіи, куда бредутъ толпы поклонниковъ изъ Бухары, Ко-кана, Балха и Герата.

Передъ входными воротами внизу горы водруженъ неизбѣжный при могилѣ святого высокій шестъ съ хвостомъ яка на мѣдномъ шарѣ. Два ряда сѣдобородыхъ муллъ почтеннаго вида, въ зеленыхъ и бѣлыхъ громадныхъ тюрбанахъ, безмолвно вытянулись по обѣ стороны въ темномъ проходѣ воротъ. Всѣ они стоятъ здѣсь въ ожиданіи приношеній благочестивыхъ правовѣрныхъ, притекающихъ въ могилѣ ихъ святого патрона; нельзя пройти мимо, не заплативъ этимъ нѣмымъ стражамъ мусульманской святыни обязательной входной пошлины своего рода.

Эти хаджи, хозяева монастыря, не вполив однако монахи. Всв они живуть съ своими семьями въ городскихъ домахъ неподалеку отъ Шахъ-Зинде и проводять въ монастырв только день. На ночь же остаются здвсь только человвкъ пять-шесть очередныхъ старцевъ, караулящихъ святыню. Содержатся они на добровольныя приношенія. Кто дасть овцу, кто верблюда, кто деньги, кто хлюбъ; впрочемъ у нихъ много земель, пожертвованныхъ на монастырь еще Тимуромъ.

Каменная л'встница, которою поднимаются наверхъ, была прежде покрыта плитами бълаго мрамора, но мраморъ былъ расхищенъ въ теченіе времени, и теперь незамътно и слъда его. Лъстница эта обставлена съ объекъ сторонъ постройнами. Мечетей здёсь не перечтешь. Каждая изъ нихъ-гробница какой-нибудь родственницы Тимура, строителя этого чуднаго монастыря-могилы. Въ наждую нужно подниматься съ площадки лъстницы по нъсколькимъ боковымъ ступенямъ. Всъ эти маленькія часовенки изящны, какъ драгоцвиныя бездвлушки, и вблизи даже купольчики ихъ кажутся не сврыми, какъ издали, а голубыми. По крайней мъръ съ внутренней стороны на нихъ еще большею частью упълъла. нъжная бирюзовая эмаль, удивительно даскающая глазъ. Нижняя часть мечетей почти всегда осьмигранная, а верхняя—или круглая, или тоже какая-нибудь граненая. А такъ какъ всё наружныя стенки ихъ выложены художественною разноцвётною мозанкою самыхъ очаровательныхъ, фантастически затвёливыхъ и невообразимо разнообразныхъ рисунковъ, — -оп сти стинень от стина общее впечаты в не стинень от страго фарфора башенокъ-игрушекъ.

Туть не одна темно-синяя и лазорево-голубая эмаль, почти безраздельно господствующая въ громадныхъ "пикъ-ташахъ" Биби-Ханымъ и Ригистана. Туть уже примъшивается вездъ, гдъ нужно, и желтая, и золотая, и зеленая мозаика. Колонки, окаймляющія двери, окна, углы, ниши, — всъ изъ вьющихся фарфоровыхъ цвътовъ. Нигдъ нъть однообразія и повторенія. Тамъ ниши, тамъ красивый выступъ, тамъ сверкающая грань, тамъ стройная волонка, тамъ художественная строка ворана, опоясывающая золотымъ поясомъ подножіе голубого купола.

Ръзныя дверочки артистической работы изъ массивнаго темнаго оръха с или шелковицы, съ ръзными мъдными приборами старинныхъ узоровъ,

и изящныя точеныя ръшеточки окошекъ такого же темнаго дерева, выръзаются особенно эффектно среди сверкающихъ голубыхъ изразцовъ. Внутри та же красота.

Въ полу каждой часовни вдъланы простые дикіе камни, прикрывающіе собою, вмъсто пышныхъ гробницъ, прахъ похороненныхъ домочадцевъ Тимура.

Мечети больше сгруппированы въ концѣ, то-есть на верху лѣстницы. Послѣдняя мечеть значительно обширнѣе другихъ, кибла ея и вся панель внутренней стѣны отдѣлана мозаикою, передъ киблою неизбѣжное страусовое яйцо, сверху спускается очень неказистая жестяная люстра, которыми вообще не могутъ похвастаться самыя богатѣйшія мечети Стамбула, Каира и другихъ центровъ ислама. На громадномъ "раалѣ" новоится коранъ, тоже громадной величины, не менѣе 3 футовъ длины, писанный на древнемъ пергаментѣ, съ изящно раскрашенными заглавными буквами.

Когда мы проходили въ мечеть, намъ видны были открытыя дверочки полутемныхъ келій, въ которыхъ опрятно были разложены тюфячки и одъяла старцевъ, караулящихъ свою святыню, ихъ мъдные узкогорлые кунганы и чайнички, все скромное монашеское хозяйство ихъ. Много муллъ, поджавъ ноги, отдыхали на коврикахъ въ самой мечети, тихо покачиваясь и перебирая пальцами четки.

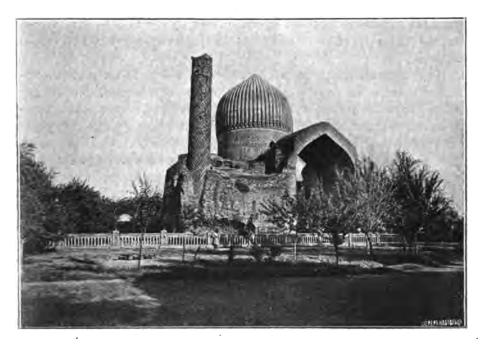
Изъ этой мечети мы прошли въ гробницу Шахъ-Зинде, вънчающую всю эту маленькую лавру мечетей и часовень. Огромное зеленое внамя пророка, покрытое пылью въковъ и водруженное на бамбучинъ въ бревно толщиною, стоитъ передъ темною оръховою ръшеткою, окруженное другими такими же знаменами. На стънахъ налъплены рисунки, привезенные изъ Мекки и арабскіе стихи, тамъ писанные. Цълая толпа муллъ сидъла на колънахъ передъ ръшеткою и усердно молилась. Въ базарные дни массы сартовъ, таджиковъ, киргизовъ набиваются въ мечеть.

Гробница знаменитаго Тамерлана, — которую сарты называють "ГуръЭмиръ", — совсъмъ на противоположномъ концъ города; снаружи она очень
напоминаетъ Биби-Ханымъ и медрессе Ригистана, только по размърамъ
нъсколько менъе ихъ. Ворота съ островерхою аркою, покрыты, какъ
и вся мечеть, сверкающей черепицей, расписанною по бълому голубыми
и синими узорами. Оріенталисты прочли на этихъ воротахъ арабскую
падпись: "Строилъ это ничтожный рабъ Мухамедъ, сынъ Мухамеда,
изъ Испагани", что несомнънно доказываетъ персидское происхожденіе
архитектуры древнихъ самаркандскихъ и бухарскихъ мечетей и медрессе.
Внутри ограды мечеть съ обычнымъ "пикъ-ташемъ" и двумя минаретами. Какъ и всъ древнія мечети Самарканда, гробница Тимура уже
осыпана собственными развалинами.

Съ трудомъ отбившись отъ необывновенно назойливыхъ мальнищевъ, преслъдовавшихъ насъ своими надоъдливыми предложеніями показать

намъ всё рёдкости гробницы Тимура и купить у нихъ подобранные ими кусочки голубыхъ мозаикъ, — мы вошли въ маленькую боковую дверочку мечети, гдё нашли молящагося муллу. Онъ оставилъ свою молитву и ввелъ насъ внутрь мечети. Въ боковой комнате, у окошка, на шкуркъ газели сидёлъ очень старый мулла въ очкахъ съ бёлою до-желта бородою, — и читалъ коранъ, не обращая ни малейшаго вниманія на то, что совершалось вокругъ. Повидимому, онъ жилъ въ этой комнате, охраняя гробницу великаго эмира.

Проводникъ нашъ повернулъ направо, и мы очутились подъ соеди-

Гробница Тимура.

неннымъ куполомъ. Сюда проникалъ мягкій и спокойный свѣтъ сквозь цѣлый рядъ высоко поднятыхъ окошекъ. Съ угловъ висѣли наподобіе балдахиновъ характерныя алебастровыя ниши изъ заостренныхъ глубокихъ ячеекъ. Нижній поясъ стѣнъ выложенъ сплошными шестигранными табличками кажого-то сверкающаго полупрозрачнаго камня, вродѣ алебастра или сердолика. Мулла назвалъ его почему-то яшмою. Мѣстами эта хрустальная стѣна украшена тонкою рѣзьбою съ остатками чуть видной теперь позолоты. Выше нея идетъ отдѣльный поясъ мраморныхъ украшеній и надписей. А еще выше, къ куполу, стѣны были поясъ мраморныхъ украшеній и надписей. А еще выше, къ куполу, стѣны были поясъ мраморныхъ украшеній и раззолоченною бумагою, котата поясъ мраморныхъ мому, обиты раззолоченною бумагою, котата поясъ мраморныхъ истъъла и виситъ оттуда не совсѣмъ кі

Посрединъ мечети, за очень низенькой оградой бълаго мрамора, лежитъ, на мраморномъ пьедесталъ, продолговатый, довольно узкій камень изъ чернаго нефрита въ формъ простого ящика. Это гробъ великаго Тимура. Онъ окруженъ многими другими камнями бълаго и съраго мрамора, съ длинными надгробными надписями. Это гробницы его учителя, внуковъ, правнуковъ. На гробъ Тимура начертаны его титулы и годъего смерти, 807 годъ геждры, что соотвътствуетъ нашему 1405 году.

Въ головъ всъхъ гробницъ стоитъ какая-то странная мраморная посудина съ отверстіями, куда, въроятно, кладется еиміамъ и жертвы по покойникамъ. Два огромные ствола толстаго бамбука съ знаменемъ и висящимъ конскимъ квостомъ стоятъ около; нужно думать, что это подлиные стяги грознаго завоевателя Азіи, пережившіе его на столько столътій.

Подъ мечетью идеть подземелье, которое собственно и служить могильнымъ склепомъ Тимуру и его загробнымъ спутникамъ. Мы зажгли свъчки, врученныя намъ муллою, и спустились туда по винтовой лъсенкъ сквозь круглую черную дыру. Кирпичные своды склепа не украшены ничъмъ. Два старые деревянные подсвъчника, стоящіе на полу, слабо освъщаютъ низеньное, но просторное подземелье. Подъ каждымъ верхнимъ гробомъ, какъ разъ противъ соотвътствующаго ему мъста, лежатъ плиты съраго мрамора со множествомъ надписей, покрывающія прахъ умершихъ. Только плита самого Тимура высъчена изъ того же алебастра или яшмы, которыми обложены стъны верхней мечети.

Мулла пригласилъ насъ положить въ двѣ впадины этой плиты иѣсколько серебряныхъ монетъ, предназначенныхъ на освъщене подземелья. А когда мы поблагодарили тѣмъ же способомъ его самого, то онъ сообщилъ намъ тономъ, не допускавшимъ возраженій, что еще необходимо подарить что-нибудь "мутавели", то-есть главному настоятелю и хозяину мечети, которымъ и оказался тотъ именно сѣдой мулла, что читалъ коранъ въ боковой комнатъ.

Природа Кизилъ-Кумовъ.

(А. Никольскаго.)

По мъръ того, какъ мы углублялись внутрь степи, передъ нами постепенно развертывалась величавая картина песчаной пустыни. Уже на торомъ переходъ стали попадаться отдъльные песчаные холмы. Ихъ зывають барханами. Чъмъ дальше вглубь, тъмъ ихъ было больше. конецъ начались сплошные пески, кое-гдъ прерываемые небольшими падками солонцеватой глины, или такырами. На сотни верстъ проенія, какъ застывшія волны, стоять холмы сыпучаго песку. Ихъ крутые склоны смотрять въ одну сторону. Ихъ верхушки при порывахъ бури взметаются, подобно гребнямъ волнъ. Уже при слабомъ движеніи воздуха острые гребни бархановъ начинають какъ бы дымиться: то песокъ, сдуваемый съ верхущки, пересыпается съ навътреннаго бокана подветренный. Слой за слоемъ переползаеть песовъ съ одной стороны на другую; вмёсте съ темъ медленно и неудержимо ползеть и весь холмъ, засыная на пути кусты, такыры и все, что стоитъ ему поперекъ дороги. Чемъ сильнее становится ветеръ, темъ больше начинають дымиться верхушки бархановъ. Въ бурю уже не видать границы, гдв кончается гребень ходма и гдв начинается струя детящаго песку. Воздухъ наполняется пескомъ, становится душно, темно. Путешественникъ, какъ въ густомъ туманъ, видить неясныя очертанія однихъ ближайшихъ холмовъ. Дальше же все сливается въ одну сплошную желтую массу летящаго песка. Настоящій песчаный душъ обдаеть путника, застигнутаго бурей въ Кизылъ-Кумахъ. Песокъ набивается въ уши, въ глаза, хрустить на зубахъ... Съ поразительной быстротой засыпаеть онъ всв преграды, которыя нопадаются ему на пути, угрожая и людямь и верблюдамъ. Въ такую погоду, если нътъ поблизости большого такыра, надо идти во что бы то ни стало: иначе путешественникъ рискуетъ быть засыпаннымъ. Въ одну изъ подобныхъ бурь, пока мы поили у колодцаверблюдовъ, наша телъга была засыпана выше ступицъ колесъ, и намъ пришлось отрывать ихъ, чтобы сдвинуть съ мъста. Обывновенно буря кончается къ вечеру. Тогда пустыня принимаеть прежній видъ: тв же песчаные, дымящіеся на верхушкахъ барханы, ті же выбонны между ними. Только тамъ, гдъ была яма, теперь стоить огромный бугоръ сыпучагопеску и наоборотъ.

Наблюдая разбушевавшуюся песчаную стихію, я поняль, что засыпать цълый городъ для нея ничего не стоить. Во многихъ мъстахъ Средней Азін пески медленно, но върно поглощають деревни и цвътущіе оззисы. Никакая сила не въ состояніи удержать ихъ победоноснаго шествія. Даже города становятся ихъ жертвой. Такъ погибъ въ Бухарв городъ Варданзи, который еще на картахъ первой половины нынъшняго столетія значится большимъ городомъ. Въ одномъ только округе Ромптанъ за какія-нибудь двадцать леть шестнадцать тысячь жителей должны были покинуть свои сады и поля и переселиться въ Хиву. Около бухарскаго города Каракуля, столь знаменитаго своими мерлушками, еще недавно было много соленыхъ озеръ; теперь одни изъ нихъ засыпаны сплошь, отъ другихъ остались крошечные лужи. Самый городъ исчезъ подъ песками: путешественникъ видитъ на его мъсть жалкую, полузасыпанную деревню; среди бархановъ въ 7 сажень вышиною темнъютъ остатки старыхъ построекъ и полузасохшія деревья. Даже столиць буз харскаго ханства грозить поглощение песками.

Страшный зной царить среди этихъ песковъ. Средняя температура іюля 20—25° Ц.; бывають жары въ 44°. Отсюда сильное испареніе. Візтеръ уносить съ поверхности бархановъ послідніе остатки влаги. Новымъ запасамъ влаги взяться неоткуда. Въ теплое время года въ Кизыль-Кумахъ по цілымъ мізсяцамъ не бываеть дождя. Только изріздка появляются тучи. Но если случится, что такая туча разразится легкимъ дождемъ, капли воды испаряются раньше, чіль достигнутъ раскаленной земли. Не бываеть въ Кизылъ-Кумахъ и росы.

Повидимому, здісь немыслимо существованіе даже самой скудной растительности. Между тімь на склонахъ песчаныхъ холмовъ мы видимъ заросли кустарниковъ. Містами попадаются настоящіе ліса. Но что это за кустарники, что за ліса!

Прежде всего здісь ніть травы, той травы, которая зеленымъ ковромъ покрываеть у насъ пространство между отдільными деревьями и кустами. Здісь въ этихъ промежуткахъ — голый сыпучій песокъ, постоянно сдуваемый вітромъ и постоянно наносимый снова. На желтой раскаленной почві высятся уродливые, узловатые стволы съ пучками вітокъ, торчащихъ кверху. Съ перваго взгляда кажется, что все это растенія мертвыя, давно засохшія, что въ нихъ ніть ни одного листа. Въ дійствительности, листья замізнены у нихъ крошечвыми чешуйками, плотно прилегающими къ віткамъ. Цвіть чешуєкъ—сірый или зеленовато-сірый. Понятно, въ такомъ лісу не найти сплошной тізни. Лучи солнца насквозь пронизывають самый густой кусть, самое развісистое дерево и нагрівають обнаженный песокъ. Поэтому, въ здішнихъ лісахъ царить тоть же зной, какъ и въ окружающей пустынів, только еще боліве душно.

Если мы попытаемся выкопать хотя одинъ кустъ съ корнемъ, то скоро убъдимся, что у одного человъка на это не хватитъ ни силъ, не терпънія, какъ ни легко разрывать рыхлый песокъ. Корни кизылъ-кумскихъ растеній проникаютъ на чудовищную глубину. Они прободаютъ всю толщу песчанаго слоя, лежащаго на глинистой, непроницаемой для воды почвъ. Только тамъ, на этой глинъ, подъ защитой мощнаго песчанаго слоя, все лъто сохраняется влага, накопляющаяся весною во время таянія снъга. Весьма понятно, почему въ Кизылъ-Кумахъ нътъ мелкой травы: она просто не въ силахъ отростить себъ такихъ гигантскихъ корней, какіе необходимы для жизни въ песчаной пустынъ.

Но даже и крупныя растенія получають самов незначительное количество воды. Нужно во что бы то ни стало сохранить ее. Нужно уменьшить испареніе. Для растенія это вопросъ жизни и смерти.

Вотъ почему здѣшнія растенія выработали цѣлый рядъ удивительныхъ приспособленій для сохраненія влаги. Отсюда ихъ своеобразный видъ.

Чтобы защититься отъ испаренія, большинство кизыль-кумских рас-

теній уменьшили поверхность листьевъ. Растенія съ широкими тонкими листьями должны были неизбъжно погибнуть. У оставшихся листья замънены крошечными чешуйками, плотно прежатыми къ въткамъ. Самой сустой и яркой листвой отличается гребенщикъ или тамарискъ, растущій на болве сырыхъ участвахъ песковъ. Это кусть съ тонкими, гибкими вътвями. Но и здъсь листочки настолько сухи и медки, настолько сближены между собой, что напоминають чешуйку кипариса. Кстати сказать, тамарискъ бываеть довольно красивъ весною: его покрывають тогда массы розовыхъ цветовъ, которые замечательно гармонирують съ матовою зеленью дисточковъ и съ красноватымъ оттенкомъ гибкихъ ветвей.

Сравнительно немногія растенія Кизыль-Кумовъ позволяють себъ нъкоторую роскошь: мы видимъ на нихъ хоть некрупные, но все же настоящіе листочки. Зато эти листочки покрыты густымъ, бізлымъ пушкомъ, состоящимъ изъ волосковъ самой разнообразной формы. Сочетаясь въ сплошной покровъ, волоски прекрасно прикрывають поверхность листа отъ жгучихъ лучей солнца. Оттого нигдъ не видно яркой зелени: преобладаеть сероватый или серовато-зеленый тонь. Иные листья такъ обильно поврыты волосками, что кажутся серебристыми. Особенно оригиналенъ кустъ куянъ-сююка съ серебристыми листьями и черно-фіолетовыми цветами. Иногда пушокъ замененъ восковымъ налетомъ.

Иногда поверхность листа защищена отъ испаренія соленою коркой. Этимъ удивительнымъ приспособленіемъ обладаютъ солянки -- крошечные кустики, прозябающе на солонцахъ пустыни. Корни ихъ втягиваютъ изъ почвы значительное количество соляного раствора. Вода испаряется; соль бълымъ налетомъ покрываетъ поверхность мелкихъ жирныхъ листочковъ. Этотъ налеть является прекрасною защитой оть палящихъ лучей. Въ то же время онъ оказываеть растенію другую услугу. Извъстно, что соль очень хорошо втягиваетъ изъ окружающаго воздуха влагу. Въ теченіе дня воздухъ въ Кизылъ-Кумахъ настолько сухъ, что езъ него нельзя вытянуть не капли влаги. Зато ночью листья солянки, благодаря соляному налету, покрываются росой, въ то время какъ остальныя растенія остаются совершенно сухими.

Накоторыя кустарники жаркихъ пустынь защищаются отъ солнца, выдёляя изъ особыхъ железокъ душистыя эсирныя масла. Такимъ образомъ вокругь растенія создается особая ароматическая атмосфера, достаточно предохраняющая листья оть высыханія.

Есть еще одно средство, дам---- возможность существовать въ такихъ жаркихъ и без растеніе старается покончить кій срокъ, пока опо но ист жестокъ. **УЗНАСТЬ**

яхъ, какъ Кизылъ-Кумы; знью въ возможно корота, пока зной не слишкомъ ой. путешественникъ не С чть ихъ только лівтомъ.

Степь положительно преображается: появляются растенія съ широкими свътло-зелеными листьями, напримъръ ревень; расцвътають нъжныя лиліи, красный макъ, словомъ—откуда что берется. Недолго однако носитъ пустыня этотъ весенній нарядъ: не пройдеть двухъ-трехъ недъль, какъ отцвътутъ эти яркіе цвъты, созръють съмена, увянутъ листья и степь опять получитъ обычный безжизненный съроватый колоритъ. Иногда уже въ апръдъ настоящая зелень исчезаеть, остаются только тъ съроватые кусты, которые: придаютъ растительности пустынь столь оригинальную физіономію.

Особенно странное впечатльніе производить саксауловый льсь. Въ немъ ньть ни прохлады, ни тыни, поэтому онъ нисколько не радуетъ путника; напротивь, даже какую-то тоску нагоняеть онъ своимъ мертвеннымъ видомъ. Не слышно въ немъ пынія птипъ, не стрекочуть кузнечики, даже шума листвы вы не услышите здысь, потому что и листьевъ настоящихъ въ немъ ныть; вмысто нихъ какіе-то зеленовато-сырые бугорки, какъ сыпь, покрывающіе вытки. Какъ заколдованный молчить саксауловый лысть; только въ сильный вытеръ слышатся въ немъ скрипъ вытей и шорохъ песку, ударяющаго въ корявые стволы деревъ.

Описывая растительность ада, Дантъ какъ будто изобразилъ саксаулъ. "Зеленыхъ листьевъ здёсь нётъ, а какіе-то темные, сумрачные; нётъ широкихъ раскидистыхъ вётвей, а какіе-то узловатые, корявые, свившіеся между собой сучья; нётъ плодовъ, а какіе-то ядовитыя иглы"...

И фауна Кизылъ-Кумовъ оригинальна; въ здівшней пустыні водятся не животныя, а какъ будто тени ихъ. При бегломъ взгляде на поверхность песковъ сначала вы ничего не видите: повидимому, пусто. Но присмотритесь внимательные; тамъ и здысь вы замытите неясныя, какъ тынь, очертанія ящерицы, словно сліпленной изъ песку. Что это? Комочекъ песку, принявшій форму животнаго, или действительно ящерица? Подойдите ближе, и вы увидите, какъ этотъ комочекъ вдругъ встрепенется, неслышно помчится отъ васъ и вдругь исчезнеть, какъ тънь. Въ большинствъ случаевъ вы даже не замътите ящерицы, если только она не начинаеть двигаться. На вашихъ глазахъ, среди голаго песку она явится какъ привидение. Въ другомъ месте вы можете увидеть комочекъ, похожій на птицу. Шагните къ нему; комочекъ вспорхнеть и превратится въ жаворонка. Вотъ онъ сълъ на голый песокъ и исчезъ, какъ видъніе. Эти таинственныя появленія и исчезновенія объясняются тімь, что большинство животныхъ песчаныхъ пустынь окращены подъ цвътъ песку. Какія же однако эти животныя, кром'в упомянутыхъ? А воть какія: ящерицы, ящерицы и опять ящерицы. Въ самомъ деле, здесь настоящее дарство этихъ длиннохвостыхъ проворныхъ гадовъ. Всв остальные обиатели степи—суслики, зайцы, жаворонки и еще кое-какія птицы—состадяють только едва зам'втное прибавление къ этому парству. Ящерецы

сотнями снують по голымъ склонамъ песчаныхъ бархановъ; однѣ крошечныя, другія въ полъ-аршина длиной; у однѣхъ голова круглая, у другихъ трехугольная; однѣ съ ушами, другія безъ ушей; но только всѣ
песочнаго цвѣта. Ихъ кожа—поддѣлка подъ песокъ, до такой степени
совершенная, что онѣ сами не могли бы видѣть другъ друга, если бы
предусмотрительная природа не надѣлила ихъ особымъ приспособленіемъ.
На нижней сторонѣ хвоста, на самомъ кончикѣ, у нихъ накрашены
широкія ярко-красныя и черныя поперечныя полосы, очень рѣзко выдающіяся среди желтоватаго колорита песку, когда животное подниметь
хвость кверху и начнеть выдѣлывать имъ замысловатыя штуки.

Воть по этимъ-то сигнальнымъ значкамъ ящерицы и отыскиваютъ своихъ родныхъ и знакомыхъ. Мъстами, гдъ этихъ животныхъ особенно много, наблюдатель видитъ любопытную картину. Тамъ и здъсь на голомъ склонъ песчанаго бархана, словно флагъ на военной картъ, пестръютъ яркіе значки. Они завиваются въ спираль, опять раскручиваются, мъстами бъгутъ по песку, кое-гдъ исчезаютъ и снова появляются, блестя своимъ пурпуромъ на желтомъ фонъ холма. Подойдя очень близко, вы видите, что эти значки не что нное, какъ хвостики ящерицъ, песочножелтое тъло которыхъ издали совершенно невидимо на пескъ.

При первомъ переполохъ шустрыя животныя опускають хвосты-флаги и исчезають безслъдно. Любопытно также видъть, какъ ловко умъють эти ящерки спасаться отъ своихъ заклятыхъ враговъ, степныхъ хищныхъ птицъ. Попытайтесь догнать одну изъ этихъ невидимокъ; сначала она побъжить безъ оглядки; затъмъ, когда убъдится, что опасность у нея на хвостъ, быстрыми движеніями брюшка вправо и влъво она раздвигаеть песокъ и на вашихъ глазахъ тонетъ въ немъ, забрасывая тъло лацами. На ея мъстъ остается едва замътная песчаная рябь. Эта уловка, преврасно спасающая отъ преслъдованія птицъ, не разсчитана однаво на человъка. Вамъ стоитъ только запустить два пальца въ то мъсто, гдъ остался этотъ слъдъ, и вы извлечете на божій свъть ящерицу. На ея хорошенькой круглой мордочкъ, въ черныхъ бойкихъ глазахъ вы ясно видите удивленіе. Вотъ такъ штука, думаеть она навърно, какъ же могло это случиться! кажется, ужъ вся зарылась!

Тамъ, гдѣ пески смѣняются такыромъ, путешественника обязательно встрѣчаютъ агамы—крупныя ящерицы съ сердцевидной головой и колючей чешуей. Агама напоминаетъ хамелеона своею способностью мѣнятъ цвѣтъ кожи. Горло ея и грудь замѣчательно играютъ красками. Обыкновенно они окрашены въ желтоватый цвѣтъ. Но при малѣйшемъ волненіи ящерицы горло начинаетъ синѣть и, наконецъ, принимаетъ цвѣтъ синъки, который вскорѣ расползается на грудъ, брюшко и даже ноги; иногда синева смѣняется краснымъ оттѣнкомъ, который опять переходитъ въ синій или желтый, и такъ далѣе, пока не исчезнетъ причина

волненія янцерицы. Интересно посмотріть, какт загама спасается отъ зноя. Зарываться въ песокъ она не уміть, да и не любить, другихъ же укромныхъ міть въ пустынів не существуєть; между тіть глинистая поверхность такыровъ раскаляется до такой степени, что вы рискуете обжечься, ежели приложите къ ней руку. Агама же могла бы изжариться на глинів, если бы оставалась здіть въ самое жаркое время дня. Чтобы избіжать этого удовольствія, ящерица вбітаеть по возможности выше на вітви кустовъ и деревьевъ и сидить на нихъ, широко разинувъ роть и раздвинувъ ноги. Здіть ее не жжеть раскаленная почва; къ тому же ея тітло нітеколько освіжается вітромъ, который свободно гуляеть между безлистными вітвями деревьевъ пустыни.

Я настойчиво разыскиваль варана, этого великана среди ящериць, достигающаго до двухъ аршинъ въ длину. Къ сожалѣню, на пути намъ не попадалось это замѣчательное животное; по словамъ киргизъ, нашихъ проводниковъ, оно водится нѣсколько южнѣе, около степныхъ горъ Буканъ-Тау. Не будучи крокодиломъ, варанъ не уступаетъ однако этому пресмыкающемуся въ хищности и является самымъ страшнымъ врагомъ другихъ ящерицъ, змѣй, птенцовъ, мелкихъ звѣрьковъ и даже зайцевъ.

Изъ другихъ гадовъ мы нередко встречали неуклюжихъ степныхъ черепахъ и различныхъ змъй. Среди этихъ послъднихъ самая замъчательная змівйка--это степной удавь, всего около поль-аршина въ длину. Несмотря на лидипутские размеры, онъ имееть все повадки своихъ гигантскихъ родственниковъ. Онъ такъ же неподвижно караулить свою добычу, мышей и тушканчиковъ, такъ же давить ее изгибами своего твла и, проглотивъ звърка втрое толще себя, отправляется въ укромное мъсто заниматься пищевареніемъ. Проживая постоянно среди бархановъ, степной удавъ очень хорошо приспособился къ жизни въ пескахъ. Овъ умъеть сь удивительной быстротой зарываться въ свою родную стихію и ползать въ ней на значительной глубинь. Онъ дълаетъ это въ тыхъ случаяхъ, когда голодъ заставляеть его отправляться на поиски жуковъ, которыхъ загоняетъ въ песокъ полуденный зной. Несмотря на то, что по формъ и расположенію темныхъ пятенъ степной удавъ походить на своихъ родичей, настоящихъ удавовъ, общій тонъ его окраски замізчательно гармонируетъ съ цвътомъ песку. Въ этомъ отношении онъ нисколько не уступаеть песчанымъ ящерицамъ.

Насколько степной удавъ толстъ и коротокъ, настолько стрѣла-змѣя длинна и тонка. Это настоящій живой жгутъ, съ замѣчательной быстротой скользящій по пескамъ въ погонѣ за ящерицами и насѣкомыми. Длинное полосатое тѣло стрѣлы-змѣи и ея манера выбрасывать наподобіе стрѣлы переднюю половину туловища навстрѣчу добычѣ вполнѣ оправдываютъ ея названіе.

Изъ ядовитыхъ змъй въ Кизылъ-Кумахъ водится только "анцистро-

донъ", по-киргизски "буща-джилянъ", принадлежащій къ одному семейству съ знаменитой гремучей змѣей. Длиной онъ не больше нашей гадюки, но кусается сильнѣе; по крайней мѣрѣ. киргизы очень боятся его. Мелкіе звѣрки, укушенные "анцистродономъ", умираютъ почти мгновенно.

Мы часто видъли звърковъ пустыни, крошечныхъ песчаныхъ зайцевъ, тонкопалыхъ сусликовъ и песчанокъ, по вечерамъ—еще тушканчиковъ. Подобно ящерицамъ Кизылъ-Кумовъ, всъ эти звърки окрашены подъ цвътъ песку, притомъ настолько удачно, что если бы не бълый или черный кончикъ хвоста, они не въ состояни были бы отыскивать другъ друга.

Вообще цвътъ животныхъ часто находится въ строгомъ соотвътствіи съ окраской обстановки. Это явленіе получило въ наукъ названіе мимикріи или мимитизма. По-русски это значитъ "подражательная окраска". Чъмъ полнъе совпаденіе, тъмъ лучше обезпечено существованіе животнаго: при подражательной окраскъ ему легче скрываться отъ враговъ или подкрадываться къ добычь.

Тонкопалый сусликъ живеть въ норахъ съ довольно широкимъ полукруглымъ входомъ. Величной онъ съ бълку. Его лапы кончаются длинными тонкими пальцами съ длинными прямыми когтями. Такая лапа прекрасно приспособлена къ бъганью и рытью въ песчаной почвъ. Пустыня
наложила отпечатокъ на самое строеніе этого звърка. Есть еще одна
особенность, которою тонкопалый сусликъ отличается отъ своихъ родичей. Всв остальные виды сусликовъ зимою впадаютъ въ спячку; тонкопалый сусликъ остается исключеніемъ. Соотвътственно съ этимъ у него
два мъха: лътній и зимній. Лътомъ спина его покрыта жесткою и короткою шерстью рыжевато-буланаго цвъта; зимою ее замъняютъ длинные,
тонкіе, шелковистые волосы превосходнаго палеваго или золотистопесчанаго цвъта. У другихъ видовъ сусликовъ свойства мъха не мъняются по сезонамъ. Опять бросается въ глаза соотношеніе между перемънами окраски и образомъ жизни.

Песчанки во многомъ напоминаютъ крысъ. Живутъ песчанки обществами. Питаются съменами и другими частями растеній пустыни. Роютъ по склонамъ бархановъ норы со множествомъ ходовъ и нъсколькими выходами—отверстіями. Много этихъ звърковъ попало въ мою охотничью сумку.

Тушканчики встрѣчались значительно рѣже. Это—животное ночное. Они выползали изъ своихъ норокъ поздно вечеромъ, когда, сидя у костра, мы заливали свой голодъ несчетнымъ количествомъ чашекъ чаю. Прыгая на своихъ длинныхъ заднихъ ногахъ и помахивая хвостомъ со знаменемъ на концѣ, эти миловидные звѣрки оказывались иногда очень близко отъ нашей телѣги. Но стоило мнѣ шевельнуться, и они мгно-ревенно скрывались за ближайшимъ барханомъ.

На 4-й день мы подошли къ такъ называемой станціи. Это хорошенькій кирпичный домикъ, который какъ-то странно видеть среди безлюдной песчаной пустыни. На всемъ 500-верстномъ разстояніи тавихъ станцій поставлено всего три. Повидимому, он'в выстроены только для того, чтобы дать возможность путешественнику обограться энмой или укрыться отъ песчаной бури, если она застигиетъ гдъ-нибудь поблизости. Никакого другого значенія онъ имъть не могуть, если не считать того обстоятельства, что у сторожа станціи можно получить казенный самоваръ. Первую станцію караулить одинь единственный киргизъ, у котораго, кромъ муки, нътъ никакой провизіи, нътъ здъсь ни верблюдовъ, ни телегъ, ни даже колесъ; а они могли бы очень пригодиться проважающему, въ случав поломки своихъ. Мы даже не воспользовались самоваромъ. Напонвъ здёсь верблюдовъ и захвативъ запасъ воды, мы тронулись дальше. Только на 5-й день судьба, наконець, сжалилась надъ нашей, по крайней мъръ надъ моей, голодной участью, пославъ мнъ на охотъ зайца. Правда, это быль маленькій небольшой кродикь, мъстной породы зайчищка, съ огромными ушами и съ необыкиовенно поджарымъ и сухимъ теломъ. Все же это была дичь. Несколько разъ намъ попадались крупные лохматые пауки-фаланги. Укушеніе фаланги чрезвычайно бользиенно и, какъ говорять, въ нъкоторыхъ случаяхъ лаже смертельно. Эта гадина бъгаеть замъчательно быстро. Не усивете вы придти въ себя, какъ она уже взобралась до лица. Боже сохрани придавить ее здёсь: непремённо укусить. Лучше дать ей сполэти на платье или смахнуть быстрымъ движеніемъ въ сторону.

Значительно ръже попадались намъ скорпіоны, но на нихъ мы не обращали особаго внимавія. Во-первыхъ, во вившнемъ видъ ихъ нътъ ничего страшнаго; будучи пауками, они скоръе походять на малень-каго рачка; а во-вторыхъ, по словамъ туркестанскихъ жителей, и жалятъ они не такъ больно и не съ такими непріятными послъдствіями, какъ фаланги.

Впрочемъ, тамъ, гдѣ скорпіоновъ много, киргизы, ночующіе на бивуакѣ, принимають противъ нихъ простую, но дѣйствительную мѣру. Они окружають бивуакъ волосянымъ арканомъ, чрезъ который эти ядовитыя гадины не рѣшаются полэти, опасаясь, вѣроятно, жесткихъ торчащихъ вокругъ аркана волосковъ. Замѣчательно, что бараны поѣдаютъ и скорпіоновъ и фалангъ, какъ траву, чѣмъ пользуются, какъ говорятъ, киргизы во время своихъ перекочевокъ. Прежде чѣмъ разбить юрту, они пускаютъ на это мѣсто свое стадо, которое будто бы истребляетъ всѣхъ ядовитыхъ пауковъ ближайшаго клочка степи.

Меня постоянно удивляло, какъ наши проводники-киргизы находять дорогу среди однообразныхъ холмовъ песку, гдъ къ тому же всякій слъдъ быстро заметается вътромъ. Правда, мъстами дорога обозначена

нирамидами изъ саксауловыхъ полъньевъ, но эти значки разставлены на разстояніи нівскольких версть другь отъ друга, видимы же они только съ ближайшаго бархана. Еще труднъе отыскивать ихъ въ потемкахъ, а мы большую часть пути прошли ночью. Раза два въ темнотъ, во время вътра, проводники плутали, и даже довольно долго; но какими-то судьбами все-таки выходили къ пирамидъ. До какой степени легко заблудиться въ песчаной пустынъ, я испыталъ самъ на себъ. Въ то время, когда верблюды шли, я слъзъ было съ телъги и свернулъ въ сторону, чтобы застрълить суслика. Не сдълаль я и 50 шаговъ, какъ уже ръшиль вернуться, такь какь сусликь спрятался вь нору. Каково же было мое удивленіе, когда оказалось, что теліга вмісті ст верблюдами тоже спрятались. Я бъгомъ пустился въ томъ направленіи, гдъ они должны были быть, влёзь на холмь и увидёль все тё же барханы, кое-где поросшіе кустами. Телъга словно провалилась сквозь землю. Она шла гдъ-нибудь поблизости, можетъ быть въ нъсколькихъ шагахъ отъ меня, но она скрыта была этими застывшими посчаными волнами. Верблюды совершенно неслышно ступають даже по твердому грунту; на бъду, и колеса телеги были только что смазаны, такъ что и по звуку нельзя было опредълить, гдъ находятся мои спутники. Долго метался я отъ бархана къ бархану, хотълъ уже было кричать, какъ вдругъ одинъ изъ нашихъ "кораблей пустыни" догадался заскрипъть.

На 7-й день рано утромъ, когда небо только-только начало блъднъть на востокъ, когда утренняя звъзда еще горъла брилліантовымъ блескомъ, мы подошли къ пръсной лужъ, неисповъдимыми судьбами уцълъвшей среди раскаленныхъ солнцемъ сыпучихъ песковъ. Въ среднеазіатской пустын'я прысная вода настолько драгоцынна, что малыйшій источникъ ея составляеть зам'втный пункть въ географіи страны. Зд'всь перекрещиваются караванные пути; здёсь же кочують киргизы со своими кормильцами баранами, и даже дикія птицы, жаворонки, степныя рябки и горлинки ютятся побливости этихъ источниковъ жизни. Несмотря на то, что лужа, гдъ мы остановились, была не больше и не глубже тъхъ лужъ, которыя въ провинціальныхъ городахъ послів ливня появляются на всякой площади, она имъла собственное название и величалась даже озеромъ Кучка-Куль. Чтобы составить представление о томъ, какова вода въ этомъ озеръ, надо въ стаканъ чистой воды насыпать ложку песку. Впрочемъ, эта жидкая грязь много лучше соленой ящеринной настойки здішних колодцевь: во-первыхь, она совершенно пріснаго вкуса, а во-вторыхъ, несокъ скоро отстаивается. Въ Кизылъ-Кумскихъ колодцахъ вода настолько дурна, что, если бы она была хоть чуточку похуже, ее не сталъ бы пить ни одинъ киргизъ. Края ихъ по большей части не ограждены никакимъ барьеромъ, поэтому ящерицы и черепахи могуть топиться тамъ сколько имъ угодно; онв продвлывають это твмъ

охотнѣе, что здѣсь имъ слишкомъ тѣсно; очень ужъ много развелось ихъ въ песчаной степи. Отъ такой примѣси вода, конечно, не много выигрываетъ; она становится затхлой, мѣстами прямо съ запахомъ гнили, къ тому же она всегда солоновата и жестка на вкусъ.

Надо видъть, какое оживление вносить небольшая пръсная лужа въ природу пустыни. По берегамъ Кучка-Куля во множествъ бъгали степные жаворонки; мъстами сидъли и пили воду горлицы, Богъ знаетъ зачъмъ поселившіяся въ степи; тутъ же выхаживаль одинъ воронъ; нъсколько красивыхъ пестрыхъ пчелобдовъ носились надъ лужей, и лишь только показалось содице, на озеро полетьли степные рябки и саджи. Стая за стаей съ громкимъ гиканьемъ летвли эти истыя двти пустыни на лужу; со свистомъ они опускались около воды и начинали жадно пить. Невзирая на мою отчаянную пальбу, прилетали новыя стаи и хотя бы урывкомъ пытались напиться. Бъдные, какъ имъ хотълось пить!.. Но мив еще больше хотвлось всть. Они, по крайней мврв, пили вчера, а я уже третій день, съ техъ поръ, какъ застрелиль зайца, не ъль ничего, кромъ сухарей, а сухари развъ пища? Понятно, что я палилъ направо и налъво, но - увы! - попадалъ больше въ широкое небо, въ которое, какъ извъстно, трудно промахнуться. Однако я убиль четырехъ рябковъ; въ вечеру, заложивъ верблюдовъ, мы побхали дальше.

Теперь намъ посчастливилось на птицъ. Пробираясь среди сыпучихъ песковъ, верблюды не разъ вспугивали тъхъ самыхъ рябковъ и саджъ, которые отсюда летали на лужу Кучка-Куль. Эти птицы представляютъ нъчто среднее между куропаткой и голубемъ. Острыми крыльями и быстрымъ полетомъ онъ напоминаютъ голубей, пьють, какъ голуби, не отрывая клюва отъ воды. Но по формъ клюва это – настоящія куриныя. Пасъ поражала быстрота ихъ полета, онъ могутъ пролетать 90 и 100 вер. въ часъ; для нихъ, можно сказать, не существуеть разстоянія; дълать ежедневно прогулку верстъ за сто, единственно за тъмъ, чтобы напиться, для нихъ ровно ничего не стоитъ. Эта особенность позволяетъ имъ жить и гивздиться въ такихъ мъстахъ пустыни, которыя отделены отъ ближайшаго источника или лужи целыми сотнями версть. Кормятся эти птицы съменами астрагаловъ и другихъ степныхъ растеній. Жизнь ихъ проходить среди песковъ. Зато ихъ красивое узорчатое опереніе прекрасно гармонируеть съ цвътомъ песку. Когда онъ сидять неподвижно, прижавшись къ почвъ, ихъ невозможно замътить даже на разстояни нъсколькихъ шаговъ. Трудно было бы охотиться на этихъ птицъ, будь онв немного осторожные. Но, выроятно, вы глухихы мыстахы Кизылы-Кумовъ онъ ръдко видъли человъка и не привыкли считать его непримиримымъ врагомъ. Онъ не прятались при нашемъ приближеніи и спокойно небольшими стайками бъгали вблизи нашей тельги. Въ-тотъ же перевздъ мы впервые встрътили еще одну достопримъчательность Кизылъ-Кумовъ—саксауловую сойку. Пепельно-сърая, съ чернымъ хвостомъ, отливающимъ зеленымъ металлическимъ блескомъ, птица эта по складу тъла, въ дъйствительности, походитъ на нашихъ соекъ. Но въ образъ жизни и повадкахъ ея много своеобразнаго. Если пытаться преслъдовать ее, она не полетить отъ васъ, какъ это дълаютъ другія птицы. Вытянувъ голову впередъ, крупной рысью, непомърно большими шагами она побъжитъ по песку по направленію ближайшаго куста саксаула, спрячется за него и оттуда начнетъ выглядывать — то по одну, то по другую сторону куста — желая убъдиться, здъсь ли еще ея врагъ. Въ ръдкихъ случаяхъ саксауловая сойка прибъгаетъ иъ помощи крыльевъ, и то лишь за тъмъ, чтобы взлетъть на верхушку куста и поглядъть оттуда на предметъ, который кажется ей подозрительнымъ; какъ большинство птицъ изъ семейства воронъ, эта сойка кормится всякой всячиной: съменами саксаула и астрагаловъ, личинками степныхъ жуковъ, ящерицами и даже падалью.

8-й и 9-й дни дорога шла все также барханами и только изрѣдка выходила на такыры, уцѣлѣвшіе отъ поглощенія летучими песками. Съ утра верхушки холмовъ начинали куриться, къ полудню воздухъ наполнялся летящимъ пескомъ, а къ вечеру становилось опять тихо. Поэтому мы предпочитали идти по ночамъ, останавливаясь днемъ гдѣ-нибудь посрединѣ такыра, чтобы быть далеко отъ песочныхъ душей. Ночные переѣзды были тѣмъ болѣе удобны, что дневной жаръ смѣнялся тогда большой свѣжестью. Намъ приходилось даже надѣвать драповое пальто. Въ этомъ отношеніи Кизылъ-Кумъ напоминаетъ Сахару, гдѣ, какъ говорятъ, днемъ можно печь яйца въ раскаленномъ дневнымъ солнцемъ пескѣ, а ночью замерзаетъ вода. Вечеромъ девятаго дня мы подошли къ послѣдней станціи въ пустынѣ.

Черезъ Алай.

(А. Волконскаго.)

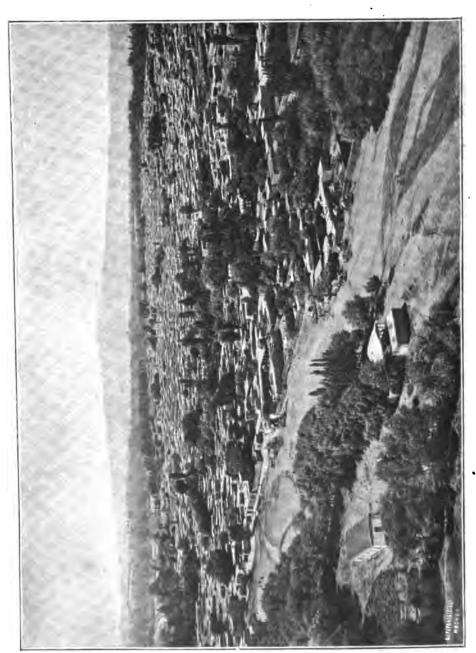
5-го августа утромъ выступилъ въ путь нашъ караванъ. Мы размъстились въ парныхъ, съ пристяжкою на отлетъ, извозчичьихъ коляскахъ, которымъ могла бы позавидовать далекая столица, и направились
по красивымъ улицамъ Новаго-Маргелана, одного изъ тъхъ юныхъ туркестанскихъ городовъ, которые, какъ бы по волшебному слову, выросли
среди пустынной степи, растянули на ея пространствъ съть своихъ прямыхъ, какъ стръла, улицъ-аллей и потонули въ зелени своихъ быстро
растущихъ садовъ. Коляски неслышно катились по гладкому шоссе, и
скоро высокіе тополя по сторонамъ улицы, почти скрывавшіе своими
вътвями отъ глазъ проъзжаго ряды низенькихъ одноэтажныхъ

смѣнились молодыми посадками, дававшими просвѣтъ на вновь строящіяся въ концѣ города зданія. Миновавъ крѣпость—такъ зовется въ Маргеланѣ кирпичная бѣлая стѣна, охватывающая неправильнымъ четырехугольникомъ нѣсколько казарменныхъ строеній, —мы переправились черезъ Маргеланъ-сай, воды котораго даютъ жизнь городу, и выѣхали на просторъ.

Невесело смотръла эта южная окраина "роскошной" Ферганы: небольшія площади полей спъющей джугары (родъ кукурузы), окаймленныя кое-гдъ рядами ръдко посаженныхъ деревьевъ, чередовались то съ пространствами желтой, почти голой земли, то съ полосой яркой зелени рисовыхъ посъвовъ, слегка оживляющихъ однообразный пейзажъ.

Я вхаль теперь по этой долинв и съ уважениемъ глядвлъ на арыки (канавы), несущие воду въ сплошь залитое поле, и на работающаго близъ дороги сарта, который, подставивъ солнечнымъ лучамъ оголенную спину, загоръвшую до цвъта античной бронзы, высоко поднималъ надъголовою кетмень и съ размаху опускалъ его на землю, сильнымъ ударомъ разрыхляя твердую почву.

Коляска остановилась; навстръчу двигалось густое облако пыли: изъ кишлака, къ которому мы подъбхали, гнали стадо курдючныхъ барановъ. Раскачивая свои жирныя спины, они обходили по сторонамъ экипажа, протискиваясь между нимъ и высокими глиняными заборами, которые огораживали дорогу. Стадо прошло, мы въвхали въ киплакь; его улицы узки и кривы; сложенныя изъ глины сакли, лишенныя со стороны улицы оконъ, такъ низки, что до плоскихъ крышъ человъкъ высокаго роста могъ бы достать рукой. Передъ однимъ изъ такихъ примитивныхъ строеній, немного получше другихъ, тянулся навъсъ изъ цыновокъ, поддерживаемый рядомъ жиденькихъ столбовъ: это былъ "чайхане" — чайный домъ, любимое мъсто для сборищъ праздныхъ или отдыхающихъ жителей; они и теперь сидъли здъсь на широкихъ глиняныхъ площадкахъ, покрытыхъ войлокомъ, и, поджавъ ноги, попивали "кокъчай" изъ зеленыхъ чашечекъ безъ ручекъ. Они были одеты въ пестрые, яркихъ цвътовь, хотя и поношенные халаты, сщитые или изъ матерій мъстнаго производства, съ красными, бълыми и зелеными полосами, или изъ московскихъ ситцевъ разнообразныхъ рисунковъ, принаровленныхъ къ здішнему вкусу; одни живописно обмотали себіз голову чалмой; большинство сидять въ вышитыхъ шелкомъ шапочкахъ, покрывающихъ макушки бритыхъ головъ. Выраженіе ихъ узбекскихъ лиць, между которыми иногда попадается ръзко очерченный арійскій профиль таджика, полно унынія и скучно. Н'вкоторые при вид'в начальства нехотя встають и, сложа руки на животъ, сгибають спину, не наклоняя однако головы, а продолжая глядьть вамъ въ глаза; есть что-то отталкивающее въ этомъ уродливомъ поклонь, въ которомь такъ и сквозить восточное низкопоклонство.

Digitized by Google

Толпа босоногихъ ребятишекъ бѣжитъ за коляской; у этихъ еще незамѣтно ни обычнаго спокойствія, ни апатичности ихъ отцовъ; это все бойкій народъ, съ оживленными лицами, съ быстрыми темно-карими глазами. Они гонятся за экипажемъ, весело кричатъ какія-то, вѣроятно, нелестныя на нашъ счетъ замѣчанія и, запыхавшись, останавливаются среди пыльной дороги; на смѣну имъ изъ каждой сакли, изъ каждаго переулка выбѣгаютъ другіе; иные же стоятъ неподвижно на порогѣ по-кривившихся дверокъ и пристальнымъ взглядомъ слѣдятъ за проѣзжающими, сдвинувъ вдумчивую не по годамъ складку на высокомъ лбу. Еще нѣсколько поворотовъ между дуваловъ, нѣсколько дворовъ, осѣненныхъ широковѣтвистыми карагачами, и мы опять среди полей.

Въ благодатной долинъ Ферганы солице жжетъ и томить человъка, убиваетъ его волю, сковываетъ умъ; здъсь лътній дождь никогда не омываетъ потускить шей отъ пыли листвы и, глядя на здъшнія деревья, чувствуешь, что имъ чего-то недостаетъ до полноты жизни, какъ тъмъ далекимъ ихъ собратьямъ, что выросли среди каменныхъ стънъ европейскихъ столицъ. Здъсь дерево растетъ только потому, что по его корнямъ бъжитъ вода въ искусственно прорытой канавъ; но подъ его тънью, въ двухъ шагахъ отъ этой канавы, нътъ ни единой травки, и желтая земля гола, какъ въ пустынъ. Оцънить богатство этого края можно, подведя итогъ пудамъ хлопка, вывозимымъ каждую осень безпрерывно идущими другъ за другомъ караванами; но для глазъ путешественника тутъ нътъ ничего отраднаго, нътъ ничего, кромъ лессовыхъ, щебневыхъ или песчаныхъ пустынь, отъ времени до времени прерываемыхъ на 10 и 20 верстъ оазисами, созданными трудолюбіемъ человъка...

Солице безжалостно жгло и теперь; изъ-подъ копыть лошадей подымались облака пыли, мельчайшей, ѣдкой, настоящей туркестанской пыли, которая стояла въ воздухѣ, мѣшала дыханію и застилала природу сѣрой пеленой... Все это мало располагало къ разговорчивости. Впереди на горизонтѣ смутно рисовались очертанія горъ: это былъ Алайскій хребеть, южная грань Ферганской долины.

Послѣ трехчасового пути, спустившись въ небольшой оврагь, по дну котораго текла рѣка, мы очутились на улицѣ расположеннаго по его склону кишлака Учу-Курганъ, лежащаго въ 32 верстахъ отъ новой столицы Ферганы. На улицѣ происходила невообразимая суета. Обозъ прибылъ: арбы, вьючныя и верховыя лошади, извозчичьи коляски—все это столпилось у спуска къ мосту черезъ бѣжавшую по оврагу рѣку, мѣшая другъ другу двинуться впередъ; джигиты и арбакеши, толкаясь и бранясь между собою, суетились среди нихъ; кругомъ стояли жители кишлака, пришедшіе поглядѣть на рѣдкое зрѣлище, которое представлялъ для нихъ проѣздъ столькихъ русскихъ тюря (господъ). Какой-то сартъ, дотолѣ спокойно глядѣвшій вмѣстѣ съ другими, неожиданно вмѣ-

шался въ споры погонщиковъ: онъ почему-то нашелъ, что одинъ изъ арбакешей, тянувшій подъ уздцы свою лошаденку, заставляль ее повернуть арбу не въ ту сторону, куда следовало, и съ гневнымъ лицомъ, съ сверкающими глазами онъ налетълъ на него, бранясь и крича, какъ будто это было важное, близкое ему дело. Остальные жители не могли устоять передъ соблазномъ принять участіе въ спорахъ и увеличить безпорядокъ; поднялся гвалтъ, тотъ невъроятный гвалтъ, на который способны только азіаты съ ихъ крикливыми голосами, съ ихъ неудержимой потребностью отъ времени до времени, безъ всякой видимой причины, вознаградить себя шумомъ и гамомъ за свое обычное восточное спокойствіе. Надъ обрывомъ рівки живописно стояль аксакаль съ бізлой чалмой на головъ, одътый въ бълый, подхваченный зеленымъ поясомъ съ серебряными бляхами халать; онъ, видимо, желаль угодить начальству и распоряжался, усиленно размахивая руками и тщетно стараясь перекричать остальныхъ. Мало-по-малу безпъльный шумъ унялся; тогда дъло пошло успъщнъе, и арбы двинулись дальше.

Завернувъ въ одинъ изъ переулковъ и вывхавъ изъ кишлака, мы очутились въ красивой долинъ, окаймленной довольно высокими горами. Алайскій хребеть въ Маргеланскомъ увздв різко подымается надъ плоскостью равнины, почти не отдёляясь отъ нея предгорьями, которыя въ другихъ мъстностяхъ Ферганы придають его съверному склону столь разнообразныя очертанія. Это обстоятельство уменьшаеть въ увздв площадь пригодной для культуры земли, такъ какъ на подобныя предгорья въ другихъ увадахъ выпадаеть редкій вообще въ Ферганъ дождь, рождаемый прикосновеніемъ горячихъ съверныхъ вътровъ къ холоднымъ вершинамъ хребта. На такихъ именно предгорьяхъ, на высоть 4-41/4 тысячъ футовъ, обыкновенно располагаются прекрасныя "богарныя" поля, т.-е. поля, орошаемыя атмосферными осадками. Лишенное ихъ населеніе Маргеланскаго увзда вынуждено довольствоваться исключительно поствами на земляхъ, орошаемыхъ искусственно, предълы которыхъ строго ограничены количествомъ воды, приносимой въ доливу горными ръчками.

Мы шли по Нефайрамскому ущелью, которое считается самымъ красивымъ изъ ущелій, прорізающихъ Алайскій хребетъ. Здісь, близъ Учъ-Кургана, оно представляетъ долину версты въ 2 ширины, окаймленную по сторонамъ ціпью горъ, подымающихся впереди все выше и выше. Ріка Нефайрамъ, вытекающая на водоразділь Алайскаго хребта въ 70 верстахъ отъ его подножія, близъ перевала Тенгизъ-Бай, къ которому мы направлялись, извивается по долинъ, скрытая отъ взора крутыми берегами промытой ею въ теченіе віковъ рытвины. Кое-гдів въ долинъ, у подножья горъ, подъ тівнью рощицъ пирамидальныхъ тополей виднівются группы низкихъ саклей киргизскихъ зимовокъ, кое-гдів

одинокій карагачъ поднимаєть свою густую шаровидную шапку на крѣпкомъ и прямомъ стволѣ; его темная зелень рѣзко выдѣляется то на сѣромъ фонѣ голыхъ скалъ, то на фонѣ ярко красной глины, мѣстами выступающей на склонахъ богатаго различными горными породами Алая.

Довольные, что избавились надолго отъ степной пыли, мы вхали веселой рысью, прислушиваясь къ мврному щелканью копыть о каменистую дорогу, и были рады, что наконецъ началось "настоящее" путешествіе. Впереди насъ виднвлся на днв долины укутанный зеленью кишлакъ, раскинувшій свои домики среди хлопковыхъ полей, изрізанныхъ линіями глиняныхъ заборовъ; густая тінь отъ осінявшей кишлакъ скалы ложилась на него, разстилаясь по дну долины, и вползала на подножіе противолежащихъ утесовъ. За нимъ два отрога скалы отділялись отъ боковыхъ стінъ долины, преграждая ее, спускаясь красивымъ нзгибомъ къ ея середині, и охватывали своей рамкой картину горной дали, утопавшей въ розовомъ тумані неизвістно откуда падавшихъ лучей шедшаго за гору солнца.

Но воть долина стала суживаться, горы м'встами подступили вплотную къ р'вк'в; по дорог'в съ трудомъ можно двоимъ 'вхать рядомъ, и мы вытягиваемся по ней сл'вдомъ одинъ за другимъ. Она то поднимается по склону скалы на н'всколько саженей надъ р'вкой, то спускается на дно ущелья; р'вка съ шумомъ б'вжитъ намъ навстр'вчу, взбивая о камни въ б'влую п'вну свою прозрачную воду чуднаго зеленаго цв'вта.

Мы обгоняемъ арбы; лошади, съ утра некормленныя и съ утра безъ отдыха, съ трудомъ взбираются на подъемъ овраговъ; мальчуганы сартъ, сидящіе верхомъ, безжалостно цукаютъ и бьютъ лошадей, усиленно напирая босыми ногами на оглобли, чтобы дать арбѣ равновѣсіе при подъемѣ. Съ своей стороны джигиты торопятъ внизъ. Это постоянное понуканіе уставшихъ лошадей и людей начинаетъ надоѣдать, назойливо раздражаетъ... А склоны горъ все круче; крупные камни, скатившіеся съ нихъ на дорогу, все чаще заграждаютъ путь арбамъ, и наконецъ обозъ останавливается; широкій ходъ передней арбы уперся однимъ концомъ оси въ стѣну откоса, а другое колесо готово повиснуть надъ обрывомъ. Дальше идти невозможно, хотя до кордона Нефайрамскаго поста остается всего 4 версты. Надо снимать вещи съ арбъ и навьючивать ихъ. Опять крики, опять брань на непонятномъ языкѣ...

Темнъетъ. Горы, теряя очертанія, сливаются въ полумракъ въ однообразную, безжизненную громаду; ръзкимъ, какимъ-то зловъщимъ чернымъ пятномъ выдъляются ръдкія деревья на ихъ тускломъ съромъ фонъ; только изломанная причудливымъ узоромъ линія вершинъ вырисовывается еще отчетливо своими зубцами на не совсъмъ стемнъвшемъ небъ, и бълая въ сумракъ лента ръки окаймляетъ ихъ подножье. Глазъ не различаетъ разстоянія.

сей появляется какой-то инстинкть, и точно ощупью пробираешься въ потемкахъ, угадывая спуски въ овраги или изгибы дороги въ расширяющейся долинъ. Наконецъ я подътхалъ къ весело свътившемуся своими окнами домику Нефайрамскаго поста...

Было чудное, радостное утро. Такъ же, какъ вчера, насъ сопровождалъ неумолкающій шумъ Нефайрама; картины были тѣ же, только скалы росли все выше, и скоро мы увидѣли впереди первыя снѣжныя вершины. Дорога была въ отличномъ состояніи, карнизы нигдѣ не были менѣе аршина шириной, и мы безпрепятственно подвигались впередъ.

Алайский хребеть принадлежить вмівстів съ идущимъ параллельно ему Заалайскимъ хребтомъ къ системів Тянь-Шаня; онъ отдівляется отъ главной ея части въ юго-восточномъ углу Ферганы, близъ китайской границы, и тянется въ прямомъ направленіи на западъ, на протяженіе боліве 300 версть. Средняя его высота надъ уровнемъ моря 11.000 ф., а надъ Ферганской долиной—9.500 ф. Шесть дорогь, длиною около 80-ти версть каждая, прорізають хребеть съ сівера на югь, подымаясь изъ Ферганской долины вдоль горныхъ рікъ на сніжные перевалы и круто спускаясь въ долину Алая.

Трудно передать впечатлъніе того разнообразія, которое глазъ подмъчаетъ въ картинахъ Алайскаго хребта. Воть поднимается отвъсная скала, она изборождена глубокими трещинами, ръка омываетъ ея подножье. Потомъ горы отходятъ отъ ръки, и вода бъжитъ между глинистыхъ кирпичнаго цвъта береговъ, а дальше потокъ то пънится по камнямъ пороговъ, то шумитъ, ниспадая водопадомъ...

Карнизъ продолженъ по каменистой осыпи: когда-то здѣсь обрушилась часть скалы и, разбившись на милліоны обломковъ, легла отъ верхняго края горъ до дна рѣки покатой плоскостью, узкою въ своей далекой вершинѣ, что уперлась въ расщелину сосѣдей-утесовъ, широкою въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы ее пересѣкаемъ по карнизу, еще шире подъ нами, тамъ, внизу, на днѣ рѣки... А дальше гдѣ-нибудь высоко-высоко, на самомъ верхнемъ краю скалы выдѣляется на голубомъ небѣ одинокое дерево: такъ оно далеко и кажется такимъ маленькимъ... Кругомъ все пустынно и мрачно; только иногда у крутого поворота рѣки, гдѣ вода, въ теченіе вѣковъ подрывая глину берегового обрыва, отошла отъ противоположнаго берега, видишь въ укромномъ уголкѣ покинутаго теченіемъ рѣчного дна двѣ-три березы, и въ тѣни ихъ какіе-то желтые цвѣты, привѣтливо пестрѣющіе среди сочной травы.

Передъ вечеромъ прошелъ дождь. Уже смеркалось, когда мы стали спускаться въ небольшую долину, затерянную среди горъ; густой ветерній туманъ поднимался съ пропитанной сыростью почвы, стелясь по млъ; въ туманъ мы различили круглые своды юртъ, предназначенныхъ я нашей ночевки.

Обыкновенных размъровъ юрта свободно навьючивается на одного верблюда: большіе четырехугольные куски войлока (кошма), покрывающіе ея деревянный остовъ, кладутся на спину животному; поверхъ ихъ помъщается самый остовъ—складная ръшетка изъ прутьевъ, служащая стъной этого остроумнаго зданія, при чемъ образуется что-то въ родъ платформы, на которой иной разъ возсъдаетъ супруга владъльца верблюда, окруженная ребятишками и всякимъ скарбомъ; третья часть юрты, ея сводъ, состоитъ изъ выгнутыхъ прутьевъ, нижніе концы которыхъ привязываются къ краямъ ръшетчатой стънки, а верхніе соединяются въ

Каракиргизскія женщины.

центръ свода, упираясь въ края обода, служащаго въ то же время дымовымъ отверстіемъ. Весь этотъ сводъ въ разобранномъ видъ, связанный въ одинъ пучокъ прутьевъ, также находитъ свое мъсто на спинъ верблюда. Если вамъ придется провести нъсколько дней среди кочевниковъ, вы скоро освоитесь съ ихъ жилищемъ, и, привыкнувъ сидъть на войлокахъ, которые разстилаются на землъ, вы найдете въ немъ своеобразную прелесть. Только вотъ въ дождливую погоду оно не совсъмъ пріятно тъмъ запахомъ промокшей кошмы, который встрътилъ и меня, когда, согнувшись въ три дуги, я нькую дверь одной изъ юртъ, гдъ и засталъ моихъ с живленныхъ разготворовъ.

Голодъ утоленъ, и путешественники одинъ за другимъ вынимаютъ книжечки и начинаютъ при свътъ огарка записывать событія дня. Все вносится въ эти книжечки: и часы приваловъ, и число мостовъ, и цвътъ небесъ, и то, что среди горныхъ породъ попадаются сіениты, и то, что у повстръчавшейся намъ старушки-киргизки лицо не было покрыто фатой, и высота показаній анероида.

На дворѣ шумъ... Выхожу изъ тепла на вечернюю свѣжесть и сырость, дождь льетъ. Вьюки пришли... развязали веревки, внесли ягтаны, и черезъ полчаса въ юртѣ настала тишина... Потомъ и на дворѣ прекратился шумъ, смолкли голоса джигитовъ, и было слышно только, какъ лилъ безостановочный дождь и какъ привязанныя къ колышкамъ сонныя лошади переступали копытами въ промокшей муравѣ.

Весь слѣдующій день прошель въ безостановочномъ подъемѣ на перевалъ Тенгизъ-Бай. Мы вступили въ другой климатъ; температура днемъ едва достигала 20° Р., къ вечеру спустилась до 7°. Здѣсь мы были уже въ поясѣ арчи; это красивое дерево съ бѣлымъ крученымъ, точно канатъ, стволомъ, съ темной хвойной зеленью, принадлежитъ къ породѣ можжевеловыхъ и растетъ на высотѣ 1.500 — 3.000 метровъ; въ наше время арча — единственное дерево, растущее здѣсь въ достаточномъ изобиліи, чтобы образовать нѣчто въ родѣ рощъ, правда, очень не густыхъ. Изъ арчи сдѣланы также многочисленные мосты, переброшенные черезъ рѣку Нефайрамъ.

Устройство этихъ мостовъ очень незамысловато: два выступа, сложенные изъ камней, иногда съ промежуточными слоями древесныхъ кольевъ, выдвигаются отъ каждаго берега навстръчу другъ другу настолько близко, чтобы ширина пролета между ними не превышала длины переброшеннаго черезъ него бревна; настилка аршина 1½ шириною состоитъ изъ жердей, присыпанныхъ землей. Получается мостъ вполиъ кръпкій и надежный, несмотря на его воздушный видъ. Во всей постройкъ нътъ ни одного гвоздя, и крупныя бревна связаны помощью хворостинъ. Очевидно, такой мостъ при значительной длинъ (до 30—40 шаговъ) не отличается особенною устойчивостью: когда по немъ ъдешь шагомъ, онъ качается какъ рессорный экипажъ и въ длину и поперекъ; это двойное качаніс при большой высотъ надъ уровнемъ ръки настолько непріятно, что даже туземцы считаютъ нужнымъ слъзать и проводить лошадей въ поводу.

Мы все поднимались. На одномъ поворотъ я оглянулся: позади меня сумрачно-лиловыя скалы сдвинулись глубокимъ амфитеатромъ; свинцовыя облака нависли надъ ними тяжелой крышей; а впереди, надо мной, пячего не было видно, кромъ вырисовывавшагося на чистомъ небъ крал горы, по которой я взбирался. Казалось, еще нъсколько саженъ, и я на вершинъ перевала, но доберешься до краю, а тамъ неожиданно и снова подъемъ.

Наконецъ, къ вечеру мы достигли унылой, безжизненной поляны у подножья горы, подобной огромному кургану: путь черезъ нее и есть перевалъ Тенгизъ-Бай; по ту сторону начинается спускъ по южному склону Алайскаго хребта въ долину Алая. Кругомъ стояли снъжныя вершины.

Сильный холодъ заставилъ насъ рано проснуться на другой день: было 6° тепла, но послѣ недавнихъ 40-градусныхъ жаровъ намъ казалось, будто это было осеннее утро; разрѣженный горный воздухъ былъ свѣжъ и живительной струей вливался въ грудь.

Три четверти часа подъема-и мы на вершинъ перевала, на высотъ 11.800 футовъ. Дулъ холодный вътеръ. "Въ прошломъ году, -- разсказываеть мив спутникь, съ которымъ мы остановились, чтобы записать показанія барометра,—я быль здісь двумя неділями раньше, и все еще было занесено снъгомъ". Теперь снъгъ лежалъ небольшими пятнами въ складкахъ косогора; едва замътный зарождающійся руческъ протекалъ вдоль дороги. Спускъ очень круть, и скоро мы опять очутились среди скаль; снова появилась растительность сперва въ вид'в жалкихъ, стелющихся по земль экземпляровъ арчи, ниже - въ видь кустовъ рябины и березы. Ручеекъ превращается въ шумный потокъ, дорога връзается все глубже въ ущелье, входить наконець въ Дараутскую теснину; двъ совершенно отвъсныя гранитныя скалы сближаются между собой, оставляя путнику лишь узкій, въ 12 шаговъ шириною, проходъ, наполовину занятый теченіемъ ръки. Подобныя мъста опасны въ непогоду, когда быстро поднимающіяся воды ручьевь, ворвавшись въ теснину, могуть унести съ собою цълые караваны.

Еще версть 10 по хорошо разработанному карнизу, проложенному то черезъ черныя осыпи грифельныхъ сланцевъ, то въ полутьмъ извилистаго коридора,—и къ полудню мы увидъли въ концъ тъснины просвътъ: горы разступились, и нашимъ глазамъ представился залитый солнцемъ просторъ Алайской долины; по ту сторону ея, на томъ берегу "красноводной" ръки, за гладью зеленыхъ луговъ, проръзавъ бълоснъжныя облака, уходили въ небесную высь вершины Заалая.

Слово "алай" значить "рай" по-киргизски; этимъ именемъ киргизы называють долину, заключенную между двумя почти параллельными хребтами, такъ называемымъ Алайскимъ и Заалаемъ. Долина эта со времени Федченко, открывшаго ее, заинтересовала геологовъ вопросомъ о своемъ происхожденіи: одни полагаютъ, что въ былое время ее заполняло ледниковое поздніве она служила дномъ нагорному озеру; другіе объясі здолины дійствіемъ різчныхъ водъ, размывшихъ мягкі: хъ горъ.

Долина тянете равномърно у свое равленіи на протяженіи 120 версть, западномъ конць до 12.000 ф. чти та же на всемъ протяженіи

и не превышаеть 40 версть. Верховья долины находятся на томъ горномъ узлѣ, который, связывая Заалай, Алайскій и Ферганскій хребты, образуеть водораздѣлъ трехъ бассейновъ: на сѣверъ текутъ притоки Сыръ-Дарьи въ Ферганскую долину, на востокъ и на западъ—двѣ одно-именныя рѣки, два Кизылъ-Су; красная вода восточной, принявъ вмя Кашгаръ-Дарьи, впадаетъ въ Таримъ, западный Кизылъ-Су впадаетъ въ Аму-Дарью.

Южная грань Алая — это громадный трехсотверстный Заалайскій хребеть, поднимающійся въ среднемъ на 5 версть; начиная съ 13 т. ф. онъ покрыть візчнымъ снівгомъ, а въ средней его части поднимается на высоту 6½ версть пикъ, носящій имя Пика Кауфмана. Восточніте поднимается почти на такую же высоту гигантскій Гурунчиды. На западі отроги Алая выдвигаются къ югу навстрізчу Заалайскому хребту, оставляя лишь узкую тізснину для водъ Кизыла, который здізсь мізняеть свое названіе на Сурхъ-Объ; этоть поперечный кряжъ замыкаетъ Алайскую долину.

Таково географическое положение Алая. Бъднымъ, не избалованнымъ щедротами природы киргизамъ эта долина, съ ея сочной травой, съ многоводной ръкой, проръзывающей ее въ длину, и обильемъ ручьевъ, ниспадающихъ на склонахъ обоихъ гигантскихъ горныхъ кряжей, дъйствительно должна казаться раемъ. Это - любимое мъсто лътнихъ кочевокъ многочисленныхъ киргизскихъ родовъ, ходящихъ сюда изъ омскаго, андижанскаго и маргеланскаго увздовъ Ферганы. Въ іюнъ, іюль и августь собирается здъсь до 15 тыс. семей, откармливающихъ на просторъ алайскихъ луговъ свой рогатый скотъ и овецъ; количество скота достигаеть 500.000 головъ; встръчаются одногорбые верблюды, но изръдка, по нъскольку штукъ у самыхъ богатыхъ хозяевъ. Съ половины августа кочевники начинають возвращаться въ свои зимовки, долина постепенно пустветь, и зимою глубокій снівть покрываеть сплошнымъ саваномъ мертвую долину. Только въ низовьяхъ ея жизнь продолжается круглый годъ: въ боковыхъ ущельяхъ разбросаны жалкія сакли, въ которыхъ укрываются на зиму отъ непогоды около 150 семействъ. Кромъ барановъ, главнымъ богатствомъ кочевниковъ являются яки-домашнее животное, весьма цънимое киргизами и какъ вьючная сила, и какъ скотъ, доставляющій молоко, шерсть и крівпкую, толщиною въ палецъ, шкуру. Изъ длинной шерсти яка и пушистаго хвоста плетутся мягкія веревки для выоковъ и лучшія подпруги. Зимою яки уходять въ горы, версть за 20 оть жилища своихъ хозяевъ, и пасутся тамъ, пробивая крвпкими копытами сивгь и даже ледъ.

Земледъліе въ Алайской долинъ возможно въ весьма незначительномъ размъръ лишь въ низовьъ ел, въ районъ, занятомъ осълдими киргизами, которые съютъ ячмень и ишеницу.

На "Крышѣ міра".

(М. Воскобойникова.)

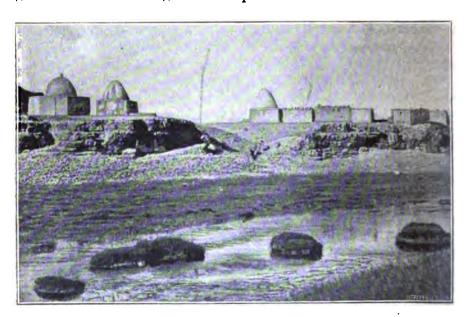
"Еще одинъ переходъ, всего какихъ-нибудь 40 верстъ,—и я увижу Памиръ!" Помню, какъ сильно волновала меня эта простая мысль въ продолжение всей нашей стоянки въ Бардаба, мрачномъ ущелъв Заалайскаго хребта. Да это и понятно. Памиръ!.. Какъ много привлекательнаго заключается въ этомъ простомъ словв для каждаго любознательнаго человъка. Огромная высота страны надъ уровнемъ моря и недоступность, вызванная ея сосъдствомъ съ такими горными хребтами, какъ Заалайскій съ съвера и Гиндукушъ съ юга, создали для нея фантастическое названіе "Крыши міра". Оригинальность природы, своеобразіе ея животныхъ формъ, необычныя для глазъ картины, однимъ словомъ, самый характеръ Памира, какъ страны, какихъ немного на земномъ шаръ,—вотъ что придаетъ обаятельность Памиру и теперь въ глазахъ всякаго интересующагося путешествіями человъка.

Эта карактерность памирскаго пейзажа была выражена до извъстной степени въ мрачномъ, безжизненномъ колоритъ ущелья Бардаба, гдъ мы расположились на отдыхъ. Но вотъ лошади осъдланы; караванъ съ багажомъ уже далеко впереди; наконецъ и мы спускаемся съ пригорка, за которымъ укрывались наши юрты, въ широкую, усъянную галькой долину. Узенькая дорожка довольно долго вьется у лъваго склона широкаго ущелья и, круто повернувъ налъво, сразу вступаетъ въ узкую тъснину; обломки скалъ самой разнообразной формы и величины заваливаютъ дно ея, круто поднимающееся кверху. Ръчка, несущаяся навстръчу намъ отъ перевала, то шумно бурлитъ между камнями, то болъе спокойно журчитъ, разливаясь на широкихъ и свободныхъ отъ обломковъ мъстахъ.

Мы подвигаемся все выше и выше, то по правому, то по лѣвому берегу потока, переправляясь черезъ него большею частью въ бродъ и изрѣдка по мосткамъ, переброшеннымъ въ особенно узкихъ и глубокихъ мѣстахъ. Холодный вѣтеръ дуетъ съ правой стороны, изъ другого ущелья: тамъ вдали, какъ бы загораживая выходъ изъ него, видиѣется огромная, вся бѣлая отъ снѣга вершина. Скоро неудобная тропинка, по которой съ трудомъ ступаютъ лошади, переходитъ въ хорошую, только что исправленную дорогу. Правильные зигзаги ея краснаго цвѣта—цвѣта горной породы видны далеко вверху до самаго перевала Кизылъ-Артъ. Медленно подвигается нашъ караванъ, извиваясь змѣею по зигзагамъ дороги. Далеко внизу остались вьючныя лошади и верблюды: мы давно обогнали ихъ. Но и наши лошади ступаютъ медленно и часто останавливаются: сильно разрѣженный воздухъ на высотѣ около четырехъ верстъ надъ уровнемъ моря такъ затрудняетъ дыханіе, что послѣ каждых

двухъ-трехъ десятковъ шаговъ у лошадей является одышка. Но вотъ послъдній крутой поворотъ, и мы медленно выъзжаемъ на небольшую площадку, раздъляющую съверный и южный склоны Заалайскаго хребта.

Одиноко возвышается на ней киргизскій "мазаръ" (могила), сложенный изъ камней и украшенный рогами горныхъ козловъ и барановъ съ привязанными къ нимъ яркими лоскутками—убогими приношеніями киргизъ. Внизу съ одной стороны ущелье, по которому мы поднялись, съ другой—начало спуска, а дальше,—отчасти скрытая выступами горъ,—одна изъ типичнъйшихъ долинъ Памира.

Киргизскія могилы на Памиръ.

Уже съ половины спуска хорошо видны характерныя черты этой оригинальной страны. Унылая, мертвая тишина! Кругомъ невысокія горы съ округленными верхушками; ихъ склоны, сплошь покрытые осыпями изъ песка и мелкихъ камней, невольно вызываютъ въ воображеніи путника картину длиннаго періода медленнаго, постепеннаго разрушенія. Широкая долина между горами, вся устянная галькой строватаго цвъта, кажется какъ бы образованной какой-либо мощной, раньше протуздъсь ръкой, а между тъмъ съ верхней стороны долины по въе расходящейся осыпи сбъгаетъ внизъ маленькая, мелкая ръчоя

чы представляющаяся въ видѣ тонкой бѣлой пзвивающейс акъ жалка, какъ безсильна кажется она среди этой гранді медленнаго разрушенія! А кругомъ—ни одного ч, оживляющаго видъ, ни одного живого Digitized by

мертвенную тишину; только холодный вътеръ дуетъ съ невъроятной силой, какъ бы заявляя о своемъ господствъ въ этой странъ, о своемъ участіи въ созиданіи этой наводящей уныніе картины.

Спускаешься ниже—то же впечатлъніе. Кое-гдъ разбросанныя среди моря гальки и песка зеленыя розетки низкорослыхъ альпійскихъ травъ, да еще ръже попадающіяся на глаза птицы, преимущественно удоды, мало нарушаютъ общій характеръ мъстности.

Это кажущееся почти полнымъ отсутствіе жизни во всёхъ ея проявленіяхъ—первое, что поражаеть васъ на Памирѣ. При первомъ взглядѣ на здѣшнія мѣста, особенно издали, сверху, невольно является мысль объ отсутствіи жизни на такихъ большихъ высотахъ, подобно нѣкогда предполагавшемуся полному отсутствію ея въ глубинахъ океановъ. Но какъ тамъ, такъ и здѣсь подобное заключеніе оказывается несостоятельнымъ. Чѣмъ ближе узнаешь Памиръ, тѣмъ больше убѣждаешься, что и на такой высотѣ жизнь довольно сильна, хотя жизнь эта своеобразная,

на памиръ.

какъ и всегда, вполнъ приспособленная къ мъстнымъ условіямъ. Мелкая зеленая травка ютится по берегамъ ръдкихъ ръчекъ и ручейковъ, особенно по ущельямъ, гдъ тающіе снъга даютъ необходимую для нея влагу; тамъ же вверху, питаясь этой травой, живутъ наиболъе крупные обитатели Памира: горные бараны—аркары *) и горные козлы—кіики;

^{*)} Варослый аркаръ ростомъ приблизительно равенъ годовалому жеребенку; кінкъ- немного меньше.

пепельно-желтый цвътъ ихъ шкуры какъ нельзя болье подходить къ цвъту скалъ и осыпей, такъ что, несмотря на крупные размъры этихъ животныхъ, ихъ очень трудно увидъть издали.

По рачной галька, ощинывая молодые побыт жалких кустикова травы, бытають стан пестрыхъ, необыкновенно красивыхъ саджей (Syrrhaptes tibetanus); и этимъ птицамъ опереніе много помогаєть укрываться отъ враговъ, къ числу которыхъ нельзя не отнести въ посладнее время и любознательныхъ путешественниковъ. Бдешь по берегу ражи и вдругъ изъ-подъ самыхъ ногъ лошади срывается стая курочекъ и опускается въ изкоторомъ разстояніи на гальку; подъбажаещь ближе и на совершенно ровномъ мъсть не видишь ни одной птицы до тъхъ поръ, пока какая-нибудь изъ нихъ не вздумаєть перелетьть отъ одного кустика травы къ другому: пока птица сидить, вужно очень хорошій глазъ и большую опытность, чтобы отличить ея пестрое опереніе отъ мелкихъ разноцвътныхъ камешковъ гальки.

Труднъе всего, конечно, увидъть медкихъ грызуновъ, какъ полевки и т. п., въ изобиліи населяющихъ Памиръ: норы ихъ въ огромномъ количествъ попадаются на каждомъ шагу, а самаго звърька увидишь развъ случайно, если онъ ночью забъжить въ юрту. Изръдка за камнемъ замътишь торчащаго столбикомъ желтаго сурка, да и тотъ сейчасъ же спрячется въ норку. Даже насъкомыхъ благодаря скудной растительности видно какъ-то мало. Довольно много пауковъ, но и они очень хорошо прячутся между камнями.

И воть хотя мало-по-малу убъждаешься, что и на Памиръ есть жизнь, первое безотрадное впечатлъніе долго сохраняеть еще свою силу: признаковъ жизни не видишь сразу, не присмотръвшись внимательно.

Верстахъ въ семи отъ перевала Кизылъ-Артъ, на берегу ръчки Марканъ-Су, ожидали насъ двъ юрты, выставленныя памирскими киргизами. Выставляются юрты по особому распоряжению начальства; это-своего рода повинность и довольно тяжелая, несмотря на то, что путешествующіе обыкновенно платять киргизамь: юрты на Маркань-Су, напримеръ, выставляются киргизами, живущими верстъ за 200 отъ этого мъста. Когда мы вошли въ одну изъ нихъ, насъ прежде всего удивило. что она была привязана къ землъ двумя широкими тесьмами, протянутыми отъ крыши къ полу. Обыкновенно этого не дълается, такъ какъ юрта и безъ такого укръпленія, благодаря своей тяжести, твердо стоитъ на землъ, да и вообще тому, кто видълъ юрту и имълъ съ нею дъло. и въ голову не придетъ, чтобы юрта могла когда-нибудь подняться на воздухъ. А между тъмъ въ долинъ Марканъ-Су это случается и случалось бы еще чаще, если бы не принималась указанная предосторожность. Вътеръ, обычный вообще на Памиръ, здъсь дуетъ каждый день часовъ съ 11-ти утра и часовъ до семи вечера инприутомъ съ такою

силой, что свободно срываетъ юрты съ мѣста. Такой вѣтеръ дулъ какъ разъ и въ то время, когда мы спустились съ перевала въ долину. Если къ этому прибавить еще очень низкую температуру — около 0°, сѣрое небо, а потомъ еще крупу, покрывшую передъ вечеромъ всѣ окрестности бѣлой пеленой, то станетъ вполнъ понятнымъ, насколько и кли-

матическія условія, встрѣтившія насъ на Памирѣ въ іюлѣ мѣсяцѣ, усиливали общую непріятность обстановки.

Къ вечеру колодъ настолько усилился, что намъ поневолъ пришлось прибъгнуть къ мъстному топливу, чтобы нагръть юрту; такимъ топливомъ здъсь служать довольно длинныя и широкія, какъ бы сплющенныя съ боковъ корневища мъстнаго растенія "терескенъ"; низенькіе, плоскіе какъ тарелки, приплюснутые къ землѣ, круглой формы, кустики его, растущіе по всему Памиру, вытаскиваются изъ земли вмёстё съ корнями и складываются около ирун кішакод ча чтом просушки.

Перевозка терескена.

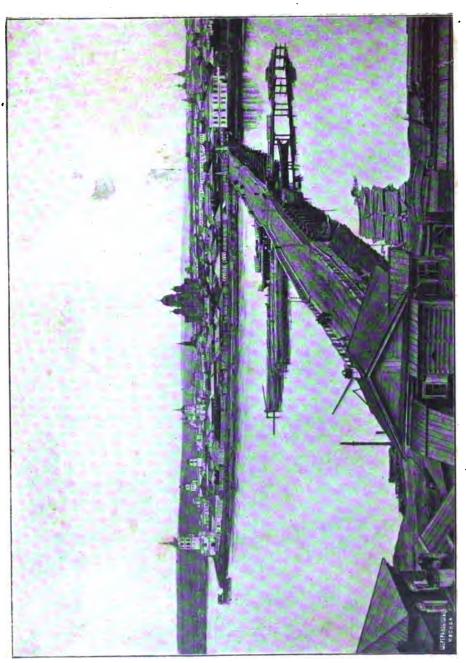
этого "терескена" мы устроили посреди юрты костеръ и наслаждались тепломъ, долго вдыхая вдкій, хотя и довольно пріятнаго запаха дымъ, наполнявшій юрту. А ночью холодъ еще усилился, и когда утромъ мы посмотрели на минимальный термометръ, оставленный на воздухъ, то онъ показывалъ много ниже нуля (около—10° С.). Ръка была покрыта льдомъ, не успъвшимъ оттаять и утромъ, несмотря на теплоту дучей южнаго солнца.

Скоро однаво же воздухъ началъ нагръваться, и когда мы около

name manes pria richipara es april, (sim par amper, a mèchorimen mane mane apre cliena classem diagram mark.

Самый инстанция и перактеру изстисти. Во вотгрой ими прихонами темера преземать—остание только то не имий спругами горы по совым перовой полику, как упента заизами мента пессова, гланно мерриалие посока такот не песка, сличанийся са пескоих комине изеропримента, грази—тоже. Кругомъ—вертная путини, безъ жука, безъ примента, безъ живни... Солите печета са странной ской, а необинменто презрачный, на этоть рази повершенно неполикамий воздугапаеть мемлименть разичать изгали всё петали этой чушкой картины.

Ho were un engenemen un méadainte pérnyo lamber, u ridure pianii nogaza selanoro nima nea cociliano vinella sacranarera remrieзапрыть одну сторону тіла; останавливаемся, чтобы напонть лонвадей. в ведемь, что река еще покрыта льдомь. Такъ склыка развика въ темверотурі на разстоянія одисй-двухь версть! Перейзкасиь ріку, водинмаемся немного въ гору, и снова полная типина, и снова солиме печеть съ стращной силой. Непругой полъемь по шировой долинъ приводить нась из небольшену перевалу Уй-Булань, пользующенуем печальной извъетностью на Памиръ: говорять, что на немъ особенно часто почену-то обнаруживаются признаки горной болбани. Хоти им, пробажая здась, ничуть не оправдали своимъ примаромъ репутаціи этого стращнаго итела, темъ не менъе мы не остановились здъсь на отдыхъ, разсчитивая скоро встрытить болье удобную и безопасную стоянку. И расчеть нашь оказался върнымъ. Едза успъли им немного отъбхать отъ перевала, яркая, синяя полоса далеко винзу бросклась намы вы глаза. Спустились немного ниже, и передъ нами въ огромной котлованъ, окруженной горами, открылся весь низкій восточный берегь озера Большой Кара-Куль; версть на 15-20 тянулся онъ на югь, какъ будто до саныхъ сивжныхъ горъ, стоявшихъ вдали бълою стъною. Пепельно-желтый шесть этого плоскаго берега и прилегающей къ нему части котловины составляли эффектный контрасть съ темно-сенимъ цветомъ воды озера, раскинувшагося до самыхъ горъ западной ея части. Обиле воды, яркость красокъ такъ пріятно ласкали глазъ, утомленный скучными однообразними видами, что трудно было оторваться оть этого радкаго явленія на такой огромной высоть (около 4 верстъ надъ уровнемъ моря). Мы сошли съ лошадей и расположились оболо большого камия, торчавшаго одиново среди мелкихъ обломвовъ скалъ. Самая форма этого камия, выдолбленнаго съ одной стороны въ видъ пещеры, заинтересовала насъ, но при дальнъйшихъ странствованіяхъ по Намиру мы такъ часто встрьчали полобное явленіе, что скоро перестали обращать на него винманіе; въ некоторыхъ обложкахъ углубление проникаетъ такъ далеко, что до-

Digitized by Google

ходить до противоположной стороны и образуеть сквозную дыру; такія углубленія у состаних вамней вста направлены въ одну опредъленную сторону, и это, очевидно, стоить въ связи съ преобладающимъ направленіемъ вътра, способствующаго ударомъ песчинокъ о камни разрушенію горныхъ породъ.

Не такъ однако привлекательна долина Кара-Куля вблизи, какъ она кажется сверху. Климатическія условія неблагопріятны для кочевокъ киргизовъ въ этой містности: сильные сніжные бураны очень часты здісь даже и літомъ. Но намъ судьба благопріятствовала и избавила насъ отъ всіхъ ужасовъ, о которыхъ насъ предупреждали. Только одинъ вечеръ погода немного испортилась: облака окутали горы, спустившись чуть не въ самую долину; дулъ сильный, очень холодный вітеръ и шелъ дождь, а потомъ и снівть; но уже на другой день снівть весь растаяль подъ теплыми лучами солнца и сохранился только вверху на горахъ, гдів еще долго висівли тучи и виднівлись полосы падающаго снівга. Вітеръ продолжался и днемъ, и озеро при яркомъ солнечномъ освітценій казалось почти чернымъ, а вздымавшіяся на немъ большія волны съ бізлыми гребешками придавали ему довольно внушительный вилъ.

Пустынный характеръ Памира вполнъ сохраняется и на съверо-восточномъ берегу Кара-Куля. Ръдко разбросанныя на желтомъ фонъ глинистой почвы пятна низкихъ растеній въ видъ правильныхъ зеленыхъ кружковъ мало разнообразять мъстность; но чъмъ дальше подвигаешься къ югу, тъмъ сильнъе и сильнъе оживляется характеръ берега: множество небольшихъ озерковъ различной формы и величины разбросаны по всему берегу; почти всъ они соединены притоками другъ съ другомъ, а нъкоторыя изъ нихъ соединяются и съ самымъ Кара-Кулемъ. Гуси, утки, бакланы плаваютъ по этимъ озерамъ и у берега Кара-Куля; стаи разныхъ куликовъ постоянно перелетаютъ съ берега на берегъ; чайки меденно плаваютъ въ воздухъ, оглашая его своимъ пронзительнымъ крикомъ. Вода этихъ небольшихъ озеръ и лужъ настолько переполнена мелкими ракообразными, что самый цвътъ ея зависитъ отъ цвъта этого почти микроскопическаго населенія: попадаются лужи съ краснымъ, чернымъ и другими оттънками цвъта воды.

Впрочемъ, жизнь окрестностей Кара-Куля не ограничивается одними берегами озера; она есть и въ горахъ, окружающихъ котловину. Стонтъ только посмотръть на склоны этихъ горъ, какъ сейчасъ же замътишь множество узкихъ тропинокъ, перекрещивающихся въ разныхъ теніяхъ и уходящихъ далеко вверхъ; это — слъды аркаровъ, или барановъ. Въ долинъ постоянно попадаются валяющеся на тамъ, то здъсь ихъ огромные винтообразно закрученные рога

санные по гладкой поверхности здёшнихъ долинъ, рога эти являются одной изъ характерныйшихъ черть памирскаго пейзажа.

Собираніе аркарыихъ роговъ и продажа ихъ освіднымъ жителямъ Туркестана на различнаго рода подълки составляеть здъсь ивкотораго рода промысель, правда, мало доходный вследствіе дороговизны перевозки. На Памиръ, около русскаго укръпленія "Памирскій постъ", можно купить пару роговъ копеекъ за 40-50. Мясо аркаровъ довольно вкусно, и изъ-за него главнымъ образомъ охотятся на аркаровъ мъстные жителе.

Охота эта далеко не легка. Аркары держатся, впрочемъ, всегда на горахъ съ болве или менве отлогими склонами и, повидимому, избъгають крутыхъ скаль, мешающихъ имъ пользоваться быстротою своихъ ногь въ случаяхъ опасности. Необыкновенно осторожные, они при мальйшемъ намекъ на опасность стараются убъжать; однако, пораженные неожиданнымъ выстреломъ, часто несколько времени стоятъ неподвижно и только потомъ, опомнившись, убъгають. Вся трудность охоты завлючается въ томъ, чтобы увидеть аркаровъ прежде, чемъ они заметять опасность, и подкрасться обходнымъ путемъ на разстояніе выстрвав (шаговъ 400—800).

По широкой ровной долинъ, усъянной пескомъ, подвигаемся мы въ югу отъ озера Кара-Куля. Далеко впереди видивются сивжныя горы; ъдешь прямо на нихъ, но онъ нисколько не становятся ближе. Но воть тропинка заворачиваетъ налѣво, въ узкое ущелье; у входа въ него на ходмикъ видиъются загородки, сложенныя изъ камней; по кучамъ роговъ аркаровъ и кінковъ съ привязанными на нихъ лоскутками мы догадываемся, что это опять виргизскія могилы. На землю около одной изъ нихъ лежитъ камень съ небольшимъ углубленіемъ, въ которомъ обыкновенно скопляется вода.

A I II NI I I'ME I IN

Узкое ущелье, начинающееся у могиль, соединяеть долину Кара-Куля съ другой долиной, носящей оригинальное название Мусъ-Колъледяная долина. Левый склонь этого ущелья состоить изъ сланцеватыхъ породъ различныхъ цвътовъ, отъ краснаго до зеленаго, образующихъ при разрушеніи необыкновенно оригинальныя фигуры; вся нижняя часть склона поврыта гладкими осыпями, надъ которыми тянется какъ бы цѣлый непрерывный рядъ легкихъ готическихъ построевъ, задней своей стороной непосредственно примыкающихъ къ вархией крутой части горы; узкая долина въ нъкоторыхъ мъстахъ с бломками породъ, имъющихъ видъ пластинокъ разныхъ і чны. Постепенно поднимаясь по ущелью, мы достигаемъ г -זמאאי

наго перевала, служащаго водораздъло:

нами внизу открывается самая долина

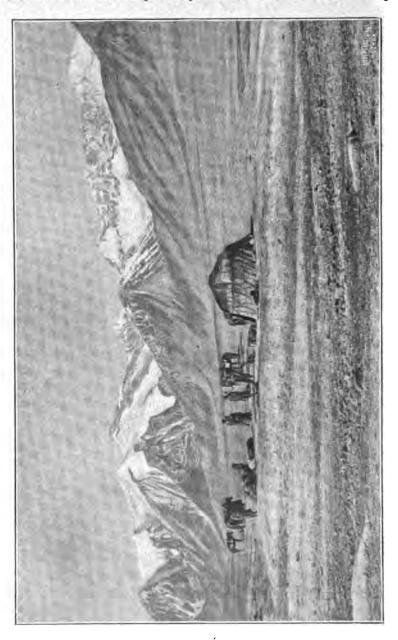
верхней части долины по бере

гаеть себв путь маленькая рвчка обы Digitized by GOOGLE

едъ

Aa-

меньше, види-вются только отдъльныя темно-зеленыя пятна; это—кустики ревеня, изъ листьевъ котораго путешественники обыкновенно пригото-

Стоянка на Памирѣ.

вляють себ'в салать; еще ниже—и р'вчка и трава совершенно исчезають, и все пространство долины занято однимъ сплошнымъ пластомъ леда, прикрытаго сн'вгомъ. Испытавъ силу солнечныхъ лучей на Памир'в въ

іюль мьсяць, неохотно въришь разсказамь о громадныхъ количествахъ льда, сохраняющагося въ долинь Мусъ - Колъ и льтомъ. Тъмъ болье поражаешься, когда увидишь самъ это странное явленіе. Въ двухъ сосъднихъ съ Мусъ-Коломъ долинахъ ръкъ Акъ-Байтала и Кизилъ-Джінка находятся такія же ледяныя поля. Что-то весеннее чувствуется въ этомъ сочетаніи палящихъ солнечныхъ лучей, ярко-зеленой травы и бълаго, блестящаго на солнцъ снъжнаго поля.

Когда мы выважали изъ Мусъ-Кола, было ясно и тепло. Оставивъ въ сторонъ ледяное поле, мы скоро выъхали на обычную широкую долину съ разноцвътными горами по сторонамъ. Далеко впереди виднълись на горахъ облака; можно было разсмотръть даже полосы падающаго снъга. По мъръ того, какъ мы подвигались впередъ, становилось все холоднъе; сильный вътеръ пронизывалъ насъ, несмотря на запасъ теплаго платья. Перевалъ весь былъ окутанъ какою-то смъсью облаковъ, тумана и падающаго снъга. Кое-какъ, наконецъ, мы его перешли и начинаемъ спускаться. Ъдемъ нъсколько минутъ, и вдругъ, точно въ театръ, картина сразу мъняется. Вътра уже нътъ; выглянувшее изъ-за тучъ солнце ярко освъщаетъ медленно падающіе хлопья снъга и красную отвъсную стъну песчаника съ зубцами и оврагами, по которымъ медленно ползутъ кверху легкія, почти прозрачныя струйки облаковъ.

Спустившись еще немного съ перевала, мы должны были остановиться на ночевку на берегу небольшой горной рѣчки. Къ несчастію, на этотъ разъ юрты не были выставлены заранѣе и, главное, не было заготовлено топливо. Сильно продрогшіе, мы особенно нуждались въ огнѣ, чтобы погрѣться чаемъ. Впрочемъ, скоро киргизы, провожавшіе насъ, притащили разобранную юрту, которую они взяли у жившаго недалеко почтоваго джигита *). Топливо тоже нашлось. Киргизы тутъ же поблизости нарыли терескену, но такъ какъ онъ былъ сырой, то очень большихъ трудовъ стоило развести костеръ, принимая во вниманіе еще, что сверху не переставаль падать мокрый снѣгъ. Какъ бы то ни было, въ концѣконцовъ костеръ запылалъ; скоро подоспѣлъ нашъ караванъ, и тогда все пошло успѣшнѣе, такъ что скоро мы уже блаженствовали за чаемъ.

На другой день рано утромъ солнце свётило ярко, и вся долина зеленёла, совершенно свободная отъ снёга; только вверху кое-гдё уцёлёлъ легкій снёжный покровъ; тамъ же лёпились еще бёлоснёжныя золотистыя кучки облаковъ. По мёрё того, какъ мы удалялись отъ Кнзилъ-Джіика, становилось все жарче и жарт цъ, когда мы

М. на кото-

^{*)} На Памир'в существуеть почтовое сообщеніе. гитами отъ станціи до станціи (версть 50). Станці: рыхъ въ одной или двухъ юртахъ живутъ два - т сообщеніе установлено между Ферганской долино мир'в, главной изъ которыхъ считается "Пами"

были въ той самой долинъ, которую видъли внизу съ перевала, солнце гръло уже такъ сильно, что пришлось отвернуть края шляпы, чтобы защитить ими лицо.

Но воть мы уже въ долинъ и—увы!—испытываемъ нъкоторое разочарованіе: небольшой кусочекъ зеркальной поверхности воды налъво да

нъсколько побольше направо; ѣдемъ прямо впередъ, и эти жалкіе кусочки почти скрываются. Это были видны части двухъ озеръ — Рангъ-Куля (восточнаго) и Шоръ-Куля (западнаго), расположенныхъ въ одной долинъ и соединенныхъ другъ съ другомъ узкимъ проливомъ версты въ три длиною. Далеко направо, на берегу Шоръ-Куля, сильно выдается отдельная скала. называемая у киргизовъ Чиракъ-Ташъ — "свътящійся камень". Наверху этой скалы есть пещера, и въ ней, говорять киргизы, всегда свътится огонь, который можно легко увидѣть,

Памирскіе киргизы.

если смотрѣть съ опредѣленнаго мѣста берега Шоръ-Куля. Мѣсто это обозначено кучкой камней, и каждый киргизъ, проѣзжающій мимо него, считаеть долгомъ остановиться, посмотрѣть на огонь и совершить молитву.
Оставляя далеко въ сторонѣ эту скалу, мы съ нѣкоторыми затрудненіями
переправляемся черезъ проливъ и долго ѣдемъ по южному берегу РангъКуля, и все время справа отъ насъ близко торчитъ стѣна причудливыхъ
скалъ, а слѣва теперь уже далеко видна гладь озера съзелеными, покрытыми травой берегами. Въ этой мѣстности, богатой пещерами, вид-

нъющимися далеко вверху на скалахъ, естественно главной темой легендъ сдълались именно эти пещеры съ зарытыми въ нихъ кладами. Одна изъ нихъ наверху огромной скалы, называемая Салыкъ-Ташъ, пользуется особенною извъстностью среди киргизовъ. Въ этой пещеръ, говорятъ киргизы, спрятанъ богатый кладъ; бълая полоса внизу пещеры—это кошма, которою прикрыты сокровища.

Солнце уже низко стояло надъ горизонтомъ, косыми лучами освъщая всю долину; совершенно зеркальная поверхность озера ръзко отражала пологія горы противоположной стороны; кое-гдъ только гладь ея нарушалась плывущими стадами гусей, возвращающихся на ночлегь съ восточнаго болотистаго берега на низкій островъ, расположенный на срединь озера. Небольшія стайки утокъ изръдка пролетали низко, почти надъ самою поверхностью воды. Прямо передъ нами на восточной сторонъ долины бъльли снъжные гребни горъ, лежащихъ уже за русской границей, а правъе, на юго-востокъ, едва виднълась двуглавая вершина гиганта Мустагь-Ата (отецъ льда). Расположившись прямо на земль, мы ожидали прибытія юртъ, за которыми поскакаль одинъ изъ киргизовъ въ ближайшій населенный пунктъ.

Лишь только въ окрестностяхъ стало извъстно о нашемъ прибытів, къ намъ явились представиться три киргиза, занимающихъ наиболъе почетное положеніе среди мъстнаго населенія. Это были: волостной, судья и третій, толстый, уже нъсколько обрюзгшій киргизъ, хотя и не занимавшій никакой должности, но уже своею наружностью говорившій о томъ, почему онъ явился въ качествъ почетнаго лица: это былъ, какъ намъ объясняли киргизы, "самый богатый человъкъ". Интереснъе всъхъ былъ судья, высокій, стройный, съ умными, хитрыми глазками; онъ главнымъ образомъ поддерживалъ съ нами разговоръ, конечно, черезъ переводчика. Въ качествъ подарка киргизы привезли намъ необыкновенно вкуснаго каймака въ вывернутомъ бараньемъ желудкъ; такой подарокъ былъ необыкновенно кстати, такъ какъ караванъ нашъ отсталъ по дорогъ и безъ него нельзя было приготовить объда, а мы успъль уже сильно утомиться длиннымъ переходомъ и изрядно проголодались.

Осматривая пещеру, въ которой, по словамъ киргизовъ, китайцы бродили три дня, мы убъдились въ значительной ея величинъ; развътвленій въ этой пещеръ такъ много, что при неосторожности можно не только проходить по коридорамъ три дня, но и навсегда остаться тамъ, заблудившись. Существованіе известковыхъ натековъ въ этой и другихъ пещерахъ достаточно объясняетъ происхожденіе бълой полосы въ недоступной таинственной пещеръ. Скоро и чудесная свътящаяся пещера (Чиракъ-Ташъ) утеряла всю прелесть таинственности, послъ того, какъ мы убъдились, что всему виною сквозное отверстіе въ скалъ, черезъ которое виденъ освъщенный склонъ сосъдней горы въ видъ свътлаго кружка.

Свътлая лунная ночь. Ясное прозрачное небо широкимъ куполомъ покрываеть долину и, соединяясь на горизонть съ гребнями горъ, какъ бы отдъляеть ее оть всего остального міра. Изрідка подуеть вітерокъ и снова стихнетъ. Гдів-то раздается свисть кулика. Яркій круглый мівсяцъ стоить какъ разъ надъ высокой отвесной скалой Салыкъ-Ташъ, оставляя въ тъни всю ея сторону, обращенную къ озеру; искоса поглядываеть онъ только на сосъднія скалы, и ихъ причудливыя ръзкія формы, освъщаемыя его свътомъ, постепенно сглаживаются, удаляясь туда, на западъ, въ озеру Шоръ-Кулю, а тамъ, далеко на его берегу, одиноко стоить Чиракъ-Ташъ съ своей странной свътящейся пещерой. Далеко, далеко на юго-востокъ бълъеть, точно прозрачное облако на горахъ, громадный Мустагь-Ата съ своей двуглавой вершиной, покрытой въчнымъ снъгомъ, а лъвъе тянется такимъ же прозрачнымъ облакомъ длинный снъжный хребеть. Озеро едва замътно; въ его зеркальной поверхности отражаются пологія горы противоположнаго берега, и это отраженіе незамътно сливается съ настоящими горами, блъдно освъщаемыми луною. Полная тишина. Темною ствной стоять безмолвныя каменныя громады, хранящія въ своихъ недрахъ чудесныя тайны киргизскихъ легендъ. Неподвижна и молчалива высокая скала Салыкъ-Ташъ съ своей заваленной кладомъ пещерой. Ни звука не доносится со стороны Шоръ-Куля и его свътящейся скалы. Все какъ бы замерло, и только легкій дымокъ, выходящій изъ юрты нашихъ проводниковъ, заготовляющихъ провіанть для пути, нарушаеть общій тонъ картины.

Отъ долины Рангъ-Куля недалеко уже было и до конечнаго южнаго пункта нашего путешествія, именно до русскаго укрѣпленія "Памирскій постъ". На слѣдующій день часа въ 4 мы уже подъѣзжали къ нему. Еще сильно пекло солнце, когда мы быстрѣе погнали лошадей, увидавъ на горизонтѣ низкія, сѣрыя стѣны крѣпости. Онѣ были первымъ бросившимся намъ въ глаза признакомъ цивилизаціи на Памирѣ.

Ташкентъ.

(А. Кауфмана.)

Попавъ въ Ташкентъ, вы съ изумленіемъ видите себя среди сплошного, чисто итальянскаго сада, въ густой зелени котораго тонутъ однотажные, по большей части аккуратно и не безъ вкуса выстроенные, свътло окрашенные каменные домики. Вечеромъ даже старожилъ не безъ труда оріентируется въ городъ: при слабомъ, еще поглощаемомъ густою листвою свътъ керосиновыхъ фонарей, едва мерцающихъ среди темной южной ночи, всъ улицы похожи одна на другую; это все широкія, прямыя, по большей части шоссированныя (впрочемъ, плохо шоссирован-

ныя) аллеи; питаясь водою изъ пробъгающихъ тугъ же небольшихъ арычковь, высятся въ два ряда густо посаженныя деревья. И что за деревья!.. Гигантскіе пирамидальные тополя, айланты съ ихъ громадными неровидными листьями и кистями желтовато-бѣлыхъ или красныхъ съменныхъ крылатокъ, абрикосы, шелковица, развъсистый чинаръ вле платанъ, кое-где туйя, адамово дерево съ остроконечными большими листьями и длинными узкими стручками и удивительные варагачи съ ихъ густой яйцевидной кроной, не оставляющей никакого просвыта для палящихъ солнечныхъ лучей. И благодаря постоянной поливкъ при горячемъ средне-азіатскомъ солнцъ и благодатной лессовой почвъ, деревья достигають прямо-таки необыкновеннаго роста: тополь въ нятьшесть леть вырастаеть уже на полную высоту; деревья 25-30-летняго возраста имъютъ десять, двънадцать, шестнадцать вершковъ въ поперечникъ. При каждомъ домъ садъ, съ тою же чудною растительностью, нъсколько прекрасныхъ общественныхъ садовъ, - словомъ, негдъ въ Россіи вы не найдете въ большомъ городъ такого изобилія зелени и такой массы танистой, слишкомъ танистой прохлады.

Но тв же самыя небольшія канавки, расположенныя по объ стороны каждой улицы и забъгающія во всъ дворы, канавки, всюду разносящія жизнь, со своєю весело журчащею, слегка мутною водой, —эте канавки, вмъстъ съ жизнью, всюду разносять малярію. Малярія — это властительница думъ русскихъ жителей Ташкента, и куда вы ни зайдете, начиная отъ просторныхъ, тонущихъ въ дивномъ саду, генераль-губернаторскихъ палатъ и кончая скромною квартирой мелкаго чиновника или торговца, вездъ вы непремънно услышите разговоры о малярія в почти вездъ увидите больныхъ этою бользнью. Благодаря массъ воды и тъни, жара во время дня не такая жгучая, какъ на открытой не орошенной степи, но зато тяжелая и душная, а вечеромъ, среди самаго жаркаго лъта, чувствуется пронизывающая сырость.

Ташкентъ по преимуществу городъ военныхъ и чиновниковъ, административный центръ обширной окраины, до сихъ поръ еще состоящей на военномъ положени. На каждой улицъ вывъски разныхъ штабовъ, управленій и канцелярій; на каждомъ шагу кокарды офицеровъ и чиновниковъ и красныя шаровары солдатъ. Магазиновъ и лавокъ въ русскомъ городъ очень мало и всто они обслуживаютъ того же офицера или чиновника. Только въ самые послъдніе годы среднеазіатская дорога соединила Ташкентъ съ Россіей, впрочемъ очень длиннымъ и кружнымъ путемъ; открыта Оренбургско-Ташкентская желъзная дорога, объщающая открыть край настежь для нашествія капитала, и уже теперь ташкентскій районъ сдълался однимъ изъ важиващихъ центровъ туркестанскаго хлопководства. Какъ и на нашемъ Дальнемъ Востокъ, здъсь дороги всякіе продукты, но еще дороже—люди. И тъмъ не ме-

Улица въ русской части Ташкента.

Digitized by Google

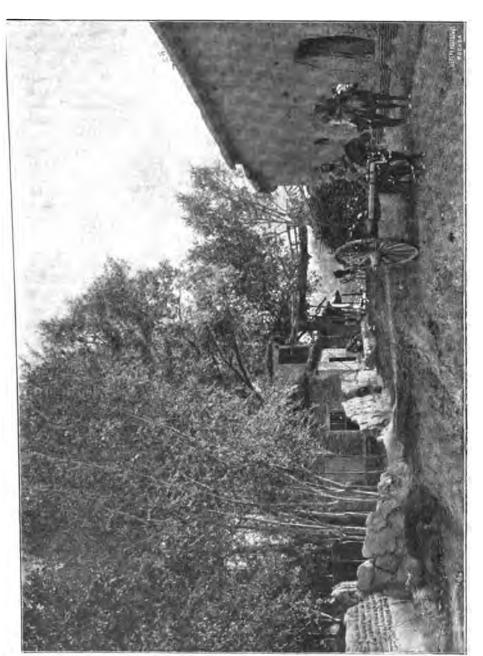
нъе многіе, несмотря на лихорадки, несмотря на дороговизну, тоже часто привязываются къ Туркестану. Нечего уже и говорить о такъ называемыхъ "старыхъ туркестанцахъ"—во многомъ симпатичный типъ, если не вымирающій, то во всякомъ случать уже теряющійся среди массы натажаго люда, для которыхъ Туркестанъ вторая родина,—даже люди, пріткавшіе сравнительно недавно, сплошь и рядомъ укореняются въ крать и не мечтаютъ о возвращеніи "въ Россію". Что ихъ привязываеть къ враю, они часто сами не могутъ сказать. Но не послъднюю роль здъсь играетъ горячее южное солнце, длинное лъто и яркая природа, послъ которыхъ какъ-то странно возвращаться куда-нибудь въ Москву съ ея полугодичною зимой или въ Петербургъ съ его слякотью и туманами.

Какъ я уже сказалъ, русскій Ташкентъ имъеть видъ довольно благоустроеннаго европейскаго города, хотя въ немъ почему-то нътъ не только электрического освъщенія, но даже такой вещи какъ телефонь, вездъ привившійся, даже въ Сибири. Прекрасные тротуары изъ сырцоваго кирпича, тщательная или даже чрезмірная, съ точки зрівнія маляріи, поливка улицъ, библіотеки, музеи, хорошіе на видъ магазины. Но на каждомъ шагу вы видите, что этогъ почти европейскій городъ заброшенъ въ самое сердце Средней Россіи. Вотъ напереръзъ Константиновскаго сквера, гдв на мъстъ бывшей могилы "устроителя края" Константина Петровича фонъ-Кауфмана, устроенъ оригинальный памятникъ, тянется караванъ верблюдовъ, несущихъ низкосортную московскую мануфактуру "пунцъ" куда-нибудь въ глубь киргизскихъкочевьевъ, а навстръчу этому каравану среди густого клуба пыли нъсколько киргизъ въ серыхъ войлочныхъ треухахъ гонять отару вымененныхъ, вероятно, на такой же пунцъ барановъ, съ отвисшими жирными курдюками. По всъмъ улицамъ, вперемежку съ цивилизованными пролетками (извозчики, впрочемъ, почти исключительно сарты или киргизы), медленно двигаются скрипучія арбы, съ ихъ огромными, чуть не въ два человьческихъ роста, широко разставленными колесами, такъ хорошо приспособленными для передвиженія безъ дорогъ, черезъ крупныя рытвины и небольше арыки; а на арбахъ то снопы люцерны въ круглыхъ плетеныхъ кузовахъ, то мусоръ съ какой-нибудь постройки, то горой наваленныя дыни, то группа женщинъ-сартяновъ съ наброшенными на голову, обязательно сърыми, халатами и со спущенными налицо частыми волосяными сътками. Около присутственныхъ мъстъ на привязи всегда масса верховыхъ лошадей, а по улицамъ то и дъло снуютъ или стоятъ небольшими группами верховые киргизы или, чуть не волоча ногами по землъ, проъзжаеть сарть верхомъ на маленькомъ длинноухомъ ишакъ, который, кромъ своего хозяина, несетъ еще батманъ пшеницы или хорошій выюкъ люцернаго съна.

Въ Ташкентъ вся черная работа лежитъ на смугломъ, чернобородомъ, по большей части довольно благообразномъ сартв. Онъ въ чистомъ чесунчовомъ халатв и въ расшитой тюбетейкв встрвчаетъ васъ на порогѣ самыхъ важныхъ домовъ русскаго Ташкента и замѣняетъ кухарку даже въ среднесостоятельныхъ русскихъ семьяхъ, которыя не нахвалятся его честностью и трудолюбіемь. Онъ является въ гостиницу къ прівзжему "тюрэ", какъ комиссіонерь и факторь, предлагая найти ковры, лошадей, квартиры; онъ же въ рубахъ и широкихъ шароварахъ ходитъ по улицамъ съ корзиною фруктовъ, заглядывая во всъ окна и оглашая воздухъ причудливо варіированными выкриками: "крупной виногрядъ", "французской пырсикъ", "настоящій душэсъ", и въ тотъ самый моменть, когда я пишу эти строки, я слышу въ окно: "товаръ не надо ли? шелковый платокъ? вышитой туфли?" Сартъ, стоя по колъни въ арыкъ, быстрыми и ровными взмахами ведра поливаетъ улицу, подметаеть колею трамвая, бьеть щебень для шоссе. Онъ же, одътый въ ложмотья или полуголый, строитъ всъ эти европейскаго виль дома, окруживъ постройку вмъсто забора камышовыми плетенками ("чіями"), и, проважая по улицамъ Ташкента, вы вездв видите сарта то штукатурящаго по-европейски домъ, то размъшивающаго кетменомъ лёссовую замазку для облицовки сложенной изъ комьевъ того же лёсса изгороди сада, то ловко перебрасывающаго лёссовые кирпичи на крышу, гдв другой такой же сарть перекладываеть дымовую трубу. И русскій обыватель Ташкента привыкъ и приспособился къ "мужику" въ тюбетейкъ и, какъ на Дальнемъ Востокъ, выработалъ для разговора съ нимъ особый жаргонъ, уснащаемый безконечными "мало-мало" и отличающійся отсутствіемъ склоненій и упрощенными формами спряженія.

Открытый вагонъ трамвая биткомъ набить публикой. Двв-три русскихъ физіономіи, остальное—сарты въ тюбетейкахъ, изрѣдка въ чалмахъ, нѣсколько сартянокъ, закрытыхъ частыми волосяными сѣтками, нѣсколько дѣтишекъ съ черными, какъ изюминки, глазами. Хотя вагонъ открытый, но въ носъ такъ и бьетъ острый запахъ перепрѣлаго пота, неотступно сопровождающій неуспѣвшаго понатереться около русскихъ сарта.

Воть и старый городъ: извилистая, вымощенная булыжникомъ улица, съ узенькими, высокими валиками или тротуарами по бокамъ. По этой улица проходить конка, здась же и разные продукты цивилизаціи въ рода амбулаторіи, русско-туземной школы, арестнаго дома; вправо и влаво отъ нея, то въ гору, то подъ уклонъ, отватвляются узкіе боко--- улицы и переулки, уже не мощеные, или совсамъ ужъ узенькіе ы, ведущіе то къ чьему-нибудь дому, то къ арыку, то къ каузу—

Улица въ туземной части Ташкента.

Digitized by Google

небольшому общественному пруду. По объимъ сторонамъ и этой улицы, и всъхъ другихъ-безконечный рядъ певысокихъ, желто-сърыхъ отъ лессовой обмазки, по большей части двухъэтажныхъ построекъ. Нижній этажъ-либо конюшни, съ узенькими, во всю длину, окнами или щелями, либо запертые на замокъ амбары, либо лавки, гдв торгуютъ дынями и жевательнымъ табакомъ, цырюльни, гайтаны, въ которыхъ на виду у встать бреются, распивають чай или просто, въ самыхъ непринужденныхъ позахъ, предаются сладкому отдохновенію. Въ одномъ мъсть-рядъ мастерскихъ кузнечнаго цеха; кузнецы работають также на виду у всфхъ, сидя на краю ямъ, въ которыхъ поставлены ихъ наковальни. Во второмъ этажъ иногда жилыя помъщенія—комнаты, террасы съ небольшими колонками, но чаще тоже какіе-нибудь амбары, или склады; жилище свое сарть, какъ истый сынъ востока, старается запрятать подальше отъ любопытныхъ глазъ. Вперемежку съ жилыми домами и лавками нъсколько мечетей или медрессе, всъ того же желто-съраго цвъта, изъ характернаго мъстнаго плоскаго кирпича, проложеннаго толстыми пластами лессовой замазки, съ плоскими, тоже желтосфрыми, куполами и почему-то съ очень низкими минаретами, которые заканчиваются полукруглымъ куполомъ; на нъкоторыхъ полосы чудесныхъ эмальированныхъ изразцовъ, съ темно-синими и блёдно-зелеными узорами. Зелени на улицъ совершенно не видно; но по-надъ невысокими домами и "дувальными" ствнами видна масса зелени: какъ и все, что онъ имфетъ, сынъ востока и свою зелень прячетъ въ глубинъ своихъ усадебъ, подальше отъ постороннихъ глазъ.

Однако вагонъ добъжалъ до конечнаго пункта. Нъсколько сотъ шаговъ пъшкомъ—и мы на базаръ, въ этомъ сердцъ азіатскаго города. Безконечный лабиринтъ широкихъ улицъ и узкихъ переулковъ, по объимъ сторонамъ которыхъ тянутся дощатые балаганы-лавки. Всъ улицы и переулки перекрыты навъсомъ изъ нетолстыхъ жердей, поверхъ которыхъ кое-гдъ набросана солома. Еще недавно надъ всъми улицами и переулками базара были устроены плоскія земляныя крыши, но послъ андижанскаго землетрясенія начальство вельло снять ихъ и замънить нынъшними легкими навъсами. Но и подъ этими навъсами достаточно прохладно, и на постоянно поливаемыхъ изъ бурдюковъ улицахъ стоитъ мъстами порядочная грязь.

Недалеко отъ входа въ базарный лабиринтъ мой спутникъ останавливается около одной сравнительно большой лавки, мало отличающейся впрочемъ, на видъ отъ другихъ окружающихъ лавокъ: всякая мелкая, низкопробная бакалея, и только стоящіе горою около лавки цыбики чая позволяютъ предположить, позволяютъ предположить, позволяютъ предположить, позволяютъ предположить невь худощавый, пожилой сартъ одътый немногимъ лучше и пи вст вокругъ, съ умнымъ в

серьезнымъ лицомъ. Мой спутникъ подходитъ къ нему и здоровается за руку.

— Это,—говорить онь, обращаясь къ сарту и указывая на меня,—мой знакомый, господинъ такой-то, прівхаль изъ Петербурга. А это Юсупь—аксакаль, бывшій базарный староста, хорошій человікь. Не пройдете вы съ нами, Юсупь?.. Мы, можеть быть, ковры покупать будемъ, такъ вы намъ поможете, да и такъ на базарів я одинъ, пожалуй, запутаюсь.

Юсупъ съ видимымъ удовольствіемъ соглащается быть нашимъ чичероне, и мы пускаемся въ дальнѣйшій путь уже втроемъ. Юсупъ, видимо, пользуется на базарѣ большимъ почтеніемъ: вездѣ, гдѣ мы проходимъ, ему дѣлаютъ кулдукъ—слегка наклоняются, прижимая обѣ руки къ груди; болѣе цивилизованные, впрочемъ, очень немногіе, дѣлаютъ козырекъ или даже приподнимаютъ тюбетейку. Кто куритъ свой чилимъ *), съ поклономъ протягиваетъ его къ Юсупу, который дѣлаетъ глубокую затяжку.

На базарѣ самая строгая спеціализація. Каждый видъ торговли, каждый промысель имѣеть свою улицу или свой переулокъ. Воть длинный и широкій мануфактуръ-рядъ, съ сравнительно большими лавками, гдѣ торгують частью сарты, но больше, кажется, бухарскіе евреи, рѣзко отличающіеся оть сартовъ красивыми, правильными чертами лица, черными шапочками вмѣсто сартовскихъ расшитыхъ тюбетеекъ и непробритыми, хотя коротко подстриженными прядками волосъ на вискахъ, выглядывающими изъ-подъ шапки; это—туземные евреи, пользующіеся въТуркестанѣ всѣми правами мѣстныхъ обывателей, если только они или отцы ихъ проживали въ краѣ во время присоединенія.

Въ мануфактурныхъ лавкахъ—мъстныя бумажныя матеріи, и тутъ же "пунцъ" россійскихъ фабрикантовъ. Среди массы розничныхъ лавокъ обычнаго восточнаго типа нъсколько фабричныхъ лавокъ— Карла Шейблера, Морозовыхъ и другихъ, изъ Лодзи и подмосковнаго района. Вотъ шелковый рядъ—шелковыя и полушелковыя матеріи, платки, косынки и т. п. Покупатели почти вездъ мужчины, и только въ двухъ или трехъ мъстахъ на порогъ лавокъ сидятъ женщины-сартянки, совершенно закрытыя своими сърыми халатами и волосяными фатами, и ведутъ какіе-то переговоры съ продавцомъ.

Еще и еще торговые ряды: воть спеціально сундучный рядь; воть рядь лавокь съ кошмами, деревянными остовами для киргизскихъ юрть, грубыми коврами и другими атрибутами кочевого киргизскаго обихода; здёсь длинный рядъ небольшихъ лавочекъ, гдё торгуютъ дынями и арбузами; тамъ лавчонки съ сартовскимъ мыломъ, угольный рядъ, ба-

^{*)} Мёстное названіе кальяна.

калейная улица, гді располагаются вперемежку, почти не отличаясь по виду, маленькія торговлишки, съ нівсколькими десятками рублей оборотнаго капитала, и большія оптово-розничныя дівла, съ оборотомъ въ сотни тысячъ.

Рядъ другихъ улицъ-ремесленники разныхъ спеціальностей. вогорые туть и работають, и продають свои изделія. Громкій стукть молотковъ по металлу привлекаетъ насъ въ медный рядъ: несколько десятковъ давокъ, где кують медныя изделія, делають на нихъ высъчки, лудять; на выставкъ готовыя издълія — по большей части дешевые кунганы или мъдныя ведра, но по просъбъ Юсупа выносять в показывають намъ и дорогія вещи, съ чудною, мелкою, художественною высъчкой. Воть токарный рядь, гдъ на глазахь у всъхъ точатся в отдълываются ручки для бритвъ, дътскія люльки и всякія другія деревянныя изділія; первобытнаго устройства станокъ приводится въ движеніе ремнемъ, который перекинуть черезъ ось и за который тянеть. то въ одну, то въ другую сторону полуголый сарть, помощникъ токаря. По сосъдству изготовляются деревянные частые гребни, которые вышиливаются ручною пилой на небольшомъ, но остроумно приспособленномъ станочкъ. Вотъ продавцы тюбетеекъ. Заказчикъ выбираетъ у нихъ матерію и указываетъ рисунокъ для шитья по одному изъ готовыхь, разложенных на прилавкъ штамповъ; торговецъ снимаетъ мърку. туть же, на глазахъ у заказчика, выкраиваеть тюбетейку, отпечатываеть на ней штамиомъ рисунокъ и передаеть другому работнику, который ділаеть вышивку и сшиваеть тюбетейку. Поблизости отъ мануфактурнаго ряда лавки "машиначей" — портныхъ, которые кроятъ и на машинъ шьють общераспространенные у сартовъ и киргизъ бухарскіе халаты.

Еще и еще разнообразные ремесленники. Воть, между прочимъ, пекаря, изготовляющіе излюбленныя сартовскія лепешки; въ пекарнѣ работають трое: одинъ раскатываеть куски тѣста, другой на уже раскатанной лепешкѣ накалываеть зубчатымъ колесикомъ традиціонные узоры, третій, полуголый, съ головою, повязанною платкомъ, влѣзаетъ въ жарко истопленную печь и прилѣпляетъ готовую лепешку къ ея своду, гдѣ она печется "до готовности". Вотъ рядъ серебренниковъ, дѣлающихъ разнообразныя, по большей части очень грубыя по отдѣлкѣ, но краснвыя по общему рисунку серебряныя украшенія. А вотъ среди горы битаго фарфора сидитъ старичокъ-клейщикъ, который какъ разъ въ данную минуту чинитъ разбитую чашку. Мы останавливаемся посмотрѣть, какъ онъ ловко и быстро дѣлаетъ свою очень тонкую и деликатную работу: составивъ чашку, онъ особеннымъ сверломъ продѣлываетъ въ ней небольшія дырочки, въ которыя вставляются металическія скобки.

Юсупъ тъмъ временемъ перекидывается какими-то непонятными намъ фразами со старикомъ, а старикъ, между дъломъ, исподлобья разсматриваетъ насъ. Къ намъ присоединился еще какой-то зритель, тоже русскій, въ фуражкъ съ кокардою и съ толстою тростью въ рукахъ, тоже, очевидно, знакомый Юсупа. Старикъ и на него посматриваетъ исподлобья, не задавая никакихъ вопросовъ; все время опиравшійся на палку перехватываетъ ее за середину,—палка оказывается съ большимъ серебрянымъ набалдашникомъ въ формъ фантастической птицы, не то орла, не то пеликана. Старикъ-клейщикъ сразу прерываетъ свою работу и закидываетъ Юсупа оживленными вопросами, все время посматривая на господина съ птицей. Я разбираю слова "улкунъ-тюрэ": старикъ принялъ палку съ птицей за какой-то атрибутъ власти и на этомъ основаніи ръшилъ, что владълецъ палки какой-нибудь "большой начальникъ".

Базаръ—сердце стараго Ташкента; сердце базара — широкая улица, сплошь занятая чай-ханами (чайными) и ашъ-ханами (харчевнями); вперемежку съ ними то цырюльни, гдв на виду у всвхъ сарты бреють голову и лицо, то лавочки, гдв продаются дыни и жевательный табакъ. Тутъ же на улицв стоятъ несколько морожениковъ—только роль мороженаго играетъ глыба снъга, которая поливается патокой и въ такомъ видв подается потребителямъ; тутъ же и фонографъ, со множествомъ слуховыхъ трубокъ.

"Чайная" улица биткомъ набита народомъ: во всѣхъ чайныхъ масса сартовъ и киргизъ, кое-гдѣ между ними русскіе, мѣщане или солдаты; на порогѣ одной изъ чайныхъ сидитъ туземный полицейскій, въ длинномъ коломянковомъ халатѣ и мерлушковой папахѣ, но съ жгутами и шашкой, какъ у настоящаго городового, и мирно пьетъ чай изъ круглой чашки; завидѣвъ проходящихъ "тюрэ", изъ которыхъ одинъ въ полувоенной формѣ, онъ приподнимается и дѣлаетъ подъ козырекъ.

Въ одномъ мѣстѣ большое собраніе народа: тѣсными рядами, по обѣимъ сторонамъ улицы, сидятъ сарты и киргизы, въ чалмахъ, тюбетейкахъ и сѣрыхъ войлочныхъ треухахъ, а посреди улицы стоитъ длиннобородый старикъ, въ бѣлой чалмѣ, опираясь на длинный посохъ, и что-то оживленно разсказываетъ, усиленно жестикулируя и оборачиваясь то къ одному, то къ другому ряду своихъ слушателей; порою онъ прерываетъ свое повѣствованіе какимъ-нибудь вопросомъ; ему отвѣчаютъ изъ толны, иногда много человѣкъ за разъ, иногда только одинъ или двое, сидящихъ прямо противъ старика и, повидимому, поддерживающихъ съ нимъ особенно оживленную бесѣду. Это "маддахъ", спеціалистъ-разсказчикъ, который ходитъ по чай-ханамъ и увеселяетъ собирающуюся здѣсь публику разсказами на всевозможныя темы; чтобы не дать остыть живому интересу публики, онъ пересыпаетъ свой разсказъ разными вопросами, а срег слушателей сидятъ его негласные сотрудники, которыхъ обязанность

отвъчать на его вопросы и такимъ образомъ придавать представленю "маддаха" видъ оживленнаго діалога. Окончивъ какой-то длинный разсказъ, маддахъ обходитъ публику и собираетъ мелкія подаянія. Я тоже даю какую-то мелкую монету.

— Вотъ ему и тема для слъдующаго разсказа,—говоритъ мой спутникъ:

—какъ пришелъ на базаръ большой тюро и какъ онъ, прослушавъ разсказъ маддаха, щедро одарилъ его.

Юсупъ утвердительно киваетъ головой.

Немного дальше—опять сплошные ряды сидящихъ по объимъ сторонамъ улицы пестрыхъ халатовъ, — всё въ чалмахъ или тюбетейкахъ, киргизскихъ треуховъ не видно. Здёсь уже нётъ никакой центральней фигуры, а просто ведется какой-то оживленный общій разговоръ.

- Маслявать держать?-спрашиваеть мой спутнивъ Юсупа.
- Такъ тошно, маслякатъ, отвъчаетъ тотъ.

Это оказывается, сарты собрались обсуждать какія-то свои общественныя дівла.

Еще дальше—опять небольшая кучка халатовъ, на этотъ разъ уже не сидящихъ, а стоящихъ, а посреди этой кучки, оживленно жестикулируя, громкимъ и ръзкимъ голосомъ разсказываетъ что-то точно сомедшій съ верещагинской картины дервишъ, въ остроконечной расшитой шапкъ, обмотанной бълою чалмою, въ грязномъ и ободранномъ халатъ, съ посохомъ и съ висящею черезъ плечо дорожною флягой изъ тыквыгорлянки, — разсказываетъ, очевидно, о святыхъ мъстахъ, чудодъйственныхъ могилахъ и благочестивыхъ ишанахъ. Тутъ же среди толпы похъживаетъ мальчуганъ съ корзиною небольшихъ незатъйливо связанныхъ букетовъ.

- Это для кого букеты?—спрашиваю я моего спутника.
- Какъ для кого! Сарты же страшно любять цвъты, воть посмотрите, указаль онъ мнъ на нъсколько человъкъ изъ толпы: изъ-подътюбетеекъ выглядывали, падая на лобъ, небольшія въточки цвътущей люцерны.

Заглянули въ двътри чай-ханы; всъ онъ болье или менье одного типа: чай изъ круглыхъ фарфоровыхъ чашекъ, сартовскія лепешкя, дыни, горою наваленныя у входа; въ углу стоить обязательный чилить, изъ котораго, по исконному обычаю, можетъ сдълать затяжку каждый прохожій, хотя бы онъ и не потребовалъ никакой платной порців, в тутъ же обязательная туземная гитара или домра, на которой играеть каждый потребитель, которому захочется усладить свой кейфъ тихичь и меланхолическимъ перебираніемъ струнъ; въ нъкоторыхъ висять свое образныя коническія клѣтки съ перепелами, воспитываемыми то ди пънія, то для боя.

Однаво чистота во встах этихъ чайныхъ болто нежели сомнительна,

и потому мы направляемся пить чай въ изв'єстную и среди жителей русскаго города, болье культурную чай-хану. Передняя часть ея предоставлена туземцамъ, которые попивають чай, сидя на корточкахъ на достаточно грязномъ коврѣ; тутъ же въ переднемъ углу сидить на корточкахъ небольшой оркестръ — четыре человъка, исполняющіе между прочимъ и русскія пісни, за переложеніе которыхъ на туземные инструменты содержатель ханы получиль даже, какъ гласить висящій на стіні дипломъ, какую-то награду на мъстной выставкъ. Задняя часть чайжаны, съ овнами, выходящими на большой, обсаженный деревьями арывъ, предназначается для привидегированныхъ посётителей изъ русскаго города, а потому здёсь стоять нёсколько столовь со стульями и не слише комъ мягкими диванами. Мы располагаемся, вместе съ Юсупомъ, за однимъ изъ нихъ; намъ подають порцію чая, ті же сартовскія лепешки, еще какое-то печеніе и тарелку съ фруктами-персиками и виноградомъ; мой спутникъ и Юсупъ дълають по затяжкъ изъ чилима, и только послв того приступають къ часпитію.

У подножія Ханъ-Тенгри.

(А. Краснова.)

Въ Пржевальскъ мнъ предстояло снарядиться въ длинный путь по хребтамъ и долинамъ Тянь-Шаня, на ледники группъ Ханъ-Тенгри, этого высокаго бълаго конуса въ 24.000 футовъ высоты, царящаго надъ хребтами, которые раздъляютъ двъ великія имперіи—Азіатскую Россію и Китайскую Кашгарію.

Провхавъ рядъ полей, я достигь Теплоключинскаго селенія, названнаго такъ потому, что въ семи верстахъ отъ него въ живописнвищемъ ущельв на берегу горнаго потока, бушующаго между поросшими елью скалами, бьють изъ земли теплые цвлебные ключи, имвющіе температуру 40° Цельсія. Надъ ключами устроенъ рядъ бараковъ, гдв за 7 руб. въ місяцъ можно имість комнату и куда крестьяне поставляють провизію, а киргизы кумысъ.

Вскоръ за Теплоключинскимъ селеніемъ я выъхаль изъ района полей и сталь приближаться къ высокой массивной цъпи Терской Тау, какъ бы громадной зубчатой стънъ, отдъляющей Китай отъ Россіи.

Чёмъ больше приближаемся къ этой цёпи, тёмъ роскошнёе становится растительность. Печальныя, однообразныя сёдовато-сёрыя степныя низины смёняются сперва высокими пестрёющими цвётами травами, а эти послёднія — кустарниками желтыхъ и бёлыхъ розъ тянь-шаньскаго барбариса съ темно-синими ягодами, похожими на смородину. Наконецър вы въёзжаете въ область стройнаго едоваго лёса, кучами раскиданнаго

по склонамъ, среди котораго журчатъ и прыгають со скалъ ручьи в каскады и гдъ вы еще можете спугнуть робкаго оленя или чернаго козла, снабженнаго длинными, загнутыми надъ спиною, громадными рогами.

Воть здёсь-то, въ этой лёсной зонё Тянь-Шаня, между громадных лёсныхъ колокольчиковъ, оранжево-желтыхъ маковъ и другихъ чудныхъ лёсныхъ цвётовъ, отдёльными группами, не тревожимые ни однимъ жевотнымъ, растутъ темно-зеленые кусты, украшенные кистями темнофіолетовыхъ цвётовъ, знаменитаго иссыкъ-кульскаго корешка. Если вёрить единогласному свидётельству всёхъ мёстныхъ жителей, это въ буквальномъ смыслё корень смерти. Порошокъ изъ этого кория незамётно, быстро и безповоротно, а главное не поддаваясь существующихъ методамъ открытія ядовъ, отправляеть на тотъ свётъ. Ботаническое изслёдованіе показало, что исссыкъ-кульскій корешокъ есть не что иноскакъ разновидность всёмъ извёстнаго аконита, пріобрёвшаго здёсь на горахъ столь сильно дёйствующія свойства.

По мъръ поднятія вверхъ еловый льсъ смъняется низкорослымъ и приплюснутымъ можжевельникомъ, а этотъ послъдній—сочными альпійскими лугами, усъянными множествомъ яркихъ цвътовъ тъхъ же родовъ, иле близкихъ тъмъ, которые одъваютъ вершины Кавказа и Альпъ, не исключая и знаменитаго въ Швейцаріи эдельвейса.

За этою зоною вы доходите до полосы въчнаго снъга. Здъсь приходится переваливать черезъ первый изъ хребтовъ Тянь-Шаня, какъ бы черезъ амбразуру высокой стъны. Перевалъ Тургень Аксу, черезъ который мнъ пришлось переходить, не принадлежитъ къ числу пріятныхъ для путешественника, хотя въ сравненіи съ другими проходами этой цъпи онъ долженъ считаться еще очень удобнымъ.

Расположенный на такой высоть, гдь воздухь уже настолько редокь, что при быстромъ движеніи дьлается одышка, переваль этоть труденъ для перехода пышкомъ. Между тымъ склоны, покрытые снытомъ, настолько круты, что лошади, идя по нимъ, скользять, а обрываясь, летять внизъ по крутому склону, рискуя разбиться вдребезта о нижележащіе склоны. Силясь подняться, несчастныя животныя тяжело дышать и вся ихъ фигура выражаеть крайнее истомленіе. Хорошо еще, если вы попадете на переваль въ ясный, свытый день. Когда же свышеть вытеръ, нагоняя тучи и посыпая снытомъ или градомъ, здысь стыновится жутко даже и туземцамъ-киргизамъ.

Перейдя черезъ перевалъ, вы попадаете въ область сыртовъ, т.-е. страну высоко лежащихъ (выше зоны льсовъ и не ниже 3.000 метровъ плоскогорій, по которымъ пробъгаютъ цъпи горъ и которыя еще въ недавнее время всъ были скрыты подъ толщами снъговъ и льдовъ. Средняя Азія, съ каждымъ годомъ бъднъя водою, лишается вибсть съ

тъмъ и сиъжныхъ запасовъ на горахъ. Линія въчныхъ сиъговъ на горахъ поднимается все выше и выше. Ледники, итвогда подобно ледянымъ ръкамъ спускавшиеся на сырты, которые представляли одно общее ледяное море, теперь растаяли; большинство изъ нихъ уже высохло; другіе представляютъ лишь жалкіе остатки прежняго величія.

Съверные склоны Тянь-Шаня защищены всею массою горъ отъ мертвящаго дыханія пустыни Гоби. Въ ихъ долинахъ и ушельяхъ растуть деревья и кустарники, придавая пейзажу оживленіе и живописность. Иное дъло здёсь, на этихъ высокихъ плато-водораздѣлахъ системъ рѣкъ Тарима, Или и Сыръ-Дарьи. Здёсь изсушающіе вѣтры, отъ которыхъ лишь слабо охраняють цёпи южной амбразуры, живо высушили территорію, освободившуюся изъ-подъ ледяныхъ морей, и теперь покрытая галькою и ледниковою пылью почва сыртовъ представляеть обширныя пространства для населенія растеніями.

На этихъ страшныхъ высотахъ, въ непосредственномъ сосъдствъ съ тающими льдами и снъгами горныхъ вершинъ (изъ коихъ многія, какъ, напр., гора Ханъ-Тенгри, или Царь-Неба, самая высокая въ Россіи, и ея сосъдки, съ ногъ до головы одъты въ саванъ изъ снъга), въ этомъ царствъ холода разселились растительные виды полярныхъ странъ, виды изъ съверной Сибири или со снъжныхъ вершинъ Гималая. Но эти дъти съвера требуютъ влажности; они образуютъ богатые яркими, быощими въ глаза цвътами ковры лишь на вымочняхъ.

И тыть странные на мыстахъ болые сухихъ, рядомъ съ ними, видыть представителей весенней флоры жаркихъ южныхъ степей—сыдыя полыни, злаки въ роды ковыля или тирсы, крестоцита. Всы эти растения здысь миніатюрны, но вмысты съ тымъ необыкновенно красивы. Сухая азіатская степь и ковры пестрыхъ альпійскихъ цвытовъ здысь постоянно чередуются другъ съ другомъ на такихъ высотахъ, гды на Альпахъ или другихъ горахъ запада лежали бы непроглядныя толщи вычныхъ сныговъ. Но тяжела и рискованна жизнь этихъ существъ въ этихъ синственныхъ въ своемъ роды условіяхъ. На цылыя сажени земля остается обнаженной, такъ какъ заселеніе ея идетъ крайне медленно. Въ полдень эта голая почва суха и пыльна и бываетъ столь же горяча, какъ въ степи; ночью, напротивъ, она до того охлаждается, что замерзаетъ вода. И надо только удивляться выносливости этихъ хорошенькихъ миніатюрныхъ травокъ, которыя каждое утро привытствуютъ солнце распусканіемъ своихъ пестрыхъ вынчиковъ.

Но не одни только климатическія условія вредять этой растительноности. Въ животныхъ эти немногія травки встрічають враговь еще боліве страшныхъ. Спасаясь оть преслідованія охотниковъ, сюда убігаеть архаръ, этоть гигантскій горный баранъ съ громадными, колесомъ од вывернутыми рогами, для котораго эти травки горныхъ луговъ соста вляють главную пищу; туть же пищать всюду сурки и горныя мыши.

Чтобы избъгнуть полнаго истребленія, здѣшнія растенія выработали удивительныя свойства. Такъ, напр., здѣшняя низкорослая акація одѣта длинными и острыми колючками съ верху до низу, превращающими растеніе въ нѣкоторое подобіе верблюжьяго хвоста. Другое растеніе съ цвѣтами, похожими на крупные цвѣты земляники, еще оригинальнѣе. Не обладая самъ по себѣ никакимъ запахомъ, этотъ кустарникъ возбуждаетъ сильнѣйшее чиханіе у того, кто попробуеть его понюхать, и тѣмъ самымъ отбиваетъ у архаровъ всякую охоту жевать его листья. Наконецъ, чтобы спастись отъ зерноядныхъ животныхъ, стручья многихъ видовъ имѣють форму и окраску необыкновенно похожія на гальки, устилающія почву.

Долинки и горныя плато, гдв развивается подобная жизнь, со вскът сторонъ окружены высокими горами, съ верху до низу закутанными въ ввчные снъга. Въ ущельяхъ этихъ горъ еще донынъ сохраняются остатки ледниковъ. Ледники эти, за исключеніемъ немногихъ, имъютъ мало общаго съ альпійскими: ихъ ледъ грязенъ, изрытъ ручьями, забросанъ гальками. Но, несмотря на то, все-таки и эти ледники имъютъ много прелести, а нъкоторые большіе, какъ ледники Петрова, по величинъ не уступаютъ ледникамъ другихъ горныхъ странъ. Въ нъкоторыхъ среди льдовъ образуются озера, окаймленныя небесно-голубовато-зелеными глыбами льда. Ръка Сары-Джаза, по долинъ которой мы ъхали, вытекаетъ изъ глубокаго ледяного тоннеле-образнаго грота. Она оказалась однимъ изъ главныхъ притоковъ Тарима.

Погода на этихъ страшныхъ высотахъ необыкновенно измънчива. Въ теченіе одной недъли можно бываетъ видъть по нъскольку разъ картины лъта и зимы. Такъ, напр., окончивъ изслъдованіе ледниковъ, я хотълъ уже направиться къ южному склону горъ, чтобы спуститься въ Кашгарію, какъ вдругъ поднялась страшная снъжная метель. Цвътущій лугъ, на которомъ была раскинута палатка, въ скоромъ времени по-крылся густымъ слоемъ снъга,—и 29-го іюля, кутаясь въ шубу, я долженъ былъ гръться у костра.

Два дня продолжалась такая метель. Невозможно было въ снъту в туманъ различать лошадей, пасшихся въ нъсколькихъ шагахъ отъ палатки, и только изръдка долетавшее фырканье и храпъніе показывало, что онъ еще не ушли. Объ экскурсіяхъ нечего было и думать. Приходилось лежать закутавшись въ палаткъ, приводить въ порядокъ дневники или слушать разсказы и сказки, которыя мнъ сообщали киргизымои провожатые.

Народная литература киргизъ представляеть много интереснаго. Ихъ сказки, въ которыхъ то слышатся отголоски сказаній сіверныхъ народовъ и фигурирують баба-яга и говорящія животныя, то яндяются

проблески южной арабской фантазіи, - знакомять вмістів съ тімь со всею обстановкой и жизнью степняка-кочевника. Не менъе интересны и былины. Подобно героямъ Греціи, герои виргизъ совершають удивительные подвиги, сражаются съ семиглавыми драконами, похищають молоко у охраняемой страшными звърями верблюдицы или одерживають побъду надъ цълыми войсками. Върный и любимый конь является въ былинахъ однимъ изъ главныхъ дъйствующихъ лицъ. Онъ выручаетъ хозяина изъ бъды, онъ спасаеть его оть смерти или способствуеть его оживленію, отправляясь въ длинный путь къ друзьямъ или доброжелателямъ героя, чтобы извъстить ихъ объ его участи. Надо видъть киргиза, проливающаго горькія слезы при разлуків съ любимымъ конемъ; надо видіть тъхъ красавцевъ, которыхъ хозяинъ не отдаетъ ни за какія деньги, которые, расширивъ ноздри и поднявъ уши, бъгутъ на зовъ своего хозяина, надо наконецъ по опыту убъдиться, какъ умны эти животныя, какъ скоро изучають они нравъ своего съдока, какъ они осторожны на горныхъ тропинкахъ, --чтобы понять, что хорошая киргизская лошадь можеть быть истиннымъ и върнымъ другомъ и товарищемъ богатыря киргиза. Но въ степи вы ръдко увидите киргиза на любимомъ конъ, особенно льтомъ. Конь этотъ пасется на лучшемъ отдаленномъ пастбищъ, а какой-нибудь несчастный, опаршивъвшій, съ обстриженной гривой жеребенокъ, еле волоча ноги, перевозитъ хозяина съ мъста на мъсто.

Внутренняя семейная жизнь, обстановка юрты, условія перекочевокъ (сравнительно лучшія, чёмъ у другихъ магометанскихъ народовъ), положеніе женщинь—все это выступаетъ на сцену въ киргизскихъ поэмахъ и былинахъ. Ихъ урочища и особенно могилы героевъ связаны съ длинными и интересными преданіями. Здёсь—колодецъ, въ который заставила спуститься нелюбимаго жениха невёста; тамъ—утесъ, съ котораго бросился несчастный влюбленный; тутъ—широкая долина, черезъ которую въ одинъ махъ перепрыгивалъ конь такого-то героя, и т. д.

Метель продолжалась два дня. Холодный вътеръ, сопровождаемый снъгомъ, намелъ его цълые сугробы около палатки; на лугахъ же и склонахъ слой его достигъ до четверти аршина толщины. Наконецъ на третье утро вътеръ стихъ. Проглянуло солнце, горы задымились отъ испареній подъ его яркими лучами; стало жарко, и картина зимы моментально смънилась пейзажемъ поздней весны. Скъгъ сталъ таять съ изумительной быстротой, и одна за другой выпрямились поблекшія головки цвътовъ. Оранжево-желтыя чашечки альпійскаго мака, набитыя снъгомъ, какъ ни въ чемъ не бывало выпрямились и продолжали цвъсти. Синіе колокольчики генціанъ, свернувшіеся было во время метели, вновь раскрылись навстръчу лучамъ солнца, а среди ослъпительно бълой пелены тамъ и сямъ засверкали синія и желтыя пятна цвътовъ. Въ поледень появились бабочки, порхая между ручьями отъ тающихъ снъговъ

в садясь на полузамерзийе цвёты, блистающие каплями холодной воды. Словомъ картина получилась весьма эффектная. Но намъ, признаться, было не до нея. Потерявъ нёсколько лишнихъ дней при изследования ледниковъ, просидёвъ двое сутокъ въ палаткё, пережидая метель, я рисковалъ остаться безъ принасовъ среди этой пустынной мёстности. Высокія плоскогорья Тянь-Шаня лётомъ представляютъ совершенную пустыню. Тогда киргизы по большей части кочуютъ ниже, въ предгоріяхъ, въ альпійской зоне севернаго склона или верховьяхъ Нарына. Окрестности же Ханъ-Тенгри составляютъ мёсто зимнихъ кочевокъ.

Страшный холодъ царить, по словамъ виргизъ, въ долинв Сары-Джаза въ зимнее время. Тучи и облака, которыя вездъ зимою носятся ниже чемъ летомъ, не перелатаютъ черезъ высокую стену Тянь-Шаня. Они оставляють свои остатки въ видъ обильныхъ снъговъ на его съверныхъ склонахъ. Тутъ глубокіе снівга одівають почву лівсовъ, увлажняя ее на все льто и давая источникъ воды для многочисленныхъ ръкъ, текущихъ въ Иссыкъ-Куль. Наоборотъ, ясное небо и яркое солице сіяють надъ долиною Сары-Джаза. И воть, захвативши всв какія есть шубы, съ запасами дровъ, спешатъ сюда киргизы. Разбивъ юрты подъ защитою скалы, гдв-нибудь на припекв, пускають они свои стада скитаться по пастбищамъ, покрытымъ токкимъ покровомъ снёга или даже вовсе имъ не покрытымъ. Мнв показывали мвста, гдв никогда не лежить сныгь. Здысь почва, увлажняемая рыдкими дождями, производить лишь степную полынь и несколько степныхъ здаковъ. Но около ледниковъ, гдв земля питается подпочвенною влагой, травы сочны и, какъ утверждають киргизы, особенно питательны. Сюда-то, къ самому подножію ледниковь, и загоняють они свои стада.

Но въ описываемое время года, кромв многочисленнаго бараньяго и вонскаго помета, на сыртв ничего не было. Правда, пометь этотъ былъ иля насъ вещью весьма цвиною. При сухости здвшияго воздуха, онъ быль такъ же сухъ, какъ и въ степи, а потому могъ служить для топлива, и изъ него мы могли складывать наши костры, такъ какъ на сыртв ивтъ ни прутика, ни кустика, кромв изредка попадающагося "верблюжьяго хвоста"—"тюе-куй-рюкъ", который могъ бы служить для топлива. Между темъ ближе какъ на водораздёлё Нарына и Сыръ-Дарьи встрётить киргизъ было нельзя, да и тамъ найти аулы представляло весьма мало вероятія.

Отрядъ нашъ состоялъ изъ пяти человѣкъ: двухъ погонщиковъ лочара-киргизъ, моего слуги и переводчика, Ахмета Бекбаулова, Запасъ хлѣба, чаю и четырехъ изжаренныхъ барановъ оставалось всего на одинъ день; между тѣмъ дойти до ъ въ три дня, было невозможно. Кромѣ того, предтеревала: Минъ-Туръ и Кюйлю, а движене по таю-

Кара-киргизы на верблюдахъ.

Digitized by Google

щему, скользкому, свъже-выпавшему снъгу было затруднительно. Тага какъ возвращаться обратно на перевалъ Турчены-Аксю было мъщкото и рискованно, ибо мы и тамъ рисковали не найти киргизъ, то остав лось последнее средство — зарезать одну изъ молодыхъ лошадей, закыченную погонщиками, дабы продовольствовать отрядь. Но я не хоты: прибъгать къ этой ръшительной мъръ, все еще надъясь найти други исходъ изъ затруднительнаго положенія. Признаться, надежду мою газнымъ образомъ поддерживали архары, то и дъло виднъвшеся на бъюъ снъгу; длинными вереницами осторожно пробирались они по уступат: скаль, предводительствуемые вожакомъ. Но не будучи самъ охотником: я поневол'в долженъ былъ поручить стр'влять по нимъ моимъ спутекамъ. Къ сожалению, никто изъ нихъ не былъ хорошимъ стреджомъ. мы только понапрасно пускали заряды по животнымъ, скакавшимъ 🗈 неприступнымъ кручамъ. Наконецъ, когда съ перевала мы спустило въ долину Кюйлю, я уступилъ просъбамъ моихъ магометанъ. Разбил палатку, и, пока я занимался собираніемъ растеній по склонамъ и и берегамъ ръки, они живо заколоди животное, и къ моему приходу № рячій шашлыкъ изъ н'эжнаго конскаго мяса уже дымился въ мое палаткъ.

Подкрыпленные этимъ свыжимъ запасомъ, мы двинулись къ перевал Кюйлю, лежащему въ области горъ, еще до сихъ поръ изобилующит ледниками. Одинъ изъ нихъ, съ которымъ мны пришлось познакомиться поближе, представляетъ изъ себя гигантскую ледяную льстницу. Легникъ, спускаясь внизъ, встрытилъ здысь крутой обрывъ. Подобно вод водопада, ледъ разбился на множество громадныхъ ледяныхъ ступевей раздыленныхъ зіяющими трещинами. Самая дорога лыпится съ боку легника по моренамъ и осыпямъ. Самъ перевалъ, высотою 13.700 футов надъ уровнемъ моря, лежитъ уже въ той полосъ, гды невозможна выкакая растительность. Скалы, черныя какъ уголь, обнажаются лишь в самое короткое время изъ-подъ сныга, а всякое быстрое движеніе здыс производитъ одышку и даже головокруженіе.

Спустившись съ перевала, попадаемъ въ область, еще болъе подверженную дыханію Гоби, чъмъ предыдущія. Просто не върится, что въ ходищься на громадной высотъ около 10.000 футовъ. Кругомъ полувыжженные пыльные склоны, галька, валуны и пыль, отложившаяся въ видъ толщъ лёсса,—вотъ все, что представляется глазу въ громадныхъ подобныхъ Дарьяльскому, ущельяхъ этихъ горъ. Сейчасъ же за ледичками начинается эта сухая пустыня, на которой ръдкая полынь да двътри жалкихъ степныхъ травки являются единственными представителящь флоры, если не считать жалкихъ кустиковъ тамариска. И только мутюжелтыя ръки быстро, точно спъща убраться изъ непривътливой странькатятъ свои волны по каменистому, усъянному галькой и валунами доху-

Наконецъ въ глухомъ ущельъ завиднълись юрты кара-киргизъ. Мы опять увидали живого человъка. Но вся обстановка этихъ юрть, видъ ихъ хозяевъ какъ-то гармонировалъ съ грандіозною, но вмъстъ съ тъмъмертвенной природою страны, ихъ окружавшей.

Если обстановку киргиза-казака нельзя назвать богатою, то что же сказать о юртв дико-каменнаго киргиза, или такъ называемаго каракиргиза? Котелъ, необходимая деревянная посуда, нъсколько сундуковъ съ платьемъ, коверъ, войлокъ на полу и плохая кровать въ углу-вотъ все, что вы увидите въ кара-киргизской юртъ. Монотонно печальны лицаея хозяевъ: въ нихъ меньше живости, присущей этому народу; нъть и той общительности, которая бросается въ глаза у жителей низины. Нѣкогда кочевавшіе въ богатой долин'в Текеса, эти кочевники посл'в отдачи Кульджи принуждены были перейти въ пустыню Тянь-Шаньскихъ горъ. Ихъ стада быстро уменьшаются въ числъ, хозяева страдають отъ стужи и вътра и, недовольные своей участью, потихоньку эмигрирують въ Китай. Лучше ли ихъ участь тамъ, неизвестно, но здесь она весьма незавидна, и я, сравнивая летнія кочевки на Алатау или горахъ Кетлинскихъ, гдъ скотъ пасется на прекрасныхъ пастбищахъ и гдъ природа прекрасна и разнообразна, не удивляюсь, почему она оказала такое вліяніе и на характеръ народа. Кара-киргизъ-дикарь въ сравненіи съ киргизомъ степей. Его поэзія б'ёдна, однообразна и прозаична, какъ скучна и однообразна природа окружающихъ горъ. И верблюдъ, унылоревущій среди этихъ скаль, не представляеть, какъ въ другихъ містахъ горъ, дисгармоніи; этому кораблю пустыни какъ разъ місто среди этихъ сухихъ и мертвенныхъ скалъ.

Охота съ ястребомъ или ружьемъ составляетъ немаловажное подспорье для скотоводовъ этихъ горъ. Но на этихъ высотахъ и она лишена той прелести, какъ въ другихъ мъстахъ. Часто случалось, что охотникъ, погнавшись за животнымъ, полъзшимъ на высокую скалу, падалъ съ лошади отъ головокруженія и одышки, товарищи привозили его домой полумертвымъ. Во многія мъстности даже и не отваживаются ходитъ въ одиночку: ъздятъ всегда вдвоемъ или втроемъ на тотъ случай, что если съ однимъ случится обморокъ, такъ чтобы другіе могли ему помочь.

Насколько внезапно наступаеть здёсь горная болёзнь, мнё пришлось испытать на себё нёсколькими днями позже. Пробираясь въ перевалу Бедель, отрядъ мой былъ застигнуть на пути ночью. Найти аулъ было затруднительно. Разославъ во всё стороны людей, я, лишь когда совершенно стемнёло, встрётилъ одного изъ проводниковъ, возвёстившаго мнё съ радостью, что юрты найдены. Между тёмъ сгустился туманъ, сталъ падать не то снёгъ, не то дождь, и темнота была такая, что едва можно было различать предметы. Приходилось торопиться, такъ скакъ черезъ какіе-нибудь полчаса наступилъ бы такой мракъ, что не

возможно было найти дорогу даже киргизу. Мы тахали рысью, то поднимаясь на крутые перевалы, то спускаясь внизь. Пока мы сканали, я оть напряженія нервовь не чувствоваль ничего; но лишь только я достигь юрты и сошель съ лошади, какъ почувствоваль сильнъйшую тошноту и головокружение. Казака, меня сопровождавшаго, стало рвать. Я боялся той же участи; но виргизы, опытные въ подобныхъ случаяхъ, предложили такъ называемый круть или сущеную бълковину модока, заставили вдыхать дымъ отъ можжевельника, нюхать какой-то корень и тошнота и головокружение прошли быстро. Но случай этогь навсегда отбиль у меня охоту галопировать по сырту Тянь-Шаня. Я не стану описывать подробности моего пути оть перевала Кюйлю до Беделя. Скажу одно: вся мъстность представляетъ широкія долины, на которыя до сихъ поръ спускаются громадные, по нъскольку версть шириною ледники. Геологическое изследованіе показываеть однако, что долины этв были своего рода "ледяными морями" для этихъ ледниковъ, которые были притоками этого моря. Въ недавнія еще времена сырты Тянь-Шаня представляли единственныя въ своемъ родъ по громадности скопленія льда и сивга. Но теперь его ледники не могуть спорить съ ледниками южныхъ хребтовъ Азіи, а территорія, лишенная сніга, придаеть страні унылость и однообразіе. Переваль Бедель есть посл'вдній переваль, ведущій къ Китаю. Это переходъ черезъ южную амбразуру Тянь-Шаньской стіны. Подобно перевалу Кюйлю, проходъ Бедель необывновенно круть: его вершина лишена растительности и усъяна мелкимъ щебнемъ. Воздухъ очень ръдокъ, и потому здъсь, какъ и вообще на сыртахъ, господствуетъ томительная тишина. Звуки пропадають и теряются; какъ сейчасъ помню случай, бывшій со мной на ледникъ Семенова. Забравшись по грудамъ камней, покрывающихъ конецъ ледника, къ ледяному грогу, изъ котораго вытекаеть ръка Сары-Джаза, я сталь кричать, зовя къ себъ проводника, котораго оставилъ на берегу ледника. Несмотря на то, что я изо всъхъ силъ напрягалъ мои легкія, проводникъ и не думаль отвликаться. Тогда я сталь махать ему фуражкой; онъ немедленно вскочилъ на лошадь и прискакалъ ко миъ. Когда же я спросилъ, почему же онъ не отвътиль на мои крики, онъ сказаль, что не слыхалъ ровно ничего и видълъ только, что я безмолвно махаю ему шляпой.

Взойдя на высоту перевала, я надъялся увидъть передъ собою безконечную даль восточнаго плоскогорья, ея оазисы и пустыню Гоби. Но тщетно: мрачныя скалы загораживають со всъхъ сторонъ кругозоръ, и кромъ сърыхъ сланцевъ и пятенъ снъга среди ущелій зубчатыхъ стънъ ничего не видно.

Долина Иссыкъ-Куля.

(По А. Краснову.)

Подобно великой китайской ствив, громада Тянь-Шаня отдвляеть Иссыкъ-Кульскій увздъ отъ Кашгаріи. Окруженная со всвяъ сторонъ бъловерхими горами, долина Иссыкъ-Куля представляеть особенный, замкнутый отъ всего міра уголокъ. Средину этого мірка занимаєть Иссыкъ-Куль—озеро съ туманами и бурями, сердито волнующееся и плещущееся среди скалистыхъ утесовъ. Киргизы такъ и зовуть его Денгизъ-море.

Оно составляетъ громадный водный бассейнъ, почти въ двъсти верстъ длиной; ширина его различна, — наибольшая около сорока верстъ. Къ западу и къ востоку озеро суживается. Съ одного берега этого моря, если день мало-мальски ясный, можно всегда различить кребты противо-положнаго берега.

Въ неясной голубоватой дымкъ рисуются блистающе на солнцъ льды Терскей-Тау, постепенно утопая въ туманной дали. Тамъ море и небосливаются до такой степени, что невозможно отличить одно отъ другого. Названіе Иссыкъ-Куль, т.-е. "Теплое озеро", объясняется тъмъ, что оно не замерзаеть зимой. Въ декабръ, январъ и февралъ ледъ только узкою каймой покрываеть озеро у самыхъ береговъ, разбивается напоромъ волнъ и сдвигается на берегъ. Монгольское названіе Тимурту-норъ, т.-е. желъзное, указываеть на обиліе желъзной руды, и дъйствительно въ устьяхъ ръчекъ крестьяне находятъ много желъзнаго блеска, изъ котораго выдълывають себъ гвозди, косы, топоры и т. д.

Слабо солоноватыя воды Иссыкъ-Куля отличаются необыкновенно голубымъ цвътомъ. Это не тотъ зеленовато-аквамариновый цвътъ, которымъ отливаютъ озера горъ Съверной Азіи, какъ, напримъръ, озера Алтая; нътъ, это чисто голубой цвътъ, присущій лишь Женевскому озеру, цвътъ столь нъжный и чувствительный, что уже въ близкомъ сосъдствъ горныхъ ръкъ онъ теряетъ свою чистоту и мутится. Глубина озера крайне измънчива. Въ однихъ мъстахъ не достать дна, въ другихъ уже выступаютъ на поверхность песчаныя отмели, являются островки. Озеро быстро усыхаетъ. Поселки, основанные лътъ двънадцать назадъ на самомъ берегу, теперь уже лежатъ почти въ четверти версты отъ берега.

Въ этомъ чудномъ голубомъ морѣ фауна не отличается особеннымъ разнообразіемъ. Маринка и османъ—костистыя, мало вкусныя рыбы—и громадные сазаны составляютъ его главное населеніе.

На поверхности водъ его изръдка появляется утлая, первобытная ладья переселенца, поспъшно приближающаяся къ берегу, лишь только начинается замътное волненіе, предвъстникъ вътра, быстро и внезапно поднимающагося въ стъсненной горами долинъ.

Зато на див озера сврыто много тайнъ. Когда поднимается свлы буря, волны озера выносять на берегъ кости и черепа племени, когд то населявшаго пустынныя побережья, а рыбачьи свти сплошь да рядог, вытаскивають изъ воды орудія и сосуды, по красотв и отдівльть говрящіе о высокой культурів этого народа. То выловять громадный изърный котель, формою напоминающій купель, съ двумя ручками и на высокой ножків, то найдется посеребренный изящной, різной работы ссудъ—точь въ точь нашъ самоварь, только безъ крана и меньшей количины.

До сихъ поръ древнее население долины и его, быть покрыты мракомъ неизвъстности, а теперь семь большихъ русскихъ деревень расынулись среди обширныхъ пашенъ восточнаго побережья озера.

Сѣверный берегъ озера поражаетъ своимъ однообразіемъ. На западі онъ имѣетъ видъ пустынной, каменистой покатости; растительности нѣтъ побережье усѣяно черными осколками горныхъ породъ. По мѣрѣ двеженія на востокъ, по тракту въ Пржевальскъ, мѣстность оживаетъ; по обѣ стороны дороги поднимаются густые и высокіе пучки травы чувника (Lasigrostis splendens), мѣстами въ ростъ человѣка. Далѣе встрѣчаются сплошныя пространства кузьмичевой травы, а самый берегъ окаймленъ колючими кустами облѣпихи. Около одной изъ почтовыхъ станцій, въ полуверстѣ отъ берега, на днѣ озера видны затонувшія кирпичныя постройки.

Далве встрвчаются уже посвы проса, пшеницы, овса и ячменя, очень часто киргизскіе, а съ горнаго хребта, смежныя вершины котораго придвигаются здвсь ближе къ берегу, шумно сбытають по шировимъ, усвяннымъ валунами балкамъ горныя рвчки. Первое село по тракту Сазоновка, получившее свое названіе отъ "сазовъ", или болотъ съ соленой водой, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ убывающему озеру. Это—большое селеніе, дворовъ около 200 и до 1.600 жителей. Дома въ селеніи бревенчатые, часть даже съ тесовыми крышами, но обмазанные глиной, какъ малороссійскія хаты.

Внішность села производить пріятное впечатлівніе двумя широкими, перекрещивающимися третьей, улицами, красивою новою деревянною дерковью, просторными домами, обиліємъ скота и т. д. До 1889 года село стояло ближе къ озеру, но землетрясеніе 30 іюня разрушило большую часть глинобитныхъ построекъ вмістів съ церковью, и крестьяне перебрались дальше отъ берега, замінивъ вмістів съ тімъ глинобитныя постройки деревянными. Наиболіве пострадало тогда одно селеніе въ 30 верстахъ отъ Сазоновки; тамъ разрушились почти всів дома, и 7 человівкъ было убито; въ Сазоновків погибло только 2 человівка, но 160 домовъ разрушилось. Біздствіе произощло днемъ, и сильный ударъ быль предваренъ боліве слабымъ, отъ котораго разбились оконным рамы

и посыпалась глина съ потолковъ, что и выгнало испуганное населеніе изъ домовъ. Отъ второго, болѣе сильнаго удара балки выскочили изъ своихъ гнѣздъ, потолки рухнули, стѣны стали валиться, изъ почвы выступила вода до колѣнъ и затѣмъ моментально скрылась. Озеро шумно волновалось, хотя погода была совершенно тихая; волны то надвигались на берега, заливая прибрежную полосу, то отступали, обнажая дно у берега. Отъ самыхъ горъ до озера, на протяженіи около 5 верстъ, образовались глубокія, $1-1^1/2$ аршина трещины, сильно затруднившія сообщеніе между селеніями.

За Сазоновкой містность еще боліве оживляется; встрічаются уже хорошіє сінокосы: шалфей, мышиный и душистый горошекъ, куколь, полевой выонокъ, звіробой пестріноть по сторонамъ дороги. Горы придвигаются еще ближе къ озеру; изъ ущелій выглядывають темно-зеленыя чащи еловаго ліса, каменныя балки обросли густой уремой облінихи. Дальше начинается самая плодородная часть Иссыкъ-Кульскаго берега. Сначала небольшими полосами, потомъ уже сплошною площадью здісь лежить черноземъ.

Какъ-то странно въ этой исполинской щели, на краю глубокихъ водъ, среди громадныхъ бълосиъжныхъ хребтовъ видъть отдъльными оазисами на съровато-бурой поверхности степного побережья раскиданныя деревеньки, вся обстановка которыхъ, начиная съ склонившей свои вътви надъ колодцемъ съ длиннымъ шестомъ ивы и съ рёзными ставиями окна взбушки, переносить васъ въ среднюю Россію. Ребятишки, съ льняного цвъта волосами, бъгающіе по улицамъ; возвращающіеся съ покоса съ громкими пъснями крестьяне въ красныхъ кумачныхъ рубахахъ, съ косами на плечахъ; тройка лошадей, со звономъ пронесшаяся, разгоняя куръ и свиней по улицѣ; наконецъ, звуки давно неслышанной гармоники все это послъ степей съ верблюдами и киргизскими юртами производить чарующее впечатывніе. На видь русскіе колонисты Иссыкъ-Куля сохранили всв черты своихъ русскихъ соотечественниковъ. Представляя пеструю смісь хохловь и русскихь, крестьянь Орловской, Воронежской, Астраханской и Тамбовской губерній, сибиряковъ и мордвы, они сохранили всё черты своихъ земляковъ, отъ которыхъ ихъ отдёляють нёсколько тысячь версть. Попрежнему словоохотливый балагурь великоруссъ остритъ надъ своимъ односельчаниномъ мордвиномъ, почти уже утратившимъ отличительныя черты мордовскаго племени; такъ же, какъ и на своей родинъ, скрытенъ и мало расточителенъ на слова малороссъ.

Но рядомъ съ этимъ новая страна наложила и свою печать на врестьянина. Это уже не тотъ робкій и забитый муживъ, какимъ онъ былъ въ Великороссіи. Нътъ, его обращеніе открыто и фамильярно; сперва оно даже шокируетъ васъ своею гордостью, но скоро понравится отсутствіемъ приниженности. И чъмъ больше вы будете всматриваться въ жизнь и правы иссыкъ-кульскаго крестьянина, тёмъ больше найдете въ немъ отличій отъ коренного русака и тёмъ рёзче станетъ видно, какъ внёшнія условія измёняють характеръ человёка.

Исключая села Преображенскаго, повсюду въ долинъ введено искусственное орошеніе полей. Вездів по канавкамъ струнтся вода, отведеннал наъ горныхъ рвчекъ, поочередно затопляющая то тотъ, то другой изъ четырехугольныхъ участковъ, засъянныхъ пшеницей, просомъ, луменемъ и другими яровыми хлібовии. Между ними возвышается овесъ, хватающій выше человіческаго пояса. Не думайте, чтобы вто-либо сіиль этогь овесь; не думайте, чтобы жители радовались его урожаю. Напротивъ, этотъ дикорастущій овесъ (или, какъ здісь его зовуть, овсюкъ) ненавидимъ населеніемъ. Распашите цізлинную землю и посъйте на ней какой-нибудь хлівбъ: въ первый годъ поле дасть прекрасный урожай, но на следующій — точно поселиный невидимою рукою, пашню заполонить овсювь. И остается только скосить этоть самородный овесь на кормъ скоту. Русскіе поселенцы ведуть, однако, упорную борьбу съ этой травой и годъ-отъ-году увеличивають свои запашки. Пшеница, лимень, яровая рожь, просо и другія произведенія черноземной Россів растуть здесь прекрасно, и, гуляя среди волнующихся нивъ, забываешь невольно, что находишься не у себя въ Россін, не на берегу какоголибо средне-русскаго озера. Но не одинъ только живбъ внесли съ собой русскіе колонисты. Пчеловодство даеть здібсь баснословные доходы, и вкусный, бълый душистый медъ не только фигурируеть здёсь за столомъ посоленца, но въ большомъ количествъ отправляется за границувъ Китай и Бухару. Целый рядъ медоносныхъ растеній, сравнительно редкихъ въ крате, со введеніемъ пчеловодства страшно размножнася в увеличивается съ каждымъ годомъ около поселковъ. Особенно это замътно на одномъ видъ мяты, шалфев, душицъ, донинъв.

Если въ чемъ межно упрекнуть иссыкъ-кульскаго крестьянина, такъ это въ непоследовательности. Значительная частъ колонистовъ явилась сода не примо изъ Россіи. Этотъ народъ, побывавшій первоначально на Кавказъ или въ Сибири, народъ, пріобрѣвшій страсть къ передвиженімть, навыкъ къ легкой наживѣ путемъ эксплуатаціи цѣлиной земли. По этой причинѣ какой-нибудь овсюкъ или внезапный неурожай или заке просто дешевизна хлѣба якляются уже достаточнымъ новодомъ для выссленія, а пущеннаго какичъ-нибудь проходищемъ слуха, что въ Ташкентѣ или въ Мервѣ есть доходныя свободныя земли, довольно, чтобы подять на ноги чуть не половину населенія.

Крои в русских в вы делин в Песимъ-Куля иного дунгать. Большинтво гомпин крайне низваго реста, обладають течно-желто-коричневымы том кожи, обминовенно старческой счорщенном физіономісй, женворя во бабану в голосомы и кеприятнымы необранть баксентомь. Дунгане, приправдяя, подобно китайцамъ, свою пищу кунжутнымъ масломъ, какъ и последніе, пропитались его отвратительнымъ запахомъ. Ихъ дыханіе, одежда, жилища, лавки, кварталы за несколько саженъ разять этою вонью, которая непріятна не только русскимъ, но и туземцамъ, не разъ жаловавшимся мне, что хлебъ и провизія дунганъ "душныя", т.-е. вонючія. Если вы къ этимъ внешнимъ качествамъ дунганъ прибавите неутомимое, чисто китайское трудолюбіе, гораздо большее, чемъ у другихъ колонистовъ Россіи, порядочно развитой фанатизмъ, замкнутость и, наконецъ, злобную вспыльчивость, при чисто китайскомъ отношеніи къ смерти, то вы получите характеристику дунганъ.

Костюмъ дунганъ есть подражаніе китайскому. Синяя кофта, юбка и китайскія туфли на ногахъ составляють неотьемлемую принадлежность дунгана. Но, будучи магометанами, они не носять косъ, а бреють головы, завязывая ихъ синимъ или влётчатымъ платкомъ, какъ наши женщины. Въ такомъ видё оживленно о чемъ-либо разсуждающій дунганъ производить впечатлівніе неврасивой старой бабы. Дунгане возять цізлыми пачками разводимую ими одними різдиску, різко выкрикивая по улицамъ. Ихъ лавки, издалека выдающія себя запахомъ, составляють принадлежность городскихъ базаровъ, и тамъ, за прилавкомъ, уложеннымъ всякой дрянью, вы видите торговца съ громадными китайскими очками на носу.

Караколъ, переименованный въ Пржевальскъ, въ честь знаменитаго русскаго путешественника, можно назвать городомъ по преимуществу русскимъ. При всей разнокалиберности населенія, состоящаго изъ сартовъ, татаръ, киргизъ, таранчей, русскихъ и дунганъ, всѣ народности эти, за исключеніемъ дунганъ, поддѣлываются здѣсь подъ русскіе порядки.

Караколъ въ сущности очень большая южно-русская деревня. Подобно другимъ городамъ края, онъ утопаетъ въ зелени, но зелень эту даютъ исключительно ивы, рябины и душистые тополи. Прямыя длинныя улицы съ чистенькими, бъленькими домиками, съ арыками, по которымъ журчитъ вода, и аллеями высокихъ деревьевъ производятъ пріятное впечатлівне. Туземцы здівсь живуть въ домахъ, построенныхъ на русскій образецъ, и жилище татарина, сарта или разбогатівшаго осідлаго купца-таранцинца вы сразу не отличите отъ русскаго.

Домиви всё на одинъ ладъ; базаръ, если не считать дунганскихъ лавовъ, представляетъ мало своеобразнаго. Торговцами являются по преимуществу татары. Только у нихъ достанете хорошіе чай и сахаръ; они же заправляють и прочею торговлею. Русскихъ лавовъ немного, а цёны на предметы, вывезенные изъ Европы, страшно дороги.

На улицахъ все-таки преобладають русскія физіономіи; что же кастанти до костюмовъ, то мужчины еще сохранили русскую косоворотку.

Asiar, Poccis.

поддевку и картузъ, а женщины давно уже промъняли сарафанъ ва городскія кофты.

Климатическія условія Иссывъ-Кульской долины совершенно особевныя. Окруженная съ съвера и съ юга горами, она, пока продолжается таяніе снъга на ихъ склонахъ, обладаетъ температурой довольно непостоянной. Въ мартъ здъсь уже таетъ снъгъ, является зелень, цвъты тогда же пашутъ поля и съютъ хлъбъ. Но до іюля луга выглядываютъ кавъ-то по весеннему; въ названный же мъсяцъ и особенно въ августъ, степныя побережья вдругъ покрываются массами медоносныхъ растенів, волнуются тырса и тонконогъ, и іюльская картина южно-русской степе развертывается передъ вами во всей своей красотъ. Въ это самое время поспъваютъ и хлъба, тогда же и пчелы, берущія взятокъ значительно позже, чъмъ у насъ, начинають носить обильно медъ, давая неслыханные сборы. Одновременно, пользуясь темными вечерами, распускаетъ свои крылья свътящійся комаръ. Въ это время отръзанная отъ остального міра горными хребтами долина особенно хороша.

На южныхъ берегахъ Балхаша.

(А. Краснова.)

Пустынныя и степныя пространства нашихъ туркестанскихъ владъній, начиная отъ побережій Аральскаго моря и до персидской границы отъ Красноводска и до предгорій Тянь-Шаня и Алая, представляють изъ себя по условіямъ природы и жизни особое царство, особый міръ животныхъ и растеній, имъющій весьма мало общаго съ тъмъ, что мы привыкли вид'ьть въ Россіи и Сибири. Прибрежныя равнины, разстилающіяся передъ глазами путешественника, живо напоминаютъ безграничную морскую гладь. Сравненіе это является тімь боліве справедливымь, что дъйствительно въ весьма мало отдаленную отъ насъ геологическую эпожу здъсь волновались воды, слъды которыхъ и доселъ видны на каждомъ шагу то въ видъ раковинъ морскихъ моллюсковъ, тамъ и здъсь разбросанныхъ среди пыльныхъ степей, то въ видъ безбрежныхъ **зеле**ныхъ солонцовъ, пълыми верстами тянущихся вдоль почтоваго травта. Каспій и Араль суть какъ бы лужи, оставшіяся оть этого великаго океана, тянувшагося отъ Малороссіи и Карпать до подножія Тянь-Шаня, волны котораго единовременно омывали скалы Урала и кручи утесовъ приморскихъ странъ. Горныя цёпи и цёпи холмовъ, тянущіяся теперь среди Туркестанскихъ степей, были островками, утесами, рифами и отмедями этого моря, и только постепенное его усыханіе въ связи съ поднятіемъ, продолжающимся, какъ показывають постоянныя землетрясенія

Туркестанъ, и донынъ, создали изъ нихъ то, что представляется те-

перь глазу путешественника. Изъ страны морей и болоть, подъ вліяніемъ въками дующаго съверо-восточнаго вътра, создались сухія, безводныя пустыни; вся природа стала носить характеръ природы странъ безводныхъ, томимыхъ жаждою.

Отроги Тянь-Шаня и Ханъ-Тау, повидимому, были нъвогда островами или мысомъ, раздълявшимъ между собою общирные водные бассейны ръвъ Чу и Или. Нъвогда морскія волны плескались о ихъ массивы, и до сихъ поръ еще на сторонъ горъ, обращенной къ Балхашу, видны выбоины, оставленныя морскимъ прибоемъ. Но воды, окружавшія со всъхъ сторонъ эти скалы, удалились. Сухая безплодная степь стала на ихъ мъсто, и дожди, нъвогда обильно извергавшіеся на ихъ невысокія вершины, теперь почти перестали навъщать безплодныя скалы. Тучи проносятся дальше по направленію къ возвышающемуся до небесъ Тянь-Шаню, чтобъ осъсть на его снъговыхъ вершинахъ. Облака проносятся мимо, не проливая ни капли на раскаленные камни. Ручьи и ръки, когда-то текшіе между утесами, изсякли. Только раннею весною лъниво струится по ихъ песчаному дну ручеекъ, но и онъ скоро скрывается подъ толщами песку, покрывающаго дно.

Палящіе лучи солнца и леденящіе зимніе в'втры, непрерывно воздъйствуя на обнаженныя скалы, отрывають отъ нихъ одинъ за другимъ куски вывътрившейся породы. Явленіе это, происходящее во всякой горной странъ, далеко не вездъ, однако, замътно. Быстрые потоки подхватывають отлетевшіе осколки и уносять ихъ далеко внизь по теченію, усъивая свое русло гальками и валунами. Здъсь же некому снести эти массы щебня и осколковъ, на которые крошится порода. И горы годъ отъ года более и более скрывають отъ взора лицо свое подъ грудами осколковъ, скользящихъ подъ ногами. Мъстами уже и не видно твердаго остова. Онъ погребенъ подъ слоемъ кусковъ камней, на которые разсыпалась порода. Слоистые сланцы и твердая яшма побережій Балхаща — ничто не можеть устоять противъ разрушающаго дъйствія погоды, и мъстами уже не скалы древнихъ острововъ, а груды нагроможденныхъ другъ на друга осколковъ рисуются взору, тщетно ищущему въ дрожащей атмосферт раскаленнаго воздуха кустика или деревца, гдт могъ бы отдохнуть глазъ, утомленный однообразіемъ щебневыхъ осыпей или грудъ мертвенныхъ раскаленныхъ камней, возвышающихся надъ гладкою, дрожащею отъ миража степью. Напрасно будеть онъ искать здёсь деревьевъ-ихъ нътъ.

Лишь нізсколько холодных весенних неділь пользуются растенія прибалхашских горь влагою оть ничтожнаго количества тающих снів-говь, наметенных гдівнибудь подъ навівсом берега, или водою, текущею по умирающему руслу різчки. Только эти нізсколько недільного періодъ иногда боліве короткій, чізмъ на крайнемъ сіверів— и могут

не по полому, что изъ представителей прежней луговой флоры велым земноге могли ужиться при подобиму условіяхъ. Редко при подобиму условіяхъ. Редко при подобиму условіяхъ. Редко при подобиму условіяхъ. Редко при подобиму условіяхъ. Опри при подобиму условіяхъ. Опри при подобиму условіяхъ. При При подобиму

Видъ въ Семиръченской области.

испыхивающихъ между скалъ, скрыто отъ бѣглаго взора. Надобно ближе всматриваться въ эти груды и ущелья, чтобы между ними разсмотрѣть распростертые астрагалы, кое-гдѣ борющійся за свое существованіе типчакъ или выродившійся ковыль, неохотно распускающій по вѣтру скои перья. По обыкновенно только глазъ ботанвка отличаетъ среди камией, близъ высохшихъ руслъ рѣкъ, ту самую флору, которая, не чамѣтна для глаза проѣзжающаго, числомъ своихъ видовъ натогащаетъ общую сумму растительности края, что ставитъ ч на всю его мертвенность и пустынность, далеко выше нимъ песчаныхъ, солончаковыхъ польчныхъ степей

лядъ всадника это ничтожныя моховинки, зеленоватые

Здёсь возвышаются молочайники въ нёсколько линій съ тоненькими, какъ неточки, листочками, но уже со зрълыми плодами; подъ ними, похожій на нашъ лютикъ, развертываеть величиною съ просяное зерно цвъточекъ остророгъ. Синенькая вероника, похожая на ту, что синьетъ во всехъ паркахъ Петербургской губерніи, развертываеть свои цевточки съ булавочную головку на стебелькъ, не превышающемъ ростъ молочайника. Микроскопическая паступья сумка на тоненькихъ, какъ волоски, ножкахъ составляетъ целые газоны, среди которыхъ, какъ у насъ одуванчики, расцвътають такой же формы сложноцвътныя растенія въ полсантиметра высотою. Вивсто влевера нашихъ луговъ подъ сънью этихъ лилипутовъ стелется приносящій длинные стручья тонколистный астрагаль... Но всего эффективе здась миніатюрные злаки, образующіе газонъ въ 1/, сантиметра вышиною, подобно нашей мятлиць, выметающей колоски или метелочки въ 1/2 дюйма длиною. И надъ всъмъ этимъ, подобно исполинскому лопуху, вполнъ подражая послъднему и формою цветочныхъ головокъ, и ведомъ лестьовъ, возвышаются въ полфуга кузинін на дальнемъ другь отъ друга разстоянін. Все лишнее въ растеніи уничтожено. Всв претензін на красоту и пышность сокращены. Остается одна-двъ пары листьевъ и одинъ стручовъ.

Подъ скалами здёсь мы находимъ скорпіоновъ и хищныхъ жуковъ изъ рода жужелицъ. Неумолимые вётры, дующіе цёлый день, и страшная жара мёшаютъ имъ появляться днемъ; только позднимъ вечеромъ—время, когда въ степяхъ просыпается жизнь—оживаютъ животныя луговъ. Въ знойный же день лишь одни клещи, похожіе на нашихъ клещей, населяють эти заросли, и стоитъ только долгое время остаться тамъ, чтобы замётить, какъ опрометью, со всёхъ своихъ 8-ми ногъ, побёгутъ съ разныхъ сторонъ эти животныя, обрадовавшіяся случаю перемёнить тревожную кочевую жизнь на спокойную жизнь паразита. И нельзя позавидовать животнымъ, которыя вздумаютъ расположиться здёсь на ночлегъ.

Странная вещь: въ растеніяхъ здісь замівчаень ту же наклонность. Сівмена нівкоторыхъ изъ нихъ усажены множествомъ медкихъ крючочковъ; головки крошечнаго мака, ростъ котораго не превышаеть 4-хъстантиметровъ, а цвіты величиною съ цвіты лютиковъ, усажены ни-

"" VIO LIDEANIES

пами; даже стручья бобовых вончаются здёсь крючками. Словом все, подобно клещам стремится прицёпиться къ первому проходящему существу, и кажется, что всё эти существа одарены инстинктивным стремленіем тём или иным способом покинуть этот негостепріимный край.

Груды камней лишены растительности; она ютится на посчаныхъ дожбинахъ умершихъ ръчекъ и ручьевъ. Жизнь на скалахъ идеть на другой образець. Вивсто того, чтобы тратить свои силы на цввты и свмена, растенія скаль всів соки и питательныя вещества, которыя вырабатываеть слабенькій листочекъ, вышедшій изъ сімени и сожигаемый въ нъсколько недъль солицемъ, отправляють внизъ. Потому-то въ серединъ апръля — въ этотъ весений праздникъ Балхашскихъ побережий — горы и предгорія убираются, правда, лишь на недівлю, восхитительнымъ вовромъ малиновыхъ, желтыхъ и пестрыхъ тюльпановъ, лиловыхъ азіатскихъ амариллисовъ и другихъ лилейныхъ. Но цвлый рядъ другихъ растеній получають здівсь клубин, и большая часть растеній щебневых в осыпей имбеть подземныя хранилища питательныхъ веществъ. Одни изъ нихъ мучнисты и годны въ пищу человъку, другія богаты млечными каучуко-подобными смолами, наконецъ третьи содержать драгоцънныя смолы востока - гельбанумъ и ассу-фетиду - здёсь еще, повидимому неизвъстныя туземцамъ, зовущимъ это дорогое растеніе просто "сассыкъсассыръ" - вонючая дудка.

Когда смягченная отъ стаявшаго сивга и политая весеннить дождемь земля нагръется палящими лучами солнца, когда камни раскалятся, какъ плита, и лишенныя влаги растенія-лилипуты начнуть уже сохнуть и разноситься вътрами, пробуждается жизненная сила въ этихъ подземныхъ хранилищахъ пищевыхъ запасовъ. И вотъ въ это время каменистая почва вдругь оживляется, скалы скрываются подъ зеленью распростертыхъ, попарно расположенныхъ, громадныхъ листьевъ, то цъльно-крайнихъ, какъ листья лопуха, то, напротивъ, раздъленныхъ на бархатистыя лопасти, какъ у асса-фетиды. Въ какую-нибудь недълю изъ громадныхъ, подобныхъ капустнымъ кочановъ, расположенныхъ между листьями, развертываются палево-желтыя соцвътія, то раскидывающіяся многочисленными зонтиками, то, напротивъ, скученныя въ головки. Подобіе цълой рощицы кустарниковъ раскидывается на каменистомъ грунтъ, и вмъсть съ ихъ появленіемъ проявляется и животная жизнь степей.

Степная черепаха, которой цълые мъсяцы не встрътишь ни одного экземпляра, появляется цълыми массами. Всюду видишь эти движущіеся изъ коихъ нъкоторые достигаютъ величины небольшой тарелвъ въ 5 или 6 вечера онъ особенно оживлены, —однъ ъдятътеній, которые, благодаря своей сочности, замъняютъ имъ и гоняются другъ за другомъ; самцы злобно шинятъ, не-

ръдко вступая въ драку, при чемъ сильнъйшій старается повалить слабъйшаго на спину, такъ что тоть безсильно барахтается на спинъ. Громадные черные жуки изъ отряда дровоськовъ жадно поъдають зонтики и незрълыя съмена гельбанума; наконецъ, теперь въ эти мъста забъгаеть куланъ. Съро-бурый, подъ цвъть каменистой степи, всегда избираетъ онъ ровныя открытыя низины, откуда далеко виденъ непріятель, о появленіи котораго даетъ знать жеребецъ—вожакъ стада. Эти животныя, своимъ строеніемъ напоминающія лошадь, а длинными ушами и темной полосой на спинъ—осла, постоянно кочуя по степи, умъють здъсь выбрать лучшіе уголки.

Ни одинъ степной разбойникъ-киргизъ-"барантачъ"-не знаетъ съ такою подробностью тв незначительные ключики или озерки првсной воды, которые раскиданы среди безводной степи, гдъ бы могло утолить свою жажду утомленное переходами стадо, какъ эти вожаки куланы. Какъ сейчасъ помню ту ночь, когда на съверо-востокъ отъ Ханъ-Тау въ голодной степи, предводительствуемый старымъ киргизскимъ разбойникомъ, отрядъ мой остановился въ небольшой ложбинкъ около едва пробивавшагося изъ камней и сейчасъ же изсякавшаго ключика. Вода въ ключъ этомъ не всегда, по словамъ провожатаго, и бываеть. Лишь весною, въ дождливую пору, можно надъяться найти здъсь воду, и пунктомъ этимъ пользовался въ своей молодости этотъ старикъ, рыская за добычей по степи. Но не усп'вль отрядь мой заснуть, какъ послышался топотъ и какой-то совершенно особенный звукъ, издаваемый многочисленнымъ стадомъ кулановъ, шедшимъ на водопой. И имъ очевидно не безызвъстно было это мъсто, единственное на перепутьи отъ водоемовъ голодной степи въ пресноводнымъ частямъ Балхаша. Преждевременные выстрѣлы казаковъ разогнали стадо, и когда я выскочилъ изъ палатки, только отдаленный грохотъ тысячи копыть, отбивавшихъ землю, раздавался въ степи.

Но томимое жаждою стадо, ободренное и вмёстё съ тёмъ заинтересованное видомъ моихъ пасущихся лошадей, подъ утро вновь появилось на горизонтё, при чемъ многіе смёльчаки приближались настолько, что легко можно было разсмотрёть ихъ формы, по правдё сказать, по изяществу и граціи много уступающія нашей лошади.

Киргизы говорять, что куланы похищають изътабуновъ лошадей, и эти последнія, дичая, бродять вмёстё съ ними. Въ разсказахъ этихъ есть много вёроятнаго. Разглядывая многочисленные отпечатки копыть, оставленные пробежавшимъ вчера стадомъ, нельзя было не заметить между множествомъ узкихъ и маленькихъ следовъ куланьяго кошыта несколько более круглыхъ и широкихъ следовъ, весьма похожихъ на следы нашихъ лошадей. Но гораздо чаще киргизы ловять кулановъ Обыкновенно отбиваютъ маленькаго жеребенка отъ матери и, загнави

Google

его до изнеможенія, подхватывають на руки и воспитывають въ юрті. Въ посліднее время киргизы стали возить продавать этихъ животныхъ въ Візрный, гді сравнительно за безцінокъ весеннею порой можно пріобрісти жеребенка. У меня быль въ степи такой жеребенокъ. Сволько трудовъ стоило приручить это хорошенькое существо съ твердыми, какъ камень, крошечными черными копытцами на тоненькихъ, какъ у антилощь, стройныхъ ножкахъ, съ черными выразительными глазами и длинными ушами. Какъ трудно было добиться того, чтобы онъ пересталъ неистово лягать своими маленькими ножками своего хозяина, бралъ бы изъ рукъ молоко, дозволяль бы дотрогиваться и гладить по спинъ.

Кром'в кулановъ, м'вста водопоя зд'всь прекрасно знаютъ бультруки, или, какъ ихъ называютъ русскіе, степные рябки, и уже по одному присутствію этой птицы можно знать, что поблизости находится вода.

Породы, изъ которыхъ составлены скалы побережій Балхапіа, весьма разнообразны. Тутъ можно встрітить и граниты, и яшмы, в кварциты, и сланцы. Но чаще всего выступають туть на поверхность земли песчаники. Каждая изъ этихъ породъ, подвергаясь дійствію атмосферы и колебаній температуры, вывітривается различно. Сланцы и кварциты колются на щебень; песчаники подвергаются дальнійшему вывітриванію,—они распадаются на мелкій песокъ, который ихъ нівогда составляль, и песокъ этоть, подверженный дійствію вітра, скопляется въ цільня дюноподобныя гряды глубокаго сыпучаго песка. Но здісь песокъ этоть еще не превратился въ ту страшную песчаную пустыню, какую мы привыкли представлять себі въ воображеніи при слові: сыпучіе пески Средней Азін; ніть, здісь они расположены грядами, которыя сплошь закріплены кустарниками.

Пески Тау-Кумы, простирающіеся къ юго-западу отъ Балхаша, повидимому пъкогда составляли часть дельты Или. Воды, раздълявшія островки изъ песчаника, теперь изсякли или находятся на всёхъ степеняхъ изсяканія. На ихъ мъстъ являются площадки овальной, продолговатой формы, или заросшія камышомъ, или совершенно сухія съ почвою твердою, какъ камень, звучащею подъ копытомъ лошади.

Это такъ называемый такыръ, солоноватый илъ, который спекся здъсь въ твердую массу, гладкую, какъ паркетъ, лишенную всякой растительности. И только по краямъ такихъ такыровъ, точно ивы, посаженныя вокругъ искусственно вырытыхъ прудовъ, саксаулъ и тамарискъ образуютъ густыя заросли. Такова природа южной оконечности Балхаша. Намъ остается взглянуть еще на самое озеро.

Съ высоты прибрежныхъ горъ, куда хватаетъ глазъ, разстилается з поверхность.

читныя высокія скалы и утесы врізываются въ воды озера, кототая на нихъ, разбиваются въ піну и брызга среди голыхъ камней. Эта водная скатерть не сіяеть голубизною водъ Иссыкъ-Куля... Это не сине-зеленыя воды Каспійскаго моря; скорве ніжный аквамариновый цвіть сіверных солоноватых озеръ отливаеть въ водахъ Балхаша, гармонируя съ туманною атмосферою неба.

Какова вода этого озера? Это любопытный спорный вопросъ, изъ-за котораго часто спорять между собою туземцы, при чемъ объ стороны бывають, сами того не зная, правы.

Кто пивалъ воду балхашскихъ заливовъ, тотъ не отзовется о нихъ съ похвалой. Берега залива Ала-Куля, который мив пришлось объвхатъ кругомъ, усвяны солью. Въ весеннее время, когда солянки не
успълн ихъ покрыть своею зеленью, это—ослъпительно бълыя поля
соли, на которыя невозможно смотръть простыми глазами, и на нихъ
плещется соленая вода. Но это только въ заливахъ. Въ самомъ же Балхаштъ вода пръсная и чистая, такъ что даже въ чав не чувствуется соли.
Заливы его дъйствуютъ подобно громаднымъ выпарительнымъ чашкамъ.
Соединенные лишь узкими проливами съ главнымъ бассейномъ, мелководные, они представляютъ громадную площадь для испаренія водъ,
весьма мало подновляемыхъ тихими теченіями, идущими сквозь камышомъ заросшіе проливы, которые у Ала-Куля такъ мелки, что въ самомъ
узкомъ мъсть киргизы переходять озеро въ бродъ. Явленіе это, совершающееся въ грандіозныхъ размърахъ въ Кара-Бугазъ на Каспійскомъ
моръ, повторяется въ каждомъ изъ заливчиковъ Балхаша.

Если съверо-западный берегь Балхаша наменисть и голь, то, напротивъ, восточный, занятый дельтой Или, представляеть море камышей. Пески переходять въ камыши, а камыши, сливаясь съ водою, совершенно маскирують то мъсто, гдъ кончается суша и начинается вода. Сухіе и желтые, постоянно дымящіеся весною оть пожаровъ, камыши эти представляють лътомъ громадный непроходимый джунгль, гдъ, среди увитыхъ выюномъ много-саженныхъ камышевыхъ стеблей, кишатъ миріады желтыхъ комаровъ, которые дълають совершенно невозможною человъческую жизнь въ этихъ трущобахъ. Кабанъ и тигръ тогда царствують въ этомъ лъсу.

Страшилище камышей тигръ, "жолъ-барсъ" по-киргизски, похищаетъ у киргизовъ ежегодно нъсколько лошадей, но, вообще говоря, разсказы о его злодъйствахъ преувеличены. Тигровъ здъсь вовсе уже не такъ много, но киргизы слишкомъ трусливы, чтобы когда-либо отважиться идти на "жолъ-барса", и если тигровая шкура попадаетъ въ руки киргиза, то это навърное жертва отравы, положенной на тропинку, посъщаемую звъремъ.

Южные берега Балхаша не имъютъ жителей. Многія обстоятельства обусловливають это явленіе. Безводная степь и скалы неудобны для ауловъ, потому ближе горъ Ханъ-Тау киргизы и не откочевываютъ.

Jagoogle

Пастбища здёсь скудны или, вёрнёе, ихъ нётъ вовсе. Лошадямъ в людямъ тяжело переносить лётнія жары. Но главная причина безлюдія— это то, что здёсь какъ разъ пролегаетъ граница между Семир'вченскою и Семипалатинскою областями — обстоятельство, крайне удобное для того, чтобы, ограбивъ и убивъ кого-нибудь въ одной изъ областей, безнаказанно скрыться въ другую. Воть это-то и является причиною, что здёсь только разбойникъ-барантачъ да проёзжій рыбопромышленникъ изр'ёдка оживять пустыню.

Черезъ Кара-Кумы.

(Сорокина.)

Въ туманной мглъ раскаленнаго горизонта еле видиъется одинокая станція Кара-Кудукъ. Длинной черной лентой растянулся нашъ караванъ. Ревъ верблюдовъ, ржаніе лошадей, крики киргизовъ оглашаютъ безконечную пустынную равнину. Впрочемъ, равниной нельзя назватъ мъстность, въ которую мы теперь вступаемъ. Плоская гладкая степь осталась назади; здъсь песчаная почва дълается все болье и болье волнистою, а тамъ, впереди на горизонтъ, уже видиъются настоящіе барханы, бъльють и сверкають ихъ сыпучія верхушки.

Во главъ каравана ъдетъ вожакъ киргизъ. На головъ у него надътъ косматый малахай; широкое плоское лицо совсъмъ спряталось въ густомъ лисьемъ мъху, которымъ общиты наушниви, и только черные блестящіе глаза смотрятъ бойко изъ-подъ приподнятыхъ черныхъ бровей. Пестрый, темный халатъ сидитъ мъшкомъ на коренастомъ тълъ и стянутъ узкимъ ремнемъ; сбоку прицъплена кривая сабля. За киргизомъ слъдуемъ мы верхами, а тамъ дальше грузно тащатся тарантасы; ихъ влекутъ медленно верблюды. Казаки гарцуютъ въ сторонкъ и гонятъ нъсколько бычковъ, предназначенныхъ поступить въ полное распоряженіе повара, когда появится надобность.

Безотрадная картина развертывается передъ нами—вездѣ песокъ и сухая выжженная трава. Справа и слѣва поднимаются барханы. Они дѣлаются все больше и больше, попадаются все чаще и чаще. Не успѣли проѣхать и десятка версть, а попали въ настоящее песчаное царство. Дорога стала очень тяжелою. Конечно болѣе всего хлопоть съ тарантасами. Верблюды, непривычные къ упряжкѣ, то рвутся въ разныя стороны, то остановятся и, несмотря на нагайки, стоятъ какъ вкопанные, то вдругъ круто сворачиваютъ въ сторону, летятъ стремглавъ, не слушая криковъ киргизъ, не видя ничего передъ собою. Тарантасъ врѣзался по самыя оси въ песокъ. Тройка верблюдовъ уперлась въ крутой откосъ бархана; упряжь изорвана, коренной упалъ и передомилъ отлоблю. Недоумъвая поглядываютъ пристяжныя на своего лежащаго товарища;

у одного вырвана веревка, которая была продёта черезъ ноздрю, изъраны капаетъ алая кровь; верблюдъ жалобно реветъ и поворачиваетъ голову во всё стороны, точно проситъ помощи. Толпа конныхъ и пъшихъ суетится, шумитъ и приводитъ все въ порядокъ. Вдемъ дальше.

Песчаные бугры точно раздвинулись. Узкая, ровная долина неожиданно развернулась передъ нами и ушла вдаль версты на три; тамъ она опять уперлась въ барханы, которые отсюда кажутся громадными темными волнами, застывшими во время сильной бури. Далъе она представляеть собою точно дно какого-то высохшаго бассейна. По бокамъ стоять густыя заросли сухого камыша, кое-гдъ зеленъеть трава. Грунтъ земли глинистый, твердый. Колеса тарантасовъ громко застучали, верблюды, обрадованные, что имъ стало легче тащить необыкновенныя для нихъ повозки, пустились вприпрыжку, раскачивая длинной шеей. Насилу остановили.

Несмотря на сентябрь, солнце жарить довольно сильно. На небѣ ни облачка; какимъ-то сѣрымъ, пыльнымъ куполомъ прикрыло оно насъ и уперлось въ дрожащую полоску горизонта. Даже вожакъ снялъ свой малахай и потираетъ бритую голову, которая блеститъ, какъ вычищенный металлическій шаръ.

Здісь, въ долині, стало невыносимо душно. Казалось, съ удовольствіемъ можно бы было подставить раскраснівшееся лицо налетівшему вітерку, но этоть "зефиръ" жжеть какъ огнемъ, оть него трескаются губы и сохнеть во рту.

Молча продолжаемъ путь. Лошади фыркають и машуть понурыми голонами. Какой-то киргизъ, повязанный краснымъ платкомъ по-бабьему, затянулъ заунывную, длинную пъсню, такую же дикую и однообразную, какъ окружающая природа. Смотрълъ онъ куда-то вдаль, раскачивался, сидя на горбахъ верблюда, и не обращалъ ровно никакого вниманія на своихъ товарищей, знакомыхъ и незнакомыхъ. Ему хотълось пъть, онъ и пълъ, импровизировалъ, глядя на однообразную долину, на крутые песчаные берега ея, чувствуя горячій вътеръ и считая себя, въроятно, за самаго счастливаго человъка въ свътъ.

Прошло еще полчаса. Вдругъ изъ-за бархана выглянуло небольшое бълое зданіе съ крышей въ видъ купола.

- Это что такое?—спросилъ я у вожака, говорившаго немного по-русски.
- Могила, или мазарка по-нашему; здѣсь похороненъ очень хорошій человѣкъ. И семья тоже похоронена вмѣстѣ съ нимъ. Богатый киргизъ былъ, много барановъ и верблюдовъ имѣлъ, въ дальнія страны ѣздилъ, гдѣ живутъ другіе народы, а киргизъ и русскихъ нѣтъ.
 - А посмотръть мазарку можно?
- Отчего же нельзя? Свернемъ немного, въ сторону, крюку не больше полверсты будеть, если къ ней подъъхать.

Караванъ остановился. Послѣзали съ лошадей, начали оправлять сѣдла. Въ нѣкоторыхъ тарантасахъ достали жестяные ящики съ провязіей и принялись наскоро завтракать. Интересующихся посмотрѣть мазарку нашлось нѣсколько человѣкъ, и мы, не медля ни минуты, пустилесь рысью къ небольшому возвышенію, на которомъ стояла могила "хорошаго человѣка".

Площадка, гдё мы остановились, была лишена почти всякой растительности; чахлые сухіе пучки песчанаго камыша вылёзали изъ трещинъ земли наподобіе верблюжьей шерсти, да тамъ и сямъ торчали мертвые зонтики отцвётшихъ еще весною растеній; только кизилъ-джузгены чувствовали себя очень хороше въ этой раскаленной почвё и весело протягивали во всё стороны узловатыя, кроваво-красныя вётки. Нёсколько ящерицъ суетливо забёгали по песку, испуганныя нашимъ появленіемъ; изъ какой-то разсёлины въ куполё вылетёла небольшая сова и, нырая въ воздухё, исчезла за барханомъ.

Мазарка была построена изъ глиняныхъ кирпичей; кое-гдв на ствнахъ и на крышъ виднълись слъды извести, которою въроятно было обмазано все зданіе. Невысокія стъны были украшены возвышеніями въ видъ колоннъ, разставленныхъ на равномъ разстояніи другь отъ друга. Фундаментъ имълъ форму круга и весь исчезалъ въ волнахъ песку, который постепенно началъ засыпать даже дальнюю стънку постройки.

Узкая и низкая дверь пом'вщалась въ средин'в высокаго фронтона. Всеразрушающее время наложило на все свою руку: карнизъ началъ осыпаться, углы фронтона обрушелись.

У входа валялось два лошадиныхъ черепа и нъсколько костей. Надо было согнуться, чтобы войти въ дверь, суживающуюся кверху. Она вела въ необывновенно тъсный и короткій коридорчикъ, изъ котораго уже мы попали въ небольшое круглое поміщеніе. Стіны постепенно переходили въ довольно высокій сводъ и сохранились весьма хорошо; чисто выбізленныя, онт всті были покрыты довольно оригинальной живописью. Смізлая рука азіатскаго художника набросала здісь фигурки верблюда, овцы, барана, лошади, а тамъ и копья, кольчуги, топора, лука, стрізлы, слона, птицы, рыбы и пр. Верблюды, привязанные одинъ за другимъ, должны были изображать длинный караванъ; овцы во встіхъ положеніяхъ и возрастахъ представляли многочисленныя стада; лошади, остадланныя и безъ стадель, указывали на большіе табуны, которыми владізль покойникъ.

На одной изъ ствиъ живописецъ представилъ даже и всколько сцепъ изъ охоты: скачущій всадникъ нагоняетъ сайгака и произаетъ его непомірно большимъ копьемъ, другой цілитъ изъ лука въ громаднаго тигра, третій несетъ на рукъ сокола съ распущенными крыльями. На третьей тізнъ можно видіть сраженіе, бой на копьяхъ, мечахъ и въ рукопаш-

ную; туть же помінались розовые и синіе слоны съ возсідающими на нихъ путешественниками. Фигуры разныхъ цвітовъ, сгруппированныя описаннымъ выше образомъ, составляли полосы, идущія параллельно карнизамъ, и разділяли такимъ образомъ стіны на нісколько отділеній съ извістнымъ характеромъ; кромі того, между сценами замічалась извилистая линія съ украшеніями въ виді звіздъ, небывалыхъ цвітовъ, листьевъ и пр. Такимъ образомъ получались разныя картинки, и, просматривая ихъ, можно было читать чуть не всю біографію киргиза и судить о его зажиточности. Посреди мазарки возвышалась длиная и узкая глиняная гробница, крышка которой суживалась кверху наподобіе остраго гребня. По бокамъ ея находилось еще нісколько подобныхъ же памятниковъ самыхъ разнообразныхъ величинъ: то были могилы женъ и дітей умершаго.

Киргизы, кочуя въ Кара-Кумахъ, привлекаемые сочной травой, растущей между барханами во многихъ мъстахъ, проводятъ въ нихъ всь зимніе м'ісяцы. Съ одной стороны, кормъ для скота здісь находится въ изобиліи, а съ другой — холода въ пескахъ не такъ чувствительны, какъ въ глинистой степи, охватывающей Кара-Кумы со всехъ сторонъ. Киргизы дюбять окружающую своеобразную природу, и многіе изъ зажиточныхъ номадовъ выбираютъ себъ еще при жизни мъстечко для будущей могилы. Подъ ихъ наблюденіемъ строять мазарки, приготовляють матеріалы для гробницы, разукрашивають стіны и послі смерти кладуть чуть не на поверхность земли, насыпають надъ ними глиняный холмъ и придають ему форму ящика или куцолообразнаго возвышенія. По смерти домочадцевъ ихъ трупы также попадають въ семейную мазарку, если средства родственниковъ позволять тащить ихъ иногда изъ довольно далекихъ мъстъ. Мертвеца связывають и окутывають полотномъ, прикръпляють какъ вьюкъ на верблюда и отправляются къ мазаркъ. Молчаливо сидять киргизы, мірно покачивается трупь, и печальный кортежъ проходить иногда нъсколько сутокъ подъ однообразный звукъ колокольчиковъ, прежде чемъ достигнетъ до места похоронъ. Уложатъ мертвеца на свое мъсто, сядуть опять на высокія съдла и черезъ полчаса снова все стихноть въ окрестностяхъ мазарки, точно никто не нарушаль мертвой тишины пустыни.

Такъ случилось и съ "хорошимъ человѣкомъ", похороненнымъ въ зданін, которое мы осматривали, такъ похоронили и всю его семью. А по рисункамъ дъйствительно можно было видъть, что онъ и въ Индіи побываль, и на слонахъ покатался.

Мы долго сидъли на гробницахъ, срисовали стънныя изображенія и очень рады были тъни и прохладъ. Свътъ падалъ черезъ узкую входную дверь, да и въ куполъ замътна была трещина, въ которую видиълось синее небо; никакихъ оконъ не существовало.

На гробницахъ, на стънахъ и на полу было что-то написано на непонятномъ для насъ языкъ, — въроятно потомки похороненныхъ или вообще благочестивые мусульмане, заброшенные судьбою въ эти мъста, спъшили поклониться праху покойника и начертать какой-нибудь красивый стихъ изъ корана.

Поодиночкъ, согнувшись, чуть не на колъняхъ выбрались мы изъ мазарки. Яркій свъть удариль въ глаза и послъ темноты казался ослъпительнымъ; жаръ становился невыносимымъ. Мы усълись на нашихъ коней и догнали караванъ, который ушелъ версты на двъ впередъ. Поднимался вътеръ, раскаленныя песчинки били въ лицо и засыпалк глаза. Горизонтъ окончательно стушевался, вершины бархановъ дымились; пучокъ сухой травы прыгая пронесся черезъ дорогу.

Съ шумомъ и гамомъ расположился караванъ на ночевку. Три кибитки, убранныя со всею киргизскою роскошью, предоставлены въ полное наше распоряженіе. Тарантасы выстроились въ одну шеренгу. Отпряженные верблюды съ важнымъ видомъ расхаживаютъ между снующимъ народомъ и пережевываютъ свою жвачку. Немного въ сторонъ два казака хлопочутъ надъ костромъ. Бълый, густой дымъ прямымъ столбомъ подымается въ тихомъ вечернемъ воздухъ и таетъ высоко, высоко надъ нашими головами; пахнетъ гарью и печенымъ картофелемъ.

Недалеко отъ вибитокъ виргизы принялись вопать володецъ; вооруженные шировими, круглыми желъзными лопатами, насаженными на древко такъ, что составляютъ съ ручкой прямой уголъ, они быстро и ловко углубляли яму. Съ каждымъ взмахомъ этого оригинальнаго инструмента отдълялась большая глыба плотнаго влажнаго песку, которам легко выбрасывалась на берегъ будущаго колодца. Почва становилась все болъе и болъе мокрою, наконецъ изъ-подъ ногъ рабочихъ стала просачиваться вода, и яма быстро наполнилась ею. Тонкія, еле замътныя струйки показались со всъхъ сторонъ; но вода отзывалась сърнистымъ водородомъ и была противнаго затхлаго вкуса. Киргизы почерпали разъ, другой и оставили ее на время въ покоъ. Черезъ четверть часа колодецъ глубиною не болъе полутора аршина весь наполнился свътлою, пръсною и вкусною водою, которая прибывала съ такой быстротой, что даже выступила изъ береговъ.

Описаннымъ способомъ въ любомъ мѣстѣ Кара-Кумовъ кочевники выкапывають себѣ кудуки, изъ которыхъ поять скоть. Это удобство происходить отъ того, что на небольшомъ разстояніи отъ поверхности земли находится водоупорный пласть, глубже котораго дождевая вода, просачивающаяся сверху, не можеть идти. Во время таянія снѣговъ весною, громадное количество влаги пробирается между песчинками и скопляется въ подземныхъ, такъ сказать, резервуарахъ. Стоитъ только прокопать отъ 1 до 2—3 аршинъ верхній песчаный слой, какъ тотчасъ наты-

каепься на воду. Водоупорный пласть состоить изъ глины и того же песку, но только болье уплотненнаго, превратившагося въ песчаникъ. Онъ окрашенъ въ болье темный цвъть отъ присутствія громаднаго количества органическихъ веществъ, увлекаемыхъ и смываемыхъ съ повержности водою. Въ Казалинскъ разсказывали, что этотъ песчаникъ можетъ горъть, что куски его, брошенные въ огонь, сильно раскаляются и даже будто бы могутъ сами издавать пламя. Въ этихъ разсказахъ есть много правдоподобнаго, но самъ я ничего подобнаго не видълъ.

Итакъ, страшные пески Кара-Кумы, съ названіемъ которыхъ тѣсно связано представленіе о чемъ-то ужасномъ, въ дѣйствительности не такъ страшны; вода, это главное и необходимое условіе для существованія всего живущаго, вездѣ очень близко.

Вырывши нъсколько колодцевъ, киргизы, всъ выпачканные грязью и мокрые, растянулись на пескъ и съ наслажденіемъ заложили себъ за губу тертаго табаку. Расправивши усталые члены, закрывъ глаза, они неподвижно предались отдыху.

Мъсто ночевки выбрано весьма удачно. Барханы окружають насъ съ трехъ сторонъ. Съ четвертой видиъется большой солончакъ. Онъ весь покрыть толстымъ бълымъ слоемъ соли, точно снъгомъ. На его поверхности проложено множество пересъкающихся птичьихъ слъдовъ, а въ одномъ мъстъ у берега легко отличить отпечатки лошадиныхъ копытъ; должно быть, кто-то собирался переъхать прямикомъ, но вовремя повернулъ назадъ. Эти солончаки только издали кажутся сухими и твердыми; подъ бълымъ налетомъ обыкновенно находится топь, изъ которой никому не удавалось выбраться, если только, вслъдствіе незнанія или неосторожности, овъ попадалъ въ нее.

Берега предательской топи поврыты мелкими растеніями съ толстыми жирными листиками. Какъ только ударять морозы, листики принимають кроваво-красный цвѣтъ. Отъ этого яркіе края бѣлоснѣжныхъ площадей кажутся чрезвычайно эффектными. Цвѣта красный и бѣлый необыкновенно рѣзко отдѣляются другъ отъ друга и производятъ сильное впечатлѣніе.

За солончаками на горизонтъ виднълась синяя полоска дальней возвышенности. Она теперь при вечернемъ освъщени отливаетъ всъми тънями лиловаго цвъта, отъ самаго темнаго до самаго свътлаго.

Сумерки быстро наступають. Красное пламя зари уже потухло. Въ воздухѣ разливается темно-сърый колорить; какая-то мгла окутываеть всё предметы, стушевываеть очертанія бархановь, затягиваеть все легкой дымкой. Точно свъчка затеплилась на небъ первая звъздочка. Она дрожить и мигаеть. Большая Медвъдица широко развернулась надъ головой и обозначается все ръзче и ръзче. Свъть оть костровъ дълается замътнъе. Красный колорить ложится на лица сидящихъ поблизости, н

лошадей, стреноженных и неподвижно стоящих въ кучь, на ближнюккибитку. Говоръ и шумъ начинаютъ утихать—всв заняты вдой; всяки спвшить поужинать и лечь на мягкій песокъ.

Кто-то тащить цівлую вязанку сухого камыша изъ-за бугра; виднівется какая-то масса, темная, безформенная, на двухъ ногахъ; трава шумить и раскачивается во всів стороны.

Изъ дальняго тарантаса слышенъ хохоть и звукъ балалайки.

Вотъ уже нъсколько дней идемъ мы Кара-Кумами. Проъхали ихъ центральную часть, недалеко и Сыръ-Дарья, — конецъ нашего странствованія. И странное дъло: чъмъ глубже проникаемъ въ эту песчаную пустыню, тъмъ удобнъе становится путь. Поверхность бархановъ скръ-

Станція въ Кара-Кумахъ.

плена растительностью, прівсной воды вездів достаеть въ изобилін, понадаются довольно часто аулы, стада барановъ. Въ одномъ мівстів мы даже наткнулись на широкую, плотно утоптанную верблюжью тропу, которая есть не что иное, какъ ближайшій караванный путь, извівстный только кочевникамъ; онъ значительно сокращаеть дорогу и время перехода.

То и дело встречаются небольшія, но густыя заросли тальника, джузгеновъ, джиды, астрагаловъ, дрока и проч., пріютившіяся въ кот-

ловинкахъ между буграми, а камышъ, чій и кіякъ раскидываются по всей поверхности бархановъ, скрвпляя подвижную почву своимя длинными и кръпкими корнями. Если бъ оставить эту растительност въ поков, то о сыпучихъ передвижныхъ пескахъ не было бы и повых; но киргизы со своими многочисленными стадами портять почву и доставляють горе себъ и другимъ. Животное, срывая траву, выдергиваеть весьма часто и самый ея корень, образуется небольшое голое мъстечко песку; подуеть вътеръ, сухія, ничьмъ не скрыпленныя песчинки разсынаются во всв стороны, покрывають сосвднія растенія, зарывають ихъ листья... Представьте себъ, сколько такихъ голыхъ мъстъ появится на известномъ пространстве, после того, какъ целое стадо попасется на немъ въ продолжение недели, двухъ, а иногда и более, и какая громадная поверхность песку, способнаго передвинуться, выглянеть на свъть Божій. Кром'в того, животныя очень легко скусывають и огрызають верхушки и молодые побъги кустарниковъ. Само собой разумъется, что это также не служить на пользу растительности. Но болье всего вредить дълу закръпленія песковъ самъ кочевникъ. Онъ не только уничтожаеть траву своими стадами и разрыхляеть этимъ почву, но даже вырываеть корни на топливо.

Упрекъ относится не къ однимъ киргизамъ, но и къ русскимъ. Въ прежнее время въ Кара-Кумахъ и прилежащихъ мъстностяхъ встръчались цълыя рощи своеобразнаго дерева, саксаула. Теперь саксаулъ здъсь можно найти только около какихъ-нибудь священныхъ мъстъ и въ такихъ мъстахъ, куда очень трудно проникнуть человъку. Древесина саксаула превосходно горитъ, и потому цълые караваны верблюдовъ нагружаются кривыми уродливыми стволами и тянутся въ Казалинскъ.

Цѣлый день ѣхали мы совершенно скрѣпленными песками. Небольшія рощицы тальника, покрытаго уже покраснѣвшею листвою, то и дѣло попадались по дорогѣ. Въ долинахъ, по берегамъ какой-нибудь промочны, тянулись заросли свѣжаго, сочнаго камыша. Эти узкія зеленыя полоски расширялись иногда въ настоящіе луга и охватывали большіе и маленькіе солончаки съ кроваво-красными берегами.

Иногда на бугрѣ чернѣлась могила виргиза. Но это была не мазарка, подобная той, которую мы разсматривали на первомъ переходѣ отъ Кара-Кудука, а самое простое сооруженіе, имѣющее цѣлью указать на мѣсто погребенія простого смертнаго. Средства покойнаго не позволяли ему воздвигнуть даже скромнаго зданія, на стѣнахъ котораго можно было бы судить о его богатствахъ, о его подвигахъ и путешествіяхъ.

Иногда изъ-за бархана виднълся столбъ дыма. Тамъ стоятъ нъсколько кибитокъ. Кругомъ пасутся лошади и овцы, важно расхаживаютъ верблюды и съ любопытствомъ поглядываютъ на насъ. Нъсколько голыхъ дътей испуганно бъгутъ во-свояси и прячутся куда попало. Двъ-три жен-

щины съ бѣлыми высокими повязками на головахъ робко выглядываютъ изъ полуопущеннаго войлока, закрывающаго входъ въ кибитку. Собаки съ громкимъ лаемъ детятъ къ намъ навстрѣчу. Надъ головой происсятся то и дѣло стаи куропатокъ. Вотъ онѣ опустились недалеко, какъ разъ за тѣмъ бугромъ. Изъ каравана отдѣляется одинъ казакъ и съ ружьемъ на перевѣсъ скачетъ туда. Онъ слѣзъ съ лошади, припалъ къ землѣ, ползетъ... Стволъ блеснулъ на солнцѣ. Прошла минута томительнаго ожиданія. Вдругъ бѣлый клубокъ дыма точно выросъ изъ земли, что-то стукнуло... Куропатки поднялись. Но изъ летящей птицы одка вдругъ начинаетъ отставать. Она усиленно работаетъ крыльями и между тѣмъ опускается все ниже и ниже и, наконецъ, какъ камень падаетъ ва землю.

Казакъ скачетъ за добычей.

Выбрались на ровную мъстность. Какъ будто и конца нътъ этой плоскости. Вдали несется облачко пыли. Въ немъ, въ этомъ облачкъ замъчается что-то рыжеватое, круглое, точно шарикъ.

- Что это? спрашиваю переводчика.
- Сайгакъ!.. вишь вакъ жарить, и догнать-то его трудно. Смотрика, смотри!

Облачко остановилось, разсівялось; можно различить животное. Оно візроятно утомилось и съ недоумівніемъ и ужасомъ смотрить на эту шумную массу людей. Мы продолжаемъ двигаться. Сайгакъ сділаль прыжокъ, которымъ онъ обыкновенно начинаеть свой бізгь, и покатилъ дальше.

А отъ безоблачнаго неба опять пышеть жаромъ. Просто не върится тому, что во время ночевки было такъ холодно, что принуждены были цълую ночь поддерживать огонь въ кибиткъ. Когда съ восходомъ солнца мы, закутанные въ шубы, садились на лошадей, песокъ былъ влаженъ отъ легкаго морозца и бълый иней лежалъ въ лощинахъ. И послъ такого утра опять такая жара.

Я оглянулся назадъ, что за чудо? У подножія цёпи бархановъ, которую мы проёхали съ полчаса тому назадъ, блеститъ озеро. Голубая поверхность его углубляется между высокими песчаными буграми и отражаеть въ себе каждый предметь съ необыкновенной отчетливостью. И въ немъ, въ этомъ озерѣ, тоже виднѣются барханы и темные и свътлые, только все это обращено внизъ верхушкою. Направо водяная гладъслилась съ синевой горизонта, и кажется, будто узкій осколокъ неба вонзился въ землю. Я былъ пораженъ.

— Какое это озеро?—спросилъ я вожака.—Вѣды мы не проѣзжали мимо него?

оо? Гдъ озеро?-и киргизъ съ удивленіемъ оглянулся по мо-

Digitized by Google

- А вонъ, видишь? около бархановъ.
- Вожакъ усмъхнулся и поъхалъ дальше.
- Никакого озера нътъ, пробормоталъ онъ. Это у тебя только въ глазахъ. Воды нигдъ до самой Дарьи не увидишь. Одни кудуки есть, а озера нътъ.
 - Я опять оглянулся назадъ. Озеро стоить себъ на томъ же мъсть.
- Неужели же въ самомъ дълъ это только кажется, и пригнулся къ съдлу.

Все вдругъ пропало, исчезло. Я приподнялся — и снова громадный бассейнъ разлился передъ глазами, даже еще больше мъста захватилъ онъ подъ себя. Это былъ миражъ.

Последній ночлеть въ Кара-Кумахъ. Завтра должны добраться до Сыръ-Дарьи.

Кибитки поставлены опять довольно удачно. Кругомъ высятся неподвижные барханы, поросшіе джузгенами. Колодцы полны свіжею, чистою водой. Не успъли остановиться, какъ явился какой-то киргизскій старшина въ необыкновенно обширномъ пестромъ халать и необыкновенно уродливой шашкъ, по формъ напоминающей собой китайскую башню. На груди видиблась громадная золотая медаль, повъщенная на длинной красной лентв. Лошадь его была также убрана со всею роскошью востока: сбруя, съдло, чепракъ-такъ и переливали пестрыми шелками, блествли золотомъ и серебромъ. Въ его свитв находилось еще одно должностное лицо, крошечнаго роста въ татарской тюбетейкъ и полуказачьемъ мундиръ. Черезъ плечо у него была привъшена длиннъйшая сабля, на шев блествла тоже медаль. Этотъ человъвъ ужасно трусилъ передъ нашимъ начальникомъ и, когда тотъ обращался къ нему съ какимъ-нибудь вопросомъ, вытягивался во весь свой маленькій рость и, заикаясь, величаль ого всеми известными титулами: то назоветь "ваше превосходительство", то "ваше высокородіе", то "ваше царское благородіе" и т. д.

Послѣ обычныхъ привѣтствій, началось угощеніе. Конечно, прежде всего мы набросились на чудный кумысъ, о которомъ у насъ въ Россіи и понятія не имѣютъ. Затѣмъ не былъ оставленъ безъ вниманія айранъ, т.-е. баранье кислое молоко, разбавленное водою.

Но вотъ и объдъ. Нъсколько человъкъ одинъ за другимъ несутъ сначала шурпу — бараній супъ, нъчто ужасное, мутное, колодное, жирное и безъ соли. Потомъ такая же вереница людей явилась съ кавардакомъ или жареной бараниной, разръзанной на кусочки. Въ заключене происходила болтовня черезъ переводчика съ киргизами, и когда все это кончилось, всъ вздохнули свободно, точно пудовикъ свалился съ плечъ.

oogle

Между тъмъ начало темнъть. Зажгли опять костры. Нъкоторые изъ насъ отправились погулять по "табору".

Изъ крайней вибитки слышится пініе и звуки какого-то инструмента. Идемъ туда. Войлочныя стінки подняты и черезъ рішетку видна груша. Въ средині разложень огонь. На угольяхъ стоять мідные дымящієся кунганы; нісколько казаковъ полулежать на кошмахъ и слушають. Туть же, поджавь по восточному ноги, поміщается стройный молодой киргизъ. Онъ перебираеть пальцами по струнамъ самодільной гитари или, скоріве, балалайки и во всю грудь выкрикиваеть быстрые речитативы. Каждый куплеть начинается необыкновенно высокой, скльной и длинной нотой. Оть этого лицо півща дівлается багровымъ, жилы на шей вздуваются, ожидаешь, что воть-воть оборвется голосъ, "перехватить" горло. Не туть то было—сильная грудь степняка вынесеть и не такія усилія. Иногда киргизъ самъ улыбается своей півснів, видимо довольный словами.

- И чего смется? презрительно заявляль всявій разь одинь казакь, обращаясь къ переводчику, прикурнувшему въ тени, въ самой глубине кибитки.
 - Про любовь поетъ.
 - Про любовь? вишь відь, азіать, а все же любить должень.
- A какъ эта пъсня провывается?—въ свою очередь спрашиваеть молодой казакъ, съ глуповатымъ лицомъ.
- Никакъ не называется, продолжаетъ пояснять переводчикъ. Это онъ свою жизнь воспъваетъ. Что въ голову взбредетъ, то и поетъ.

Послушавши имировизатора, мы направились въ своей кибиткъ. Въ тарантасахъ уже спали. Изъ-подъ одного фартука выглядывали подошвы громадныхъ сапоговъ, изъ другого торчалъ уголъ подушки въ ситцевой наволочкъ. Кто-то храпълъ чуть не на всю степь... Изъ-за бархана видиълось красное зарево — то всходила луна. Летучая мышь повертълась надъ нашими головами и юркнула въ сторону.

Вечеръ былъ такой чудный, тихій. Луна уже вышла, и какой-то холодный голубоватый свътъ, разлитый всюду, придавалъ необыкновенную прелесть всему ландшафту. Длинныя тъни бархановъ ложились одна на другую, небольше кусты, растуще въ лощинахъ, превращались въ деревья огромныхъ размъровъ. Неподвижно лежали верблюды, пофыркивали пасущіяся лошади, потрескивали догоравше костры, и надъ всъмъ этимъ темный, почти черный сводъ неба, усъянный блестящими звъздами.

Холодный порывистый візтеръ пронизываль насъ насквовь и заставляль потепліве кутаться въ шубы. Вдали темной полоской тянулась какаято возвышенность, а какъ доберемся до нея—увидимъ Сыръ-Дарью. Съ

напряженнымъ вниманіемъ смотримъ мы на эту полоску; время ожиданія кажется намъ безконечнымъ, а бодрый шагъ нашихъ киргизскихъ лошадокъ представляется необывновенно медленнымъ. На вожака никто ужъ не обращаетъ вниманія, всё ѣдутъ впереди его, благо сбиться съ пути ужъ нѣтъ никакой возможности.

А между тъмъ вокругъ насъ происходить довольно интересное явленіе природы. Дівло въ томъ, что мы выбрались на глинисто-солонцоватую почву. Изъ трещинъ земли торчатъ сухіе пучки прошлогодней травы, трустные остатки кое-какихъ кустиковъ... Вътромъ несеть съ блежайшихъ бархановъ песокъ. Съ сухимъ звономъ детятъ песчинки, скользя по поверхности почвы, прыгають, взвиваются на небольшую высоту, снова падають и все дальше и дальше ичатся отъ родныхъ мъсть. Но воть на пути попадаются трава, камень или какой-нибудь другой предметь. Песчинки задерживаются, предметь все больше и больше засыпается. Новый порывъ вътра подгоняеть еще цълую армію песчинокъ, и мало-по-малу растеть ходмикъ. Рость его прододжается годами, и едва зам'єтное возвышеніе превращается въ настоящій барханъ. На той ровной площади, по которой мы вхали, можно было проследить весь постепенный ходъ развитія песчаныхъ бугровъ. Тамъ видивлось еле зам'втное возвышеніе, въ другомъ м'вст'в оно уже выросло въ довольно зам'втный холмикъ, въ третьемъ онъ достигь весьма солидныхъ размъровъ, изъ верхушки торчить засохшая вытка уродливаго саксауловаго дерева. Сторона бархана, обращенная въ вътру, крута и почти отвъсно опускается къ основанию, противоположная же постепенно сливается съ почвою и какъ бы стушевывается.

Въ нъкоторыхъ мъстахъ нъсколько молодыхъ барханчиковъ соединились въ ряды и образуютъ пока миніатюрную гряду песчаныхъ бугровъ.

Тъмъ временемъ мы все - таки подвигались впередъ. Вдругъ на горизонтъ что-то блеснуло. Это вода, это Сыръ-Дарья. Всъ встрепенулись, ожили.

Наконецъ-то можно будетъ умыться, привести себя въ порядокъ, думалось каждому; какое наслажденіе! Невольно горячинь лошадь; она ускоряетъ шагъ; нъсколько человъкъ не выдержало и пустилось рысью. Пыль поднялась столбомъ и быстро сносится вътромъ въ сторону. Передній всадникъ поскакалъ, за нимъ ринулись всъ.

Съ высокаго бархана стало наконецъ видно на далекое разстояніе. Наліво, на такомъ же бугрів, въ верстів отъ насъ, громоздились какіято зданія, бізлыя, сізрыя, темныя... Одни были высоки, другія низки, торчали бізлыя колокольни.

- Что это такое?
- Мазарки.

Digitized by Google

Подъткали. Дъйствительно цълый городъ, состоящій изъ мазарокъ

самой разнообразной величины, выстроень быль довольно живописно. Это быль городъ мертвыхъ.

Свернули вправо. Выбрались на почтовую дорогу съ выбоями и колеями, которую мы такъ давно не видали; она идетъ какъ разъ по крутому берегу широкой Сыръ-Дарьи, которая съ глухимъ шумомъ катитъ свои желтыя, мутныя волны. Еще полчаса, и мы подскакали къ одинокой станціи. Покосившійся полосатый столбъ съ разбитымъ фонаремъ напоминаль о Европъ. Надъ входною дверью висъла доска съ надписью "Кара-Тугай" и съ обозначеніемъ числа верстъ до ближайшихъ станцій.

Когда мы вошли въ маленькую комнатку "для прівзжающихъ", когда почувствовали надъ своей головой кровлю и когда, наконецъ, могля укрыться отъ резкаго холоднаго ветра, насъ охватилъ восторгъ неописанный. Всё лишенія, усталость—все было забыто.

Въ низовьяхъ Аму-Дарьи.

(А. Никольскаго.)

Аму—великольный гигантскій потокъ, прорызывающій Туранскую низменность съ съверо-востока на юго-западъ. Ни Волга, ни Дивпръ, никакія другія россійскія ріжи не могуть дать представленія о томъ, что такое Аму. Уже близъ Петро-Александровска рѣка такъ широка. что противоположный берегь виднеется неясно, какъ въ тумане; если же смотръть наискось, поверхность воды сливается съ горизонтомъ. Эта масса воды несется въ Аральское море съ головокружительной быстротой. Зубчатыя волны въчно бороздять поверхность Аму. Это не тъ волны, которыя разводить в'втерь; это сама ріжа несется и скачеть по каменистому дну, повторяя всв его неровности; кое-гдв вода бурлить и кипитъ, какъ въ котлъ. Мъстами, втягивая плывущіе предметы, крутятся суводи, замізтныя издали по своей гладкой блестящей поверхности. Неудивительно, что русло, пробитое Аму-Дарьей среди низменной пустыни, не всегда можеть сдержать этоть могучій потокъ. Безъ всякой видимой причины то тамъ, то здъсь Аму начинаетъ вдругъ подмывать берегь, обыкновенно правый. Глыба за глыбой съ грохотомъ, напоминающимъ пушечный выстрель, валится въ воду, и все, что есть на берегу, летитъ туда же. Водоподъемныя машины, кишлаки съ пашнями, сады, ничто не въ силахъ удержать яростныя волны. До какой степени быстро пробиваеть Аму новое русло, можно было видеть близъ Петро-Александровска. Нъсколько ниже укръпленія изъ ръки быль проведень арыкъ, черезъ который сначала прыгали сартовскіе мальчики. Аму

--то полюбился этотъ арыкъ. Она направила туда свои воды, аздвинула его берега и не прошло лъта, какъ онъ превратился въ огромный протокъ, около версты въ ширину. Сады, кишлаки и пашни, растянувшіеся вдоль этой канавки, все было подхвачено бъщеной ръкой и исчезло безъ всякаго слъда.

Эта величайшая изъ рвкъ, протекающихъ по пустынъ, съ давнихъ поръ славится своими капризами. Извъстно, что въ прежнее время она впадала въ Каспійское море; затъмъ почему-то перемънила направленіе и стала изливаться въ Аралъ. До сихъ поръ сохранилось древнее русло, такъ называемое Узбой; а въ Красноводскомъ заливъ на берегу Каспійскаго моря находится мъсто, представляющее всъ признаки прежняго устья огромной ръки. Когда совершился этотъ переворотъ, достовърно неизвъстно; во всякомъ случаъ настолько недавно, что преданія объ Аму, впадающей въ Каспій, до сего времени сохранились въ памяти мъстныхъ жителей.

Такова Аму, по которой плыль теперь нашъ каюкъ.

Какъ быстро мчало его теченіе, можно судить по тому, что, отваливъ въ 2 часа дня, на другой день поздно вечеромъ мы были уже въ Нукусѣ, т.-е. прошли болѣе 200 верстъ; при этомъ мы ночевали на берегу, а днемъ нѣсколько разъ останавливались въ аулахъ, чтобы купить баранины. Отъ Петро-Александровска Аму протекаетъ по большей части среди пустыни. Съ каюка мы видѣли песчаные барханы, которые такъ надоѣли въ Кизылъ-Кумахъ. Мѣстами холмы прерывались ровными пространствами, поросшими кустами тамариска, дикаго барбариса, колючки; вѣроятно, то были такыры. Только кое-гдѣ по берегу узкой каемкой зеленѣетъ тальникъ, или джида,—мѣстное дерево, плоды котораго такъ похожи на крошечные финики. Сады и пашни попадались намърѣдко. Очевидно, въ настоящее время, оазисъ не естъ сплошная полоса обработанной земли, скорѣе это цѣпь небольшихъ, вытянутыхъ по обомить берегамъ рѣки оазисовъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга широкими промежутками пустыни.

Нукусь—это маленькая крізпость, которая была бы игрушкой гдівнибудь на западныхъ границахъ нашего государства, но здівсь она держить въ страхів все Хивинское ханство. Впрочемъ, въ настоящее время она постепенно утрачиваетъ свое значеніе.

Изъ Нукуса мив надо было плыть дальше, въ устье рвки, въ протокъ Кукъ. Я отправился внизъ по Аму въ каюкв съ товаромъ, владвлець котораго намвренъ быль торговать въ аулахъ, дежащихъ въ устъв рвки, и между прочимъ посвтить протокъ Кукъ. Мой хозяинъ нагрузилъ каюкъ хлопкомъ еще въ коробочкахъ, деревянными сундуками, халатами, разной посудой, чаемъ, всякою мелочью, и мы поплыли внизъ по Аму. Такимъ образомъ я очутился въ обществъ 7 человъкъ туземъ, цевъ, одного сарта хозяина и 6 человъкъ каракалпаковъ, рабочихъ; изъ нихъ ни одинъ не зналъ по-русски. Къ счастю, я съ гръхомъ пополамъ

умьль объясняться на киргизскомъ нарвчін, по крайней мврв зналь сь полсотни самыхъ необходимыхъ словъ. Этого было достаточно, чтобы у насъ завязалась довольно оживленная беседа. Каюкъ приставаль къ каждому аулу, и хозяинъ открывалъ свою лавочку; онъ съ азіатскичь красноръчіемъ распинался за свой товаръ передъ покупателями каракалпаками. Я подозвалъ каракалпаченка и объяснилъ ему, что мив нужна курица; бъгомъ отправился онъ въ юрту, и вскоръ вмъсть съ нимъ, съ курицей въ рукахъ, явилась очень старая каракалпачка. Въ здъшнихъ аулахъ никогда не спрашивали съ меня болъе 5 копеекъ за курицу. Уплативъ, что следуетъ, я немедленно прекратилъ ея существованіе; затімь, продівлавь все, что въ этихь случаяхь полагается, началь варить супъ. Вместе съ этимъ я поставиль на костеръ и чайникъ для чаю. Пока я занимался этимъ деломъ, явилась целая орда каракализкскихъ дамъ, по большей части старухъ, и детей. Въ рукахъ они держали по куриць, а нъкоторыя даже по двь, зажавъ ихъ подъ мышками. Все это предназначалось для продажи; но такъ какъ мив и одной было много, то отъ остальныхъ приходилось отказываться. Тогда каракалначки начинали предлагать пару за 5 коп. Чтобы не обидеть старухъ, я даль имь по горсти сухарей, а ребятамь по куску сахару, и они съ довольнымъ видомъ уносли своихъ куръ.

Ночевали мы точно такъ же близъ аула. Едва только начало смеркаться, появились всесвътные кровопійцы комары. Мои спутники забились въ наскоро разбитую палатку, а я поставиль на каюкъ свой пологъ, зная по опыту, что значитъ ночевать на комарахъ. Хорошо лежать нъ нологъ, когда за его стъной раздается голодный вой этихъ возмутительныхъ насъкомыхъ. Миріады ихъ густымъ роемъ облъпливаютъ снаружи кисею полога; чуя кровь, они снуютъ вверхъ и внизъ, отыскивая, нътъ ли гдъ дырочки. Вы лежите и слышите яростный гулъ; по временамъ его покрываетъ высокій пискъ отдъльнаго комаришки, который вертится около вашего уха, по ту сторону тонкой стънки. Вы лежите и, глядя на мерцающія сквозь кисею звъзды, думаете: "Ничего, пищи себъ, а я буду спать". Утромъ, когда я проснулся, каюкъ уже плылъ по срединъ ръки. Ниже Нукуса Аму разсыпается на нъсколько рукавовъ, впадающихъ самостоятельно въ море. Мы шли сначала протокомъ Куня-Дарьей, затъмъ Ишаномъ и наконецъ повернули въ Кукъ.

Въ дельтъ природа береговъ носить иной характеръ, нежели выше Нукуса. Здъсь уже не видно пустыни. Зеленымъ бордюромъ окаймляютъ протоки тугаи, или прибрежные лъса джиды и тальника.

чда—небольшое дерево, или скоръе кустарникъ, съ медкими свътлолисточками и съ мучнистыми сладкими плодами, очень похочикъ. Кромъ ивы и джиды, въ прибрежныхъ аму-дарьинскихъ вышими рощицами встръчается разнолистный тополь, называемый такъ потому, что верхніе листья его им'вють совершенно иную форму, нежели нижніе.

Кое-где тугаи прерываются темной зеленью камышей; чемь ближе къ морю, твиъ гуще и выше эти камыши, твиъ шире захватывають они берегъ; мъстами они превращаются въ огромныя заросли. Особенно удобно любоваться этой чащей съ песчаныхъ ходмиковъ, которые тамъ и сямъ въ видь островковъ торчать среди сплошной зелени листьевъ. Цълое море темно-зеленыхъ верхушекъ камыша до самаго горизонта разстилается передъ нашими глазами. Какъ въ открытомъ морѣ, глазъ не видить никакихъ неровностей; кое-гдъ только желтъють гребни этихъ одиновихъ холмовъ или возвышается отдельное деревцо джиды. Словно море, камышъ шумитъ и волнуется. Вы видите, какъ зеленая волна, взрытая подле васъ порывомъ ветра, быстро несется впередъ; вотъ она открыла верхушку скрывшагося въ камышъ дерева, перескочила черезъ него, промчалась еще немного дальше и исчезла въ массъ листьевъ. Аму-дарьинскіе камыши—настоящіе джунгли здішнихъ мість. Въ нихъ съ успъхомъ можетъ укрыться верблюдъ и даже всадникъ, сидящій на его горбъ... Такъ высоки эти заросли. Только кабанамъ и тиграмъ доступна непроходимая чаща гибкихъ, упругихъ какъ сталь стеблей, увънчанныхъ метельой крупныхъ темныхъ листьевъ. Кабаны чувствуютъ себя здёсь какъ рыба въ водё. Въ низовьяхъ Аму ихъ такъ много, что казаки зимой быють ихъ цълыми возами. Настоящій хозяинь здізшнихъ джунглей однако не кабанъ, а тигръ. Мив не случалось ни видеть этого звъря, ни слышать его рева-видъль только его слъды; овальныя ямки, оттиснутыя на пескъ подушками его лапъ. Какъ царь звърей, тигръ показывается только за дёломъ, а дёла у него много и въ камышѣ.

Въ противоположность своему африканскому собрату льву, онъ ръдко выдаетъ свое присутствіе ревомъ. Только весной, когда кошки задаютъ свои концерты, въ непролазной чащъ, какъ разсказывали казаки, иногда раздается глухое урчанье: это—тигровая серенада. Неръдко, по словамъ мъстныхъ жителей, въ камышъ можно слышать произительный визгъ кабана: это тигръ хозяйничаетъ въ своемъ царствъ. Я видълъ однако назака, года два тому назадъ на охотъ имъвшаго столкновеніе съ царственнымъ звъремъ. Столкновеніе кончилось тъмъ, что тигръ ушелъ, а казакъ на память объ этой встръчъ до сихъ поръ носитъ на своемъ лицъ глубокіе слъды его когтей. Хивинцамъ и каракалпакамъ частенько приходится сталкиваться съ тигромъ, и встръчи эти не всегда благополучно кончаются для людей.

Сколько фазановъ въ этихъ камышахъ и тугаяхъ! Рано утромъ, едва только взойдеть солнце, тамъ и здёсь по берегамъ реки раздается отрывистый крикъ петуха, похожій на сокращенное "кукуреку". Идете вы

камышомъ или кустарникомъ, вдругъ изъ-подъ самыхъ ногъ вашихъ съ крикомъ и шумомъ столбомъ кверху вылетаетъ фазанъ. Дайте ему подняться вверхъ, насколько онъ можетъ; затъмъ, когда онъ начиетъ детъть по прямой линіи, стръляйте. Нътъ ничего легче, какъ попасть въ него въ это мгновеніе, — и если у васъ достанетъ хладнокровія, вы можете въ короткій срокъ настрълять десятки фазановъ.

Глупость этой красивой птицы можеть поспорить съ глупостью индюка. Проживая въ непролазной чаще камышей, фазанъ воображаеть, что стоить ему притаиться, и никакой глазъ не откроеть его присутствія. Расчеть этоть вёрень, но только до тёхъ поръ, пока фазав находится въ чаще камыша. На свою бёду онь нерёдко выходить на голыя глинистыя полянки, среди которыхъ кое-где торчатъ чахлые кустики. Завидевь охотника, онъ прячется подъ кустикъ, но прячется такъ, что его красный хвость, какъ сигнальный флагь, виденъ безъ малаго за версту. Подъ этимъ прикрытіемъ фазанъ сидить до последней возможности, т.-е. до тёхъ поръ, пока охотнику останется сдёлать еще два-три шага, чтобы наступить птицё на хвость.

Такъ же искусно прячутся фазаны, когда сидять на вътвяхъ джиды, гдъ частенько лакомятся сладкими ягодами. Мнъ не разъ случалось заставать ихъ за этимъ занятіемъ. На одномъ деревцъ сидитъ нъсколько штукъ фазановъ. Подхожу къ этому обществу шаговъ на двадцать, стръляю. Убитый фазанъ валится на землю, а остальные плотитье прижимаются къ тонкимъ вътвямъ дерева, очевидно воображая, что ихъ не видно. Стръляю второй разъ, падаетъ еще фазанъ. Тогда только оставшеся начинаютъ догадываться, что дъло ихъ плохо, и улетаютъ въ чащу.

Истиннымъ украшеніемъ здішнихъ мість является зеленая щурка. Она придаетъ пейзажу тропическій оттінокъ. Небольшими стайками носятся эти миловидныя птицы надъ камышомъ вблизи воды. По временамъ то та, то другая садится на стебель и тогда совершенно исчезаеть изглазъ наблюдателя. Ея травяно-зеленое тіло съ заостреннымъ квостомъ на нікоторомъ разстояніи чрезвычайно походить на листь камыша.

Особенное оживленіе царить въ низовьяхъ Аму-Дарьи на озерать съ берегами, поросшими камышомъ. Тысячи крачекъ и чаекъ съ кривомъ носятся надъ водою. Стайки черныхъ лысухъ, завидя приближающуюся лодку, спізпать уйти въ камыши. Тамъ и здібсь среди желтыхъ или зеленыхъ стеблей видніются высокія фигурки пурпуровыхъ и білыхъ цапель. По временамъ пролетаютъ мимо черные ибисы или каравайки, білыя колпицы, пеликаны и утки...

12-го іюня, посл'є многочисленных в остановок съ торговыми ц'едам, наконецъ, доставили меня на кукскіе рыбные промыслы. На Куке него постояннаго населенія. Л'єтомъ, во время лова красной рыбы сюда за-

Всѣ эти рыболовы поселяются въ юртахъ или въ наскоро сколоченныхъ домикахъ и живутъ здѣсь, пока не окончится промысловый сезонъ. Еще болѣе временный характеръ носятъ жилища каракалпакскихъ рыболововъ на озерахъ дельты Аму. Это просто-напросто плоты съ камышевымъ же навѣсомъ. На такихъ плотахъ каракалпаки живутъ среди озера цѣлое лѣто, ночуютъ, варятъ пищу и только изрѣдка на каюкѣ навѣщаютъ сосъдній аулъ.

На Кукъ инъ была поставлена каракалпакская юрта. Мой любезный хозяинъ показалъ мнъ все, что касается рыболовства. Въ это время порядочно ловится шипъ, единственный представитель красной рыбы въбассейнъ Аральскаго моря.

Шиповъ то и дёло вытаскивають сётями; шипы плавали въ садкахъ; за обёдомъ подавали жаренаго или варенаго шипа, и даже въ пловъ изъкурицы кухарка моего хозяина не задумалась налить шиповьяго жира. Пойманную рыбу здёсь сажають въ садки, чтобы выдержать ее до глубокой осени. Тогда ее рёжуть и въ свёжемъ видё отправляють въ Оренбургъ. Остальныя породы рыбъ здёсь въ полномъ пренебреженіи. Толькотуземцы ловять еще сазановъ, но и то исключительно для собственнаго употребленія. Между тёмъ сазановъ здёсь такъ много, что ими можно было бы прокормить все населеніе Туркестана. Чтобы показать мнё, какъ велико обиліе рыбы, мой хозяинъ велёлъ забросить въ воду небольшой ручной бредёшокъ. Не прошло и часа, какъ въ нашей лодкълежало болёе сотни сазановъ въ полъ-аршина длиной.

Отсюда мић надобно было так въ хивинскій городокъ Кунградъ, до котораго отъ кукскихъ промысловъ считають около 40 версть.

Кунградъ-типичный среднеазіатскій городъ. Настоящихъ домовъ въ европейскомъ смысле слова въ немъ нетъ. Висто нихъ низенькія глиняныя мазанки съ плоскими крышами, съ навъсами, обращенными наулицу, и съ дверью, продъланной подъ навъсомъ. Наружныя стъны совершенно безъ оконъ, да и на дворъ, какъ говорятъ, выходять не окна, а просто четырехугольныя дыры, въ холодную погоду прикрываемыя доской или тряпкой. Улицы кривыя и узкія, такъ что въ случав если встрътятся двъ арбы, одну необходимо остановить и на рукахъ оттащить въ самой стънъ, иначе онъ не разъъдутся. Мъстами съ одной улицы на другую поверхъ крыши положены жерди, а на нихъ набросаны вътки, камышъ и всякій мусоръ. Всюду грязь и вонь... Воть какова физіономія Кунграда. Совершенно тоть же обливь имвють и всв хивинскіе города, не исключая и столицы ханства. Какъ всв азіаты, кунградскіе жители ведуть уличную жизнь; въ особенности большое оживленіе царить на базаръ. Здъсь по объ стороны довольно длинной крытой удины тя-0096 нется сплошной рядъ лавокъ. Вотъ мясная лавка съ бараньими тушами,

БРИГА ДИНЫМИ ОКОРОКАМИ, ВИСЯЩИМИ ПОДЪ НАВЪСОМЪ, И СЪ ТУЧАМИ МУХЪ, вымишихся надъ мясомъ. Рядомъ, среди обрѣзковъ кожи, хивинецъ та-🗫т азіатскія калоши. Напротивь, черезь улицу лежать груды арбу-⋙ , Дынь, луку и другой зелени; туть же въ одномъ домъ примсетымя мастерь, деревяннымь штампомь набивающій аляповатые узоры 🞫 бумажной ткани. Немного дальше вы встретите заводъ кунжутнаго месла, такую мазанку, какъ и всъ; сквозь отворенныя двери ея виденъ верблюдъ, вращающій песть въ большой деревянной ступъ. Рядонъ продають кирпичный чай, чурски, то-есть пресныя лепешки, рись, вакіе-то сухіе корешки и травы, разв'вшанныя гирляндами, какія-то снадобья, въ вид'в порошковъ; тамъ опять арбузы или ресторанъ съ дымящимися котлами и съ запахомъ горълаго сала. Картину дополняеть пестрал толна сустящихся около лавокъ людей. Тутъ и хивинцы въ полосатыкъ халатакъ, и каракалпаки; вонъ черкъетъ огромная яйцевидная папаха туркмена, а воть и киргизы съ красными платками на бритыхъ головахъ; въ толну замешался одинъ казакъ изъ сотни, стоящей въ Кунградъ... Все это споритъ, приценивается, кричитъ, где-то скрипить верблюдь, пищить козленокь, и весь этоть содомъ поврываеть отлушительный звонъ котельщиковъ, нещадно бьющихъ молотомъ по мълной посудъ.

На Аральскомъ моръ.

(Изъ Л. Берга и А. Никольскаго.)

Въ апръяв місяці я выбхаль изъ Ташкента, чтобы въ Казалинскі сділать всі нужныя приготовленія къ морскому плаванію. Нужно замітить, что въ Аральскомъ морі парового судоходства ність, да, собственно говоря, ність и никакого судоходства, если не считать шести рабочихъ такъ называемыхъ "кусовыхъ судовъ", не різшающихся отважиться на плаваніе въ открытомъ морів.

Большихъ трудовъ стоило достать у рыбаковъ подходящую лодку. Посль долгихъ разговоровъ, споровъ и переговоровъ я, наконецъ, нанялъ у одного изъ ссыльныхъ уральцевъ парусную лодку, длиною въ 5 саж. Это было крайне неуклюжее самодъльное судно, совершенно неспособное идти противъ вътра и въ такой степени подверженное качкъ, что при мальйшей зыби оно ложилось почти на бокъ, при чемъ людямъ приходилось порядкомъ терпъть. Лодка эта, приспособленная для перевозки соленой рыбы, а никакъ не для научныхъ изысканій, причинила мнъ впослъдствій много горя, но волей-неволей приходилось воспользоваться ею, такъ какъ ничего другого подходящаго не было. Къ этому нужно чрибанить, что кормчій мой и вмъстъ съ тъмъ хозяннъ лодки имълъ ъко весьма смутное представленіе объ употребленіи компаса.

Въ началѣ іюня, получивъ необходимые инструменты, я выѣхалъ на небольшой лодкѣ изъ Казалинска въ устья Сыръ-Дарьи. Отъ Казалинска до устьевъ 150 верстъ. Я проплылъ это разстояніе въ 4 дня и 12 іюня пріѣхалъ на Косаралъ—низменный островокъ среди необозримаго моря камышей.

12-го іюня производилась нагрузка лодки балластомъ, провіантомъ и инструментами. Команда моя, если можно такъ выразиться, состояла изъ пяти человъкъ: двоихъ русскихъ и троихъ киргизъ-матросовъ. Тъ, кто бывалъ въ киргизскихъ степяхъ, конечно улыбнутся, услыхавъ необычное сочетаніе словь—киргизъ-матросъ, понятій столь же чуждыхъ другъ другу, какъ ледъ и огонь. Но на берегахъ Арала это не такъ: нужда заставила киргиза идти въ услуженіе къ рыбакамъ и истаго сына степей, чьимъ кораблемъ мы привыкли считать верблюда, сдълала мореходомъ.

Когда всв приготовленія были закончены, утромъ 13-го числа мы при юго-западномъ ввтрв подняли паруса и вышли изъ устьевъ Сыръ-Дарьи въ море. Прежде всего я рвшилъ установить на берегахъ нвсколько футштоковъ, чтобы можно было впредь судить о степени убыванія и прибыванія моря. Діло въ томъ, что мнів удалось обнаружить, что Аральское море не убываетъ, какъ это общепринято думать, а наобороть, въ сильномъ размітрів прибываетъ. Явленіе это по всімъ признакамъ началось уже боліве десяти літь тому назадъ. Даліве мы должны были подойти къ устьямъ, наполнить бочки прівсной водой и затітьмъ уже приступить къ работамъ въ открытомъ морв.

Отъ устьевъ предстояло направиться къ острову Барса-Кельмесъ. Дулъ попутный вътеръ. Отъ вхавъ верстъ тридцать, я сдълалъ остановку: была опредълена глубина, оказавшаяся равной всего 15 метр. Вода здъсь имъетъ великолъпный синій цвътъ, который тъмъ болье поразилъ насъ, что у береговъ, близъ устьевъ, отъ которыхъ мы сейчасъ отъ вхали, вода была мутно-зеленая. И прозрачностъ здъсь довольно велика.

Къ вечеру на горизонтъ показался Барса-Кельмесъ. Это довольно большой островъ, отстоявшій отъ съверныхъ береговъ въ разстояніи 22 верстъ. Въ длину онъ имъетъ немного болье 20 верстъ. По-киргизски названіе его значитъ "поъдешь — не вернешься". Предыщаемые обильными кормами, киргизы часто по льду переправляются сюда со скотомъ. Неръдко случается, что, не успъвая во-время передъ весениимъ ледоходомъ убраться отсюда, они принуждены ждать слъдующей зимы. Эти случаи, повидимому, и послужили поводомъ къ наименованію острова. И во время моего пріъзда тутъ оказались киргизка и два сына ея съ 30 верблюдами.

Подъезжая къ берегу, мы еще издали заметили на возвышенности целое стадо мирно пасущихся сайгаковъ. Какъ только мы высадились,

они моментально скрылись въ середину острова. Очевидно, они сюда заходять съ берега по льду. Съверные берега острова плоскіе, песчаные. Они заросли въ изобиліи гребенщикомъ (тамарискомъ).

Почва острова песчаная или глинистая, со скудною растительностью, которая можеть удовлетворять только неприхотливаго верблюда. Животная жизнь также бъдна, птицъ совсемъ нетъ. Только ящерицъ и змъй довольно много.

26-го іюня мы вышли при сильномъ сѣверо-восточномъ вѣтрѣ къ острову Николая.

Островъ Николая пользуется дурной славой у мъстныхъ рыбаковъ и тъ немногіе, кому удалось побывать на немъ, считаютъ себя отважными мореходами. Впрочемъ, дурная слава установилась за нимъ основательно, потому что на этомъ пустынномъ островъ погибло и уже похоронено четыре человъка.

Въ 1881 году пытался плавать по морю казалинскій мѣщанинъ Кривохижинъ. Но его затья кончилась настоящей робинзонадой, только страгическимъ концомъ.

Кривохижинъ построиль морское судно "Кусовую" съ тъмъ, чтобы доставлять пшеницу и другія произведенія Хивинскаго оазиса съ низовьевъ Аму въ Казалинскъ. Въ одинъ несчастный день съ командой изъ 5 человъкъ онъ отправился въ Хивинскій оазисъ за хлебомъ. Тоть годъ оказался въ Хивъ неурожайнымъ, пшеница была дорога, и Кривохижинъ, чтобы не возвращаться безъ всякаго товара, пошелъ на необитаемый островъ "Николай" за саксауломъ, который продается въ Казилинскъ на дрова по 10 коп. за пудъ. Въ небольшой бухточкъ острова "Кусовая" съла на мель и притомъ такъ крвпко, что всв усилія стащить ее оказались напрасными. Нимало не медля, всв участники плаванія перебрались на берегь, перетащили туда все, что было нужно и можно, построили шалашъ и стали жить. Вскоръ вышла вся провизія. По русской безпечности Кривохижинъ не захватилъ съ собой ни ружья, ни удочекъ, никакихъ другихъ орудій, которыми можно было бы промыслить пищу. Поэтому нашимъ робинзонамъ оставалось только поглядывать на антилопъ, изъ любопытства подходившихъ въ ихъ лагерю, и на рыбъ, плескавшихся около берега. Такъ какъ поверхность острова представляеть клочокъ той же пустыни, какая на необозримое протяженіе тянется по берегамъ моря, не могло быть и різчи о приміненін изобратательности по образцу Робинзона. Глина, песокъ и саксаулъ мало могли принести пользы въ данномъ случав. Хорошо еще, что на "Ни-

чилась пръсная вода: могло и не быть ея. Къ счастю, въ чвохижина было двое виргизъ. Они-то и выручили экспедизная пустыню и ея растительность, они вспоинили объ в растеніи "чочимулдувъ", у котораго на корняхъ находится по одному клубню, вполнъ съъдобному и напоминающему по вкусу картофель. Этими-то клубнями и стали питаться Кривохежинъ и его рабочіе, когда быль съёдень послёдній сухарь. Такое существованіе, конечно не могло быть продолжительнымъ. Приходилось искать радикальное средство спасенія, потому что не было ни малівищей надежды на помощь со стороны. На Араль, кромь той самой "Кусовой", которая сослужила такую скверную службу, не было ни одного судна. Поэтому Кривохижинъ ръшился на отчалнную попытку: онъ задумалъ плыть къ берегу моря ни больше ни меньше, какъ на душегубкъ, бывшей при суднъ. Лодчонку покрыли сверху брезентомъ и, приколотивъ края его къ бортамъ, устроили нечто въ роде палубы. На носу противъ скамейки для гребца и на кормъ въ брезентъ проръзали по отверстю такой ширины, чтобы туда могь пролізть человінь. Затімь, когда въ душегубку быль положень запась чочимулдука, боченокь воды и компасъ, стали усаживаться люди. Двое киргизъ залъзли подъ брезентъ, русскій рабочій съль въ весла, а Кривохижинъ на руль, при чемъ тотъ и другой привязали веревкой къ поясу края отверстія въ брезентъ. Въ такомъ видъ мореплаватели тронулись въ опасный путь, придерживаясь курса на востокъ. Остальные двое рабочихъ, оба русскіе, не рискнули присоединиться къ своимъ товарищамъ и решили остаться на острове. Впрочемъ, все равно кому-нибудь надо было обречь себя на это, такъ какъ въ лодкъ было слишкомъ тъсно. Семь дней лодка носилась по морю. Уже въ началъ пути задулъ сильный вътеръ, волны перекатывали поверхъ лодки, и если бы не импровизированная палуба, первый такой валь залиль бы маленькую душегубку: руль все-таки быль смыть. Въ довершение несчастия не хватило чочимулдука; онъ былъ съеденъ до последняго клубня, вода также была выпита; но какъ разъ въ то время. когда смерть отъ жажды была не за горами, выпаль легкій дождь. Путешественники принялись сосать наможшее платье и брезентъ. Наконецъ, на седьмыя сутки они пристали къ берегу гдф-то между Аму и Сыръ-Дарьей. Но спасеніе было еще далеко. Пройдя пирокую полосу густыхъ камышей, они вышли въ песчаную пустыню Кизилъ-Кумъ. Долго тащились они по сыпучему песку. Кривохижинъ первый выбился изъ силъ; изнуренный голодомъ и жаждой, онъ упалъ. Остальные пошли дальше и вскоръ замътили вдали голову барана, торчавшую изъ-за верхушки холма. Тамъ оказалась одинокая семья киргизъ, пріютившаяся у колодца. Наскоро утоливъ голодъ и жажду, рабочіе Кривохижина захватили верблюда и отправились отыскивать своего хозяина. Къ ихъ радости, онъ былъ еще живъ. Ему дали немного воды, молока, затъмъ доставили въ киргизскую юрту, гдф онъ скоро поправился. Отсюда при содъйствіи киргизъ, или, върнъе, ихъ верблюдовъ, уже не трудно было 9 добраться до Казалинска. Чудомъ избавившійся отъ смерти Кривохижинъ считалъ своимъ священнымъ долгомъ употребить всѣ усилія, чтоби спасти двухъ своихъ рабочихъ, оставшихся на островѣ.

Немедленно по прибыти въ Казалинскъ, онъ телеграфировалъ въ Нетербургъ обществу спасанія на водахъ. Но что могло сділать общество въ этомъ случать? Оно, конечно, отвітило, что совершенно безсильно помочь горю.

Кривохижинъ однако не потерялся. Такъ посившно, какъ толькбыло возможно, онъ сталъ строить новую кусовую. Въ концв осени онъ окончилъ постройку, забралъ въ избыткъ провизіи и съ большей командой поплыль на выручку. Еще когда судно шло Сыръ-Дарьей, по рект плавали льдины. Кое-какъ все-таки Кривохижинъ выбрался въ открытое море. Но скоро кусовую затерло льдомъ, уже недалеко отъ "Николая", именно у острова Барса-Кельмесъ, гдъ и пришлось зазвисвать. Ранней весной, какъ только позволили льды, мореплаватели пошля дальше и на другой день бросили якорь у острова "Николая". Но уже было поздно. На берегу бухты они увидели такую картину: все такъж накренившись на бокъ, стояла "Кусовая", на земя близъ моря лежаль высохиній трупъ одного изъ несчастныхъ; недалеко отъ него на возвышеніи стояль саксауловый кресть; подъ нимъ, очевидно, быль похороненъ второй рабочій. Около трупа лежала палка, на которой зарубками отмінались прожитые дни. Шесть місяцевь насчиталь Кривохижинь на этой палкъ. Послъдняя зарубка была сдълана за 40 дней до прибытія запоздавшаго спасенія. Кривохижинъ похоронилъ несчастнаго подлів его товарища, затъмъ снялъ съ мели "Кусовую" и съ двумя судами вернулся въ Казалинскъ.

Сравнительно недавно раскольники-уральцы рішили, что не можеть быть лучше мізста, гдіз бы спасаться вдали отъ мірской суеты, и постановили устроить здёсь свить. Съ этою цёлью осенью 1897 года трое уральцевъ съ дътьми отправились на двухъ кусовыхъ на островъ "Николая". По пути поднялась буря и разбросала лодки въ разныя стороны: одну изъ нихъ разбило у острова Барса-Кельмеса, люди же успълн выбраться на берегь и остались туть зимовать. Другая лодка, на воторой вхаль старикъ леть 60-ти и молодой парень вивств съ охотинками за сайгаками, благополучно прибыла къ острову Николая. Охотнеки, набивъ сайгаковъ, убхали, оставивъ уральцевъ на островъ. Здесь последніе вырыли себе землянку, которая стоить и до сихъ поръ. Весной 1898 г. изъ Казалинска послали имъ на кусовой провіанть съ уральцемъ Горфловымъ. Пріфхавъ, онъ направился къ землянкъ, но засталь ее запертою. Черезъ окно были видны хлъбы на столъ. Сколько ни стучались, добиться ничего не могли. Когда выломали дверь, на кровати чашли парня мертвымъ, а возлъ землянки оказалась поблизости могиза рика. Отчего они умерли-неизвъстно, въроятно, съ тоски, потому

что провіанть у нихъ не вышель. За барса-кельмесскими пустынниками еще въ 1897 году отправился брать Горѣлова, но его постигла та же участь, что и ихъ. У береговъ Барса-Кельмеса кусовую разбило, но люди спаслись. Пришлось ему зимовать здёсь вмёстё со старцами. Когда море стало, Горѣловъ по льду прошелъ въ устья Сыръ-Дарьи. Братъ его, весной 1898 года возвращаясь съ острова Николая, забралъ и невольныхъ сидѣльцевъ на Барса-Кельмесѣ. Съ тѣхъ поръ больше никто не рѣшается ѣхать спасаться на островъ Николай.

Природа острова не отличается богатствомъ. Узкая береговая полоса покрыта зарослями гребенщика и саксаула. Внутренность острова представляеть собою невысокое плоскогорье, покрытое скудной солончаковой растительностью. Только общирныя стада быстроногихъ сайгаковъ оживляють эту пустынную мъстность. За ними-то и прівзжають сюда промышленники изъ Казалинска.

Татары зачёмъ-то скупають рога этихъ животныхъ и, какъ говорять, отправляють въ Китай. Цёна сравнительно высокая: за пару дають иногда до 5 рублей. Какъ много сайгаковъ на островъ, можно судить по тому, что одинъ промышленникъ весной 1897 года собралъ до 1.500 паръ роговъ. Убивають только самцовъ, у которыхъ снимаютъ рога, а тушу и шкуру бросають.

1-го іюля я оставиль островъ Николая, чтобы отправиться къ западному берегу. Это была самая рискованная часть моего плаванія, потому что западные берега обрывисты, скалисты и решительно нигде нетъ гаваней или заливовъ, где бы можно было укрыться въ случае непогоды.

4-го іюля мы высадились на западномъ берегу. Здівсь находится область небольших в глубинъ моря, отъ 32 до 67 метровъ. Во всей же восточной части моря глубины не превышають 31 метра.

Западный берегь съ моря очень красивъ. Глыбы нагроможденнаго въ хаосъ краснаго известняка, расщелины и овраги, поросшіе зеленымъ камышомъ, красивыя сочетанія цвѣтовъ,—все это радовало глазъ послѣ успѣвшаго наскучить однообразія морского пейзажа и унылой монотонности плоскихъ восточныхъ береговъ. Мы ждали берега съ тѣмъ большимъ нетериѣніемъ, что вода у насъ начала портиться и мы надѣялись найти свѣжей. Дѣйствительно, мы нашли здѣсь источникъ съ прекрасной чистой водой. На верху обрыва, представляющемъ собою восточный край Усть-Урта, предъ нами разстилалась невеселая картина—повсюду ровная, однообразная, безводная глинистая пустыня. Человѣческаго жилья нигдѣ нѣтъ на сотни верстъ кругомъ. По краю обрыва проходитъ караванная дорога изъ Уральска въ Хиву. Отсюда я направился далѣе къ сѣверу вдоль западныхъ береговъ.

Уже около мізсяца мы путешествовали по безлюднымъ мізстамъ пи-

тимь на лодку взять нельзя. Необходимо было зайти въ одинизъ населенныхъ пунктовъ, чтобы запастись свежимъ провіантомъ. Я ръшилъ направиться къ полуострову Куланды. Вечеромъ, показавъ рулевому направленіе по компасу, я легь спать-удовольствіе, котораго не позволяль себв уже въ теченіе целой недели, такъ какъ ночью не давала спать качка, а весь день уходиль на промеры. Къ утру я вадъялся быть на Куландахъ. Однако вышло иначе. Рулевой, уставъ отъ безсонныхъ ночей, последовалъ моему примеру и, сидя у руля, сладко заснуль. Вътерь быль сильный, съверо-западный, и лодка, никъмъ ве управляемая, конечно, понеслась по вътру. Рулевой, проснувшись въ 2 часа ночи и увидъвъ, что дъло совсъмъ плохо, разбудилъ насъ. Измъривши глубину, мы нашли 25 метровъ, тогда какъ у Куландовъ долже было быть всего 10. Гдв мы находились, решить было невозможно. Начего не оставалось болье, какъ бросить якорь. Между тымъ вътеръ кръпчалъ съ каждой минутой. Сквозь темноту кругомъ ничего не было видно, а до разсвъта было еще далеко. О снъ нечего было и думать. Насъ бросало изъ стороны въ сторону, и волны клестали на палубу. Съ нетеривніемъ ждаль я восхода солнца. Наконецъ востокъ побівлькь, и мы увидели верстахъ въ 10 полоску у берега — это былъ островъ Барса-Кельмесъ.

Черезъ два дня мы дождались попутнаго вътра и 12-го іюля пристали къ Куландамъ. По берегамъ мы всюду видъли затопленные кусты гребенщика—несомнънные слъды прибыванія моря.

Полуостровъ Куланды—мъстность довольно оживленная. Лътовъ тутъ много рыбаковъ, прівзжающихъ сюда изъ Казалинска, а на зиму сюда прикочевывають киргизы. Многіе изъ нихъ промышляють рыбної ловлей, добывая шипа подъ льдомъ длинными въ 6—7 саженъ острогами.

Предстояло отправиться въ дальнъйшій путь, чтобы проъхать вдоль всего моря, что составляеть разстояніе въ 180 верстъ.

Въ полдень 18-го іюля мы пришли къ острову Меньшикова, лежащему у восточныхъ береговъ моря между устьями Сыръ- и Аму-Дарыв. Живутъ здѣсь рыбаки-уральцы. Почва песчаная, покрытая вустаривками. Вслѣдствіе прибыли воды въ морѣ на островѣ въ затопленныхъ мѣстахъ развелось необыкновенное количество комаровъ, отъ которыхъ ни днемъ, ни ночью не было спасенія. Верблюды, принадлежащіе рыбакамъ, уходять съ вечера по морду въ море и въ такомъ положенія остаются до утра.

Когда мы высадились на берегь, старикъ-рыбакъ посовътоваль наизвавести лодку за островъ въ бухту, предупреждая, что мы выбрали неудобную стоянку на случай бури. Но мы не послушались его, такъ какъ небо было безоблачное, ясное, а вътра совсъмъ не было, и мы рако улеглись спать на берегу. Дъйствительно, всю ночь было совершенно

тихо, какъ вдругъ, въ 6 часовъ утра, внезапно налетелъ сильный съверо-западный вътеръ. Мои матросы немедленно поспъщили на лодку, чтобы сдёдать всё нужныя на случай бури приготовленія. Съ берега видно было, какъ суетились на палубъ матросы, кръпели веревки и свертывали паруса. Лодка качалась на волнахъ такъ, что мачты почти ложились на воду. Вдругъ я замізтиль, что якорный канать лопнуль и лодку понесло въ берегу. Одинъ моментъ, и она разбилась бы вдребезги о прибрежныя мели и вмъстъ съ ней погибли бы всъ плоды моихъ двухивсячныхъ трудовъ. Въ это время матросы, напрягая всв свои силы, успъли бросить другой якорь и закръпить канать; лодка стала. Рулевой, желая събхать на берегь, умудрился какъ-то състь въ маленькую подъёздную лодочку, которая была привязана канатомъ къ большой. Однако вътеръ, который все кръпчалъ, достигъ такой силы, что пристать въ берегу все равно было немыслимо. Рулевой намівревался уже перебраться обратно въ большую лодку, какъ вдругь порывъ вътра оборвалъ канатъ и перевернулъ его лодочку. Голова рулевого мелькнула въ волнахъ возлв лодки и скрылась.

Помочь ему мы были безсильны: у берега волны такъ бурлили, что выплыть не было никакой возможности. Опрокинувшуюся лодку волнами и вѣтромъ стало прибивать къ берегу и вдругъ мы увидѣли, что на одномъ концѣ ея, уцѣпившись, повисъ нашъ рулевой, котораго мы считали погибшимъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ здравый и невредимый сушился на берегу.

Между тъмъ вътеръ достигъ необычайной силы; стало очевидно, что еще немного, и якорный канатъ на большой лодкъ снова лошетъ. Чтобы облегчить лодку, было ръшено выбросить часть груза, и вотъ сначала полетъли въ море мъшки съ пескомъ, служившіе балластомъ, затъмъ лъсъ и наконецъ мука, провіантъ и прочее. Не знаю, чъмъ бы это кончилось,—быть можетъ, очередь дошла бы затъмъ и до ящика съ инструментами, но очевидно стихіи сжалились надъ нами и вътеръ началъ понемногу стихать...

1-го августа я вътхалъ, наконецъ, въ устъя Сыръ-Дарыи и черезъ нъсколько дней былъ въ Казалинскъ.

Усть-Уртъ.

(А. Никольскаго.)

Мой путь лежаль отъ Кунграда прямо на съверъ мимо Аральскаго моря, чрезъ верховья р. Эмбы по направленію къ Оренбургу. На верблюдахъ здъсь приходится идти верстъ 700 до Темирскаго укръпленія, иначе называемаго Каракамышъ; отсюда до Оренбурга можно вхать уже на почтовыхъ.

Я охотно отмітиль бы этоть маршруть названіями промежуточных пунктовь, да никакихь другихь пунктовь по дорогів не существуєть. На подробныхь картахь, впрочемь, вся степь на сіверь отъ Арала испещрена тюркскими названіями, но это или колодцы, по большей части изсякшіе, или просто "урочища", т.-е. участки степи, въ преділахъ которыхъ кочують опреділенные киргизскіе роды. На старыхъ картахъ изображены вдівсь даже озера; но отъ нихъ не осталось и лужъ: все высохло, и только послів таянія снітовь на місяць или на два на ихъ містів скопляется немного вешней воды. Даже Эмба въ своихъ верховьяхъ изсякаєть въ конців літа.

о тельть или о верховых лошадяхь нечего было думать. Только один верблюды, оправдывая свою славу "кораблей пустыни", могуть довольствоваться той чахлой полынью, какая растеть на протяженіе 10-15 дней караванной дороги. Въ летнее время степь между Араломъ и верховьями Эмбы абсолютно пуста: кромъ изръдка проходящихъ каравановъ, здесь на разстоянии несколькихъ сотъ верстъ не попадается ни единой живой души. Въ концъ лъта, когда высыхають хаки, или степныя лужи, путешественникъ по трое сутокъ не встречаетъ не капли воды. Словомъ, географъ, описывая эту мъстность, съ полнымъ правомъ можеть сказать, что тамъ ничего нівть, и этого будеть достаточно, чтобы дать довольно полное представление о ней. Нътъ ни людей, ни животныхъ, ни травы, ни воды и, если хотите, ивть даже настоящей земли: одна твердь небесная да голая, растрескавшаяся на солнцв глина. Этимъ-то живописнымъ пейзажемъ мив предстояло любоваться съ высоты верблюжьяго горба не менве двухъ недвль, въ сообществъ одного проводника киргиза.

Я бралъ съ собой трехъ верблюдовъ, а чтобы не сидъть верхомъ, я пріобрълъ для себя особую ворзинку съ навъсомъ, сдъланную изъ дощечевъ и ивовыхъ прутьевъ. Въ ней можно сидъть, протянувъ ноги впередъ; если же согнуться въ три погибели, то можно и лежать. Такая корзинка, напоминающая по формъ кузовъ крытыхъ дътскихъ колясовъ, нодвъшивается сбоку верблюда; съ другой стороны горба она уравновъшивается кладью. Необходимо, чтобы съ объихъ сторонъ верблюда грузъ имълъ хотя бы приблизительно одинаковый въсъ, иначе одна сторона станетъ перетягивать и весь вьюкъ можетъ свалиться.

Снарядившись такимъ образомъ, мы, наконецъ, выступили въ походъ вмѣстѣ съ проводникомъ киргизомъ, молодымъ парнемъ Ахметомъ. Это было 12 іюля. Хозяинъ проводилъ насъ до окраины города. Дальше мы поплелись вдвоемъ съ Ахметомъ.

Если кого укачиваеть въ морѣ, то же самое будеть съ нимъ и на одѣ, въ особенности, если онъ ѣдеть въ корзинкѣ; другими слоутешественникъ, подверженный морской бользни, будеть испытывать всв ея последствія среди пустыни, где на сотни версть неть ни капли воды. На меня почти не дъйствуеть качка въ моръ, но здъсь первое время начинало мутить, и даже довольно ощутительно. Сначала разбирало также большое сомивніе насчеть устойчивости выока моего верблюда. Вдругъ все это полетить на землю!-думалось мнв. Хорошо еще, если багажъ перетянетъ; а что если я окажусь внизу и съ высоты горба на меня обрушится 4-пудовый тюкъ, этотъ ящикъ съ острыми ребрами, окованными железомъ... Однако все эти страхи скоро миновали, да и тошнота прошла, такъ что уже на третьемъ переходъ я чувствоваль себя, какъ будто родился киргизомъ. Медленно и методически шагали верблюды; съ тою же правильностью качалась моя дюлька. Впереди такалъ Ахметка, за нимъ шелъ мой верблюдъ, сзади всъхъ пледся запасный, и всъ мы были связаны другъ съ другомъ. Въ своей корзинкъ и изображалъ собою не больше, какъ кладь, которую Ахметка взялся доставить въ Каракамышъ. Я могь только выражать свои желанія, и это было единственное мое отличіе отъ неодушевленнаго предмета. Самостоятельно я не могь ни остановить своего верблюда, такъ какъ онъ былъ привязанъ къ переднему, ни тъмъ болъе слъзть съ него, такъ вакъ для этого надо было остановить и положить его. Сквозь овальное отверстіе нав'вса я вижу кусочекъ степи, переднюю ногу верблюда, его шею и отъ времени до времени вижу, какъ изъ-за кузова корзинки выставляется мозолистая лапа задней ноги. Сквозь дырочки, которыя я продълаль по бокамь крышки, слева мив представляется видъ на степь, а справа столь же живописный видъ на верблюжьи горбы, одітые грязной кошмой. Сначала меня сильно донималь запасный верблюдъ. Это было тощее животное, съ кожей, покрытой какими-то бользненными чесоточными наростами. Всю дорогу онъ думаль только о томь, какъ бы почесаться, а такъ какъ въ степи, кромъ другихъ нашихъ верблюдовъ, ничего подходящаго для этой цели не было, то при мальйшей остановив или даже на ходу онъ норовиль подобраться къ моей корзинкъ и всякій разъ начиналь тереть объ ея край свою корявую спину. Корзинка трещала и, что хуже всего, подъ напоромъ гроба поднималась кверху, а вьюкъ опускался внизъ; однимъ словомъ, грозило сальтомортале, котораго я такъ боялся сначала. Шомполомъ отъ ружья я прогонялъ несносную животину; но какъ ни въ чемъ не бывало, верблюдъ переходилъ на другую сторону и начиналъ чесаться о вьюкъ. Еще того хуже! Тогда я опускался внезъ, а тюкъ собирался обрушиться на меня своей 4-пудовою тяжестью. Приньлось перевести этого любителя чесаться въ середину, а меня въ хвостъ каравана, но на остановкахъ продолжалась та же исторія, и вообще этоть возмутительный верблюдъ причинилъ намъ много хлопотъ, а пользы отъ него не было С ни на грошъ, такъ какъ всю дорогу онъ только и дълалъ, что чесался.

Въ концъ второго дня пути по кругой узкой тропинкъ мы подкане на ровное, какъ полъ, плато Усть-Ургъ, отдъляющее Аралъ отъ Касплоткула передъ нами открылся видъ на море. Когда мы взопили на Устургъ, было тихо. Какъ зеленое стекло, блестъла гладкая поверхност Арала. На моръ ни паруса, ни чайки, никакой другой птицы. Всог пусто, мертво и тихо. Такая же мертвая однообразная пустыня подходить къ берегамъ Арала. Насколько хватаетъ глазъ, вдоль беретанется кругой обрывъ Усть-Урта, сърый, мрачный и мертвый. Нихъ ни кустика, ни зеленой травы, ни ручья; не слышно щебетанія птигъ не стрекочутъ кузнечики. Словомъ, какъ на морѣ, такъ и на беретнъть инчего. Тамъ одна вода, здъсь голая глина.

Берегомъ Арала мы шли не более часу. Забравъ воды изъ колодъ въ уступе обрыва Усть-Урта, мы направились въ глубъ степи. Потякулись дни за днями; началась однообразная дорога; завтра, какъ сетедня; после-завтра, какъ завтра; все та же ровная, какъ полъ, глинстая степь, широкая, какъ море, и голая, какъ ладонь. Ни малейше бугорокъ, ни одинъ кустикъ не разнообразять этого унылаго пейзака. Степь впереди, степь сзади и, куда ни взглянете, до самаго горизонта все степь и степь, покрытая синимъ куполомъ безоблачнаго неба.

Изредка изъ-подъ ногъ верблюда выпорхнетъ грязно-желтый, какъ глина, крошечный жаворонокъ, Богъ знаетъ зачёмъ поселившійся здісь. Одинъ разъ вдали, какъ тёни, промелькнули три антилопы-сайги в какъ бы растаявъ, скоро исчезян въ пустынѣ. Гдѣ-то посрединѣ дероги мы встрѣтили стаю грифовъ, сидящихъ около растерзаннаго трушпавшаго верблюда. Вотъ и всѣ обитатели этой страны глины, которых мы видѣли въ теченіе девяти дней пути. Здѣсь только становится понятнымъ, что значатъ "корабли пустыни". Дѣйствительно, надо тольку удивляться, какъ могутъ верблюды, при всей ихъ неприхотливость, поддерживатъ свое существованіе въ здѣшней степи.

Правда, присмотръвшись къ ея поверхности, не трудно убъдаться что она не такъ уже года, какъ кажется съ перваго взгляда: на не все-таки есть растительность. Но что это за растительность! Кое-гдъ торчать былинки выжженной солнцемъ полыни, высотой около треть вершковъ и, во всикомъ случать, не больше четверти аршина. Онъ такого же грязнаго цвъта, какъ сама глина; поэтому онъ и не замътны при поверхностномъ взглядъ. Къ тому же, нельзя сказать, чтобъ былины эти слишкомъ жались другъ къ другу. Мъстами одна отъ другой растеть не ближе, какъ на аршинъ, а въ промежуткахъ чистъйшая глинь.

Воть этимъ-то призракомъ травы и питается верблюдъ. Сколько надо ему отдъльныхъ травинокъ, сколько щипковъ долженъ онъ сдълать, сколько версть нужно пройти ему по степи, чтобы набить свой трегътажный желудокъ! Между тъмъ и на этомъ подоби корма, безъ вод

въ теченіе 4, даже 6 сутокъ, верблюдъ идетъ, да еще какъ идетъ! Мы выступали обыкновенно вскорт послт полуночи. Начнется разсвътъ, я ужъ выспался въ своей корзинкъ; а верблюды все еще идутъ. Опять засну, снова проснусь, уже солнце начинаетъ печь, а верблюды все идутъ да идутъ. Незадолго до полудня мы останавливались часа на два варить объдъ, а затъмъ снова шли до самаго вечера. 14 часовъ въ сутки изо дня въ день двъ недъли шагали наши верблюды; на остановкахъ, котя и безъ выока, они все-таки бродили по степи, отыскивая призраки пищи. Едва ли они отдыхали болъе двухъ-трехъ часовъ въ сутки. Такъ работали наши "корабли пустыни". Что же дълали мы сами? А вотъ что.

Ахметка, въ качествъ спеціалиста, быль въ нъкоторомъ родъ начальникомъ движенія. Онъ назначаль мъсто остановокъ, время выступленія и проч., такъ какъ онъ одинъ зналъ положеніе колодцевъ, зналъ дорогу, или, върнѣе, чутьемъ угадывалъ, куда надо идти; мъстами не было никакого подобія тропинки. Чъмъ руководствовался въ этихъ случаяхъ Ахметка, Богъ его знаетъ. Ночью, должно быть, звъздами, или вътромъ, съ вечера до утра дующимъ здѣсь въ одномъ направленіи; а днемъ, въроятно, солнце показывало ему дорогу, а, можетъ быть, жаворонки, или полынь, или вонъ тотъ уголокъ отставшей отъ земли глиняной плитки, какъ знать?

Киргизы, какъ истыя діти пустыни, знають ее, какъ собственную нагайку. Тамъ, гдіз для посторонняго природа пустыни молчить, киргизъ ясно слышить ея голось. Могь ли я посліз этого вмішиваться въ распреділеніе времени въ дорогіз? Положимъ, я хочу іхать, а Ахметка заявляеть, что въ этомъ мізстіз надо идти только въ то время, когда солнце будеть на три нагайки отъ земли, или когда Джитты-карабчи*), Большая Медвіздица, своимъ хвостомъ подойдеть къ земліз на высоту трехъ верблюдовь. На вопросъ—почему? онъ можеть отвітить, что въ такомъ только случать на ночевку придемъ какъ разъ къ колодцу, или на остановкіз кормъ будеть лучше.

Обыкновенно еще задолго до разсвъта, иногда ровно въ полночь онъ подходилъ къ моей корзинкъ и со словами: "тамыръ (парень или господинъ), айда!", дергалъ меня за ногу. Это означало, что "тамыръ" долженъ былъ вставать и идти выочить верблюдовъ.

"Тамыръ" вдвоемъ съ Ахметкой поднималъ на горбъ сидящаго верблюда 4-пудовый тюкъ, затъмъ подставлялъ подъ него свою спину, а Ахметка переходилъ на другую сторону верблюда связывать съ выскомъ

^{*)} Джитты-карабчи въ переводъ значить семь воровъ. Эти семь воровъ, по представлению киргизъ, бъгаютъ вокругъ желъзнаго кола (Темиръ-кызы) или поляр-кой звъзды.

25 Fig. 250 + Bil-TI TOE [433, T. F 3110 **4** 2007.64 THE FILLS. H III BEIN. जा के बार्क एक THE BUTCHE ΞΞ Σ Ξ56 p!3in the state of th T. ISI III erer **e** ecc. MEETS TOPS. THE BUTH and the limits E FITTINE, and the first тта багычы mits i pic-Z. 355 55 81-rateur reel THE FILES. YOU'S ा ३ १ १ १ में छल् 2775 55 938 т т чж. По-→ лише спар-### 2.775.70% Ha-HALL F THE LOCKETTS

Digitized by GOOGLE

n. Etal Langua no. E eliga va en en el Estada de . E el "Чокъ якши" (очень хорошо), — говоритъ Ахметка, прибавляя тудаже сахару.

Должно быть, это было дъйствительно "човъ якши", потому что съ тъхъ поръ мой ученикъ неизмънно придерживался этого новаго способа приготовленія чая и скоро перевелъ весь экстрактъ.

Что касается нашего туалета въ дорогѣ, у Ахметки его не полагалось, да и я очень скоро приблизился къ такому киргизскому идеалу. Только у колодцевъ, стало быть, дня черезъ два-три, я мылъ руки; это было все, чѣмъ отличался я въ отношеніи туалета отъ своего спутника. Въ промежуткахъ между колодцами такую роскошь нельзя позволить изъ экономіи въ водѣ, а беречь воду намъ приходилось, въ особенности потому, что Ахметкинъ турсукъ еще въ началѣ пути прорвался.

На Усть-Уртѣ въ теченіе 9 дней пути только одинъ разъ мы встрѣтили "хакъ". Это была лужа не больше обѣденнаго стола и въ 1½ вершка глубиной, такъ что воду приходилось чрезвычайно осторожно снимать сверху, какъ сливки, при помощи блюдечка; безъ такой предосторожности со дна поднималась глинистая муть. Хотя поверхность лужи отливала зеленцей плѣсени, но, къ моему удивленію, вода, сравнительно съ колодезной, оказалась превосходной; во всякомъ случаѣ, она имѣла совершенно прѣсный вкусъ, а легкому букету плѣсени можно было не придавать особаго значенія.

Я спалъ не раздъваясь и всъ 14 дней до самаго Каракамыша ни разу не умывалъ лица. Словомъ, мы жили совершенно по-киргизски.

Такъ протекала наша кочевая жизнь. Какъ уже сказано было, часовъ 14 въ сутки мы шли. Собственно шли-то верблюды, а мы, сидя на нихъ, глазъли по сторонамъ, подмъчая каждую былинку полыни, если она повыше другихъ вершка на два, или просто-напросто спали. Впрочемъ, надо правду сказать, что спалъ больше я; Ахметкъ же, хотя онъ и выросъ на верблюжьихъ горбахъ, все-таки не слишкомъ удобно было лежать со свъсившейся внизъ головой. Поэтому на мъстахъ ночевки при первой возможности онъ постилалъ на землю халатъ тамъ, гдъ стоялъ передъ этимъ, ложился и мгновенно засыпалъ, а я отправлялся бродить по степи.

Удивительныя ночи бывають въ здёшней пустынё! Звёздныя, теплыя и тихія, тихія! Какъ теперь помню одну такую ночь, когда меня особенно поразила тишина. Можно описать какой угодно шумъ, крикъ, звонъ, но какъ описать тишину, въ особенности ту абсолютную тишину, какая бываетъ здёсь ночью. Ни малёйшаго звука! — вотъ и все. Въ другихъ мёстахъ, какъ бы тихо не было, всегда можно открыть хоть какой-нибудь звукъ. Если тихо въ комнатъ, вы все-таки слыщите или гулъ, доносящійся съ улицы, или чириканье сверчка за печкой. Если

этого ректь, ку, тараканъ шуршить по обоямъ, или, наконецъ, гулт

не от при на провет на при на проставить денеть привнеть сонная птица, прожужжить летац жал, полькоть комарь, а не то такъ раздается одинь изъ такъ н и чиковъ, камиственныхъ ночныхъ звуковъ, происхожденіе которыхь п да по одисиму Богу. Словомъ, вездъ и всегда слышно хоть что-нибуль , семер мичего, такъ-таки ровно ни малъйшаго звука. Да и откл жыль, я ому въ тихую ночь среди спящей пустыни, когда воздухь о жераненно неподвиженъ! Тихо такъ, что, когда я зажегъ спичку и под наль он надъ головой, пламя стояло безъ движенія, какъ въ комеать , но не та минутная удушливая тишина, какая бываеть у насъ перед грозой. Здесь дышится легко, воздухъ чисть и спокоень. Вы чувствует что такъ будеть всю ночь, такъ можеть быть и завтра ночью, и посл завтра, и цѣлыя недѣли, пока не разыграются стихіи, а стихіи играют затьсь больше зимой. Я бродиль по степи и, глядя на серпъ молом луны, думаль, что, должно быть, только тамъ, на лунь, гдъ нъть я атмосферы, ни жизни, бываеть такъ же тихо, какъ здівсь ночью. бродиль и прислушивался, не зашуршить ли гдь, бытая по глинь, хо бы фаланга, но и ея не было.

Вонъ бѣлѣетъ врышка моей ворзинки, а рядомъ, навѣрно, спятъ Ахметка. Но и тотъ не храпитъ, и даже не сопитъ, иначе было бъ слышно за нѣсколько верстъ. Нагнувшись, я вижу на небѣ червы силуэтъ нашего верблюда, беззвучно, какъ привидѣніе, шагающаго петепи. Вонъ, опустивъ голову внизъ, стоитъ и другой. Чтобы нарушит мертвую тишину ночи, я крикнулъ, но и самъ испугался собственной дерзости. Звукъ замеръ мгновенно безъ малѣйшаго эхо. Ахметка отоввался на крикъ... и опять стало тихо.

Я еще ничего не сказаль о нашихъ встрвчахъ съ людьми во врем дороги. Ихъ было немного. Гдв-то на срединв пути мы повстрвчал длинный караванъ, направлявшійся въ Хиву изъ Оренбурга съ грузовъ чугунныхъ котловъ, тагановъ и какихъ-то ящиковъ. Караванъ сопревождали четверо киргизъ, загорвлыхъ, какъ мы съ Ахметкой, оборванныхъ, какъ нищіе на картинкахъ, и голодныхъ, какъ шакалы последнее было видно по ихъ лицамъ. Каждый поочереди, по мърт того, какъ равнялся съ нами, неизменно задавалъ вопросъ: "шуны су баръ-ма? (есть-ли тамъ вода?) Они спрашивали о хакъ, который мы прошли наканунв и въ которомъ не нашли ни капли воды. Такъ какъ приблизилось время дневной остановки, я предложилъ киргазамъ сдёлать привалъ съ цёлью напоить ихъ чаемъ. Они выпиле ва чайника, съёли изрядное количество сухарей и, какъ потомъ зазалось, ухитрились прорезать мёшокъ и утащить у насъ все су-

шеное мясо. Мы остались при одномъ фаршъ, который, къ счастію, лежалъ отдъльно.

Другой разъ, уже въ вонцѣ дороги, насъ разбудилъ однажды утромъ окрикъ нѣсколькихъ голосовъ. Проснувшись, мы увидѣли вокругъ себя цѣлую орду киргизъ на верблюдахъ. Тутъ были и старики, и молодые, и нѣсколько женщинъ. Мужчины обступили Ахметку и принялись допрашивать его, какъ и что. Судя по тому, что при этомъ они ежеминутно заглядывали въ мою корзинку, допросъ касался меня. Ахметка съ важнымъ видомъ вполголоса отвѣчалъ на вопросы своихъ соплеменниковъ. Должно быть, онъ вралъ преисправно, если судить по тому, что киргизы въ отвѣтъ на его слова прищелкивали языками, качали головами, ахали и все съ большимъ и большимъ любопытствомъ заглядывали въ мою корзинку.

Пока шли эти разговоры, нашъ запасный верблюдъ, сообразилъ, что не слъдуеть упускать такого прекраснаго случая почесаться, и потому, подойдя втихомолку къ своему новому знакомому, на которомъ сидъли двъ киргизки, началъ тереть свою корявую спину объ ихъ кошемное сидънье. Сидънье сползло на бокъ, бабы начали падать и, цъпляясь за кошму, завизжали на всю степь, а мужчины принялись хохотать. Когда, наконецъ, Ахметка отвелъ несносную животину въ сторону, я, чтобы чъмъ-нибудь вознаградить перепуганныхъ дамъ, подарилъ имъ двъ перламутровыя пуговицы отъ блузы и столько же пустыхъ револьверныхъ патроновъ, и мы разстались друзьями. Навърно, все это киргизки подвъсять себъ на кончикъ косы.

Почти восемь сутокъ отъ самаго Аральскаго моря шли мы ровной, какъ полъ, глинистой степью. Казалось бы, что, пройдя такую обширную равнину, путешественникъ долженъ будетъ подниматься въ гору, между тымъ на девятый день мы подошли къ крутому спуску: то быль съверный край плато Усть-Урта, по которому мы шли до сихъ поръ. Впереди, какъ въ туманъ, виднълись неясныя очертанія Мугоджарскихъ горъ; внизу разстилалась другая степь, но уже много болве оживленная. Полынь была гуще, мъстами попадалась даже зеленая трава и низкій кустарникъ. Степныя пиголицы, стан черныхъ жаворонковъ, мелкіе сокола-все это свидітельствовало, что здітсь кончается среднеазіатская пустыня и начинается черноземная степь предгорій Урала. По мірів нашего движенія къ сіверу, ночи становились замітно свіжіве, въ особенности мнъ колодно было на ходу въ корзинкъ. Не помню, въ какой по счету день перешли мы Эмбу. Во всякомъ случать, это было совершенно незамътное событіе: верблюды просто перешагнули черезъ нее, не замочивъ дапъ. Наконецъ, на 14-й день среди ровной степи показались крыши Темирскаго укръпленія. "Начальникъ кибитъ", прого ворилъ Ахметка, указывая нагайкой по направленію самой высоко

rop:

вухъэтажный домъ убзднаго взод ворецъ назовуть кибиткой, развъ въ Карамышъ я распрощался на почтовыхъ чрезъ Илецкую Сосенбурга.

HCH-HCH-

EDIT.

пргизскихъ степяхъ.

М. Леваневскаго.

тени весной. Апрёль, май и начало іюня—это выпредельная степная ширь, сохраняя въ себъ тешить глаза свёжестью зелени. Солнце жесть, какъ въ іюлё и въ августв. Воздухъ лешый пахучій вътерокъ сорвется откуда-то со верхушками ковыля, пропадеть вдали.

- штатель, этимъ дивнымъ временемъ, сядемъ верхомъ __ _ _ _ _ _ и т совершимъ маленькое путешествіе въ степь, распре-- - такомъ порядкъ: проъдемъ сначала безводную часть - - сему озеръ, ръкъ, солонцовъ, песковъ, лъсныхъ зарослей - зувитейся отъ зимняго сна землей раскинуто голубое небо. да в туть заметный весенній ветерокъ несеть легкія облачка. да така, пробивансь сквозь нихъ, какъ черезъ легкую прозрачную такія світо-тіни въ степи, что ність возможности за отъ всего, что только можеть окинуть зритель своимъ вос-- жез оких взглидомъ. Вотъ уже болбе двукъ часовъ вдемъ безводною тель и за одной минуты не умодкаль жавороновъ. Да ихъ туть такая высть, что кто не видъль степи весной, тоть не можеть себъ этого и предпакть. Не мен'ве шести породъ жаворонковъ оживляють степь съ утра до вечера своимъ пъніемъ. Куда ни взглянешь, всюду видишь, какъ за жазоронокъ поднимается за другимъ въ небесную высь и поетъ, темпей спускается въ земль и тоже поеть, третій маленькой точкой за за зетем на лемлъ между зеленой травкой и тоже поеть. Пъсни высово так по вы пеоб, прени нады землей, прени на самой землю сливаются жь стиу диниую идохновенную песнь, которая действуеть на зрителя до ---- упонтульно, что онъ невольно умиляется душой.-- Но что это за со справа и слева отъ насъ летять почти надъ самой землей. ка навстрачу, и по мара того какъ разстояние между ними

нодинмаются все выше и выше и наконець, сдетввшись, оргаться въ воздухъ, издавая какіе-то хриплые звуки?

Это степной лунь. — Жаворонки на минутку пріутихли, затемъ снова начали свою пъснь.

Изъ-за куста чіевника, услышавъ близкій топотъ коней, выбъжала ожерельчатая дрохва и, въполъоборота смотря на всадниковъ, иноходью убъгаеть въ сторону. Киргизы называють эту птицу "джурга", иноходецъ. Чуть только она исчезла изъ глазъ, это значитъ, что она съла, и тогда къ ней можно подойти очень близко охотнику. А вонъ и настоящая дрохва-самець, опустивь крылья, хвость поднявь вверомъ, гордо ходить по скату небольшого холмика. Между лошадьми шмыгнула бълогрудая дасточва, со стороны повъядо прохладой: должно быть, близко вода и зимовки киргизъ или могилы ихъ. Такъ и есть, вонъ показался возвышенный берегь изъ красной глины, а затымъ блеснула и вода одной изъ степныхъ ръкъ. На этомъ берегу рядъ землянокъ, а на еще болье возвышенной части берега группа мазарокъ. Ласточекъ все больше и больше, цълой вереницей носятся онъ около лошадей и своимъ веселымъ щебетаньемъ какъ бы изъявляютъ свою радость, что увидали людей. Разобьемъ нашъ шатеръ, отдохнемъ сами, дадимъ отдыхъ и допіадямъ. На одной изъ мазарокъ сидить копчикъ и повидимому ни мало не интересуется тамъ, что вокругъ него происходить, но сильно ошибается тотъ, кто сочтеть его за такого флегматика: онъ зорко слъдить за малъйшимъ движеніемъ въ зеленой травъ, покрывающей землю. Вотъ онъ граціозно сорвался съ своего міста, красиво взлетівль на воздухъ, остановился и, минуту покачавшись въ немъ, камнемъ упалъ внизъ, скватиль какого-нибудь жучка или конька, на лету растерзаль его и снова задрожаль въ воздухъ, высматривая новую добычу.

Берегь ріки, гді разбить нашь шатерь, лишень камыша, который зеленьеть оть насъ вверхъ по ръкъ верстахъ въ двухъ. Пока поставятъ самоваръ, да приготовятъ что-нибудь перекусить, успъемъ отдохнуть, а затъмъ пройдемъ пъшкомъ и къ камышамъ, и къ тому довольно большому озеру, которое пока скрыто отъ глазъ нашихъ. Лежа на коврѣ, то и діло приходится сбрасывать съ него то какого-нибудь жучка, то кузнечика. Черный большой жукъ-копръ прилетълъ уже къ лошадямъ и изъ конскаго навоза катаетъ шаръ, кладя въ него свои янчки. На длинномъ стволъ дикой спаржи виднъется продолговатое тъло богомолки. Сидить она вся зеленая неподвижно, вытянувъ впередъ одну изъ своихъ переднихъ дапокъ. У нъкоторыхъ киргизъ существуеть повърье, что когда человъкъ заблудится, то достаточно найти богомолку, которая вытянутой лапкой своей и укажеть направленіе, въ которомъ нужно искать дорогу. Идя вдоль берега, спугнули двухъ лысухъ; шлепая по водъ, онь въ испугь стараются скорье подняться на воздухъ и наконецъ-таки грузно поднимаются, опустивъ книзу свои неуклюжія съ выръзанной фестонами перепонкой ноги. Около ряда береговыхъ кочекъ зеленая,

CHIN WIN LAND

тая турухгановь; одни иль то повять мушекь, а треты ты былые пичего вавъ дружеское COME TO THE BEAL IDOTA OF CHOMME DAY - Таннан наносять VIADЫ СВОЕХА т тоготники: постаточно мана итпорение снялась съ своето тел нь новой зеленой лужайн - пред панатіямь. **Неть,** неть в тами стами, а то и неводом. же желе таковь, лещей, окупри нелиой рыбы, а въ озерала . Ł дачен запаныхъ черенахъ и раковь THE PERSON NAMED IN - JOSE SEAR TIOTER: TO DAN'S CODECTS тина принцають въ рыб. замышей, въ воторымъ зыне зыни. Стая розовых дания и инаказа вверхь раки; обыкно-SOTOPHNE 38 POCIA COпоносится стрекотанье тички славии, малиновки по принамента на д 🔀 💷 😅 бател поиближенія людей, - жылы на насакого вреда. Ha TAM'S EN HAVE TO TRANS HE HAPA по водинительной в земляний. Вы **по берегу** THE THE HERE A DECEMBER TO HOLD HUNDITARTS MACCANE то поднялося на воздели жень около насъ, а жения в небольшимъ облачкомъ облачкомъ та барай выпашенуем въ рвчку, сидеть - де тила тина провъз По мелкимъ мелкой ры-THE PROPERTY OF BELLEVIEW OF BELLEVIEW или веропри в на выправнительного выть себь болье приманий мога жизего не екино, **кром'я лысухъ**, нырваны вы вы вы при появился камышевый лунь ты чирки, широконоски, а за ними и болъе

крупныя утки - кряква, свіязь, шилохвость, съ крикомъ слетаются съ водъ и, цълыми стаями поносившись въ воздухъ далеко отъ береговъ ръки, снова садятся на воду. Откуда ни взялась пара пиголицъ и жадобно крича, преследуетъ хищника. Веселая казарка, постоянно разговаривая, летить стая за стаей, а вонь и лебеди, вытянувшись серебрянымъ трехугольникомъ, плавно двигаются на страшной высотв и ихъ звонкимъ голосамъ отвъчаютъ такіе же голоса съ общирнаго озера, посрединъ котораго другая стая лебедей расположилась на отдыхъ. Недалеко отъ ръки на зеленой травкъ пасутся дикіе гуси. Изръдка раздается непріятный крикъ морской утки. Величественный свисть кроншнепа невольно заставляеть оборачивать голову въ ту сторону, откуда онъ несется. Съ низменнаго берега ръки и сосъднихъ ржавыхъ болотъ передъ закатомъ солнца то и дъло зигзагами поднимается бекасъ и затемъ съ высоты падаеть внизъ, распустивъ хвость и отставивъ въ сторонъ два боковыхъ пера, которыя колеблясь производять звукъ, похожій на блеяніе барашка.

Ръчной плесъ, около котораго мы теперь находимся, скоро закончится, пройдемъ его и направимся небольшемъ овражкомъ въ сторону ръки; онъ приведетъ насъ къ большому озеру, на которомъ мы найдемъ ту же жизнь пернатыхъ, что и на ръкъ, только въ большихъ разиърахъ. Тъ же кулики, лебеди, гуси, утки всевозможныхъ породъ сплошь покрывають это озеро; вривь, шумъ, возня на немъ съ утра и до вечера невообразимые. Пробираясь ракой въ озеру, видали гоголя, который, нырнувъ около одного берега, вынырнулъ въ другому и, ежесекундно оглядываясь на насъ, торопливо поплыль внизъ по ръкъ, готовый каждуюминуту снова нырнуть при мальйшемъ подозрительномъ движеніи съ нашей стороны. Изъ норъ почти отвеснаго берега реки то и дело вылетають береговыя ласточки. Разные виды часкъ то носятся съ крикомъ надъ водой, то летять въ степь, то снова возвращаются изъ нея къ водъ. Возвращаясь въ мъсту стоянки, встрътили сначала на сухомъ берегу партію зуйковъ, характерный быть которыхъ, какими-то порывами, привлекъ наше вниманіе, затімъ большую партію, штукъ около пятидесяти, стрепетовъ; они до того заняты были отыскиваніемъ корма, что подпустили насъ на половину ружейнаго выстрела, затемъ поднялись и, звеня крыльями, отлетьли въ сторону шаговъ на пятьдесять. Комары, мошки, мухи, оводы до того надовли намъ своими нападеніями, что пришлось поторапливаться къ шатру, около котораго давно уже вьется дымокъ отъ костра, разложеннаго киргизами.

Вечерняя заря начала гаснуть, шумъ и возня на ріжів и озерахъначали мало по-малу утихать. Изріздко пронесется надъ рівой стая свіязей, да какъ будто изъ-подъ самыхъ небесъ слышится говоръ казарокъ.

Сычъ и филинъ, а также масса летучихъ мышей беззвучно носятся въ воздухъ. Земляной заяцъ, покинулъ свою норку, то ощупываетъ травку своими усиками, то быстрымъ прыжкомъ несется по ломаной линіи впередъ и исчезаетъ въ вечернемъ сумракъ. Гдъ-то недалеко просвистала мышь. Въ степи—и чъмъ она глуше, тъмъ чаще—миъ приходилось слышать свистъ нашей обыкновенной мыши, нъсколько похожіз на птичій; мышь какъ бы поетъ, между тъмъ пънія ея нельзя сравивать съ пъніемъ какой-либо изъ нашихъ пъвчихъ птичекъ. Это что-то своеобразное. Навозникъ, носорогъ и майскіе жуки разсъкаютъ воздухъ по всъмъ направленіямъ. Со стороны песчаныхъ бархановъ, которые темной массой чернъютъ вдали, доносится мелодическій свистъ ночного песчанаго кулика; куликъ этотъ нъсколько схожъ съ кроншнепомъ, но наполовину меньше его и съ желтыми глазами. Комары и мошки возназойливъе начинаютъ нападатъ; скоръе укрыться подъ пологъ и уснугъ. чтобы завтра съ разсвътомъ двинуться дваьше.

Какъ ни пріятно на зарѣ покрѣпче укрываться въ одѣяло отъ утревняго весенняго холодка, но еще лучше встать, отправиться къ рѣбѣ, умыться свѣжей водой и затѣмъ посмотрѣть въ сторону восхода солнца, прислушиваясь къ просыпающейся въ степи жизни. Солнца еще не видно. только восходящіе лучи его золотять верхушки песчаныхъ холмовъ. Легкій туманъ стелется надъ рѣкой, озерами, заливными лугами. Но воть солнце всплываетъ золотымъ шаромъ надъ горизонтомъ; туманъ, замѣтно колыхаясь, все больше и больше рѣдѣетъ, пока совсѣмъ не пропадетъ.

Вся окрестность какъ бы нѣжится подъ лучами солнца, милліоны водяныхъ брызгъ осыпали сверкающими алмазами всю растительность; рыба весело плещется въ водѣ, запѣли птички, задвигалось все водяное пернатое царство. Нѣсколько орловъ въ поднебесьѣ описываютъ большіе круги, поднимаясь все выше и выше, пока не станутъ для глаза наблюдателя чутъ замѣтной точкой. Сусликъ, время отъ времени посвистывая, сидитъ на заднихъ лапкахъ около своей норы, готовый при малѣйшей опасности юркнуть въ нее.

Нашъ путь лежить къ сторонъ Мугоджарскихъ горъ. Поспъшниъ туда, чтобы полюбоваться ихъ каменистыми вершинами, покрытыми по балкамъ деревьями и кустарникомъ. Тамъ, около журчащаго ручейка, въ кустахъ шиповника и черемухи, поетъ соловей, на уступахъ скалъ гнъздятся орелъ и беркутъ, лиса и волкъ охотятся на утокъ и зайцевъ. Дятлы, снвоворонки, иволги, не говоря уже о массъ мелкихъ пъвчихъ птичекъ, перепархиваютъ съ вътки на вътку, оглашая воздухъ своими голосами. Копчикъ и пустельга десятками дрожатъ въ воздухъ; подъ качъ нибудь камнемъ пріютилась гадюка, изъ подъ котораго злобно ритъ и шипитъ на все, что хоть чуточку нарушаетъ ея покой. Зе-

леный самецъ ящерица гоняется за своей сврой самкой; ежъ, увидя человъка, свернулся и, недовольно пофыркивая, лежитъ колючимъ клубомъ, съ нетерпънемъ ожидая, когда ему представится возможность улизнуть благополучно въ свою нору. Козодой, потревоженный чъмъ-то въ своемъ отдыхъ, безшумно выпорхнулъ изъ-подъ корня березы и столь же безшумно, обогнувъ нъсколько деревьевъ, упалъ въ чащу ихъ. Проснувшись послъ вечерней зари, будетъ носиться онъ въ ночномъ полумракъ за ночными жуками и бабочками, пока первый лучъ утренней зари снова не загонитъ его подъ какой-нибудь кустъ или дерево. Горы полны жизни, аромата отъ цвътущихъ черемухи, шиповника, разныхъ медоносныхъ травъ, а надъ всъмъ этимъ вверху чистое голубое небо...

Переправимся черезъ Эмбу, въ береговыхъ барханахъ которой много русака, лисъ, волковъ, гдъ попадается барсукъ и норка, и будемъ подвигаться къ Усть-Урту, пескамъ Исенъ-Чагыла и западному берегу Аральскаго моря. Въ степи чуть не на каждомъ шагу съро-бурая ящерица; загнувъ хвостъ въ сторону, быстро бъжитъ она впередъ лошади, еще шагъ, и будетъ она подъ ея копытомъ, — но нътъ, увильнула въсторону и вытянулась около корня кустика полыни, не обращая больше никакого вниманія на чуть не на вхавшаго на нее всадника. Громадное пространство покрыто красной галькой, между которой прыгаютъ красные, какъ кораллъ, кузнечики. Изъ небольшого овражка выгнали сайгака; прыгнувъ вверхъ со всъхъ четырехъ ногъ, онъ вихремъ уносится въбепредъльное пространство степи.

Попался на глаза сайгакъ, разскажу кстати охоту на него киргизъ. Солнце печетъ такъ, что и лошадь, и всадникъ двигаются понуря головы. Несчастный конь то и дело махаеть головой, отфыркиваясь отъ мельой мошкары, которая лізеть ему въ нось и въ уши, бьеть въ землю копытомъ, машетъ хвостомъ, чтобы отогнать отъ своего, наболъвшаго отъ укусовъ оводовъ тъла. Тъ же мученія испытываеть отъ этихъ насъжомыхъ и сайгакъ. Палимый лучами солнца, облъпленный мошкарой и оводами, стоитъ онъ въ какой-нибудь лощинкъ, опустивъ голову и закрывъ глаза. Въ такомъ состояніи сайгакъ подпускаеть къ себъ охотника на ружейный выстрель. Киргизь охотникь пользуется этимь временемъ и выважаеть охотиться на него со своимъ мултукомъ, устанавливаемымъ на сошки. Другой способъ охоты на сайгаковъ -- болъе сложный и обыкновенно губить целое стадо ихъ. Состоить онь въ томъ, что прежде всего киргизъ выслъживаеть водопой этой антилопы. затъмъ верстахъ въ двухъ впереди этого водопоя устраиваеть четырехугольную изгородь изъ заостренныхъ толстыхъ стеблей ръчного камыша. Изгородь эта устраивается следующимъ образомъ: две камышины втыкаются въ землю кресть-накресть, а третья украпляется между первыми двумя вь самомъ углу ихъ соединенія, направляясь остріемъ внутрь загороди. Изъ

устроенныхъ такимъ образомъ звеньевъ, вышиною около аршина, составляется загородь въ 7 и 12 рядовъ, при чемъ одинъ рядъ отъ другого отстоить отъ 3/4 аршина до 1 аршина и ограничиваеть собою пространство, смотря по количеству экземцияровъ въ сайгачьемъ стадъ, отъ 2 до 4 десятинъ. Въ той сторонъ, съ которой сайгаки направляются на водопой, оставляется въ загороди проходъ саженъ въ 50 шириной; пофасамъ ея выкапываются ровики, въ которыхъ могли бы залечь участнеке охоты, ето съ ружьемъ, ето съ палеой, ето просто съ комомъ глины или вамнемъ въ рукъ. Изготовленная такимъ образомъ загородь называется по-киргизски "аранъ". Охотники залегли во рвы по фасамъ арана, ивсколько сайгачьких чучель поставлены въ проходъ его, а двое верховыхъ охотниковъ изъ какой-нибудь лощины или оврага ждутъ появленія самаго ядра сайгачьяго стада. Чуть только оно появится и начинаетъ приближаться въ водопою, оба верховыхъ стремительно выскакивають изъ своей засады и, кружа по временамъ своихъ лошадей. махая руками и крича, несутся на переръзъ сайгачьему стаду. Сайгакъ. томимый жаждой, измученный оводами и мошкарой, неизмінно держась разъ избраннаго водопоя, видя въ проходъ арана своихъ собратій и надъясь на быстроту своихъ ногъ, старается прорваться въ водопою н попадаеть въ средину загороди. Верховые занимають ея проходъ. Бросился загнанный звірь къ одному фасу арана, оттуда летять въ него комки глины, камни, раздаются выстрелы, крики; у другого и третьяго тоже. Пометавшись изъ стороны въ сторону, сайгакъ въ страшномъ испугь порывается перепрыгнуть камыши, загораживающіе ему путь, ноне будучи въ силахъ этого сделать, падаеть въ 5-6, много 7-мъ ряду арана и натыкается на заостренные камыши. Теперь ужъ онъ никуда не двинется; довольно для него незначительного укола, чтобы онъ остался нелвижно около той камышины, на которую наткнулся. Ножъ охотника оканчиваеть изло.

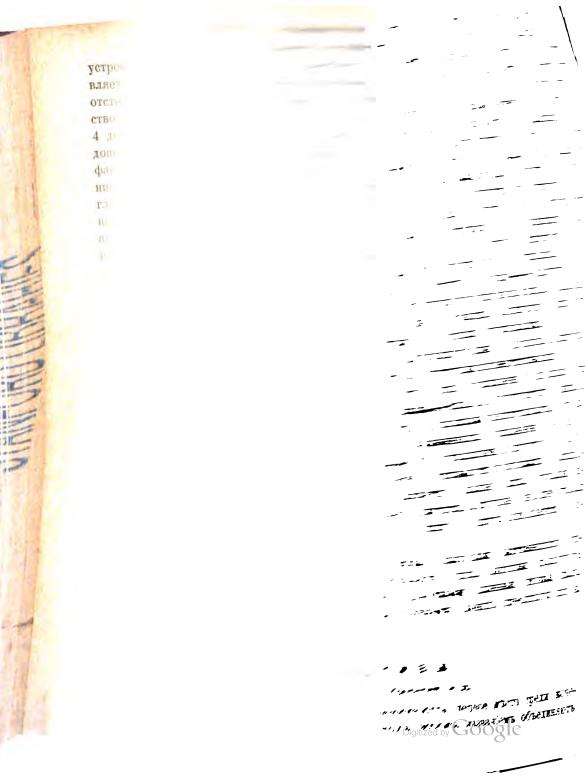
Внизъ по Эмбв попадаются соляныя озера. Встрвчая на пути солонцы, удивляещься, что и на такой безотрадной местности по временамъ кипитъ жизнь. Громадное пространство солонцовъ, пока въ нихъ еще достаточно влаги, иметъ видъ грязной площади, на которую выпалъ снегъ, местами онъ рястаялъ, местами еще держится. По меръ же того, какъ вода испаряется, кристаллы соли все более выделяются на поверхности и солонцы образуютъ въ конце-концовъ какъ бы сплошную ледяную поверхность, по которой разбросаны грязныя лужи. Несмотря на то, много небольшихъ стаекъ шилоклювокъ копошатся въ гразныхъ лужахъ соленой воды; тамъ и сямъ по берегу соляного озера торчитъ фигура одногорбаго верблюда вперемежку съ двугорбымъ. Любятъ они очень эти неприглядные солонцы. На сторонъ слышется крикъ осла; присутствие этихъ животныхъ указываетъ на близостъ кибитки кочевника,

и дъйствительно, вскоръ мы натыкаемся на цълый рядъ кибитокъ вочующаго табынца, расположенныхъ за небольшимъ переваломъ, окружающимъ соляное озеро. Ръзвыя стан бульдуруковъ и карабауровъ то и дъло срываются съ береговъ озера и спъщать улетъть подальше къ его срединъ отъ спугнувшаго ихъ человъка, оглашая окрестность своимъ характернымъ крикомъ.

Вотъ, наконецъ, и пески Исенъ-Чагыла, а за ними и западный берегъ Аральскаго моря. Пески эти, занимая сравнительно незначительное пространство въ длину и ширину, представляютъ собою прекрасное мъсто для останововъ путниковъ. Песокъ отличается способностью вбирать въ себя, если можно такъ выразиться, весь выпавшій на него сивгь. Сивгь выпадаеть и покрываеть собою песчаные барханы; вслёдь затёмь полнимается вітерь; пески зашевелились и снізгу на нихъкакъ не бывало. Вся степь поконтся подъ болье или менье толстымь слоемъ сикга, а песчаные барханы снова высятся, какъ и прежде, безъ сивжинки на своихъ сыпучихъ вершинахъ. Когда въ летнее время вся степная равнина представляеть изъ себя совершенно сухую поверхность, пески бархановъ сохраняють такую массу влаги, что мъстами достаточно бываеть руками вывопать неглубовую яму, какъ она наполняется уже водой, она какъ бы выжимается изъ песка при копаніи его. Около песковъ Исенъ-Чагыла пасется ожерельчатая дрохва; заяцъ, много меньшій русака, "толай", перебъгаетъ отъ одного куста полыни къ другому, плотно западая въ первую попавшуюся ямку при приближеніи путника. Огромныя стада бульдуруковъ и карабауровъ носятся отъ одного колодда къ другому. Изръдва попадается ящерица аршина до полтора длиною, которую можеть догнать въ сыпучихъ пескахъ лишь одна пудя. Гоняясь за такой ящерицей верхомъ на лошади болве 10 минутъ, я совершенно потеряль ее изъ виду за небольшимъ песчанымъ холмомъ-такъ быстро она успъла зарыться въ песокъ.

Иногда вниманіе путниковъ привлекаеть чуть замітное облачко въ степи. Степь до того однообразна, что какъ-то невольно ничто не ускользаеть въ ней отъ взгляда. Облачко растеть и, наконецъ, обращается въ стадо кулановъ (степная лошадь). Куланъ величной съ годовалаго жеребенка, уши у него немного больше лошадиныхъ. Масти соловой, на спинъ имъется темно-бурый ремень, грива короткая искрасна - черная, конецъ короткаго хвоста покрытъ длинными черными волосами. Неръдко попадаются чубарые куланы (по рыжему фону бълыя пятна).

Легкость и быстрота бъга кулана удивительны. Онъ какъ бы шутя, играя, удаляется отъ преслъдующаго его охотника. Какъ ни скачи за нимъ, какой быстроты ни будь подъ съдокомъ лошадь, а разстояніе между нимъ и убъгающимъ куланомъ постоянно остается одно и то же. Но вотъ видно своенравному животному надожло видъть за собой хотя

всъ племена, кочующія въ обширныхъ степяхъ Средней Азіи отъ низовьевъ Волги до ръки Иртыша. Въ болье тысномъ смысль "киргизами" или каракиргизами называется народъ, кочующій по сывернымъ склонамъ Тянь-Шаня; всь же остальные киргизы называются киргизъ-казаками. По языку, одеждь, обычаямъ, устройству жилья и образу жизни киргизы и киргизъ-казаки немногимъ отличаются другь отъ друга, но по численности послъдніе далеко превосходять первыхъ. Общее число каракиргизовъ, подвластныхъ Россіи, не превышаетъ 300.000, тогда какъ численность киргизъ-казаковъ превышаетъ 3 милліона. Какъ тъ, такъ и другіе представляють собою смъсь различныхъ народностей кавказской и монгольской расъ; но каракиргизы отличаются большей энергіей и воинственностью.

Киргизъ средняго роста, довольно строенъ, широкъ въ плечахъ, шея въ отличіе отъ монгола не коротка и не толста, грудь очень хорошо развита; кисти рукъ и ступни небольшія; тело крепкое, склонное къ ожирівнію въ старости. Цвіть кожи смуглый, волосы черные, прямые и довольно жесткіе, съдъють поздно. Лицо довольно скуластое, съ темнымъ цвътомъ кожи и широкимъ носомъ, борода ръдкая. Выраженіе лица бодрое. Жизнь въ степи съ ръзвими перемънами температуры лъта и зимы, дня и ночи закалила киргиза и сдълала его выносливымъ и мало чувствительнымъ къ холоду и жару. Киргизамъ, особенно кочующимь по тянь-шаньскимь хребтамь, нерадко въ течене сутокъ приходится испытывать большія крайности температуры. Въ полдень онъ, можеть быть, проважаеть по знойной степи, а къ вечеру возвращается на ночевку на такую высоту, гдв и летомъ идетъ снегъ. Вообще можно сказать, что эти кочевники холоду подвергаются даже больше, чемъ жару. Съ этимъ легко согласиться, если представить себе, что такое зимняя выога въ степи и какъ мало тепла задерживается юртою и даже землянкой. Не менъе замъчательна и способность киргиза переносить голодъ и жажду. Та же жизнь въ степи развила въ киргизъ превосходное обоняніе и слухъ, и острое зрівніе. Киргизы слышать запахъ дыма въ степи на такихъ разстояніяхъ, что европейцу это кажется почти невъроятнымъ.

Одежда киргизовъ состоитъ изъ длинной холщевой или бумажной рубашки, надъваемой непосредственно на тъло, широкихъ бумажныхъ или кожаныхъ штановъ и войлочныхъ чулокъ; затъмъ халатъ съ длинными рукавами, кожаные сапоги, на бритой головъ ермолка, поверхъ которой надъвается мъховая шапка или остроконечная войлочная шляпа съ загнутыми кверху полями. Халатъ, смотря по состояню, бываетъ бумажный, изъ армячины, иногда суконный или шелковый и стягивается поясомъ, украшеннымъ металлическими бляхами. Зимой бараній тулупъ и мъховые же штаны. Женскій костюмъ во многомъ похожъ на мужской;

на головъ женщины носять бълый бумажный башлыкъ или платокъ. Волосы заплетають въ косы, замужнія киргизки — въ двъ косы, а дъвушки въ нъсколько тонкихъ косичекъ, которыя висять по плечамъ в спинъ; косы украшаются серебряными монетами и побрякушками.

Большую часть года киргизы живуть въ юртахъ или кибиткахъ—
войлочныхъ палаткахъ. Такая кибитка состоить изъ деревяннаго
ръшетчатаго разборнаго остова, образующаго кольцеобразную стъпу
въ видъ низкаго цилиндра; этотъ послъдній обтягивается со всъхъ
сторонъ войлоками и покрывается сверху крышей конусообразной
формы, образуемой слегка изогнутыми палками, которыя однимь ковцомъ связываются со стънами, а другимъ прикръпляются къ кольцу,
помъщающемуся въ центръ. Обтянутыя кошмами эти палки образуютъ
сводообразную крышу съ круглымъ отверстіемъ для прохода дыма наверху, которое по желанію можетъ быть заткнуто кускомъ войлока.
Когда ръшетки, составляющія стъны юрты, и палки, образующія ек
потолокъ, связаны между собой и обтянуты войлоками, юрта имъеть
видъ приплюснутаго сверху стога съна, и 3—4 человъка могуть легко
переносить ее съ мъста на мъсто.

Необходимую принадлежность внутренняго убранства юрты составляеть плетенка изъ травы чій; соломины чія, длиною въ человіческій рость, переплетаются различно окрашенными шерстями и образують дыновку, по вившнему виду напоминающую наши соломенныя шторы. Красота узора зависить отъ вкуса женщинъ, и иногда такія цыновки бывають очень недурны. Кусокъ войлока, подшитый чіемъ и спущенный сверху внизъ, закрываетъ входъ въ юрту. Иногда дверь бываетъ и деревянная. Свёть проникаеть въ юрту только черезъ куполь и чрезъ дверь; поэтому, когда то и другое закрыто, бываеть темно. Пола ивть, вмѣсто него на землю настилаютъ кошмы. Въ теплое время боковыя части кошмъ кругомъ поднимаются и куполъ открывается. Въ дождливую погоду въ юрть бываеть непріятный войлочный запахъ, самый же дождь новыми плотными кошмами удерживается довольно хорошо. М'ьсто посредин'в занимаеть котель на треног'в-домашній очагь, а около стінь бываеть разложена домашняя утварь, посуда, деревянныя съдла, постели, а въ зажиточныхъ семьяхъ сундуки, погребцы, самовары русской работы или татарскіе кунганы.

Таковъ общій видъ юрты въ будничный день. Если же ожидають прибытія гостя — юрта преображается. Особенно привлекательна юрта, выставляемая спеціально для ожидаемаго гостя — чиновника и почетною киргиза. Въ этомъ случав юрта освобождается отъ домашияго киргиза. Въ этомъ случав юрта освобождается отъ домашияго намъ разв'ящиваются ковры яркаго рисунка, стелются почетномъ м'єсть разстилаются неелковыя од'яла и

Digitized by GOOGIC

Юрты расположены какъ попало; издали ихъ можно принять за стога снъга; около нихъ ржутъ кони, лаютъ собаки, трубятъ верблюды, играютъ голые или полуголые ребятишки. Кромъ кучки навоза, кучки хвороста или бурьяна, какихъ-нибудь камней для временной кухни никакихъ хозяйственныхъ приспособленій нътъ. Конюшенъ и хлѣвовъ не полагается, но молодыхъ животныхъ въ большіе морозы беруть въ кибитку, и тогда, конечно, внутренность ея не отличается ни чистотою воздуха, ни опрятностью пола.

Главное занятіе киргиза — скотоводство. Кром'в лошадей, киргизы держать коровь, овець, козь и верблюдовь. Животныя эти дають киргизу въ пищу молоко и мясо, а на одежду---шкуру и шерсть; лошадь служить преимущественно для верховой взды. Киргизскій баранъ ростомъ больше всехъ другихъ барановъ; вместо хвоста у него такъ называемый курдювъ. Курдювъ представляеть изъ себя огромную массу сала, фунтовъ до 40, сверху онъ поврыть шерстью, снизу голый. Потвшное зрѣлище представляетъ баранье стадо, когда оно чего-нибудь испугалось и убъгаетъ. Шерсть киргизскаго барана груба и употреблиется для валки кошемъ и выдълки ковровъ. Войлоки или кошмы валяются следующимъ образомъ. На плетенки изъ чія насыпается волось, поливаемый водою. Выровнявъ поверхность и придавъ нужную форму, чіевую плетенку свертывають трубкою, сильно уколачивають и потомъ катають, попеременно свертывая и развертывая приборь, пока волоса не слягутся въ плотный войловъ. Смотря по величинь, такая кошма на мъсть стоить оть полутора до четырехъ рублей. Зимой по небольшому сивгу баранъ самъ отыскиваетъ себв кормъ. Когда же сивгъ настолько глубокъ, что ходить барану на подножномъ корму не представляется болье возможнымъ, то виргизъ выкапываеть въ снъгу ровъ шириною нъсколько больше длины барана и такой длины, чтобы въ немъ могли пом'вститься и кормиться подножнымъ кормомъ, стоя рядомъ и не м'вшая другь другу, всв его бараны. Сныть изъ такого рва выбрасывается къ сторонъ вътра и баранъ такимъ образомъ не только получаетъ достаточный для себя кормъ, но еще и укрытіе отъ в'втра. Мясо киргизскаго барана, заръзаннаго и свареннаго въ степи самимъ киргизомъ, очень вкусно, а въ особенности молодого барана. Изъ молока овцы киргизъ приготовляеть особый родь сыра "круть". Для полученія его устранвають въ землъ яму, имъющую видъ цифры 8. Надъ однимъ изъ отверстій ставится котель, въ другое накладывается топливо. Когда сыворотка укипить до полученія густой массы, ее вынимають и высушивають, сминая въ плотные комья. Такой сыръ твердъ какъ камень и кисловать на вкусъ. Растеревъ его въ порошокъ и растворивъ въ водъ, киргизъ получаетъ прохладительный напитокъ, прекрасно утоляющий с жажду.

Еще большее значеніе въ хозяйств'в киргиза им'веть верблюдь, вторый у киргизъ бываеть двухъ породъ — одногорбый и двугорбый; одногорбый верблюдъ по своей силь и выносливости, впрочемъ, предпочитается двугорбому. Объ породы очень неприхотливы, способны долгое время оставаться безъ воды, а благодаря своимъ упругимъ, широкимъ, мягкимъ подошвамъ, свободно, не увязая, могуть ходить по сыпучимъ пескамъ. Верблюдъ поитъ, кормитъ, одъваетъ киргиза, перетаскиваеть на спинъ своей съ мъста на мъсто его семью, его кибитку со всей принадлежащей къ нему рухлядью. Одногорбый верблюдъ несетъ на спинъ груза среднимъ числомъ 18 пудовъ, двугорбый — меньше. Управляють верблюдомь помощью особаго прибора, называемаго "мурундувъ". По второму году у верблюженка носовой хрящъ прокалывается ножомъ, сквозь него продъвается деревянный гвоздь, по формъ своей схожій съ жельзнымъ гвоздемъ; къ тонкому концу гвоздя привязывается веревка, которою киргизъ и управляеть верблюдомъ во время взды на немъ. Къ холоду верблюдъ очень чувствителенъ, а потому зимою тщательно укрывается толстыми кошмами. По небольшому снъгу верблюдъ самъ отыскиваеть себъ кормъ; во время же очень сильныхъ морозовъ или сильныхъ сибговъ держится около землянки и прокармливается тъми запасами съна, которые киргизъ себъ заготовилъ, при чемъ не пренебрегаеть ни тальникомъ, ни камышомъ, ни степной осокой. Вообще верблюдъ въ состояніи ъсть такія травы и колючія растенія, какихъ ни одно изъ другихъ жвачныхъ животныхъ не решится попробовать, какъ бы голодно ни было.

Киргизы до сихъ поръ народъ по преимуществу кочевой, хотя нужда заставила ихъ заняться и земледъліемъ. Лишь только снъгъ начинаетъ станвать, киргизы предпринимаютъ свой обычный ежегодный переходъ. Эти перекочевки скоръе обусловливаются многовъковой привычкой, чъмъ поисками лучшихъ пастбищъ. Каждый родъ или аулъ изъ году въ годъ слъдуетъ по одному и тому же пути, останавливаясь у тъхъ же ключей и колодцевъ, у которыхъ останавливались его предки сотни лътъ тому назадъ, и постоянно возвращаясь на зимовку въ одно и то же мъсто. Горные киргизы съ наступленіемъ весны перекочевываютъ въ степь, а лътомъ поднимаются въ горные альпійскіе луга, которые носять названіе джайлау".

Забота о перекочевкі лежить всеціло на женщині. Барановь за нівсколько часовь посылають впередь по условленной дорогів, избранной главою семьи. Эти животныя двигаются медленно; при ихъ безтолковости гнать ихъ весьма хлопотливо и потому перекочевку стараются расположить такъ, чтобы нагнать барановь только къ концу пути. Верблюды, лошади и коровы кочують вмістів съ ауломъ.

Во время передвиженія аула отецъ семейства играеть пассивную

роль. Его дъти и жена должны гнать барановъ, наблюдать за табунами; онъ же обязанъ позаботиться, чтобы какъ слъдуеть были собраны и навьючены юрты и домашняя утварь. Женщины кочують на особенно красиво убранныхъ и осъдланныхъ лошадяхъ, неръдко въ праздничныхъ одеждахъ. Для дъвушекъ это дъйствительно, несмотря на всъ хлопоты, праздничное время. Только теперь имъють онъ возможность поджигитовать на лошадяхъ, показать свою ловкость; и вотъ, отставши версты на двъ отъ своихъ, онъ пускають вскачь коней, стремясь перегнать одна другую. Перекочевка иногда длится нъсколько дней. Ставить юрту каждую ночь хлопотливо и послъ длиннаго пути утомительно. Поэтому ограничиваются тъмъ, что изъ ръшетокъ стънъ, ставя ихъ подъ угломъ подобно картамъ карточныхъ домиковъ, и покрывая кошмами, устраиваютъ нъчто въ родъ палатки для нъсколькихъ человъкъ, гдъ и располагаются спать.

По водвореніи на місті літней кочевки наступаєть самоє веселоє и лучшеє время жизни киргиза. Лошади окончательно входять въ тівло. Трудно повірить, что эти жирныя красавицы съ лоснящеюся шерстью, длинными гривами и гордою поступью—ті же самыя лошади, которыя еле дотащились сюда съ зимнихъ кочевокъ. Теперь наступаєть время кумыса. Исключая кобылицъ и жеребять, табунъ угоняется на лучшія пастбища; жеребята же остаются при аулахъ, привязанныя около юртъ. Кобылы пасутся поблизости. Ихъ ежедневно доятъ, и въ это время кумысъ постоянно фигурируетъ за столомъ мало-мальски зажиточнаго киргиза. Кумысъ приготовляютъ въ особыхъ кожаныхъ мішкахъ— "турсукахъ", выдізлываемыхъ обыкновенно изъ цільной шкуры барана; турсуки, изготовленные изъ бычьей, лошадиной или верблюжьей шкуры, носятъ названіе "саба".

Въ готовый турсукъ вливается свъжее кобылье молоко и въ отверстіе, соотвътствующее шей животнаго, вставляется деревянная палка, очищенная отъ коры. Киргизка время отъ времени палкой этой болтаетъ молоко, и чъмъ чаще болтаетъ его, тъмъ лучшаго качества получается кумысъ. Когда молоко достаточно окисло, то черезъ одно изъ нижнихъ, соотвътствующихъ заднимъ ногамъ животнаго отверстій, завязываемыхъ волосяными веревочками, кумысъ наливается передъ употребленіемъ его въ большую деревянную чашку, при чемъ киргизка или киргизъ, которые занимаются наливаніемъ кумыса, каждый разъ, наливъ кумысъ, обсасывають очень старательно то отверстіе, изъ котораго его наливали.

Обывновенно лѣто—это время визитовъ. Лѣтомъ ѣздятъ другь къ другу въ гости, устраиваютъ игры и увеселенія. Гостепріимство очень развито у виргизъ. Хозяинъ, завидѣвъ знакомаго всадника, выъзжаетъ съ нему навстръчу и, послъ обычнаго селяма, провожаетъ до юрты.

Къ подъезжающему выбегають джигиты или сыновья и помогають сте съ лошади, которую немедленно отводять и привязывають къ составлому. Между темъ вошедшаго гостя сажають на почетное место. Же разспрашиваеть его о здоровьи, какъ личномъ, такъ и всей семъи, по чего идетъ хлонотать объ угощении, тогда какъ хозяинъ переходить

Киргизекая дѣвушка.

новостямъ дня, которыхъ жаждетъ услышать отъ прівхавшаго или прочь сообщить самъ. До сплетенъ и новостей киргизы большіе охотив всякая новость, какъ по телеграфу, облетаеть всю степь и, конеч перідко искажается до неузнаваемости. При большихъ съіздахъ бы ютъ джигитовки и борьба, но такими увеселеніями обыкновенно сощ вождаются только свадьбы или поминки. Чаще же гость или прав или слушаеть пізніе и игру на баладайкъ, отдинающейся отъ нап болье длинною шейкой. Стихи поются по большей части импровим

ванные, но на извъстный мотивъ. Ръже играють въ разныя игры или карты, которыя начинають находить поклонниковъ и здъсь.

Но воть наступаеть осень, и степной житель начинаеть заботиться о приготовленіи себ'в зимняго пристанища; ауль возвращается на м'всто зимовки, а гориме киргизы перекочевывають снова изъ горъ въ степь. Бъдные киргизы зимой живуть въ землянкахъ, матеріаломъ для постройки которыхъ служать глина, камышъ и липовыя жерди. Поверхъ камышевой крыши наваливается большей или меньшей толщины слой навоза съ землей, и затымь все это смазывается глиной. Къ такой землянкъ пристраиваются обывновенно свии, въ воторыхъ помещается врупный скоть; къ свиямъ, въ свою очередь, лепятся помещения для мелкаго скота. Попавъ въ этотъ дабиринтъ подпоровъ, перегородовъ, то изъ дерна и глины, то изъ плетия, трудно сразу увидать ту дверь, которая ведеть въ жилище хозяина. Внутренность такой землянки еще неприглядиве. У одной изъ боковыхъ ствиъ видивются 1-2 сундува, на которыхъ сложено все остальное богатство землянки въ видъ запасныхъ ковровъ, кошмъ, одъялъ и халатовъ; для въшанія сбруи, съдель и веревовъ по ствиамъ набиты колышки. Ступа для толченія проса, законтелый, зеленый оть плесени самоварь, 2-3 деревянных чашки, проржавный поднось съ рядомъ чайныхъ чашекъ на немъ-дополняють убранство. Съ наступленіемъ темноты является жестяная керосиновая лампочка, очень часто безъ стекла, которая зажигается и ставится куда-нибудь на ожно или печь; коптить она и пахнеть керосиномъ немилосердно. Передъ твиъ, какъ лечь спать, кто-нибудь изъ семьи лъзетъ со двора на крышу, чтобы закрыть для большаго тепла трубу старымъ мъшкомъ или кошмой; несмотря на эту предосторожность, въ утру въ землянив двлается очень холодно, а духота конечно нестерпимая.

Киргизъ болъе состоятельный строитъ землянку большихъ размъровъ; у него есть уже деревянная кровать, встръчаются и зеркало, и столь, и стулъ. Самоваръ не такъ грязенъ, лампа не такъ коптитъ. Передъ гостемъ во время такъ грязенъ, лампа не такъ коптитъ. Въ самое послъднее время нъкоторые зажиточные киргизы начинаютъ строитъ и деревянныя избы и вообще, въ зависимости отъ увеличивающагося земледълія, ускоряется переходъ изъ кочевого состоянія въ осъдлое.

Хлѣбонашествомъ занимаются теперь уже многіе киргизы. Способъ земледѣлія первобытный. Одни и тѣ же поля безъ удобренія засѣиваютъ нѣсколько лѣтъ сряду, потомъ оставляють на 4—5 лѣтъ, вслѣдствіе обилія сорныхъ травъ, которыя послѣ нѣсколькихъ лѣтъ посѣвовъ усиливаются настолько, что заглушаютъ хлѣба. Явленіе это стоитъ отчасти въ связи съ несовершеннымъ способомъ обработки земли. Соху представляетъ кусокъ дерева съ желѣзнымъ наконечникомъ безъ отвала, а вмѣсто

бороны служать древесные сучья. При всемъ томъ дъвственная земля дает: хорошіе урожан. Свють преимущественно просо, но кром'в того немног пшеницы и ячменя. Причина такого предпочтенія проса передъ другвих хльбами, та, что продукть этоть представляеть возможность обрабатывая его самымъ первобытнымъ способомъ, не выходя изъ жилого помъщенія Для этого въ каждой киргизской семью имфется деревянная ступа. За хотвлось семью всть, тотчась же одна изъ женщинь береть нужиколичество проса, промываеть и варить его въ водь, затьмъ кладет въ горячій котель для просушки. Чтобы не дать просу подгор'єть, з лишь должнымъ образомъ поджариться, мізшають его ложной. Послі просушки кто-нибудь изъ мужчинъ устанавливаетъ на земляной пол ступу, береть въ руки большой деревянный песть, засыпаеть въ ступу просо и начинаеть его толочь. Въ котлъ, между тъмъ, закипаеть молоко или вода; засыплють въ него толченаго проса, и готова киргиз ская похлебка. Изъ пшеничной муки на бараньемъ салъ жарится такт называемый "боурсакъ". Чтобы приготовить его, валяють изъ муки длин ныя колбасики и, разръзавши ихъ на кусочки, поджариваютъ на огнъ

Вообще, можно сказать, что воздълываніе земли подъ пашни у киргизъ дъло укръпившееся.

Всв киргизы-магометане—сунниты, но у нихъ ивтъ обычнаго фанатизма магометанъ, скорве они относятся въ религіознымъ вопросамъ съ безразличіемъ, и только въ последнее время исламъ пускаетъ болье глубокіе корни. На ряду съ этимъ сохранилось много и языческихъ обычаевъ и суевърій. Одними изъ важнъйшихъ распространителей магометанства среди киргизъ являются татары и устраиваемыя последними школы, въ которыхъ учатъ муллы. Въ громадномъ большинствъ случаевъ подобнымъ муллою бываетъ грамотный казанскій татаринъ или сартъ, набъдокурившій въ городъ и принужденный бъжать отъ преследованія въ степь. Такого рода проходимецъ снискиваетъ себъ пропитаніе въ степи, обучая ребятъ и получая за то какъ должное вознагражденіе, такъ и столъ и кровъ у ихъ родителей. Понятно, что онъ заинтересованъ въ томъ, чтобы сдёлать курсъ обученія возможно болье длиннымъ. Собирая по нъскольку ребятишекъ вмъстъ, такой мулла устраиваеть кочующую школу, которая и слъдуеть за ауломъ.

Дъти учатся долго и безъ всякаго пониманія, всѣ вслухъ перекрикивая другъ друга, почему магометанская школа похожа на жужжащій улей пчелъ. Обученіе въ громадномъ большинствѣ случаевъ ограничивается чтеніемъ. Научившійся читать киргизъ уже зовется муллою. Вмъстѣ съ грамотностью онъ усвоиваетъ отъ своего учителя множество предразсудковъ, пріобрѣтаетъ большую долю фанатизма, отвращеніе отъ христіанскихъ и русскихъ обычаевъ и громадное самомнъніе. Русскихъ молъ мало и русское вліяніе сравнительно ничтожно.

Киргизская байга.

(А. Ивановскаго.)

"Байга, байга!.." Достаточно, чтобы это слово вырвалось изъ устъ акихъ-нибудь богатыхъ киргизъ, рѣшившихъ устроить по своемъ мершемъ родственникѣ "асъ" (поминки) съ байгой, какъ вѣсть о ней ъ неимовѣрной быстротою полетитъ сейчасъ же по всѣмъ направленіямъ гирокой киргизской степи. Она живо облетитъ всѣ аулы, богатые и ѣдные, проберется во всѣ ущелья горъ, самыя отдаленныя и глухія, тобы и ихъ обитатели, непроходимостью дорогь почти отрѣзанные отъ сего остального киргизскаго міра, постоянно видящіе только горы да тебо, небо да горы, слышащіе только блеянье овецъ, ржанье лошадей, а жалобные крики верблюдовъ, чтобы и они знали о готовящейся айгѣ...

И всё встрепенутся, какъ бы оживуть, проснутся оть долгой спячки. Слово "байга" будеть произноситься не одною тысячью усть, имъ бусуть привътствовать другь друга при встръчахъ, вмъсто обычнаго "аманъ-ба" или "малъ джанъ аманъ-ба", съ нимъ будутъ и прощаться. Сто начнеть самъ готовиться къ байгъ, кто готовить своихъ "бъгунцовъ" къ бъгу, кто, если онъ борецъ, упражнять свою силу и ловкость; гъвецъ чаще будеть браться за свою двухструнную "домбру" (родъбалалайки), повторяя, подъ ея акомпаниментъ, весь репертуаръ знакомыхъ ему пъсенъ или составляя новыя, спеціально для предстоящей байги...

Что же привлекаеть къ себъ такое вниманіе, что заставляеть иныхъ профхать иногда сотни версть, чтобы только посмотреть на байгу? Прежде всего байга-довольно рѣдкое событіе въ виргизской жизни; соединенные съ устройствомъ ея многотысячные расходы подъ силу немногимъ, и только самые богатые, самые знатные киргизы могуть почтить ею память своего умершаго родственника. Такимъ образомъ въ жизни каждаго киргиза оно можеть случиться только разъ, много два, а бываеть и такъ, что известное поколение проживеть и умретъ, и совстить не видавъ байги. Вдобавокъ и въ богатомъ и знатномъ роде она устраивается только въ память большею частью представителя рода. Со дня смерти поминаемаго лица до байги должно протечь не менъе 40 дней и не болье года, смотря по тому, въ какое время умерло оно, такъ какъ байга всегда устраивается въ льтніе мъсяцы, обыкновенно въ іюль или августь. О времени байги возвъщается за мъсяцъ или за два. Къ болъе или менъе виднымъ родственникамъ умершаго и къ знатнымъ виргизамъ, въ знавъ особаго уваженія въ нимъ, посылаются устроителями байги послы съ приглашеніемъ не оставить поминокъ о своимъ посъщениемъ; большинство же ъдетъ на байгу безъ всякихъ

приглашеній. Въ почетномъ приглашеніи богатыхъ родственников: посл'яднее м'ясто занимаєть и чисто матеріальный расчеть: такіе родстяники являются значительнымъ подспорьемъ устроителямъ байги, внося: расходы свою посильную ленту, а расходы эти весьма и весьма крувь:

Остается три-четыре двя до байги, и уныло однообразная стеш от ваеть. Со всёхъ сторонь по направленію въ мёсту байти потянутся р. ношерстныя группы киргизъ, оглашающихъ воздухъ своими ожимными разговорами; они до тонкостей разберуть знатность рода покойм: оставленное имъ наслъдство, щедрость или скупость наслъдниковъ и кредъ дадуть почти безопибочную опънку предстоящей байгь. Одиътруш ъдуть налегиъ, захвативь съ собою только для необходимой перекъ праздинчное платье, за другими идуть цівлые караваны верблюдовь, груг навьюченных в частью платьемъ, частью разными подарками родстветкамъ покойнаго, а главнымъ образомъ нъсколькими десятками турсум съ вунысомъ. У виргизъ существуеть обычай привозить съ соболподобнаго рода многолюдныя сборища вакъ можно болбе кумыса. 🕪 чай этоть вызывается темь, что сколько бы хозяева не наготовангмыса, его всегда будеть недостаточно удовлетворить тысячи желудел способныхъ принамать этого напитка неимовърное количество: 🕾 киргизы, выпивающіе его въ день по ведру и болье.

За день до байги всё собираются на назначенное м'всто. И вистин'в поражающая картина открывается глазамъ наблюдателя! Б
томъ м'вств, гдё назадъ тому н'всколько дней царила безмолена т
шина, гдё спокойно покачивался серебристый чій, понгрывая ударящинся въ него солнечными лучами, гдё не было ни одного жысущества — разв'в изр'едка только проб'вгалъ заяцъ, спасаясь г
одного изъ многочисленныхъ своихъ враговъ, да жавороновъ залены:
п'всней, — теперь на пространств'в кругомъ въ 6—7 верстъ раскиту
сотни разнообразныхъ юртъ, горятъ десятки костровъ, представляюетъ
ночью эффектиую иллюминацію, далеко разносится запахъ варящато
мяса; слышатся голоса тысячъ людей, лай собакъ, блеянье овецъ. В
чаніе коровъ, ржаніе лошадей, уныло-протяжные крики верблюдовъ,
все это сливается въ одинъ общій хаотическій гулъ, далеко потрасащій воздухъ.

Но вотъ наступаетъ и самый день поминовъ и байги, день вел чайшаго киргизскаго празднества. Раннимъ утромъ всв собравшес предводительствуемые муллами и родственниками покойнаго, отправляют на могилу его (байга устраивается обыкновенно неподалеку отъ могил Здёсь, прослушавъ чтеніе нёсколькихъ молитвъ изъ корана, приличит случаю, и плачевныя п'ёсни по умершему нарочно приглашенныхъ ретого п'ёвцовъ, всё опять возвращаются въ юрты. Часовъ въ 8—9 ста дуетъ угощеніе всёхъ собравшихся. Еще съ вечера ковневами было в день по ветера ковневами было в приглашенных ретого приглашенных в при учетъ угощеніе всёхъ собравшихся. Еще съ вечера ковневами было в приглашенных ретого приглашенных в при учетъ угощеніе всёхъ собравшихся.

солото несколько десятковъ лошадей и не одна сотия барановъ. Мы ге будемъ удивляться этому, кажущемуся на первый ваглядъ неимовърнымъ количеству, если вспоменть, что нужно насытить несколько (отъ- тысячъ человъкъ, и примемъ во вниманіе тотъ аппетитъ киргиза, ть кажимъ онъ обыкновенно уничтожаеть все подаваемое ему. Находятся чежду ними такіе, которые въ состояніи съвсть буквально цвлаго барана; находятся, хотя и чрезвычайно радко, даже и такіе, что съвстъ одного барана, да спросить, нътъ ли еще другого. Сваренное мясо хранилось ночью въ отдельныхъ юргахъ. Такъ какъ при многочисленности юрть и разбросанности ихъ нервако не на одну версту было бы слишкомъ утомительно и долго разносить его по юртамъ, то оно обывновенно развозится верховыми, изъ которыхъ каждый, захвативъ объемистую деревянную чашку и мізшокъ, наполненный мясомъ, везеть его въ какую-нибудь юрту, ставить тамъ чашку и высыпаеть въ нее изъ мешка мясо. Мясо за ночь успеваеть уже остынуть и подается холоднымъ или немного тепловатымъ. Горячее мясо подають только въ ту юрту, гдъ собралась, такъ сказать, высшая аристократія киргизовъ, т.-е. ханы, султаны, бін; туть же находятся и ближайшіе родственники умершаго. Со стороны хозяевъ нуженъ большой такть и умінье разсадить гостей такъ, чтобы наждый считаль себя на своемъ мъсть. Посадить когонибудь ниже, чъмъ следуеть, считается вровной обидой, обидой привгорода въ лицъ его представителя, и можеть вызвать весьма плачевныя: последствія. Когда гости разсядутся, прислуга приносить мясо, выбранное обыкновенно изъ лучшихъ частей, а передъ самымъ почетнымъ гостемъ ставять голову убитаго животнаго. Начинается ъда при глубовомъ молчанін вкушающихъ, прерываемомъ изр'вдка словами: "тайныръ джайлгаземъ" (покорно благодарю), обращенными къмъ-либо изъ гостей къ первенствующему члену, въ случав, если онъ, желая показать свое благорасположеніе, вложить ему въ роть своими жирными нальцами кусочекъ мяса. Принесенное мясо събдено; подають кумысь; является "акомъ" (пъвецъ) и въ то время, когда всъ займутся питьемъ кумыса, начинаетъ пъть заранъе имъ уже составленную "хвалебную пъснь" въ честь умершаго. Она состоить почти изъ сухого перечия различныхъ эпитетовъ, которыми певець хочеть указать на то или другое качество умершаго, при чемъ, по мивнію півида, чімъ значеніе эпитота малоизвістиве или вовсе неизвъстно слушающимъ, тъмъ большую цъну имъетъ этотъ эшитеть, хотя бы онъ иногда ничего не означаль или быль совершеннобезсмыслень. Такъ, воспъвая прежде всего наружность умершаго, онъ говорить: "ты быль, какъ гора; ты быль, какъ жеребая кобылица (чемъ очевидно указывается на тучность покойника); сопель ты, какъ самоваръ, пыхтвлъ, какъ пароходъ, бъгалъ, какъ летящій иноходецъ ДС (последнее, въ видахъ только что описанной певномъ тучности покойника, довольно сомнительно)" и т. п. Затыть, указывая на нравственных качества, онъ поеть: "ты быль жалостливые верблюдицы, потерявшей своего дытеныша; твои руки протягивались на нысколько версть, твои ноги дылали шагь въ сто локтей (этимь онъ указываеть на его всегдалною готовность помочь ближнему и на скорость этой помощи); глазатвои видыли черезъ горы, видыли всыхъ несчастныхъ тамъ, и ты помогалъ имъ" и т. д. Между эпитетами встрычаются и такіе, которые рышительно отказываешься понять, къ какому качеству умершаго обмотносятся; такъ, напр., "ты былъ, какъ жареная индыйка; ты сладовъ, какъ аракъ", т.-е. водка...

Наконецъ, гости выпили кумысъ, и певецъ отправляется по другить юртамъ, восхваляя и тамъ покойника. После кумыса гостямъ опять подали мясо, которое они опять запивають кумысомъ. Питьемъ кумыса и закончилось все угощенье гостей. Посль того следуеть состязание првцовъ-импровизаторовъ. Но это время выбрано для состязателей самое неблагопріятное, и они привлекають къ себ'в весьма незначительную сравнительно группу слушателей. Дело въ томъ, что черезъ какой-нибудь часъ должна начаться самая байга, должень начаться быть лошадей, приведенныхъ сюда изъ разныхъ увядовъ и областей, и всв съ мучительнымъ нетеривніемъ ждуть назначенія міста, откуда должны пустить "бъгунцовъ". Назначеніе этого міста зависить оть распорядителей байги и сохраняется ими втайнъ до самаго момента начала бъга. Это дълается въ следующихъ видахъ. Естественное желаніе каждаго участвующаго въ байгъ получить призъ неръдко влечеть за собой всевозможнаго рода ухищренія со стороны владельцевъ "овгунцовъ" и крайне отважныя выходки. Если о мість байги объявлено задолго до нея, они убъгають впередъ съ подставными лошадьми, прячугь ихъ тамъ или за какимъ-нибудь кустикомъ, если онъ есть, или за кучей наваленнаго чія, или, наконець, въ нарочно вырытой для этого ямв. Затвиъ, когда съ ними поровняются "бъгунцы", оня выскакивають изъ-за засады, подбъгають каждый къ своей лошади, участвующей въ бъгъ, и начинають немилосердно хлестать ее нагайками, отгоняя въ то же время другихъ лошадей, или же съ уставшей лошади пересаживають съдока на свъжую, а съдоковъ чужихъ лошадей стараются стащить съ нихъ. Но подбъгають хозяева этихъ лошадей, н начинается страшнъйшая схватка, почти всегда кончающаяся вровопролитіемъ. Чтобы устранить подобнаго рода схватки, распорядители байги и держать втайнъ назначение мъста ея до тъхъ поръ, пока не настанеть самое время бъга. Настанеть, наконець, для всъхъ желанный моменть объявленія о мість байги. Выважають нівсколько верховыхь, жа въ рукахъ длинную палку, на концъ которой привязанъ красный

ть, и, объезжая юрты, выкрикиваетъ: дать чегаръ, ать чегаръ

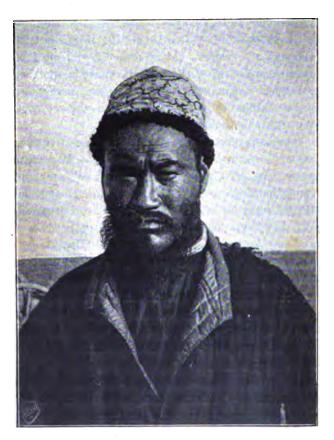
(выпускайте лошадей). Всё выводять своих в лошадей, сажають на нихъ мальчиковь отъ 10 до 15 лёть, въ одномъ нижнемъ бёльё, съ повязанными платкомъ головами. Когда всё соберутся, являются распорядители и начинають дёлить всёхъ "бёгунцовъ", число которыхъ доходить до нёсколькихъ соть, на два разряда: на "бёгунцовъ" для такъ называемой "улькунъ-байге" (большой скачки) и "бёгунцовъ" для "кунанъ-байге" (скачки жеребять); для первой выбираются лошади старше 3-хъ лёть, для второй— моложе. Разстояніе для "улькунъ-байге" назначается отъ 30 до 40 верстъ, а для "кунанъ-байге"—отъ 10 до 12. Когда всё лошади разсортированы, впередъ выступаетъ самый старшій изъ рода покойнаго, главный распорядитель байги, и объявляеть число и цённость назначенныхъ призовъ. Голоса смолкають, гулъ стихаетъ, наступаетъ полнъйшая тишина; только слышатся какъ-то особенно торжественно выкрикиваемыя распорядителемъ названія призовъ.

Чтобы не слишкомъ длинными показались часы томительнаго ожиданія возвращенія "бѣгунцовъ", въ этоть промежутокъ времени устраивается обыкновенно борьба и разнаго рода зрѣлища. Борьба начинается съ слабъйшихъ. Каждые борцы борются до трехъ разъ. Поборовшій два раза считается побъдителемъ. За побъжденнаго вступается другой борецъ, сильнъе, и т. д., до тѣхъ поръ, пока пальма первенства не останется, наконецъ, за какимъ-нибудь однимъ богатыремъ. Борцы, схвативши другъ друга за пояса, ходятъ обыкновенно довольно долго, напирая плечомъ одинъ на грудь другого, и при борьбъ ихъ не столько значитъ ловкость, сколько дъйствительная сила. Нътъ при этомъ ничего позорнъе, ничего оскорбительнъе для павшаго въ борьбъ киргиза, какъ если противникъ, поборовъ его, перешагнетъ черезъ него да вдобавокъ, перешагивая, еще присядетъ надъ его физіономіей...

Изъ зрълищъ обычны слъдующія.

Во-первыхъ, доставать ртомъ серебряныя монеты изъ большого чана, наполненнаго простоквашей. Ставится чанъ, наливають его полный простоквашей, подсыпають иногда въ нее нюхательнаго табаку, бросають туда монету, и охотники должны доставать ее, не прибъгая къ помощи рукъ, а только ртомъ. Иной только что успъеть окунуть въ простокващу свою голову, какъ тотчасъ же, захлебнувщись ею, вскакиваеть и, при общихъ насмъщкахъ и хохотъ, безпрестанно чихая отъ попавшаго въ носъ табаку, съ криками: "ой бой, ой бой, джаманъ!" бъжить къ водъ обмываться. Другой, и найдя монету, не можеть взять ее, долго водя ее передъ собой носомъ по круглому дну чана. Болье же опытный, какъ только найдеть монету, сейчасъ же большимъ глоткомъ захватываетъ въ этомъ мъстъ въ ротъ простокващу, а вмъстъ съ нею обыкновенно вытаскиваетъ и самую монету, но бываетъ и такъ, что захватившій полный ротъ простокващи долго потомъ выпускаеть ее изо

рта на руви, тщетно ожидая, когда глаза его увидять тавъ дорстоившій ему серебряный. Когда же при напряженномъ вниманія, устрименномъ на него публикой, онъ выпустить уже всю простокващу, а ребрянаго все ність, то раздаются насмішливые врики: "проглоты проглотить, полізай снова за другимъ". Находятся для потіжи публітакіе, воторые, прежде чімъ окунуться въ чанъ, надівають треть

Киргизъ.

малахай (тумакъ затьмъ уже под жають въ прес-EBAMY POJOBY; Toухъ наполнится п стоквашей; киргш быстро вскочивь. чинаеть махать п въ разныя стороб обдавая всёхъ вол-дождемъ простока ши, и въ то врем когда тв, спасал бросятся бъльта вынимаетъ изъча серебряный рукам т, смотоп ввавау досталь ртомъ.

Доставать монспродолжають за техь поръ, пока раздадутся врект "киліятырь, киліятырь" (т.-е. Едугатыры" (т.-е. Едугатыры"), и все брасаются въ ту строну, въ какую в

сутся "бъгунцы". Но это еще только "бъгунцы", бъгавшіе на "кунадібайге"...

Когда настанеть время возвращенія бъгунцовь съ "улькунь-байте вев собираются у высокихъ шестовь, съ развъвающимися на конпалуихъ, вмъсто флаговъ, красными платками, къ которымъ должны повъжать бъгунцы. Всъ напряженно смотрятъ вдаль, туда, откуда должно показаться бъгунцы. Вотъ далеко-далеко показалась какъ бы токъз струйка дыма, видимая только зоркому киргизскому глазу. Струйка с

каждой секундой все растеть и растеть; черезъ минуту видно уже густое облако пыли. Возбужденіе публики дошло до послёднихъ предёловъ, и всё съ оглушительными вриками: "киліятыръ, киліятыръ!" бросаются навстрёчу бёгущимъ, махая руками и платками, что-то крича, и никакая сила, кажется, не въ состояніи бы была остановить ихъ. Наконецъ, крики съ той и другой стороны, со стороны встрёчающихъ и со стороны бёгущихъ, сливаются въ одинъ гулъ, въ которомъ трудно что-либо разобрать. Для распорядителей байги почти нётъ возможности во всей этой свалкъ, среди густо всёхъ покрывающей пыли, точно опредёлить порядокъ, въ которомъ прибъжала та или другая лошадь. Отсюда являются безконечные споры и ссоры изъ-за призовъ.

Когда призы такъ или иначе, правильно или неправильно, розданы, всё сейчасъ же разъёзжаются по своимъ ауламъ. Остаются еще на ночь только тѣ, у которыхъ лошади пускались въ бѣгъ и требують отдыха. На другой день всё юрты сняты, и снова на томъ мѣстѣ, гдѣ еще вчера было такое оживленіе, гдѣ такъ шумно справились поминки, снова голая, мертвая пустыня... Только груды костей уничтоженныхъ животныхъ еще долго будутъ свидѣтельствовать о бывшемъ когда-то на этомъ мѣстѣ величайшемъ празднествѣ киргизскаго народа.

Въ Степномъ краѣ.

(П. Головачева.)

Во второй половинъ мая степь къ югу отъ Петропавловска еще не утратила свежихъ, смеющихся красокъ степной весны. По обемпь сторонамъ почтоваго тракта на изумрудномъ коврѣ густой травы время отъ времени показываются темно-зеленыя рощи, состоящія изъ березъ и сосень, и подле нихъ иногда блестять гладкія зеркала ленивыхъ степныхъ озеръ, эти "голубыя очи степи", какъ говорять киргизы. Чистый воздухъ напоенъ острымъ, но пріятнымъ ароматомъ степныхъ травъ. Наступаеть ночь, и поднявшійся вітеръ мчить съ сіверо-востока очень чувствительныя ледяныя струйки. Степь кажется еще болье безбрежной, безконечной, чемъ днемъ. Она какъ будто дышить подъ покровомъ темно-синяго неба, усвяннаго золотыми звъздами; за много верстъ доносится каждый звукъ: крикъ верблюда, ржаніе лошади, скрипъ тяжелой двухколески. Высокое небо, какъ гигантскій резонаторъ, возвращаеть потемиващей степи ся земные звуки. Вдоль дороги расположились ужъ цвлые лагери - обозы съ разными товарами, отправляющиеся на атбасарскую ярмарку, и цълые таборы переселенцевъ, подвигающихся въ глубину степи. Огни костровъ освещають своимъ трепетнымъ нервнымъ блескомъ лежащихъ воловъ, верблюдовъ, неуклюжін двухко-

лесныя таратайки съ опущенными оглоблями, перегруженныя тел новоселовъ, бълыя маленькія палатки. Съ первыми лучами утрень солнца все это приходить въ движеніе, и по дорогів медлительные в снова тянуть арханческія скрипяція сооруженія, у которыхъ колес втулки грубо сдъланы изъ тяжелыхъ обрубковъ; за ними шагаютъ лыя вереницы кроткихъ, выносливыхъ верблюдовъ, кажущихся наки то изванніями темно-с'єраго цвіта (шерсть вылізла почти совершен Подъ страхомъ жестокой боли верблюды должны соблюдать строжай дисциплину: черезъ ноздри у каждаго изъ нихъ продернута волося веревка, которая привязывается къ следующему животному, такъ уклоненіе въ сторону самымъ чувствительнымъ образомъ отзывается каждомъ верблюде въ отдельности и на всехъ вместе. Этотъ вар скій обычай практикуєтся одними киргизами. По дорогь то и діло падаются биткомъ набитые тарантасы, въ которыхъ фдуть петропав скіе и кокчетавскіе татары и сарты на атбасарскую ярмарку. Несм на зной, эти путешественники одъты тепло: на нихъ черные и сърые повые капоты, касторовыя шляпы странной формы и новенькія резино калоши. Иногда встръчается богатый татаринъ или сарть съ женой кафтан'в и юбк в яркихъ цвътовъ, съ нарумяненнымъ лицомъ, кото она слегка прикрываеть бълымъ кисейнымъ платкомъ. Татарки счита неприличнымъ входить въ комнаты станціонныхъ пикетовъ и жмутся время остановокъ гдф-нибудь на дворф. Вдуть и конные киргизы. П гарцуеть на хорошей лошади, сбруя которой украшена серебрян бляхами; на самомъ всадникъ надъть короткій темный халать, перез ченный поясомъ, испещреннымъ серебряными бляшками, коралламо бирюзой, и малахай изъ краснаго бархата, опущенный лисицей. Ка ныя или резиновыя калоши обязательны. Это, конечно, "бай". "(ксы", богачь, быть можеть, "почетный киргизь, волостной управител Его окружаеть свита изъ 5-6 человъкъ, работниковъ или прихле телей. По направленію къ Петропавловску тянутся обозы съ лъс изъ южныхъ частей Кокчетавскаго увзда и гурты скота. Отдвлы семьи переселенцевъ и целыя группы ихъ подвигаются иъ югу, Акмолинскій и Атбасарскій увзды. Вообще теперь движеніе здівсь раздо значительные, чымь было раньше: желызная дорога произв свое дъйствіе, да и переселенческая волна стала сильнье. Это движе людей и животныхъ до ибкоторой степени маскируютъ пустынность п отъ Петропавловска до Кончетава: дорога проходить по "пинетам отстоящимъ одинъ отъ другого на 20-25 верстъ, одинокимъ казели вида домишкамъ, дымнымъ и мрачнымъ, со службами и итскольки принаскими кибитками поблизости. Внутренность этихъ станціоння въ крайне непривлекательна; покосившіеся; дырявые полы, уг о паденіемь потолки, разбитыя стекла вь окнахв, убогая мебе сюду отпечатокъ заброшенности и запущенности. Эти жалкіе дома приадлежать казнѣ. Петропавловскіе и кокчетавскіе казаки беруть на ебя обязанность за извѣстное вознагражденіе перевозить почту и имѣть тъ 4—6 лошадей для проѣзжающихъ. Экономическія причины прикрѣпяютъ къ каждому пикету по нѣскольку киргизскихъ кибитокъ, чѣмъ и пользуются почтосодержатели: такъ какъ эти киргизы состоятъ у нихъ гругомъ въ долгу, то они позволяютъ имъ возить проѣзжающихъ, погучая за это извѣстный, очень высокій процентъ съ прогоновъ. И всезаки на пикетахъ иногда приходится подолгу ожидать лошадей: киргизы уѣдны, малолошадны, это—"байгуши".

Къ югу отъ Петропавловска, до предъловъ Голодной степи, на прогяженій до 800 в., находятся только три города: Кокчетавъ, Атбасаръ и Акмолинскъ. Всъ они расположены на безлъсныхъ степныхъ равнинахъ и очень похожи друга на друга. Областной городъ Акмолинскъ, или Акмолы, основань по чисто стратегическимь соображеніямь для удержанія въ повиновеніи киргизъ, кочевавшихъ по Ишиму. Городъ окруженъ съ одной стороны цізлой сотней візтряныхъ мельницъ, которыя, словно добрые великаны, отмахивають отъ него своими длинными руками злыхъ духовъ степи. Онъ состоить изъ трехъ главныхъ частей, отдъленныхъ одна отъ другой громадными пустырями, изъ которыхъ одинъ называется базарной площадью. На видномъ месте, на одной площади съ соборомъ, думой и гостинымъ дворомъ находится острогъ, квадрать въ 20 саженъ по сторонамъ, огороженный "палями" (заостренными бревнами) сажени въ три высотой. У вороть острога стоить единственный часовой. Внутренность тюрьмы не имъеть ничего устрашающаго: длинный деревянный домъ, раздъленный коридоромъ съ камерами по объ стороны. Выпускаемые на прогулку могуть свободно переговариваться со знакомыми черезъ широкія щели "палей". Въ кухив хлопочуть два повара киргиза. У самыхъ палей брошена пила. Такая тюрьма ни на минуту не удержала бы опытнаго преступника, но акмолинскіе арестанты, почти исключительно киргизы, спокойно валяются по нарамъ и не думають о побъгъ. Часть ихъ работаетъ надъ благоустройствомъ городского сада, двое-трое дежурять на наромъ черезъ Ишимъ. Въ Акмолинскъ есть даже нъсколько каменныхъ домовъ скучной, мъщанской архитектуры, принадлежащихъ мъстнымъ богатымъ купцамъ, и нъсколько большихъ деревянныхъ съ безобразными подъ**тадами и фасадами** по одному шаблону—здёсь живуть богатые татары и сарты; остальное населеніе ютится въ домахъ очень неудобныхъ, холодныхъ, не имъющихъ самыхъ необходимыхъ приспособленій для сколько нибудь культурной жизни.

Улицы Акмолинска, конечно, не освѣщаются. Нѣсколько фонарей горять только у большихъ магазиновъ для лучшей охраны ихъ отъ

воровъ. Въ общиное время эти широкія и длинныя улицы нижогда гподметаются, хотя и унавожены гораздо дучше врестьянскихъ полей в. центральныхъ губерніяхъ; ихъ очищають вітры, часто поднимающь цвлыя тучи пыли и затхлаго навоза. Если летніе ветры выметалоть городскія улицы, то зимніе бураны прекращають всякое сообщеніе. Трудяпредставить себв всю силу и весь ужасъ степныхъ бурановъ: инчег. не видно и ничего не слышно буквально въ двухъ шагахъ. Степныпоселки заносятся по самыя трубы, и путнивъ только по чему-то теплому, оказывающемуся затвиъ трубой, можетъ понять, что онгь очутился на крышъ какого-то жилья. Бураны въ Акмолинскъ превращають сношенія даже между сосъдними домами: отойти въ буранъ вечеромъ въ сторону отъ своего дома-значить рисковать жизнью. Не проходит: ни одной зимы, чтобы на улицахъ не овазалось замерзшихъ, иногда въ двухъ шагахъ отъ жилья. Въ общирныхъ акмолинскихъ дворахъ в время бурановъ протягиваются веревки, держась за которыя только в можно добраться до службы, не рискуя заблудиться въ собственномъ дворъ.

Хотя главная, значительнейшая часть населенія Акмолинска состонть изъ русскихъ казаковъ и мъщанъ, однако при первомъ взглядъ кажется, что киргизы и вообще инородцы преобладають въ этомъ степномъ городъ: киргизы и толпами, и въ одиночку галопируютъ по улицамъ, поднимая цълые столбы пыли, толкутся на базарной площади, наполняють лавки и магазины, камеры обоихъ мировыхъ судей, увядное правленіе: всюду слышится киргизская різчь. Киргизы всі на виду, на улицахь, въ то время какъ русскіе сидять въ канцеляріяхъ, въ лавкахъ, находятся въ отлучив или заняты домашними делами. Множество киргизъ ежедневно является въ городъ съ кумысомъ за покупками для продаже степныхъ продуктовъ; кучерами и работниками служатъ почти исключительно киргизы и безпрестанно гоняють на водопой цълые табуны лошадей. На улицахъ, ближе къ вывзду изъ города, часто приходится наблюдать такія сцены: фдуть верхами нісколько киргизь и киргизка въ "легчанив" (плетеный кузовъ, поставленный на обыкновенный колесный ходъ). Вдругь вся компанія останавливается, одинь киргизъ сходить съ лошади, а киргизка вылъзаетъ изъ легчанки, накрываются одной шалью и по-киргизски начинають что-то жалобно пъть. Черезъ нъкоторое время оба раскрываются съ совершенно равнодушными лицами, киргизъ возвращается въ городъ, а остальная компанія продолжаеть свой путь. Это-прощаніе брата съ ніжно любимой сестрой. Во время іюльской ярмарки городъ положительно наводняется киргизами. Всъ магазины и лавки переполнены ими; степные дикари на корточкахъ сидять около лотковь съ разными бездълушками, разсматривають цічки, запонки, мыло и покупають всв эти ненужныя для нихъ вещи;

прилавки сартовскихъ рядовъ заняты играющими въ карты, всюду осъдланныя дошади, верблюды и надъ всемъ этимъ носятся облака пыли. Но центръ ярмарочныхъ операцій за городомъ въ нісколькихъ верстахъ. Тамъ устраиваются прітажіе купцы, русскіе и азіатскіе, чтобы не платить за права въ пользу города, тамъ расположены продажные гурты, стада и табуны. На базарной площади расположились старые деревянные ряды, исключительно занятые сартовскими и татарскими лавками, гдф продаются туркестанскіе фрукты, оржи, выделанныя кожи, ковры и проч. На хлюбномъ базаръ находится нъсколько десятковъ киргизскихъ кабаковъ, "кумысенъ". Эти кумысни представляютъ собою ряды деревянныхъ маленькихъ лавочекъ, на дверяхъ которыхъ красуются "русскія" надписи: "кымызами", "кумузной" и т. п. Внутренняя обстановка кумысень очень проста и однообразна: посредина небольшого квадратнаго помъщенія низенькій круглый столикь, около котораго на полу помъщается котлообразная большая деревянная чаша съ кумысомъ; подлъ нея на полу сидить киргизка въ бъломъ покрываль на головъ, похожемъ на тъ головныя покрывала, какія носять католическія монахини нъкоторыхъ орденовъ. Большой деревянной ложкой киргизка постоянно мешаеть кумысь. На столике стоять маленькія чашки, похожія на наши полоскательныя, а вокругь него разм'вщаются потребители. У задней ствиы стоить скамья. Есть кумысии болве благоустроенныя, помъщающися въ домахъ, или, върнъе, хижинахъ изъ дерна или саманнаго кирпича. Полъ устланъ войлокомъ и покрытъ тонкимъ сартовскимъ ковромъ. Одна ствна уставлена "джукомъ" — приданымъ хозяйскихъ дочерей. Этотъ "джувъ" состоитъ изъ нъскольнихъ рядовъ сундуковъ, блестящихъ желтой и бълой жестью и увънчанныхъ толстымъ слоемъ перинъ и одвялъ, желтыхъ, красныхъ, съ зелеными и розовыми цвътами и разводами. Въ углу пріютился мъдный кунганъ для намаза, а въ свияхъ видивется солидныхъ размеровъ кожаная саба съ кумысомъ. Русская культура проникла въ кумысню въ видъ мъдныхъ подсвъчниковъ, деревянныхъ шкатуловъ, чашевъ и блюдецъ съ причудливымъ разводомъ, которыми заставленъ цълый столъ, и ламиъ на окиъ. Въ этомъ киргизскомъ кабачкв не заметно никакихъ признаковъ, такъ свойственныхъ русскимъ питейнымъ домамъ: пьяныхъ физіономій, безсиысленныхъ взглядовъ, ръзкихъ жестовъ, крика, брани, ссоръ, -- здъсь беседа течеть ровно, пристойно, публика, сидящая за полукругомъ столика обменивается или тихими длинными речами, или короткими замечаніями. Это-дъйствительный клубъ, куда люди собираются для обмъна мыслей и впечативній. Въ нівкоторыхъ кумысняхъ нграють, впрочемъ, въ карты, но тайкомъ и урывками. Возл'в клібнаго базара находятся и сартовскіе рестораны, гдв продаются "манты" (пельмени); пилавъ и 🗓 🤇 кумысъ. Соблазнительная вывъска-блюдо съ какъ бы летящими мантами и горизонтально направленная къ нему вилка (произведеніе містнаго киргизскаго художника)—указываеть входъ въ гостепріниный ресторанъ, гдё посётителей встрёчаетъ хозяннъ-поваръ съ низкими покънами и прижиманіями къ сердцу лівой руки. Кухня занимаетъ цілуствну—котель для пилава и другой, двухъэтажный, цилиндрическій, демантовъ, въ которомъ они варятся на пару, на блюдечкахъ, по і штукъ на каждомъ. Подъ котлами пылаетъ непрерывный огонь. Меблеровка состоитъ изъ наръ, покрытыхъ коврами, и обычнаго низенька столика посрединів комнаты.

Въ Акмолахъ существуетъ цълая киргизская "джатацкая" (джать ками называются здісь осіддые киргизы) слободка съ сотней лачуг. слъпленныхъ изъ дерна. Странное и непріятное впечатлівніе провзыдить эта слободка: по объимъ сторонамъ широкой улицы тянется впрерывный рядъ примкнутыхъ другъ въ другу землянокъ, едва имърщихъ форму человъческаго жилища, вышиною въ сажень, съ илоскии крышами, заросшими сорной травой. Узенькія, едва зам'ятныя ворол ведуть въ полутемные дворы, которые на зиму закрываются сверх Внутренность земляновъ слабо освъщается однимъ, ръдко двумя овошеками, полъ земляной, ствны часто небвленыя, потолокъ поддерживается деревянными столбами. Два-три сундука, камелекъ съ казаномъ, два-тя горшка, самоваръ и мъдный кунганъ—все имущество въ бъднъйших землянкахъ. Въ самой зажиточной мы встретили более утвари развале рода, больше сундуковъ, даже постели съ ковриками передъ ними подлів нихъ на стінів. На дворів находилась цівлая мастерская—стары юрта съ кузнечнымъ горномъ-здёсь приготовляются разныя принадиехности сбруи. Степной художникъ береть серебряную проволоку особа: рода и по узорамъ, какіе создаеть ему фантазія и прим'връ уже сл ланныхъ вещей, при помощи молотка вбиваеть ее въ кожу и расплшиваеть по ней. Получаются довольно красивыя арабески, которыв украшаются съдла, сбруя, кожаные пояса. Джатаки занимаются мельч торговлей на базаръ, нанимаются въ работники къ горожанамъ, а эмой, да часто и летомъ, каждая землянка превращается въ постоямі дворъ для прівзжихъ киргизъ.

Временный, но довольно замітный слой акмолинскаго населенія составляють переселенцы, появившіеся вообще здібсь въ незначительного количествіть съ 80-хъ годовъ, преимущественно изъ средней Россіи, изъ губ. Пермской, Самарской, Курской, Подольской. Часть первыхъ переселенцевъ осівла въ самомъ Акмолинскій и уже достигла благосостоянія: у киргизовъ тогда за безціннокъ можно было арендовать баснословного количество тучной, нетронутой степи, и всів, кто иміть возможность воспользоваться этимъ многоземельемъ, выстроили приличные дома, пробрівли много домашняго скота и успівли составить нівкоторое состояніє.

Въ настоящее время благодушныя отношенія киргизъ къ новоселамъ измѣнились: появилось много новыхъ поселковъ, киргизскія земли были въ значительномъ количествъ отчуждены въ пользу переселенцевъ, и между туземцами и пришельцами начались недоразумѣнія не столько изъ-за земли, сколько изъ-за воды. Киргизскіе зимники всегда устраиваются около озеръ или рѣдкихъ степныхъ рѣчекъ, и трава тамъ тщательно сберегается для подножнаго корма киргизскому скоту зимой; теперь эти земли захватываются новоселами подъ покосы и пастбища. Въ глубинъ степи излюбленыя лѣтнія кочевья около воды также оспариваются новоселами. Территорія для киргизскихъ кочевовъ мало-по-малу сокращается, и они незамѣтно оттъсняются въ неудобныя мѣста, гдѣ много горъ и солончаковъ.

Въ настоящее время Акмолинскъ сталъ пунктомъ, куда прибываютъ переселенцы изъ Россіи и откуда распредъляются по участкамъ; поэтому на улицахъ города можно встрътить хохловъ, мордву, черемисъ, даже нъмцевъ, говорящихъ на такомъ варварскомъ "мужицкомъ" нъмецкомъ языкъ, что ихъ почти не понимаютъ даже лица, хорошо знакомыя съ этимъ языкомъ. За Атбасаромъ и далъе къ югу переселенческіе поселки состоятъ изъ двухъ рядовъ землянокъ, сдъланныхъ изъвысущеннаго дерна, въ два ската, крытыхъ соломой или тоже дерномъ, низенькихъ, не выше сажени, съ двумя окнами на улицу, съ кадками и горшками вмъсто трубъ. Частъ землянокъ вымазана сърой глиной, а нъкоторыя выбълены и имъютъ довольно пріятный видъ. Около землянокъ въ безпорядкъ скучились несложныя надворныя постройки, тоже изъ дерна. Двухъ мъсяцевъ совершенно достаточно для устройства такого поселка.

Вторую, болье старинную часть населенія Степного края представляють казаки. Ихъ нужно считать наиболье привилегированной и обезпеченной частью населенія. Во второй половин'в прошлаго в'яка и въ первыя десятильтія ныньшияго, когда еще виргизскія орды не были замирены окончательно, сибирскіе линейные казаки играли роль охранителей русскихъ границъ, но теперь они потеряли всякое мъстное значеніе въ этомъ смысле и даже службу свою отбывають за тысячу версть отъ Степного края. Казаки никогда не играли видной роли въ дълъ проведенія русской культуры въ киргизскую среду; напротивъ, они сами въ значительной степени подчинились вліянію киргизской степной культуры: усвоили киргизскій языкъ, полюбили кумысъ, переняли маленькіе столики, за которыми въ літнее время пьють чай и обівдають, сидя на полу. У нихъ въ большомъ ходу киргизскія пословицы, загадки, сказки. Собственнаго пъсеннаго творчества у казаковъ нътъ-въ пъяномъ видъ они выкрикивають обыкновенныя солдатскія пъсни. Казаки достигли нъкотораго благосостоянія: имъють дома, несравнимые съ жилищами крестьянъ Европейской Россіи, домашнюю обствновку, сундуки съ добромъ, разные предметы культурнаго обихода. скоть. Но эта извъстная зажиточность казаковъ создана не земледъльческимъ трудомъ, даже не выгодными, болъе или менъе общирными операціями скотомъ и продуктами скотоводства, а представляетъ, съ одной стороны, естественный результать земельнаго богатства, позводяющаго имъть много скота, а съ другой — безцеремонной и **безвас**тънчивой эксплуатаціи окрестныхъ киргизъ. Обезпеченная жизнь, достигнутая такимъ способомъ, наложила несимпатичныя черты на харавтеръ казаковъ.

Въ Семипалатинской области.

(К. Носилова.)

Еще одинъ день пути по ръкъ Иртышу, еще одна ночь стоянки парохода у степного пустыннаго берега-и мы подходимъ къ Семипалатинску.

Пассажиры съ нетерпъніемъ ожидають, когда они, наконецъ, освободятся отъ парохода; эти тысячи версть по реке, эти шесть сутокъ пути на пароходъ уже многимъ прискучили; хочется разнообразія, другой жизни, и это приближеніе перем'ёны всёхъ волнуеть такъ, что, казалось, мы вдемъ Богь знаеть въ какую столицу. Но самыя горячія ожиданія, какъ часто это бываетъ въ Сибири, словно нарочно сбываются не такъ, какъ думаешь. Мы думали подъвхать къ самому городу, мы надъялись видъть его съ ръки, любоваться его панорамой; но виъсто всего этого насъ высадили на какой-то грузовой пристани, даже не показавъ города. Иртышъ, словно нарочно, измельчалъ, и намъ предотояло тащиться до города пять версть на извозчикахъ, которыхъ было ровно три человъка на всъхъ пассажировъ нашего парохода; и толпа народа съ массой мъшковъ, ящиковъ, багажа, выбравшаяся на голый берегь рыки, стояла въ смешномъ недоумении, казалось только что потерпъвъ кораблекрушение...

Это обычная картина неустройства сибирскихъ ракъ; это мы видъли не разъ на пути, когда на нашихъ глазахъ выкидывали человъка съ нарохода на берегъ, съ его мъшками, подушками, и, предоставляя его судьбь, уходили дальше, даже не думая, какъ онъ оттуда попадеть во-свояси... Но то были промежуточныя станціи, села, поселки, то часто дълалось по просьбъ самихъ пассажировъ, тогда какъ здъсь была вонечная станція и городъ...

Но воть на усиленные, продолжительные, оглушительные свистви вылиотся изъ города спасители, и мы, обгоняя вереницу бычровъ, которые пъшкомъ тащатся туда, наконецъ подътз-

Digitized by GOOGIC

Съ голой степи, при утреннихъ дучахъ солнца, онъ кажется намъ красивымь; роши тополей дышать свъжестью; военный лагерь блестить **-бълыми палатками; вдали видны стройные минареты мечетей, бълыя** колокольни церквей и цълая линія сърыхъ домовъ, словно нарочно облитыхъ свътомъ солица. Иртышъ течегъ рядомъ съ городомъ; онъ здъсь не широкъ, съ песчаными мелями, но его острова, заросшіе роскошными тополями, такъ и манятъ къ себъ своею свъжестью и густотой, темной тынью. Передъ самымъ городомъ насъ обгоняеть толпа всадниковътатаръ, и мы узнаемъ среди нея нашихъ спутниковъ по пароходу, поклонниковъ Мекки, которые теперь, окруженные родными, знакомыми, шумно ъдуть толпой въ городъ, торопя своихъ тощихъ, степныхъ, бойкихъ лошадокъ. И эта толпа всадниковъ, въ халатахъ, въ шапочкахъ, Съ монгольскимъ типомъ, чуждымъ намъ говоромъ, какъ-то невольно придаеть городу восточный характерь, о которомь говорять и многочисленные минареты мечетей. Вотъ и улица. Мъщанскіе домики, постройки зажиточныхъ людей, заборы, садиви, зеленыя крыши — все какъ въ любомъ изъ нашихъ русскихъ городовъ, и если что бросается въ глаза, то развъ только бъдность мазанокъ, заброшенныхъ бъдныхъ жилищъ, пустота, ширина улицъ и масса, масса съраго поску, который, словно сиътъ послъ метели, усыпалъ улицы и переулки. Онъ здъсь всюду, --его цълые сугробы наметены около пустынныхъ длинныхъ заборовъ домовъ, онъ цълыми дюнами лежить по проудкамъ, онъ настоящимъ ситжнымъ полемъ замелъ площади и забился въ каждую щель дома, окрасивъ ихъ въ сърую, пыльную окраску. Это уже особенность этого города, въ вътреные дни обращающагося въ одно пыльное облако, которое засыпаеть все и даже проникаеть въдома черезъ малъйшія скважины. Это бичь города, и жители совершенно справедливо называють свой городь "чортовой перечницей"... Но, къ нашему счастію, сегодня тихо; городъ можно видеть безъ пыли въ воздухе, и мы протважаемъ по его улицамъ длиннымъ, прямымъ и широкимъ, даже не полозръвая того, что въ немъ бываеть въ вътреный день.

Городъ недостаточно хорошо обстроенъ, въ немъ много каменныхъ зданій, есть очень даже приличные домики, магазины, лавки, но въ немъ совсѣмъ почти нѣтъ садовъ, и это отсутствіе зелени придаетъ ему унылый, невеселый видъ среди этихъ сыпучихъ сѣрыхъ песковъ. Онъ широко раскинутъ: его площади — цѣлыя поля, и эта разбросанностъ зданій и отсутствіе почти всякаго движенія на улицахъ еще болѣе придаютъ ему видъ захолустья; только въ восточной части городъ пріобрѣтаетъ видъ чего-то цѣльнаго, опредѣленнаго. Эта часть принадлежитъ татарамъ; это старый городъ, это гнѣздо его, и онъ особенно характеренъ.

Узкія улицы, сплоченные дома скромной деревянной постройки, та

тарскія діти, женщины на улицахь и въ окнахъ, десятокъ своеобраныхъ старыхъ деревянныхъ минаретовъ выше врышъ придаютъ этой части города чисто восточный характерь, и, когда я гуляль после в лтимъ улицамъ, мив казалось, что я нахожусь въ какой-нибудь отдаленной части Казани, гдъ-нибудь въ Касимовъ, въ центръ татарской жизни, а не въ далекомъ уголкъ южной Сибири. Эта часть и есть стьринный Семипалатенскъ, куда, вёроятно, привлеченные монгольских населеніемъ и торговлей съ нимъ, въ началь этого стольтія переселядись татары съ Камы и Волги и сарты изъ свободнаго Туркестань. Бойкій, торговый, промышленный народъ здісь какъ нельзя лучше воспользовался стариннымъ караваннымъ путемъ Кашгара, Яркенда в Кульджи въ Сибирь, который и въ настоящее время въ этомъ пункта пересъкаетъ Иртышъ, направляясь въ съверу. Обширныя степи, бродячій киргизъ со стадами тоже дали имъ не мало выгодъ въ торговић, и воть изъ маленькаго поселка вырастаеть бойкій торговый городъ съ полутатарскимъ населеніемъ и, благодаря центральному положенію, ділается и административнымъ пунктомъ. Теперь это уже крупный центръ степной торговли, которая все еще держится въ рукахъ татаръ и сартовъ, но видимо начинаетъ уступать русскимъ, и въ русской части города уже можно видеть богатые магазины, свлады и дома русскихы торговцевъ.

Намъ пришлось пробыть въ городѣ два дня, и, гуляя по немъ, осматривая его достопримѣчательности, своеобразную полурусскую, полутатарскую жизнь, мы находили въ ней много интереснаго. Особенно насъ привлекали татарская часть города, торговая площадь и перевозъ черезъ Иртышъ. Эта своеобразная жизнь, обстановка ея, эти старыя мечети съ вычурными минаретами, эти узкія улицы, полныя татаръ въ самыхъ пестрыхъ, разнообразныхъ, порой дорогихъ костюмахъ, эти площади, гдѣ рядомъ съ шикарнымъ магазиномъ можно было видѣть во всякое время простоту восточной торговли, разную публику въ высокихъ мѣховыхъ шапкахъ, съ полосатыми халатами, эти верблюды съ грузомъ, крикъ уставшаго животнаго среди песковъ, понуканія ямщиковъ-киргизовъ, эти арбы, кучи хлопка и арбузовъ и яркое солнце на свѣтлоголубомъ, безоблачномъ, чисто-южномъ небѣ,— все это совсѣмъ не походитъ на наши города. Здѣсь пахнетъ востокомъ, и только русскіе дома, улицы, обстановка города говорять, что мы еще въ Россін.

Перевозъ черезъ рѣку — это цѣлая панорама восточной жизни. За рѣкой, въ степи вы видите караваны верблюдовъ, ословъ и верховыхъ лошадей. Они идутъ къ городу; вотъ они столпились на берегу рѣки, ждутъ паромовъ, смѣшались, и крики животныхъ, увидѣвшихъ воду, — и прорѣзаютъ воздухъ. Вотъ ихъ гонятъ на паромы, вотъ ихъ и палокъ укладываютъ рядами на мостъ, и вы видите пѣлую

жартину лежащих подъ тяжелымъ хлопкомъ животныхъ, которыхъ везутъ черезъ рѣку, которыхъ плавятъ по быстрому Иртышу къ берегу города. Вотъ они уже здѣсь; вотъ снова составился караванъ изъ нихъ, его загоняютъ въ воду протока; они осторожно, съ пронзительнымъ крикомъ переходятъ его и поднимаются въ гору, къ ућицамъ города; еще немного, и вы видите ихъ уже въ улицѣ, мѣрно, тяжело шагаюпцами по ней, удивленныхъ необычайной картиной и движенісмъ города послѣ голой, печальной, однообразной пустыни. На ихъ спинахъ привезли сюда изъ Китая, Кульджи рисъ, хлопокъ, ягоды, шерсть и даже виноградъ. Здѣсь они сложатъ все это и нагрузятся уже русскимъ товаромъ, по преимуществу желѣзомъ и мануфактурой, болѣе всего нужной для степной мѣновой торговли.

√ Географическое положеніе Семиналатинска крайне для него выгодно: у него теперь водный путь въ Сибирь и, несомивно, будеть и рельсовый, когда наши средне-азіатскія владвнія придется соединить съ великимъ сибирскимъ путемъ. Недалеко отъ него богатый минеральными богатствами Алтай, гдѣ уже началась частная горная дѣятельность, не говоря о той, которая давно принадлежить иниціативѣ казны. Степь по правую сторону Иртыша тоже богата въ минеральномъ отношеніи; здѣсь уже давно найдены и начинають разрабатываться мѣдныя и серебро содержащія свинцовыя руды, тамъ есть и золото, и каменный уголь, цвѣтные и драгоцѣнные камни, и соль, и сѣра, и графить, и разные строительные матеріалы, такъ что Семиналатинскъ, пожалуй, скоро будеть настолько же горнымъ городомъ, насколько теперь онъ считается степнымъ, торговымъ, караваннымъ.

Административный центръ тоже много оживляеть городъ; въ немъ стоять войска, въ немъ живеть много чиновничества, генералъ-губернаторъ, въ немъ есть прекрасный клубъ, музей и библіотека, и если стоить пожальть пока о чемъ, то только объ учебныхъ заведеніяхъ, которыхъ слишкомъ мало, чтобы воспитать даже этотъ слабо населенный край съ 570.000 населенія.

Довольно ровная, каменистая дорога повела насъ вдоль ръки Иртыша. Кругомъ сърая, выжженая степь; вдали, въ сторонъ отъ дороги, видны сосенки, остатки когда-то бывшаго бора, на мъстъ котораго теперь одни лишь пески, и только одна лента ръки, темные, пышные тополи близъ воды немного оживляютъ скучный видъ степи. Иртышъ здъсь уже въ высокихъ, каменистыхъ увалахъ; они пологими скатами подходятъ къ его извилистому ложу и постоянно измъняютъ его течене. Между ними къ ръкъ бъгутъ веселые, холодные ручейки и ключи, и человъкъ, ловя эту влагу среди сърой пустыни, то селится на нихъ заимками, то ставитъ мельницы, то просто юрты. Тамъ, около нихт непремъннно есть маленькій, чистый прудокъ съ яркою зеленью, а ши

роколиственный камышь по берегамъ его такъ и блестить своею свіжестью и зеленью, отражаясь въ тихой водів. Тамъ, по ручью, вдолькаменистаго, песчанаго ложа, которое все заросло, въ противоположность степи, сочной, высокой, густой травой, вы встрівтите и кусты рябины, и кусты черемухи, и красивый спирей, и разные шиповники, вътви которыхъ обвиль бліздный хмель, въ тіни которыхъ попрятались цільня заросли черной и красной смородины. Это настоящій оазшеть: здівсь такъ густа трава, что трудно пройти, такъ высока, что даже всадника скроеть, и, проізжая мимо такого зеленаго уголка степи, какъ-то невольно хочется остаться въ немъ, насладиться этою прелестью зелени рядомъ съ прозрачной водой.

Порой, на склонахъ къ Иртышу, попадаются пашни. Но здъсь какъто мало человъкъ обрабатываетъ землю, хотя она и богата, хотя она и можетъ даватъ хорошій урожай. Здъсь только ръдкіе клочки земли обработаны, и на нихъ мы видимъ то высокую поросль цвътущихъ подсолнечниковъ, то сърое поле арбузныхъ бакчей. Одни, какъ желтая стъна, стоятъ вдоль дороги, покачивая своими тяжелыми цвътами, другое кажется издали совсъмъ необработаннымъ, если бы на немъ не были видны сърые полосатые арбузы, лежащіе одиноко на сърой голой землъ, какъ валуны.

∠ Бакчи и поля подсолиечниковъ — это одно изъ самыхъ выгодныхъ
хозяйствъ здёшняго жителя, и каждую осень можно видёть, какъ отсюда пѣлые плоты арбузовъ сплавляются внизъ по рѣкѣ Иртышу къ
тѣмъ городамъ сѣвера, гдѣ арбузы считаются чуть ли не единственнымъ лакомствомъ изъ фруктовъ, посылаемымъ имъ далекимъ югомъ.
Для нихъ нарочно отгуда пріѣзжаютъ скупщики, которые покупаютъ
ихъ прямо въ полѣ, сами дѣлаютъ сборъ, сами сгружаютъ ихъ на плоты
или, въ лучшемъ случаѣ, на плоскія, широкія лодки и плывутъ съ ними
сотни верстъ и тысячи, куда-нибудь къ холодному Тобольску. Широко
пользуются арбузомъ и мѣстные жители, и въ зажиточномъ домѣ казака
вы можете встрѣтить его въ соленомъ видѣ даже въ срединѣ зимы;
нѣкоторые гонятъ изъ него водку.

Воть и поселокъ. Прямая, чистая улица; рядъ приличныхъ деревянныхъ домовъ съ чистыми двориками; на улицъ ни соломинки, потому что скотъ весь въ полъ. Но видъ поселка мертвый: окна закрыты, на улицахъ не видно даже пътуха, все живое словно спряталось отъ яркаго солина, отъ лътней жары. Это уже совсъмъ южный видъ деревни. Здъшніе казаки живутъ очень зажиточно. Рабочій трудъ въ этомъ краю очень дешевъ, цъна на продукты поля и скотоводства ничтожна. Почти у каждаго казака поселка есть стадо коровъ, лошадей и овепъ, ти каждая хозяйка въ поселкъ содержить большой и богатый ове-

и каждан хозника въ поселки содержить сольшом и согатыв совет г огородъ, снабжая послъдними городской рынокъ. Рабочіе здъсь киргизы, которыхъ здёсь, среди русскаго населенія много. Они обрабатывають казакамъ ихъ поля, они пасуть ихъ стадо, служать имъ на дворъ, въ огородъ; женщины-киргизки даже няньчатся съ ихъ дътьми, и маленькіе казачата уже съ пеленокъ научаются болтать по-киргизски, такъ же, какъ у насъ учатся дети французскому и англійскому языкамъ. Такихъ объднъвшихъ киргизъ, которые поневолъ должны идти къ русскому человъку и жить у него въ работникахъ, годъ отъ году становится все больше и больше. Молодежь, одиновій киргизъ живуть при домахъ своихъ хозяевъ, особо, гдъ-нибудь въ малой избъ; семейные же люди большею частью поселяются на задворкахъ около поселка, и, въ важая въ поселокъ, вы, прежде чъмъ увидать улицу, сначала обыкновенно видите кучи какихъ-то соломенныхъ, витыхъ изъ тростника, тальника, ивы лачугь, что-то въ родъ жилища первобытнаго человъка, гдъ и живеть зиму этоть степной пролетаріать. Отсюда имъ уже нізть выхода снова въ родную, привольную степь; заработокъ ихъ ничтоженъ; слиться съ русскимъ населеніемъ они, при существующихъ отношеніяхъ къ нимъ русскихъ, не могутъ, хотя бы изъ нихъ могли выйти хорошіе хозяева, земледъльцы, самостоятельные владъльцы земли; но у нихъ нътъ даже клочка ея, и никто не хочетъ помочь имъ устроиться самостоятельно; и воть этоть пролегаріать увеличивается и скоро, пожалуй, превысить русское населеніе въ крать. Одни изъ нихъ приживаются въ семь в вазаковъ и принимають православіе, другіе переходять оть одногохозянна въ другому, третън снова уходять въ степь, но уже не мирными жителями, съ стадомъ, а "барантой" -- разбойниками...

Было жарко, и мы пошли выкупаться въ ручьв, у котораго стоитъ поселокъ. Мы его тотчасъ же нашли за деревней; онъ протекаетъ подъсамымъ уваломъ, на которомъ она стоитъ; серебристые тополи, ивы и осокори обрамляють его извилистое теченіе. Къ его водв тянутся и казацкіе огороды, и мы невольно остановились при видв богатой растительности, которая здёсь сгруппировалась около воды. Это была настоящая иллюстрація того, что могуть при этомъ крав сдёлать климать, почва и трудолюбивый человѣкъ.

Мы перешли ручей и пошли дальше въ луга. Весь лугь быль въ цвътахъ, и намъ трудно было бы пробиться до изгиба ручья, — такъ высока и сильна здъсь растительность, — если бы не тропинки, которыя привели насъ сюда изъ деревни. Какая богатая растительность! Это не трава, а заросль; въ ней едва видна голова человъка; она густа, она переплелась другъ съ другомъ, цъпляется за одежду, не даетъ шагнуть въ сторону одного шагу. И какое разнообразіе здъсь цвътовъ! Тамъ стоять стволы зонтичныхъ и сложноцвътныхъ, тутъ цълою порослыю поврываетъ собой лугъ нъжно-малиновыми цвътами могучій кипрей, здъсь стоять высокіе, стройные стебли сараны, тамъ красуется царская свъча,

прячется білоголовникъ и красивый прикрытъ, и сколько знакомаго в этой зелени, сколько нашихъ обычныкъ садовыхъ и полевыхъ цвітов которые здісь такъ выросли, такъ развились, какъ никогда у насъ, к средней Россіи.

Но вотъ мы пробрались сквозь нихъ къ самому ручью, что-то запелестьло въ зелени, и мы видимъ, какъ оттуда выплываетъ цълый вывдокъ кряковыхъ утовъ; но прежде чёмъ мы могли ими полюбоватьс. онъ съ крикомъ поднимаются съ воды, летять вдоль ручья и падают туть же, недалеко, на другую широкую ямку стоячей воды. Нашь 🕪 водникъ-киргизъ говоритъ, что здесь это обычное дело — встрета: утокъ возлъ самаго поселка, что онъ живуть здъсь цълыми выводын все літо, что діти ловять ихъ маленькими и приносять домой въ хлья что рядомъ, на Иртышъ, по озерамъ, въ лугахъ еще того больше дча. и что охоты на нихъ здёсь почти не существуеть, такъ какъ казаг льнится стрълять такую мелкую дичь, предпочитая ей гусей, воторых масса водится по камышамъ озеръ. По его словамъ, въ этихъ же вросляхъ мы безъ труда могли бы найти тетеревей, куропатокъ, рабиковъ, не мудрено встрътить тутъ же недалеко въ кусталъ дрофъ, 🗓 полямъ—стрепетовъ и пропасть разныхъ куликовъ по болотамъ и бергамъ ръчки. Тутъ сосредоточивается льтомъ все живое полей, льсоп и озеръ, сюда весной все пернатое царство слетается выводить дътемшей; здесь въ густой, высокой травь оно скрывается до осени от беркутовъ, орловъ, соколовъ и ястребовъ и незамътно для хищнегом проводять льто и трусливый заяць, и хитрая хищная лиса, и бойс тушканчикъ, и кроты, суслики и волки. Такія заросли вдоль ручьевьнастоящее эльдорадо для охотника. если бы только у кого хватало 🕸 пвнія бродить въ высокой травів, бороться съ этими колючими, хвалющими кустарниками.

Но не однимъ только пернатымъ царствомъ и звърями оказался (стать нашъ ключъ, и только что затихли волны послъ утовъ, только что снова всколыхнутая поверхность воды стала зеркальной, какъ мы увдъли въ ея глубинъ тъни рыбъ. Однъ изъ нихъ были четверти въ дъ другія меньше, и, присматриваясь къ нимъ, не трудно было угалать что это бродятъ красноперые чебачки и харіусы. Послъдніе упорно дужатся вблизи маленькаго каменистаго переката и каждый разъ, количерезъ него, прыгая на маленькихъ волнахъ, несется какая-небурмушка, налетъвшая на воду стрекоза и неосторожно прыгнувшая со былка, они съ замъчательною ловкостью схватываютъ ее среди воль скрываются въ глубь ямки, оставивъ на поверхности воды чуть замътный кружокъ. Ихъ здъсь никто не ловитъ, и только развъ сърая чайът- халева", бойкая, крикливая "рыболовка" съ крикомъ когда бросята на воду, пролетая съ Иртыша вдоль этой узкой заросшей долинки.

Здівсь, по ямкамъ ручья, этой рыбы множество, но лізнивый казакъ даже не научился ее ловить запоромъ, и лишь діти, и ті різдко, різдко, только развів на самомъ Иртышів, удять ее удочкой и ловять маленькою сітью.

Мы прекрасно выкупались въ холодной прозрачной водъ и пошли къ ръкъ, которая привътливо мелькала вдали.

Ръка пустынна, только у противоположнаго берега идетъ подъ парусами широкій каюкь; онъ старательно избівгаеть быстраго міста ріжи и придерживается того берега, изъ-за мыса котораго его не такъ упираеть быстрое теченіе. На немъ куча товаровь, все покрыто рогожами, и въ то время, когда три человека помогають движенію тяжелаго плоскодоннаго судна съ боковъ шестами и четвертый сидитъ на рулв и править парусомъ, хозяинъ его беззаботно сидить возлів своего имущества, которое онъ хочеть доставить вверхъ по ракв. Подобный способъ сплава товаровъ по этой быстрой, каменистой, порожистой ръкъ немного уливителенъ при здъщней дешевизнъ лошадей и извоза, но онъ выгоднье сухопутнаго, потому что мыстный казакь не любить заниматься извозомъ, слишкомъ богатъ для такого труда, а заплавленный съ товаромъ каюкъ съ товаромъ же возвратится и обратно къ низовьямъ ръки, куда онъ сплавитъ медъ и воскъ пасвчниковъ Алтая, арбузы, овощи и разные сырые продукты охоты и скотоводства. И если сплавщикамъ трудно поднимать его теперь, вверхъ по ръкъ, одолъвать пороги, избъгать камней, тащить порой лямкой вдоль песчаныхъ береговъ ръки и спать подъ открытымъ небомъ, то зато будетъ легко и весело сплавлять его оттуда книзу, когда быстрое теченіе можеть въ сутки пронести его то пространство, которое онъ теперь делаеть въ пять дней. Здесь даже чиновники предпочитають ездить внизь по реке на этихъ каюкахъ, чемъ тащиться на лошадяхъ по осенней, грязной и битой дорогв.

А на томъ берегу, за ръкой, опять сърая, изрытая, неровная равнина, выжженная трава, безжизненность и тишина.

Наступаетъ вечеръ. Яркое солице хотя еще печетъ, но уже меньше; оно склоняется къ горизонту, и степь, сърая степь, румянится въ его красныхъ лучахъ и еще ръзче выступаетъ на небосклонъ. На ръку уже легли тъни, въ оврагахъ тоже темно. Степь дышитъ тепломъ, высохшей травой, жаромъ. Этотъ жаръ, тепло нагрътой поверхности, тянется къ ръкъ, и она по всей своей длинъ скоро покрывается бълой дымкой, разбрасывая ее оттуда на луга и долинки впадающихъ ръчекъ. Этотъ туманъ закуталъ ръку, пробился въ заросли ея береговъ, выжилъ оттуда дикихъ утокъ и баклановъ, и мы видимъ, какъ они носятся надъ этой бълой кисеей ръки, какъ они со свистомъ крыльевъ проносятся надъ степью, какъ они улетаютъ въ степь, на озера. Вмъстъ съ ихъ кри-

комъ появляются ястреба; вечеръ пробуждаеть хищный инстинкть; г кустахъ замираеть птичка, и хищники летять въ степь словно на разбой. Тамъ, на озерахъ, въ камышахъ, на илу высохшихъ болотъ, оне взбудять все пернатое царство, будутъ преслъдовать его, будутъ нападать на него послъ цълаго дня голода, и послъ заката солнца тамъ долго еще будутъ слышаться тревожные голоса гусей, караваекъ, кроншнеповъ, дупелей, степныхъ куличковъ и утокъ.

Въ глуши Алтая.

(А. Краснова.)

Уже изъ Бійска видивются на горизонтв голубыя очертанія горъ: здвсь уже начинается Алтайскій округъ.

Что такое Алтай? Какъ всякая горная страна, онъ долженъ имътъ свов карактерныя отличія. Для человъка, который посмотръль бы на него съ высоты птичьяго полета, онъ показался бы общирною горною страною, горы которой, наподобіе морскихъ волнъ, безпорядочно раскидались во всъ стороны. Среди такого океана волнъ отдъльно и отчетливо выдъляются нъсколько высокихъ хребтовъ со снъжными вершинами — это бълки Коргонскій, Катунскій и Курчумскій. Для смотрящаго съ юга Алтай покажется моремъ желто-бурыхъ волнъ, среди которыхъ сіяютъ снъговыя вершины названныхъ хребтовъ. При взглядъ внутрь, въ Среднюю Азію, онъ, по всей природъ своей съ этой стороны, напоминаетъ эту послъднюю; напротивъ, съ съвера онъ будетъ казаться лъсистымъ и зеленымъ. Его предгорія расположены среди роскошной зеленой равнины окрестностей Бійска. Мало-по-малу мъстность дълается болье гористою, и, переръзая многочисленныя долины, путникъ постепенно и незамътно въъжаетъ въ область величественной горной природы.

Если не считать немногочисленных остатьов кочевниковь туземцевъ, край населенъ почти сплошь кореннымъ великороссійскимъ населеніемъ. Однако какъ неодинакова въ различныхъ частяхъ края его природа, такъ же точно несходно и это населеніе. Путь, пройденный мною отъ Бійска къ югу внутрь страны, къ бѣлкамъ Катунскимъ, и затѣмъ далѣе на юго-западъ, къ степнымъ предгоріямъ, далъ мнѣ возможность видѣть всѣ типы природы и жизни горной страны. Съ четырьмя товарищами по путешествію въ прекрасный іюньскій день мы покинули Бійскъ, чтобы, перебравшись черезъ рѣки Бію и Катунь, ѣхать далѣе въ глубь страны. Несмотря на то, что мы здѣсь отклонялись отъ большого тракта, страна, благодаря присутствію великороссійскихъ селъ, уже настолько культурна, что можно путешествовать, какъ и въ остальной части Россіи, въ экипажѣ. Дорога содержится въ большомъ порядкѣ, п тройка лошадей, весело побрякивая бубенчиками, быстро несеть почтовый экипажь по равнинь, усъянной перельсками, раскиданными на пестрыющихь цвытами лугахь. Здысь, вы южной части Бійскаго округа, вы окружены уже настоящей сибирской природой, со всыми ея характерными отличіями. Хотя это та же сыверная природа сь ся хвойными лысами и болотистыми лугами, степями, однако, какъ рызко отличается она оть нашей, русской.

Гдъ у насъ увидите вы, напримъръ, чтобы влажные луга вдоль береговъ ручьевъ пестръли въ іюнъ мъсяцъ множествомъ яркихъ, крупныхъ лилій, тіхъ самыхъ лилій, которыя, какъ украшеніе, разводятся въ цвътникахъ нашихъ садовъ? Гдъ у насъ пурпурными пятнами на изумрудномъ фонъ луга раскиданы цвъты барской спеси-этого лучшаго украшенія цвітника — барской спеси, называемой сибиряками "татарскимъ мыломъ", которая перемъщана здёсь съ бёлыми душистыми цвътами таежной фіалки, наполняющей подъ вечеръ воздухъ чуднымъ ароматомъ своихъ цвътовъ. И рядомъ съ этими извъстными красивыми цветами множество другихъ, еще более чудныхъ формъ, чисто сибирскихъ, одевають эти луга. Туть вы увидите и крупные пветы пурпуровыхъ орхидей, и красивыя метелки дикой гречихи, и множество цвътовъ, поражающихъ величиною и яркостью своихъ вънчиковъ, какъ, напримъръ, огромные розовые піоны по опушкамъ лісовъ, заросли изъ лилій, высокихъ синихъ аконитовъ и лигулярій, превыщающихъ человъческій рость зонтичныхъ на степи и холмахъ, все еще покрытыхъ черноземомъ, глубокимъ и тучнымъ.

Среди такихъ прерій, гдѣ травы, состоящія изъ красиво цвѣтущихъ многолѣтниковъ, превышають нерѣдко рость человѣка, раскиданы перелѣски, протекаютъ впадающіе въ Катунь ручейки.

Тамъ и сямъ по сторонамъ дороги попадаются поля съ пшеницей, рожью и другими русскими хлъбными растеніями, которыя, становясь все чаще и чаще, приводять васъ къ поселку. Расположенныя въ этой привольной мъстности сибирскія поселенія хотя по архитектуръ своихъ избъ и напоминаютъ наши русскія деревни, но ръзко отличаются отъ нихъ многими чертами. Какъ и у насъ, деревня состоить изъ длинной улицы, съ прижавшимися другь къ другу домами, около которыхъ обыкновенно нътъ ни садика, ни деревца. Улица-дорога, какъ всегда, широка и грязна. Но за послъднею избою далеко еще не кончается деревня. Громадное пространство съ правой и лъвой стороны отгорожено заборомъ; оно представляетъ такъ называемую поскотину. Здъсь пасутся многочислениыя стада, не требуя ни присмотра, ни призора. Загородка, захватывающая иногда нъсколько квадратныхъ верстъ, препятствуетъ животнымъ уходить изъ предъловъ отведеннаго имъ пространства; вмъстъ съ тъмъ поля обезпечены отъ потравъ. Конечно, такой способъ содер

жанія скота возможень лишь въ столь обильной лісомъ и богатой порожними землями странів, какъ южная Сибирь. Дійствительно, пробхавт немало времени по поскотинів, вы въїзжаете даліве въ область засіляныхъ полей. Поля эти тянутся на значительныя пространства и весьма нескоро попадете вы вновь въ область цілинной степи.

Обстановка зажиточнаго алтайскаго крестьянина гораздо привлежательные той, которую мы видимъ у россійскихъ крестьянъ. Его изба, съ просторными комнатами, съ двустворчатыми окнами, украшенными цвътами, чиста; въ ней вы найдете хорошіе стулья, одітый чистою скатертью столь, шкафчикъ съ посудою. Самоваръ и хорошій столовый приборъ также не составляють здісь рідкости. Занавіски на окнахъ, роскошный пологь надъ кроватью — всі эти предметы, въ черноземной Россіи давно уже забытые — здісь составляють обыденное явленіе. И рядомъ съ этою культурностью обстановки я нигді не виділь народа столь привітливаго, открытаго, во всіхъ отношеніяхъ дітей природы, какъ въ этихъ сіверныхъ предгорьяхъ Алтая. Проізжій здісь рідкость; его принимають радушно, но вмісті съ тімъ онъ кажется такою диковинкою, что на него сбігаются смотріть, какъ на чудо, со всіхъ концовь деревни.

Въ настоящее время проникнуть въ самую глубь Алтайскихъ горъ не представляеть никакой трудности. Раскиданные тамъ поселки соединены другь съ другомъ дорогами; прівзжая въ деревню, можно всегда остановиться въ такъ называемой въвзжей избв, спеціально предназначенной для проъжжихъ чиновниковъ или имъющихъ соотвътствующія бумаги лицъ. Здъсь всегда чисто и комфортабельно, насколько это возможно при деревенской обстановив; васъ накормять и напоять какъ следуеть. Но обстановка деревень уже не та, что въ предгорьяхъ. Оне гораздо менъе многолюдны. Вмъсто волнистой степи со всъхъ сторонъ возвышаются скалы; хребты разділяются тамъ и туть раскиданными долинами со степнымъ характеромъ. Склоны этихъ хребтовъ одъты льсами уже иного характера, чемъ въ предгоріяхъ. Не сосна и не береза, а лиственница, и почти исключительно лиственница, одъваетъ ихъ склоны, придавая природъ этой части Алтая совершенно особенный, несходный ни съ одними европейскими или среднеазіатскими горами, видъ. Некрасивы эти высокія исполинскія деревья. Ни мало не напоминають онъ наши растушія въ садахъ и паркахъ лиственницы. Одітыя чахлою хвоей, во всв стороны растопыривають онв безобразныя свои ввтви, выгнутыя снизу вверхъ.

Редко другь оть друга стоять эти деревья, подъ сенью которыхъ развиваются высокія травы прерій. Здесь, какъ въ настоящей сибирской тайге, все лето кишмя-кишить мошка, живеть различный лесной начиная съ медведя и кончая оленемъ и бельсю. Какъ въ сатайге, звероловство даеть здесь главный доходъ крестьянину, если не считать существующаго на ряду съ нимъ скотоводства. Высокія горныя вершины, равно какъ и степного характера долины, питають здъсь громадные табуны лошадей—главную гордость ихъ владъльцевъ, позаимствовавшихъ любовь къ лошадямъ отъ вытъсненныхъ ими туземцевъ.

Послѣдніе теперь составляють здѣсь уже рѣдкость. Проѣхавъ отъ Бійска до расположенной въ глубинѣ страны деревни Уймонъ, я только разъ или два встрѣчалъ на пути своемъ войлочныя юрты кочующихъ здѣсь алтайцевъ.

Самую замъчательную часть здъшняго населенія составляють такъ называемые ясачные крестьяне. Селенія ихъ расположены въ самой глубинъ Алтайскихъ горъ, въ верховьяхъ ръки Катуни, въ области глубокихъ ущелій и пропастей, одітыхъ дремучею сибирскою тайгою скалъ. Недавно еще туда не было никакого доступа. Въ глазахъ прочаго населенія это быль дикій камень, на которомь могли жить столь же дикіе, столь же мало любимые русскимъ крестьянствомъ, какъ и природа ихъ, крестьяне-ясачные, т.-е. платящіе, подобно инородцамъ, ясакъ шкурами убитыхъ ими звърей. Наслушавшись въ деревняхъ разсказовъ о дикости природы и различныхъ качествахъ, не особенно симпатичныхъ у ясачныхъ крестьянъ, невольно представляещь себъ путешествіе въ страну ихъ крайне затруднительнымъ; думаешь, что придется имъть столкновеніе съ народомъ дикимъ и варварскимъ. Ничуть не бывало! Съ большимъ удовольствіемъ, чъмъ гдь-либо, ъдете вы по прекраснымъ высьченнымъ въ скалахъ дорогамъ, которыя сдёлали бы честь инженерамъ болъе культурныхъ странъ. Бдучи такою дорогою, вы попадаете въ воздъланную долину верхней Катуни, гдъ поля орошаются искусственно проведенными отъ ручьевъ канавками, гдв пасутся чудные табуны коней, гдъ, наконецъ, вы видите большія, просторныя избы — дома о многихъ комнатахъ, настоящія наши дачи, съ чисто европейскою обстановкою, начиная съ ручекъ у дверей, тарелокъ и мельхіоровыхъ приборовъ до мебели и получаемыхъ некоторыми газеть (правда, только мелкихъ иллюстрированныхъ). Чистота здёсь поразительная. Насъ, проёзжихъ, просили не вносить въ комнаты, а положить въ съняхъ нашъ багажъ, дабы не занести какъ-нибудь таракановъ! Населеніе, насъ встръчающее, производить впечатльніе крестьянь-старообрядцевь. Та же русская рубаха и штаны, тотъ же кафтанъ, та же мягкая, круглая войлочная, домашняго изделія, черная съ красною лентою шляпа. Это та шляпа, которую носила когда-то вся православная Россія и которую вытысниль теперь почти повсюду въ европейской части нашего отечества нъмецкій картузъ. Словомъ, ничто ни въ костюмъ, ни въ чистой великороссійской ръчи населенія деревень какъ мужского, такъ и женскаго не объясняеть названіе "русскіе инородцы", которое имъ дано ихъ сосъдями. А между темъ, по своимъ правамъ, это инородцы.

Еще при императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, когда горныя дебри, въселенныя этими людьми, принадлежали Китайской имперіи, нѣсковы преступниковъ, нѣсколько гонимыхъ за вѣру сектантовъ бѣжало възпрасть Алтая, гдѣ они и скрывались по пещерамъ и въ лѣсахъ, им исключительно одною охотою. Когда, наконецъ, такая жизнь имъ насучила, они обратились было къ китайскому правительству, чтобы ов записало ихъ въ свои земледѣльцы. Скоро однако порядки Небесый имперіи оказались слишкомъ тяжелыми для привыкшаго своевольничальна. Они вновь вернулись въ долины Катуни и, пользуясь тѣмъ, човъ это время русская колонизація подошла близко къ занятой нии области, подали челобитную императрицѣ Екатеринѣ, прося прощена в прежніе проступки и позволенія перейти въ русское подданство, наравы съ прочими присоединенными къ Россіи инородцами и на одинаковыть съ ними правахъ.

Просьба ихъ была уважена, и они, явившись законными обладать лями горной страны, плодородной, богатой лъсами и звъремъ, воспользовались ею гораздо лучше, нежели сосъди ихъ, алтайцы и киргиза Въ то время, какъ тъ постепенно нищали и разорялись, эти привел весь край въ цвътущее состояніе.

Однако и до сихъ поръ слѣды прежняго состоянія отражаются в населеніи. До сихъ поръ они сѣють хлѣбъ и накашивають сѣно въ ве приступныхъ ущельяхъ. Въ деревняхъ нѣть почти телѣгъ. Все дѣлается на лошадяхъ. Нерѣдко вы видите цѣлыя кавалькады женщинъ и дѣвушекъ, ѣдущихъ въ поле и, сидя по-мужски, гарцующихъ не хуже съмыхъ ловкихъ киргизскихъ наѣздниковъ.

Съ крайнимъ удивленіемъ услышаль я въ дом'в моего козянна, что жена его, пожилая женщина, учила своего семильтняго сына грамоть. Я уже говорилъ, что нъкоторые богатые крестьяне выписывають здес газету; кром'в того, читая прошенія нъкоторыхъ деревень ясачны крестьянъ, я былъ пріятно пораженъ тымъ, что всі просители собственно ручно подписали прошеніе. Эти подписи были крайне своеобразны. Въ то время какъ большинство подписало свою фамилію болъе или мень красиво, общепринятыми буквами, я встрітилъ нъсколько подписей, букы которыхъ были скопированныя славянскія. Учившійся, очевидно, не визта другого образца, кром'ь церковной книги древней печати.

Развитые, здраво обо всемъ разсуждающіе, ясачные врестьяве в имъють ни одной школы. Ихъ образованіе и развитіе есть продукть сознанной всею массою необходимости въ немъ. Здъсь, на этой далекой (в прской окраинъ, точно такъ же, какъ въ среднемъ Поволжьъ и на восток оссіи, мнъ неоднократно приходилось встръчаться съ такими явленія змообразованія и саморазвитія у крестьянъ.

Культурное превосходство ясачныхъ крестьянъ обусловлено вежд

прочимъ и ихъ несравненно большею предпримчивостью. Поддерживая сношенія съ китайцами, они сильно обогатились, торгуя съ ними предметами охоты: бъличьими шкурками и шкурами звърей, въ особенности же рогами благородныхъ оленей, такъ называемыхъ мараловъ. Рога ихъ. когда они сръзаны еще мягкими, налитыми кровью и выварены въ водъ извъстнымъ способомъ, высоко цънятся китайцами (они продаются по 15 руб. за фунть, такъ что каждый рогь стоить оть 150 до 200 руб.). Добыча такого рода роговъ сопряжена съ большими трудностями. Чтобы добыть ихъ, надо охотиться на животное зимою на крутизнъ по неприступнымъ ущельямъ и вершинамъ. Уймонецъ подвязываетъ себъ къ ногамъ лыжи и съ быстротою паровоза кидается внизъ за бъгущимъ подстръленнымъ звъремъ, давируя между стволами деревъ и постоянно подвергаясь опасности вдребезги о нихъ разбиться, настигаеть его и наносить ему последній ударь. Охотою за маралами занимается и населеніе Алтая и Тянь-Шаня, гдв также попадаются эти животныя. Но въ то время какъ годъ отъ году количество мараловъ становится меньше, и скоро, особенно съ истребленіемъ лісовъ, они будуть окончательно уничтожены, ясачные крестьяне навсегда обезпечены запасомъ роговъ. Преслъдуя оленей на лыжахъ, нъкоторые отважные молодцы ухитрились поймать живьемъ нъсколькихъ самцовъ и самокъ. Отгородивъ имъ обширную территорію, гдв бы быль и люсовь и ручей, они достигли того, что маралы, размножить которыхъ въ неволъ не удавалось опытнъйшимъ акклиматизаторамъ, дали приплоды. Теперь есть крестьяне. имъющіе до 40 головъ. Ежегодно въ іюнь, спиливая отрастающіе рога, они теперь получають со своего маральника порядочный доходь.

Но главное богатство ясачных врестьять безспорно составляють ихъ табуны. Многіе имъють болье 1.000 головъ лошадей. Любовь къ конямь они заимствовали отъ своихъ сосъдей-кочевниковъ, и только развъеще отъ киргиза услышите вы съ такимъ восторгомъ изложенный разсказъ о своемъ табунъ, отъ топота копыть котораго за версту дрожить земля; только виргизъ сумъеть съ такою ловкостью състь на дикаго коня и, въ короткое время объъздивъ, привести домой взмыленнаго, дрожащаго, но смирнаго и покойнаго какъ ягненокъ.

Табуны такихъ коней пасутся по преимуществу на высокихъ альпійскихъ пастбищахъ Катунскихъ бълковъ. Чтобы переъхать Катунскій хребетъ, вы должны бросить экипажъ, такъ какъ въ Уймонъ кончаются колесныя дороги. Вы садитесь верхомъ на лошадь, ваши вещи, чемоданы, ящики, все это навьючивается на лошадей. Образуется длинная вереница отягощенныхъ коней. Впереди и сзади ея ъдетъ по вожатому. Лошади, употребляющіяся уймонцами и другими ясачными крестьянами, не разъ уже дълали переходы въ горахъ. Онъ чрезвычайно умны, спокойны, дрессированы. Идя гуськомъ одна за другою, ничъмъ не сре занныя, он'в осторожно ступають по крутымъ каменистымъ тропинкамъ. Радко когда которая-нибудь изъ нихъ увлечется кустикомъ или травкою, растущею въ сторонъ отъ дороги; но и тогда достаточно дегкаго крика проводника, чтобы она тотчасъ вновь заняла свое мъсто въ караванъ. Бдучи такимъ образомъ, вы медленно поднимаетесь сперва въ область лиственничныхъ, кое-гдъ чередующихся съ березою льсовъ, затвиъ мало-по-малу въвзжаете въ рощу съ чудными пирамидальными едями и еще болье стройными, темно-зелеными, какъ стрыки высоко поднимающимися пихтами; наконецъ, последнимъ выше всего является опять сибирскій кедрь, здісь еще боліве величественный и красивый. Высокіе альпійскіе луга горь, расположенные близь ситьговой линія, здъсь не менье красивы, не менье блещуть массами разнообразныйшихъ цвьтовъ, какъ и въ Швейцаріи. И на ряду съ восхитительными в'янчиками эдельвейсовъ и другими характерными альпійскими цвітами. вы видите вдісь цілыя заросли алтайских фіалокь, столь же крупныхь, какъ наши садовыя Иванъ-да-Марыи, еще болье крупные и голубые цвъты троецвётки или огромнаго алтайскаго водосбора и какъ огоньки раскиданные вънчики золотоглава. Прободая черными пушистыми волосатыми бутонами снъгъ, они раскрываютъ свои желтые, похожіе на цвъты нашего курослепа, венчики, какъ только начнетъ обнажаться изъ-подъ снъга черная влажная земля, и образують такимъ образомъ яркую желтую кайму вокругь пятень тающаго сныга.

Съ вершины горныхъ переваловъ открываются чудные виды на лежащую подъ ногами горную страну съ ея ріжами, озеровидными долинами и закинутыми среди воднъ взбудораженной поверхности бълъющими си-бговыми хребтами. Надо сознаться, что эти горныя алтайскія панорамы съ птичьяго полета гораздо цвътистве, эффективе альпійскихъ. Тамъ вся низина, обыкновенно полузадернутая дымкою тумана, окрашена въ какой-то болотный бледно-зеленый цветь, среди котораго темными пятнами выдъляется льсь; здесь, напротивь, выгорывше, обращенные на югь желто-бурые или стрые отъ сланцевъ склоны різко отличаются отъ темно-зеленыхъ ущелій или сторонъ, обращенныхъ въ западу или съверу, а среди желтыхъ долинъ зеленая кайма ръкъ и озеръ оттеняется особенно эффектно. Но наиболе грандіозны горы Катунскія въ окрестностяхъ Бълухи, гдъ ущелья и пропасти становятся глубови и мрачны, гдѣ со стѣнъ ихъ низвергаются водопады и каскады, гдѣ, наконецъ, расположены большіе ледники, по красоть далеко оставляющіе за собою ледники Тянь-Шаня и смітло могущіе конкурировать съ вавказскими и альпійскими. Особенно хорошъ ледникъ Катунскій, обрачъ обширный сводъ, изъ-подъ котораго, какъ Рона ЗАЮЩій ва ва каетъ родоначальница великой Оби, воды которов **ЕЗЪ СВО**ЕГО . такимъ обј гся и умирають среди льдовъ.

Digitized by Google

Катунскими бълками съ юга и кончаются высокія цени Малаго Алтая. Затемъ вы постепенно спускаетесь въ долину Бухтармы, которая. начиная съ своего средняго теченія, принимаеть уже совершенно степной, азіатскій характерь: ліса, кроміз побережій різки, исчезавоть. является голая, выжженная къ концу лета степь. Но степь эта, какъ н степи съвернаго склона Алтая, теперь густо заселена русскимъ крестьянствомъ. Если, подобно населенію другихъ горныхъ странъ, Алтай не представляеть изъ себя теперь пестрой смеси различныхъ народностей, и калмыки, киргизы и татары тамъ не играютъ большой роли, зато здъсь необыкновенно велико разнообразіе секть, обычаевь и обрядовь, уживающихся другь съ другомъ у пришедшихъ сюда изъразныхъ концовъ Россіи поселенцевъ. Въ верховьяхъ, какъ мы видівли, сидять ясачные крестьяне. Далбе вы встретите рядь деревень, составленныхъ изъ раскольниковъ; между ними раскиданы православные. Вотъ сибирскіе казаки, станицы которыхъ выглядять особенно хорошо. Бізленькіе домики имъють палисадники съ деревьями; кругомъ канавы съ протекающей водой. Еще далъе, при сліяніи Бухтармы съ Иртышомъ, являются поселенія малороссовъ, сохранившихъ еще отчасти свое нарічіе и виній видъ своихъ тонущихъ въ садахъ деревень съ бізыми хатками.

Все это населеніе, несмотря на различіе религіозныхъ воззрѣній, тѣсно перемѣшано другь съ другомъ, такъ что въ одной и той же семьѣ отецъ, мать и сыновья являются раскольниками различныхъ толковъ. Нерѣдко, слѣдуя религіознымъ предразсудкамъ, мужъ и жена не ѣдятъ изъ одной и той же посуды, считая, что стаканъ или чашка, изъ которой ѣлъ одинъ изъ супруговъ посторонней секты, уже опоганены. Мнѣ самому приходилось на одномъ деревенскомъ праздникѣ видѣть, какъ козяйка, сильно хмельная, угощала насъ, меня и товарищей, усердно домашняго приготовленія брагою; при этомъ она строго слѣдила, чтобы кто-нибудь изъ насъ не взялъ того стакана, изъ котораго пила она сама, или чтобы не выпить изъ нашихъ.

Если теперешнее населеніе центральной части Алтая и Бухтаривнской долины и имбеть довольный, зажиточный видъ и отличается самостоятельностью, то все-таки впечатльніе это, къ сожальнію, нельзя распространять на весь Алтай. Западная его половина, менье высокая,
скорье холмистая, чыть гористая, сравнительно густо населенная, въ
сущности представляеть несравненно болье грустную картину. Здысь, въ
этой части горъ, населеніе издавна было на положеніи крыпостныхь; оно
было выписано сюда для разработки многочисленныхъ серебряныхъ, золотыхъ и мыдныхъ рудниковъ, раскиданныхъ въ горахъ. Всы черти,
налагаемыя раб

те можно встрытить вы этомъ населеніи: лукавство, скрытнос

чакопоклонство здысь развиты весьмо силью.

и грустно бы:

стьянина, потомка Богь знаеть какихъ преступниковь, безъ всякой нужды падающаго въ воги заводскаго мужика. Рудники разрослись здёсь въ значительные мёстечки и городки, хотя нельзя думать, чтобы только тёми мёстами, гдё теперь устроены шахты, и ограничивались мёста нахожденія золота. Сплошь и рядомъ слышишь разсказъ, какъ то тамъ, то здёсь нашли драгоцённый металлъ. Хотя часто такіе слухи оказываются ложными, однако при мнё былъ случай, что крестьяне нашли близъ своей деревни розсыпи и потихоньку, построивъ на томъ мёстё бани, мыли себё золото и продавали его въ Китай. Они пробовали было даже оказать вооруженное сопротивленіе, когда правительство, открывъ это дёло, послало произвести слёдствіе. Въ настоящее время казенное населеніе болёе и болёе теряетъ охоту заниматься рудничнымъ дёломъ, увлекаясь въ сторону земледёлія, такъ что въ концё-концовъ лучшій контингенть рабочихъ поставляють киргизы.

Явленіе это перестанеть казаться страннымъ, если после прогулки среди чудной горной природы вы спуститесь въ одинъ изъ здёшнихъ рудниковъ, - хотя въ Зыряновскій, наиболье чистый изъ всьхъ. Здысь устройство еще вполнъ примитивное. Нъть ни подъемныхъ машинъ, ни хорошо устроенныхъ спусковъ. Надъвъ рудокопную блузу, повъсивши фонарь на шею, вы должны спускаться въ узкія дыры-колодцы, въ которыя поставлены лізстницы. Чтобы спуститься на 30 съ лишнимъ сажень, приходится порядкомь испачкаться вь этихь сырыхь, грязныхь трубахъ. Далве вы попадаете въ узкіе подземные коридоры съ липкою грязью внутри. Мъстами они выстланы досками, составляющими обивку ихъ ствиъ. Плесень, не тревожимая ветромъ, образуеть на такихъ ствнахъ прихотливые узоры, причудливостью своею мало уступающіе тімь, которые двлаеть зимою морозь на стеклахъ. Тамъ же, гдв ствны не закрыты, вы видите зеленыя и синія полосы разныхъ окисей металловъ, среди которыхъ, какъ звъздочки, блестятъ кристаллы колчедана, которые неопытный главъ приметь за кусочки золота.

Но, несмотря на эту красивую, оригинальную подземную обстановку рудника, пребывание въ спертомъ, сыромъ и холодномъ воздухѣ не можетъ быть ни здорово, ни пріятно. Работать мотыкою цѣлый день подъ этими мрачными сводами, слыша отъ времени до времени раскаты отъ взрывовъ динамита при разработкѣ новыхъ ходовъ, не можетъ показаться пріятнымъ. Неудивительно поэтому, что ни кратковременность работы, ни хорошая цѣна не влекутъ работника подъ землю, когда и на землѣ можно заработать немало.

Оврестности рудниковъ давно уже лишились лѣса. Высокія горы вакъ бы оплѣшивѣли, поврылись степною флорою. Много лѣсовъ погибло отъ пожара, и не даромъ, проѣзжая по этимъ мѣстамъ, туземецъ-киргизъ поеть свою унылую пѣсню, заканчивающуюся словами: "Бі тай

мой, — обобранъ онъ, несчастный". Но у того, кто познакомится съ нимъближе, я думаю, останется убъжденіе, что обобрать этотъ край не такъто легко; долго еще его богатства будуть обусловливать довольство его симпатичнаго населенія, и не скоро будеть звучать ироніей фраза рускаго алтайца, что "настоящая Россія—у насъ, у васъ же за Ураломъ осталась Сибирь".

Алтайцы.

(М. Соболева.)

Въ первый разъ мы застали алтайцевъ въ то время, когда они косили траву, какъ работники у русскаго крестьянина. Чрезвычайная худоба, загорълое почти дочерна туловище, покрытое только около поясницы какой-то тряпкой, маленькая сережка въ ухъ, тонкая коса сзади и монгольскій складъ лица бросаются въ глаза. Какъ работники, алтайцы малосильны и лънивы. Земледъліе осъдлыхъ инородцевъ стоитъ на низкой степени развитія: землю какъ попало разрыхляютъ, бросаютъ зерна и если хлъбъ выросъ, то сръзаютъ его ножами или прямо выдергиваютъ съ корнемъ и колотятъ палками. Они питаются кореньями, ячменемъ и кирпичнымъ чаемъ; утвари почти нътъ. Нужда преслъдуетъ алтайцевъ, жестокія болъзни съ каждымъ годомъ получаютъ среди нихъ все большее распространеніе и, благодаря отсутствію медицинской помощи, ускоряють вымираніе инородца.

Несколько мене плачевное положение представляють алтайцы, вочующіе въ степяхъ Абая и Капа, начинающихся въ 20 верстахъ отъ Тюдралы. Здёсь туристь вступаеть въ те благословенные края Алтая, куда редко проникаеть нога переселенца и где на воле кочують орды теленгетовъ; кажется, что живешь съ народами Средней Азін тъхъ отдаленныхъ временъ, когда европейское вліяніе не усп'вло еще проникнуть сюда. Пространная равнина, покрытая низкими травами, носить характеръ спокойствія, совершенно противоположнаго съ дикими видами окрестныхъ горъ. Широкая, плоская долина Капа лежитъ между пологими известковыми холмами, въ которыхъ нередко встречаются пещеры, дающія во время непогоды уб'єжище скоту. Среди желтой, низкой, сухой травы мелькаеть кое-гдв солончакъ, маленькія озерки и небольшіе валуны. По степи аулами стоять алтайцы. Дымъ выходить изъ верха ихъ коническихъ юртъ, кругомъ прилегли ихъ стыда. Скворцы прыгаютъ около овецъ и неръдко залъзають къ нимъ на спину. Суслики и каменки бъгаютъ взадъ и впередъ по выжженной землъ, прячась въ норы при приближеніи почты, мелкіе сокола кружатся въ воздухъ, ища поживиться многочисленными кузнечиками, а вдали по озервамъ или берегу ръчки тоять сърме журавли. Однообразный колорить солончаковой степи скравается зачастую зеленью лісовъ, расположенныхъ по склонамъ хольвъ, окружающихъ долину. Кажется, что часть глинистой пустыни порежій Каспія выхвачена и, поднятая на высоту въ 3.210 футовъ надъ овнемъ моря, искусственно вставлена върамки ліссстыхъ горъ. Разянные тамъ и сямъ участки солончаковъ, полыни и чесночнаго гулявка, вытіснившіе роскошныя степныя формы, указывають на отсутствіе сенажа, а медленное теченіе ріки—на малый наклонъ долины. Между змъ холмы, полого спускающіеся къ ея дну, покрыты роскошной степъй травой и лісомъ.

Кочевье алтайцевъ.

Прекрасныя травы холмовъ, близость воды и солончака даютъ выгодныя условія для скотоводства, а лѣсъ, расположенный по холмамъ, до сихъ поръ еще обиленъ дичью и звѣремъ, шкурами котораго алтайцы платять свою дань Россіи и Китаю.

Характеръ ровной, однообразной степи отразился на человъкъ и его занятіяхъ. Спокойный, почти унылый, безпечный и лънивый—таковъ кочевникъ. Онъ не любитъ ходить, жизнь сдълала его наъздникомъ, ноги его изогнуты, ступня маленькая. Пасти стада, объъзжать лоша-дей—вотъ все его занятіе. Онъ неспособенъ къ тяжелому труду. Дома его работница—жена. Чуть свътъ она встаетъ, чтобы принести древъ для очага, отдоить скотъ. Когда она воротилась, уже проснулись дъти,

нужно приготовить кушанье, убирать юрту. Днемъ она шьеть одех: готовить кунысь и аракъ, плететь свти. Алтаецъ просыпается позде. идеть взилянуть на лошадей и затемь садится около очага и спососцълымя днями сидъть, покуривая табакъ, смъщанный съ берестовой крой, изъ длинной китайской трубки, перебирая съ сосъдями собит. последнихъ дней или придумывая, не предстоить ли гд в-нибудь въ бленемъ ауль какого-либо торжества, гдв можно было бы пить аракъ. всть мясо; и если у сосъда версть за 40 или 50 начинается жерпприношеніе, или женится сынъ, или предстоять похороны, — мигомъ 🤊 степь пустветь, и въ юртахъ вы встрвтите только женицинь и две: Всявое маленькое происшествіе уже вносить разнообразіе въ монотовную жизнь кочевника. Стоить путнику залкать въ ауль, и толив алайцевъ вмигъ окружаетъ хижину, въ которую онъ вощелъ. Вопроси сиплются градомъ на проводника, кто такіе, откуда прівхали, куда Бут. и т. д., и навърное много времени пройдеть по отъвздъ, а ауль, собразшись около очага и покуривая длинныя трубки, будеть вспоминать вашемъ посъщении.

Прибытіе путешественника производить большое сиятеніе. Собаки похожія на зырянских влаєк, худыя и грязныя, съ яростью бросаются на васъ, изъ дверей юрть высовываются головы и тотчасъ прячутся назадъ. Проходить около пяти минуть, и воть наконецъ старшій и болье богатый алтаецъ выходить изъ юрты, бросаетъ чёмъ попало в собакъ, послё чего онё съ воемъ укладываются около загоновъ скота а самъ съ привётствіемъ "эзень" подходить къ вамъ и просить войти въ его жилище.

Юрты имъють двъ характерныя формы. Одна, оригинальная для Алтая, коническая, сділанная изъ жердей, соединенныхъ наверху у дымового отверстія кольцомъ и обложенныхъ снаружи корой сосны в лиственницы, наиболье распространена между бъднымъ классомъ кочевниковъ. Зимой въ ней такъ холодно, какъ снаружи, и чтобы сдълать пребываніе въ юрть во время сильныхъ морозовъ возможнымъ, ее обыздывають навозомъ и сивгомъ, а внутри зажигають неугасаемый огонь. Другая форма юрть заимствована, въроятно, у киргизъ и составляеть принадлежность болье состоятельных алтайцевь. Она дылается изь войлока, натягиваемаго на ръшетчатыя деревянныя стънки. Хотя толстый плотный войлокъ болъе предохраняеть обитателя отъ зимней стужь. чъмъ кора, тъмъ не менъе даже ночью, при огнъ очага, хозяева не скидають съ себя мъховой одежды. Входъ въ юрту завъшивается кожей или шкурой. За послъднее время выработался еще третій тып юрты, которая является переходною ступенью отъ кочевой постройка къ осьдлой. Шестигранный срубь въ человьческий рость довершается кругч конической крышей. Потройка такого рода еще не имбегь динвой трубы, но плотный срубъ напоминаетъ избу. Юрта только тымъ и хороша для безпечнаго алтайца, что онъ безъ сожальнія бросаетъ ее, когда недостатокъ травъ вынуждаетъ его къ перекочевкы или массы насъкомыхъ, нерыдко покрывающихъ всы стыны, слишкомъ безпокоятъ его семью. Въ другой долины онъ найдетъ достаточно матеріала, чтобъ построить себы такое же новое, неприхотливое жилье.

При входъ въ юрту какой-то ъдкій, кислый запахъ ошибаеть васъ. Педостатокъ дымовой трубы даеть себя чувствовать. Неугасаемый очагь горить посрединь юрты, дымъ разстилается по ней, покрываеть густою копотью станы и медленно выходить въ отверстіе наверху. Съ непривычки режеть глаза, спирается дыханіе; алтайцы часто страдають воспаленіемъ глазъ, и нер'ядки случаи сліпоты, происходящей отъ такого отопленія. У стіны протнвъ двери висять идолы, или скорізефетиши, такъ какъ неръдко въ число ихъ входятъ кольца, камни, ремни и др. вещи, не имъющія никакого сходства съ человъческой фигурой. Въ рядъ съ ними протянута веревка съ девятью лоскутами въ честь умершихъ предковъ — добрыхъ геніевъ семьи. По стінамъ подъ потолкомъ развешаны капканы, ружья, нагайки, звериныя шкуры, кишки съ масломъ, заготовленныя впрокъ заботливыми хозяйками. На земле по стенамъ стоять выочныя сумы, въ которыхъ хранятся одежды и имущество семьи. Чемъ больше у алтайца такихъ сумъ, тъмъ богаче считается онъ. Около нихъ помъщается аркытъ-мъшовъ для храненія кумыса. На сумахъ прилажена постель хозяевъ, завѣшанная иногда у богатыхъ кускомъ матеріи; наліво отъ входной двери мужская половина, направо — женская и детская. Гостя сажають на какую-нибудь шкуру передъ очагомъ, растапливають послъдній, если онъ загашенъ, хозяинъ набиваетъ трубку, затягивается и подаетъ ее новоприбывшему.

Длинная глиняная или жельзная трубка, часто китайскаго издыля, сопутствуеть алтайцу повсюду; онъ носить ее въ кожаномъ футлярь за голенищемъ сапога, такъ что дома и въ дорогь верхомъ онъ всегда готовъ выкурить. Масса любопытныхъ показывается у порога, старшіе входять въ юрту и садятся полукругомъ на мужской половинь сзади гостя, младшіе тыснятся у входа. Когда трубка обошла весь кругь гость обращается къ хозяину съ вопросомъ: "малашъ канды туру?" (т.-е. какъ здоровы ваши стада). "Все благополучно" (табышъ іокъ туру), отвычаетъ тотъ. Тогда гость освыдомляется о здоровьи хозяина и его семьи, послы чего уже разговоръ переходитъ на другую почву: "ны та бышъ?" (какія новости у васъ). "Гокъ, слерды ныбаръ" (ничего новаго). Въ то время, когда ведется этотъ стереотипный обмыть фразъ, хозяйка уже достала изъ арвыта кумысъ или аракъ изъ деревянной кадки и, почерновувши питье большой чашкой, подаетъ об гостю, придерживая одной

рукой косу, что делають всё женщины вмёсто поклона. После этоговлянны наливаеть аракь самъ и угощаеть гостя, низко кланяясь с прикладывая обё руки къ вискамъ. Затёмъ самаго маленькаго изъ дётей заставляють коснуться рукой сосуда, и если вы откажетесь вышить третью порцію, то алтаецъ почтеть себя глубоко оскорбленнымъ. Превздъ гостя мало волнуетъ только женское населеніе юрты. Домашні обязанности не должны оставаться въ пренебреженіи; пусть мужчина говорять, курять и угощаются, на женской половинѣ должны подумать объ обёдѣ. Дівочки-подростки туть же у очага продолжають мыть

Алтаецъ.

кишки убитаго барана и начиняють ихъ потрохами съ кровью и крупой—это "тергомъ", напіональное кушанье алтайца. Молочные продукти и мясо животныхъ — воть пища кочевника. Все его состояніе скоть: послідній даеть ему одежду, пищу, а избытокъ, продаваемый купцамъ, позволяеть ему пріобрісти табакъ, матеріи для женскихъ одеждъ, порохъ и другія необходимыя принадлежности его неприхотливой жизни.

Алтаецъ сохранилъ во всей чистотъ свой языкъ и типъ. Плоское лицо, выдавшіяся скулы, черные, жесткіе волосы, отсутствіе бороды, гладко выстриженная голова и назади пукъ волосъ, заплетенныхъ въ косу,—воть его видъ. Женщины заплетаютъ двъ косы, дъвушки—три,

пять или семь; онъ сильно заботятся о длинъ косъ, неръдко вплетаютъ въ нее чужіе волосы; короткая коса считается позоромъ. Привътствуетъ ли алтайка гостя, угощаетъ ли его, всегда она вмъсто поклона дотрогивается до косы. Но если волосы и составляють предметъ заботъ алтаекъ, то того же нельзя сказать объ одеждъ. Дъти бъгаютъ совершенно голыя; ихъ длинныя, тонкія руки, большая голова и животъ свидътельствуютъ о томъ, что англійская бользнь имъетъ здъсь большое распространеніе. Дъвочки-подростки и нъкоторыя женщины одъты въ кожаны изъ длинной лошадиной шкуры. Несмотря на лътнюю жару, доходящую до 40°, мы видъли лътомъ очень часто алтайцевъ въ такомъ тепломъ костюмъ.

На иной женщинъ надъть нанковый или дабинный халать съ широкими рукавами и поверхъ него оригинальный для Алтая чегэдэкъ, сдъланный изъ нанки или китайки, преимущественно синяго цвъта. Спереди чегодокъ доходить до таліи, около которой застегивается или завязывается ленточкою, сзади онъ свисаеть, какъ фракъ, до колѣнъ; рукавовъ эта одежда не имъеть и потому сохраняеть характерь накидки. Мужчины ходять літомъ въ рубахахь съ широкими рукавами и косымъ воротомъ, въ короткихъ штанахъ изъ холста, едва доходящихъ до коленъ и стянутыхъ у таліи прочнымъ шнуркомъ. Очень часто поверхъ этого платья надъвается халать или вожань съ широкими рукавами и нашивками. Зимой алтаець носить полушубокь, сделанный изъ лошадиныхъ шкуръ, который не снимается даже въ юрть въ ночное время и неръдко набрасывается на плечи даже лътомъ. На женщинахъ наброшенъ поверхъ платьевъ чегодокъ, у пояса поверхъ халата ножъ, кремень, огниво и кисеть съ табакомъ, на ногахъ надёта легкая остроконечная обувь изъ мягкой кожи безъ каблуковъ. У мужчинъ за широкимъ голенищемъ сапога спрятана трубка въ футляръ, его постоянная спутница и дома, и въ разъвздахъ.

Неопрятны алтайцы страшно. Надъвши новую рубаху, алтаецъ не снимаетъ ее до тъхъ поръ, пока она не изорвется; такъ поступаетъ какъ богатый, такъ и бъдный, а различить состоятельнаго по одеждъ на Алтаъ вещь совершенно невозможная. Алтаецъ никогда не умывается и только передъ празднествами натираетъ себъ лицо и руки жиромъ или сывороткой кумыса. Обиліе насъкомыхъ внутри юрты и груды навоза около нея свидътельствуютъ о равнодушіи хозяевъ къ чистотъ.

Л'єность, неопрятность и пьянство — воть главные пороки алтайца. Зато до посл'єдняго времени они честны, гостепріимны и прямодушны.

Я говорю до послъдняго времени потому, что экономическій кризись, переживаемый въ этихъ краяхъ, несомнънно отзывается на характеръ и наклонностяхъ инородца.

Наивность и довърчивость дикаря эксплуатируются безпощаднымъ

образомъ; его обольщають блестящими бездълушками, дають въ долгь грощевыя вещи и требують за нихъ страшные проценты, скупають за безцівнок в скоть и обворовывають настолько безцеремонно, что алтайцы, еще недавно пользовавшіеся благосостояніемъ, совершенно объзнъли и отваживаются иногда на кражи. Однако, эти проступки, совершенные въ громадномъ большинствъ случаевъ изъ голода или крайней нужды, никакъ не могуть сравниться съ произволомъ ихъ русскихъ сосъдей: переселенцы селятся на ихъ земляхъ, забираются съ оружіемъ въ рукахъ въ ауды, сжигають юрты, угоняють табуны. А дижарь не знаеть даже, къ кому обратиться за помощью. Начальство різдко заъзжаеть въ эти края, а если и бываеть, то нагоняеть безотчетный ужась на алтайца; чуть только заслышить онь звукь колокольчика и вмигь, бросивъ при дорогь свою лошадь, бъжить прятаться въ льсъ, нова почтовая тройка не минуеть его м'есть. Сос'еди-крестьяне называють его не иначе какъ "собакой", не считають инородца за человъка, за существо равное имъ; общее презрѣніе-вотъ удѣлъ дикаря.

На Телецкомъ озеръ.

(В. Сапожникова.)

Обычный путь изъ Бійска на Телецкое озеро идеть на село Улалу, восточне Катуни, и отгуда северными предгоріями Алтая, такъ называемой "чернью". Это названіе совершенно не соответствуєть русскому понятію чернолюсья. Чернью въ северномъ Алтае называють густые люса изъ кедровъ, пихтъ и ели, къ которымъ присоединяется осина, а въ боле севетлыхъ местахъ и береза, но отъ этихъ лесовъ здёсь сохранились только жалкіе остатки, и настоящую чернь мив удалось видёть только ближе къ Телецкому озеру.

Отъ Кебезени — небольшого села и мъста нашей послъдней остановки — къ Телецкому озеру ведутъ двъ тропы, одна по берегу Бін, другая въ сторонъ отъ ръки, лъсистыми горами. Первая въ то время была почти непроходима, потому что была завалена камиями и деревьями, и мы отправились по второй.

Оть южнаго конца селенія сейчась же начинается подъемъ на невысокую террасу, обставленную різдкими соснами, которая дальше переходить въ возвышенное плато. Здісь раскинулись широкія світлыя поляны съ группами сосенъ и березъ; но это — ненадолго; за небольшимъ ручьемъ лісь становится гуще и постепенно переходить въ настоящую темную чернь, а вмістів съ тімъ и тропа все круче взбирается на гору...

Больше часу поднимаемся мы узкой тропой въ мрачномъ "черневомъ"

льсу. Темные кедры и до черноты густыя заросли пихть и елей сжимають тропу съ объихъ сторонъ, оставляя надъ головой узкую свътлую полоску. Несмотря на высоко стоящее солнце, здёсь-сумерки, которые лишь містами пронизываются непривычно-яркой полосой світа изъ немногихъ лесныхъ прогадинъ. Узкая тропа местами преграждается громадными завалившимися стволами; одни изъ нихъ, которые постарше и подгнили, просто растоптаны лошадьми, въ другихъ-вырубленъ небольшой кусокъ, чтобы могла пройти лошадь, а тъ, которые повалились недавно, лежатъ нетронутые, и лошади приходится перескакивать черезъ нихъ, переставляя объ ноги въ разъ. Иногда твердый песчаный грунгъ. на которомъ неръдки свъжіе отпечатки медвъжьихъ лапъ, смъняется топкимъ болотомъ, гдф лошадь тонеть по колфно, съ трудомъ вытаскивая уставшія ноги изъ вязкой грязи. Подъемъ дівлается все круче. Привычныя выочныя лошади съ мокрой отъ пота мордой и посоловъвшими тлазами то и дело останавливаются, и слышно ихъ отрывистое учащенное дыханіе; а впереди все еще тянется круго поднимающаяся тропа. теряясь въ зеленоватомъ полумракт узкаго лъсного коридора... Но воть лесь начинаеть редеть, прогадины попадаются чаще, и скоро нашь каравань въ четырнадцать лошадей вышель на открытый хребеть перевала Кодюбашъ (871 метр. надъ ур. моря). Отступившій въ стороны лісь открываетъ чудную панораму на югъ, гдв насъ ждеть Телецкое озеро съ его дикими красотами. За небольшой поляной, съ брошенными тамъ. и сямь купами кустарниковь, вновь тянется лівсь, который густой щетиной спускается въ глубокую долину; за ней отлогими контурами вновь возвышается лъсистая, взъерошенная гора, за ней еще такая же гора, а дальше — несколько синихъ хребтовъ, изъ которыхъ самый дальній укутанъ въ туманную дымку, и его неясныя очертанія сливаются съ грядой облаковъ, неподвижно растянувшейся надъ горизонтомъ. Солнце спустилось и уже ослабъвшими, мягкими лучами обливаеть всю эту картину, еще ярко играя на немногихъ отдельныхъ сиежныхъ пятнахъ и полоскахъ, которыя сохранились по съвернымъ склонамъ далекихъ горъ. Но здесь еще неть грозных врасоть глубоваго Алтая: все завлючено въ округленныя очертанія и мягкіе тоны.

Однако пора въ путь, — недалеко до озера! Мы вновь садимся въ съдла, проводники-алтайцы отрывистыми окриками подбодряють уставнихъ лошадей, и караванъ начинаетъ спускаться. Здёсь лёсь уже не такъ густъ, чаще попадаются свётлыя поляны, обставленныя группами сосенъ и березъ; весь ландшафтъ привётливёе и дорога удобнёе. Какойнибудь часъ неторопливой ёзды, и мы подъёхали къ Телецкому озеру, которое подъ послёдними лучами заходящаго солица заиграло передъ нами темно-синими тонами изъ-за вётвей послёднихъ деревьевъ. Еще небольшой спускъ вдоль горнаго ручья, и караванъ столпился на неболь-

шой прибрежной полянка вблизи двуха остроконечных алгайским юрть и почернавшей рыбацкой избенки. Развьюченным лошада весело отфыркивались и встряхивались всамъ корпусомъ, расправляя намиче выоками бока, а черезъ десять минуть уже балались два палатия пода самымъ откосомъ горы.

Мы были на съверномъ берегу Телецкаго озера, верстахъ въ 4 от истока Біи. Послъ мрачной черни видъ этого альнійскаго озера, находящагося на высотъ 473 метр. надъ моремъ, особенно поражаеть дикой красотой своихъ береговъ. Синяя полоса воды, вправленная въ узорчи-

Видъ въ Алтав.

тую темно-зеленую раму гористыхъ береговъ, постепенно расширяясь, уходитъ на востокъ и скрывается за крутымъ мысомъ, а на западъ понемногу суживается и въ 4-хъ верстахъ отъ нашего стана переходитъ въ наклонное каменистое русло р. Біп, усѣянное бѣляками пѣны. Противоположный южный берегъ озера, до котораго здѣсъ версты 1½, также быстро возвышаетсся и переходитъ въ горы, доверху покрытыя червевымъ лѣсомъ, оставляя небольшую болотистую и тоже заросшую лѣсомъ приблежную низину.

о вокругъ нашего костра собрались алтайцы или върнъе, тесообднихъ ауловъ и, держа во рту неизмънныя трубън, пасъ съ какимъ-то вялымъ любопытствомъ. Одинъ изъ нихъ принесъ налима и двухъ харюзовъ, другой горсть земляники въ собственной засаленной войлочной шапкъ. Понемногу завязалась бесъда, конечно черезъ толмача, и туть я, между прочимъ, услышалъ миеъ, съ которымъ связано имя озера Алтынъ-коль, или Золотого озера. Былъ голодный годъ, и люди умирали отъ недостатка пищи. У одного алтайца былъ кусокъ золота съ конскую голову, но не было хлъба и скота; пошелъ онъ по своимъ сосъдямъ, предлагая золото и прося за него немного пищи, но всюду получалъ отказъ. Наконецъ, приведенный въ отчаяніе, обладатель условнаго богатства взошелъ на вершину Алтынъ-ту и оттуда бросилъ свое сокровище въ глубокое озеро... Отсюда и пошло названіе горы и озера. Какъ бы отголоскомъ этого сказанія является наивно-равнодушное отношеніе алтайцевъ къ деньгамъ, которыми я расплачивался за рыбу, лошадей и т. п.

На другой день посль экскурсіи по берегамъ озера мы начали грузить багажь въ приготовленную для насъ досчатую лодку, въ которой нужно было проплыть до южнаго конца озера, т.-е. не менъе 75 версть, а можеть быть, и выдержать волненіе, которыя неріздки на озерів и, говорять, довольно опасны при господствующей здесь ужасной путанице вътровъ. Лишь только багажъ былъ уложенъ, лодка потекла по всъмъ швамъ, и намъ пришлось заняться ея ремонтомъ, или, попросту, затинуть дыры тряпками и паклей. Это, однако, помогло не много, и вода продолжала накопляться на див лодки. Чтобъ не терять времени, я решиль отправляться, превративъ одного изъ гребцовъ-алтайцевъ въ постоянно дъйствующую помпу съ ковшомъ въ рукъ, а самъ всталъ на руль. Всего насъ въ лодев было 9 человекъ, считая толмача и 5 алтайцевъ, да около 25 пудовъ багажа. Мы направились на востокъ, придерживаясь середины озера, чтобы не попасть на прибрежные подводные камни. Прозрачная зеленовато-голубая вода, напоминающая швейцарскія овера, покрылась быстро бъгущей рябью, которая подъ свъжимъ западнымъ вътромъ перешла въ волны съ красивыми барашками на гребняхъ. Съ этимъ попутнымъ вътромъ мы подвигались довольно быстро, несмотря на безтолковую работу гребцовъ и черезъ $2^{1}/_{\bullet}$ часа уже огибали крутой мысь горы Четту, за которымъ озеро расширяется до 3 или 4 версть. Туть потянуль свыжій встрычный вытерь, производя рябь на волнахь, катившихся намъ по пути; скоро волны такъ перепутались, что невозможно было определить ихъ направленіе. Облака быстро окутали вершины горъ, и, едва мы успъли укрыть кожами багажъ и натянуть на себя кожаны, --- хлынуль дождь, который совершенно закрыль оть насъ видъ озера впереди. Пристать было негде и оставалось подвигаться впередъ подъ дождемъ. Еще часъ работы веслами-и мы, обогнувъ мысъ, далеко връзавшійся въ озеро, пристали у южнаго берега на низкой наносной площадкъ, проплывъ около 25 верстъ.

Дождь прекратился; надъ успоконвшеюся поверхностью озера протянулись бълыми клубами остатки облаковъ, а ръдкіе порывы вътра сбрасывали съ вътвей густого кедра крупныя капли, которыя звонко пласпались въ натянутый холсть палатки. Тишина нарушалась только шумомъ близкой реки. Вода озера поражаеть своею безжизненностью: всплесковъ рыбы почти не слышно, птицъ-никакихъ, и только въ прозрачной водъ оволо песчанаго берега въются какіе-то мелкіе водяные жучки; водорослей тоже очень мало. Такая бъдность фауны и водяной флоры вполить объясняется незной температурой воды; несмотря на 25 іюня, въ водъ было всего $+4^{\circ}$ С. М'естный рыбавь разсказываль мнв, что вода делается нъсколько теплъе въ срединъ іюля, и только тогда начинаеть ловиться извъстная въ Сибири телецкая сельдь. Низкая температура воды вліяеть на температуру воздуха: въ 10 час. вечера было всего 8,5° С.; а это въ свою очередь оказываеть вліяніе на время распусканія цвітовъ. Такъ, недалево отъ берега я нашелъ много весеннихъ цветовъ, которые въ окрестностяхъ Томска къ этому времени отцевтаютъ. Суровость климата вмість съ недоступностью береговь ділають озеро почти необитаемымь, если не считать несколькихъ отдельно разбросанныхъ юрть у севернаго и юго-восточнаго конца. Несмотря на низкую температуру воды, озеро замерзаеть, благодаря громадной глубинь, очень поздно, а именнокъ началу декабря или даже къ Рождеству, а въ южномъ широкомъ концъ часто остаются общирныя полыныя, которыя дълають озеро непробаднымъ. Всирывается озеро въ апрълв, а иногда и раньше.

На другой день утромъ, желая лучше ознакомиться съ растительностью лъса, мы отправились на одну изъ близлежащихъ горъ. Продравшись сквозь прибрежныя заросли таловъ, мы вышли на узкій невысокій прилавокъ, заросшій настолько высокой травой, что человъкъ въ ней исчезаеть съ головой; за прилавкомъ внезапно поднимаются крутые лъсистые уступы горы, по которымъ приходится карабкаться, цъпляясь за вътви кустарниковъ и случайные выступы скалъ. Неширокія площадки густо заросли кедромъ, пихтой, мъстами березой. Громадные камии, скатившіеся съ верхнихъ уступовъ, и гигантскіе гніющіе стволы деревьевъ перепутываются съ продирающимися между ними живыми великанами и густою зарослью жимолости, рябины, черемухи, смородины, бузины т др. кустарниковъ. Между послъдними особенно интересны маральникъ, одной братъ альпійской розы, и жимолость съ продолговатыми синими годами, которую алтайцы называють "таа".

E The The раться черезъ эту дъвственную заросль, гдъ нога то цель между камнями, то глубоко утопаеть въ рыхломъ, олъ, но еще труднъе взбираться на почти отвъсныя гымъ покровомъ влажнаго мха и лишайниковъ, сквозъ ся мелкіе папортники, кустики черники и ярко-зеленыя

розетки кожистыхъ листьевъ бадана со стрълками нъжно-розовыхъ цвътовъ. Мохъ ползетъ подъ ногой, иногда обрывается, и тогда приходится скатываться на нъсколько аршинъ внизъ, чтобы вновь искать сколькониобудь удобнаго мъста для подъема.

Прокарабкавшись часа два, мы уперлись въ совершенно непроходимые уступы; оставалось полюбоваться съ высоты на озеро, которое на с.-в. образуетъ довольно глубокую бухту, и затъмъ спуститься къ стану. И вотъ въ такой-то трущобъ промысловые охотники-алтайцы по недълямъ гоняются за бълками, соболемъ, медвъдемъ и другими звърями.

Послѣ полудня мы сложили багажъ и отплыли дальше. Вскорѣ озеро почти подъ прямымъ угломъ поворачиваетъ на югъ. Миновавъ небольшую дельту, мы обогнули крутой мысъ и направились на ю.- в., переръзывая широкую бухту, обставленную высовими отвъсными скалами. Жутко становится на этой мертвенно - застывшей поверхности воды, сжатой мрачными ствнами. Только удары весель нарушають томительное безмолвіє; человіческій голось звучить какъ-то странно, и всі невольно умольноть... За поворотомъ озеро имъеть до 4 версть ширины и уходить на югь, постепенно расширяясь до 6 версть. Отсюда мы увидъли озеро во всю длину до южнаго конца, на протяженіи около 50 вер. Синяя полоса воды, обставленная съ объихъ сторонъ высокими горами съ снъжными пятнами и полосками, уходить на югь и упирается въ массивъ горы Туолокъ, по которой протянулась вертикальная былая полоска. Сначала мы ее принимали за гигантскій водопадъ, но потомъ она оказалась полосой сивга. Прибрежныя горы, достигающія до 2 или даже 2^{1} , тысячъ метровъ, отсыдають въ озеро крутые скалистые мысы, которые придають ему ивкоторое сходство съ озеромъ Четырехъ Кантоновъ въ Швейцаріи, но разница въ томъ, что тамъ берега весело пестръють городами и виллами, а здъсь въ средней части озера не видно даже отдёльныхъ ауловъ.

Берегъ принимаетъ все болъе дикій характеръ. Узкая береговая полоса часто прерывается отвъсными или круто-покатыми скалами сланца. Въ трещинахъ скалъ прилъпились кусты спиреи и жимолости, желтые очитки и лиловая альпійская астра. Надъ этими скалами громоздятся крутые уступы, покрытые густой, перепутавшейся зарослью хвойныхъ деревьевъ и кустарниковъ. Съ крутыхъ карнизовъ висятъ громадные стволы, еще живые, но готовые каждую минуту оборваться и упасть въ озеро; а на берегу,—тамъ, гдъ онъ есть,—скопились пълыя груды свалившагося лъса. Лишь изръдка за узкой береговой полоской идуть довольно широкія покатыя террасы, богато заросшія травой и далъе пер ходящія все-таки въ отвъсные уступы; но эти удобныя для остано мъста — всъ наперечеть и далъе на югъ они почти не попадаютс

Водопадовъ въ этой части озера не видно, — въ серединъ лъта горныя ръчки сильно усыхаютъ.

Къ южному концу озера вода дълается постепенно теплъй. Въ мелкой юго-западной бухтъ, гдъ мы закончили нашъ переходъ по озеру, термометръ показывалъ уже 18° С. Это объясняется, во-первыхъ, тъмъ, что сюда приносится масса теплой воды ръкой Чулышманомъ, и, вовторыхъ, тъмъ, что южный конецъ озера гораздо мельче и солнечные лучи скоръе прогръваютъ воду, тогда какъ въ средней части озера глубина должна быть очень большая; по крайней мъръ отдъльныя попытки измърить его глубину не привели ни къ чему.

Мы разбили станъ въ дельтв Чулышмана на лѣвомъ песчаномъ берегу подъ нижними уступами высокой Алтынъ-таганъ, вершины которой отсюда не видать. Передъ устьемъ Чулышмана образуются нѣсколько песчаныхъ отмелей, которыя уже начинають зарастать мелкимъ тальникомъ; одна изъ нихъ въ видѣ узкаго барьера вытянулась полукругомъ поперекъ озера, которое здѣсь до 6 верстъ шириной.

Взгляните отсюда на съверъ! Широкая синяя лента, серебрящаяся на солнцъ, сжатая крутыми великанами, уходить вдаль, и тамъ, за синими мысами, которые връзываются въ озеро съ обоихъ береговъ, теряется въ туманной дымкъ. Безмолвно, пустынно озеро; только за лъвымъ мысомъ еще виднъется неясный контуръ нашего "фрегата", на которомъ пятеро алтайцевъ возвращаются къ своимъ закоптълымъ, грязнымъ юртамъ...

Отъ Урала до Томска.

(А. Исаева.)

Мы выбхали изъ Тюмени въ теплое лътнее утро. Хотя былъ разгаръ лъта, однако разливъ сибирскихъ ръкъ стоялъ чуть не на высшей точкъ и, повидимому, спадъ былъ еще далеко. Весь путь отъ Тюмени до Томска составляетъ водою около 2.800 верстъ, тогда какъ почтовымъ трактомъ на Омскъ только 1.524 версты. Это почти двойное разстояніе пароходы пробъгаютъ въ 9, 10, 11 сутокъ. Если же на пути нътъ противнаго вътра и въ самомъ пароходъ не обнаруживается никакой ненсправности, то они ускоряютъ движеніе и совершаютъ рейсъ одними - двумя сутками скоръе. Пассажирское движеніе по сибирскимъ ръкамъ далеко не имъетъ той важности, какъ по ръкамъ европейской Россіи; каюты 1-го и 2-го класса большею частью довольно пусты, и даже въ 3-мъ классъ, не будь переселенцевъ, число пассажировъ измърялось бы десятками. Поэтому центромъ тяжести сибирскихъ пароходовъ служетъ бувсированіе баржей съ грузами, и каждый пароходъ ведетъ за собою ну или даже двъ и три баржи, что и не позволяетъ ускорить движе-

ніе болье, чымь до 20 версть въ чась по теченію и до 13—14 версть противь него.

Длинный перетадъ отъ Тюмени до Томска долженъ быть отнесенъ къ наиболте утомительнымъ и однообразнымъ. Отъ Тюмени до села Гевлева, на протяжения 300 верстъ, путь идетъ Турою, которая въ половодье довольно глубока, а въ сухое лъто позволяетъ ходить только мелко сидящимъ пароходамъ. Берега Туры пустынны, но все-таки довольно часто видишь признаки человъческой жилья. Изръдка правый берегъ чуть возвышается и напоминаетъ характеръ береговъ у ръкъ европейской Россіи. По большей же части онъ, какъ и лъвый, низмененъ и покрытъ молодымъ лъсомъ, елью, осиной, березой и тальникомъ. Небольшія деревни каждыя 10—15 верстъ, огороженныя пашни и скотъ, пасущійся безъ пастуха, согласно съ сибирской системой хозяйства, нъсколько разнообразятъ монотонность береговъ. Изъ Туры мы вошли въ Тоболъ, довольно большую и многоводную ръку, и плыли по ней 150 верстъ, до впаденія ея въ Иртышъ подъ Тобольскомъ.

Тобольскъ, этотъ древнъйшій и стольный городъ Сибири, производить съ ръки очень хорошее впечатлівніе. Уже версть за 15 довольно отчетливо различаещь двів бізлыя линіи церквей и домовъ, образующія нижній городъ по самому берегу Иртыша, и верхній — на довольно высокихъ холмахъ, господствующихъ надъ ріжой. Одну изъ высшихъ точекъ этихъ холмовъ занимаетъ городской садъ; около него въ живописномъ безпорядкі размістились храмы, деревянные домики съ желізными крышами, общирное зданіе присутственныхъ мість. Кое-гдів высокій холмъ перерізанъ оврагами. Широкій Иртышъ дізлаетъ містоположеніе еще боліве картиннымъ.

Однако путника быстро охватываеть разочарованіе, какъ скоро онъ въъзжаеть въ самый городъ. Оть пристани треть онъ по деревянной мостовой изъ наскоро сколоченныхъ досокъ, которыя приподнимаются и дребезжать, какъ клавиши, подъ колесами экипажей.

Весь нижній городъ, гді сосредоточиваются учебныя заведенія и торговые обороты, производить впечатлініе чего-то неряшливаго, безалабернаго, полуразрушеннаго, забытаго Богомъ и людьми. Тобольскъ служить центромъ значительной торговли рыбой. А базаръ, на которомъ производится эта торговля, загрязненъ до такой степени, что охотникамъ до рыбныхъ кушаній всего лучше и не заглядывать на него. Такъ накъ въ Тобольскі нітъ садовъ и очень немного огородовъ и некуда класть навоза для удобренія, то все это свозится на берегь Иртыша, размывается водою, заполняеть набережную и распространяеть зловоніе. На этихъ-то кучахъ навоза и стоять убогія давчонки, въ которыхъ торгують рыбой. Рыба огромными массами валяется тутъ же въ навозной жижъ.

Но и верхній городъ производить самое безотрадное висчатльніе. Средину занимаєть огромный пустырь съ узенькой полоской, выстлане. Досками; площадь совершенно безлюдна; кое-гдь на окраинахъ этого пустыря стоять деревянные домишки. На дворь архіерейскаго дома вахъ показывають колоколь изъ Углича, звонившій посль убіенія царевича Дмитрія. Единственнымъ украшеніемъ верхняго города служить довольно большой садъ, разбитый вокругь памятника Ермаку. Самый памятникъ имъеть видъ четырехугольнаго столба. Садъ, разбитый вокругь, сестоить изъ кедровъ, елей и березъ и содержится въ полномъ порядкъ. Нъсколько льть тому назадъ въ Тобольскъ было положено начало этно-

Улица въ Тобольскъ.

графическому музею, который поміщается въ небольшомъ и довольно красивомъ зданіи, при вході въ садъ Ермака. Я воспользовался двухчасовой остановкой парохода, чтобы завернуть въ музей и хоть бізгло познакомиться съ предметами, которые онъ содержить. Въ немъ обращено вниманіе на то, чтобы представить возможно полніве быть инородческаго населенія Тобольской губерніи. У самыхъ дверей вы находите фигуры остяка и остячки въ національной одеждів, модель убогой юрты, въ которой они проводять свою жизнь. Довольно много міста отведено охотничьимъ и рыболовнымъ снарядамъ этого племени.

Пароходъ вышель изъ Тобольска передъ вечеромъ. Намъ предстояло сдълать по Иртышу около 700 версть. Иртышъ, судоходный отъ Семн-

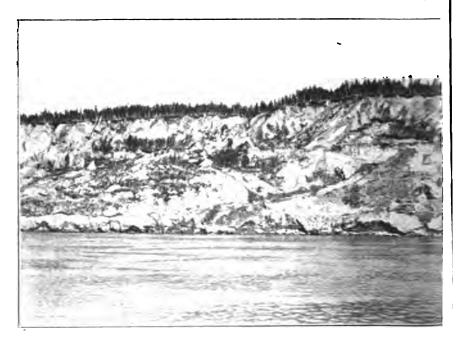
1алатинска, является въ нижнемъ своемъ теченіи, отъ Тобольска и до устъя, большой и многоводной рівкой; его средняя ширина отъ ¹/₂ до 1 версты и боліве. Чімъ даліве подвигались мы въ сіверу, тімъ боліве становилась містность однообразной и непріятной. Лівый берегь, затопленный позднимъ літнимъ разливомъ, былъ совершенно безжизненъ: куда ни достигалъ глазъ, вездів виднівлись только тощіе перелізски и низкорослый кустарникъ, залитые водой. Иногда далеко на горизонтів обрисовывались песчаные бугры, поросшіе хвойнымъ лісомъ, а на правомъ берегу, боліве возвышенномъ, виднівлись кедровыя рощицы по вершинамъ и склонамъ холмовъ. Коренные жители этого края не даромъ дали ріків имя "Иртышъ", что значить "землерой": она очень извилиста въ своемъ теченіи и изъ года въ годъ отмываетъ края рыхлыхъ береговъ и уноситъ съ собою глыбы земли съ растущими на нихъ деревьями.

Чѣмъ далѣе въ сѣверу, тѣмъ рѣже становится населеніе, тѣмъ меньшее значеніе имѣетъ земледѣліе, уступая главное мѣсто рыболовству. Правильное земледѣліе съ посѣвами, премущественно ячменя и овса, при частыхъ вымерзаніяхъ этихъ хлѣбовъ, оканчивается въ Юговской волости тобольскаго округа, около 59° сѣверной широты. Однако изъ разспросовъ мѣстныхъ жителей я убѣдился въ томъ, что не климатъ, будто бы слишкомъ суровый, препятствуетъ успѣхамъ земледѣлія. Низменное положеніе всего этого края—вотъ что служитъ главной причиной того, что жители не занимаются земледѣліемъ; большія рѣки и ихъ многочисленные притоки разливаются нерѣдко на многія сотни версть и затопляють даже тѣ клочки земли, которые имѣютъ сравнительно высокое положеніе. Деревушки, избирающія себѣ пріють по склонамъ холмовъ, оказываются каждыя 5—6 лѣтъ окруженными водою, которая и подступаеть къ порогамъ домовъ.

Всл'ядствіе этого главнымъ промысломъ в главнымъ источникомъ доходовъ здінняго населенія является рыболовство.

Въ десяти верстахъ въ свверу отъ села Самарова Иртышъ впадаетъ въ Объ. Отъ самаго селенія можно различить далево на горизонтв довольно шировую темную полосу; важется, будто до нея двв-три версты, а между твмъ пароходъ идеть оволо часа. Объ, сравнительно даже съ большими ръвами европейской Россіи, очень широва и полноводна. Мъстные жители усмъхаются, когда спрашиваещь, нътъ ли на ней перекатовъ; они отвъчаютъ, что даже лътомъ, и притомъ въ самыхъ мелкихъ мъстахъ, глубина ръви не менъе 5 аршинъ, а ширина, особеню во время весенняго разлива, достигаетъ во многихъ мъстахъ 5—10 верстъ и болъе. Благодаря низменному положенію всего этого края, вода заливаетъ очень общирное пространство, и если бы не верхушки тальника, которыя остаются открытыми, можно было бы поду-

Берега Оби развертывають передъ путникомъ картину самую уныти обезотрадную. Отъ Самарова и вплоть до села Тымскаго, на протяжни около 1.000 версть, глазу рёшительно не на чемъ остановить: Почти нёть поселеній, кроміз изрідка разбросанныхъ остановить окоторыя сильно страдають оть очень большого разлива. Но остяки вывсе не смущаются тёмъ, что вода сносить ихъ шалаши и затоплятемилянки. Какъ скоро наступила такая бізда, остякъ перебирается содинь изъ ближайшихъ холмовъ, а послів спада воды опять быстро устраваеть шалашь или вырываеть землянку. Какъ пахарь старается вкі въ сосідствів свое поле, такъ и остякъ поселяется поближе къ рікт

Берегъ Иртыша.

которая служить главнымъ источникомъ его пропитанія. На всемь тасячеверстномъ разстояніи путникъ видить только окружной городъ Суггуть, отстоящій далеко отъ пристани, село Тымское съ небольшою перковью и двумя десятками домовъ и нѣсколько мелкихъ поселковъ взаватри дома. Какъ ни кажется уныла жизнь въ этомъ краю, одвастоворили мнѣ, Сургуть—городокъ съ полутора тысячами жителей—служитъ по зимамъ торговымъ центромъ, куда съѣзжаются изъ окрествих селеній промышленники: одни скупаютъ, другіе продаютъ рыбу и звѣрей устанавливается правильный зимній путь къ Ледовитому океану, путь настолько проторенный, что даже разсчитано время, которое необходи чтобы его пройти: этотъ срокъ считаютъ въ 66 дней.

Нашъ пароходъ шелъ больше 4 сутокъ самой глухой и безлюдной мъстностью. Изръдка показывались лодки остяковъ, большею частью пустыя, но иногда нагруженныя мелкой рыбой.

Тамъ, гдъ Обь дълаетъ поворотъ къ юго-востоку, стоитъ небольшое село Тымское, населенное русскими и остяками. Къ пристани, находящейся въ двухъ верстахъ отъ селенія, бъгомъ бъжали мужики и бабы, чтобы распродать запасы своихъ ненужныхъ товаровъ. Хотя завсь еще нътъ земледълія, но видно было, что мы приближаемся въ мъстности. которой уже известны несколько большія удобства жизни: въ продаже предлагались пакетики съ чаемъ и сахаромъ, баранки, сдобные сухари и даже нъчто въ родъ пряниковъ. Пароходъ стоялъ здъсь часа полтора. Пассажиры высыпали на пристань: переселенцы съ особеннымъ удивленіемъ смотрівли на то, что три лошади были запряжены въ сани. Великороссы, покачивая головами, говорили: "вотъ сторона! У насъдаже и въ пятьсотъ лътъ не случится ни разу, чтобы въ Петровку народъ ъздилъ въ саняхъ". Простымъ людямъ этимъ и въ голову не приходило, что на огромномъ разстоянів, болье 1.200 версть по обоимъ берегамъ Оби, иътъ колеснаго пути, что есть или только тропинки для пъщеходовъ, или порубы съ невыкорчеванными пнями, гдъ невозможноъхать на колесахъ. Около десятка остяковъ, выбъжавшихъ на пристань, вызывали разныя насмышливыя замычанія со стороны переселенцевъ. И дъйствительно, инородцы имъють видъ жалкій и приниженный. Они одеждой почти не отличаются отъ русскихъ; но слабое, тщедушное сложеніе, малый рость, четырехугольныя, смуглыя лица, черные какъ смоль волосы, а главное-какое-то задумчивое выраженіе лица ръзко отличають ихъ отъ русскаго населенія и сразу выдають болье слабую расу. Мив припомиились описанія остяковь, которыя были сдівланы Палласомъ и другими учеными путещественниками въ 60-хъ и 70-хъ. годахъ прошлаго въка. И теперь они живуть при совершенно тъхъ же условіяхь, какъ 100 леть тому назадь: то же рыболовство и звериный промысель, тв же жалкія юрты, та же оспа, которая производить огромныя опустошенія, та же забитость и покорность своей судьбів, та же готовность безропотно переносить все, что исходить отъ русского господствующаго племени. Но, мив кажется, решительно неправы тв, которые смотрять на сибирскихъ инородцевъ какъ на племена, вовсе неспособныя въ умственному развитію и осужденныя на безостановочноевымираніе. Въ селѣ Тымскомъ я разговорился съ однимъ остякомъ; онъ произвель на меня очень хорошее впечатление. Онь объясниль мив на довольно чистомъ русскомъ языкъ, какъ онъ самъ и вообще прибрежное населеніе занимается рыболовнымъ промысломъ; онъ зам'втилъ, что въ этомъ краю могъ бы дозръвать хльбъ, да ръка оставляеть очень 🗸 🤇 мало возвышенныхъ мъстностей; ближайшіе льса стоять на болоть.

Сжато, но вполив понятно описаль онъ устройство жилинть остявля туть же замітиль, что когда его соплеменники поумнікоть, навіра будуть жить не въ землянкахь, а въ избахъ, подобно русскимъ. На нецъ, онъ сказаль, что онъ грамотенъ, уміть читать, хотя пишеть большимъ трудомъ.

По мірів того, какъ пароходъ приближался въ Томску, мы сет вступали въ полосу земледілія; она начинается немного южибе Нарых приблизительно подъ 58½° сіверной широты. А верстъ на 100 отъ Брыма вверхъ по Оби оно становится уже совершенно правильнымъ интіемъ и въ нівкоторыхъ містностяхъ сполна обезпечиваетъ насемът хлібомъ. Пароходъ на полчаса останавливается у небольшого засел Подъельникъ, состоящаго изъ 9 дворовъ. По всему было видно, что я вновь возникающее селеніе: жители еще не успіти отстроиться; довощ просторныя и высокія избы уже были готовы, а надворныя построй состояли изъ непокрытыхъ сараевъ или просто небольшихъ плетневых четырехугольниковъ; повсюду валялись бревна, доски, драницы. Мы узал отъ містнаго крестьянина, что эти 9 дворовъ—выходцы изъ доволю большого селенія, лежащаго ниже на берегу Оби. Тамъ населеніе в столько возросло, что было мало пахотной земли, и вотъ они рішев переселиться.

За 350 версть оть Томска пароходь остановился у большого се: Колпашева. Здёсь начиналась, если можно такъ выразиться, культуры Сибирь съ разнообразными занятіями населенія. Послів нівскольких с токъ пути мы въ первый разъ увидёли русскую телёгу и узнали, 🕏 отъ этого селенія колесный путь идеть на 10 версть въ одну сторок и на 7 версть въ другую. На пристани было нъсколько десятковъвещинъ съ хлебомъ, молокомъ, яйцами, масломъ; явилась даже одна съ рука, продававшая пестрыя шерстяныя вязаныя рукавицы—первое призведеніе ремесла, которое я увид'яль посл'я Тобольска. На парохог вошло несколько десятковъ крестьянъ, которые отправлялись въ Томсъ одни-по дъламъ, другіе-на богомолье. Всего набралось на парохот до 40 волпашевскихъ крестьянъ, мужчинъ и женщинъ. Мив было боль за европейскую Россію, когда я сравниваль этоть людь не только о горемычными переселенцами, но даже съ рядовыми врестьянами наши: среднихъ и южныхъ губерній. Я предположилъ было, что на пароход съли самые зажиточные колпашевскіе крестьяне. Мить сказали однав. что большинство рядовые хозяева, которые ничемъ не отличаются ет массы сельскаго населенія. Едва они усп'али взойти на палубу, как усвлись за столами пить чай, закусывая хорошимъ полубвлымъ дошанимъ хлъбомъ и мясомъ. Всъ они были одъты очень хорошо: суковый чуйки, такія же шаровары на мужчинахъ, опрятныя ситцевыя, часты шерстяныя платья на женщинахь; на всъхъ были хорошіе кожаные с

поги и башмаки. У нівкоторых молодых людей и даже крестьянь средних віть быль бритый подбородок, оставались только одни усы. Обычай брить бороду, вовсе неизвістный въ Великороссій и такъ распространенный въ губерніях малороссійских, заставиль меня предположить, что предки этих врестьянь были происхожденія малороссійскаго; на мою догадку они дали утвердительный отвіть.

Въ 60 верстахъ отъ Томска Обь принимаетъ Томь, и нашъ пароходъ медленно вступиль въ нее, чтобы раннимъ утромъ достигнуть цёли путегнествія. Все способствовало тому, чтобы забыть о суровой Сибири и перенестись въ одну изъ средне-русскихъ губерній. Ночь была лунная, тихал и теплая; можно было безъ пальто сидёть на верхней палубъ. Огромное водное пространство Оби было за нами; мы ѣхали между привѣтливыхъ, иногда холмистыхъ береговъ, поросшихъ молодымъ лѣсомъ. Тихо, почти безшумно двигался пароходъ; трели соловьевъ раздавались всю ночь до самаго Томска. Соловей порадовалъ меня тѣмъ болѣе, что незадолго до того, какъ мы услыхали знакомые звуки, одинъ спутникъ сибирякъ жаловался на полное отсутствіе въ Сибири пѣвчихъ птицъ.

Сибиряки отличаются очень сильнымъ мѣстнымъ патріотизмомъ; онъ распростряняется на всѣ частности сибирской жизни, не исключая и благоустройства, которое будто бы царствуетъ въ сибирскихъ городахъ. Объ Иркутскѣ говорятъ съ восторгомъ: онъ, по ихъ мнѣнію,—точная копія съ Петербурга и развѣ только немногимъ уступаєтъ своему великому образцу. Но и въ честъ Томска охотно поются хвалебные гимны. Когда нашъ пароходъ въ прекрасное лѣтнее утро дѣлалъ частые зигзаги по извилистой голубоватой Томи, два сибиряка знавомили меня съ Томскомъ, виднымъ на рѣкѣ за 10—12 верстъ. Они указывали зданіе университета, присутственныхъ мѣстъ, называли церкви и не сомнѣвавались, что я приду въ несказанный восторгъ, увидѣвъ лучшую гостиницу города—Европейскую.

Но русскій человівть, котораго губернскій городь по сю сторону Урала вовсе не избаловаль ни врасотою зданій, ни благоустройствомь, все же ужаснется, въйхавь вь этоть, благодаря основанію университета, нынів первый сибирскій городь. Онь не вымощень и только двів горы кое-какъ шоссированы; вслідствіе этого невыносимая пыль и непроходимая грязь сміняють другь друга. Когда весенняя вода размоеть берега річки, на сцену является навозь. Навозь выручаеть и при выравниваніи бугровь и овраговь, которыми такъ изобилуеть большинство улиць. Подъйзды къ мостамь ділаются изъ навоза. Есть переулки и площади, въ которыхъ верхній слой на 8—10 вершковь и болье сплошь состоить изъ навоза, частью перепрівшаго, частью свіжаго. Въ этомъ царствів пыли, грязи и навоза участокъ земли, занимаемый университетомъ и принадлежащими ему зданіями, является какимъ-то прелестнымъ оазисомъ. Представьте себѣ обширную березовую рощу (къ сожыватолько борезовую, что дѣлаеть ее нѣсколько однообразной), въ котуразбросаны каменные университетскіе флигеля съ главнымъ 4-хъэты нымъ корпусомъ, занимающимъ большую площадку въ срединѣ лерощи. Самое зданіе университета, ярко выдѣляющееся своимъ бѣлавѣтомъ изъ густой зелени травы и деревъ, по красотѣ превосхонъвсѣ зданія русскихъ университетовъ, не исключая кіевскаго.

Переселенцы.

(Н. Телешова.)

Городъ Тюмень стоитъ при впаденіи річки Тюменки въ рівку Тупо которой въ сороковыхъ годахъ развилось пароходство, давшее и ной торговой дізтельности новыя силы. Товарное движеніе на Облить теперь достигло большихъ разміровъ, и рабочіе на при няхъ добываютъ рубля до полтора за день; по деревнямъ работыт сита, кули и сани, но боліве широкою извістностью пользуются акти не ковры. Самъ по себів городъ вообще грязный и неряшливый; упи немощеныя, изрытыя ямами, и не въ диковинку встрітить домъ, у редъ которымъ разстилается громадная лужа и, свісивъ въ нее годы ноги, сидитъ на крылечків мальчишка и беззаботно насвистываеть пість деннажей рессорныхъ здісь ніть, да и врядъ ли возможно на незівдить; дома преимущественно деревянные, почернівшіе; но есть оштукатуренные, приличные и даже красивые.

Провъжая по городу, я столкнулся на какой-то площади съ громи ною партіей арестантовъ; ихъ гнали на берегъ, — на баржу. Сваче было видно, какъ надвигалась эта сврая колыхающаяся масса, пото забъльли солдатскія рубашки, засверкали штыки, и звуки шаговъ за шумьли вмъсть со скрежетомъ цвпей. Люди съ бритыми головами, сврыхъ халатахъ или курткахъ, нагруженные связками и пожиты обремененные кандалами, неръдко босые, съ высоко засученными въ нами, иные въ сапогахъ, торопливо проходили шировою полосой среконвойныхъ, опрятно одътыхъ въ бълыя рубахи; словно сврый бурьпотокъ мчался среди своихъ береговъ; проходя черезъ городскія лужони шлепали по нимъ ногами или перепрыгивали ихъ и бряцали пъпят то дружно, то вразбродъ, — и эта невозможная музыка, терзающая привычные нервы, слышалась еще издали.

Партія была огромная—не менъе тысячи человъкъ, а то, пожалу и больше. Сначала гнали мужчинъ, потомъ шли женщины, также узлами, въ халатахъ и бълыхъ платкахъ; также перескакиван ок черезъ лужи, а другія, у воторыхъ были босыя ноги, шлепали по вогі

Потомъ тянулся цілый обозъ телінъ и вибитокъ съ больными; туть же із кали и женщины съ грудными діятьми. Что особенно поражало — это общее настроеніе, гнетущее и странное. Конвойные мізрнымъ шагомъ идуть по сторонамъ партіи и сурово молчать, точно исполняють какоето несвойственное человіку и непріятное діяло, а между тімъ каторжные развлекаются бесіздой другь съ другомъ, неріздко пересмізиваются, и жохоть ихъ еще боліве угнетаєть посторонняго зрителя.

Я зналъ, что здёсь, въ Тюмени, сосредоточиваются переселенческія партіи, что именно отсюда разсылаются онё по разнымъ областямъ и губерніямъ *), и я поспёшилъ поёхать на поле, которое раскинулось подъ самымъ городомъ по берегу рёки и которое было занято почти сплошь прибывшими переселенцами.

Что такое переселенецъ? Къ чему вообще стремится онъ и отъ чего бъжитъ съ родины?

Бъжитъ онъ съ родины потому, что ему тамъ тъсно, потому что малъ надълъ, потому что на родинъ нечего ъсть, а въ Сибири даютъ надълы больше, земля родитъ много хлъба и даже подати не берутъ на первое время, а въ дальнихъ мъстахъ, кромъ того, деньги даютъ на хозяйство и сыновей не берутъ въ солдаты, такъ что здъсь возможно житъ со всею семьей, сравнительно съ родиной, припъваючи. Таковъ идеалъ обыкновеннаго переселенца и таковы причины, погнавшія его въ невъдомую сторону, на "новое мъсто".

И вотъ такіе крестьяне оставляють на родинѣ свои надѣлы, дома, постройки, хозяйство—или продавши ихъ, или заложивъ, или, наконець, оставивъ недоимки, ѣдутъ семьями искать новую "родину". Если для многихъ это новое мѣсто является "родною матерью", то путь до него для большинства бываетъ "злою мачехой" и, кромѣ полнаго разоренія, продолжительнаго страданія, а иногда и потери цѣлой семьи, ничего не приноситъ.

Объ этомъ знаютъ теперь, кажется, всв, но все-таки число переселенцевъ возрастаетъ годъ отъ года, потому что годъ отъ года и родимая сторона обращается незамътно въ злую мачеху.

Главное переселеніе наблюдается изъ Курской, Тамбовской и Полтавской губерній, меньшинство идеть изъ Тульской, Подольской и Могилевской; но въ общемъ переселяются чуть не изъ всіхъ губерній Европейской Россіи.

Прівхавъ на тюменское переселенческое поле, я въ продолженіе нъсколькихъ часовъ наблюдаль слівдующія картины и сцены, которыя навсегда останутся у меня въ памяти.

^{*)} Діло было въ 1894 году, когда Сибирская желівная дорога не доходня еще до Омска и главная часть переселенцевъ направлялась черевъ Тюмень.

Это было широкое поле, раскинувшееся верстахъ въ двухъ за :родомъ. Если глядеть на него издали, то можно было подумать, ч оно поврыто почти сплошь бёлыми овцами, на самомъ дёлть это бёлы: низенькія палатки, настолько низенькія, что въ нихъ едва-едва могпомъститься человъкъ въ сидячемъ положеніи; это были даже ве 🕞 латви, а груды тряпокъ, висъвшія на шестахъ. Все поле, насколько е окинеть взглядь, пестр'яло такими тряпками, среди которыхъ то тул: то тамъ возвышались дощатые шалаши, стрые и тощіе, съ покатых крышами. Повсюду стоять огромныя лужи дождевой воды, гдв гологгіе ребятишки развлекаются перехожденіемь въ бродъ; въ травъ вод: палатокъ сидять и лежать люди и преимущественно безъ всякаго діл. безъ всякихъ занятій, очевидно изнывающіе въ тосків и бездівісти: Кое-гав встрвчается баба, которая сидя шьеть рубашку, а рядонъ вляется ничкомъ на травъ бородатый мужикъ и дуеть въ кулакъ 🤫 нечего дълать; туть же сущится на палкахъ бълье, туть же охаст. старука или компанія хохловь, поджавши по-турецки ноги, раскуривае: общую трубку, или молодая мать, разстегнувъ сорочку, кормитъ ребенъ здісь же кричать и різвятся подростви или дымится костеръ подъ кленькимъ котелкомъ, либо молчаливая дъвушка разбираеть внимательголову подруги, лежащую у нея на колвияхъ, а рядомъ дуются въ зсаленныя карты молодые парни; гдф-то внутри палатки слышится дускій хриплый кашель и плачь, либо доносится нехорошее бранное слож. либо старческій глубокій вздохъ съ причитаньемъ молитвы...

Всего на полъжило народа въ это время около 20.000 человът. обносившихся, неумытыхъ, прятавшихся въ свои палатки только на вода въ проливной дождь; въ остальное время большая часть этой массь бродила по полю, стояла, сидёла, лежала, сходилась толпами и, въ охт даніи отправки, совершенно безд'яйствовала дни, нед'яли и даже м'ясять Они уже такъ истомились бездъйствіемъ, такъ стосковались, что стом: мнь обратиться къ какому-нибудь мужику съ самымъ пустымъ вопрсомъ, какъ сейчасъ же вокругъ насъ образовывалась кучка любопытных: а черезъминуту это была уже цвлая толпа скучающихъм поневол праздныхъ людей, которые сбъгались со всъхъ сторонъ, окружали меогромнымъ непродазнымъ кольцомъ и, не понимая, въ чемъ двло, жегресовались и ждали, не скажу ли я имъ чего-нибудь новаго. По ще имуществу это были малороссы, съ типичными загорвлыми лицами, г шапкахъ или широкихъ соломенныхъ шляпахъ, въ пестрыхъ жы:тахъ поверхъ рубахъ; туть же толивлись русскіе бородатые мужим. печальныя слезливыя бабы и нарядныя хохлушки. Богь въсть, за кого меня принимая, вст обнажали головы и на разныхъ нартияхъ в Digitized by GOOGLE клипали:

— Ваше благородіе!

Мгновенно поднимался такой говорь и шумъ, что, кромъ этого "блаэродія", разобрать было нельзя ничего; но по лицамъ было замътно, то говорятъ они о чемъ-то важномъ для нихъ, близко касающемся хъ жизни, а можетъ быть и благополучія. И чъмъ громче они кричатъ, ъмъ больше и плотнъе становится народное кольцо отъ прибъгающихъ здали людей, желающихъ узнать, какъ ръшу я ихнюю участь.

Съ трудомъ удавалось мив объяснить, что я ровно ничего не значу ля нихъ и что не могу ничего сдвлать.

Повсюду повторялось одно и то же. Если черезъ сто шаговъ дальше с обращался съ вопросомъ къ какому-нибудь новому хохлу, то сбъгасись опять любопытные и опять та же толиа вмъстъ съ новою обступала меня, въроятно надъясь, что тогда я ничего не сказалъ, а теперь ужъ навърно что-нибудь сдълаю.

Нужды ихъ и просыбы, съ которыми они обращались ко мив, были вездъ однъ и тъ же.

Иногда, раздвигая галдящую толпу, ко мнв протискивался крестьянинъ и громко взываль:

— Ваше благородіе!

Онъ махалъ рукой толпъ, чтобы затихла, и начиналъ объяснять, что всъ они здъсь "амурскіе", то-есть ъдущіе на Амуръ, а ихъ не отправляють, не дають пароходовь, а отправляють ближнихъ, то-есть тъхъ, которые ъдуть въ Томскую губернію. Первыя слова его производять на толпу впечатлъніе: она молчитъ, видя передъ собой выразителя общаго мнънія; но выразитель этотъ сбивается съ ръчи и его поправляютъ и пополняютъ—сначала сосъди, потомъ раздаются голоса откуда-то изъ средины, а потомъ опять гудитъ и кричитъ вся толпа.

Оказывается, это амурскіе стоять здівсь уже около трехъ неділь и все ждуть, что ихъ отправять.

- Что же вы здъсь дълаете? спросилъ я.
- Что дізлаемъ?—угрюмо отвічаль переселенець, —ребять хоронимь да посліднія деньги проіздаемь...
- Провлись, совсвиъ провлись!--жаловались мив въ другой группв. Это были кіевляне. Они разсказали мив въ короткихъ словахъ свое путешествіе.
- Прівхали мы въ Нижній... Чвить бы дальше вкать, насть поставили на квартирахть и брали 2 копейки съ души... Такть недівли двіз стояли; потомъ отправили насть въ Казань; тамъ по берегу въ палаткахть на песку страдали 18 дней. Изъ Казани до Перми плыли пять сутокть да въ баракахть жили 2 дня. Потомъ сюда прівхали да здізсь третью недівлю пробраємся, а кліботь-то здізсь три копейки за фунть.
- Если бы безъ задержевъ, говорили другіе, то у насъ хватило бы денегъ, а теперь прохарчились!

Третьи указывали на то, что привезуть ихъ на Амуръ въ сая. осени: "Чёмъ мы тамъ будемъ жить?.."

И повсюду, гдъ ни послушаеть, главная забота, главная жаюбэто страшная задержка въ пути, поглощающая ихъ капиталы. "Прощчились, проълись"—только и слышно.

Напрасно я старался увърить ихъ, что ничего не могу сдълать, они жаловались, вланялись, просили помочь и кому-то "поговорить Иногда, расталкивая толпу, протискивался ко мит какой-нибудь четвых и начиналь громко излагать несчастіе, часто личнаго свойсть такъ вспоминается мит молодой парень, хохоль, который устремивь: меня свои быстрые глаза, взволнованно требоваль оть меня "правин кричаль: "Разсуди!" Діло въ томъ, что этоть парень—екатериюс: вець—"засваталь" въ пути у полтавскаго переселенца дочь и выдему одиннадцать рублей; діло однако разошлось, но старикъ ему не в вращаеть эти одиннадцать рублей.

— Разсуди насъ! — кричалъ парень на своемъ хохлацкомъ нарът браня при этомъ старика, кажется, бъсомъ, а невъсту — собакой.

Хотя среди переселенцевь встръчаются представители чуть и : 60 губерній, но хохловь здісь больше всего, и на вопрось: "какой з губерніи?" почти всегда получается отвіть: "Полтавской". Идуть и тоже въ разныя містности Сибири, даже, какъ я уже сказаль, в Амуръ; но главная цифра переселенія падаеть на Томскую губерніг преимущественно на ея южную часть. Такъ, въ прошломъ году сиприбыло около 70% всего переселенія.

Проходя далее по полю, я быль внезанно поражень звуками—страными, тягучими; это напоминало хоровую песню, хотя было вовее и песней; это ветерь донесь до меня откуда-то издали звуки неясим непонятные, но заставивше меня оглянуться. Среди поля, среди обымассы народа и палатокь, я увидаль, какъ двигалась по направлен къ лесу небольшая кучка людей; когда они проходили невдалекь меня, я разслышаль уже ясно это нестройное пене, мешающееся бабымъ причитаніемъ и воемъ. Впереди несли крышку гроба, загіт несли покойника, котораго сопровождала семья съ пенемъ и плачен семья сама его оплакивала, сама и отпевала. Следомъ за ними несе вторую крышку и второго покойника, а за нимъ такъ же, какъ и первымъ, шли поющія и воющія бабы... Гроба были открытые, насер сколоченные изъ досокъ. Процессія двигалась такъ поспешно, такъ бысточно боялась опоздать куда-то.

Оказывается, здёсь умираеть такъ часто и такъ много народа, то покойниковъ даже не отпевають, а просто, какъ сказывали мне мужни попъ благословить—и только.

Особенно велика смертность дътей.

Немного далье, на томъ же мъстъ, выстроены деревянные бараки; въ общемъ, это цълое селене, напоминающее не то подмосковныя дачи, не то какую-то благотворительную колонію. Между прочимъ, здъсь ведстся общирное хозяйство; помимо временныхъ ночлежныхъ квартиръ, больницы и прачечной, здъсь помъщается спеціальное переселенческое статистическое отдъленіе, гдъ лътомъ работаютъ прівзжіе студенты; есть также кухня, гдъ пекутся хльбы и варится пища. О дъятельности этой кухни одинъ изъ крестьянъ отозвался такъ:

— Хорошее діло: на дітей, которымъ меньше десяти літь, полагается по фунту хліба да супу черпакъ—даромъ!.. Только трудно добиться...

Переселенческій лагерь близь станцін желізаной дороги.

Понятно, что ни пищей, ни квартирами нѣтъ возможности удовлетворить всю эту 20-тысячную толпу, не прекращающуюся съ весны до глубокой осени; поэтому большинство переселенцевъ живетъ подъ открытымъ небомъ и питается собственными сухарями да варитъ въ собственныхъ котлахъ Богъ вѣсть изъ чего и Богъ вѣсть какое кушанье, называемое "хлебово".

Бараки дълятся на три двора.

"Старый дворъ" состоить изъ 16 мрачныхъ корпусовъ, съ нарами по ствнамъ, и двухъ большихъ бараковъ, съ расчетомъ на 350 человъкъ въ каждомъ, грязные, холодные, съ невыносимымъ удушьемъ и зловоніемъ; здѣсь же находится аптека, амбулаторія, баракъ для медиковъ, служащихъ и статистиковъ; здѣсь же построенъ баракъ для семействъ тѣхъ переселенцевъ, которыхъ взяли въ больницу на "новый дворъ".

Этотъ новый дворъ занятъ исключительно больничными постройками.

Третій дворъ—"Сибиряковскій", вполн'в опрятный, съ новыми чистенькими постройками, разсчитанными на 60 челов'якъ въ каждомъ изъчетырехъ бараковъ; зд'ясь устроена чайная и столовая, гд'я ежедневно отпускается до тысячи об'ядовъ, и переселенцы, попавшіе въ этотъ дворъ, устраиваются какъ дома.

Я прошелъ далве... За бараками, по берегу ръки, толпилось опять множество народа, а въ водъ около пристани стояли двъ громадныхъ баржи, на которыхъ должны были отплыть въ этотъ день 2.000 переселенцевъ.

Тѣ, для которыхъ предназначены были эти баржи, назывались счастливцами. Имъ завидовали, даже сердились на нихъ за выпавшее на ихъ долю счастіе, а счастіе это заключалось лишь въ томъ, что они съ одного мѣста стоянки недѣли черезъ двѣ попадутъ въ другое—все-таки ближе къ цѣли!

И воть толпа этихъ "счастливцевъ" стоитъ на берегу и ожидаетъ своей очереди. Они уже вхали по водв, вхали по желвзной дорогъ. стояли въ поляхъ, то здвсь, то тамъ, и ихъ не удивищь уже никакими приключеніями, никакими неудобствами. Они со всвиъ свыклись и ко всему притерпвлись. Если даже платный пассажиръ, ну, коть второго класса, испытываетъ разницу по удобству между желвзнодорожнымъ вагономъ и пароходною каютой, то разница эта существуетъ и для "дешеваго" пассажира-переселенца. Понятіе о томъ, какъ перевозятъ переселенцевъ по Уральской желвзной дорогв можно составить со словъ одного доктора, который самъ провхалъ въ вагонв съ переселенцами. Въ вагонв грязь и твснота. Мы всв знаемъ товарные вагоны, но не разсматривали ихъ никогда съ точки зрвнія перевозки людей. Они предназначаются для клади или скота; но если представимъ, что въ нихъ перевозится несколько тысячь людей, то можно вообразить, что происходить.

"Начиная съ того, что вагонъ этотъ на полтора аршина отъ земли, а въ него приходится влёзть цёлой семьё съ дётьми; кладутся двё плахи, по которымъ предоставляется взбираться, при чемъ многіе падають, и, наконецъ, кое-какъ взгромождаются. Помёщаются кое-какъ, въ повалку; на станціяхъ съ короткою остановкой не выходятъ даже за водой.

"Когда наступила ночь, переселенцы сначала сидъли на отдъльныхъ доскахъ, на которыя улечься нельзя; наконецъ, утомленіе взяло свое, и буквально весь грязный полъ былъ покрытъ людьми, цълую ночь слышались вопли и плачъ дътей. Въ этой грязи и духоть невозможно было выдержать ночь даже вполнъ здоровому человъку"...

Не знаю, можеть быть потому, что я осматриваль приготовленныя саржи еще пустыми, то-есть безъ пассажировъ, но мнв казалось, что зь не будеть того удушья, той грязи, которыя наблюдались въ вагонахъ, служащихъ попеременно для перевозки товара и скота и переселенцевъ.

На ріжів стояли рядомъ двів баржи, касаясь другь друга бортами; на нихъ возвышались мачты и развіввались по вітру торговые флаги. Трудно представить, какъ веселили эти цвітныя тряпки настрадавшіяся сердца переселенцевъ!.. Первая огромная баржа была соединена съ берегомъ небольшимъ мостикомъ на тоненькихъ сваяхъ и притянута крітькими канатами.

Пока приводили въ порядокъ ожидающую отправки толпу, пока съвзжались и сходились лица, завъдующія переселенческими дълами, я перепель этотъ маленькій мостикъ и вступилъ на баржу. Это было судно, длиною въ 35 саженъ и въ пять саженъ шириной, выстланное прочными досками, въ видъ пола. Здъсь, на палубъ, складывается багажъ переселенцевъ и покрывается брезентомъ. Тутъ же стоятъ чаны съ кипяченою водой, съ ковшами и кранами, здъсь же настроены небольшіе домики—одинъ для "водолива", изображающаго начальство на баржъ, — другой для фельдшерицы, гдъ помъщается безплатная аптека и крошечная больница; въ третьемъ домикъ находится кухня съ плитой и тремя котлами. За проъздъ до Томска берется съ души, какъ мнъ сказали, по пяти рублей, а съ дътей—половина.

Я подошель въ одному изъ люковъ, ведущихъ въ глубину баржи, и по деревянной лъстницъ опустился на ея дно, то-есть въ то самое мъсто, гдъ будутъ размъщены пассажиры, называющіе свою "каюту" попросту—ямой. Она дъйствительно похожа на яму, потому что въ ней нътъ ни дверей, ни оконъ, ни перегородокъ, и свътъ въ нее проникаетъ исключительно въ верхніе четыре люка, которые, впрочемъ, въ ненастье закрываются наглухо... Можно себъ представить, что дълается тогда въ этой 35 саженной комнатъ безъ малъйшаго луча свъта, безъ доступа свъжаго воздуха.

Когда, выбравшись изъ "ямы", я вышелъ на палубу и взглянулъ на берегъ, то берегъ былъ буквально весь усѣянъ народомъ. Опять виднълись въ изобиліи хохлацкія лица, шапки, соломенныя шляпы, русскіе картузы и русскія лица, рубахи, пестрые жилеты, сермяги, лапти, заплаты, босыя ноги... Внизу, почти подъ мостомъ, двѣ-три бабы, нагнувшись въ водѣ, полоскались: одна мыла бѣлье, другая—ноги, третья хохлушка—посуду, или, вѣрнѣе, черепки. Среди гулкаго неяснаго говора кричали и плакали дѣти, кашляли, кряхтѣли, вздыхали...

На мостивъ, у самаго входа, стояли уже должностныя лица и готовилсь въ пріему пассажировъ. Туть быль чиновникъ по переселенческимъ дъламъ, по народному прозвищу— "переселенный", медивъ - студентъ, два-три матроса, одинъ съ бумагой—въроятно, со спискомъ, другой со счетами.

— Вороньковцы! — закричалъ вдругъ матросъ. — Вороньковская волость!

Толпа "вороньковцевъ" выступила впередъ.

— Выбрали старосту?

Они отвъчали, что выбрали, и, какъ бы въ подтвержденіе, изъ толны выдълился мужикъ, на обязанности вотораго было знать всъ вороньковскія семьи для того, чтобы не было подміновъ.

Вороньковцамъ идти на дальнюю баржу!
 —провозгласилъ матросъ,
и пріемъ начался.

Каждую семью, а можеть быть, и каждаго человіка, провіряли по списку, откладывали на счетахъ и спрашивали о здоровью. Съ діятьми поступали нівсколько строже. Студенть раскрываль имъ роть деревянною лопаткой или щепочкой и осматриваль горло. Только послів этого ихъ уже пропускали.

Однако, какъ показываеть дъйствительность, такой осмотръ не гарантируеть переселенцевъ и ихъ дътей отъ бользней. Въ дорогъ большинство захварываеть, и бывають случаи, когда привозять на баржъ сразу нъсколько труповъ.

Громадная смертность, стоящая инымъ потери цёлой семьи, является важною причиной обратнаго движенія съ полпути, другими словами— бітства. И рискованно винить такого человіка за малодушіе, когда онъ ляшился жены и дітей, потеряль въ дорогів весь свой капиталь и біжить на родину сиротой и нищимъ, желая въ отчаяніи умереть именно тамъ, а не на новой землів, которую онъ не знаеть, но которая уже лишила его всего дорогого, и онъ біжить безъ оглядки назадъ, притісняемый голодомъ и холодомъ, подозрівваемый въ корысти, чуть не въ кулаческихъ необывшихся належдахъ.

Впрочемъ, причины "бъгства" бываютъ разныя: возвращаются по климатическимъ условіямъ или вслъдствіе религіозныхъ и бытовыхъ розней, возвращаются изъ-за неудавшагося кулачества; но есть и такіе, о которыхъ я только что говорилъ.

Нѣсколько часовъ длится этотъ пріемъ на баржу; иногда встрѣчаются раздирательныя сцены, когда больного ребенка не пропускають и вся семья изъ-за него должна остаться на берегу, ожидая его выздоровленія либо смерти. Бывають случаи и болѣе печальные, когда родители покидають больного ребенка на произволъ судьбы, а сами уѣзжаютъ безъ него дальше. Такія сироты называются здѣсь "Божьи дѣти". Родители ихъ либо умерли въ пути, либо, спасая остальную семью отъ нищеты ихъ либо умертвовали ребенкомъ, больнымъ, по ихъ мнѣнію, безна-

то. Дожидаться его смерти у нихъ не хватаетъ болье ни силъ, на и они уходятъ дальше безъ него, считая его все равно погибтышинство оставленныхъ, конечно, не выздоравливаетъ, но быаютъ случан, когда ребеновъ поправляется и вступаетъ въ разрядъ Божьихъ дътей".

Помимо пароходнаго передвиженія, существуєть еще другой способъ, аже два: болье богатые переселенцы покупають лошадей и тельги и ускаются цьлыми обозами въ дальныйшій путь; этоть соблазнь такъ еликъ, такъ хочется всымь поскорые раздылаться съ томительною и обыточною остановкой, что даже изстрадавшаяся быднота пріобрытають жебы тельжки или тачки и, впрягаясь въ оглобли, тащить на своихъ плечахъ эти тачки съ дытьми и пожитками.

На своемъ пути я встръчался съ такими обозами и "самоходами", какъ называютъ въ Сибири пъшихъ переселенцевъ.

Это было въ Омскъ. Я повхалъ взглянуть, какъ строять "великую" желъзную дорогу. Направляясь туда, я встрътиль среди поля, поросшаго съдою полынью, одинокій огороженный дворъ съ двумя-тремя домиками внутри.

- Что это?-спросиль я извозчика.
- Загонъ. Переселенцы живуть.

Оказалось, это быль когда-то господскій дворь, впослідствіи покинутый и забытый; во время эпидеміи его обратили въ холерный баракь, а теперь отдали переселенцамь и всімь безпріютнымь людямь, кто хочеть укрыться оть непогоды и холода; даже полиція отсылаеть сюда нуждающихся: ступай, моль, въ баракь и живи сколько знаешь, никто тебя тамь не тронеть. И баракь никогда не пустуеть: одни уходять, другіе приходять, и во всякое время можно здісь наблюдать одну и ту же картину. Временные жильцы сидять и лежать вразбродь по голому полу; кто свернулся на боку, кто распластался во весь рость на спинь, загнувши за голову руки; тамь подь одівяломь видніются чысто ноги, туть изъ-подь одного армяка выглядывають сразу дві головы—сідая и дітская, и повсюду узлы и котомки, отділяющіе семью оть семьи...

Въ то время народу жило во дворѣ человѣкъ 40. Когда я вошелъ и оглядѣлся, мое вниманіе привлекъ къ себѣ старичокъ, возившійся среди двора съ небольшою телѣжкой; онъ осматривалъ ее, вздыхалъ и качалъ головою, точно у него что-то не ладилось или что-то его сильно тревожило.

Это быль одинь изъ числа "самоходовъ", — истинный самоходъ, въ полномъ значении этого слова. Идетъ онъ съ семьей изъ Челябинска шестую недълю, пробираясь въ Барнаулъ. Причины, погнавшія его съ родины, и надежды его очень характерны. Дома неурожай, послъдніе всходы пожираетъ "кобылка", доходовъ нътъ, а подати, пропитаніе и старыя недоимки требуютъ денегъ. Что дълатъ? Какъ утопающій хватается за соломинку, такъ и "самоходъ" довъряется слухамъ, будто въ

Сибири хорошо и хлівоно; онъ оставляєть свое родное село, оставлеземлю и хозяйство въ уплату за недоники и уходить обездолежныте нищимъ искать новое счастливое місто, пробираясь тысячу версть гіл комъ и кормясь исключительно "Христовымъ именемъ". Ему все раздома онъ нищій и въ пути нищій; утівшаеть и влечеть его впертолько надежда; будеть на новомъ містів хорошо и сыто—слава Боа нівть, то хуже не будеть. Воть и всів его расчеты, которые болприлично назвать отчаяніемъ, чівмъ надеждой.

Мив довелось видать "отъвздъ" этого старика, который среди две осматриваль свою телъжку. На видъ ему было лать 70, а семы стояла изъ 9 человакъ съ женщинами и датьми. Въ телъжку положи разный скарбъ и тряпье, посадили маленькихъ датей и старуху, и свозка, прошедшая уже верстъ 600—700, была готова къ дальнъйше путешествію.

Это была двухколесная ребрастая таратайка, въ родъ тъхъ, каквстръчаются въ большихъ городахъ для сбора костей и стараго желъ-Въ оглобли, вивсто лошади, впрягся мужикъ, сынъ этого старика, а : пристяжъ пошелъ самъ старикъ и съ другой стороны 13-лътній кагчикъ, его внукъ. Каждый изъ нихъ надълъ на плечи веревку съ шрокою петлей, въ родъ бурлацкихъ помочей, и семейная "тройка" ктянула повозку, за которою побрели женщины, нагруженныя узлами

Тавъ и переселялась за тысячи версть эта голодная семья, гдѣ сык отецъ и дѣдъ составляли дружную тройку. Эта "тройка" долго потоя не выходила у меня изъ головы. "Какъ-то бредетъ теперь по степки дорогѣ переселенческая "тройка"? невольно вспоминалось митъ...

У вогуловъ.

(П. Инфантьева.)

Рѣка Конда, одинъ изъ самыхъ большихъ притоковъ Иртыша, кыдающая въ послѣдній недалеко отъ его сліянія съ Обью, занимаєт
своимъ бассейномъ громадную площадь, ограничиваемую на югѣ рѣко
Тавдою, на сѣверѣ—Сѣверною Сосьвою и на востокѣ—Обью. Все эт
пространство представляетъ сплошную тайгу съ непроходимыми лѣсамъ
называемыми здѣсь "урманами", неизмѣримыми тундровыми болотамъ
съ массой рѣчекъ и озеръ. Этотъ край, почти нетронутый вліяніст
русскихъ, представляется однимъ изъ интереснѣйшихъ какъ по по своей
дѣвственной природѣ, такъ въ особенности по жизни его обитателей—
вогуловъ.

Жутко и угрюмо въ урманъ. По объимъ сторонамъ дороги высятся громадныя сосны, ели, пихты и кедры, достигающіе нъсколькихъ обхва-

товъ толщины. Въ глубинъ чащи виднъются гигантскіе стволы упавшихъ деревьевъ, гніющихъ тамъ въ продолженіе многихъ лѣтъ. Кругомъ царитъ мертвая тишина. Ни звъря, ни птицы. Развъ только иногда гдъ-нибудь, въ глубинъ лѣса, прозвучитъ дятелъ, нарушая гробовое молчаніе, да скрипъ подгнившаго дерева возмутитъ эту торжественную тишину, нагоняя тяжелое уныніе на душу.

Л'втомъ сообщение между "паулями", какъ зд'всь называются вогульские поселки, почти прерывается, и самый удобный случай проникнуть въ глубь страны—это зимою на саняхъ.

Была половина марта, когда мы отправились въ глубь страны; цълью нашей поъздки было поохотиться за уральскимъ бобромъ—животнымъ, исчезающимъ въ настоящее время и потому очень ръдкимъ. Начинались отгепели, дорога портилась, и намъ пришлось потратить нъсколько дней, чтобы добраться до намъченнаго нами пункта.

Оронтуръ-пауль, въ который мы наконецъ прибыли послѣ многихъ приключеній и задержекъ въ пути, расположенъ при Оронтурскомъ озерѣ, имѣющемъ до 7 верстъ въ длину и около 4 верстъ въ ширину въ восточной части, западная гораздо уже. Глубина этого озера сравнительно незначительна; въ самыхъ глубокихъ мѣстахъ оно имѣетъ не болѣе двухъ-трехъ саженъ. Берега песчаны и покрыты по большей части краснолѣсьемъ; впрочемъ, кое-гдѣ попадается и березнякъ. На сѣверо-восточномъ берегу издалека видиѣется высокій, весь поросшій хвойнымъ лѣсомъ мысъ, круто опускающійся въ озеро и кажущійся утесистымъ отъ бѣлаго песчанаго берега, размытаго водой. Почва здѣсь, а равно и по всей Кондѣ исключительно или песчаная, или глинистая; камней нигдѣ не встрѣчается, за исключеніемъ мелкихъ кварцевыхъ галекъ, которыми усѣяны берега этого озера. Вода въ озерѣ краснобураго цвѣта вслѣдствіе обилія болотной желѣзной руды, которая въ громадномъ количествѣ разсѣяна на берегу и на днѣ озера.

Оронтуръ-пауль состоить собственно изъ двухъ паулей, находящихся на двухъ противоположныхъ берегахъ озера—съверномъ и южномъ. Съверный пауль расположенъ на ровной лъсистой мъстности; южный же, въ которомъ поселились мы, находится на небольшомъ, довольно возвышенномъ мысъ, вдающемся въ озеро среди урмана. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ паулъ живетъ всего по одной семъъ. Нашъ пауль состоялъ изъ 5 юртъ, изъ нихъ 4 принадлежали нашему хозяину Тимоеею. Первую, самую старую изъ этихъ юртъ, строилъ еще прадъдъ Тимоеея, вторую—дъдъ его, третью—отецъ и четвертую—онъ самъ. У вогуловъ въ большинствъ случаевъ каждое новое покольніе строитъ свою новую юрту. Такимъ образомъ по этимъ четыремъ юртамъ наглядно можно видъть, какимъ измъненіямъ съ теченіемъ времени подвергались по-

Прадъдовская юрта состоить всего изъ одной довольно общирно! комнаты, безъ съней, съ окнами, перегороженными деревянными ръшетками, между которыми прежде, по всей въроятности, вставлялись шт куски льда, или натягивалась брюшина вивсто стеколь. Въ одномъ въ угловъ этой юрты-чувалз, теперь уже почти совершенно развалившись. Рядомъ съ нимъ вмазанъ чугунный котелъ, служившій для варки паша. Потолка нъть, прямо крыша. Какъ эта, такъ и другая дъдовская юрти теперь совершенно необитаемы и служать складомъ для рыболовных снастей и охотничьихъ снарядовъ Тимоеся. Последняя уже значительне отличается отъ первой юрты. Она состоитъ изъ двухъ отделеній-одж изъ нихъ предназначалось для помъщенія семьи, другое служило и вухней, и сънями. Въ первомъ отдъленіи — чуваль, нары, во второмъ – котель для варки пищи. Окна такія же, какъ и въ первой корть, в уже есть потолокъ. Третья юрта, въ которой въ настоящее время жеветь самъ Тимоеей съ семьей, также во многомъ отличается отъ двугпредыдущихъ. Во-первыхъ, при ней есть просторныя крытыя сви: во-вторыхъ, внутренность ся раздёлена на двё половины: одна мужская другая женская. Чуваль замізнень печью, почти совершенно подобисі русской. Окна въ юрть стеклянныя, вмъсто наръ-кровати. Котелъ ди варки мяса и рыбы находится уже въ другой, отдельной избушкев, какъ и у большинства зажиточныхъ вогуловъ. Наконецъ, последняя юрта. еще совершенно новая, въ которой поселились мы, уже вполнъ напоменаетъ русскую пятиствиную избу. Всв эти зданія стоять кучкой, другь подлів друга. Нівсколько поодаль отъ этихъ главныхъ построенъ находятся четыре амбара, стоящіе другь противь друга. Эти небольше амбарчики построены на сваяхъ для предохраненія хранящейся въ нитпровизін отъ мышей, водящихся здёсь въ большомъ изобилін. Рядомъ съ амбарами находится небольшой погребъ, гдв хранять рыбу въ летнее время. Впрочемъ, погребъ -- ръдкость у вогуловъ. Летомъ мясо в рыбу они по большей части сущать на солнцъ, а зимой морозятъ.

Для защиты скота отъ зимнихъ холодовъ и вьюги построены тре небольшихъ хлава съ такой низкой крышей, что человаку въ нихъ можно ходить не иначе, какъ только согнувшись въ три погибели.

У Тимовея двѣ коровы, одна лошадь и нѣсколько штукъ бъленькыго барашковъ. Я нарочно подчеркнулъ слово бъленькихъ, потому что эте барашки держатся имъ не для какихъ-либо иныхъ цѣлей, а только для жертвоприношеній шайтанамъ, которые любятъ больше всего бѣлыхъ животныхъ: бѣлыхъ барановъ, бѣлыхъ оленей, бѣлыхъ лошадей. Поэтому бѣлыя или сивыя лошади здѣсь цѣнятся очень дорого.

Если прибавить ко всёмъ мною перечисленнымъ постройкамъ еще сарай съ крытымъ вверху сёноваломъ, то я могу считать описани хозяйственныхъ строеній Тимонея законченнымъ.

Глава семьи, а стало быть и глава всего населенія южнаго Оронтуръпауля — Тимовей. Это довольно высокій съ карими подслічоватыми глазами и свътло-русой бородой мужикъ, лътъ 50-ти. Семья его состоить изъ жены, четырехъ дочерей и пріемнаго сына. Тимовей упрямъ, скрытенъ, крайне самолюбивъ и чрезвычайно недовърчивъ. За все время нашего пребыванія въ Оронтур'в намъ никакъ не удалось снискать его довъріе въ себъ. Онъ смотрълъ на насъ, какъ на людей, пріъхавшихъ съ какими-то тайными, недружелюбными намфреніями, и мы никакъ не могли разубъдить его въ этомъ. Онъ не только остерегался самъ давать намъ какіе-то отвъты на интересовавшіе насъ вопросы, но и другихъ окружающихъ убъждаль не довъряться намъ. Даже на наши просьбы разсказать какую-нибудь сказку, перевести пъсню у него всегда быль одинъ отвътъ: "не снаю, мы ничего не снаемъ, какія у насъ сказки? тв за, что у васъ, — отъ кого намъ ихъ больсе слысать?" Если и можно было что-либо изъ него вытянуть, то не иначе, какъ только угостивъ его водкой, до которой онъ, какъ и всв вообще вогулы, былъ большой охотникъ. Въ особенности вогулы были осторожны, когда мы начинали разспрашивать ихъ относительно ихъ языческой религи, которой, какъ мы слышали по дорогѣ отъ русскихъ, они придерживаются и до сихъ поръ.

Чтобы сділать описаніе этого пауля совершенно полнымь, я должень упомянуть еще объ однихь его обитателяхь—объ охотничьихь собакахъ вогуловъ. Собака — неотъемлемая принадлежность вогула и его незамівнимый другь. Безъ собаки охотникъ-вогулъ немыслимь. Она ходить съ нимъ за звіремъ, на ней возить вогулъ зимою изъ урмана сіно, дрова, убитыхъ звірей и т. п. Не даромъ у вогуловъ существуєть такая легенда о происхожденіи собаки: Тормъ, задумавъ сотворить собаку, даль ей лукъ и стрілы и назначиль ей быть помощницей человіку. Но Тормъ-чукъ, мать Торма, замітила ему, что если у собаки будуть лукъ и стрілы, тогда человікъ сділается очень богатымъ и зазнается. Тогда Тормъ взяль обратно у собаки лукъ и стрілы, а вмістів съ этимъ отняль у нея и память и заставиль ее такъ служить человіку.

Населеніе съвернаго Оронтуръ-пауля не многочисленные южнаго. Тамъ также нысколько юртъ, въ которыхъ живетъ старикъ Петръ со своей семьей.

Кром'в юртъ Петра, въ с'вверномъ Оронтуръ-паул'в есть еще одна одинская юрта, принадлежащая сл'впому вогулу Ивану. Этотъ сл'впой Иванъ поочередно живетъ то въ семейств'в Петра, то у Тимоеея, кормясь на общественный счетъ. Иванъ осл'впъ уже много л'втъ тому назадъ, а теперь исправляетъ у оронтурцевъ роль шамана и музыканта. Онъ священнод'в'йствуетъ на ихъ языческихъ празднествахъ и играетъ

на лебедо *) и домбрю во время ихъ пирушекъ, а въ обыкновенное время помогаетъ пилить дрова, плететъ съти и вообще старается быть чъмълибо полезнымъ. Замъчательно то, что у этого Ивана жена — тоже совершенно слъпая старуха, какъ и онъ самъ. Слъпота и слабость зрънія— у вогуловъ явленіе очень обыкновенное. По всей въроятности, причивъ этого заключается въ томъ, что во время лъта, вслъдствіе обилія въ тайтъ комаровъ, вогулы держать постоянно свои юрты полными дыма. Даже на охоту или рыболовство они отправляются лътомъ не иначе. какъ съ тлъющей въ лодиъ березовой губой. Нътъ другихъ способовъ уберечься отъ этого бича тайти.

Когда мы прівхали въ Оронтуръ, почти все его населеніе было въ урманъ. Даже собаки не встрътили насъ своимъ обычнымъ лаемъ. Дома оставалась одна только жена Тимоеея Марья съ младшей дочерью да слъпымъ Иваномъ. Мужчины промышляли верстъ за 30 отъ Оронтура и уже несколько недель жили въ урмане въ зимнихъ юртахъ. Такъ какъ два дня тому назадъ отъ нихъ пришло извъстіе, что они убиле нъсколько лосей и оленей, то женщины ушли къ нимъ съ собаками за мясомъ и шкурами, и Марья съ часу на часъ ждала ихъ возвращенія. Мы помъстились въ новой Тимоесевой юртъ. Сами хозяева давно въ ней не жили, такъ какъ тамъ оказывалось множество клоповъ. Къ сожальнію, мы не захватили съ собой никакихъ снадобій для искорененія этихъ паразитовъ, и все время нашего пребыванія въ Оронтуръ они не давали намъ покоя, заставляя по несколько разъ въ ночь вставать съ постелей, вытаскивать ихъ на снъть и выколачивать. Но больше всего хлопоть намъ было съ кухней. Оказалось, что вогулки совсёмъ ве умьють готовить хлыба изъ былой муки, а изъ ржаной стряпають такъ, что только черезчуръ голодному человъку можно его брать въ ротъ. Мы не захватили съ собой никакихъ консервовъ, ни овощей, а у вогуловъ даже картофеля невозможно было достать ни за какую цвну, такъ какъ зд'всь ничего не с'вють. Такимъ образомъ волей-неволей намъ привелось питаться тёмъ же, чёмъ питались и вогулы, т.-е. варенымъ въ одной водъ, безъ всякихъ приправъ, оленьимъ и лосинымъ мясомъ или жаренымъ на салъ. Даже лосиную губу, которой мы имъле въ изобиліи, это роскошное и столь дорогое у насъ въ Россіи лавомство, вогулки ухитрялись такъ приготовлять, что его ръшительно нельзя было взять въ роть безъ отвращенія. По понятіямъ вогуловъ, лосиную губу нельзя палить, иначе будеть лось бросаться на охотника; поэтому ее варять вмісті съ шерстью, и такимъ образомъ этоть ніжный кусокъ весь пропитывается какимъ-то кислымъ, прогорилымъ вкусомъ. Сколько мы ни умоляли нашихъ кухарокъ изготовить ее намъ по нашему ре-

Digitized by Google

^{*)} Родъ гуслей.

центу, мы никакъ не могли добиться этого. Впрочемъ, для вогулокъ въ этомъ случав есть извиненіе: бабы не могутъ пробовать этого блюда, такъ какъ звврь будетъ сердиться. Онв не могутъ также всть ни языка, ни глазъ лося, а къ медвъжьему мясу не могутъ даже и прикасаться, иначе медвъдь задеретъ. Вообще при обученіи нашихъ кухарокъ изготовленію кушаній намъ постоянно приходилось сталкиваться не только съ ихъ неряшливостью и неумвньемъ ничего двлать, но и съ суеввріями, такъ что въ концъ-концовъ все это ужасно надовло, и мы стали всть то, что намъ подавали.

Въ Оронтуръ мы прівхали въ концѣ марта. Зима держалась еще крѣпко и выходить изъ юртъ даже за двадцать шаговъ было возможно не иначе, какъ только на лыжахъ. Дорогъ и тропъ здѣсь никакихъ не существовало, а снѣгъ былъ чрезвычайно глубокъ. Такимъ образомъмы обречены были все время сидѣть дома, въ своей юртѣ, въ ожиданіи весны, которан въ этотъ годъ, къ нашему несчастью, что-то очень замѣшкалась.

Утромъ на следующій день после нашего прівзда мы увидали изъоконъ своей юрты возвращавшихся изъ урмана дочерей Тимоеся. Онъ піли на лыжахъ и тащили за собой важдая длинныя, узкія нарты *) съ запряженными въ нихъ собаками. На этихъ нартахъ лежали убитые лоси и олени. Сами же охотники намъревались еще иъсколько времени пробыть въ урманъ, а если погода будеть благопріятствовать и если будеть хорошій чарым (гололедица), то и до конца зимы. Весенній чарымь это самое удобное время для охоты на лосей и оленей. Весной, во время хорошаго чарыма, хорошій охотникъ убиваеть не менве 20-30 штукъ оленей. Вогулы разсказывають, что въ прежніе годы было лучше: прежде хорошій охотникъ билъ до 70 — 80 штукъ въ весну, но въ посліднее десятильте количество звърей въ здъшнемъ мъсть значительно уменьшилось. Во время чарыма охотнику достаточно попасть на свежий следъ оленя, и уже тогда послъдній отъ него никуда не уйдеть. Олень и лось не могуть долго бъжать по обледенъвшему, проваливающемуся снъгу; вопервыхъ, онъ скоро устаетъ, а во-вторыхъ, твердая кора сивга часто колеть въ кровь его ноги, а разъ олень увидалъ у себя кровь, онъ совершенно останавливается, и туть можно бить его въ упоръ. Случалось, что одинъ охотникъ за одинъ разъ перебивалъ цълое стадо. При насъ былъ такой случай. Однажды во время чарыма дочери Тимоеся пошли въ урманъ за дровами. Но едва онъ сдълали нъсколько шаговъ отъ науля, какъ наткнулись на оленя, прибредшаго какимъ-то образомъ къ самымъ юртамъ. Не имъя никакого оружія, кромъ палокъ въ рукахъ, онъ набросились на него и не дали ему уйти, убили.

Digitized by Google

^{*)} Санки на высокихъ копыльяхъ.

Приближалась Пасха. Праздникъ Пасхи у вогуловъ почти ничь не отличается отъ остальныхъ дней. Приготовленій въ празднику рытельно никакихъ не было. Въ прежніе годы, когда быль дешевъ хлюбь, г Пасх'в варилась самосадка (водка), но теперь ржаная мука доходила акдо 7 руб. за пудъ, поэтому о самосадкъ и думать было нечего. Въ 🗷 праздника, рано поутру, вогулы сделали несколько выстреловы п ружей, да одълись въ чистую одежду — вотъ и все. У вогуловъ нъ собственно праздничныхъ одеждъ; въ исключительные дни, какъ, вы: при встрвив священника, который вздить къ нимъ всего разъ въ тр. они надъвають ту же одежду, что и въ будни, только болъе тщатель вымытую. Украшеній у вогуловъ, кром'в свинцовыхъ колецъ собствень: изділя, рішительно никавихь ність. Прежній ихъ востюмь быль оле: и звъриныя шкуры, но, познакомившись съ русскими, они сразу вег мънили свой костюмъ дикаря на русскую одежду, какъ болъе практичу. при чемъ женщины переняли не сарафанъ, а платье. Впрочемъ, вы приходилось видать у старыхъ вогуловъ нівкоторые уборы, пинтые (+ серомъ, но эти уборы, судя по рисункамъ, на нихъ изображенным. формъ, вполнъ тождественны съ остяпкими и доказывають только то, т прежде чемъ обнаружилось вліяніе русскихъ, вогулы были подъ вліянія своихъ сосъдей остяковъ, заимствовавъ у послъднихъ не один том обычаи и религію, почти совершенно сходную съ остяцкой, но и одежу

Послъ объда всъ населеніе обоихъ паулей съ женами и дъщ пришло въ намъ христосоваться. Христосуясь, вогулы врестятся рупередъ другомъ, какъ передъ иконой. Хотя наши комнаты и не отв чались большою пом'встительностью, однако въ нихъ осталось еще :вольно свободнаго мъста. Мы угостили вогуловъ сначала часмъ, а 🗗 томъ водкой, и скоро они сдёлались настолько развязны, что изъяы: желаніе показать намъ свою пляску. Пляска вогуловъ не отличает граціозностью, но зато очень оригинальна: она заміняеть для н въ то же время и драматическія представленія. Сначала плясали 环 чины. Савелій, сынъ Петра, вооружился лукомъ, стрълами, затки за опояску охотничій ножъ и сталь изображать изъ себя охотыв преследующаго оленью самку съ детенышемъ; последнихъ изображи его два младшіе брата, прыгавшіе на четверенькахъ. Слівной Нья заигралъ на лебедъ, и подъ его меланхолическіе звуки Савелій, 📭 топтывая въ тактъ, началъ лицедействовать, т.-е. изображать всв ч менты охоты: какъ охотникъ натыкается на следъ, какъ ощунью р познаеть, свежий онь или старый, какь при виде оленя быжить в нимъ, стръляеть изъ лука, убиваеть и т. д. Все это сопровождаю соответствующими позами и гримасами. После пляски мужчинъ на спет выступили женщины. Марья и старуха Петра закрыли головы и ли шалями, взяли въ каждую руку по платку и въ тактъ музыки стал

повертываться, притопывать ногами, нагибаться то въ ту, то въ другую сторону и въ то же время выдълывать руками разнообразныя движенія, такія, какія у насъ дълають при комнатной гимнастивъ.

Балъ закончился состязаніемъ мужчинъ въ стредьбе въ цель изъ ружей и луковъ.

Вскорѣ послѣ Пасхи, въ одинъ прекрасный день, изъ урмана показалась кляча, запряженная въ хрясла, на которыхъ сидѣда вогулка изъ ближайшаго пауля съ какимъ-то субъектомъ въ засаленномъ стеганомъ пальто и рваномъ картузѣ; за спиной у него торчала винтовка, рядомъ лежалъ небольшой сундучокъ, а въ рукахъ была гармоника. Появленіе новыхъ гостей было встрѣчено торжественнымъ лаемъ собакъ, всей сворой бросившихся навстрѣчу вновь пріѣзжимъ. Кляча остановилась передъ юртой Тимоеея. Субъектъ вылѣзъ и, держа въ одной рукѣ гармонику, въ другой сундучокъ, направился въ юрту. Это былъ малый лѣтъ 25—27, средняго роста, коренастый, съ черными курчавыми волосами, широкимъ, безбородымъ лицомъ, круглыми наглыми глазами и картофелеобразнымъ носомъ.

— Купецъ прівхаль!—заявила намъ, вбежавъ съ возбужденнымъ лицомъ, одна изъ дочерей Марьи. Вследъ за ней вбежала другая съ темъ же заявленіемъ, а за ними явилась и сама Марья, тоже сгорая желаніемъ сообщить новость и изумляясь, отчего мы не бросаемся смотръть на такого невиданнаго звъря. Прибытіе купца составило цълое событіе въ монотонной жизни оронтурцевъ. Оказалось, что весь товаръ у прівзжаго куппа заключался въ небольшомъ привезенномъ имъ сундучив. Тамъ было несколько коробовъ спичевъ, несколько осьмушевъ махории, иголки, нитки и т. п. мелочь, всего рублей на пять. Онъ, кажъ мы потомъ узнали, оставилъ весь свой товаръ въ одномъ изъ встрівчных паулей, а самъ прівхаль налегків, чтобы успівть раніве другихъ завладеть звериными шкурами, добытыми за зиму вогулами. жившими въ отдаленныхъ пауляхъ верхней Конды. Всв вогулы страшно падки на водку, и этой-то слабостью и пользуются русскіе хищникиторговцы, пріважающіе сюда скупать плоды вогульскихъ промысловъ. Насъ крайне удивляло то обстоятельство, что цёна на меха здесь, на мъсть, стоить почти та же самая, что и въ Ирбить. Какая же, спрашивается, нужда вздить купцамь за мехами такую даль. Дело оказалось очень просто. На деньги покупать міжа здісь дійствительно нізть никакого расчета. Но стоить только вогула угостить водкой, и, подвышивши, за водку онъ готовъ отдать не только весь свой промысель, но и жену и детей... Хищники обыкновенно делають такъ. Пріёхавъ въ какой-нибудь пауль съ водкой, онъ первую бутылку чистой водки продаеть по ся номинальной стоимости, а то такъ и даромъ даже угостить, -- пей только, пожалуйста! Но разъ у вогула въ головъ зашумъло, онъ уже не уймется до тъхъ поръ, пова не напьется въ мость воть этимъ-то моментомъ и пользуется купецъ. Видя, что охоты опъянълъ и требуетъ еще, торговецъ назначаетъ за бутылку уже тактивну, какая ему вздумается, разбавивъ предварительно водку накъ вину, а то и болье водой. Совершенно же пьянымъ онъ продаетъ тактивну, то скоро весь результатъ ихъ промысла переходитъ въ укторговца. Это дълается тъмъ легче, что у вогуловъ водку ньютъ в безъ исключенія—и мужчины, и женщины, и даже дъти; стало быть приваніе происходитъ съ общаго согласія и по доброй воль. Тыст образомъ торговцу не только невыгодно уменьшать денежную цъну присходитъ товаровъ, но высокая цъна прямо въ его интересахъ; имъ будь денежная цъна на товаръ низка, можетъ быть нашелся бы васкупать продукты вогульскихъ промысловъ за деньги.

За уральскимъ бобромъ.

(П. Инфантьева.)

Рано утромъ, 1-го мая, меня разбудилъ мой хозяннъ Тимоеей, гожрато пора отправляться въ путь. Съ вечера я ничего не усивлъ загля вить для дороги и потому началъ торопиться. Но я уже давно напиля чаю, надълалъ патроны, собралъ все, что нужно, а Тимоеей болько показывался. Два раза я посылалъ къ нему справиться, скоро ли сбудетъ готовъ, и оба раза мнъ отвъчали, что Тимоеей еще пьетъ чъ Вогулы не любятъ торопиться, руководствуясь пословицей: "работа волкъ, въ лъсъ не убъжитъ". Солнце было уже довольно высоко, кегонъ, наконецъ, показался въ сопровождении другого вогула, Лекки.

Наконець, мы отчалили. Тимоеей на своей лодкѣ впереди указывае дорогу; мы съ Левкой—за нимъ. Наша лодка длиной около двухъ с женъ и ровно одинъ аршинъ ширины. Лодки вогулы дѣлаютъ изъ пѣлыхъ стволовъ осины, выдалбливая ихъ внутренность и распирая веречными распорками, чтобы не коробило. Въ промежуткахъ между эти распорками садятся пловцы, вооруженные каждый однимъ легоньки имѣющимъ форму пера, весломъ. Эти лодки очень тонки, доволы изящны и чрезвычайно легки, точно сдѣланы изъ картона, такъ ч нашу лодку, напримѣръ, свободно можетъ нести на плечѣ одниъ застояніи; а такъ какъ она была нагружена провизіей, которой мы долы были запастись на цѣлую недѣлю, и самымъ необходимымъ для дорхъ багажомъ, то сидѣть въ ней приходилось, соблюдая крайною осторъ

ность: при мальйшемъ неловкомъ движеніи она могла перевернуться вверхъ дномъ. Лодка Тимовея была еще меньше, но зато ничемъ не нагружена и предназначалась для перевозки образцовъ матеріала, изъ котораго бобры дізають свои постройки.

Погода стояла прекрасная. Ни одного облачка не было видно на небъ. Въяло весной. Деревья уже начинали распускаться. Переплывъ черезъ Оронтурское озеро, мы прямо въёхали въ лёсъ, весь затопленный водой, по которому мы должны были плыть для сокращенія пути версть десять до раки Конды. Оригинальная дорога! Въ воздуха невозмутимая тишина, вода точно зеркало, кругомъ стволы густого леса, ветви деревьевъ задъвають насъ по лицу, и намъ то и дело приходилось давировать, чтобы не засъсть между березь. Внизу и вверху голубая бездна. Такъ и чудится, что летишь по воздуху среди какого-то воздушнаго нарка, и только струи отъ скользящихъ по водъ лодокъ нарушають эту иллюзію. По временамъ то тамъ, то туть вспорхнеть стая дикихъ утокъ и съ крикомъ поднимется надъ нашими головами. Сначала мы плывемъ среди березняка, и лишь кое-гдф, въ отдалени, видивются темныя сопки (возвышенности), поросшія враснолівсьемъ. Но воть намъ встрівчается ръчка Эхъ, вытекающая изъ Оронтурскаго озера и впадающая въ Конду; но теперь, по причинъ большой воды въ Кондъ, вода въ этой ръчкъ течеть обратно въ озеро, а береговъ ея совствит не видно. Нъсколько времени мы плывемъ по этой рівчків, чтобы немного отдохнуть отъ гимнастическихъ упражненій, которыя намъ привелось выдёлывать, лавируя среди стволовъ деревьевъ. Рачка изобилуеть зыбунами. Зыбунымаленькіе островки, поросшіе травой и мелкимъ березнякомъ. Они имъють ту особенность, что уровень ихъ всегда одинаковъ съ уровнемъ воды въ реке. Если вода въ реке поднимается на сажень, поднимаются и они; если опускается, вместе съ водой опускаются и островки. Вероятно, это происходить отъ того, что эти островки прикраплены ко дну длинными корнями растеній, не позволяющими быстринъ ръки уносить ихъ съ собой. Зыбуны — это излюбленное мъсто дикихъ гусей и утовъ; здесь они делають гиезда и выводять итенцовъ.

Черезь несколько времени мы снова врезываемся въ березнякъ, чтобы сократить путь, такъ какъ різчка чрезвычайно извилиста. Наконецъ, после долгаго и утомительнаго плаванія по лесамъ, по шворамъ и озерамъ, встръчавщимся на пути, изъ-за вътвей и сучьевъ деревьевъ н увидаль быстро мелькавшіе впереди по одному направленію какіе-то быме предметы. Изъ-за чащи трудно было разглядать, что это такое, и я сначала подумаль, что это летають чайки, но Тимоеей, плывшій впереди насъ, произнесъ:

— А вотъ и Конта!

Digitized by GOOGLE Дъйствительно, бълые предметы оказались ничъмъ инымъ, какъ пъ

ной на рвив Кондв. Такъ какъ въ гладкой поверхности воды отрахълись и льсь, и голубое небо, и трудно было издали опредълить, по начинается водяное зеркало, то иллюзія получалась полная: казалодито эта півна несется по воздуху. Мы выплыли изъ чащи и разомъ оптились въ быстромъ руслів рівки Конды. Лівсная рівка съ затопленный берегами представляла величественное зрівлище. Въ лівсу быстрота ріми была едва замівтна, тогда какъ здівсь въ своемъ руслів, на просторі рівка бівшено неслась, извивалсь какъ змізя по тайгів, выбрасывля пее избытокъ своей воды и затопляя громадное пространство. Правленный водой; лівый, болів нейй, —березнякъ, смішанный съ сосной и осиной. Проплывъ нівсколь саженъ, мы увидали, что справиться съ быстриной рівки было потиневозможно, и потому, повернувъ лодки въ лівсъ, снова врівзались пами, и стали подвигаться впередъ, то гребя веслами, то работая руками, отталкиваясь о стволы деревьевъ.

Тимоеей отъ времени до времени останавливался около и вкоторыхъдревьевь и вытаскиваль луки, поставленные имъ на звърей еще съ осег Повидимому, онъ былъ въ этой непроницаемой глуши какъ у себя дов. и каждый стволь дерева быль ему знакомь. Проплывь такимъ образом часовъ пять, мы увидали, наконецъ, одинъ возвышенный жолмикъ, 🗈 торый не быль затоплень водой, и решили сделать на немъ привы: Островокъ быль небольшой, и мы живо осмотръли его весь въ надеж: встретить какого-либо зверя, такъ какъ последніе часто спасаются в время половодья на подобныхъ островахъ отъ потопа. Но островов оказался совершенно необитаемъ. Здёсь мы нашли только сгнившусовершенно развалившуюся юрту и старый, лежавшій на боку аже ришко, упавшій съ подгнившихъ свай. Стіны старой юрты послужг намъ готовыми дровами для костра. Въ колодное время вогулы раски дывають костры нъсколько иначе, чъмъ это дълается обыкновенно. 🕼 рубять громадныя польныя, длиной оть 3 до 4 аршинъ, кладуть эл полънья, или, лучше, бревна, параллельно одно на другое и зажигают по всей длинъ, что очень практично, такъ какъ такой костеръ нагр ваеть большую площадь и спать подлів него гораздо тепліве. Зимой, г время стужи, раскладываются два такихъ костра, параллельныхъ одел другому, на разстояніи саженъ двухъ или трехъ, и въ самый дотві морозъ охотники спять между этими кострами какъ у себя въ юрть

Скоро у насъзапылалъ громадный костеръ, освъщая небольшую пыщадку среди развъсистыхъ елей и находившіяся въ сторонъ развальстарой юрты съ упавшимъ амбаромъ, зіявшимъ въ отдаленіи своей съ крытой дверью. Напившись чаю и поужинавъ сухой рыбой, запасемы: нами на дорогу, мы расположились вокругъ костра на почлеть.

Я долго лежаль, не будучи въ состояніи заснуть, вакъ вдругь и

вниманіе было привлечено отдаленнымъ лаемъ собаки. Откуда могла взяться собака въ тайгъ, затопленной водой, гдъ на пространствъ многихъ десятковъ верстъ нътъ ни одного жилища, гдъ всъ жители знаютъ наперечетъ другъ друга? Лай собаки, какъ мнъ почудилось, раздался гдъ-то далеко, далеко... Но вотъ онъ снова повторился, на этотъ разъ уже гораздо ближе. Я приподнялъ голову и сталъ прислушиваться, не зная, будить ли мнъ своихъ проводниковъ. Вдругъ, почти надъ самыми нашими головами, среди ночного безмолвія, раздался какой-то дикій, безумный хохотъ, заставившій меня съ суевърнымъ ужасомъ вскочить на ноги.

- Тьфу ты, анаеема! Какъ онъ меня напусалъ! всеричалъ Тимоеей, поднимаясь.
 - Да кто это?-въ недоумвній спросиль я.
- Та филинъ. Кто польсе! Висъ увиталъ огонь, такъ и прилетвлъ. Я усъ тавно слусаю, какъ онъ лаеть по-собачьи.

Левко схватилъ ружье и сталъ искать глазами вловещую птицу. Вскоръ грянулъ выстрълъ, но прицълъ былъ неудаченъ, и филинъ снова началь кричать въ отдаленіи, то плача, какъ ребенокъ, то подражая голосу разныхъ животныхъ. Наконедъ, утомленіе взяло свое, и я заснулъ. Меня разбудило какое-то непріятное щекотаніе на лицъ. Открывъ глаза, я увидаль, что кругомь было было отъ выпавшаго сивга. Начинало свътать. Мои проводники тоже встали. Свъть усиливался все болъе и болъе и перешелъ въ настоящую пургу. Хорошо, что я захватилъ съ собой полушубовъ, и мив было тепло; но мои спутники были въ однихъ легонькихъ армякахъ, и ихъ донималъ холодъ. Вскоръ вги не стало видно отъ бурана. Что было дълать? Я забрался въ полуразвалившійся амбаришко и скоро снова тамъ заснуль, предоставивъ своимъ проводникамъ устраиваться, какъ они хотятъ. Когда я проснудся, быль уже день. Ноги мои окоченьли оть холода и меня пробирала дрожь. Я выдъзъ изъ амбара. Снъгу навалило болье, чъмъ на четверть, и онъ все еще не переставаль падать. Я направился къ костру. Оказалось, что мои спутники устроились пречудесно, -- гораздо лучше, чъмъ я. Они подтащили объ лодки къ огню, перевернули ихъ вверхъ дномъ и, поставивъ одной стороной, обращенной къ костру, на небольшія подпорки, спали подъ этими лодками, какъ у себя дома, сномъ невинныхъ младенцевъ, въ однъхъ рубахахъ, слегка только прикрывшись армяками.

Пока мы пили чай, буранъ утихъ, небо прояснъло, и мы снова двитулись въ путь. Картина ръки представилась намъ въ другомъ видъ. Весь лъсъ былъ въ зимнемъ убранствъ, и косматыя вътви, отяжелъвшія подъ густыми шапками снъга, живописно отражались въ невозмутимой зеркальной поверхности воды. И эта быстро несущаяся ръка въ серебристой оправъ, эти свъжіе, утренніе лучи солнца, золотыми нитями скользившіе подъ таниственными сводеми залитого водой дівственны ліса, эти мягкія тіни, этотъ контрасть зимы и ліста производили ч-рующее впечатлівніе на глазъ.

Ръка здъсь чрезвычайно извилиста. Иногда, сдълавъ громадное път въ нъсколько верстъ, она снова приближается къ своему прежнему русл на разстояніи нъсколькихъ саженъ. Мы обыкновенно старалисъ избълтакихъ крутыхъ поворотовъ, направляя лодки прямо черезъ лъсъ гакимъ образомъ много выигрывали и во времени, и въ пространсти Заблудиться въ лъсу было невозможно: стоило только держаться пртивъ теченія, и рано или поздно—всегда выбдешь въ ръку.

Однажды мы причалели из одному пригорку и на сивгу, еще г успъвшемъ стаять, увидъли свъжіе сліды зайца, а вскорів и самъ от промельнувъ въ отдаленіи, сирылся въ чащъ. Я бросился по его слъд который привель меня на узенькій мысокъ, и, доб'вжавь до его конц увидаль, что следь исчезь около самой воды. Я остановился, недоупвая: куда скрылся заяцъ? Не могь же онъ пуститься вплавъ по вел Мъсто кругомъ было чистое, и уйти ему, казалось, совершенно бы: некуда. Недалеко отъ воды лежалъ покрытый густымъ слоемъ св: толстый стволь дерева, мимо котораго я нёсколько разъ прошель. только случайно, скользнувъ глазами по его поверхности, увидаль пржавшагося на немъ, и притомъ на самомъ видномъ мъстъ, хитраго гра зуна. Расчеть его провести меня быль действительно очень разумет-Онъ такъ сливался съ комками снъга, выдававшимися около сучьсть что, если бы не черный блестящій глазъ восого, выдавшій ми в его щсутствіе, я такъ бы его и не замізнять. Я выстрівнять почти въ укоу: н заяць скатился мертвымъ. Осмотръвъ внимательно мъсто, я увидал что, прежде чемъ прыгнуть на стволь, заяцъ пробежаль несколько о говъ по водъ, чтобы скрыть свои слъды.

Тутъ же мы убили еще одного зайца, но на крупнаго звъря вы такъ и не удалось ни разу наткнуться за всю дорогу, хотя они здъзводятся въ изобиліи.

Наконецъ, на третій день такого плаванія мы достигли рѣчки Улявь которую направлялись.

Рѣчка Ухъ, правый притокъ Конды, шириною всего 5—6 сакевы но чрезвычайно быстрая и очень глубокая. Средняя глубина ея въ обы новенную воду—отъ 1½ до 2 саженъ. При самомъ въйздів въ эту рѣчъ природа береговъ сразу измінилась. Вмісто краснолісья пошли беренякъ и осина; лишь кое-гдів виднівлись ель и пихта. Вода здісь по уже на убыль. Кое-гдів стали обнаруживаться песчаные берега; кусты никъ, росшій на нихъ, во многихъ містахъ былъ обгрызенть, в вало засто попадались стволы осинъ со ов'яже-обглоданной на нихъ корфівенця, в близи находились лоси. Мы плыли, зорко посматривы за образовно посматрива за об

сторонамъ и держа ружья наготовъ. Но ожиданія наши не увънчались желаннымъ успъхомъ. Лося чрезвычайно чутки и при малъйшемъ неосторожномъ всплескъ весла даютъ стречва. Отъ времени до времени мы слышали, какъ въ чащъ лъса, то на томъ, то на другомъ берегу, раздавалось пілепанье ногъ отъ улепетывавшаго звъря. Съ самаго утра снъгъ то таялъ, то снова начиналъ порощить. Мы плыли, смоченные до нитеи.

Черезъ нѣсколько времени опять пошло краснолѣсье. Стали попадаться кедры, которыхъ нѣтъ вблизи Оронтура. Рѣчка оказалась запруженной во многихъ мѣстахъ съ одного берега до другого стволами громадныхъ деревьевъ, подмытыхъ водой и упавшихъ въ нее. Нужно было соблюдать большую осторожность, переваливаясь черезъ такія загороди, такъ кавъ наши картонныя лодочки могли лопнуть или расколоться. А очутись мы безъ лодки, даже если бы и удалось счастливо достигнуть берега, все равно гибель была бы неизбѣжна: вругомъ—залитая водой тайга, и пробраться черезъ нее рѣшительно нѣтъ никакой возможности.

Чемъ выше мы поднимались вверхъ по реке, темъ все труднее и труднее становился нашъ путь. Река во многихъ местахъ была загромождена чащей, черезъ которую невозможно было перебраться на лодкахъ. Эти загроможденія походили иногда на плотину, по которой свободно можно было переходить съ одного берега на другой. Намъ приходилось или перетаскивать лодви по берегу, гдв это было возможно, или разрубать чащу топоромъ прямо съ лодки. Но иногда случалось, что засореніе ріки было очень велико, а чаща на берегу была слишкомъ густа, такъ что и по берегу лодку протащить было невозможно. Тогда мы, войдя на берегь, прокладывали сначала топоромъ просъку въ чащъ и уже потомъ черезъ нее протаскивали свои лодки. Въ одномъ мъсть, на разстояния, по крайней мъръ, пяти версть, намъ привелось черезъ важдыя 25-30 саженъ встречаться съ подобными преградами, и Тимоней уже начиналь падать духомъ, поговаривая о томъ, что не лучше ли воротиться, такъ какъ едва ли мы пробъемся до желаемаго мъста. Самъ онъ, хотя и зналъ эту мъстность, но бывалъ туть зимой, по рачка же этой плаваль всего только разъ въ жизни, много латъ тому назадъ, и притомъ не весной, а літомъ, когда воды было меньше, а берега ея сухи.

Я долженъ былъ прибъгнуть къ угрозъ, что Тимоеей ничего не получить изъ условленной платы, если не доставитъ меня до мъста, и это обстоятельство придало ему новую энергію.

Наконецъ, въ полдню показался урманъ. Урманами вогулы называютъ ивста, поросшія исключительно сосной. Огромныя деревья вдівсь были разсажены рідко другь отъ друга, какъ въ парків. Нигдів не было видно ни валежника, ни чащи, точно кто-нибудь спеціально занимался расчисткой ліса. Въ дійствительности это происходить оттого, что вогулы

The property of the property o

The most passed speciments reader and street at the cross section and figured payord, as makes, or some cross resides Operation, compared at spitialization of a most supply, the factle separation, responding to plate as makes small begree from most plate as makes small begree from most plate.

Помобрать запасать и запасать части, им, им, им терах и им, от те

много 2 въ діаметрів, между тівмъ какъ указанное имъ бревно имівло въ діаметрів боліве четверти аршина. Но воть онъ снова указаль на другое бревно, еще боліве толстое. На этотъ разъ мы плыли очень близко отъ дерева и, взглянувъ на его комель, я увидаль, что дійствительно онъ быль какъ бы срізанъ какимъ то острымъ орудіемъ. Я веліль Левків подплыть ближе и съ изумленіемъ разсмотрівль, что это не было дівло рукъ человіка: на комлів ясно виднівлось сліды зубовъ, которыми бобръ работаль, какъ ножомъ. Скоро намъ все чаще и чаще стали попадаться подобные стволы березъ и осинъ; сучья у нихъ были тоже какъ бы обрізаны и стволы лежали почти совершенно голыми. Наконецъ показались и самыя постройки.

Это были двъ вруглыя вучи хвороста, находившіяся рядомъ, около самаго берега. По наружному виду онъ напоминали собой два большихъ муравейника; только матеріалъ у этихъ муравейниковъ былъ несравненно болье крупныхъ размъровъ. Хворость, палки и вътви были скръплены дерномъ и иломъ, такъ что кучи представляли изъ себя очень плотную массу. Каждая изъ кучъ имъла у основанія до 4 аршинъ въ діаметръ, а высота доходила до 2 аршинъ. Одна изъ этихъ построекъ, по словамъ Тимоеея, появилась года четыре назадъ, другая — въ третьемъ году. Кромъ этихъ двухъ, была тутъ еще и третья постройка, самая старая, но въ настоящее время отъ нея не осталось и слъда: подмыло водой и унесло. Тимоеей увърялъ, что каждый годъ бобры строятъ новую хату, и въ этомъ случав они похожи на своихъ сосъдей вогуловъ, у которыхъ также каждое новое покольніе любитъ ставить новую юрту.

Оба бобровыя жилища были въ настоящее время необитаемы: осенью прошлаго года вогулъ-охотникъ убилъ здёсь одного бобра, а остальные переселились, вёроятно, куда-нибудь выше. Около этого боброваго поселенія, саженъ по крайней мёрё на двадцать въ глубь лёса, лежало множество сваленныхъ толстыхъ стволовъ березъ и осинъ, и густой лёсъ значительно порёдёлъ отъ работы бобровъ. Стволы нёкоторыхъ изъ сваленныхъ деревьевъ достигали до полуаршина и болёе въ діаметрѣ. Мы проплыли еще версты четыре вверхъ по рёкв, и на всемъ этомъ пространствв на томъ и другомъ берегу видцёлись стволы громадныхъ деревьевъ (береза и осина), лежавшіе на землв, и торчали пни, правда уже потемнѣвшіе; свѣжей работы нигдѣ не было замѣтно. Очевидно, въ настоящее время вблизи бобровъ не было.

Къ сожальнію, рыка еще не совсьмъ вошла въ берега и объ постройки были затоплены водой. Первая изъ нихъ, болье старая и уже сгившая, находилась на разстояніи саженъ четырехъ отъ второй, и подступиться къ ней было рышительно невозможно, такъ какъ кругомъ были вода и густой валежникъ. Пришлось ограничиться осмотромъ только

другой постройки. Но у этой последней внутренность оказалась зав той водой, пронившей туда черезъ отверстіе, сділанное въ прошах. году любознательнымъ охотникомъ, убившимъ здесь бобра. Такимъ объ зомъ внутренность боброваго пом'вщенія нельзя было разсмотр'ять ил следуеть. Однако, вскрывъ верхній слой, состоявшій изъ прутьевь, ж каго хвороста и палокъ, пересыпанныхъ землей и сервпленныхъ дерки. я увидёль, что сводь крыши этого оригинальнаго строенія повоити в сваленномъ толстомъ стволъ березы, комель которой выходиль варух а вершина была погружена въ ръку. Сначала на стволы были наложе крестообразно толстыя палки, игравшія роль балокъ, и уже на эпс последнихъ лежали хворостъ и дернъ. Толщина крыши достигала: полуаршина. Тотчасъ подъ сводомъ этой кровли, подъ стводомъ береза была вырыта глубокая яма, глубиною до трехъ четвертей и аршина вы тора въ діаметрів. Яма эта была теперь залита водой; изсліждовать г возможно было не иначе, какъ только при помощи багра, захваченинами на всякій случай на дорогу. Этимъ багромъ я скоро нашуналь п жилищь бобра нору, выходившую прямо въ рыку, на самомъ берегу в торой находилась постройка. Кром'в того, я досталь изъ ямы несколь обглоданныхъ кусковъ березы и осины, да большой пучовъ травы, сл жившей, въроятно, подстилкой.

Тимовей сталь увврять меня, что жилище бобровь бываеть двуготажное и что подъ первой ямой должна быть другая, нижняя, въ котрую бобръ уходить, когда въ ръкъ вода спадаеть. Я сталь вниматель вондировать яму, и дъйствительно мой багоръ скоро провалился са аршина на полтора въ глубину. Насколько можно было заключить на окушервый этажъ отдъляется отъ второго палками, хворостомъ и дервого

По словамъ Тимоеся, который и самъ когда-то охотился за бобрам. и слышаль оть другихь охотниковь, вь особенности оть отца и ді: занимавшихся этимъ промысломъ въ то время, когда онъ былъ вигденъ, бобры на зиму уходять въ другія жилища, но наковы эти послі: нія, никому ни разу не случалось видіть. По всей віроятности, бобр роють гдф-либо въ берегу, подъ водой, норы и въ нихъ замирають. Инсъ зимой охотникамъ случалось встръчать недалеко отъ лътнихъ постросъпо большей части на противоположномъ берегу, ряды березовых: осиновыхъ кольевъ, воткнутыхъ въ дно рѣки. Эти колья, по словат Тимооея, служать бобрамъ пищею на зиму. Одинъ изъ такихъ кольсъ мы нашли недалеко оть изследуемой нами постройки. Этоть коль, юг и не особенно толстый, имълъ сажени полторы длины и быль вотката верхнимъ, болъе тонкимъ концомъ во дно ръки настолько кръпко, 🖘 намъ съ лодки едва удалось его вытащить. Кромъ березы и осины, борь грызуть тальникъ и иву, другихъ деревьевъ не трогають. Верстать г двухъ отъ построекъ мы нашли на берегу два толстыхъ, но воротки

брубка (каждый изъ нихъ былъ не менве четверти въ діаметрв и не олве полуаршина длины), назначеніе которыхъ я никакъ не могь опревлить. Вогулы увъряли, что эти обрубки бобры заготовляють себь на иму для пищи и прячуть ихъ подъ водой, въроятно, въ запасныхъ ноахъ. Чтобы сплавить подобные обрубки по назначенію, т.-е. къ мъсту плища, находящагося иногда на разстояніи нъсколькихъ версть, бобръ влаеть изъ стволовъ деревьевъ плоть, скрыпляя его древесными вътями, складываеть на этотъ плоть обрубки, садится на него самъ и, орко посматривая по сторонамъ, направляя слухъ и обнохивая возухъ, нъть ли какой опасности,—плыветь внизъ по ръкъ къ мъсту наначенія, употребляя свой лопатообразный, мяснстый хвость вмъсто руля.

Благодаря очень развитому слуху и обоняню бобръ далеко чуетъ пасность и при малъйшемъ подозрительномъ шорохъ или запахъ броается въ воду, при чемъ ударяетъ своимъ хвостомъ такъ громко, что тотъ звукъ, по словамъ Тимоеея, слышится иногда за нъсколько верстъ служитъ для другихъ бобровъ сигналомъ о близости опасности. Иногда хотникамъ приходилось наблюдать, что бобры, отправляясь на работу, тавятъ на вершинъ своихъ жилищъ особаго часового, который зорко наблюдаетъ за тъмъ, нътъ ли гдъ какой опасности, и въ случаъ таконой сейчасъ же бросается въ ръчку, производя своимъ хвостомъ треюгу, заслыша которую всъ остальные работники моментально скрываются подъ водой.

Бобры не только очень осторожны, но и замечательно осмотрительны. Гакъ, если подгрызая какое-либо толстое дерево, бобръ замечаеть, что но уже настолько подрезано, что можеть неожиданно свалиться и заменть его собой, онъ уходить и ждеть иногда по нескольку дней блаопріятнаго ветра, который бы свалиль это дерево.

Охотиться на бобра съ ружьемъ не совсёмъ удобно, тёмъ болёе такимъ примитивнымъ ружьемъ, какъ у вогуловъ. Нужно непремённо допть его наповалъ, иначе раненый онъ бросается въ воду и, благоцаря своей тяжести, тотчасъ же тонетъ на дно, такъ что если рёчка глубока, то его трудно, а иногда совершенно невозможно найти и извлечь изъ-подъ воды. Поэтому вогулы, охотясь на бобровъ, пользуются иногда ихъ близорукостью и поступаютъ такъ. Они насаживають на длинное древко копье и подкарауливаютъ изъ засады, когда бобръ плыветъ на своемъ плоту къ постройкамъ, а затёмъ, подпустивъ его близко къ себъ, колютъ изъ засады этимъ копьемъ. Разумъется, такая охота возможна только тогда, когда этому благопріятствуетъ погода, т.-е. если вътеръ отъ бобра дуетъ на охотника: иначе бобръ благодаря сильно развитому слуху и обонянію далеко чуетъ опасность и скрывается подъ водой.

Собравъ болъе характерные образцы бобровой работы, всего пуда

три — четыре, сколько могли поднять наши лодки, мы возвратиля въ станъ, гдв и ночевали. Ночью опять выпаль снвть и сдвлалось очек холодно. Послв полудня мы тронулись въ обратный путь и прибыл г. Оронтуръ рано утромъ на следующій день, употребивъ на возвращем менве сутокъ. Такимъ образомъ обратный путь до Оронтура мы следии втрое быстрве, несмотря на то, что теперь уже не старались вращать дороги, а плыли все время прямо рекой. Такъ быстро не насъ теченіе.

На крайнемъ съверо-западъ Сибири.

(В. Бартенева.)

Обдорскъ находится почти подъ самымъ съвернымъ полярни кругомъ, на р. Полув, недалеко отъ впаденія его въ Обь. Это постъній населенный пунктъ на съверъ въ пріобскомъ крав, послъдній плрусской колонизаціи. Дальше по Оби встръчаются только юрты остяки и самовдовъ и очень ръдкія постройки кое-кого изъ русскихъ торгововъ, забирающихся верстъ на 300 и болье внизъ по Оби. Дики и въпривлекательны окрестности Обдорска: кругомъ бугристая можовая тупца съ изръдка встръчающимися перельсками, состоящими изъ корявой късорослой березы, лиственницы, ели. По берегамъ ръкъ много кустяльника.

Собственно близъ Обдорска лъса нътъ вовсе: что и было, то дагвырублено, и обнаженная тундра служить первымъ печальнымъ свидътлемъ разоренія всего этого края.

Верстъ за 300 южиће Обдорска встрћчается уже кедръ, а Берези (480 верстъ отъ Обдорска) стоитъ среди прекраснаго кедроваго лѣт но нужно проъхать къ югу еще около 700 верстъ, чтобы встрѣми полосу, гдѣ возможно земледѣліе,—это уже на Иртыштъ.

Обдорскъ принадлежить къ числу тъхъ поселеній, которыя своєскими остряками называются иногда "съверными столицами".

Дъйствительно, многія съверо-сибирскія мъстечки, какъ-то: Сред-Кольмскъ, Туруханскъ, Верхоянскъ, Обдорскъ, являются администртивными и культурными центрами территорій, равныхъ по простравсті иному средне-европейскому государству (въ Обдорскомъ участвъ одкъ полуостровъ Ялмалъ между Обской губой и Карскимъ моремъ ниъстоколо 1.000 верстъ по направленію съ юга на съверъ). Но Обдорсть во всъхъ отношеніяхъ стоитъ выше своихъ соперниковъ: населеніе икгочисленнъе, богаче и развитъе.

Значительная часть избъ въ Обдорскъ имъеть по нъскольку комыт съ крашеными полами, со стънами, оклеенными обоями, съ зеркалами картинками-олеографіями; на окнахъ цвъты; есть мягкая мебель, толь

мало приходится видёть комодовъ и шкаповъ, которые замёняются сундуками и ящиками. Эти ящики крашеные, окованные и покрытые коврами, придають комнатё обдорянина какой-то старинный колорить.

Жизнь среди массы инородческаго населенія успѣла до извістной степени повліять на русскихъ. Русскіе усвоили себів инородческій зимній костюмъ, зимой вмісто шубъ обыкновенно носять малицы — рубашки изъ оленьяго міжа шерстью внутрь съ кашошономъ и рукавичками. На малицу одіваєтся еще сорочка изъ какой-нибудь матеріи, для того, чтобы сохранить мездру отъ сніта и дождя (оленьи шкуры містной выділки боятся сырости). Въ дорогів или въ большіе морозы сверху малицы надівають еще "гусь". Гусь шьется такого же покроя, какъ и малица, только місхомъ наружу и изъ боліве грубыхъ шкуръ. Человівкъ въ гусів напоминаєть нісколько медвідя и вообще имість какой-то дикій для непривычнаго взгляда видъ.

На ноги зимой надъвають мъховыя пимы (валенки и вообще зимнюю теплую обувь) шерстью наружу; подъ пимы иногда еще "чижи"—мъховые чулки шерстью внутрь. Пимы прекрасно защищають отъ холода и при этомъ необыкновенно легки.

Мъстныя условія отразились и на пищь жителей. Тамъ вдять очень часто сырую и мерзлую рыбу и мерзлое сырое оленье мясо. Рыбу вдять льтомъ сырую свъжую, а зимой—мерзлую. Сырая свъжая рыба не особенно вкусна, зато мерзлая рыба хороша безусловно, и ее вдять всв, даже новопрівзжіе. Мерзлую рыбу стругають ножомъ, и получаются стружки восхитительнаго бъловато-перламутроваго цвъта. Такую стружку беруть рукой за одинъ конецъ, а другой ловять ртомъ.

Постоянное общене съ инородцами повело въ тому, что почти всъ обдоряне хорошо говорять по-остяцки и по-самовдски. Остяки же вообще очень плохо понимають по-русски, а самовды, ввчно вочующее въ тундрв, и вовсе не знають русскаго языка. Русскіе иногда говорять по-остяцки и между собой; встрвчаются и такіе, которые почти забыли родной языкъ и совсвиъ одичали, но это редко, да и вообще господство инородческихъ языковъ въ Обдорске слабе, чемъ, напр., въ Якутской области.

Кром'в русскихъ, населеніе Обдорскаго края состоить изътрехъ народностей: зырянъ, остяковъ и само'вдовъ. Русскіе и большая часть
зырянъ живетъ въ Обдорск'в и только л'втомъ промышленники у'взжаютъ
на низовья Оби для рыбнаго промысла. Остяки живутъ по берегамъ
Оби и ея притоковъ. Ихъ юрты раскинуты въ вид'в небольшихъ поселеній на разстояніи отъ 20 до 70 версть одна отъ другой и встр'вчаются внизъ по Оби почти до самой Обской губы, гд'в, впрочемъ, больше
уже само'вдскихъ поселеній. Само'вды, за исключеніемъ сравнительно
немногихъ, потерявшихъ оленей и перешедшихъ къ рыболовству, кочу-

ють по тундрів со стадами своихъ оленей, а въ январів пріважають є. Обдорскъ на ярмарку и для "положенія" ясака. Инородческія юрти чумы стоять и въ Обдорскі, но это бізднійшая часть народа— разорезный инородческій пролетаріать.

Здешніе зыряне—все выходцы изъ Печорскаго уезда, Архангельсь. губерніи. Зыряне очень энергичный, предпріимчивый и работящій народь Большинство изъ нихъ знаетъ какое-нибудь ремесло; среди нихъ мижплотниковъ, есть столяры, кузнецы, печники. Главный же ихъ коновъэто торговля. Къ чисто еврейской пронырливости у зырянъ присоедняется еще и любовь, и способность къ тяжелому физическому труду. Физически выряне очень сильный и здоровый народъ. Съ д'итскаго возраста они постоянно на воздухв. По удицамъ Обдорска постоянно кидишь зырянскихъ ребятишекъ, играющихъ въ разныя игры, резвящихся и бъгающихъ, оживленныхъ и шумныхъ. Зыряне больше любителя оленьяго спорта. Когда они прівзжають въ Обдорсев, начинаются настоящіе б'ёга по всёмъ удицамъ. Ц'ёлыми вереницами несутся выряне на легиих нартахъ, запряженныхъ обыкновенно четверкой оденей, оглашы морозный воздухъ произительнымъ уханьемъ и крикомъ. Съ длиннымъ шестомъ (хорей) въ лѣвой рукъ, держа единственную возжу въ правой и полустоя на полозъ съ лъвой стороны, зырянинъ составляеть какъ (ы одно целое съ нартой и оленями и несется какъ птица.

Домашній быть зырянь подходить къ быту великорусскаго крестьянства. Одежда мужчинь ничьмь не отличается оть русской; только лютомь иногда, вмёсто сапогь носять чирки — родь башмаковь изъ оленьих кисовь (кисы — шкура съ оленьихь ногь). Зимой носять малицы, которыя отличаются бёлой опушкой вокругь лица. Женщины носять русскіе сарафаны, а головы обвертывають цвітнымъ большей частью краснымъ платкомъ, который у дівушекъ концами спускается на затылків, какъ косы, а у бабъ плотно обвязанъ кругомъ. Красный сарафань отличаеть зырянку отъ русской: въ Березовскомъ округів вой женщины ходять въ платьяхъ городского покроя.

Избы зырянъ, домашнее убранство, посуда почти тъ же, что и у русскихъ, только разница въ томъ, что зыряне живутъ очень грязно в неряшливо, въ прямую противоположность съ 'обдорянами - русскими, которые напротивъ отличаются своей опрятностью и чистотой. Слова "зырянское житъе", "по-зырянски" — употребляются русскими хозяйками какъ синонимъ неряшливости и неопрятности.

Между русскими и зырянами въ Обдорскъ существуетъ довольно сильный антагонизмъ, объясняемый столкновеніемъ экономическихъ интересовъ: зыряне являются конкурентами русскихъ въ ихъ торговихъ дълахъ съ инородцами. Въ лицъ зырянъ обдоряне встрътили предпримчивыхъ, ловкихъ и небрезгливыхъ въ нравственномъ отношени сопер-

никовъ. Въ дёлё "обланошиванія" инородца зыряне положительно превосходять русскихъ, и сами инородцы относятся къ зырянамъ хуже, чёмъ къ русскимъ. Зыряне, напр., часто ворують у инородцевъ оленей и что придется. Къ этому нужно еще прибавить, что зыряне отличаются зам'вчательнымъ духомъ солидарности.

Собственно инородцы Обдорскаго края—самовды и остяки. Самовды племя монгольское; остяки—финское. Это отражается на языкв обоихъ племень, не имвющемъ между собой ничего общаго.

Даже не знающіе ни по-остяцки, ни по-самобдски могуть отличить эти языки уже по одному говору: самобдскій говоръ звучный, різкій, грубый, часто встрачается "р" и разные гортанные звуки. Говоръ самовда до того дикъ и такъ мало въ немъ человъческаго, что просто удивляенься темъ русскимъ, которые выучиваются объясняться съ этими истинными сынами тундры. Остяцкій говоръ, наобороть, протяжный, мягкій, изобилующій шипящими и свистящими звуками, что придаеть языку какой-то слюнявый характеръ. Но, несмотря на то, что народы эти принадлежать въ различнымъ расамъ, вы, встрътивъ на улицъ инородца, не отличите, ето онъ: остякъ или самобдъ. И по одеждъ, и по чертамъ лица оба племени въ Обдорскомъ краб очень схожи между собой. Лица обдорскихъ инородцевъ, въ общемъ, довольно красивы; блестяще каріе глаза, относительно правильныя черты и густой румянець особенно у женщинъ. На самовдскихъ детей, когда они въ мохнатыхъ гусяхь, просто можно залюбоваться: они напоминають маленькихь, бъленькихъ медвъжать. Толстый, мохнатый гусь закрываеть все тёло маленькаго дикаря и изъ этого бълаго пушистаго покрова выглядываетъ только раскрасивышееся, свъжее личико съ блестящими черными глазенками. Самовды, вогда имъ живется хорошо, представляють изъ себя очень здоровый, сильный народъ. Конечно, когда инородецъ и опустится и соньется, то въ своихъ грязныхъ, изорванныхъ лохмотьяхъ съ изуродованнымъ морозомъ и пьянствомъ лицомъ онъ производить ужасное впечатл'вніе чего-то нечелов'вческаго. Особенно ужасны старики и старухи нищіе.

Большинство самовдовъ — кочевники. Кромв оленеводства, которое само по себв даетъ значительныя выгоды, они занимаются еще охотой на пушного зввря. Только въ томъ случав, если самовдъ разорится и потеряетъ своихъ оленей, онъ переходитъ къ рыболовству. Самовды кочуютъ съ оленями по одному и тому же опредвленному направленію: весной они идутъ на свверъ къ берегамъ Ледовитаго океана, гдв лвтомъ прохладнве и олени менве страдаютъ отъ комаровъ, мошекъ и паутовъ (оводовъ). Осенью, стада оленей сами поворачиваютъ на югъ къ Обдорску и дальше на юго-востокъ къ верховьямъ р. Поуля, въ смвшанную полосу тундры и лвсовъ. Здёсь кочевникъ и его олени не такъ

стралають оть морозовь и бурановь, да и больше топлива. По присамоблы ставять валканы для звърей (лисицъ, песцовъ, россомах дволковъ). Лътомъ охотятся также и на дикаго оленя въ тундръ, а п берегамъ океана промышляють и бълаго медвъдя, шкуры котораго можвить въ Сблоскъ.

Промысель этоть вовсе не такой опасный, какъ можеть показатым. Завила человъка, звърь встаеть на заднія лапы и ждеть. Самовдъ под-

Санован.

ходить и стрыляеть ему подължвую лопатку. Есля охотникъ промахнется (самобды вообще прекрасные стрылки) и медвыдь кинется на него, то нужно бросить ему мохнатый гусь. Медвыдь съ остервенынемь начинаеть рвать гусь. а тымь временемь охотникъ успыеть зарядить ружье другой разъ.

Ружья большею частью старыя кремневыя, хотя и попадаются иногда даже скоростръльныя. Остались въ употребленіи еще и луки, большіе, въ ростъ человъка. Нужна большая сила и умънье, чтобы спустить стрълу въ 1½, аршина длиной съ жельзнымъ наконечникомъ (раньше были костявые) и оперенную съ другого конца.

Иль дука можно убить даже медвёдя. Въ настоящее время луки употрессияются больше взамёнь капкановъ. Большой дукъ настораживають на такомъ мёстё, гдё проходять звёри. Звёрь задёваеть за веревку, прикланиую къ тетивъ, и стрёда спускается.

Во время своих в кочевокъ самобды очень часто находять мановповые клыки, которые они потомъ привозять на ярмарку въ Обдорскъ.

въ Обдорскъ на ярмарку и для "положенія" ясака. Ясакъ тавлять ватажные старшины, каждый со своей ватьюй

(самовды разділяются на нівсколько родовь, каждый родь иміветь свое названіе; русскіе зовуть самовдскій родь—ватагой). При сборів ясака старшины, выбираемые самовдами изъ своей среды на три года, часто эксплуатирують своихъ сородичей: напр., внесеть старшина ясакъ за бізднало самовда 7 р. съ души, а потомъ требуеть съ него вдвое. Самовды тоже не прочь эксплуатировать свою братію. Самовды и водкой торгують, и отдають въ рость. За одного оленя, отданнаго въ долгъ, самовдъ требуеть двухъ.

Самовды довольно опрятны: прівхавъ на місто стоянки и разбивъ чумъ, они на ночь одівають другую одежду, а старую—выколачивають на морозів, чтобъ избавиться отъ насіжомыхъ. Жилища самовдовъ—чумы, какъ извістно, представляють конусообразную палатку съ отверстіємъ наверху для дыма.

Чумъ покрывается лѣтомъ берестянымъ ковромъ, а зимой — ковромъ изъ оденьей шкуры. Онъ прекрасно вентилируется и въ немъ никогда не бываетъ затхлаго и спертаго воздуха. Неудобство чума—дымъ, который иногда наполняетъ его весь, котя чаще онъ только сверху. Да еще то, что когда горитъ костеръ, то около него жарко, а подальше къ краю чума—холодно. Впрочемъ, если туда подложитъ побольше шкуръ, то не дуетъ, и сидъть, даже лежать, довольно тепло и удобно.

Къ холоду самовды привывають съ самаго детства: ребятишевъ они возять съ собой въ особыхъ ящивахъ, куда кладутъ спеленутыми. Надо вхать—положать ящивъ съ ребенкомъ на нарту и привяжуть его ремнемъ, чтобы не свалился на дорогв; а прівхали въ домъ — поставять куда-нибудь въ уголокъ.

Самовды отличаются отъ остяковъ и своимъ характеромъ: они неразговорчивы, держатъ себя съ оттвикомъ суроваго достоинства. Остяки, наоборотъ, народъ веселый, болтливый и нелишенный остроумія. Въ остяцкомъ языкъ, гораздо болье богатомъ, чъмъ самовдскій, очень много различныхъ юмористическихъ оборотовъ. Они мътко подмъчаютъ смъшныя стороны въ человъкъ и вообще мастера даватъ характерныя прозвища. Остяки, кажется, болье способны къ ученію, чъмъ самовды.

Остяки преимущественно рыболовы, но кое-кто изъ нихъ занимается оленеводствомъ. Большихъ стадъ остяки не держатъ и употребляютъ своихъ оленей преимущественно для земской гоньбы. Юрты остяковъ расположены по берегамъ Оби и бываютъ двухъ родовъ: зимнія и літнія. Остяцкая юрта представляетъ небольшой бревенчатый домикъ съ плоской крышей, на которой кладется дернъ. Иногда вся юрта состоитъ изъ одного пом'вщенія — жилой комнаты, но чаще есть еще небольшія, холодныя сітни и маленькая кладовая.

Обстановка юрты очень убогая и неуютная. По стёнамъ пирокія гары, устланныя травяными плетеными цыновками и оленьими шкурами.

I CTESA

Вь угл

— with puly.

L 🖅 BEI3. 1 I'S III C HER IN ST Taxa : 1. 5 5 600 m I II I BOS I 2 1110 (· T-ITIMAT. II Em a i mais de _ = The second 三 江 重新组织 ren e e e e e e e

TE 3 () E 3 ()

ra <u>emera in indir kermij</u>e

TO THE SET SHOWN

THE THE PARTY OF T

for the same of th

The later of the second companies of the second compan

плетуть цыновки. Летомъ остяки выглядять несколько лучше: шалаши, чумы и юртишки, разсыпанные среди кустовъ и зелени по берегу многоводной, широкой Оби, нашесты для вяленья рыбы, просушиваемыя сети, легкія лодочки, костеръ по берегу, наконецъ, сами остяки, всклокоченные или же съ длинными косами, перевитыми тесемками,—все это представляетъ картину оригинальную и своеобразную по своей дикости.

Остяки часто ловять рыбу, соединяясь для того въ небольшія артели, челов'єкъ въ пять-шесть, не больше. Большихъ неводовъ они не употребляють, а маленькіе, саженъ до 150—200, не больше.

Уловъ дёлять поровну между участниками, мало разбирая, кто что даль для промысла. Артели эти всегда работають на русскаго или зырянскаго промышленника - скупщика. Очень рёдко болёе богатый остякъ нанимаеть работниковъ, котя бывають и такіе факты. Большинство работниковъ, нанимающихся на рыболовныя заведенія къ обдорянамъ, остяки, не имъющіе средствъ самимъ обзавестись хозяйствомъ. Какъ рыболовные рабочіе, остяки не лучше русскихъ. При неводьбъ большими неводами отъ главнаго распорядителя неводомъ (башлыка) требуется большое умёнье и опытность, за что ему платятъ дороже, чёмъ обыкновеннымъ рабочимъ. Башлыкъ получаетъ 40 — 60 руб., между тёмъ какъ средняя плата обыкновеннаго рабочаго около 20 р. за лёто.

Остяки почти никогда не бывають башлыками. Кром'в того, они очень неопрятно готовять рыбу (солять и вялять). Зато въ единоличной ловл'в на лодочк'в остяки не знають себ'в соперниковъ. Вообще они прекрасные гребцы; на маленькой "моржовк'в" — скорлупк'в, сшитой ивовыми прутьями, остякъ см'вло пускается по Оби, несмотря ни на какую бурю. Ув'вряютъ, что на остяцкой моржовк'в въ бурю гораздо безопасн'ве, ч'вмъ на большомъ паузк'в или какок'в.

Жизнь въ Обдорскъ.

(В. Бартенева.)

Февраль. Зима еще въ полной силъ. Зима продолжается въ Обдорскъ около 8-ми мъсяцевъ, считая съ половины сентября до половины мая; морозы доходятъ до 45° по R. Средняя температура зимы около 15° R. Вообще въ западной Сибири зимой не такъ холодно, какъ въ восточной, подъ тъми же съверными широтами, зато и лътомъ не такъ жарко. Обдорская зима не столько стращитъ своими морозами, сколько надовдаетъ своей продолжительностью. Въ началъ февраля утихаетъ сумятица ярмарки, купцы уъзжаютъ съ пушнымъ товаромъ въ Ирбитъ. Начинается самый глухой сезонъ обдорской жизни. До самаго вскрытія ръкъ замираетъ торгово промышленная жизнь Обдорска. Самоъды съ

сукномъ, разнаго рода утварые, сукномъ, разнаго рода погремущки и ковои капоры самоъдки). Все это засъ обязательствомъ отдать долгъ

прине на масленицѣ. Еще за недѣлю нананыя горы), чтобы кататься съ нихъ на просто на желѣзныхъ листахъ или на просто на желѣзныхъ или на просто на желѣзныхъ истахъ и или на просто на желѣзныхъ истахъ и или на просто на желъзныхъ и или на просто на желъзных и или на просто на желъзна и или на просто на желъзных и или на просто на желъзных и или на просто на кома и или

приненть дав или три компаніи; каждая стараетприненть катушку, чтобъ ходило больше народу.

ровари и катушка оживляется; несмотря на жеприненть надъ катушкой. Синіе, красные, желтые и
приненть надъ катушкой. Синіе, красные, желтые и
приненть мерцають сквозь облако пара и ночную мглу.

то бытущихъ съ санками на гору, то стрылой съ
приненть летящихъ внизъ по быту, имыютъ какой-то фанприненть точно адъ съ чертями. Иногда эта картина освыприненть какой-точно адъ съ чертями. Иногда эта картина освыприненть какой-точно адъ съ чертями. Иногда эта картина освыприненть какой-точно адъ съ чертями меркнетъ всякая иллюминаприненть на небъ разыгрывается съверное сіяніе.

том востресенье иногда устраивають проводы масленицы.

възвать иля по улиць, я услыхаль какіе-то странные дикіе звуки:

аконь колокольцовь, и грохоть бубна, и пронзительные
възрамики. Обернувшись въ ту сторону, я увидаль оригинальное
възрамики. Обернувшись въ ту сторону, я увидаль оригинальное
възрамики. Обернувшись въ ту сторону, я увидаль оригинальное
възрамь гоже вся въ рогожь, въ лоскуткахъ, лентахъ и колокольцахъ.

на тоже вся въ рогожь, въ лоскуткахъ, лентахъ и колокольцахъ.

на тоже вся въ рогожь, въ лоскуткахъ, лентахъ и колокольцахъ.

на тоже вся въ рогожь, въ лоскуткахъ, лентахъ и колокольцахъ.

на тоже вся въ рогожь, въ лоскуткахъ, лентахъ и колокольцахъ.

на тоже вся въ рогожь, въ лоскуткахъ, лентахъ и колокольцахъ.

на тоже вся въ рогожъ, въ лоскуткахъ, лентахъ и колокольцахъ.

на тоже вся въ рогожъ, въ лоскуткахъ, лентахъ и колокольцахъ.

на тоже вся въ рогожъ, въ лоскуткахъ, лентахъ и колокольцахъ.

на тоже вся въ рогожъ, въ лоскуткахъ, лентахъ и колокольцахъ.

на тоже вся въ рогожъ, въ лоскуткахъ, лентахъ и колокольцахъ.

на тоже вся въ рогожъ, въ лоскуткахъ, лентахъ и колокольцахъ.

на тоже вся въ рогожъ, въ лоскуткахъ, лентахъ и колокольцахъ.

на тоже вся въ рогожъ, въ лоскуткахъ, лентахъ и колокольцахъ.

на тоже вся въ рогожъ, въ лоскуткахъ, лентахъ и колокольцахъ.

на тоже вся въ рогожъ, въ лоскуткахъ, лентахъ и колокольцахъ.

на тоже вся въ рогожъ, въ лоскуткахъ, лентахъ и колокольцахъ.

на тоже вся въ рогожъ, въ лоскуткахъ, лентахъ и колокольцахъ.

на тоже вся въ рогожъ, въ лоскуткахъ, лентахъ и колокольцахъ.

на тоже вся въ рогожъ, вся представа правинентахъ и колокольцахъ.

на тоже вся въ рогожъ въ представа предс

Скучно и однообразно проходять конецъ февраля, марть, апръль и мачало мам.

ча долго заставляеть себя ждать. Зима страшно надобдаеть, во, что въ это время всего чаще бураны и ръже съверныя краса нашего крайняго съвера. Понемногу прибываеть день. пръд въ 9 часовъ вечера уже свътло; а съ 5—7 мая чать огил всю ночь напролеть. Съ этого времени вплоть до іюля пойдуть б'элыя ночи. Солнце только на полчаса зайдеть за Ураль и опять снова показывается.

Таянье снъга начинается только съ конца апръля и съ начала мая, но зато какъ скоро идетъ дъло этого незаходящаго солнца въ открытой, безлъсной тундръ. На тундръ, по буграмъ, чернъютъ проталинки, гремятъ ручьи, прилетаютъ вороны, лебеди, гуси, утки, пътушки.

Но не радуеть сердца обдорская весна. Воздухъ не наполняется ароматами распускающихся почекъ; птички не оглашають своимъ веселымъ щебетаньемъ унылой, грязно-бурой тундры и блъднаго полярнаго неба; только одни пътушки гнусливо курлыкають по буграмъ. Весна въ Обдорскъ, если можно такъ выразиться, исключительно метеорологическая: измъняется температура, таетъ снъгъ, прибываетъ денъ.

Ръки вскрываются въ концъ мая, а иногда и въ началъ іюня. Съ начала апръля и до начала іюня благодаря распутицъ Обдорскъ не получаетъ почты *) и вообще отръзанъ отъ всего остального міра.

Понятно съ какимъ нетерпъніемъ всѣ ждутъ почты. На "яру" (крутой, высокій берегъ), постоянно толпится народъ съ биноклями и подзорными трубами. Всѣ высматриваютъ, не плыветъ ли каюкъ съ почтой, или паузокъ тобольскаго промышленника, поспѣшающаго на рыбный промыселъ.

Со вскрытіемъ рѣкъ Обдорскъ оживаетъ. Рыбопромышленники дѣятельно снаряжаются къ отправкѣ на низъ. Оригинальную и оживленную картину представляетъ тогда берегъ Полуя. Песчаная береговая полоса вся усѣяна разнаго рода "посудами"; тутъ и тяжелые "неводники" (большія лодки) и маленькія городовушки и бадьяновки.

Мъстами виднъется цълый лъсъ мачтъ, каюковъ и паузковъ, уже совсъмъ оснащенныхъ и готовыхъ къ отправкъ. По берегу горятъ костры, на которыхъ кипятъ котлы со смолой. Промышленники суетятся около своихъ посудъ, конопатятъ, смазываютъ, сталкиваютъ ихъ на воду. Хорошо въ это время въ ясный весенній день пройтись по берегу. Чтото здоровое, бодрящее въ этомъ воздухъ, напоенномъ запакомъ смолы и дыма, и въ оживленномъ говоръ дружно работающей толпы.

Съверяне и промышленники представляются здёсь съ своей лучшей, симпатичной, стороны и невольно желаешь имъ всёмъ отъ души хорошаго улова. Всё ждутъ "воньзя". Воньзь (остяцкое слово) означаетъ первый подъемъ рыбы съ моря. Тутъ рыбы бываетъ всего больше и уловъ воньзя нерёдко окупаетъ затраты на весь лётній рыболовный сезонъ. Слова "воньзь идетъ", какъ электрическій токъ пролетаютъ по селу, и всё встрепенутся и засуетятся. Больше нельзя ждать ни одного дня.

[&]quot;) Почтоваго отділенія въ Обдорскі ніть. Почта идеть изъ Тобольска въ Бер резовь и оттуда съ оказіей передается въ Обдорскь. Оть Обдорска до Петербурга письмо идеть 5—6 неділь.

Между твиъ, къ Обдорску начинають подплывать сверху тобольские купцы и промышленники. Это опасные конкуренты для обдорянъ: значительная часть всей низовой рыбы ловится ими. Они ловиям бы в больше, но дальность разстоянія и бури многоводной Оби держатъ ихъ суда и мѣшають имъ попасть къ воньзю.

Тоболяки приплывають на паузкахь и баржахь. Баржи, кром'в завонтрактованныхь въ Тобольсків рабочихь и разныхь предметовъ, необходимыхъ для рыбной ловли, везуть еще товары: хлібъ (всего отъ 20 до 40 тысячь пудовъ ежегодно), соль, разнаго рода мануфактуры, частью закупленныя на Ирбитской ярмарків, частью изділія кустарей Тобольскаго округа. Баржи идуть безъ всякаго буксира "по низъ воды", т.-е. по теченію. Когда мізнаетъ встрічный вітеръ, то употребляють "водяной парусъ". Для этого къ носовой части баржи привязывается за корень цілое дерево съ необрубленными вітвями, верхушкой внизъ. Къ верхушків привязывается камень, чтобы "парусъ" опустился въ воду отвісно. Напоръ воды двигаетъ баржу внизъ по теченію, несмотря на встрічный вітеръ.

Наконецъ, большая часть населенія увзжаеть "на низъ". Обдорскъ пустветь. Проходя по улицв, часто видишь избы съ заколоченными ставнями. Въ иныхъ домахъ остаются только женщины и двти; впрочемъ тв, которые увзжають далеко и въ продолженіе лвта не навзжають въ село, беруть съ собой и семейства.

Начинается лівто. Оживаеть чахлая растительность. Острова и отмели Полуя покрываются травой; на лазури водь ярко выступають изумрудно-зеленые луга этихъ лагунъ, гдв потомъ около Петрова дня обдоряне будуть косить сівно. Оживаеть и печальная тундра: грязно-бурая окраска ея переходить въ зеленъющую. Подальше отъ села, особенно по южнымъ склонамъ, встрічаются разные цвіточки: колокольчики, шиповникъ, незабудки, а также ягодные цвіты.

Л'вто въ Обдорск'в короткое, не больше полутора м'всяца, съ половины ионя до августа: въ это время можно даже купаться. Обдоряне купаются очень р'вдко и большинство вовсе не ум'вють плавать.

Остающіеся въ Обдорскъ, преимущественно служащіе, устраивають иногда прогулки на лодкахъ и пикники въ окрестности Обдорска. Но все удовольствіе прогулки уничтожается тучами мошекъ и комаровъ, оть которыхъ ничто не спасаетъ. Многіе надъваютъ на лицо сътви, смазанныя дегтемъ, но и это не помогаетъ. Въ самомъ селъ мошекъ и комаровъ нътъ, но стоитъ только выйти въ тундру, такъ и облъпятъ. Только когда подуетъ холодный вътеръ съ Урала, мошкара исчезаетъ, но тогда

не особенно пріятно. Термометръ льтомъ не поднимается R., что бываетъ очень ръдко. Обыкновенная температуСъ середины августа начинается уже осень: тундра темнъеть, принимал какой-то бурый колорить. Съ сентября начинаются заморозки. Часто снъть выпадаеть въ первыхъ числахъ сентября, хотя долго не держится. Окончательно покрывается вемля снъгомъ около 1-го октября.

Въ концѣ августа снова оживляется Обдорскъ: къ этому времени съѣзжаются промышленники съ своихъ рыболовныхъ заведеній, разбросанныхъ почти до самой Обской губы. Выйдя на яръ, всегда увидишь каюки, идущіе на веслахъ или парусахъ по Полую. Скоро весь берегъ усѣянъ лодками. Всюду толпится народъ. Воздухъ пропитанъ запахомъ рыбы, идетъ оживленный говоръ объ удачахъ и неудачахъ промысла. Всѣ ждутъ пароходовъ, которые пріъдуть за рыбой. Первый пароходъ приходить обыкновенно 29—30 августа, послѣдній—не позже 5—7 сентября.

Прибытіе перваго парохода составляеть цівлое событіе. Особенно эффектно выходить, когда пароходъ подходить въ темную, осеннюю ночь. Издали видны снопы искръ, вылетающихъ изъ трубы, гулко раздается по водів шумъ колесъ. Весь яръ покрыть народомъ: тутъ и ряса священника-миссіонера и мундиръ чиновника, и малицы, малицы безъ счета; вся эта толпа забытыхъ обитателей тундры напряженно ждетъ. Вотъ раздается свистокъ...

Читатель, не бывшій на крайнемъ съверъ, никогда не представить себъ того впечатлънія, которое производить свистокъ парохода подъ съвернымъ полярнымъ кругомъ!.. На минуту забываются тоска и чувство одиночества и заброшенности. Пароходный свистокъ кажется какимъ-то голосомъ изъ родной стороны, гдъ жизнь бъетъ ключомъ среди всякихъ благъ пивилизаціи.

Воть, наконець, нароходъ присталь. Спускается транъ и толпа валить на палубу. Кто встрвчаеть прівхавшихь знакомыхь и родныхъ, кто спішить покупать разные різдкіе овощи, какъ-то: огурцы, капусту, ріпу, а иногда яблоки и арбузы, привозимые изъ степного края. Другіе просто толкаются по палубі и дивятся на давне невиданные предметы. Особенно интересуеть обдорянь пароходная машина. Людямъ, къ которымъ никто не прівхаль и которымъ некого ждать, остается послів этого отправиться въ буфеть пить пиво, котораго ніть въ Обдорсків. Они это и дівлають, и когда потомъ, спотыкаясь и ковыляя, они бредуть по домамъ, то для всякаго встрівчнаго вполнів несомивню, что пароходъ пришель.

Постоявъ день, пароходъ идетъ дальше на низъ Оби забирать баржи и паузки крупныхъ рыбопромышленниковъ. Потомъ снова приходитъ "тудъ-ханъ" (огненная лодка) въ Обдорскъ и продолжаетъ нагружаться рыбнымъ товаромъ. Дней десять продолжается пароходное время, и по- немногу начинаешь привыкать къ мысли, что пароходъ, собственно

говоря, вовсе ужъ не такое чудо, чтобы бъжать на него днвиться. 10—14 сентября уважаеть изъ Обдорска последній пароходъ, уводя за собой баржи и паузки, нагруженные обдорской рыбой. Всего вывозится рыбы изъ Обдорска по приблизительному расчету местныхъ жетелей около 200.000 пудовъ на сумму около 300.000 рублей (пожупная цена въ Обдорске).

Увхали пароходы и снова затихаеть "свверная столица". Замираеть и природа. Тундра имветь самый безотрадный видь. Далеко въ безпредвльное пространство уходить ея неровная, бугристая поверхность, поврытая мхомъ и пожелтвиней теперь осокой. Чахлыя деревца съ облетвишими листьями кажутся издали какой-то паутиной, покрывающей неровности почвы. Печальны теперь ямы и озерки, гдв уже не встрътишь, какъ прежде, цвлыхъ стай дикихъ утокъ. Вода сбыла и обнажилась грязная "няща" (илъ, глина) полуйскихъ береговъ. Во время весенняго половодья вода разливается на такое пространство, что ръки Полуй и Обь сливаются въ одно сплошное водное пространство, такъ что Обдорскъ точно стоить на берегу какого-то моря, усвяннаго островками, гривками и полузатопленными талами.

Но воть наступаеть зима съ ея морозами и буранами. Ръки замерзають въ серединъ октября, а въ концъ этого мъсяца уже переходять за Обь оленоводы, идущіе мимо Обдорска на юго-востокъ, гдъ потеплъе. Оленоводы-зыряне привозять мерзлое оленье мясо и нъсколько дней оживляють село своей джигитовкой съ уханьемъ и свистомъ. День становится все короче. Въ декабръ читать безъ огня можно только отъ 10 ч. утра и до 1 ч. дня. Все покрыто снъгомъ; по улицамъ скользять легкія нарты, запряженныя оленями, и небольшія саночки, на которыхъ собаки возять дрова и воду. Остяцкія собаки бълыя, съ лисьей мордочкой, съ торчащими ушами и съ загнутымъ кверху пушистымъ хвостомъ, вообще довольно смирныя и умныя, когда же везуть, всегда находятся въ самомъ озлобленномъ настроеніи и яростно бросаются на всъхъ встрѣчныхъ.

Часто въ лунный вечеръ я отправлялся погулять по тундръ. Тундръ тогда довольно хороша. Снъгъ весь облить серебристымъ свътомъ, в луна бросаетъ ръзкую, почти черную тънь на волнообразную поверхность бълаго покрова. Небо чисто и прозрачно. Кругомъ нъмая тишина. Только иногда по дорогъ раздается тихій топотъ и шелестъ: это самоъды ъдуть на оленяхъ. При лунномъ свътъ они имъютъ какой-то фантастическій видъ. Олени бъгуть изумительно легко по снъгу, точно не касаясь земли, и легкія нарты точно такъ же беззвучно скользять по снъгу.

Мохнатыя фигуры самовдовъ неподвижно сидятъ съ шестами въ ру-

ъ. Тундра въ эту пору производитъ впечатлъніе очень трудно переэмое. Особенно унылаго нътъ ничего, страшнаго тоже нътъ: такъ что-то совсёмъ безъ всякаго опредёленнаго выраженія, кромѣ типины, спокойствія и какого-то величаваго равнодушія. Кажется, что тундра спить тихимъ сномъ. А какъ красиво бываетъ, когда разыграется сѣверное сіяніе! Долго стоишь и смотришь, какъ переливаются и играютъ зеленоватые лучи, то собираясь въ бахрому наподобіе гигантскаго волнующагося занавѣса, то распускаясь въ пучки вверхъ отъ горизонта. Обыкновенныя сіянія желтовато-зеленаго цвѣта наблюдаются около 20—30 разъ въ зиму. Они бывають на сѣверной сторонѣ неба, и только отдѣльные лучи достигають зенита.

Обдорская ярмарка, играющая не послёднюю роль въ торговлё пушниной вообще въ Россіи, открывается 2-го января. Къ этому времени

Инородки Тобольской губернін.

съѣзжаются самоѣды съ пушнымъ товаромъ, также отчасти съ мамонтовою костью, моржовыми клыками, тюленьими шкурами и другими болье второстепенными предметами.

Самовды сдають свой товаръ обдорянамъ частью за наличныя деньги, частью — въ обмънъ за товаръ, преимущественно же въ видъ отдачи долга, сдъланнаго за годъ и больше передъ данной ярмаркой. Числа 10 — 15-го прівзжають въ Обдорскъ тобольскіе купцы или ихъ "довъренные". Сами тоболяки непосредственно отъ самовдовъ пушнины не скупають, а берутъ то, что собрано обдорянами.

Съ прівздомъ тоболяковъ первый процессъ ярмарки—собираніе пушнины—кончается и начинается второй—сдача товара тоболякамъ. Числа

20-го кончается ярмарка. Тоболяки нагружають нарты пушниной обыкновенно по-двое, по-трое для безопасности, ѣдуть въ далекій обысный путь до Тобольска, а отгуда въ Ирбить на ярмарку.

Самовды, спустившись къ Обдорску, останавливаются обыжновеневъ тундръ, не довзжая нъсколькихъ версть отъ села. Тутъ нъкоторыизъ нихъ отправляются съ небольшимъ количествомъ пушнины, так: сказать, на развъдки, разузнать цъны на товары. Потомъ уже и остальные начинаютъ наъвжать въ Обдорскъ со всъми своими товарами.

Обдорская ярмарка расположена въ концъ одной изъ удицъ, выходящихъ на тундру. По объимъ сторонамъ разбросаны амбары, въ которыхъ обдоряне производять свою торговлю.

Впереди этихъ амбаровъ стоять еще по объимъ сторонамъ улици нарты, съ которыхъ тоже производится торговля, преимущественно міновая. На этихъ нартахъ разложены товары, необходимые самобдамъ: кирпичный чай, сукно разныхъ цветовъ для летнихъ гусей и для прошивки женской зимней одежды, мёдныя побрякушки, которыми обвёшиваются самовдки, пояски, котлы, ножи, топоры, кремни, огниво. ружья, съти, ящики, желъзные листы, на которыхъ разводится костеръ въ чумъ, капканы разнаго рода, деревянная посуда, изготовдяемая зырянами: ложки, чашки всехъ величинъ. Тутъ же и остяки со своими убогими произведеніями: тагарами (травяныя цыновки), травяными подстилками, чагой (грибовидные наросты на деревьяхъ), замороженнымъ жиромъ и морошкой, зимней рыбой, собачьей шкурой и проч. Настоящая торговля происходить однако не здёсь, а по домамъ. Съ нартъ на ярмаркъ торгуютъ преимущественно бъднъйшіе обдоряне. Товаръ онв беруть въ кредить у обдорскихъ же купцовъ, которые ставять при этомъ цены выше лавочныхъ и вообще сильно эксплуатируютъ обдорскую мелкоту.

Съ виду ярмарка имъетъ очень оживленный и оригинальный видъ. Такого зрълища нигдъ не увидишь. Вездъ толкаются неуклюжія фигуры самовдовъ. Въ своихъ мохнатыхъ гусяхъ, разукрашенныхъ лоскутьями шкуръ, подбитыхъ цвътнымъ сукномъ, они напоминаютъ какихъ-то бълыхъ медвъдей. Особенно оригинальны самовдки: вмъсто малицы и гуся, онъ носятъ "ягушки". Ягушка—шуба подбитая снизу оленьимъ мъхомъ, а снаружи украшенная собачиной и полосами разноцвътнаго сукна, такъ что внизу, по подолу идетъ полоса бълой собачины, затъмъ выше полоса краснаго сукна (вершка 3 шириной), потомъ полоса черной собачины, далъе желтое сукно.

ть изъ разнаго рода мъдныхъ колецъ и щитковъ. На животъ та изъ разнаго рода мъдныхъ колецъ и щитковъ. На животъ таная пряжка около ¹/₄ аршина въ діаметръ. Но всего анътомная шапка въ видъ капора съ большими полям изъ

собачьяго міжа, отчего лицо самовдки точно окружено сіяньемъ кругомъ вершковъ на 5. Чтобы такое сооруженіе могло держаться на голові, къ нему сзади подвішиваются всевозможныя побрякушки, міжные круги, колокольчики, буєм — всего фунта 4 — 5. Все это конечно звенить и гремить на ходу.

Трудно передать, на что похожа самовдка въ своемъ національномъ костюмъ: что-то пестрое, яркое, пушистое и мохнатое и вдобавокъ тяжелое и не граціозное. Между неуклюжими самовдами мелькають юркія фигуры зырянъ въ малицахъ съ бълой опушкой вокругъ лица.

Зыряне, какъ "холевы" (чайки), носятся по всей ярмаркъ, зорко высматривая товаръ. Лишь только пройдетъ самоъдъ съ какой-нибудь шкуркой, сейчасъ же на него набрасывается цълая стая зырянъ и обступаетъ со всъхъ сторонъ, стараясь поскоръе перекупить.

Такъ какъ значительная часть товаровъ отпускается въ вредить, то обдоряне стараются ловить своихъ должниковъ, а тъ, съ своей стороны, стараются утечь отъ кредитора, чтобы продать товаръ за деньги, что гораздо выгодиве для самовда. Происходить настоящая ловля самовдовъ, принимающая подчасъ довольно курьезный характеръ. Для этого служать такъ называемые "толмачи". Толмачь собственно значить, какъ извъстно, - переводчикъ, но не много переводятъ обдорскіе толмачи. Это-скорве зазывальщики. Проходя по улицв въ той части ея, съ которой видна дорога въ тундру, вы еще задолго до времени открытія ярмарки, увидите гав-нибудь на оградъ кладбища или на бревнахъ неподвижно сидящія человіческія фигуры, пристально смотрящія въ безконечную даль тундры. Это толмачи. Издали они напоминають какихъ-то хищныхъ птицъ. Бълыя опушки малицъ у зырянъ придають имъ видъ кондоровъ. Воть вдали показывается самовдская нарта, и скоро угрюмый инородецъ, погоняя хореемъ своихъ оденей, въвзжаетъ въ село. Въ одну минуту толмачи срываются со своихъ мъстъ и какъ истребы налетають на добычу, предлагая или туть же продать, или же большею частью зазывають къ хозяину въ домъ.

Если пройтись нѣсколько разъ по ярмаркѣ, то скоро начинаешь удивляться отсутствію сколько-нибудь цѣннаго пушного товара у самоѣдовъ; видишь преимущественно разныя лапки: лисьи, песцовыя, крестоватиковыя, да изрѣдка промелькнетъ шкурка бѣлаго песца или оленья.
Пеужели только и всего привезли самоѣды? Нѣтъ, въ томъ-то и дѣло,
что главная, настоящая торговля идетъ не здѣсь, на тундрѣ, а по квартирамъ обывателей.

Прівхавъ въ село, самовдъ направляется къ кому-либо изъ обдорянъ. Здівсь его гостепріимно встрівчають, угощають мерзлой рыбой, олениной, рыбымъ жиромъ и прежде всего водкой. Какого вкуса эта водка, лучше и не говорить. Въ прежнія времена самовдовъ не пускали въ дома, а торговали съ инии на дворћ; ногомъ стали пускать въ кухии. А техуже во время яриарии самобдовъ ножно встрътить во всёхъ "вало и "гостинахъ". Домъ обдорянина превращается въ наленькую арику дикіе сыны тундры со своими семействани сидять прамо на волу, киг ньють и, напившись, начивають пъть свои безновечныя, дикія піси: кричать. Послів угощенія начивается торговля, бываеть, что и не не нается, ибо самобды часто ходять изъ дома въ домъ, выпинвають, киг. пьють и въ заключеніе—инчего не продають.

Конечно, иногда напивнійся самотать и наристел, и продасть з товарь за безитионь. Вообще въ этой торговать отношенія между правильний неокупателями довольно оригивальни. Обдоряме старакт: всячески воснользоваться простодушісять и пьянствонъ дикарей, а саму: стараются о томъ, чтобы какъ можно больше събсть, вышить, не правод съ собой товарищей, у которыхъ ничего и втъ; но въдь и имъ комплектовой товарищей, у которыхъ ничего и втъ; но въдь и имъ комплектово и закусить. Нужно, впрочемъ, опять новторить, что торговить и закусить. Нужно, впрочемъ, опять новторить, что торговать и закусить. Прямо же на деным—довольно ръдко умененных выгоды. Прямо же на деным—довольно ръдко умененить дешево, особенно, если принять во вниманіе расходы на угосніе и толивчей.

По великой Сибирской жельзной дорогы.

(По А. Коротневу, К. Носилову и др.)

Едва ин не у большинства со словомъ "Сибиръ" рождаются оцеродныя и довольно опредъленныя представленія. Безграничный простоу: широкія, спокойно-свътлыя ленты сибирскихъ рікть, съдая тайга, къ которой глядить на васъ таниственный иракъ, боязливо пробирающём ліссною тропою бъглый—воть тіз элементы, изъ которыхъ складываєт цізлая картина. Въ этомъ рядів общераспространенныхъ представит есть доля правды, хотя дібствительность не столько по содержай сколько по тону и колориту, конечно, не отвівчаеть такону калейдоских

Вотъ потадъ перевалилъ черезъ Уралъ и васъ встръчаетъ Сибер встръчаетъ уныніемъ и пустотою. Тощія поля, большой льсъ, состояще изъ безконечно длинныхъ жердей, точно ходули, на которыя вскарабылась шапка безформенной и жидкой зелени. Едва ли не наположи деревья или поломаны или обуглены. Не въришь, когда состать по вы гону, приземистый природный сибирякъ, говорить вамъ: "это тайт"

Воть и Челябинскъ — довольно крупный центръ хлебной горгови Западной Сибири. Собственно только отъ Челябинска начинается венкая Сибирская магистраль, отсюда же къ съверо-востоку противую зътка на Екатеринбургъ и Томскъ. До Челябинска повядъ идетъ обът

нымъ порядкомъ, т.-е. дълаетъ отъ 35 до 40 верстъ въ часъ, далъе же онъ ползетъ по-сибирски, т.-е. подвигается со скоростью 20-ти верстъ. Скорость эта къ тому же крайне неравномърна; на гладкомъ мъстъ, гдъ нътъ значительныхъ изгибовъ, поъздъ храбро подвигается, дълая не менъе 50 верстъ въ часъ; ночью же, въ случать высокой насыпи и крутъхъ поворотовъ, онъ трусливо ползетъ, боязливо свиститъ, и проснувнийся ночью пассажиръ чувствуетъ каждый поворотъ колеса, который совпадаетъ съ каждымъ біеніемъ сердца. Иногда поъздъ приходитъ на станцію за четверть часа до срока, долго ждетъ встрѣчнаго поъзда и въ теченіе этого времени можно и по лъсу погулять, и перезнакомиться со всъми обитателями станціи.

Самыя станціи не представляють ничего зам'вчательнаго. Березовый лъсъ кругомъ, два-три поля съ пшеницей, трава по кольно, комары и тишина, нарушаемая только довольно радкимъ приходомъ повздовъ. Воть телефонь принесъ въсть, что съ ближайшей станціи вышель переселенческій повідь, и все населеніе станціи высыпаеть на платформу. Воть на западъ показался бълый дымокъ, какъ точка обрисовался паровозъ, сталъ расти, наконецъ съ шумомъ влетелъ на станцію и остановился. Изъ красныхъ товарныхъ вагоновъ высыпаль народъ и бросился въ разныя стороны. Станція сразу ожила; послышались крики, возгласы. Кто бросился на пашню, смотреть, какъ растеть здесь хлебь; кто несъ, показывая всемъ, землю; ее брали, растирали въ рукахъ, про нее толковали, спорили. Вагоны набиты биткомъ; кой-гдъ стоятъ скамьи, въ другихъ всё просто сидять на полу; плачь и крики дётей, звуки гармоники, п'ёсни и говоръ толпы сливаются въ одинъ оглушительный шумъ, который, говорятъ, бываетъ такъ силенъ, что повздная прислуга во время движенія по'взда не слышить свистковъ паровоза. Потомъ придеть товарный повздъ съ востока, изъ Сибири, съ шерстью, кожами, чаемъ, или пассажирскій повздъ изъ Челябинска съ новыми, какъ съ иголочками, вагонами, тоже набитыми пассажирами. Пассажирскіе вагоны устроены здёсь очень удобно, съ отдёльнымъ спальнымъ мёстомъ для важдаго; все предусмотръно и приспособлено для сибирскихъ разстояній, гда пассажиръ не только адеть, но и живеть въ течение насколькихъ дней въ вагонъ.

Самый путь далеко не разнообразень и не богать видами. Сначала степь чередуется съ березовыми перелъсками, потомъ поъздъ оставляеть Тобольскую губернію и вступаеть въ предълы Акмолинской области. Здісь уже начинается степь, голая, однообразная, какъ зеленое море развертывающаяся до самаго горизонта. Вагоны, мірно постукивая по рельсамъ колесами, тихо катятся по гладкой равнині, въ открытое окно врывается ароматный воздухъ степей. Видъ еще болье однообразный: однъ за другимъ тянутся телеграфные столбы, двъ проволоки, ровная

выемка земли, обнаруживающая полуаршинный черноземъ степи, илистень, ровный горизонть и съровато-голубое небо съ бъльнии облачью Вонъ одно озеро лежить у самаго полотна дороги; оно съро, съ бежненными низкими берегами, на немъ нътъ даже признава раститель съ даже тростинки камыша; его берега пусты, и вдоль нихъ тянется толь одна сърая, грязная черта, гдъ высыхаеть соль этого горько-солем озера. Когда поъздъ проходить мимо, съ озера несеть непріятими в лымъ воздухомъ. Тажихъ озеръ здъсь въ степи много и ожи часто втурчаются рядомъ съ пръсными озерами.

Странно видъть этотъ богатый полуаршинный черноземъ: вась вы жаеть пустынность страны. Вамъ кажется, что эта пустывя только 🕾 ждеть переседенца, только еще начинаеть свою жизнь и культуру. нако, даже предпрівичный русскій крестьянню, при всей его люби г земль и нуждь въ ней, врядъ ли оживить эту страну. Въ ней и тел: есть поселки и деревни переселенцевь, пріютившіеся по берегамь ры: ръчекъ, около большихъ пръсныхъ озеръ. Но этотъ переселенеть, гторый только что съль на свежую землю и принялся за ея обработ уже будеть вамъ жаловаться, что зимній холодь вымораживаеть 🗈 зерно, что тонкій покровь сніга не защищаеть посівовь оть холог вътра, что земля, при всемъ ея богатствъ черноземомъ, не виветь 1статочной влажности. Онъ будеть жаловаться вамъ на массы степел насъкомыхъ; онъ скажеть, что кобылка поъла у него половину помі! луговъ. Скотоводство, когорое, кажется, могло бы только процени: на такомъ приволью, губять здёсь постоянные падежи, сибирская 🕮 чума, съ воторыми ръшительно нельзя справиться въ степи, гдъ вом просторъ и свобода перегонять стада съ міста на місто безъ ветер нарнаго надзора. Даже этотъ ароматный степной воздухъ, которы такъ пріятно дышать изъ окна вагона, оказывается вловреднымъ, въ щеннымъ испареніями гнилыхъ озеръ; отъ него не перемежаются и радки въ семьъ переселенца, отъ него истощаются силы семьи.

Вонъ вдали показалась красная точка, —это степная станція Сторокой дороги. Она, какъ яркое, світлое пятно, оживляєть эту безті ненную степь. Небольшой деревянный домикъ щеголяєть своей новизоком около него разбить уже садикъ, но онъ вянеть подъ лучами прыстантняго солнца, которое словно хочеть выжечь всю станцію, какъ об выжигаеть кругомъ траву на высокихъ містахъ. Кругомъ голая, стравло-зеленая степь: ни признака ліса, ни одного клочка тіни, никав: разнообразія на горизонть.

Ближе къ Петропавловску начинаютъ попадаться ауды киртим. Иногда на берегу озера видны ихъ сёрыя юрты. Въ бинокль можно расмотреть все подробности. Юрты разставлены недалеко другь от другь около нихъ дети, женщины, которыя сидять у костра передъ больши: отломъ; нъсколько верховыхъ лошадей привязано у кибитокъ. Въторонъ, недалеко, пасется стадо барановъ; они всъ одной масти, темноурые, съ громадными свъсившимися курдюками, съ длинными повисными ушами и горбатымъ носомъ.

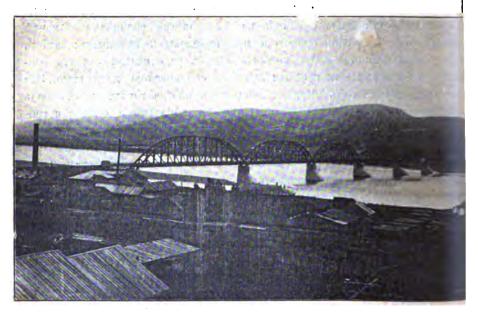
Вечеромъ, когда солнце, красное, громадное, зайдеть за горизонтъ и полусумракъ ночи спустится надъ равниной, степь превращается възастоящее море, среди котораго, какъ маяки, блестять огоньки кибигокъ киргизовъ.

Передъ Омскомъ жельзная дорога пересъкаетъ Иртышъ. Далье, между Иртышомъ и Обью, на протяжени почти шестисотъ версть, тянется Барабинская степь, еще болье унылая и однообразная. Луга покрыты едва видною порослыю; кое-гд на бълесоватой солончаковой почвъ видны болота, заросшія осокою и мрачно-зелеными камышами; затімь необозримыя площади воды, которыя никакъ уже нельзя считать озерами: это-необъятныя грязныя лужи съ солоноватою жидкостью. Эти лужи, какъ напримъръ "Чаны", занимають иногда гигантскую площадь въ 2.876 квадр. верстъ. Мъстами впрочемъ попадаются оазисы нетронутаго дъвственнаго чернозема, которые нарушають уныніе окружающаго пейзажа: почва зеленъеть, воздухь становится пропитаннымъ запахомъковыля, кашки. Свободно и весело несутся по необъятному пространству табуны коней; въ воздухъ звенить жаворонокъ; радость наполняетъ душу. Однако и этимъ оазисамъ далеко до культуры, причиною чему являются целыя облака переносимаго ветромъ по степи "гнуса", состоящаго изъ мошкары, комаровъ, оводовъ и тому подобной твари. Иногда встръчаются цълые повзда возвращающихся переселенцевъ, которые на вопросъ, почему они возвращаются, почти постоянно отвъчають: "Гнусъ одольдь, жить невмоготу, въ съткахъ пахать приходится".

Обь тамъ, гдѣ ее пересѣкаетъ желѣзная дорога, уже широкая, полноводная рѣка. Поселокъ, носящій, какъ и желѣзнодорожная станція, названіе "Объ", насчитываетъ теперь уже за 20.000 жителей. Отсюда и до Байкала тянется такъ называемый средне-сибирскій участокъ желѣзной дороги. Мѣстность мѣняется; степь уступила мѣсто средне-сибирской тайгѣ. Лиственница, сосна, ель, кедръ, растущіе цѣлыми группами, образують сплошной лѣсъ, непроходимость котораго увеличивается отъможжевельника, жимолости и шиповника, густо разросшихся у подножія деревьевъ. Мѣстами лѣсъ прерывается ясной, свѣтлой поляной, которая даскаетъ глазъ чудной зеленью и яркостью красокъ великолѣпно цвѣтущихъ полевыхъ цвѣтовъ; въ воздухѣ чувствуется запахъ хвои.

За станціей "Тайга", отъ которой идеть візтка на Томскъ, начинается каменноугольный районъ, тянущійся вдоль Томи, притока Оби. Нізсколько дальше каменноугольный бассейнъ смізняется золотоноснымъ Страна дізлается все боліве холмистой, дорога описываеть повороты, иногда настолько крутые, что изъ окна вагона дегко фотографирова паровозъ.

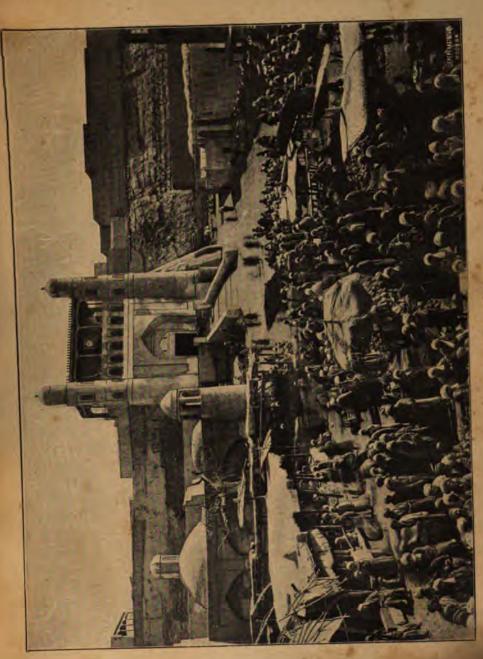
Въ разстояни двухъ тысячъ слишкомъ верстъ отъ Челябинсы, четырехъ тысячъ отъ Москвы, на берегу Енисея, широко раскину тородъ Красноярскъ. Панорама города не лишена прелести: много престора и воздуха, нелишенныя своеобразности церкви, круто обрывающи утесы праваго берега, но главное—красивая и многоводная ръка, пара лельно изгибамъ которой поъздъ послъдовательно подбъгаетъ къ горо съ разныхъ сторонъ. Широкій, быстрый Енисей, то, схваченный и сж тый высокими скалистыми берегами, образуетъ пороги, то разливаем

Мость черезъ Енисей.

на десячки версть по ровной мъстности, образуя больше острова, а прости въковымъ лъсомъ берега съ проглядывающими среди зелет скалистыми утесами усиливають впечатлъние чего-то величественнате сильнаго и суроваго. Среди сибиряковъ Красноярскъ пользуется завезною репутацією культурнаго города: на 27.000 красноярскаго населеє приходится 26 учебныхъ заведеній.

За Красноярскомъ желъзнодорожный путь пересвиаеть множесть небольшихъ ръкъ, входящихъ въ составъ системы Енисея. Почва этеграйона, центромъ котораго является городъ Канскъ, представляетъ събой богатъйшую черноземную площадь, жители которой пользуются звачительнымъ благосостояніемъ. Переселенцы, живущіе здысь уже двадиатъть, имъютъ общирные пахотные участки, по 15-ти десятинъ на душу

Digitized by Google

«В ржи, крестьяне свють пшеницу, которая даеть въ урожайный до 150-ти пудовъ съ десятины; 30 головъ крупнаго скота на дворъ— въдкость. Села, расположенныя вблизи станцій, имъють опрятный в и щеголяють тесовыми крышами.

Отъ Канска до станціи Тайшета желізнодорожная линія тянется за на разстояніи 160 версть по громадному каменноугольному басму, до сихъ поръ еще не эксплуатируемому, и очень живописна. увзанная балками, холмистая местность покрыта молодымъ кудрявымъ юмъ, въ которомъ встречается и лиственница. Вдоль полотна на деверсть тянутся сплошныя поля фіолетово-розоваго Иванъ-чая; **16 Застлана** голубоватою дымкой, которая мягкими тонами ложится вырисовывающіяся на югв Саянскія горы; ихъ сивжныя вершины стами ярко выступають на голубомъ фонъ неба, несмотря на 200эстное разстояніе. За Тайшетомъ льсь становится мрачнье и гуще, а стность все болве гористою. Постоянно приходится переважать шикіе потоки съ утесистыми берегами. Здёсь въ доисторическія времена или какія-то относительно культурныя племена, оставившія сліды своего ществованія въ формъ гигантскихъ изображеній на скалахъ. Недалеко ъ мъста пересъченія ръки Оки линією жельзной дороги находятся лисаные камни": на прибрежныхъ скалахъ изображены всадники своеобзанаго типа съ лошадьми и рогатымъ скотомъ.

Здѣшнее населене вообще живетъ очень зажиточно. Большія села, акъ, напримъръ, Тулунъ, могутъ смѣло равняться со многими уѣздыми городами не только Сибири, но и Европейской Россіи. Иногда такое ело тянятся версты 3—4. Домики очень приличные, чистенькіе; въ октахъ видны гардины, занавъски и горшки съ цвѣтами. Посрединъ села— јазаръ, дальше лавки, въ которыхъ можно достать все, что угодно; иногда въ такомъ селъ бываетъ и клубъ, гдѣ по вечерамъ собираются жители поиграть въ карты и на бильярдъ, а въ зимнее время устраиваются спектакли и танцовальные семейные вечера.

Но воть и Иркутскъ. Оть станціи къ городу приходится перевхать черезъ Ангару по плашкотному мосту. Холодомъ въетъ отъ ея ложа, такъ какъ, несмотря на жаркое лъто, температура воды 8° и ръдко доходить до 10°, но зато изръзанная мелкими струйками поверхность при удивительной прозрачности придаетъ чудный блескъ и красоту широкой ръкъ.

Въ противоположность большинству городовъ Иркутскъ расположенъ на плоскомъ правомъ берегу. Внѣшность его вполнѣ соотвѣтствуетъ типу губернскаго города, удаленнаго отъ центра, съ примѣсью Замоскворѣчья. Окраина одноэтажная, плоская, сѣренькая (особнячки съ бѣлыми ставнями); центръ каменный, двухъэтажный купецкій, необычайно тяжелый и грузный; фасадъ дома украшенъ обыкновенно колоннами

ничего не поддерживають, къ тому же въ рѣдкомъ домѣ вът тальныхъ каменныхъ вороть, за которыми чувствуется крапала на цѣпи. Дѣйствительнымъ украшеніемъ города служать вѣют та ви византійскаго типа.

Подобно большинству губернскихъ городовъ, цивилизація до Иркутскъ только краемъ: телефоны дъйствуютъ на славу, что, ког

Видъ на Забайкальской желъзной дорогъ.

пе мѣшаетъ улицамъ оставаться немощеными. Лѣтомъ пыль обвольваетъ городъ густымъ вуалемъ, осенью же, въ особенности вечером выйдя на улицу и погрузившись въ непроницаемый мракъ, висящимъ моремъ грязи, чувствуешь себя если не несчастнымъ, то совершешь безпомощнымъ. На центральной "Большой" улицѣ безуспѣшно мигают три-четыре фонаря, что не мѣшаетъ нѣкоторымъ магазинамъ быть освъщенными электричествомъ. Гостиницы очень плохи и дороги.

И тымъ не менье Иркутскъ, подобно многимъ сибирскимъ городамъ пельзя упрекнуть въ отсутствии культурныхъ начинаній, къ которымъ містное населеніе относится съ значительною симпатіей. На лучшей улиць Иркутска находится очень красивое зданіе театра, а недалемо отъ него, на берегу Ангары, зданіе музея, въ которомъ собрани зоометическія и этнографическія коллекціи и находится обширная библіотека. Торговые обороты Иркутска достигають десятковъ милліоновъ, не говоря тізхъ товарахъ, которые только проходять черезъ него. Такая торя вмітсть съ золотопромышленностью должна была создать громал-

ые капиталы и рядъ крупныхъ фирмъ. Кромъ русскихъ фирмъ и маазиновъ, въ Иркутскъ можно видъть и богатые торговые дома китайцевъ, оторые торгуютъ главнымъ образомъ шелкомъ, фарфоромъ и чаемъ.

Отъ Иркутска жельзная дорога идетъ вдоль льваго берега ръки нгары, вверхъ по ея теченю. Мъстность, пересъченная грядами Байальскихъ горъ, очень живописна. Красивыя горы, покрытыя хвойными ъсами, обрамляють берега широкой и быстронесущейся ръки, а по самому ерегу вьется жельзная дорога. Пройдя 62 версты отъ Иркутска, поъздъстанавливается на берегу Байкала. Здъсь прерывается жельзно-дорожный путь *), а переъздъ черезъ озеро совершается льтомъ—на баржахъ, зимой — на спеціально для этой цъли устроенныхъ паромахъ-ледоковахъ; послъдніе, однако, оказались не совсьмъ пригодными и потому въ настоящее время сооружается жельзная дорога, которая обогнетъ Бай-

Желъзная дорога въ долинъ ръки Хилоки.

За Байкаломъ жельзиая дорога идеть сначала вдоль южнаго берега озера, а потомъ удаляется отъ него. Большей частью по сторонамъ дороги тянется тайга, но тамъ, гдъ поъздъ выъзжаетъ къ берегамъ Селенги, выступаютъ высокія гранитныя горы, подступающія мъстами къ самому краю берега. Близъ дороги виднъются то казачьи станицы, то бурятскіе улусы. Поселившіеся въ этомъ краъ буряты занимаются земле

^{*)} Въ 1904 году открыта Круго-байкальская железная дорога.

тълемъ; они даже орошаютъ свои поля, проводя въ нихъ воду посредствомъ каналовъ, въ родъ средне-азіатскихъ арыковъ; промышляють оп также скотоводствомъ.

Область за Байкаломъ отличается вообще гористымъ характеромъ Отчасти вслъдствіе такого возвышеннаго положенія и климать здѣсь ешсуровье, чъмъ на западѣ. Проъзжая льсами, можно замѣтить, что въ нихъ зачастую валяются упавшія какъ бы сами собой деревья. Въ этихъ мъстахъ земля на нъкоторой глубивъ вовсе не оттанваетъ въ теченіе года, такъ что въ ней господствуеть въчная мерзлота. Поэтому деревья, достигнувъ высокаго роста и пустивъ корни въ мерзлую почву. неминуемо должны валиться. Интересна система водоснабженія, прииз-

Переваль черезь Яблоновый хребеть.

няемая въ виду такихъ условій на этой линін. Такъ какъ даже лѣтомъ почва оттанваеть самое большее на полторы сажени, то проложить водопроводныя трубы обыкновеннымъ способомъ въ землѣ представлялось невозможнымъ. Поэтому ихъ провели здѣсь въ особыхъ галлереяхъ, которыя зимою отапливаются.

На 789-й версть отъ Байкала находится станція "Китайскій разъьздъ", названная такъ потому, что здысь жельзная дорога дылится на двы вытви; изъ нихъ одна идетъ по долинамъ р. Ингоды, Онона и Шилки поженнаго на берегахъ послыдней рыки города Срытенска. Уна жельзная дорога оканчивается и начинается пароходное чилкы и Амуру. Другая вытвь, извыстная подължения

и ж. д., отклоняется на юго-востокъ, входить въ

предълы Манчжуріи и соединяеть далекую Россію съ ея самой восточной окраиной—Владивостокомъ. Общая длина жельзнодорожнаго пути отъ Китайскаго разъвзда до Владивостока—1.620 верстъ.

Тайга.

(С. Елпатьевскаго.)

Мы за Томскомъ, на большомъ сибирскомъ тракть, въ тайгъ, — той тайгъ, которая ужъ самымъ названіемъ сулила мнъ нъчто новое, оригинальное.

Я и здысь обманулся. Правда, лысь начинается оть самаго Томска, но это даже не лысь, а перелысокъ нашей Московской и Владимірской губерніи и такимъ лысомъ я ыхаль болые сутокъ. Ты же жиденькія березки, та же осина, какіе-то неопредыленнаго вида кусты; лишь изрыдка встрытится ель или пихта—и все это спутанное, низкорослое, довольно рыдкое, перерызанное топями и болотцами. Вырвется кусокъ овсянаго поля, промелькиеть деревня,—и опять этоть скучный ни лысь, ни кустарникъ. Но вмысты съ тымь изъ всего этого мало-по-малу начинаеть вырисовываться незамытно для вась какое-то смутное впечатлыніе. Этоть идущій безпрерывною полосой лысь, это отсутствіе полей, эти рыдкія, какъ-то прижавшіяся къ дорогы деревни—все это создаеть впечатлыніе чего-то огромнаго и пустого.

Какое-то царство ліса, упорнаго, безпредільнаго и расплывающагося ліса, чувствуется вами, и—я не уміно выразиться лучше—стісняеть вась, сжимаеть ваши мысли и не даеть имъ раскинуться шире, выйти изъ преділовь ліса.

Между Маріинскомъ и Ачинскомъ нѣсколько измѣняется физіономія мѣстности, краски становятся рѣзче, суровѣе и выпуклѣе очертанія. Деревья сдвигаются плотнѣе, вытѣсняють лиственныя породы и протягивають къ самой дорогѣ свои иглистыя лапы. Тамъ, впереди, гдѣ-то далеко-далеко на синевѣ неба начинаетъ вырисовываться волнистая голубая линія далекихъ горъ восточной Сибири. Попадаются крутые холмы; дорога вьется между глубокими ложбинами.

Только между Ачинскомъ и Красноярскомъ передо мной встала настоящая тайга, встала могучая, суровая, темная. По нашимъ московскимъ и владимірскимъ лъсамъ трудно себъ представить, что такое тайга.

Пышнымъ зеленымъ букетомъ поднимается отъ земли нашъ сосновый лъсъ. Онъ будто только что сошелъ съ картины молодого живописца съ своими кудрявыми вершинами, голыми красными стволами, широкимъ просвътомъ, словно аллеей для гулянья, и стоитъ,

на себя, важный, величественный и эффектный. Теменъ и угровым еловый лесь, когда войдешь въ чащу его; но пройдешь въскам версть—пусть десятокъ версть—и выйдешь въ поле. Широкое коловенныхъ луговъ, колосистой ржи и свётлыхъ крестовъ деревения церквей опоящеть угрюмый лёсъ и смягчить его непривътный иг Я не говорю ужъ о южномъ лёсѣ, съ его свётомъ, радостью и сельемъ. Словомъ, знакомый большинству насъ лёсъ—нёчто опредленное, законченное, окруженное нолями и деревнями, охвачение в льемъ, покоренное человъкомъ...

Въ этомъ смыслѣ тайга—не лѣсъ. Нужно представить себъ с мрачный, плотно сдвинувшійся лѣсъ протянулся до тундры, до мом на тысячи версть; нужно вообразить, что можно пройти соти верст не встрътивши человъка, что въ глубинъ тайги человъческая вото бывала. Все темное, мрачное. Мохнатый, угрюмый кедръ, сумрачанихта, стройная пирамида ели, таежная красавица, мрачная и печь ная лиственница. Изръдка мелькиетъ бълый стволъ березы; протякт къ свъту свою перистую вътвъ кривая рябина, какъ тянется за вольніемъ рука нищаго ребенка между локтями взрослыхъ; пританти гложбинъ задумчивая черемуха, окруженная, какъ малыми дътын. стами смородины и ежевики, и снова непрерывною полосой потякточныя иглы. Кое-гдъ тайга раздвинулась, чтобы пропустить ръку, какъмизись, чтобы дать мъсто какой-нибудь сотив-двумъ человъчески жизней, и опять сомкнулась тъснымъ кольцомъ, опять ревиню гринтъ свою тайну.

Именно тайна чувствуется въ глубинъ тайги. Миъ пришлось ла спустя по прівздв въ Сибирь цвлый день вхать верхомъ съ пров никомъ въ глухой тайгв. День погасъ, бълая съверная ночь слус лась съ неба и полосы холоднаго безжизненнаго свъта вставали нег деревьями. Въ тайгв ни звука; тамъ не видно и не слышно шта только израдка коротко и глухо стучать копыта лошадей о кор Что то загадочное, что-то таниственное и суровое чувствовалось вь же странномъ колеблющемся свъть весеннихъ сумерекъ, въ этихъ во движныхъ, молчаливыхъ деревьяхъ, строго и важно обступившихъ же Казалось, передо мной быль храмъ, суровый, мрачный храмъ, п какъ черезъ эти иглистыя вътви, медленно льется бледный светь 🕬 узкія стрільчатыя окна, гді человікь придавлень къ землі высовт стънами, темными сводами, молитвенною тишиной и только душа с отръшенная отъ всего земного, возносится въ небу, туда, кум г сутся эти строгія линіи храма, эти острые шпили церковныхъ быть. эти темныя верхушки елей и пихть...

А бълая ночь широко простерлась надъ тайгой. Острый врои!
пихтъ, кедровъ и лиственницъ, какъ чудный ониіамъ, стоять въ

чужь. Какъ бледные светильники мерцають желтыя лиліи. Только неть молящихся,—храмь пусть и безмолвень, разве изрёдка словно вздохъ пронесется по тайге, вырастеть, разойдется и снова замреть где-то далеко, далеко. Да кукушка вдали печально кричить свое "ку-ку", точно тамь, въ глубине храма, одинскій голось повторяеть все одну и ту же односложную, печальную, строгую, великопостную молитву.

Я не заметиль, какъ чаще и чаще вздыхала тайга, и вздрогнуль отъ неожиданности. Что-то громко охнуло вдали отъ меня, побежало по верхушкамъ, затрепетало надъ моей головой и понеслось дальше по тайге. Глухимъ ропотомъ отозвался другой дальній уголь. Словно огромный, настраивающійся оркестрь, все громче и громче неслись звуки по тайге; только около меня попрежнему молчаливо и грозно стояли деревья. Вотъ съ тяжелымъ стономъ зашатался огромный, целой головой возвышающійся надъ тайгой кедръ, налетела буря и покрыла отдельные звуки,—тайга завыла. Я испытываль поистинъ чувство страха. Вы слышите, какъ гитевно и мрачно шумятъ близъ васъ стоящія деревья, но вы скоро забываете ихъ; оттуда изъ глубины тайги, какъ изъ громадной пасти чудовища, подымается глухой, непрерывный шумъ: это — тайга воетъ. И день и ночь, и еще день и ночь тайга все выла своимъ страшнымъ, угрожающимъ воемъ, все ревълъ расходившійся, растревоженный звърь.

Подъ эту воющую пъсню я не могу не думать о тайгъ. Миъ невольно рисуется въ этой сибирской тайгъ человъкъ— первый пришелецъ изъ русской земли. Онъ принесъ съ собою оживленный шумъ и вольный просторъ многоводной Волги, добродушную и широкую натуру русскаго человъка, принесъ свои пъсни, свои легенды и сказки.

Онъ-въ тайгъ, куда ушелъ одинъ, безъ семьи, на звъроловный промыселъ. Тайга должна покорить его. Онъ дълается молчаливъ и серьезенъ. Въ тайгв не хочется смъяться, пъсня не идеть съ губъ человъка, -- она такъ странна въ мертвой тишинъ этого угрюмаго лъса и такъ безсильно замираетъ въ ревущей таежной песне. Онъ не видитъ восхода и захода солнца; свътлый шаръ встаетъ изъ-за одной щетинистой стыны и закатывается за другую, такую же мрачную стыну,--воть и все, что онъ видить. И вездів, куда ни глянеть глазь его, онъ натыкается на обросшіе мохомъ стволы, на иглы елей и пихть. Какъ его глазъ видитъ только деревья, такъ и его умственный взоръ суживается болье и болье, все трудные и трудные можеть вырываться изъ предыловъ этого сжимающаго кольца. Не поется пъсня, не думается дума, не мечтается мечта. Глохнуть старыя песни, старыя легенды; тухнуть старыя воспоминанія, глохнеть даже голось. Тайга не храмь для звізролова, и онъ пришелъ не молиться. Кругомъ его борьба, — борьба не стахающая, непримиримая и неумодимая. Подстерегаетъ со

вавшуюся птичку, падаеть съ дерева кровожадная рысь на пробим шагося оленя и кабаргу, ломаеть медвъдь огромнаго сохатаго (ж. а человъкъ уничтожаеть ихъ всъхъ.

И этогь борющійся человінь должень быть візно на сторожі, віх присматриваться и прислушиваться, не хрустнеть ли вытав поль э жестью лапы медвідя, не мелькнеть ли голубая спинка песца. По их того, какъ онъ забываеть человъческую ръчь, онъ выучив**ается зт**:: ному языку — учится безошибочно узнавать крикъ птицъ и ревъ затр. понимаеть манеры ихъ и, какъ тунгусъ, начинаеть опред**ълять** по сих сердитый ли медвідь прошель или смирный. По мірть того вакь откаеть отъ нравовъ человъческихъ, онъ больше и больше привыых жить нравами звъриными. Онъ одинъ-одинешенекъ и долженъ 🖭 гаться только на себя. Съ него быстро сбегають русское разгилы: ство и добродушная распущенность: онъ весь подбирается, подтавается; его толстыя, расплывающіяся губы різче свладываются, кріг сжимаются; его глаза не смотрять открыто, а высматривають жэ лобья, выслаживають... Не дрогнеть рука, не побладнаеть лице. забьется сердце отъ страха, когда неожиданно вылъзетъ на него гвъдь, и ужъ, конечно, не будетъ жалости въ этому медвъдю.

Звѣроловъ вырывается наконецъ изъ тайги и съ добычей приходовъ себѣ въ семью, въ русскій поселокъ. Языкъ не такъ дегко во чается у него во рту, не такъ свободно слетаютъ съ губъ съвъжности и любви. Онъ встрѣчается со своими друзьями—односельначему непривычно, онъ отвыкъ отъ сколько-нибудь плавной рѣчи, и во онъ говоритъ отрывочными предложеніями, на которыя его собесѣдины такіе же только что вернувшіеся звѣроловы, отвѣчаютъ такими же ода сложными фразами.

Замічательно характеренъ для сибиряка этоть отрывистый разворъ. Не річисть, не ходокъ на плавную річь и нашъ русскій кресть нинъ, но онъ краснорічивый ораторъ въ сравненіи со здішнимъ кресть ниномъ, несмотря на то, что послідній развитье, чіть его заурамсь собрать.

Звъроловъ поживетъ извъстное время дома, снова привывнетъ г людямъ, потомъ опять уйдетъ въ тайгу. И каждый разъ все больши большій отпечатокъ будетъ класть тайга на человъка. А пройктиять-десять льть,—его уже будетъ тянуть въ тайгу, тайга заполоите его, онъ почувствуетъ на себъ ту странную могучую власть ел патучеловъкомъ, которую я наблюдалъ здъсь, въ Сибири, на бродягалъ старикахъ-крестьянахъ, по году не вытажающихъ изъ тайги даже городнымъ въ деревню. Я знаю образованнаго человъка, который искречтоворилъ мнъ, что не понимаетъ жизни безъ тайги.

Сынъ того звіролова, о которомъ я говориль, ужъ только усливи

про старыя мёста и русскую жизнь. Онъ юношей начинаеть ходить съ отцомъ "бёлковать" и "соболевать", и на него, еще юношу, тайга налагаеть свою неизгладимую печать. А дёти и внуки этого сына потеряють ужъ всякую связь съ Россіей, позабудуть складъ ея жизни, ея вёрованія, пёсни, легенды, и будуть думать, какъ думають крестьяне въ Забайкальт, что Ермакъ завоевалъ ихъ предковъ, всегда жившихъ въ Сибири,—они превратятся въ сибиряковъ.

Не удивляйтесь, что я отвель такое большое мёсто тайгё и такъ много наговориль о своемь звёроловё. Въ сущности тё двё-три тысячи версть, которыя я проёхаль по Сибири, — сплошная тайга, и огромная масса населенія Сибири и теперь живеть приблизительно въ тёхъ же условіяхъ звёроловнаго промысла. Здёсь не человёкъ царствуеть надъ природою, а природа надъ нимъ, и тайга какъ будто только позволяеть на своихъ полянахъ раскинуться городамъ, а по оврагамъ и рёчкамъ вытянуться селамъ и деревнямъ.

Странное впечатльніе производять сибирскія деревни. Первое, что бросается въ глаза и різко обособляєть эти трактовыя селенія отъ русскихъ,—полное отсутствіе полей около нихъ. Почти прямо изъ тайги въізжаєть въ деревню, проізжаєть длинную улицу и опять упирається въ тайгу. Ни овиновъ, ни сараєвъ, въ большинстві случаєвъ даже огородовъ не видно. Все это гдіто тамъ, въ тайгіт, на заимкіт, за пятнадцать, двадцать версть, куда літомъ перебираєтся крестьянинъ. Сжатая двумя стінами тайги деревня вытянулась длинною лентой, двумя рядами домовъ по бокамъ дороги, и словно боится раздаться шире, боится заглянуть въ эту темную массу. На краю или въ центріт, но всегда нісколько изолировано, словно помітцичья усадьба въ русской деревніть, стоить этапъ. Это—огромное для села деревянное зданіе съ широкимъ дворомъ, обнесеннымъ стітной врытыхъ въ землю и заостренныхъ кверху бревенъ.

Оригинальный рость этихъ трактовыхъ сель бросается въ глаза при первомъ поверхностномъ взглядъ. Въ центръ деревни — больше двухъэтажные и длинные, вытянувшеся по улицъ, одноэтажные дома, старые, почернъвше отъ времени и дождей, съ лавками внизу, иногда съ
каменными кладовыми и всегда съ громадными крытыми дворами. Вездъ
широкое довольство, сытая обезпеченность — полная чаша. Чъмъ ближе
къ краямъ, тъмъ новъе становятся дома, пока не закончатся низенькими избушками въ одно-два оконца, даже полуземлянками на концахъ
деревни. Обитатели этихъ домишекъ — только что покинувше этапъ питомцы его. Вы буквально видите, какъ годъ отъ году прибавляются
новыя избушки поселенцевъ, какъ онъ шагъ за шагомъ отвоевываютъ
мъсто у тайги. И вотъ деревня вытянулась на семь верстъ, и кладбище, еще недавно бывшее за деревней, оказывается уже въ центръ ея.

Какъ разношерстны обитатели этапа, такъ же разнохарактерна и сибирская деревня. За оградой обточенныхъ бревенъ встръчаются и еврей, и цыганъ, и полякъ, и малороссъ, кавказскій горецъ, и нѣмецъ оствейскихъ провинцій, и, наконецъ, великоруссы всѣхъ губерній и всѣхъ сословій. Такая же разнохарактерность замѣчается и въ деревнѣ, и не въ составѣ только населенія,—она сказывается въ постройкѣ, въ костюмахъ, въ говорѣ. Бокъ о бокъ стоятъ и двухъэтажный, какъ фонарь свѣтящійся окнами, домъ сибиряка-старожила, и полуземлянка уфимскаго башкира съ очагомъ вмѣсто печки и затянутыми пузыремъ вмѣсто стеколъ окнами. И все это, очевидно, не слилось, не сжилось вполнѣ. Всякій, очевидно, живетъ еще своею отдѣльною, особиясовою жизнью: онъ не сибирякъ, хотя, впрочемъ, онъ и не тотъ, чѣмъ былъ до этапа.

Какъ ни любопытно всматриваться въ сибирскую деревню, все-таки дорога скучна и тосклива. Чужая земля, чужой воздухъ, чужіе люди, чужія рѣчи... Встрѣчаются, впрочемъ, и свои люди, но мало вносятъ они веселья въ дорожныя впечатлѣнія. По ту и другую сторону грязнаго, изрытаго шоссе вьются многочисленныя тропинки,—то свои русскіе люди проложили дорожки въ чужую сторону.

И вотъ узкою лентой далеко раскинулась арестантская партія. Медленно плетутся сёрые халаты, жалобно поскрипывають телівги, на которыхъ сидять женщины съ грудными дітьми. Невесело встрівчаєть Сибирь своихъ гостей. Угрюмое, свинцовое небо тяжело повисло надъголовой; октябрьскій дождь холодными иглами сівчеть лицо и ледяною корой ложится на арестантскіе халаты, подъ ногами вязкая, полузастывшая грязь, изъ которой такъ тяжко вытаскивать закованныя въ кандалы ноги; справа и сліва злобно воющая тайга, по краямъ которой мірно двигаются штыки конвойныхъ. Только ребята вносять и вкоторое оживленіе въ эту печальную группу. Какъ только перемежится дождь, они спрыгивають съ телівгь, бігають взапуски, кувыркаются на встрічающихся лужайкахъ и съ веселымъ сміхомъ ощипывають запоздалыя кисти рябины, красныя ягоды шиповника и боярышника.

Глубокая зима глянула на меня, когда я вывхаль изъ Ачинска. Какъ все измънилось кругомъ! Окутанная снъгомъ тайга затихла и стоитъ неподвижно, покорная и кроткая; безшумно скользять, словно плывутъ мои сани въ рыхломъ, еще неумятомъ снъгу; мягко и какъ-то грустно звенитъ колокольчикъ; безчисленныя пушистыя снъжинки кружатся въ воздухъ и медленно, какъ будто въ какомъ-то раздумън, ложатся на землю, словно колеблющійся бълый саванъ тихо опускается съ неба на умирающую землю.

Еще нъсколько сотъ верстъ, и я прівхаль на мъсто. Засыпанний техаршиннымъ слоемъ снъга, окруженный тъснымъ кольцемъ безьной тайги и окаймленный лишь съ одной стороны широкою поосою Енисея, мой городокъ выглядълъ мирнымъ, уютнымъ, хотя и тъсколько глухимъ уголкомъ.

Глубокая Сибирь чувствуется на каждомъ шагу. Вотъ лохматая соака въ упряжи, какъ истый рысакъ, лихо катитъ маленькія санки съ юзсъдающимъ на вязанкъ дровъ мальчишкой. Дохи и дохи безъ конца, начиная отъ изящной изъ молодыхъ оленьихъ шкурокъ съ собольимъ юротникомъ дохи мъстнаго богача и кончая мохнатыми, сохатиными праже собачьими дохами, въ которыхъ ъдутъ мужики и бабы на банаръ. Сіяющая сибирская зима въ полномъ разгаръ. Мертвая тишина въ воздухъ. Прямыми, высокими столбами, играя въ солнечныхъ лучахъ, поднимается къ небу дымъ изъ трубъ. Снъгъ не скринитъ, а визжитъ подъ полозьями, какъ трущееся другъ о друга желъзо. Сорокаградусный морозъ обжигаетъ лицо...

Золотые пріиски въ Сибири.

(M. C.)

Золото—главная приманка въ тайгъ. Ради его идутъ промышленники въ глушь и основываютъ тамъ временныя поселенія, называемыя прінсками. Золотопромышленность играла и играетъ огромную роль въ жизни Сибири.

Мъсторожденія золота бывають двухь родовъ: рудныя и розсыпныя. Первыя встречаются въ горахъ въ виде жилъ, пронизывающихъ древнія, твердыя породы и состоящихъ изъ золотой руды. Эту руду надо добыть, а затымъ уже особыми способами выдълить изъ нея золото. Въ Сибири разработка руднаго золота только что начинается, и то преимущественно на Уралъ, все же остальное золото добывается изъ розсыпей. Розсыпью называются различныя рачныя отложенія въ долинахъ. Матеріаломъ для ихъ образованія служили окрестныя горы. Работа воды, льда и воздуха постепенно разрушала скалы, а вода отлагала продукты разрушенія въ долинъ, образуя слои, состоящіе изъ различныхъ матеріаловъ: валуновъ, гальки, песку, глины, а между ними также и золота, вымытаго изъ первичныхъ мъсторожденій въ горахъ. Представляя массу болве рыхлую, чемъ древнія горныя породы, розсыпь болве удобна для разработки, и, конечно, за рудное золото примутся только тогда, когда розсыпное истощится. Золотопромышленность въ Сибири находится наканунъ этого. Теперь уже не открывается тъхъ баснословно богатыхъ мощныхъ розсыпей, которыя разрабатывались въ 40-ые и 50-ые годы. Постепенно искатели богатствъ подвигались все далъе на востокъ, и сейчасъ Олекминско-Витимскіе и Амурскіе прінски представляють последнія богатыя розсыпи. Быть можеть, онъ есть еще въ труднопроходимых р и пока непосъщаемыхъ золотопромышленникомъ пустыняхъ съвера...

Алтайскіе промыслы давно уже выработались. Новыхъ богатыхъ открытій нізть и, кажется, не предвидится, потому что большая часть річекъ и ключей развіздана, и хотя золото почти нигдів не отсутствуєть но количество его таково, что при теперешнихъ условіяхъ разработки добываніе его невыгодно.

Для отысканія золота снаряжаются поисковыя партін. Начиная съ мая місяца, часть рабочих в подъ руководством служащаго отправляется на "развъдку" тъхъ ръчекъ, которыя почему-либо обратили на себя вниманіе. Въ избранной м'єстности строять себ'в балаганы и устранвають свое житье по-походному. Привозять необходимые инструменты г събстные припасы на нъсколько дней и приступають къ работъ. Развъдка состоить въ следующемъ. Поперекъ речной долины въ извъстномъ разстояніи другь отъ друга пробивають рядъ шурфовъ. Шурфъквадратная яма, сторона которой обыкновенно равна 1 сажени. Выбрасьваемый изъ этой ямы матеріаль промывается на особыхъ приборахъ, вазываемых бутарами. Бутара представляеть деревянный открытый ящикь, одна болье высокая половина котораго закрыта жельзной рышеткой. Золотосодержащій пласть земли набрасывается лопатами на різпетку в посредствомъ особыхъ желізныхъ гребковъ подъ непрерывною струеї воды пробивается сквозь рашетку, такъ что все мелкія частицы гальке. песку, глины, а также и золота проливаются внизъ, а крупная обытая галька, оставшаяся на ръшеткъ, сбрасывается прочь. Крупная зодотина, не прошедшая сквозь отверстія рішетки, будеть при эток поднята, такъ какъ бросится въ глаза, мелкое же золото, упавшее внизъ, задерживается особыми поперечными плинтусами. Медкій и ж кій матеріаль уносится водою, золото же остается почти все тотысь же подъ ръшеткою. Обыкновенно самый верхній пласть розсыпи не содержить золота; его называють "торфомъ", а пласть съ золотомъ называется "песками". Низъ розсыпи, будуть ли это коренныя, сплошим горныя породы или рыхлый, наносный же матеріаль, но не содержаній уже золота, называется "почвой". "Добить шурфъ до почвы" значит дойти до такого пласта, который уже не содержить золота. Развыше представляеть одну изъ самыхъ трудныхъ прінсковыхъ работъ какъ потому, что приходится жить въ неудобныхъ условіяхъ, т.-е. въ балганахъ, питаться соленымъ мясомъ, которое часто портится, не имът зачастую возможности хорошенько высушиться, отоспаться, такъ и вотому, что самая работа въ шурфахъ очень трудна. Шурфъ-узкая ам, которую приходится съ глубины 1 сажени, а то и сверху кринить, чтобы не осыпались стънки. Землю изъ шурфа добывають или воротомъ с бадьями или перебрасывають съ подмостковъ на подмостки. Шурфь ръдко бываетъ сухой, обыкновенно на извъстной глубинъ показываети вода, которую откачивають насосомъ. Легко представить себъ, каком

аботать въ этой сырости и тесноте. Особенно трудно "низовикамъ", .-е. темъ рабочимъ, которые работають внизу и углубляють шурфъ; хъ бываеть двое. Отъ нихъ требуется большая выносливость, сила и

Промывка золота.

овкость, особенно когда одолъваетъ вода, которую иногда еле успъватъ откачивать; а въ дождливую погоду низовику еще хуже.

Рядъ шурфовъ, пересъкающій долину и розсыпь поперекъ, назы-

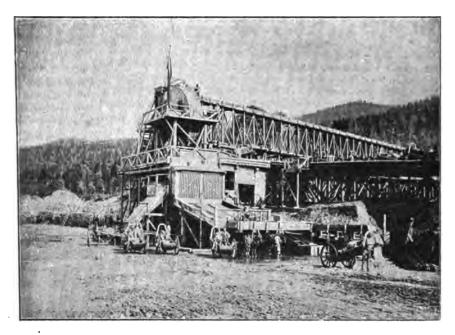
вается "линіей". Если доказано присутствіе золота, то такихъ диній выбивають ивсколько, чтобы опредвлить, какъ далеко тянется розсынь какъ вести работы. Выработку направляють потомъ на болве богаты шурфы. Разъ извъстное мъсто оказалось достойнымъ разработки, в немъ строють прінсковый станъ, запасаются орудіями, събстными принасами и начинають разработку. Зимою производять подготовительных работы и только лътомъ производится промывка песковъ. Зимою строять жилыя строенія, амбары, золотопромывальную машину, а главно- вскрывають шурфа", т.-е. удаляють верхній, не содержащій золота пласть земли и отвозять его въ сторону, въ "отваль", т.-е. насыпи. Выемка, образовавшаяся оть этого въ землів называется "разрізомъ". Для того, чтобы въ разріззів не скоплялась вода, подводять къ нему снизу долины канаву, которая тімъ длиніте, чёмъ положе паденіе долины.

Всякій, увидівшій въ первый разъ прінсковыя разработки, громадные разрізы, тянущієся на вісколько версть, громадные шурфовые в галечные отвалы, бываєть поражень этой циклопической работой, ему не вірится, чтобы все это могь сділать человінь. Въ этихъ долинахъ человінь произвель такую громадную геологическую работу, какую бурная, ломающая въ половодье берега, горная різчка не смогла бы произвести въ цілыя столітія. Містность становится неузнаваемой: вийсто ровнаго дна різчной долины образуется какъ бы миніатюрная горная страна съ хребтами, долинами, углубленіями... Тысячи и милліоны пудовъ матеріалу переворачиваются, перемываются чуть не до послідней пылинки для того, чтобы извлечь небольшое количество золотыхъ зеренъ. Большинство матеріала остается въ долинів, но все-таки масса его въ видів мути и мелкаго песку уносится різчкой, хрустальныя воды которой становятся мутными и на большомъ пространствів мутять и главную ріку, принимающую ее.

Для промывки золотосодержащихъ песковъ строится золотопромывальная машина. Большинство прінсковыхъ машинъ движутся водою, для чего крутую таежную рѣчку отводятъ въ особую канаву, имъющую болѣе пологій скать воды, чѣмъ сама рѣчка, и такимъ образомъ поднятую воду принимаютъ и направляютъ на колесо. Машины бывають двухъ родовъ: бочечныя и чашечныя. Бочечная состоитъ изъ горизонтально-укрѣпленнаго на желѣзной оси желѣзнаго же цилиндра, полаго съ объихъ сторонъ и расширяющагося къ одному концу. Весь онъ унизанъ пебольшими дверочками и вращается во время работы на своёй оси; съ узкой стороны вливается въ него вода и всыпаются золотосо-

правмываются обильною струею воды и ударами о стыки правмываются обильною струею воды и ударами о стыки правмы и золото проваливаются сквозь дырочки вивзь, приценно обмытыя постепенно подвигаются къ болъе ше-

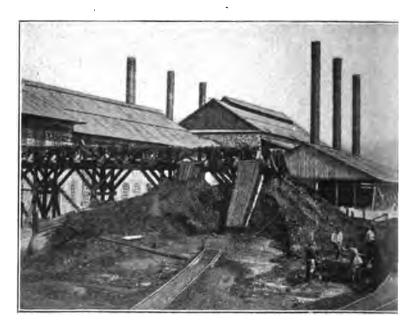
рокому концу бочки (такъ называется цилиндръ) и выбрасываются изъ нея. Провалившіяся же съ водою сквозь дырочки бочки мелкія части и золото задерживаются на шлюзу, т.-е. на наклонной плоскости, пересъченной рядами плинтусовъ. За этими плинтусами задерживается золото и наиболье тяжелыя гальки, а легкая галька, песокъ и муть несутся водою далье и непрерывно отвозятся отъ машины на таратайкахъ, такъ же какъ и крупныя гальки, выбрасывающіяся изъ бочки. Галькой называють въ тайгь болье крупный матеріалъ, т.-е. камни не меньше вершка въ діаметрь. Разъ или два въ день дълается "съемка" золота,

Золотопромывальная машина.

т.-е. пески со шлюза промываются для окончательнаго отдъленія золота. Шлюзъ и промывальня всегда окружены рёшеткой и заперты во избъжаніе воровства золота. Другой родъ машинъ—чашечныя—въ сущности устроены такъ же, какъ бутары, то есть пески промываются также на желізной рішеткі, но вмісто ручныхъ скребковъ здісь по рішеткамъ двигаются кругообразные желізные песты, которые разбиваютъ пески. Этотъ родъ машинъ удобенъ для промывки связныхъ глинистыхъ матеріаловъ. На машину ведутъ пологіе, длинные мосты, по которымъ медленю везетъ сильная лошадь таратайку съ песками, зная свое діло такъ, что идущій рядомъ возчикъ почти не управляєть ею: она сама заходитъ по мосту на машину, заворачивается, подпячиваетъ таратайку къ люку, изъ котораго пески проваливаются на промывки, и остается

только опрокинуть таратайку. Сваливши пески, возчикъ ста таратайку и рысью катить въ разрѣзъ, чтобы оттуда на опять медленно ѣхать въ машину. Въ разрѣзѣ въ это время рячая работа. Вертикальная стѣнка, около которой работа вается "забоемъ". Если золотоносный пластъ глубокъ, то выра полагается уступами и забоевъ нѣсколько. Орудія разработі кайла, лопата. Рабочій, называемый забойщикомъ, стоя у ст кайливаеть ее, затѣмъ залѣзаетъ наверхъ и ломомъ отворач млю, которая или разсыпается падая или отваливается цѣльно

Отвовъ руды.

которую надо раскайлить, а затым вооружается лопатой и вы возчикомъ, т.-е. тымъ рабочимъ, который отвозить пески на накладываетъ таратайку, которая, нагрузившись, медленно отът и пока возчикъ таратайку, что внезапно отвалившаяся глыба убиваетъ или калта бочаго. "Убило забоемъ" — слишкомъ ходячее на прискахъ вы Кромъ того, присковая работа тяжела также тымъ, что она притъ во всякое время года изо дня въ день. Праздниковъ на при до самаго послъдняго времени не существовало, за исключенем дества, Пасхи и немногихъ другихъ; кромъ ихъ, рабочить дастодинъ или два раза въ мъсяцъ отдыхъ, которымъ они пользуют

Очередно; и зимой, и весной, и льтомъ, въ стужу, въ жаръ, въ дождь рабочій должень неизмінно находиться на своемъ посту и отработать свой разміръ земли, который простирается отъ 1 до 1½ куб. саж. на двухъ человівъ — забойщика и возчика. Зимою онъ меньше, літомъ больше и изміняется, кромі того, въ зависимости отъ свойствъ грунта. Еще тяжеліве такъ называемыя "ортовыя" работы; оні производятся тамъ, гді пласть слишкомъ толсть и его невыгодно "вскрывать". Тогда ведутся подъемныя работы: бъется широкій шурфъ и изъ него ведутся подъ землею въ разныя стороны "орты" — узкіе, длинные коридоры, боковыя стінки и верхъ которыхъ кріпятся двумя деревянными столбиками съ толстой перекладиной наверху, по мірті того, какъ выработка подвигается все дальше и дальше подъ землю. Можно себі, конечно, представить, каковы эти подземныя работы въ сырости и грязи, въ душномъ сумраків, освіщаемомъ світомъ сальныхъ свічей.

Вообще жизнь прінсковыхъ рабочихъ до последняго времени была весьма тяжелой. Не даромъ рабочіе прозвали прінсковую работу "вольной каторгой". Она дъйствительно была каторжной какъ по своей трудности, такъ и потому, что на рабочаго смотръли и обращались съ нимъ, какъ со скотомъ. Розга и кулачная расправа были въ полномъ ходу, а содержался рабочій и кормился поистин'в ужасно. Даже не в'врится разсказамъ объ этомъ недавнемъ прошломъ. Теперь уже далеко не то. Общій духъ гуманности, проникающій всюду, измізниль старые порядки и изміниль самого рабочаго. Раньше среди рабочихь преобладали ссыльные, нынъ же Алтайскіе пріиски нанимають рабочихь вь близлежащихъ мъстностяхъ. При наемкъ рабочему выдается задатокъ и очень крупный, такъ что ему иадо работать мізсяца 3—4 и болізе, чтобы отработать его. Всякій рабочій старается взять побольше задатокъ, такъ какъ онъ въ глазахъ его есть нъкоторая гарантія того, что золотопромышленникъ не выгонить его съ прінска, если онъ ему чъмъ-либо не понравится. Послъ наемки служащій ведеть нанятую партію рабочихь на прінскъ. Какъ собрать рабочихъ, такъ и привести ихъ на мъсто-дъло очень не легкое, потому что немедленно по получении задатковъ начинается безпросыпное пьянство, при чемъ пропиваются не только деньги, но и спускается съ себя все до рубашки, такъ что едва только партія рабочихъ подътжала къ деревит, какъ рабочіе разбъгаются по кабакамъ, и ихъ надо разыскивать, тащить силою, зачастую одівать и обувать. Многіе, получивъ задатокъ, скрываются, многіе бъгуть съ дороги и, наконецъ, бътутъ и съ пріиска. Съ пріиска побъти случаются уже въ весеннее время, когда тепло; бъгуть тв, которые еще остались должны къ этому времени. Отработавшій задатки рабочій не поб'яжить. Б'яжавшихъ рабочихъ часто ловятъ и сурово расправляются съ ними, но разъ не поймали, то за рабочимъ пропадаетъ все, такъ какъ хлопоты о взысканік

съ него не стоятъ затратъ на нихъ. Побъги рабочихъ и безнаказанность ихъ составляютъ самое больное мъсто золотопромышленниковъ хотя они и вызываются тяжелыми условіями прінсковой жизни. По прибытіи на прінски рабочіе водворяются въ предназначенныхъ для нвъжилищахъ, называемыхъ казармами. Тамъ живутъ вмъстъ въ одной большой комнатъ и холостые и женатые со своими женами и дътъми. Нары раздълены проходами и перегородками, такъ что для каждаго рабочаго есть мъсто, устроены отдъльныя сушильни, такъ что пришедний изъ разръза, промокшій и прозябшій рабочій можеть тамъ переодъться, переобуться и обсушить одежду, а не тащить всю грязь въ казарму.

Работа на пріискахъ начинаєтся рано—чуть свъть. По звону волокола или жельзной доски рабочіе идуть на работу, возвращаются ва
утренній чай, объдъ и ужинъ и шабашать. Число рабочихъ часовъ
различно: льтомъ больше, зимой—меньше; въ среднемъ можно принять
10 часовъ чистой работы. Кромъ собственно пріисковыхъ работь, на
пріискъ нужны и различные мастеровые. Изъ нихъ кузнецы и плотники
нужны ностоянно, кромъ того многихъ рабочихъ переводять съ земляной работы на различныя другія, напр., на рубку и распилку льса,
заготовку дровъ, выдълку кожъ. Особые рабочіе нужны въ конюха—для
присмотра за лошадьми, для возки почты, сопровожденія служащихъ и
при ихъ повздкахъ. Женщины исполняють работу прислугь и кухарокъ у служащихъ, а въ льтнее время, надъвъ мужскія шаровары,
занимаются часто и нетрудными мужскими работами, напр., отвозкой
гальки отъ машины. Эту работу зачастую исполняють и мальчикаподростки.

И рабочіе, и служащіе на пріискахъ обыкновенно находятся на хозяйскомъ содержаніи. Только служащіе иногда получають особыя суммы на содержаніе. Чай, сахаръ, различные товары, какъ-то: ситецъ, холсть, сукно, бродни, сапоги, азямы, шапки, табакъ, спички—все это рабочій береть изъ пріисковаго магазина за свой счеть, но при этомъ пріисковая администрація наблюдаеть за тѣмъ, чтобы рабочій не забиралъ лишняго и не залѣзалъ въ долгь. Цѣны на все устанавливаются въ амбарѣ очень высокія. Амбаръ тоже доходная статья для золотопромышленника, такъ какъ торговцевъ всякій золотопромышленникъ имѣеть право не допускать на пріискъ.

Работа, сонъ, ѣда — этимъ почти исчерпывается жизнь рабочаго въ будни. Если остается свободное время, надо его употребить на себя же: починить обувь, наладить инструменты и т. п. Разумныхъ развлеченій до самаго послѣдняго времени не существовало для рабочихъ. Въ праздички время идетъ на карты, пъянство, пляски, пѣніе и т. д.

сихъ поръ вино главное и единственное удовольствіе рабочихъ. къ вину такъ велика, что развила особый промыселъ—спирто-

Digitized by Google

THE OF SOLETIES IN THE PARTY OF SOLETIES IN TH A LATIT LIE & HABOPOPARISON 30 BOYTO LAT. Troop The Land Carpole The Carpole Car TOTAL TENTE BEROSES, TOTAL CAMES, PARTIES OF THE PA не от така The House to the state of the s THE STATE OF THE SECOND CONTRACTOR IN THE PROPERTY OF THE PROP TO BETTER OF THE SECTO TRAINING HOPES CATE она на заправи и в него на она потема на поте LITTLE SE TO SE CITARE, CCII HE OPERE TET HEREFER TO ENVIRON SERVICE SERVICES тобы за портине того, чтобы это золоти THE TO HE HAID. тили желе обыть очень значительной. Вы очень значать очень значать очень значать очень значать съ прінска. Задалиносатся рабочна инсомъ, товарачн и дента выпосата высата выпосата выпоса жана розсына на Алтав на настрания на Алтав на настрания на на настрания на настра оду выс. то то руб. — это хорошая выдача пра те высла. Пость расчета большая часть рабо THE OFFICE PARTED OF THE PROPERTY OF THE PROPE TE, BOTOPHE III. жиську режини тольки то, мусте из де.

За разсчитавшимися из де.

на про-нибудь на протревози съ собою что-небудь на про-The Table 15 тивнози съ собою что-нисудь спервые трячется, еще въ первые зонечно, тивтельно прячется, еще въ первые і зни. женечно, тщательно причогом, уже вы первые облегодаря этому, уже вы первые облегодаря эначительно облегодаря эначительно облегодаря обл OF STREET BY THE STREET HE RYTHTE HERPORATE. BESTERBANTCH SHOULD DANIEL TO THE HAMPOURLY DAGOGIE CE IDIRCEORS, за запрын ны взальсть рабоче сь прінсковь, на ваграння на взальсть рабоче сь прінсковь, на разгуль вы вы рабоче съ примента въ разгуль потребность рабочих въ разгуль потребность рабочих кутежан. ринскителя прославились своим кутежия.

3 Настранска прославились своим все, уто жил вада больно полить примымы безобразнымы образовы вызывший труда. Вызывший труда. Вызывший салоги, корошие салоги, таков и портине в можнатую папку, хороше сапога, себ в можнатую папку, хороше сапога, себ в можнатую папку, хороше сапога, папов необъятных разви-ВБ, ББОТЬ ТЕСЯСТ В ВЕЗАНЫЙ ГЭРУСНЫЙ ШАРФЬ НООБЯТНЫХ РОСТОИТИЯ ПОДДОВКУ, ВООРУМИТЕЛЯ ПОДДОВКУ, ВООРУМИТЕЛЯ ПОДДОВКУ, ВООРУМИТЕЛЯ ПОДДОВКУ СОРЫ. Сисністі и безпровіно пранствуєть. Деньги бросаются вак сорь.

В деньги безпровіння пранствуєть. Пранстиви по дорогі от ивали случан, что приневатель заставляль разстилать по дорогь от верению грязь и гордо предоставля в порто предоставля в гордо предоставля в горд Случан, что присватель заставлять разстиать по дородо по тома староть прямо въ осеннюю грязь и гордо по пома староть по нечь грязными сапогами, а окружающая его тоша стыль. живатывала и рвала этоть ситець. Конечно, при таков г. жно времени, чтобы спустить сначала денья, потметыть. одежду и затвмъ остаться въ жалить остаться в

а потому идти и снова наниматься на пріиски. Контингенть пріисковыхъ рабочихъ поэтому болье или менье постоянень. Надо замітить, что въ послідніе годы, послів улучшенія жизни рабочихъ, уменьшились и кутежи, и ність ужъ тісхъ поразительныхъ подвиговъ, о какихъ сохранились преданія.

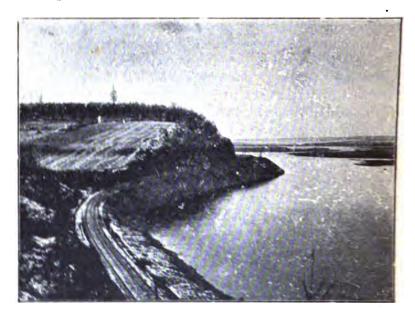
Поъздка въ Тункинскую долину.

(Н. Астырева.)

Озеро Байкалъ со всъхъ сторонъ окружено горными кряжами, составляющими отроги Саянскаго хребта; эти же отроги, развытвляясь. заполняють собою почти весь юго-западный уголь, образуемый р. Ангарой, при истокъ ея изъ озера. Не даромъ иркутяне называють эту ръку, "красавицей": она дъйствительно хороша мъстами; но большинство патріотовь-иркутянь восхищается ею сь чужихь словь, потому что Ангара подъ Иркутскомъ не представляетъ собой чего-нибудь особеннаго, а величаво-хороша она именно тамъ, гдъ и десятой доли ея восхвалителей никогда не бывало. Роскошные виды представляеть собой Ангара далеко отъ Иркутска, не ближе десятковъ и сотенъ верстъ, тамъ, гдв горные кряжи, одътые густыми лесами, близко надвигаются съ объихъ сторонъ къ быстро несущимся водамъ, раскидывая имъ къ тому же препятствія въвидь каменныхъ острововъсъ отвысно обсыченными боками, наподобіе кріпостныхъ стінь; или гдіз она, уже принявъ въ себя съ десятовъ также довольно крупныхъ рекъ, отвоевываетъ у каменныхъ оградъ русло въ версту ширины и разливается тихимъ, прямымъ, какъ каналъ, плесомъ въ нъсколько верстъ длиною. Хороша она также у самаго истока, гдъ грозный Байкаль какъ бы прорывается сквозь обступившую его со всъхъ сторонъ каменную стъну и въ образовавшееся ущелье спішить вылить избытокъ своихъ водъ... А ихъ много, этихъ водъ-чистыхъ, какъ кристаллъ, и холодныхъ, какъ весенніе потоки, порожденные тающими снігами: цілая масса рікь, різчекъ и ручьевъ ввергается въ Байкалъ съ горныхъ высотъ, а изъ него вытекаеть одна только Ангара. У бурять существуеть относительно этого остроумная аллегорія. "Разоряеть дочка старика Байкала,--говорять они. — Сколько ни стараются сыновья его сносить ему со всёхъ сторонъ добытыя ими богатства, а все растрачиваеть мотовка Ангара, и не можеть дальше богатьть старикъ".

При самомъ истокъ Ангары изъ Байкала, среди шумящихъ ея водъ, стоитъ возвеличенный молвою "Шаманскій камень"; въ населеніи существуєть повърье, что онъ, этотъ малюсенькій бълый утесикъ, едва-едва видивющійся изъ омывающихъ его водъ, сдерживаетъ напоръ всъхъ водъ байкальскихъ и что придетъ время, когда онъ сдастся,—и тогда

горе Иркутску: страшная водяная лавина ринется на городъ 1) и смостесто, не оставивъ камия на камиъ. Правда, подводная гряда утесовто образующихъ ложе ръки при ея истокъ, дъйствительно служитъ красча чашки иъ 600 верстъ длиною, которую представляетъ собой Байкалъ но край этотъ является не хрупкою стънкой, а сплошною каменнем массой, почвеннымъ материкомъ всей этой мъстности, и маленькій утесикъ, интересный только тъмъ, что вокругъ него, вслъдствіе массы познодныхъ камией, оглушительно шумятъ и бурлятъ ангаро-байкальскіх воды, слишкомъ жалокъ для того, чтобы играть роль върнаго стража и спасителя встъхъ прибрежныхъ селеній внизъ по Ангаръ, а въ томъ

Желфаная дорога по берегу Ангары.

числь и города Пркутска; тычь не менье, бурятская фантазія снабдыла этоть камень какими-то особенными тапиственными силами и считаєть его за самое евященное мьсто вы предълахь района, обитаємаго бурятами; клатва, данная бурятомы на Шаманскомы каметь или хотя бы только вы виду его, считаєтся самою торжественною клятвой, шутить которою никто иль шаманистовы не рышится; поэтому обещняемый вычемы вноуды кажномы, рышившійся совершать этоть обряды, осыбждаются оты какихь бы то ви было подогу бый и обящневій, и его не должна быть сь этихь поры вый воляємых сомебый. Оть бто

опотопия от Байкага въ 60 верстата в даспольжена ва валичн трету Лагары, котирак въ этима містадіїмальна вружденої з рятъ и русскіе переняли нівкоторое суевірное уваженіе въ этому камню; многіе даже крестятся, проізжая мимо него въ лодкахъ.

Отправляясь изъ Иркутска на юго-востокъ, въ Тункинскую долину, мы пересъчемъ Ангару только разъ на плашкотъ 1), подъ самымъ городомъ, и больше съ нею не встрътимся, а отъ озера Байкала увидимъ только самый южный заливь его, у села Култукскаго. Но съ тъми горными острогами Саяна, которые обступають Байкаль и стесняють бътъ Ангары, мы начнемъ имъть дъло со второй же дистанціи отъ Иркутска: мы будемъ безъ передышки то спускаться въ глубокія пади, отдъляющія одну гору отъ другой, то карабкаться по длиннымъ и крутымъ подъемамъ на гряды этихъ хребтовъ. Тяжела эта дорога, но она вознаграждается чудными видами, которые раскидываются каждый разъ передъ вашими глазами, когда запыхавшаяся тройка почтовыхъ коней преодольеть одинь изъ такихъ подъемовъ. Далеко, куда только взоръ хватить, волнообразно высятся одна надъ другою то острыя, то округленныя вершины горъ и холмовъ, съ ногъ до головы одётыхъ таежною растительностью, хмурою, угрюмою, но величавою въ своей несокрушимой мощи. На болъе свътлыхъ фонахъ лиственницъ и березъ мрачными пятнами выдъляются пушистыя пихты; высоко вздымаеть къ небесамъ свои могучія вытви царь сибирскихъ лівсовъ — роскошный кедръ; почти на одномъ уровнъ съ нимъ красуются золотисто-зеленыя короны его неразлучныхъ подругъ - гигантскихъ сосенъ; пониже, къ подножію горъ, тесно толиятся скромно одетыя чернички-короткоиглыя ели съ мшистыми стволами; и все это тянется изъ всёхъ своихъ силъ въ высь, поблеже въ источнику свъта, блещущему въ лазурной вышинъ солнцу, лучи котораго, однако, оказываются мізстами безсильными пробить этотъ толстый покровъ хвои и теряются въ немъ, не достигая земли. Тихо кругомъ, какъ можетъ быть тихо только въ совершенно безлюдномъ мъсть, вдали отъ всякаго мірского гомона и суеты; безмолвно стоять лъсные гиганты, какъ бы удивляясь вашему дерзкому появленію среди нихъ, - развъ изръдка прошумить порывъ полуденнаго вътра въ верши-

¹⁾ Сибирскіе плашкоты по своему устройству существенно отличаются отъ обыкновенныхъ русскихъ паромовъ. Общее устройство плашкота напоминаетъ маятникі: на длинномъ канатѣ, прикрѣпленномъ къ мертвому якорю, который опущенъ посреди рѣки, ходитъ отъ одного берега къ другому платформа, состоящая наъ двухъ лодокъ съ насталкой, носомъ обращенныхъ противъ теченія, и съ двумя большими рудями; канатъ поддерживается надъ водой десяткомъ и болѣе лодокъ, на которыхъ онъ покоится. Плашкотъ, отвяванный отъ пристани, напр., дѣваго берега, силою теченія отводится отъ нея; тогда рудямъ дается такое направляется носами къ правому берегу и плавно подходитъ въ нему, дѣлая отъ 20 до 30 саженъ въ менуту. Плашкоты удобны тѣмъ, что они требуютъ работы только одного человѣка—рулевого, на еще развѣ причальщика, складывающаго и накидывающаго чалки на пристаняхъ.

праклавшем воздуха: только такая буря, копраклавше отъ старости ласные гиганти; пробы проникнуть сквозь чащу до нижних:

пететавляеть собою участовъ тайги, по воза при праганъ: огромные стволы въковыхъ 🚤 т 💌 въ діаметр'в, лежать рядами, вырванные съ - - зами въ одну сторону, какъ подкошенный бурьянъ; ужомъ между этими преградами, но не стъс-- этэм черезь менъе крупные стволы, въ 10-12 верш-- 1. 2 гловя ихъ: такую лёсину легко перешагнетъ притропамъ верховая лошадь, да и легкія сани, при деревалять кое-какъ черезъ эту преграду, сначала --- этомъ къ небу, а потомъ ринувшись внизъ и тряхнувъ - злосчастнаго путника; о колесныхъ же путяхъ сооб-- - чель мельжыму участкахъ нечего пока и думать. Не легко трактамъ додямъ даже по культурнымъ трактамъ, въ родъ высоко, высоко, надъ головою вашей, когда вы 💶 🤟 памъ и глубокимъ падямъ, видижются облинившія скаты горъ - ш тревья; снизу они кажутся небольшими въточками, воткнузами-ребятишками, игры ради, въ рыхлую землю; масса тада в причекъ", сломанныхъ бурей или не удержавшихся по своей за каменистой почвъ, не дававшей ихъ корнямъ уходить въ и украиляться, — лежить на самыхъ скатахъ пади, задержанная 🗻 🐋 🚾 выденіи еще стоящими деревьями. А сильный візтеръ шумить такъ, наверху... Вы смотрите туда, закинувъ голову назадъ, и е жально соображаете, что останется отъ вась и отъ всей вашей тройки. у и гакам пятнадцатисаженная въточка слетить съ этой стосаженной вышлям, вы то время, какъ вы здесь шагомъ карабкаетесь по подъему?

А что, если такая воть штука да упадеть на насъ?—спрашиваю обрать спутника, уже видавшаго сибирскіе виды на своемъ въку.

Гу... да если еще въ самый глазъ угодитъ — плохо придется! оставлеть невозмутимо философъ и аппетитно укладывается спать, отжернующиесь въ уголь повозки.

Не постепение и вы привываете къ этому роду сильныхъ ощущенй и степение состерияете нависийе надъ вами стволы и узенькую потракта, отделенную отв глубокаго обрыва нъсколькими жиденьопили, израдка разставленными, и крутые спуски съ высокоторым в ны мчитесь сломя голову, чтобы нагнать время,
чедленный подъемъ шагомъ въ эту же гору.

лають ихъ далекіе собратья по профессіи на захолустныхъ почтовыхъ трактахъ Европейской Россіи: русскій ямщикъ любить іздить ровненькою рысцой, версть по 8 въ часъ, редко более; устануть слабыя лошаденки, онъ вдеть шагомъ, а потомъ опять трусцой, выматывая душу у нетеривливаго съдока. Сибирскій средній ямщикъ имбеть крыпкихъ коней и дълаеть на нихъ по 11-12 версть въ часъ (попадаются, конечно, такіе, которые едва-едва натягивають узаконенныя 10 версть, но есть зато лихачи, отмахивающіе по 15-ти и 18-ти; но тв и другіе представляють собой исключеніе), никогда не пуская лошадей шагомъ, кромъ какъ на длинныхъ и крутыхъ подъемахъ, -- маленькіе же онъ "беретъ" однимъ духомъ, пуская всю тройку вскокъ. Онъ вдетъ все время крупною рысью и пользуется спусками, чтобы превратить эту рысь въ бъщеную скачку, лишь бы кони поспъли за раскатившеюся телъгой; а чтобы дать вздохнуть лошадямъ, онъ одинъ или два раза на протяженіи станка, смотря по длинів его (обыкновенный станокъ-версть 20-25, но есть и въ 30-35 версть), останавливаеть ихъ, слезаеть съ козелъ, поправляетъ упряжь, выкуриваетъ трубочку и послв 3 — 5 минуть отдыха вскакиваеть на свое мъсто и съ какимъ-нибудь возгласомъ, въ родъ: "Эхъ, милыя, царапайся!"-летить въ атаку на новый горный подъемъ. Такая взда гораздо веселве и удобнве для пассажировъ. Пріемы ямщивовъ до ніжоторой степени характеризують самый нравъ населенія какъ россійскаго, уже привывшаго къ умітренности и бережливости, такъ и сибирскаго, еще имъющаго много случаевъ показать свою удаль, менве дорожащаго "животиной", которую ему, богачу по сравненію съ русскимъ, гораздо легче и нажить и прожить. Много вліяеть въ этомъ отношеніи и самая огромность разстояній сибирскихъ: съ нынъшней русской вздой тамъ далеко не увдешь.

Но вотъ и Култукъ—селеніе десятковъ изъ семи дворовъ, притиснутое горными кряжами къ самому Байкалу. Отсюда представляется роскошный видъ на это сибирское "море": опоясывающіе его хребты тянутся по объ стороны вдаль, сначала чистые, потомъ постепенно становясь фіолетовыми и, наконецъ, сливаются съ голубою далью, только слегка выръзываясь изъ нея на правомъ берегу нъжно серебристою полосой своихъ оголенныхъ вершинъ, называемыхъ поэтому "гольцами". Какъ зеркало спокойно озеро; легкою дымкой затянутъ горизонтъ; спокойно все кругомъ—мертвенно спокойно, ни одной лодочки не видно на дремлющихъ водахъ Байкала, куда глазъ хватаетъ; вся эта величавая тишь свидътельствуетъ о томъ, что человъкъ здъсь еще только гость, что онъ далеко не полный хозяинъ этихъ огромныхъ пространствъ, побъдоносно у него отстаивающихъ до сихъ поръ свою независимость.

Но то, чемъ вы, за взжій человекъ, такъ любуетесь и восхищаетесь, составляеть предметь тихой ненависти култуковцевь: въ окружающих

ихъ горахъ они находять едва-едва по три-четыре десятины на дворъ годной подъ пашню земли; тайга высылаеть на ихъ немногочисленныя стада хищныхъ звърей; Байкалъ годъ отъ году даеть имъ меньше рыбы... Поэтому-то житель култукскій занимается десяткомъ другихъ дълъ, кромъ земледълія, замъняя одно другимъ, смотря по времени года: онъ ходитъ въ извозъ и содержить постоялые дворы весною и осенью, когда черезъ Байкалъ нътъ ни саннаго пути, ни пароходнаго сообщенія; онъ охотникъ позднею осенью и зимою; онъ собираетъ кедровые оръхи въ сентябръ; онъ рыболовъ лътомъ и онъ... контрабандисть—

По кругобайнальскому тракту.

круглый годъ. Послъднее его занятіе обусловлено слъдующимъ обстоятельствомъ: въ Култукъ помъщается таможня, преграждающая доступъ по кругобайкальскому тракту въ Иркутскую губернію китайскимъ товарамъ, обращающимся безпошлинно въ Забайкальъ; но култуковцы знають, кромъ тракта, потайныя горныя тропинки въ своихъ гольцахъ, а таможенныхъ досмотрщиковъ немного и люди они пришлые, съ мъстностью незнакомые; такъ почему же,—разсуждаютъ култуковцы, самою природой, ихъ окружающею, осужденные на промысловый, не землевъвческій образъ жизни, — почему же и не заработать исподволь, въ ніе года, по нъскольку десятковъ рублей на брата за счетъ казны, ая и такъ богата?.. И зарабатываютъ понемногу, пропорціонально

сти и удали каждаго.

ţ

До сихъ поръ, до Култука, вы вхали въ юго-восточномъ направленіи отъ Иркутска; теперь кругобайкальскій тракть остается у васъ въ сторонъ, онъ начинаетъ загибать къ съверу, въ обходъ моря; вы же круго сворачиваете въ юго-западу: эти два направленія пути въ Тунку и прямой уголъ, ими образуемый, обусловливаются теченіемъ ръки Иркута, который описываеть большіе зигзаги, пробираясь между горными кряжами. Ръка эта довольно большая, но совершенно неудобная для судоходства, по случаю массы пороговъ и каменистыхъ островковъ; берега ея круты и высоки: въ нъкоторыхъ мъстахъ она течетъ или, върнъе, бурлитъ между двумя совершенно отвъсными стънами, образующими подобіе обширнаго воридора. Тункинская долина, въ которую вы теперь направляетесь, составляеть прирачную низменность Иркута и другой ръчки Тунки, впадающей въ Иркутъ; долина эта, то суживающаяся до 2-3 версть сдвигающимися хребтами гольцовъ, которые тянутся по объимъ ея сторонамъ, то расширяющаяся до 15-20 версть, чтобы опять сузиться къ южному ея концу, долина эта какъ бы отръзана целою массой горных переваловь отъ более северных, ровных в и низменныхъ районовъ Иркутской губернін, сравнительно густо заселенныхъ. Черезъ эти горные перевалы, глубокія пади и шумящія р'вчки приходится такать еще полтора перегона. Каждый разъ, какъ въважаешь на какую-нибудь гору, глядишь и глазъ оторвать не можешь отъ чудеснаго вида на тункинскіе гольцы, или "бълки", какъ ихъ называють по той ихъ особенности, что сныть на вершинахъ ихъ, въ мыстахъ, защищенныхъ отъ солнечныхъ лучей, сохраняется почти вруглый годъ: онъ сходить только недъли на двъ, въ концъ іюня и въ началъ іюля місяцевь; такимь образомь эти білки съ ніжоторою натяжкой могутъ быть причислены къ разряду горъ, достигающихъ линіи въчныхъ снъговъ. Но еще одна особенность выдъляеть ихъ изъ числа другихъ горныхъ хребтовъ этой мъстности, именно: тункинскіе бълки не имъють характерно выраженныхъ предгорій и сразу вырастають весьма крутыми или даже почти отвъсными склонами на ровной низменной долинь, не представляющей собой мыстами сколько-нибудь замытныхъ повышеній до самаго подножія хребта; это особенно бросается въ глаза въ нъкоторыхъ уголкахъ Коймарской долины, болотистой и кочковатой, проръзанной множествомъ ръчекъ и ручьевъ; вы можете мъстами вплоть подойти къ самому хребту гольцовъ и, не нагибаясь, коснуться руками твердыни, вздымающейся къ небесамъ передъ самымъ лицомъ вашимъ.

Помию, однажды вечеромъ, когда уже было темно, я прівхаль въ одинь бурятскій улусь, самый дальній изъ техь, которые расположены въ местности, называемой Коймарами, и, какъ мив говорили, лежащій всего въ 2—3 верстахъ отъ подножія белковъ; переночевавъ, я при пер-

вомъ проблескъ зари вышелъ изъ избы... и замеръ, пораженный в даннымъ зрълищемъ: прямо передо мною, подавлия своей массой, вы лась и ширилась, покуда глазъ хваталь, огромная каменная гром: еще мрачная внизу, гдв царствовали предутреннія сумерки, и гд. начинавшая свётлёть на высоте, — тамъ, гдё клубились, свертывали развертывались и извивались, какъ гигантскія змін, длинныя полод и мягкія толщи утренняго тумана. Граница мрака постепенно спусь лась кнезу, уступая свыту, и каменная громада все ярче окраливали въ цвъта радости и юности -- розовый и голубой; кое-гдъ разрывал. на время завъса тумановъ, давая возможность жадно заглянуть тур въ манящую высь, гдъ гордо прасовались, ослъпительно сіям подъ л. чами утренняго солнца, остроребрыя вершины хребта; синими и тече.фіолетовыми полосами въ видъ геометрическихъ фигуръ, преимущественно треугольниковъ, обращенныхъ однимъ угломъ жинзу, вырисовывались ущелья и разсълины, составляя эффектные контрасты съ сы:лыми бликами вершинъ; и всему этому калейдоскопическому рисунт мрачныхъ и нъжныхъ, темныхъ и яркихъ красокъ служило фоном: блъдно-голубое утреннее небо... Картина была роскошная, способныя поразить своими эффектами жителя равнинныхъ, однообразныхъ мъстностей Россіи; хотвлось бы вічно глядіть на эту величавую красоту горныхъ вершинъ, наблюдать переливы красокъ и теней на ихъ выстунахъ и въ разсълинахъ, хотвлось громво восторгаться изяществомь то волнообразной, то причудливо изломанной линіи контура хребта, какъ будто ръздомъ проведенной на лазурномъ фонъ небесъ.

- Какъ хорошо!— невольно воскликнулъ я. Стоявшій со мною бурять удивленно посмотр'єль на меня, потомъ радостно улыбнулся; овъ понялъ, въ чемъ д'єло и сочувственно отв'єтилъ мні на своемъ ломаномъ языкі:
- Больша, ухъ! кака больша гора! Но худой гора, звірь мало, промишлять ходить далеко надо, за гора...

Послѣдній спускъ съ горнаго хребта, кольцомъ обхватившаго Тунку,—и воть вы въвзжаете въ эту долину, гдв протекають рѣки Иркуть, Тунка, Талая, Ахаликъ, Комгырга и десять другихъ. Всв онв имвють горный характеръ: въ обыкновенное время скромно шумящія въ своихъ каменныхъ руслахъ, онв въ сильные дожди или въ періодъ таянія снѣговъ въ горахъ обращаются въ бѣшеные горные потоки, которые съ шумомъ и ревомъ ворочаютъ и уносятъ съ собою громадные камии, по аршину въ діаметръ и болѣе, рвутъ прибрежныя деревья съ корнемъ, сносятъ безчисленныя маленькія мельнички, устроенныя на нихъ, в прерываютъ всякое сообщеніе, потому что мостовъ здѣсь почти нѣтъ,— безполезно и разорительно было бы ихъ дѣлатъ тамъ, гдѣ ѣздять исключительно верхомъ и гдѣ обычной постройки мосты, могутъ продержаться чть до перваго паводка.

Въ Саянскихъ горахъ.

(Н. Астырева.)

Еще въ Иркутскъ я слышаль, что на р. Удъ, выше села Солонцовъ, есть удивительныя пещеры. 4 декабря 1888 года мы прітхали въ Солонцы, сговорились съ проводниками, крестьянами Шуртовыми, а на слъдующій день ръшили вытхать часа въ три ночи, чтобы успъть засвътло окончить осмотръ пещеръ и вытхать до ночи въ обратный путь. Всъ приготовленія кончены были еще съ вечера.

Сибирская, плохо построенная изба успъла за ночь сильно нахолодать. Когда меня осторожно разбудиль хозяинь, и я, при мгновенно воскресшей мысли о предстоящемъ удовольствіи, хотыль было тотчасъ же высвободиться изъ-подъ овчиннаго тулупа, то меня сразу кинуло въ дрожь и я юринуль назадъ въ нагрітое гивіздо.

— Оно точно, стыдь порядочная, — говориль сконфуженно мой хозяинъ Игнатъ Алексвичъ. — Однако, хозяйка сичасъ желвзную печь затапливать будеть, такъ изба живо нагрвется.

Я ухватился за этоть предлогь и съ наслажденіемъ еще плотнье укутался овчиной. Хозяйка громыхала польнами о стыки жельзной печи; скоро послышался шипъ и трескъ мерзлыхъ лиственичныхъ дровъ; фантастическіе отблески пламени начали перебытать по стынамъ комнаты, въ тщетныхъ усиліяхъ разогнать ночной мракъ. Игнатъ то и дъло хлопалъ дверями, готовясь въ путь: онъ былъ однимъ изъ двухъ ямщиковъ, взявшихся насъ везти. Его хозяйка спышно управлялась за перегородкой съ самоваромъ и съ жареньемъ пирожковъ къ чаю. Надо вставать!.. Я зажегъ свычу, досчиталъ до пяти и сразу вскочилъ, торопясь надывать валенки и теплое платье. Тымъ временемъ отъ печи стало уже нести тепломъ, а ночной мракъ испуганно спрятался въ самые дальніе углы нашей горницы, за сундуки, за шкапъ и наваленныя кучей дорожныя наши вёщи. Товарищъ все еще спалъ.

Зная по себъ, какъ отрезвляюще дъйствуеть на заспавшагося человъка чувство холода, я сдернулъ съ него доху. Онъ протестовалъ слабо, съ сознаніемъ правоты моихъ дъйствій; весело пыхтъвшій и фыркавшій самоваръ, внесенный хозяйкой, окончательно вселилъ въ него ръшимость, не откладывая дъла, приступить къ началу хлопотливаго дня.

Мы допивали чай и добдали горячіе, плававшіе въ маслѣ пирожки, камнемъ ложащієся на желудокъ непривычнаго къ сибирскому меню человѣка и только бодрящіе бывалаго странника, когда раздался звонъ бубенцовъ подъ окнами, фырканье лошадей и скрипъ морознаго снѣга подъ полозъями останавливающихся саней.

Мы вышли садиться. Озябшіе кони нетерпівливо филосина позвякивая бубенцами. Фигуры Шуртовых: 1хъ по

верхъ полушубковъ въ огромные бараны тулупы, съ общирными малахаями на головъ, съ ружьями за спиной, поразили насъ своимъ великольпіемъ и громадностью: мы едва узнали въ этихъ мастодонтахъ нашихъ вчерашнихъ знакомыхъ, скромно ежившихся на табуреткахъ и
отказывавшихся отъ дальнъйшаго угощенія послѣ каждой выпитой чашки.
Съдла, топоры и проч. были сложены къ нимъ въ розвальни; въ нашей легонькой кошевочкъ лежали только мъщокъ съ провизіей и драгоцънная бутылка съ виномъ, о цълости которой особенно любовно заботился Игнатъ.

— Готовы?.. Трогай! — раздалось съ переднихъ саней. Быстро замелькали мимо немногочисленные домишки села Солонецкаго; вотъ и послъдній.

Крутой поворотъ направо, куча мелкаго снъга, взметаннаго ногами коней и раскатившейся кошевкой, и вотъ—едва проложенная, но легкая дорожка по мелкольсью. Хоть холодно, но хорошо! Полный мъсяцъ разливаетъ предутренній молочно-серебристый свътъ, тихо трепещущій надъ глубоко задумавшимися полянами и перельсками; звъзды усиленно мерцаютъ, стараясь проникнуть своими нъжными лучами черезъ толіцу луннаго тумана, окутавшаго землю; тишина, властвующая въ этомъ заколдованномъ крав, не уступаетъ даже веселому звону бубенцовъ и окрику ямщиковъ: такъ и чувствуется, что нашъ поъздъ оживляетъ лишь крошечное пространство, со всъхъ сторонъ тъснимое громадой самоувъренной тиши, въками накоплявшейся въ тайникахъ этихъ боровъ и логовъ.

Воротникъ тудупа быстро покрывается непріятнымъ куржакомъ; глаза рѣжетъ какъ ножомъ, и слезы повисаютъ на рѣсницахъ, превращаясь въ льдинки; носъ надо отъ времени до времени внѣдрять въ нагрѣтыя шеей боковыя части воротника, боишься шевельнуть рукою или ногою, чтобы не пустить подъ одѣвающую насъ кошму струю непрошеннаго двадцатиградуснаго мороза. И тѣмъ не менѣе такъ ве́село и легко на душѣ, какъ рѣдко бывало даже во время наиболѣе комфортабельныхъ переѣздовъ по лучшей дорогѣ, въ просторныхъ, крытыхъ саняхъ. Радуешься тому, что впереди — цѣлый день неиспытаннаго удовольствія, цѣлый рядъ новыхъ ощущеній.

Предстояло сдёлать версть тридцать или тридцать пять. Первая треть пути шла по м'встности, носившей еще на себ'в слёды близости челов'вка: тамъ и здёсь попадались еще небольшіе зароды накошеннаго сёна; на краю поляны видн'влся иногда легкій балаганъ изъ большихъ кусковъ коры лиственницы, которыми обкладывають остовъ изъ жердей, составленныхъ въ конусъ; полотно дороги достаточно ясно выд'влялось изъ окружавшихъ ее пространствъ лёса, луговъ и болотъ; въ двухътехъ м'встахъ оказались даже легкіе мостотчи, переброшенные черезъ

Digitized by Google

гопкіе въ лѣтнее время ручьи. Но вотъ пошла настоящая дичь: ни одного саннаго слѣда, ни признака человѣка; дорога—тамъ, гдѣ стоящія и лежащія деревья дають возможность проѣхать; а гдѣ ихъ мало, гамъ еще легче сбиться съ прямого пути, и ямщики ѣдуть наугадъ, или руководствуются затесами на деревьяхъ, сдѣланными топоромъ любителей-рыболововъ, которые изрѣдка, разъ въ два года, проѣзжають этой глухой тропой на одинъ рыбный плесъ р. Уды. Вверхъ, внизъ по пригоркамъ, опять вверхъ, внизъ,—и чудится, что этой вереницѣ пригорковъ и лѣсныхъ гигантовъ конца не будетъ... Кошевка переваливается съ боку на бокъ, круто вздымается на лѣсину, лежащую поперекъ нашего пути, обрывается съ нея внизъ, издавая зловѣщій хряскъ, но мы—уже опытные путники, сидимъ твердо, прижавшись всѣмъ корпусомъ въ уголъ и упираясь ногами въ передокъ: принявъ такія мѣры предосторожности, мы вылетимъ въ снѣгъ только въ томъ случаѣ, если кошевка перевернется вверхъ дномъ.

Вотъ и солнце взошло, брызнувъ золотыми лучами по ослѣпительнобѣлому покрову земли и деревьевъ.

- Эхъ, поздненько въ дорогу собрались, какъ бы не опоздать! замъчаеть въ унисонъ нашимъ мыслямъ Игнатъ.
 - А что, далеко еще осталось?
- Да верстами-то недалече, а главное-то дорожка поиспортится, вотъ, какъ спускаться начнемъ, тутъ плохое мъстечко будетъ...

Еще поиспортится?!.. А намъ думалось, что мы вкусили уже отъ предъльныхъ неудобствъ таежной дороги!..

Да, все въ мірѣ относительно,— въ этомъ я еще разъ убѣдился, когда начался спускъ по дну каменистой пади. Онъ тянулся только съ версту, но дѣлали мы его не меньше часу. Огромные камни, на которые приходилось втаскивать и съ которыхъ мы на рукахъ спускали кошевку, преграждали путь; трещины и рытвины — на каждомъ шагу; незамерзшій еще горный ручеекъ, журчащій въ глубинѣ каменнаго, въ аршинъ шириною, канала, черезъ этотъ каналъ прыгали мы—люди, лошади, сани—одни граціознѣе другихъ, и хлопъ! кто-нибудь оступается и падаетъ, вызывая общій веселый хохотъ. Послѣ первой же сотни шаговъ стало такъ жарко, что тулупъ надо было бросить въ сани, но и подъ легкимъ полушубкомъ-пиджакомъ поть струился градомъ.

Чемъ глубже мы спускались, темъ красиве становились бока пади. Все выше и выше уходили отъ насъ, купаясь въ золоте утренняго солнца и въ бледной бирюзе чистаго неба, лесные гиганты, свесившиеся надъ самыми краями каменныхъ утесовъ. Здесь, внизу, еще царятъ предутрення сумерки, еще таятся ночныя тени, а глянешь вверхъ—все тамъ залито блескомъ, нестерпимымъ для незащищеннаго глянешь вредъ реди все шире и шире становится панорама долины р.

внизу, широкая, нальво и направо скрывающаяся за боковыми утесами былосивжная лента рыки, высокія и мрачныя, темной тайгой опушенных горы напротивь, спускающіяся къ рыкы почти отвысной стыной. Въ правомъ углу картины видиылась коническая вершина этой гряды, господствующая надъ всей мыстностью.

— Вотъ, въ этой самой вершинъ пещеры и есть; только ихъ не ви-

Видъ въ Саянскихъ горахъ.

дать снизу,—говорить Константинъ Шуртовъ.

Но меня сейчасъ занимають не отдаленныя еще и къ тому же невидныя пещеры, а утесъ, стоящій нальво, у устья нади и представляющій ръзкій контрастъ своимъ яркокраснымъ цветомъ съ окружающими его сврыми, зелеными и голубыми тонами лъсной растительности и неба. Будто циклопы сложили эту громаду изъ правильно обтесанныхъ камней: ясно видны снизу прямоугольныя трещины, отдаляющія одинъ циклопическихъ размівровъ кирпичъ отъ другого; хорошо сохранился отвысь стывь, но парапеть ихъ и бастіоны уже разруша-

ются: по угламъ ихъ происходить осыпь измельченныхъ вѣтромъ и водою буро-красныхъ, желѣзистыхъ породъ песчаника, а край стѣны уже глубоко изрѣзанъ мощною рукою времени, представляя рядъ неправильной формы зубцовъ. На противоположной сторонѣ устья пади также высится утесъ, но не столь грозный, съ округленными формами и одѣтый растительнымъ покровомъ. Позади насъ, въ вершинѣ пади, откуда мы только что спускались, эти два удинскихъ стража медленно сдвигаются, сжимая отҳѣляощее ихъ другъ отъ друга пространство—высохшее ложе горнаго потока.

Я безмолвно удивлялся этой суровой картинв чисто сибирской природы, какъ вдругъ раздался выстрвлъ. Его звукъ глухо и лвниво поползъ въ глубину пади и съ утроенной силой вернулся оттуда, перекатываясь отъ одного утеса къ другому. Это младшій Шуртовъ догадался познакомить насъ съ известнымъ ему эффектнымъ эхо этой местности.

Съли въ кошевку и быстро помчались по низменной береговой полосъ Уды; небольшой прыжокъ на ледъ ръки, еще полверсты до другого берега, и вотъ мы на мъстъ. Надо устраивать станъ.

Лошади отпряжены и стоять въ сторонъ. Веселый огонь шипить и трещить въ костръ, искусно сложенномъ опытными въ этомъ дълъ та-ежниками; повъшенный на сошкахъ мъдный чайникъ сейчасъ закипитъ; всъ мы сидимъ, поджавъ ноги, на кошмахъ вокругъ разложенной на тюменскомъ ковръ провизіи. Какъ вкусна разогрътая на угляхъ баранина, какъ хорошо пробъжалъ по жиламъ глотокъ изъ тщательно сохраненной Игнатомъ бутылки! Челюсти всъхъ такъ усердно жуютъ, что разговоры ведутся самые отрывочные. А вотъ и чай, горячій-горячій, въ чашкахъ, ручки которыхъ холодны какъ ледъ!.. Никогда ни одинъ культурный пикникъ не проходилъ для меня такъ радостно, какъ этотъ незатъйливый завтракъ въ глуши нижне-удинской тайги, въ тридцати верстахъ отъ ближайшаго жилья!

— Однако, собираться надо, — говорить старшій Шуртовъ: — туть еще добрыхъ версты три будеть.

Оба ямщика объявляють свое намерение также посмотреть пещеры: "въ кои-то веки доведется быть еще, а може и вовсе не доведется!"

Но такъ какъ лошадей всего четыре, то сверхкомплектнымъ экскурсантамъ придется идти пъшкомъ.

— Ничаго, — говоритъ, радостно ухмыляясь, Игнатъ, — мы отъ васъ не отстанемъ: въ гору-то не дюже шибко и вы поъдете!

Лошади осъдланы; мы садимся; раздаются послъдніе окрики: "свъчи взяли? веревки гдъ?.. Ахъ, гръхи,—веревку въдь забыли!.. Ну, вожжу давай! А топоръ?.. Ладно, пошелъ!" На стану вещи остаются раскиданными: ихъ берется стеречь суровый стражъ—сама тайга; только баранину и хлъбъ на всякій случай, подвъсили въ мъшкъ на сукъ.

Начинается довольно крутой подъемъ по заросшей лѣсомъ горѣ. Четверо всадниковъ ѣдутъ то въ хвостъ одинъ другому, то выбирая каждый себѣ путь по вкусу. По сторонамъ смотрѣть почти некогда: надо зорко слѣдить за конемъ, чтобы не удариться колѣномъ о дерево, надо глядѣть въ оба, чтобы вытянувшейся вѣткой не исцаранать себѣ лица. Двое пѣшихъ туристовъ пошли кратчайшей дорогой къ намѣченному пункту встрѣчи по болѣе крутому подъему: мы ихъ давно потеряли изъ вида, и я высказываю свое безпокойство о нихъ Константину Шуртову.

— Они-то заблудятся? Чай, на промысель тоже не одинъ годъ уже ходять. Раньше нашего дойдугъ.

Кругомъ тайга; даже полотно ръки и противоположный низкій берегь, все уходившій вглубь по мъръ того какъ мы поднимались, скрылись у насъ изъ виду. Тъмъ не менье, прівхавъ какъ разъ на условленный пункть, къ выдающемуся на ръку уступу горы, мы застали уже на мъстъ нашихъ пъшеходовъ, мирно покуривавщихъ трубочки. Здъсь надо было спъшиться, привязать коней и дальше идти уже пъшкомъ.

Мы вышли на самый край уступа и по узенькому карнизу стали огибать вершину горы, еще высоко поднимавшуюся надъ нами. Сначала было недурно идти; но чемъ дальше, темъ карнизъ становился уже и, наконецъ, сощелъ на нътъ: приходилось идти по очень крутому косогору, градусовъ 60-ти наклономъ, имъя надъ головой массивъ каменной отвъсной громады, а внизу, на стосаженной глубинь, ледъ ръки Уды. Весь откосъ покрыть быль мелкимъ листвякомъ; крупныхъ деревъ не было, потому что мелкій слой почвы не выдерживаль большой тяжести. и переросшее норму дерево, вырванное съ корнемъ первой значительной бурей, падало, увлекая съ собой еще нъсколько сосъдей и ломая встръчный молодятникъ; тамъ, далеко внизу, лежали цълые ряды и баррикады этихъ жердей. По словамъ Шуртовыхъ, летомъ было удобно подниматься по откосу прямо съ ръки, цъпляясь за эту поросль; но зимой она служила плохую службу; ставъ хрупкими отъ мороза, мелкія деревца ломались подъ рукой какъ гнилушки, и только обманывали насъ. Снъгъ, сравнявшій подъ общей пеленой всъ впадины и выступы, еще болье мышаль успыху нашего движенія: ноги скользили, руки безуспъшно цъпляясь за жидкіе пучки травы, выглядывавшіе изъ-подъ снъга, и неуклюжія фигуры туристовъ въ полушубкахъ и катанкахъ одна за другой сползали на нъсколько саженъ внизъ, до перваго серьезнаго препятствія-остроребраго камня или полувзрослой листвены, крізпче другихъ сидящей въ трещинъ скалы.

Наши вожаки справлялись съ трудностями пути, конечно, болье удовлетворительно, нежели мы, и далеко ушли впередъ; ямщики, не взявшіе на себя никакой обязанности по отношенію въ намъ, также хлопотали только о себъ; и вотъ мы съ товарищемъ остались въ самомъ хвость экспедиціи. Напрасны были наши окрики: шедшіе впереди не слышали ихъ, поглощенные интересомъ минуты, или не обращали на нихъ вниманія... Наконецъ, случился эпизодъ, доказавшій мнъ, что чъло такъ идти дальше не можетъ": товарищъ поскользнулся и повисъ рукъ, вытянувшись во всю длину своего тъла по откосу и безподно болтая ногами; я, желая придти къ нему на помощь, уперся на нятый съ земли сукъ и... хряскъ! сукъ разлетается на мелкіе

куски, а я, перекувырнувшись, совершаю на спина большое путешествіе книзу...

Не знаю, какъ далеко я отклонился бы отъ истиннаго направленія пути, если бы мнъ не встрътилась благодътельная преграда въ видъ поперекъ лежавшаго ствола лиственницы, упиравшагося о молодыя, вертикально росшія особи. Почувствовавъ, что мое непроизвольное путешествіе закончилось, я оглянулся: не за что ухватиться рукой, не на что поставить ногу, да и пошевелиться даже боязно; а тамъ, повыше, все еще безпомощно висить на рукахъ мой спутникъ.

- Шуртовы!.. Игнать!..—взываемъ мы. Ни отклика, ни звука!.. Я проникаюсь важностью минуты, энергично вынимаю изъ чехла револьверъ и дълаю два выстръла. Это дъйствуетъ: сначала слышатся окрики, а потомъ изъ-за одного выступа скалы показываются и наши усердные проводники.
- Вы что жъ это насъ бросили? Развѣ можно такъ?—говорю и по возможности строже, игнорируя наше комично-горестное положеніе, когда они помощью вожжей принялись извлекать насъ.
- Да мы, что жъ?.. Дорожка, думали, одна: сбиться, значить, некуда, — спокойно дойдете; а поди жъ ты вотъ, какая оказія приключилась!
- То-то оказія!.. Н'ють, пріятели, теперь воть какъ: одинъ изъ васъ ступай впередъ, а другой позади насъ. Этакъ намъ много спокойн'ю будетъ.

Дъйствительно, при новомъ расположении силъ, экспедиція пошла значительно успъшнъе впередъ, и черезъ четверть часа мы стали уже твердой ногой на ровную платформу, сдълавъ около трехъ четвертей версты (по глазомъру) вдоль этого памятнаго для насъ карниза.

 Вотъ, здъсь и есть входъ въ малую пещеру; вотъ онъ! — указалъ Константинъ на зіявшую въ толщъ горы, какъ ночь темную, щель.

Я оглянулся предварительно кругомъ—и забылъ на время о пещеръ; было чъмъ залюбоваться.

Глубоко внизу подъ нами тянулась бълая лента Уды: направо она уходила вдаль, налъво круго загибала подъ береговыми утесами и терялась въ цъломъ рядъ коническихъ вершинъ, обступившихъ ее съ объихъ сторонъ. Вся мъстность, сколько могъ обнять глазъ, была заставлена этими громадами: изъ-за ближайшихъ, суровыхъ и мрачныхъ, выглядывалъ второй рядъ, уже болъе свътлыхъ тоновъ, а тамъ, заслоняя горизонтъ, вырисовывались на голубоватомъ фонъ неба бълыя остроребрыя пирамиды Саянскихъ хребтовъ. Тишина надъ этой величественной картиной царила невозмутимая...

Въ совершенно отвъсной части утеса, нъсколько саженъ ниже его вершины, поросшей лъсомъ, зіяетъ темнымъ пятномъ гротъ; со всъхъ

жодятъ K_{Γ} регъ, лись : влеш уже 3дъ ıđn OU 66н. r

II. Digitized by Lat 1000 C

— А что на нихъ смотръть?.. Ишь ихъ сколько!

Варвары, варвары!.. Я готовъ былъ плакать, если бы умѣлъ, надъ разбитыми вазами и чашами, осколки которыхъ жалобно хрустѣли подъмоими ногами.

Время подвигалось быстро впередъ, такъ что приходилось разстаться съ чудесами пещеры.

Выбравшись на наружную площадку, мы вст съ облегчениемъ вздохнули... Горы начали покрываться легкой дымкой наступавшихъ сумерекъ; двъ-три яркія звъзды уже загорались на потемнъвшемъ горизонть; последніе золотистые лучи догоравшей зари пытались еще придать радостный колорить картинь, но угрюмый сумракъ зимней ночи уже надвигался быстрыми шагами съ съверо-востока, затушевывая мелкія подробности ландшафта и напоминая намъ, что пора идти къ стану, если мы хотимь избытнуть ночного путешествія верхомь по откосамь горь, не имън даже таежной тропы передъ собою. Въ знакъ радости мы дали нъсколько выстръловъ изъ ружья и револьвера, прислушались къ раскатамъ ихъ, замиравшимъ вдали въ излучинъ ръки, и собрались въ обратный путь. Но неужели очять идти по этому надобдливому и небезопасному карнизу? Нельзя ли пройти другимъ путемъ, продолженіемъ предыдущаго, - нъсколько обогнуть утесъ, въ удобномъ мъсть подняться на его платформу и по ней дойти до мъста, гдъ привязаны кони? Этоть путь показался мив заманчивымь, потому что выступь карниза по ту сторону пещеры, до перваго поворота, который его скрывалъ изъ глазъ, былъ довольно широкъ и удобенъ для пешехода. Я послалъ старшаго Шуртова осмотръть карнизъ за поворотомъ и опредълить, легокъ ли будетъ подъемъ на платформу утеса. Онъ ушелъ, а мы закурили трубки и папиросы, усъвшись на камияхъ, и оживленно бесъдовали о видънномъ. Черезъ нъсколько минутъ къ намъ долетълъ окрикъ развъдчика:

— Го-го!.. Илите смѣло!

Мы двинулись. До поворота, гдѣ насъ ожидалъ Николай, дѣло шло хорошо; но чѣмъ дальше, тѣмъ карнизъ становился уже и, наконецъ, сталъ сходить на нѣтъ. А крутизна откоса становилась все болѣе зловѣща, хотя, можетъ быть, это только такъ казалось, благодаря наступившимъ уже въ глубинѣ сумеркамъ. Наконецъ стали: дальше въ горизонтальномъ направленіи идти было нельзя.

. — Чего же это вы смотръли? Куда вы насъ завели?... Что жъ, теперь опять назадъ ворочаться?!

На наши гивные упреки развъдчикъ виновато объяснилъ, что онъ "по этой дорожкъ допрежъ не хаживалъ, а теперь глянулъ впередъ оно будто ладно показалось,—а вотъ, поди жъ, какая оказія приключилась!"

сторонъ леленин рукою ности и Матері слании родъг.этир М 4 наго чис. наг по на M: 3.

ent a 15 ze tubsih

восьмисаженную вожжу, начинаеть подниматься коренастый и тяжелый Шуртовъ.

— Куда лъзещь? Въдь веревка можеть лопнуть! Жди, пока тебъ крикнуть!

На сл'ідующемъ подъем' та же исторія: опять, не дождавшись сигнала, Шуртовъ начинаеть лізть, подвергая себя, и моего спутника чрезвычайной опасности.

- Оставаться на мъстъ, или...
- Да скучно здівсь одному!

Тогда было, дъйствительно, не до веселья, но долго потомъ разбиралъ меня смъхъ каждый разъ, какъ вспомню, бывало, коренастаго, шестипудового мужика, "промышлёнаго", коренного таежника, которому "скучно", т.-е. боязно, оставаться одному въ восьми саженяхъ отъ товарищей.

Семь разъ закидываль Игнать веревку. Воть пошель голый камень: сныть не держался на этой открытой для вытровь скаль; воть уже ныть темной громады надъ самой головой; воть еще нысколько шаговъ, сдыланныхъ уже безъ помощи веревки... Ухъ, какъ славно сидыть подъзащитой каменной глыбы, на подвытренной ея сторонь, и сущиться около костра, уже разведеннаго расторопнымъ Игнатомъ! Мы поднялись этой отчаянной дорожкой саженъ на семьдесятъ надъ горизонтомъ пещеры, а надъ уровнемъ рыки находились въ 170 саженяхъ; высшая же точка этого утеса, оставшаяся нысколько въ сторонь отъ насъ, имъетъ до 215 саженъ высоты.

Теперь надо было искать лошадей; мы зашли съ другой стороны, а въ темнотъ трудно было вполнъ оріентироваться, такъ что насъ тревожила мысль, скоро ли ихъ удастся найти. Но не прошло и четверти часа послъ того, какъ ямщики отправились на розыски, — и отдаленные крики ихъ возвъстили намъ, что лошади уже найдены. Мы пошли на голоса.

- Къ самой кручъ подошелъ, за темью-то чуть было не слетълъ! разсказывалъ Игнатъ.
- Ну, думаю, гдъ-нибудь туть онъ должны быть! Посвисталь этакъ, а жеребчикъ мой откликается,—заржалъ! Соскучился, видно.

Вотъ знакомый уже отлогій спускъ къ стану. Кони торопятся къ корму,— надо ихъ сдерживать. Бду, ничего не видя подъ ногами коня; раза два слъзалъ на крутыхъ откосахъ. Ну, наконецъ, мы и дома!.. Домомъ, уютнымъ, прелестнымъ, показалось миъ наше становище на открытомъ берегу Уды.

Еще ярче, чъмъ утромъ, пылаетъ костеръ, обдавая насъ пріятнымъ с тепломъ. Мы теперь пьемъ чай и тримъ не торопясь, потому что надо выкармливать коней да и луна должна вскорт взойти, и тогда лучше चानक कार्याक सर्वध Figure Constant

The second of th

P H N На берегу его раскинулось огромное, богатое торговое село Лиственничное. Длинная линія домовъ протянулась по набережной у подножія высокихъ горъ. У набережной флотилія лодокъ разныхъ разміровъ, плотовъ большихъ и малыхъ; а неподалеку у пристани дымятся пароходы, совершающіе свои рейсы по Байкалу.

Туть же находится и докъ, въ которомъ быль выстроенъ огромный ледоколь для перевозки вагоновъ съ одного берега Байкала на другой. Желъзнодорожный путь подходитъ къ самому озеру, переходитъ на молъ, вдающійся въ озеро; къ нему вплотную подходилъ ледоколъ, на палубъ

Паромъ-ледоколъ на Байкалѣ.

котораго также проложены рельсы, вагоны ставились на палубу парохода и перевозились на немъ на другой берегъ. Лишь въ 1904 году была проведена кругобайкальская желъзная дорога отъ с. Лиственничнаго до другого берега.

Свъжестью и прохладой въетъ съ озера. Байкалъ движется и какъ бы дышить. Волны съ слабымъ плескомъ разбиваются о крутые берега. На томъ берегу возвышается цъпь высокихъ горъ, внизу черныхъ, покрытыхъ лъсомъ, а выше —болъе свътлыхъ.

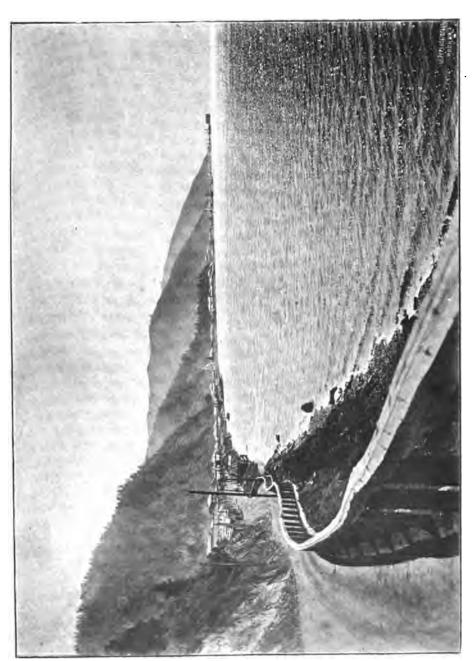
Байкаль—одно изъ самыхъ большихъ озеръ въ мірѣ. Оно имѣетъ площадь въ 30.000 кв. верстъ, до 650 верстъ въ длину и до 80 въ ширину. Его вытянутая форма напоминаетъ Адріатическое море, съ которымъ Байкалъ и равняется по величинѣ. Это самое глубокое озеро

въ мірѣ. "Святое море", какъ его называютъ буряты, замкнуто въ высокой котловинѣ, дежащей на 1.660 фут. надъ уровнемъ моря. Во многихъ мѣстахъ глубина достигаетъ 600 саженъ. Недавно экспедиція, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ работавшая надъ изученіемъ Байкала, нашла недалеко отъ с. Лиственничнаго глубину въ 850 саженъ. Вода въ озерѣ очень холодна и прозрачна. Цѣпь горъ, окружающая Байкалъ, прерывается въ двухъ мѣстахъ, образуя "ворота" для впаденія и истока Ангары. Около 300 рѣкъ впадаетъ въ озеро; изъ нихъ наиболѣе крупныя судоходны, какъ Ангара, Селенга, Баргузинъ.

Ангара и количество воды въ ней вполнѣ зависять отъ Байкала. Въ срединѣ лѣта, когда въ горахъ происходить усиленное таянье снѣговъ, рѣка поднимаеть свой уровень; а весной Ангара, въ противоположность другимъ рѣкамъ, дѣлается мелководной, и на ней въ нѣкоторые годы въ это время прекращается судоходство. Въ это время, т.-е. весной, въ Байкалѣ воды не прибываетъ: его притоки текутъ изъ Забайкалья, гдѣ зимы безснѣжны, и потому рѣки весной несутъ мало воды. Самые большіе разливы Ангары бываютъ позднею осенью, когда сѣверный участокъ ея замерзаетъ, а Байкалъ выливаетъ еще избытокъ своихъ водъ. Тогда въ рѣкѣ появляется масса ледяной шуги, которая плыветъ внизъ, наслаивается, образуетъ ледяныя горы до 20 и болѣе саженъ высотой, пока, наконецъ, вся рѣка не покроется шероховатою ледяною корой. Весной ледяныя горы трескаются, отрываютъ отъ береговъ цѣлыя скалы и уносятъ ихъ съ собою по теченію. Нерѣдко вслѣдствіе этого рельефъ дна сильно измѣняется, и это составляетъ немалое затрудненіе для судоходства.

Скалистые берега Байкала почти всё покрыты лёсомъ и отличаются дикою красотою. Скалы состоять изъ темнаго гнейса, который черными пятнами выдёляется на яркомъ покровё зелени. Только изрёдка, тамъ, гдё находятся дельты настоящихъ или прежде бывшихъ рёкъ, скалы прерываются обширными и совершенно плоскими низинами, покрытыми или сочной травой, или веселымъ, молодымъ лёсомъ. У западнаго берега, приблизительно на половинё его длины, растянулся на цёлыхъ 60 версть островъ Ольхонъ, на холмистомъ хребтё котораго буряты пасуть свои многочисленныя стада; съ противоположной стороны, у восточнаго берега, нёсколько впрочемъ сёвернёе, находится полуостровъ Святой Носъ, связанный съ материкомъ перешейкомъ, скалистый и мёстами неприступный, поросшій таєжнымъ лёсомъ.

Климать Байкала суровь и отличается большими крайностями; льтомъ температура поднимается до 30° и даже выше, зимою же спускается до —40 и 45°. Неръдко разница между температурой дня и ночи льтомъ бываеть 30°. Ясная поверхность озера, голубоватые тона, сглаживающіе отдаленыя очертанія береговъ, необыкновенно быстро мъняются; вдругь похолодъеть вслъдствіе того, что съ съверо-запада глубокимъ

Digitized by Google

ущельемъ между скалами неожиданно вырвется холодная струя воздуха; небо нахмурится; по грязно-стальной поверхности озера заходить врупная и быстро растущая зыбь; не пройдеть и десяти минуть, какъ пѣнистыя, куда-то спѣшащія и нагоняющія другь друга волны съ сухимъ, жесткимъ звукомъ уже шлепаются о берегъ, поднимаясь затѣмъ все выше и выше и обдавая пѣною насупившіяся прибрежныя скалы. Наступившая было тишина нарушается неистовымъ воемъ вѣтра, который съ каждою секундою усиливается и прерывается глухими выстрѣлами прибоя. Это—такъ называемая "сорма", и если она подкрадывается въ темнотъ, то быть въ такую минуту на озерѣ дѣйствительно ужасно. Но затѣмъ сорма можетъ такъ же быстро (часа въ 2 — 3) и пройти, и наступившее утро встрѣчаетъ васъ, умывшись, привѣтливой и ласковой улыбкой. Природа успокомлась и обновилась; звуки ясны, и даль прозрачна.

Ознакомившись съ берегами Байкала, мы предприняли прогулку по самому озеру. Былъ ясный день, немного засвъжъло, озеро покрылось рябью, и кое-гдт показывались бълячки. Мы взошли на палубу; пароходъ, слегка покачиваясь, описавъ полукругъ, понесъ насъ къ западному берегу Святого моря. Съ середины озера видны отчетливо оба берега. Лиственничное-какъ на ладони, имъетъ видъ маленькаго приморскаго порта. Такъ и кажется, что это небольшой портъ Средиземнаго моря, что появятся матросы въ синихъ рубахахъ съ отворотани и, переваливаясь съ ноги на ногу, заговорять на итальянскомъ или греческомъ языкъ. Глазами ищешь невольно продавца губокъ или трактирнаго музыканта съ арфой или мандолиной въ рукъ. Лиственничное за нами; мы проходимъ мимо воротъ. Шаманскій камень стоить одиноко; Ангара сердито толкаетъ его, покрываетъ пъной и какъ бы хочетъ увлечь его и расширить себъ выходъ, но утесъ стоитъ кръпко и борется съ ръкой. Зато работаетъ морозъ-върный помощникъ Ангары. Ледъ трескаясь отламываетъ куски камня, и эта медленная, но постоянная работа сотретъ со временемъ великана.

Но и ворота миноваль пароходь; воть рядомъ съ нами моль—ледокольная пристань, за нимъ скалистые утесы полуостровомъ вдвигаются въ Байкалъ. За полуостровомъ заливъ. Прекрасное горное ущелье, поросшее яркою зеленью и массой цвътовъ, переходитъ въ дно залива. Отдали якорь, поправили канатъ, и пароходъ остановился. На озеро спущена шлюпка. Матросы съли у веселъ, и мы поплыли къ берегу. Берегь отлогій покрытый мелкими камнями. Далье по сочной травъ струится тихо црозрачный ручей. Кусты, широко разросшись, скрываютъ идущую по склону горы тропинку, а тамъ тайга, и всюду пвъты. Роскошные, крупные, растутъ они дико, но такъ пышно, какъ будто опытный садовникъ ухаживалъ за нями. Вдали затоковалъ тетеревъ, отозвалась иволга, и высоко, высоко закричаль ястребъ. Въ такой мъстности можно просидъть въ мечтахъ цълый день.

Но раздались людскіе голоса; это другая шлюпка подплывала къ берегу, а на ней матросы съ неводомъ. Подали одинъ конецъ снастей нашимъ гребцамъ, и началась ловля. Вытащили—ничего, другой разъ закинули, третій—опять ни одной рыбы. Насъ это поразило. По разсказамъ, Байкалъ изобилуетъ рыбой, а у насъ неудача. Одинъ изъ матросовъ, опытный рыбакъ, постоянный житель побережья, объяснилъ, что въ это время года, въ особенности при сильномъ вѣтрѣ, вся рыба уходитъ къ сѣверо-восточному берегу озера. Рыбой Байкалъ дѣйствительно богатъ и по качеству, и по количеству; въ немъ водятся осетръ, налимъ, окунь, карась, язь, хайрюзъ и, главнымъ образомъ, омуль. Омуля въ Байкалѣ ловять на сотни тысячъ рублей, засаливаютъ, коптятъ и вялятъ. Соленая рыба эта имѣетъ вкусъ хорошей голландской селедки, и ее называютъ сибирской сельдью.

Переночевавъ въ Лиственничномъ на пароходъ, мы переправились на другой берегъ до станціи Мысовой. Вътеръ утихъ, рябь и бълянки исчезли, а вмъсто нихъ появилась мертвая зыбь, началась какая-то неопредъленная качка. Приноровиться къ ней немыслимо; морскія путешествія можно вынести прекрасно, а здъсь, на Байкалъ, почти незамьтное, но постоянно перемънное и мелкое движеніе вызываеть не то головокруженіе, не то сонливость.

Пароходъ присталъ. Сошедши на берегъ послѣ трехчасового хода, мы были уже въ Забайкальскомъ краѣ. Этотъ короткій путь возможенъ только лѣтомъ. Весной, во время таянья льда, и осенью, во время замерзанія, приходится ѣхать по круго-байкальской почтовой дорогѣ, что увеличиваетъ путь болѣе чѣмъ на 250 верстъ. Зимой переправляются по льду на лошадяхъ. Ѣзда эта не всегда безопасна. Нерѣдки сильные бураны; ледъ трескается, даетъ широкія полыньи и иной разъ поглощаетъ путниковъ съ лошадьми и санями. Однако безслѣдно, говорятъ, никто не погибъ. Байкалъ весной выбрасываетъ на берегъ все, что было въ немъ погребено зимой. Это свойство Байкала, частыя сильныя бури на немъ и землетрясенія въ окрестностяхъ вызываютъ у обитающихъ по его берегамъ бурять и тунгусовъ религіозный страхъ; они приносили Байкалу жертвы и до сего еще времени молятся на него и называютъ святымъ.

Верхнеудинскіе буряты.

(Потаниной.)

Буряты верхнеудинскаго округа живуть по правому берегу Уды. чытавъ изъ Верхнеудинска по дорогь въ Читу, мы видимъ вправо большой дороги Уду, мъстами совсъмъ близко подходящую въ до-

рогь, слъва — небольшой горный хребеть, поросшій хвойнымъ льсомъ. Ръка, довольно многоводная и широкая, поражаеть своею пустынностью, на ней почти никогда не видно ни лодокъ, ни плотовъ; большая дорога также мало оживлена лътомъ; обозовъ по ней почти совсъмъ нътъ. Долина Уды не представляеть луговъ въ точномъ смыслъ этого слова, потому что растительность, ее покрывающая, степная. Вдали, ближе къ горамъ, степь бълбеть отъ мелкихъ полынокъ или къ осени краснъеть оть солянковыхь, ярко окрашенныхь въ малиновый цвъть. Дорога также мъстами покрыта солончаковыми лужами, которыя, высыхая, покрываются бізловатой корой; въ стороніз виднізются даже настоящіе "гуджиры" — мъста, куда русскіе выважають брать эту солончаковую пыль для мытья половъ. Ближе къ ръкъ иногда видны болье зеленыя дуговины, поросшія осокой. Въ верстахъ шести отъ города показывается первое ущелье въ горахъ, откуда вытекаетъ ръчка Онгоуотай, и по этой рычкы видны жилища бурять. Точно такія же узкія ущелья съ вытекающими изъ нихъ ручьями тянутся вдоль всего хребта. За Онгоуотаемъ следуеть целый рядь другихъ рекъ. По этимъ-то речкамъ и располагаются бурятскіе улусы.

Улусъ можно переводить словомъ деревня, но это далеко не то же самое. Буряты не живутъ деревнями — каждый житель улуса живетъ своей усадьбой, общее у нихъ только ръка, пользованіе водой изъ которой только и соединяетъ ихъ въ одно общество. Подъ деревней мы привыкли представлять рядъ домовъ съ общей улицей, съ рядами амбаровъ, бань, съ кузницей при въёздё и рядомъ колодцевъ вдоль улицы; ничего этого не видно въ бурятскомъ улусё.

Провзжая по дорогь, вы видите, какъ изъ ущельевъ выбъгають на долину то тутъ, то тамъ отдъльно расположенные домики. Если они, подходя къ ръкъ или сжатые боками ущелья, сидятъ иногда довольно густо, то все же въ расположеніи построекъ замътно стремленіе выстроиться по возможности отдъльно отъ сосъда. Нъкоторые изъ этихъ домовъ пусты,—это значитъ, что бурята въ нихъ только зимуютъ, а на лъто переходятъ въ другое жилье. Иногда зимніе и лътніе дома отстоять всего на нъсколько саженъ одинъ отъ другого. Такой обычай увеличиваетъ число построекъ; страна кажется населеннъе, чъмъ она есть въ дъйствительности.

Итакъ, улусъ составляется изъ домовъ, построенныхъ вразсыпную, гдъ одинъ домъ выбъжалъ на большую дорогу, другой, напротивъ, углубился въ поле между горами, и его видно только, когда подъъдешь совсъмъ близко, и половина домовъ въ улусъ стоитъ пустая. Часть домовъ въ каждомъ улусъ носитъ совершенно русскій характеръ: избы—въ два или три окна, иногда даже съ покрашенными ставнями; оконнистим—со стекольчатыми рамами. Около дома — амбары, и все это огоро-

жено частоколомъ или пряслами на большое пространство. Другая часть домовъ носитъ болъе бурятскій характеръ. Это по большей части длинный сарай, сложенный изъ тонкихъ бревенъ, безъ оконъ и безъ крыльца. Что это-человъческое жилье, можно узнать лишь по тому, что изъ четырехугольной прорызки въ кровль, замъняющей окно и трубу, постоянно тянется дымокъ. Габ-нибудь неподалеку отгорожено пряслами мёсто, куда загоняють на ночь телять, да телега, чаще всего двужколеска, брошена гдъ-нибудь возлъ-вотъ и всъ признаки человъческа го обитанія. Прясла, огораживающія зимники, обыкновенно занимають большія пространства, потому что буряты на этихъ земляхъ, унавоженныхъ на зиму скотомъ, косятъ свое лучшее съно. Около лътника загородки нъть, скоть бродить лътомъ по всей степи, спасаясь отъ жары въ льсу и забираясь на высоты отъ комаровъ и мошекъ. Ущелья съ ихъ ръчками и широкимъ, но хорошо орошеннымъ дугомъ обыкновенно представляють очень красивыя міста. Чтобы увеличить покось, буряты обыкновенно отводять рычку въ канавы и такимъ образомъ орошаютъ возможно большее пространство. Вследствіе орошенія ихъ луга во все лъто имъютъ самый цвътущій, ярко-зеленый видъ, и на нихъ не перестають цвъсти травы до конца льта. И воть, когда стоишь при входъ въ ущелье, передъ глазами открывается картина, всѣ части которой какъ будто расположены искуснымъ художникомъ: внизу—яркая полоса луга, справа и слева-бока ущелья, одетые сосновымъ лесомъ, и даль, замыкающаяся синеватыми, дымчатыми вершинами перевала; на днв ущельябурливая ръчка, пробирающаяся по камнямъ среди березъ, ольхъ, ветелъ, и гигантскіе стволы стройныхъ елей и яркихъ лиственницъ, илущихъ вдоль подошвы горъ и выдёляющихся своими красивыми вершинами на болъе мрачной зелени сосенъ.

Внутреннее убранство зимняго и лътняго дома, несмотря на наружную разницу, у здъшнихъ бурятъ одинаково. Весной, переселяясь въ свою лътовку, бурятъ перетаскиваетъ въ нее и весь свой скарбъ. Въ лътнемъ его помъщении ръдко бываетъ настланъ полъ, чаще всего подъ ногами земля. Противъ входа поставленъ пестро разрисованный, въ національномъ бурятскомъ вкусъ, комодъ и на немъ нъсколько буддійскихъ идоловъ, передъ которыми, даже и у самыхъ бъдныхъ, всегда стоятъ маленькія жертвенныя мъдныя чашечки, "суксу" по здъшнему произношеню, налитыя водой и насыпанныя зерномъ или наполненныя масломъ. Тутъ же непремънно есть какія-нибудь украшенія: то искусственные цвъты, то вазочки стеклянныя, фарфоровыя или металлическія, иногда тутъ же лежатъ священный колокольчикъ и мъдныя музыкальныя тарельи, и среди всъхъ этихъ священныхъ предметовъ и украшеній стоитъ такъ букетъ изъ полевыхъ цвътовъ въ русскомъ чайникъ, утратившемъ ручку, или въ фигурной бутылкъ, искусно превращенной въ ставанъ.

Часто на одномъ комодъ идолы не помъщаются, и тогда рядомъ стоятъ толики съ бурханами, драпированные яркими платками или ковриками. Зядомъ съ такими столиками, вдоль той же стъны, противоположной коду, стоитъ обыкновенно деревянная кушетка—постель хозяина дома, астланная войлоками съ большой квадратной подушкой, на бокахъ коорой, украшенныхъ вышивкой, непремънно блестятъ серебряныя или ообще какія-нибудь металлическія украшенія и вставки изъ коралловъ.

аще всего поверхъ ой неудобной старинри подушк**и вал**яются ыкновенныя русскія душки въ ситцевыхъ волочкахъ. Рядомъ кушеткой — опять моды, шкафики и керки, всегда своей эятской работы, расшенные въ узоръ. огда у ствиъ стоять іе же пестрые суни, на полу нальво гда постланы войа для сидѣнья и гавлены столы, скаки въ полъ-аршина ты. Сейчасъ жe во отъ входа иноесть лавка и полка посуды, а чаще да стоить прямо емлъ. Въ этомъ стоитъ кадушка сой *) и саба для товленія айрика.

Бурятка.

о около войлоковъ иногда стоить люлька—длинный, какъ салазки, ь, сдёланный изъ лубковъ, съ дномъ на выгнутыхъ обручахъ, ые помогаютъ раскачиваться колыбели, какъ только немного нать ее въ одну сторону. Середина пола подъ прорежкой въ кровле очагомъ, т.-е. здёсь стоитъ желёзный трехногій таганъ для котла, которымъ почти постоянно курится огонь. Только у боле бога-

тыхъ людей въ зимникахъ есть столы и стулья русскаго фасона, но, какъ можно предполагать, бурятской работы. Обыкновенно же въ зимникахъ вдоль стънъ устраиваютъ небольшія, вершковъ шесть вышиною, возвышенія изъ дерева, и это замъняетъ постели и диваны. Зато почти во всъхъ зимникахъ вдълана въ печь обыкновенная кухонная плита, и кушанье варятъ на ней.

Въ одеждъ верхнеудинскіе буряты также кръпко держатся своего; всъ они носятъ халаты монгольскаго фасона, монгольскіе сапоги, которые шьютъ дома ихъ женщины, и островерхія, также домашней работы, шапки, непремънно украшенныя пунцовой шелковой кистью на верхушкъ; въ настоящее время всъ буряты подъ халатомъ, кромъ штановъ, носятъ дабовую или ситцевую рубаху. Замъчательно, что, несмотря на близкое сосъдство съ русскими, буряты для своихъ нарядныхъ халатовъ предпочитаютъ китайскія матеріи и украшенія.

Впрочемъ, молодое поколъние въ настоящее время предпочитаетъ носить русские сапоги. Сверхъ этого монгольскаго костюма въ дурную погоду здъшние буряты непремънно надъваютъ на себя русскую шинель. Называютъ они ее "соба", и очень въроятно, что это слово есть испорченное русское "шуба".

Женщины еще менъе заимствовали для своего костюма у русскихъ; русскаго у нихъ только ситецъ на рубахъ. На головъ непремънно должна быть надъта шапка, одинаковая съ мужской, также съ бархатнымъ околышемъ и пунцовою кистью, и часто съ серебрянымъ остріемъ поверхъ кисти. Сверхъ того женщины за ушами втыкаютъ въ волоса двъ палочки, общитыя матеріей, которыя торчатъ отъ ушей горизонтально. Къ этимъ палочкамъ по праздникамъ подвъшиваютъ цълые ряды цъпочекъ и серебряныхъ подвъсокъ, протянутыхъ съ одной палочки до другой и развъшанныхъ по груди.

По праздникамъ буряты одъваются очень нарядно, почти у каждаго и каждой есть яркій шелковый халатъ, есть серебряныя украшенія, но дома одъваются неряшливо, носятъ вещь до послъдней крайности, и такъ какъ халаты никогда не моются, то они покрываются всевозможными пятнами и лоснятся отъ грязи. Даже ситцевыя рубахи буряты моютъ ръдко, и достаточные люди одъваются и держатся грязно.

Но праздниковъ у бурятъ мало; въ лѣто, можетъ быть, случится два-три съѣзда: одинъ—въ ближайшемъ монастырѣ въ годовой праздникъ, другой—на ближайшемъ мѣстномъ обонѣ, гдѣ-нибудь въ окрестныхъ горахъ и, можетъ быть, еще какой-нибудь случайный праздникъ, въ родѣ свадьбы у сосѣдей; на лѣтнихъ съѣзжихъ праздникахъ въ монастыряхъ и обонахъ устраиваются старинныя увеселенія—конскіе бѣга, борьба силачей; зимой празднуютъ одинъ только Цаганъ-Саръ, т.-е. праздникъ новаго года, начало весны. Этотъ день празднуютъ болѣе

домашнимъ образомъ: въ каждой семъв стряпаютъ, ждутъ гостей. Всв жители одного улуса стараются побывать другъ у друга, поздравить съ новымъ годомъ, при этомъ молодежь обмвнивается гостинцами. Эти визиты служатъ также предлогомъ катанья; въ этотъ праздникъ—онъ продолжается три дня — всв стараются щеголять лошадями, сбруей, санями. "На дровняхъ въ праздникъ не повдешь", говорятъ буряты. Вечеромъ устраиваются игры и пвніе. Подобныя же вечеринки устраиваются также у сговоренныхъ неввсть или даже просто въ твхъ домахъ, гдв много молодежи; устраиваются онв осенью послв окончанія работы, а также и зимой: осень буряты считаютъ самымъ веселымъ временемъ года.

Главный предметь хозяйства у здёшнихъ бурять—сёно, а подъ него землю не приходится ни пахать, ни боронить. Весь трудъ сводится къ поливкъ, т.-е. къ пропусканію воды въ канавы; каждому домохозяину придется сдёлать это раза три-четыре въ лъто; затёмъ — городьба луговъ во избъжаніе потравъ.

Лътомъ и весной есть два занятія у бурятъ, неизвъстныя русскимъ это заготовленіе арсы и заготовленіе подстилки для скота на зиму. Послъднее дълается такъ: весной навозъ со дворовъ вывозятъ въ одну кучу и затъмъ размельчають его лопатами въ порошокъ, оставляя въ такомъ видъ просохнуть въ продолженіе лъта; зимой этимъ сухимъ навозомъ посыпаютъ снътъ тамъ, гдъ скотъ укладывается на ночь. Высокія кучи эти придають оригинальность бурятскимъ зимовкамъ.

Кромѣ того, въ большихъ бурятскихъ хозяйствахъ изъ молока въ лѣтнюю пору гонятъ молочную водку. Дѣлаютъ это главнымъ образомъ затѣмъ, чтобы остатки при перегонѣ обратить въ годовой запасъ пищи, извѣстной у бурятъ подъ именемъ арсы. Этихъ творожныхъ скоповъ или арсы буряты стараются наготовить какъ можно больше. Еще недавно арса составляла почти исключительную пищу бурятъ; въ настоящее время въ каждомъ семействѣ кромѣ арсы ѣдятъ хлѣбъ изъ ржаной муки. Для ѣды арсу варятъ, разводя водой и свѣжимъ молокомъ, если таковое есть, и подправляя ржаной мукой. На приготовленіе айрика, кислаго молока, изъ котораго гонятъ водку, и арсы бурятская женщина тратитъ часа два или три каждый разъ, но это дѣлается обыкновенно не каждый день, а когда айрику скопится много. Другихъ запасовъ пищи у бурятъ не дѣлается обыкновенно.

Весь бурятскій народъ ділится на 11 племенъ; каждое племя подразділяется на нісколько родовъ, или аймаковъ. До недавняго времени буряты управлялись наслідственными князьями—тайшами и старшинами. Русское правительство учредило между ними степныя думы, гдіз засіздаютъ старшины родовъ. Въ Иркутской губерніи въ настоящее время буряты управляются инородческими управами: тайшей у нихъ уже ність; да и тамъ, гдв власть тайшей сохраняется еще, это уже не наслъдственное званіе, а должность по избранію. Инородческія управы — то же, что наши волости; онъ управляются головой; переписка какъ въ нихъ. такъ и въ думахъ ведется по-русски.

Явыкъ бурятъ монгольскій, по произношенію онъ ближе къ западномонгольскому. Въ настоящее время, живя среди русскихъ, буряты за-

Буряты.

зывамъ народныхъ учителей, дъти бурятъ по способностямъ не ниже русскихъ дътей и почти всъ

Настоящая древняя релі ществуеть и у другихъ наг

Въ настоящее время ша бытная, перестало уже удог шли къ христіанству или бу,

имствовали много словъ русскихъ, а мъстами и совсъмъ усвоили русскій языкъ; въ этихъ случаяхъ бурятскій языкъ дольше сохраняется между женщинами.

Буряты своей письменности не им ьють, и потому въ школахъ, устраиваемыхъ русскимъ правительствомъ, введена русская грамота. Въ Забайкальъ, гдъ бурятское населеніе живеть почти сплошной массой и гдъ оно примыкаеть на югь къ своимъ сосъдямъ - монголамъ, имъющимъ письменность, буряты чаще изучаютъ родственную имъ грамоту монгольскую. По от-

ъ способность къ рисованію. же религія су-

> Digitized by ь них перенхъ сильно,

кажъ это мы видимъ у съверо-западныхъ бурятъ, они почти всъ крещены; въ Забайкальъ, гдъ связи съ Монголіей кръпче, буддизмъ распространился по всему краю и держится кръпко.

По Забайкалью.

(Бродовича.)

Почтовый тракть по Забайкалью пересвиаеть вдоль всю область. Яблоновый хребеть раздёляеть ее на двё части: сёверо-западную и юговосточную. Первая — богата лівсомъ; отроги хребта образують въ ней много долинъ и дають начало ръкамъ, быстро текущимъ къ Байкалу. Дорога по этой части Забайвалья очень живописна. Сначала идеть она по берегу самаго озера, рядомъ съ желъзнодорожнымъ путемъ. Байкаль то скроется за возвышенностью, покрытой хвойнымь лесомь, то опять представится во всей своей красъ, отражая голубое небо въ глубокихъ водахъ. Красота видовъ восхищаетъ только въ началъ пути. Пеудобство дороги и ужасная тряска отвлекають ваше вниманіе. Справа отъ почтоваго тракта для проведенія полотна жельзной дороги необходимо было сделать выемку въ склоне целаго ряда гранитныхъ горъ, ихъ взрывали порохомъ, и осколки камней засыпали колесный путь. Тарантасъ качается во всв стороны, мы поминутно переваливаемся то вправо, то влево, обивая другь другу бока и локти. На следующій день мы прибыли въ Верхнеудинскъ.

Городъ этотъ лежитъ у сліянія рікъ Уды съ Селенгой. У въізда, справа на горі, громадная каменная тюрьма, обнесенная білой стіной, имієть видъ замка; нісколько даліве раскинулся красивый городъ. Положеніе Верхнеудинска на главномъ пути отъ Амура къ Иркутску и большая пристань на р. Селенгі, по которой ходятъ суда отъ Кяхты до Байкала, ділають его транзитнымъ пунктомъ европейскихъ и китайскихъ товаровъ. Торговля его значительна, обороты ярмарки достигаютъ 2-хъ милліоновъ рублей. Китайскіе товары не обложены пошлиной и потому весьма дешевы. Самый лучшій черный чай не дороже 90 к. за фунтъ. Разница въ цінів на шелка еще значительніве.

Улицы чистыя, широкія, дома большею частью деревянные, но содержатся опрятно. Жители города преимущественно русскіе и буряты.
Нъсколько десятковъ китайцевъ заняты торговлей. Женская прогимназія, нъсколько начальныхъ школь и увздное училище просвъщають дътей болье зажиточныхъ обывателей. Въ пріють арестантскихъ дътей
обучаются дъти преступниковъ и самаго бъднаго класса верхнеудинскихъ
жителей.

Изъ Верхнеудинска почти вплоть до Читы дорога идетъ нъсколько

удаляясь отъ полотна новаго Великаго Сибирскаго пути, по долинъ р. Уды. Безграничная степь, поросшая буйной травой, раскинулась передъ нами; лъсистыя горы остались позади. Тучи заволокли небо, и сталъ моросить дождь, сначала маленькій, затъмъ все сильнъе и сильнъе. На тарантасахъ поставили верхъ. Слъва, съ юго-востока, поднялся небольшой вътеръ и сталъ задувать капли черезъ щели. Несмотря на это, первое время ъхать было сносно. Но мале-по-малу старая кожа на верхахъ промокла, и вода цълыми струйками потекла за воротникъ и подъ сидънья. Лошади все хуже и хуже, еле плетутся, мъстами совсъмъ

Видъ въ Забайкальъ.

устають, приходится посылать въ ближайшее селеніе или почтовую станцію за новыми и стоять по цѣлымъ часамъ въ полѣ на дождѣ. Но в этотъ пріемъ приводить не всегда къ желанному результату. На станціяхъ недостатокъ лошадей. Ъдущіе по своей надобности ждутъ по пятв и болѣе сутокъ очереди. У крестьянъ достать подводу почти немыслимо. Сибирская язва истребила лошадей массами и все еще не прекращается, поражая иногда и людей. Оставшіяся лошади измучены, исхудали. Приходится запрягать подозрительныя клячи въ тарантасъ. По дорогѣ мы оставили двѣ лошади въ полѣ. Дождь льетъ. Мухи, разсадники заразы, прячась отъ дождя, забрались въ тарантасъ. Настроеніе у всѣхъ пасмурное. Страхъ передъ заразой заставилъ насъ надѣть перчатки и прикрыть головы сѣтками.

Въ селахъ, мимо которыхъ мы проважаемъ, много бурятъ. По-русски они понимаютъ мало. Русскіе, живущіе среди бурятъ, предпочитаютъ говорить между собою по-бурятски. Далье по пути въ деревняхъ русскихъ все меньше и меньше. Подъъзжаемъ къ станціи Онинской. Отъ нея въ двухъ верстахъ находится бурятскій дацанъ.

Большинство бурять исповъдують буддійскую религію (ламаизмъ). Главой духовенства считается Далай-Лама, живущій въ Тибетъ. Представителемъ русскихъ буддистовъ является Бандодо-Хамба, иначе Хамба-Лама, выбранный старъйшими бурятами—родоначальниками и духовенствомъ. Выборъ Высочайше утверждается по представленію министра внутреннихъ дълъ. Мъстопребываніе Хамба-Ламы въ Гусиноозерскомъ дацанъ, близъ Байкала.

Во всёхъ дацанахъ, или монастыряхъ, живутъ ламы—монахи и ихъ настоятель— шуретуй. Образованіе свое ламы получають первоначально въ школахъ при дацанахъ, а затёмъ ёдуть въ Тибеть, гдё продолжають ученіе и держать экзаменъ. Возвратившись на родину, они обязаны подвергнуться испытанію по русскому языку и затёмъ утверждаются въ званіи штатнаго духовнаго лица—ламы. По штату духовенство это немногочисленно, на самомъ же дёлё ламъ значительно больше. Среди бурять существуеть вёрованіе, что лама ограждаеть свой родъ отъ всякихъ несчастій, а потому каждая семья старается имёть хоть одного ламу среди своихъ близкихъ, тёмъ болёе, что духовные у нихъ пользуются большимъ уваженіемъ. Лама, и даже ученикъ, желающій со временемъ стать духовнымъ, обрекаеть себя на безбрачіе и обязанъ вести трезвую жизнь. На самомъ дёлё это далеко не такъ.

Находясь такъ близко отъ дацана, мы свернули съ пути, чтобы познакомиться съ устройствомъ этихъ монастырей. Среди небольшого селенія, въ сто приблизительно дворовъ, стоитъ высокій храмъ, построенный наподобіе витайской пагоды, обнесенный заборомъ. Стіны и колонны этого зданія изукрашены изображеніями фантастическихъ звітрей и чудовищъ; преобладающія краски—зеленая и желтая. У входа висятъ длинныя шелковыя ленты съ надписями на тибетскомъ языкть. На встахъ заборахъ кругомъ домиковъ-келій, на вітвяхъ близкихъ деревьевъ, на шестахъ, вбитыхъ въ землю,—вездів навізшаны тоненькіе лоскуточки матеріи, моточки нитокъ, конскій волосъ. Буряты говорять, что это—жертвоприношеніе ихъ божествамъ, что эти лоскуточки, колыхаясь отъ вітра, молятся за нихъ и отклоняютъ бітдствія.

Мы завхали къ шуретую. Живеть онъ въ самомъ большомъ домв. Онъ встрътилъ насъ, въ сопровождени 30-ти ламъ, у входа и черезъ переводчика попросилъ къ себъ въ гости. Всъ ламы и шуретуй одъты въ длинные желтые халаты, въ родъ рясы изъ узорчатой матеріи, и поверхъ этого носять такого же цвъта мангіи, задрапированныя наподобіе рим-

ской тоги на одномъ плечъ. Голова покрыта высокимъ желтымъ колпакомъ, напоминающимъ по формъ головной уборъ католическихъ епископовъ. Шуретуй, а за нимъ и весь его синклитъ, низко кланяясь,
указали намъ мъста за длиннымъ столомъ на диванахъ, покрытыхъ подушками того же желтаго цвъта. Служителя, ученики ламъ, что-то въ
родъ послушниковъ, принесли чай въ стаканахъ и кондитерское печенье. Завязался разговоръ. По глазамъ и выраженію лица шуретуя и
нъкоторыхъ ламъ было видно, что они прекрасно понимаютъ русскую
ръчь, но всъ они дълали видъ, что не могутъ говорить, и одинъ
изъ присутствовавшихъ бурятъ переводилъ наши и ихъ вопросы и
отвъты.

Послѣ чая шуретуй предложилъ послѣдовать за нимъ въ храмъ и совершить молебствіе о здравіи Государя Императора. Сопровождаемые ламами, послушниками въ красныхъ халатахъ и заштатными духовными въ такихъ же халатахъ, но съ мантіей на правой рукѣ, съ настоятелемъ во главѣ, мы направились въ божницу. У порога стояли мальчики и трубили въ длинныя, прямыя, раскрашенныя трубы, то опуская ихъ къ землѣ, въ нашу сторону, то поднимая кверху, въ сторону храма. Мы вошли. Посрединѣ задней стѣны стояла, а вѣрнѣе—сидѣла, фигура—золоченое изображеніе Будды, почти въ натуральную человѣческую величину. По сторонамъ—два меньшихъ изображенія, а еще далѣе, у стѣнки, справа и слѣва, полочки, а на нихъ тысяча малыхъ идоловъ (бурхановъ). Посрединѣ храма поставлены низенькія скамьи, на нихъ намъ указали мѣсто; ламы встали кругомъ, а шуретуй сѣлъ на высокомъ креслѣ передъ небольшимъ столикомъ, на которомъ лежали необходимые для богослуженія предметы.

Взяль онъ въ руки какую-то катушку, и тотчасъ ламы начали въ унисонъ напъвать однообразный мотивъ, постепенно возвышая голосъ. Когда пъніе раздалось уже громко, нъкоторые изъ нихъ стали хриплымъ голосомъ издавать звуки, сильно напоминающіе лай собакъ. Шуретуй подняль какой-то новый предметъ, зазвучали трубы, раздалось бряцанье ударяемыхъ другъ о друга металлическихъ тарелокъ и звукъ котловъ и бубновъ. Настоятель сдълалъ опять новое движеніе, и та же молитва повторилась съ тъмъ же лаемъ и тъми же звуками трубъ и бубновъ.

Послѣ молебствія шуретуй увель насъ къ себѣ обѣдать. Къ обѣду была подана баранина во всѣхъ видахъ: супъ, вареная баранина, жареный барашекъ, пельмени вареные, жареные, —всего было подано вдесятеро больше, чѣмъ можно съѣсть. Вино удѣльныхъ погребовъ и, какъ десертъ, конфеты Абрикосова. За обѣдомъ узнали мы, что ламы занимаются астрологіей, гадають по особымъ таблицамъ, написаннымъ на тибетскомъ языкъ. Среди нихъ есть спеціально занимающіеся врачеваніемъ. Такъ называемая тибетская медицина, примѣняемая ламами,

есть соединеніе вынесенныхъ изъ Тибета медицинскихъ свѣдѣній съ мѣстными предразсудками, заговорами, остатками прежняго шаманства. Главныя средства ламъ—травы, которыми такъ изобилуютъ степи, опій, ванны, массажъ, припарки всѣхъ видовъ и формъ и дѣйствіе внушеніемъ, особаго рода гипнотизмъ. Среди мѣстнаго населенія сильно развита вѣра въ познанія и врачебное искусство ламъ. Впослѣдствіи я узналь отъ врача, жившаго долго среди бурятъ и изучавшаго ихъ способы лѣченія, что многія изъ ихъ травъ примѣняются въ научной медицинѣ,

Бурятскій дацанъ.

другія—совершенно безвредны, были испытываемы, но никакихъ дъйствующихъ началъ въ себъ не содержатъ.

Передъ отъвздомъ изъ дацана шуретуй, прощаясь съ нами, каждому подарилъ "ходакъ"—шелковый платокъ свро-голубого цвъта, на которомъ выткано изображеніе божества, бурханъ, и какіе-то знаки. Ходаки эти должны, по ихъ мнѣнію, предохранять путниковъ отъ несчастныхъ случаевъ. Дарятъ буряты эти ходаки дорогимъ гостямъ въ знакъ большого уваженія; подавая ихъ, низко кланяясь въ поясъ, двумя руками, на которыхъ лежитъ расправленный "ходакъ", захватываютъ правую руку гостя и завертывають ее, кладя накрестъ концы шелковой матеріи.

Далъе продолжали мы путь подъ дождемъ, безъ продолжительныхъ останововъ. Черезъ два дня послъ отъъзда изъ дацана стали мы подни-

маться на возвышенность и на шестой день оть переправы черезъ Байкаль, къ вечеру, были въ областномъ городъ Забайкалья—Читъ.

Городъ раскинулся широко въ долинъ у сліянія ръчки Читы съ Ингодою, которыя образовали своими протоками нъсколько небольшихъ острововъ. Кругомъ города высокія покрытыя льсомъ сопки.

Ингода у Читы не судоходна, ръчка Чита почти совершенно пересыхаетъ, и по ней даже не сплавляютъ лъса. Осенью объ сильно разливаются; въ 1897 г., выступивъ изъ береговъ, онъ затопили островъ и причинили громадные убытки городу и бъднъйшему классу жителей. Это наводненіе было такъ сильно, что отъ полотна жельзной дороги, проведеннаго на одномъ изъ острововъ, не осталось и слъда, и линія пути перенесена теперь на болье возвышенное и безопасное мъсто.

Чита издали и Чита вблизи—это разныя картины. Деревянные, однообразные, невзрачные домишки и длинные некрашеные заборы, принявшіе отъ времени сърый цвътъ, придаютъ городу грязный видъ. Улицы не мощены; широкія рытвины и ухабы дълаютъ таду и ходьбу по городу въ темныя ночи невозможной. Рогатый скотъ и собаки гуляютъ свободно по улицамъ, загрязняютъ ихъ и загромождаютъ протады. Двътри большія постройки—военное собраніе, губернаторскій домъ, гостиница "Восточное подворье" и девять церквей—вотъ выдающіяся точки въ общемъ однообразіи.

Изъ Читы нашъ путь лежалъ черезъ Агинскую степь. Агинская степь къ юго-востоку отъ г. Читы занимаетъ почти все Даурское плоскогорье и заселена бурятами и забайкальскими казаками.

До этой повздки видълъ я южныя степи европейской Россіи и Барабу. Онъ почти цъликомъ воздъланы и покрыты хлъбными растеніями. Теперь мит пришлось познакомиться съ дикою степью, которой не коснулись плугъ и соха. Въ воображени моемъ рисовались эти глазомъ необъятныя пространства унылыми и тоскливыми. Когда же мы углубились въ степь, представление это замънилось чувствомъ удивления и восторга. Среди буйной, вышиной въ аршинъ и болье, травы идетъ едва замътная колея проважей дороги. Кругомъ пышная степная растительность, усыпанная яркими цвътами, колышется волнообразно отъ дуновенія теплаго, нъжнаго вътра. Солнце на безоблачномъ небъ горячими лучами извлекаеть изъ душистыхъ травъ освъжающій, бальзамическій аромать. Глаза не видять конца этого моря зелени. Горизонть почти прямой линіей отдівляется отъ небосклона. Поразительно много сходства въ Агинской степи съ моремъ. Песчаныя верхушки холмовъ свътятся на солнцъ, какъ покрытые пізной бізлые гребни могучихъ волнъ. Солончаки съ растущей на нихъ болъе темной жесткой травой напоминаютъ морскую рябь, а разбъжавшіяся и далеко и близко стада рогатаго скота и овець кажутся маленькими шлюпками или чайками на волнахъ колышащагося травяного моря

Жарко, въ воздухв сухо, пыли нътъ, запахъ степи сильнье, кое-гдъ отвывается въ травв кузнечикъ, вдали слышно ржаніе пасущихся лошадей и блеяніе овець, — и опять все тихо, только наши тарантасы глухо звучать, катясь по зеленому ковру. На козлахъ сидить бурять въ синемъ длиномъ халатъ, круглой шапочкъ и отъ времени до времени понуваеть лошадей, мчащихся быстро, гортаннымъ возгласомъ "гха, гха". Справа и слева скачуть на маленькихъ степныхъ лошадкахъ сопровождающе насъ буряты. Высокая трава заглушаеть топоть, лошади по гриву утопають въ зелени. На съдокахъ сивіе ватные шелковые халаты блестять на солнце цевтомъ васильковъ. Косоглазыя, смуглыя лица имъють суровый, сосредоточенный видь. Пояса украшены серебряными настичами, у нихъ болтаются большія монгольскія огнива, коротенькіе ножи въ кожаныхъ чехлахъ и костяныя палочки, служащія имъ, подобно китайцамъ, вмъсто вилокъ. На головахъ-черныя круглыя шапочки съ бархатными полями, и сверху на нихъ коралловыя или шелковыя красныя шишки.

Вдали виденъ небольшой холмикъ, и намъ говорять, что это Чингисханово городище. Останавливаемся. Слъды древней постройки, куски обтесанныхъ камней, больше, очень твердые кирпичи и много осколковъ не то цвътной черепицы, не то изразцовъ, сохранившихъ различные цвъта: желтый, зеленый, голубой. Видно, что строене раздълялось на нъсколько частей, быть можеть, комнатъ. Все это поросло густой травой, степнымъ бурьяномъ и издали напоминаетъ украинскій казацкій курганъ.

Нъсволько небольшихъ ръчевъ и ручейковъ проъзжаемъ вбродъ и приближаемся къ бурятскому монастырю. Здъсь шуретуй во главъ ламъ встрътилъ насъ съ балдахиномъ, хоругвями, трубами и бубнами у воротъ храмовой изгороди. Двъ трубы были невообразимой величины. На красныхъ шелковыхъ шнуркахъ, задътыхъ за кольца, четверо несли одну такую трубу, а пятый дулъ въ нее изо всей мочи. Звукъ выходилъ изъ этого чудовищнаго инструмента похожій на ревъ громаднаго дикаго звъря. Къ этому звуку присоединялись другіе: кларнетовъ, малыхъ прямыхъ трубъ, бубновъ, — и все сливалось въ оригинальную, дикую, восточнаго характера, но интересную мелодію. Получивъ новые ходаки, мы поъхали ночевать въ ближайшее село.

Здъсь собралась толпа бурять: обруствине, крещеные—въ пиджакахъ и курткахъ, буддисты—въ національныхъ костюмахъ—синихъ узорчатыхъ халатахъ съ черными бархатными воротниками и общлагами. Бучатъ в фенцины и дъвицы тоже въ синихъ костюмахъ. Головной чъ очень оригинальный: что-то въ родъ кокошниковъ, а надъ учатъ высокія лопасти, сдъланныя изъ бусъ, янтаря, серебра удь и шея покрыты такими же бусами: Наряды

ца у бурятокъ смуглыя, румяныя, глаза косые и

маленькіе. Красивыми ихъ назвать нельзя, но спокойная, добрая улыбка національный костюмъ и небольшой ростъ придають имъ видъ миловидныхъ куколъ.

Въ Забайкальъ зима морозная (температура понижается до — 30°), но безснъжная; это обстоятельство даетъ возможность бурятамъ круглый годъ кочевать по обширнымъ степямъ, живя въ войлочныхъ юртахъ, в не дълать заготововъ корма: скотъ все время пасется на буйной, хотя и мерзлой травъ. Отсутствие снъга зимой и обильные дожди лътомъ объясняются свойствами дующихъ въ Забайкальъ періодическихъ вътровъ.

Бурятскіе монахи.

Рогатый скоть невеликъ ростомъ, но даетъ очень много молока, изъ котораго буряты приготовляютъ разные продукты: творогъ, сухой сыръ, запеканыя, сушеныя сливки, особаго рода водку — арака. Овцы съ курдюками и простыя доставляютъ имъ мясо. Баранину вдятъ оне приготовленную во всвхъ видахъ, и она служитъ, на ряду съ молокомъ, главной пищей. Хлъба они почти не знаютъ, покупаютъ у русскихъ, считается онъ лакомствомъ. Только очень еще немногіе изъ бурятъ нимаются хлъбопашествомъ. Ръзвыя,

ь что-то среднее между мохнатой, и бскими. Ноги у нихъ тонкія, сух тъ небольшой, грудь довольно шир Про бурятъ можно сказать, что он 37" 11

Digitized by Google

ихъ напоминаютъ казацкія, только безъ подушекъ, для насъ очень неудобныя и жесткія. Бурятъ вдвигается между двухъ досокъ, служащихъ сзади и спереди спинками этого съдла, и безъ устали, какъ вросшій, скачетъ по обширнымъ долинамъ. Женщины тоже лихія наъздницы, сидятъ на лошади такъ же, какъ мужчины. Однъ только старухи и грудныя дъти перевозятся съ одного кочевья на другое, вмъстъ съ разобранной юртой, въ телъгахъ.

Вся Агинская степь усъяна солеными озерами. Жители этого врая въ пищъ употребляють самосадочную соль изъ этихъ озеръ; въ ней большое содержаніе глауберовой соли, и потому она доставляеть непривыкшимъ къ ней путникамъ немало неожиданныхъ и весьма непріятныхъ сюрпризовъ.

Минеральныхъ источниковъ съ цълебными водами въ Забайкальъ изумительное богатство: сърные, желъзистые и, главнымъ образомъ, щелочные встръчаются положительно вездъ. Нъкоторые изъ нихъ пользуются большимъ успъхомъ, и при нихъ даже устроены небольшие курорты, какъ, напримъръ, Тарасунъ возлъ Читы, Маковъевские въ Агинской степи, недалеко отъ станицы того же имени. Вода изъ этихъ послъднихъ источниковъ очень вкусна и содержитъ много углекислоты.

Но возвращаюсь къ путешествію. Въ степи на склонѣ холма большая юрта, кругомъ народъ — мужчины, женщины и дѣти, вдали телѣги, а возлѣ нихъ спутанныя, приготовленныя для насъ лошади. Мѣстность была красива и мы устроили привалъ; передъ юртой постлали большой войлокъ, положили кругомъ войлочные матрацы и подушки, посрединѣ вверхъ дномъ поставили кадушку, и за такимъ столомъ, подъ палящими лучами полуденнаго солнца, весело разговаривая съ хозяевами, попробовали за завтракомъ бурятскихъ блюдъ, кстати сказать, очень невкусныхъ.

Пока запрягали лошадей, намъ показали юрту. На особыхъ рамахъ изъ тонкихъ дощечекъ и прутиковъ натянута кошма. Изъ этихъ рамъ, нъсколько изогнутыхъ, складываютъ круглую юрту. Для большей теплоты стъны ея дълаютъ двойныя и даже тройныя, крыша укладывается изъ треугольныхъ такихъ же рамъ и во время дождей накрывается кожами. Входъ въ это жилище завъшивается либо войлокомъ, который отгибается, либо дверцей деревянной или кошмовой. Въ юртъ, кромъ постели и платъя, ничего нътъ, вся утварь, продукты и посуда хранятся въ телъгахъ или висятъ вверхъ дномъ на вбитыхъ въ землю кольяхъ.

Лошади готовы. Ложимся въ тарантасы, раздается знакомое "гха, гха", и снова мы несемся по чудной степи.

Вдали видиъются болье высокіе холмы, за ними горы, а на степи пасущіяся стада верблюдовъ. Неуклюжіе быстроногіе корабли пустыни поднимають спокойно головы, смотрять равнодушно, пережевывая сочную траву, на гостей степи и продолжають прерванную влу.

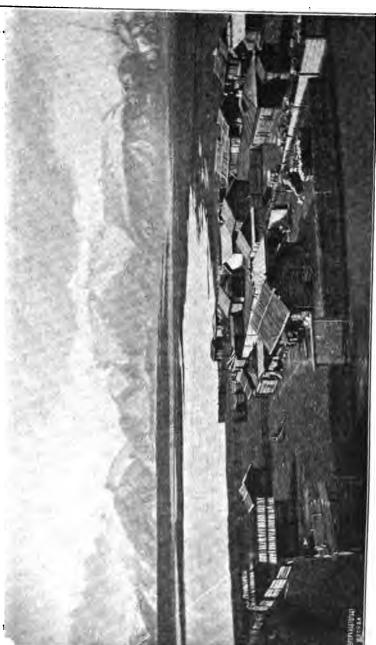
Но вотъ конецъ бурятскихъ владеній, начинается земля казаковь. Казаки-красивый, энергичный, бойкій народъ, лихіе на вздинки к гостепріимные любезные хлібосоды. Пріятно смотріть, какъ высокії, стройный атаманъ гарцуеть лихо на степномъ конв, подъвзжаеть близко къ тарантасу и, оперши булаву на лівой ногі, докладываеть о своей станицъ или поселкъ. Во всей фигуръ увъренность и сила. Костють этихъ казаковъ отличается только желтымъ приборомъ, а то тотъ же чекмень, брюки съ лампасами желтаго цевта и громадная черная папаха на головъ.

Гостепріимство развито у нихъ въ высокой степени; въ каждой станицъ или поселкъ приглашають вась "отвъдать чего-нибудь". Для примъра приведу меню объда у простого зажиточнаго казака. Нъсколько сортовъ водки и разныя закуски были приготовлены на отдёльномъ столикъ. Мать семейства, старая казачка, и двъ дочери просили попробовать всего понемногу. Затъмъ пошелъ длинный рядъ блюдъ: четыре сорта суповъ поданы вместь, затемъ жаркого пять видовъ: баранина, курица, цыплята, -- всего и не вспоменшь, нъсколько сортовъ каши, потомъ сладкое: рисъ съ фруктами, что-то въ родъ гурьевской каши, три сорта разноцевтного желе, два рода виселя, взваръ и порвзанные ломтиками сингапурскіе ананасы въ консервахъ. Въ заключеніе чай съ печеньсмъ. Каждый събденный кусокъ-большое одолжение и удовольствие для хозяевъ. Сами они за этимъ объдомъ почти ничего не ъди, а только угошали.

Забайкальскіе казаки большею частью зажиточны, если не богаты. Главное ихъ имущество — скотъ; въ среднемъ на человъка приходится по пяти головъ. Конечно, есть исключенія въ ту и другую сторону, и гурты мъстныхъ крезовъ достигають тысячи и болье штукъ. Степь, овружающая станицы, даеть возможность вести скотоводство въ широкомъ размерев. Овчины служать предметомъ торговли, а частью идутъ на зимнія одежды. Скоть сбывають цілыми гуртами либо въ Катай, либо въ Читу. Эпизоотіи — сибирская язва и чума — навъщають Забайкалье почти каждый годъ и причиняють немалый уронъ. Кром'в скотоводства, казаки занимаются земледівлісмъ; овесъ, ярица и пшеница произрастають очень хорошо и дають большіе сборы. Нівкоторые инівють огороды, садять картофель, огурцы, капусту, разные другіе овощи и даже арбузы и дыни.

Вст казаки православные, но въ ихъ втрованія привились и вкореились и вкоторые предразсудки ламанзия и главнымъ образомъ, шаънство. Казаки отчасти верять шамя чотся въ нимъ послѣ Digitized by Google . кражи или пропажи, чтобы съ пом

Вообще казаки многое переняли му научили последнихъ. Взаимныя.

Городъ Верхнеангарскъ въ Забайкальв.

Google

да и не могуть быть иными всявдствіе миролюбиваго характера и добродушія бурять и общихъ иной разъ интересовъ; такъ, нівкоторые бурятскіе роды зачислены въ составъ забайкальскаго казачества. Курьезный видъ иміють эти казаки въ бурятскихъ халатахъ и военныхъ, форменныхъ фуражкахъ.

Агинская степь и казачьи земли остались за нами. Далъе начинаются земли Нерчинскаго округа.

По Ленъ.

(Діонео.)

Я четыре года не быль въ Якутскъ.

Проживъ все это время "за предълами культуры", я горълъ желаніемъ увидъть скоръе "городъ", къ которому можно приложить это названіе.

Последній переездъ идеть все Леной и низкими островами, затопляемыми во время водополья.

- Хасъ хала дайденъ? (Сколько осталось до города?)—безпрерывно спрашивалъ я у проводника-якута.
 - Чугасъ! (Близко!) неизмънно отвъчалъ онъ.

Пробовалъ я было нъсколько разъ откидывать мохнатый кокулъ моей кухлянки, чтобы посмотръть, не видать ли города, но 45°-ный морозъ заставлялъ быстро надвигать капюшонъ пониже. Но воть нарты запрыгали по громаднымъ кучамъ навоза. Городъ близокъ. Чъмъ ближе, тъмъ больше навоза. Наконецъ льда совсъмъ не видно — одинъ лишь навозъ. Вотъ рядъ полуразбросанныхъ барокъ-павозокъ, а выше, на угорьт ярко сверкаютъ на солнцт стекла въ окнахъ чистенькихъ деревянныхъ домовъ. Стекла!.. Это мнт казалось верхомъ роскоши: уже четыре года какъ я ихъ не видалъ. Въ Средне-Колымскт зимой вставляются въ окна льдины, а лътомъ—кожа налима. А вотъ и обыватели: якутъ рядомъ съ быкомъ, якутъ позади быковъ, якутъ верхомъ на быкъ; кажется, въ Якутскт и нътъ другихъ обывателей, кромъ быковъ да якутовъ.

Къ намъ поворачиваются смуглыя лица съ узенькими жирными глазами. Мой костюмъ (я одътъ по послъднему журналу чукотской моды: въ шитой кухлянкъ, въ мъховыхъ штанахъ въ отороченныхъ бобромъ торбасахъ, подарокъ моего друга чукчи Нута Нухва, въ чукотскомъ малахаъ, отороченномъ лисьими лапами, и въ песцовыхъ рукавицахъ),—мой костюмъ, который приводилъ въ восторгъ щеголей на берегу Ледовитаго океана, здъсь уже обращаетъ на себя вниманіе.

— Хана барда, момумъ? (Откуда ъдешь, господинъ?) — **безпрерывно** окликаютъ меня.

- Колымага, догорумъ! (Изъ Колымска, пріятель!)
- Арахъ! (Далеко!)

Якутъ хочетъ сказать обычное: "капсе!" (т.-е. сказывай новости), но я объщаю ямщику хорошо на водку и велю гнать во всъ лопатки.

Потянулись кривыя, запутанныя клубкомъ улицы, безконечно широкія, обстроенныя одноэтажными домами. Но какимъ роскошнымъ показался мнѣ этотъ городъ послѣ полярныхъ пустынь! Опять навстрѣчу быки и якуты; но теперь уже вперемежку съ другими элементами. Вотъ хитрое лицо, съ рыжей бородою; на встрѣчномъ бараній тулупъ, крытый сѣрымъ сукномъ. Это—хайлахъ (поселенецъ), еще и еще хайлахи. Изрѣдка встрѣчалась особа, одѣтая по-граждански.

Въ Якутскъ нътъ гостиницъ. Прітажихъ здъсь почти нътъ. А кто и прітажаєть, тотъ имъетъ знакомыхъ, у которыхъ останавливается. Былъ и у меня такой пріятель. Черезъ полчаса уже весь городъ зналъ, что прітакалъ человъкъ изъ Колымска, и ко мнъ стали являться совершенно незнакомые господа справляться, что слышно на стверъ, допытываться, нътъ ли у меня пышнаго (т.-е. пушнины) или юколы, до которой въ Якутскъ падки всъ. Я удивлялся на первыхъ порахъ, зачъмъ у меня спрашиваютъ пышное, коли знаютъ, что я не купецъ. Но потомъ мнъ объяснили, что это только предлогъ, чтобы посмотръть на новаго человъка.

Мнъ никогда не приходило въ голову, что я когда-нибудь окажусь въ положении доктора Лимуэля Гулливера, возвратившагося изъ путешествія въ далекія страны. А вышло именно такъ.

Привыкнувъ къ извъстнымъ первобытнымъ мъркамъ жизни въ Колымскомъ краж, миж крайне трудно было сразу отрышиться отъ нихъ, когда я прібхаль въ Якутскъ. Обыватель-колымчанинъ, въ первый разъ вывхавшій изъ своей глуши въ "Якучко", о которомъ слышить массу чудесь съ детскихъ леть, совершенно тамъ теряется. Первый месяцъ его нельзя никуда выпускать одного; потому что онъ заблудится. За нимъ нужно зорко смотръть, иначе онъ объестся хлебомъ, который до сихъ поръ былъ для него величайшимъ и ръдкимъ лакомствомъ. Первое время колымчанинъ безъ просыпа пьетъ, потому что водка стоитъ не три рубля, а лишь 40 копеекъ за бутылку. Правда, несмотря на то, что я отвыкъ отъ улицъ, я не блуждалъ въ Якутскъ, но тъмъ не менве доставляль не мало темъ для шутокъ мъстнымъ знакомымъ. Они все предостерегали меня не набрасываться такъ на хлюбъ, приводя въ примъръ плачевную участь моего попутчика, который отпраздновалъ день прівзда темъ, что съвлъ фунтовъ 8 ржаного хлеба. Мне казалось также страннымъ, что извъстіе о прибытіи почты не производить никакой особенной сенсаціи. То ли дізло въ Колымскі Ві Ждешь почту четыре мъсяца. Последніе дни только и разговора, что о ней. Наконецъ, она

прибыла. Объ этомъ, запыхавшись, сообщаетъ какой-нибудь якутъ, который сейчасъ же стремглавъ мчится въ полицейское правленіе, хотя почта, конечно, ему ничего не везетъ. За якутомъ по одному и тому же направленію мчится весь городъ.

Мальчишки кричать: "почта кале!" (прибыла!) Воть обгоняя обывателей, спешать товарищи. А после полученія писемъ—безконечные разговоры, обсужденіе новостей, перечитываніе "новыхъ" журналовъ, вышедшихъ годъ тому назадъ! И мив странно слышать въ Якутске жалобы на оторванность, когда письмо изъ Россіи, изъ Москвы, прибываеть на 45-й день. На 45-й день! А летняя почта идеть изъ Якутска въ Средне-Колымскъ четыре мёсяца.

Возлѣ Якутска, по Алдану, въ громадномъ количествѣ выступаетъ желѣзная руда. Въ самомъ городѣ, на базарѣ за безцѣнокъ продаются громадныя глыбы ея, взятыя прямо съ поверхности земли. Якуты обрабатываютъ ее такъ же, какъ древніе греки. Они обкладываютъ кусокъ руды въ камелькѣ углями, поддерживая жаръ маленькими ручными мѣхами; когда углеродъ выгоритъ, кузнецы обламываютъ шлакъ и полученную ноздреватую массу обрабатываютъ молотами. Изъ мѣстнаго желѣза якуты выковываютъ охотничьи ножи, славящіеся во всей области. Несмотря на то, что мѣстныя залежи желѣзной руды совсѣмъ нетрудно изслѣдовать, въ этомъ отношеніи не сдѣлано почти ничего.

Русскій языкъ за посліднее время ділаєть въ Якутскі значительные успіхи. Прежде на самыхъ аристократическихъ вечерахъ иначе не говорили, какъ по-якутски. Въ настоящее время въ Якутскі—духовная семинарія, реальное училище, женская прогимназія, якутское миссіонерское училище и 5 городскихъ начальныхъ школъ. Всіхъ учащихся въ учебныхъ заведеніяхъ, среднихъ и низшихъ, 488. Это на 6.499 человікъ населенія. Въ посліднее время просвіщеніе въ Якутскі сділало значительные успіхи. Я даже знаю якутовъ, которые съ величайшимъ трудомъ, съ медленнымъ обозомъ, добрались до Томска (4.500 версть отъ Якутска) и которые послі блистательно выдержаннаго экзамена на аттестатъ зрілости поступили въ университеть.

Я прибыль въ Якутскъ въ начала февраля. Въ это время городъ совершенно замираетъ до начала іюня, когда съ верховьевъ рѣки прибывають пловучіе магазины-павозки. Тогда городъ кипитъ жизнью. Къ этому же времени являются изъ съверныхъ округовъ караваны съ пушниной, мамонтовою костью и кабарговой струей. Черезъ недълю товаръ на повозкахъ раскупленъ, прівхавшіе разъвзжаются, и городъ опять замираетъ на годъ, пробуждаемый порой на мгновеніе крупнымъ скандаломъ или же изъ ряда вонъ выходящимъ преступленіемъ.

Изъ 2.813 вер., отдъляющихъ Якутскъ отъ Иркутска, 2.600 приходится сдълать все по одной и той же ръкъ, по Ленъ. Станція отстоятъ

REVIE

Digitized by Google

другъ отъ друга на разстояніи 13—20 верстъ. Станція стоитъ всегда на высокомъ крутомъ берегу рѣки. Кони запряжены. Два человѣка съ трудомъ держать горячихъ коней подъ уздцы и осторожно сводятъ ихъ съ крутого обрыва. Вотъ ведущіе отскочили въ сторону, и кони помчались бѣшенымъ галопомъ, осыпая ваше лицо цѣлой тучей морозной пыли. Такъ мчатся они версты три, пока ямщику удастся удержать ихъ, а передъ новой станціей такимъ же аллюромъ кони взбираются на косогоръ. Станціи всѣ на одинъ ладъ. Это рубленная изба о двухъ свѣтлицахъ: одна—для пріѣзжающихъ, другая—ямщичья.

Въ чистой комнать на стънахъ всегда одно и то же. Тъ же часы съ кукушкой, слегка попорченной, такъ что птичка только кукуетъ, но тщетно старается выбраться изъ окошечка. Подъ часами—описаніе пути до слъдующей станціи. Изъ него вы узнаете, что лътомъ здъсь пассажиры перевозятся въ лодкахъ, которыя тянутъ бечевой кони; весною же и осенью дороги нътъ, есть лишь тропа для верховыхъ коней черезъ горные кряжи. Остальныя стъны облъплены лубочными картинками. Тутъ—"какъ мыши кота хоронятъ" и иллюстраціи къ народнымъ пъснямъ. Иногда на столъ лежить еще книжка въ старинномъ кожаномъ переплетъ. Разверните ее: это — "Новости русской литературы" за... 1804 г., отпечатанныя въ типографіи Лообія, Гарпія и Попова.

Первые дни пути мы вхали все якутскими мвстами. На короткихъ долинахъ всюду видивлись разбросанныя юрты съ огромными "бютяями" (оградами) возлв нихъ. Ямщину правили либо якуты, либо объякутивпіеся крестьяне. Эти якуты гораздо энергичиве, здоровве и менве забиты, чвмъ ихъ собратья на крайнемъ сверо-востокъ.

Иа тёхъ станціяхъ, гдё ямщики—якуты, туристы, не говорящіе поякутски, бываютъ поставлены въ критическое положеніс. Объясняйтесь съ челов'єкомъ, который на всё ваши вопросы отв'єчаетъ "кулганъ суохъ!" (т.-е. уха нётъ, не понимаю!) Можно наблюдать такую сценку:

- Принеси соломы въ сани!--кричить прівзжій.
- Бу баръ! (Воть оно!) отвъчаеть ямщикъ и подаеть подушку.
- Соломы, говорять тебъ.
- Бу баръ! недоумъвающимъ голосомъ отвъчаетъ якутъ, всовывая кошму.

Проъзжий приходить въ бъщенство. Онъ показываетъ, растопыривъ руки, что ему нужна охапка соломы. А якутъ понимаетъ своеобразно: онъ вталкиваетъ пассажира въ возокъ и пробуетъ опоясать его доху.

— Толмача! Толмача сюда! — кипятится несчастный. Является толмачь, объякутившійся крестьянинъ, которому, наконецъ, удается втолковать, что требуется, большею частью при помощи такого пріема: прітажій береть одну соломенку, показываеть ее переводчику и говорить: "много надо!".

Въ иной деревнъ на козлы взберется ямщикъ, по типу совсъмъ якутъ, глаза косые, бороды нътъ, скулы выдаются; по-русски знаетъ лишь нъсколько словъ. Попробуйте однако спросить его:

- Ты якутъ?
- Ми крестьянъ!—обидчиво отвътить онъ. У поседенцевъ дъти уже всегда объякутъли.

Лена — боевая артерія всего края, единственная дорога по немъ. Деревни ютятся у самаго берега ръки. Это — все невольные засельщики: предковъ ихъ пригнали сюда, чтобы было кому править ямщину. Далье, по объ стороны ръки — полная пустыня. Изъ всъхъ сибирскихъ ръкъ Лена самая живописная; дикая красота ея поражаетъ своею причудливостью. Оба берега гористы. Они то круты и обрывисты и состоять изъ враснаго песчаника, то волнисты. Песчаникъ кажется сложеннымъ рукою человъка: до того правильна кладка плить. Въ иномъ мъстъ обрывы нависли надъ ръкою и, кажется, обрушились бы, если бы ихъ не подпирали исполинскія естественныя колонны изъ того же плитняка. Подъ обрывомъ, надъ самой ръкой, по узкому карнизу, вьется бечевникъ. Далъе берега тянутся въ видъ исполинскихъ стънъ, сложенныхъ руками циклоповъ. Ряды стройныхъ лиственницъ и пихтъ, лъпящихся по обрывамъ, кажутся воинами, лъзущими на приступъ на эти бастіоны. А тамъ далве, на самомъ гребнь, какъ первые солдаты, взобравшіеся на кріпость, высятся нівсколько отдівльных в пихть. Стіны изъ краснаго плитняка чередуются съ волнистыми сврыми гранитными массами. Грозно торчать отдельныя острыя глыбы, наклонившіяся надъ самой ръкой. А далье сльдують пласты разноцвытнаго шифера и зеленаго порфира, придающіе берегу сказочно-фантастическій характеръ. Берегь изрыть глубокими пещерами. Съ горъ во многихъ мъстахъ сбъгають на реку теплые минеральные ключи, изъ которыхъ некоторые далеко распространяють вокругь запахъ сърнистаго водорода. Направо и нальво отъ береговъ-сплошныя гряды горъ, кое-гдъ разрываемыхъ многочисленными притоками Лены, бассейнъ которой занимаетъ 925.000 квадр. версть. Въ этихъ горахъ, въ особенности въ лежащихъ на востокъ, много такихъ мъстъ, гдъ еще никогда не бывалъ европеецъ.

На четвертый день путешествія я уже вхаль по маленькому, но щеголеватому Олекминску, отстоящему отъ Якутска на разстояніи 600 версть. Городокъ состоить изъ двухъ частей: собственно Олекминска и смежнаго съ нимъ селенія Спасскаго. Спасское гораздо красив е и богаче. Въ рукахъ населенія находятся почти всё ремесла, требующія искусства; кроміть того, ихъ деревня снабжаеть не только городъ молочными продуктами, овощами и отчасти хлібомъ, но доставляеть эти продукты въ одначительномъ количеств на прійски.

Воть уже лесятый день, какъ я въ допогъ. Ръка, которая поль Якут-

скомъ имѣла около 15 верстъ въ ширину, теперь значительно СУЗ Деревни пошли все больше да больше. Мы близимся къ знами "Дворянской волости", разсказы о которой можете услышать да Пермской губерніи.

- Почто вы ее прозвали такъ? спросилъ я ямщика.
- Да какъ не "Дворянская волость", коли тамъ крестьяне и шутъ, работы не любятъ, а трять сытно и живутъ какъ господа

Такъ оно и было до самаго послѣдняго времени. Недален сюда находятся знаменитые Витимскіе золотые пріиски. Жизнь на 1 кахъ очень тяжела. И воть рабочій, назябшійся, наголодавшійся и торжной работь въ теченіе цѣлой "операціи", 10-го сентября получрасчеть. До сихъ поръ въ его карманѣ не было ни копейки: всебиралось въ компанейскихъ магазинахъ "на книжку". Теперь у сразу оказался цѣлый капиталъ. Въ первой же деревнѣ онъ стара наверстать все за годъ. Такимъ мѣстомъ являлся Витимъ. Село ствилось мѣстомъ дикаго, сумасшедшаго разгула.

Многочисленные магазины, кабаки, трактиры, все населеніе поголо только и ждали этого дня. Пріискатель начнеть съ того, что сброс съ себя рваную "лопать" (одежду), взятую за дорогую цёну "на кнюу" изъ компанейскихъ магазиновъ, и нарядится въ сапоги бутылка въ бархатныя шаровары и поддевку, въ бобровую шапку. Онъ надъстъ нъсколько шелковыхъ рубахъ одну на другую, одна короче други различныхъ цвътовъ, чтобы видно было. Въ магазинъ купитъ час да не одни, а пару. Послъ этого пріискатель принимается "гулять". Табыло до 1890 г. Съ этого года компаніи не выпускають болье рабочи въ Витимъ, а, давъ имъ расчеть, препровождають ихъ на пароход до Киренска.

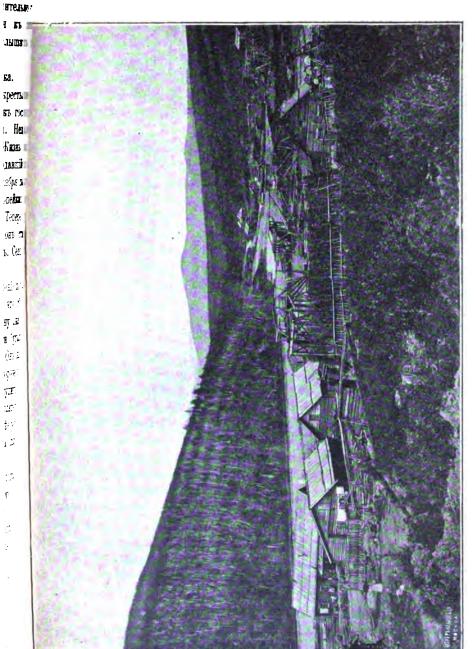
Вотъ и въ Витимъ. Село это напоминаетъ настоящій утадный го родъ. Всюду красивые дома, большіе магазины; но на всемъ печап захудалости и поблеклости минувшаго счастія. "Дворянская волость отвыкла отъ работы. Она ничего не умъетъ дълатъ, а источникъ долуда, прінскатель, ушелъ отъ нихъ. Наиболъе молодые и энергичные прянялись за ремесло спиртоноса.

На пятнадцатый день путешествія я перебхаль наконець гранцу Якутской области. Считая со времени выбзда изъ Сухарнаго, на берет Ледовитаго океана, я бхаль все по ней около 3 мбсяцевь и сділав болбе 5 тысячь версть, не выбзжая изъ района, находящагося польбадьніемь одного и того же губернатора. Здібсь всегда мірять разстояніе тысячами версть, а время путешествія—місяцами. Ріка был туть уже не шире версты; но виды стали еще живописніве. Не доізям версть трехсоть до Киренска, находятся знаменитыя "Піста". Рікі сперта громадными, совершенно отвівсными скалами до 600 футого продавжання в боль футого продавжання по боль футого продавжання промадными, совершенно отвівсными скалами до 600 футого промадна продавжання промадна продавжання промадна промадна

ĸā.

in in T 1 $\frac{1}{K} \gamma^i$ 13

<u>.</u>....

На Витимскихъ золотыхъ прінскахъ.

вышины. Исполинскія каменныя стіны стоять параллельными рядами, образуя родь гигантскихъ кулисъ. Расположеніе скалъ таково, что стоить выстрілить изъ ружья, какъ эхо устроить настоящую канонаду, такъ какъ звукъ повторяется разъ сто съ силою пушечнаго выстріла. Эти "Щеки" літомъ губять не одно судно, такъ какъ при малітішемъ вітрів возлів нихъ образуются настоящіе буруны. Стремительное теченіе бросаеть павозокъ прямо на скалы, гдів онъ и разбивается. Спертая отвівсными стінами, вода здівсь быстро поднимается на нівсколько сажень при таяніи снівговь и такъ же быстро падаеть.

Скоро окончательно исчезли якуты; но русское населеніе Киренскаго округа—такое странное, что не даромъ мѣстныхъ крестьянъ прозвали "бѣлыми якутами". Нужно сознаться, что кличка не совсѣмъ несправедлива. Киренцы такъ сюсюкаютъ, пришепетываютъ и картавятъ, что на первыхъ порахъ трудно догадаться, что разговоръ идетъ по-русски. Наблюдается еща такого рода странность: въ одной деревнѣ всѣ поголовно сюсюкаютъ, въ другой картавятъ или же мѣшаютъ согласныя, въ третьей—у всѣхъ зобы и т. д. Послѣднее явленіе очень часто. "Зобъ не увѣцье, а краса целовѣцья", говоритъ мѣстная пословица. Тѣмъ не менѣе несчастные тщательно прячутъ свою "красу целовѣцью" въ широкихъ шарфахъ. Крестьяне объясняютъ зобатость употребленіемъ сырой ленской воды.

Киренцы живуть лишь исключительно "съ кнута", т.-е. почтовой гоньбой. Земля здёсь значительно хуже, чёмъ въ Якутской области. Почва — камениста и слегка лишь покрыта тонкимъ слоемъ глины и песка. Открытыя мёста, заросшія ельникомъ, тоже не удается превращать въ пашни. Почва покрыта тамъ толстымъ слоемъ мха. Пробовали выжигать этотъ мохъ, въ надеждё добраться до почвы, но подъ мохомъ всегда оказывался толстый слой торфа, который загорался, тлёлъ безконечно долгое время, и въ результате на расчищенной площади образовывались лишь громадныя ямы и бугры, а "почвы" все-таки не находилось.

Мить нужно было торопиться. Былъ уже конецъ марта. Весна быстро наступала. Вершины прибрежныхъ горъ обнажились. Съ горъ бъжали ручьи. На льду появились "проталины" въ тъхъ мъстахъ, гдъ снизу бурлили пороги. Часто сани попадали въ глубокую наледь. У береговъ кое-гдъ показались забереги. Нужно было во что бы то ни стало добраться скоръе до Качуги, до послъдняго села по приленскому тракту. лежащаго на ръкъ. Погода была капризная: въ одинъ и тотъ же день то ослъпительно сіяло солнце, то начиналъ лить дождь, то сыпала "путерга". Разъ она насъ захватила на ръкъ. До станціи оставалось еще верстъ десять; крупа сыпала такъ густо, что не видать было ничего. Вдругъ мой возокъ остановился. — "Что такое?" спросилъ я. — "Вишь, новоселы стали. Другого мъста не нашли!"

Я вылъзъ изъ возка. Поперекъ дороги стояли крытыя рогожей сани; отпряженная лошадка покорно опустила голову, и, казалось, покорилась участи: она не старалась даже отвернуться отъ "путерги", залъпившей ей всю морду. У дороги, прямо на снъгу, сидълъ высокій крестьянинъ въ разорванномъ до невъроятности полушубкъ, въ лаптяхъ. Лицо и поза "новосела" выражали полное отчаяніе.

- Вишь, изъ голодныхъ мъстовъ на прінски идутъ! Сколько ихъ туда прошло—страсть одна. А тамъ не принимаютъ россійскаго человъка: извъстно, куды же лаптю супротивъ бродня устоять!—горделиво сказалъ ямщикъ. Мъста пошли уже сытыя, такъ что крестьяне нъсколько свысока относились къ "новоселамъ" изъ "голодныхъ мъстъ".
- Си-и-доръ! раздался больной голосъ изъ-подъ рогожнаго верха. Я заглянулъ туда. Подъ какими-то тряпками лежали нъсколько ребятишекъ и простоволосая женщина, очевидно въ лихорадкъ.

Это были первые "новоселы", которыхъ я встрътилъ, выгнанные изъ родной деревни, Пензенской губерніи, голодомъ. Они пробирались на пріиски, не подозръвая, что тамъ не принимаютъ слабосильныхъ, да на придачу еще семейныхъ. Потомъ, по дорогъ отъ Иркутска до Томска, я встръчалъ цълые караваны по нъскольку разъ въ день. Это было ужъ настоящее бъгство деревни въ Сибирь, на "вольныя земли и чистыя воды"...

Быстро промчались мы по "городу" Верхоленску, едва заслуживающему названіе даже села, и въ тотъ же день переправились по Ленѣ, не шире здѣсь 400 саженъ, въ Качугу. Ледъ глухо трещалъ. По немъ, во всю ширину рѣки, разлилась громадная глубокая наледь, черезъ которую меня переправили въ лодкѣ. Десятокъ павозковъ спѣшно строился, чтобы поспѣть и спустить ихъ при "первой водѣ".

Отъ Качуги лъса исчезли окончательно. Пошла слегка волнистая, но совершенно обнаженная "Братская степь".

Странно было послѣ долгаго путешествія по краямъ, гдѣ горизонтъ скрытъ лѣсами или же хребтами, очутиться на открытой равнинѣ. Всюду вдали, въ сторонѣ отъ дороги, виднѣлись разбросанные бурятскіе улусы.

У тунгусовъ.

(Майнова.)

На Уланахъ я отправился 6-го марта. Въ эту пору въ Якутскомъ крат лютыхъ "зимнихъ" морозовъ, т.-е. морозовъ градусовъ въ 40—50, уже не бываетъ; случается даже, что днемъ солнце чувствительно гръетъ, и путнику въ полномъ зимнемъ облачени становится жарко; но было бы очень неосторожно довъриться этому обманчивому теплу; на-

ступить вечерь и въ воздухѣ быстро похолодѣеть; ночью чувствустом уже сильный холодъ, а къ разсвѣту температура легко можетъ упасть до 30—35 градусовъ. Въ виду этого при отправкѣ въ дальній путь одѣваться приходится потеплѣе, и мы съ моимъ спутникомъ снарядились совершенно по-зимнему.

Дорога наша отъ Якутска и вплоть до Уланаха шла главною артеріей заленскаго края — охотскимъ трактомъ. Въ былое время этотъ трактъ имълъ для края большое значеніе. Съ упадкомъ административнаго значенія г. Охотска, а затімь съ открытіемь въ 1852 г. болье удобнаго порта на Аянъ, движение грузовъ по охотскому тракту все болье и болье сокращалось, а вивств съ этимъ ухудшался самый путь и сокращалась его провозоспособность. Въ настоящее время охотскій тракть можно назвать сколько-нибудь благоустроенномъ лишь на очень короткомъ протяжении: до р. Амги, т.-е. менъе чъмъ на 300 верстъ отъ Якутска, На этомъ участкъ полотно дороги хорошо укатано, черезъ овраги вездъ перекинуты легкіе, но довольно прочные мостики, которые время отъ времени коть кое-какъ, но все-таки чинятся наслежными обществами; въ особенно топкихъ мъстахъ на нъсколько верстъ безъ перерыва тянутся бревенчатыя гати, разумется, полупрогнившія, шаткія и ненадежныя, но въ весенній разливъ это все-таки лучше, чъмъ якутскій "бадаранъ" во всей его естественной прелести. Черезъ каждыя десять - пятнадцать версть, а ближе къ городу и чаще, какъ ручьи, впадающіе въ ръку, на тракть выходять боковыя дорожки изъ окрестныхъ юрть, притаившихся где-то въ лесахъ, въ стороне отъ большой дороги.

Верстахъ въ 70-ти путникъ подъвзжаетъ къ небольшому пригорку и видитъ передъ собою съренькую улусную церковь съ зеленой крышей; рядомъ съ церковью, на томъ же пригоркъ, у самой опушки лъса, двъ-три скромныхъ постройки: усадьбы священника и псаломщика; другихъ жилищъ — никакихъ... Таковы и вообще улусныя церкви. Несжиданно выступая изъ-за лъса въ совершенно безлюдной мъстности, своей тишиной и одиночествомъ онъ производятъ странное и меланхолическое впечатлъніе: кажется, что это живая частица какого-то другого міра, частица коренной, деревенской Россіи, словно чудомъ очутившаяся здъсь въ этой холодной пустынъ съ ея чуждой для русскаго взора природой... Уже обогнувъ пригорокъ, все еще невольно оборачиваешься, ката ч ожидая, не прозвучитъ ли колоколъ, не выйдетъ ли изъ церкъ лосый, бородатый народъ изъ сосъдней деревни, которая пе

жна находиться гдв-то туть, невдалекв, - но все остает

гь сивга и сивга, запушенные сивгомъ леса

новымъ поворотомъ дороги сверкающій кресть и запада окольни исчезаютъ изъ глазъ, промедькнувъ как

скатерть озера, ложбины да изръдка синія струйки дыма надъ шатрообразными и тоже бълыми отъ снъга якутскими юртами.

Лишь въ полутораста верстахъ отъ города на пути встръчается единственный по всему тракту поселокъ— Чурапча, состоящій изъ двухътрехъ десятковъ дворовъ. На холмахъ, прилегающихъ къ западному краю длиннаго озера, въ одиночку и небольшими группами расположены постройки—домики и юрты; на одномъ холмъ стоитъ церковь и тутъ же неподалеку—усадьбы духовенства; за полверсты отъ церкви, въ ложбинъ, "станки" обывательскій и почтовый; оба станка—обыкновенныя якутскія юрты, ничъмъ не отличающіяся отъ другихъ; за четверть версты отъ управы, на лъсистомъ холмикъ, улусное училище и дома управскихъ писарей; на самомъ краю—русскій домъ и высокій башнеобразный амбаръ мъстнаго богача.

Несмотря на близость такихъ учрежденій, какъ церковь, школа и управа, чурапчинскіе якуты, кромѣ двухъ-трехъ человѣкъ, не понимають по-русски, и вліяніе русской культуры отражается въ ихъ жизни главнымъ образомъ тѣмъ, что почти всѣ они занимаются хлѣбопашествомъ и почти всѣ отличаются страстью къ азартнымъ играмъ.

По всей линіи охотскаго тракта и въ стороны отъ него вплоть до р. Амги всъ якуты, имъющіе свое хозяйство, непремънно съють отъ 1-2 пудовъ до 8-10 пудовъ на одинъ дворъ; самые богатые высъвають пудовь до 50-ти, но это составляеть уже редкое исключение. При такомъ размъръ посъвовъ потребность мъстнаго населенія въ хлъбъ и теперь далеко не удовлетворяется урожаями собственныхъ, якутскихъ, полей. Главнымъ препятствіемъ къ быстрому возрастанію площади запашекъ здёсь служить то, что беднянамъ делать новыя расчистки не подъ силу, а богатые люди (тайоны) находять болье върный барышъ въ занятіяхъ торговлей и ростовщичествомъ (что въ улусахъ тесно связывается одно съ другимъ); вкладывать свой капиталъ въ землю для нихъ далеко не такъ выгодно, какъ закупать на тв же средства товаръ и вымвнивать его своимъ должникамъ на масло, на скотъ и на свно. Масло и мясо всегда въ спросъ на пріискахъ, — ихъ можно превратить на наличныя деньги; съно служить тайону для прокорма собственнаго скота и для дальнъйшаго задолживанья зависимаго окрестнаго населенія; слідовательно въ рукахъ богача оно является лишь средствомъ для пріобретенія масла, такъ какъ везти его на продажу въ городъ было бы слишкомъ далеко и убыточно.

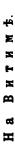
Совсъмъ иначе глядить на дъло заурядный якутъ, дъятельность котораго направлена прежде всего къ тому, чтобы обезпечить себъ и своему семейству сколько-нибудь сносное пропитаніе. При обыкновенныхъ условіяхъ эта цъль для огромнаго большинства якутовъ недостижима; въ концъ зимы семья средняго достатка непремънно голодаетъ

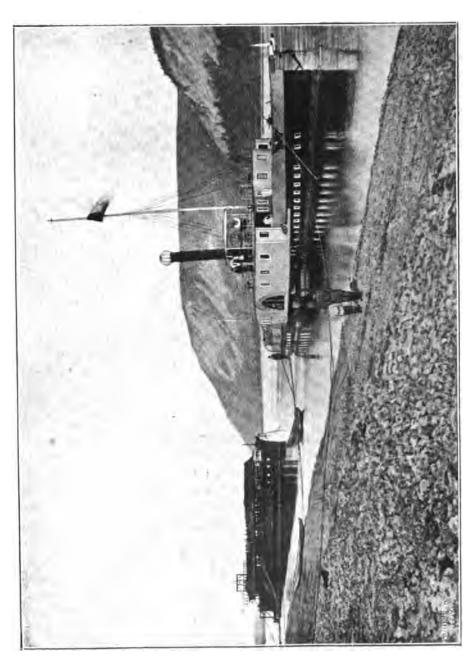
а недоблаеть она круглый годь. Увеличивать площадь сбнокосовь въ настоящее время можно лишь кое-гдъ, улучшать ихъ качество якуты не умъють, въ борьбъ съ болъзнями они совершенно безсильны, и въ общемъ улусное скотоводство имветь очень мало шансовъ на развитіе въ будущемъ... Населеніе между тьмъ увеличивается, и нужды его растуть... Масло у средняго родовича обыкновенно заранње запродано тайону, нередко запродана впередъ и часть будущаго сена, задолжена и часть собственнаго рабочаго времени... Въ такомъ положенін, если остается для этого хоть какфи-нибудь досугь, якуть не можеть не обратиться къ новому способу добыванія пищи — къ земледълю. И улусникъ средняго достатка дъйствительно пользуется всякою возможностью урвать денекъ-другой для того, чтобы наскоро вспахать какой-нибудь клочокъ и засъять его ячменемъ. Для большихъ расчистокъ и крупныхъ засъвовъ у зауряднаго якута не хватаетъ ни средствъ, ни свободной рабочей силы, и потому площадь пашенъ увеличивается главнымъ образомъ не на счетъ тайги, а на счетъ площади выгоновъ и такъ называемыхъ "чарановъ", т.-е. плоскихъ возвышенностей, покрытыхъ мелкими купами березняка и лиственницы. Матерая тайга въ глубинъ улусовъ еще ждетъ своей очереди.

По перебздъ черезъ ръку Амгу характеръ мъстности ръзко измъняется. Подъемы и спуски становятся выше и круче. Широкія, открытыя поляны встръчаются за Амгой еще ръже, чъмъ раньше. Лъсъ, покрывающій каменистые и глинистые скаты лощинъ, по величинъ деревьевъ замътно уступаетъ лъсамъ западнаго берега. Растительные уроды—лиственницы шпалерной и метлообразной формы—начинаютъ встръчаться все чаще; очень часто бросаются въ глаза и тъ уродства, не особенно ръдкія и въ лъсахъ центральной части округа, котория состоятъ въ образованіи на здоровомъ и вътвистомъ деревъ шарообразнаго скопленія мелкихъ недоразвившихся сучьевъ при средней или верхней части ствола; издали такія утолщенія очень похожи на глубокія гнъзда, свитыя какою-нибудь крупною птицей.

Дорога за рѣкой Амгой сильно запущена. Старая просѣка, шириною сажени въ двъ, густо заросла молодятникомъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ узкая нарта лишь съ трудомъ проходитъ по свободной полосѣ, имѣющей въ ширину менѣе аршина; гибкія вѣтви молодятника въ такихъ тѣсныхъ проѣздахъ то и дѣло хлещутъ коня и путника. Въ общемъ в мѣстность и путь ясно говорятъ о дикости и заброшенности края, по сравненію съ которымъ страна, оставшаяся за рѣкой, начинаетъ казаться культурной и густо населенной.

Лично для меня впечатлъніе дикости края усилилось тымь, что въ эльникахъ, густо разросшихся по берегамъ одной рычки, мы спугнули эликольпнаго лося. Звърь, отбъжавъ саженъ двъсти, остановился въ

ръжномъ лесу и долго смотрелъ на насъ, повернувшись вполоборота. Его ноги почти по колъно ушли въ снъгъ и длиное туловище, благодаря этому, казалось еще длиниве; массивная голова и могучіе рога насторожившагося звъря намъ были хорошо видны. Сопровождавшій меня оть Чурапчи якуть сильно заволновался. Хотя при насъ не было хорошаго ружья, но охотничье сердце якута не могло примириться съ мыслью, что такой редкоствый экземплярь избегнеть пули. Когда наши нарты приблизились всего сажень на семьдесять къ тому місту, на которомъ сохатый стояль въ своей чуткой позв, якутъ соскочилъ и хотълъ на "счастье" стръльнуть изъ своего дрянного ружьишка, какъ онъ самъ говорилъ, бившаго всего саженъ на тридцать. Звърь одпако не сталъ дожидаться и побъжаль въ чащу. Сушникъ затрещалъ подъ его ногами, густые хлопья снъга посыпались съ тонкихъ деревьевъ, стоявшихъ на пути... Не прошло и минуты, какъ все затихло. Только на снъгу оставались глубокіе слъды... Якуть не преминуль побродить по снъгу, чтобы опредълить, въ какомъ направленіи убъжаль звърь, и послъ этого въ дальнъйшемъ пути при каждой остановкъ подходилъ ко мив и съ увлечениемъ распространялся о томъ, какой это былъ звърь, да какъ бы хорошо можно было его подстрълить изъ винчестера и сколько бы изъ него вышло чистаго мяса и т. д.

Большая різка Алданъ составляеть еще боліве різкую географическую грань, чізмъ Амга, отдівляя описанную выше заамгинскую мізстность отъ края, имізющаго вполнів горный характеръ. На правомъ берегу горы спускаются къ берегу крутыми уступами. Кое-гдіз ихъ гряда переріззана глубокими підями, и краємъ одной изъ такихъ підей идстъвъ гору охотскій трактъ.

Проъхавъ сорокъ пять верстъ, мы прибыли на урочище Этерджакъпервое жилое мъсто на нашемъ пути. На этомъ урочищъ построилъ себъ юрту одинъ бъдный якуть, и туть же неподалеку проводить каждую зиму одинъ старый тунгусь съ женою и девятнадцатильтнимъ сыномъ. И старикъ, и его сынъ не замедлили явиться къ намъ, чтобы поболтать съ русскими. Старикъ, бодрый, несмотря на свои 80 лътъ, рослый и статный, оказался большимъ шутникомъ и балагуромъ. Намъ онъ отрекомендовался на ломаномъ русскомъ языкъ: "я — старый налимъ; зубы нъту — все равно налимъ". Его сынъ, красивый и сильный юноша отцовскаго типа, со свёжимъ цвётомъ лица и мягкими мечтательными глазами, въ присутствіи старшихъ болье молчаль и только отвъчалъ на вопросы. Съ 20-го апръля до Покрова старикъ, какъ и всъ другіе здешніе тунгусы, уходиль въ "горы" на промысель. Мое замъчаніе, что пора бы ему было попоконть свои старыя кости, вызвало со стороны старика оживленныя возраженія; онъ положительно не представляль себв возможности усидьть въ полутемной юртв, когда на дворв

уже пахнеть весной и всь добрые люди чинять свои ружья и собираются въ привычный для нихъ путь по разнымъ ущельямъ и переваламъ въ излюбленныя мъста родной тайги. Главной добычей для охотниковъ служить сохатый, мясо котораго разръзывается на тонкіе и длинные ломти и вывъшивается для просушки на деревьяхъ; хорошо провялившись, эти ломти складываются въ сумы, въ которыхъ они скоро превращаются въ труху; въ такомъ видъ мясо выдерживаетъ очень долгое время, не загнивая и сохраняя питательность. Въ охотскомъ округъ подобнымъ же образомъ высушиваютъ въ труху какую-то мъстную рыбу. Медвъдей и лисицъ въ этомъ краъ еще много, но цънный пушной звърь встръчается все ръже, и по общимъ опасеніямъ промыселъ падетъ еще больше въ томъ недалекомъ будущемъ, когда правительство серьезно приступитъ къ эксплоатаціи предполагаемыхъ горныхъ богатствъ Охотскаго края.

Самый цінный звітрь, соболь, ловится у верховій Алдана и Амги. Всів тамошнія "різчки", т.- е. лощины різкь, поділены между родовичами. Сами тунгусы объяснили мніз ціль ділежа тімь, "чтобы кто другой не наткнулся на стрілы" (разставленныя владівльцемь лова). Соболь, убитый кізмь-либо на мізсті, завіздомо принадлежащемь другому лицу, считаєтся собственностью владівльца мізста.

Наибольшаго терпънія требуетъ выслъживаніе дикихъ оленей, отличающихся необыкновенною чуткостью; къ нимъ приходится подкрадываться такъ, чтобы не хрустнула ни одна въточка.

Сохатый менве чутокъ, но за этимъ неутомимымъ звъремъ охотникъ неръдко долженъ гнаться нъсколько дней. Бываютъ случаи, что преслъдованіе продолжается недълю и даже долье; звърь и человъкъ всъ эти дни мечутся по горамъ и чащамъ, дълая самые короткіе роздыхи. Для того, чтобы вывезти убитаго звъря на ближайшую дорогу, неръдко бываетъ нужно вырубать въ густомъ лъсу длинныя просъки и впрягать въ нарту до десятка оленей. Туша сохатаго въситъ до 18 пудовъ, а за зиму въ удачный годъ тунгусъ успъваетъ добыть отъ 10 до 20 головъ. Такъ какъ мясо сохатаго составляетъ главную пищу тунгусовъ, то, значитъ, въ благополучный годъ тунгусская семья издерживаетъ около 250 пудовъ; но при расчетъ необходимо имъть въ виду, что древній обычай широкаго гостепріимства не вывелся у тунгусовъ до настоящаго времени: не только свой родовичъ, которому не повезло на охотъ, но и всякій захожій человъкъ днюсть и ночуєть въ урасъ добытчика.

Сравнительно съ сохатымъ и соболемъ всѣ другія животныя имѣють для тунгуса гораздо меньше значенія. Еще добывается красная лисица, изрѣдка бурая, а чернобурой уже не встрѣчается.

Въ большинствъ случаевъ тунгусы ходять на промысель въ одиночия

вание выста отправляются вдвоемъ. Събстные принасы везутся охотвисте в салазкахъ. Мбеячный принасъ на одного человъка состоитъ:
въз 30-те фунтовъ ячменной муки, 10-ти фунтовъ масла, небольшого
ворять, что всё эти продукты пріобрѣтаются тунгусами у якутовъ и
притомъ почти всегда въ долгъ, т.-е. по очень высокой оцѣнкъ. Въ
провитывался всю зиму олениной и сохатиной, нынѣ же и пища и орудія
провитывался всю зиму олениной и сохатиной, нынѣ же и пища и орудія
провитывался доставляются охотнику другимъ лицомъ, выдаются ему впе-

Тунгусы.

редъ въ счетъ предстоящей уплаты за мѣха, которые охотникъ долженъ доставить своему покрутчику. Такимъ образомъ фактически все тунгусткое населеніе, за исключеніемъ очень немногихъ зажиточныхъ людей, состоить въ вѣчной кабалѣ у нѣсколькихъ якутскихъ тайоновъ, усиъвшихъ нажить именно въ пушномъ дѣлѣ значительныя состоянія.

Второй промысель тунгусовъ-оленеводство.

Жилища тунгусовъ называются урасами и устраиваются такъ: нъеколеко довольно тонкихъ жердей слегка врыто въ землю и скръплено образуя конусъ, діаметромъ сажени въ двъ и вышивою саполторы. Эта основа снаружи обложена широкимъ оластомъ тяжеловъсной красновато-коричневой лиственничной корм шириною въ аршинъ съ небольшимъ. Выше этого пласта оболочка урасы состоитъ изъ такихъ же широкихъ пластовъ бересты, навитыхъ по большей части нъсколько спиралеобразно. Самая верхушка конуса остается незащищенной для свободнаго выхода дыма. Отверстіе для входа въ урасу очень низко и на ночь завъшивается или отгибнымъ пластомъ бересты, или просто кускомъ грубаго холста.

Внутреннее убранство современной урасы имветь въ себв кое-что заимствованное отъ русскихъ. Прежде всего прямо противъ входа, на высотв примврно двухъ аршинъ, во всякомъ жильв непремвно подвънена божница съ дешевыми образочками и массивными мвдными крестами; затвмъ у зажиточныхъ людей направо отъ входа наввшивается на веревочкъ ситцевый пологъ, по большей части отдернутый. У бъдняковъ такихъ пологовъ не бываетъ. Предметы русскаго издълія, которые можно встрівтить въ любой урась: мвдные котлы, эмалированныя тарелки (одна-двів на семью), чашки, блюдечки и стаканчики простійшаго фасона, одна-двів вилки, да пожалуй и только. Большіе мвдные чайники имвются почти у всіхъ тунгусовъ, но есть и такіе біздняки, которые довольствуются простыми котлами. Самоваръ можно встрівтить не такъ часто, но все-таки нельзя сказать, чтобы онъ составляль большую різдкость.

Въ остальномъ ураса не измѣнилась, и все ея убранство состоитъ изъ ряда оленьихъ вьюковъ и сѣделъ, аккуратно уложенныхъ по окружности у самыхъ жердей основы. Въ центрѣ круга, какъ разъ подъ отверстіемъ конуса, въ урасѣ всегда тлѣетъ нѣсколько мелкихъ полѣньевъ или обломковъ дерева. Подъ образами, на почетномъ мѣстѣ, лежитъ кумаланъ, т.-е. коврикъ изъ лосиной кожи; иногда такіе же кумаланы бываютъ разостланы и рядомъ, почти по всей окружности урасы, прямо подъ стѣнкою вьюковъ. Все свободное пространство между вьюками и костромъ усыпается мелкими лиственничными вѣтвями, сглаживающими неровность почвы и наполняющими воздухъ урасы пріятнымъ, смолистымъ запахомъ.

Изъ деревянныхъ подълокъ въ урасъ можно увидъть только двъ вещицы: столикъ, болъе похожій на скамейку, и маленькій якутскій погребецъ для храненія чашекъ и другой посуды.

Вьюки, играющіе такую важную роль въ хозяйствъ тунгуса, состоять изъ двухъ помъщеній: внутренняго берестяного и внъшняго кожанаго: первое составляетъ собственно коробъ, а второе — футляръ этого короба. Всъ вьюки по узкимъ бокамъ непремънно украшены мечевидными нашивками краснаго и чернаго цвъта. Съдла также украшены узоромъ. Съ наибольшимъ эффектомъ художественный вкусъ тунгусовъ проявляется въ украшенія зимнихъ рукавицъ и кухлянокъ, на которыхъ цвъта и узоры почти всегда подобраны чрезвычайно красиво. Лажка

одежда тунгусовъ, наоборотъ, не сохранила въ себъ ничего ориги-

Всё женщины, какихъ я видёлъ, были одёты въ широкія ситцевыя рубахи якутскаго покроя, преимущественно краснаго или бёлаго цвёта; бёдныя носятъ совершенно такія же рубахи изъ синей дабы. Мужчины, повидимому, отдаютъ предпочтеніе красному и зеленому цвёту, но бёдняки облекаются въ неизмённую синюю дабу, столь распространенную среди сибирскихъ инородцевъ. Покрой ихъ рубахъ—общесибирскій, замиствованный черезъ якутовъ у русскихъ крестьянъ: широкая, длинная блуза съ подобранными узкими нарукавниками. Большинство мужчинъ подстригаетъ свои густые, жесткіе волосы почти въ кружокъ, а нёкоторые оставляють ихъ расти свободно, такъ что черныя пряди ниспадають по плечамъ, придавая смуглымъ, темноглазымъ лицамъ этихъ людей что-то поэтически дикое и оригинальное.

Бойкость, развязность и словоохотливость тунгусскихь детей представляють поразительный контрасть съ обычною флегматичностью маленькихъ якутятъ. Въ якутской юрть при появлении незнакомаго русскаго дети обыкновенно забиваются за камелекъ и держать себя на первыхъ порахъ робко и принужденно; въ урасахъ наоборотъ: мальчишки нисколько не робъють передъ русскимъ, а со взрослыми изъ своихъ они обращаются совершенно запросто. Въ домашнемъ быту на дътяхъ лежить особая обязанность — добываніе и расколка мелкаго сушника для костровъ. Девятилътняго мальчика начинають подучивать стръльбъ, а годамъ къ 14-ти подростокъ становится уже не на шутку помощникомъ отца. Одинъ тунгусенокъ, котораго я встрътилъ, разсказалъ мив исторію своего воспитанія, подтвержденную и отцомъ разсказчика, видимо очень гордившимся успъхами сына: маленькій Байбачанъ началъ стрълять съ девяти лътъ и въ первую же зиму убилъ куропатку; это событіе осталось въ памяти всей семьи, какъ настоящій праздникъ. На следующую зиму Байбачанъ подстрелилъ уже 17 белокъ и 5 горностаевъ. На третью зиму онъ "добылъ" 110 бълокъ и съ этого времени считалъ себя заправскимъ охотникомъ.

Древніе луки давнымъ-давно исчезли изъ употребленія. Главнымъ орудіємъ промысла нынѣ является ружье, наполовину самодѣльное и вполнѣ арханческое по устройству. Самый распространенный типъ—короткоствольная кремневая винтовка, но у нѣкоторыхъ тунгусовъ можно встрѣтить старыя солдатскія ружья такихъ образцовъ, которые давно вышли изъ употребленія. Старинное копье и якутская пальма *) соста-

^{*)} Пальма состоить изъмассивнаго лезвея, съ одной стороны прямого и плоскаго, а съ другой выгнутаго и заостренняго. Это лезвее, вмъющее около аршина длини, насажено на такое же короткое древко; все оружіе въ цѣломъ имѣетъ форму огромняго ножа; по нуждѣ оно замѣняетъ топоръ, копье, дротикъ, ножъ и пешню.

вляютъ холодное оружіе, имъющееся и теперь у всякаго тунгуса. Лезвес тунгусскаго копья не особенно длинно, заострено съ двухъ краевъ и насажено на древко, длиною приблизительно въ 2 арш. 10 вершковъ. Копье служитъ тунгусу въ тотъ критическій моменть, когда раненый медвъдь встаеть на дыбы и, вытянувъ лапы, напираетъ на человъка; въ такой моментъ тунгусъ бросаетъ свою безполезную винтовку, наскоро отскакиваетъ на такое мъсто, гдъ почва покръпче, и тамъ пригибается на бокъ и ждетъ не шелохнувшись, придерживая правою рукой древко копья у самой земли, а лъвой—у середины; въ надлежащій мигъ, когда медвъдь уже надъ нимъ, человъкъ внезапно выпрямляется

Стойбище тунгусовъ.

и этимъ движеніемъ съ силою вонзаетъ свое оружіе въ грудь врага. Самые ловкіе и самоувъренные смъльчаки отваживаются на пріемъ еще болъе рискованный: они присаживаются на землю, подогнувъ правую ногу калачикомъ, а лъвую нъсколько отставивъ впередъ; вся тяжесть корпуса при такомъ положеніи налегаеть на копье, и сила удара, который наносится при внезапномъ выпадъ впередъ, получается страшная; но ужъ туть, дъйствительно, нужны такое проворство и зоркость, которыхъ не у тунгуса не найти. Впрочемъ, охота не всегда кончается такъ удачно. Мнъ пришлось увидъть однажды старика съ лицомъ, обезображеннымъ до такой степени, что на него страшно было смотрътью ни носа, ни губъ на этомъ лицъ не было, одного глаза не было, одна щека представляла собой что-то невъроятное, вся голова, если смот

съ боку, казалась мертвой. Оказалось, что давно, въ ту пору, когда этотъ старикъ былъ еще крвикимъ мужчиной, ему однажды не посчастливилось при встрвчв съ медвъдемъ, — звърь его изувъчилъ, но почему-то не загрызъ, а ушелъ въ лъсъ. Очнувшись на снъгу съ однимъ глазомъ и лишь съ половиною лица, человъкъ поползъ въ свою урасу, версты за двъ до мъста встръчи. Ползъ онъ до вечера, истекая кровью и часто лишаясь чувствъ. За полверсты отъ жилья его замътили и на рукахъ принесли подъ кровъ. Тунгусъ отлеживался послъ этой встръчи два мъсяца, но, едва вставъ на иоги, сейчасъ же началъ поиски берлоги съ тъмъ, чтобы во что бы то ни стало еще разъ — и непремънно одинъ на одинъ — перевъдаться со своимъ врагомъ и отомстить ему за увъчье. Новая встръча оказалась для человъка удачнъе: звърь былъ убитъ, и только тогда тунгусъ успокоился.

Интересны условные знаки, посредствомъ которыхъ тунгусы дають другь другу свъдънія о своихъ разътздахъ: отправляясь въ дальній путь, тунгусъ втыкаеть въ снъгъ палку съ легкимъ наклономъ по направленію своего пути; при нам'вреніи расположиться на стоянку гдфнибудь невдалек в наклонъ палки увеличивается; при поворот въ сторону отъ извъстнаго пути прежній путь перегораживается палкой, а на новомъ втыкается другая палка. Если въ семьъ странствующаго ктонибудь боленъ, то на деревъ дълается затесъ, на которомъ изображается углемъ человъкъ, лежащій на боку или навзничь; въ случаъ смерти кого-нибудь изъ семейныхъ человъкъ изображается лежащимъ ничкомъ. Иногда вмъсто рисунка соотвътственное изображеніе выръзывается изъ бересты и въщается на деревъ. Такъ, желая предупредить другихъ охотниковъ о томъ, чтобы они привязывали къ нартамъ своихъ собакъ, такъ какъ въ окрестностяхъ разбросана отрава на лисицу, тунгусъ выръзываетъ изъ бересты и подвъшиваетъ на видномъ мъстъ фигуру собаки и т. п.

Тунгусы — довольно ревностные христіане. Однажды мив пришлось присутствовать на ихъ богослуженіи: прівхавшій священникъ по просьбв тунгусовъ служилъ молебенъ объ избавленіи оленей отъ мора. Все стадо было для этого собрано въ кучу въ особомъ загонъ близъ урасы. Прямое назначеніе такихъ загоновъ — защита оленей отъ полдневнаго жара. Высокія лиственницы съ зелеными вътвями устанавливаются для этого полукругомъ въ наклонномъ положеніи; близъ нихъ разводится нъсколько дымокуровъ, и олени въ сильный зной или при особенно зломъ комаръ сами сбъгаются подъ защиту тъни и дыма. Передъ молебномъ нъкоторыхъ животныхъ привязали къ пенькамъ и къ валявшимся на землъ старымъ лъсинамъ, другихъ придерживали коротенькими ремнями люди мужчины, женщины и дъти, и стадо покорно стояло во все время службы. лишь слегка пошевеливаясь и переминаясь съ ноги на ногу. Присоеди-

нившись къ молящимся, я присутствоваль при своеобразномъ зредище, запавшемъ мнъ въ память: на лъсной лужайкъ, близъ берега тихой ръки, полускрытой нависшими надъ ея гладью вътвями, передъ страннымъ, зеленымъ сооруженіемъ, похожимъ на какой-то первобытный алтарь, стояль въ облачение русскій священникъ, окруженный, словно густымъ кустарникомъ, вътвистыми рогами присмиръвшихъ оденей. Весь народъ со стойбища столпился туть же въ одномъ кругу съ оленями. Лица у вськъ варослыкъ были серьезны и внимательны; только у дъгей, выглядывавшихъ изъ-за вътвей загона, глаза горъли живымъ любопытствомъ. Служба велась на двухъ языкахъ: "помилуй и скотовъ сихъ, яко Ты еси податель жизни!" возглашалъ священникъ по-русски; "Аи-Тойонъ абра, Ан-Тойонъ абра, Ан-Тойонъ абра!" (Господи помилуй) прорывался сквозь плавный потокъ славянскихъ словъ якутскій речитативъ псаломщика. Смуглая толпа съ одинаковымъ вниманіемъ слушала понятные и непонятные возгласы, крестилась и низко склоняла головы подъ синими волнами кадильнаго дыма.

У юкагировъ.

(Іохельсона.)

7-го августа 1895 г. я въ собственномъ карбасъ поднялся изъ Верхне-Колымска вверхъ по ръкъ Ясачной и остановился въ 10-ти верстахъ отъ Верхне-Колымска, тамъ, гдъ въ р. Ясачную впадаетъ рукавъ Колымы, называемой Прорвой. 17-го августа я вывств съ своими спутниками по рукаву Прорвъ вышелъ на р. Колыму. Это была цълая флотилія изъ 3-хъ карбасовъ и 4-хъ "вітокъ" (легкихъ лодокъ). Наше общество состояло изъ 22-хъ человъкъ (10-ти мужчинъ, 6-ти женщинъ и 6-ти дътей). Въ первомъ карбасъ, кромъ меня, казака и переводчика, еще были 3 юкагира, тянувшихъ дямку. Остальные мужчины въ легкихъ въткахъ плыли впереди. Два другіе карбаса съ дътьми, урасами и хозяйствомъ тянули женщины сзади, за нами бъжало 20 собакъ, оживляя пустынные берега. Юкагиры не заставляють собакъ тянуть лодки, какъ это дълають ниже по Колым'в русскіе и якуты. Хорошій бечевникъ весьма ръдокъ. Берега крутые или покрыты растительностью дъвственныхъ лъсовъ; гдъ человъкъ пройдетъ, перебросивъ черезъ дерево бечеву или вырубивъ себъ дорогу, тамъ собака запутается. Вся эта область прелставляетъ совершенно еще невъдомый, неизслъдованный край. Долина р. Колымы, къ югу отъ устья Ясачной, т.-е. болье 1.100 версть отъ океана, отличается еще значительной шириной, и Колыма еще является большой ръкой съ многочисленными островами, мелями и протоками, но незначительной глубиной и весьма быстрымъ теченіемъ. Долина ръки пролегаеть по съверному склону общирнаго плоскогорія, на которомъ

возвышаются отдільные хребты. Сейчасъ за устьемъ ріжи Ясачной, къюгу, она еще имість видъ довольно общирной равнины. На лівомъ берегу, отлогомъ, покрытомъ дресвой и мелкой галькой, только издали виднікотся горные отроги. На правой сторонів горы отступають къ востоку и холмисты; берегь образуеть крутые и осыпающісся земляные яры, покрытые лиственнымъ лісомъ, но въ 80 ти верстахъ отъ Ясачной горы съ востока подходять къ самой рікі: оні то образують куполообразныя вершины съ покрытыми лісомъ склонами, то представляють причудливыхъ формъ обнаженія вывітрившихся известняковъ и песчаниковъ. Около Коркодона долина Колымы суживается и вся містность принимаеть характеръ настоящей горной страны.

Когда вдешь со стороны тундры на югь, весьма интересно наблюдать, какъ ползучіе кусты и корявыя лиственницы границы лісовъ постепенно переходять въ роскошные кустарники и стройный лісь и какъ съ появленіемъ новыхъ видовъ изміняется весь растительный покровъ. Верхне-Колымскъ на 30 юживе границы лесовъ, и лиственницы уже имъють здъсь совершенно иной рость: это прямыя, стройныя, высокія деревья. Появляются березовыя, осиновыя и тополевыя роши, острова и низкіе берега покрыты роскошными ивами и вербами. Къ югу отъ Верхне-Колымска бълый тополь достигаетъ толщины въ 2 обхвата. Пзъ него юкагиры выдалбливають нижнюю часть для карбасовъ. Но сосна и ель еще здёсь неизвёстны. Такого обилія ягодъ я еще раньше не видълъ въ съверу отъ Верхоянского хребта. Здъсь есть 4 разновидности смородины, на склонахъ хребтовъ кусты малины и дикой розы, въ долинахъ ръкъ черемуха, которой я не встръчалъ около Средне-Колымска. Но юкагиры многихъ ягодъ не любятъ. Малины не ъдятъ, низывая ее собачьей ягодой, смородины тоже не любять и называють русской ягодой. Самой любимой ягодой считается голубика, а затымъ собираютъ плодъ шиповника, терпкую ягоду черемухи и бруснику. Вся южная часть округа, между рр. Ясачной и Коркодономъ и къ югу отъ Коркодона совершенно пустынна и безлюдна. Осенью только отдельные юкагиры въ въткахъ отправляются настораживать снаряды на лисицъ, разставленные по берегамъ ръкъ и ръчекъ.

Лѣто 1896 года было холодное. Въ день выѣзда изъ Верхне-Колымска, т.-е. 7-го августа, замерзъ картофель на огородъ священника. За все время пути температура по ночамъ падала ниже 0, но днемъ поднималась до 15° Ц. Однако, низкая температура не мѣшала въ ясные дни преслъдовать насъ тучамъ мошки. 5-го сентября выпалъ снъгъ и горы кругомъ побълъли.

Первый ночлегь мы устроили черезь 10 версть отъ Прорвы Сейчасъ, какъ пристають къ берегу, женщины, несмотря на усталость ставять изъ жердей коническій остовъ урасы, который покрывають ров-

дугой (замшей), потомъ приносять на себъ дрова и разводять огонь. Мужчины ставять въ удобныхъ мъстахъ съти. Всего у насъ было 15 сътей.

Первый промысель быль весьма удачень; пойманной рыбы оказалось достаточнымъ не только на ужинъ, но и на завтракъ слѣдующаго утра. Поэтому мои безпечные спутники сейчасъ же сняли сѣти, а на второй день, на слѣдующемъ ночлегѣ, ничего не добыли. Изъ 20 дней пути только на шести ночлегахъ удачно промышляли рыбу. На остальныхъ ночевкахъ добывали по 2 по 3 рыбы на все общество. Мы отправлялись обыкновенно въ 10 ч. утра. Въ три часа пили чай всѣ вмѣстѣ. Въ 5 часовъ снова поднимались и въ 8 ч. останавливались на ночлегъ.

За все время пути мы не встрътили ни одного человъка, не удалось также увидать оленя, хотя по берегамъ неръдко встръчали оленьи слъды. Но зато мы много разъ видали медвъдей. Разъ вечеромъ, когда мы пристали къ берегу, собаки вдругъ кинулись въ лъсъ, но скоро выбъжали, преслъдуемыя большимъ медвъдемъ въ сопровождени трехъ другихъ меньшихъ медвъдей, очевидно, самки и двухъ дътенышей: увидъвъ наши лодки и людей, медвъди весьма поспъшно удалились въ лъсъ; быстрый топотъ ихъ ногъ и необыкновенный трескъ сучьевъ свидътельствовали о томъ, что они бъжали галопомъ. Хотя у насъ были казенныя берданки и хотя юкагиры вообще не боятся медвъдей, тъмъ не менъе ночное время не позволяло ихъ преслъдовать.

Съ устья Коркодона одинъ изъ въточниковъ поъхалъ впередъ и скоро мы были встръчены цълою флотиліею карбасовъ. Туть было все коркодонское населеніе, не исключая женщинъ и дътей. Трудно себъ представить болье пугливое, конфузливое и стыдливое населеніе, какъ эта кучка людей, затерянныхъ въ долинахъ ръчекъ среди горъ. Когда мы вышли на берегъ, каждый поочереди подходилъ, кланялся и снималъ шапку. Даже дъвушки и женщины быстро скидывали свои вышитыя шапочки.

Льтомъ, около Петрова дня, къ Верхне-Колымску приплываетъ цълый флотъ юкагирскихъ лодокъ и вътокъ съ пъснями и многочисленными салютами изъ кремневыхъ ружей. Спускаясь съ вершинъ разныхъ ръчекъ, юкагиры собираются на Ясачной въ 10 верстахъ выше Верхне-Колымска, и оттуда всъ вмъстъ спускаются къ городу, все населеніе котораго состоитъ изъ церковнаго причта, русскаго приказчика и двухътрехъ якутскихъ семействъ. Тутъ юкагиры вносятъ исправнику, который пріъзжаетъ изъ Средне-Колымска, ясакъ, священникъ исполняетъ требы, а якутскіе и русскіе торговцы вымъниваютъ у юкагировъ то, что ими было добыто зимой и весной, на чай, табакъ, ситецъ или платки. Берутъ также у юкагировъ за безцънокъ или за старые сомнительные долги карбасы, которые юкагиры дълаютъ изъ бълаго тополя,

Съ прітадомъ юкагировъ рака Ясачная у Верхне-Колымска оживляется, берегь покрывается кожаными коническими урасами, и парни и діввушки по цізымъ днямъ ведуть круговой танець. Такъ проводять они время до конца іюля, питаясь случайнымъ промысломъ какой-нибудь птицы или рыбы и живя больше чаемъ. Но вотъ пришли морскія рыбы: омуль и нельма, идущія изъ океана въ ріжи для метанія икры и ріжа оглашается радостными криками. Главный промысель на р. Ясачной омулевый. Первыя партіи омуля пропускають: ихъ не промышляють, чтобы не испугать рыбу, а то она уходить назадъ въ Колыму. Но когда ходъ омуля вверхъ установится, начинается промысель. Кто ставить съти, кто закидываетъ неводъ. У юкагировъ ръдко у кого есть неводъ, а про свои съти они сами говорять, что медвъдь можеть пройти черезъ громадныя дырья, не то что омуль: до того съти изорваны. Какъ всъ ръки съвера Якутской области, за исключеніемъ Лены, на которой пески составляють собственность якутскихь наслеговь и сдаются съ торговь, р. Ясачная свободна для всякаго промышленника. Сюда во время хода омуля приходять съ разныхъ мъсть якуты, ламуты и верхне-колымскіе русскіе. Тъ, у кого есть невода, соединяются вмъстъ, и промысель носить общественный характерь, рыба делится на паи между хозяевами неводовъ. Вмъсть съ послъдними партіями омуля поднимаются вверхъ по Ясачной и юкагиры. Къ 10-15 сентября они занимаютъ свои зимніе срубы на устью р. Нелемной, притока Ясачной, въ 80 в. отъ Верхне-Колымска. Къ концу сентября р. Ясачная уже стоитъ. Въ октябръ в ноябръ промышленники, партіями въ 2-3 человъка, пъшкомъ или на 2-4 собакахъ, отправляются "бълковать". По дорогъ они осматриваютъ лисьи довушки, настороженныя осенью. Женщины, дъти, старики сидять въ это время дома, мнутъ шкуры и готовять летнюю одежду. Декабрь и январь мъсяцы, самые холодные, юкагиры проводять дома и если пища есть, то проводять время весьма весело. Каждый день то въ одномъ, то въ другомъ домъ собирается молодежь для танцевъ и игръ. Въ это время въ юкагирскіе поселки по Ясачной подъ разными предлогами и безъ всякихъ предлоговъ являются якуты и, пользуясь первобытнымъ гостепріимствомъ, живуть по недъдямь и ъдять приготовленную рыбу, такъ что въ самый лучшій годъ пищи юкагирамъ не хватаетъ до февраля. Въ февралъ мъсяцъ юкагиры оставляють зимніе дома, кладуть свои ровдужные шатры на нарты и начинають кочевать по различнымъ ръкамъ по нъскольку семействъ виъстъ, но въ каждой группъ имъстся одинъ хорошій промышленникъ, который промышляеть дикихъ оленей во главъ другихъ юкагировъ. Собакъ у юкагировъ мало, кормить ихъ нечемъ, и въ кочевкахъ, за исключениемъ дряхлыхъ стариковъ, больныхъ и маленькихъ детей, все ходять пешкомъ. Тяжело и виветьсь темъ смешно видеть пятилетняго мальчика или девочку на лыжахъ и

съ посохомъ, когда они карабиаются на гору, проваливаются въ снъгъ, отстаютъ отъ табора и плачутъ отъ холода.

Такъ проходить зима и весна, потомъ снова строять суда, и снова съ вершинъ разныхъ ръчекъ отдъльныя группы голодныхъ семействъ съъзжаются въ Верхне-Колымскъ. Такова жизнь ясачныхъ юкагировъ. Если омулю не понравилась вода р. Ясачной и, минуя ее, онъ ушелъ вверхъ по Колымъ, тогда съ лъта уже начинается недоъданіе, и къ осени наступаетъ настоящій голодъ.

То же самое бываеть весной, если духъ, покровитель оленя, не хочеть давать дикихъ оленей. Тогда юкагиры по 3-4 дня бродять безъ пищи. Послъ весенней голодовки юкагиры пріъзжають въ Верхне-Колымскъ безъ залповъ и пъсенъ, въ одиночку.

Болье жалкую жизнь трудно себь представить. Тымъ не менье находятся люди, которые наживаются и богатьють на счеть этихъ людей.

Ночью, 18 сентября, замерзии берега, пошла шуга, и мы спустились по ръкъ къ зимнему становищу, гдъ находились зимніе срубы-землянки съ якутскими камельками и ледяными окнами. Вездъ щели въ дверяхъ и ствиахъ, съ низенькаго потолка сыплется земля, камелекъ не закрывается, чернила ночью замерзали, а днемъ нужно было гръть ихъ у камелька. Но зато въ дом'в всегда чистый воздухъ, отсутствие сырости и въчнихъ угаровъ, которые донимали меня въ домахъ колымчанъ русскихъ, затыкающихъ сверху трубы оленьей шкурой и всякимъ тряпьемъ. А посл'в урасы, въ которой можно было писать только возл'в огня очага, срубъ-землянка оказалась очень удобной квартирой. Здёсь я имълъ несчастіе быть свидітелемъ голодовки. Осенній промысель быль плохъ. Во время промысла питались, но въ запасъ нечего было класть. Въ открытыхъ мъстахъ ръки стояли верши, въ проруби спускались съти, но каждый день добывалось въ нихъ на все население 6 - 10 рыбъ. Трудно забыть видъ голоднаго человъка-съ засохшими губами, воспаленными глазами, блуждающимъ взоромъ. Собаки бродили голодныя, предоставленныя самимъ себъ. Наконецъ, 8 ноября явились два семейства ламутовъ, и я купилъ у нихъ двухъ оленей и могъ подълиться съ юкагирами мясомъ. На слъдующій день пришли еще четыре семейства. Я пригласиль тогда къ себъ всъхъ домохозяевъ, въ числъ которыхъ былъ одинъ родовой князекъ, и предложилъ имъ сдёлать пожертвованіе оленями въ пользу голодающихъ юкагировъ, на территоріи которыхъ они промышляють былку. Они тотчасъ же согласились, хотя были тоже небогатые люди, владъльцы стадъ въ 15-20 оленей. Два человъка дали по два оленя, остальные по одному. Ламуты прикочевывають сюда съ табунами оленей, которыхъ меняють на белку. За жирнаго оленя беруть 50 бълокъ, за сухого – 40, за двухгодовалаго 2000 г. По словамъ юкагировъ, ламуты, вторгаясь, начинають промышлять прежде

времени, не дожидаясь юкагировъ. Зимой разгоняють бѣлокъ, весной оленей, и юкагиры, когда выходятъ, находятъ только слѣды ламутовъ и разогнанныхъ ими животныхъ. Раньше, когда якуты-торговцы не ѣздили на Коркодонъ, ламуты давали даромъ юкагирамъ оленьи шкуры на одежду; теперь якуты все покупаютъ и ламуты перестали давать. Очень часто теперь ламуты скрываются отъ юкагировъ, не указываютъ имъ своихъ стойбищъ, чтобы они не выпращивали. Но бываетъ, что дѣло доходитъ до споровъ, пререканій и угрозъ. Въ 1890 г. весной юкагирскій князь съ нѣсколькими семействами, кочуя вверхъ по Колымѣ, прикочевалъ

Юкагирскія женщины.

къ Коркодону. Туть онъ встрътился съ коркодонскими юкагирами. У тъхъ и у другихъ не было промысла. Начался голодъ. Они во всемъ обвиняли ламутовъ. Юкагиры разыскали ихъ и стали требовать пищи. Ламуты отказывали. Въ это время прівхаль съ Колымы якутскій князекъ для обмѣна. Юкагиры обратились къ нему, какъ къ третейскому судьѣ. "Ты насъ суди", сказали юкагиры. Были посланы гонцы въ ламутскія стойбища. Старики явились. Якутскій князекъ, который привезъ одку, чтобы мѣнять ее на лисицъ, оказался тѣмъ не менѣе не только эгоразумнымъ, но и справедливымъ судьей. Юкагирскій князь сталь позу просителя, т.-е. сложилъ руки на груди, и посланы покачивали головами, ламуты сидѣли, посрещення покачивали головами, ламуты сидѣли, предиження въ

"Вы люди съ конями, вы люди съ оленями, — началъ юкагирскій князь, обращаясь къ якутамъ и ламутамъ, — а мы — люди пъщіе. У насъ есть собаки, но наши бабы должны тащить нарту съ домомъ и дътьми. Конь самъ найдетъ траву, олень-мохъ, а собаку надо кормить. Когда у человъка нътъ ъды, то и у собаки нътъ ъды. Наши люди расходятся въ разныя стороны, - тутъ онъ раздвинулъ пальцы рукъ, чтобы наглядно показать, какъ расходятся, ищемъ фды, ищемъ одежды. Никого неть, бълокъ нътъ, оденей нътъ, только и есть дамутскій слъдъ, "пустой" ламутскій слідъ; отъ голода щеки впали, высожли; что мы будемъ одіввать на будущій годъ? Оленей ніть, ніть мохнатой одежды, оть холода замерзнемъ. Вы, верховые люди, пришли на нашу землю, разогнали бълокъ, оленей, насъ, людей, своими ногами ходящихъ, не ждете. Хоть вивсть бы въ одно время промышляли. Теперь дайте намъ мяса, дайте шкуръ. Ты ходишь въ кръпость (т.-е. въ Средне-Колымскъ), -- закончиль онь, обращаясь къ якутскому князьку, -- ты видишь нашихъ начальниковъ и своихъ людей, ты разсуди насъ". Ламуты возражали, что и они царскіе люди, что они тоже дають ясакъ и что земля эта парская. Они промышляють тамъ, гдв есть промысель. Кому хозяннь место даетъ, кому нътъ, они въ этомъ неповинны. "Если мы будемъ ъсть своихъ твадовыхъ оленей, то тоже будемъ птышими, сказали ламуты. Но якутскій князекъ присудиль, что ламуты должны дать оленей для тады, ибо какъ не дать людямъ, которые голодаютъ; относительно шкуръ на одежду пусть сами разсудять, ибо еще неизвістно, промышляли ли бы юкагиры, если бъ ламутовъ не было. Ламуты дали по оленю на каждое семейство. Разумъется, мяса хватило только на нъсколько дней.

Обратный путь съ Коркодона я совершилъ на лошадяхъ. Дорога шла по ръкъ Коркодону, а потомъ по Колымъ. Мъстами р. Коркодонъ была открыта. Вездъ наледи, скрываемыя глубокимъ снъгомъ, не дававшимъ имъ замерзнуть и ръчному льду утолститься. Надъ открытыми мъстами, полыньями, стоялъ густой паръ. Кони, ступая по бълому снъгу, погружались въ жидкую снъжную кашу, моментально примерзавшую къ щеткамъ ихъ ногъ. Ледъ проламывался, лошади проваливались.

Мъстами съ объихъ сторонъ крутые хребты, а по всей ръкъ разливается вода, обхода нътъ. Но за мной прівхали съ Ясачной самые опытные проводники. Одинъ изъ нихъ шелъ впереди на широкихъ лыжахъ и длиннымъ копьемъ пробовалъ кръпость льда. Другой, за нимъ, верхомъ на конъ, обозръвалъ окрестность и указывалъ направленіе. Паступало самое суровое время года. Природа засыпала холоднымъ сномъ. Кругомъ спокойствіе и безмолвіе. Все мертвенно, блъдно и неподвижно. Медвъдь спитъ въ берлогъ, бълка не выходитъ изъ гнъзда. Дятелъ пересталъ долбить кору лиственницъ. Заяцъ дремлетъ подъ корнями упавшаго дерева. Глухарь и куропатка зарываются въ снъгъ,

Часто въ лѣсу, когда наступаешь на снѣгъ, изъ-подъ ногъ вылетаетъ испуганная куропатка. Зимующая тамъ бѣлая сова сидитъ, спрятавъ голову подъ крыломъ, а четвероногіе хищники лежатъ свернувшвсь, уткнувъ морду въ густую шерсть. Въ воздухѣ посѣдѣло отъ дыханія природы. Солице подъ той широтой не скрывается вполить, но въ то время оно весь день стоитъ на краю горизонта, холодное, безъ лучей и блѣдно-желтое, какъ дно мѣднаго таза. Оно не ослѣпляетъ глазъ и не въ состояніи затмить своего собственнаго отраженія: блѣдный дисвълуны и днемъ не сходить съ небеснаго свода.

Для ночлега выбирали мъста, закрытыя отъ вътровъ, въ лъсу съ сухостоемъ, чтобы подъ руками былъ сухой лъсъ. Одни разгребали лопатой или лыжами сныгь, устроивъ высокій валь, другіе рубили и валили деревья. Въ центръ вала зажигали громадный костеръ изъ толстыхъ лиственничныхъ стволовъ, концы которыхъ расходятся въ разныя стороны. По объимъ сторонамъ костра, вдоль пылающихъ стволовъ, въ снъжный валь втыкають наклонно жерди и ихъ снаружи закрывають ровдугой. Подъ уклономъ этого щита устранвають постель изъ оленьихъ шкуръ. Громадное пламя костра быстро обращаеть кругомъ себя сиъгъ въ паръ, который снова осаждается инеемъ на охлажденной поверхности лица, волось и мохнатой одежды. Густое облако окутываеть стань, а побълъвшіе люди дълаются похожими на большихъ зайцевъ. Но съ какимъ наслажденіемъ проглатываешь тогда горячій чай и грьешь руки о чашку. Самое худшее-это спать въ этихъ полярныхъ гостиницахъ, но къ холоду, какъ ко всему на свъть, можно привыкнуть. Многіе ипородцы раздъваются догода и закрываются одъяломъ изъ оденьихъ или заячьих шкурокъ. Оно оканчивается мъшкомъ для ногъ. Инородии ложатся головой къ востру вопреки нашей поговоркъ: держи голову въ холодь, а ноги въ тепль, точно боятся заморозить мозгъ.

Всё заснули. Костеръ пересталъ горѣть, только тлѣеть. То у того, то у другого изъ спутниковъ открывается часть тѣла,—спина или грудь—и покрывается инеемъ, но они продолжають спокойно спать. Въ первое время эти ночлеги не могутъ иравиться. Къ нимъ трудно приспособиться. Подъ мѣховымъ одѣяломъ, если закроешься совсѣмъ, трудно дышать, задыхаешься. Вотъ немного откроешь одѣяло, но какъ только засыпаешь, чувствуешь, что морозъ щиплетъ носъ. Просыпаешься и ве можешь открыть глазъ, вѣки смерзлись, отъ дыханія лицо покрылось инеемъ и приподнятый край одѣяла затвердѣлъ какъ древесная кора... Нотомъ привыкаешь къ этимъ ночевкамъ.

Иаконецъ мы прітьхали въ юкагирскій поселокъ. Трудно описать удовольствіе, которос испытываешь посять такой дороги въ домъ, какой бы тъ ни былъ, передъ пылающимъ огномъ камелька.

Колымскій округъ.

(Діонео.)

Трудно представить что-нибудь болью печальное, чымъ видъ "колымской стороны" съ Алазейскаго хребта, составляющаго границу двухъ округовъ, Верхоянскаго и Колымскаго.

Сами горы не высоки (около 3-хъ тысячъ футовъ); но лютые холода пресъкаютъ растительность, встръчаются только тонкія, чахлыя лиственницы, странно скрученныя спиралью. Это все дъйствіе стужи, достигающей здъсь страшной цифры—60° и даже нъсколько ниже по Ц. Вершина хребта—обнаженная.

Одиноко вырѣзывается на сѣромъ небѣ покачнувшійся кресть, обвѣшанный крылышками куропатокъ, пучками конскаго волоса, тряпочками и т. п. Это—все жертвы "хозяину мѣста", духу горы. Сбейте рукавомъ вашей мѣховой кухлянки толстый слой инея, покрывшій кресть. Вы прочтете тогда рядъ грустныхъ надписей, сдѣланныхъ невольными туристами, посылающими послѣдній привѣтъ дорогой далекой родинѣ. Бѣлесыя сумерки полярнаго зимняго, безсолнечнаго "дня" скрываютъ горизонтъ, сгущая такимъ образомъ и безъ того уже мрачныя краски. Куда глазомъ ни кинешь—безконечная снѣжная равнина. Легкой волной лишь на сѣверъ, къ берегу Ледовитаго океана, уходитъ гряда невысокихъ холмовъ.

Лътомъ край врядъ ли веселье. На вершинь хребта, какъ на всъхъ горахъ крайняго съверо-востока, вы находите болото. Такое же болото у подножья горы. Ближайшее жилье-въ разстояни 300 версть. Лъсъ крайне ръдокъ. Всюду безконечные "бадараны". Нужно себъ представить безконечную равнину, на которой, на общемъ ровномъ милистомъ фонъ, наляцаны громадныя бълесыя пятна ягеля. Нога какъ въ губку уходить въ толстый слой моха. Следъ тотчасъ же наполняется водою. Вначаль конь (единственное возможное здъсь сообщение льтомъ - верхомъ) ступаетъ по сравнительно твердому грунту, затъмъ нога лошади все глубже и глубже уходить въ толстый слой моха. На рыжемъ фонъ бълъють въ изобиліи оленьи рога. Но воть все чаще и чаще слышится глухое чвоканье и хлюпанье подъ ногами. Вмфсто почвы теперь уже какая-то каша изъ грязи и моха, въ которой конь вязнеть по брюхо. Почва еще болъе понизилась. Мохъ исчезъ. Всюду, куда глазомъ ни окинете, ярко-зеленый лугь. Вы рады, что кони, наконецъ, пойдуть по твердому грунту. Разочарованіе наступасть быстро. Ступивъ на этоть лугъ, кони уходятъ выше брюха въ ржавую воду, подъ которой чвокаетъ тоже грязь. Проводникъ васъ предупреждаетъ, чтобы вы следовали шагъ за шагомъ за его конемъ, иначе вы рискуете попасть г какую-нибуль болотистую ръчку и окунуться съ головою. Кони тяже,

дышать и съ трудомъ выволакивають ноги; воть одинъ зашатален валится на бокъ. Скоръе высвобождайте ноги изъ стремянъ. Въ лучшет случать отдълаетесь тъмъ, что съ полчаса продрожите по поясъ въ блотъ, пока спъшившеся проводники не поднимутъ коня...

Чъмъ жарче льто, тъмъ глубже оттанвають бадараны, тъмъ мучтельнъе и опаснъе переъздъ.

Только отъ Андыхала начинають встрвчаться редкія одинокія юрти. Характерь местности меняется. По мере приближенія къ извилистий "земляной" (т.-е. болотистой) реке Алазея, впадающей въ океанъ, почен становится холмисте, встречаются многочисленныя озера, изъ которых на иныхъ ледъ держится круглый годъ. Въ жаркое лето образуются в нихъ лишь "забереги", на которыя выплывають поиграть на солнит "сарданки" (щуки). Такъ — до самаго берега Колымы, составляющей боевую артерію огромнаго края, территорія котораго въ несколько разъ больше Франціи.

Десять мѣсяцевъ въ году край скованъ холодомъ. Близъ Средне-Колымска рѣка вскрывается въ серединѣ мая, а становится въ концѣ сентября; у устьевъ же, подъ 70° с. ш., часто въ срединѣ августа можно уже ѣздить по льду. Вслѣдствіе жестокихъ холодовъ почва промерзла значительно глубже, чѣмъ на 100 саженъ. Лѣтомъ она оттаиваетъ, близъ Средне-Колымска, вершковъ на 6, близъ Нижне-Колымска же—вершка на два, на три. Жестокіе холода дѣлаютъ немыслимой какую бы то не было культуру растеній.

Рыба да иногда оленина — вотъ единственные продукты. Рогатыв скотъ разводится лишь близъ Средне-Колымска, да близъ Верхне-Колымска. Его очень мало. Здёсь, по словамъ одного путешественника, "жизнь есть лишь бореніе со всіми ужасами холода и голода, съ недостаткомъ первыхъ, самыхъ обывновенныхъ потребностей и наслажденій". Въ конців XIX віжа тысячи людей ведуть жизнь троглодитовь; не знають хльба, вынуждены обходиться безь соли, добывають огонь первобытнымъ способомъ-треніемъ, не знають употребленія мыла, обходятся безъ бълья, надъвая мъховую одежду прямо на голое тъло. Il такъ живутъ не только дикари, но и русскіе. Край оторванъ отъ остального міра безконечнымъ кольцомъ болотъ и горныхъ хребтовъ. До ближайшаго "культурнаго" центра, до Якутска, около трехъ тысячъ версть. И какихъ! Приходится перевалить черезъ два горныхъ хребта, переправиться черезъ двъ громадныя ръки и безчисленное количество мелкихъ. Дороги нътъ. Въ этой пустынъ можетъ оріентироваться дишь проводникъ-дикарь. Въ лучшемъ случав чите от Якутска до Средне-Колымска продолжается 50 **чсяца и даже бол**ве.

Поддерживають связь мен почты (разъ въ четыре м

- ръдкія

Колымскій купець—это особое существо, всю свою жизнь проводящее въ полярной пустынь. Въ началь октября, какъ только замерзнутъ "бадараны" (болота), изъ Якутска отправляются вьючнымъ порядкомъ транспорты купеческой клади. Главный грузъ состоить изъ кирпичнаго чая, листового табаку, бракованных ситцевъ и водки. Якутскіе кони очень выносливы; во все время пути они довольствуются подиожнымъ кормомъ, который выбивають изъ-подъ снъга. Въ мартъ кладь прибываеть въ Колымскъ. Часть ея продается туть же, но большая часть на собакахъ отправляется на Анюй, на чукотскую ярмарку. Она происходить въ Анюйской "крвности", въ 250 верстахъ на востокъ отъ Нежне-Колымска, на нейтральной почев между землями русскихъ и независимыхъ чукчей. Пусть грозное слово "кръпость" не введеть никого въ заблужденіе. "Кръпость" — нъсколько пустыхъ срубовъ, обнесенныхъ рубленымъ заборомъ изъ "плавника". Когда какой-то проказникъ-чукча, нанившись пьянымъ, вздумалъ перелъзть черезъ кръпостную стъну, -она рухнула. Сюда-то въ апрълъ съъзжаются чукчи, русскіе и ламуты, которымъ поручается держать посты въ крепости. Купцы выменивають пушнину и мамонтовые клыки на чай, табакъ и, самое главное, на акамимелъ (водку), которая хотя офиціально запрещена для привоза, но доставляется целыми флягами. За полторы бутылки разведенной водой водки, настоенной для крыпости на махоркы и на мыдномы купоросы, купецъ беретъ у чукчи бобровую шкуру. Обыкновенный способъ торговли такой. Какъ только открывается ярмарка, чукчи бросаются разыскивать своихъ "друзей-купцовъ" и требують водки. Купецъ говоритъ, что водка у него есть, но не для продажи; друга, пожалуй, онъ угостить, но даромъ. Туть онъ подносить чукчв чашку "сладкой", т.-е. не настоенной на купоросъ водки. Чукча начинаеть умолять дать ему столько "акамимель", чтобы свалиться на землю (единственная мъра, признаваемая чукчами при покупкъ спиртныхъ напитковъ); купецъ отказываеть, прогоняеть дикаря, который чиокаеть губами, щелкаеть языкомъ и качается какъ мертвецки-пьяный, чтобы наглядиве объяснить, сколько "веселой воды" ему нужно. А тутъ еще купецъ, какъ нечаянно, толкнеть флягу, такъ что въ ней начнетъ хлюпать жидкость. Въ эту минуту чукча готовъ отдать все, что у него имъется, лишь бы напиться. И купецъ пользуется моментомъ... Если путь въ Средне Колымскъ труденъ, зато барыши, получаемые купцами, - громадны. Одна повздка на крайній съверо-востокъ приносить тысячъ 10-15 чистыхъ. Все населеніе береговъ Колымы—въковъчные рабы купцовъ: обыватели и дикари въ въчныхъ долгахъ, которые какъ мертвая петля все болъе и болъе захватывають шею. Купцы подряжаются доставлять въ Средне-Колымскъ муку для казеннаго магазина и соль; за доставку они берутъ отъ казны по 12 р. за пудъ. Соль доставляется въ гораздо меньшемъ

количествъ, чъмъ берется подрядъ. Всяъдствіе этого все населеніе низовьевъ ръки почти круглый годъ сидить безъ соли. Такъ какъ мука въ казенномъ магазинъ стоитъ 14 р. за пудъ, то ея никто не покупасть. Со времени существованія магазина въ Средне-Колымскъ не продано ни одного фунта.

Въ низовьяхъ Колымы кирпичъ чая стоитъ 8 р., фунтъ табаку махорки — до 3 руб., аршинъ самаго плохого ситца — до 1 руб.; такихъ денегъ обывателю, а тъмъ болъе дикарю, взять негдъ; вслъдствіе этого населеніе живетъ лишь сырою, мерзлою рыбою (строганиной), безъ соля; вмъсто чая пьетъ брусничные листья и куритъ крашеную ровдугу (замшу). Бълья не носятъ, а мъховое платье одъваютъ прямо на голое тъло.

По берегамъ Колымы русскіе живуть въ трехъ "городахъ": Верхне-Колымскъ, Средне-Колымскъ и Нижне-Колымскъ, да въ нъсколькихъ поселкахъ, лежащихъ между послъднимъ "городомъ" и Ледовитымъ океаномъ. Врядъ ли я ошибусь, сказавъ, что каждое изъ этихъ поселеній составляетъ какъ бы особый родъ, со своими обычаями и своимъ особымъ говоромъ, иногда даже языкомъ (въ Средне-Колымскъ, напримъръ, обыватели плохо понимаютъ по-русски и всегда говорятъ между собою по-якутски, а низовики не понимаютъ ни слова по-якутски). О Верхне-Колымскъ мнъ долго говорить не приходится: тамъ всего девятъ жителей. Около сотни якутовъ и ламутовъ живутъ разбросанно верстахъ въ 20—180 отъ этого "города". Здъсь офиціально числится русское мъщанское общество въ 40 человъкъ; но его уже давнымъ-давно нътъ. Скажу невъроятную вещь: это общество совсъмъ одичало и ушло "въ ламуты", т.-е. какъ и эти дикари бродятъ съ оленями въ гольцахъ.

Средне-Колымскъ, или "Средно", какъ говорять здѣсь, — царица края. Тутъ цѣлыхъ два, три десятка избушекъ, безъ крышъ, разбросанныхъ безъ всякаго порядка на лѣвомъ берегу Колымы. Въ Средне-Колымскѣ вся администрація края: исправникъ, который въ то же время высшій судья, комендантъ Анюйской "крѣпости", начальникъ всего войска округа (послѣднее состоить изъ 11 казаковъ, не имѣющихъ ни ружей, ни знаменъ, ни мундировъ) и т. д., и т. д.

Средневецъ очень гордится своимъ городомъ и пренебрежительно смотритъ на низовика, какъ губернскій франтъ на жителя містечка.

Населеніе Средне-Колымска состоить изъ мізцанъ и казаковъ. Вторые составляють аристократическій элементь города. Матеріальное положеніе ихъ сравнительно должно было бы быть недурно. Каждый казакъ съ самаго рожденія получаетъ "полпайка", т.-е. 1 пудъ ржаной муки въ мізсяцъ, а съ семи лізть—2 пуда, т.-е. полный паекъ. Къ сожальнію, на муку эту является много охотниковъ въ лицъ купцовъ. Пользуясь страстью колымчанъ къ водкъ и тою дізтскою чертою без-

заботности, которою отличаются всё дикари,—купцы закупають впередъ за цёлый годъ пайки по 3 руб. за пудъ (уплата водкою по 3 руб. за бутылку или кирпичнымъ чаемъ и табакомъ) и сдаютъ пайки въ казенный магазинъ по 12 руб. за пудъ.

Жизнь летомъ вполне зависить отъ улова рыбы. Впрочемъ, какъ бы хорошъ последній ни быль, къ концу весны обыкновенно запасовъ не хватаетъ. Ръка очищается совершенно отъ льда очень поздно,лишь въ началь іюня. Неводить же начинають около Петрова дня: до тъхъ поръ тони залиты водою или попорчены корягами, принесенными въ изобиліи во время водополья. Въ марть місяць кончаются уже запасы рыбы. Жители начинають ъсть собачій кормъ: рыбыя кости, потроха и проч. Къ колымчанину нельзя войти: тяжелый, одуряющій запахъ гнилой рыбы захватываеть дыханіе и вызываеть тошноту. Чёмъ ближе къ веснъ, тъмъ положение дълъ становится все хуже, да хуже. Въ мав обыватели събдають кожаные обутки, ремни, налимыи кожи, которыми льтомъ, вмъсто стеколъ, затянуты рамы, и т. д. Жить тогда въ Средне-Колымскъ-пытка. Желтыя, опухшія лица, горящіє голоднымъ блескомъ глаза - буквально могутъ обезумить. Тощія, едва живыя собаки шатаясь бродять по городу, разыскивають трупы своихъ околевшихъ товарищей и жадно пожираютъ. По вотъ конецъ мая. Колыма почеривла. Зеленыя наледи разлились на ней повсюду. Наконецъ, съ оглушительнымъ трескомъ ломается ледъ, и ръка трогается. Все населеніе Колымска высыпаеть на берегь.

— Пошья, пошья, матушка-Коима! —говорять обыватели. Рѣку они олицетворяють въ видѣ женщины. Такъ какъ за городомъ рѣка дѣлаетъ крутой повороть, то огромныя полуторасаженной толщины льдины спираются тамъ и образують громадную запруду версты 1½ въ длину. На рѣку тогда страшно взглянуть. Льдины напирають другь на друга, становятся торцомъ, трещатъ; въ воздухѣ стоить глухой гулъ, заглушающій голоса. Выше ледяной илотины вода поднимается и заливаетъ городъ. Но обывателей нисколько не трогаетъ вода, залившая ихъ избы до самыхъ оконъ: это пустяки, большая вода, которая только рыбу принесетъ. Колымчане только болѣють сердцемъ за свою рѣку. Но вотъ съ оглушительнымъ трескомъ рухнулъ ледяной барьеръ. Льдины быстро несутся внизъ по рѣкѣ уже не сплошнымъ полемъ, видны уже "талыя мѣста". Обыватели пляшутъ на берегу, стрѣляють изъ ружей и кричатъ:

— Пошья, пошья!

На неводьбъ забываются въ одинъ день всъ невзгоды зимы. Сыты люди, сыты собаки.

Промышленники брезгуютъ плохою рыбою, какъ щука или же на лимъ, отъ котораго берутъ лишь максу (печень); все же остальное выбрасывается. На неводьбъ колымчанинъ щедръ какъ дикарь. Если пріъдетъ

гость, онъ его безъ гостинца не отпустить. Гостинецъ состоить из-3—4 пудовыхъ нельмъ.

Средневецъ — средняго или маленькаго роста. Голова у него якутскаго типа, съ сильно скошеннымъ лбомъ, косыми проръзами глазъ, большими скудами и такою же нижнею челюстью. Растительности на лицъ почти нътъ. Пушокъ выступаетъ лишь въ глубокой старости. Насъ за наши бороды иначе не называли, какъ "кырджагасъ", т.-е. старичы, хотя самому старшему "кырджагасу" было лишь тридцать лътъ. Вообще, хотя въ европейскомъ смыслъ нъкоторые мои товарищи могли быть названы идеаломъ мужской красоты, но колымчанки считали ихъ уродами. во-первыхъ, за ихъ бороды ("на лицъ волосы, какъ у собаки"), во-вторыхъ, за то, что нъкоторые имъли "бусъ харахъ" (буквально, "ледяные глаза»), т.-е. голубые или сърые глаза, въ-третьихъ, были великаны, хотя ни одинъ не былъ выше 2 арш. 9 верш. Красавецъ долженъ по колымскимъ понятіямъ, непремънно имъть "глаза какъ у теленка" (каріе).

Умственныя способности средневца очень невысоки. Памяти у него почти нѣтъ. Онъ съ трудомъ повторитъ три слова подъ рядъ. Чтобы научиться грамотѣ, онъ бъется нѣсколько лѣтъ и, въ концѣ-концовъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ окончанія ученья забываетъ рѣшительно все. Иѣкоторые взрослые колымчане безошибочно считаютъ лишь до 39; дальше они говорятъ "тридцать десять, тридцать одинналцатъ" и т. д. Кругозоръ обывателя очень узокъ. Сидятъ у меня два моихъ пріятеля-средневца изъ мѣстныхъ сливокъ. Я предлагаю одному пересчитать всѣ города, которые онъ знаетъ.

— Верхно, Средно, Нижно, Верхоянтко, — бойко сталъ онъ считать, потомъ остановился немного и прибавилъ: — Якучко (Якутскъ), — и уже окончательно замолчалъ.

Вижу, другой смъется.

- Чего это вы?-спрашиваю я.
- Анперія,—важно прибавилъ спрошенный.—Экъ ты, акары (дуралей), самый-то важный городъ забылъ.

Колымчанинъ считаетъ, что за "Верхоянтко" начинается Россія. т.-е. бълая арапія. Себя средневцы не считаютъ русскими: "мы люди коимскіе" (то-есть колымскіе). Болье просвъщенные, побывавшіе въ Якутскъ, увърены, что "Россія" лежитъ за Иркутскомъ. Я говорилъ уже, что средневцы по-русски изъясняются совсъмъ плохо. Ихъ обвходный языкъ—якутскій.

Средневцы увърены, что боговъ четыре и что всѣ они живуть въ четырехъ углахъ неба: св. Никола—на югѣ, два Спаса—на западъ и на востокъ и Матерь Божія—на съверъ. Какъ и якуты, средневецъ убъжденъ, что каждая бользнь происходить отъ того, что въ тыло вселяется какой-нибудь абагы (злой духъ). Все лъченіе должно состоять

въ томъ, чтобы опредълить, какой именно абегы сидить въ больномъ. Сдълать это можетъ лишь шаманъ.

Якуты считають, что медвъдь—олицетвореніе ихъ самаго страшнаго бога Улу-Тойона. Идеть, напримъръ, длинный караванъ купеческой клади лъсомъ. Вдругь остановка.

- Тугуй-мана (что такое)?—раздаются тревожные голоса.
- Улу-Тойонъ (медвъдь)!—отвъчаютъ испуганно проводники. Дъйствительно, громадный звърь вышелъ изъ льсу, сидитъ на тропинкъ да щелкаетъ зубами. Нападать боится, потому что людей много, а уйти тоже не хочется.

Вст сптинваются. Выходить самый ртчистый якуть, снимаеть шапку и говорить:

— Улу-Тойонъ! мы знаемъ, что ты единственный владътель этихъ мъстъ; но мы защли въ твои владънія не потому, что желали нанести тебъ оскорбленіе, а потому, что нашъ путь лежитъ черезъ нихъ. Уважь же намъ, о, Улу-Тойонъ! ты же въдь знаешь, что у насъ нътъ дътейпромышленниковъ, которые бы тебя искали, почто же ты насъ мучаешь!

Пока продолжается рѣчь, иные якуты лежать ничкомъ и голосять: "абра ани, Улу-Тойонъ, абра" (т.-е. помилуй насъ, медвѣдь, помилуй)! Другіе же дрожащими руками разводять костры. Случается, медвѣдь цѣлыя сутки держить проѣзжихъ. Колымчане также отчитывають медвѣдя. Русскіе считають даже грѣхомъ называть его по имени: о медвѣдѣ говорять: "огонеръ", т.-е. дѣдушка, или же еще чаще, просто "кини", онъ.

Отъ Средне-Колымска до Нижне-Колымска водой—около 550 верстъ; зимою же около 500. Вы прівзжаете туда и вамъ кажется, что вы очутились совству въ другой сторонъ.

Нижне-Колымскъ—около 10 избушекъ, безъ крышъ, расположенныхъ на лѣвомъ берегу р. Колымы, которая въ этомъ мѣстѣ имѣетъ около пяти верстъ въ ширину. Въ Средне-Колымскѣ вы видите всюду смуглыя лица, тогда какъ въ Нижнемъ много свѣтловолосыхъ, бѣлокожихъ лицъ. Низовики всѣ маленькаго роста, бозбородые; среди женщинъ встрѣчаются недурныя лица, если не принимать въ счетъ толстаго слоя грязи.

Умственныя способности низовика выше, чёмъ у средневца, по крайвей мёрё низовикъ энергичнёе, бодрёе, подвижнёе увальня-колымчанина. Низовикъ чаще поетъ. Низовикъ отличный охотникъ и, взглянувъ на слёдъ, вразу опредёлитъ не только какой звёрь ходилъ, но и зачёмъ ходилъ: просто гулялъ, или же на добычу.

Матеріальныя условія жизни низовика невозможныя. Въ Средне-Конымскі есть еще рогатый скоть, обыватель иногда ість "бізлое" (т.-е. од с колочные продукты); тогда какъ въ Нижне-Колымскі единственное донашнее животное собака. Літо продолжается лишь два мізсяпа. Въ августь уже выпадаеть снъть, да и льтомъ земля оттанваеть лишь. 3—4 вершка. Въ началь ноября начинается безконечная полярная ноъ Единственная пища — рыба безъ соли. Жалкій край, жалкая природ жалкіе люди!

Среди чукчей.

(Слюнина.)

Мы были въ водахъ Анадырского залива. Это огромная площаг. моря, вдающаяся въ материкъ. Утро 25-го іюня было прекрасно: от вершенно чистое небо, полный штиль; немного мутная вода Анадырская залива выглядела зеркальной. Прозрачный, сухой воздухъ позволя: любоваться широкимъ горизонтомъ. Кажется, ни одно судно не подмя дило къ устью Анадыря при такихъ благопріятныхъ условіяхъ. Съверный берегь обрисовывался высокимъ сплошнымъ холмомъ, надъ которыча выдавались три-четыре отдёльныхъ вершины; самая восточная съ двую пиками названа горой Соколова; отъ нея на югъ тянулась такъ называмая "русская кошка", т.-е. низменная, ровная песчаная полоса. Вершини склоны хребта лишены всякой растительности, кром'в біловатых вышайниковъ, и только въ прибрежной полосъ замътны кочки съ медкимъ кустарникомъ. На западъ отъ насъ лежалъ необследованный некій берегь; ближе къ намъ тянулась песчаная кошка, извістная поді именемъ земли Гека. Образованіе подобныхъ "кошекъ" нельзя объяснять дъятельностью морского прибоя, скорбе ихъ нужно считать остаткам бывшей вулканической катастрофы: всегда въ такихъ мъстахъ геологческіе пласты бывають изломаны и иногда поставлены чуть не вертикально.

Подойдя ближе къ землъ Гека, мы слегка могли разсмотръть на ез съверной оконечности цълый поселокъ чукчей, состоящій изъ 18 юртърасцоложенныхъ двумя группами.

При входъ въ Анадырскій лиманъ стоить небольшой острововъ, любимый съвернымъ пернатымъ царствомъ: не тысячи, а буквально туче аръ, топорковъ и часкъ кружили надъ нимъ, оглашая воздухъ свовия пронзительными криками. Кругомъ насъ на гладкой поверхности залива блистало серебристо-бълой кожей стадо бълухъ, въроятно шедшихъ за рыбой, направлявшейся въ р. Анадырь. На правомъ берегу лимана, представлявшемъ ровную низменность, виднълось нъсколько разбросанныхъ юртъ и продолговатое, покрытое дерномъ и поросшее травой зданіе съ развъвающим вотъ одно перебъгали отъ одно разбрались на крышу единственнаг

Пе успѣли мы отдать якорь, какъ транспортъ быль окруженъ со всѣхъ сторонъ большими и малыми байдарами, среди которыхъ выдѣлялся большой вельботъ съ казаками мѣстной команды и унтеръ-офицеромъ. Вскоръ верхняя палуба "Якута" переполнилась чукчами всѣхъ возрастовъ.

Болью чемъ средняго возраста, крупной кости, широкоплечіе, въ

большинствъ хорошо упитанные, чукчи одъты въ рубаху изъ оленьей кожи, шерстью виутрь, подпоясаны ремнемъ изь нерпичьей выдъланной кожи; нижнее платье также изъ оленьей шкуры, только шерстью наружу; на ногахъ торбасы-легкіе сапоги изъ выд'вланной нерпичьей шкуры, окрашенные въ кирпичный или черный цвътъ. Вотъ общая форма одъянія и обуви. Но всматриваясь ближе, вы сразу замъчаете много особенностей и деталей, на первый ваглядъ непонятныхъ.

Всъ мужчины ходятъ обыкновенно съ непокрытой головой; черные прямые волосы подстрижены спереди

Молодая чукчанка.

въ кружовъ, макушка выбрита или коротка выстрижена; только у одного молодого парня длинные волосы были заплетены въ двѣ косички и завязаны красной лентой, что означало щегольство. На спинѣ кухлянки (рубахи) у вѣкоторыхъ висятъ два шнурка изъ окрашенной шерсти, какъ украшенія; на поясѣ привѣшена самодѣльная трубка изъ дерева или моржеваго клыка, со множествомъ вырѣзанныхъ на ней фигуръ животныхъ. Если на поясѣ виситъ трубка, сдѣланная изъ кости лисии это означаетъ, что чукча послѣ добычи этого звѣря ночевалъ въ чух

юрть, и любезный хозяннь, поздравляя его съ успъхомъ, подариль ему этотъ амулетъ; у нъкоторыхъ были небольшіе бълые шарики изъ оленьей швуры, — признавъ того, что этотъ субъектъ былъ сильно боленъ, но шаманъ его поправилъ. На шеъ, на тонкомъ ремешкъ, вышитый бусами и иногда цвътными нитками, небольшой мъшечекъ, въ которомъ хранится огниво, кременъ и трутъ изъ дерева и растеній, приготовляемый самими чукчами.

Женщины, остававшіяся на байдарахъ, были одіты въ подобный же костюмъ, съ тою разницею, что кухлянка (рубаха) сшита гораздо длиннъе и шире съ цълью, чтобы можно сбрасывать одинъ рукавъ, когда жарко, или просто для кокетства; волосы заплетены въ двъ косы, убранныя лентами и бусами; торбасы (салоги) отличаются большимъ изяществомъ въ работъ и зачастую красивымъ шитьемъ цвътными нитками. Такое же короткое и немного широкое лицо, какъ у мужчинъ, глаза съ прямымъ разрезомъ, смугловатая кожа, кажущаяся более темной отъ постоянной грязи (чукчи почти никогда не моются). Невзрачныя, низкаго роста, съ замъчательно маленькой ступней, чукчанки сильно любять всевозможныя украшенія. Татуированныхъ здісь не было ни одной; этотъ обычай, какъ и многіе другіе, теперь теряетъ свою обаятельную силу. Обыкновенно этой операціи подвергають на 5 — 6 году; уколы дълаются иглой или рыбьей костью и затымъ втирають сажу. Татуировка проводится полосами вокругъ крыльевъ носа и угловъ рта, а отсюда полосой тянется до нижняго края упіной раковины.

Праздничный костюмъ чукчанки отличается различнымъ шитьемъ цвътными бусами кухлянки, шапии и рукавичекъ, но послъдніе два убора носятся зимой, и то большею частью во время переъздовъ, такъ какъ чукча всегда, даже въ трескучій моровъ, тяготится головнымъ уборомъ.

Я и не замітиль, какъ прошло нівсколько часовь въ этомъ осмотрів жителей суроваго сівера; пробило шесть склянокъ—время ужина.

Мы пригласили въ каютъ-компанію поужинать съ нами священника и старшину села Маркова. Всѣхъ дѣтишекъ я одарилъ сахаромъ, платками, а старикамъ далъ по плиткѣ чаю. За ужиномъ весь разговоръ сосредоточивался на житъѣ-бытъѣ въ Чукотской землѣ, и въ частноств въ селѣ Марковѣ. Священникъ и старшина прибыли сюда мѣсяцъ тому назадъ, чтобы принять отъ насъ иконостасъ и колокола. На обратный путь противъ сильнаго теченія имъ придется употребить 2 — З недѣли, частью выгребая веслами, частью бечевою, на собакахъ. Чтобы представить трудности такого путешествія, нужно вспомнить, что на протяженіи 400 версть отъ устья берега р. Анадыря представляють ровную, голую и безжизненную тундру. Чтобы согрѣть воды въ чайникъ, притодится употребить нѣсколько часовъ на собираніе "выкида", т.-е. притодится употребить нѣсколько часовъ на собираніе "выкида", т.-е. при

носимаго изъ верховьевъ рѣки лѣса. Ни птицы, ни звѣря здѣсь не встрѣтишь; рыбы тоже мало, развѣ кое-гдѣ по отмелямъ, и то избив-шуюся и полуживую. На протяженіи 400 верстъ нѣтъ ни поселковъ, ни юрть сидячихъ чукчей; выше попадается лѣсъ, возможна охота, но появляется другое неудобство—быстрое теченіе и частые пороги.

— Всего натерпишься въ нашей пустынъ, — прибавилъ священникъ, — хорошо, если доберемся до заморозковъ.

Всв юрты чувчей устроены по одному образцу: круглый вонусообразный шалашь, для основы котораго употребляются выкидной лёсь и ребра кита; покрыты онъ оленьими шкурами, шерстью вверхъ, концы ихъ прикръплены къ колышкамъ, вбитымъ въ землю; если шкуры не доходять до земли, къ нимъ привъшены большіе камни, чтобы не сносило вітромъ; низкая дверь закрывается также шкурой. Около юртъ лежать собаки, стоять легкія нарты, валяются куски недовденной собаками рыбы и отбросы, издающіе сильное зловоніе. Туть же на шестахъ для подвъшиванія висить распластанная рыба (юкола), покрытая вся мухами. Войдя въ одну юрту, я увидълъ посрединъ толстый шесть, на которомъ держится весь остовъ юрты и туть же стоялъ треножникъ съ котелкомъ. Чукчанка, спустивъ съ плеча правый рукавъ, готовила какое-то кушанье. Поднимавшійся оть костра дымъ разстилался между рядами разв'вшанной зд'всь рыбы и потомъ выходилъ въ отверстіе въ верху юрты. Вокругь стряпухи стояло деревянное корыто, лежаль пузырь (желудка) съ жиромъ и кусокъ какого-то темно-синяго, запачканнаго въ мусоръ мяса, издававшаго сильное зловоніе.

Черезъ переводчика я объяснилъ, что прівхалъ посмотрѣть, какъ живуть чукчи, прибавивъ, что ихъ бывшій начальникъ былъ мой товарищъ; хозяинъ-старикъ пріятно и радостно улыбнулся и, спустя нъсколько минутъ, какъ бы припоминая прошлое, замѣтилъ, что онъ былъ хорошій человѣкъ, "итаинахтовъ, мачинка умиликъ" (добрый начальникъ).

Послѣ разныхъ разспросовъ, откуда пришли, сколько времени плыли и пр., старикъ вытащилъ изъ-подъ изголовья мѣшокъ изъ нерпичьей кожи и началъ раскладывать передо мной все свое богатство: кухлянки, торбасы, выпоротки сырые и выдѣланные (шкуры молодого оленя), нерпичьи ремни. Каждую вещь онъ предлагалъ купить, прося за все половину плитки или цѣлую плитку чаю и немного сахару.

Взявъ всѣ вещи, я обѣщалъ прислать чаю и сахару, сколько онъ просилъ. Не успѣлъ я покончить мѣновую торговлю со старикомъ, какъ ко мнѣ подошла чукчанка тоже съ нерпичьимъ мѣшкомъ, до сихъ поръ безмолвно сидѣвшая въ другомъ углу юрты. Она также выложила свои запасы; это были совершенно тѣ же предметы; пришлось и ихъ взять. Потомъ поличивается вторяя претка предметая прадлагая неизмѣнныя

кухлянки и пр. и жалобно прося чаю и сахару. Чукотскаго одъянія в обуви мнъ было не нужно, но отказать было жалко: быть можетъ каждая изъ нихъ цълый годъ лельяла надежду, что вымъняетъ отъ русскихъ это единственное утъщеніе въ ихъ суровой жизни.

Когда наша сдълка была кончена, я занялся болъе подробнымъ осмотромъ юрты.

По стънамъ лежала собачья упряжь, пузыри съ жиромъ, куски засохшей рыбы, обглоданныя кости, деревянныя миски. Недалеко отъ входа стояла магазинка Винчестера и рядомъ съ нею длинное кремневое ружье, дуло котораго было обмотано ремнемъ. Кой-гдъ торчали стрълы, висълъ барабанъ, главный музыкальный инструментъ при увсселеніяхъ чукчей.

Въ углубленіи юрты сидъли двѣ женщины, не принимавшія никакого участія въ мѣновой сдѣлкѣ: одна что-то шила изъ кусковъ оленьей шкуры и въ то же время грызла сухую рыбу. Это невзрачное лакомство валялось на обрѣзкахъ шерсти и въ такомъ видѣ попадало ей въ ротъ. Другая занята была трудной работой — приготовленіемъ нитокъ изъ оленьихъ сухожилій: отдеретъ зубами кусокъ и потомъ начинаетъ расщипывать то зубами, то ногтями. По словамъ переводчика, подобная работа служитъ однимъ изъ лучшихъ испытаній молодой жены: въ точеніе дня она должна расщипать всѣ сухожилія голени оленя.

Во второй юрть повторяется та же исторія предложенія кухлянокъ, малахаевъ и пр. Странно, что ни одного параднаго костюма, ни одной вышитой пары торбасовъ я нигдь не встрытиль. Съ большимъ трудомъ я могъ достать нысколько куколь и издылій чукчей изъ моржеваго клыка. Потомъ эту коллекцію я значительно пополниль покупкой у казаковъ и купцовъ.

Между куклами, изображающими обычный костюмъ чукчи, бросаются въ глаза обвъшанныя узкими ремешками; такія куклы, по словамъ переводчика, дають дітямъ съ цілью предохранить ихъ отъ разныхъ болізней. Изділія изображають містныхъ птицъ, звітрей сухопутныхъ и морскихъ и рыбъ.

Изъ жизни чукчей.

(Тана.)

Уже цълую недълю дулъ свиръпый съверный вътеръ, не прерываясь, не ослабъвая ни на одну минуту.

Стремительные порывы вихря прилетали другь за другомъ безъ малъйшей передышки и проносились надъ поверхностью дедяныхъ равнинъ съ такимъ торопливымъ и безпощаднымъ ожесточениемъ, какъ будто отыскивая на ней какой-нибудь предметъ, возвышающийся налъ общимъ однообразнымъ уровнемъ, за который они могли бы ухватиться и немедленно вырвать вонъ вмъстъ съ корнями. Но на ровной груди ледяныхъ полей не было ничего пригоднаго для сокрушительной дъятельности вътра. Мъстами виднълись только осколки ледяныхъ глыбъ; но они примерзди такъ плотно, что ихъ трудно было бы сдвинуть съ мъста даже ударами лома. Кромъ этихъ осколковъ, на застывшей поверхности окезна находился только толстый слой снега, отвердевшій подъ действіемъ непрерывныхъ бурь до плотности камня и скор'ве напоминавшій сплошную массу обожженной бълой глины, чъмъ обыкновенную рыхлую полену зимы. Но даже эта отвердълая кора не могла устоять передъ побъдоносной яростью вьюги. Вътеръ выъдаль узкія заструги, окаймленныя по сторонамъ глубокими бороздами и высовывавшіяся навстрівчу вьюгь длинными бълыми языками. За рубежомъ ледяныхъ полей простиралась земля, но и ея поверхность была такъ же ровна и безжизненна, какъ бълое лицо океана. Море переходило въ тундру такъ незамътно, что нужно было бы снять прочь весь снъжный покровъ для того, чтобы опредёлить, гдё оканчивается ледяной пласть и начинается гладкая площадь прибрежной тины, переходящая въ такое же гладкое и твердое отъ мороза моховище.

Правда, на западъ возвышался огромный каменный мысъ, выступавшій въ море тремя высокими, крутыми грядами, а со стороны земли переходившій въ приземистый кряжъ, расползавшійся по направленію къ югу. Но онъ угрюмо чернълъ своими утесами, совершенно обнаженными отъ снъга и непоколебимо подставляль навстръчу мчавшейся вьюгъ свои отвъсныя ребра. Это была мрачная страна, лишенная всякаго признака жизни, та самая пустыня—какъ описывають ее чукотскія сказки. на которой нътъ ни мошки, ни былинки, по которой не пробъгаетъ олень и не гонится за нимъ волкъ. По крайней мъръ такъ было въ это глухое зимнее время года. Оленьи стада, дикія и прирученныя, съ наступленіемъ осени ушли на югъ къ границамъ лівсовъ, и за ними послъдовали двуногіе и четвероногіе пожиратели мяса, живущіе на ихъ счетъ: волки, собаки, кочевые пастухи и бродячіе охотники. Лебеди, гуси и вся водяная птица улетъла предъ наступленіемъ колодовъ; даже вороны и полярныя куропатки покинули тундру и удалились въ болъе гостепріимныя широты. Ті немногіе обитатели, которые остались еще на землъ и на льдахъ, притаились теперь въ своихъ логовищахъ и терпъливо ожидали, пова ослабветь ярость вьюги и дасть имъ возможность выглянуть на Божій св'єть. Б'ёлые медв'ёди закопались въ сн'ёжный занось на томъ мъсть, гдь ихъ застала вьюга, и отлеживались теперь, наглухо зарытые въ сугробъ; песцы попрятались въ дуплахъ наноснаго лъса, не осмъливаясь пробъжать по своимъ внутреннимъ ходамъ подъ поверхностью сивга. Огромныя, неуклюжія совы, болье похожія на какихъ-то б'єлыхъ зв'єрей, и маленькіе, проворные горностан, одаренные чисто птичьей легкостью и быстротой движеній,—вс'є нопратались по своимъ норамъ и боялись высунуть носъ наружу, пока не пройдеть выога.

Пастухи и бродячіе охотники удалились всявдь за стадами сухопутныхъ животныхъ. Однако, на этихъ негостепріимныхъ берегахъ еще остались люди. Ніздра океана подъ толстой ледяной корой изобиловали рыбой и тюленями, и изъ числа обитателей пустыни выділились семы, которыя, соблазнившись обиліемъ морской пищи, різшились проводить лізто и зиму въ этой суровой землів. Это были охотники, нападавшіе съ копьемъ въ рукахъ на огромнаго бізлаго медвіздя; мореплаватели, на утлыхъ кожаныхъ лодкахъ дерзавшіе лавировать на негостепріимномъ просторіз полярнаго океана; люди, для которыхъ холодъ быль стихіей, океанъ—нивой, а ледяная равнина— поприщемъ жизни; візчные борцы съ природой, тізло которыхъ было закалено какъ сталь в мышцы не уступали неутомимостью ни одному изъ дикихъ звізрей, пробігавшихъ среди пустыни; воины, привыкшіе считать естественную смерть постыдной и безсильную старость—наказаніемъ судьбы, которое сліздуетъ сокращать добрымъ ударомъ ножа или копья...

У того изъ выступовъ мыса, который былъ выше другихъ и находился посрединъ между двумя другими, на широкой, слегка пологой площадив стояли два шатра. Они забились въ уголъ между двумя каменными ствнами, сходившимися подъ тупымъ угломъ, и прислонились къ самому отвъсу скалы. Передній шатеръ быль больше и благоустроеннъе. Это быль обыкновенный зимникъ, какъ его устранвають сидяче чукчи, а также и кочевые оленеводы, когда они останавливаются на неподвижную зимовку. Огромный кожаный шатерь быль плотно натянутъ и поднимался въ вышину на полторы сажени, а въ ширину расползался не менъе, чъмъ на десять аршинъ. Оболочка его представлял пеструю мозанку оленьихъ и тюленьихъ шкуръ, сшитыхъ вифств цвикомъ и въ кускахъ, и была покрыта толстымъ слоемъ копоти и сажи; но всв отверстія и дырки въ ней были тщательно заплатаны, несмотря на огромную затрату времени и заботливости, которой требовала эта работа. Полы шатра были завалены вокругь высокимъ сивжнымъ окопомъ и укрѣплены огромными камнями; передъ входомъ было устроено ивчто въ родъ съней изъ такой же мозаичной оболочки, низко нахлобученной на небольшой деревянный остовъ навъса и старательно подоткнутой со всъхъ сторонъ внизу. Задній шатеръ быль такъ низокъ, что изъ-подъ своего сиъжнаго завала походилъ скоръе на огромный сугробъ, чъмъ на человъческое жилище.

Въ самомъ центръ передняго шатра, на земляномъ очагъ, геръгогонь, наполняя его ъдкимъ дымомъ, который силою наружнаго вътр

задерживался вверху у дымового отверстія и не хотіль выходить вонь. Въ задней половинів шатра, по чукотскому обычаю, быль устроень такъ называемый пологь, теплое отділеніе, въ видів четвероугольнаго ящика изъ шкурь, плотно закрытаго со всіль сторонь и покрытаго толстымь слоемь травы, связанной въ пучки.

Большая часть жителей шатра въ настоящее время находилась въ тепломъ отделеніи. Это было тесное помещеніе длиною въ сажень, шириною сажени въ двъ, и настолько низкое, что взрослый человъкъ не могъ бы приподняться на ноги, подъ опасеніемъ упереться головой въ потоловъ и сдвинуть съ мъста траняную поврышку, лежащую поверхъ оленьихъ шкуръ. Лампа съ жиромъ, съ зажженной свътильней, плававшей у передняго края, коптила на видномъ мъстъ, посредниъ задней стънки. Другая, маленькая, горъла въ правомъ углу недалеко отъ того мъста, гдъ былъ проходъ или, лучше сказать, пролазъ изъ ящика наружу, огражденный длинной мъховой полой, аккуратно подвернутой подъ шкуры, разостланныя на полу. Въ пологъ было жарко. Спертый и пропитанный міазмами воздухъ чукотскаго жилья, которое чукчи стараются оградить отъ всякаго свежаго веннія, зелеными волнами носился взадъ и впередъ. Испаренія человіческаго тіла, прівсный запахъ вареной іды и немытой посуды, которымъ была пропитана каждая шерстинка мъховыхъ стенъ, ъдкая вонь прокислыхъ шкуръ, устилавшихъ дно ящика и совершенно почернъвшихъ отъ грязи, горькая копоть лампъ, запахъ мочи и гніющей печени, которыя употреблялись хозяйкою для выдівлыванія кожъ, все это сливалось въ такой одуряющій букеть, что можно было только удивляться, какъ живыя человъческія существа могуть выносить его безнаказанно.

Однако, въ пологѣ было восемь человѣкъ, и всѣ они, повидимому, не чувствовали никакого неудобства отъ окружающей атмосферы. Ховяннъ сидълъ на особо разостланной шкуръ, на своемъ обычномъ мъстъ, по правую сторону лампы. Это быль старикь леть шестидесяти, крепкій и здоровый, съ спокойными, проницательными глазами и худощавымъ лицомъ, обрамленнымъ жидкой бородкой и такими же усами. Кожа на его щекахъ и шев совсвиъ побурвла и походила на древесную кору. Голова его была украшена узкимъ кожанымъ ремешкомъ, усаженнымъ круглыми голубыми бусами, между которыми выдалялись четыре маленькихъ безформенныхъ кусочка дерева: это были "уккомаки", наговоренные амулеты, которые должны были отстранять отъ головы владельца всякое зло, неудачу и болъзнь. Такъ какъ въ пологъ было душно, старикъ снялъ съ себя мъховую рубаху и вмъсто нея надълъ красную фуфайку американскаго происхожденія, которую онъ пріобраль во время одной изъ поъздокъ на мысъ Пикъ (Чукотскій носъ), гдв американскіе товары попадаются очень часто. Онъ уже сорокъ дътъ постоянно зани-

мался торговыми разъездами по ледовитому побережью на протяжени двухъ тысячь верстъ, и его такъ же хорошо знали въ чукотскихъ поселкахъ, какъ и въ русскихъ поселеніяхъ на Колымѣ и Анадырѣ. По первому осеннему пути на своихъ быстроногихъ собакахъ онъ довзжалъ въ десять дней изъ своего дома до деревни Коретовой на Колымъ, отдаваль тамь торговымь казакамь тюленые шкуры, свитки моржовыхъ ремней и забиралъ кирпичи чаю и папуши листового табаку, потомъ отправлядся въ отдаленныя поселенія сидячихъ чукчей на носу и вымънивалъ новые запасы ремней и чемодановъ изъ тюленьей шкуры съ двойнымъ и тройнымъ барышомъ. Весной онъ приносилъ на анюйскую ярмарку купцамъ, прівхавшимъ изъ Якутска, песцовъ и выпоротковъ (оленьихъ телятъ), перекупленныхъ отъ оленныхъ чукчей, а лътомъ, сообща съ другими подобными ему искателями барышей и торговыхъ приключеній, отправлялся на большой восьмивесельной байдар'в къ островнымъ эскимосамъ или на американскій материкъ за дорогими лисицами и бобрами. Имя старика было Кителькуть. По правую сторону большой лампы на почетномъ мъстъ, обыкновенно предназначаемомъ для гостей, сидълъ человъкъ такого крупнаго роста и тълосложенія, что можно было только удивляться, какъ онъ умудрился забраться въ такой тесный уголъ. Онъ тоже сиялъ съ себя мъховую рубаху. Лицо его было налито кровью и красно какъ кирпичъ; низкій лобъ и квадратныя челюсти придавали его чертамъ характерное выражение упрямства и жестокости. Голова его сидъла на короткой шев и была какъ-то притиснута къ плечамъ и наклонена немного впередъ.

Это дъйствительно былъ гость, прівзжій съ Чаунской тундры изнутри страны, по имени Яякъ. Кочевья чаунскихъ жителей отстоять отъ Каменнаго мыса не болье, какъ версть на триста, и они часто прівзжали къ Кителькуту за чаемъ и табакомъ, выбирая время, когда онъ возвращался изъ повздокъ въ русскія поселенія. Съ тъхъ поръ, какъ Яякъ прівхалъ, прошло уже дней дссять, но разыгравшаяся непогода удержала его въ шатръ Кителькута долье, чьмъ онъ предполагалъ.

Рядомъ съ Яякомъ сидълъ маленькій старичокъ съ быстрыми глазками обезьяны и сморщеннымъ лицомъ совершенно коричневаго цвъта. Это былъ Уквунъ, хозяинъ другого шатра, сосъдъ и сожитель Кителькута по стойбищу. При условіяхъ разрозненной жизни въ пустынъ маломощные и недостаточные люди никогда не селятся одни: они рисковали бы умереть съ голоду безъ того, чтобы кто-нибудь даже узналъ объ этомъ. Семьи, которыя не разсчитываютъ прокормиться собственными усиліями, присосъживаются къ болъе сильнымъ. Уквунъ не имълъ сыновей, и его собаки умерли бы съ голоду, если бы старый Кителькутъ каждый разъ, когда его охотники приносили домой моржа или нъсколько тюленей, не удълялъ ему извъстной части промысла. О пищъ для людей не стоидо

и говорить. За столомъ жителя пустыни каждый голодный имъетъ право получить свою долю, кто бы онъ ни былъ, соплеменникъ или чужеродецъ, сосъдъ на жительствъ или пришлецъ изъ отдаленной земли, и отступление отъ этого обычая считается тяжкимъ гръхомъ, который не замедлитъ навлечь на виновнаго наказание боговъ.

Нувать, единственный сынъ Кителькута, лежаль на животь, опираясь лицомъ на сложенныя ладони. Онъ какъ будто дремаль, но время отъ времени онъ поднималь голову и открываль совсымъ молодое лицо. Нувать, несмотря на свои молодые годы, быль лучшимъ промышленникомъ между всыми охотниками тундры на триста верстъ протяженія. Никто не умыль съ такой искусной осторожностью подкрасться къ старому моржу, отдыхающему на льдинь, или выслыдить горнаго барана на отрогахъ хребта, синывшаго на югь.

У второй лампы, въ сторонъ отъ другихъ, сидъли рядомъ двое подростковъ: мальчикъ и дъвочка. Мальчику могло быть лътъ двънадцать, дъвочкъ — немного меньше. Оба они были совсъмъ раздъты и сидъли другь подлъ друга, набросивъ себъ на колъни старое мъховое одъяло, и, не обращая вниманія на старшихъ, съ большимъ увлеченіемъ занимались своеобразной игрой, весьма распространенной между чукотскими ребятишками и состоящей въ выдълываніи различныхъ арабесокъ и фигуръ изъ одной длинной нити, которую они нереплетаютъ по очереди на своихъ десяти пальцахъ, снимая другъ у друга петли такимъ образомъ, чтобы каждый разъ получалось новое изображеніе.

Старая Рынтына, жена Кителькута, сидѣла рядомъ съ дѣтьми, держа въ рукахъ пучокъ расчесанныхъ сухожилій, похожій на льняную кудель. Изъ-за ея плеча выглядывало маленькое старушечье личико съ совершенно птичьимъ выраженіемъ и съ глубокими складками около глазъ и губъ. Это была Анека, старая жена Уквуна, совсѣмъ подъ-стать своему мужу. Яякъ и Кителькутъ молчали. Съ ранняго утра они сидѣли безвыходно въ пологѣ и успѣли смертельно надоѣсть другъ другу. Всѣ новости были пересказаны съ обѣихъ сторонъ, а наиболѣе интересныя повторены вновь со всѣми подробностями и даже прикрасами, какія только могло подсказать скучающее воображеніе и ничѣмъ не наполненный досугъ, такъ что теперь говорить было не о чемъ. Правда, кромѣ разговора, нѣкоторое развлеченіе доставляеть еще ѣда и питье, и кажую трапезу они старались тянуть какъ можно дольше. Но, къ сожалѣнію, и ѣда не могла продолжаться безъ перерыва.

[—] Что же, Катыкъ!—наконецъ лѣниво спросилъ Кителькутъ.—Такъ и задушили? А?

[—] Если самъ просишь, —проворчалъ Яякъ, не поднимая головы, —

- A кто же душилъ?—спросила изъ своего угла Рынтына, продолжая скручивать свои безконечныя нитки на голомъ колънъ.
- Жена держала на кольняхъ, сыновья тянули веревку,— проворчалъ Яякъ посль нъкоторой паузы еще болье недовольнымъ тономъ.
 - Жена держала?.. гычъ!-повторила Рынтына протяжно.
 - А онъ почему просилъ смерти?..

Дѣло шло о добровольной смерти одного чаунскаго жителя, который, подобно Яяку, ежегодно пріѣзжаль къ Кителькуту и который потребоваль отъ собственныхъ сыновей, чтобы они ему перетянули горло веревкой, что и было благополучно исполнено *). Присутствующіе уже выслушали изъ устъ Яяка подробное описаніе этой интересной исторів.

- Эй, наружные! крикнулъ Кителькутъ, нагибаясь къ выходной стънъ.
 - Го! отозвался звонкій женскій голось изъ наружнаго отдівленія.
- Скоръй чайникъ! крикнулъ старикъ. Гость пить хочетъ! Торопитесь!

Кителькутъ не хуже другихъ жителей тундры исполнялъ обязамности гостепріимства и все это время угощалъ Яяка лучшимъ, что имълось между его запасами. Упряжку его онъ кормилъ наравнъ съ своими собственными собаками и готовъ былъ кормить ее еще сколько угодно времени.

Зато онъ оціниль чай и табакъ, привезенный отъ русскихъ и назначенный въ продажу, слишкомъ дорогой ціной и рішительно отвазывался Яяку уступить что-либо.

- Что д'влать!—кротко сказалъ Кителькутъ въ отв'втъ на упрекъ.— Мало привезъ отъ русскихъ. Въ одиночку вздилъ. Много ли положишь на одну нарту? А у меня много друзей. Еще одинъ челов'вкъ прівдетъ. Каждый годъ прівзжаютъ. А отказывать—грівхъ.
- A развъ давать по табачному листу за теленка оленя не гръхъ?— прямо и грубо спросилъ Яякъ. Или я на полъ подбираю шкуры.

Сердце его сжалось, когда онъ думалъ объ условіяхъ, предложенныхъ Кителькутомъ. Несмотря на свою собачью упряжку, онъ принадлежалъ къ оленнымъ чукчамъ и выросъ у стада. Его единственнымъ товаромъ были выпоротки, красивыя шкуры молодыхъ оленьихъ телятъ, во множествъ погибающихъ каждую весну. Передъ отъъздомъ на Каменный мысъ онъ обобралъ выпоротковъ у всъхъ своихъ друзей и знакомыхъ и объщалъ взамънъ привезти соотвътственное воличество чаю в табаку. А теперь Кителькутъ давалъ такую ничгожную цъну. На Чаунъ никто не повъритъ, что выпоротка можно отдавать только за однълистокъ табаку.

У чукчой старики, дожившіе до преклонных за зать, нерадко просять родственников чоли.

- Такъ лучше не брать, невинно возразилъ Кителькутъ. У меня у самого товару мало. А русскіе на ярмаркъ дадуть дороже. Лучше отложить до ярмарки.
- Я знаю,—снова заговориль Яякъ съ растущимъ гитвомъ,—тебъ не нужно выпоротковъ. Ты хочешь лисицъ, бобровъ; а я гдъ возьму бобровъ? Развъ я тажу за море къ айванамъ (эскимосы)?
- Я торговецъ,—сказалъ Кителькутъ:—самъ не ношу ни лисицъ, ни выпоротвовъ. Отдаю чужеплеменникамъ. Что предпочитаютъ русскіе купцы, то предпочитаю и я.
- Торговецъ! съ негодованіемъ передразнилъ Яякъ. Только и думаетъ, чтобы изъ одной папуши табаку сдёлать двё; не помнитъ, что чужое горло тоже жаждетъ горькаго. Мы развё не такъ же мучимся, какъ ты, не имёя питья?

Разговоръ въ пологѣ принималъ довольно непріятный обороть. Яякъ не щадилъ упрековъ по адресу хозяина. Хитрый старикъ, желая предотвратить ссору, задумалъ отвлечь его отъ мысли въ другую сторону.

- А что?—сказалъ онъ вдругъ:—не покормить ли собакъ? Онъ со вчерашняго не ъли.
- Ухъ!—немедленно подхватилъ Яякъ.—Бъда! мои собаки, съ тъхъ поръ какъ пришла въюга, ни разу не тли какъ слъдуетъ. Передовая худо смотритъ. Пропадетъ—бъда. Кто найдетъ дорогу домой?
 - Отчего не возьмешь ее въ юрту? предложилъ Кителькутъ.
- Не любить, боится, сказаль Яякь. Въ шатръ ни за что не станетъ всть. Искони привыкла на снъгу. Эта собака, продолжаль Яякъ съ воодушевленіемъ, умнъе человъка: только что словъ нътъ, а умнъе, все знаетъ. Въ темноту, въ непогоду найдетъ сама каждую дорогу. Безъ нея какъ поъду домой?.. Пойду, посмотрю! заключилъ онъ, вытаскивая изъ-за спины свою двойную кукашку (мъховую рубаху).
- Не ходи!—сказалъ старикъ. —Ты не здѣшній, можешь сбиться. Коравія заодно посмотрить.
 - Коравія! -- окливнуль онъ, опять обращаясь къ выходной стънъ.
- Гой! откликнулся оттуда мужской голосъ, принадлежавшій молодому человіку, который бесіздоваль съ дівушкой.
- Попробуй накормить собакъ! можеть, стануть,—сказаль старикъ изъ полога.
 - Ладно!-отвъчалъ Коравія.-Сейчасъ!
- Наруби жиру тюленьяго да моржоваго мяса... помельче! кричаль старикъ.
 - Эгей!—отозвался Коравія.—Сейчасъ пойду!

Но Яякъ уже надълъ кукашку и теперь торопливо натягивалъ косматые сапоги на свои огромныя ноги. Онъ непремънно хотълъ лично од с осмотръть собакъ. — Пойдемъ! — сказалъ Коравія, вытаскивая изъ мѣшка длинный ремень и обвязывая его вокругъ пояса. — Другимъ концомъ ты обвяжись. чтобы намъ не растеряться въ темнотъ.

Яякъ проворчалъ что-то, но обвязался ремнемъ.

Яякъ нахлобучилъ свою шапку поглубже на уши и распластался по землъ, чтобы выползти изъ шатра въ съни. Вьюга ударила ему вълице съ такимъ остервенъніемъ, что онъ пошатнулся и чуть не опрокинулся назадъ. Кругомъ было темно какъ въ могилъ. Лицо Яяка, еще разгоряченное отъ продолжительнаго пребыванія въ душномъ пологу, вдругь оледенъло и стало саднить отъ холода. Колючія иглы снъжинокъ, го-

ъздовыя собаки.

нимыя вѣтромъ, впивались ему въ щеки, какъ живыя тучи голодных комаровъ, желавшихъ отвѣдать его крови. Онѣ забирались за воротъ набирались въ рукавицы и отверстія рукавовъ. Онъ отвернулъ отъ вьюги лицо и сталъ ощупью пробираться между сугробами по направленію къ собакамъ. Вдругь онъ почувствовалъ, что ремень натянулся.

— Куда прешь?—долетьль крикъ спереди.—Или мит надо волочить за собою два мъшка?—голосъ Коравіи, долетьвшій по вътру, едва быль слышенъ среди воя и визга вьюги.

Яякъ поспъшно повернулъ обратно и пошелъ на голосъ, каждый разъ ощупывая ремень, чтобы видъть, не натягивается ли онъ о

Это было трудное и утомительное путешествіе, несмотря на то, что

приходилось пройти не болье двухсоть шаговь. Вьюга намела поперекъ дороги сугробы скрипучаго и сухого снъга.

Собаки были привязаны нісколько подальше задняго шатра въ самомъ глубокомъ містів у каменной стіны. Вьюга намела вдоль стіны цізлый сніжный валъ. Всіхъ собакъ было около пятидесяти: онів были привязаны на короткихъ палкахъ двумя длинными рядами прямо на сніту безъ всякой подстилки. Сніжная пыль непрерывно осыпалась внизъ съ верхушки вала, и собаки должны были поминутно вставать и отряхиваться, чтобы ихъ не занесло. Ніткоторыя лінились ділать это достаточно часто и въ наказаніе должны были выбираться наружу изъ цілаго сугроба, быстро собиравшагося надъ ихъ головой.

Коравія развязаль мізшокъ и сталь кликать собакъ, называя ихъ по именамъ. Обыкновенно собаки привітствують появленіе корма неистовымь визгомъ и воемъ; но на этоть разъ оніз отнеслись къ нему довольно холодно. Нізкоторыя не подняли даже головы, чтобы посмотріть на пришедшихъ людей: другія съ тихимъ повизгиваніемъ виляли хвостомъ, не різшаясь встать на ноги.

— Сурокъ! Пестрякъ! Кровоъдъ! — настойчиво взывалъ Коравія, чтобы разбудить тъхъ собакъ, которыя еще лежали свернувшись.

Яякъ набралъ на подолъ верхней кувашки жиру и мяса и пошелъ къ своимъ собакамъ. Ихъ было двънадцать; онъ лежали на самомъ лучшемъ мъстъ. Яякъ поспъшно разбросалъ имъ кормъ по порціямъ и подошелъ къ лежащей собакъ.

— Бълоногъ! Бълоногъ! — настойчиво кликалъ онъ.

Собака подняла голову, но не встала.

— Ухъ!—вздохнулъ хозяинъ.—Что, зябнешь, дружокъ?—спросилъ онъ у своей собаки такъ нъжно, какъ никогда не разговаривалъ съ людьми.

Бълоногъ вильнулъ хвостомъ, очевидно, въ знакъ утвержденія.

— Станешь тесть, Бтлоногъ?—прододжалъ Яякъ, какъ будто собака дъйствительно понимала его ртвчь.

Бълоногъ опять вильнулъ хвостомъ. Яякъ положилъ передъ его мордой большой кусокъ желтаго тюленьяго жира.

- Вшь, вшь, Бълоногъ!-понукаль онъ собаку.

Но Бълоногъ лъниво протянулъ носъ, понюхалъ жиръ и опять убралъ голову.

Яякъ опустился на одно колѣно, вытащилъ ножъ изъ-за пояса и сталъ крошить жиръ на мелкіе куски. Потомъ онъ сталъ кормить собаку изъ рукъ, почти насильно суя ей куски въ ротъ.

Бълоногъ влъ неохотно, очевидно только для того, чтобы сдълать удовольствіе хозяину, однако съълъ весь жиръ. Но на мерзлое мясо онъ отказался даже посмотръть. Жиръ вли почти всъ собаки, но отка-

зались отъ мерзлаго мяса, и Коравія убраль его обратно въ мінюкъ. Онъ взвалиль на плечо полуопустівшій міншовъ и пустился въ обратный путь по сугробамъ и застругамъ. Яякъ опять шель сзади на привязи.

Собираясь войти въ пологъ, они съ ожесточениемъ выколачивали снъжную пыль изъ своей одежды особыми роговыми колотушками. Черезъ нъсколько минутъ оба они пролъзли въ пологъ. Коравія тоже озябъ и хотълъ согръться.

- Наружныя! Бабы!—закричаль старикь, какъ только они усвлись по мъстамъ.—Что же чай? Торопитесь! Гость замерзъ!
 - Ну, мятель!-говориль Яякъ, отдуваясь и отфыркиваясь.
 - Слепить, зарываеть голову!

Онъ на время забыль объ условіяхъ торга и думаль теперь о томъ, скоро ли пройдеть выога и останется ли въ живыхъ его упряжва.

- А что собаки?-спросилъ Кителькутъ.
- Худо!-сказалъ Коравія.-Только жиръ съвли, мяса не грызутъ.
- Плохо!-подтвердилъ старикъ.-Высохнуть на одномъ жиръ.
- Охъ!—сказалъ Яякъ, помолчавъ.—Когда же перестанетъ вътеръ? Хотя бы кто-нибудь пошаманилъ навстръчу.

Женщины, бывшія въ наружномъ отдёленін, просунули сквозь входную полу деревянные лотки съ ёдой.

Угощеніе было обильное и разнообразное. Видно было, что Кителькутовы охотники им'ють удачу въ каждомъ промыслів. Туть быль твердый моржовый жиръ, нар'язанный ломтиками, китовая кожа, былая и плотная, мясо дикихъ оленей, замороженное, растолченное въ порошокъ и смізшанное съ застывшимъ топленымъ саломъ и тому подобные деликатесы. Рынтына разставила лотки на тюленьей шкурів, посрединів полога, и всів присутствующіе пододвинулись ближе. Только Нувать, котораго старикъ попробовалъ разбудить, промычаль что-то непонятное и отвернулся къ стінів. Онъ не хотіль ізсть. Мужчины и женщины ізли пальцами, обмакивая каждый кусокъ въ большую чашу тюленьей ворвани, поставленную между лотками.

Когда закуска была окончена, хозяйка тёмъ же порядомъ выставила невзрачный деревянный ящикъ, служившій хранилищемъ для чайной посуды. Женщины въ наружномъ шатрѣ въ это время торопливо очищали и облизывали корыта. Это была ихъ доля ѣды. Вычистивъ корыта, онѣ просунули въ пологъ черные чайники съ кипяткомъ в круто завареннымъ кирпичнымъ чаемъ. Въ пологѣ стало жарко, какъ въ печи. Бѣлый паръ, валившій клубомъ изъ-подъ мѣдныхъ крышекъ, не находя себѣ выхода, скоплялся подъ но толжомъ. Свѣтъ лампы какъ будто потускнълъ. Люди, сидѣ возможности; всѣ лица в спі жно было бы

подумать, что они собрадись сюда для того, чтобы принять паровую ванну. Только Нувать лежаль неподвижно у стыны, не снимая мыховой одежды и не чувствуя духоты.

Вьюга на дворъ гудъла попрежнему.

Взявъ въруки десятую чашку и собираясь отхлебнуть изъ нея, Яякъ вернулся къ своей первоначальной идеъ

- Вы, кто-нибудь,—сказалъ онъ,—постучите въ бубенъ, уймите вътеръ!
- Хорошо!—согласился Уквунъ!—Пускай! можно и попробовать... Послъ ужина!—назначилъ онъ, подумавъ.

Шаманство у чукчей, строго говоря, не составляетъ привилегіи особыхъ лицъ...

Каждая семья имъетъ свой бубенъ, и упражнение на немъ составляетъ не только право, но и обязанность всъхъ ея взрослыхъ членовъ и даже дътей.

Помимо обычныхъ годовыхъ праздниковъ осенью и весной, гдѣ шаманство играетъ наиболъе выдающуюся роль въ обыденной жизни, шаманятъ по самымъ разнообразнымъ поводамъ.

Нужно ли обезпечить успъхъ для поъздки на ярмарку, предугадать результать промысла, выбрать мъсто заметыванія сътей,—звонко обтянутый бубенъ, жженіе оленьей лопатки, камень, подвъшенный на посохъ и т. п. виды колдовства немедленно пускаются въ ходъ. Послъ каждой удачной охоты непремънно устраивается шаманское празднество, родътризны, или служенія духу убитой добычи, съ особенными, традиціонными обрядами.

Всъ молчали.

Бубенъ лежалъ подъ потолкомъ на деревянной грядкъ. Уквунъ снялъ его и испробовалъ звонкость оболочки колотушкой изъ китоваго уса и приготовился приступить къ священнодъйствію. Объ лампы были погашены и въ пологъ было темно, какъ въ гробу; но темнота эта жила и какъ будто двигалась, вся переполненная звуками. Частый и дробный стукъ колотушки раздавался какъ набатъ. Уквунъ надрывался отъ усердія, извлекая изъ своего горла самые странные и сложные напъвы: подражалъ храпу моржа и клекоту орла, рычалъ медведемъ и гоготалъ гагарой, зазываль въ униссонъ вьюгь, бушевавшей на дворъ. Но напрасно слушатели кричали: - гычь, гычь! правда! - поощряя его и вмфств съ твиъ стараясь выставить передъ призываемыми духами его силу въ болъе выгодномъ свъть. Духи бури, пролетавшей мимо, не обращали, повидимому, никакого вниманія на его призывъ и никакъ не хотъли задержаться на минуту и откликнуться. Быть можеть, имъ котвлось с еще потъшиться надъ беззащитной тундрой, и они не одобряли затъи Уквуна, клонившейся къ ихъ умиротворенію.

— Э-ге-ге-гей! Гей, гей!—протянуль наконець Уквунь.—Гей, гей! Я человъкь, я ищущій, я зовущій!..

Онъ решиль отъ простыхъ напевовъ перейти къ заклинаніямъ, которыя считаются гораздо более действительными.

- Маленькая рыбка Веканъ!---запъль онъ громинть и протяжнымъ речитативомъ.
- Гей, гей! Выросла, стала больше кита. Гей! Она лежить среди открытаго моря; шея ея стала какъ островъ, спина ея вытянулась материкомъ. Гей, гей, гей! Если ты, пролетая, задълъ концомъ крыла о землю Люренъ, дай отвътъ.

Но буря опять пронеслась мимо, не откликаясь на призывъ.

— Надъ истокомъ бъгущей воды, на вершинъ бълаго хребта, у гремящаго ледника живетъ молнія, мать горнаго эха, она летаетъ по небу. гремя желъзными крыльями... Изъ-подъ ногъ ея брызжетъ алый огонь... Если ты вылетълъ изъ ея узкихъ ущелій, дай отвътъ!

Но отвъта не было попрежнему.

На другой день вьюга дъйствительно немного утихла. Вътеръ прилеталъ съ океана съ прежнимъ ожесточеніемъ, но небо стало свътлъе. Тучи тонкой снъжной пыли, носившейся кругомъ, вдругъ окрасились блескомъ восходящей зари. Весь воздухъ наполнился сіяніемъ. Теперь можно было ожидать, что къ вечеру непогода совсъмъ уляжется.

Яякъ съ утра сталъ дъятельно приготовляться къ отъъзду. Онъ думалъ уъхать на слъдующее утро; но ему было необходимо тщательно осмотръть состояние своей нарты и упряжки, прежде чъмъ пуститься въ далекий путь по безлюдной пустынъ.

Кителькутъ сидълъ передъ входомъ и тесалъ что-то.

- Ну, гдъ у тебя? сказалъ Яякъ, насупившись и не глядя на старика.
 - Сколько чего хочещь дать, такъ давай!
- Ты самъ знаешь, сколько,—тотчасъ же отвътилъ Кителькутъ. Возьмешь, такъ дамъ.

Они уже нъсколько разъ пробовали договариваться о торгъ. Яякъ привезъ на промънъ около двухсотъ телячьихъ шкурокъ и кромъ того пятьдесять большихъ шкуръ. Прежде всего ему нужно было желъзо, чва небольшихъ котла, два топора и два большихъ боевыхъ ножа. Ста-

чъ предлагалъ ему за его шкуры, кромъ желъзныхъ издълій, еще ять кирпичей чаю и двадцать папушъ табаку. Собственно говоря, я условія не были особенно обидны. Весь вопросъ былъ въ табакъ. эсто большихъ папушъ у старика были весьма сомнительныя мелкія ушки, изъ которыхъ чья-то коварная рука болье или менье искусно ввила около трети первоначальнаго количества.

Лавай! — сказалъ Яякъ неохотно.

Старимъ ушелъ внутрь шатра и черезъ минуту вынесъ всё товары, перечисленые выше. Онъ, очевидно, приготовилъ ихъ заранѣе. Онъ былъ увѣренъ, что Яякъ въ концѣ-концовъ согласится на его условія и хотѣлъ, чтобы совершеніе сдѣлки прошло какъ можно скорѣе. Яякъ принялъ отъ старика кожаную сумку и взвѣшивалъ на рукахъ, какъбудто не рѣшаясъ заглянуть внутрь. Табаку рѣшительно было мало, Наконецъ, онъ съ рѣшительнымъ видомъ развязалъ ремень и, порывшись, вытащилъ одну папушку изъ тѣхъ, которыя лежали на днѣ. Мелкая табачная пыль, поднявшаяся со дна, заставила его чихнуть.

— О, и табакъ! — сказалъ Кителькутъ. — Чисто сахаръ!...

Этимъ сравненіемъ, часто употребляемымъ на съверъ, онъ хотъль выразить, что его табакъ въ своемъ родъ такъ же вкусенъ, какъ сахаръ.

Яякъ ничего не отвътилъ. Онъ съ мрачнымъ лицомъ разсматривалъ папушу, которую держалъ въ рукъ. Какъ на гръхъ ему попалась чуть ли не самая дрянная во всей сумъ, какая-то короткая папушка, обдерганная со всъхъ сторонъ.

Корешки листьевъ были перевязаны ниткой, ссученной изъ оленьихъ жилъ, конечно, весьма недавняго происхожденія. Яякъ отвязалъ нитку и бросилъ въ сторону, потомъ развернулъ папушу. Въ середину папуши былъ затиснутъ пучокъ табачныхъ кореньевъ, почти совершенно негодныхъ для куренія.

Зякъ вытащилъ коренья, положилъ ихъ на ладонь, пристально поглядълъ на нихъ и вдругъ его нижняя челюсть затряслась.

— Еще скажуть, что я самъ...—проговориль онъ, всклипывая какъ огромный ребенокъ. — Будуть говорить на Чаунъ, что листья я самъ выкурилъ, а коренья привезъ друзьямъ.

При видъ этихъ слезъ даже Кителькутъ почувствовалъ смущеніе.

— Это не я!—счелъ нужнымъ оправдаться онъ.—Это русскіе сдълали... Мои руки не ломали папушъ.

Но Яякъ уже не плакалъ.

- Развъ ты безъ глазъ?-гнъвно спросиль онъ.
- Я былъ пьянъ, сказалъ старикъ почти кроткимъ тономъ. Воспоминаніе о водкъ окончательно вывело Яяка изъ себя. Онъ вдругь швырнулъ табакъ на землю съ такой силой, что листья разлетълись во всъ стороны.
- Не надо!—заревълъ онъ во все горло.—Бездъльникъ! Отдай назадъ мои шкуры!

По обычаю, немедленно по прівздв, онъ сдаль свои шкуры старику на храненіе и теперь онв лежали въ мвшкахъ въ общемъ храниции Кителькута сзади полога.

Старикъ въ свою очерель разсерлился.

— Ты зачѣмъ швыряешь чужое добро, моховая морда! — врикнуль онъ, дѣлая шагь по направленію къ противнику. —Вотъ схвачу за шею, да швырну съ утеса, мѣшокъ съ гнилымъ мясомъ!

Онъ стоялъ передъ Яякомъ, выпрямивъ свой станъ, еще сохранившій полную мужскую крѣпость. Онъ былъ почти такого же роста, какъ и чаунскій богатырь, но значительно тоньше и костлявъе. Въ борьбъ и дракъ онъ долженъ былъ явиться, пожалуй, не менъе опаснымъ противникомъ, чъмъ и самъ Яякъ.

- Обманщикъ! кричалъ чаунецъ. Отдай назадъ мои шкуры! в съ характернымъ чукотскимъ движеніемъ онъ оскалилъ зубы и крѣпко закусилъ рукавъ мѣховой рубахи, точь въ точь какъ собака, которая угрожаетъ другой собакъ.
- Возьми! сказалъ старикъ, возвращая все хладнокровіе. Къ чорту твоихъ телятъ.

Онъ опять ушель въ шатеръ и вернулся, таща за собой два длинныхъ и узкихъ мъшка, сдъланныхъ изъ цъльной шкуры тюленя, распоротой попорекъ брюха въ видъ устья.

— Съ этого времени не тади и не проси о торгъ! - сказалъ онъ.— Какое сокровище!—насмъшливо прибавилъ онъ, выбрасывая изъ мъшка рыжія и пестрыя шкуры.—Подумаешь, бобры!

Въ самомъ дълъ, выпоротки въ его глазахъ имъли такъ мало цънности, что онъ почти не жалълъ о несостоявшейся сдълкъ.

Изъ-подъ угорья послышался свисть и сухое шарканье полозьевъ: то возвращались Коравія и Нувать съ охоты.

— Сто-ой! сго-ой!—кричаль Коравія, останавливая собакъ.—Ияго! Съ медвъдемъ!

Раздался его громкій и веселый окликъ.

— Бабы, напойте!

Обычай тробовалъ, чтобы женщины совершили на голову привезенной добычи возліяніе теплой воды прежде, чёмъ подвезти ее къ дому.

— Съ медвъдемъ! Ияго! — радостно крикнули дъти, игравшія на площадкъ, и кубаремъ скатились съ угорья.

Кителькутъ бросилъ на снъгъ полуопорожненные мъшки и быстро сбъжалъ внизъ, совершенно забывъ объ Яякъ.

- Кто убиль? кричаль онь, подбывая кы нарты.
- Нуватъ, сказалъ Коравія.
- А гдъ Нуватъ? поспъшно спрос
- Къ сътямъ ушелъ! сказалъ К
- А съ нимъ ничего не случилосі телькутъ.

Коравія поднялъ голову, удивляя-

— Если бы случилось, развъ я ос

Ки-

Да вонъ онъ бъжить! — прибавилъ онъ, указывая на движущуюся точку, показавшуюся на горизонтъ.

Старикъ съ облегчениемъ вздохнулъ и принялся разсматривать и ощупывать добычу.

— Ну, шкура! — говорилъ онъ съ довольнымъ видомъ. — Кривой Федька прівдеть, меньше какъ за пятнадцать не отдамъ.

Они стали помогать собакамъ втащить медвъжью тушу наверхъ, поддерживая и подтягивая нарту съ объихъ сторонъ.

Яякъ сошелъ съ угорья вслѣдъ за старикомъ, чтобы посмотрѣть на великолѣпную добычу. У него тоже было сердце охотника. Теперь онъ шелъ сзади нарты.

Когда на крутомъ подъемъ собаки подернули недружно и нарта раскатилась назадъ, онъ снизошелъ даже до того, чтобы подхватить тяжелый задокъ и удержать его на въсу.

Очутившись наверху, онъ опять посмотрѣлъ на свои выпоротки, небрежно брошенные на снъгу, и они вдругъ показались ему въ высшей степени жалкими.

- Возьми! сказалъ онъ Кителькуту, который помогалъ Коравіи разгружать медвъдя. Убери обратно! А я возьму табакъ.
- Хорошо! сказалъ торговецъ. Только помни! Больше не мѣняй ума! Все равно, не отдамъ назадъ.

Онъ убралъ шкуры въ шатеръ.

Чаунецъ собралъ желѣзо и табакъ и отнесъ къ своей нартѣ. У него теперь явился новый планъ и онъ рѣшилъ отложить свой отъѣздъ еще на день. Назавтра Кителькутъ долженъ былъ справлять тризну медвѣдю и вмѣстѣ съ тѣмъ принести благодарственную жертву за избавленіе отъ вьюги. По древнему обычаю гость, присутствующій на такомъ праздникѣ, имѣетъ право просить у хозяина въ подарокъ любую вещь по своему желанію.

Яякъ намъревался заявить на праздникъ притязаніе на недостающее ему количество табаку и надъялся, что Кителькутъ не ръшится отказать ему. Отказъ въ подобной просьбъ считается у чукчей тяжкой обидой, влекущей полный разрывъ дружественныхъ сношеній.

Чаунецъ довольно справедливо думалъ, что старикъ получаетъ отъ него слишкомъ много выгодъ, чтобы оттолкнуть его отъ себя безъ особой уважительной причины. Обычай требуетъ также соотвътственныхъ даровъ и со стороны гостя; но для нихъ не назначается инкакого опредъленнаго срока, и Яякъ думалъ привезти отдарокъ въ будущій свой прівздъ. До будущаго года было далеко, и Яякъ мало думалъ объ этомъ. Онъ охотно взялъ бы у Кителькута табакъ въ видъ долга, если бы между чукчами существовало обыкновеніе давать въ долга.

На другой день жители поселка проснулись съ первымъ лучомъ раз-

свъта. Женщины въ шатръ Кителькута чуть не съ полночи начали возиться, вытапливая сало изъ тюленьихъ костей, оленя и приготовляя жертвенную похлебку изъ тюленьей крови, смъшанной съ кореньями и жиромъ. Рынтына наварила цълую гору самаго разнообразнаго мяса, какое только нашлось въ ея пищевыхъ мъшкахъ.

Яякъ провель ночь въ задиемъ шатрѣ; но немедленно по пробужденіи онъ явился къ Кителькуту вмѣстѣ съ Уквуномъ и его женами. Женщины расчистили снѣгъ сзади шатра и соединенными усиліями перетащили туда медвѣжью тушу. Женщины вынесли идоловъ, представлявшихъ одновременно снарядъ для добыванія огня, и разставили ихъ въ рядъ. Рынтына извлекла изъ какого-то сокровеннаго тайника огромную связку наслѣдственныхъ амулетовъ, большею частію представлявшихъ невзрачные кусочки дерева, раздвоенные съ одного коица; были тутъ также черные камни странной формы, нѣсколько вороньихъ и песцовыхъ череповъ и даже одна человѣческая челюсть въ кожаномъ чехлѣ, почернѣвшемъ отъ времени. Все это было навязано на одну длинную веревку въ видѣ чудовищныхъ четокъ, покрыто толстымъ слоемъ копоти и лоснилось отъ жира.

Въ благодарность божеству заръзали лучичую собаку изъ упряжки.

Кителькуть зачерпнуль рукой несколько капель крови изъ свежей раны и брызнуль сначала вверхъ Богу Творцу, живущему на макушкъ неба на звезде Воткнутаго Дерева, потомъ на востокъ разсвету, потомъ на северъ Ветру-Хозянну, главному ветру этой холодной земли, потомъ внизъ земле и подземнымъ духамъ. Жертву повернули головой къ востоку и подложили ей подъ голову и задъ по маленькой веткъ тальника, еще сохранившей несколько увядшихъ листьевъ.

Нувать зарізаль ножомъ небольшого щенка на жертву духу убитаго медвідя. Женщины развели огонекъ предъ головой медвідя, потомъ совершили возліяніе кровяной похлебкой и стали разбрасывать во всістороны мясо и сало, накрошенное мелкими кусочками. Рынтына вынула изъ котла свитокъ кишки, начиненной жиромъ, и, разрізавъ ее на кусочки, украсила ими уши и зубы медвідя. Засунула также по кусочку въ пасть убитымъ собакамъ. Идолы и амулеты были вымазаны жиромъ и испятнаны свіжей жертвенной кровью. Участвующіе взяли по куску жертвеннаго мяса и стали ість. Первая часть церемоніи была окончена.

Другіе участники уносили внутрь шатра жертвы и плоды, потомъ, положивъ на тарелки мяса, медленно пошли кругомъ шатра.

— Го-го! Го-гокъ! — громко коичали они, отпугивая враждебныхъ духовъ отъ своего жилище з сторону и, выкопавъ въ снъгу ямку, пол зровняли съ по-

верхностью. Окончивъ послъднее жертвоприношеніе, они тоже вернулись въ шатеръ. Всъ отверстія шатра были наглухо закрыты. Небольшой огонекъ, курившійся на очагъ, уже успълъ наполнить дымомъ переднее отдъленіе. Яркіе и прямые снопы солнечныхъ лучей, проникавшіе сквозь крошечныя дырки кожаной оболочки, проръзывали эту густую атмосферу длинными пучками, тонкими у основанія, но постепенно расширявшимися и оканчивавшимися круглымъ свътовымъ пятномъ на противоположной стънъ или разбивавшимися о частый переплетъ шатровыхъ столбовъ и жердей.

Мужчины были въ обыкновенной носильной одеждъ, но женщины надъли широкіе балахоны, разукрашенные разноцвътной бахромой и пучками сърой и черной шерсти. Кителькутъ съ бубномъ въ рукъ и съ длинной деревянной палкой, вмъсто обыкновенной пластинки китоваго уса, сталъ передъ огнемъ со стороны входа, обратившись лицомъ къ внутреннему отдъленію. Съ другой стороны огня стала Рынтына на оленьей шкуръ, обратившись лицомъ къ мужу.

- Го-говъ! закричалъ Кителькутъ, ударивъ палкой по деревянному станку бубна.
- Го-гокъ, го-гокъ! дружно и громко отвътили всъ присутствующіе.

Началась торжественная пляска. Нувать и одна изъ женщинъ, согнувъ кольни и разставивъ носки врозь, прыгали взадъ и впередъ вокругъ огня. Кителькутъ и его жена медленно и размъренно плясали другъ противъ друга, присъдая то вправо, то влъво, съ протянутыми руками и съ различными странными тълодвиженіями. Оба они пъли свой особый, одинаково сложный и трудный для исполненія напъвъ, который перешелъ къ нимъ по наслъдству: Кителькуту отъ отца, а Рынтынъ отъ матери,—постепенно возвышая голосъ и ускоряя темпъ пънія, но продолжая свои движенія въ прежнемъ размъренномъ порядкъ. Одинъ за другимъ всъ присутствовавшіе приставали къ нимъ, начиная каждый свою особую пъснь и постепенно возвышая голосъ. Весь шатеръ наполнился звуками.

Неискусный въ священныхъ обрядахъ Коравія пѣлъ свою обычную пѣсню, которой онъ сокращалъ себѣ время у оленьяго стада, у тюленьей сѣти. Уквунъ стоялъ, прислонясь лицомъ къ столбу, и пѣлъ тихимъ и тонкимъ голосомъ странный и грустный напѣвъ съ безчисленными горловыми переливами и неожиданными переходами тоновъ. Яякъ гудѣлъ глухо и монотонно, изрѣдка разнообразя свое пѣніе громкими и сердитыми выкриками. Онъ какъ будто все еще бранился съ Кителькутомъ изъ-за табаку, но выражалъ свой гнѣвъ, вмѣсто членораздѣльныхъ словъ, протяжными, скрипучими и невразумительными звуками. Только Нуватъ, окончивъ свою часть пляски, усѣлся на землѣ съ скучающимъ видомъ.

Наконецъ Кителькутъ усталъ и сошелъ съ своего мѣста. Но служене не прекращалось. Мужчины смѣняли другъ друга за бубномъ, а женщины чередовались въ пляскѣ. Шумъ все усиливался. Женщины тоже стали показывать свое искусство на натянутой кожѣ. Уквунъ послалъ за своимъ собственнымъ бубномъ. Теперь уже всѣ женщины прыгали одновременно около огня, издавая ужасные нечеловѣческіе вопли. Два бубна гремѣли и дребезжали взапуски, какъ будто стараясь заглушитъ другъ друга. Кто уставалъ, садился на землю и, отдохнувъ немного, снова присоединялся къ шабашу. Собаки на дворѣ выли въ семъдесятъ здоровыхъ глотокъ и на семъдесятъ разнообразныхъ голосовъ. Можно было подумать, что онѣ тоже справляютъ праздникъ.

Въ самый разгаръ церемоніи Яякъ вдругь громко хлопнулъ въ ла-

— Вижу! Табакъ! — крикнулъ онъ, обращаясь къ Кителькуту съ обычной формулой просьбы.

Крики и шумъ умолкли, какъ будто по командъ. Домашніе Кителькута смутились отъ неожиданности, а Уквунъ съ любопытствомъ ждалъ, что отвътить старикъ. Но Кителькуть отчасти предвидълъ выходку чаунца и твердо ръшился не разставаться ни съ одной лишней папушей табаку. Онъ захватилъ лъвой рукой колотушку вмъстъ съ бубномъ, а правую поднесъ къ горлу.

— Хоть горло переръжь! — произнесь онъ формулу отказа, сразу отрекаясь отъ всякой торговли и знакомства съ Яякомъ и подтверждая свое утреннее приглашение не тадить больше за торгомъ на Каменный мысъ. Онъ не могъ не припомнить въ эту минуту, что шкуры Яяка лежатъ въ его мъшкахъ въ темномъ углу шатра и составляютъ теперь его полную, законно пріобрътенную собственность.

Услышавъ отказъ, Яякъ молча подобралъ свою шапку и вышелъ изъ шатра. Служене послъ его ухода продолжалось довольно долго, но совершалось уже безъ прежняго воодушевленія. Всъхъ озабочивала мысль о только что происшедшемъ. Нуватъ, не принимавшій почти никакого участія ни въ пляскъ, ни въ пъніи, вышелъ изъ полога провъдать собакъ. Яякъ стоялъ на площадкъ передъ шатромъ. Онъ, видимо, ожидалъ перваго, кто выйдетъ изъ шатра.

— Скажи своему отцу, — заговорилъ онъ тихимъ, но тъмъ болъе зловъщимъ голосомъ, — Кителькуту скажи: вотъ вы отвергли меня, стараго знакомца, оттолкнули прочь, товарища-однокорытника выгнали какъ собаку. Пускай! Завтра утду рано утромъ, удалюсь съ вашего стойбища! Пускай! больше не будемъ видъть другъ друга! Пускай, пускай, пускай! — твердилъ онъ, не находя другихъ словъ и стараясь не давать воли своему гнъву.

— Онъ сказалъ: переръжь горло, — вдругъ вырвалось у него гром-

кимъ запальчивымъ крикомъ.—Да и будетъ! Всѣ ножи, топоры, копья, всѣ острыя вещи слышатъ!..—И онъ отошелъ въ сторону, повидимому, опасаясь прибавить болѣе, и скрылся въ глубинъ задняго шатра.

Собаки, успъвшія успокоиться, опять залились оглушительнымъ воемъ, какъ будто желая подчеркнуть послъднія слова раздраженнаго чаунца.

Шаманство.

(В. Михайловскаго.)

По общему върованію племенъ, населяющихъ Сибирь, существуютъ два начала: доброе и злое. Доброе сильнъе злого, но борьба, хотя и подавленная, всегда ведется между ними и жертвой этой борьбы зачастую становится человъкъ. Подавленный грозными явленіями природы, живя подъ неограниченною властью естественныхъ условій и слѣпого случая, сибирскій инородецъ чувствуетъ себя настолько ничтожнымъ, что даже не смѣетъ самъ молиться своимъ богамъ. Тѣснимый отовсюду божествами коварными, онъ постоянно находится въ страхѣ и всячески старается снискать ихъ расположеніе, умилостивить грозныя стихіи, предугадать будущее.

Чтобы помъшать дъйствію злыхъ духовь, онъ прибъгаеть въ помощи врача—шамана (по туземному камъ). Шаманъ, или камъ, при помощи завлинаній выгоняеть злыхъ духовъ и помогаеть выздоровленію больного,—это посредникъ въ сношеніяхъ слабаго человъка съ міромъ духовъ.

Шаманъ во время своихъ дъйствій долженъ наружными знаками въ большей или меньшей степени отличаться отъ остальныхъ людей. Самыми важными принадлежностями камскаго, или шаманскаго, званія являются бубень съ колотушкой и различныя части шаманской одежды. Бубенъ встръчается почти у всъхъ племенъ Сибири, имъющихъ шамановъ; кромъ силы вызывать духовъ, онъ имъетъ чудесную силу носить шамана по воздуху. Бубенъ состоить изъ обода, обтянутаго съ одной стороны кожей; въ полости бубна укръплены двъ поперечины вертикальная деревянная и горизонтальная жельзная. Но не всв шаманы удостоиваются великой чести достать бубенъ; часто въ теченіе долгаго времени духи не дають имъ дозволенія сділать себі это магическое орудіе. Шаманы одіваются особеннымъ образомъ только при служени духамъ; въ обыкновенной жизни они отъ своихъ единоплеменниковъ не отличаются никакими наружными признаками. Принаддежности шаманскаго одбянія явдяются общими для всьхъ сибирскихъ инородцевъ, ихъ составляютъ: 1) Верхній кафтанъ или плащъ; у однихъ онъ шьется изъ сукна, у другихъ изъ звъриныхъ шкуръ и увъщи

вается разными побрякушками, кольцами, изображеніями миоическихъ животныхъ. 2) Личина (маска); у самовдскихъ шамановъ ее замвияетъ платокъ, которымъ закрываютъ глаза, чтобы заклинатель могъ проникнуть въ міръ духовъ своимъ внутреннимъ зрвніемъ. 3) Медная нан железная бляха на груди. 4) Шапка, одна изъ главивйшихъ принадлежностей шамана.

Плащъ шамана состоитъ изъ шкуры дикаго козла или оленя; наружная сторона почти вся увещана множествомъ жгутовъ различной величины, которые представляють собою зивй; они общиты разноцивтными матеріями, иногда парчой. Нізкоторые жгуты пришиты къ плащу не самымъ концомъ своимъ, а такъ, что верхній конецъ жгута остается свободнымъ и напоминаетъ голову змън. На немъ часто вышиваютъ вружки въ виде глазъ; у толстыхъ жгутовъ этотъ конецъ делается расщепленнымъ, такъ что змъя выходить съ разинутой пастью. Концы большихъ змъй раздванваются, и на каждомъ концъ висить кисть; иногда пара змъй имъетъ одну общую голову. Кромъ жгутовъ, на плащъ нашиты пучками, до девяти въ каждомъ, узкіе ремни изъ оленьей кожи и прикръплено много символическихъ знаковъ и погремущекъ. Часто встръчаются стременообразные треугольники изъ жельза, на одно изъ кольнъ котораго вздаты желазныя приваски, лучока са наложенною стралкой для отпугиванія отъ шамана злыхъ духовъ. На спинъ нашиваются двъ круглыя медныя бляхи; иногда две другія нашиваются и на груди. Шкуры звърьковъ: горностаевъ, бурундуковъ и летягъ, также пришиваются вмісті съ ремешками. Воротникъ общить бахромой изъ филиновыхъ или совиныхъ перьевъ. У нъкоторыхъ шаменовъ мелкія фигуры не покрывають плаща оть воротника до пояса и на одеждъ нашивается лоскуть матеріи особаго цвіта, напр., краснаго, къ которому прикрівплены вруглыя міздныя бляхи и часто русскіе колокольцы.

Шапка шамана представляетъ квадратную или четвероугольную пластину изъ шкуры молодого оленя; лицевая сторона ея покрыта яркой матеріей или сукномъ. У иныхъ верхній край бываетъ украшенъ перьями беркута или филина, расположенными пучками: къ нижнему краю прикръплена бахрома изъ раковинъ каури, подвъшенныхъ на шкурахъ. У нъкоторыхъ шамановъ шапка дълается изъ шкуры филина: крылья не отръзываются, а оставляются для украшенія шапки, иногда же оставляется и голова птицы. Не всъ шаманы имъютъ право носить филинову шапку; духи во время камланія (священнодъйствія) открываютъ своимъ любимцамъ, что наступила пора, когда имъ можно приготовить себъ одежды, приличествующія ихъ камскому званію.

Всв отдъльныя части одежды сибирскихъ шамановъ и принадлежности, находящіяся въ ихъ распоряженіи, имъютъ особенное значеніе акъ въ своей отдъльности, такъ и въ своихъ сочетаніяхъ. Шаманы

Шаманъ.

Digitized by Google

наружнымъ видомъ своего костюма вслѣдствіе его необычайной своеобразности стараются произвести сильное впечатлѣніе на зрителей; звукъ колокольчиковъ, металлическихъ привѣсокъ и погремушекъ на бубнѣ и тростяхъ, ударяемыхъ одна объ другую, дѣйствуютъ потрясающимъ образомъ на присутствующихъ и возбуждаютъ въ нихъ извѣстнаго рода настроеніе. Наконецъ, всѣ украшенія и предметы, принадлежащіе шаману, имѣютъ сокровенный смыслъ, понятный только для шаманистовъ и тѣсно связанный съ ихъ религіознымъ міросозерцаніемъ.

Не всякій можеть быть шаманомъ, и шаманское званіе дается у сибирскихъ инородцевъ или по наслъдству, или по особому предрасположенію, проявляющемуся у мальчика или юноши, избраннаго духами для служенія имъ.

Якутскіе шаманы и шаманки получають волшебный дарь не по наследству, хоти и существуеть преданіе, что если въ роду появился кудесникъ, то онъ уже не переводится; они предназначаются на служение духамъ помимо ихъ воли. Духъ, покровитель умершаго шамана, старается поселиться въ комъ-либо принадлежащемъ къ роду покойнаго. Съ дътскихъ лътъ начинаются у будущаго кама припадки эпилепсіи: онъ внезапно гогочеть, впадаеть въ безпамятство, бъгаеть по лъсамъ, питается древесной корой, мечется въ огонь и воду, кватается за оружіе, колеть себя, такъ что родственники за нимъ присматривають и по этимъ признакамъ узнаютъ, что онъ будетъ шаманомъ и призываютъ стараго шамана. Тотъ знакомитъ своего ученика съ различными духами и наставляеть, какъ следуеть ихъ призывать. Обрядъ посвященія въ шаманы обставленъ у якутовъ особыми церемоніями: старый шаманъ выводить своего ученика на высокую гору или на чистую поляну, надъваеть на него шаманскую одежду, даеть бубенъ, колотушку и, стоя сзади вновь посвящаемаго, заставляеть его повторять свои слова. Сначала онъ требуеть, чтобы тоть отрекся оть Бога, оть всего любимаго и дорогого и даль бы объщание жизнь свою посвятить демону, который долженъ исполнять его просьбы. Затъмъ старый шаманъ говоритъ, какой демонъ гдъ живеть, какія бользни причиняеть людямъ и чьмъ его можно умилостивить. Въ заключение новый шаманъ долженъ убить жертвенное животное, кровью котораго и окропляють его одежду, а мясо съвдается собравшимися зрителями.

У инородцевъ, живущихъ въ Алтаъ, способность къ камланію врожденная; обученіемъ пріобрътается только знаніе напъвовъ, молитвъ и внішнихъ обрядовъ. Рано начинаетъ будущій камъ чувствовать свое предназначеніе; имъ овладъваетъ бользнь, онъ часто впадаеть въ бъщенство. Напрасно многіе избранники борются съ врожденнымъ стремленіемъ, зная, что участь шамана незавидна, но это воздержаніе прино-

сить имъ большія страданія; даже отдаленные звуки бубна приводять ихъ въ дрожь. Больныхъ шаманскимъ недугомъ постигають физическія мученія; у нихъ ведеть руки и ноги и, наконецъ, они поступають въ ученіе къ каму. Камское влеченіе наслѣдственно; у кама часто родятся дѣти, предрасположенныя къ болѣзненнымъ припадкамъ. Если въ семойствѣ, гдѣ нѣтъ шамана, родится мальчикъ или дѣвочка съ припадками, то алтайцы убѣждены, что кто-нибудь изъ предковъ былъ шаманомъ. Бываетъ случай, что шаманами становятся и по личному хотѣнію, но такіе камы значительно слабѣе родовыхъ.

Такимъ образомъ все предшествующее развите шамана, начиная съ дътскихъ годовъ и до самаго посвященія въ камское, или шаманское, званіе, направлены къ тому, чтобы усилить въ немъ природныя наклонности и сдълать изъ него человъка ненормальнаго, своеобразнаго, не похожаго на обыкновенныхъ людей. Обрядъ посвященія тоже направленъ къ достиженію подобной цъли; шаманъ становится въ положеніе совершенно особое, онъ принимаетъ на себя объты, дълается принадлежностью духовъ, которые, подчиняясь его призывамъ, въ свою очередь властвуютъ надъ нимъ.

Къ этимъ въщимъ людямъ, искусившимся во всъхъ тайнахъ міра боговъ и духовъ, суевърные инородцы и шаманисты, проникнутые мрачными возаръніями на жизнь и природу, обращаются во всъхъ затруднительныхъ случаяхъ жизни.

Всв бользии происходять оть злыхь духовь, поселяющихся въ человъкъ, и пріемы лъченія направлены къ изгнанію или задабриванію непрошенныхъ гостей. Самый несложный способъ-это льченіе огнемъ. Въ Колымскомъ округв у одного парня разболвлся и сталъ нарывать случайно ушибленный палецъ. Ръшено было, что въ пальцъ поселился злой духъ "еръ". Желая его оттуда выгнать, больной взяль горячій уголь и сталъ раздувать его около нарыва. Когда обожженное тъло лопнуло съ легкимъ трескомъ, то больной, самодовольно улыбаясь, сказаль присутствующимъ: "Видъли, какъ выскочилъ?" Къ другимъ домашнимъ средствамъ для облегченія страданій относятся бряцаніе жельза, шумъ, громкіе крики и т. п. Когда простое льченіе не помогаеть, то якуты обращаются къ шаману; тотъ является заступникомъ за несчастныхъ и посредникомъ между людьми и духами въ ихъ столкновеніяхъ. Воть какъ одинь изследователь описываеть ту часть обряда, которая остается всегда неизмінной и является его остовомъ, закрівпленнымъ обычаемъ. Позванный къ больному шаманъ, появившись въ юрту, занимаетъ мъсто на самой почетной наръ (скамьъ) въ углу противъ огня. Растянувшись на своей бълой кобыльей кожъ, лъкарь лежить, ожидая ночи и того часа, когда можно начать колдовство. Все это время его кормять, поять и чествують. Наконець, солице свло,

сумерки подвигаются, въ юртв двлаются торопливыя приготовленія къ шаманству: подметають полъ, колють дрова и лучину, варять особенно сытный и вкусный ужинъ. Мало-по-малу собираются сосъди, размъщаются на скамьяхъ вдоль стенокъ, мужчины съ правой стороны, женщины съ лъвой. Разговоры ведутся особенно строго, сдержанно, движенія посьтителей плавны и медленны. Когда всв поужинають, шамань, присъвши на краю наръ, медленно расплетаетъ косички, что-то бормоча и отдавая различныя приказанія. Онъ по временамъ нервно и искусственно икаетъ, отчего его тъло странно содрогается. Глаза кудесника не глядять по сторонамъ; они или опущены, или уставлены неподвижно въ одну точку — обыкновенно въ огонь. Огонь понемногу потухаеть, юрту наполняють густыя сумерки, двери запираются, и наступаеть почти полное молчаніе. Шаманъ медленно снимаеть съ себя рубаху и надъваеть свой волшебный кафтанъ, затъмъ, взявъ закуренную трубку, онъ долго курить, глотая дымъ. Икота становится громче, дрожь еще трепетиве. Вотъ лъкарь кончилъ курить, лицо его бледно, голова низко опущена, глаза полузакрыты. Въ это время на срединъ юрты успъли положить бълую кобылью кожу. Шаманъ, взявъ ковшъ холодной воды, выпиваетъ нъсколько большихъ глотковъ и медленнымъ соннымъ движеніемъ отыскиваеть на скамы приготовленные зараные кнуть, вытку или колотушку бубна. Затъмъ онъ выходить на середину юрты и, сгибая четыре раза правое кольно, совершаеть торжественный поклонъ на всъ четыре стороны світа, при чемъ брызжеть кругомъ себя изо рта водой. Въ огонь бросають горсть бълыхъ конскихъ волосъ и окончательно его тушать. При слабомъ мерцаніи угольевъ виднівется еще нівкоторое время въ темнотъ неподвижная фигура шамана, сидящаго попуря голову, держа передъ грудью громадный, какъ щитъ, бубенъ. Лицо его обращено на югь. Всв сидящіе на скамьяхь притаили дыханіе и среди непроглядной тьмы слышно только невнятное бормотаніе и иканіе кудесника. Наконецъ и эти звуки затихаютъ; на мгновеніе водворяется мертвая тишина. Немного спустя раздается одинокій, сдержанный зівокь, и вслідь за нимъ, гдъ-то въ покрытой тьмою юрть, громко, четко и произительно прокричить соколь или жалобно расплачется чайка. После новаго промежутка начинается легкая, какъ комариное жужжаніе, дробь бубна: шаманъ начинаетъ свою музыку. Въ началъ нъжная, мягкая, неуловимая, потомъ нервная и произвольная, какъ шумъ приближающейся бури, музыка все растеть и крыпнеть. На общемь ея фонь поминутно выдыляются дикіе крики: каркають вороны, смінотся гагары, жалуются чайки, посвистывають кулики, клекочуть соколы и орлы. Музыка растеть, удары по бубну сливаются въ одинъ непрерывный гулъ: колокольчики, погремушки, бубенчики гремять и звенять неуставая. Это цвлый потокъ звуковъ, готовый совершенно поглотить сознаніе присутствующихъ

Вдругъ все обрывается; еще одинъ, два мощныхъ удара по бубну в волшебный инструментъ падаетъ на колъни шамана. Все разомъ умол-каетъ. Пріемъ этотъ повторяется съ небольшими измѣненіями нѣсколько разъ. Когда шаманъ подготовилъ такимъ образомъ всѣхъ присутствующихъ, музыка измѣняетъ темпъ, къ ней присоединяются отрывочных фразы пѣсни, отличающіяся мрачнымъ тономъ.

Заклинаніе якутскаго шамана вездів одно и то же. Дальнівшая часть обряда представляеть импровизацію, приноровленную къ извістнымъ случаямъ и опредъленнымъ лицамъ. Когда шаманъ посредствомъ своихъ пъснопъній заставиль снизойти на себя духа-покровителя, то начинаеть на разостданной кожв подпрыгивать и топтаться, отврывая такимъ образомъ вторую часть своего драматическаго действія. Яркій свъть возобновленнаго огня разливается по юрть, полной шума и движенія. Кудесникъ непрерывно пляшеть, поеть и бьеть въ бубенъ; повернувшись лицомъ сначала на югь, затъмъ на западъ и востокъ, онъ бъшено прыгаетъ и кривляется. Темпъ и шагъ танца похожъ немного на русскаго трепака, только быстрве его и лишенъ удали. Наконецъ шаманъ узналъ все, что ему нужно; онъ раскрылъ, кто причинилъ болівнь, заручился обінцаніями и содійствіемъ могущественныхъ духовъ. Тогда начинается третья часть шаманскаго представленія. Кружась, танцуя и ударяя колотушкой въ бубенъ съ пъніемъ, лъкарь направляется иъ больному. Съ новыми заклинаніями онъ изгоняеть причину бользии, выпугивая ее или высасывая ртомъ изъ больного мъста. Изгнавъ бользнь, заклинатель уносить ее на середину избы и посль многихъ церемоній и заклинаній выплевываеть, выгоняеть изъ юрты, выбрасываеть вонъ пинками или сдуваеть прочь съ ладони далево на небо или подъ землю. Но недостаточно изгнать бользнь; необходимо умилостивить боговъ, освободившихъ человъка страдающаго отъ недуга, и шаманъ опредъляетъ, какую жертву нужно принести мощнымъ небеснымъ духамъ. По окончаніи обряда кудесникъ опять садится на свою кобылью кожу, поеть и играеть, а присутствующіе переносять его вибств съ кожей обратно на почетную скамью, которую онъ занималь въ началъ камланія.

На Камчаткъ.

(Слюнина.)

Широкой и длинной полосой протянулась Камчатка. Вдоль этого полуострова идетъ Камчатскій хребетъ горъ, давая массу разв'ятвленій по восточному берегу, а на запад'я спускаясь къ тундр'я, граничащей съ Охотскимъ моремъ.

Въ ясный солнечный день эта панорама суровыхъ горъ, громоздя-

пцижем другь надъ другомъ, представляетъ чудную и величественную картину. Почти отъ начала мыса Лопатки надъ холмистымъ и возвышеннымъ берегомъ поднимаются конусы потухшихъ вулкановъ съ Котелевой сопкой во главѣ; сначала они разбросаны по всей оконечности полуострова, но съ сопки Ильина всѣ вулканы приближаются къ восточному берегу, дѣлая его болѣе гористымъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, болѣе величественнымъ. Отроги этихъ горъ иногда вертикально обрываются у Тихаго океана, представляя поучительную картину геологическаго строенія и вулканическихъ переворотовъ, давшихъ необычайное распредѣленіе пластовъ, причудливость ихъ изломовъ и проваловъ. Подчасъ, въ такой стѣнѣ видишь красивыя арки со сводами, засыпанными во время послѣдующихъ катастрофъ.

Выше Петропавловска, за Жупановой сопкой отъ главнаго Камчатскаго хребта отделяется ветвь, идущая изгибами вдоль восточнаго берега до мыса Озерного, гдъ она снова соединяется съ главнымъ хребтомъ, значительно удаляясь здёсь оть берега, который становится тогда низменнымъ и немного холмистымъ. Весь полуостровъ Камчатка, такимъ образомъ, изборожденъ остроконечными вершинами своихъ хребтовъ, среди которыхъ выступають красивыя очертанія сопокъ: Авачинской, Коряцкой, Жупановой, Ключевской; между ними насчитывается 26 потухшихъ и 12 действующихъ вулкановъ, последнія страшныя изверженія которыхъ (Авачинской въ 1855 г., Ключевской въ 1843 г.) еще сохранились въ памяти стариковъ камчадаловъ. Вершины ихъ въчно покрыты снегомъ, спускающимся по ущельямъ до верхушевъ основного хребта, пики котораго лишены всякой растительности. Еще ниже поясомъ — и всъ склоны холмовъ до низинъ-ущелій покрыты сплошнымъ льсомъ хвойныхъ деревьевъ-лиственницы, сосны, пихты, ели, кедровника; у подошвы горъ и по низинамъ мы встръчаемся съ представителями лиственныхъ породъ: березой, ольхой, тополемъ и ивой, иногда достигающихъ значительной толщины. Въ промежуткахъ по низинамъ роскошно растеть трава непроходимой полосой, далеко превышая человъческій рость. По всемъ этимъ низинамъ и долинамъ струятся тысячи горныхъ ручьевъ и значительныхъ ръкъ, впадающихъ въ море по обоимъ берегамъ Камчатки.

Климатъ Камчатки опредъляется ея положеніемъ среди двухъ морей и гористымъ характеромъ страны. Охотское море, несмотря на свое положеніе въ умѣренной зонѣ, представляетъ типъ совершенно полярнаго моря съ вѣчно холодной водой и массой льду, который въ вѣкоторыхъ мѣстахъ его держится до августа. Это море вѣчно вѣетъ, такъ сказатъ, холодомъ на Камчатку, оковывая вершины сопокъ ея вѣчнымъ ледячымъ покровомъ. Съ другой стороны Тихій океанъ, теплое теченіе котораго довольно близко подходитъ къ Камчаткѣ, приноситъ тепло, но

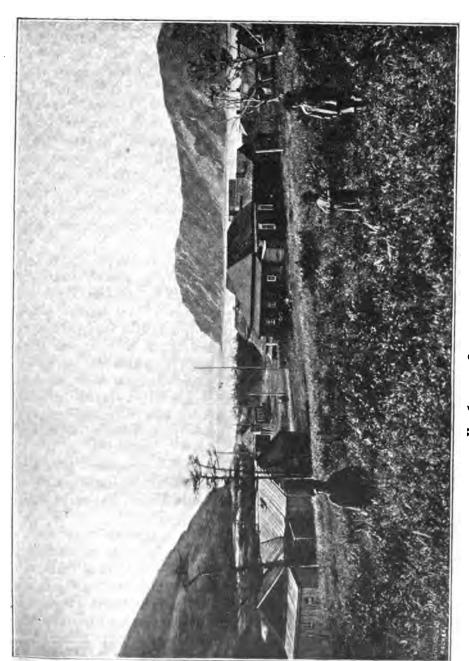
вивств съ твиъ и сырую туманную погоду. Поэтому климать Камчатки вообще не отличается суровостью, а климать восточной стороны южной половины ея можно даже назвать умфреннымъ. Зима съ морозами -12°, лътомъ температура стоитъ отъ 10° до 16° R., позднею осенью часто бывають сырые туманы и дожди, но темь не менее въ октябръ и даже въ началъ ноября днемъ можно ходить въ одномъ сюртувъ. Зима всегда бываеть здёсь многоснёжной, этимъ объясияется значительное количество текучихъ водъ, но уже въ концъ апръля снъгъ въ низинахъ и по склонамъ горъ сходитъ; наступаютъ теплые, а съ мая даже жаркіе дни, если при этомъ не бываеть незначительныхъ съверозападныхъ вътровъ. Средняя температура замнихъ мъсяцевъ - 8°, лътнихъ +13°, но средняя пятимъсячная температура лъта обывновенно ве превышаеть + 11°, что дълаеть страну непригодною для земледълія, хотя, впрочемъ, нужно оговориться, что по низинъ ръки Камчатки, близъ Ключевской сопки, яровые хліба прекрасно созрівають, а огородные овощи растугь повсемъстно отъ Лопатки до ръкъ Тигиля и Караги.

Край этотъ теперь заброшенъ и предоставленъ какъ бы на произволъ судьбы. Прежде здъсь были ремесленныя школы, духовныя училища, свротскія школы, больницы для прокаженныхъ съ нъсколькими докторами, солеваренные заводы; было много пушного звъря, казна доставляла хлъбъ и все необходимое. Въ настоящее время ничего этого нътъ. А между тъмъ потребности инородцевъ съ тъхъ поръ значительно возросли; вмъсто земляной юрты стоитъ домикъ; кухлянку и торбасы смънила европейская одежда и обувь; женщины носять шерстяныя и шелковыя платья; чай и табакъ сдълались предметами первой необходимости, и на 300 душъ населенія Петропавловска имъется шесть кабаковъ.

Всѣ видѣнныя мною поселенія, какъ и самый Петропавловскъ, производять безотрадное впечатлѣніе: ветхія избушки съ заплатами оть керосиновыхъ жестянокъ, невообразимая грязь внутри, отсутствіе улицъ,—вотъ общая характеристика заброшенныхъ домовъ; и вдобавокъ жадное, забитое, полуголодное населеніе камчатскихъ поселеній.

Настоящее положение камчадала таково, что ему самому невозможно стать на ноги. Единственный заработокъ, а слъдовательно и единственная возможность купить все необходимое, начиная отъ муки и соли и кончая иглой и ниткой — это пушной промыселъ, который, теперь въбольшомъ упадкъ.

Въ настоящее время звѣрь замѣтно и прогрессивно убываеть. Главный промыселъ — это соболя и лисицы; о горностаяхъ, россомахахъ, моржахъ, нерпахъ и выдрахъ можно не говорить, такъ какъ это сравнительно малоцѣнныя шкуры и добываются въ небольшомъ количествѣ. Лисицъ также добывается немного, всегда въ 6—7 разъ меньше соболей; такимъ образомъ соболь— ходячая монета въ Камчаткѣ—капиталъ,

На берегу Охотскаго моря.

Digitized by Google

воторымъ поддерживается существованіе населенія. Если взять во винманіе, что плата производится не деньгами, а мізновой торговлей, когда кирпичъ чаю вмізсто 30—35 к. предлагается за 1—2 р., мізшокъ муки (55 ф.) отъ 5—8 р., неводное прядево, стоящее на Командорскихъ островахъ за мотокъ въ 2 ф. візсу 65 к., въ Петропавловскі промізнивается стоимостью 1 р. 75 к.,—легко понять вполніз безотрадное положеніе инородца.

Понятное дело, при такой торговле камчадаль находится въ вечной кабале и не въ состояни никогда изъ нея выбраться. Постоянный недостатовъ и страшная дороговизна всехъ предметовъ жизненной необходимости, жизнь впроголодь, трудность пушныхъ промысловъ рововымъ образомъ сказываются на населеніи Камчатки. Инородческое населеніе края уменьшается. Если это уменьшеніе будетъ продолжаться такимъ же образомъ, то черезъ 2 века въ Камчатке не останется ни одной инородческой души. Между темъ Камчатка изобилуетъ естественными богатствами.

Минеральныя богатства полуострова, скотоводство и организація широких рыбных промысловь съ устройством постояннаго вывоза въ другія м'єста Россіи, а также въ порты Китая и Японіи, могуть поднять быть инородцевь. Богатство л'єсом и роскошная трава, иногда выше роста челов'єва, покрывающая низины и всі склоны горь, могли бы благопріятствовать развитію зд'єсь скотоводства. Но до сихъ поръ скотоводство зд'єсь не получило широкаго развитія вся'єдствіе отсутствія вывоза, забитости и л'єни камчадаловь. Этотъ безпечный сынъ камчатских ущелій живеть до сихъ поръ, не заглядывая въ будущее, настоящимъ днемъ. Но Камчатка обладаеть другимъ несм'єтнымъ богатствомъ, которымъ изъ года въ годъ награждаеть ее море. Я говорю о рыбномъ богатств'ь.

Едва сошелъ снъжный покровъ съ низинъ и очистились ръки отъ льда, едва зазеленъла трава и лиственныя деревья покрылись весеннимъ нарядомъ, какъ раздается окликъ камчатскаго соловья, радостный и живительный для души камчадала.

"Чавыча, чавыча, чавычу виділь", поеть пташка, какъ бы призы вая лізниваго камчадала спуститься къ берегу моря и свіже-пойманной рыбой поразнообразить свой скудный и однообразный зимній столь.

Дъйствительно, съ холмистаго берега, въ солнечный, тихій день вы видите сначала стада небольшихъ келоровъ (мелкая порода лососей), а затъмъ большую съ металлически блестящимъ тъломъ первую періодическую рыбу камчатскихъ ръкъ — чавычу. Съ тріумфомъ показываетъ камчадалъ первый пойманный экземпляръ, и эта радость быстро распространяется по всему городу. Въ самомъ дълъ, какъ не радоваться камчадалу: запасы юколы истощились, однообразіе пищи опротивъло; съ

возрастающимъ нетеривніемъ онъ ждалъ прихода рыбы и, увидвівъ ее собственными глазами, онъ снова убъждается въ обезпеченности своего будущаго существованія.

Обыкновенно, съ 10 мая появляются несмѣтныя стада лососей-чавычи, стремящихся въ рѣки для метанія икры. На нѣсколько футовъ глубины, иногда на необозримое пространство, блестить ея сѣро-стальное тѣло; гладкая поверхность бухты или залива покрывается рябью; стада кружащихъ чаекъ оглашаютъ воздухъ своими пронзительными криками; хищная нерпа преслѣдуетъ добычу; рыба все ближе подходитъ къ устью, и если морскія волны забросали это устье, или весенней водой образовало цѣлый мысъ, чавыча плотными рядами выбрасывается на песчаныя отмели, съ удивительнымъ знаніемъ ища природныхъ истоковъ; входя въ устья рѣкъ и горныхъ потоковъ, она своей сплошной массой запружаетъ рѣку, съ невѣроятнымъ усиліемъ стремясь вверхъ; сотни жирныхъ лососей выпрыгиваютъ изъ воды, обгоняя другъ друга; рѣка пѣнится, какъ бы кипитъ; въ мелкомъ протокѣ бываетъ трудно пройти на шлюпкѣ въ это время.

Вследъ за чавычей еще въ большей массе идетъ красная рыба; въ ръки она заходитъ около 5 іюня, пробираясь до горныхъ ключей или сворачивая въ озера. Въ ръкахъ красная рыба идетъ въ баснословномъ количествъ. Я видалъ примъры, что у одного селенія въ одинъ день крючкомъ было добыто изъ запора болъе 3.000 большихъ лососей; въ другой разъ въ одномъ притокъ Авачи, на двухъ жалкихъ ботахъ, съ двумя не менъе жалкими неводами до 20 саженъ добыто около 1.000 красной рыбы. Почти одновременно съ чавычей начинается первый ходъ сельди; она ръдко заходить въ ръки, меча икру по берегамъ мелкихъ бухть; съ конца іюня и въ іюль бываеть ходъ другого вида лососевыхъ-хайко. Хайко избираеть глубокія ріжи. Я виділь баснословныя количества этой рыбы, стремившейся въ верховья. Это были сплошныя массы, тысячи, десятки тысячь, съ какимъ-то азартомъ бившіяся о камни, перепрыгивавшія черезъ нихъ, чтобы добраться до мелкаго м'вста горнаго потока и здъсь покончить свое существование. По берегамъ валялись цілыя кучи разлагающихся труповь, и изніженный камчатскій медвъдь, сидя на камит у берега протока, выбиралъ экземпляръ посвъжъе и, поймавъ его, съъдалъ только одну головку, подобно тому, какъ лакомятся этой рыбой камчадалы и камчадалки.

Къ этимъ рыбамъ нужно прибавить семгу, которая входитъ въ ръки западнаго берега Камчатки, между ръками Большой и Ачи, и на восточномъ встръчается только съвернъе мыса Озерного и въ ръкъ Карагъ. Семга зиму проводитъ въ ръкахъ и ранней весной выходитъ въ море

Такимъ образомъ, тысячи рѣкъ и рѣчекъ полуострова Камчатки съ 10 мая по конецъ октября заполняются несмѣтными, баснословными массами лососевыхъ рыбъ. Воть богатство края, могущее обезпечить в дать хорошій заработокъ населенію, въ десять разъ большему, чѣмъ настоящее (около 6½ тысячъ душъ), когда одинъ житель приходится больше, чѣмъ на 50 квадратныхъ морскихъ миль. Что можетъ сдѣлать камчадалъ со своимъ утлымъ, долбленымъ ботомъ, на которомъ только въ тихую погоду можно перетолкнуться вдоль берега; съ своимъ маленькимъ неводомъ, 25—30 саженъ, на покупку нитокъ для котораго у него не хватаетъ средствъ при страшной дороговизнѣ прядева. Случись нсудачный промыселъ пушнины зимой—ему не на что купитъ и хлъба.

Дъйствительно, положение безвыходное: ръки запружены прекрасной рыбой, а камчадалу не на чемъ туда переправиться, или не на что справить неводъ; если онъ, живя у устья ръки, и наловилъ много рыбы, ему нечъмъ посолить, не во что положить ее, и вотъ онъ вывъшиваетъ на шесты свое главное пропитаніе, предоставляя дъйствію солнца и воздуха, дождя и насъкомыхъ. Случись дождливые дни—рыба загнила и испортилась, ему грозить голодъ, или пропитаніе квашенной въ землъ рыбой, сперва предназначавшейся для собакъ. Въ Петропавловскъ есть двъ-три шлюпки, на которыхъ можно переправиться черезъ бухту; въ селъ Авачи—ни одной; въ Николаевскомъ—ни одной; на Ключахъ—одна; въ Явиной, въ Голытной—тоже ни одной. Шлюпочнаго лъсу поблизости нътъ, а привозный американскій невозможно дорогь и не по средствамъ бъдному камчадалу.

Такимъ образомъ, дороговизна прядева и соли, отсутствіе посуды в вывоза соленой рыбы, неумѣнье солить даже сельдь — все это вмѣстѣ лишаетъ камчадала возможности вести рыбные промыслы и заготовку консервовъ въ широкихъ размѣрахъ, и милліоны рублей сгниваютъ въ верховьяхъ рѣкъ или въ озерахъ; сотни тысячъ заработка камчадаловъ будутъ пропадать до тѣхъ поръ, пока не будетъ организована широкая разработка рыбныхъ богатствъ Камчатки.

По Амуру до Хабаровска.

(По Бродовичу и Кауфману).

Медленно извиваясь по каменистому карнизу, на протяжение сотемъ версть огибающему утесы лѣваго берега Ингоды, а потомъ Шилки, поѣздъ подходитъ къ Срѣтенску—этому въ настоящее время предлверью амурскаго края. Станція Срѣтенскъ лѣпится на такомъ же каменномъ карнизъ, только чуть-чуть пошире, а городъ или вѣрнѣе станица Стрѣтенская длинною лентой протянулся вдоль противоположнаго отлогыго берега Шилки.

Общій видъ Сретенска приблизительно такой же, какъ и большив-

стна болће крупныхъ увздныхъ и болће плохихъ губернскихъ городовъ Снбири, но окружающій пейзажъ — удивительно красивъ: куда ни посмотришь, со всъхъ сторонъ надвигаются довольно высокія безлівсныя горы, образуя что-то въ родів котловины, изъ которой не видно выхода иначе, какъ черезъ горные перевалы.

Первое, что бросается здёсь въ глаза-это гостиницы, съ ресторанами, бильярдами и грамофонами, въчно биткомъ набитыя народомъ и дерущія по пяти и бол'ве рублей за крохотную каморку. Затымь-рядъ довольно нарядныхъ по наружному виду магазиновъ, нъкоторые съ зеркальными стеклами. По ближайшемъ разсмотръніи однако эти магазины оказываются лавками обычнаго сибирскаго типа, гдв можно достать все, что угодно, начиная съ серебрянаго блюда и дамской шляпки и кончая кирпичнымъ чаемъ и колесною мазью, но гдв мнв не сразу удалось найти баночку плохихъ чернилъ. Но главное, что бросается въ глазаэто лихорадочное движеніе, которое не прекращается на главиой артеріи Срътенска, - на берегу Шилки, тяготъя въ полудюжинъ стоящихъ здъсь на якоръ пароходовъ, и царящая здъсь "смъсь племенъ, наръчій, состояній". Одинъ изъ стоящихъ у пристани пароходовъ зафрахтованъ для перевозки крестьянъ-переселенцевъ, двигающихся на Амуръ и въ Уссурійскій край, на другой грузять партію новобранцевь, присланную изъ западной Сибири для укомплектованія воинскихъ частей Дальняго Востока; на одну буксирную баржу садится партія молодыхъ казаковъзабайкальцевъ, которые идутъ въ свои полки, стоящіе въ Манчжуріи; другая приготовлена для партіи казаковъ-переселенцевъ, по преимуществу кубанцевъ, которые направляются въ Уссурійское войско и которые въ данную минуту пестрять улицы Сретенска своими разноцветными бешметами, можнатыми папажами и характерными, энергичными физіономіями; на баржу амурскаго общества пароходства, которую предстоить буксировать нашему почтовому пароходу, грузять партію ссыльно-каторжныхъ, отправляемыхъ на Сахалинъ. По улицамъ снуеть разнообразная "чистая публика", въ томъ числъ не мало иностранцевъ-европейцевъ, -- кое-гдъ попадаются японцы, и вперемежку съ мъстными казаками и съ крестьянами-переселенцами двигается сплошная масса китайцевъ, изъ которыхъ многіе отъ традиціоннаго китайскаго наряда сохранили только косы, курьезнымъ образомъ контрастирующія съ руссвою крестьянскою одеждою или съ "нізмецкимъ платьемъ"; чувствуется уже та связь съ Тихимъ океаномъ и черезъ океанъ — съ Америкою и Европой, которая такъ характерна для всего Приамурья. Воть идетъ вамъ навстръчу мужикъ, несущій свои пожитки въ мышкы съ американскимъ красно-зеленымъ клеймомъ; вы проходите мимо домовъ и амбаровъ крытыхъ американскимъ цинкованнымъ жельзомъ; вы заходите купить свъчей, вамъ даютъ прескверныя свъчи какого-то англійскаго завода

10

съ этикстами на русскомъ языкъ; вы садитесь объдать—къ скверному жаркому вамъ подаютъ настоящую англійскую сою, а на третье блюдо вы получаете компотъ изъ калифорнскихъ фруктовыхъ консервовъ.

Вообще съ тъхъ поръ, какъ Срътенскъ сталъ узловымъ пунктомъ сквозного сибирскаго желъзнодорожно-пароходнаго движенія, жизнь кипить здъсь, какъ въ муравейникъ: постоянное населеніе "города" достигаетъ пяти тысячъ, а съ пришлыми и проъзжими въ Срътенскъ скопляется временами до двадцати тысячъ людей.

Въ Срвтенскъ на Щилкъ пароходная пристань — начало водяного сообщенія по Амуру. Пароходы очень маленькіе и мелкосидящіе. Во многихъ мъстахъ Шилка и верховья Амура имъютъ всего три, а то и меньше фута глубины. Во время полноводья пароходы доходятъ почти до самой Читы, но въ тотъ годъ, когда мы путешествовали, воды было мало, и только очень немногіе предпочитали водный путь колесному.

Рано утромъ, посл'в трехъ громкихъ свистковъ, пароходъ плавно и быстро понесся по Шилкъ, таща за собой арестантскую баржу, на которой изъ-за жел'взной р'вшетки смотр'вли угрюмыя лица осужденныхъ.

Русло Шилки, а затымъ и верхняго Амура прорыто въ непрерывной горной странъ. Лъвый берегъ круто падаетъ въ воду; правый берегъ немного отложе. Мъстами къ ръкъ выходятъ "пади" — горныя лощины, позволяющія нъсколько заглянуть въ глубь страны, — и тогда вы видите поодаль другія гряды невысокихъ горъ, поросшихъ то березою, то лиственницею. Кое-гдъ изръдка утесы и каменистыя горы немного отступаютъ отъ русла ръки, оставляя неширокую полосу приръчной долины; въ такихъ мъстахъ располагаются немногочисленныя крестьянскія селенія в казачьи поселки верхняго Приамурья, и пашни ихъ то тянутся узкою полосою по приръчной равнинъ, то всползаютъ высоко въ гору, выбирая для себя отлогіе, покрытые болъе мощнымъ почвеннымъ слоемъ горные склоны.

Иногда утесистые, скалистые берега тянутся сплошной ствной; въ нъсколькихъ мъстахъ красноватый гранитъ и базальтъ придаютъ ръкъ видъ искусственнаго канала. Въ другихъ мъстахъ берегъ болъе отлогій пестрится чуднымъ ковромъ цвътовъ. Громадныя деревья, разбросанныя по пышнымъ лугамъ, бросаютъ темныя пятна тъни и манятъ отдохнуть подъ свою сънь отъ жгучихъ лучей солнца. Растительностъ совсъмъ другая, чъмъ по всей Сибири; здъсь рядомъ съ хвойными породами растутъ липа, кленъ; разныхъ видовъ береза достигаетъ гигантскихъ размъровъ. Дубъ, котораго не встрътишь отъ самыхъ Уральскихъ горъ, растетъ стройно, раскидывая громадныя вътви на много саженъ. Листья его длиной въ шесть-семь вершковъ. По землъ стелется или вьется по деревьямъ дикая виноградная лоза, доходящая до 15 футовъ. Грецкій оръшникъ неръдко попадается въ лъсахъ. Пробковое дерево

останавливаеть взоръ оригинальностью своей шершавой, сильно потрескавшейся коры на стволь и бъдностью листвы. Изъ буйной травы выглядывають широкій листь филодендрона, разнаго вида плющи и сирень. Дикіе пвъты величиной, красками и запахомъ превосходять значительно наши садовые; "колокольчики" несправедливо носять свое уменьшительное названіе; тюльпаны, даже махровые, растуть цёлыми грядами; лиліи, бълыя и желтыя, папоротники-великаны въ сравненіи съ нашими. А надъ цвътами живые цвъты-мотыльки и бабочки. Трудно представить все богатство красокъ, узоровъ и величину этихъ насъкомыхъ. Всевозможные жуки вдвое больше европейскихъ. Весь день сидимъ и гуляемъ на палубъ, глазамъ не хочется върить, что въ этой суровой странъ могуть быть такія красоты, такое богатство растительности. А виды все новые, все чудные! Вотъ справа горы обрываются у самаго Амура. Глыбы камней приняли причудливыя формы. Такъ и кажется, что художникъ изваллъ гранитныя каріатиды, которыя стоять по кольни въ водъ и мощными руками поддерживають цёлыя скалы. Иныя изъ нихъ удивительно рельефны. Въ другомъ мъстъ — пещера, входъ въ нее идеть сводомъ; рядомъ-плоская плита, точно выставленная дверь. Далее скалистыя глыбы свъшиваются надъ ръкой, образуя арки. Все полно прелести, своеобразной красоты. Во всей Амурской области удивительная смъсь суроваго съ мягкимъ и нъжнымъ, съвера съ югомъ. Жаркое лъто, плодородіе почвы, обиліе влаги и южное по широть положеніе дають возможность некоторымъ растеніямъ произрастать въ дикомъ виде, съ другой стороны-возвышенность мъстности и очень морозная зима являются причиной, почему здесь встречается множество и северных растеній.

Не одно растительное царство такъ смъщанно и разнообразно. То же самое можно сказать и о фаунъ: тигръ и соболь, бурый медвъдь съвера и его тибетскій братъ, изюбрь и антилопа неръдко вмъстъ попадаются охотнику. Богатый и прекрасный край.

Самымъ существеннымъ его недостаткомъ является отсутствіе удобныхъ путей сообщенія. Літомъ, въ полноводье, довольно правильно ходятъ пароходы. Зимой—санный путь по льду замерзшаго Амура. Ранняя осень и долгая весна—самое тяжелое время для містныхъ жителей. Они отрівзаны отъ всего цивилизованнаго міра. Почтовыя дороги существують не везді; и въ это время почту изъ Хабаровска въ Благовіщенскъ приходится отправлять кругомъ Азіи морскимъ путемъ въ Одессу, а затімъ черезъ Европейскую Россію и всю Сибирь.

Пароходное сообщение не всегда удовлетворительно. Такъ, во время нашего провзда, воды было немного, и на "перекатахъ", т.-е. мъстахъ, гдъ Амуръ прорывается черезъ хребетъ—а происходило это удивительнымъ стечениемъ обстоятельствъ почти всегда во время объда или завтрака, — раздавалось поминутно: "три", "чо-ты-ре", "три съ по-ло-ви-ной"

"два съ половиной". Это выкрикивали дежурные матросы на носу парохода, изм'ряя глубину р'вки. При крик'в "два съ половиной" мы ожидали всегда толчка и сильнаго тренія подъ ногами. Нашъ пароходъ сидѣль на $2^{1}/_{2}$ фута и при этой глубин'в дномъ своимъ задѣвалъ песокъ и камни мелкаго м'вста. Вся палубная публика по приказанію командира перекочевывала тогда на носъ, чтобы поднять корму, н'всколько глубже сидящую.

Удивительное счастіе помогло намъ переправиться и перетянуть за собою баржи черезъ всё отмели. Не то было съ другими. Около одной станціи застали мы нёсколько пароходовъ, сёвшихъ на мель и стоявшихъ безъ движенія по трое и боле сутокъ. Пассажиры были въ отчанніи, особенно учащаяся молодежь и служащіе, которымъ надо было пріёхать къ сроку. Свободныя суда, стоявшія у пристани, были изъ большихъ, могущихъ слёдовать только внизъ, гдё рёка глубже; подняться обратно до Срётенска могло только одно наше суденышко; насъ пересадили и удобно разм'єстили на большемъ пароход'є, а встр'єчныхъ въ т'єснот'є повезли вверхъ.

По мірів приближенія въ Благовіщенску Амуръ становится значительно глубже, перекаты попадаются рідко. Ріка все боліве и боліве оживляєтся. Каждый чась встрічаємь или обгоняємь пароходы разныхъ обществь. На шировихъ містахъ ріжи у пристаней собираются цілыя флотиліи. Конструкцій пароходовь различны: туть громадные, неуклюжіе, съ одвимъ колесомъ позади, напоминають водяную мельницу; другіе съ маленькими боковыми колесиками и высокой черной дымовой трубой имівють видъ небольшихъ заводовь или фабрикъ; тамъ громадная съ широкой, окрашенной въ желтый цвіть наклонной трубой, съ черными бортами, немногимъ отличаєтся отъ морскихъ торговыхъ пароходовъ. Суетня, говоръ, стукъ сваливаемаго топлива, скрежеть лебедки, свистки и гудки оглашають воздухъ. Разные цвіта флаговъ, отличительныхъ знаковъ компаній, пестрота костюмовъ, различные типы лицъ—придають картинів живой, веселый характеръ.

Воть и Благовъщенскъ.

Городъ этотъ поражаетъ своей величиной и сравнительнымъ богатствомъ, если вспомнить, что онъ существуетъ всего 40 лѣтъ. Жителей около 40 тысячъ, домовъ болѣе 4-хъ тысячъ. Такой быстрый ростъ города объясняется очень выгоднымъ его положеніемъ на берегу судоходной рѣки, въ быстро заселяющейся мѣстности, на границѣ двухъ государствъ. Дома красивые, хотя большею частью деревянные; широкія, немощеныя, но не грязныя улицы. Большіе магазины, много лавокъ, городской садъ на берегу Амура.

И опять-таки — какъ и въ Сретенске, только еще сильнее — здесь осестся въ глаза отчасти связь съ океаномъ и черезъ него съ Аме-

рикою и Западною Европой, отчасти—тьсное соприкосновеніс съ Китаемъ и Японіей. По улицамъ на ряду съ обычными русскими пролетками на каждомъ шагу попадаются экипажи американки разнообразныхъ фасоновъ, но непремънно съ высокими колесами; на Большой улицъ цълый рядъ складовъ сельскохозяйственныхъ орудій и машинъ, почти исключительно американскаго или нъмецкаго происхожденія; въ магазинахъ почти исключительно американскіе и нъмецкіе мануфактурные товары. Японія представлена разнообразнъйшими ремесленниками, изъ которыхъ наибольшей популярностью пользуются японцы-прачки.

Въ Благовъщенскъ мы провели всего нъсколько часовъ и, пересъвъ на новый пароходъ, поплыли къ Хабаровску.

На ріжі съ каждымъ, можно сказать, часомъ жизнь усиливается, пароходы, китайскія джонки и рыбаки въ своихъ лодкахъ снують по Амуру во всіхъ направленіяхъ. Берега степные, поросшіе густой буйной травой, въ которой можеть скрыться взрослый человікъ, а одиноко стоящіе віжовые дубы иміють видъ мощныхъ стражей, охраняющихъ дівственную красоту луговъ. На берегу попадаются поселенія, справа китайскія, а сліва казацкія станицы или недавніе переселенческіе посельни, гді устроились малороссы. Вокругь поселеній—возділанныя поля, а на пастбищахъ—скоть. Все свидітельствуєть по виду о зажиточности.

Начиная отъ Благовъщенска, вы вступаете въ область типично-амурской природы. Здёсь начинается главный колонизаціонный районъ Амурской области и вообще всего Приамурья-Зейско-Буреинская равнина, или, какъ ее иначе называють, Амурская прерія. Это-общирное степное пространство, протянувшееся вдоль Амура отъ впаденія Зеи до того мъста, гдъ Амуръ входитъ въ горную область Буреннскихъ горъ; вглубь страны эта "прерія" простирается у впаденія Зеи-приблизительно на двъсти верстъ, при устьъ Буреи — на сто, а въ восточномъ своемъ концв не болве, чвмъ на 30-40 версть. То почти плоская, съ едва замътными впадинами-"падями" или "падушками", то съ болъе ясно выраженнымъ волнообразнымъ рельефомъ, она представляетъ собою какъ бы островъ среди необозримаго моря горъ, заполняющаго все остальное Приамурье, а отроги этой сплошной горной страны заходять и въ границы "преріи", то сливаясь съ волнистою степью рядомъ незам'втныхъ переходовъ, то вдаваясь въ ровную степь грядами ръзко выдъляющихся среди равнины, хотя и невысокихъ хребтовъ; поднявшись на свободную отъ ліса вершину одного изъ этихъ хребтовъ, вы видите передъ собою другія такія же невысокія гряды, поросшія темнымъ, кудрявымъ дубнякомъ, и въ промежуткахъ между ними-прко-зеленыя равнины, покрытыя нышною травою.

Этотъ роскошный травяной покровъ, съ точки зрвнія спеціалиста, составляется изъ причудливой, странной смъси формъ степныхъ съ рас-

теніями, свойственными болотистымъ лугамъ и болотамъ. Простой смертный видитъ передъ собою роскошные луга, которые весной пестрівють самыми разнообразными цвітами. Въ нівкоторыхъ же мізстахъ трава достигаетъ положительно гигантскаго роста, съ головою закрывая всадника, сидящаго на коніз...

Если вы, пріважій, будете разговаривать объ амурской природів съ мъстнымъ жителемъ, то онъ съ первыхъ же словъ начнетъ говорить вамъ о несообразностяхъ мъстной природы и въ особенности климата. "Удивительный здёсь край", услышите вы отъ него, вездё реки разливаются весной, а здісь-літомъ или осенью; въ августь надо убирать хлебъ, а какъ разъ въ это время здесь всегда дожди; единственное спасеніе-жнейки; только машинами можно поспёть съ уборкой хлівба. Зимы безсивжныя, такъ что сиять озимей совершенно невозможно. На горахъ располагаются болота; ъдешь по горному склону, а между тъмъ лошадь сплошь и рядомъ увязаеть по брюхо. Крестьянъ больше всего занимаеть именно это последнее обстоятельство: "Чудныя здесь места!" непремънно скажетъ вамъ выходецъ изъ Западной или Средней Сибири: "у насъ, въ Сибири (Амуръ какъ будто не признается за Сибирь), гдъ низкое мъсто, тамъ мокро, гдъ высокое-сухо; а здъсь ничего не разберешь: на горахъ болота, а по низкимъ мъстамъ сухо". Вообще Приамурье поражаеть вась изобиліемь болоть и мокрыхь мість; почти вездъ, куда еще не зашла колонизація, вы видите кочки, среди которыхъ после дождей застаивается вода, почти везде вы встречаете разныя осоки, мелкій ракитникъ и другіе безспорные признаки болье или менъе сильной заболоченности. Но заболоченность эта по большей части чисто поверхностнаго свойства-результать впитыванія изобильныхъ льтнихъ осадковъ покрывающимъ почву толстымъ слоемъ мертвой растительности-и весьма быстро исчезаеть по мёрё заселенія края: разъ гдъ-либо появились люди, началъ ходить скотъ, пошли тулять весение налы, то почва обсыхаеть въ немного леть, и на месте недавняго болота появляются сплошныя пространства хорошихъ пахотныхъ земель.

Какъ своеобразна амурская природа, такъ своеобразны на Амурѣ в люди. Обиліе земли, превосходные заработки, дешевизна денегъ, близкое соприкосновеніе съ пріисками и пріисковою жизнью — всѣ эти условія вырабатывають изъ переселенца, прожившаго десятокъ лѣтъ на Амурѣ, нѣчто совершенно не похожее на нѣсколько инертнаго и твердо знающаго свое "мужицкое" мѣсто "россійскаго" крестьянина. Обжившійся на Амурѣ крестьянинъ понемногу утрачиваетъ и внѣшнее "обличье" мужика: костюмъ его скорѣе мѣщанскій, нежели крестьянскій; если не вь будни, то въ праздники онъ носитъ фетровую шляпу; вообще амурскій крестьянинъ не стѣсняется покупать все, что ему по средствамъ.

Вліяніе Америки, которое такъ бросается въглава на удицахъ Бла-

говъщенска или Срътенска, отражается и на хозяйственномъ быть амурскихъ крестьянъ: сплошь и рядомъ вы видите простую телъгу съ тяжами изъ американскаго проволочнаго каната; подъ сидъньемъ у вашего ямщика оказывается топорикъ съ американскимъ клеймомъ; проважая мимо крестьянской пашни или покоса, вы вмёсто обычнаго мужицкаго берестяного или дерноваго балагана видите палатку изъ американскаго брезента; дома более состоятельных в крестьянь врыты американскимъ нивованнымъ железомъ, а кое-где этимъ железомъ обложены делые амбары. Еще важные необыкновенная воспріимчивость здышняго крестьянина къ новизнъ. Даже поверхностнаго наблюдателя поражаютъ колоссальные успъхи амурскаго крестьянскаго хозяйства въ смыслъ усвоенія улучшенныхъ земледъльческихъ орудій и машинъ; приамурское крестьянство въ настоящее время пашеть исключительно заводскими, главнымъ образомъ, американскими плугами, съ каждымъ годомъ все больше распространяются жнейки и молотилки, есть цёлыя селенія, гдё крестьяне почти забыли о традиціонномъ серпт и о ручной уборкт хлтвба.

Однако, несмотря на изобиліе улучшенныхъ орудій, земледѣліе, въ сущности, находится здѣсь на первобытной ступени развитія. Пріамурье—единственная часть Сибири, гдѣ господствуеть чисто переложное хозяйство, безъ общепринятаго въ остальной Сибири пара; всѣ эти жатвенныя машины не служатъ выраженіемъ прогресса и раціональнаго хозяйства, а составляютъ просто орудіе усовершенствованнаго хищничества.

Конечно, амурское крестьянство не представляеть собою скольконибудь однообразной массы. Напротивъ, въ средъ его отчетливо выдъляется нъсколько разнообразныхъ въ бытовомъ и въ хозяйственномъ отношении типовъ.

Вотъ молоканскія селенія. По общему виду и характеру построекъ это не деревни, а маленькіе городки, почище многихъ сибирскихъ увздныхъ городишекъ. Сами молокане на видъ—совершенные горожане; по существу—это народъ въ высшей степени дъловитый, оборотистый, склонный, какъ никто, къ усвоенію всякой новизны. Первые изъ обитателей Пріамурья они начали покупать улучшенныя орудія и машины, и йхъ примъръ увлекъ за собою остальное крестьянство. "У каждаго молокана,—говорять мъстные обыватели,—полонъ дворъ машинъ: самъ ничего не работаетъ,—все за него дълаетъ машина; помъщика изъ себя изображаетъ: встанетъ въ восемь часовъ, въ десять выъдетъ на бъговыхъ дрожкахъ въ поле посмотръть и распорядиться; распорядится—и домой, объдать". Въ затратахъ на хозяйство или на торговыя операціи молоканинъ никогда не стъсняется размърами собственныхъ средствъ: "доподлинно знаешь, что у него ни гроша нътъ, а глядишь, тысячную молотилку во дворъ везетъ". Молокане, именно, въ совершенствъ

постигли значенее кредита и выучились пользоваться имъ. При этомъ зажиточный или располагающій кредитомъ молоканинъ різдко остается при одномъ земледівліи: онъ обращается къ торговлів, подрядамъ, покупаєть или строить въ Благовізщенсків дома, заводить мельницу или какой-нибудь заводъ,— въ молоканскихъ рукахъ значительная часть благовізщенской торговли и промышленности. И по всеобщему митію, пальца въ роть молокану не клади—откусить.

Воть деревня Екатеринославка. Небольшое селеніе — всего 29 дворовь, но раскинувшееся чрезвычайно широко и окруженное обширнымъ сплошнымъ поясомъ распаханныхъ земель. Всъ дворы огорожены однообразными, аккуратно сбитыми дощатыми заборами. На дворахъ и по улицамъ стоятъ раскрашенные, на желъзномъ ходу и съ дышловою запряжкой, колонистские фургоны, видиъются жнейки, буккера, плуги съ сидъніями и т. п.

Екатеринославцы всё припли съ значительными средствами,—нѣкоторые принесли по пяти и более тысячъ; къ заработкамъ имъ совершенно не приходилось обращаться, —"свои деньги проводили", говорятъ они. Теперь обжились и окрепли вполне; оставшись, въ отличе отъ молоканъ, исключительно пахарями, екатеринославцы тоже поставили земледъльческое хозяйство исключительно на машинную основу: въ деревне нетъ другихъ плуговъ, кроме заводскихъ; на 29 дворовъ имъется семь жнеекъ, да еще за три даны задатки, и ручной способъ уборки совершенно вышелъ изъ употребленія: у кого посевъ сравнительно невеликъ, те покупаютъ жнейки сообща или нанимаютъ жнейку у более зажиточныхъ хозяевъ. Хозяйственность, отличающая въ Екатеринославкъ отдельныхъ крестьянъ, характерна и для целаго общества.

Воть многочисленныя селенія полтавских хохловь, сосредоточенныя, напримъръ, въ волостяхъ Песчаноозерской и Ивановской. И здъсь, какъ и вездъ въ Сибири, полтавцы въ одеждъ, въ устройствъ жилищъ и во всемъ домашнемъ быту кръпче, чъмъ кто-либо, держатся принесенныхъ съ родины привычекъ и традицій. Селенія полтавцевъ вы узнаете издали по ихъ типичнымъ мазанкамъ; амбары крыты соломой, вмъсто гуменъ высокія малороссійскія клуни. Сохраняеть традиціонный малорусскій типъ и внутреннее убранство хатъ, хотя сплошь и рядомъ вы видите малорусскій вышитый рушникъ въ непосредственномъ сосёдстве съ дешево доставшимся китайскимъ шелковымъ покрываломъ. Въ хозяйственномъ отношеніи полтавцы тоже принадлежать къ числу кръпкихъ элементовъ амурскаго крестьянства. Полтавецъ, правда, не проявляеть такой иниціативы въ усвоеніи улучшенныхъ орудій и машинъ, вообще той склонности къ новизнъ, какая характеризуетъ молокана; онъ мало приспособленъ въ борьбъ съ трудностями таёжной жизниди плохо умъсть правляться съ лъсными землями. Но онъ очень трудолюбивъ, аккуратенъ, бережливъ, довольно легко перенимаетъ отъ болѣе прогрессивныхъ элементовъ разныя улучшенія въ хозяйственныхъ пріемахъ, вообще прекрасно устраивается, разъ только естественныя условія мѣстности—какъ въ Зейско-Буреинской степи—болѣе или менѣе похожи на тѣ, къ которымъ онъ привыкъ у себя на родинѣ.

Вотъ, наконецъ, недавно возникшіе могилевскіе поселки на самой восточной окраинъ района крестьянской колонизаціи. Бревенчатые дома, часто недостроенные, крытые соломою или берестой; при каждомъ домъ уже виднъется амбарушка, но почти нигдъ никакихъ крытыхъ скотскихъ помъщеній; большинство дворовъ еще не огорожено. Сами могилевцы, въ своихъ грязно-бълыхъ рубахахъ, еще сохранили свой жалкій "россійскій" обликъ, особенно низко кланяются, охотно "падаютъ до ногъ"

на Амуръ.

власть имущихъ лицъ. Что выйдетъ въ будущемъ изъ могилевскихъ поселковъ, трудно сказать. Но пока могилевцы считаются самымъ слабымъ, ненадежнымъ элементомъ амурскаго крестьянства.

Довольно ли амурское крестьянство условіями своей жизни въ Пріамурьѣ? На этоть вопрось трудно дать категорическій отвѣть. Только отъ немногихъ стариковъ - могилевцевъ — да и то больше отъ усвоенной привычки къ брюзжанію — довелось слышать плохіе отзывы объ условіяхъ жизни на Амурѣ. Въ общемъ же въ отзывахъ крестьянъ нота полнаго довольства. "Земля здѣсь все родитъ, — говорять вамъ новоселы въ одномъ мѣстѣ: — и хлѣбъ, и кукурузу, и бахчи". "Лѣсъ есть, хлѣбъ родится, покосовъ вдосталь", слышите вы отъ другихъ новоселовъ. "И для пашни здѣсь хорошо, — говорятъ вамъ третьи, — а главное

деньга легкая, заработки хороши". И каждый новосель видить передъ собой заманчивую перспективу благосостоянія старожиловь края—моло-канъ и старовъровъ, которые "позажились такъ, что ахъ ты Господи!"

Кромъ земледъля и скотоводства, большимъ подспорьемъ въ хозяйствъ является для жителей рыболовство. Рыбное богатство этой ръки поразительно. Ни одна ръка не имъетъ такой разнообразной рыбы, какъ Амуръ. Бълуга, называемая тамъ "калугой", достигаетъ 50 пуд., осетры въ 10 пуд. не диковинка, стерлядь, хайрюзъ, налимъ, окунъ, шука и много другихъ породъ водятся по всему Амуру. Но для простого, бъднъйшаго населенія самое главное значеніе имъютъ лососевыя породы, горбуша и кэта, которыя заходятъ далеко въ Амуръ цълыми стаями для метанія икры, ловятся чрезвычайно легко и составляютъ главное питаніе населенія. Мнъ пришлось видътъ человъка, несшаго громадную кэту, болъе аршина въ длину, который объяснилъ, что за эту рыбу, въсомъ въ 37 фун., заплатилъ 5 коп. Такая дешевизна рыбы даетъ возможность питаться рыбой при небольшомъ даже заработкъ.

По мъръ приближенія къ Хабаровску желтыя лица, синіе костюмы, длинныя косы на голыхъ спинахъ, однимъ словомъ, китайцы, мелькаютъ всюду. Это еще новинка для мало знакомаго съ ними европейца.

Амуръ, разлившись, образуетъ много острововъ, характеръ почвы и растительности которыхъ въ разныхъ мѣстахъ различенъ. Тамъ, гдѣ берега возвышенны, они имѣютъ рѣзкія очертанія, покрыты лѣсомъ и буйнымъ кустарникомъ; у впаденія большихъ рѣкъ, какъ Зея, Бурея и друг., острова наносные со скудной травой и мелкими водорослями, рядомъ съ ними подводныя отмели.

Наконецъ вдали, весь утопая въ зелени, на берегу разлившагося на три съ лишнимъ версты Амура, намъ представился расположенный террасами городъ Хабаровскъ. Сперва показались кресты и куполы стоящей на горъ церкви, затъмъ каменные дома, спускающійся уступами садъ и въ немъ памятникъ графу Муравьеву-Амурскому, ниже сърая масса мелкихъ построекъ и, наконецъ, пристань.

У пристани, на набережной, безъ всякаго порядка разбросаны небольшія лавочки, лотки и лачужки китайцевъ; желтокожіе торговцы носовыми, невнятными криками оглашають воздухъ, бъгуть на прибывшій только что пароходъ, несуть разные товары, провизію, волокуть по лъстниць вверхъ и внизъ поклажу пассажировъ. Среди азіатовъ европейскія лица являются свътлыми пятнами. Дамы въ нарядныхъ костюмахъ, мужчины въ военной формь или свътлыхъ лътнихъ пиджакахъ кажутся туристами, прибывшими на время осмотръть чужой край. Все кажется чуждымъ, дальнимъ, ничего съ русскимъ общаго не имъющимъ. Взявъ извозчиковъ, которые, по-китайски крича и ругаясь, довольно неуклюже и неумъло объъзжали толпу по крутому подъему въ страшно трясущихъ пролеткахъ, въвхали мы на высшую террасу города. Здъсь видъ нъсколько другой, европейцевъ больше; тутъ и русскія поддевки и ситцевые сарафаны, солдаты въ бълыхъ рубахахъ, офицеры и дамы.

Китайцевъ много, главнымъ образомъ среди рабочаго люда: одни таскаютъ тяжести, другіе, возвращаясь съ работы, несутъ столярные или плотничные инструменты, корзинки съ товарами. Среди этой пестроты ясно выдъляются бълые костюмы корейцевъ, смуглыхъ, серьезныхъ, съ такими же, какъ китайцы, косичками, въ высокихъ съ широкими полями шляпахъ и коромыслами черезъ плечо, на нихъ корзины, полныя зелени: бобовъ, кукурузы, цвътной капусты, моркови и пр.

Главная улица широкая, длинная и ровная, хотя съ деревянными тротуарами, носить карактеръ большого города; всё другія производять пріятное внечатлёніе массой зелени и деревьевъ, между которыми проторены только узкія колеи. Грецкій ор'яхъ, кленъ, липа скрываютъ дома, придавая имъ видъ хорошо устроенныхъ дачъ. М'єстами густота рощъ доходитъ до того, что, кажется, 'вдешь л'ёсомъ, что городъ далеко за тобой, но вдругъ появляется опять ц'ёлый рядъ каменныхъ и деревянныхъ домовъ; въ нихъ разныя правительственныя учрежденія, школы, мастерскія и магазины.

По Уссурійскому краю.

(Южакова.)

Раннимъ утромъ, 6 сентября, нашъ небольшой поъздъ изъ двухъ троекъ выъзжаеть изъ Владивостока по почтовой дорогъ. Ясная солнечная погода. Съверо-западный муссонъ дуеть намъ въ лицо сухостью и холодомъ, но солнце еще справляется съ угрозами сердитаго посланца неласковой Монголіи и успъваеть обогръвать и землю, и воды, и самую атмосферу. Погода пріятная, свъжо и ясно; легко дышится и бодро чувствуется... Такая погода здъсь ръдкость и бываеть только короткое время весною и осенью, покуда не утвердится окончательно на все льто или на всю зиму тоть или другой муссонъ. Лътній океаническій муссонъ здъсь зовуть гнилымъ вътромъ за туманъ и плъсень, которыми онъ окутываеть и покрываеть все и вся. Зимній же континентальный муссонъ извъстень подъ названіемъ суйфунскаго, или просто "суйфуна", такъ какъ врывается сюда преимущественно долиною ръки Суйфуна, пересъкающею прибережный хребеть.

За городомъ дорога стала болье пологая, и мы помчались среди живописно разбросанныхъ сопокъ, поросшихъ мелкольсьемъ. Формы горъмагкія, безъ утесистыхъ выступовъ и скалъ. Всюду преобладаютъ кривыя линіи, закругленія, покрытыя растительною почвою и заросшія древесними и кустарными породами.

Выходы каменныхъ породъ встръчаются ръдко. Прежде, по словамъ старожиловъ, все эти сопен, гребни, седловины, склоны были покрыти первобытнымъ лъсомъ, но теперь онъ здъсь повсюду вырубленъ. Негодность почвы подъ съновосы и пашни возвратила ее во власть льсной растительности, которая невысокою зарослью и покрываеть всю ивстность. Дубъ, оръхъ, вязъ, ясень составляють здёсь преобладающія породы. Хвойныя деревца, преимущественно елка, встречаются изредка. Виноградъ живописно вьется по стволамъ, перевивая деревья и затрудняя прогулку по лесу. Грибовъ въ этихъ лесахъ я не виделъ вовсе, ягодъ — тоже. Однажды набрель на клубничникъ, но ягода оказалась столь мелкою, сухою и не ароматичною, что немудрено, если никто ся и не потребляеть. Н'ыть вы ліссу и дикихь плодовыхь деревьевь, кромъ уже упомянутыхъ оръшника и винограда. Цвътами край еще бъдиъе. Мелкія безъ запаха фіалки, бълыя мелкія лъсныя вътреннацы убого нестремоть по опушкамь и прогадинамь. Реже присоединяются къ нимъ ландыши и колокольчиви... Изръдка можно встретить характерный для края дикій геліотропъ. Богаче цветами кустарники. Шиповникъ цвътетъ очень красивыми темно-малиновыми, но меджими пвътами.

Этотъ характеръ природы и лъсныхъ зарослей сохраняется верстъ на 60—80 вглубь страны, т.-е. во всей береговой полосъ. Та же пересъченная, гористая поверхность, тъ же базальты и известняки, та же скудость почвы, то же отсутствіе мъстъ, удобныхъ для сънокосовъ и пашенъ, тъ же породы лъса, та же флора. Только все постепенно принимаетъ большіе размітры. Горы вырастаютъ, становятся круче, трудніте для перехода и красивъе. Ручьи замітняются річками. Ліса замітняютъ собою мелколіться. Начинаютъ чаще попадаться хвойныя рощи, появляется кедръ, мало-по-малу замітняющій дубъ. Даліте, версть за сто и боліте, господствують сплошь кедровые ліса. Сосны здітсь нітъ, лиственница растетъ не близко. Ель и кедръ составляють главную растительность хвойныхъ лісовъ.

Между ними встръчается пихта. Весь край, собственно говоря, покрытъ лъсомъ, но было бы ошибочно представлять его себъ похожниъ на какое-либо наше европейское полъсье. Ни наши дубравы не похожи на здъшнее чернолъсье, ни здъшне хвойные лъса не походятъ на наши боры. Въ дубовый ли лъсъ вы входите у насъ или сосновый, вы видите почти обнаженную почву и цълую громадную, терящуюся въ безконечной дали, колоннаду гигантскихъ стволовъ, поддерживающихъ сплошную живую кровлю этого необъятнаго храма природы. "Темень тутъ въчная, тайна великая, солнце сюда не доноситъ лучей, буря ль възыграетъ могучая, дикая, лъсъ не надумаетъ кланяться ей. Только вершины поропщутъ тревожно". Почва, покрытая подлъскомъ, мелкою раста-

Digitized by Google

тельностью, отличаеть наше чернолісье и еловые боры, но въ остальномь эти ліса иміють общій характерь. Здісь — какая-то безпорядочная смісь мелколісья, густого, но слабаго и невысокаго, съ отдільными группами высоких деревьевь, даже съ отдільными экземплярами. При пересіченномь и холмистомь характері містности порою съ высоты глазь вашь окидываеть значительныя пространства долинь и склоновь, всюду заросших влісомь, и всюду вы видите густую, перевитую виноградомь, непроницаемую для глаза, невысокую сравнительно заросль, среди которой зелеными шатрами разбросаны рощи боліве значительных деревь.

Съдловиною между сопками, среди мелкольсья и живописныхъ ландшафтовъ ъдемъ около получаса и начинаемъ спускаться въ широкую долину ръчки, носящей названіе просто Первой Ръчки. Владивостокъ не имъетъ проточной воды и пьетъ почвенную воду, которой и теперь зимою иногда не хватаетъ. Первая ръчка лежитъ верстахъ въ пяти, и устройство отсюда водопровода является, конечно, непремъннымъ условіемъ развитія города.

Нъсколько верстъ взды по морскому берегу приводитъ насъ къ устью другой ръчки Седанки, славящейся свонми форелями. Ръчка течетъ довольно быстро чистыми журчащими струями, въ берегахъ, густо поросшихъ кустарникомъ. Изъ этихъ-то кустарниковъ коварный человъкъ закидываетъ свои удочки на погибель веселыхъ форелей, но въ этихъ кустахъ порою бродитъ и тигръ; и человъкъ вмъсто того, чтобы позавтракатъ форелью, самъ попадаетъ на завтракъ лъсному хищнику. Я спросилъ поселенцевъ о форели, много ли ее и хорошо ли ловится?

- Много ее туть, это точно; однако трудно, да и тигръ бродитъ поблизости.
 - А близко ли ходитъ тигръ?
- Ночью слышно бываеть, какъ фыркаеть, точно котъ... Днемъ не видать. Разъ видъли, какъ изъ кустовъ въ кусты перескочилъ, черезъ почтовую дорогу.
- Здівсь недалеко,— отзывается другой голось,— въ сопкахъ дикія козы ходять, стадо, онъ ихъ и пасеть.

"Пасетъ тигръ" говорятъ здёсь о стаде, которое тигръ облюбовалъ себе, какъ постоянный матеріалъ для обеда. Пріятное во всякомъ случав соседство, но за мое полуторагодичное пребываніе во Владивостокі, тигръ не подходилъ ближе 15 верстъ.

Прежде же тигры появлялись въ самомъ городъ... Теперь они прекратили эти опыты.

Постоянная энергическая борьба простого русскаго и человым страничку вы исторіи заселенія и культуры края. До прихода русскихъ тигръ быль

поистинъ царемъ страны. Соперниковъ у него не было. Другіе жищики, барсы и медевди, не могли съ нимъ состязаться. Могучихъ травоядныхъ, въ родъ слоновъ, носороговъ, буйволовъ, здъсь не водится... Человъкъ же покорялся тигру какъ высшему непобъдимому существу, одаренному божественною силою. Китаецъ или кореецъ никогда не вступають въ борьбу съ тигромъ. При встрече они ложатся и ждуть своей участи. Если дарь леса сыть, онъ проходить мимо. Если же хочется ему позавтракать или просто полакомиться человъческимъ мясомъ, онъ безпрепятственно распоряжается покорнымъ рабомъ. Это невозбранное и никогда неоспориваемое господство тигра прекратилось съ появленіемъ русскихъ. У вчерашняго властелина края явился соперникъ и врагъ, объявившій ему войну на смерть. Не сразу поняль это тигръ. Сначала онъ былъ попрежнему смълъ и самоувъренъ. Онъ заходилъ въ села и выхватываль обитателей изъ оконъ. Онъ снималь всадниковь съ лошадей и пассажировъ изъ кибитокъ. Разсказываютъ, что однажды даже выхватиль солдата изъ колонны, проходившей лесомъ.

Случалось, что вывхавшая почтовая тройка возвращалась назадъ, потому что тигръ лежалъ поперекъ дороги. Домашній скоть тигръ почиталъ, повидимому, заведеннымъ спеціально для него, но особенно преследоваль собакъ, за которыми приходиль даже на улицы Владивостока. Все это, однако, миновало. Тигръ тецерь обходить не только города, но и селенія. Онъ больше не показывается на почтовой дорогъ, и ъзда безопасна отъ него не только днемъ, но и ночью. Онъ научился цънить человъка и остерегается вступать въ борьбу съ европейцемъ, котораго хорошо отличаеть отъ манзы и корейца, составляющихъ попрежнему его любимое лакомство. Конечно, даромъ такіе результаты не даются. Много подвиговъ отваги и мужества совершено въ этой безвъстной борьбъ. Не мало человъческихъ жертвъ унесено ею, но съ каждою такою жертвою спасшійся тигръ уносиль жестокія раны, засъвшія пули, увъчья, страданія, которыя постепенно и вселяли въ него чувство страха передъ новымъ врагомъ. Самые же самоувъренные, конечно, просто перебиты.

Для иллюстраціи сказаннаго разскажу нівсколько эпизодовь взъ этой борьбы. Недавно воздвигнуть новый поселокь русскихь. Едва отстроила месь кое-какь, захватила осень. Изъ одной семьи вышель мальчугань в четырнадцати съ ружьемь, не попадется ли коза. Попался между тигръ. Мальчикъ не оробіль, и пуля сразила лісное чудовище.

і тигръ. Мальчикъ не оробіль, и пуля сразила лісное чудовище.

і тигръ. Мальчикъ не оробіль, и пуля сразила лісное чудовище.

корову, только какъ немного ниже,

ла рублей. Кромі продань за несть быль продань за немного китайци.

пакоть китайци.

пакоть китайци.

пакоть китайци.

пакоть человівку мн

Военный пость у китайской границы. Скучно безъ дѣла. Кто на дежурствѣ, дежуритъ, а остальнымъ что дѣлать? Если не спать, то охотиться, — ничего не придумаешь больше. Вышло трое казаковъ, не встрѣтятъ ли оленя, не набѣжатъ ли подъ ихъ пулю его драгоцѣнные панты (рога), за которые китайцы платятъ по 200 и по 300 рублей за пару? Идутъ охотники по рѣдколѣсью и наталкиваются на свѣжій слѣдъ тигра. Приготовляють оружіе и скоро замѣчаютъ звѣря, который, повидимому, самъ ихъ выслѣживалъ. "Стрѣляйте, братцы, — командуетъ старшій, — а я свою пулю приберегу на всякій случай, чтобы въ упоръ"... Грянули два выстрѣла, тигръ свернулся и повалился въ послѣдней судорогѣ подъ высокое раскидистое дерево, изъ густой листвы котораго въ тотъ же моментъ выглянула удивленная морда любопытнаго барса, наклонившаго голову надъ околѣвшимъ страшнымъ собратомъ. Но раздался третій выстрѣлъ, и барсъ замертво свалился съ дерева, чтобы навѣки успоконъся рядомъ съ тигромъ. Удачная была охота... Пе надо и пантовъ.

Брели подъ Никольскимъ за селомъ двое солдатъ, одинъ съ берданкой и штыкомъ, а другой — съ порожними руками. Захотелось имъ въ сосъдней рощъ набрать оръховъ, завернули и, собирая оръхи, нъсколько разошлись, не предвидя ничего дурного, когда внезапно одинъ изъ нихъ быль атакованъ тигромъ. Ружье отлетвло въ сторону, солдать повалился навзничь, и звърь навалился съ открытою пастью надъ его лицомъ. Но этотъ безвъстный герой не потерялся. Окликнувъ товарища на помощь, онъ, по стверно-русски, какъ это водится въ борьбъ съ медвъдями, поспъшно засунулъ руку въ страшную пасть и, схвативъ за языкъ, запустилъ руку въ самую глотку звъря. Тигръ потерялся настолько, что не пустиль въ ходъ своихъ страшныхъ когтей, а старался мышцами горла раздавить руку. Это ему удалось, но поздно, потому что прибъжавшій на зовъ товарищъ поднялъ ружье и въ упоръ въ ухо мгновенно покончилъ съ тигромъ. Затъмъ съ трудомъ стащивъ мертваго, звъря съ израненаго товарища, онъ взялъ его на руки и отнесъ въ лазареть. Пострадавшій потеряль, конечно, руку.

Конечно, не всегда эта роковая борьба кончается такъ удачно для человъка. Бываетъ, что и звърь торжествуетъ.

Опасная охота на тигра легко переходить въ страсть. Одинъ охотникъ въ теченіе одного мѣсяца прикончилъ четырехъ тигровъ. Мнѣ разсказывали объ одномъ старикъ-крестьянинъ, который пристрастился къ этой опасной и завлекательной игрѣ и, предоставя хозяйство сыновьямъ, проводитъ лѣто и зиму въ тайгѣ самъ-другь съ върнымъ псомъ да надежной винтовкой. Не мало уже приволокъ онъ домой этихъ полосатыхъ шкуръ, нисходя иногда и до пятнистыхъ барсовыхъ...

"Повадился кувшинъ по воду ходить, тамъ ему и голову сломить";

звъремъ — наслажденіе, конечно, рано или поздно очистять край оть полосатаго и пятнистаго хищниковъ, какъ и отъ желтокожаго. Несомнъню, однако, безопасность растеть. Вотъ хоть бы мы, ъдемъ безоружные, въ ненаселенной мъстности, по объ стороны непроницаемою стъною стовтъ густая лъсная заросль, въ которой, мы знаемъ, бродитъ тигръ и скрываются хунхузы. И, однако, не можетъ быть и ръчи объ опасности. И полосатые, и желтокожіе хищники — уже ученые; а соединиться въ общей обидъ противъ бълыхъ пришельцевъ никакъ не могутъ. Полосатый продолжаетъ лакомиться желтокожимъ, оба скрываясь при появленіи бълаго пришельца.

Въ Уссурійской тайгѣ.

(Д. Шрейдера.)

Жизнь на далекой, едва развивающейся окраинъ при всъхъ своихъ подчасъ весьма ощутительныхъ неудобствахъ и лишеніяхъ обладаетъ однако же, однимъ драгоцъннымъ и нигдъ въ другомъ мъстъ незамънимымъ свойствомъ. Когда сердце долго зажившагося на одномъ мъстъ европейца начиваетъ глодать невыносимая тоска, когда все окружающен надоъстъ ему, то стоитъ ему только сдълать нъсколько десятковъ верстъ въ сторону, и онъ уже попадаетъ совсъмъ въ другой міръ — онъ уже стоитъ лицомъ къ лицу съ первобытной природой.

Путешествіе по Уссурійскому краю даригь иногда туриста такими картинами и впечатлініями, которыя не всегда по плечу слабымь нервамь европейскаго жителя.

Одна такая экскурсія особенно сохранилась въ мой памяти.

Я повхаль изъ Владивостока въ ясный августовскій день, держа путь черезъ селеніе Шкотово "на Сучанъ", т.-е. въ долину р. Сучанъ, находящуюся на свверо-востокъ отъ Владивостока.

Дальше вплоть до Татарскаго пролива на тысячи версть тянется уже безлюдная, неизвъстная и неизслъдованная тайга! Лишь кое-гдъ по берегу Съверо-Японскаго моря разбросаны уединенные посты и урочища, изръдка посъщаемые попутно заходящими въ нихъ судами. Сухопутнаго сообщенія съ культурными центрами окраины они не имъютъ, и туда приходится пробираться либо верхомъ, либо пъшкомъ по звъринымъ тропамъ.

Я вхаль сухимь путемь круго въ сторону отъ главнаго краевого почтоваго тракта, ведущаго че Чебаровску.

День былъ ясный и влась чудесная, безоб гдыхающую, наконецт неннымъ множествомъ расцивътаютъ и распрос Дорога шла сначала опушкой тайги между нагроможденными другъ на друга громадами горъ — отрогами Сихотэ-Алиня, то здъсь, то тамъ прерываемыми глубокими отрогами, ущельями, падями, лощинами.

Хотя я еще и не въ настоящей тайгъ, но близость ея уже ощущается: окрестные виды становятся величественнъй, суровъй и разнообразнъй. Вотъ, въ трепетъ льются темныя воды по мрачнымъ ущельямъ; дальше журчитъ серебристый горный ручей и скромно бьютъ родники прозрачно хрустальной воды. Въ одномъ мъстъ неуклюжій фазанъ пробудилъ своимъ крикомъ тихую долину отъ безмятежнаго сна. Оживилась долина: перекликаются дрофы и тетерева, шепчутся ели, кивая въ тактъ таинственнымъ ръчамъ своимъ въчно зеленымъ нарядомъ, говорятъ ручейки.

На минуту, когда мы углубляемся въ чащу, — все вдругъ стихаетъ; самое небо скрывается изъ нашихъ глазъ. Но лишь только мы выёзжаемъ на освещенную солнцемъ лужайку, какъ до насъ уже доносится тотъ немолчный говоръ, та музыка преддверья тысячеголосой тайги, которая проникаетъ въ самые сокровенные тайники сердца и заставляетъ его биться сильне. Мы спустились въ глубовій оврагъ. На дне его мракъ все больше густетъ. Мы попадаемъ, наконецъ, въ мощныя объятія тайги—тихой, задумчивой, молчаливой и мрачной.

Солнце мало-по-малу покидаетъ меня. Оно уже освъщаетъ теперь лишь вершины горныхъ цъпей и оттуда улыбается мнъ своими веселыми косыми лучами. На мгновенье оно какъ будто остановилось, послало мнъ прощальный привътъ и скрылось изъ глазъ.

Я-въ тайгь, настоящей, первобытной, могучей.

Дорога становится хуже. Тарантасъ скачетъ по кочкамъ и пнямъ. Лошади плетутся мелкой, лънивой рысью. Мнъ приходится уже пробираться здъсь почти во тьмъ, имъя съ объихъ сторонъ вплотную прижавшіяся къ неширокой дорогь непроходимыя чащи густо сплетенныхъ между собою деревьевъ, по верхамъ которыхъ, время отъ времени, проносится легкій бризъ съ недалекаго Японскаго моря; сквозь ръдкіе просвъты я изръдка могу видъть, какъ онъ качаетъ верхушки тысячелътнихъ старцевъ тайги.

Шумно вверху, но внизу, у подножья могучихъ великановъ тайги, царитъ, повидимому, могильная тишина. Листъ не шелохнетъ, вътка не дрогнетъ. Ни солнца, ни тъни, ни шума, ни вътра, все скрыто зелеными шапками лъсныхъ великановъ. Подъ сплошными вътвями деревьевъ царитъ полумракъ. Лучи солнца золотятъ лишь ихъ вершины, отражаются, искрятся, играютъ въ изумительно чистыхъ и свъжихъ росинкахъ, по-крывающихъ листву, но въ глубину, гущину непроходимой таежной чащи не проникаютъ они. Лишенная свъта и солнца, тепла и росы, тае ежная почва кажется безплодной, пустынной. Покрытая опавшей листвой,

она представляетъ собой обширный коверъ грязно-желтаго цвъта. На травки, ни зелени.

Глухая чаща, густолиственныя деревья скрывають оть глазъ и звъря и птицу, притаившихся бокъ о бокъ съ дорогой. Прислушайтесь однако внимательнъе, и вы услышите нескончаемый концерть тысячеголосой тайги, до вашего слуха долетять разнообразные отголоски, которыми тайга на всъ лады славить природу. Мъстами деревья, переплетенныя другъ съ другомъ, перевитыя ліаной, кустарниками, лозами дикаго винограда, представляють собой такую непроницаемую чащу, что становится совершенно темно, и намъ приходится ъхать почти ощупью, между тъмъ какъ вверху, на разстояніи всего нъсколькихъ саженъ отъ насъ, солице обливаеть своими лучами вырвавшуюся на волю верхушку стройнаго кедра. Но это длится не долго. Съ каждымъ шагомъ впередъ мъняются окрестные виды, самыя формы и роды деревьевъ, самый харавтеръ тайги.

Невдалекъ, среди вътвей и стволовъ, показался просвътъ. Лучъ солнца скользнулъ въ него какъ будто ненарокомъ и на минуту освътилъ неуловимой, трепещущей волной полусумрачный сводъ тайги.

Мы осторожно пробираемся по направленю къ свътлой полоскъ, проръзавшей чащу дремучаго лъса. Еще нъсколько оборотовъ колеса, чаща разступилась, пропустила тарантасъ, и мы очутились на прелестной зеленой лужайкъ, ярко освъщенной лучами горячаго солнца. Сплошною стъной обступили ее исполинскіе кедры, перевитые лозами дикаго винограда. Багряные виноградные листья, словно яркія пятна, выдъляются на фонъ зеленаго лъса. Вспугнутыя грохотомъ тарантаса дикія возы выскочили изъ высокой травы—почти въ ростъ человъка—и уморительными прыжками ускакали въ чащу. Мы снова остаемся одни. Лошади медленно бредутъ, позванивая колокольчикомъ.

Дорога идетъ самыми причудливыми зигзагами. Мы то взбираемся по отлогости горъ, то спускаемся въ глубокій оврагь, то пробираемся зеленой поляной подъ сѣнью исполинскихъ деревьевъ, топча расшитый лѣсными цвѣтами ярко-пестрый коверъ.

Осторожно, шагь за шагомъ пробираемся мы въ чащѣ лѣса, прислушиваясь къ каждому шороху, къ шуму вѣтра въ лѣсу, къ треску сучьевъ въ тайгѣ. Мѣстами намъ приходится переѣзжать черезъ лѣсные ручьи-Пзвилистой змѣйкой вьются они по склону зеленой лужайки и пропадають вдали въ глубинѣ широчайшаго рва.

Но воть подуль вътерокъ, — заволновалась, зашептала тайга. Полонъ тайны и ласки шопоть ея—нъжный, немолчный, баюкающій. Въковые дубы, огромные клены, исполинскіе кедры, стройныя сосны, развъсистый грецкій оръхъ, гигантскія пробковыя деревья, черешня и пихта,—

представители уссурійской тайги толпятся у края дороги, обступають

ее съ объихъ сторонъ и протягиваютъ свои цъпкія, зеленыя вътви къ тарантасу, словно желая заглянуть внутрь его.

Впечатлівніе, производимое уссурійской тайгой, особенно когда видишь ее "у себя дома" впервые, трудно забыть. Разнообразіе, роскошь и мощь ея первобытной растительности напоминають собой подтропическіе джунгли и не имъютъ ничего общаго съ тъми чахлыми, худосочными лъсами, которые приходится такъ часто видъть въ Европейской Россіи. И что особенно поражаеть зрителя, такъ это удивительное богатство, разнообразіе и смішсніе формъ растительности. Сіверъ и югь соединили здёсь, кажется, всё свои силы для того, чтобы создать этотъ лъсъ, не имъющій себъ равнаго на всемъ континентъ. Вы видите здъсь на каждомъ шагу, какъ раскидистая ель, -- это растеніе суроваго съвера, -обвивается толстой лозой дикаго винограда; вы видите, какъ приземистая пихта, --- это дітище сіверной тундры, -- растеть рядомъ съ грецкимъ оръхомъ, сосна и кедръ сплетаютъ свои вътви съ красивыми перистыми листьями пробковаго дерева, береза и липа переплетаются съ робиніей и кипарисомъ, громадные ильмы и вязы растуть вперемежку съ абрикосомъ и персикомъ, манчжурская аролія таится подъ сънью широковътвистаго клена. Это смъщение формъ съверныхъ и южныхъ является исключительной, зам'вчательной и отличительной особенностью уссурійской тайги.

То же смѣшеніе отличаеть и животное царство, притаившееся въ падяхъ и ущельяхъ, въ горахъ и оврагахъ, въ чащѣ дремучаго лѣса и на открытыхъ лощинахъ.

Бенгальскій тигръ и олень, соболь и барсь, кабарга и медвідь, антилопы и волки, білка и дикая коза, иволіга и египетскій ибись, жаворонокъ и грузный фазанъ, журавли и бенгальскіе зимородки являются одинаково частыми, постоянными и равноправными обитателями дівственной уссурійской тайги, одинаково свободно гуляють подъ покровомъ первобытнаго ліса, одинаково часто встрівчаются бродячему охотнику въ торжественно величавомъ безмолвіи ліса. Природа словно устроила здісь гигантскую естественную выставку, колоссальный и разнообразный ботаническій и зоологическій садъ, гуляя по которымъ, вы можете на сравнительно тісномъ пространствів видіть представителей самой сіверной флоры на ряду съ самыми южными, жителей полярныхъ, покрытыхъ візнымъ снібгомъ пустынныхъ равнинъ на ряду съ обитателями подтропическихъ джунглей.

На одной изъ промежуточныхъ почтовыхъ станцій, расположенной въ тайгѣ, мнѣ неожиданно пришлось застрять на довольно продолжительное время въ виду отсутствія свободныхъ лошадей. Предстояло сидъть здѣсь Богъ знаетъ сколько времени... Къ счастію, станціонный писарь сообщилъ мнѣ, что невдалекѣ въ чащѣ тайги живетъ одинования.

манза, и я, не теряя времени, отправился разыскивать этого манзу. Разыскать его было не легко. Намъ приходилось то и дъло пробираться по безыменнымъ ручьямъ и ръчонкамъ, взбираться на поросшіе льсомъ склоны горъ и хребтовъ, спускаться на дно лощинъ, овраговъ и ущелій. То передъ нами вставалъ гигантскій хребеть, то поднимался пълый хаосъ горъ, покрытыхъ глухимъ непроницаемымъ льсомъ.

Въ глубинъ маленькой котловины, пріютившейся у подножія одного изъ хребтовъ, нашли мы, наконецъ, одинокую фанзу, кокетливо выглядывавшую на окраинъ таежной лужайки изъ-за развъсистыхъ кедровъ. Фанза, когда я разсмотрълъ ее ближе, была сама по себъ неприглядна. Сколоченная наскоро, еле обмазанная глиной, почернъвшая, покосившаяся отъ непогоды и времени, она не могла вызвать въ зрителъ восхищенія, но въ этой зеленой оправъ, точно въ рамкъ изъ листьевъ и зелени, она казалась жилищемъ сказочной фен.

Я откинулъ пологъ изъ цыновки и вошелъ въ фанзу.

Внутренній видъ ея вполнѣ соотвѣтствоваль ея внѣшности: грязь и нечистота. Хозяинъ фанзы не на шутку встревожился, когда увидѣлъ меня у себя. Мало-по-малу мнѣ удалось успокоить его опасенія, и я настолько успѣлъ въ этомъ, что онъ даже изобразилъ оттѣновъ радушія на своемъ загрубѣломъ, изборожденномъ глубокими морщинами желтомъ лицѣ.

Это быль, какь я узналь оть него, манза Кинь-Каю-Сань, бродичій звіроловь-охотникь, "пантань", какихь не мало разсілно въ уединенныхь фанзахь, хоронящихся по всему общирному пространству уссурійской тайги, гдів эти люди—звіроловы, охотники, искатели жень-шеня—являются единственными представителями человіческой расы.

Когда-то онъ жилъ въ сосъдней Манчжуріи. Затьмъ, какъ и многіе другіе, которые скрываются мьстами въ тайгь, онъ оттуда бъжаль и скрылся въ нашъ край. Исторія всьхъ этихъ людей, уединенно живущихъ въ тайгь, почти одинакова. Каждый изъ нихъ бъглый преступникъ, дезертировавшій сюда изъ сосъдней Манчжуріи спасать свою шкуру и голову: китайское населеніе тайги состоить въ значительной части изъ такого рода людей. Судьба тьхъ и другихъ одинаково печальна въ Китаь: висълица и колъ одинаково грозять имъ на родинь. Единственный способъ спасти свою жизнь—это бъгство въ сосъдній съ Манчжуріей край, гдь они, понятно, находятся уже внъ закона. Лишенные всякой надежды возвратиться въ родные края, вынужденные постоянно скрываться отъ преслъдованія китайскихъ и русскихъ властей, преслъдуемые, словно дикіе звъри, многіе изъ нихъ превращаются въ разбойниковъ,— въ этихъ страшныхъ хунхузовъ, которые держать въ паническомъ страхъ

туземное населеніе нашей дальней окраины.

Тромышляетъ здёсь Кинь-Каю-Санъ, главнымъ образомъ, добычей овъ, т.-е. скальповъ изюбрей. Панты — это рога оленя, налитые

свъжею кровью и не успъвшіе еще превратиться въ компактную роговую массу. Для того, чтобы они удовлетворяли этому условію, необходимо убить изюбря непремънно весною, когда старые рога отпадають и новые еще богаты кровеносными сосудами. По убъжденію китайцевъ, панты, приготовленные надлежащимъ образомъ, являются радикальнымъ средствомъ при грудныхъ и легочныхъ бользняхъ. Въра въ цълебную силу пантовъ такъ велика, что китайцы платятъ за нихъ баснословныя цъны: хорошій скальпъ изюбря стоитъ иногда 200 руб.

Манза и русскій одинаково усердно преслѣдують несчастныхъ изюбрей, съ тою лишь разницей, что манза скитается по уссурійской тайгѣ, забредая порою туда, куда еще отъ сотворенія міра не ступала нога человѣка, а русскій охотникъ облѣпилъ ближайшіе къ Владивостоку острова и дальше опушки тайги заглянуть не рѣшается.

Усердная охота на этого звъря не мало содъйствовала исчезновенію его изъ окрестностей обитаемыхъ мъстъ, и теперь тамъ, особенно на лежащихъ близъ Владивостока небольшихъ островкахъ, добыть скальпъ изюбря—дъло не легкое.

Изюбрь—животное чрезвычайно пугливое и держится всегда вдали отъ людскихъ поселеній, въ глубинів непроходимой тайги, населенной тиграми, медвідями, дикими кабанами и барсами. При такихъ условіяхъ охота на нихъ является дівломъ мало привлекательнымъ, и только бізглый манза можетъ жить здісь подъ постояннымъ страхомъ встрічи съ полосатымъ хищникомъ дамазой (тигромъ), слідующимъ обыкновенно по пятамъ за стадомъ изюбрей. Неудивительно поэтому, что на такого рода промыселъ, могущій привлечь лишь людей, одаренныхъ исключительной страстью къ охотіз и сильнымъ ощущеніямъ, идутъ люди, которымъ, какъ говорится, терять уже нечего.

И все же этоть промысель, какъ ни опасень онъ, не сопровождается такими лишеніями и опасностями, съ какими сопряжена добыча жень-шеня. Дізло въ томъ, что этотъ драгоцізнный, янтарного цвіта, корень, которому китайская медицина приписываеть способность возстановлять потерянныя силы, ободрять стариковъ и возвращать крізпость тізла, растеть обыкновенно въ самыхъ дикихъ и неприступныхъ ущельяхъ, гнізадилищахъ тигровъ и барсовъ. Поплатиться жизнью при этомъ промыслів—обыкновенное дізло. И тізмъ не менізе сотни и тысячи манзъ съ опасностью жизни ежегодно, съ наступленіемъ лізта, пробираются въ самыя глухія и опасныя дебри тайги въ поискахъ за этимъ растеніемъ, цізнность котораго доходитъ до 100, 200, 300 и болізе рублей за корешокъ!

Въ ряду предметовъ, вывозимыхъ китайцами изъ Уссурійскаго края въ соседній Китай, этотъ корень занимаєть далеко не последнее место. Значительная стоимость его объясняется темъ, что онъ встречается

крайне ръдко въ дикомъ видъ и приходится иногда недъли и мъсяцы, терпя голодъ и жажду, рискуя ежесекундно наткнуться на хищника, бродить по трущобамъ, не спуская взора съ травы и осторожно раздвигая ее передъ собою палочкой, чтобы какъ-нибудь не повредить этого нъжнаго растенія. Сколько страху натерпится искатель, сколько тревогъ, лишеній, опасностей приходится испытать см'вльчаку раньше, чімь онъ наткнется на корень! И какъ велико бываетъ его разочарованіе, когда, проблуждавъ десятки дней по скрытымъ отъ солнца узвимъ горнымъ долинамъ, онъ въ концъ-концовъ натыкается лишь на тощій корешокъ. Всв его мечты разбиваются въ прахъ, потому что такая добыча стоить всего несколько десятковъ рублей. Зато, если ему удается наткнуться на большой, толстый и вполнъ сформировавшійся корень, восторгу его нътъ предъловъ. Бъдный до сихъ поръ искатель становится сразу богатымъ, ибо жень-шень, подобно алмазу и другимъ драгоценнымъ камиямъ, страшно и непропорціонально весу растеть въ цене. Такіе случаи весьма, однако же, нечасто выпадають на долю искателей. Большею частью имъ приходится пробавляться мелкими корешками, сравнительно часто, но въ то же время и редко, если принять во вниманіе рискъ, затрату времени и труда, встрівчающимися ему по пути.

Переселенцы въ Уссурійскомъ крат.

(Д. Шрейдера.)

Странное, необычайное впечатлъніе производять на путника мъста, находящіяся къ съверу оть села Никольскаго по направленію къ озеру Ханка, представляющему собой (при впаденіи въ него р. Уссури) границу Южно-Уссурійскаго края.

Глазъ, привыкшій видіть раньше только горы, покрытыя непроницаемой броней тайги, да поросшія ціпкимъ кустарникомъ глубокія ущелья, впадины, начинаеть замітно отвыкать отъ этого зрівлища. Горы съ каждымъ шагомъ постепенно и замітно понижаются къ сіверу, очертанія ихъ становятся мягче. Здісь приходится уже іхать не гористой, а холмистой містностью, самой по себі очень красивой и живописной, съ синівющими далеко въ сторонів на горизонтів горами.

Мъстами дорога проходитъ почти настоящею степью, —обширною транистою степью, богатою растительностью и полевыми цвътами. Травятая растительность здъсь весьма роскошна, разнообразна и предстанеть собою замъчательное смъщеніе видовъ—прямой результать обнылаги, долго задерживаемой корнями. Мъстами попадаются отдълья, довольно большія пятна кустарниковъ шиповника, боярышника и обенно дикаго уссурійскаго рододендра, ръзко выдъляющагося сво-

ми розовыми цвътами. Рододендръ покрываетъ иногда обширныя пространства ходмовъ, отчего они издали кажутся оригинальными, пышными, огромными бутонами гигантской еще не распустившей своихъ лепестковъ розы. Кое-гдъ въ отдаленіи, у опушки небольшого лъска, на фонъ зеленыхъ деревьевъ бросается въ глаза подернутая уже красноватымъ цвътомъ осени виноградная лоза, то незко-низко стелющаяся по землъ, то внезапно подымающаяся почти вертикальными гирляндами на близстоящее дерево, обвивающая его тъсными кольцами такъ густо, что почти скрываетъ его отъ глазъ зрителя.

По мъръ приближенія къ бассейну р. Лефу (южнаго притока озера Ханка), орошающей собою плодородную долину, окрестные виды теряють прежній характеръ первобытной, нетронутой степи. Здѣсь уже царство мирной культуры: все чаще и чаще встрѣчаются отдѣльные хутора новоселовъ-переселенцевъ, обнесенные изгородями, или бревенчатые домики отдѣльныхъ фермеровъ-землевладѣльцевъ. Розовыя пятна рододендра смѣняются полосами распаханной и сплошь покрытой желтыми колосьями земли; трещаніе кузнечиковъ, шуршаніе крыльевъ японскаго ибиса, снѣгиря и индійской утки смѣняются мычаньемъ коровъ, блеяньемъ овецъ и ржаньемъ коней. И только вдали отъ хуторовъ, подальше отъ людского жилья, на сжатыхъ поляхъ въ бинокль можно разсмотрѣть важно расхаживающихъ по отавѣ дрофъ и фазановъ, напоминающихъ о близости безбрежной тайги.

Мы здісь въ центрі пространствь, колонизируемых переселенцами изъ далекой Европейской Россіи,—въ сердці "Зеленаго Клына", какъ называють малороссы весь этоть край. Уже съ перваго взгляда бросается въ глаза разница въ типі построекъ и характері самаго расположенія містных хуторовъ. Стоить только издали посмотріть на раскинутый близъ ріки (всі хутора стоять близъ рікь) хуторъ, чтобы зараніве рішить, кто въ немъ живеть—малороссы или великороссы.

Первые и здісь, какъ у себя на далекой родині, строять плетневыя хаты, вымазанныя глиной и тщательно выбіленныя "крейдой" (мізломъ), отчего весь хуторокъ производить при світі лучей палящаго солнца жизнерадостное, веселое впечатлівніе на путешественника.

Хуторки же великороссовъ, силошь состоящіе изъ бревенчатыхъ избъ неуклюжей, приземистой архитектуры, производять, напротивъ, угрюмое впечатлѣніе. Впечатлѣніе это усиливается, главнымъ образомъ, еще благодаря полному отсутствію признаковъ какой-либо растительности, въ противоположность малороссамъ, поэтическая натура которыхъ побуждаеть ихъ разводить около своихъ хатъ "садочки" изъ дикой яблони, груши и ползучаго винограда. Впрочемъ, эти микроскопическіе садики, обличающіе въ хохлахъ любовь къ природѣ и ея красотамъ, водить только въ хуторахъ старожиловъ, переселившихся сюда уже лѣтъ

песть назадъ; у новоселовъ же голо, какъ на ладони, и ихъ деревушки имъютъ такой же неуклюжій и какъ будто нежилой видъ, какъ и великорусскія деревни.

Переселенцы, успавшие обжиться въ крав, присмотраться въ условіямъ своей новой родины и приспособиться къ нимъ, живуть въ общемъ недурно и даже зажиточно. Слышать жалобы изъ усть такихъ переселенцевъ-старожиловъ на свою судьбу приходилось бы не часто, если бы только они не ощущали крайняго недостатка въ школахъ да въ удобныхъ путяхъ сообщенія, которые способствовали бы сбыту ихъ произведеній въ близлежащіе рынки. Въ этомъ отношеніи еще очень мало сділано для нихъ, и жалобы переселенцевъ на отсутствіе школъ и дорогь еще долго, въроятно, будуть раздаваться на нашей окраинъ. Все же въ общемъ, "жывемо, якъ люде", говорятъ старожилы, хотя и не сразу дается имъ здёсь "людьске життя". Много лёть зачастую приходится прожить новоселамъ, много версть по тайгв измврять, много мвсть перемьнить, много труда и горя перенести приходится многимъ изъ нихъ, пока они какъ слъдуеть обоснуются въ краъ и достигнуть той сравнительной зажиточности, которая такъ пріятно поражаеть путника въ хуторахъ старожиловъ. Немало ошибокъ совершаютъ новоселы, пока вдосталь изучать условія своей новой жизни.

Уже самый выборъ мѣста для поселенія сопряженъ для нихъ съ большими затрудненіями. Дѣло въ томъ, что, попадая сюда, въ этотъ "горовый край", изъ равнинныхъ мѣстъ Европейской Россіи, новоселы, по традиціи и привычкѣ, ищутъ равнинъ, и за отсутствіемъ ихъ довольствуются низинами по долинамъ рѣкъ. Обсидятся съ большимъ трудомъ (такъ какъ лѣсу хотя и много кругомъ, но пока довезть его до мѣста по таежнымъ тропамъ, "чи-мало горя напріймаешь"), обсѣются и съ трепетомъ и надеждой ждутъ урожая, радуясь, что такъ легко удалось избѣжать трудностей запашки на "горовыхъ" мѣстахъ. Но приходитъ конецъ лѣта, польютъ безконечные уссурійскіе дожди, переполнятся рѣки, разольются и произведутъ такое ужасающее опустошеніе, что послѣ спада водъ—нигдѣ ни признака стога сжатаго и бережно сложеннаго хлѣба.

Наводненія здівсь очень часты и производять губительныя опустошенія. Неріздко случается, что внезапно разлившейся ріжой уничтожаеть цілыя селенія. Поистині ужаснымь въ этомь отношеніи быль 1896 годь. Страшное наводненіе, постигшее долину р. Суйфуна, унитожило, по офиціальнымь свіздініямь, большую часть фанзь и заимовь, несло весь сжатый хлібов, сложенное въ зароды сізно, заготовленныя а зиму дрова, при чемь погибло много скота. Вышина воды доходим о двухъ саженъ и хлынула сразу такъ, что во многихь и істах в едва сами успіввали спасаться. Не обощлось, пон ческихъ жертвъ. У одной Полтавской станицы погибло, по словамъ газетъ, свыше 200 человъкъ.

Такія поголовныя стихійныя біздствія случаются здізсь, правда, не часто и въ исключительные годы, но все же и въ обычное время переселенцы не всегда гарантированы отъ біздствій наводненія. Особенно плохо приходится, конечно, новоселамъ. И много літь проходить, пока, наученные горькимъ опытомъ, разоренные новоселы снимаются съ насиженнаго мізста и переселяются на болізе возвышенныя мізста, на горы и въ дремучіе лізса. Здізсь, конечно, имъ не страшны никакіе разливы, но зато имъ приходится встрізчаться съ препятствіями другого рода.

Вмѣсто мягкаго и рыхлаго черниговскаго или полтавскаго чернозема, легко поддающагося острому ножу "лемаха", они натыкаются на "жесткую" и "трудную" землю, надъ обработкой которой, какъ и всякой первобытной почвы, приходится крѣпко потрудиться прежде, чѣмъ рѣшиться на ней сѣять хлѣбъ. Новоселы однако же крѣпко вѣрны дѣдовскимъ обычаямъ, мало принимаютъ во вниманіе особенности мѣстнаго климата и почвы, и благодаря этому получается то, что, засѣявъ по первопашкѣ на такой "новинѣ" пшеницу, къ осени и сѣмянъ не собираютъ, благодаря тому, что весь посѣвъ зарастаетъ и заглушается густой, высокой травой. И только потерпѣвъ новую неудачу, начинаютъ они чесать затылки и прибѣгаютъ къ совѣтамъ и указаніямъ болѣе опытныхъ староселовъ, которые такимъ же горькимъ опытомъ пришли къ заключенію, что на новинѣ въ первый годъ запашки ни въ какомъ случаѣ нельзя сѣять никакого хлѣба, кромѣ гречихи.

И много мукъ и тревогъ приходится претерпъть новоселу, пока онъ приспособится къ новымъ условіямъ жизни, отстанеть отъ въками сложившихся на родинъ привычекъ и взглядовъ, пока онъ научится подчинять свои желанія новымъ требованіямъ, измѣнить свои обычан и позаимствуется новыми.

Инсртность новоселовъ, подозрительное и недовърчивое отношеніе къ необычайнымъ на ихъ взглядъ пріемамъ обработки почвы и прочему у староселовъ, презрительное отношеніе къ весьма полезному примъру китайцевъ и корейцевъ, вполнъ освоившихся съ мъстными условіями, всегда играютъ плохія шутки съ новоселами; тъмъ не менъе ръдко приходится наблюдать, чтобы новоселы не проходили всей той тяжелой школы, которую готовитъ имъ край, и это повторяется изъ года въ годъ съ каждой новоприбывающей партіей переселенцевъ.

Въ концъ-концовъ крестъяне, конечно, осваиваются съ новыми условіями жизни и, какъ мы видѣли, даже достигають зажиточности, но на ряду съ такими примърами (справедливость требуетъ сказать, что ихъбольшинство) приходится наблюдать и случаи обратнаго переселенія изъкрая. Вотъ почему отъ переселенцевъ приходится зачастую слышать

самые противоръчивые отзывы о "Зеленомъ Клыну". Въ то время какъ одни съ восторгомъ отзываются объ этомъ крат, другіе не находять словъ для его порицанія. Строго говоря, не правы, конечно, и тъ и другіе: первые—потому, что безъ труда здісь ничего не дается; вторые—потому, что ихъ митніе сложилось подъ вліяніемъ неудачныхъ опытовъ,—неудачныхъ благодаря тому, что они не суміти надлежащимъ образомъ примітить къ нему свои силы.

Во всякомъ случав если ръки здъсь и не текутъ млекомъ, то зато здъсь во всякомъ случав вольготно живется человъку, сумъвшему примъниться къ землъ и мъстному климату. Земля здъсь, дъйствительно, — умъй только съ ней обращаться, — "не земля, а кладъ", говорятъ староселы; лъса богаты дичью, дающей крестьянамъ круглый годъ мясо, степи полны птицъ, и во время осенняго и весенняго перелетовъ число ихъ достигаетъ такихъ громадныхъ размъровъ, что хотъ голой рукой хватай. Тъмъ не менъе въ этой странъ, такъ же какъ и въ другихъ, не легко зарабатывать себъ кусокъ насущнаго хлъба, и кто хочетъ разбогатъть, тотъ долженъ рабогатъ въ потъ лица своего... Сама по себъ земля ничего не даетъ; надъ ней приходится хорошенько подумать и полить ее каплями своего пота...

Чего только нътъ здъсь въ ръкахъ и ръчонкахъ, изръзывающихъ весь этотъ край. Ерши, чебаки, кета и форель, осетры и вьюны, кунжа и линки, караси и лещи, осетры и сомы, — всъ эти породы рыбъ въ громадномъ изобиліи населяютъ мъстныя воды.

Какъ же однако справились съ предстоявшей имъ, казалось бы, столь блестящей задачей наши астраханскіе рыболовы, переселенные сюда?

Отвътомъ на этотъ вопросъ можетъ служить нижеслъдующій разсказъ одного любознательнаго туриста, случайно проникнувшаго въ тайну ихъ существованія въ "Зеленомъ Клыну".

Ъдетъ онъ тайгой по падямъ и переваламъ Уссурійскаго края, вдругъ видитъ въ дремучемъ лъсу четыре лачуги-жилья, еле сотканныя изъ хвороста и небрежно облъпленныя глиной.

- Чын эти хижины? удивляется туристы.
- Лъсныхъ рыболововъ, серьезно отвъчаеть возница.

Опомнившись отъ изумленія, туристь продолжаєть свои изслідованія. Съ любопытствомъ входить онъ въ ближайшую хижину. Сліва у дверей—огромная русская печь, кое-какъ сбитая изъ глины; дальше вдоль стінь—замызганныя, грязныя нары; передъ ними—убогій столь и вмісто стульевь два обрубка изъ дерева. Еще дальше—два мизерныхъ окна... Тіснота поміншенія и невыносимый угаръ дополняють картину. Пригиядівшись въ полумракі къ окружающей обстановкії, туристь замінаєть в углу наръ двухъ пожилыхъ женщинъ въ худыхъ платьяхъ. Одна изъ нихъ—хозяйка этой хижины, другая—ея сосідка по хать. На

цахъ объихъ горе и годы провели не мало морщинъ. Да, не мало-таки горя пришлось имъ увидъть съ тъхъ поръ, какъ ихъ мужья усълись "въ лъсу рыбу ловить", съ горькой усмъшкой разсказываютъ онъ. Нищета и бъдность царятъ среди рыболововъ ужасныя. Въ прошедшую зиму дъло доходило до того, что вмъсто хлъба ъли немолотую пшеницу, вареную въ водъ: "измолоть отдать не на что было".

— А гдѣ же мужчины? Рыбачатъ? — Какое! Одни ушли собирать орѣхи въ лѣсу по опаленнымъ мѣстамъ: "все же подспорье для ѣды"; другіе ищутъ работы по деревнямъ: "а то вѣдь все равно тутъ съ голоду сдохнешь!" Съ перваго же дня по пріѣздѣ сюда изъ Европейской Россіи не повезло имъ.

Съ перваго же дня они начали колобродить: то тъмъ недовольны, то другое имъ не нравится, то рыбныхъ мъстъ не находятъ.

Кое-какъ поселились они, наконецъ, въ проливъ Стрълокъ. Прожили мъсяца два, обстроились, возвели хаты, — и вдругъ опять забурлили, снова ръшили переселяться, и разбрелись кто куда. Рыболовы жалуются, что поселились на безрыбныхъ мъстахъ и что отъ этого будто бы всъ ихъ напасти и бъды.

Едва ли однако эти жалобы имъють подъ собой почву: такъ, не далъе нъсколькихъ верстъ, по той же ръкъ, крестьяне-переселенцы деревни Дуткиной, не имъя никакихъ принадлежностей и рыболовныхъ снастей, "надергали" сотни пудовъ рыбы изъ ръки простыми крючками, вдъланными въ палку. Очевидно, не въ безрыбьи здъсь дъло, а все въ легкомысліи астраханцевъ.

Къ счастью, подобныхъ случаевъ здѣсь насчитывается не особенно много, и въ общемъ переселенцы живутъ здѣсь даже съ завидной для своихъ европейскихъ собратьевъ зажиточностью.

Южнымъ берегомъ Уссурійскаго края.

(Д. Шрейдера.)

Мы плыли на лодк'в по небольшой р'вк'в Монгугаю. Дождь лиль безъ конца. Какой-то особенно настойчивый, упорный и частый, онъ пронизываль насъ насквозь, напиталь, какъ губки, все наше платье, заливаль нашу лодку, доводя насъ почти до отчаянія, т'вмъ бол'ве, что ему, казалось, не предвид'влось конца, какъ это часто бываетъ въ этихъ м'встахъ, гдт дожди иногда льютъ безъ перерыва по н'всколько нед'вль. Кром'в всего, насъ сталъ вдругъ пронизывать пронзительный холодъ, который совс'вмъ не соотв'втствовалъ ни времени года, ни ши ротъ, подъ которой мы находились.

Такъ хорошо начатая экскурсія въ теченіе какихъ-нибудь полсутокъ

превратилась въ тяжкое испытаніе. Помню, какъ мой спутникъ, еще по пути изъ Одессы на Дальній Востокъ, потираль руки отъ удовольствія, глядя на карту Уссурійскаго края.

— Вотъ, — говорилъ онъ, — доведется и мнв хоть разъ въ жизни пожить наконецъ въ благодатномъ югв и подышать воздухомъ, почти итальянскимъ!..

И когда другой спутникъ нашъ, напуганный словомъ "Снбиръ", высказалъ вслухъ опасеніе, что ему, жителю русскаго юга, не пережить безконечной "уссурійской зимы", то первый, съ тою же картою въ рукахъ, блистательно доказалъ ему, что край, находящійся на одной параллели съ Кавказомъ и средней Италіей, чуть только съвернъе Флоренціи, Рима, Тулона и Ниццы, можетъ обладать климатомъ, только отвъчающимъ его широтъ.

Какъ далеки были они оба отъ истины. Какъ мало знали они, что климатъ Уссурійскаго края меньше всего можно опредълять его географическимъ положеніемъ. Какъ поразились бы они, если бы знали, что даже, напримъръ, южная оконечность Камчатки обладаетъ годовой температурой, почти равной владивостокской (+3,6°). На самомъ дълъ широта мъста здъсь, дъйствительно, не имъетъ никакого значенія и главнымъ факторомъ въ климатъ являются господствующіе здъсь вътры, дующіе съ съверо-запада, изъ далекихъ тундръ Восточной Сибири, не встръчая серьезнаго препятствія на этомъ пути, кромъ невысокаго "Станового хребта".

Безконечная ширь уссурійской тайги, недоступная солнцу и світу, задерживающая зимою на долгое время сніта, а літомъ полученную влагу, не меньше вліяеть на ухудшеніе климата и увеличеніе его суровости.

Съ другой стороны, даже теплые юго-восточные вѣтры, не умѣряють здѣсь климата въ той степени, въ какой это можно бы ожидать, даже принимая во вниманіе ихъ неравную борьбу съ дуновеніемъ сѣверной тундры. Они нагоняють къ намъ съ юга непроницаемыя туманныя массы, облекають въ нихъ землю и преграждають доступъ лучамъ южнаго солнца.

Къ счастію, "Теплыя горы", т.-е. Сихота-Алинь, преграждають доступъ туманамъ въ теченіе літа внутрь Уссурійскаго края, но зато тамъ господствуютъ літомъ проливные дожди, длящіеся три-четыре дня подъ рядъ.

Наше путешествіе продолжалось впередъ безъ серьезныхъ задержевъ въ пути. Скоро показалась и почтовая станція. Тусклый, едва замътный во тьмъ свътъ ея оконъ былъ нами встръченъ съ понятнымъ волненіемъ. Еще двъ-три минуты ходьбы по глубовой грязи и общирнъйшимъ лужамъ,—наконецъ, вотъ и станція.

Кое-какъ обсушившись и едва утоливъ молокомъ съ чернымъ хлѣбомъ голодъ, мы вынуждены были двинуться дальше, потому что мы сильно устали, ноги уже отказывались служить и глаза противъ воли смыкались.

Предупреждая недоумъвающіе вопросы читателя, считаю необходимымъ сказать, что житель Европейской Россіи, привыкшій передвигаться по жельзнымъ дорогамъ и представляющій себь "станцію" въ видь просторнаго, свътлаго, теплаго зданія, снабженнаго мягкою мебелью, будсть конечно, неправъ, если приложить это представленіе къ здъшней станціи для "почтовой гоньбы".

Здѣшняя станція—это изба, сколоченная изъ бревенъ, обитая внутри дешевыми обоями, чаще вымазанная глиной и мѣломъ; въ одной половинъ ея живетъ станціонный писарь, другая же половина избы предназначена для проъзжающихъ. Меблировка ея состоитъ изъ двухътрехъ табуретовъ, небольшого стола и одной лишь кровати, не покрытой ничъмъ.

Вотъ это-то обстоятельство и смущало насъ. Постельныхъ принадлежностей мы съ собой не взяли, а спать на голыхъ доскахъ, да притомъ еще въ мокрой одеждѣ, намъ было невмоготу, да и тъсновато вдвоемъ. Вотъ почему мы и предпочли спать въ тарантасѣ во время пути, зарывшись въ сѣно.

Была и еще одна причина, заставлявшая насъ, не взирая на отвратительную погоду и произительный холодь, не ждать до утра здёсь. Мы ёхали, какъ здёсь выражаются, "по частной надобности", т.-е. по своимъ личнымъ дёламъ. Между тёмъ станція эта имѣетъ всего двѣ тройки лошадей, и если бы къ утру прибылъ сюда кто-нибудь позже насъ "по казенной надобности", то станціонный писарь обязанъ былъ предпочесть его намъ.

Едва на востокъ забрезжилъ свътъ и невидимое еще намъ дневное свътило окрасило розовымъ свътомъ молочныя тучи, опоясавшія горизонтъ, мы уже тронулись въ путь.

Бодрая тройка рванула, тарантасъ загромыхалъ, заколебался и, разбрасывая въ стороны грязь и облака брызгъ, покатился "по втулки" въ мъсивъ.

— Ишь ты! -промолвилъ ямщикъ. -- Ишь ты, тъсто какое...

Мы болъе или менъе сносно устроились въ сънъ, тъсно прижались другъ къ другу и кръпко уснули.

Проснулись мы спустя часъ-полтора отъ чувствительнаго толчка на ухабъ. Проснулись, оглянулись кругомъ и замерли отъ восхищенія.

Дождь пересталъ. Тройка брела вялой рысцой подътавонъ коло-д с кольца... Колокольчикъ замретъ на мгновеніе, звякнетъ и опять заливается медленною тролью.

Солице взошло и величественно-гордо катилось по синему небу, посылая на обильно орошенную землю золотыя стрвлы теплыхъ лучей. Земля, стосковавшаяся по солицу и свету, словно ивжилась въ нихъ, набиралась тепла и была вся окутана легкой дымкой отъ поднимавшихся изъ нея испареній.

Ландшафть оживился... Воздухъ сталъ ясенъ и чистъ. Со всъхъ сторонъ въ немъ раздавались звонкія трели маленькихъ птичекъ, ожнвленно порхавшихъ взадъ и впередъ.

Мы вхали по самому краю высокаго берега моря, спускавшагося крутымъ и утесистымъ скатомъ къ водв. Каменистая горная дорога то взбиралась на самую вершину морского прибрежья, то словно обрывалась внезапно, падала внизъ и затвиъ снова тянулась извилистой лентой по скату горы высоко, почти надъ головой, такъ что жутко становилось даже глядеть на нее. Казалось, оступится лошадь, покатится камень изъ-подъ колеса, — и неизбежно паденье въ безконечный, зімощій подъ нами своей черной каменной пастью, обрывъ. Взглянешь мелькомъ на него, и чувствуешь, какъ голова начинаеть кружиться и спираеть дыханье.

Порой намъ почти преграждали дорогу частые стволы деревьевъ, протянувшихъ свои цъпкія зеленыя вътви, словно стараясь схватить насъ.

Мы спустились въ ущелье, съ трудомъ поднялись въ гору и, подъ тихій шелестъ зеленыхъ деревьевъ, взобрались на одну изъ самыхъ высовихъ вершинъ, которыя находились до сихъ поръ на нашемъ пути.

Чудный видъ открылся нашему взору, когда мы здёсь очутились.

Вокругь насъ съ трехъ сторонъ разстилался безконечный просторъ зеленыхъ луговъ и первобытной тайги. По лазурному небу въ надменномъ спокойствіи плыли разбросанныя въ фантастическомъ безпорядкъ блъдныя тучи. Внизу дерзновенно бурлили буруны, вздымая жемчухную пъну, и съ тихимъ рокотомъ бились о каменный берегъ покрытыя бълой пъной изумрудныя волны.

Я замерь въ оцъпенъніи, весь ушель въ созерцаніе окружающихъ красотъ и оторваться не могь оть величественнаго ландшафта, который могь бы дать кисти художника самый лучшій матеріаль для картины.

Дальше дорога уклонилась къ югу отъ берега моря. Холмы и вершины, ущелья и скаты остались у насъ позади, и мы по пологому каменистому склону углублялись внутрь края.

Вліво, по общирному склону хребта тянулась зеленая пустынная степь, вся поросшая сочной высокой травой. Вправо находилась опушка дремучей тайги.

Человъка нигдъ не видать. Въ воздухъ стоить почти могильная

тишина, нарушаемая лишь перезвономъ почтоваго колокольчика да изръдка пъніемъ птицъ, скрывающихся въ высокой травъ. Кое-когда перелетитъ намъ дорогу фазанъ или египетскій ибисъ, водящійся въ этихъ мъстахъ; перелетитъ, скроется за опушкой тайги, и вновь все попрежнему тихо.

Необъятна тайга, покрытая мощнымъ зеленымъ покровомъ, но ея мягкія, рыхлыя, сырыя деревья, словно "пропаренныя", какъ выражаются здёсь, не веселять взора, какъ приглядишься къ нимъ ближе.

Снаружи посмотришь на дерево, — оно кажется мощнымъ титаномъ, который и отъ настоящаго шторма не дрогнетъ, а между тъмъ стоитъ лишь подуть не особенно сильному вътру, и могучее съ виду дерево, словно подкошенное, валится на бокъ. Все это — слъдствіе въчно царящихъ у прибрежья тумановъ. Въ періодъ наибольшого развитія древесныхъ соковъ дерево требуетъ солнца и свъта, а между тъмъ здъсь, подъ вліяніемъ тумановъ, сковывающихъ непроницаемымъ покровомъ своимъ у прибрежья тайгу, испареніе черезъ листья задерживается, въ стволъ остается излишекъ влаги, и дерево начинаетъ гнить на корню.

Оттого-то на прибрежьи Уссурійскаго края не растеть почти л'ясь, а если и растеть, то корявый, дуплистый, пустой и гнилой въ серединъ.

По наружному виду дерева нельзя судить о его качествъ и прочности: стоитъ вамъ сдълать небольшое усиліе, и вы убъдитесь, что передъ вами не цвътущіе кедры съ плотнымъ стволомъ, а одна лишь кора вокругъ пустой сердцевины.

Поэтому-то путнику и приходится здёсь такъ много встречать гнилыхъ пней и полусгнившихъ, почерневшихъ стволовъ, когда онъ проезжаетъ по прибрежному лёсу.

Къ счастью, невдалекъ отъ морского прибрежья начинаются "Теплыя горы" (Сихото-Алинь), охраняющія внутренность Южно-Уссурійскаго края отъ этого мертвящаго юго-восточнаго гостя. Зато и лъсъ тамъ отличается чисто первобытною мощью и кръпостью: что ни дубъ,— исполинъ, что ни ведръ,— тверже камня, что ни кленъ,— богатырь.

Перемънивъ на ближайшей станціи лошадей и закусивъ молокомъ съ чернымъ хлъбомъ, мы двинулись дальше уже исключительно травянистою степью. Тайга отошла отъ насъ въ сторону и исчезла вдали, сливаясь на горизонтъ съ лазоревымъ небомъ.

Близилось уже къ двънадцати часамъ дня, когда мы очутились въ привольной степи. Солнце снова невыносимо жгло, — именно жгло, при-пекало съ почти тропической силой: широта - таки взяда, наконецъ, свое, что и не удивительно, такъ какъ дъло близилось къ осени, когда съверо-западные и юго-восточные вътры мъсяца на два почти совствиватихаютъ.

Лошади лѣниво плелись, мотая косматыми головами. Даже обыкновенно бодрый уссурійскій ямщикъ, истомленный жарою и зноемъ, повидимому, началъ дремать. Мы, пассажиры, однако спать не могли, такъ какъ подъ сильно нагрѣтымъ парусиновымъ верхомъ кибитки было невыносимо душно и намъ не хватало воздуха для дыханія. Тои дѣло высовывали мы головы изъ кибитки навстрѣчу движенію воздуха, но почти тотчасъ же должны были снова скрывать ихъ подъверхъ отъ лучей неумолимо палящаго солнца, стоявшаго уже въ самомъ зенитѣ.

Мало-по-малу усталость и безсонная ночь взяли свое, я послъдовалъ примъру ямщика и ръшился вздремнуть.

Не успълъ я окончательно уйти въ міръ сновидѣній и грезъ, какъ внезапно долженъ былъ встрепенуться отъ ръзкихъ толчковъ тарантаса по каменистому грунту шоссе.

Ямщикъ, закрывъ лицо руками, безпрерывно дергалъ вожжами, изръдка энергично подбадривая свою тройку кнутомъ; но лошади, повидимому, не нуждались въ понуканіяхъ, такъ какъ онъ несли во весь духъ, безпокойно мотая головой и хвостами.

— Что такое?—воскликнулъ я, не на шутку испугавшись.

"Ужъ не тигръ ли?" мелькнуло у меня въ головъ.

Но ямщикъ даже не удостоилъ меня отвътомъ и только ткнулъ рукой на своихъ лошадей и поспъшилъ тотчасъ снова закрыть свое лицо.

То, что я тамъ увидълъ, заставило и меня поспъшно зарыться съ головою во влажное съно. Это было гораздо хуже тигра и даже уссурійскаго барса: отъ нихъ есть спасенье, а отъ этого кровожаднаго врага—не убъжать никуда, не укрыться нигдъ въ чистомъ полъ.

Это быль-, гнусъ".

Цълыя тучи его кружились надъ бъдной тройкой. Обагренная свъжею кровью, бъщено мотая хвостами, вздрагивая всъмъ своимъ тъломъ, она мчалась во весь духъ, подгоняемая безпощаднымъ врагомъ.

Я съ ужасомъ ждалъ нападенія "гнуса", этого бича уссурійскихъ лівсовъ и степей, способнаго довести до отчаннія и человівка и звіря.

Стоитъ ему облъпить человъка, и онъ способенъ до самоубійства ойти. Я еще находился подъ свъжимъ впетата недавняго раз-

за одного моего знакомаго о нападені оводовъ, комаровъ и мошки) въ сти нъ былъ уже приблизительно верст да, когда подвергся его нападенік ошадь и его самого. Онъ рвалъ на сотнями, но тучи этихъ кровопійпа си ускорить бъгъ своей лошади

Digitized by Google

ча" (т.-е. слви-

Лошадь, какъ изступленная, поднималась на дыбы, вздрагивала всёмъ своимъ тёломъ, ржала отъ боли, наконецъ, какъ безумная, бросилась на землю, придавивъ своего всадника, и съ дикимъ ржаньемъ стала кататься по ней.

— Казалось, она рыдала, -говорилъ мив знакомый.

Всадникъ почти лишился чувствъ отъ боли и бъщенства. Все тъло его въ какіе-нибудь полчаса превратилось въ сплошной волдырь, лицо, руки и шея распухли, глаза почти скрылись за вздутыми въками, а гнусъ все продолжалъ его жалить. И этотъ человъкъ, который не разъ видалъ смерть предъ своими глазами, этотъ безстрашный, отважный мужчина, ходившій въ одиночку на тигра, стрълявшій, случалось, и въ барса, какъ ребенокъ заплакалъ отъ укусовъ ничтожнаго гнуса.

Неизвъстно, чъмъ кончилось бы это приключеніе, если бы проъзжавшіе мимо манзы не развели "дымокура" *), разогнавшаго гнусъ, и изъязвленные, покрытые ранами и свъжею кровью всадникъ и лошадь не перевели духа.

Гнусъ, не дающій покоя ни одному живому существу въ жаркіе дни уссурійскаго літа, является однимъ изъ серьезныхъ препятствій для развитія здівсь скотоводства, такъ какъ въ теченіе почти цівлаго літа, пока стоитъ жаркая погода, скота нельзя выпустить на пастбище и приходится держать его въ закрытыхъ хлівахъ, вокругъ которыхъ днемъ и ночью противъ гнуса нужно постоянно въ порядкі держать дымовуры.

Этотъ бичъ такъ невыносимъ для скота, что послъдній обыкновенно за лъто, когда, собственно, только и могъ бы набраться силъ, страшно худъетъ, и только къ осени, съ исчезновеніемъ гнуса, начинаетъ жиръть и поправляться.

Съ чувствомъ необыкновеннаго облегченія подъёхали мы къ станціи, вокругъ которой тамъ и сямъ дымились костры для защиты отъ гнуса. Къ счастью, никто изъ насъ, кромѣ лошадей, не пострадалъ; ямщика только покусало немного.

Однако продолжать своего путешествія дальше мы уже не рѣшались. Рѣшили пересидѣть на станціи, пока скроется солице. Правда, съ наступленіемъ ночи являются на смѣну слѣпнямъ и оводамъ комары и мошка, но укусы ихъ уже не такъ жестоки и мучительны.

^{*) &}quot;Дымокуръ" — костеръ изъ хвороста; дымъ такого костра — лучшее средство противъ "гнуса". Манзы устранваютъ даже у себя на головахъ особое приспособленіе, въ которомъ постоянно тліветъ трутъ; дымъ отъ этого трутъ, да еще смоля-чия сътка, покомнающая липо и шею. —елинственныя средства защиты отъ "гиуса".

Владивостокъ.

(Шрейдера.)

Съ чувствомъ необывновеннаго облегченія приближались мы, наконецъ, къ берегамъ нашей восточной далекой окравны. Конецъ качкъ, конецъ сорокапятидневному плъненію на "Костромъ" *): — мы почти у себя дома!

Длинное, томительное путешествіе представлялось уже какъ во сив и сразу было забыто нами. Мы высыпали на палубу судна и впились глазами въ бълесоватое пятно, по направленію къ которому "Кострома" шла подъ всіми парами. Тамъ, за этимъ расплывчатымъ, неяснымъ пятномъ скрывается Владивостокъ, — первый русскій городъ на нашемъ безконечно - длинномъ пути; тамъ начинается и простирается далже вплоть до Берингова моря часть нашего обширнаго отечества, котораго мы не видъли уже полтора мъсяца, со дня выхода изъ Одессы.

Воть уже показался справа отъ насъ островъ Аскольдъ, окутанный голубоватой дымкой морского тумана. Еще три-четыре часа, — и мы у желаннаго берега.

Однако, едва мы оставили бурныя воды Японскаго моря и вступили въ сравнительно спокойный и тихій заливъ Петра Великаго, омывающій южные берега Уссурійскаго края,—картина р'язко, точно по мановенію жезла чарод'я, изм'янилась. Еще только н'ясколько часовъ тому назадъ намъ осв'ящало путь горячее, почти знойное солице, лившее волны осл'янительнаго, яркаго св'ята, а зд'ясь — какой поразительный контрасть! Словно мы попали совс'ямъ въ другую часть св'ята.

Впереди насъ, на краю горизонта, показалась небольшая полоска бълоснъжнаго цвъта. Облако, — подумали мы; но раньше, чъмъ мы успъли хорошенько вглядъться въ него и провърить свои наблюденія, неясное, слоистое облачко начало быстро расти, все больше и больше, застилая собой и ясное солнце, и синее небо, и гладкія, зеркальныя воды залива. Минутъ цять спустя мы уже очутились въ сплошномъ и плотномъ кольцъ густого тумана, охватившаго собой весь материкъ. На насъ повъяло холодомъ и сыростью; вокругъ насъ стало сразу темно, какъ въ могилъ: въ двухъ шагахъ ни зги не видать, рубки не видно, что на носу корабля. Тщетно глядять офицеры въ морскіе бинокли и подзорныя трубы: не видать даже собственныхъ мачтъ.

"Кострома" все все тише и тише жеть, въ нъскол больше замедляеть свой ходъ. Мы идемъ
овились на мъстъ, быть мо
о берега.

^{•)} Пароходъ До

Небо и море скрыты отъ насъ густой, непроницаемой, мглисто-сърой пеленой. На минуту вътерокъ, подувшій съ залива, разорваль окружившую насъ волнующуюся, густую завъсу тумана, показаль намъ вдали едва уловимыя, смутныя очертанія берега, — мы двинулись впередъ и затьмъ должны были снова остановиться на мъстъ.

Пробътающій мимо судовой офицеръ разъясняеть намъ, что эти туманы—обычное явленіе въ нашихъ восточныхъ водахъ, особенно весною и въ началѣ лъта. Онъ утьшаетъ насъ, впрочемъ, тьмъ, что мъстные туманы чрезвычайно капризны: неръдко судну приходится крейсировать почти въ виду Владивостока болье сутокъ, но зато порою бываетъ и такъ, что не пройдетъ двухъ-трехъ часовъ, какъ туманъ окончательно разсъивается и "снова плывешь среди ясной погоды". На этотъ разъ туманъ оказывается однако же упорнымъ. Онъ все болье охватываетъ насъ своимъ плотнымъ кольцомъ, проникаетъ во всъ люки и отверстія судна. Въ такую пору не только о какомъ бы то ни было движеніи впередъ и думать нельзя, но, какъ оказывается, и на мъстъ стоять далеко не безопасно: долго ли какому-либо встръчному или мимо идущему судну връзаться намъ въ бортъ. Впрочемъ, противъ такой опасности "сейчасъ будутъ приняты мъры".

Словоохотливый офицерь убъжаль по направленію къ рубкъ, и вскоръ сырой и влажный воздухъ залива заколебался отъ ръзкаго, заунывнаго рева сирены. Отъ неожиданности мы даже вздрогнули всъ. А сирена продолжала оглашать всв окрестности своимъ за душу хватающимъ стономъ и воплемъ, давая всемъ на далекое разстояніе знать о нашемъ безпомощномъ положения. Вперемежку съ сиреною отъ времени до времени раздаются на палубъ медленные, словно похоронные, удары корабельнаго колокола. Мъдный звонъ колокола несется, гудитъ по всему обширному заливу, скованному безпросвътной гущей тумана, и намъ невольно становится страшно и жутко отъ этого печальнаго перезвона. На мгновеніе воцаряется могильная тишина. Мы тревожно прислушиваемся, не раздается ли гдф звонъ маячнаго колокола, который указаль бы намъ путь, - но ниоткуда ни звука, и "Кострома" вновь продолжаеть потрясать воздухъ могучими стонами разсвиръпъвшей сирены подъ аккомпаниментъ корабельнаго колокола, гулко оглашающаго окрестныя воды.

Судьба, наконецъ, сжалилась надъ нами. Лучъ солнца скользнулъ въ густую толщу тумана, разсѣялъ его на мгновеніе, освѣтилъ берегь, и мы поспѣшно двинулись въ путь. Ближе къ берегу туманъ становится рѣже, и мы уже можемъ подвигаться впередъ безъ оглушительнаго содъйствія сирены.

Мы идемъ уже въ виду береговъ. Справа отъ насъ—материкъ, слвва островъ, называемый Русскимъ (Дундасъ), отдъленный отъ материка

лишь неширокимъ проливомъ. Непріютны, суровы, почти безжизненны берега нашей далекой окраины: песчаныя отмели, ущелья, гигантскія голыя скалы, кое-гдѣ ручейки, ущемленные ими, мѣстами небольшіе заливы и бухты и почти ни малѣйшаго признака мощной растительности, столь отличающей внутреннія области Уссурійскаго края. Это прямой результать вліянія вѣчно царящихъ у прибрежья тумановъ, не дающихъ развиться прибрежнымъ лѣсамъ. Деревья, составляющія ихъ, все сплошь недоросли съ пустыми дуплами. Лишь кое-гдѣ, мѣстами, унылую картину морского прибрежья разнообразять сплошные кустарники да густая трава въ человѣческій рость.

Мы вступаемъ въ неширокій проливъ, отдъляющій упомянутый островъ отъ материковой земли. Впереди насъ, по самой серединъ пролива, торчатъ изъ воды два огромныхъ исполинскихъ камня, словно два уха колосеальнаго звъря, зарывшаго голову въ воду.

Это — "Ослиныя уши", которымъ нерѣдко случалось въ туманную пору ущемлять у себя бока океанскихъ судовъ. Еще незадолго до нашего прихода сюда въ щель, образуемую этими колоссальными ушами, нечаянно забрелъ одинъ броненосецъ. Къ счастію, въ этихъ мѣстахъ корабли идутъ уже самымъ медленнымъ ходомъ, и это приключеніе обошлось для него безъ серьезныхъ несчастій: помяло только слегка бока броненосцу, да дня два повозились съ нимъ портовыя суда, пока имъ удалось его вытащить изъ этой засады.

Мы тихо-тихо проходимъ мимо "Ослиныхъ ушей", почти прижималсь къ нимъ правымъ бортомъ. Еще полчаса, и предъ нами неожиданно открывается справа неширокій проходъ между высокихъ скалистыхъ береговъ съ почти вертикальными, крутыми боками, поросшими зеленой травой и кустарниками. Здѣсь—входъ въ бухту Золотой Рогь, на съверномъ берегу которой растянулась въ узкую линію столица Уссурійскаго края—Владивостокъ.

Туманъ окончательно разсъялся; солнце попрежнему начало припекать и свътить; море утихло, измѣнило свой цвътъ и весело сверкаетъ, искрится и серебрится подъ лучами теплаго уссурійскаго солнца. "Кострома" медленно совершаетъ поворотъ во владивостокскую бухту, и я могу хорошо разсмотрѣть мѣста, которыя мы проходимъ сейчасъ.

Справа и слъва, какъ и раньше до входа въ бухту, высятся крутые, точно сръзанные острымъ ножомъ, берега, поросшіе ръдкой и чахлой растительностью. Выше надъ уровнемъ бухты, съ высоты многихъ саженъ, на обширныхъ скалистыхъ площадкахъ сверкаютъ блестящія жерла батарейныхъ орудій. Дальше, съ объихъ сторонъ неширокаго пролива, по которому идемъ мы сейчасъ, опять намъ видны батарен в дула артиллерійскихъ орудій. Здъсь расположены передовые форносты, защищающіе входъ во владивостокскую гавань. Неприступные, дикіе,

скалистые берега и утесы, хорошо укръпленные, блестящія жерла орудій на каждомъ шагу дълають порть почти такимъ же неприступнымъ, какъ и Босфоръ у входа въ Черное море.

Обошедши уступъ Эгершельда и медленно пройдя мимо живописно разбросанныхъ на лѣвомъ берегу бухты красивыхъ каменныхъ зданій— казармъ военно-сухопутнаго вѣдомства, мы очутились уже въ виду самаго города, лѣниво и словно нехотя растянувшагося по скатамъ высокихъ холмовъ во всю длину бухты.

Странное впечатление производить Владивостокъ, когда видишь его

Бухта Владивостока.

впервые съ бортовъ корабля. Городу нельзя отказать въ живописности, но его ръдкимъ, безцвътнымъ и сърымъ постройкамъ, ютящимся то у самой воды, то у подножья величественныхъ холмовъ, не вдохновить кисти художника. Городъ не лишенъ своеобразной поэзіи, но это—поэзія лъса, безжалостно обезображеннаго немилосердными хищниками. Небольшіе одноэтажные домики выглядятъ одинокими, сиротливыми. Позади нихъ уныло, несмотря на всселое весеннее солнце, смотрятся въ изумрудныя воды глубокаго рейда почти сплошь оголенные скаты холмовъ, бывшихъ еще недавно гнъздилищемъ тигровъ. Тоскливое чувъ

ство противъ воли овладъваетъ забравшимся впервые сюда съ далекаго запада путникомъ. Воображеніе рисуетъ самыя неприглядныя, унылыя картины окраинной жизни.

Это настроеніе еще болье усиливается необычнымъ видомъ этихъ оригинальныхъ—то длинновосыхъ, то съ громадными на головахъ шишками—людей, облаченныхъ въ какое-то подобіе женскаго костюма, снующихъ по рейду взадъ и впередъ на своихъ плоскодонныхъ, широконосыхъ, утлыхъ судахъ. Гортанный, непонятный намъ говоръ этихъ странныхъ и бъдно, почти нищенски, одътыхъ созданій еще болье усиливаетъ первоначальное впечатльніе.

Невольно чувствуется, что находишься здёсь "на краю свёта", на одной изъ самыхъ крайнихъ точекъ необъятнаго Стараго Свёта, дальше которой идти уже некуда: дальше этого пункта, дёйствительно, уже нётъ твердой земли: здёсь начинается безпредёльная ширь океана, простирающаяся вплоть до западныхъ береговъ Калифорніи.

Однако, по мірті того, какъ корабль приближается къ пристани и предъ глазами раскрывается вся площадь владивостокскаго рейда, прежнія впечатлівнія начинають понемногу сміняться другими, боліве пріятными и отрадными для нашего сознанія и взора. Сділавь послідній повороть, мы уже видимь вполнів оживленный рейдь, занятый многочисленными судами нашего военнаго флота, расцвіченными по случаю праздника разноцвітными флагами. Ближе къ намъ нестройною толпою тіснятся "купцы", дымящіе своими огромными черными трубами. Китайскія неуклюжія джонки, неповоротливыя шаланды корейцевь, допотопнаго вида и типа, теряются въ этой массів кораблей-великановь, провозвітниковь и носителей высшей культуры.

А воть уже и несомивный признавь ея: по юго-восточному берегу бухты, у самой воды, сверкаеть волнистая, извилистая линія рельсовь, на которыхъ стоять паровозь и вагоны Уссурійской жельзной дороги. Между тыть "Кострома" подошла почти вплотную въ перекинутымъ съ берега мосткамъ Добровольнаго флота, съ трескомъ и грохотомъ бросила въ воду якорь съ кормы и носа, вздрогнула всымъ своимъ корпусомъ и внезапно остановилась на мысть.

Чудесное утро встрътило меня на другой день по пробужденіи. Солнце ослъпительно ярко свътило, вчерашняго несноснаго тумана не было и признака. Какъ-то не върилось, что еще наканунъ было такъ мрачно, угрюмо, холодно, сыро. Жизнерадостнымъ видомъ окружающей природы не слъдовало однако сильно обольщаться: уссурійское солнце бываетъ весьма часто обманчиво. Неръдко случается здъсь, что въ теченіе одного дня погода ръзко, до неузнаваемости, мъняется нъсколько разъ,

Днемъ, при свътъ солица, Владивостовъ гораздо красивъс, чъмъ онъ показался мнъ раньше. Особенно хороша эта бухта съ гладкозеркальной водой — просторная, глубокая, полная, могущая вмъстить въ себъ не мало океанскихъ судовъ. Высокіе берега и холмы такъ хорошо защищаютъ ее отъ дъйствія вътровъ, что даже въ жестокій тайфунъ, бушующій въ двухъ-трехъ верстахъ отъ нея въ моръ, она едва
подергивается рябью.

Рейдъ, по случаю приближенія въ порту французской эскадры въ составъ четырехъ броненосцевъ, оживленъ чрезвычайно. Катера, пароходы, китайскія джонки, японскія парусныя шхуны, корейскія шаланды, военныя шлюпки шмыгаютъ взадъ и впередъ, бороздя серебристую воду своими носами. Ясный, неподвижный воздухъ время отъ времени потрясается салютаціонными выстрълами судовыхъ и батарейныхъ орудій. Вотъ послышался привътственный выстрълъ-салютъ адмиральскаго крейсера французской эскадры; въ отвътъ ему тотчасъ же загрохотали орудія съ кръпостныхъ укръпленій и военныхъ судовъ, и въ нъсколько минутъ на бухтъ и въ городъ все скрывается въ пороховомъ дыму. Гулъ артиллерійскихъ орудій, канонада крупповскихъ пушекъ наполняютъ окрестности несмолкаемымъ грохотомъ: кажется, будто присутствуешь во время морского сраженія.

По улицамъ города снуютъ по всъмъ направленіямъ китайцы, корейцы, японцы. Особенно много китайцевъ; русскихъ почти совсѣмъ не видать; да ихъ здѣсь-таки довольно мало по сравненію съ сынами Небесной имперіи.

Длинная коса, волочащаяся чуть не до самой земли, желтый, пергаментный цвътъ лица — послъдствіе обильнаго употребленія опіума и
плохого питанія, — лукавые раскосые глаза, своеобразный костюмъ, состоящій наполовину изъ чего-то похожаго на дамскую кофту ("курма"),
наполовину изъ легкихъ шароваръ дътскаго покроя, мягкія туфли,
неслышная поступь, вкрадчивый голосъ, льстивая ръчь — таковъ въ
общемъ, по первому впечатльнію, уссурійскій китаецъ, извъстный у
мъстныхъ жителей подъ названіемъ "манзы". "Манзы" или "мань-цзы" —
это, собственно говоря, выходцы изъ Манчжуріи и Монголіи, представляющіе собой главную остальную часть инородческаго населенія въ
краъ.

На каждомъ перекрестив и особенно близъ большихъ магазиновъ и лавокъ обращаетъ на себя вниманіе тощая, чахлая фигура обтрепаннаго, полунищаго корейца—"каули", этого своеобразнаго продукта своеобразнаго быта нашей далекой окраины.

Не выпуская ни на минуту своихъ длинныхъ чубуковъ изо рта, безцъльно устремивъ взоры въ землю, не пророняя ни звука, по цълымъ часамъ сидятъ они на корточкахъ, не снимая смъщно торчащихъ

"рогулекъ" *) съ своей сутуловатой спины, то группами, то поодиночвъ, въ ожидании не всегда легкой "работы".

Изъ лавки или изъ-за угла показывается "мадамъ" и "капитана" **). Каули чуть-чуть встрепенулись. Въ ихъ безцвътныхъ глазахъ, тупомъ взоръ появилось подобіе человъческой мысли, губы искривились въ умильную, робкую, заискивающую улыбку, и изъ устъ жалобно вылетаетъ единственная извъстная имъ русская фраза:

— Лябота ещь?!...

Спустя мгновеніе это оживленіе пропадаеть, исчезаеть, и вы снова видите то же тупое, безстрастное лицо, которое остановило на себъ ваше вниманіе раньше. "Каули", или "каваль", какъ его въ просторѣчім чаще всего называють, — это кореецъ-носильщикъ, замѣняющій собой ломового извозчика, водовоза, прислугу и все, что хотите. Каули—это тотъ же восточно-азіатскій "кули", отъ котораго онъ, вѣроятно, и получилъ свое названіе, только передѣланный на особый ладъ и существенно отличающійся отъ него своею слабосильностью, несообразительностью и тупостью. Вы можете заставить каули цѣлый день воду въ ступѣ толочь, рожь на обухѣ молотить, рѣшетомъ воду носить, пересыпать песокъ съ мѣста на мѣсто, и онъ будетъ это дѣлать съ такимъ же видомъ, какъ будто дѣлаетъ настоящее дѣло и такъ же неповоротливо, вяло, лѣниво.

Вся сила каули въ спинъ, всъ "орудія производства", исключая спины, заключаются въ деревянныхъ рогулькахъ, перевязанныхъ обрывками бечевокъ и тряпокъ; все его имущество состоитъ изъ того, что надъто на немъ, вся его казна— у него за заплатаннымъ поясомъ. Возвращается ли барыня ("мадамъ" или "бабушка", какъ называютъ каули всякую русскую даму) съ базара, — каули плетется за ней, таща за спиной въ рогулькахъ покупки ея; перебираетесь ли вы на квартиру, — каули тащится за вами слъдомъ съ громоздкою мебелью, укръпленною за спиною на тъхъ же рогулькахъ; нужно ли таскать кирпичи на второй или третій этажъ, разгрузить ли пришедшій на рейдъ пароходъ, — каули все это дълаетъ при помощи все тъхъ же рогулекъ. Иной способъ работы неизвъстенъ ему.

При существующей въ крат дороговизнти извозчиковти и при почти полномъ отсутстви въ немъ такъ называемыхъ драгилей (ломовыхъ телъгъ) каули является для мъстныхъ жителей незамънимымъ, такъ какъ вполнти замъняетъ собою ломовыхъ лошадей и вполнти искупаетъ недостатокъ, отъ того ощущаемый.

При всемъ томъ трудъ каули поразительно дешевъ. За одну,

^{*)} Носилки, ямъющія видъ деревяннаго студа, лишеннаго объихъ передвихъ ножекъ

^{**)} Такъ называють инородиы всякаго свропейца и европеянку.

двъ, самое большее пять или десять копеекъ онъ буквально готовъ тащить восемь пудовъ на спинъ на край свъта.

Въвовая нужда, испытываемая корейцемъ на родинъ, постепенно до того понизила и сузила уровень его потребностей, что этихъ съ такимъ трудомъ зарабатываемыхъ денегъ не только хватаетъ ему на прокормленіе, но онъ еще даютъ ему возможность дълать "сбереженія" про черные дни... Это и неудивительно впрочемъ. Почти единственной пищей несчастнаго каули служитъ буда (корейское пшено) или, въ лучшемъ уже случаъ, одинъ, много два фунта въ день риса, стоящаго здъсь очень дешево, не болъе одной копейки за фунтъ.

Характеръ каули притомъ же таковъ, что разъ у него есть сбереженіе... въ двъ-три копейки "на черный день", никакія силы земныя не сдвинуть уже его съ мъста, не смогуть заставить его побороть свою просто непостижимую льнь.

Благодаря этому, рѣдкіе каули выбиваются въ люди и достигають матеріальнаго благосостоянія и обезпеченія.

Благодаря тому же отсутствію въ нихъ всякаго интереса ко всему окружающему міру и непреодолимой любви къ трубків и безцільному, безмольному, сосредоточенному сидінью на корточкахъ по цілымъ часамъ, рідкіе изъ нихъ уміноть объясняться по-русски и не знаютъ больше двухъ-трехъ необходимыхъ словъ: "лябота", "капитана" (такъ называютъ всякаго русскаго инородца Уссурійскаго края), "бабушка", "копейка" и немногихъ другихъ.

Неудивительно конечно, что имъ приходится быть почти постоянными жертвами беззастънчивой, откровенной эксплуатаціи со стороны всякаго, кому только не льнь ихъ обидьть и обсчитать, и что они являются постоянной страдательной стороной въ отношеніяхъ со своими нанимателями.

Послѣ всего сказаннаго о каули не трудно представить себѣ, при какихъ ужасныхъ условіяхъ должны жить эти несчастные, которыхъ, по всей справедливости, можно отнести къ категоріи парій азіатскаго востока.

Владивостокъ состоитъ собственно говоря изъ одной улицы-проспекта (Свътланской), огибающей живописную бухту на всемъ почти протяженіи ея по направленію съ юго-запада на съверо-востокъ. Улица эта пересъвается перпендикулярными короткими улицами, начинающимися мъстами у самой воды и упирающимися далье въ окаймляющія весь городъ довольно внушительныя и кое-гдъ даже величественныя, оголенныя отъ льса горы, надъ которыми господствуетъ высокій пикъ, именуемый Орлинымъ гнъздомъ. Противоположное, южное, побережье бухты или гавани Золотой рогь необитаемо. Благодаря этому, изъ оконъ небольшихъ деревянныхъ домовъ открывается живописный видъ на покрытые хотя

и невысокой, но густой и ярко-зеленой растительностью пологіе скаты противоположнаго берега бухты, на величественный и скалистый мысъ Эгершельдъ съ бушующими у его каменнаго подножья бурунами, на широкую зеркальную ленту пролива, служащаго входомъ изъ открытаго моря на рейдъ и, наконецъ, на большой, весь зеленый отъ массы деревьевъ, Дундасъ (островъ Русскій), отдъляющій съ юга проливъ отъ Японскаго моря. Самая бухта—веселая, уютная, оживленная—вся какъ

Видъ Владивостока.

на ладони для зрителя, съ какого бы пункта Свѣтланской улицы онъ ни смотрѣлъ на нее.

На главной улицъ Владивостока во всякую пору необычное для такого небольшого городка оживленіе. Бросается между прочимъ въ глаза одна особенность, замътно отличающая его отъ всъхъ городовъ Европейской Россіи. Здъсь почти не видно движенія экипажей. Ихъ и дъйствительно немного наберется во всемъ Владивостокъ, какъ потому, что городъ самъ по себъ не великъ, такъ и потому главнымъ образомъ, что лошади здъсь являются для мъстнаго обывателя дорого сто-

ящимъ предметомъ роскоши, такъ какъ, въ лучшемъ случав, ихъ приходится выписывать, въ виду полнаго отсутствія містнаго коневодства, за 2—3 тысячи версть, изъ Амурской области. Самые экипажи совсімъ не похожи на ті, видіть которые привыкъ глазъ обывателя Европейской Россіи у себя на родині: четырехколесные экипажи, въ виду гористаго характера города, въ общемъ не часто встрічаются здісь, и ихъ заміняють легкія двухколесныя теліжки на мягкихъ рессорахъ. Грузовое же движеніе, находящееся, къ слову сказать, всеціло въ рукахъ китайцевъ, производится исключительно двухколесными телігами, приводимыми въ движеніе либо при помощи запряженныхъ въ дышло небольшихъ китайскихъ лошадокъ, либо при помощи быковъ, впряженныхъ въ одиночку въ такую телігу.

По мірт приближенія къ пароходнымъ пристанямъ движеніе становится оживленніе, гулъ многочисленныхъ голосовъ, выкрикивающихъ слова на самыхъ разнообразныхъ языкахъ и нарічіяхъ, становится сильніе, самая публика, оживляющая своимъ движеніемъ улицу, діълается разнообразній и разношерстній. У самой же пристани матросы военные и "штатскіе" (съ купеческихъ судовъ), солдаты расположеннаго близъ города войска, китайцы, корейцы, японцы и русскіе, — всі они смішиваются уже въ общую, яркую, колоритную толпу. Здісь, въ виду съ одной стороны внушительной линіи нашихъ военныхъ судовъ, съ другой—густого ліса тоненькихъ мачтъ китайскихъ и корейскихъ неуклюжихъ шаландъ, съ третьей—двухъэтажнаго зданія присутственныхъ містъ, на небольшой площадкі прижатъ къ самому берегу главный містный базаръ, и этимъ объясняется скопленіе самой разнородной и разношерстной публики во всякое время дня.

На Сахалинъ.

(А. Никольскаго.)

Сахалинъ имъстъ видъ толстой сучковатой дубинки, положенной прямо на меридіанъ, т.-е. однимъ концомъ на съверъ, другимъ—на югъ. Длина его равняется 850 верстамъ, наибольшая ширина—183 версты, а наименьшая — 23 версты. Во всю длину острова съ съвера на югъ сплошнымъ хребтомъ, а въ широкихъ мъстахъ нъсколькими параллельными пъпями тянутся горы. Онъ, правда, невысоки, нигдъ не достигаютъ предъловъ въчнаго снъга, но это не мъщаетъ имъ имъть огромное значене въ распредълени растительности острова. Горы эти, можно сказатъ, раздъляютъ двъ разныхъ природы. По одну сторону, ближе къ Татарскому проливу, весь Сахалинъ покрытъ лъсомъ по большей части хвойнымъ и только въ долинахъ ръкъ и на вершинахъ горъ—

лиственнымъ; по другую сторону Сахалинскаго хребта, вдоль берега Охотскаго моря, почти во всю длину острова узкой полоской тянется голая, безлъсная, настоящая полярная тундра со всъми ея неприглядными особенностями.

Охотское море, волны котораго роють скалы восточнаго берега острова, по своимъ свойствамъ ничемъ существеннымъ не отличается отъ Ледовитаго окезна. До половины лёта здёсь плавають огромныя ледяныя поля, приносимыя съвернымъ холоднымъ теченіемъ. Даже животное населеніе Охотскаго моря можеть засвид'втельствовать путешественнику, что вода здесь не теплее, чемъ въ полярныхъ моряхъ. Иначе тутъ не стали бы жить полярные моллюски, миріадами плавающіе по поверхности, киты, бълухи и полярныя птицы, несметными стадами ги-вздящіяся на такъ называемыхъ "птичьихъ горахъ". Такимъ образомъ, подъ восточнымъ бокомъ Сахалина по крайней мъръ до половивы лъта находится ледникъ. Понятно, что климатъ на побережьв Охотскаго моря не можеть быть теплымъ, почему и природа носить харантеръ тундры. Между тымь западный берегь острова оть вліянія охотскихь льдовь ограждается станой горъ. Уже по одной этой причина побережье Татарскаго пролива на Сахалинъ находится въ лучшихъ условіяхъ, нежели восточная половина острова.

Если мы прибавимъ, что въ Татарскій проливъ съ юга врывается теплое японское теченіе, называемое Куро-Сиво, станетъ понятнымъ, почему климатъ по этому побережью значительно теплъе и природа ожнъленнъе, нежели по восточную сторону горъ.

Сосъдство морей сказывается также въ необычайной влажности воздуха. По количеству ненастныхъ дней Сахалинъ занимаетъ одно изъ первыхъ мъстъ въ Россіи. Зимой идетъ снъгъ, а лътомъ дождь; иътъ дождя, — непроглядный туманъ окутываетъ и островъ, и море. Совершенно ясные дни составляютъ ръдкое исключеніе, а вполнъ ненастныхъ, когда на небъ не видно ни малъйшаго просвъта, приходится около 200 въ году. Такимъ образомъ, если климатъ въ Сибири считатъ суровымъ, то на Сахалинъ его надо назвать дважды суровымъ, такъ какъ здъсь круглый годъ царятъ не только холодъ, но и пронизывающая сыростъ. Нътъ поэтому ничего удивительнаго въ томъ, что даже на югъ острова, на широтъ Астрахапи, гдъ зръютъ арбузы и виноградъ, раскинулся хвойный лъсъ, или форменная сибирская тайга, да и какая еще тайгъ!

Я видълъ глухіе хвойные лъса въ Западной Сибири, въ губерніяхъ Томской и Тобольской, и нахожу, что сахалинская тайга создана по болъе крупному масштабу.

Если въ Сибири тайга трудно проходима, то на Сахалинъ она непролазна; если тамошній льсъ состоить изъ огромных деревьевъ, то здысь они имыють исполинскіе размыры. Какъ уроженець юга, я ис

люблю хвойнаго лѣса вообще, но сахалинская тайга производила на меня прямо-таки удручающее впечатлѣніе. Вы можете бродить по ней цѣлый день, хотя бы цѣлую недѣлю и больше: предъ вами всюду гигантскіе стволы вѣковыхъ елей и пихтъ, а надъ головой темная зелень хвой, сквозь которую не пробивается ни единый лучъ солнца. Нѣтъ здѣсь ни цвѣтовъ, ни кустовъ, нѣтъ даже травы; вмѣсто нихъ въ промежуткахъ между деревьями вы видите груды наломанныхъ вѣтромъ сухихъ вѣтвей той же ели. Мѣстами вамъ преграждаетъ путь трупъ лѣсного исполина, вырваннаго съ корнемъ и поваленнаго на землю бурей. Куда бы вы ни ступили, всюду или густой непролазный валежникъ, или опрокинутое дерево. Поэтому тамъ, гдѣ нѣтъ звѣриныхъ, въ особенности медвѣжьихъ тропъ, сахалинская тайга совершенио непроходима.

Но что болье всего наводить тоску въ хвойномъ льсу острова, — это почти полное отсутствие всякой животной жизни. Глухой тайги избытають даже медвыди, а ужъ имъ ли не житье на Сахалинъ?! По долинамъ рыкъ, во время хода рыбы, берега на разстояни сотенъ верстъ сплошь бываютъ истоптаны медвыжьими лапами, а въ глубинъ хвойнаго льса, если только вамъ удастся пробраться туда, вы можете идти безъ всякаго риска встрытить этого царя здышнихъ звърей. Нътъ здысь ни птицъ, которыя оживляли бы своимъ пынемъ это царство ели, ни насыкомыхъ, которыя жужжали бы пищали бы или какъ-нибудь иначе выдавали бы свое присутствие; всюду стволы деревьевъ, хвои, еловыя и пихтовыя шишки и валежникъ. Поэтому въ тихую погоду въ глубинъ такого лыса царитъ мертвая тишина. Изрыдка развы прозвучитъ дробъ дятла или высокій пискъ синицы, но такой печальный, такой жалобный, какъ будто бы безысходная тоска таежной жизни проникла и въ ея крошечное сердце.

Зато въ бурю лѣсъ начинаетъ стонать и ревѣть. Однообразному гулу хвой аккомпанируетъ тогда скрипъ вѣтвей и трескъ ломающихся сучьевъ, по временамъ всѣ эти звуки покрываются грохотомъ падающаго исполина, вслѣдъ за однимъ деревомъ валится другое, раздается новый грохотъ, затѣмъ опять гулъ, скрипъ и трескъ и такъ далѣе, пока не стихнетъ вѣтеръ.

Сравнительно съ хвойнымъ лъсомъ лиственный, узкой каймой растущій по берегамъ ръкъ, выглядитъ много оживленнъе. Деревья — ивы, березы, ольхи, душистые тополя, осины—перемъщаны здъсь съ кустами бузины, смородины, жимолости, шиповника, таволги и другихъ извъстныхъ у насъ растеній. Какъ вся древесная растительность острова, такъ и лиственный лъсъ его поражаетъ размърами. Я нигдъ не видалъ такихъ исполинскихъ ивъ, осинъ и тополей, какъ на Сахалинъ. Сплошь да рядомъ птица, сидящая гдъ-нибудь близъ середины дерева, оказывалась недоступной выстрълу изъ дробовика: до такой степени деревья

luL

roi :

RC.

Te i

32

Ē.

: 1

14

<u>}</u> :

ſ.

эти высоки. Несмотря на холодное льто, обильная влага выгоняеть въ долинахъ ръкъ роскошную травянистую растительность. Травы здъсь сочны, все льто свъжи и неръдко превосходять человъческій рость.

Но, хотя растительность рачных долинь поражаеть своем мощностью, культурныя растенія на острова не находять для себя подходящих условій. Даже наши обыкновенные саверные хлаба не всегда дозравають на Сахалина. Мастами родится здась пшеница, но далеко не ежегодно; притомъ урожай всегда бываеть плохъ. Благодаря обилію влаги, хлабь поднимается высоко, идеть въ солому, но по причина низкой температуры лата колосится очень поздно. Случается, что августовскіе холода застають зерно совершенно сырымъ. Только разведеніе овощей обезпечено здась отъ неурожаевъ. Картофель, рапа, брюква, капуста и радька дають хорошіе, иногда даже превосходные сборы.

Правительство колонизуеть островъ каторжниками.

Какъ мѣсто ссылки Сахалинъ особенно удобенъ потому, что здѣсь не требуется такого усиленнаго надзора за каторжниками, какъ на материкъ Сибири. На островъ ихъ держатъ безъ кандаловъ; цъпи надъвають только въ видъ наказанія за особую провинность. Бъжать отсюда невозможно по той простой причинъ, что кругомъ вода. Правда, проливъ въ своей наиболъе узкой части ежегодно замерзаетъ. Но этотъ лединой мость воздвигается далеко на съверъ, въ томъ мъстъ Сахалина, гдъ нътъ ни тюремъ, ни свободнаго населенія. Добраться туда въ зимнее время, благодаря безлюдью, бездорожью и отдаленности разстоянія, невозможно. Бывали, впрочемъ, случаи, что бъглецы переправлялись черезъ проливъ въ бочкъ; разъ даже завладъли казенной лодкой, убивъ предварительно караульнаго. Но такіе случаи чрезвычайно ръдки. Къ тому же нътъ ничего легче, какъ предупредить ихъ: стоитъ только построже следить за лодками и бочками. Потому каторжники и не любять Сахалина. "Кругомъ вода, а въ серединъ бъда", говорятъ они про островъ.

Нельзя однако сказать, чтобы ссыльные не ділали попытокь къ побіту. Напротивъ, они бітуть — даже большими толпами. Часто добрая половинь транспорта на другой-третій день послів прибытія на островъ даеть тягу. Еще на пути, во время перейзда на крейсерів оть Одессы, они готовятся къ этому: копять сухари и всякую другую отпускаемую имъ провизію. Еще не побывавъ на Сахалинів, ссыльные прекрасно знають всів условія жизни на островів; извістно имъ и то, что біжать изъ тюрьмы тамъ такъ же просто, какъ всякому свободному человіку выйти изъ собственной квартиры, но уйти съ острова и перебраться въ Сибирь, даже жить въ бітахъ на островів—совершенно невыполнимое дісло. Літомъ бітлый просуществуєть какъ-нибудь въ тайгів, питаясь ягодой, корнями нікоторыхъ растеній и рыбой. А зимой? Сніжный покровъ въ сажень толщиной все это д'влаеть недоступнымъ; между твмъ, на Сахалинъ нътъ свободнаго русскаго населенія, которое, подобно тому какъ это д'влается въ центральной Сибири, стало бы выставлять за окошко хлъбъ для пропитанія "несчастныхъ".

Съ наступленіемъ зимы бъглецамъ приходится или возвращаться въ тюрьму, где ихъ ждугь плети и прибавка 10 леть къ сроку каторги, или, если они заблудились въ тайгъ, умирать съ голоду. Случается, что "варнаки", какъ называють въ Сибири бъглыхъ каторжниковъ, гибнуть еще до наступленія осени, дізлансь жертвой містных винородцевь, гиляковъ. Этотъ полудикій народецъ прекрасно знасть варнаковъ, понимаеть, что они проживають въ тайгъ, не имъя на это никакого права, поэтому не сміноть претендовать, если за ними кто-нибудь станеть охотиться, какъ за звъремъ. Можно сказать, что ореди всевозможной добычи, какую можетъ дать гиляку сахалинская тайга, варнакъ для него самый выгодный предметь охоты. Съ нимъ не можеть сравняться даже медвідь, потому что съ бізглаго можно содрать халать, рубашку, взять у него котелокъ; глядишь, у иного найдется топоръ или ножъ, а все это вещи, которыя въ дикомъ обиходъ инородца куда дороже, нежели медвъжьи шкура и мясо. Что касается отвътственности, о ней и ръчи быть не можеть: въковыя ели глухой тайги никому ничего не разскажутъ. Правда, и каторжники, вырвавшіеся на волю, не щадять гиляковъ. При случаъ, чтобы добыть сушеной рыбы (юколы) или какой другой пищи, варнаки не задумываются выръзать всю семью гиляка, проживающаго гдъ-нибудь въ одиноко стоящей юртъ.

Среди ссыльныхъ на Сахалинъ надо различать два сорта каторжниковъ, совершенно не похожихъ другъ на друга. Это—безсемейные и живущіе семьей.

Первые представляють изъ себя форменныхъ каторжниковъ. Они работають въ каменноугольныхъ копяхъ, таскаютъ кладь изъ одного поселка въ другой, выполняютъ всякія другія поистинѣ каторжныя работы. Живутъ они въ общихъ казармахъ. Питаются пищей, во всякомъ случаѣ, не роскошной. Ржавая солонина и прокислая капуста нерѣдко входятъ въ ихъ обѣденное меню.

Совствить въ иномъ положении находятся семейные каторжники. Живутъ они почти совершенно свободно въ поселкахъ. Каждая семья имъетъ собственную избу, землю. Казна снабжаетъ такое хозяйство орудіями, необходимыми для обработки земли, нъкоторымъ даетъ даже скотину. Съмена для поства точно такъ же получаются отъ казны и возвращаются обратно съ прибавленіемъ 4%.

Подневольное положение семейнаго ссыльнаго выражается въ томъ, что три дня въ недълю онъ работаетъ въ казну, а три—въ свою пользу. Казенныя же работы состоятъ въ обработкъ огородовъ и нашенъ, въ

вырубкъ льса, прокладываніи дорогь и другихъ подобныхъ занятіяхъ, къ которымъ привыкъ каждый крестьянинъ. При такихъ условіяхъ семейные каторжники ведутъ довольно сносную жизнь. Нъкоторые изъ нихъ откровенно говорили мнъ, что теперь имъ живется лучше, нежели до ссылки на своей родинъ. Поселки такихъ ссыльныхъ производятъ впечатлъніе обыкновенной русской деревни. Русскія избы, на улицахъ босоногіе, бълобрысые ребятишки, бабы въ сарафанахъ, настоящіе русскіе мужички въ кафтанахъ или зипунахъ, по большей части съ добродушнымъ выраженіемъ лицъ — все это нимало не напоминаетъ вамъ о томъ, что вы видите колонію каторжниковъ. Единственно, что со внъшней стороны отличаетъ такія подневольныя поселенія отъ свободныхъ, — это почти полное отсутствіе пъсенъ. Поютъ мало, и притомъ больше грустныя пъсни. Въ нъкоторыхъ поселкахъ имъются школы для дътей ссыльныхъ. Въ одной школъ учительницей состоитъ дочь каторжника, выросшая и получившая здъсь образованіе.

Такъ живутъ и постепенно колонизируютъ островъ семейные каторжники.

Въ серединъ іюля мы предприняли экскурсію поперекъ острова, къ устью р. Тыми, впадающей въ Охотское море.

23-го іюдя, подъ вечеръ, взваливъ весь нашъ багажъ на три подводы, запряженныя парой быковъ каждая, мы тронулись въ путь. Намъ предстояло перевалить главный сахалинскій хребеть. Скоро дорога стала подниматься въ гору. Вмъстъ съ тъмъ лиственный лъсъ смънился хвойнымъ; къ вершинъ перевала появилась, однако, береза, затъмъ кедровый стланецъ и, наконецъ, на самомъ гребнъ хребта, на высотъ около 2.500 футовъ, довольно большія заросли бамбука мъстной породы. Правда, сравнительно съ своимъ тропическимъ родственникомъ, это былъ очень невзрачный кустикъ, приземистый, стелющійся по земль, ростомъ ниже человъка, и вообще очень жалкій, однако все же бамбукъ. Чъмъ ближе къ вершинъ перевала, тъмъ круче становится подъемъ. Мы слъзли съ лошадей и идемъ пъшкомъ. По временамъ мы останавливаемся виъстъ съ быками и, подложивъ подъ колеса телъгъ камни, садимся отдыхать. Тъмъ временемъ одинъ за другимъ насъ обгоняютъ каторжники, переносящіе муку и еще какія-то вещи въ ближайшій поселокъ. Въ этомъ заключается ихъ каторжная работа. Въ теченіе мізсяца каждый обязань перенести до 30 пудовъ клади на протяжени около 16 версть.

На второй день мы довхали до реки Тыми. Отсюда намъ предстояло начать плаваніе по Тыми, если только можно назвать плаваніемъ прытанье лодокъ по камнямъ русла порожистой реки, Для нашего путешествія быль заготовленъ флоть, состоявшій изъ трехъ досчатыхъ додокъ обыкновенной сибирской конструкціи и одного "кунгаса". Такъ называють на острове лодку такого удивительнаго устройства, каков.

едва ли можно встрътить въ другомъ мъсть земного шара. Это скоръе огромный утюгъ, внутри пустой и сколоченный изъ бревенъ. На плоскомъ днъ этого утюга вмъсто углей должны были помъщаться нъкоторыя наши вещи, а поверхъ нихъ—мы сами.

WEE

HALL

MM C

1. 162/

BRUIT

niet. Aner

16

511:

25.

IIII.-

61

175

TE

9

5

Тыми прорываеть себ'в путь посреди дремучей тайги. Л'всь смотрится въ бурныя воды реки на всемъ пространстве, которое мы проплыли въ первые два дня. По самому берегу ея высятся стройныя ивы, тополя и вязы; дальшо видивется темная зелень ели и пихты, посреди которой еще болье темными пятнами кое-гдь выдыляются группы кедровь. Всюду, гдъ берега обрывисты, ръка, отрывая участки земли, уносить съ собой ближайшія деревья и выбрасываеть ихъ на первой попавшейся отмели. Мъстами мы видъли цълые острова, воздвигнутые изъ труповъ исполинскихъ ивъ и тополей. Не разъ намъ приходилось съ топоромъ въ рукахъ прокладывать путь для нашихъ лодокъ посреди нагроможденнаго какъ разъ поперекъ фарватера лъса. Течение Тыми чрезвычайно извилисто. Иногда, какъ будто раздумавъ течь въ Охотское море, она поворачиваетъ въ совершенно противоположную отъ него сторону и направляется на западъ къ Татарскому проливу, но затъмъ снова возвращается на истинный путь. Тамъ, гдъ сосъднія горы сдавливають ръку. она сильно суживается и течеть съ поразительной быстротой. На 4-й день нашего плаванія різка замізтно поуспокоилась, сдізлалась шире и глубже. На шестой день крупный люсь окончательно исчезь, кое-где только попадался мелкій ивнякъ. Берега низки, очевидно болотисты, а къ вечеру обнаружились несомивные признаки близости моря. Это были тюлени, тамъ и сямъ выставлявшіе среди гладкой поверхности воды свои подслѣповатыя морды.

5-го августа, т.-е. на 7-й день нашего плаванія, Тыми приняла видъ судоходной ръки. Зато берега положительно наводили уныніе. Всюду мертво и голо; только кое-гд' торчали отд'ельныя чахлыя деревца лиственницы. Но это были какія-то карикатуры деревьевъ: корявыя, узловатыя вътви растутъ у нихъ не вверхъ, а вбокъ, или стелются по землъ въ направленіи господствующаго съверо-восточнаго вътра; противоположная сторона ствола совершенно лишена вътвей. Все такое дерево размърами едва-едва превосходить человъческій рость. Въ этихъ лиственницахъ мы видъли предъ собой ту же картину борьбы лъса съ суровымъ климатомъ, какую можно встрътить всюду на крайнемъ съверъ на границъ распространенія лісной растительности. Деревья пользуются здісь малъйшимъ возвышеніемъ, чтобы подъ прикрытіемъ его спастись отъ губительнаго вліянія холоднаго в'втра, дующаго съ Охотскаго моря. М'встами можно было видъть любопытную иллюстрацію, до какой стецени от этого вътра. Подъ защитой небольшого колма неръдко попадались намъ группы лиственницъ, иногда даже довольно высокихъ и

нарядныхъ, но ни за что не ръшавшихся подняться выше своего повровителя. На высотъ холма онъ отбрасывали свои вътви подъ прямымъ угломъ къ стволу въ направленіи все того же господствующаго холоднаго вътра. На нъкоторомъ разстояніи такое дерево напоминаетъ струю фонтана, верхушка которой сдувается и далеко относится вътромъ.

Чёмъ болье приближались мы къ устью, тымъ ниже становились берега рёки. Уже по жалкому виду деревьевъ, не вылызая изъ лодки, можно было догадаться, что тамъ, на сушт, разстилаются отнюдь не черноземныя равнины. Дъйствительно, на береговомъ обрывъ видно было, что почва окрестностей состоитъ изъ настоящаго торфа, мъстами имъющаго чудовищную толщину двухъ саженъ. Поднявшись на обрывъ, мы увидъли предъ собой форменную полярную тундру со всъми ея непривътливыми особенностями. Мохъ, морошка, вороница, голубика, полярная береза не выше четверти аршина высотой, опять мохъ и такъ далъе до самаго горизонта. Тамъ и сямъ надъ кочковатою поверхностью тундры съ мелодическимъ свистомъ носились стан кроншнеповъ, прикормившіяся здёсь на ягодъ, бълыя куропатки съ шумомъ выпархивали изъ-подъ пашихъ ногъ, и если не видно было дикихъ съверныхъ оленей, то лишь потому, что, спасаясь отъ комаровъ, они откочевали въ горы.

Къ вечеру наша флотилія подошла къ орокской деревнѣ Тро, расположенной въ 5—6 верстахъ отъ Охотскаго моря, или, вѣрнѣе, отъ Ныйскаго залива. Здѣсь кончилось наше плаваніе.

Ороки - племя, родственное гилякамъ, но говорящее языкомъ, похожимъ на тунгузскій, Въ окрестностяхъ Ныйскаго залива, куда впадаетъ ръка Тымъ, стоятъ 4 орокскихъ деревушки, состоящія изъ 3-4 юртъ каждая. Часть ороковъ прівзжаеть на Сахалинь изъ Амурскаго края только на лъто для лова рыбы и тюленей, а на зиму возвращается назадъ; сравнительно немногіе принадлежать къ постояннымъ обитателямъ острова, но и тв, безъ сомивнія, некогда переселились сюда съ материка Сибири. Русскаго населенія не существуеть не только близъ Ныйскаго залива, но и по всему восточному берегу Сахалина, отъ съвернаго его конца до южнаго. Милъйшіе дикари здішніе ороки! Честность ихъ феноменальна. Вы можете довъриться ороку въ чемъ угодно, и онъ скорве пропадеть съ голоду и холоду, а постарается исполнеть свое объщаніе. Въ своей патріархальности онъ не понимаеть, что значить обмануть. Въроятно, въ языкъ ороковъ не существуеть самаго слова для обозначенія этого понятія. Неизв'єстно имъ также и воровство. Мы провели здёсь цёлый мёсяць, жили въ нёкоторомъ роде открыто, т.-е. все наше достояніе было разбросано или прямо на трав'в, или въ шалашъ, и за все это время у насъ не пропало ни одного ржаного сухаря, ни одного куска сахару, до котораго ороки большіе охотники, и никакой другой, даже самой пустячной, мелочи. Выпросить что-нибудь

орокъ не прочь, но если онъ не получилъ разрѣшенія взять хотя бы брошенную пробку, она для него священна. Вмѣстѣ съ тѣмъ ороки— чрезвычайно добродушный и тихій народъ. За все время нашего пребыванія въ Тро мы не только не видали драки, но не слыхали ни ссоры, ни даже крупнаго разговора. Если вы дадите одному ороку хотя бы самый маленькій кусокъ сахару или сухарь, онъ считаетъ своею обязанностью раздѣлить подарокъ между всѣми присутствующими сопле-

менниками. Замъчательно, что эти симпатичныя черты характера нисколько не мвшають здвшнимъ инородцамъ при случав безъ всякой жалости убивать бъглыхъ каторжниковъ. Инородецъ относится къ варнаку просто-напросто какъ къ предмету охоты. Произивъ копьемъ бълаго, онъ чувствуетъ ровно столько же угрызеній совъсти, сколько послъ удач-. киецот ви итохо йон Это сочетание честности съ какимъ-то несознаваемымъ звърствомъ составляеть особенность душевнаго склада дикаго человъка, совершенно не тронутаго даже подобіемъ культуры.

Въ своемъ домашнемъ обиходъ ороки мало чъмъ

Орокъ.

отличаются отъ гиляковъ и другихъ дикихъ племенъ Восточной Сибири. Питаются они исключительно рыбой и тюленями, а въ зимнее время, въ случать голодовки, собаками. Хлъба они не видятъ; соль составляетъ предметъ роскоши. Такъ какъ рыба ловится на Сахалинъ только въ концъ лъта и притомъ не болъе какъ въ продолженіе одного мъсяца, но зато въ огромномъ количествъ, то на остальную частъ года ороки заготовляютъ ее впрокъ въ видъ юколы. Сушеную рыбу употребляютъ въ пищу обыкновенно безъ всякихъ дальнъйшихъ приготовленій, но свъжую предварительно варятъ; впрочемъ, головы, хрящи, а также мягкую рыбешку поъдаютъ сырыми. Сырая рыба, видимо, составляетъ

своего рода лакомство ороковъ. Забавно было видъть, съ какою жалностью набрасываются они на это лакомство. Воть подъезжаеть лодка съ грузомъ крупныхъ, только что пойманныхъ лососей. Оставшіеся дома мужчины, женщины, дъти, словомъ, все наличное населеніе юрты, высыпають на берегь и, забравь по рыбинь, принимаются дъйствовать. У кого есть ножъ, тотъ аккуратно выръзываеть изъ головы или около плавниковъ хрящи и кусокъ за кускомъ тутъ же отправляеть въ ротъ. Но всего комичнъе расправляются съ этой закуской ребятишки, которые еще не доросли до ножа. Обнявъ своими ручонками огромную еще живую рыбину, стоить такой карапузикь и грызеть ей голову. Лосось судорожно бьеть хвостомъ своего мучителя; такъ и ждешь, что она сейчасъ свалить его на землю; а мальчишка съ вымазанной въ рыбьей крови мордочкой уписываеть себъ, словно котенокъ, запуская зубы какъ-то бокомъ. Удивительно, какую дрянь могутъ всть здвшніе внородцы! Какь вамъ понравится блюдо, которое на моихъ глазахъ очень часто приготовляла орочка соседней юрты? Взять сырыя кишки тюленя, накрошить ихъ въ чашку, облить тюленьимъ жиромъ, перемъщать съ ягодой и подать въ столу. Воть еще блюдо. Взять самую сухую юколу, откусить добрый кусокъ, пожевать и выплюнуть въ котелъ. Когда такимъ образомъ получится желаемое количество рыбы, облить ее тюленьимъ жиромъ и подать къ столу. Единственный предметь роскоши ороковъ, если не считать соли, составляеть табакъ, который они вымънивають на тюленыя шкуры у японцевъ, прівзжающихъ сюда ловить рыбу. Курять даже дъти, начиная съ семилътняго возраста. Тъ же японцы снабжають инородцевъ и водкой, хотя, по правдъ сказать, пьяныхъ мы здъсь не видали, можеть быть потому, что напитокъ этоть и дорогь и плохъ. Рыба, тюлени и собаки не только кормять орокъ, но и одъвають ихъ. Мужчины и женщины носять костюмы изъ тюленьихъ шкуръ, а ребята рубашки изъ собачьяго міха, літомъ шерстью вверхъ, а зимою шерстью внизъ. По одеждъ, да и по физіономіямъ оба пола мало чъмъ отличаются другь отъ друга. У мужчинъ, въ особенности у молодыхъ, никакой растительности на лицъ не полагается. Отъ женщинъ легче всего отличить ихъ по волосамъ на головъ. У мужчинъ одна коса, а у женщинъ двъ; старуки ходять растрепанными, какъ кіевскія въдьмы. Франтовъ орокъ, въ зипункахъ изъ сфраго арестантскаго сукна, здёсь очень немного, можеть быть потому, что бытые рыдко доходять до восточнаго берега острова; еще раньше, гдъ-нибудь въ серединъ его, они дълаются добычей гиляковъ, если только не успъють вернуться въ тюрьму. Изъ рыбыхъ кожъ ороки делають оденла и поленки для детей; теми 🗝. кожами завъшивають двери въ юртахъ; изъ нихъ же шьють паруса

Лътнія юрты орокъ по своей формъ очень напоминають индъйскіе вигвамы. Можеть быть, этотъ типъ постройки занесенъ въ Америку изъ

восточной Сибири/ Такая юрта имъетъ видъ шалаша или крыши. Основа ея, состоящая изъ жердей, покрывается берестой или полотномъ изъ рыбыхъ же кожъ; на конькъ оставляется отверстіе для выхода дыма, а сбоку — для двери. Когда внутри такого помъщенія горить костеръ, дымъ застилаетъ всю юрту до такой степени, что не видно присутствующихъ. Благодаря этому большинство орокъ страдаетъ глазными болъзнями. Въ Тро мы видъли даже совершенно слъпыхъ. Ремесленная дъятельность здёшнихъ инородцевъ заключается въ приготовленіи разныхъ предметовъ домашняго обихода: въ постройкъ юртъ, лодокъ, шитъъ обуви и одежды, при чемъ вмъсто нитокъ употребляются жилы тюленя, а вмѣсто иглы—рыбья кость./Я думаю, что Робинзонъ Крузе, когда онъ проживаль на необитаемомъ островъ и устраиваль обстановку своего жилища, пользовался пріемами и орудіями, нисколько не мен'ве совершенными, нежели тв, которыя примвняются здвсь. Любопытно было видъть, напримъръ, какъ строилъ орокъ лодку. Тополевое бревно, видимо, взятое изъ выброшеннаго самой рекой леса, онъ предварительно выжегь, насколько это, по его мивнію, было нужно. Какъ это онъ сдвлалъ, я не видалъ, но, въроятно, по способу Робинзона, потому что никакихъ особыхъ приспособленій для этой цізли нигді у сахалинскихъ инородцевъ я не замътилъ. Затъмъ началась египетская работа выдалбливанія лодви при помощи обыкновеннаго ножа и крошечнаго топорика, хотя и желъзнаго, но по формъ удивительно напоминающаго топоръ каменнаго въка. Эти инструменты, очевидно, приготовляются самими инородцами, можеть быть, гдв-нибудь въ Амурскомъ крав, при чемъ образцами въронтно, служатъ топоры каменнаго періода, который эти инородцы, можно сказать, только что пережили. Орокъ, о которомъ я началъ говорить, при насъ уже отдълывалъ лодку начисто и кончилъ эту отдълку не менъе какъ въ три недъли; сколько же онъ возился съ предварительной работой выжиганія и выдалбливанія бревна? Я думаю, что не менве полугода. Бортъ лодки онъ сталъ обивать тонкой планкой, которую приколачиваль деревянными гвоздиками, при чемъ отверстія въ планкъ просверливалъ инструментомъ, ничъмъ по существу не отличающимся отъ простого гвоздя. Вспомнивъ, что у меня въ запасъ имъются буравчики, я задумалъ было удивить дикаря этими, хотя и не слишкомъ свъжими, но все-таки совершенно новыми для здъшнихъ мъсть плодами европейской цивилизаціи. Орокъ, дівиствительно, быль поражень быстротой, съ которой я просверлилъ буравомъ отверстіе въ первомъ попавшемся бревиъ, но потомъ... лучше было бы и не говорить, что было потомъ! Европейская цивилизація въ конецъ осрамилась, или, върнъе, осрамиль ее я. Когда тёмъ же буравчикомъ я сталь сверлить дырку въ планкъ, той самой планкъ, которую орокъ съ такимъ стараніемъ выстругиваль ножичкомь въ продолжение нъскольких, дней, она вдругь треснула

и раскололась въ самомъ концѣ на-двос. Бѣдный орокъ! Надо было видѣть грустное выраженіе, какое приняла его физіономія при видѣ такихъ результатовъ примѣненія европейской культуры. Я чувствоваль себя еще хуже его. Чтобы загладить вину, я взялъ буравчикъ самаго меленькаго калибра и при его помощи вполнѣ благополучно и скоро просверлилъ-таки отверстіе надлежащей ширины въ другомъ мѣстѣ планки, затѣмъ подарилъ оба буравчика пострадавшему ороку, прибавилъ горсти

Дъти гиляковъ.

двъ сухарей, папушку табаку и, къ своему душевному облегченію, увидълъ, что его лицо прояснилось.

Семейныя отношенія орокъ, конечно, первобытны. Мужчины имъютъ столько женъ, сколько кто можетъ прокормить. Въ Тро третья жена считается уже роскошью. За каждую жену матери ея уплачивается калымъ, состоящій по большей части изъ китайской или японской матеріи въ количествъ около 30 аршинъ. Нельзя сказать, чтобы это было очень много, но въ обиходъ сахалинскаго инородца такая плата достается цѣной многольтняго боя тюленя, на

шкуры котораго вымънивается эта матерія. Мужчины ловять рыбу, бьють тюленей, а всё домашнія работы составляють обязанность женщинь. Въ особенности работящи старухи: съ утра до вечера онъ ръжуть рыбу, сдирають съ нея кожи, сшивають ихъ, чинять юрты и вообще за чёмъ-нибудь да копошатся.

Нечего и говорить, что сахалинскіе инородцы испов'ядують самую первобытную религію, какая только существуеть на земль. Они идолопоклонники-шаманисты. По ихъ представленію, каждая стихія, каждое выдающееся явленіе природы находится въ зав'ядываніи особаго божества. Существуеть, напримъръ, богъ воды, который непремънно требуеть, чтобы ему отдавали голову каждаго убитаго тюленя; поэтому намъ стоило большого труда добыть тюленій черепъ. Какая спеціальность божества въ образъ медвъдя, я не могъ узнать. Повидимому, это завъдующій тайгой. Въ особенности я не могъ добиться объясненія, почему ороки и гиляки пришли къ убъжденію, что этому богу пріятно быть събденному. Въроятно, просто потому, что онъ съъдобенъ. Всякія житейскія невзгоды устраняются у орокъ очень простыми средствами. У кого болять зубы, тоть носить на шев оленій зубь; чтобы вылючить хромую ногу, стоить только повъсить на себя деревянное подобіе ноги. Надо замътить, что матеріально инородцы цънять своихъ боговъ ровно во столько, сколько они того заслуживаютъ. Когда мы выразили желаніе пріобръсть въ свою коллекцію нъсколько орокскихъ боговъ, намъ натаскали ихъ целый ворохъ, и туть же началась настоящая торговля этими деревянными небожителями. Гилякъ, знавшій немного по-русски и служившій у насъ проводникомъ, сообщаль при этомъ цізны. "Одинъ большой богь-два папушка (табаку); два маленькій богь-три папушка, а вотъ этотъ богъ, -- говорилъ онъ, показывая какую-то чурочку, -мало, мало сухарь, куси, куси". Обязанность шамана въ Тро исполняла женщина. Разъ какъ-то она священнодъйствовала по поводу бользии мальчика. Я зашель въ юрту и, убъдившись въ томъ, что больной находился въ агоніи, черезъ переводчика предупредиль объ этомъ родичей мальчика. Дъйствительно, въ ту же ночь онъ умеръ. Съ тъхъ поръ у меня не было отбоя отъ больныхъ. Не только изъ Тро, но также изъ другихъ деревень являлись лихорадочные, слепые, хромые и всякіе другіе кальки, даже бездътныя женщины, и каждый изъ нихъ просиль помощи, при чемъ каждый показывалъ мнв на карманъ моего жилета, гдв находились часы.

Сначала я недоумъвалъ, что имъ нужно въ моемъ карманъ; потомъ, послъ объясненія гиляка-переводчика, оказалось, что передъ тъмъ, какъ сообщить о безнадежномъ положеніи больного мальчика, я поглядълъ на часы, что, конечно, было дъломъ простого случая. Ороки вообразили, что эта бълая штучка, издающая какіе-то странные звуки, и есть тотъ самый богъ, который или излъчиваетъ больныхъ, или, если уже смерть не желаетъ отпустить своей жертвы, предупреждаетъ объ этомъ. Больные смотръли на меня съ такимъ безконечнымъ довъріемъ, съ такой надеждой, что я, гръшный человъкъ, не въ силахъ былъ ихъ прогнать. Противъ всякаго моего желанія они заставили меня шардатанить. У меня было

немного хины, англійской соли и еще какой-то горькой безвредной дряни, и я принялся раздавать пріемы, кому что попадется. Результаты такого ліченія оказались блестящими, судя по многочисленнымъ благодарностямъ, которыя я потомъ получилъ. У хромого отъ англійской соле поправлялись ноги, хина излічивала болізнь глазъ, а известковая вода ставила на ноги разбитаго ревматизмомъ. По крайней мірті, въ этомъ уб'яждены были сами больные. Послі этого случая мні сталь понятень усп'яхъ знахарей, ворожей, заклинателей и всякихъ иныхъ вольныхъ или невольныхъ шарлатановъ.

Айно.

(Бродовича.)

Во время пребыванія моего на Сахалинъ пришлось мнъ встрътнться тамъ съ полудикимъ первобытнымъ племенемъ айносовъ, аинцевъ, айновъ, или, какъ они сами себя называютъ, "айно", что значитъ "человъкъ". Многіе ученые интересовались этимъ племенемъ, но къ окончательному результату относительно ихъ происхожденія не пришли. Нъвоторые видъли въ нихъ даже потомковъ евреевъ, зашедшихъ далеко на востокъ послѣ ихъ разселенія; другіе считали ихъ родственными монгольскимъ племенамъ и принадлежащими къ желтой расѣ; третъи предполагали въ нихъ родство съ полинезійцами и т. д. Сами айно о себъ говорять, что они происходять съ отдаленнаго съвера, гдѣ нътъ ня деревьевъ, ни птицъ. Достовърно одно, что айно въ доисторическое время заселяли весь японскій архипелагь, и многія долины, ръки, горы Японіи до сихъ поръ носятъ аинскія названія. Прибывшіе позже японцы постоянно вытъсняли айно все далѣе и далѣе въ съверу, истребляя вурь на островахъ Кіу-Сіу и Гондо (Нипонъ) тысячами.

Отступая къ сѣверу, попадая все въ менѣе удобныя условія для.
жизни, айно постепенно вымирали, уменьшались въ числѣ, и въ вастоящее время ихъ можно встрѣтить только въ сѣверной части острова

1езо и на югѣ Сахалина. Несмотря на постоянныя столкновенія съ японцами и зависимость отъ нихъ, айно до сихъ поръ сохранили всю свою
первобытность въ общественномъ и домашнемъ строѣ, да, повидимому,
и въ расовыхъ признакахъ. Это — большею частью малорослые, коренастые, смуглые и сильно волосатые люди, живущіе обособленно отъ
сосѣднихъ народовъ, промышляющіе охотой и рыболовствомъ. Лица у
нихъ широкія, плоскія, скуластыя, съ широко разставленными глазамя,
у мужчинъ съ длинными бородами и усами чернаго, отливающаго даже
синевою цвѣта; носъ довольно прямой, не очень широкъ и не приплоснутъ. Главною пищей айно служатъ рыба и мясо. Скотоводства, впро-

чемъ, у айно нѣтъ, и мясо доставляетъ имъ охота, соединенная съ немалыми трудностями. Крупнаго звѣря, медвѣдей, оленей, нерпъ и тюленей, съ каждымъ годомъ становится все меньше: они уходятъ въ болѣе отдаленныя мѣста и сильно истребляются колонистами Сахалина. Мелкаго звѣря и дичи айно убиваютъ очень мало за неимѣніемъ подходящаго оружія. Винтовки для такой охоты неудобны, да и ихъ у айно немного вслѣдствіе дороговизны: каждое ружье стоитъ въ Японіи отъ 30-ти до 45-ти руб., и айно уплачиваютъ эту сумму собольими шкурками, около 15 штукъ за каждое. Продукты охоты они пополняютъ чѣмъ только можно: выброшенный моремъ китъ, тюлень, акула привлекаютъ айно за десятви и сотни верстъ; они пользуются случаемъ, чтобы запастись мясомъ и жиромъ; послѣдній особенно для нихъ дорогъ, такъ какъ служитъ и для пищи, и для освѣщенія въ зимнее время. Но подобныя находки бываютъ очень рѣдко, и большую часть года приходится довольствоваться рыбой и собаками.

Собаки—главное богатство айно, это—его скотъ. Зимой онъ вздитъ на нихъ, запрягая въ нарты отъ 10-ти до 15-ти штукъ; при помощи ихъ находитъ онъ добычу въ тайгъ, ихъ же онъ и убиваетъ на празднествахъ и для угощенія гостей. Гостепріимство среди айно весьма развито, они постоянно въ сношеніяхъ между собою, узнаютъ и передаютъ новости и угощаются взаимно. Собакъ айно вдятъ свъже-убитыхъ. Содранную кожу выминаютъ на платье, а мясо варятъ и вдятъ съ удовольствіемъ. Въ обыкновенные дни, впрочемъ, употребляется для варки исключительно рыба. Громадное ея богатство на Сахалинъ даетъ возможность аинцамъ заготовить изрядное ея количество на зиму.

Не имъя надлежащихъ снастей и сътей, они довольствуются выбитой рыбой послъ метанія икры въ ръчкахъ Сахалина. Рыба эта, —исхудалая, тощая, съ кровоподтеками, называемая "зубаткой", —выбирается аинцами руками или черпаками; ръдко лучатъ ее острогой. Пойманную рыбу женщины и старики разръзають, вынимають кости, сущать, а затьмъ коптять надъ очагомъ, приготовляя такъ называемую юколу. Не всегда однако удается заготовить на зиму достаточное количество юколы. Ходъ рыбы кратковременный, и при ненастной погодъ, что бываеть весьма часто, она не провядивается достаточно, скоро портится и становится негодной. Притомъ самыхъ лучшихъ работниковъ привлекаютъ на свои промыслы японцы, соблазняя сравнительно приличной платой, до 20-ти руб. за сезонъ, продуктами (рисомъ, порохомъ, табакомъ, халатами и главнымъ образомъ саки—рисовой водкой). Какъ всъ дикари, айно очень много предаются пьянству; японцы пользуются ихъ слабостью и, иногда сильно спаивая ихъ и не жалья своей водки, пріобрътають за безцівновь продукты охоты (мізха) или заручаются ихь работой на лъто для промысловъ. Рыбой айно и самъ питается, и кормитъ своихъ собакъ, а также и медвъженка, обыкновенно выкармливаемаго почти каждой богатой юртой къ особому празднику. Женщины выкапывають еще льтомъ и сущатъ съвдобные клубни и корни нъкоторыхъ растеній, изъ которыхъ приготовляють коржики и лепешки на нерпичьемъ или тюленьемъ жиру; но всъхъ этихъ суррогатовъ хлъба далеко недостаточно, а ржаной хлъбъ считается большимъ и ръдкимъ лакомствомъ у айно.

Мужчины работають сравнительно меньше женщинъ. Во время лътняго хода рыбы они поражають своей выносливостью; выходя раннимъ утромъ, задолго до восхода солнца, они остаются на работъ до самыхъ позднихъ сумерекъ, почти не отдыхая среди дня. Зато зимой съ первымъ сильнымъ морозомъ или большимъ снъгомъ начинается полное бездъльничанье, шатанье по сосъднимъ юртамъ въ качествъ гостя, куреніе табаку и почти непрерывная ъда. Изръдка соберется айно на охоту для промысла шкурокъ и мяса. Женщина помогаетъ въ рыбной ловлъ, приготовляетъ юколу, варитъ пищу для работающаго на промыслахъ или на ръчкъ мужчины, выкапываетъ длиннымъ кривымъ ножомъ мучнистые корни, заготовляетъ ихъ впрокъ, кормитъ и воспитываетъ дътей, а зимой готовитъ для своихъ и для гостей иной разъ шесть и семь варокъ, шьетъ и вышиваетъ платье, ткетъ ткань, сучитъ и прядетъ нитки изъ крапивы, носитъ воду, собираетъ дрова и топитъ очагъ. Занята она круглый годъ съ утра до ночи.

Живуть айно либо въ землянкахъ, либо въ юртахъ. Землянокъ въ последнее время становится все меньше. Для приготовленія землянки выкалывають яму глубиною въ аршинъ съ небольшимъ, обносять кругомъ невысокой стъной на ивсколькихъ столбахъ, поверхъ кладутъ перекладины и на нихъ настилаютъ тростниковую солому; такою же соломой обкладывають и стыны, а въ потолкъ и крышъ, устроенной изъ коры, дълають отверстіе — окно, служащее вмъсть съ тъмъ дымоотводомъ для очага, который разводится посрединъ землянки. Кругомъ очага — небольшая загородка изъ досокъ, приставленныхъ къ четыремъ столбамъ посрединъ землянки. У одной стъны этого примитивнаго жилья устроенъ маленькій коридорчикъ и изъ него выходъ четому. Это-продъланное въ крышъ отверстіе съ задвижной, слегка ной дверью, къ которому приставленъ древесный пень, а на н лены стуocrpolim чо частью однако айно живуть въ ю пет руба безъ фундамента, прямо на 6 BCer узенькимъ коридоромъ, всь кото L JODEY падной ен стыть. Пр тодної TO BY CHACL священное окно, изъ BOC

выбрасывать соръ иль

ву. Въ южной ствив по

- 000 C

V STO

WF0e

Digitized by

и всякой надобности. Посрединъ юрты— очагъ съ четырьмя столбами по угламъ его; столбы украшены ръзьбой, иногда очень затъйливой. Между очагомъ и священнымъ окномъ — почетное мъсто, на которомъ усаживаютъ дорогихъ гостей, а за ихъ отсутствіемъ садится самъ хозяинъ юрты, и гдъ запрещено лежать дътямъ и женщинамъ; тутъ же въ углу подвъшены изображенія боговъ, "инау". Подъ ними и къ съверной стънъ стоятъ сундуки или ящики съ пожитками и оружіемъ; по этой же стънъ идутъ нары для домашнихъ, а у противоположной, южной — нары для гостей. Направо отъ входа — полки съ домашнею утварью. Полъ въ юртъ положенъ прямо на землю; придъланы доски одна къ другой очень не-

Гилякъ на охотъ.

аккуратно, и между нихъ громадныя щели. Стъны тоже приходятся не вплотную, а потому на зиму ихъ обшиваютъ соломой или обставляютъ щитами изъ рогожъ. Нары покрыты цыновками, сплетенными изъ соломы или тростника; подъ головы вмъсто подушекъ кладется свертокъ рогожъ наподобіе японскихъ подушекъ.

Спять айно літомъ въ дневномъ платьї, зимой покрываются сверху собачьими и нерпичьими шкурами; лежать головами къ стінів, ногами къ очагу. Очагь горить весь день; надъ пимъ висить котель съ варящейся въ немъ юколой или мясомъ съ рисомъ, а еще выше виситъ вяленая рыба. загораживая свободный выходъ дыму. Зимой, когда вход

дверь закрыта, юрта наполняется вдкимъ отъ сырого дерева дымомъ, отчего верхняя часть ствнъ и столбовъ становится совершенно черною в покрывается блестящимъ налетомъ. Ночью разводить огонь считается грѣхомъ, въ золѣ тлѣютъ только уголья, а потому юрта страшно остываетъ.

Поодаль отъ юрты устроены амбары и склады для юколы, шкурь, корней и всего съёдобнаго на зиму. Амбары эти стоятъ на высокихъ столбахъ словно на ножкахъ, въ огражденіе отъ сырости, и на этихъ столбахъ устроены изъ коры шляпки, смотрящія внизъ, для огражденія продуктовъ отъ крысъ и мышей. Посудой служатъ раковины разной величины и формы, берестяные сосуды съ изящными рёзными узорами, желудки и пузыри большихъ животныхъ, въ которыхъ держится вода и сохраняется жиръ, и, наконецъ, особаго вида ложки-палочки, служащія для придерживанія усовъ во время ёды и питья густой рисовой водки. У очень немногихъ можно встрётить глиняные горшки. Столоиъ служитъ небольшая доска, на которой женщины приготовляютъ для стряпни провизію, крошатъ клубни и корни и выкатываютъ лепешки.

Одежда аинцевъ очень проста. Ее составляють самодъльный халать изъ крапивной ткани или бумажный японского издёлія, надётый на голое тьло, безь рубахи, короткія до кольнь шаровары и тряпичныя завязки на голеняхъ до лодыжекъ. Лътомъ большею частью ходять босикомъ, на зиму надъваютъ сапоги (бродни) изъ рыбъей кожи, для большей теплоты общивая ихъ мъхомъ; только на японскихъ рыбалкахъ льтомъ носять они соломенныя сандаліи, получаемыя оть работодателей. Льтомъ во время жаровъ нередко можно видьть айно за работой съ одной только повязкой около пояса. Зимой поверхъ бумажнаго халата айно надъваеть мъховой халать изъ тюленьей, нерпичьей или собачьей шкуры. Ходять въ теплое время съ непокрытой головой, подвязывая длиные волосы ремнемъ или жгутомъ, чтобы не мъщали работать. Зимой носять на Сахалинъ піапки русскаго образца. Дъти ходять либо совсъмъ нагія, либо въ маленькихъ халатикахъ и рубахахъ подобно старшимъ. Женщины одъваются сходно съ мужчинами, только платье ихъ значительно длиннъе. Шея увъщана бусами и маленькими раковинками, на головъ накинуть иногда платочекъ. Свои будничные халаты айно никогда не

ть и не снимають, носять до твхъ поръ, пока они сами съ нихъ я; сушать также на себв передъ очагомъ. Праздничное платье то расшито цвътными нитками или раскрашено интересными эмъ того, айно татуирують себъ кожу, выводя на груди и коновъ, сказочныхъ звърей и птицъ, что считается больпеніемъ. Въ послъднее время однако эти татуировки провенено умъло и вообще выходятъ изъ моды. Даже обявыведеніе черныхъ усовъ замужними женщинами теряетъ свое

прежнее значеніе, и съ каждымъ покольніемъ усы рисуются меньшихъ размівровъ, а иногда ихъ и вовсе не видно.

Върованія айно представляють смъсь политеизма и шаманизма или анимизма. Они поклоняются солнцу и небу, звъздамъ и морю, миеическому дракону и реальному медвъдю. Но во главъ всъхъ стоить какос-то божество, управляющее всъмъ міромъ. Никакой работы или предпріятія не начинають эти волосатые рыболовы безъ молитвы, которую совершають передъ священнымъ окномъ восточной стъны юрты. Въ важныхъ случаяхъ призываются шаманы.

Во всъхъ счастливыхъ и несчастныхъ случаяхъ, передъ началомъ важныхъ предпріятій и т. д. айно совершаютъ жертвоприношенія, бросаютъ въ воду или огонь "инау" или части убиваемыхъ животныхъ. Ни одно животное не убивается ими однако при такихъ церемоніяхъ, какъ медвъдь, почитаемый у нихъ священнымъ.

· Культъ медвъдя сближаетъ отчасти айно съ другими народами Сибири. У айно пойманный медвъженокъ, помъщенный въ особой клъткъ у юрты, вскармливается дъвицей, которая носить ему юколу и воду, заботится о немъ, какъ о своемъ дътищъ, въ продолжение года, а иногда и нъсколькихъ лътъ. Когда медвъженокъ выросъ, но не достигь еще полной эрълости, назначается день праздника, обыкновенно позднею осенью или зимой. Со всъхъ окрестныхъ юртъ, а иногда за сотни верстъ, стекается народъ въ самыхъ роскошныхъ костюмахъ. Старцы украшаютъ свои волосы листьями и стружками "инау", молодежь бреетъ себъ часть головы со лба. Наканунъ празднества выборный отъ всъхъ принимающихъ участіе въ празднествъ подходить къ кльткъ, становится на кольни и въ горячихъ словахъ приносить медвъдю извинение отъ всего народа за предстоящую ему смерть и принесеніе его въ жертву. На слідующій день, какъ только покажутся первые лучи солнца, медвъдя берутъ на два аркана и обводять передъ выстроившимися въ рядъ участниками праздника; при этомъ всв по очереди пускають въ него стрвлы изъ длиннаго лука. Раненаго сотнями стрълъ звъря подводятъ къ особаго рода станку, гдъ его душатъ общими силами между двухъ бревенъ. Убитому медвідю отрізають голову и поднимають ее на высокій шесть; затемъ снимаютъ шкуру, а тушу вешають у священнаго окна, где она висить два дня. Все это время айно пирують, ъдять рыбу, рисовую кашу и выпивають неимовърное количество саки собственнаго приготовленія. За іздой разсказывають легенды, курять японскій и манчжурскій табакъ и поють пъсни на два только однообразныхъ мотива, прерываемыхъ трелями и кончающихся всегда внезапнымъ паденіемъ съ высшихъ ноть на самыя низкія. Півніе это происходить подътавкомпанименть инструмента, называемаго "муккири" и состоящаго изъ ящика съ вырт заннымъ отверстіемъ и одной струны, конецъ которой играющій держи

въ зубахъ. Пъсни содержать въ себъ импровизаціи на тему послъднихъ болье важныхъ событій, оставившихъ впечатльніе на пъвца; либо это старыя легенды, либо, наконецъ, въ нихъ воспъвается смерть убитаго медвъдя, при чемъ женщины поють: "Мы взяли тебя маленькимъ, любили тебя, кормили, а теперь убиваемъ тебя; но не мы тебя убиваемъ, а острыя стрълы, не мы натягиваемъ тетиву лука нашего, но душа нашего племени".

Жизнь айно патріархальная; старшій въ родів является начальникомъ, онъ занимаетъ почетное місто у очага, имість первенство въ совіті, голось его является рішающимъ. Нісколько родовъ выбираютъ своего представителя, старшину-начальника. Онъ назначаетъ міста для юртъ и землянокъ, становится во главі охоты и рыбной ловли, ведеть переговоры съ сосідями и администраціей; безъ него айно не рішають ни одного общественнаго вопроса.

Несмотря на видимую сплоченность аинскаго племени, жить ему становится все тёснёе и труднёе. На Іезо оть морского берега оттёсняють ихъ японцы, на Сахалинё—тё же японцы и ссыльно-поселенцы. Рыбная ловля у нихъ никогда не производилась правильно, а въ охотё мёшають и правила объ охоте, и наплывъ ссыльнаго люда, обладающаго лучшими, чёмъ аинцы, ружьями и большею смёлостью. Живя обособленно, айно не стремятся къ лучшему существованію; сліяніе ихъ съ сосёдями, японцами и русскими, едва ли возможно, тёмъ болёе, что обё націи смотрять презрительно на айно, главнымъ образомъ за ихъ неразборчивость въ ёдё и употребленіе въ пищу падали и собакъ. Частыя же эпидеміи и вообще нездоровыя условія жизни вызывають сильное вымираніе этого племени и позволяють предвидёть даже совершенное исчезновеніе его въ недалекомъ будущемъ съ лица земли.

